

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин

Двое на телеге

Дождь, дождь, дождь... Мелкий, назойливый, с легким шумом сеял день и ночь. Избы, дома, деревья – все намокло. Сквозь ровный шорох дождя слышалось только, как всплескивала, журчала и булькала вода. Порой проглядывало солнышко, освещало падающую сетку дождя и опять закутывалось в лохматые тучи.

...По грязной издавленной дороге двигалась одинокая повозка. Рослая гнедая лошадь устала, глубоко проваливалась боками, но время от времени еще трусила рысью. Двое на телеге вымокли до основания и сидели, понуриив головы. Старик-возница часто вытирал рукавом фуфайки волосатое лицо и сердито ворчал:

– Погодка, черт тебя надавал... Добрый хозяин собаку из дома не выпустит...

За его спиной, укывшись легким плащом, тряслась на охапке мокрой травы маленькая девушка с большими серыми глазами. Охватив руками колени, она безразлично смотрела на далекие скирды соломы.

Рано утром эта «сорока», как про себя назвал ее сердитый возница, шумно влетела к нему в избу и подала записку: «Семен Захарович, отвези, пожалуйста, нашего фельдшера в Березовку. Это до крайности необходимо. А машина у нас на ремонте. Квасов». Захарыч прочитал записку, вышел на крыльцо, постоял под дождиком и, войдя в избу, бросил старухе:

– Собери.

Ехать не хотелось, и, наверно, поэтому бойкая девушка не понравилась Захарычу – он сердито не замечал ее. Кроме того, злила хитрость председателя с этим его «пожалуйста». Не будь записки и не будь там этого слова, он ни за что не поехал бы в такую непогодь.

Захарыч долго возился, запрягая Гнедуху, толкал ее кулаком и, думая о записке, громко ворчал:

– Становись, пожалуйста, в оглобли, дура окаянная!

Когда выехали со двора, девушка пробовала заговорить с возницей: спрашивала, не болит ли чего-нибудь у него, много ли снега бывает тут зимой... Захарыч отвечал неохотно. Разговор явно не клеился, и девушка, отвернувшись от него, начала негромко петь, но скоро замолчала и задумалась. Захарыч, суетливо подергивая вожжи, тихо ругался про себя. Он всю жизнь кого-нибудь ругал. Теперь доставалось председателю и этой «сороке», которой приспичило именно теперь ехать в Березовку.

– Ххе-е... жизнь... Когда уж только смерть придет. Нно-о, журавь!

Они с трудом выехали на гору. Дождь припустил еще сильнее. Телега качалась, скользила, точно плыла по черной жирной реке.

– Ну и погодушка, чтоб тебя черти... – ругался Захарыч и уныло тянул: – Но-о-о, уснула-а-а...

Казалось, этому пути, дождю и ворчанию старика не будет конца. Но вдруг Захарыч беспокойно заерзал и, полуобернувшись к спутнице, весело прокричал:

– Что, хирургия, небось замерзла?

– Да, холодно, – призналась она.

– То-то. Сейчас бы чайку горячего, как думаешь?

– А что, скоро Березовка?

– Скоро Медоухино, – лукаво ответил старик и, почему-то рассмеявшись, погнал

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
лошадь: – Но-о, ядрена Матрена!

Телега свернула с дороги и покатила под гору, прямо по целине, тарахтя и подпрыгивая. Захарыч молодецки покрикивал, лихо крутил вожжами. Скоро в логу, среди стройных березок, показалась одинокая старая избушка. Над избушкой струился синий дымок, растягиваясь по березняку слоистым голубым туманом. В маленьком окошке светился огонек. Все это очень походило на сказку. Откуда-то выкатились два огромных пса, кинулись под ноги лошади. Захарыч соскочил с телеги, отогнал бичом собак и повел лошадь во двор.

Девушка с любопытством осматривалась и, когда заметила в сторонке между деревьями ряды ульев, догадалась, что это пасека.

– Бежи отогревайся! – крикнул Захарыч и стал распрягать лошадь.

Прыгнув с телеги, девушка тотчас присела от резкой боли в ногах.

– Что? Отсидела?.. Пройдись маленько, они отойдут, – посоветовал Захарыч.

Он бросил Гнедухе охапку травы и первый потрусил в избушку, отряхивая на ходу мокрую шапку.

В избушке пахло медом. Перед камельком стоял на коленях белоголовый старик в черной сатиновой рубаше и подбрасывал дрова. В камельке весело гудело и потрескивало. На полу затейливо трепетали пятна света. В переднем углу мигала семилитровая лампа. В избушке было так тепло и уютно, что девушке даже подумалось: не задремала ли она, сидя в телеге, не снится ли ей все это? Хозяин поднялся навстречу неожиданным гостям – он оказался очень высоким и слегка сутулился, – отряхнул колени и, прищурив глаза, сказал глуховато:

– Доброго здоровья, люди добрые.

– Там добрые или нет – не знаю, – ответил Захарыч, пожимая руку старому знакомому, – а вот промокли мы изрядно.

Хозяин помог девушке раздеться, подбросил еще в камелек. Он двигался по избушке не торопясь, делал все спокойно и уверенно. Захарыч, устроившись у камелька, блаженно кряхтел и приговаривал:

– Ну и благодать же у тебя, Семен. Прямо рай. И чего я пасечником не сделался – ума не приложу.

– По какому же делу едете? – спросил хозяин, поглядывая на девушку.

– А вон с доктором в Березовку едем, – объяснил Захарыч. – Ну, помочил он нас... Хоть выжимай, язвы его совсем...

– Доктор, значит, будете? – спросил пасечник.

– Фельдшер, – поправила девушка.

– А-а... Смотри-ка, молодая какая, а уже... Ну, согревайся, согревайся. А мы тем делом сообразим чего-нибудь.

Девушке было так хорошо, что она невольно подумала: «Все-таки правильно, что я сюда поехала. Вот где действительно... жизнь». Ей захотелось сказать старикам что-нибудь приятное.

– Дедушка, а вы весь год здесь живете? – спросила она первое, что пришло в голову.

– Весь год, дочка.

– Не скучаете?

– Хе!.. Какая нам теперь скука. Мы свое спели.

– Ты тут, наверно, всю жизнь насквозь продумал, один-то? Тебе бы сейчас учителем

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru работать, – заметил Захарыч.

Пасечник достал из-под пола берестовый туесок с медовухой и налил всем по кружке. Захарыч даже слюну глотнул, однако кружку принял не торопясь, с достоинством. Девушка застыдилась, стала отказываться, но оба старика настойчиво уговаривали, разъяняя, что «с устатку и с холода это – первейшее дело». Она выпила полкружки.

Вскипел чайник. Сели пить чай с медом. Девушка раскраснелась, в голове у нее приятно зашумело, и на душе стало легко, как в праздник. Старики вспоминали каких-то кумовьев. Пасечник раза два покосился на улыбающуюся девушку и показал на нее глазами Захарычу.

– Тебя, дочка, как звать-то? – спросил он.

– Наташей.

Захарыч отечески похлопал Наташу по плечу и сказал:

– Ведь она, слушай, ни разу не пожаловалась даже, что холодно, мол, дедушка. От другой бы слез не обобрался.

– А вон у ней, видишь, – указал пасечник на комсомольский значок и добавил: – Они молодцы!

Наташе вдруг захотелось рассказать что-нибудь особенное о себе.

– Вы вот, дедушка, ругались давеча, а ведь это я сама попросилась ехать в Березовку.

– Да ну? – изумился Захарыч. – И охота тебе?

– Нужно – значит, охота, – задорно ответила Наташа и покраснела. – Лекарство одно в нашей аптеке кончилось, а оно очень необходимо.

– Хэх ты!.. – Захарыч крутнул головой и решительно заявил: – Только сегодня мы уж никуда не поедем.

Наташа перестала улыбаться. Старики снова принялись за свой разговор. За окном было уже темно. Ветер горстями сыпал в стекло дождь, тоскливо скрипела ставня. Девушка встала из-за стола и присела у печки. Ей вспомнился врач – толстый, угрюмый человек. Провожая ее, он говорил: «Смотрите, Зиновьева... Погода-то больно того. Простудитесь еще. Может, нам кого-нибудь другого послать?» Наташа представила, как доктор, узнав, что она пережидала непогоду на пасеке, посмотрит на нее и подумает: «Я ведь и не ожидал от тебя ничего такого. Молоды вы и слабоваты. Это извинительно», – а вслух, наверное, скажет: «Ничего, ничего, Зиновьева». Вспомнилось также, как пасечник посмотрел на ее комсомольский значок... Она резко поднялась и сказала:

– Дедушка, мы все-таки поедем сегодня, – и стала одеваться.

Захарыч обернулся и вопросительно уставился на нее.

– В Березовку за лекарством поедем, – упрямо повторила она. – Вы понимаете, товарищи, мы просто... мы не имеем права сидеть и ждать!.. Там больные люди. Им нужна помощь!..

Старики изумленно смотрели на нее, а девушка, ничего не замечая, продолжала убеждать их. Пальцы ее рук сжались в тугие, острые кулачки. Она стояла перед ними маленькая, счастливая и с необыкновенной любовью и смущением призывала больших, взрослых людей понять, что главное – это не жалеть себя!..

Старики все так же с удивлением смотрели на нее и, кажется, ждали еще чего-то. Счастливый блеск в глазах девушки постепенно сменился выражением горькой обиды: они совсем не поняли ее! И старики показались ей вдруг не такими уж умными и хорошими. Наташа выбежала из избышки, прислонилась к косяку и заплакала... Было уже темно. По крыше уныло шуршал дождь. На крыльцо с карниза дробно шлепались капли. Перед окном избышки лежал желтый квадрат света. Жирная грязь блестела в

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
этом квадрате, как масло. В углу двора, невидимая, фыркала и хрустела травой
лошадь...

Наташа не заметила, как на улицу вышел хозяин.

– Где ты, дочка? – негромко позвал он.

– Здесь.

– Ну-ка, пошли в избу, – пасечник взял ее за руку и повел за собой. Наташа покорно шла, вытирая на ходу слезы. Когда они появились в избушке, Захарыч суетливо копошился в темном углу, отыскивая что-то.

– Эка ты! Шапку куда-то забросил, язви ее, – ворчал он.

А пасечник, подкладывая в печку, тоже несколько смущенный, говорил:

– На нас не надо обижаться, дочка. Нам лучше разъяснить лишний раз... А это ты хорошо делаешь, что о людях заботишься так. Молодец.

Наконец Захарыч нашел шапку. На Наташу вместо пальто надели большой полушубок и брезентовый плащ. Она стояла посреди избы неуклюжая и смешная, поглядывая из-под башлыка мокрыми веселыми глазами и шмыгая носом. А вокруг нее хлопотали виноватые старики, соображая, что бы еще надеть на нее...

Через некоторое время телега снова мягко катилась по дороге, и на ней снова тряслись два человека.

По-прежнему ровно шумел дождь; обочь дороги, в канавках, тихонько булькало и хлюпало.

Лида приехала
В купе, в котором ехала Лида, было очень весело.

Каждый день «резались в подкидного».

Шлепали картами по чемодану и громко кричали:

– Ходите! Вам же ходить!.. Тэк... секундочку... опп! Ха-ха!..

Лида играла плохо. Все смеялись над ее промахами. Она сама смеялась – ей нравилось, что она такая неумелая и хорошенькая, «очаровашка».

Этот ее смех так надоел всем в вагоне, что никого уже не раздражал.

Привыкли.

Он напоминал звук рассыпаемой на цементный пол мелочи.

Удивительно, как она не уставала.

А вечерами, когда из купе расходились, Лида стояла в коридоре у окна.

Кто-нибудь подходил.

Беседовали.

– Ой, как хочется скорей уже в Москву, вы себе не представляете! – говорила Лида, закинув за голову полные белые руки. – Милая Москва.

– Гостить куда-нибудь ездили?

– Нет, я с Новых земель.

– В отпуск?

– Совсем, что вы!..

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
И она, облизывая красивые ярко-красные губы, рассказывала, что это такое – Новые земли.

– Нас привезли в такую глушь, вы себе не представляете. Вот – поселок, да? А вокруг – поля, поля... Кино – раз в неделю. Представляете?

– А вы работали там?

– Да! Знаете, заставили возить на быках этот... – Лида сконфуженно морщилась, – ну, поля удобряют...

– Навоз?

– Да. А быки такие вредины! Им говоришь: «но!», а они стоят, как идиоты. Ребята у нас называли их Му-2. Ха-ха-ха... Я так нервничала (она произносит нервно) первое время (первое время), вы себе не представляете. Написала папе, а он отвечает: «Что, дуруха, узнала теперь, почему фунт лиха?» Он у нас шутник ужасный. У вас есть сигаретка?

...Встречали Лиду отец, мать и две тетки. Лида бросилась всех обнимать... Даже всплакнула.

Все понимающе улыбались и наперебой спрашивали:

– Ну как?

Лида вытирала пухлой ладошкой счастливые слезы и несколько раз начинала рассказывать:

– Ой, вы себе не представляете!..

Но ее не слушали – улыбались, говорили сами и снова спрашивали:

– Ну как?

Поехали домой, за город.

...Увидев свой дом, Лида бросила чемодан и, раскинув белые ручки, побежала вперед.

Сзади понимающе заговорили:

– Вот оно как – на чужой-то сторонкушке.

– Да-а, это тебе... гляди-ка: бежит, бежит!

– И ведь ничего не могли поделать: заладила свое: поеду, и все. «Другие едут, и я поеду», – рассказывала мать Лиды, сморкаясь в платок. – Ну вот, съездила... узнала.

– Молодежь, молодежь, – скрипела тетя с красным лицом.

Потом Лида ходила по комнатам большого дома и громко спрашивала:

– Ой, а это когда купили?

Мать или отец отвечали:

– Этой зимой еще, перед Новым годом. Полторы тыщи стало.

Пришел молодой человек с книжками и с множеством значков на груди – новый квартирант, студент.

Их знакомил сам отец.

– Наша новаторша, – сказал он, глядя на дочь с тонкой снисходительной усмешкой.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Лида ласково и значительно посмотрела на квартиранта. Тот почему-то смутился, кашлянул в ладонь.

– Вы в каком? – спросила Лида.

– В педагогическом.

– На каком факе?

– На физико-математическом.

– Будущий физик, – пояснил отец и ласково потрепал молодого человека по плечу. – Ну вам небось поговорить хочется... Я пошагал в магазин. – Он ушел.

Лида опять значительно посмотрела на квартиранта. И улыбнулась.

– У вас есть сигаретка?

Квартирант вконец смутился и сказал, что он не курит. И сел с книжками к столу.

Потом сидели родственным кружком, выпивали.

Студент тоже сидел вместе со всеми; он попробовал было отказаться, но на него обиделись самым серьезным образом, и он сел.

Отец Лиды – чернявый человек с большой бородавкой на подбородке и с круглой розовой плешинкой на голове, с красными влажными губами, – прищурившись, смотрел на дочь.

Потом склонялся к квартиранту, жарко дышал ему в ухо, шептал:

– Ну, скажите, если уж честно: таких ли хрупких созданий посылать на эти... на земли? А? Кого они агитируют! Тоже, по-моему, неправильно делают. Ты попробуй меня сагитируй!..

Глаза его маслено блестели.

Он осторожно икал и вытирал губы салфеткой.

– А таких зачем? Это ж... эк... это ж – сосуд, который... эк... надо хранить. А?

Молодой человек краснел и упорно смотрел в свою тарелку.

А Лида болтала ногами под столом, весело смотрела на квартиранта и, капризная, кричала:

– Ой, ну почему вы мед не кушаете? Мама, ну почему он мед не кушает!

Студент кушал мед.

Все за столом разговаривали очень громко, перебивали друг друга.

Говорили о кровельном железе, о сараях, о том, что какого-то Николая Савельича скоро «сломают» и Николай Савельич получит «восемнадцать метров».

Толстая тетя с красным носом все учила Лиду:

– А теперь, Лидуся... слышишь? Теперь ты должна... как девушка!.. – Тетя стучала пальцем по столу. – Теперь ты должна...

Лида плохо слушала, вертелась, тоже очень громко спрашивала:

– Мама, у нас сохранилось то варенье, из крыжовника? Положи ему. – И весело смотрела на квартиранта.

Отец Лиды склонялся к студенту и шептал:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Заботится... а? – И тихо смеялся.

– Да, – говорил студент и смотрел на дверь. Непонятно было, к чему он говорит это «да».

Под конец отец Лиды залез ему в самое ухо:

– Ты думаешь, он мне легко достался, этот домик... эк... взять хотя бы?.. Сто двенадцать тыщ – как один рупь... эк... на! А откуда они у меня? Я ж не лауреат какой-нибудь. Я ж получаю всего девятьсот восемьдесят на руки. Ну?.. А потому что вот эту штуку на плечах имею. – Он похлопал себя по лбу. – А вы с какими-то землями!.. Кто туда едет? Кого приперло. Кто свою жизнь не умеет наладить, да еще вот такие глупышки вроде дочки моей... Ох, Лидка! Лидка! – Отец Лиды слез со студента и вытер губы салфеткой. Потом снова повернулся к студенту: – А сейчас поняла – не нарадуется, сидит в родительском доме. Обманывают вас, молодых...

Студент отодвинул от себя хрустальную вазочку с вареньем, повернулся к хозяину и сказал довольно громко:

– До чего же вы бессовестный! Просто удивительно. Противно смотреть.

Отец Лиды опешил... открыл рот и перестал икать.

– Ты... вы это на полном серьезе?

– Уйду я от вас. Ну и хамье... Как только не стыдно! – Студент встал и пошел в свою комнату.

– Сопляк! – громко сказал ему вслед отец Лиды.

Все молчали.

Лида испуганно и удивленно моргала красивыми голубыми глазами.

– Сопляк!! – еще раз сказал отец и встал и бросил салфетку на стол, в вазочку с вареньем. – Он меня учить будет!

Студент появился в дверях с чемоданом в руках, в плаще... Положил на стол деньги.

– Вот – за полмесяца. Маяковского на вас нет! – И ушел.

– Сопляк!!! – послал ему вслед отец Лиды и сел.

– Папка, ну что ты делаешь?! – чуть не со слезами воскликнула Лида.

– Что «папка»? Папка... Каждая гнида будет учить в своем доме! Ты молчи сиди, прижми хвост. Прокатилась? Нагулялась? Ну и сиди помалкивай. Я все эти ваши штучки знаю! – Отец застучал пальцем по столу, обращаясь к жене и к дочери. – Принесите, принесите у меня в подоле... Выгоню обоих! Не побоюсь позора!

Лида встала и пошла в другую комнату.

Стало тихо.

Толстая тетя с красным лицом поднялась из-за стола и, охая, пошла к порогу.

– Итить надо домой... засиделась у вас. Ох, господи, господи, прости нас, грешных.

...В лидиной комнате тихо забулькал радиоприемник – Лида искала музыку.

Ей было грустно.

Светлые души

Михайло Беспалов полторы недели не был дома: возили зерно из далеких глубин.

Приехал в субботу, когда солнце уже садилось. На машине. Долго выруливал в узкие ворота, сотрясая застоявшийся теплый воздух гулом мотора.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Въехал, заглушил мотор, открыл капот и залез под него.

Из избы вышла жена Михайлы, Анна, молодая круглолицая баба. Постояла на крыльце, посмотрела на мужа и обиженно заметила:

– Ты б хоть поздороваться зашел.

– Здорово, Нюся! – приветливо сказал Михайло и пошевелил ногами в знак того, что он все понимает, но очень сейчас занят.

Анна ушла в избу, громко хлопнув дверью.

Михайло пришел через полчаса.

Анна сидела в переднем углу, скрестив руки на высокой груди. Смотрела в окно. На стук двери не повела бровью.

– Ты чего? – спросил Михайло.

– Ничего.

– Вроде сердисься?

– Ну что ты! Разве можно на трудящий народ сердиться? – с неумелой насмешкой и горечью возразила Анна.

Михайло неловко потоптался на месте. Сел на скамейку у печки, стал разуваться.

Анна глянула на него и всплеснула руками:

– Мамочка родимая! Грязный-то!..

– Пыль, – объяснил Михайло, засовывая портянки в сапоги.

Анна подошла к нему, разняла на лбу спутанные волосы, потрогала ладонками небритые щеки мужа и жадно прильнула горячими губами к его потрескавшимся, солоновато-жестким, пропахшим табаком и бензином губам.

– Прямо места живого не найдешь, господи ты мой! – жарко шептала она, близко разглядывая его лицо.

Михайло прижимал к груди податливое мягкое тело и счастливо гудел:

– Замараю ж я тебя всю, дуреха такая!..

– Ну и марай... марай, не думай! Побольше бы так марал!

– Соскучилась небось?

– Соскучишься! Уедет на целый месяц..

– Где же на месяц? Эх ты... акварель!

– Пусти, пойду баню посмотрю. Готовься. Белье вон на ящике. – Она ушла.

Михайло, ступая догоряча натруженными ногами по прохладным доскам вымытого пола, прошел в сени, долго копался в углу среди старых замков, железяк, мотков проволоки: что-то искал. Потом вышел на крыльцо, крикнул жене:

– Ань! Ты, случайно, не видела карбюратор?

– Какой карбюратор?

– Ну такой... с трубочками!

– Не видела я никаких карбюраторов! Началось там опять...

Михайло потер ладонью щеку, посмотрел на машину, ушел в избу. Поискал еще под

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
печкой, заглянул под кровать... Карбюратора нигде не было.

Пришла Анна.

– Собрался?

– Тут, понимаешь... штука одна потерялась, – сокрушенно заговорил Михайло. – Куда она, окаянная?

– Господи! – Анна поджала малиновые губы. На глазах ее заблестели светлые капельки слез. – Ни стыда ни совести у человека! Побудь ты хозяином в доме! Приедет раз в год и то никак не может расстаться со своими штуками...

Михайло поспешно подошел к жене.

– Чего сделать, Нюся?

– Сядь со мной. – Анна смахнула слезы.

Сели.

– У Василисы Калугиной есть полупальто плюшевое... хоро-ошенькое! Видел, наверно, она в нем по воскресеньям на базар ездит!

Михайло на всякий случай сказал:

– Ага! Такое, знаешь... – Михайло хотел показать, какое пальто у Василисы, но скорее показал, как сама Василиса ходит: вихляясь без меры. Ему очень хотелось угодить жене.

– Вот. Она это полупальто продает. Просит четыре сотни.

– Так... – Михайло не знал, много это или мало.

– Так вот я думаю: купить бы его? А тебе на пальто соберем ближе к зиме. Шибко оно глянется мне, Миша. Я давеча примерила – как влитое сидит!

Михайло тронул ладонью свою выпуклую грудь.

– Взять это полупальто. Чего тут думать?

– погоди ты! Разлысил лоб... Денег-то нету. А я вот что придумала: давай продадим одну овечку! А себе ягненка возьмем...

– Правильно! – воскликнул Михайло.

– Что правильно?

– Продать овечку.

– Тебе хоть все продать! – Анна даже поморщилась.

Михайло растерянно заморгал добрыми глазами.

– Сама же говорит, елки зеленые!

– Так я говорю, а ты пожалей. А то я – продать, и ты – продать. Ну и распродадим так все на свете!

Михайло открыто залюбовался женой.

– Какая ты у меня... головастая!

Анна покраснела от похвалы.

– Разглядел только...

Из бани возвращались поздно. Уже стемнело.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Михайло по дороге отстал. Анна с крыльца услышала, как скрипнула дверца кабины.

– Миша!

– Аиньки! Я сейчас, Нюся, воду из радиатора спущу.

– Замараешь белье-то!

Михайло в ответ зазвякал гаечным ключом.

– Миша!

– Одну минуту, Нюся.

– Я говорю, замараешь белье-то!

– Я же не прижимаюсь к ней.

Анна скинула с пробоя дверную цепочку и осталась ждать мужа на крыльце.

Михайло, мелькая во тьме кальсонами, походил около машины, вздохнул, положил ключ на крыло, направился к избе.

– Ну, сделал?

– Надо бы карбюратор посмотреть. Стрелять что-то начала.

– Ты ее не целуешь, случайно? Ведь за мной в женихах так не ухаживал, как за ней, черт ее надавал, проклятую! – рассердилась Анна.

– Ну вот... При чем она здесь?

– При том. Жизни никакой нету.

В избе было чисто, тепло. На шестке весело гудел самовар.

Михайло прилег на кровать; Анна собирала на стол ужин.

Неслышно ходила по избе, носила бесконечные туески, кринки и рассказывала последние новости:

– ...Он уж было закрывать собрался магазин свой. А тот – то ли поджидал специально тут и был! «Здрасти, – говорит, – я ревизор...»

– Хэх! Ну? – Михайло слушал.

– Ну, тот туда-сюда – заегозил. Тыр-пыр – семь дыр, а выскочить некуда. Да. Хворым прикинулся...

– А ревизор что?

– А ревизор свое гнет: «Давайте делать ревизию». Опытный попался.

– Тэк. Влопался, голубчик?

– Всю ночь сидели. А утром нашего Ганю прямо из магазина да в КПЗ.

– Сколько дали?

– Еще не судили. Во вторник суд будет. А за ними давно уж народ замечал. Зюечка-то его последнее время в день по два раза переодевалась. Не знала, какое платье надеть. Как на пропасть! А сейчас ноет ходит: «Может, ошибка еще». Ошибка! Ганя ошибется!

Михайло задумался о чем-то.

За окнами стало светло: взошла луна. Где-то за деревней голосила поздняя

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Гармонь.

– Садись, Миша.

Михайло задавил в пальцах окурков, скрипнул кроватью.

– У нас одеяло какое-нибудь старое есть? – спросил он.

– Зачем?

– А в кузов постелить. Зерна много сыплется.

– Что они, не могут вам брезенты выдать?

– Их пока жареный петух не клюнет – не хватятся. Все обещают.

– Завтра найдем чего-нибудь.

Ужинали не торопясь, долго.

Анна слазила в подпол, нацедила ковшик медовухи – для пробы.

– Ну-ка, оцени.

Михайло одним духом осушил ковш, отер губы и только после этого выдохнул:

– Ох... хороша-а!

– К празднику совсем дойдет. Ешь теперь. Прямо с лица весь опал. Ты шибко уж дурной, Миша, до работы. Нельзя так. Другие, посмотришь, гладкие приедут, как боровья... сытые – загляденье! А на тебя смотреть страшно.

– Ничего-о, – гудел Михайло. – Как у вас тут?

– Рожь сортируем. Пылица!.. Бери вон блинцы со сметанкой. Из новой пшеницы. Хлеба-то нынче сколько, Миша! Прямо страсть берет. Куда уж его столько?

– Нужно. Весь СССР прокормить – это... одна шестая часть.

– Ешь, ешь! Люблю смотреть, как ты ешь. Иной раз аж слезы наворачиваются почему-то.

Михайло покраснелся, глаза заискрились веселой лаской. Смотрел на жену, как будто хотел сказать ей что-то очень нежное. Но, видно, не находил нужного слова.

Спать легли совсем поздно.

В окна лился негреющий серебристый свет. На полу, в светлом квадрате, шевелилось темное кружево теней.

Гармонь ушла на покой. Теперь только далеко в степи ровно, на одной ноте, гудел одинокий трактор.

– Ночь-то! – восторженно прошептал Михайло.

Анна, уже полусонная, пошевелилась.

– А?

– Ночь, говорю...

– Хорошая.

– Сказка просто!

– Перед рассветом под окном пташка какая-то распевает, – невнятно проговорила Анна, забираясь под руку мужа. – До того красиво...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Соловей?

– Какие же сейчас соловьи!

– Да, верно...

Замолчали.

Анна, крутившая весь день тяжелую веялку, скоро уснула.

Михайло полежал еще немного, потом осторожно высвободил свою руку, вылез из-под одеяла и на цыпочках вышел из избы.

Когда через полчаса Анна хватилась мужа и выглянула в окно, она увидела его у машины. На крыле ослепительно блестели под луной его белые кальсоны. Михайло продувал карбюратор.

Анна негромко окликнула его.

Михайло вздрогнул, сложил на крыло детали и мелкой рысью побежал в избу. Молчком залез под одеяло и притих.

Анна, устраиваясь около его бока, выговаривала ему:

– На одну ночь приедет и то норовит убежать! Я ее подожгу когда-нибудь, твою машину. Она дождетя у меня!

Михайло ласково похлопал жену по плечу – успокаивал.

Когда обида малость прошла, он повернулся к ней и стал рассказывать шепотом:

– Там что, оказывается: ма-аленький клочочек ваты попал в жиклер. А он же, знаешь, жиклер... там иголка не пролезет.

– Ну, теперь-то все хоть?

– Конечно.

– Бензином опять несет! Ох... господи!..

Михайло хохотнул, но тут же замолчал.

Долго лежали молча. Анна опять стала дышать глубоко и ровно.

Михайло осторожно кашлянул, послушал дыхание жены и начал вытаскивать руку.

– Ты опять? – спросила Анна.

– Я попить хочу.

– В сенцах в кувшине – квас. Потом закрой его.

Михайло долго возился среди тазов, кадочек, нашел наконец кувшин, опустил на колени и, приложившись, долго пил холодный, с кислинкой квас.

– Хо-ох! Елки зеленые! Тебе надо?

– Нет, не хочу.

Михайло шумно вытер губы, распахнул дверь сеней...

Стояла удивительная ночь – огромная, светлая, тихая... По небу кое-где плыли легкие, насквозь пронизанные лунным светом облачка.

Вдыхая всей грудью вольный, настоящий на запахе полыни воздух, Михайло сказал негромко:

– Ты гляди, что делается!.. Ночь-то!..

Письмо любимой

В пятнадцать лет я писал свое первое любовное письмо. Невероятное письмо. Голова у меня шла кругом, в жар кидало, когда писал, но – писал.

Как я влюбился.

Она была приезжая – это поразило мое воображение. Все сразу полюбились мне в этой девочке: глаза, косы, походка... Нравилось, что она тихая, что учится в школе (я там уже не учился), что она – комсомолка. А когда у них там, в школе, один парень пытался из-за нее отравиться (потом говорили, только попугал), я совсем голову потерял.

Не помню теперь, как случилось, что я пошел провожать ее из клуба.

Помню, была весна... Я даже и не выламывался, молчал. Сердце в груди ворочалось, как картофелина в кипятке. Не верилось, что я иду с Марией (так ее все называли – Мария, и это тоже мне ужасно нравилось!), изумлялся своей смелости, страшился, что она передумает и скажет: «Не надо меня провожать», – и уйдет одна. И мучился – господи, как мучился! – что молчу. Молчу, как проклятый. Ни одного слова не могу из себя выдать. А ведь умел и приврать при случае, и...

На прощанье только прижал Марию крепче к груди и скорей-скорей домой, как на крыльях полетел. «Ну, гадство! – думал. – Теперь вы меня не возьмете!» Сильный был в ту ночь, добрый, всех любил... И себя тоже. Когда кого-нибудь любишь, то и себя заодно любишь.

Потом я дня три не видел Марию, она не ходила в клуб. «Ничего, – думал, – я за это время пока осмелею». Успел подраться с одним дураковатым парнем.

– Провожал Марию? – спросил он.

– Ну.

– Гну! Хватит. Теперь я буду.

Колун парень, ухмылка такая противная... Но здоровый. Я умел «брать на калган» – головой бить. Пока он махал своими граблями, я его пару раз «взял на калган», он отстал.

А Марии – нет. (Потом узнали, что отец не стал пускать ее на улицу.) А я думал, что ни капли ей не понравился и она не хочет видеть меня, молчуна. Или – тоже возможно – опасается: выйдет, а я ей всыплю за то, что не хочет со мной дружить. Так делали у нас: не хочет девка дружить с парнем и бегаёт от него задом и переулками, пока не сыщется заступник.

И вот тогда-то и сел я за письмо.

«Слушай, Мария, – писал я, – ты что, с этим Иваном П. начала дружить? Ты с ума сошла! Ты же не знаешь этого парня – он надсмеется над тобой и бросит. Его надо опасаться, как огня, потому что он уже испорченный. А ты девочка нежная. А у него отец родной – враг народа, и он сам на ножах ходит. Так что смотри. Мой тебе совет: заведи себе хорошего мальчика, скромного, будете вместе ходить в школу и одновременно дружить. А этого дурака ты даже из головы выкинь – он опасный. Почему он бросил школу? Думаешь, правда, по бедности? А ху-ху не хо-хо? Он побывал в городе, снюхался там с урками, и теперь ему одна дорожка – в тюрьму. Так что смотри. С какими ты глазами пойдешь потом в школу, когда ему выездная сессия сунет в клубе лет пять? Ты же со стыда сгоришь. Что скажут тебе твои родные мать с отцом, когда его повезут в тюрьму? А его повезут, вот увидишь. У него все мысли направлены – где бы только своровать или кого-нибудь пырнуть ножом. Ну, тебя он, конечно, не пырнет, но научит плохому. Какая про тебя славушка пойдет! А ты еще молодая, тебе жить да жить. А его песенка спета. Опасайся его. Никогда с ним не дружи и обходи стороной. Он знается с такими людьми, которые могут и квартиру вашу обчистить, тем более что вы – богатенькие. Вот он на вас-то и наведет их. А случись – ночное дело – прирезать могут. А он будет смотреть и улыбаться. Ты никогда не узнаешь, кто это тебе писал, но писал знающий человек. И он желает тебе только добра».

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Вот так.

Много лет спустя Мария, моя бывшая жена, глядя на меня грустными, добрыми глазами, сказала, что я разбил ее жизнь. Сказала, что желает мне всего хорошего, посоветовала не пить много вина – тогда у меня будет все в порядке. Мне стало нестерпимо больно – жалко стало Марию, и себя тоже. Грустно стало. Я ничего не ответил.

А письмо это я тогда не послал.

Правда

На межрайонном совещании председателей колхозов и директоров совхозов Николай Алексеевич Аксенов, председатель колхоза «Пламя коммунизма», – Аксеныч, как его попросту называли, – выдал такую огневую речь, что сам потом удивился.

Он то гремел с трибуны, подвергая беспощадной критике недостатки в своем колхозе, то, указывая прокуренным пальцем на аудиторию, тихо и строго предупреждал: «Но учтите, дорогие товарищи, мы все это исправим. Исправим». Под конец, правда, он дал маху: забыл в пылу выступления, что кукурузу называют «королевой полей», и назвал ее «русской красавицей». В зале засмеялись и долго хлопали Аксенову.

Сейчас, копаясь в моторе своего «козла», Аксеныч с удовольствием думал: «Могу, язви ты в легкое!»

Сзади кто-то негромко спросил:

– Вы к себе сейчас едете?

Аксенов обернулся: спрашивал невысокий, бритый наголо, с серым лицом, большеротый. Смотрел спокойно, чуть насмешливо. Аксенов узнал: новый директор Березовского совхоза, сосед Аксенова.

– Подбросить, что ли?

– Да.

– Сейчас... – Аксенов опять уткнулся в мотор. – Свечи закидало... – Он вывернул запальную свечу, подчистил ножом контакты-усики, поскоблил, протер, продул и ввернул опять.

Большеротый все стоял и смотрел ему в спину.

«Как же его фамилия?» – пытался вспомнить Аксеныч. Он еще не был знаком с новым директором, но слышал о нем как о человеке странном. В чем заключалась эта странность, он сейчас не мог вспомнить, так же как и фамилию директора.

Во время совещания прошел хороший дождь, дороги размыло.

Пока выбирались на гравийную дорогу, молчали. Задок «козла» заносило из стороны в сторону. Аксеныч ожесточенно крутил баранку и ворчал:

– Черт-те надавал!.. В районном центре не могут дорогу сделать как следует. Ты гляди!..

Большеротый сидел с ним рядом, курил, безучастно смотрел вперед.

Когда наконец выбрались на гравий и машина пошла ровно, Аксеныч откинулся на спинку сиденья, достал одной рукой папиросы, закурил.

– Слышал, как я выступал? – спросил он, опять с удовольствием вспомнив свое выступление.

– Слышал, – откликнулся большеротый.

Аксеныч подождал, не скажет ли он чего еще, и, не дождавшись, спросил:

– Как, по-твоему?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Что?

– Выступил-то.

– По-моему, плохо. – Большеротый повернул голову к Аксеньчу и посмотрел ему прямо в глаза, просто и спокойно.

Аксеньч на секунду-две забыл про штурвал: засмотрелся на чистые, незлые, насмешливые глаза нового соседа. Взгляд этих глаз был тверд.

Директор первый отвернулся, показал глазами на дорогу. Аксеньч круто вывернул руль, сбавил скорость.

«Завидует, лысан! Сам не умеет выступать и завидует другим», – подумал Аксеньч, но не успокоился от этой мысли.

– Почему плохо?

– А вы думаете, хорошо?

– Я ничего не думаю, – обозлился Аксенов, – я просто спрашиваю, почему плохо, и все.

– Плохо потому, что ничего конкретного. Одни возгласы да обещания. Недостатки, положим, были названы, но... и то, я вам скажу, схитрили вы здесь.

– Как это?

– Назвали такие недостатки, за которые головы не снимают. – Большеротый повернулся к Аксенову и улыбнулся. – Так ведь?

Аксенов презрительно прищурил глаза.

– Чего так? – Он чувствовал себя глупо.

– Клуб не достроили – это полбеды. За это можно бить себя в грудь.

– А еще что? Что я утаил, например?

– А мор свиней в прошлом месяце?.. Это же не стихийное бедствие, это безалаберность. Халатность. – Директор выговорил эти два слова твердым, спокойным голосом – он их не выбирал и ни на мгновение не задумался: говорить ли этими или подыскать другие? – У вас есть акт ветврача об этом. Скрыли.

У Аксенова от злости засосало под ложечкой. Особенно возмутил его этот спокойный, уверенный тон директора. Он некоторое время молчал.

– Что же ты не сказал об этом?

Директор ответил тоже не сразу.

– Скажу. Вот осмотрюсь немного – начну говорить.

– Достанется нам тогда на орехи! – воскликнул Аксеньч. Он хотел еще добавить: «Таким большим ртом можно мно-ого наговорить всякой всячины». Но удержался. С этой минуты он горячо невзлюбил директора и даже забыл подумать, откуда новичку известны такие факты, как припрятанный до поры до времени акт о падеже свиней в колхозе «Пламя коммунизма», в котором есть и эти слова: «безалаберность» и «халатное отношение». – Несдобровать нам тогда! А? – Аксеньч окинул насмешливым взглядом соседа. Он тоже решил казаться насмешливым.

– Не знаю, как насчет сдобровать, но акты из столов... – тут директор несколько замялся, – акты придется вытащить. Они не для того пишутся, чтобы лежать в столах. Правильно? – Директор засмеялся и хлопнул Аксенова по плечу: он отчего-то развеселился.

Аксенов резко шевельнул плечом, скидывая руку директора.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не лапай, я не баба.

– О!

«Запугать хочет. Как с ребенком разговаривает, стервец. Стреляный воробей, вообще-то говоря, – думал Аксенов. – В секретари метит. Как бы тебя ущемить, черта лысого? Высажу сейчас посреди дороги. Скажу, что в другую сторону надо». Но вместо этого неожиданно для себя Аксеныч покосился на директора и усмехнулся.

– Поглядим, сосед, как ты развернешься. Ой, поглядим!

– Развернемся! – Директор улыбнулся бескровными губами. И так хорошо он улыбнулся, что Аксенов почему-то вдруг поверил: этот развернется. Что-то такое было у него припрятано про запас – и чувствуешь, но не понимаешь, что именно. Развернется и будет все такой же насмешливый и спокойный.

– Посмотрим, посмотрим! – еще раз сказал Аксенов, и таким тоном, точно обещал новичку верную каторгу через год-другой.

Но удивительное дело: сам он не поверил в то, в чем хотел убедить нового директора, и почувствовал фальшь в своем самонадеянном, ни на чем не основанном тоне, когда произнес это «посмотрим». «Черт его знает... пугаю к чему-то человека».

Горечь от сознания, что человек, сидящий рядом с ним, имеет смелость быть правдивым и прямо смотреть ему в глаза, прошла у Аксенова; эта горечь сменилась теперь острым желанием и самому заглянуть в глаза новому человеку, послушать его, понять, откуда у него такая уверенность в себе и в своих будущих делах на новом месте. Аксенов вовсе не струсил и не заискивал перед новым соседом – он сам был достаточно силен и крут, чтобы не заискивать, – просто захотел узнать этого человека поближе.

– Откуда сам?

– Из Калуги.

– Инженер?

– Точно.

– К нам... по охоте аль неволей?

– По охоте, почему же неволей! – Новичок повернулся к Аксенову, и на его сером квадратном лице изобразилось удивление.

«Значит, инженер так себе. Хорошего не отпустят с завода, – не без ехидства подумал Аксеныч. – Воображаешь ты много, друг милый».

– А все-таки зря ты легко смотришь на свое, так сказать, ближайшее будущее, – не удержался и еще раз сказал Аксенов. – Наше дело сложное, посложней заводского.

– Ничего, – сказал новичок, и Аксенова опять взяла досада: в конце концов не мешало бы новичку прислушаться к словам опытных людей. Едет, как к теще на блины.

Подъехали тем временем к чайной на окраине большого села. Остановились.

– Закусим?

– С удовольствием! – оживился новый директор. – Есть хочется.

Сидели друг против друга за маленьким квадратным столиком, ждали официантку.

Директор, склонив большую полированную голову, изучал синие кружочки на клеенке. Аксенов смотрел на него. И в нем родилась вдруг озорная мысль.

– По сто пятьдесят, что ли, закажем?

Директор поднял голову.

– Не пью.

«Брось ты... Поставить себя хочешь».

– В чайной или вообще?

Директор усмехнулся.

– Вообще. А вот курить не могу бросить. – Директор полез за папиросами. – Три раза бросал – не вышло.

– Ты, наверно, думаешь, – начал Аксенов, пошевелившись на стуле, – вот, мол, припугнул председателя актом, он теперь виляет передо мной, выпить предлагает. Так?

– Нет, не так. Акт – это само собой. Между нами, я бы все-таки не полез на твоём месте на трибуну с такой речью. Совесть же надо иметь, елки с палкой! Я, грешным делом, смекнул там, на совещании: может, думаю, у него пересмотрели это дело с падежом, комиссия какая-нибудь была. А в машине понял, что никакой комиссии не было – акт лежит у тебя под сукном.

– Тебе бы следователем работать, – съязвил Аксенов, чувствуя, как к сердцу снизу подмыла едкая волна – стыд. Стыд и злость опять овладели им. – Так вот, слушай: акт этот я опротестовал и на самом деле жду комиссию. Чтоб ты знал. – Аксенов сказал это, в упор глядя на директора, не скрывая злости.

Этот человек бесил его и вместе с тем привлекал. Аксенов знал, что не смог бы сейчас встать и уйти, оставив за спиной эти спокойные, правдивые глаза. Хотелось уж теперь досидеться до той поры, когда самому возможно будет прямо взглянуть в них, в эти глаза, и чувствовать себя при этом спокойным и уверенным. Но как это сделать, он не знал. Насчет комиссии он соврал, то есть не то чтоб соврал – он действительно был не согласен с актом ветврача и действительно хотел пригласить комиссию, но он еще не пригласил и акта официально не опротестовывал. В сущности, Аксенов, конечно, соврал и испытывал сейчас такое чувство, точно его, взрослого человека, застали за мелким воровством, будто кто-то неслышно подошел сзади и спросил: «Ты что здесь делаешь?»

«Сегодня же, сейчас же, как только приеду, вызову комиссию, черт ее задери!» – поклялся себе Аксенов.

Услышав, что Аксенов опротестовал акт и вызвал комиссию, директор внимательно посмотрел на него и сказал коротко, деловито:

– Это другое дело.

У Аксенова слабо зарозовели скулы. Ах, до чего, черт возьми, – до зуда в груди – захотелось быть с этим человеком на равных, захотелось вдруг сказать ему какие-нибудь обыкновенные слова, вроде: «Это не так, директор» или: «Это другое дело!»

«Нет, к чертям собачьим!.. Надо кончать со всякими такими актами». Аксенов на минуту представил себе, каким спокойным, прямо счастливым он чувствовал бы себя сейчас, если б за душой не было этого темного дела с актом, если б был он чист. Он бы сейчас толково и обстоятельно рассказал новичку, как трудно управлять большим, сложным хозяйством, чего не надо делать поначалу и что надо сделать сразу, немедля... Он улыбнулся.

– Знаешь, о чем тебя попрошу: как только первый раз где-нибудь словчишь, скажи мне. Только по-честному. Мне охота узнать: проживешь ты без этого или нет?

Директор выслушал, тоже улыбнулся.

– Договорились. Ты думаешь, без этого нельзя?

У Аксенова стало легче на душе.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Как тебе сказать... Можно, конечно. – Аксеныч опять улыбнулся. – Вообще-то так и надо... Эх!.. Забыл, как твоя фамилия?

– Воловик, Николай.

– Тезки с тобой. Я тебе так скажу, Микола: можно. Мы тут ведь уж подолгу работаем, вросли, так сказать, корнями в дела эти колхозные да совхозные, переплелись друг с другом... Ну и случится иной раз: сказал бы про него, подлеца, правду, да у самого рыло, как говорится, в пуху – смолчишь. Но ты не думай, пожалуйста, что мы тут только и делаем, что скрываем грехи друг от друга.

– Господи!.. Кто же так думает! Дела у вас хорошие, большие. – Воловик говорил серьезно, искренне. – Потому и захотелось попробовать тут свои силенки. Я о том, что обидно, елки с палкой, когда в таких делах случаются...

– Случаются, – перебил Аксеныч и нахмурился, глядя в стол. – Случаются, Микола.

– Вообще совещание мне понравилось. Некоторые очень толково говорили, конкретно.

Аксенов опять покраснел: вспомнил свое выступление.

– У нас есть люди... Первый секретарь – дельный мужик: знает хозяйство. Со вторым нам не повезло малость: суетливый какой-то, шумит много...

Подошла официантка. Заказали два борща, две порции котлет, по кружке пива.

– Борщец тут у нас знатный делают, – похвастал Аксеныч. – В Калуге такого... Хотя ты ж с Украины, наверно?

– Нет, калужанин коренной. Отец украинец был, а жил тоже в Калуге.

– Ты с семьей здесь или один пока?

– Один пока.

– Как устроился-то? Слушай, приезжай сегодня ко мне! Этак к вечерку. Баньку протопим, с неводишком на речку сбегает... Небось стосковался без своих-то? Я тебе поподробнее расскажу про все наши дела, введу, так сказать, в курс дела... Ты поверишь, нет, я чего-то до смерти рад, что познакомился с тобой. Не подумай, что я насчет этого дурацкого акта боюсь. Я всегда оправдаюсь. Чего-то ты мне поглянул, честное слово... – Давно уж Аксеныч не говорил таких простых, хороших слов, давно уж не испытывал такого горячего, участливого уважения к человеку.

Воловик подумал немного и согласился.

– Только... я, понимаешь, не один приеду, если разрешишь. Ко мне дружок заехал... офицер с Дальнего Востока. Демобилизовался. Тоже дела человек ищет. Я думаю, мы ему вдвоем как-нибудь поможем присмотреться. Мне хочется, чтобы он здесь остался... Толковый парень!

На сердце у Аксенова расцвела хорошая, благодарная радость.

– Конечно!.. Господи, да мы его тут враз с делом окрутим. Покажу вам свое хозяйство. У меня хозяйство хорошее, Микола. Ферма!.. Ты знаешь, какая у меня ферма! Вся начисто механизирована! – Аксеныч широко повел правой рукой; в глазах его засветился счастливый огонек. – Ребята-дояры – вот такие! Комсомольцы. Ты правильно сделал, Микола, что приехал сюда. Поможем! Трудно будет первое время – это точно. Поможем. Я не зря говорю...

Директор слушал, кивал большой гладкой головой – соглашался. Смотрел на Аксенова доверчиво.

Стенька Разин

Его звали – Васёка. Васёка имел двадцать четыре года от роду, один восемьдесят пять рост, большой утиный нос... и невозможный характер. Он был очень странный парень – Васёка.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Кем он только не работал после армии! Пастухом, плотником, прицепщиком, кочегаром на кирпичном заводе. Одно время сопровождал туристов по окрестным горам. Нигде не нравилось. Поработав месяц-другой на новом месте, Васёка приходил в контору и брал расчет.

– Непонятный ты все-таки человек, Васёка. Почему ты так живешь? – интересовались в конторе.

Васёка, глядя куда-то выше конторщиков, пояснял кратко:

– Потому что я талантливый.

Конторщики, люди вежливые, отворачивались, пряча улыбки. А Васёка, небрежно сунув деньги в карман (он презирал деньги), уходил. И шагал по переулку с независимым видом.

– Опять? – спрашивали его.

– Что «опять»?

– Уволился?

– Так точно! – Васёка козырял по-военному. – Еще вопросы будут?

– Куклы пошел делать? Хэх...

На эту тему – о куклах – Васёка ни с кем не разговаривал.

Дома Васёка отдавал деньги матери и говорил:

– Все.

– Господи!.. Ну что мне с тобой делать, верста коломенская? журавь ты такой! А?

Васёка пожимал плечами: он сам пока не знал, что теперь делать – куда пойти еще работать.

Проходила неделя-другая, и дело отыскивалось.

– Поедешь на бухгалтера учиться?

– Можно.

– Только... это очень серьезно!

– К чему эти возгласы?

«Дебет... Кредит... Приход... Расход... Заход... Обход... – И деньги! деньги! деньги!..»

Васёка продержался четыре дня. Потом встал и ушел прямо с урока.

– Смехота, – сказал он. Он решительно ничего не понял в блестящей науке хозяйственного учета.

Последнее время Васёка работал молотобойцем.

И тут, помахав недели две тяжелой кувалдой, Васёка аккуратно положил ее на верстак и заявил кузнецу:

– Все!

– Что?

– Пошел.

– Почему?

– Души нету в работе.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Трепло, – сказал кузнец. – Выйди отсюда.

Васёка с изумлением посмотрел на старика кузнеца.

– Почему ты сразу переходишь на личности?

– Балаболка, если не трепло. Что ты понимаешь в железе? «Души нету»... Даже злость берет.

– А что тут понимать-то? Этих подков я тебе без всякого понимания накую сколько хочешь.

– Может, попробуешь?

Васёка накалил кусок железа, довольно ловко выковал подкову, остудил в воде и подал старику.

– Прошу.

Кузнец легко, как свинцовую, смял ее в руках и выбросил из кузницы.

– Иди корову подкуй такой подковой.

Васёка взял подкову, сделанную стариком, попробовал тоже погнуть ее – не тут-то было.

– Что?

– Ничего.

Васёка остался в кузнице.

– Ты, Васёка, парень – ничего, но болтун, – сказал ему кузнец. – Чего ты, например, всем говоришь, что ты талантливый?

– Это верно: я очень талантливый.

– А где твоя работа сделанная?

– Я ее никому, конечно, не показываю.

– Почему?

– Они не понимают. Один Захарыч понимает.

– Принеси мне. Я гляну.

На другой день Васёка принес в кузницу какую-то штукенцию с кулак величиной, завернутую в тряпку.

– Вот.

Кузнец развернул тряпку... и положил на огромную ладонь человечка, вырезанного из дерева. Человечек сидел на бревне, опершись руками на колени. Голову опустил на руки; лица не видно. На спине человечка, под ситцевой рубахой – синей, с белыми горошинами – торчат острые лопатки. Худой, руки черные, волосы лохматые, с подпалинами. Рубаха тоже прожжена в нескольких местах. Шея тонкая и жилистая.

Кузнец долго разглядывал его.

– Смолокур, – сказал он.

– Ага. – Васёка глотнул пересошим горлом.

– Таких нету теперь.

– Я знаю.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А я помню таких. Это что он?.. Думает, что ли?

– Песню поет.

– Помню таких, – еще раз сказал кузнец. – А ты-то откуда их знаешь?

– Рассказывали.

Кузнец вернул Васёке смолокура.

– Похожий.

– Это что! – воскликнул Васёка, заворачивая смолокура в тряпку. – У меня разве такие есть!

– Все смолокуры?

– Почему?.. Есть солдат, артистка одна есть, тройка... еще солдат, раненый. А сейчас я Стеньку Разина вырезаю.

– А у кого ты учился?

– А сам... ни у кого.

– А откуда ты про людей знаешь? Про артистку, например...

– Я все про людей знаю. – Васёка гордо посмотрел сверху на старика. – Они все ужасно простые.

– Вон как! – воскликнул кузнец и засмеялся.

– Скоро Стеньку сделаю... поглядишь.

– Смеются над тобой люди.

– Это ничего. – Васёка высморкался в платок. – На самом деле они меня любят. И я их тоже люблю.

Кузнец опять рассмеялся.

– Ну и дурень ты, Васёка! Сам про себя говорит, что его любят! Кто же так делает?

– А что?

– Совестно небось так говорить.

– Почему совестно? Я же их тоже люблю. Я даже их больше люблю.

– А какую он песню поет? – без всякого перехода спросил кузнец.

– Смолокур-то? Про Ермака Тимофеевича.

– А артистку ты где видел?

– В кинофильме. – Васёка прихватил щипцами уголек из горна, прикурил. – Я женщин люблю. Красивых, конечно.

– А они тебя?

Васёка слегка покраснел.

– Тут я затрудняюсь тебе сказать.

– Хэ!.. – Кузнец стал к наковальне. – Чудной ты парень, Васёка! Но разговаривать с тобой интересно. Ты скажи мне: какая тебе польза, что ты смолокура этого вырезал? Это ж все-таки кукла.

полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Васёка ничего не сказал на это. Взял молот и тоже стал к наковальне.

– Не можешь ответить?

– Не хочу. Я нервничаю, когда так говорят, – ответил Васёка.

...С работы Васёка шагал всегда быстро. Размахивал руками – длинный, нескладный. Он совсем не уставал в кузнице. Шагал и в ногу – на манер марша – подпевал:

Пусть говорят, что я ведра починяю,
Эх, пусть говорят, что я дорого беру!
Две копейки – донышко,
Три копейки – бок...
– Здравствуй, Васёка! – приветствовали его.

– Здорово, – отвечал Васёка. И шел дальше.

Дома он наскоро ужинал, уходил в горницу и не выходил оттуда до утра: вырезал Стеньку Разина.

О Стеньке ему много рассказывал Вадим Захарович, учитель-пенсионер, живший по соседству. Захарыч, как его называл Васёка, был добрейшей души человек. Это он первый сказал, что Васёка талантливый. Он приходил к Васёке каждый вечер и рассказывал русскую историю. Захарыч был одинок, тосковал без работы. Последнее время начал попивать. Васёка глубоко уважал старика. До поздней ноченьки сживал он на лавке, поджав под себя ноги, не шевелился – слушал про Стеньку.

– ...Мужик он был крепкий, широкий в плечах, легкий на ногу... чуточку рябоватый. Одевался так же, как все казаки. Не любил он, знаешь, разную там парчу... и прочее. Это ж был человек! Как развернется, как глянет исподлобья – травы никли. А справедливый был!.. Раз попали они так, что жрать в войске нечего. Варили конину. Ну и конины не всем хватало. И увидел Стенька: один казак совсем уж отощал, сидит у костра, бедный, голову свесил: дошел окончательно. Стенька толкнул его – подает свой кусок мяса. «На, – говорит, – ешь». Тот видит, что атаман сам почернел от голода. «Ешь сам, батька. Тебе нужнее». – «Бери!» – «Нет». Тогда Стенька как выхватил саблю – она аж свистнула в воздухе: «В три господа душу мать!.. Я кому сказал: бери!» Казак съел мясо. А?... Милый ты, милый человек... душа у тебя была.

Васёка, с повлажневшими глазами, слушал.

– А княжну-то он как! – тихонько, шепотом, восклицал он. – В Волгу взял и кинул...

– Княжну!.. – Захарыч, тщедушенький старичок с маленькой сухой головой, кричал: – Да он этих бояр толстопузых вот так покидывал! Он их как хотел делал! Понял? Сарынь на кичку! И все.

...Работа над Стенькой Разиным подвигалась туго. Васёка аж с лица осунулся. Не спал ночами. Когда «делалось», он часами не разгибался над верстаком – строгал и строгал... швыркал носом и приговаривал тихонько:

– Сарынь на кичку.

Спину ломило. В глазах начинало двоиться. Васёка бросал нож и прыгал по горнице на одной ноге и негромко смеялся.

А когда «не делалось», Васёка сидел неподвижно у раскрытого окна, закинув сцепленные руки за голову. Сидел час, два – смотрел на звезды и думал про Стеньку.

Приходил Захарыч, спрашивал:

– Василий Егорыч дома?

– Иди, Захарыч! – кричал Васёка. Накрывал работу тряпкой и встречал старика.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Здоровеньки булы! – Так здоровался Захарыч – «по-казацки».

– Здорово, Захарыч.

Захарыч косился на верстак.

– Не кончил еще?

– Нет. Скоро уж.

– Показать можешь?

– Нет.

– Нет? Правильно. Ты, Василий... – Захарыч садился на стул, – ты – мастер. Большой мастер. Только не пей. Это гроб! Понял? Русский человек талант свой может не пожалеть. Где смолокур? Дай...

Васёка подавал смолокура и сам впивался ревнивыми глазами в свое произведение.

Захарыч, горько сморщившись, смотрел на деревянного человечка.

– Он не про Ермака поет, – говорил он. – Он про свою долю поет. Ты даже не знаешь таких песен. – И он неожиданно сильным красивым голосом запел:

О-о-эх, воля, моя воля!

Воля вольная моя.

Воля – сокол в поднебесьи,

Воля – милые края...

У Васёки перехватывало горло от любви и горя.

Он понимал Захарыча. Он любил свои родные края, горы свои, Захарыча, мать... всех людей. И любовь эта жгла и мучила – просилась из груди. И не понимал Васёка, что нужно сделать для людей. Чтобы успокоиться.

– Захарыч... милый, – шептал Васёка побелевшими губами, и крутил головой, и болезненно морщился. – Не надо, Захарыч... Я не могу больше...

Чаще всего Захарыч засыпал тут же, в горнице. А Васёка уходил к Стеньке.

...День этот наступил.

Однажды перед рассветом Васёка разбудил Захарыча.

– Захарыч! Все... иди. Доделал я его.

Захарыч вскочил, подошел к верстаку...

Вот что было на верстаке:

...Стеньку застали врасплох. Ворвались ночью с бессовестными глазами и кинулись на атамана. Стенька, в исподнем белье, бросился к стене, где висело оружие. Он любил людей, но он знал их. Он знал этих, которые ворвались: он делил с ними радость и горе. Но не с ними хотел разделить атамана последний час свой. Это были богатые казаки. Когда пришлось очень солоно, они решили выдать его. Они хотели жить. Это не братва, одуревшая в тяжком хмелю, вломилась за полночь качать атамана. Он кинулся к оружию... но споткнулся о персидский ковер, упал. Хотел вскочить, а сзади уже навалились, заламывали руки... Завозились. Хрипели. Негромко и страшно ругались. С великим трудом приподнялся Степан, успел прилобанить одному-другому... Но чем-то ударили по голове тяжелым... Рухнул на колени грозный атаман, и на глаза его пала скорбная тень.

«Выбейте мне очи, чтобы я не видел вашего позора», – сказал он.

Глумились. Топтали могучее тело. Распинали совесть свою. Били по глазам...

Захарыч долго стоял над работой Васёки... не проронил ни слова. Потом повернулся и пошел из горницы. И тотчас вернулся.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Хотел пойти выпить, но... не надо.

– Ну как, Захарыч?

– Это... Никак. – Захарыч сел на лавку и заплакал горько и тихо. – Как они его... а? За что же они его?! За что?.. Гады они такие, гады! – Слабое тело Захарыча содрогалось от рыданий. Он закрыл лицо маленькими ладонями.

Васёка мучительно сморщился и заморгал.

– Не надо, Захарыч...

– Что не надо-то? – сердито воскликнул Захарыч, и закрутил головой, и замычал. – Они же дух из него вышибают!..

Васёка сел на табуретку и тоже заплакал – зло и обильно.

Сидели и плакали.

– Их же ж... их вдвоем с братом, – бормотал Захарыч. – Забыл я тебе сказать... Но ничего... ничего, паря. Ах, гады!..

– И брата?

– И брата... Фролом звали. Вместе их... Но брат – тот... Ладно. Не буду тебе про брата.

Чуть занималось светлое утро. Слабый ветерок шевелил занавески на окнах.

По поселку ударили третьи петухи.

Солнце, старик и девушка
Дни горели белым огнем. Земля была горячая, деревья тоже были горячие. Сухая трава шуршала под ногами.

Только вечерами наступала прохлада.

И тогда на берег стремительной реки Катунь выходил древний старик, садился всегда на одно место – у коряги – и смотрел на солнце.

Солнце садилось за горы. Вечером оно было огромное, красное.

Старик сидел неподвижно. Руки лежали на коленях – коричневые, сухие, в ужасных морщинах. Лицо тоже морщинистое, глаза влажные, тусклые. Шея тонкая, голова маленькая, седая. Под синей ситцевой рубахой торчат острые лопатки.

Однажды старик, когда он сидел так, услышал сзади себя голос:

– Здравствуйте, дедушка!

Старик кивнул головой.

С ним рядом села девушка с плоским чемоданчиком в руках.

– Отдыхаете?

Старик опять кивнул головой. Сказал:

– Отдыхаю.

На девушку не посмотрел.

– Можно я вас буду писать? – спросила девушка.

– Как это? – не понял старик.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Рисовать вас.

Старик некоторое время молчал, смотрел на солнце, моргал красноватыми веками без ресниц.

– Я ж некрасивый теперь, – сказал он.

– Почему? – Девушка несколько растерялась. – Нет, вы красивый, дедушка.

– Вдобавок хворый.

Девушка долго смотрела на старика. Потом погладила мягкой ладонью его сухую коричневую руку и сказала:

– Вы очень красивый, дедушка. Правда.

Старик слабо усмехнулся.

– Рисуй, раз такое дело.

Девушка раскрыла свой чемодан.

Старик покашлял в ладонь.

– Городская, наверно? – спросил он.

– Городская.

– Платют, видно, за это?

– Когда как, вообще-то. Хорошо сделаю, заплатят.

– Надо стараться.

– Я стараюсь.

Замолчали.

Старик все смотрел на солнце.

Девушка рисовала, всматриваясь в лицо старика сбоку.

– Вы здешний, дедушка?

– Здешний.

– И родились здесь?

– Здесь, здесь.

– Вам сколько сейчас?

– Годков-то? Восемьдесят.

– Ого!

– Много, – согласился старик и опять слабо усмехнулся. – А тебе?

– Двадцать пять.

Опять помолчали.

– Солнце-то какое! – негромко воскликнул старик.

– Какое? – не поняла девушка.

– Большое.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– А-а... Да. Вообще красиво здесь.

– А вода вона, вишь, какая... У того берега-то...

– Да, да.

– Ровно крови подбавили.

– Да. – Девушка посмотрела на тот берег. – Да.

Солнце коснулось вершин Алтая и стало медленно погружаться в далекий синий мир. И чем глубже оно уходило, тем отчетливее рисовались горы. Они как будто придвинулись. А в долине – между рекой и горами – тихо угасал красноватый сумрак. И надвигалась от гор задумчивая мягкая тень. Потом солнце совсем скрылось за острым хребтом Бубурхана, и тотчас оттуда вылетел в зеленоватое небо стремительный веер ярко-рыжих лучей. Он держался недолго – тоже тихо угас. А в небе в той стороне пошла полахать заря.

– Ушло солнышко, – вздохнул старик.

Девушка сложила листы в ящик.

Некоторое время сидели просто так – слушали, как лопочут у берега маленькие торопливые волны.

В долине большими клочьями пополз туман.

В лесочке, неподалеку, робко вскрикнула какая-то ночная птица. Ей громко откликнулись с берега, с той стороны.

– Хорошо, – сказал негромко старик.

А девушка думала о том, как она вернется скоро в далекий милый город, привезет много рисунков. Будет портрет и этого старика. А ее друг, талантливый, настоящий художник, непременно будет сердиться: «Опять морщины!.. А для чего? Всем известно, что в Сибири суровый климат и люди там много работают. А что дальше? Что?..»

Девушка знала, что она не бог весть как даровита. Но ведь думает она о том, какую трудную жизнь прожил этот старик. Вон у него какие руки... Опять морщины!

«Надо работать, работать, работать...»

– Вы завтра придете сюда, дедушка? – спросила она старика.

– Приду, – откликнулся тот.

Девушка поднялась и пошла в деревню.

Старик посидел еще немного и тоже пошел.

Он пришел домой, сел в своем уголке, возле печки, и тихо сидел – ждал, когда придет с работы сын и сядут ужинать.

Сын приходил всегда усталый, всем недовольный. Невестка тоже всегда чем-то была недовольна. Внуки выросли и уехали в город. Без них в доме было тоскливо.

Садилась ужинать.

Старику крошили в молоко хлеб, он хлебал, сидя с краешку стола. Осторожно звякал ложкой о тарелку – старался не шуметь. Молчали.

Потом укладывались спать.

Старик лез на печку, а сын с невесткой уходили в горницу. Молчали. А о чем говорить? Все слова давно сказаны.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
На другой вечер старик и девушка опять сидели на берегу, у коряги. Девушка торопливо рисовала, а старик смотрел на солнце и рассказывал:

– Жили мы всегда справно, грех жаловаться. Я плотничал, работы всегда хватало. И сыны у меня все плотники. Побило их на войне много – четырех. Два осталось. Ну вот с одним-то я теперь и живу, со Степаном. А Ванька в городе живет, в Бийске. Прорабом на новостройке. Пишет: ничего, справно живут. Приезжали сюда, гостили. Внуков у меня много. Любят меня. По городам все теперь...

Девушка рисовала руки старика, торопилась, нервничала, часто стирала.

– Трудно было жить? – невпопад спрашивала она.

– Чего ж трудно? – удивлялся старик. – Я ж тебе рассказываю: хорошо жили.

– Сыновей жалко?

– А как же? – опять удивлялся старик. – Четырех таких положить – шутка нешто?

Девушка не понимала: то ли ей жаль старика, то ли она больше удивлена его странным спокойствием и умиротворенностью.

А солнце опять садилось за горы. Опять тихо горела заря.

– Ненастье завтра будет, – сказал старик.

Девушка посмотрела на ясное небо.

– Почему?

– Ломает меня всего.

– А небо совсем чистое.

Старик промолчал.

– Вы придете завтра, дедушка?

– Не знаю, – не сразу откликнулся старик. – Ломает чего-то всего.

– Дедушка, как у вас называется вот такой камень? – Девушка вынула из кармана жакета белый, с золотистым отливом камешек.

– Какой? – спросил старик, продолжая смотреть на горы.

Девушка протянула ему камень. Старик, не поворачиваясь, подставил ладонь.

– Такой? – спросил он, мельком глянув на камешек, и повертел его в сухих скрюченных пальцах. – Кремешок это. Это в войну, когда серянок не было, огонь из него добывали.

Девушку поразила странная догадка: ей показалось, что старик слепой. Она не нашлась сразу, о чем говорить, молчала, смотрела сбоку на старика. А он смотрел туда, где село солнце. Спокойно, задумчиво смотрел.

– На... камешек-то, – сказал он и протянул девушке камень. – Они еще не такие бывают. Бывают: весь белый, аж просвечивает, а снутри какие-то пятнушки. А бывают: яичко и яичко – не отличишь. Бывают: на сорочье яичко похож – с крапинками по бокам, а бывают, как у скворцов, – синенькие, тоже с рябинкой с такой.

Девушка все смотрела на старика. Не решалась спросить: правда ли, что он слепой.

– Вы где живете, дедушка?

– А тут, не шибко далеко. Это Ивана Колокольникова дом, – старик показал дом на берегу, – дальше – Бедаревы, потом Волокитины, потом Зиновьевы, а там уж, в переулочке, – наш. Заходи, если чего надо. Внуки-то были, дак у нас шибко весело

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru было.

– Спасибо.

– Я пошел. Ломает меня.

Старик поднялся и пошел тропинкой в гору.

Девушка смотрела вслед ему до тех пор, пока он не свернул в переулок. Ни разу старик не споткнулся, ни разу не замешкался. Шел медленно и смотрел под ноги.

«Нет, не слепой, – поняла девушка. – Просто слабое зрение».

На другой день старик не пришел на берег. Девушка сидела одна, думала о старике. Что-то было в его жизни, такой простой, такой обычной, что-то непростое, что-то большое, значительное. «Солнце – оно тоже просто встает и просто заходит, – думала девушка. – А разве это просто!» И она пристально посмотрела на свои рисунки. Ей было грустно.

Не пришел старик и на третий день, и на четвертый.

Девушка пошла искать его дом.

Нашла.

В ограде большого пятистенного дома под железной крышей, в углу, под навесом, рослый мужик лет пятидесяти обстругивал на верстаке сосновую доску.

– Здравствуйте, – сказала девушка.

Мужик выпрямился, посмотрел на девушку, провел большим пальцем по вспотевшему лбу, кивнул.

– Здорово.

– Скажите, пожалуйста, здесь живет дедушка...

Мужик внимательно и как-то странно посмотрел на девушку. Та замолчала.

– Жил, – сказал мужик. – Вот домовину ему делаю.

Девушка приоткрыла рот.

– Он умер, да?

– Помер. – Мужик опять склонился к доске, шаркнул пару раз рубанком, потом посмотрел на девушку. – А тебе чего надо было?

– Так... я рисовала его.

– А-а. – Мужик резко зашаркал рубанком.

– Скажите, он слепой был? – спросила девушка после долгого молчания.

– Слепой.

– И давно?

– Лет десять уж. А что?

– Так...

Девушка пошла из ограды.

На улице прислонилась к плетню и заплакала. Ей было жалко дедушку. И жалко было, что она никак не сумела рассказать о нем. Но она чувствовала сейчас какой-то более глубокий смысл и тайну человеческой жизни и подвига и, сама об этом не догадываясь, становилась намного взрослей.

Экзамен

– Почему опоздали? – строго спросил профессор.

– Знаете... извините, пожалуйста... прямо с работы... срочный заказ был... – Студент – рослый парняга с простым хорошим лицом – стоял в дверях аудитории, не решаясь пройти дальше. Глаза у парня правдивые и неглупые.

– Берите билет. Номер?

– Семнадцать.

– Что там?

– «Слово о полку Игореве» – первый вопрос. Второй...

– Хороший билет, – профессору стало немного стыдно за свою строгость. – Готовьтесь.

Студент склонился над бумагой, задумался.

Некоторое время профессор наблюдал за ним. Перед его глазами за его длинную жизнь прошла не одна тысяча таких вот парней; он привык думать о них коротко – студент. А ведь ни один из этой многотысячной армии не походил на другого даже отдаленно. Все разные.

«Все меняется. Древние профессора могли называть себя учителями, ибо имели учеников. А сегодня мы только профессора», – подумал профессор.

– Вопросов ко мне нет?

– Нет. Ничего.

Профессор отошел к окну. Закурил. Хотел додумать эту мысль о древних профессорах, но вместо этого стал внимательно наблюдать за улицей.

Вечерело. Улица жила обычной жизнью – шумела. Проехал трамвай. На повороте с его дуги посыпались красные искры. Перед семафором скопилось множество автомобилей; семафор подмигнул им, и они все сразу ринулись по улице. По тротуарам шли люди. Торопились. И машины торопились, и люди торопились.

«Люди всегда будут торопиться. Будут перемещаться со сверхзвуковой скоростью, и все равно будут торопиться. Куда все это устремляется?..»

– Кхм... – Студент пошевелился.

– Готовы? Давайте. – Профессор отвернулся от окна. – Слушаю.

Студент держал в толстых грубых пальцах узкую полоску бумаги – билет; билет мелко дрожал.

«Волнуется, – понял профессор. – Ничего, поволнуйся».

– «Слово о полку Игореве» – это великое произведение, – начал студент. – Это... шедевр... Относится к концу двенадцатого века... кхэ... Автор выразил здесь чаяния...

Глядя на парня, на его крепкое, строгой чеканки лицо, профессор почему-то подумал, что автор «Слова» был юноша... совсем-совсем молодой.

– ... Князья были разобщены, и... В общем, Русь была разобщена, и когда половцы напали на Русь... – Студент закусил губу, нахмурился: должно быть, сам понимал, что рассказывает неинтересно, плохо. Он слегка покраснел.

«Не читал, – профессор внимательно и сердито посмотрел в глаза студенту. – Да, не читал. Одно предисловие дурацкое прочитал. Черти полосатые! Вот вам – ягодки заочного обучения!» Профессор был противником заочного обучения. Пробовал в свое время выступить со статьей в газете – не напечатали. Сказали: «Что вы!» – «Вот вам – что вы! Вот вам – князья разобщены».

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Читали?

– Посмотрел... кхэ...

– Как вам не стыдно? – с убийственным спокойствием спросил профессор и стал ждать ответа.

Студент побагровел от шеи до лба.

– Не успел, профессор. Работа срочная... заказ срочный...

– Меня меньше всего интересует ваш заказ. Если хотите, меня интересует человек, русский человек, который не удосужился прочитать величайшее национальное произведение. Очень интересует! – Профессор чувствовал, что начинает ненавидеть здорового студента. – Вы сами пошли учиться?

Студент поднял на профессора грустные глаза.

– Сам, конечно.

– Как вы себе это представляли?

– Что?

– Учебу. В люди хотел выйти? да?

Некоторое время они смотрели друг на друга.

– Не надо, – тихонько сказал студент и опустил голову.

– Что не надо?

– Не надо так...

– Нет, это колоссально! – воскликнул профессор, хлопнул себя по колену и поднялся. – Это колоссально. Хорошо, я не буду так. Меня интересует: вам стыдно или нет?

– Стыдно.

– Слава тебе, Господи!

С минуту молчали. Профессор ходил около доски, фыркал и качал головой. Он даже как будто помолодел от злости.

Студент сидел неподвижно, смотрел в билет... Минута была глупая и тяжкая.

– Спросите еще что-нибудь. Я же готовился.

– В каком веке создано «Слово»? – Профессор, когда сердился, упрямылся и капризничал, как ребенок.

– В двенадцатом. В конце.

– Верно. Что случилось с князем Игорем?

– Князь Игорь попал в плен.

– Правильно! Князь Игорь попал в плен. Ах, черт возьми! – Профессор скрестил на груди руки и изобразил на лице великую досаду и оттого, что князь Игорь попал в плен, и оттого главным образом, что разговор об этом получился очень уж глупым. Издевательского тона у него не получилось – он действительно злился и досадовал, что вовлек себя и парня в эту школьную игру. Странное дело, но он сочувствовал парню и потому злился на него еще больше.

– Ах, досада какая! Как же это он попал в плен?!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ставьте мне, что положено, и не мучайтесь, – студент сказал это резким, решительным тоном. И встал.

На профессора тон этот подействовал успокаивающе. Он сел. Парень ему нравился.

– Давайте говорить о князе Игоре. Как он там себя чувствовал? Сядьте, во-первых.

Студент остался стоять.

– Ставьте мне двойку.

– Как чувствовал себя в плену князь Игорь?! – почти закричал профессор, опять испытывая прилив злости. – Как чувствует себя человек в плену? Неужели даже этого не понимаете?!

Студент, стоя некоторое время, непонятно смотрел на старика ясными серыми глазами.

– Понимаю, – сказал он.

– Так. Что понимаете?

– Я сам в плену был.

– Так... То есть как в плену были? Где?

– У немцев.

– Вы воевали?

– Да.

Профессор внимательно посмотрел на студента, и опять ему почему-то подумалось, что автор «Слова» был юноша с голубыми глазами. Злой и твердый.

– Долго?

– Три месяца.

– Ну и что?

– Что?

Студент смотрел на профессора, профессор – на студента. Оба были сердиты.

– Садитесь, чего вы стоите, – сказал профессор. – Бежали из плена?

– Да. – Студент сел. Опять взял билет и стал смотреть в него. Ему хотелось скорей уйти.

– Как бежали? Расскажите.

– Ночью. С этапа.

– Подробней, – приказал профессор. – Учитесь говорить, молодой человек! Ведь это тоже надо. Как бежали? Собственно, мне не техника этого дела интересна, а... психологический момент, что ли. Как чувствовали себя? Это ведь горько – попасть в плен? – Профессор даже поморщился... – Вы как попали-то? Ранены были?

– Нет.

Помолчали. Немножко дольше, чем требуется для беседы на такую тему.

– А как же?

– Попали в окружение. Это долго рассказывать, профессор.

– Скажите, пожалуйста, какой он занятой!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да не занятой, а...

– Страшно было?

– Страшно.

– Да, да. – Профессору почему-то этот ответ очень понравился. Он закурил. – Закуривайте тоже. В аудитории, правда, не разрешается, но... ничего...

– Я не хочу. – Студент улыбнулся, но тут же посерьезнел.

– Деревня своя вспоминалась, конечно, мать?.. Вам сколько лет было?

– Восемнадцать.

– Вспоминалась деревня?

– Я из города.

– Ну? Я почему-то подумал – из деревни. Да...

Замолчали. Студент все глядел в злополучный билет; профессор поигрывал янтарным мундштуком, рассматривал студента.

– О чем вы там говорили между собой?

– Где? – Студент поднял голову. Ему этот разговор явно становился в тягость.

– В плену

– Ни о чем. О чем говорить?

– Черт возьми! Это верно! – профессор заволновался. Встал. Переложил мундштук из одной руки в другую. Прошелся около кафедры. – Это верно. Как вас зовут?

– Николай.

– Это верно, понимаете?

– Что верно? – студент вежливо улыбнулся. Положил билет. Разговор принимал совсем странный характер – он не знал, как держать себя.

– Верно, что молчали. О чем же говорить! У врага молчат. Это самое мудрое. Вам в Киеве приходилось бывать?

– Нет.

– Там есть район – Подол называется, – можно стоять и смотреть с большой высоты. Удивительная даль открывается. Всякий раз, когда я стою и смотрю, мне кажется, что я уже бывал там когда-то. Не в своей жизни даже, а давным-давно. Понимаете? – у профессора на лице отразилось сложное чувство – он как будто нечаянно проговорился о чем-то весьма сокровенном и теперь, во-первых, опасался, что его не поймут, во-вторых, был недоволен, что проговорился. Он смотрел на студента с тревогой, требовательно и заискивающе.

Студент пожал плечами, признался:

– Как-то сложно, знаете.

– Ну, как же! Что тут сложного? – Профессор опять стал быстро ходить по аудитории. Он сердился на себя, но замолчать уже не мог. Заговорил отчетливо и громко: – Мне кажется, что я там ходил когда-то. Давно. Во времена Игоря. Если бы мне это казалось только теперь, в последние годы, я бы подумал, что это старческое. Но я и молодым так же чувствовал. Ну?

Повисла неловкая пауза. Два человека смотрели друг на друга и не понимали, что им, собственно, требуется сейчас выяснить.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Я немного не понимаю, – осторожно заговорил студент, – при чем тут Подол?

– При том, что мне показалось очень точным ваше замечание насчет того, что – молчали. Я в плену не был, даже не воевал никогда, но там, над Подолом, я каким-то образом постигал все, что относится к войне. Я додумался, что в плену – молчат. Не на допросах – я мог об этом много читать, – а между собой. Я многое там узнал и понял. Я, например, много думал над вопросом: как бесшумно снимать часовых? Мне думается, их надо пугать.

Студент удивленно посмотрел на профессора.

– Да. Подползти незаметно и что-нибудь очень тихо спросить. Например: «Сколько сейчас времени, скажите, пожалуйста?» Он в первую секунду ошалеет, и тут бросайся на него.

Студент засмеялся, опустив голову.

– Глупости говорю? – Профессор заглянул ему в глаза.

Студент поторопился сказать:

– Нет, почему... Мне кажется, я понимаю вас.

«Врет. Не хочет обидеть», – понял профессор. И скис. Но счел необходимым добавить еще:

– Это вот почему: наша страна много воюет. Трудно воюет. Это почти всегда народная война и народное горе. И даже тот, кто не принимает непосредственного участия в войне, все равно живет теми же чувствами и заботами, какими живет народ. Я это не из книжек вычитал, сами понимаете. Я это чувствую и верю этому.

Долго после этого молчали – отходили. Надо было вернуться к исходному положению: к «Слову о полку Игореве», к тому, что это великое произведение постыдно не прочитано студентом. Однако профессор не удержался и задал еще два последних вопроса:

– Один бежал?

– Нет, нас семь человек было.

– Наверно, думаете: вот привязался старый чудак! Так?

– Да что вы! Я совсем так не думаю, – студент покраснел так, как если бы он именно так и подумал. – Правда, профессор. Мне очень интересно.

Сердце старого профессора дрогнуло.

– Это хорошо, солдат. Это хорошо, что вы меня понимаете. «Слово» надо, конечно, прочитать. И не раз. Я вам подарю книжку... у меня как раз есть с собой... – Профессор достал из портфеля экземпляр «Слова о полку Игореве», подумал. Посмотрел на студента, улыбнулся. Что-то быстро написал на обложке книги, подал студенту. – Не читайте сейчас. Дома прочитаете. Вы заметили: я суетился сейчас, как неловкий жених. – Голос у профессора и выражение лица были грустными. – После этого бывает тяжело.

Студент не нашелся, что на это сказать. Неопределенно пожал плечами.

– Вы все семеро дошли живыми?

– Все.

– Пишете сейчас друг другу?

– Нет, как-то, знаете...

– Ну, конечно, знаю. Конечно. Это все, дорогой мой, очень русские штучки. А вы еще «Слово» не хотите читать. Да ведь это самая русская, самая изумительная

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru русская песня. «Комони ржут за Сулою; звонить слава въ Киеве; трубы трубить въ Новеграде; стоять стязи въ Путивле!» А? – Профессор поднял кверху палец, как бы вслушиваясь в последний растаявший звук чудной песни. – Давайте зачетку. – Он проставил оценку, закрыл зачетку, вернул ее студенту. Сухо сказал: – До свидания.

Студент вышел из аудитории. Вытер вспотевший лоб. Некоторое время стоял, глядя в пустой коридор. Зачетку держал в руке – боялся посмотреть в нее, боялся, что там стоит «хорошо» или, что еще тяжелее – «отлично». Ему было стыдно.

«Хоть бы „удовлетворительно“, и то хватит», – думал он.

Оглянулся на дверь аудитории, быстро раскрыл зачетку... некоторое время тупо смотрел в нее. Потом еще раз оглянулся на дверь аудитории, тихо засмеялся и пошел.

В зачетке стояло: «плохо».

На улице он вспомнил про книгу. Раскрыл, прочитал:

«Учись, солдат. Это тоже нелегкое дело. Проф. Григорьев».

Студент оглянулся на окна института, и ему показалось, что в одном он увидел профессора.

...Профессор действительно стоял у окна. Смотрел на улицу и щелкал ногтями по стеклу. Думал.

Степкина любовь

Весной, в апреле, Степан Емельянов влюбился. В целинщицу Эллочку. Он видел ее всего два раза. Один раз подвез из города до деревни – ничего. Сидели рядом и молчали. На ухабах полупорку подкидывало. Девушка прислонялась к Степану и всякий раз смущенно смотрела на него, точно хотела сказать: «Вы, конечно, понимаете, что не сама же я хочу этого». И отодвигалась на самый край сиденья. А Степан – ничего, даже не смотрел на девушку. Насвистывал себе «Амурские волны» и думал об аккумуляторе (у него аккумулятор сел).

Подъехали к деревне, девушка полезла в сумочку за деньгами.

Степан слегка зарумянился в скулах.

– Бросьте вы...

– Почему? – Девушка вскинула на него зеленоватые, прозрачные глаза. – А что?

– Ничего. – Степан «кинул» скорость, газанул и уехал.

«Бывают же такие красивые!» – подумал он о девушке. И все. И забыл о ней.

Мотался неделями по нелегким алтайским дорогам, ночевал где придется, видел других девушек, и красивых, и не очень красивых – всяких. Мало ли девушек на белом свете! Обо всех думать – голова распухнет.

Наступил апрель.

Как-то в субботу заехал Степан домой. Помылся в бане, надел вышитую рубаху, новенькие, мягкого хрома сапоги, выпил ковш крепкой медовухи и пошел в клуб смотреть постановку. Должны были играть свои, деревенские артисты. Степан очень любил, когда играли свои. Интересно. Знаешь человека вот с таких лет, приходишь в клуб, глядь – тот же Гришка Новоселов, скажем, бегаёт по сцене с бородой по пояс и орет дурным голосом: «Живьем тебя сгною, такой-сякой!..»

Степан всегда хохотал в таких случаях, и на него всегда шикали соседи и говорили, что он не понимает, что к чему.

Сел Степан поближе к сцене и стал смотреть. И видит: выходит на сцену та самая девушка, которую он подвез из города. Такая же красивая, только спокойная и какая-то очень важная: голова чуть откинута назад, русые косы по пояс, в красных

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru сапожках. Ходит медленно, голову поворачивает медленно, а голос родной какой-то. Степан почему-то начал волноваться. Он узнал ее сразу. Только он не думал, что она такая красивая. То есть он знал, что она красивая, но не так.

Потом на сцену вышел один нахальный парень, Васька Семенов, колхозный счетовод. В шляпе, в очках, тоже очень важный. В другое время Степан тут обязательно бы захохотал, но сейчас ему было не до смеха. Он смотрел на девушку и ждал, что у них будет с этим Васькой. Он увидел, как заблестели глаза девушки, как вся она как-то съежилась, как будто испугалась чего. Степану стало жалко ее.

– Зачем ты пришел? – спросила она.

– Я не могу без тебя! – говорит этот дурак громко, на весь зал.

– Уходи, – говорит девушка, но как-то так, что слышится больше: «Не уходи».

– Я не уйду, – говорит Васька и подходит к ней ближе.

Степан вцепился руками в край скамьи. Он знал, что этот Васька так просто не уйдет. И не успел он глазом моргнуть, не успел подумать, чем все это кончится, как счетоводишка ловко обнял девушку за плечи, чуть завалил на левую руку и поцеловал. Степан видел губы девушки после поцелуя – припухшие, чуточку влажные, приоткрытые. Они вздрагивали в стыдливой, счастливой улыбке. У Степана потемнело в глазах. Он встал и пошел из клуба.

На улице прислонился к столбу и долго не мог прийти в себя.

«Как же так!..» – думал он.

Три дня ходил Степан сам не свой. (Машину он поставил на ремонт.) Он узнал, что девушку зовут Элла, что она из города Воронежа, работает учетчицей в тракторной бригаде. И все. Хотел было поговорить с Васькой Семеновым, чтобы тот не особенно наигрывал в постановке, но вовремя одумался: это ж не по правде у них. Люди засмеют.

Как-то вечером Степан начистил до блеска свои хромовые сапоги и направился... к Эллочке. Дошел до ворот (она жила у стариков Куксиных), постоял, повернулся и пошел прочь. Побрел за деревню, к реке. Сел на сырую землю, обхватил руками колени, уронил на них голову и так просидел до утренней зари. Думал.

Он похудел за эти дни; в глазах устоялась серьезная, черная тоска. Ничего не ел почти, курил одну за одной папиросы и думал, думал...

– Чего это ты? – спросил его отец.

– Так... – Степан задавил сапогом окурок и снова полез за папиросами, а сам смотрел в сторону.

Эллочку он не видел ни разу за это время. В клуб больше не ходил.

На четвертый день Степан заявил отцу:

– Хочу жениться.

– Ну? Кого хочешь брать? – поинтересовался Егор Северьяныч, отец Степана.

– Эту... новенькую... учетчицу... – тихо ответил Степан, недовольно глядя мимо отца в окно.

Егор Северьяныч задумался.

– Ты с ней знакомый?

– Та-а... – Степан замялся. – Нет.

– Я сватать не пойду, – твердо заявил Егор.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Почему?

– Не хочу позора на старости лет. Знаю я такое сватовство: придешь, а девка ни сном ни духом не ведает. Сперва договорись с ней. Погуляй малость, как все люди делают, тогда пойду сватать. А то... Ты вечно, Степка, наобум Лазаря действуешь. Учил тебя, учил, все без толку.

Этот разговор слышал дед Северьян, отец Егора. Он лежал на печке хворый.

– Скажите, какой принц выискался: сватать он не пойдет, – сердито сказал Северьян. – Ты забыл, Егор, как я за тебя невесту ходил провожать?

Егор Северьяныч недовольно нахмурился, закурил. Долго молчал. Чего говорить, сам он в молодости был такой же, как Степан: боялся на девушку глаза поднять.

– Я могу, конечно, сходить, – заговорил он, – но только... я думаю, не пойдет она за тебя.

– Пойдет! – сказал дед Северьян. – За такого парня любая пойдет.

– Почему ты думаешь, что не пойдет? – спросил Степан, чувствуя, что холодеет изнутри.

– Городская ж она... черт их поймет, чего им надо. Скажет – отсталый.

– Сам ты отсталый, Егор, – опять встрял Северьян. – Сейчас не глядят на это. Сейчас девки умнее пошли. Я старый человек и то это понимаю.

В четверг с утра отец с сыном собирались на сватовство.

Степан опять надел вышитую рубаху, долго приглаживал перед зеркалом прямые, жесткие волосы.

Егор Северьяныч, болезненно сморщившись, ловил негнушимися, темными пальцами маленькую скользкую пуговицу на ширинке новых брюк, с великим трудом вгонял ее в тугую петельку.

– Сошьют же, оглоеды! – ругался он. – Не лезет, хоть ты что. Хоть матушку-репку пой.

Степан пригладил волосы, остановился посреди избы, соображая, что еще сделать над собой.

– Надень галстук, – посоветовал дед Северьян.

– На вышитую рубаху не идет, – пояснил Степан.

Собрались наконец.

Егор Северьяныч тронул огромной ладонью затылок, озадаченно посмотрел на отца.

– А пол-литра-то брать с собой или нет? Они ведь теперь по-новому все живут, не поймешь ничего.

Дед Северьян подумал.

– Возьми в карман, – посоветовал он. – Понадобится – она при себе.

Пошли.

День был солнечный, звонкий. Текли ручьи. Небо отражалось в лужах; синие осколки его там и здесь весело сверкали на черной земле. Апрель вовсю бушевал на дорогах.

Шли молча. Старательно обходили лужи, чтобы не замарать сапоги.

У Куксиных огромный домина выстроен.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

В первых двух комнатах никого не было. Егор Северьяныч приуныл: он думал, что сейчас разведет лясы со стариком Куксиным и в разговоре как-нибудь вставит: «А мы ведь к вам того, по делу...» Старик обязательно помог бы ему. Теперь же надо проходить прямо в горницу, где жила Элла.

Отец с сыном переглянулись и направились к горнице.

Егор казанком указательного пальца осторожно стукнул в дверь.

– Да! – ответили из горницы.

У Степана больно подпрыгнуло сердце.

Егор Северьяныч приоткрыл половинку двери, с трудом протиснулся внутрь. Степан – за ним. Стали у порога.

Прямо перед ними за столом сидел Васька Семенов, а рядом с ним, близко, – Эллочка.

Чай попивают. Васька без пиджака, в шелковой желтой рубаше, выбритый до легкого сияния. Сидит как у себя дома, свободно, даже развалился немного. Смотрит на Емельяновых ласково и глупо.

Эллочка легко поднялась с места, подставила гостям стулья.

– Проходите, садитесь, пожалуйста.

Егор Северьяныч, глядя на Ваську, прошел и сел. Потом оглянулся на сына. У Степана во всю щеку полыхал горячий румянец. Он точно прирос к полу.

– Садитесь, что вы стоите! – весело крикнула Эллочка. – Вы что, его никогда не видели?

Степан сел, положил на колени фуражку.

Некоторое время молчали.

Эллочка, готовая рассмеяться, бросала взгляды то на Егора, то на Ваську. Васька тоже ничего не понимал.

– Слушаю, товарищи. А я помню вас, – повернувшись к Степану, весело сказала Элла. – Я однажды ехала с вами из города. Вы тогда очень сердитый были...

Степан мучительно улыбнулся.

А Васька счел необходимым пошутить.

– Левачков, значит, подбрасываем, Степан Егорыч? Нехорошо!..

Егор Северьяныч еще раз глянул на гладкое Васькино лицо, нагнул по-бычьей голову и сказал прямо:

– Мы, девка, сватать тебя пришли.

Эллочка от неожиданности приоткрыла рот.

– Как?..

– Ну как сватают! Сын вон у меня, – Егор кивнул в сторону Степана, – хочет, чтобы ты за него выходила. Если ты согласная, конечно.

Элла взглянула на Степана.

Тот сжал до отеков кулаки, положил на колени и внимательно их рассматривал. На лбу у него мелким бисером выступил пот. Он не вытирал его.

– То есть замуж?.. – спросила Элла и покраснела.

полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Куда же еще, – вздохнул Степан. И посмотрел в глаза Ваське.

Васька хохотнул и пошевелился на стуле. И уставился на Элли. Она стояла около стола, розовая от смущения, старательно снимала белыми пальчиками соринку с платья.

– Поздно хватился, Степа, – громко сказал Васька и опять пошевелился на стуле. – Опоздал.

Степан на этот раз не удостоил его взглядом, смотрел неотступно, требовательно и серьезно на девушку, ждал. Смущение его отчего-то прошло.

Эллочка вдруг резко подняла голову, глянула на Степана зеленовато-чистыми глазами. И стыд, и ласка, и упрек, и одобрение, и что-то еще невыразимо прекрасное, робкое, отчаянное было в ее взгляде. У Степана дрогнуло от радости сердце. Никто бы не смог объяснить, что такое родилось вдруг между ними и почему родилось. Это понимали только они двое. Да и то не понимали. Чувствовали.

И в этот-то момент Васька брякнул:

– Мы скоро поженимся, Степа...

И так это у него глупо вышло, что он даже сам подумал: не надо бы ему так говорить.

Егор Северьяныч встал было и пошел из горницы, но Элла как-то вся вдруг встрепенулась, даже немного излишне поспешно сказала:

– Куда вы? Сват называется! Я-то вам еще ничего не ответила.

Она быстро приходила в себя. Она не смотрела на Степана, но Степан... Степану неважно было, смотрит она на него или нет. Степан весь горел от стыда и радости. Никакие силы не подняли бы его сейчас с места и не заставили уйти.

Егор Северьяныч остановился. Васька сидел красный и растерянный. Он с ужасом тоже начал что-то понимать.

– Садитесь. И давайте чай пить, что ли.

Эллочка сначала растерялась, потом заговорила уже уверенно и с какой-то другой теперь веселостью, чем вначале, – с решительной веселостью.

Все были в ожидании того, что сейчас непременно произойдет.

– Может, мне лучше уйти? – громко спросил Васька, и голос его дрогнул от обиды. Васька погибал, погибал прямо и просто. Он даже не пытался спастись.

– Я считаю, что да, – тоже громко сказал Степан.

Он немного поторопился. Не надо бы так тоже. Но уж тут ничего не сделаешь. Их было двое, и один должен был уйти. Оба действовали грубо. И кого-то одного Эллочка должна была извинить.

Васька на этот раз тоже не удостоил Степана взглядом: он смотрел на Элли. Элла опять покраснела и глянула на Егора Северьяныча, который все еще стоял посреди горницы и переводил глаза то на одного, то на другого, то на третью. Он совсем не мог сообразить, что тут происходит. Эллочка невесело рассмеялась:

– Вот положение-то, господи! Хоть бы помог кто-нибудь. Ну, почему вы стоите-то! Садитесь же!

Она даже ногой слегка пристукнула. Ей было нелегко. Васька поднялся со стула. Стал надевать пиджак. Он его как-то очень медленно надевал. Все ждали, когда он наконец наденет его.

– Эх, Степа, жалко мне тебя, – сказал Васька.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
И пошел из горницы. На пороге еще оглянулся, зло и весело посмотрел на всех и вышел, крепко хлопнув дверью.

Некоторое время в горнице было тихо.

Степан осторожно вытер со лба пот. И улыбнулся.

– Нет, вы как хотите, а я сейчас выпью, – сказал Егор Северьяныч, подходя к столу. – Я даже ослаб от такого сватовства.

Племянник главбуха
Совещание было коротким.

– Хватит миндальничать! – сказал дядя. – Дальше еще хуже будет. Завтра он поедет ко мне и будет учиться на счетовода. Специальность не хуже всякой.

Мать всплакнула было, но скоро успокоилась и, поглядывая на закрытую дверь горницы, стала негромко и жалко просить брата:

– Помоги, Егорушка! Я больше не могу ничего сделать. Учиться не хочет, хулиганит... На днях соседской свинье глаз выбил. Я уж просила доктора – доктор, сосед-то, – чтобы не жаловался никуда. Свинья-то теперь боком ходит.

Дядя нахмурился и покачал головой.

– Уж ты будь ему заместо отца родного. Жив был бы Игнат, разве так бы все было...
– Мать опять всплакнула.

– Ладно, ладно, – сказал дядя, – чего там!.. Сделаем.

В горнице сидел подросток лет тринадцати-четырнадцати, худой, лобастый, с голубыми девичьими глазами – Витька. Катал по столу бильярдный шар и недовольно сопел. Решалась его судьба.

В горницу вошел дядя и объявил:

– Поедешь завтра со мной!

– Куда это?

– В Кондратьево. Будешь учиться на счетовода.

Витька искренне удивился.

– Какой же из меня счетовод? Вы что?

– Ничего-о, я с тобой сам теперь займусь. Вот так.

Дядя вышел.

Витька спрятал в карман шарик, открыл окно, вылез на улицу и, пригибаясь под окнами, пошел прочь со двора.

...Дядя догнал его на коне за поскотиной.

Витька, завидев всадника, нырнул в придорожный черемушник и затих. Дядя остановился как раз против того куста, под которым затаился Витька. Негромко приказал:

– Вылазь!

Витька ни гугу.

– Я ведь знаю, что ты здесь. Бегать еще не умеешь: кто же прячется возле дороги?

Витька вышел. Потер ушибленное колено.

– Где же еще спрячешься? Чистое поле кругом.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Пошли, – сказал дядя беззлобно. – Ну и осел же ты, Витька! Даже удивительно.

Витька шагал рядом с мордой лошади. Молчал.

– Куда бы ты побежал, интересно?

Витька сплюнул на дорогу, сунул руки в карман и посмотрел далеко-далеко – на закат. Ему не хотелось об этом говорить.

– Характер! Эх, отца бы тебе сейчас!.. Ну ничего!

Долго молчали.

В воздухе заметно посвежело. Пыль на дороге стала холодной.

– Чего тебе в жизни надо, Витька?

Молчание.

– Почему ты не учишься, как все люди?

Опять молчание.

– Работать хочешь?

– Хочу.

– Кем? Конюхом?

– Не обязательно конюхом..

Дядя тоже сплюнул на дорогу и замолчал.

– Сопляк, – сказал он через некоторое время.

Витька посмотрел на него снизу чистыми честными глазами и отвернулся.

– У нас в родне все в люди вышли, авторитетом пользуются, а ты.. Вот осел-то! – громко возмущился дядя. – Ты думаешь, конюхом – хитрое дело? Это ведь кому уж деваться некуда, тот в конюхи-то идет. Голова садовая! Ну, ничего! Я возьмусь за тебя.

Витьку посадили за большой стол, рядом с толстой девушкой, которую все называли Лидок.

Лидок внимательно посмотрела на Витьку... И вздохнула:

– Надо же, такие глаза и парню достались.

Витьке это почему-то не понравилось. Вообще все тут ему не понравилось. Контора была большая и бестолковая, как показалось Витьке. Много шумели, спорили и, главное, целыми днями сидели на месте. Дядя Витькин, главбух объединенного колхоза, занимал отдельный кабинет. Время от времени он, озабоченный, выходил оттуда и требовал у какой-нибудь из девушек «балансовый отчет» или «платежную ведомость». И внимательно и строго смотрел на Витьку.

Девушек в конторе было четыре. Все, как одна, скучные и глупенькие. Когда никого не было, они сплетничали о парнях и смеялись. Очень много смеялись. И без конца ели конфеты. Витька презирал их. Но больше всех он невзлюбил Лидок.

– Ты таблицу умножения знаешь, конечно?

– Знаю, конечно.

– Перемножь вот эти цифры. Только не сбейся!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Витька умножал скучное число на число еще более скучное, получал скучнейший результат и подавал Лидок. Лидок сосала конфетку и проверяла на арифмометре Витькино вычисление.

– Пра-льно. Тренируйся больше.

– Ну и дура ты! – не выдержал Витька.

Лидок сделала большие глаза и перестала сосать конфетку.

– Ты что это?

– Кто же тут тренируется? Тренируются на турнике или в волейбол.

– Егор Васильевич! – позвала Лидок.

Из кабинета вышел дядя, строгий и озабоченный.

– Он на меня говорит «дура».

– Зайди ко мне.

Витька не без робости вошел к дяде в кабинет.

– Вот что, дорогой племянничек, – заговорил дядя, стоя посреди кабинета с бумажкой в руке, – если ты будешь тут язык распускать, я с тобой по-другому поговорю. Понял? Я тебе не мать. Понял?

– Понял.

– Вот так! Иди извинись перед девкой. Она в два раза старше тебя, сопляк. Не хватало еще с тобой тут возиться.

Витька вышел из кабинета, прошел на свое место.

Девушки щелкали на счетах и неодобрительно посматривали на него.

– Попало? – спросила Лидок.

Витька взял чистый лист бумаги... задумался, глянул на солидную Лидок и написал крупно, во весь лист: «ФИФЫЧКА». И показал Лидок.

Лидок тихонько ахнула, посмотрела на дверь кабинета, потом взяла лист и тоже что-то написала. И показала Витьке.

«КОНЮХ» – было написано на листе.

Витька взял новый лист и написал: «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА».

Лидок фыркнула, взяла новый лист и быстро написала: «ТЫ ЕЩЕ НЕ ДОРΟΣ».

Витька долго думал, потом написал в ответ: «СВЕЖАСРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО ДУБ».

Лидок быстро нагнулась и выхватила лист у Витьки. И пошла с ним в кабинет.

Витька, недолго раздумывая, поднялся и пошел из конторы, осторожно прикрыв за собою дверь.

Близилась осень. Ее дыхание тронуло уже лес и поля. Листья на деревьях пожелтели. Трава поблекла, сухо шуршала под ногами.

Витька вышел за деревню, на косогор, сел и стал смотреть в степь.

День был серый, темное небо образовало над степью крышу. Под этой крышей было пасмурно, тепло и просторно. На западе сквозь тучи местами пробивалась заря. Ее неяркий светло-розовый отсвет делал общую картину еще печальней. Стал накрапывать мелкий-мелкий теплый дождик. Витька свернулся калачиком и лег. Земля

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru была тоже теплая. Витьке сделалось очень грустно. Вспомнилась мать. Захотелось домой. Он вспомнил, как мать разговаривает с предметами – с дорогой, с дождиком, с печкой... Когда они откуда-нибудь идут с Витькой уставшие, она просит: «Матушка дороженька, помоги нашим ноженькам – приведи нас скорей домой». Или если печка долго не разгорается, она выговаривает ей: «Ну, милая, ты уж сегодня совсем что-то... Барыня какая». Витька любил мать, но они, к сожалению, не понимали друг друга. Витьке нравилась жизнь вольная. Нравилась большие сильные мужики, которые легко поднимали на плечо мешок муки. Очень хотелось быть таким же – ездить на мельницу, перегонять косяки лошадей на дальние пастбища, в горы, спать в степи... А мать со слезами (вот еще не нравилось Витьке, что она часто плакала) умоляла его: «Учись ты ради Христа, учись, сынок! Ты видишь, какая теперь жизнь пошла: ученые шибко уж хорошо живут». Был у них сосед-врач Закревский Вадим Ильич, так этим врачом она все глаза протыкала Витьке: «Смотри, как живет человек». Витька ненавидел сытого врача, одно время подумывал, не поджечь ли его большой дом. Ограничился пока тем, что выбил его свинье левый глаз.

– Матушка степь, помоги мне, пожалуйста, – попросил Витька, а в чем помочь, он точно не знал. Он хотел, чтобы его оставили в покое, хотел быть сейчас дома, хотел, чтобы Лидок не мучила его вычислениями. Стало легче оттого, что он попросил матушку степь. Он незаметно заснул.

Разбудил его дядя.

Когда Витька проснулся, дядя стоял над ним и снимал с себя брезентовый плащ. Сеялся нехолодный мелкий дождь. Было уже темно.

– Замерз? – спросил дядя.

– Нет.

– Нет... – Дядя поднял Витьку и стал закутывать в плащ. Плащ громко шуршал, а дождик тихонько шумел. – Ох, Витька, Витька... обормот ты мой!.. – Дядя взял Витьку в охапку и понес. Тут только увидел Витька, что рядом с ними стоит конь. – Садись.

Витька устроился на теплой конской спине. Дядя сел сзади.

– Ну что? – спросил дядя, когда поехали.

– Ничего.

– Не хочешь быть бухгалтером?

– Нет.

– Ни в какую?

Витьке показалось, что дядя сейчас начнет ругаться, и он промолчал.

– Ну и черт с ней! Знаешь... тоже, я тебе скажу, не велика пешка – бухгалтер. Ничего, Витька, проживем. Ты только, я прошу тебя, не хулигань. Разобидел давеча девку до слез. Она ж невеста, а ты ей такие слова. Чудо!

– Она сама начала.

Дядя закурил и задумался.

Дождь перестал сеяться. Кое-где показались на небе звезды. Крепко запахло картофельной ботвой и гнилой древесиной. По селу лаяли собаки. Хлопали калитки. Разговаривали невидимые люди, слышался молодой беспечный смех. Где-то недалеко били палкой по чему-то мягкому, наверное, по перине, и приговаривали:

– Ты гляди, что делается – пыли-то! Пыли-то!

– Завтра пойдем с тобой к председателю, посоветуемся, – заговорил дядя. – Я бы тебя к машине какой-нибудь приставил. Хочешь?

– Конечно. А домой я не поеду?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Нет, домой пока не надо.

– Почему?

Дядя помолчал.

– Мать твоя замуж, наверно, выйдет. Она ведь молодая еще. Сватается там один..

Витька чуть с коня не свалился – настолько поразило его это известие. Во-первых, он с удивлением узнал, что его мать еще молодая, во-вторых... как это так? А как он, Витька?

– Он неплохой мужик. Я его знаю немного, – рассказывал дядя, а Витька с болезненной остротой представил себе, как ходит по ихнему дому этот «неплохой мужик» и зевает. Почему-то зевает.

«Из-за меня это она. Потому что я непутевый», – догадался Витька, и ему стало до слез жаль свою мать.

Когда приехали домой, у Витьки окончательно созрел план действий.

У ворот дядя соскочил с коня, открыл одну воротину, впустил Витьку.

– Расседлай его и насыпь овса. Седло в сенцы занеси – дождь, наверно, опять будет. Я пошел на собрание. Сам раздевайся и лезь сразу на печь.

Дядя пошел от ворот и сразу пропал из виду, растворился в чернильной темноте.

Витька подождал, когда затихнут его шаги, выехал из ворот, подстегнул лошадь.

До Игринево, где жила мать Витьки, было километров семь. Витька пробежал их скоро: лошадь разохотилась в беге, несла ровно и быстро. Витька сперва ждал, что она где-нибудь споткнется, потом успокоился и стал думать о матери. Не терпелось поскорей увидеть ее и сказать... что-нибудь хорошее, ласковое. Витька ругал себя, свой дурной характер, который привел к тому, что мать вынуждена впускать в дом чужого мужчину. Ей, конечно, трудно одной – это Витька и без дяди понимал. Теперь они будут вдвоем, теперь Витька никогда не обидит мать, не причинит ей горя.

Мать уже спала, когда Витька въехал во двор. Она услышала стук ворот, вскочила. Прильнула лицом к окну.

Витька спрыгнул с коня, набросил повод на колышек плетня, постучал в дверь.

– Кто там? – Мать не на шутку испугалась.

– Я, – сказал Витька.

– Витя!.. Ты чего, сынок? – Открыла дверь, обняла второпях сына, потом спохватилась. – Ты чего, сынок? Не с Егором ли чего? Он с тобой?

– Нет. – Витька прошел в избу, дождался, когда мать засветит огонь. Огляделся.

Мать во все глаза смотрела на сына. Какой-то он был... странный.

– Что случилось-то, Витька?!

– Ничего. – Витька присел на краешек кровати, долго молчал. – Мам... – Голос его чуть дрогнул. – Ты... замуж, что ли, выходишь?..

Мать вспыхнула горячим румянцем. Помолчала, потом заговорила торопливо, с усмешечкой, которая должна была скрыть ее растерянность:

– Да ты что?.. Кто тебе сказал-то? Господи... Ты откуда взял-то это?

«Врет», – понял Витька. И встал.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Пойду коня расседлаю.

Когда он вышел, мать быстро натянула платьишко, покружилась по избе, не зная, что сделать, потом села к столу и заплакала. Плакала и сама не понимала от чего: от радости ли, что сын помаленьку становится мужчиной, от горя ли, что жизнь, кажется, так и пройдет... Так и пройдет.

Когда Витька вошел, она еще плакала.

Витька сел напротив матери. Неловко, осторожно провел рукой по ее волосам.

– Не надо.

– Я ничего, сынок. Я – так. Чаю хочешь?

– Я насовсем приехал, мам.

– Ну и хорошо! Хорошо, сынок! Я тебе чаю сейчас поставлю.

Демагоги

Солнце клонилось к закату. На воду набегал ветерок, пригибал на берегу высокую траву, шебаршил в кустарнике. Камнем, грудью вперед, падали на воду чайки, потом взмывали вверх и тоскливо кричали.

Внизу, под обрывистым берегом, плескалась в вымоинах вода. Плескалась с таким звуком, точно кто ладошками пришепывал по голому телу.

Вдоль берега шли двое: старик и малый лет десяти – Петька. Петька до того белобрыс, что кажется: подуй ветер сильнее, и волосы его облетят, как одуванчик.

Старик нес на плече свернутый сухой невод.

Петька шел впереди, засунув руки в карманы штанов, посматривал на небо. Время от времени сплевывал через зубы.

Разговаривали.

– ...Я ему на это отвечаю, слышь: «Милый, – говорю, – человек! Ты мне в сыны три раза годишься, а ты со мной так разговариваешь». – Старик подкинул на плече невод. Он страдал глухотой, поэтому говорил громко, почти кричал: – «Ты, конечно, начальство!.. Но для меня ты – ноль без палочки. Я охраняю государственное учреждение, и ты на меня не ори, пожалуйста!»

– А он что? – спросил Петька.

– А?

– А он что на это?

– Он? «А я, – говорит, – на тебя вовсе не ору». Тогда я ему на это: «Как же ты на меня не орешь, ежели я все слышу! Когда на меня не орут, я не слышу».

– Ха-ха-ха! – закатился Петька.

Старик прибавил шагу, догнал Петьку и спросил, тоже улыбаясь:

– чего ты?

– Хитрый ты, деда!

– я-то? Меня если кто обманет, тот дня не проживет. Я сам кого хошь обману. И я тебе так скажу...

Под обрывом, в затоне, сплавилась большая рыбина; по воде пошли круги.

Петька замер.

– Видал?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Старик тоже остановился.

– Здесь рыбешка имеется, – негромко сказал он. – Только коряг много.

Петька как зачарованный смотрел на воду.

– Вот такая, однако! – Он показал руками около метра.

– Талмешка... Тут переметом. Или лучить. Неводом тут нельзя – порвешь только. – Старик тоже смотрел на воду. Он был длинный, сухой, с благообразным, очень опрятным свежим лицом. Глаза молодые и умные.

Еще сплавилась одна рыбина, опять по воде пошли круги.

– Ох ты! – тихонько воскликнул Петька и глотнул слюну. – Может, попробуем?

– А? Нет, порвем невод, и все. Я тебе точно говорю. Я эти места знаю. Здесь одна девка утонула. Раньше еще, когда я молодой был.

Петька посмотрел на старика.

– Как утонула?

– Как... Нырнула и запуталась волосами в коряге. У нее косы сильно большие были.

Помолчали.

– Деда, а почему так бывает: когда человек утонет, он лежит на дне, а когда пройдет время, он выплывает наверх. Почему это?

– Его раздувает, – пояснил дед.

– Ее нашли потом?

– Кого?

– Девку ту.

– Конечно. Сразу нашли... Вся деревня, помню, смотреть сбежалась. – Дед помолчал и добавил задумчиво: – Она красивая была... Марья Малюгина.

Петька глядел на воду, в которой притаилась страшная коряга.

– Она здесь лежала? – Петька показал глазами на берег.

– Где-то здесь. Я уже забыл теперь. Давно это было.

Петька еще некоторое время смотрел на воду.

– Жалко девку, – вздохнул он. – Нырнет в воду, и косы зачем-то распускать. Вот дуреха!

– А?

– Я про Марью!

– Хорошая девка была. Шибко уж красивая.

Шумела река, шелестел в чаще ветер. Вода у берегов порозовела – солнце садилось за далекие горы. Посвежело. Ветер стал дергать по воде сильнее. Река наершилась рябью.

– Пошли, Пётра. Ветер подымается. К ночи большой будет: с севера повернул.

Петька, не вынимая рук из карманов, двинулся дальше.

– Северный ветер холодный. Правильно?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Верно.

– Потому что там Северный Ледовитый океан.

Дед промолчал на это замечание внука.

– Деда, а знаешь, почему наша речка летом разливается? Другие весной – нормально, а наша в середине лета. Знаешь?

– Почему?

– Потому что она берет начало в горах. А снег, сам понимаешь, в горах только летом тает.

– Это вам учительша все рассказывает?

– Ага.

– Она верно понимает. Какие теперь люди пошли! Ей небось и тридцати нету?

– Это я не знаю.

– А?

– Не знаю, говорю!

– Ей, наверное, двадцать так. А она уж столько понимает. Почти с мое.

– Она умная. – Петька поднял камень и кинул в воду. – А я на руках ходить умею! Ты не видел еще?

– Ну-ка...

Петька разбежался, стал на руки и... брякнулся на задницу.

– погоди! Еще раз!!!

Дед засмеялся.

– ловко ты!

– Да ты погоди! Глянь!.. – Петька еще раз разбежался и снова упал.

– Ну, будет, будет! – сказал дед. – Я верю, что ты умеешь.

– Надо малость потренироваться. Я же вчера только научился. – Петька отряхнул штаны. – Ну ладно, завтра покажу.

...Подошли к месту, где река делает крутой поворот. Вода здесь несется с бешеной скоростью, кипит в камнях, пенится. Здесь водятся хариусы.

Разделись. Дед развернул невод и первым полез в воду.

Вода была студеная. Дед посинел и покрылся гусиной кожей.

– Ух-ха! – воскликнул он и сел с маху в воду, чтобы сразу притерпеться к холоду.

Петька засмеялся.

– Дерет?

Дед фыркал, крутил головой, одной рукой выжимал бороду, а другой удерживал невод.

– Пошли!

Поставили палки вертикально и побежали, обгоняя течение. Невод выгнулся дугой

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru впереди них и тянул за собой. Петька скользил по камням. Один раз ухнул в ямку, выскочил, закрутил головой и воскликнул, как дед:

– Ух-ха!

– Подбавь! – кричал дед.

Вода доставала ему до бороды; он подпрыгивал и плевался.

Вдруг невод сильно повлекло течением от берега вглубь. Петька прикусил губу, изо всех сил удерживая его.

– Держи, Пётра! – кричал дед. Вода заливала ему рот.

Петька напрягал последние силы.

Голова деда исчезла. Невод сильно рвануло. Петька упал, но палку из рук не выпустил. Его нанесло на большой камень, крепко ударило. Петька хотел ухватиться одной рукой за этот камень, но рука соскользнула с его ослизлого бока. Петьку понесло дальше.

Он вытянул вперед ноги и тотчас ударился еще об один камень. На этот раз ему удалось упереться ногами в камень и сдержать невод.

Огляделся – деда не было видно. Только на короткое мгновение голова его показалась над водой. Он успел крикнуть:

– Ноги! Дер... – И опять исчез под водой.

Невод сильно дергало. Петька понял: ноги деда запутались в неводе. Петька согнулся пополам, закусил до крови губу и медленно стал выходить на берег. Упругие волны били в грудь, руки онемели от напряжения. Петька сморщился от боли и страха, но продолжал медленно, шаг за шагом, то и дело срываясь с камней, идти к берегу и тащить невод, на другом конце которого барахтался спутанный по ногам дед.

..Дед был уже без сознания, когда Петька выволок его на берег.

– Деда! А деда!.. – звал Петька и плакал. Потом принялся делать ему искусственное дыхание.

Деда стало рвать водой. Он корчился и слабо стонал.

– Ты живой, деда? – обрадовался Петька.

– А?

Петька погладил деда по лицу.

– Напужался я до смерти, деда.

Дед закрутил головой.

– Звон стоит в голове. Чего ты сказал?

– Ничего.

– Ох-хох, Пётра... Я уж думал, каюк мне.

– Напужался?

– А?

– Здорово трухнул?

– Хрен там! Я и напужаться-то не успел.

Петька засмеялся.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А я-то гляжу, была голова – и нету.

– Нету... Бодался бы я там сейчас с налимками. Ну, история. Понос теперь прохватит, это уж точно.

– И напужался ж я, деда! А главное, позвать некого.

– А?

– Ничего. – Петька смотрел на деда и не мог сдержать смех – до того был смешным и растерянным дед.

Дед тоже засмеялся и зябко поежился.

– Замерз? Сейчас костерчик разведем!

Петька принес одежду. Оделись. Затем набрал сухого валежника, поджег. И сразу ночь окружила их со всех сторон высокими черными стенами.

Громко трещал сухой тальник, далеко отскакивали красные угольки. Ветер раздувал пламя костра, и огненные космы его трепались во все стороны.

Сидели, скрестив по-татарски ноги, и глядели на огонь.

– ...А как, значит, повез нас отец сюда, – рассказывал дед, – так я, слышь? – залез на крышу своей избы и горько плакал. Я тогда с тебя был, а может, меньше. Шибко уж неохота было из дому уезжать. Там у нас тоже речка была, она мне потом все снилась.

– Как называется?

– Ока.

– А потом?

– А потом – ничего. Привык. Тут, конечно, лучше. Тут же земли-то какие. Не сравнить с той. Тут земля жирная.

Петька засмеялся.

– Разве земля бывает жирная?

– А как же?

– Земля бывает черноземная и глинистая, – снисходительно пояснил Петька.

– Так это я знаю! Черноземная... Чернозем черноземом, а жирная тоже бывает.

– Что она, с маслом, что ли?

– Пошел ты! – обиделся дед. – Я ее всю жизнь вот этими руками пахал, а он мне будет доказывать. Иная земля, если ты хочешь знать, такая, что весной ты посеял в нее, а осенью получаешь натуральный шиш. А из другой, матушки, стебель в оглоблю прет, потому что она жирная.

– Ты «Полоску» не знаешь?

– Какую полоску?

Петька начал читать стихотворение:

Поздняя осень. Грачи улетели.
Лес обнажился, поля опустели.
Только не сжата полоска одна, –
Грустную думу...
Забыл, как дальше.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Песня? – спросил дед.

– Стихотворение.

– А?

– Не песня, а стихотворение!

– Это все одно: складно, значит, петь можно.

– Здрас-сте! – воскликнул Петька. – Стихотворение – это особо, а песня – тоже особо.

– Ох! Ох! Поехал! – Дед подбросил хворосту в костер. – С тобой ведь говорить-то надо сперва полбарана умять.

Некоторое время молчали.

– Деда, а как это песни сочиняют? – спросил Петька.

– Песни складывают, а не сочиняют, – пояснил дед. – Это когда у человека большое горе, он складывает песню, чтобы малость полегче стало. «Эх ты, доля, эх ты, доля», например.

– А «Эй, вратарь, готовься к бою»?

– Подожди... я сейчас... – Дед поднялся и побежал в кусты. – Какой вратарь? – спросил он.

– Ну, песня такая!

– А кто такой вратарь?

– Ну, на воротах стоит!..

– Не знаю. Это, наверно, шутейная песня. Таких тоже много. Я не люблю такие. Я люблю серьезные.

– Спой какую-нибудь!

Дед вернулся к костру.

– Чего ты говоришь?

– Спой песню!

– Песню? Можно. Старинную только. Я нынешних не знаю.

Но тут из темноты к костру вышла женщина, мать Петьки.

– Ну, что мне прикажете с вами делать?! – воскликнула она. – Я там с ума схожу, а они костры разводят. Марш домой! Сколько раз, папаша, я просила не задерживаться на реке до ночи. Боюсь я, ну как вы не понимаете?

Дед с Петькой молча поднялись и стали сворачивать невод. Мать стояла у костра и наблюдала за ними.

– А где же рыба-то? – спросила она.

– Чего? – не расслышал дед.

– Спрашивает: где рыба? – громко сказал Петька.

– Рыба-то? – Дед посмотрел на Петьку. – Рыба в воде. Где же ей еще быть.

Мать засмеялась.

– Эх вы, демагоги, – сказала она. – Задержитесь у меня еще раз до ночи...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Пожалуйста отцу, так и знайте. Он с вами иначе поговорит.

Дед ничего не сказал на это. Взвалил на плечо тяжелый невод и пошагал по тропинке первым, мать – за ним. Петька затоптал костер и догнал их.

Шли молча.

Шумела река. В тополях гудел ветер.

Ленька
Ленька был человек мечтательный. Любил уединение.

Часто, окончив работу, уходил за город, в поле. Подолгу неподвижно стоял – смотрел на горизонт, и у него болела душа: он любил чистое поле, любил смотреть на горизонт, а в городе не было горизонта.

Однажды направлялся он в поле и остановился около товарной станции, где рабочие разгружали вагоны с лесом.

Тихо догорал жаркий июльский день. В теплом воздухе настоялся крепкий запах смолья, шлака и пыли. Вокруг было задумчиво и спокойно.

Леньке вспомнилась родная далекая деревня – там вечерами пахнет полынью и дымом. Он вздохнул.

Недалеко от Леньки, под откосом, сидела на бревне белокурая девушка с раскрытой книжкой на коленях. Она тоже смотрела на рабочих.

Наблюдать за ними было очень интересно. На платформе орудуют ломом двое крепких парней – спускают бревна по слегам; трое внизу под откосом принимают их и закатывают в штабеля.

– И-их, р-раз! И-ищ-щю... оп! – раздается в вечернем воздухе, и слышится торопливо шелестящий шорох сосновой коры и глухой стук дерева по земле. Громадные бревна, устремляясь вниз, прыгают с удивительной, грозной легкостью.

Вдруг одно суковатое бревно скользнуло концом по слегам, развернулось и запрыгало с откоса прямо на девушку. В тишине, наступившей сразу, несколько мгновений лишь слышно было, как бежит по шлаку бревно. С колен девушки упала книжка, а сама она... сидит. Что-то противное, теплое захлестнуло Леньку горло... Он увидел недалеко от себя лом. Не помня себя, подскочил к нему, схватил, в два прыжка пересек путь бревну и всадил лом в землю. Уперся ногами в сыпучий шлак, а руками крепко сжал верхний конец лома.

Бревно ударилось о лом. Леньку отшвырнуло метра на три, он упал. Но и бревно остановилось.

Лом попался граненый – у Леньки на ладони, между большим и указательным пальцами, лопнула кожа.

К нему подбежали. Первой подбежала девушка.

Ленька сидел на земле, нелепо выставив раненую руку; и смотрел на девушку. То ли от радости, то ли от пережитого страха – должно быть, от того и от другого – хотелось заплакать.

Девушка разорвала косынку и стала заматывать раненую ладонь, осторожно касаясь ее мягкими теплыми пальцами.

– Какой же вы молодец! Милый... – говорила она и смотрела на Леньку ласково, точно гладила по лицу ладошкой. Удивительные у нее глаза – большие, темные, до того темные, что даже блестят.

Леньке сделалось стыдно. Он поднялся. И не знал, что теперь делать.

Рабочие похвалили его за смекалку и стали расходиться.

– Йодом руку-то надо, – посоветовал один.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Девушка взяла Леньку за локоть.

– Пойдемте к нам.

Ленька, не раздумывая, пошел.

Шли рядом. Девушка что-то говорила. Ленька не понимал что. Он не смотрел на нее.

Дома Тамара (так звали девушку) стала громко рассказывать, как все случилось.

Ее мать, очень толстая, еще молодая женщина с красивыми красными губами и родинкой на левом виске, равнодушно разглядывала Леньку и устало улыбалась. И говорила:

– Молодец, молодец!

Она как-то неприятно произносила это «молодец» – негромко, в нос, растягивая «е».

У Леньки отнялся язык (у него очень часто отнимался язык), и он ничего путного за весь вечер не сказал. Он молчал, глупо улыбался и никак не мог посмотреть в глаза ни матери, ни дочери. И все время старался устроить куда-нибудь свои большие руки. И еще старался не очень опускать голову – чтобы взгляд не получался исподлобья. Он имел привычку опускать голову.

Сели пить чай с малиновым вареньем.

Мать стала рассказывать дочери, какие она видела сегодня в магазине джемперы – красные, с голубой полоской. А на груди – белый рисунок.

Тамара слушала и маленькими глотками пила чай из цветастой чашки. Она раскраснелась и была очень красивой в эту минуту.

– А вы откуда сами? – спросила Леньку мать.

– Из-под Кемерова.

– О-о, – сказала мать и устало улыбнулась.

Тамара посмотрела на Леньку и сказала:

– Вы похожи на сибиряка.

Ленька ни с того ни с сего начал путано и длинно рассказывать про свое село. Он видел, что никому не интересно, но никак не мог замолчать – стыдно было признаться, что им неинтересно слушать.

– А где вы работаете? – перебила его мать.

– На авторемонтном, слесарем. – Ленька помолчал и еще добавил: – И учусь в техникуме, вечерами...

– О-о, – произнесла мать.

Тамара опять посмотрела на Леньку.

– А вот наша Тамарочка никак в институт не может устроиться, – сказала мать, закинув за голову толстые белые руки. Вынула из волос приколку, прихватила ее губами, поправила волосы. – Выдумали какие-то два года!.. Очень неразумное постановление. – Взяла изо рта приколку, воткнула в волосы и посмотрела на Леньку. – Как вы считаете?

Ленька пожал плечами.

– Не думал об этом.

– Сколько же вы получаете слесарем? – поинтересовалась мать.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Когда как... Сто, сто двадцать. Бывает восемьдесят...

– Трудно учиться и работать?

Ленька опять пожал плечами.

– Ничего.

Мать помолчала. Потом зевнула, прикрыв ладошкой рот.

– Надо все-таки написать во Владимир, – обратилась она к дочери. – Отец он тебе или нет!.. Пусть хоть в педагогический устроит. А то опять год потеряем. Завтра же сядь и напиши.

Тамара ничего не ответила.

– Пейте чай-то. Вот печенье берите... – Мать пододвинула Леньке вазочку с печеньем, опять зевнула и поднялась. – Пойду спать. До свиданья.

– До свиданья, – сказал Ленька.

Мать ушла в другую комнату.

Ленька нагнул голову и занялся печеньем – этого момента он ждал и боялся.

– Вы стеснительный, – сказала Тамара и ободряюще улыбнулась.

Ленька поднял голову, серьезно посмотрел ей в глаза.

– Это пройдет, – сказал он и покраснел. – Пойдемте на улицу.

Тамара кивнула и непонятно засмеялась.

Вышли на улицу.

Ленька незаметно вздохнул: на улице было легче.

Шли куда-то вдоль высокого забора, через который тяжело свисали ветки кленов. Потом где-то сели – кажется, в сквере.

Было уже темно. И сыро. Пал туман.

Ленька молчал. Он с отчаянием думал, что ей, наверное, неинтересно с ним.

– Дождь будет, – сказал он негромко.

– Ну и что? – Тамара тоже говорила тихо.

Она была совсем близко. Ленька слышал, как она дышит.

– Неинтересно вам? – спросил он.

Вдруг – Ленька даже не понял сперва, что она хочет сделать, – вдруг она придвинулась к нему вплотную, взяла его голову в свои мягкие, ласковые руки (она могла взять ее и унести совсем, ибо Ленька моментально перестал что-либо соображать), наклонила и поцеловала в губы – крепко, больно, точно прижгла каленой железкой. Потом Ленька услышал удаляющиеся шаги по асфальту и голос из темноты, негромко:

– Приходи.

Ленька зажмурился и долго сидел так.

К себе в общежитие он шел спокойный. Медленно нес свое огромное счастье. Он все замечал вокруг: у забора под тусклым светом электрических лампочек вспыхивали холодные огоньки битой посуды... Перебегали через улицу кошки...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Было душно. Собирался дождь.

Они ходили с Тамарой в поле, за город.

Ленька сидел на теплой траве, смотрел на горизонт и рассказывал, какая у них в Сибири степь весной по вечерам, когда в небе догорает заря. А над землей такая тишина! Такая стоит тишина!.. Кажется, если громко хлопнуть в ладоши, небо вздрогнет и зазвенит. Еще рассказывал про своих земляков. Он любил их, помнил. Они хорошо поют. Они очень добрые.

– А почему ты здесь?

– Я уеду. Окончу техникум и уеду. Мы вместе уедем... – Ленька краснел и отводил глаза в сторону.

Тамара гладила его прямые мягкие волосы и говорила:

– Ты хороший. – И улыбалась устало, как мать. Она была очень похожа на мать. – Ты мне нравишься, Леня.

Катились светлые, счастливые дни. Кажется, пять дней прошло.

Но однажды – это было в субботу – Ленька пришел с работы, наутюжил брюки, надел белую рубашку и отправился к Тамаре: они договорились сходить в цирк. Ленька держал правую руку в кармане и гладил пальцами билеты.

Только что перепал теплый летний дождик, и снова ярко светило солнышко. Город умылся. На улицах было мокро и весело.

Ленька шагал по тротуару и негромко пел – без слов.

Вдруг он увидел Тамару. Она шла по другой стороне улицы под руку с каким-то парнем. Парень, склонившись к ней, что-то рассказывал. Она громко смеялась, закидывая назад маленькую красивую голову.

В груди у Леньки похолодело. Он пересек улицу и пошел вслед за ними. Он долго шел так. Шел и смотрел им в спины. На молодом человеке красиво струился белый дорогой плащ. Парень был высокий.

Сердце у Леньки так сильно колотилось, что он остановился и с минуту ждал, когда оно немного успокоится. Но оно никак не успокаивалось. Тогда Ленька перешел на другую сторону улицы, обогнал Тамару и парня, снова пересек улицу и пошел им навстречу. Он не понимал, зачем это делает. Во рту у него пересохло. Он шел и смотрел на Тамару. Шел медленно и слышал, как больно колотится сердце.

Тамара все смеялась. Потом увидела Леньку. Ленька заметил, как она замедлила шаг и прижалась к парню... и растерянно и быстро посмотрела на него, на парня. А тот рассказывал. Ленька даже расслышал несколько слов: «Совершенно гениально получилось...»

– Здравствуй...те! – громко сказал Ленька, останавливаясь перед ними. Правую руку он все еще держал в кармане.

– Здравствуйте, Леня, – ответила Тамара.

Ленька глотнул пересошим горлом, улыбнулся.

– А я к тебе шел...

– Я не могу, – сказала Тамара и, взглянув на Леньку, непонятно, незнакомо прищурилась.

Ленька сжал в кармане билеты. Он смотрел в глаза девушке. Глаза были совсем чужие.

– Что «не могу»? – спросил он.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Господи! – негромко воскликнула Тамара, обращаясь к своему спутнику.

Ленька нагнул голову и пошел прямо на них.

Молодой человек посторонился.

– Нет, погоди... что это за тип? – произнес он, когда Ленька был уже далеко.

А Ленька шел и вслух негромко повторял:

– Так, так, так...

Он ни о чем не думал. Ему было очень стыдно.

Две недели жил он невыносимой жизнью. Хотел забыть Тамару – и не мог. Вспоминал ее походку, глаза, улыбку... Она снилась ночами: приходила к нему в общежитие, гладила его волосы и говорила: «Ты хороший. Ты мне очень нравишься, Леня». Ленька просыпался и до утра сидел около окна – слушал, как перекликаются далекие паровозы. Один раз стало так больно, что он закусил зубами угол подушки и заплакал – тихонько, чтобы не слышали товарищи по комнате.

Он бродил по городу в надежде встретить ее. Бродил каждый день – упорно и безнадежно. Но заставить себя пойти к ней не мог.

И как-то он увидел Тамару. Она шла по улице. Одна. Ленька чуть не вскрикнул – так больно подпрыгнуло сердце. Он догнал ее.

– Здравствуй, Тамара.

Тамара вскинула голову.

Ленька взял ее за руку, улыбнулся. У него опять высохло в горле.

– Тамара... Не сердись на меня... Измучился я весь... – Леньке хотелось зажмуриться от радости и страха.

Тамара не отняла руки. Смотрела на Леньку. Глаза у нее были усталые и виноватые. Они ласково потемнели.

– А я и не сержусь. Что ж ты не приходил? – Она засмеялась и отвела взгляд в сторону. Глаза у нее были до странного чужие и жалкие. – Ты обидчивый, оказывается.

Леньку как будто кто в грудь толкнул. Он отпустил ее руку. Ему стало неловко, тяжело.

– Пойдем в кино? – предложил он.

– Пойдем.

В кино Ленька опять держал руку Тамары и с удивлением думал: «Что же это такое?.. Как будто ее и нет рядом». Он опустил руку к себе на колено, облокотился на спинку переднего стула и стал смотреть на экран. Тамара взглянула на него и убрала руку с колена. Леньке стало жалко девушку. Никогда этого не было – чтобы жалко было. Он снова взял ее руку. Тамара покорно отдала. Ленька долго гладил теплые гладкие пальцы.

Фильм кончился.

– Интересная картина, – сказала Тамара.

– Да, – соврал Ленька: он не запомнил ни одного кадра. Ему было мучительно жалко Тамару. Особенно когда включили свет и он опять увидел ее глаза – вопросительные, чем-то обеспокоенные, очень жалкие глаза.

Из кино шли молча.

полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Ленька был доволен молчанием. Ему не хотелось говорить. Да и идти с Тamarой уже тоже не хотелось. Хотелось остаться одному.

– Ты чего такой скучный? – спросила Тамара.

– Так. – Ленька высвободил руку и стал закуривать.

Неожиданно Тамара сильно толкнула его в бок и побежала.

– Догони!

Ленька некоторое время слушал торопливый стук ее туфель, потом побежал тоже. Бежал и думал: «Это уж совсем... Для чего она так?»

Тамара остановилась. Улыбаясь, дышала глубоко и часто.

– Что? Не догнал!

Ленька увидел ее глаза. Опустил голову.

– Тамара, – сказал он вниз, глухо, – я больше не приду к тебе... Тяжело почему-то. Не сердись.

Тамара долго молчала. Глядела мимо Леньки на светлый край неба. Глаза у нее были сердитые.

– Ну и не надо, – сказала она наконец холодным голосом. И устало улыбнулась. – Подумаешь... – Она посмотрела ему в глаза и нехорошо прищурилась. – Подумаешь. – Повернулась и пошла прочь, сухо отщелкивая каблучками по асфальту.

Ленька закурил и пошел в обратную сторону, в общежитие. В груди было пусто и холодно. Было горько. Было очень горько.

Артист Федор Грай

Сельский кузнец Федор Грай играл в драмкружке «простых» людей.

Когда он выходил на клубную сцену, он заметно бледнел и говорил так тихо, что даже первые ряды плохо слышали. От напряжения у него под рубашкой вспухали тугие бугры мышц. Прежде чем сказать реплику, он долго смотрел на партнера, и была в этом взгляде такая неподдельная вера в происходящее, что зрители смеялись, а иногда даже хлопали ему.

Руководитель драмкружка, суетливый малый, с конопатым неинтересным лицом, на репетициях кричал на Федора, произносил всякие ехидные слова – заставлял говорить громче. Федор тяжело переносил этот крик, много думал над ролью... А когда выходил на сцену, все повторялось: Федор говорил негромко и смотрел на партнеров исподлобья. Режиссер за кулисами кусал губы и горько шептал:

– Верстак... Наковальня...

Когда Федор, отыграв свое, уходил со сцены, режиссер набрасывался на него и шипел, как разгневанный гусак:

– Где у тебя язык? Ну-ка покажи язык!.. Ведь он же у тебя...

Федор слушал и смотрел в сторону. Он не любил этого выюна, но считал, что понимает в искусстве меньше его... И терпел. Только один раз он вышел из себя.

– Где у тебя язык?.. – накинулся по обыкновению режиссер.

Федор взял его за грудь и так встряхнул, что у того глаза на лоб полезли.

– Больше не ори на меня, – негромко сказал Федор и отпустил режиссера.

Бледный руководитель не сразу обрел дар речи.

– Во-первых, я не ору, – сказал он, заикаясь. – Во-вторых: если не нравится

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru здесь, можешь уходить. Тоже мне... герой-любовник.

– Еще вякни раз. – Федор смотрел на руководителя, как на партнера по сцене.

Тот не выдержал этого взгляда, пожал плечами и ушел. Больше он не кричал на Федора.

– А погромче, чуть погромче нельзя? – просил он на репетициях и смотрел на кузнеца с почтительным удивлением и интересом.

Федор старался говорить громче.

Отец Федора, Емельян Спиридоныч, один раз пришел в клуб посмотреть сына. Посмотрел и ушел, никому не сказав ни слова. А дома во время ужина ласково взглянул на сына и сказал:

– Хорошо играешь.

Федор слегка покраснел.

– Пьес хороших нету... Можно бы сыграть, – сказал он негромко.

Тяжело было произносить на сцене слова вроде: «сельхознаука», «незамедлительно», «в сущности говоря»... и т. п. Но еще труднее, просто невыносимо трудно и тошно говорить всякие «чаво», «куда», «евон», «ейный»... А режиссер требовал, чтобы говорили так, когда речь шла о «простых» людях.

– Ты же простой парень! – взволнованно объяснял он. – А как говорят простые люди?

Еще задолго до того, когда нужно было произносить какое-нибудь «теперича», Федор, на беду свою, чувствовал его впереди, всячески готовился не промямлить, не «съесть» его, но когда подходило время произносить это «теперича», он просто шептал его себе под нос и краснел. Было ужасно стыдно.

– Стоп! – взвизгивал режиссер. – Я не слышал, что было сказано. Нести же надо слово! Еще раз. Активнее!

– Я не могу, – говорил Федор.

– Что не могу?

– Какое-то дурацкое слово... Кто так говорит?

– Да во-от же! Боже ты мой!.. – Режиссер вскакивал и совал ему под нос пьесу. – Видишь? Как тут говорят? Наверно, умнее тебя писал человек. «Так не говорят»... Это же художественный образ! Актер!..

Федор переживал неудачи как личное горе: мрачнел, замыкался, днем с ожесточением работал в кузнице, а вечером шел в клуб на репетицию.

...Готовились к межрайонному смотру художественной самодеятельности.

Режиссер крутился волчком, метался по сцене, показывал, как надо играть тот или иной «художественный образ».

– Да не так же!.. Боже ты мой! – кричал он, подлетая к Федору. – Не верю! Вот смотри. – Он надвигал на глаза кепку, засовывал руки в карманы и входил развязной походкой в «кабинет председателя колхоза». Лицо у него делалось на редкость тупое.

– «Нам, то есть молодежи нашего села, Иван Петрович, необходимо нужен клуб... Чаво?»

Все вокруг смеялись и смотрели на режиссера с восхищением. Выдает!

А Федора охватывала глухая злоба и отчаяние. То, что делал режиссер, было, конечно, смешно, но совсем неверно. Федор не умел только этого сказать.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

А режиссер, очень довольный произведенным эффектом, но всячески скрывая это, говорил деловым тоном:

– Вот так примерно, старик. Можешь делать по-своему. Копировать меня не надо. Но мне важен общий рисунок. Понимаешь?

Режиссер хотел на этом смотре широко доказать, на что он способен. В своем районе его считали очень талантливым.

Федору же за все его режиссерские дешевые выходки хотелось дать ему в лоб, вообще выкинуть его отсюда. Он играл все равно по-своему. Раза два он перехватил взгляд режиссера, когда тот смотрел на других участников, обращая их внимание на игру Федора: он с наигранным страданием закатывал глаза и разводил руками, как бы желая сказать: «Ну, тут даже я бессилён».

Федор скрипел зубами, и терпел, и говорил «чаво?», но никто не смеялся.

В этой пьесе по ходу действия Федор должен был приходиться к председателю колхоза, махровому бюрократу и волокитчику, и требовать, чтобы тот начал строительство клуба в деревне. Пьесу написал местный автор и, используя свое «знание жизни», сверх всякой меры напиговал ее «народной речью»: «чаво», «туда», «сюды» так и сыпались из уст действующих лиц. Роль Федора сводилась, в сущности, к положению жалкого просителя, который говорил бесцветным, вялым языком и уходил ни с чем. Федор презирал человека, которого играл.

Наступил страшный день смотра.

В клубе было битком набито. В переднем ряду сидела мандатная комиссия.

Режиссер в репетиционной комнате умолял актеров:

– Голубчики, только не волнуйтесь! Все будет хорошо... Вот увидите: все будет отлично.

Федор сидел в сторонке, в углу, курил.

Перед самым началом режиссер подлетел к нему:

– Забудем все наши споры... Умоляю: погромче. Больше ничего не требуется...

– Пошел ты!.. – холодно вскипел Федор. Он уже не мог больше выносить этой бессовестной пустоты и фальши в человеке. Она бесила его.

Режиссер испуганно посмотрел на него и отбежал к другим.

– ...Я уже не могу... – услышал Федор его слова.

Всякий раз, выходя на сцену, Федор чувствовал себя очень плохо: как будто проваливался в большую гулкую яму. Он слышал стук собственного сердца. В груди становилось горячо и больно.

И на этот раз, ожидая за дверью сигнала «пошел», Федор почувствовал, как в груди начинает горячо подмывать.

В самый последний момент он увидел взволнованное лицо режиссера. Тот беззвучно показывал губами: «громче».

Это решило все. Федор как-то странно вдруг успокоился, смело и просто ступил на залитую светом сцену.

Перед ним сидел лысый бюрократ-председатель. Первые слова Федора по пьесе были: «Здравствуйте, Иван Петрович. А я все насчет клуба, ххе... Поймите, Иван Петрович, молодежь нашего села...» На что Иван Петрович, бросая телефонную трубку, кричал: «Да не до клуба мне сейчас! Посевная срывается!»

Федор прошел к столу председателя, сел на стул.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Когда клуб будет? – глухо спросил он.

Суфлер в своей будке громко зашептал:

– «Здравствуйте, Иван Петрович! Здравствуйте, Иван Петрович! А я все насчет...»

Федор ухом не повел.

– Когда клуб будет, я спрашиваю? – повторил он свой вопрос, прямо глядя в глаза партнеру; тот растерялся.

– Когда будет, тогда и будет, – буркнул он. – Не до клуба сейчас.

– Как это не до клуба?

– Как, как!.. Так. Чего ты?.. Явился тут – царь Горох! – Партнера тоже уже понесло напропалую. – Невелика птица – без клуба поживешь.

Федор положил тяжелую руку на председательские бумажки.

– Будет клуб или нет?!

– Не ори! Я тоже орать умею.

– «Наше комсомольское собрание постановило... Наше комсомольское собрание постановило...» – с отчаянием повторял суфлер.

– Вот что... – Федор встал. – Если вы думаете, что мы по старинке жить будем, то вы сильно ошибаетесь! Не выйдет! – Голос Федора зазвучал крепко и чисто. – Зарубите это себе на носу, председатель. Сами можете киснуть на печке с бабой, а нам нужен клуб. Мы его заработали. Нам библиотека тоже нужна! Моду взяли бумажками отбояриваться... Я их видеть не хочу, эти бумажки! И дураком жить тоже не хочу!

Суфлер молчал и с интересом наблюдал за разворачивающейся сценой.

Режиссер корчился за кулисами.

– Чего ты кричишь тут? – пытался остановить председатель Федора, но остановить его было невозможно; он незаметно для себя перешел на «ты» с председателем.

– Сидишь тут, как... ворона, глазами хлопаешь. Давно бы уже все было, если бы не такие вот... Сундук старорежимный! Пуп земли... Ты ноль без палочки – один-то, вот кто. А ломаешься, как дешевый пряник. Душу из тебя вытрясу, если клуб не построишь! – Федор ходил по кабинету – сильный, собранный, резкий. Глаза его сверкали гневом. Он был прекрасен.

В зале стояла тишина.

– Запомни мое слово: не начнешь строить клуб, поеду в район, в край... к черту на рога, но я тебя допеку. Ты у меня худой будешь.

– Выйди отсюда моментально! – взорвался председатель.

– Будет клуб или нет?

Председатель мучительно соображал, как быть. Он понимал, что Федор не выйдет отсюда, пока не добьется своего.

– Я подумаю.

– Завтра подумаешь. Будет клуб?

– Ладно.

– Что ладно?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Будет вам клуб. Что ты делаешь вообще-то?.. – Председатель с тоской огляделся
– искал режиссера, хотел хоть что-нибудь понять во всей этой тяжелой истории.

В зале засмеялись.

– Вот это другой разговор. Так всегда и отвечай. – Федор встал и пошел со сцены.
– До свиданья. Спасибо за клуб!

В зале дружно захлопали.

Федор, ни на кого не глядя, прошел в актерскую комнату и стал переодеваться.

– Что ты натворил? – печально спросил его режиссер.

– Что? Не по-твоему? Ничего... Переживешь. Выйди отсюда – я штаны переодевать буду. Я стесняюсь тебя.

Федор переоделся и вышел из клуба, крепко хлопнув на прощанье дверью. Он решил порвать с искусством.

Через три дня сообщили результаты смотра: первое место среди участников художественной самодеятельности двадцати районов края завоевал кузнец Федор Грай.

– Кхм... Может, еще какой Федор Грай есть? – усомнился отец Федора.

– Нет. Я один Федор Грай, – тихо сказал Федор и побагровел. – А может, еще есть... Не знаю...

Воскресная тоска

Моя кровать – в углу, его – напротив. Между нами – стол, на столе – рукопись, толстая и глупая. Моя рукопись. Роман. Только что перечитал последнюю главу, и стало грустно: такая тягомотина, что уши вянут.

Теперь лежу и думаю: на каком основании вообще человек садится писать? Я, например. Меня же никто не просит.

Протягиваю руку к столу, вынимаю из пачки «беломорину», прикуриваю. С удовольствием затягиваюсь раза три кряду. Кто-то хорошо придумал – курить.

..Да, так на каком основании человек бросает все другие дела и садится писать? Почему хочется писать? Почему так сильно – до боли и беспокойства – хочется писать? Вспомнился мой друг Ванька Ермолаев, слесарь. Дожил человек до тридцати лет – не писал. Потом влюбился (судя по всему, крепко) и стал писать стихи.

– Кинь спички, – попросил Серега.

Я положил коробок спичек на стол, на краешек. Серега недовольно крякнул и, не вставая, потянулся за коробком.

– Муки слова, что ли? – спросил он.

Я молчу, продолжаю думать. И так: хочется писать. А что я такое знаю, чего не знают другие, и что дает мне право рассказывать? Я знаю, как бывает в степи ранним летним утром: зеленый тихий рассвет. В низинах легкий, как дыхание, туман. Тихо. Можно лечь лицом в пахучую влажную траву, обнять землю и слушать, как в ее груди глубоко шевелится огромное сердце. Много понимаешь в такие минуты, и очень хочется жить. Я это знаю.

– Опять пепел на пол стряхиваешь! – строго заметил Серега.

Я свесился с кровати и сдул пепел под кровать. Серега сел на своего коня. Иногда мне кажется, что я его ненавижу. Во-первых, он очень длинный. Я этого не понимаю в людях. Во-вторых, он правдивый до тошноты и любит хлопать своими длинными ручищами меня по спине. В-третьих, – это главное – он упрям, как напильник. Он полагает, что он очень практичный человек, и называет себя не иначе – реалистом. «Мы, реалисты...» – начинает он всегда и смотрит при этом сверху снисходительно и глупо, и массивная нижняя челюсть его подается вперед. В такие минуты я знаю,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru что ненавижу его.

– Отчего такая тоска бывает, романтик? Не знаешь? – спрашивает Серега безразличным тоном (не очень надеется, что я заговорю с ним). Сейчас он сядет на кровати, переломится пополам и будет тупо смотреть в пол. Надо поговорить с ним.

– Тоска? От глупости в основном. От недоразвитости. – Очень хочется как-нибудь уязвить этот телефонный столб. Нисколько он не практичный, и не холодный, и не трезвый. И тоски у него нету. Я все про него знаю.

– Неправда, – сказал Серега, садясь на койке и складываясь пополам. – Я заметил, глупые люди никогда не тоскуют.

– А тебе что, очень тоскливо?

– То есть... на белый свет смотреть тошно.

– Значит, ты – умница.

Пауза.

– Двадцать копеек с меня, – говорит Серега и смотрит на меня серыми правдивыми глазами, в которых ну ни намек на какую-то холодную, расчетливую мудрость. Глаза умные, в них постоянно светится мягкий ровный свет.

Может, и правда, что ему сейчас тоскливо, но зато уж и лелеет он ее и киснет как-то подчеркнуто. Смотреть на него сейчас неприятно. Он, наверное, напрашивается на спор, и, если в спор этот ввязаться, он будет до посинения доказывать, что искусство, стихи, особенно балет – все это никому не нужно. Кино – ничего, кино можно оставить, а всю остальную «бодягу» надо запретить, ибо это сбивает людей с толку, «расхолаживает» их. Коммунизм строят! Рассчитывают вот этим местом (постукивание пальцем по лбу) и строят! Мне не хочется сейчас говорить Сереге, что он придумал свою тоску, не хочется спорить с ним. Хочется думать про степь и про свой роман.

– Ох, и тоска же! – опять заныл Серега.

– Перестань, слушай.

– Что?

– Ничего. Противно.

– В твоём романе люди не тоскуют? Нет?

«Не буду спорить. Господи, дай терпения».

– У тебя, наверно, положительные герои стихами говорят. А по утрам все делают физзарядку. Делают зарядку?

«Не буду ругаться. Не буду».

– Песни, наверно, поют о спутниках, – продолжает Серега, глядя на меня злыми веселыми глазами. – Я бы за эти песенки, между прочим, четвертовал. Моду взяли! «Назначаю я свидание на Луне-е!..» – передразнил он кого-то. – Уже свиданье назначил! О! Да ты попади туда! Кто-то голову ломает – рассчитывает, а он уже там. Кретины!

Я молчу. Между прочим, насчет песенок – это он верно, пожалуй.

Серега тоже замолчал. Малость, наверно, легче стало.

Некоторое время у нас в комнате очень тихо. Я снова настраиваюсь на степь и на зори.

– Дай роман-то свой почитать, – говорит Серега.

– Пошел ты...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Боишься критики?

– Только не твоей.

– Я ж читатель.

– Ты читатель?! Ты робот, а не читатель. Ты хоть одну художественную книгу дочитал до конца?

– Это ты зря, – обиделся Серега. – Надо писать умнее, тогда и читать будут. А то у вас положительные герои такие уж хорошие, что спиться можно.

– Почему?

– Потому что никогда таким хорошим не будешь все равно. – Серега поднялся и пошел к выходу. – Пройтись, что ль, малость.

Когда он вышел, я поднялся с койки и подсел к рукописи. Один положительный герой делал-таки у меня по утрам зарядку. Перечитал это место, и опять стало грустно. Плохо я пишу. Не только с физзарядкой плохо – все плохо. Какие-то бесконечные «шалые ветерки», какие-то жестяные слова про закат, про шелест листьев, про медовый запах с полей... А вчера только пришло на ум красивейшее сравнение, и я его даже записал: «Писать надо так, чтобы слова рвались, как патроны в костре». Какие уж тут к черту патроны! Пуговицы какие-то, а не слова.

В комнату постучали.

– Да!

В дверь заглянула маленькая опрятная головка. Пара ясных глаз с припухшими со сна веками (еще только десять часов воскресного дня).

– Сережи... Здравствуйте! Сережи нету?

– Сережи нету. Он только что вышел куда-то.

– Извините, пожалуйста.

– Он придет скоро.

– Хорошо.

Сейчас у Сережи начнется праздник. Тоску его липовую как ветром сдует. Он любит эту маленькую опрятную головку, любит тихо, упорно и преданно. И не говорит ей об этом. А она какая-то странная: не понимает этого. Сидят часами вместе, делают расчет какого-нибудь узла двигателя внутреннего сгорания. Сережу седьмой пот прошибает – волнуется, оглобля такая. Не смотрит на девушку – ее зовут Лена, – орет, стучит огромным кулаком по конспекту.

– Какой здесь КПД?!

Леночка испуганно вздрагивает.

– Не кричи, Сережа.

– Как же не кричать?! Как же не кричать, когда тут элементарных вещей не понимают!

– Сережа, не кричи.

Серега будет талантливый инженер. В минуты отчаяния я завидую ему. К сорока годам это будет сильный, толковый командир производства. У него будет хорошая жена, вот эта самая Леночка с опрятной головкой. Я подозреваю, что она давно все понимает и сама тоже любит Серегу. Ей, такой хорошенькой, такой милой и слабенькой, нельзя не любить Серегу. У них будет все в порядке. У меня же... Меня, кажется, эти «шалые низовые ветерки» в гроб загонят раньше времени. Я обязательно проморгаю что-то хорошее в жизни.

Вошел Серега.

– Прошелся малость.

– К тебе эта приходила. Просила, чтоб ты зашел к ней.

– Кто?

– Лена. Кто!

Серега побагровел от шеи до лба.

– Зачем зайти?

– Не знаю.

– Ладно трепаться. – Он спокойно (спокойно!) прошел к койке, прилег.

Я тоже спокойно говорю:

– Как хочешь. – И склоняюсь к тетради. Меня душит злость. Все-таки нельзя быть таким безнадежным идиотом. Это уже не застенчивость, а болезнь.

– Дай закурить, – чуть охрипшим голосом просит Серега.

– Идиот!

Стало тихо.

– Вот так же тихо, наверно, стало, когда Иисус сказал своим ученикам: «Братцы, кто-то один из вас меня предал». – Когда Сереге нечего говорить, он шутит. Как правило, невпопад и некстати. – Дай закурить все-таки.

– Дождешься ты, Серега: подвернется какой-нибудь вьюн с гитарой – только и видел свою Леночку. Взвоешь потом.

Серега сел, обхватил себя руками. Долго молчал, глядя в пол.

– Ты советуешь сходить к ней? – тихо спросил он.

– Конечно, Серега! – Я прямо тронут его беспомощностью. – Конечно, сходить. На закури и иди.

Серега встал, закурил и стал ходить по комнате.

– Со стороны всегда легко советовать...

– Баба! Трус! Ты же пропадешь так, Серега.

– Ничего.

– Иди к ней.

– Сейчас пойду, чего ты привязался! Покурю – и пойду.

– Иди прямо с папироской. Женщинам нравится, когда при них курят. Я же знаю.. Я писатель как-никак.

– Не говори со мной как с дураком. Пусть в твоих романах курят при женщинах. Остряк!

– Иди к ней, дура! Ведь упустишь девку. Сегодня воскресенье.. Ничего тут такого нет, если ты зашел к девушке. Зашел и зашел, и все.

– Значит, она не просила, чтобы я зашел?

– Просила.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Сергея посмотрел на меня подозрительным тоскливым взглядом.

– Я узнаю зайду.

– Узнай.

Сергея вышел.

Я стал смотреть в окно. Хороший парень Сергей. И она тоже хорошая. Она, конечно, не талантливый инженер, но... в конце концов, надо же кому-то и помогать талантливым инженерам. Оказалась бы она талантливой женщиной, развязала бы ему язык... Я представляю, как войдет сейчас к ним в комнату Сергей. Поздоровается... и ляпнет что-нибудь вроде той шутки с Иисусом. Потом они выйдут на улицу и пойдут в сад. Если бы я описывал эту сцену, я бы, конечно, вlepил сюда и «шалый ветерок», и шелест листьев. Ничего же этого нет! Есть, конечно, но не в этом дело. Просто идут по аллейке двое: парень и девушка. Парень на редкость длинный и нескладный. Он молчит. Она тоже молчит, потому что он молчит. А он все молчит. Молчит как проклятый. Молчит, потому что у него отняли его логарифмы, КПД... Молчит, и все.

Потом девушка говорит:

– Пойдем на речку, Сережа.

– Мм. – Значит, да.

Пришли к речке, остановились. И опять молчат. Речечка течет себе по песочечку, птички разные чирикают... Теплынь. В рощице у воды настоялся крепкий тополиный дух. И стоят два счастливейших на земле человека и томятся. Ждут чего-то.

Потом девушка заглянула парню в глаза, в самое сердце, обняла за шею... прильнула...

– Дай же я поцелую тебя! Терпения никакого нет, жердь ты моя бессловесная.

Меня эта картина начинает волновать. Я хожу по комнате, засунув руки в карманы, радуюсь. Я вижу, как Сергей от счастья ошалело вытаращил глаза, неумело, неловко прижал к себе худенького, теплого родного человека с опрятной головкой и держит – не верит, что это правда. Радостно за него, за дурака. Эх... пусть простит меня мой любимый роман с «шалыми ветерками», пусть он простит меня! Напишу рассказ про Сергея и про Лену, про двух хороших людей, про их любовь хорошую.

Меня охватывает тупое странное ликование (как мне знакомо это предательское ликование). Я пишу. Время летит незаметно. Пишу! Может, завтра буду горько плакать над этими строками, обнаружив их постыдную беспомощность, но сегодня я счастлив не меньше Сергея.

Когда он приходит вечером, я уже дописываю последнюю страницу рассказа, где «он», счастливый и усталый, возвращается домой.

– Сережа, я про тебя рассказ написал. Хочешь прочитаю?

– Хм... Давай!

Мне некогда разглядывать Сергея, я не обращаю внимания на его настроение. Я ставлю точку в своем рассказе и начинаю читать.

Пока я читал, Сергей не проронил ни одного слова – сидел на кровати, опустив голову. Смотрел в пол.

Я дочитал рассказ, отложил тетрадь и стал закуривать. Пальцы мои легонько тряслись. Я ждал, что скажет Сергей. Я не смотрел на него. Я внимательно смотрел на коробок спичек. Мне рассказ нравился. Я ждал, что скажет Сергей. Я ему верю. А он все молчал. Я посмотрел на него и встретился с его веселым задумчивым взглядом.

– Ничего, – сказал он.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

У меня отлегло от сердца. Я затараторил:

– Много не угадал? Вы где были? На речке?

– Мы нигде не были.

– Как?..

– Так.

– Ты был у нее?

– Нет.

– О-о! А где ты был?

– А в планетарий прошелся... – Серега, чтобы не видеть моего глупого лица, прилег на подушку, закинул руки за голову. – Ничего рассказ, – еще раз сказал он. – Только не вздумай ей прочитать его.

– Сережа, ты почто не пошел к ней?

– Ну, почто, почто!.. По то... Дай закурить.

– На! Осел ты, Серега!

Серега закурил, достал из-под подушки журнал «Наука и жизнь» и углубился в чтение – он читает эти журналы, как хороший детективный роман, как «Шерлока Холмса».

Коленчатые валы

В самый разгар уборочной в колхозе «Заря коммунизма» вышли из строя две автомашины – полетели коленчатые валы. Шоферы второпях недосмотрели, залили в картеры грязное масло – шатунные вкладыши поплавились. Остальное доделали головки шатунов.

Запасных коленчатых валов в РТС не было, а ехать в областной сельхозснаб – потерять верных три дня.

Колхозный механик Сеня Громов, сухой маленький человек, налетел на шоферов соколом.

– До-дд-доигрались?! – Сеня заикался. – До-д-до-прыгались?!

Шоферы молчали. Один, сидя на крыле своей машины, курил с серьезным видом, второй – тоже с серьезным видом – протирал тряпкой побитые шейки коленчатых валов.

– По п-п-п-пятьдесят восьмой пойдете! Обои!.. – кричал Сеня.

– Сеня! – сказал председатель колхоза. – Ну что ты с этими лоботрясами разговариваешь?! Надо доставать валы.

– Гэ-г-где? – Сеня подбоченился и склонил голову набок. – Г-где?

– Это уж я не знаю. Тебе виднее.

– Великолепно. Тэ-т-т-тогда я вам рожу их. Дэ-д-двойняшку!

Шофер, который протирал тряпкой израненный вал, хмыкнул и сочувственно заметил:

– Трудно тебе придется.

– Чего трудно? – повернулся к нему Сеня.

– Рожать-то. Они же гнутые, вон какие...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Сеня нехорошо прищурился и пошел к шоферу.

Тот поспешно встал и заговорил:

– Ты вот кричишь, Сеня, а чья обязанность, скажи, пожалуйста, масло проверить? Не твоя? Откуда я знаю, чего в этом масле?! Стоит масло – я заливаю.

Сеня достал из кармана грязный платок, вытер потное лицо.

Помолчали все четверо.

– Ты думаешь, у Каменного человека нет валов? – спросил председатель Сеню.

«Каменный человек» – это председатель соседнего колхоза Антипов Макар, великий молчун и скряга.

– Я с ним н-н-не хочу иметь ничего общего, – сказал Сеня.

– Хочешь не хочешь, а надо выходить из положения.

– Вэ-в-выйдешь тут...

– Надо, Семен.

Сеня повернулся и, ничего не сказав, пошел к стану тракторной бригады – там стоял его мотоцикл.

Через пятнадцать минут он подлетел к правлению соседнего колхоза. Прислонил мотоцикл к заборчику, молодцевато взбежал на крыльцо... и встретил в дверях Антипова. Тот собрался куда-то уезжать.

– Привет! – воскликнул Сеня. – А я к тебе... З-з-здорово!

Антипов молча подал руку и подозрительно посмотрел на Сеню.

– Кэ-к-как делишки? Жнем помаленьку? – затараторил Сеня.

– Жнем, – сказал Антипов.

– Мы тоже, понимаешь... фу-у! Дни-то!.. Золотые де-де-денечки стоят!

– Ты насчет чего? – спросил Антипов.

– Насчет валов. Пэ-п-п-подкинь пару.

– Нету. – Антипов легонько отстранил Сеню и пошел с крыльца.

– Слушай, мэ-м-монумент!.. – Сеня пошел следом за Антиповым. – Мы же к коммунизму п-подходим!.. Я же на общее дело... Дай два вала!!!

– Не ори, – спокойно сказал Антипов.

– Дай пару валов. Я же отдам... Макар!

– Нету.

– Кэ-к-кулак! – сказал Сеня, останавливаясь. – Кэ-к-когда будем переходить в коммунизм, я первый проголосую, чтобы тебя не брать.

– Осторожней, – посоветовал Антипов, залезая в «Победу». – Насчет кулаков – поосторожней.

– А кто же ты?

– Поехали, – сказал Антипов шоферу.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
«Победа» плавно тронулась с места и, переваливаясь на кочках, как гусыня, поплыла по улице.

Сеня завел мотоцикл, догнал «Победу», крикнул Антипову:

– Поехал в райком!.. Жаловаться на тебя! Приготовь валы, штук пять! Мне, пэ-п-правда, только два надо, но попрошу пять – охота н-н-наказать тебя!

– Передавай привет в райкоме! – сказал Антипов.

Сеня дал газку и обогнал «Победу».

В приемной райкома партии было людно. Сидели на новеньких стульях с высокими спинками, ждали приема. Курили.

Высокая дверь, обитая черной клеенкой, то и дело открывалась – выходили одни и тотчас, гася на ходу окурки, входили другие.

Сеня сердито посмотрел на всех и сел на стул.

– Слишком много болтаете! – строго заметил он.

Мягко хлопала дверь. Выходили из кабинета то радостные, то мрачные.

Сеня закурил.

С ним рядом сидел какой-то незнакомый мужчина городского вида, лысый, с большим желтым портфелем.

– Вы кэ-к-райний? – спросил его Сеня.

– Э... кажется, да, – как-то угодливо ответил мужчина.

Сеня тотчас обнаглел.

– Я впереди вас п-п-пойду.

– Почему?

– У меня машины стоят. Вот почему.

– Пожалуйста.

К Сене подсел цыгановатый мужик с буйной шевелюрой, хлопнул его по колену.

– Здорово, Сеня!

Сеня поморщился, потер колено.

– Что за д-д-дурацкая привычка, слушай, руки распускать!

Курчавый хохотнул, встал, поправил ремень гимнастерки. Посмотрел на дверь кабинета.

– Судьба решается, Сеня.

– Все насчет тех т-т-тракторов?

– Все насчет тех... Я сейчас скажу там несколько слов. – Курчавый заметно волновался. – Не было такого указания, чтобы закупку ограничивать.

– А куда вы столько нахватили? Стоят же они у вас.

– Нынче стоят, а завтра пойдут – расширим пашню..

– Н-н-ненормальные вы, – сказал Сеня. – Когда расширите, тогда и покупайте. Что их, солить, что ли!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Тактика нужна, Сеня, – поучительно сказал курчавый. – Тактика.

Из кабинета вышли.

Курчавый кашлянул в ладонь, еще раз поправил гимнастерку, вошел в кабинет. И тотчас вышел обратно. Достал из кармана блокнот, вырвал из него лист и, склонившись, стал вытирать грязные сапоги.

Сеня хихикнул.

– Ну что?.. Сказал н-н-несколько слов? Или н-н-не успел?

– Ковров понастелили, – проворчал курчавый. Брезгливо взял двумя пальцами черный комочек и бросил в урну. Лысый гражданин пошевелился на стуле.

– Что, не в духе сегодня? – спросил он курчавого (он имел в виду секретаря райкома).

Курчавый ничего не сказал, вошел снова в кабинет.

– Не в духе, – сказал лысый, обращаясь к Сене. – Точно!

– Я сам не в духе, – ответил Сеня.

Чтобы не быть в кабинете многословным, Сеня заранее заготовил фразу: «Здравствуйте, Иван Васильевич. У нас прорыв: стали две машины. Нет валов. Валы есть у Антипова. Но Антипов не дает».

Секретарь сидел, склонившись над столом, смотрел на людей немигающими усталыми глазами, слушал, кивал головой, говорил прокуренным, густым голосом. Говорил негромко, коротко. Он измотался за уборочную, изнервничался. Скуластое, грубоватой работы лицо его осунулось, приобрело излишнюю жесткость.

– Здравствуйте, Иван Васильевич!

– Здорово. Садись. Что?

– П-п-п-прорыв... Два наших охламона залили в машины грязное масло... И, главное, у-у-убеждают, что это не их дело – масло п-п-проверить! – Сеня даже руками развел. – А чье же, м-м-милые вы мои? Мое, что ли? У меня их на шее пя-п-пятнадцать...

– Ну а что случилось-то?

– Валы полетели. Стоят две машины. А з-за... это... запасных валов нету.

– У меня тоже нету.

– У Антипова есть. Но он не дает. А в сельхозснаб сейчас ехать – вы ж понимаете...

– Так что ты хочешь-то?

– Позвоните Антипову, пусть он..

– Антипов меня пошлет к черту и будет прав.

– Не пошлет, – серьезно сказал Сеня. – Что вы!

– Ну, так я сам не хочу звонить. Что вам Антипов – снабженец? Как можно докатиться до того, чтобы ни одного вала в запасе не было? А? Чем же вы занимаетесь там?

Сеня молчал.

– Вот. – Секретарь положил огромную ладонь на стекло стола. – Где хотите, там и доставайте валы. Вечером мне доложите. Если машины будут стоять...

– Понятно. По-по-понял. До свиданья.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– До свиданья.

Сеня быстро вышел из кабинета. В приемной оглянулся на дверь и сердито воскликнул:

– Очень хо-хо-хорошо! – И потер ладони. – П-просто великолепно!

В приемной остался один лысый гражданин. Он сидел, не решаясь входить в кабинет.

– Пятый угол искали? – спросил он Сеню и улыбнулся; во рту его жарко вспыхнуло золото вставленных зубов.

Сеня грозно глянул на золотозубого. И вдруг его осенило: городской вид лысого, его гладкое бабье лицо, золотые зубы, а главное, желтый портфель – все это непонятным образом вызвало в воображении Сени чарующую картину заводского склада... Темные низкие стеллажи, а на них, тускло поблескивая маслом, рядами лежат валы – огромное количество коленчатых валов. В складе тишина, покой, как в церкви. Прохладно и остро пахнет свежим маслом. Раза три за свою жизнь Сеня доставал запчасти помимо сельхозснаба. И всякий раз содействовал этому какой-нибудь вот такой тип – с брюшком и с портфелем. Сеня подошел к золотозубому, хлопнул его грязной рукой по плечу.

– С-с-слушай, друг!.. – Сеня изобразил на лице небрежность и снисходительность. – У тебя на авторемонтном в го-городе никого знакомого нету? Пару валов вот так надо! – Сеня чиркнул себя по горлу ребром маленькой темной ладони. – Литр ставлю.

Лысый снял с плеча Сенину руку.

– Я такими вещами не занимаюсь, товарищ, – строго сказал он. Потом деловито спросил: – Он сильно злой?

– Кто?

– Секретарь-то.

Сеня посмотрел в серые мутновато-наглые глаза лысого и опять увидел стройные ряды коленчатых валов на стеллажах.

– Н-н-не очень. Бывает хуже. Иди, я тебя по-по... это... подожду здесь. Иди, не робей.

Лысый медленно поднялся, поправил галстук. Прошелся около двери, подумал. Быстренько снял галстук и сунул его в карман.

– Тактика нужна, тактика, – пояснил он Сене. – Правильно давеча твой друг говорил. – Откашлялся в ладонь, мелко постучал в дверь.

Дверь неожиданно распахнулась – на пороге стоял секретарь.

– Здравствуйте, товарищ первый секретарь, – негромко и торопливо сказал лысый. – Я по поводу алиментов.

Секретарь не разобрал, по какому поводу пришел лысый.

– Что?

– Насчет алиментов.

– Каких алиментов?..

Лысый снисходительно поморщился.

– Ну, с меня удерживают... Я считаю, несправедливо. Я вот здесь подробно, в письменной форме... – Он стал вынимать из желтого портфеля листы бумаги.

– Вот тут на улице, за углом, прокуратура, – показал секретарь, – туда.

Лысый стал вежливо объяснять:

– Не в этом дело, товарищ секретарь. Они не поймут... Я уже был там. Здесь нужен партийный подход... Я считаю, что так как у нас теперь установка на справедливость...

Секретарь устало прислонился спиной к дверному косяку.

– Идите к черту, слушайте!.. Или еще куда! Справедливость! Вот по справедливости и будете платить.

Лысый помолчал и дрожащим от обиды голосом сказал:

– Между прочим, Ленин так не разговаривал с народом. – Повернулся и пошел на выход совсем в другую сторону. – Все начисто забыли!

– Не туда, – сказал секретарь. – Вон выход-то!

Лысый вернулся. Проходя мимо секретаря, горько прошептал, ни к кому не обращаясь:

– А кричим: «Коммунизм! Коммунизм!»

Секретарь проводил его взглядом, потом повернулся к Сене.

– Кто это, не знаешь?

Сеня пожал плечами.

– По-моему, это по-по-полезный человек.

– А ты чего сидишь тут?

– Я уже пошел, все. – Сеня встал и пошел за лысым.

Лысый шагал серединой улицы – большой, солидный. Круглая большая голова его сияла на солнце.

Сеня догнал его.

– Разволновался? – спросил он.

– А заелся ваш секретарь-то! – сказал лысый, глядя прямо перед собой. – Ох, заелся!

– Он за-за-за... это... зашился, а не заелся. Мы же го-го-горим со страшной силой! Нам весной еще т-т-три тыщи гектар подвалили... попробуй тут! Трудно же!

– Всем трудно, – сказал лысый. – У вас чайная далеко?

– Вот, рядом.

– Заелся, заелся ваш секретарь, – еще раз сказал лысый. – Трудно, конечно: такая власть в руках...

– У тебя на авторемонтном в го-го-го... – начал Сеня.

– У меня там приятель работает, – сказал лысый. – Завскладом. – И посмотрел сверху на Сеню.

Сеня даже остановился.

– Ми-ми-милый ты мой, ка-к-к... это... кровинушка ты моя! – Он ласково взял лысого за рукав. – Как тебя зовут, я все забываю?

Лысый подал ему руку.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Евгений Иванович.

– Ев-в-ге-ге... Это... Женя, друг, выручи! Пару валов – хоть плачь!.. А? – Сеня улыбнулся. Глаза его засветились неожиданно мягким, добрым светом. – Д-д-две бутылки ставлю. – Сеня показал два черных пальца.

Лысый важно нахмурился.

– Тебе коленчатых, значит?

– Ко-ко-ко... Ага.

– Пару?

– Парочку, Женя!

– Можно будет.

Сеня зажмурился...

– В-в-в-великолепно! Махнем прямо сейчас? У меня мотоцикл. За час слетаем.

– Нет, сперва надо подкрепиться. – Женя погладил свой живот.

– Ла-ла-лады! – согласился Сеня. – Вот и чайнуха. Пять минут, эх, пять мину-ут!.. – пропел он, торопливо семеня рядом с огромным Женей. Потом спросил:
– Ты сам, значит, городской?

– Был городской. Теперь в вашем районе ошиваюсь, в Соусканихе.

– Сразу видно, что го-го-го-городской, – тонко заметил Сеня.

– Почему видно?

– Очень ка-ка-к-красивый. На сцене, наверно, выступаешь? – Сеня погрозил ему пальцем и пощекотал в бок. – Ох, женька!..

Женя густо хохотнул, потянулся рукой к груди: хотел поправить галстук, но вспомнил, что он в кармане, нахмурился.

– Бюрократ ваш секретарь, – сказал он. – Выступишь с такими...

– А ты где сам работаешь, Женя?

– По торговой.

– Хорошее дело, – похвалил Сеня.

Сели за угловой столик, за фикус.

Сеня обвел повеселевшими глазами пустой зал.

– Ну, кто там!.. Мы торопимся! По борщишку ударим? – спросил он Женю.

Женя выразительно посмотрел на него.

– Я лично устроил бы небольшой забег в ширину... С горя.

Сеня потрогал в раздумье лоб.

– Здесь?

– А где же еще?

– Это... вообще-то, тут нельзя...

– Везде нельзя! – громко и обиженно заметил лысый. – Знаешь, есть анекдот...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну, ладно, я поговорю пойду...

Сеня встал и пошел к буфету. Долго что-то объяснял буфетчице, махал руками, но говорил вполголоса. Вернулся к лысому, достал из-под полы пиджака бутылку водки.

– Ка-ка-калгановая какая-то. Другой нету.

Женя быстренько налил полный стакан, хряпнул, перекосялся...

– Не пошла, сволочь!

Он налил еще полстакана и еще выпил.

– Ого! – сказал Сеня. – Ничего себе!

– От так. – На глазах у лысого выступили светлые слезы. – Выпьешь?

– Нет, мне нельзя.

– Правильно, – одобрил лысый.

Им принесли борщ и котлеты.

Начали есть.

– Борщ как помои, – сказал лысый.

Сеня с аппетитом хлебал борщ.

– Ничего борщишко, чего ты!

– До чего же мы кричать любим! – продолжал лысый, помешивая ложкой в тарелке. – Это ж медом нас не корми, дай только покричать.

– Насчет чего кричать? – спросил Сеня.

– Насчет всего. Кричим, требуем, а все без толку.

Лысый хлебнул еще две ложки, откинулся на спинку стула. Его как-то сразу развезло.

– Вот ты, например, – начал он издали, – так называемый Сеня: ну на кой тебе сдались эти валы? Они тебе нужны?

Сеня, не прожевав кусок, воскликнул:

– Я ему битый час т-т-толкую, а он!..

– Я говорю: тебе! Лично тебе!

– Нужны, Женя.

Лысый поморщился, оглянулся кругом, повалился грудью на стол и заговорил негромко:

– Жизни-то никакой нету!.. Никаких условий! Законов понаписали – во! – Лысый показал рукой высоко над полом. – А все ж без толку. Пшик.

– Как это п-п-пшик? – Сеня отложил ложку. – Какие законы?

– А всякие. Скажем, про алименты... – Лысый полез под стол за бутылкой, но Сеня перехватил ее раньше.

– Хватит, а то ты за-запьянеешь. Мы же за ва-валами поедем.

– Валы!.. – Лысого неудержимо вело. – Они небось на «Победах» разъезжают, командывают, а мы вкалываем, валы достаем. Алименты вычитать – это у них есть законы!.. Равенство!.. – Лысый говорил уже во весь голос.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Сеня внимательно слушал.

– Ешь! – зло сказал он. – Чего ты развякался-то?

– Не хочу есть, – капризно сказал лысый. – И в никакой коммунизм вообще я не верю. Понял?

– По-по-почему?

– Потому. – Лысый посмотрел на Сеню, пододвинул к себе тарелку и стал есть. – Тебе валы-то какие нужны? Коленчатые?

Сеня менялся на глазах – темнел.

– Почему, интересно, в коммунизм не веришь? – переспросил он.

– Ты только не ори, – сказал лысый. – Понял? От... А валы мы достанем.

– Вы-вы-вы... – Сеня показал рукой на дверь. – Выйди отсюда. Слышишь?!

– Чудак, – миролюбиво сказал лысый. – Чего ты разошелся?

Сеня грохнул кулаком по столу; один стакан подпрыгнул, упал на пол и раскололся.

Из кухни вышли повар и официантки.

...Сеня и лысый стояли друг против друга; лысый был на две головы выше Сени; Сеня смотрел на него снизу гневно, в упор.

– Ты не очень тут... понял? – Лысый трусливо посмотрел на официанток, усмехнулся. – От дает!..

Сеня толкнул его в мягкий живот.

– Кому сказано: выйди вон!

– Ты не толкайся! Ты не толкайся! А то я... Смотри у меня! – Лысый пошел к двери, Сеня – за ним. – Смотри у меня!

– я тебя насквозь вижу, паразит!

– Дурак ты!

– Я т-т-те по-по-кажу...

Около двери лысый обернулся, ощерился и небожно ткнул пухлым кулаком Сеню в грудь. Прошипел:

– Прислужник несчастный! Обормот!

Сеня отступил на шаг и ринулся головой на жирную громаду.

Дверь с треском распахнулась. Лысый вылетел на крыльцо и стал быстро спускаться по ступенькам. Сеня успел догнать его и пнул в толстый зад.

– Де-де-деятель вшивый!

– Вот тебе, а не валы! – крикнул снизу лысый. – Дурак неотесанный!

Лысый пустился тяжелой рысью по улице, оглянулся на бегу, показал Сене фигу.

Сеня крикнул ему вслед:

– я на тебя в «Крокодил» на-на-напишу, зараза! Пе-пе-пережиток! Гад подколодный!

Лысый больше не оглядывался.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Сеня вернулся в чайную, расплатился с официанткой, спросил ее на всякий случай:

– У тебя на авторемонтном в го-го-городе никакого знакомого нету?

– Нет. Чего с лысым-то не поделили? – спросила официантка.

– Я на него в «Крокодил» на-н-напишу, – сказал Сеня, еще не остывший после бурной сцены. – Он в Соусканихе работает... Я его найду, гада!

На короткое мгновение в глазах Сени опять встала сказочная картина заводского склада с холодным мерцанием коленчатых валов на стеллажах – и пропала.

– А ни у кого тут из ваших в го-го-городе на авторемонтном нету знакомых?

– Откуда?!

Сеня завел мотоцикл и поехал к Макару Антипову. Маленькая цепкая фигурка на мотоцикле выражала собой одно несокрушимое стремление – добиться своего.

Антипова он нашел в полеводческой бригаде, в вагончике.

Макар сидел на самодельном, на скорую руку сколоченном стуле, пил чай из термоса.

– Макар!.. – с ходу начал Сеня. – Я здесь по-по-погибну, но без валов не уйду. Ты что, хочешь, чтобы я на тебя в «Крокодил» написал? Ты что...

– Спокойно, – сказал Макар. – Сбавь. В «Крокодил» – это вас надо, а не меня. – Он достал из кармана засаленный блокнот, нашел чистый лист, вырвал его и написал крупно:

«ЕГОР, ДАЙ ЕМУ ПАРУ ВАЛОВ, В ДОЛГ, КОНЕЧНО.

АНТИПОВ».

Сеня оторопел.

– С-с-пасибо, Макарушка!..

– Только жаловаться умеете, – сердито сказал Антипов. – Хозяева мне!.. Горе луковое!

– А-а! – Сеня сообразил, чья могучая рука вырвала у Макара валы. – Вот так, М-м-макар! А то ломался, по-по-понимаешь...

Макар продолжал пить чай из термоса.

Через час Сеня подлетел к двум своим машинам, начал отвязывать от багажника валы.

Оба шофера засуетились около него.

– Сеня!.. Милая ты моя душа! Достал?

– Вечером умоешься – я тебя поцелую..

– Ло-ло-лоботрясы, – сердито сказал Сеня, – в «Крокодил» вот катануть на вас!..

– Вытер запыленное лицо фуражкой, сел на стерню, закурил. – Да-да-да... это... давайте живее!

Сельские жители

«А что, мама? Тряхни стариной – приезжай. Москву поглядишь и вообще. Денег на дорогу вышлю. Только добирайся лучше самолетом – это дешевле станет. И пошли сразу телеграмму, чтобы я знал, когда встречать. Главное, не трусь».

Бабка Маланья прочитала это, сложила сухие губы трубочкой, задумалась.

– Зовет Павел-то к себе, – сказала она Шурке и поглядела на него поверх очков.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru (Шурка – внук бабки Маланьи, сын ее дочери. У дочери не клеилась личная жизнь (третий раз вышла замуж), бабка уговорила ее отдать ей пока Шурку. Она любила внука, но держала его в строгости.)

Шурка делал уроки за столом. На слова бабки пожал плечами – поезжай, раз зовет.

– У тебя когда каникулы-то? – спросила бабка строго.

Шурка наострил уши.

– Какие? Зимние?

– Какие же еще, летние, что ль?

– С первого января. А что?

Бабка опять сделала губы трубочкой – задумалась. А у Шурки тревожно и радостно сжалось сердце.

– А что? – еще раз спросил он.

– Ничего. Учи знай. – Бабка спрятала письмо в карман передника, оделась и вышла из избы.

Шурка подбежал к окну – посмотреть, куда она направилась.

У ворот бабка Маланья повстречала соседку и стала громко рассказывать:

– Зовет Павел-то в Москву погостить. Прямо не знаю, что делать. Прямо ума не приложу. «Приезжай, – говорит, – мама, шибко я по тебе соскучился».

Соседка что-то отвечала. Шурка не слышал что, а бабка ей громко:

– Оно, знамо дело, можно бы. Внучат ни разу не видела еще, только по карточке. Да шибко уж страшно...

Около них остановились еще две бабы, потом еще одна подошла, потом еще... Скоро вокруг бабки Маланьи собралось изрядно народа, и она снова и снова начинала рассказывать:

– Зовет Павел-то к себе, в Москву. Прямо не знаю, что делать...

Видно было, что все ей советуют ехать.

Шурка сунул руки в карманы и стал ходить по избе. Выражение его лица было мечтательным и тоже задумчивым, как у бабки. Он вообще очень походил на бабку – такой же сухощавый, скуластенький, с такими же маленькими умными глазами. Но характеры у них были вовсе несхожие. Бабка – энергичная, жилистая, крикливая, очень любознательная. Шурка тоже любознательный, но застенчивый до глупости, скромный и обидчивый.

Вечером составляли телеграмму в Москву. Шурка писал, бабка диктовала.

– Дорогой сынок Паша, если уж ты хочешь, чтобы я приехала, то я, конечно, могу, хотя мне на старости лет...

– Привет! – сказал Шурка. – Кто же так телеграммы пишет?

– А как надо, по-твоему?

– Приедем. Точка. Или так: приедем после Нового года. Точка. Подпись: мама. Все.

Бабка даже обиделась.

– В шестой класс ходишь, Шурка, а понятия никакого. Надо же уметь помаленьку!

Шурка тоже обиделся.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Пожалуйста, – сказал он. – Мы так, знаешь, на сколько напишем? Рублей на двадцать по старым деньгам.

Бабка сделала губы трубочкой, подумала.

– Ну, пиши так: сынок, я тут посоветовалась кое с кем...

Шурка отложил ручку.

– Я не могу так. Кому это интересно, что ты тут посоветовалась кое с кем? Нас на почте на смех поднимут.

– Пиши, как тебе говорят! – приказала бабка. – Что я, для сына двадцать рублей пожалею?

Шурка взял ручку и, снисходительно сморщившись, склонился к бумаге.

– Дорогой сынок Паша, поговорила я тут с соседями – все советуют ехать. Конечно, мне на старости лет боязно маленько...

– На почте все равно переделают, – вставил Шурка.

– Пусть только попробуют!

– Ты и знать не будешь.

– Пиши дальше: мне, конечно, боязно маленько, но уж... ладно. Приедем после Нового года. Точка. С Шуркой. Он уж теперь большой стал. Ничего, послушный парень...

Шурка пропустил эти слова – насчет того, что он стал большой и послушный.

– Мне с ним не так боязно будет. Пока до свиданья, сынок. Я сама об вас шибко...

Шурка написал: «жутко».

– ...соскучилась. Ребятишек твоих хоть посмотрю. Точка. Мама.

– Посчитаем, – злорадно сказал Шурка и стал тыкать пером в слова и считать шепотом: – Раз, два, три, четыре...

Бабка стояла за его спиной, ждала.

– Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, шестьдесят! Так? Множим шестьдесят на тридцать – одна тыща восемьсот? Так? Делим на сто – имеем восемнадцать... На двадцать с чем-то рублей! – торжественно объявил Шурка.

Бабка забрала телеграмму и спрятала в карман.

– Сама на почту пойду. Ты тут насчитаешь, грамотей.

– Пожалуйста. То же самое будет. Может, на копейки какие-нибудь ошибся.

...Часов в одиннадцать к ним пришел Егор Лизунов, сосед, школьный завхоз. Бабка просила его домашних, чтобы, когда он вернется с работы, зашел к ней. Егор много ездил на своем веку, летал на самолетах.

Егор снял полушубок, шапку, пригладил заскорузлыми ладонями сидящие потные волосы, сел к столу. В горнице запахло сеном и сбруей.

– Значит, лететь хотите?

Бабка слезила под пол, достала четверть с медовухой.

– Лететь, Егор. Расскажи все по порядку – как и что.

– Так чего тут рассказывать-то? – Егор не жадно, а как-то даже немножко

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru снисходительно смотрел, как бабка наливает пиво. – Доедете до города, там сядете на Бийск – Томск, доедете на нем до Новосибирска, а там спросите, где городская воздушная касса. А можно сразу до аэропорта ехать...

– Ты погоди! Заладил: можно, можно. Ты говори как надо, а не как можно. Да помедленней. А то свалил все в кучу. – Бабка подставила Егору стакан с пивом, строго посмотрела на него.

Егор потрогал стакан пальцами, погладил.

– Ну, доедете, значит, до Новосибирска и сразу спрашивайте, как добраться до аэропорта. Запоминай, Шурка.

– Записывай, Шурка, – велела бабка.

Шурка вырвал из тетрадки чистый лист и стал записывать.

– Доедете до Толмачева, там опять спросите, где продают билеты до Москвы. Возьмете билеты, сядете на «Ту-104» и через пять часов в Москве будете, в столице нашей Родины.

Бабка, подперев голову сухим маленьким кулачком, горестно слушала Егора. Чем больше тот говорил и чем проще представлялась ему самому эта поездка, тем озабоченнее становилось ее лицо.

– В Свердловске, правда, сделаете посадку...

– Зачем?

– Надо. Там нас не спрашивают. Сажают, и все. – Егор решил, что теперь можно и выпить. – Ну?.. За легкую дорогу!

– Держи. Нам в Свердловске-то надо самим попроситься, чтоб посадили, или там всех сажают?

Егор выпил, смачно крякнул, разгладил усы.

– Всех. Хорошее у тебя пиво, Маланья Васильевна. Как ты его делаешь? Научила бы мою бабу...

Бабка налила ему еще один стакан.

– Когда скупиться перестанете, тогда и пиво хорошее будет.

– Как это? – не понял Егор.

– Сахару побольше кладите. А то ведь вы все подешевле да посердитей стараетесь. Сахару больше кладите в хмелину-то, вот и будет пиво. А на табаке его настаивать – это стыдоба.

– Да, – задумчиво сказал Егор. Поднял стакан, поглядел на бабку, на Шурку, выпил. – Да-а, – еще раз сказал он. – Так-то оно так, конечно. Но в Новосибирске когда будете, смотрите не оплошайте.

– А что?

– Да так... Все может быть. – Егор достал кисет, закурил, выпустил из-под усов громадное белое облако дыма. – Главное, конечно, когда приедете в Толмачево, не спутайте кассы. А то во Владивосток тоже можно улететь.

Бабка встревожилась и подставила Егору третий стакан. Егор сразу его выпил, крякнул и стал развивать свою мысль:

– Бывает так, что подходит человек к восточной кассе и говорит: «Мне билет». А куда билет – это он не спросит. Ну и летит человек совсем в другую сторону. Так что смотрите.

Бабка налила Егору четвертый стакан. Егор совсем размяк. Говорил с

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
удовольствием:

– На самолете лететь – это надо нервы да нервы! Вот он поднимается – тебе сразу конфетку дают...

– Конфетку?

– А как же. Мол, забудься, не обращай внимания... А на самом деле это самый опасный момент. Или тебе, допустим, говорят: «Привяжись ремнями». – «Зачем?» – «Так положено». Хэх... положено. Скажи прямо: можем повернуться, и все. А то – «положено».

– Господи, господи! – сказала бабка. – Так зачем же и лететь-то на нем, если так...

– Ну, волков бояться – в лес не ходить. – Егор посмотрел на четверть с пивом. – Вообще реактивные, они, конечно, надежнее. Пропеллерный, тот может в любой момент сломаться – и пожалуйста... Потом, горят они часто, эти моторы. Я один раз летел из Владивостока... – Егор поудобнее устроился на стуле, закурил новую, опять посмотрел на четверть. Бабка не пошевелилась. – Летим, значит, я смотрю в окно: горит...

– Свят, свят! – сказала бабка.

Шурка даже рот приоткрыл – слушал.

– Да. Ну я, конечно, закричал. Прибежал летчик... Ну, в общем, ничего – отmaterил меня. Чего ты, говорит, панику поднимаешь? Там горит, а ты не волнуйся, сиди... Такие порядки в этой авиации.

Шурке показалось это неправдоподобным. Он ждал, что летчик, увидев пламя, будет сбивать его скоростью или сделает вынужденную посадку, а вместо этого он отругал Егора. Странно.

– Я одного не понимаю, – продолжал Егор, обращаясь к Шурке, – почему пассажирам парашютов не дают?

Шурка пожал плечами. Он не знал, что пассажирам не даются парашюты. Это, конечно, странно, если это так.

Егор ткнул папиросу в цветочный горшок, привстал, налил сам из четверти.

– Ну и пиво у тебя, Маланья!

– Ты шибко-то не налегай – захмелеешь.

– Пиво просто... – Егор покачал головой и выпил. – Кху! Но реактивные, те тоже опасные. Тот, если что сломалось, топором летит вниз. Тут уж сразу... И костей потом не соберут. Триста грамм от человека остается. Вместе с одеждой. – Егор нахмурился и внимательно посмотрел на четверть. Бабка взяла ее и унесла в прихожую комнату. Егор посидел еще немного и встал. Его слегка качнуло.

– А вообще-то не бойтесь! – громко сказал он. – Садитесь только подальше от кабины – в хвост – и летите. Ну, пойду...

Он грузно прошел к двери, надел полушубок, шапку.

– Поклон Павлу Сергеевичу передавайте. Ну, пиво у тебя, Маланья! Просто...

Бабка была недовольна, что Егор так скоро захмелел, – не поговорили толком.

– Слабый ты какой-то стал, Егор.

– Устал, поэтому. – Егор снял с воротника полушубка соломинку. – Говорил нашим деятелям: давайте вывезем летом сено – нет! А сейчас, после этого бурана, дороги все позанесло. Весь день сегодня пластались, насилу к ближним стогам пробилась. Да еще пиво у тебя такое... – Егор покачал головой, засмеялся. – Ну, пошел. Ничего, не робейте – летите. Садитесь только подальше от кабины. До свиданья.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– До свиданья, – сказал Шурка.

Егор вышел; слышно было, как он осторожно спустился с высокого крыльца, прошел по двору, скрипнул калиткой и на улице негромко запел:

Раскинулось море широко...
И замолчал.

Бабка задумчиво и горестно смотрела в темное окно. Шурка перечитывал то, что записал за Егором.

– Страшно, Шурка, – сказала бабка.

– Летают же люди...

– Поедем лучше на поезде?

– На поезде – это как раз все мои каникулы на дорогу уйдут.

– Господи, господи! – вздохнула бабка. – Давай писать Павлу. А телеграмму анулироваем.

Шурка вырвал из тетрадки еще один лист.

– Значит, не полетим?

– Куда же лететь – страсть такая, батюшки мои! Соберут потом триста грамм...

Шурка задумался.

– Пиши: дорогой сынок Паша, посоветовалась я тут со знающими людьми...

Шурка склонился к бумаге.

– Порассказали они нам, как летают на этих самолетах... А мы с Шуркой решили так: поедem уж летом на поезде. Оно, знамо, можно бы и теперь, но у Шурки шибко короткие каникулы получаются...

Шурка секунду-две помешкал и продолжал писать: «А теперь, дядя Паша, это я пишу от себя. Бабоньку напугал дядя Егор Лизунов, завхоз наш, если вы помните. Он, например, привел такой факт: он выглянул в окно и видит, что мотор горит. Если бы это было так, то летчик стал бы сшибать пламя скоростью, как это обычно делается. Я предполагаю, что он увидел пламя из выхлопной трубы и поднял панику. Вы, пожалуйста, напишите бабоньке, что это не страшно, но про меня – что это я вам написал – не пишите. А то и летом она тоже не поедет. Тут огород пойдет, свиннота разная, куры, гуси – она сроду от них не уедет. Мы же все-таки сельские жители еще. А мне ужасно охота Москву поглядеть. Мы ее проходим в школе по географии и по истории, но это, сами понимаете, не то. А еще дядя Егор сказал, например, что пассажирам не даются парашюты. Это уже шантаж. Но бабонька верит. Пожалуйста, дядя Паша, пристыдите ее. Она же вас ужасно любит. Так вот вы ей и скажите: как же это так, мама, сын у вас сам летчик, Герой Советского Союза, много раз награжденный, а вы боитесь летать на каком-то несчастном гражданском самолете! В то время, когда мы уже преодолели звуковой барьер. Напишите так, она вмиг полетит. Она же очень гордится вами. Конечно – заслуженно. Я лично тоже горжусь. Но мне ужасно охота глянуть на Москву. Ну, пока до свиданья. С приветом – Александр». А бабка между тем диктовала:

– ...Поближе туда к осени поедem. Там и грибки пойдут, солонинки какой-нибудь можно успеть приготовить, варенья сварить облепешного. В Москве-то ведь все с купли. Да и не сделают они так, как я по-домашнему сделаю. Вот так, сынок. Поклон жене своей и ребятишкам от меня и от Шурки. Все пока. Записал?

– Записал.

Бабка взяла лист, вложила в конверт и сама написала адрес:

«Москва, Ленинский проспект, д. 78, кв. 156.

полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Герою Советского Союза Любавину Павлу Игнатьевичу.

От матери его из Сибири».

Адрес она всегда подписывала сама: знала, что так дойдет вернее.

– Вот так. Не тоскуй, Шурка. Летом поедем.

– А я и не тоскую. Но ты все-таки помаленьку собирайся: возьмешь да надумаешь лететь.

Бабка посмотрела на внука и ничего не сказала.

Ночью Шурка слышал, как она ворочалась на печи, тихонько вздыхала и шептала что-то.

Шурка тоже не спал. Думал. Много необыкновенного сулила жизнь в ближайшем будущем. О таком даже не мечталось никогда.

– Шурк! – позвала бабка.

– А?

– Павла-то, наверно, в Кремль пускают?

– Наверно. А что?

– Побывать бы хоть разок там... посмотреть.

– Туда сейчас всех пускают.

Бабка некоторое время молчала.

– Так и пустили всех, – недоверчиво сказала она.

– Нам Николай Васильевич рассказывал.

Еще с минуту молчали.

– Но ты тоже, бабонька: где там смелая, а тут испугалась чего-то, – сказал Шурка недовольно. – Чего ты испугалась-то?

– Спи знай, – приказала бабка. – Храбрец. Сам первый в штаны наложишь.

– Спорим, что не испугаюсь?

– Спи знай. А то завтра в школу опять не добудишься.

Шурка затих.

Леля Селезнева с факультета журналистики

На реке Катунь, у деревни Талица, порывом ветра сорвало паром. Паром, к счастью, был пустой. Его отнесло до ближайшей отмели и шваркнуло о камни. Он накрепко сел.

Пора была страдная. В первые же три часа на той стороне реки скопилось машин двадцать с зерном. И подъезжали и подъезжали новые. И подстраивались в длинную вереницу «ЗИлов», «ГАЗов»... В объезд до следующего парома было километров триста верных. Стояли. Ждали.

Председатель Талицкого сельсовета Трофимов Кузьма, надрываясь, орал в телефон:

– А что я-то сделаю?! Ну!.. да работает же бригада! А? Всех послал, конечно!.. А я-то что могу?! – Бросал трубку и горько возмущался: – Нет, до чего интересные люди!

Тут же, в сельсовете, сидела молоденькая девушка из приезжих и что-то строчила в

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru блокнот.

– Я с факультета журналистики, Леля Селезнева, – представилась она, когда пришла. – А сейчас я к вам из краевой газеты. Что вы предприняли как председатель сельсовета? Конкретно!

Замученный Трофимов посмотрел на нее, как на телефонный аппарат, закурил и сказал:

– Все предприняли, милая девушка.

Леля села в уголок, разложила на коленках блокнот и принялась писать. Она была курносая, с красивыми темными глазами, с короткими волосами, в непомерно узкой юбке.

Трофимов все кричал в телефонную трубку. Леля строчила. Потом Трофимов вконец озверел, бросил трубку, встал, злой и жалкий.

– У меня будет такая просьба, – обратился он к Леле. – Кто будет звонить, говорите, что я уехал на реку. Когда сделают паром – черт его душу знает.

Леля села к аппарату и стала ждать звонка. Телефон зазвонил скоро.

– Да, – спокойно сказала Леля. – Слушаю вас.

– Кто это?

– Это Талицкий сельсовет.

– Трофимова!

– Трофимов ушел на реку.

– Купаться, что ли? – Человек на том конце провода не был лишен юмора.

Леля обиделась.

– Между прочим, момент слишком серьезный, чтобы так дешево острить.

Человек некоторое время молчал.

– Кто это говорит?

– Это Леля Селезнева с факультета журналистики. С кем имею честь?

Человек на том конце положил трубку. Пока он нес ее от уха до рычажка, Леля услышала, как он сказал кому-то:

– Там факультет какой-то, а не сельсовет.

У Лели пропало желание отвечать кому бы то ни было. Она опять села в уголок и продолжала писать статью под названием «У семи нянек дитя без глазу». Еще в районе она узнала, что в Талице сорвало паром и что на той стороне скопилось огромное число машин с хлебом. Узнала она также, что талицкий паром обслуживают три района, и заменить старый трос, которым удерживался паром, новым никто, ни один из районов, не догадался.

Опять звонил телефон, Леля не брала трубку. Она дошла до места в своей статье, где описывала председателя сельсовета Трофимова. «...Это один из тех работников первичного звена аппарата, которые при первом же затруднении теряются и «выходят в коридор покурить».

Статья была злая. Леля не жалела ярких красок. Ювеналов бич свистел над головами руководителей трех районов. Зато, когда она дошла до места, где несчастные шоферы, собравшись на той стороне у берега, «с немой тоской смотрят на неподвижный паром», у Лели на глаза навернулись слезы.

Телефон звонил и звонил.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Леля писала.

В сельсовет заглянула большая потная голова в очках.

– Где Трофимов?

– Ушел к парому.

– Я сейчас только с парома. Нету его там.

Голова с любопытством разглядывала девушку.

– Я извиняюсь, вы кто будете?

– Леля Селезнева с факультета журналистики.

– Корреспондентка?

– Да.

– Приятно познакомиться. – В комнату вошел весь человек, большой, толстый, в парусиновом белом костюме, протянул Леле большую потную руку. – Анашкин. Заместитель Трофимова.

– Что с паромом?

– С паромом-то? – Анашкин грузно сел на диван и махнул рукой, причем так, что можно было понять: нашумели только, ничего особенного там не произошло. – Через часок сделают. Канат лопнул. Фу-у!.. Ну как, нравится вам у нас?

– Нравится. Значит, паром скоро сделают?

– Конечно. – Анашкин вопросительно посмотрел на Лелю. – Вы где остановились-то?

– Нигде пока.

– Так не годится, – категорично заявил Анашкин. – Пойдемте, я вас устрою сначала, а потом уж пишите про нас, грешных. Как вас, Леля?

– Леля.

– Леля... – Анашкин молодо поднялся с дивана. – Хотел дочь свою так назвать... но... жена на дыбошки стала. Красивое имя.

– Я не понимаю...

– Хочу устроить вас пока. Пойдемте ко мне, например... Посмотрите: понравится – живите сколько влезет.

– Я сейчас не могу. Вообще я хотела уехать сегодня же. Если не удастся, я с удовольствием воспользуюсь вашей любезностью. А сейчас мне нужно дописать вот это. – Леля показала на блокнот.

– Понимаю, – сказал Анашкин. – Жду вас.

– До свиданья.

Анашкин вышел. Он понравился Леле.

Зазвонил телефон.

Леля взяла трубку.

– Слушаю вас.

– Я просил Талицу, – сердито сказал густой сильный голос.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Это и есть Талица. Сельсовет.

– Где председатель ваш?

– Не знаю.

– Кто же знает? – Бас явно был не в духе.

Леле это не понравилось.

– Председатель не обязан сидеть здесь с утра до ночи. Вам понятно?

– Кто это говорит? – пророкотал удивленный бас.

Леля на одну секундочку замешкалась, потом отчеканила:

– Это Леля Селезнева с факультета журналистики.

– Что же вы налетаете на старых знакомых, Леля с факультета? – Бас потеплел, и Леля узнала его: секретарь райкома партии Дорофских Федор Иванович. Это он три часа назад рассказал ей всю историю с паромом.

– Так что же там с паромом-то, Леля? – поинтересовался секретарь. – Вы там ближе теперь...

Леле сделалось очень хорошо оттого, что ее совершенно серьезно спрашивают о том, чем обеспокоены сейчас все начальственные головы района и что она ближе всех сейчас к месту происшествия. Леля даже мимолетно подумала, что надо будет узнать, давно ли Дорофских работает здесь секретарем и стоит ли его вставлять в разгромную статью.

– С паромом следующее: через час он будет готов! – выпалила Леля. – Там, оказывается, порвался канат...

– Да что вы? – Секретарь несказанно обрадовался. – Это серьезно, Леля? Милая вы моя!.. Вот спасибо-то!

– Не мне спасибо, а бригаде плотников.

– Ну, понятно! Вот напишите о ком! Ведь они почти чудо сотворили!..

– Да, – сказала Леля и положила трубку. Закрывает блокнот с недописанной статьей и вышла из сельсовета.

Неподдельная радость в голосе секретаря райкома, готовность Анашкина устроить ее немедленно, а главное, что паром скоро сделают, – все это повернуло ей мир другой стороной – светлой.

«Громить легко. Но это еще никогда по-настоящему не действовало на людей», – думала Леля.

..Бригада плотников, семь человек, работала на пароме уже девять часов подряд.

Когда Леля переправилась к ним на лодке, у них был перекур.

– Здравствуйте, товарищи! – громко и весело сказала Леля.

Днище и бок одного баркаса были проломлены: паром сидел, круто накренившись. Леля ступила на покатый настил палубы и смешно взмахнула руками. Кто-то из бригады негромко и необидно засмеялся.

– Поздравляю вас, товарищи! – прибавила Леля уже без веселости.

В бригаде некоторое время молчали. Потом бригадир, очень старый человек с крючковатым носом, сухой и жилистый, спросил:

– С чем, дочка?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– С окончанием работы. Я из областной газеты к вам. Хочу написать о вашем скромном подвиге...

Молодой здоровенный парень, куривший около рулевой будки, бросил окурочек в реку и весело сказал:

– Начинается! – И посмотрел на Лелю так, точно ждал, что она сейчас выгнетса колесом и покатится по палубе, как в цирке.

Леля растерянно смотрела на плотников.

– Нам до окончания-то еще оё-ёй сколько! Он еще пока на камушках сидит, – пояснил бригадир. – Его еще зашить надо, да выкачать водичку, да оттащить... Много работы.

– Как же... Мне же сказали, что вам тут осталось на час работы.

– Кто сказал?

– Толстый такой... в сельсовете работает...

– Анашкин. – Плотники понимающе переглянулись.

Бригадир так же обстоятельно, как объяснял о пароме, ровным, спокойным голосом рассказал про Анашкина:

– Это он хочет свой грех замазать. Он у нас председателем долгое время был, так?.. А денюжки, которые на ремонт парома были отпущены, куда-то сплыли. Теперь он беспокоится: боится – вспомнят. Ему это нежелательно.

Леля откинула со лба короткие волосы.

– Ему этот факт выйдет боком, – серьезно сказала она. – Сигаретка есть у кого-нибудь?

Здоровенный парень весело посмотрел на своих товарищей.

– Махорки можно, – неуверенно предложил один плотник и оглянулся на старика бригадира, желая, видимо, понять: не глупость ли он делает, что потакает молоденькой девушке в такой слабости?

Но бригадир молчал.

– Могу «Беломорканал» удружить, – сказал здоровенный парень, Митька Воронцов, с готовностью подходя к девушке. Ему хотелось почему-то, чтобы Леля выкинула что-нибудь совсем невиданное.

– Спасибо. – Леля так просто взяла у Митьки папироску, так просто прикурила и затем посмотрела на плотников, что ни у кого не повернулся язык сказать что-нибудь.

– Давай, ребята, – негромко сказал бригадир, поднимаясь.

Леля отошла от борта парома и стала смотреть на ту сторону, где, выстроившись в длинный ряд, стояли грузовики с хлебом.

Шоферы не толпились на берегу и не смотрели с грустью на паром. Они собрались небольшими кучками у машин и разговаривали. Человек шесть наладили удочки и сидели на берегу в неподвижных позах. Кое-кто разложил поодаль от машин костер – пек картошку.

А далеко-далеко, за синим лесом, заходило огромное красное солнце.

Стучали топоры плотников, и стук этот далеко разносился по реке.

Леле стало грустно. Она вдруг ощутила себя смешной и жалкой в этом огромном и в общем-то простом мире. Есть заведенный порядок жизни, которому подчиняются люди. Если сломался паром и на том берегу скопилось много машин, значит, должно пройти

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru столько-то часов, прежде чем паром наладят, значит, машины с хлебом – а что сделаешь? – будут стоять и ждать и шоферы будут собираться группами и рассказывать анекдоты. Значит, начальство будет волноваться, звонить по телефону. Было бы странно, если бы оно тоже собиралось в группы и рассказывало анекдоты. В конце концов, все знают, что надо ждать. И смешно и глупо здесь суесться, писать бойкие статейки. Все понимают, что сломался паром, что машины, которые так нужны, стоят. Паром мог бы не сломаться, но он сломался – вот и все. Жизнь на этом не остановилась. Те же шоферы, которые сейчас кажутся беззаботными, через несколько часов сядут за штурвалы и без сна и отдыха будут гнать и гнать по нелегким дорогам, наверстывая по мере возможности упущенное. И не будут чувствовать себя героями, так же как сейчас не испытывают угрызений совести оттого, что не стоят толпой на берегу и не смотрят с тоскою на паром.

Леля вспомнила секретаря Дорофских и то, как она ему говорила: «С паромом следующее...», и ее собственная беспомощность стала до того очевидной и угнетающей, что она чуть не заплакала. Она стала мысленно доказывать себе, что люди сами определяют порядок жизни. И все делают люди. А киснуть и хныкать – это легче всего. Это еще ни для кого не представлялось очень трудным. Все делают люди, и надо быть спокойнее и сильнее.

Она поднялась и подошла к старику плотнику.

– Скажите, пожалуйста, а может быть, вас мало?

– А? – Бригадир выпрямился. – Мало? Нет, тут больше не надо, пожалуй... Да и нету у нас их больше-то.

– Но ведь стоят машины-то! – тихо, с отчаянием сказала Леля. – Что же делать-то?

– Что делать?.. Вот делаем.

– Когда вы думаете закончить?

– Завтра к обеду... – Старик прищурился и посмотрел на ту сторону реки.

– Ну нет! – твердо сказала Леля. – Так не пойдет. Вы что?

– Что? – не понял старик.

– Товарищи! – обратилась Леля ко всем. – Товарищи, есть предложение: собрать коротенькое собрание! Пятиминутку. Я предлагаю... – продолжала Леля, – работать ночью. Мне сейчас трудно посчитать, в какие тысячи обходится государству простой этих машин, но сами понимаете – много. Я сейчас схожу в деревню, обойду ваши семьи, скажу, чтобы вам принесли сюда ужин...

– Ну, это уж – привет! – сказал Митька Воронцов.

– Да неужели вы не понимаете! – Леля даже пристукнула каблучком по палубе. – А как было в войну – по две смены работали!.. Женщины работали! Вы видите, что делается? – Леля в другое время и при других обстоятельствах поймала бы себя на том, что она слишком театрально показала рукой на тот берег, на машины, и голос ее прозвучал на последних словах, пожалуй, излишне драматично, но сейчас ей показалось, что она сказала сильно. Во всяком случае, все посмотрели туда, куда она показала, – там стояли машины с хлебом.

– У нас на это начальство есть, – суховато сказал бригадир.

– Мы что, двуязыльные, что ли? – спросил Митька.

Он уже не ждал от девушки «фокусов», он боялся, что она уговорит плотников остаться на ночь. Пятеро других стояли нахмурившись.

– Товарищи!.. – опять начала Леля.

– Да что «товарищи»! – обозлился Митька. – Тебе ж сказали: не останемся... – Митьке позарез нужно было быть вечером в клубе.

– Эх, вы!.. – сказала Леля и неожиданно для себя заплакала. – Люди стоят, машины

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru стоят... их ждут... а они... – говорила Леля, слезая с парома. Она вытирала ладошкой слезы, сердилась на себя, не хотела плакать, а слезы все катились: она очень устала сегодня, изнервничалась с этим паромом.

Плотники растерянно смотрели на тоненькую девушку в узкой юбке. Она отвязала лодку и, неумело загребая веслами, поплыла к берегу.

– Ты, Митька, балда все-таки, – сказал бригадир. – Дубина просто.

– Он шибко грамотный стал, – поддакнул один из плотников. – Вымахал с версту, а умишка ни на грош.

Митька насупился, скинул рубаху, штаны и полез молчком в воду – надо было обмерить пролом в боку баркаса, чтобы заготовить щит-заплату. Остальные тоже молча взялись за топоры.

На берегу Лелю встретил председатель Трофимов.

– Чего они там? – встревожился он, увидев заплаканную Лелю. – Небось лаяться начали?

– Да нет! – Леля выпрыгнула из лодки. – Попросила их... В общем, ну их! – Леля хотела идти в деревню.

Трофимов осторожно взял ее за тоненькую руку, повел обратно к лодке.

– Поедем. Не переживай... Попросила остаться их?

– Да.

– Сейчас поговорим с ними... останутся. Я еще трех плотников нашел. К утру сделаем.

Леля посмотрела в усталые умные глаза Трофимова, села в лодку, тщательно вытерла коротким рукавом кофты заплаканные глаза.

Трофимов подгреб к парому, первым влез на него, потом подал руку Леле.

Плотники старательно тесали желтые пахучие брусья. Только бригадир воткнул топор в кругляш и подошел к председателю.

– Ну что тут? – спросил Трофимов.

– Ночь придется прихватить, – сказал старик, сворачивая папироску.

– Я еще троих вам подброшу. К утру надо сделать, черт его... – Председатель для чего-то потрогал небритую щеку, протянул руку к кисету бригадира.

Леля смотрела на бригадира, на плотников, на их запотевшие спины, на загорелые шеи, на узловатые руки. И опять ей захотелось плакать – теперь от любви к людям, к терпеливым, хорошим людям. Она взяла сухую, горячую руку бригадира и погладила ее. Бригадир растерялся, посмотрел на Лелю, на председателя, сказал:

– Это... Ну, ладно. – И пошел к своему месту.

– Ничего, – сказал Трофимов, внимательно глядя на папироску, которую скручивал.

Митька Воронцов фыркал в воде у баркаса, кряхтел, плевался.

– Ты чего? – спросил бригадир. – Чего не вылезаеть-то? Обмерил?

– Обмерил, – сердито ответил Митька.

– Ну?

– Чего «ну»?

– Вылезай, чего ты!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да тут... труссы спали, заразы. Кха!..

Кто-то из плотников хихикнул. Все выпрямились и смотрели на Митьку.

– Это тебя бог наказал, Митька.

Митька нырнул, довольно долго был под водой, вынырнул и стал отхаркиваться.

– Нашел?

– Найдешь... кхах...

– Значит, уплыли.

– Вот история-то! – сказал бригадир и оглянулся на Лелю.

– Я отвернусь, а он пусть вылезает, – предложила Леля.

– Митька!

– Ну!

– Она отвернется – лезь!

Митька вылез, надел брюки и взялся за топор.

Опять на пароме застучали восемь топоров, и стук их далеко разносился по реке.

К утру паром починили.

Когда огромное веселое солнце выкатилось из-за горы, паром подошел к берегу.

На палубе сидели плотники, курили (бригаде нужно было сплавить разок на ту сторону, чтобы посмотреть, как ведет себя паром с грузом). Кое-кто отмывался, доставая ведром воду, бригадир, свесив голову через люк, смотрел в баркас, председатель (он оставался всю ночь на пароме) оттирал с колена смолистое пятно. Митька Воронцов спал, вольно раскинув руки и ноги. Леля сидела с блокнотом у борта, грызла карандаш и смотрела, как всходит солнце.

На той стороне выли стартеры, урчали, кашляли, чихали моторы, переговаривались шоферы. Голоса их были густые со сна, отсыревшие... Они громко зевали.

«Это было грандиозно! – начала писать Леля. – Двенадцать человек, вооружившись топорами...» Она зачеркнула «вооружившись», подумала и выбросила все начало. Написала так: «Это была удивительная ночь! Двенадцать человек работали, ни разу не передохнув...» Подумала, вырвала лист из блокнота, смяла и бросила в реку. Начала снова: «Неповторимая, удивительная ночь! На отмели, на камнях, горит огромный костер, освещающий трепетным светом большой паром. На пароме двенадцать человек...» Леля и этот лист бросила в реку.

Паром тем временем подошел к берегу. Стали въезжать машины. Паромщик орал на шоферов, те бешено крутили рули, то пятились, то двигались вперед.

Леля стояла, прижавшись к рулевой будке, смотрела на все это и уже не думала об удивительной ночи и о том, как трепетно горел костер. Жизнь – горластая, веселая – катилась дальше. Ночь осталась позади, и никому теперь нет до нее дела. Теперь важно как можно быстрее переправить машины.

Паром отчалил. Стало немного потише.

Леля вырвала из блокнота лист и написала:

«Федор Иванович! Виноват во всем Анашкин. Когда он был председателем, ему были отпущены деньги на ремонт парома, но денежки эти куда-то сплыли. Я бы на вашем месте наказала Анашкина со всей строгостью. Леля Селезнева».

Леля свернула листок треугольником, подписала: «Секретарю РК КПСС тов. Дорофских»

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru Ф. И.» – и отдала треугольник одному из шоферов.

– Вы ведь через райцентр поедете?

– Да.

– Передайте там кому-нибудь, пусть занесут в райком.

– Давай.

Паром подплыл к берегу; стали съезжать машины. Опять гул, рев, крики...

А Леля поднималась по крутому берегу с плотниками, которые направлялись в деревню, курила Митькин «Беломор» и с удовольствием думала, как она сейчас уснет в какой-нибудь избе, укрывшись шубой.

Гринька Малюгин

Гринька, по общему мнению односельчан, был человек недоразвитый, придурковатый.

Был он здоровенный парень с длинными руками, горбоносый, с вытянутым, как у лошади, лицом. Ходил, раскачиваясь взад-вперед, медленно посматривал вокруг бездумно и ласково. Девки любили его. Это было непонятно. Чья-то умная голова додумалась: жалеют. Гриньке это очень понравилось.

– Меня же все жалеют! – говорил он, когда был подвыпивши, и стучал огромным кулаком себе в грудь, и смотрел при этом так, будто он говорил: «У меня же девять орденов!»

Работал Гринька хорошо, но тоже чудил. Его, например, ни за какие деньги, никакими уговорами нельзя было заставить работать в воскресенье. Хоть ты что делай, хоть гори все вокруг синим огнем – он в воскресенье наденет черные плисовые штаны, куртку с «молниями», намочит русский чуб, уложит его на правый бочок аккуратненькой копной и пойдет по деревне – просто так, «бурлачить».

– Женился бы хоть, телеграф, – советовала ему мать.

– Стукнет тридцать – женюсь, – отвечал Гринька.

Гриньку очень любили как-нибудь называть: «земледав», «быча», «телеграф», «морда»... И все как-то шло Гриньке.

Вот такая история приключилась однажды с Гринькой.

Поехал он в город за горючим для совхоза. Поехал еще затемно. В городе заехал к знакомым, загнал машину в ограду, отоспался на диване, встал часов в девять, плотно позавтракал и поехал на центральное бензохранилище – это километрах в семнадцати от города, за горой.

День был тусклый, теплый. Дороги раскисли после дождя, колеса то и дело буксовали. Пока доехал до хранилища, порядком умаялся.

Бензохранилище – целый городок, строгий, правильный, однообразный, даже красивый в своем однообразии. На площади гектара в два аккуратными рядами стоят огромные серебристо-белые цистерны – цилиндрические, круглые, квадратные.

Гринька пристроился в длинный ряд автомашин и стал потихоньку двигаться.

Часа через три только ему закатили в кузов бочки с бензином.

Гринька подъехал к конторе, поставил машину рядом с другими и пошел оформлять документы.

И тут – никто потом не мог сказать, как это случилось, почему, – низенькую контору озарил вдруг яркий свет.

В конторе было человек шесть шоферов, две девушки за столами и толстый мужчина в очках (тоже сидел за столом). Он и оформлял бумаги.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Свет вспыхнул сразу. Все на мгновение ошалели. Стало тихо. Потом тишину эту, как бичом, хлестнул чей-то вскрик на улице:

– Пожар!

Шарахнули из конторы.

Горели бочки на одной из машин. Горели как-то зловеще, бесшумно, ярко.

Люди бежали от машин. Гринька тоже побежал вместе со всеми. Только один толстый человек (тот, который оформлял бумаги), отбежав немного, остановился.

– Давайте брезент! Э-э! – заорал он. – Куда вы?! Успе-ем же!.. Э-э!..

– Бежи, сейчас рванет! Бежи, дура толстая! – крикнул кто-то из шоферов.

Несколько человек остановились. Остановился и Гринька.

– Сча-ас... Ох и будет! – слышался сзади чей-то голос.

– Добра пропадет сколько! – ответил другой.

Кто-то заматерился. Все ждали.

– Давайте брезент! – непонятно кому кричал толстый мужчина, но сам не двигался с места.

– Уходи! – опять крикнули ему. – Вот ишак... Что тут брезентом сделаешь? Брезент...

Гриньку точно кто толкнул сзади. Он побежал к горячей машине. Ни о чем не думал. В голове точно молотком били – мягко и больно: «Скорей! Скорей!» Видел, как впереди, над машиной, огромным винтом свивается белое пламя.

Не помнил Гринька, как добежал он до машины, как включил зажигание, даванул стартер, воткнул скорость – человеческий механизм сработал быстро и точно. Машина рванулась и, набирая скорость, понеслась прочь от цистерн и от других машин с горячим.

Река была в полукилометре от хранилища: Гринька правил туда, к реке.

Машина летела по целине, прыгала. Горящие бочки грохотали в кузове. Гринька закусил до крови губы, почти лег на штурвал. Крутой, обрывистый берег приближался угнетающе медленно. На косогорчике, на зеленой мокрой травке, колеса забуксовали. Машина юзом поползла назад. Гринька вспотел. Молниеносно перекинул скорость, дал левее руля, выехал. И опять выжал из мотора всю его мощь.

До берега осталось метров двадцать. Гринька открыл дверцу, не снимая правой ноги с газа, стал левой на подножку. В кузов не глядел – там колотились бочки и тихо шумел огонь. Спине было жарко.

Теперь обрыв надвигался быстро. Гринька что-то медлил, не прыгал. Прыгнул, когда до берега осталось метров пять. Упал. Слышал, как с лязгом грохотнули бочки. Взвыл мотор... Потом под обрывом сильно рвануло. И оттуда вырос красивый стремительный столб огня. И стало тихо.

Гринька встал и тут же сел – в сердце воткнулась такая каленая боль, что в глазах потемнело.

– М-м... ногу сломал, – сказал Гринька самому себе.

К нему подбежали, засуетились. Подбежал толстый человек и заорал:

– Какого черта не прыгал, когда отъехал уже?! Направил бы ее и прыгал! Обязательно надо до инфаркта людей довести!

– Ногу сломал, – сказал Гринька.

– В герои лезут! Молокососы!.. – кричал толстый.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Один из шоферов ткнул его кулаком в пухлую грудь.

– Ты что, спятил, что ли?

Толстый оттолкнул шофера. Снял очки, трубно высморкался. Сказал с нервной дрожью в голосе:

– Лежать теперь. Черти!

Гриньку подняли и понесли.

В палате, кроме Гриньки, было еще четверо мужчин. Один ходил с «самолетом», остальные лежали, задрав кверху загипсованные ноги. К ногам их были привязаны железяки. Один здоровенный парень, белобрысый, с глуповатым лицом, просил того, который ходил:

– Слышь!.. Неужели у тебя сердца нету?

– Нету, – спокойно отвечал ходячий.

– Эх!..

– Вот те и «эх». – Ходячий остановился против койки белобрысого. – Я отвяжу, а кто потом отвечать будет?

– Я.

– Ты... Я же и отвечу. Нужно мне это. Терпи! Мне, ты думаешь, не надоела тоже вот эта штука? Надоела.

– Ты же ходишь!.. Сравнил.

– И ты будешь.

– А чего ты просишь-то? – спросил Гринька белобрысого. (Гриньку только что перевели в эту палату.)

– Просит, чтоб я ему гири отвязал, – пояснил ходячий. – Дурней себя ищет. Так – ты полежишь и встанешь, а если я отвяжу, ты совсем не встанешь. Как дите малое, честное слово.

– Не могу я больше! – заскулил белобрысый. – Я психически заболею: двадцать вторые сутки лежу, как бревно. Я же не бревно, верно? Сейчас орать буду...

– Ори, – спокойно сказал ходячий.

– Ты что, тронулся, что ли? – спросил Гринька парня.

– Няня! – заорал тот.

– Как тебе не стыдно, Степан, – сказал с укоризной один из лежачих. – Ты же не один здесь.

– Я хочу книгу жалоб и предложений.

– Зачем она тебе?

– А чего они!.. Не могли умнее чего-нибудь придумать? Так, наверно, еще при царе лечили. Подвесили, как борова...

– Ты и есть боров, – сказал ходячий.

– Няня!

В палату вместо няни вошел толстый мужчина в очках (с бензохранилица, из конторы).

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Привет! – воскликнул он, увидев Гриньку. – А мне сказали сперва, что ты в каком-то другом корпусе лежишь.. Едва нашел. На, еды тебе приволок. Фу-у! – Мужчина сел на краешек Гринькиной кровати. Огляделся. – Ну и житье у вас, ребята!.. Лежи себе, плюй в потолок.
- Махнемся? – предложил мрачно белобрысый.
- Завтра махнемся.
- А-а!.. Нечего тогда вякать. А то сильно умные все.
- Ну как? – спросил мужчина Гриньку. – Ничего?
- Все в ажуре, – сказал Гринька.
- Ты скажи, почему ты не прыгал, когда уже близко до реки оставалось?
- А сам не знаю.
- Меня, понимаешь, чуть кондрашка не хватил: сердце стало останавливаться, и все. Нервы у тебя крепкие, наверно.
- Я ж танкистом в армии был, – хвастливо сказал Гринька. – Вот попробуй пощекоти меня – хоть бы что. Попробуй!
- Хэх!.. Чудак! Ну, машину достали. Все, в общем, разворотило... Сколько лежать придется?
- Не знаю. Вон друг двадцать вторые сутки парится. С месяц, наверно.
- Перелом бедренной кости? – спросил белобрысый. – А два месяца не хочешь? «С месяц»... Быстрые все какие!
- Ну, привет тебе от наших ребят, – продолжал толстый. – Хотели прийти сюда – не пускают. Меня как профорга и то еле пропустили. Журналов вот тебе прислали... – Мужчина достал из-за пазухи пачку журналов. – Из газеты приходили, расспрашивали про тебя... А мы и знать не знаем, кто ты такой. Сказано в путевке, что Малюгин, из Суртайки... Сказали, что придут сюда.
- Это ничего, – сказал Гринька самодовольно. – Я им тут речь скажу.
- Речь?.. Хэх!.. Ну ладно, поправляйся. Будем заходить к тебе в приемные дни – я специально людей буду выделять. Я бы посидел еще, но на собрание тороплюсь. Тоже речь надо говорить. Не унывай!
- Ничего.
- Профорг пожал Гриньке руку, сказал всем «до свиданья» и ушел.
- Ты что, герой, что ли? – спросил Гриньку белобрысый, когда за профоргом закрылась дверь.
- Гринька некоторое время молчал.
- А вы разве ничего не слышали? – спросил он серьезно. – Должны же были по радио передавать.
- У меня наушники не работают. – Детина щелкнул толстым пальцем по наушникам, висевшим у его изголовья.
- Гринька еще немного помолчал. И ляпнул:
- Меня же на Луну запускали.
- У всех вытянулись лица, белобрысый даже рот приоткрыл.
- Нет, серьезно?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Конечно. Кха! – Гринька смотрел в потолок с таким видом, как будто он на спор на виду у всех проглотил топор и ждал, когда он переварится, – как будто он нисколько не сомневался в этом.

– Врешь ведь? – негромко сказал белобрысый.

– Не веришь, не верь, – сказал Гринька. – Какой мне смысл врать?

– Ну и как же ты?

– Долетел до половины, и горячего не хватило. Я прыгнул. И ногу вот сломал – неточно приземлился.

Первым очнулся человек с «самолетом».

– Вот это загнул! У меня ажник дыхание остановилось.

– Трепло! – сказал белобрысый разочарованно. – Я думал, правда.

– Завидки берут, да? – спросил Гринька и стал смотреть журналы. – Между прочим, состояние невесомости я перенес хорошо. Пульс нормальный всю дорогу.

– А как это ты на парашюте летел, если там воздуха нету? – спросил белобрысый.

– Затяжным.

– А кто это к тебе приходил сейчас? – спросил человек с «самолетом».

– Приходил-то? – Гринька перелистнул страничку журнала. – Генерал, дважды Герой Советского Союза. Он только не в форме – нельзя.

Человек с «самолетом» громко захохотал.

– Генерал?! Ха-ха-ха!.. Я ж его знаю! Он же ж на бензохранилище работает!

– Да? – спросил Гринька.

– Да!

– Так чего же ты тогда спрашиваешь, если знаешь?

Белобрысый раскатился громоподобным смехом. Глядя на него, Гринька тоже засмеялся. Потом засмеялись все остальные. Лежали и смеялись.

– Ой, мама родимая!.. Ой, кончаюсь!.. – стонал белобрысый.

Гринька закрылся журналом и хохотал беззвучно. В палату вошел встревоженный доктор.

– В чем дело, больные?

– О-о!.. О-о!.. – Белобрысый только показывал на Гриньку – не мог произнести ничего членораздельно. – Гене... ха-ха-ха! Гене... хо-хо-хо!..

Смешливый старичок доктор тоже хихикнул и поспешно вышел из палаты.

И тотчас в палату вошла девушка лет двадцати трех. В брюках, покрашенная, с желтыми волосами – красивая. Остановилась в дверях, удивленно оглядела больных.

– Здравствуйте, товарищи! – Смех потихоньку стал стихать.

– Здравсте! – сказал Гринька.

– Кто будет товарищ Малюгин?

– Я, – ответил Гринька и попытался привстать.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Лежите, лежите, что вы! – воскликнула девушка, подходя к Гринькиной койке. – Я вот здесь присяду. Можно?

– Боже мой! – сказал Гринька и опять попытался сдвинуться на койке. Девушка села на краешек белой плоской койки.

– Я из городской молодежной газеты. Хочу поговорить с вами.

Белобрысый перестал хохотать, смотрел то на Гриньку, то на девушку.

– Это можно, – сказал Гринька и мельком глянул на белобрысого.

Детина начал теперь икать.

– Как вы себя чувствуете? – спросила девушка, раскладывая на коленях большой блокнот.

– Железно, – сказал Гринька.

Девушка улыбнулась, внимательно посмотрела на Гриньку. Гринька тоже улыбнулся и подмигнул ей. Девушка опустила глаза к блокноту.

– Для начала... такие... формальные вопросы: откуда родом, сколько лет, где учились...

– Значит, так... – начал Гринька, закуривая. – А потом я речь скажу. Ладно?

– Речь?

– Да.

– Ну... хорошо... Я могу потом записать. В другой раз.

– Значит, так: родом я из Суртайки – семьдесят пять километров отсюда. А вы сами откуда?

Девушка весело посмотрела на Гриньку, на других больных; все, притихнув, смотрели на нее и на Гриньку, слушали. Белобрысый икал.

– Я из Ленинграда. А что?

– Видите ли, в чем дело, – заговорил Гринька, – я вам могу сказать следующее...

Белобрысый неудержимо икал.

– Выпей воды! – обозлился Гринька.

– Я только что пил – не помогает, – сказал белобрысый, сконфузившись.

– Значит, так... – продолжал Гринька, затягиваясь папироской. – О чем мы с вами говорили?

– Где вы учились?

– Я волнуюсь, – сказал Гринька (ему не хотелось говорить, что он окончил только пять классов). – Мне трудно говорить.

– Вот уж никогда бы не подумала! – воскликнула девушка. – Неужели вести горящую машину легче?

– Видите ли... – опять напыщенно заговорил Гринька, потом вдруг поманил к себе девушку и негромко – так, чтоб другие не слышали, доверчиво спросил: – Вообще-то в чем дело? Вы только это не пишите. Я что, на самом деле подвиг совершил? Я боюсь, вы напишете, а мне стыдно будет потом перед людьми. «Вон, скажут, герой пошел!»

Девушка тихо засмеялась. А когда перестала смеяться, некоторое время с интересом смотрела на Гриньку.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Нет, это ничего, можно.

Гринька приободрился.

– Вы замужем? – спросил он.

Девушка растерялась.

– Нет... А собственно, зачем?..

– Можно, я вам письменно все опишу? А вы еще раз завтра придете, и я вам отдам. Я не могу, когда рядом икают.

– Что я, виноват, что ли? – сказал белобрысый и опять икнул.

Девушку Гринькино предложение поставило в тупик.

– Понимаете... я должна этот материал сдать сегодня. А завтра я уезжаю. Просто не знаю, как нам быть. А вы коротко расскажите. Значит, вы из Суртайки. Так?

– Так. – Гринька скис.

– Вы, пожалуйста, не обижайтесь на меня, я ведь тоже на работе.

– Я понимаю.

– Где вы учились?

– В школе.

– Где, в Суртайке же?

– Так точно.

– Сколько классов кончили?

Гринька строго посмотрел на девушку.

– Пять, шестой коридор. Неженатый. Не судился еще. Все?

– Родители...

– Мать.

– Чем она занимается?

– На пенсии.

– Служили?

– Служил. В танковых войсках.

– Что вас заставило броситься к горящей машине?

– Дурость.

Девушка посмотрела на Гриньку.

– Конечно. Я же мог подорваться, – пояснил тот.

Девушка задумалась.

– Хорошо, я завтра приду к вам, – сказала она. – Только я не знаю... завтра приемный день?

– Приемный день в пятницу, – подсказал белобрысый.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А мы сделаем! – напористо заговорил Гринька. – Тут доктор добрый такой старик, я его попрошу, он сделает. А? Скажем, что ты захворала, он бюллетень выпишет.

– Приду. – Девушка улыбнулась. – Обязательно приду. Принести чего-нибудь?

– Ничего не надо!

– Тут хорошо кормят, – опять вставил белобрысый. – Я уж на что – вон какой, и то мне хватает.

– Я какую-нибудь книжку интересную принесу.

– Книжку – это да, это можно. Желательно про любовь.

– Хорошо. Итак, что же вас заставило броситься к машине?

Гринька мучительно задумался.

– Не знаю, – сказал он. И виновато посмотрел на девушку. – Вы сами напишите чего-нибудь, вы же умеете. Что-нибудь такое... – Гринька покрутил растопыренными пальцами.

– Вы, очевидно, подумали, что если бочки взорвутся, то пожар распространится дальше – на цистерны. Да?

– Конечно!

Девушка записала.

– А ты же сказала, что уезжаешь завтра. Как же ты придешь? – спросил вдруг Гринька.

– Я как-нибудь сделаю.

В палату вошел доктор.

– Девушка, милая, сколько вы обещали пробыть? – спросил он.

– Все, доктор, ухожу. Еще два вопроса... Вас зовут Григорий?

– Малюгин Григорий Степанович... – Гринька взял руку девушки, посмотрел ей прямо в глаза. – Приди, а?

– Приду. – Девушка ободряюще улыбнулась. Оглянулась на доктора, нагнулась к Гриньке и шепнула: – Только бюллетень у доктора не надо просить. Хорошо?

– Хорошо. – Гринька ласково смотрел на девушку.

– До свиданья. Поправляйтесь. До свиданья, товарищи!

Девушку все проводили добрыми глазами. Доктор подошел к Гриньке:

– Как дела, герой?

– Лучше всех.

– Дай-ка твою ногу.

– Доктор, пусть она придет завтра, – попросил Гринька.

– Кто? – спросил доктор. – Корреспондентка? Пусть приходит. Влюбился, что ли?

– Не я, а она в меня.

Смешливый доктор опять засмеялся:

– Ну-ну... Пусть приходит, раз такое дело. Веселый ты парень, я погляжу.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Он посмотрел Гринькину ногу и ушел в другую палату.

– Думаешь, она придет? – спросил белобрысый Гриньку.

– Придет, – уверенно сказал Гринька. – За мной не такие бегали.

– Знаю я этих корреспондентов. Им лишь бы расспросить. Я в прошлом году сжал много, – начал рассказывать белобрысый, – так ко мне тоже корреспондента подослали. Я ему три часа про свою жизнь рассказывал. Так он мне даже пол-литра не поставил. «Я, – говорит, – непьющий», то-се, – начал вилять.

Гринька смотрел в потолок, не слушал белобрысого. Думал о чем-то. Потом отвернулся к стене и закрыл глаза.

– Слышь, друг! – окликнул его белобрысый.

– Спит, – сказал человек с «самолетом». – Не буди, не надо. Он на самом деле что-то совершил.

– Шebutной парень, – похвалил белобрысый. – В армии с такими хорошо.

Гринька долго лежал, слушал разговоры про разные подвиги, потом действительно заснул.

И приснился ему такой сон.

Будто он в какой-то незнакомой избе – нарядный, в хромовых сапогах, в плисовых штанах – вышел на круг, поднял руку и сказал: «Ритмический вальс».

Гринька, когда служил в армии, все три года учился танцевать ритмический вальс и так и не научился – не смог.

И вот будто пошел он по кругу, да так здорово пошел – у самого сердце радуется. И он знает, что на него смотрит девушка-корреспондентка. Он не видел ее, а знал, чувствовал, что стоит она в толпе и смотрит на него.

Проснулся он оттого, что кто-то негромко позвал его:

– Гриньк...

Гринька открыл глаза – на кровати сидит мать, вытирает концом полушалка слезы.

– Ты как тут? – удивился Гринька.

– Сказали мне... в сельсовете. Как же это получилось-то, сынок?

– Ерунда, не плачь. Срастется.

– И вечно тебя несет куда-то, дурака. Никто небось не побежал...

– Ладно, – негромко перебил Гринька. – Начинается.

Мать полезла в мешочек, который стоял у ее ног.

– Привезла тут тебе... Ешь хоть теперь больше. Господи, господи, что за наказание такое! Что-нибудь да не так. – Потом мать посмотрела на других больных, склонилась к сыну, спросила негромко: – Деньжонок-то нисколько не дали?

Гринька сморщился, тоже мельком глянул на товарищей и тоже негромко сказал:

– Ты чо? Ненормальная какая-то...

– Лежи, лежи... нормальный! – обиделась мать. И опять полезла в торбочку и стала вынимать оттуда шанежки и пирожки. – Изба-то завалится скоро... Нормальный!..

– Все, на эту тему больше не реагирую, – отрезал Гринька.

На другой день Гриньке принесли газету, где была небольшая заметка о нем. В ней

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru рассказывалось, как он, Гринька, рискуя жизнью, спас государственное имущество. Называлась заметка «Мужественный поступок». Подпись: «А. Сильченко».

Гринька прочитал заметку и спрятал газету под подушку.

– Не в этом же дело, – проворчал он.

А. Сильченко не пришла. Гринька ждал ее два дня, потом понял: не придет.

– Не уважаю стилияг, – сказал он белобрысому.

Тот поддакнул:

– Я их вообще не перевариваю.

Гринька вынул из тумбочки лист бумаги и спросил детину:

– Стихи любишь?

– Нет, – признался тот.

– Надо любить, – посоветовал Гринька. – Вот слушай:

Мечтал ли в жизни я когда
Стать стихотворцем и поэтом;
Двадцать пять лет из-под пера не шла строка,
А вот сейчас пишу куплеты.
Белобрысый слушал нахмурившись.

– Ну как? – спросил Гринька.

– Ничего, – похвалил детина. – Это кому ты?

Гринька промолчал на это. Положил лист на тумбочку, взял карандаш и стал смотреть в потолок.

– Поэму буду сочинять, – сказал он. – Про свою жизнь. Все равно делать нечего.

Классный водитель
Весной, в начале сева, в Быстрянке появился новый парень – шофер Пашка Холманский. Сухой, жилистый, легкий на ногу. С круглыми изжелта-серыми смелыми глазами, с прямым тонким носом, рябоватый, с крутой ломаной бровью, не то очень злой, не то красивый. Смахивал на какую-то птицу.

Пашка был родом из кержаков, откуда-то с верхних сел по Катуню, но решительно ничего не усвоил из старомодного неповоротливого кержацкого уклада.

В Быстрянку он попал так.

Местный председатель колхоза Прохоров Ермолай возвращался из города на колхозном «газике». Посреди дороги у них лопнула рессора. Прохоров, всласть наругавшись с шофером, стал голосовать попутным машинам. Две не остановились, а третья, полуторка, притормозила. Шофер откинул дверцу.

– Куда?

– До Быстрянки.

– А Салтон – это дальше или ближе?

– Малость ближе. А что?

– Садись до Салтона. Дорогу покажешь.

– Поехали.

Шофер сидел, откинувшись на спинку сиденья; правая рука – на штурвале, левая –

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
локтем – на дверце кабины. Смотрел вперед, на дорогу, задумчиво щурился.

Полуторка летела на предельной скорости, чудом минуя выбоины. С одной встречной машиной разминулись так близко, что у председателя дух захватило. Он посмотрел на шофера: тот сидел как ни в чем не бывало, щурился.

– Ты еще головы никогда не ломал? – спросил Прохоров.

– А?.. Ничего. Не трусь, дядя. Главное в авиации что? – улыбнулся шофер. Улыбка простецкая, добрая.

– Главное в авиации – не трепаться, по-моему.

– Нет, не то. – Парень совсем отпустил штурвал и полез в карман за папиросами. Его, видно, забавляло, что пассажир трусит.

Прохоров стиснул зубы и отвернулся.

В этот момент полуторку основательно подкинуло. Прохоров инстинктивно схватился за дверцу. Свирепо посмотрел на шофера.

– Ты!.. Авиатор!

Парень опять улыбнулся.

– Уважаю скорость, – признался он.

Прохоров внимательно посмотрел в глаза парню: парень чем-то нравился ему.

– Ты в Салтон зачем едешь?

– В командировку.

– На сев, что ли?

– Да... помочь мужичкам надо.

Хитрый Прохоров некоторое время молчал. Закурил тоже. Он решил переманить шофера в свой колхоз.

– В сам Салтон или в район?

– В район. Деревня Листвянка... Хорошие места тут у вас.

– Тебя как зовут-то?

– Меня-то? Павлом. Павел Егорыч.

– Тезки с тобой, – сказал Прохоров. – Я тоже по батьке Егорыч. Поехали ко мне, Егорыч?

– То есть как?

– Так. Я в Листвянке знаю председателя и договорюсь с ним насчет тебя. Я тоже председатель. Листвянка – это дыра, я тебе должен сказать. А у нас деревня...

– Что-то не понимаю: у меня же в командировке сказано...

– Да какая тебе разница?! Я тебе дам такой же документ... что ты отработал на посевной – все честь по чести. А мы с тем председателем договоримся. За ним как раз должок имеется. А?

– Клуб есть? – спросил Пашка.

– Клуб? Ну как же!

– Сфотографировано.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Что?

– Согласен, говорю! Пирамидон.

Прохоров заискивающе посмеялся.

– Шутник ты... (Один лишней шофер да еще с машиной на посевной – это пирамидон, да еще какой!) Шутник ты, Егорыч.

– Стараюсь. Значит, клубишко имеется?

– Имеется, Паша. Вот такой клуб – бывшая церковь!

– Помолимся, – сказал Пашка.

Оба – Прохоров и Пашка – засмеялись. Так попал Павел Егорыч в Быстрянку. Жил Пашка у Прохорова. Быстро сдружился с хозяйкой, женой Прохорова, охотно беседовал с ней вечерами.

– Жена должна чувствовать! – утверждал Пашка, с удовольствием уписывая жирную лапшу с гусятиной.

– Правильно, Егорыч, – поддакивал Ермолай, согнувшись пополам, стаскивая с ноги тесный сапог. – Что это за жена, которая не чувствует?

– Если я прихожу домой, – продолжал Пашка, – так? – усталый, грязный – то, се, я должен первым делом видеть энергичную жену. Я ей, например: «Здорово, Маруся!» Она мне весело: «Здорово, Павлик! Ты устал?»

– А если она сама, бедная, наработается за день, то откуда же у нее веселье возьмется? – замечала хозяйка.

– Все равно. А если она грустная, кислая, я ей говорю: пирамидон. И меня потянет к другим. Верно, Егорыч?

– Абсолютно! – поддакивал Прохоров.

Хозяйка притворно сердилась и называла всех мужиков охальниками.

В клубе Пашка появился на второй день после своего приезда. Сдержанно-веселый, яркий: в бордовой рубашке с распахнутым воротом, в хромовых сапогах-вытяжках, в военной новенькой фуражке, из-под козырька которой русой хmeliной завивался чуб.

– Как здесь население... ничего? – равнодушно спросил он у одного парня, а сам ненароком обшаривал глазами танцующих: хотел знать, какое он произвел впечатление на «местное население».

– Ничего, – ответил парень.

– А ты, например, чего такой кислый?

– А ты кто такой, чтобы допрос устраивать? – обиделся парень.

Пашка миролюбиво оскалился.

– Я ваш новый прокурор. Порядки приехал наводить.

– Смотри, как бы тебе самому не навели тут.

– Ничего. – Пашка подмигнул парню и продолжал рассматривать девушек и ребят в зале.

Его тоже рассматривали.

Пашка такие моменты любил. Неизвестное, незнакомое, недружелюбное поначалу волновало его. Больше всего, конечно, интересовали девки.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Танец кончился. Пары расходились по местам.

– Что за дивчина? – спросил Пашка у того же парня: он увидел Настю Платонову, местную красавицу.

Парень не захотел с ним разговаривать, отошел. Заиграли вальс.

Пашка прошел через весь зал к Насте, слегка поклонился ей и громко сказал:

– Предлагаю на тур вальса!

Все подивились изысканности Пашки; на него стали смотреть с нескрываемым веселым интересом.

Настя спокойно поднялась, положила тяжелую руку на сухое Пашкино плечо; Пашка, не мигая, ласково смотрел на девушку.

Закружились.

Настя была несколько тяжела в движениях, ленива. Зато Пашка с ходу начал выделять такого черта, что некоторые даже перестали танцевать – смотрели на него. Он то приотпускал от себя Настю, то рывком приближал к себе и кружился, кружился... Но окончательно он доконал публику, когда, отойдя несколько от Насти, но не выпуская ее руки из своей, пошел с приплясом. Все так и ахнули. А Пашка смотрел куда-то выше «местного населения» с таким видом, точно хотел сказать: «Это еще не все. Будет когда-нибудь настроение – покажу кое-что. Умел когда-то».

Настя покраснелась, ходила все так же медленно, плавно.

– Ну и трепач ты! – весело сказала она, глядя в глаза Пашке.

Пашка ухом не повел.

– Откуда ты такой?

– Из Москвы, – небрежно бросил Пашка.

– Все у вас там такие?

– Какие?

– Такие... воображалы.

– Ваша серость меня удивляет, – сказал Пашка, вонзая многозначительный ласковый взгляд в колодезную глубину темных загадочных глаз Насти.

Настя тихо засмеялась. Пашка был серьезен.

– Вы мне нравитесь, – сказал он. – Я такой идеал давно искал.

– Быстрый ты. – Настя в упор посмотрела на Пашку.

– Я на полном серьезе!

– Ну и что?

– Я вас провожаю сегодня до хаты. Если у вас, конечно, нет какого-нибудь другого хахалы. Договорились?

Настя усмехнулась, качнула отрицательно головой. Пашка не обратил на это никакого внимания.

Вальс кончился.

Пашка проводил девушку до места, опять изящно поклонился и вышел покурить с парнями в фойе.

Парни косились на него. Пашка знал, что так бывает всегда.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Тут поблизости забегаловки нигде нету? – спросил он, подходя к группе курящих.

Парни молчали, смотрели на Пашку насмешливо.

– Вы что, языки проглотили?

– Тебе не кажется, что ты здесь слишком бурную деятельность развил? – спросил тот самый парень, с которым Пашка говорил до танца.

– Нет, не кажется.

– А мне кажется.

– Крестись, если кажется.

Парень нехорошо прищурился.

– Выйдем на пару минут... потолкуем?

Пашка отрицательно качнул головой:

– Не могу.

– Почему?

– Накостыляете сейчас ни за что... Потом когда-нибудь потолкуем. Вообще-то чего вы на меня надулись? Я, кажется, никому еще на мозоль не наступал.

Парни не ожидали такого поворота. Им понравилась Пашкина прямота. Понемногу разговорились.

Пока разговаривали, заиграли танго, и Настю пригласил другой парень. Пашка с остервенением растоптал окуроч. Тут ему рассказали, что у Насти есть жених, инженер из Москвы, и что, кажется, у них дело идет к свадьбе. Пашка внимательно следил за Настей и, казалось, не слушал, что ему говорят. Потом сдвинул фуражку на затылок, прищурился.

– Посмотрим, кто кого сфотографирует, – сказал он и поправил фуражку. – Где он?

– Кто?

– Инженеришка.

– Его нету сегодня.

– Я интеллигентов одной левой делаю.

Танго кончилось.

Пашка прошел к Насте.

– Вы мне не ответили на один вопрос.

– На какой вопрос?

– Я вас провожаю сегодня до хаты?

– Я одна дойду. Спасибо.

Пашка сел рядом с девушкой. Круглые кошачьи глаза его опять смотрели серьезно.

– Поговорим, как желтмены.

– Боже мой, – вздохнула Настя, поднялась и пошла в другой конец зала.

Пашка смотрел ей вслед. Слышал, как вокруг него сочувственно посмеивались. Он не чувствовал позора. Только стало больно под ложечкой. Горячо и больно. Он тоже

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
встал и пошел из клуба.

На следующий день к вечеру Пашка нарядился пуще прежнего: попросил у Прохорова вышитую рубаху, перепоясал ее синим шелковым пояском с кистями, надел свои диагоналевые синие галифе, бостоновый пиджак – и появился в здешней библиотеке (Настя работала библиотекарем, о чем Пашка заблаговременно узнал).

– Здравствуйте! – солидно сказал он, входя в просторную избу, служившую и библиотекой и избой-читальней одновременно.

В библиотеке была только Настя, и у стола сидел молодой человек, смотрел «Огонек».

Настя поздоровалась с Пашкой и улыбнулась ему, как старому знакомому.

Пашка подошел к ее столу и начал спокойно рассматривать книги – на Настю ноль внимания. Он сообразил, что парень с «Огоньком» и есть тот самый инженер, жених Насти.

– Почитать что-нибудь? – спросила Настя, несколько удивленная тем, что Пашка не узнал ее.

– Да, надо, знаете...

– Что хотите? – Настя невольно перешла на «вы».

– «Капитал» Карла Маркса. Я там одну главу не дочитал.

Парень отложил «Огонек» и посмотрел на Пашку.

Настя хотела засмеяться, но, увидев строгие Пашкины глаза, сдержала смех.

– Как ваша фамилия?

– Холманский Павел Егорыч. Год рождения тысяча девятьсот тридцать пятый, водитель-механик второго класса.

Пока Настя записывала все это, Пашка незаметно, искоса разглядывал ее. Потом оглянулся. Инженер наблюдал за ним. Встретились взглядами. Пашка растерялся и... подмигнул ему.

– Кроссвордами занимаемся?

Инженер не сразу нашелся что ответить.

– Да... А вы, я смотрю, глубже берете.

– Между прочим, Гена, он тоже из Москвы, – сказала Настя.

– Ну?! – Гена искренне обрадовался. – Вы давно оттуда? Расскажите хоть, что там нового.

Пашка излишне долго расписывался в карточке. Молчал.

– Спасибо, – сказал он Насте. Подошел к столу, швырнул толстый том, протянул Гене руку. – Павел Егорыч.

– Гена. Очень рад!

– Москва-то? – переспросил Пашка, придвигая к себе несколько журналов. – Шумит Москва, шумит... – И сразу, не давая инженеру опомниться, затараторил: – Люблю смешные журналы! Особенно про алкоголиков – так разрисуют всегда...

– Да, смешно бывает. А вы давно из Москвы?

– Из Москвы-то? – Пашка перелистнул страничку журнала. – А я там не бывал сроду. Девушка меня с кем-то спутала.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Вы же мне вчера в клубе сами говорили! – изумилась Настя.

Пашка глянул на нее.

– Что-то не помню.

Настя посмотрела на Гену, Гена – на Пашку. Пашка разглядывал картинки.

– Странно, – сказала Настя. – Значит, мне приснилось.

– Бывает, – согласился Пашка, продолжая рассматривать журнал. – Вот пожалуйста – очковтиратель, – сказал он, подавая журнал Гене. – Кошмар!

Гена улыбнулся.

– Вы на посеvную к нам?

– Так точно. – Пашка оглянулся на Настю: та с интересом разглядывала его. Пашка отметил это. – Сыграем в пешки? – предложил он инженеру.

– В пешки? – удивился инженер. – Может, в шахматы?

– В шахматы скучно, – сказал Пашка (он не умел в шахматы). – Думать надо. А в пешечки – раз, два – и готово.

– Можно и в пешки, – согласился Гена и посмотрел на Настю.

Настя вышла из-за перегородки и подсеvла к ним.

– За фук берем? – спросил Пашка.

– Как это?

– За то, что человек прозеvает, когда ему надо рубить, берут пешку, – пояснила Настя.

– А-а... Можно брать. Берем.

Пашка быстренько расставил шашки на доске. Взял две, спрятал за спиной.

– В какой?

– В левой.

– Ваша не пляшет. – Ходил первым Пашка. – Сделаем так, – начал он, устроившись удобнее на стуле; выражение его лица было довольное и хитрое. – Здесь курить, конечно, нельзя? – спросил он Настю.

– Нет, конечно.

– По – что? – нятно! – Пашка пошел второй. – Сделаем некоторый пирамидон, как говорят французы.

Инженер играл слабо, это было видно сразу. Настя стала ему подсказывать. Он возражал против этого:

– Погоди! Ну так же нельзя, слушай... зачем же подсказывать?

– Ты же неверно ходишь!

– Ну и что! Играю-то я.

– Учиться надо.

Пашка улыбался. Он ходил уверенно, быстро.

– Вон той, Гена, крайней, – опять не стерпела Настя.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Нет, я не могу так! – возмутился Гена. – Я сам только что хотел этой, а теперь не пойду принципиально.

– А чего ты волнуешься-то? Вот чудак!

– Как же мне не волноваться?

– Волноваться вредно, – встрял Пашка и подмигнул незаметно Насте.

Настя покраснела.

– Ну и проиграешь сейчас! Принципиально.

– Нет, зачем?.. Тут еще полно шансов сфотографировать меня, – снисходительно сказал Пашка. – Между прочим, у меня дамка. Прошу ходить.

– Теперь проиграл, – с досадой сказала Настя.

– Занимайся своим делом! – обиделся Гена. – Нельзя же так, в самом деле. Отойди!

– А еще инженер. – Настя встала и пошла к своему месту.

– Это уже... неостроумно. При чем тут инженер-то?

– «Боюсь ему понравиться-а», – запела Настя и ушла в глубь библиотеки.

– Женский пол, – к чему-то сказал Пашка.

Инженер спутал на доске шашки, сказал чуть охрипшим голосом:

– Я проиграл.

– Выйдем, покурим? – предложил Пашка.

– Пойдем.

В сенях, закуривая, инженер признался:

– Не понимаю: что за натура? Во все обязательно вмешивается.

– Ничего, – неопределенно сказал Пашка. – Давно здесь?

– Что?

– Я, мол, давно здесь живешь-то?

– Живу-то? Второй месяц.

– Жениться хочешь?

Инженер с удивлением глянул на Пашку.

– На ней? Да. А что?

– Ничего. Хорошая девушка. Она любит тебя?

Инженер вконец растерялся.

– Любит?.. По-моему, да.

Помолчали. Пашка курил и сосредоточенно смотрел на кончик сигареты. Инженер хмыкнул и спросил:

– Ты «Капитал» действительно читаешь?

– Нет, конечно. – Пашка небрежно прихватил губами сигаретку – в уголок рта, сощурился, заложил ладони за пояс, коротким, быстрым движением расправил

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru рубаху. – Может, в кишишко сходим?

– А что сегодня?

– Говорят, комедия какая-то.

– Можно.

– Только это... пригласи ее... – Пашка кивнул на дверь библиотеки, нахмурился участливо.

– Ну а как же! – тоже серьезно сказал инженер. – Я сейчас зайду к ней... поговорю...

– Давай, давай!

Инженер ушел, а Пашка вышел на крыльцо, облокотился о перила и стал смотреть на улицу.

...В кино сидели вместе все трое. Настя – между инженером и Пашкой.

Едва только погасили свет, Пашка придвинулся ближе к Насте и взял ее за руку. Настя молча отняла руку и отодвинулась. Пашка как ни в чем не бывало стал смотреть на экран. Посмотрел минут десять и опять стал осторожно искать руку Насти. Настя вдруг придвинулась к нему и едва слышно шепнула на ухо:

– Если ты будешь распускать руки, я опозорю тебя на весь клуб.

Пашка моментально убрал руку.

Посидел еще минут пять. Потом наклонился к Насте и тоже шепотом сказал:

– У меня сердце разрывается, как осколочная граната.

Настя тихонько засмеялась. Пашка опять начал искать ее руку. Настя обратилась к Гене:

– Дай я пересяду на твое место.

– Загораживают, да? Эй, товарищ, убери свою голову! – распорядился Пашка.

Впереди сидящий товарищ «убрал» голову.

– Теперь ничего?

– Ничего, – сказала Настя.

В зале было шумно. То и дело громко смеялись.

Пашка согнулся в три погибели, закурил и стал торопливо глотать сладкий дым. В светлых лучах отчетливо закучерявились синие облачка. Настя толкнула его в бок:

– Ты что?

Пашка погасил папироску... Нашел Настину руку, с силой пожал ее и, пригибаясь, пошел к выходу. Сказал на ходу Гене:

– Пусть эту комедию тигры смотрят.

На улице Пашка расстегнул ворот рубахи, закурил. Медленно пошел домой.

Дома, не раздеваясь, прилег на кровать.

– Ты чего такой грустный? – спросил Ермолай.

– Да так... – сказал Пашка. Полежал несколько минут и вдруг спросил: – Интересно, сейчас женщин воруют или нет?

– Как это? – не понял Ермолай.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ну как раньше... Раньше ведь воровали?

– А-а! Черт его знает! А зачем их воровать-то? Они и так, по-моему, рады, без воровства.

– Это конечно. Я так просто, – согласился Пашка. Еще немного помолчал. – И статьи, конечно, за это никакой нет?

– Наверно. Я не знаю, Павел.

Пашка встал с кровати, заходил по комнате. О чем-то сосредоточенно думал.

– «В жизни раз бывает восемна-адцать лет», – запел он вдруг. – Егорыч, на рубаху. Сэнк-ю!

– Чего вдруг?

– Так. – Пашка скинул вышитую рубаху Прохорова, надел свою. Постоял посреди комнаты, еще подумал. – Сфотографировано, Егорыч!

– Ты что, девку какую-нибудь надумал украсть? – спросил Ермолай.

Пашка засмеялся, ничего не сказал, вышел на улицу.

Была сырая темная ночь. Недавно прошел хороший дождь, отовсюду капало. Лаяли собаки. Тарахтел где-то движок.

Пашка пошел в РТС, где стояла его машина.

Во дворе РТС его окликнули.

– Свои, – сказал Пашка.

– Кто свои?

– Холманский.

– Командировочный, что ль?

– Ну.

В круг света вышел дедун сторож, в тулупе, с берданкой.

– Ехать, что ль?

– Ехать.

– Закурить имеется?

– Есть.

Закурили.

– Дождь, однако, ишо будет, – сказал дед и зевнул. – Спать клонит в дождь.

– А ты спи, – посоветовал Пашка.

– Нельзя. Я тут давеча соснул было, дак заехал этот...

Пашка прервал словоохотливого старика:

– Ладно, батя, я тороплюсь.

– Давай, давай. – Старик опять зевнул.

Пашка завел свою полуторку и выехал со двора РТС.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Он знал, где живет Настя – у самой реки, над обрывом.

Днем разговорились с Прохоровым, и он показал Пашке этот дом. Пашка запомнил, что окна горницы выходят в сад.

Сейчас Пашку волновал один вопрос: есть у Платоновых собака или нет?

На улицах в деревне никого не было. Даже парочки попрятались. Пашка ехал на малой скорости, опасаясь влететь куда-нибудь.

Подъезжая к Настиному дому, он совсем почти сбросил газ, вылез из кабины. Мотор не заглушил.

– Так, – негромко сказал он и потер ладонью грудь: он волновался.

Света не было в доме. Присмотревшись во тьме, Пашка увидел сквозь голые деревья слабо мерцающие темные окна горницы. Сердце Пашки громко заколотилось.

«Только бы собаки не было».

Он кашлянул, осторожно потряс забор – во дворе молчание. Тишина. Каплет с крыши.

«Ну, Пашка... или сейчас в лоб получишь, или...»

Он тихонько перелез через низенький забор и пошел к окнам. Слышал сзади приглушенное ворчание своей верной полуторки, свои шаги и громкую капель. Весна исходила соком. Пахло погребом.

Пашка, пока шел по саду, мысленно пел песню про восемнадцать лет, одну и ту же фразу: «В жизни раз бывает восемнадцать лет». Он весь день сегодня пел эту песню.

Около самых окон под его ногой громко треснул сучок. Пашка замер. Тишина. Каплет. Пашка сделал последние два шага и стал в простенке. перевел дух.

«Одна она тут спит или нет?» – возник новый вопрос.

Он вынул фонарик, включил и направил в окно. Желтое пятно света поползло по стенкам, вырывая из тьмы отдельные предметы: печка-голландка, дверь, кровать... Пятно дрогнуло и замерло. На кровати кто-то зашевелился, поднял голову – Настя. Не испугалась. Легко вскочила и пошла к окну в одной ночной рубашке. Пашка выключил фонарик.

Настя откинула крючки и раскрыла окно.

Из горницы пахнуло застойным сонным теплом.

– Ты что? – спросила она негромко. Голос ее насторожил Пашку – какой-то отчужденный.

«Неужели узнала?» – испугался он. Он хотел, чтобы его принимали пока за другого. Он молчал.

Настя отошла от окна. Пашка включил фонарик. Настя прошла к двери, закрыла ее плотнее и вернулась к окну. Пашка выключил фонарь.

«Не узнала. Иначе не разгуливала бы в одной рубахе».

Пашка услышал запах ее волос. В голову ударил горячий туман. Он отстранил ее и полез в окно.

– Додумался? – сказала Настя слегка потеплевшим голосом.

«Додумался, додумался, – думал Пашка. – Сейчас будет цирк».

– Ноги-то вытри, – сказала Настя, когда Пашка влез в горницу и очутился с ней рядом.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Пашка продолжал молчать. Обнял ее, теплую, мягкую. Так сдавил, что у ней лопнула на рубашке какая-то тесемка.

– Ох, – глубоко вздохнула Настя, – что ж ты делаешь? Шальной!..

Пашка начал ее целовать. И тут что-то случилось с Настей: она вдруг вывернулась из его объятий, отскочила, судорожно зашарила рукой по стене, отыскивая выключатель.

«Все. Конец». Пашка приготовился к самому худшему: сейчас она закричит, прибежит ее отец и будет его фотографировать. Он отошел на всякий случай к окну.

Вспыхнул свет. Настя настолько была поражена, что поначалу не сообразила, что стоит перед посторонним человеком почти нагая.

Пашка ласково улыбнулся ей:

– Испугалась?

Настя схватила со стула юбку и стала надевать. Надела, подошла к Пашке. Не успел он подумать о чем-либо, как ощутил на левой щеке сухую горячую пощечину. И тотчас такую же – на правой.

Потом некоторое время стояли друг против друга, смотрели... У Насти от гнева расцвел на щеках яркий румянец. Она была поразительно красива в эту минуту.

«Везет инженеру», – невольно подумал Пашка.

– Сейчас же убирайся отсюда! – негромко приказала Настя.

Пашка понял, что она не будет кричать – не из таких.

– Побеседуем, как желтмены, – заговорил Пашка, закуривая. – Я могу, конечно, уйти, но это банально. Это серость. – Он бросил спичку в окно и продолжал развивать свою мысль несколько торопливо, ибо опасался, что Настя возьмет в руки какой-нибудь тяжелый предмет и снова предложит убираться. От волнения Пашка стал прохаживаться по горнице – от окна к столу и обратно. – Я влюблен, так. Это факт, а не реклама. И я одного только не понимаю: чем я хуже этого инженера? Если на то пошло, я могу легко стать Героем Социалистического Труда. Надо только сказать мне об этом. И все. Зачем же тут аплодисменты устраивать? Собирайся, и поедem со мной. Будем жить в городе. – Пашка остановился. Смотрел на Настю серьезно, не мигая. Он любил ее, любил, как никого никогда в жизни еще не любил.

Она поняла это.

– Какой же ты дурак, парень, – грустно и просто сказала она. – Чего ты мелешь тут? – Она села на стул. – Натворил делов и еще философствует, ходит. Он любит!.. – Настя странно как-то заморгала, отвернулась. Пашка понял: заплакала. – Ты любишь, а я, по-твоему, не люблю? – Настя резко повернулась к нему – в глазах слезы.

Она была на редкость, на удивление красива. И тут Пашка понял: никогда в жизни ему не отвоевать ее. Всегда у него так: как что чуть посерьезнее, поглубже – так не его.

– Чего ты плачешь?

– Да потому, что вы только о себе думаете... эгоисты несчастные! Он любит! – Она вытерла слезы. – Любишь, так уважай хоть немного, а не так...

– Что же я такого сделал? В окно залез – подумаешь! Ко всем лазят...

– Не в окне дело. Дураки вы все, вот что. Тот дурак тоже... весь высох от ревности. Приревновал ведь он к тебе. Уезжать собрался.

– Как уезжать? Куда? – Пашка понял, кто этот дурак.

– Куда... Спроси его!

Пашка нахмурился.

– На полном серьезе?

Настя опять вытерла ладошкой слезы, ничего не сказала. Пашке стало до того жалко ее, что под сердцем заныло.

– Собирайся! – приказал он.

Настя вскинула на него удивленные глаза.

– Поедем к нему. Я объясню этим московским фраерам, что такое любовь человеческая.

– Сиди уж... не трепись!

– Послушайте, вы!.. Молодая, интересная... – Пашка приосанился. – Мне можно съездить по физиономии, так? Но слова вот эти дурацкие я не перевариваю. Что значит – не трепись?

– Куда ты поедешь сейчас? Ночь глубокая...

– Наплевать. Одевайся. На кофту!

Пашка снял со спинки стула кофту, бросил Насте. Настя поймала ее, поднялась в нерешительности. Пашка опять заходил по горнице.

– Из-за чего же это он приревновал? – спросил он не без самодовольства.

– Танцевали... ему сказал кто-то. Потом в кино шептались. Он же дурак набитый.

– Что же ты не могла ему объяснить?

– Нужно мне объяснять! Никуда я не поеду.

Пашка остановился.

– Считаю до трех: раз, два... А то целоваться полезу!

– Я те полезу! Что ты ему скажешь?

– Я знаю что!

– А я к чему там?

– Надо.

– Да зачем?

– Я не знаю, где он живет. Вообще надо ехать. Точка.

Настя надела кофту, туфли.

– Лезь. Я за тобой. Видел бы кто-нибудь сейчас...

Пашка вылез в сад, помог Насте. Вышли на дорогу.

Полуторка ворчала на хозяина.

– Садись, ревушка-коровушка!.. Возись тут с вами по ночам.

Пашке эта новая нежданная роль нравилась. Настя залезла в кабину.

– Меня, что ли, хотел увозить? На машине-то?

– Где уж тут!.. С вами вперед прокиснешь, чем...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну до чего ты, Павел...

– Что? – строго спросил Пашка.

– Ничего.

– То-то. – Пашка со скрежетом всадил скорость и поехал.

..Инженер не спал, когда Пашка постучал ему в окно.

– Кто это?

– Я.

– Кто я?

– Пашка. Павел Егорыч.

Инженер открыл дверь, впустил Пашку. Не скрывая удивления, уставился на него.

Пашка кивнул на стол, заваленный бумагами.

– Грустные стихи сочиняешь?

– Я не понимаю, слушай...

– Поймешь. – Пашка сел к столу, отодвинул локтем бумаги. – Любишь Настю?

– Слушай!.. – Инженер начал краснеть.

– Любишь. Значит, так: иди веди ее сюда – она в машине сидит.

– Где? В какой машине?

– На улице. Ко мне зря приревновал: мне с хорошими бабами не везет.

Инженер быстро вышел на улицу, а Пашка, Павел Егорыч, опустил голову на руки и закрыл глаза. Он как-то сразу устал. Опять некстати вспомнились надоевшие слова: «В жизни раз бывает...» В груди противно заболело.

Вошли инженер с Настей.

Пашка поднялся. Некоторое время смотрел на них, как будто собирался сказать напутственное слово.

– Все? – спросил он.

– Все, – ответил инженер.

Настя улыбнулась.

– Вот так, – сердито сказал Пашка. – Будьте здоровы. – Он пошел к выходу.

– Куда ты? погоди!.. – запротестовал инженер. Пашка, не оглянувшись, вышел.

Уезжал Пашка из этой деревни. Уезжал в Салтон. Прохорову он подсунул под дверь записку с адресом автобазы, куда просил прислать справку о том, что он отработал честно три дня на посевной. Представив себе, как будет огорчен Прохоров его отъездом, Пашка дописал в конце: «Прости меня, но я не виноват».

Пашке было грустно. Он беспрерывно курил.

Пошел мелкий дождь.

У Игринева, последней деревни перед Салтоном, на дороге впереди выросли две человеческие фигуры. Замахали руками. Пашка остановился.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Подбежали молоденький офицер с девушкой.

– До Салтона подбрось, пожалуйста! – Офицер был чем-то очень доволен.

– Садись!

Девушка залезла в кабину и стала вертеться, отряхиваться. Лейтенант запрыгнул в кузов. Начали переговариваться, хохотали.

Пашка искоса разглядывал девушку – хорошенькая, белозубая, губки бантиком – прямо куколка! Но до Насти ей далеко.

– Куда это на ночь глядя? – спросил Пашка.

– В гости, – охотно откликнулась девушка. И высунулась из кабины – опять говорить со своим дружком. – Саша? Саш!.. Как ты там?!

– В ажуре! – кричал из кузова лейтенант.

– Что, дня не хватает? – опять спросил Пашка.

– Что? – Девушка мельком глянула на него и опять: – Саша? Саш!..

– Все начисто повлюблялись, – проворчал Пашка. – С ума все походили. – Он вспомнил опять Настю: совсем недавно она сидела с ним рядом – чужая. И эта чужая.

– Саша! Саш!..

«Саша! Саш! – съехидничал про себя Пашка. – Твой Саша и так сам себя не помнит от радости. Пусти сейчас – вперед машины побежит».

– Я представляю, что там сейчас будет! – кричал из кузова Саша.

Девушка так и покатила со смеху. «Нет, люди все-таки ненормальными становятся в это время», – сердито думал Пашка. Дождь припустил сильнее.

– Саша! Как ты там?!

– Порядок! На борту порядок!

– Скажи ему – там под баллоном брезент есть – пусть накроется, – сказал Пашка.

Девушка чуть не вывалилась из кабины.

– Саша! Саш!.. Там под баллоном какой-то брезент!.. Накройся!

– Хорошо! Спасибо!

– На здоровье, – сказал Пашка, закурил и задумался, всматриваясь прищуренными глазами в дорогу.

Игнаха приехал

В начале августа в погожий день к Байкаловым приехал сын Игнатий. Большой, красивый, в черном костюме из польского крепа. Пинком распахнул ворота – в руках по чемодану, – остановился, оглядел родительский двор и гаркнул весело:

– Здорово, родня!

Молодая яркая женщина, стоявшая за ним, сказала с упреком:

– Неужели нельзя потише?.. Что за манера!

– Ничего-о, – загудел Игнатий, – сейчас увидишь, как обрадуются.

Из дому вышел квадратный старик с огромными руками. Тихо засмеялся и вытер рукавом глаза.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Игнашка!.. – сказал он и пошел навстречу Игнатию.

Игнатий бросил чемоданы. Облапали друг друга, трижды – крест-накрест – поцеловались. Старик опять вытер глаза.

– Как надумал-то?

– Надумал.

– Сколько уж не был? Лет пять, однако. Мать у нас захворала, знаешь... В спину что-то вступило...

Отец и сын глядели друг на друга, не могли наглядеться. О женщине совсем забыли. Она улыбалась и с интересом рассматривала старика.

– А это жена, что ли? – спросил наконец старик.

– Жена, – спохватился Игнатий. – Познакомься.

Женщина подала старику руку. Тот осторожно пожал ее.

– Люся.

– Ничего, – сказал старик, окинув оценивающим взглядом Люсю.

– А?! – с дурашливой гордостью воскликнул Игнатий.

– Пошли в дом, чего мы стоим тут! – Старик первым двинулся к дому.

– Как мне называть его? – тихо спросила Люся мужа.

Игнатий захохотал:

– Слышь, тять!.. Не знает, как называть тебя!

Старик тоже засмеялся:

– Отцом вроде довожусь... – Он молодо взошел на крыльцо, заорал в сенях: – Мать, кто к нам приехал-то!

В избе на кровати лежала горбоносая старуха, загорелая и жилистая. Увидела Игнатия – заплакала.

– Игнаша, сынок... приехал...

Сын наскоро поцеловал мать и полез в чемоданы. Гулкий сильный голос его сразу заполнил всю избу.

– Шаль тебе привез... пуховую. А тебе, тять, сапоги. А Маруське – во!.. А это Ваське... Все тут живы-здоровы?

Отец с матерью, для приличия снисходительно улыбаясь, с интересом наблюдали за движениями сына – он все доставал и доставал из чемоданов.

– Все здоровы. Мать вон только... – Отец протянул длинную руку к сапогам, бережно взял один и стал щупать, мять, поглаживать добротный хром. – Ничего товар... Васька износит. Мне уж теперь ни к чему такие.

– Сам будешь носить. Вот Маруське еще на платье. – Игнатий выложил все, присел на табурет. Табурет жалобно скрипнул под ним. – Ну, рассказывайте, как живете? Соскучился без вас.

– Соскучился, так раньше бы приехал.

– Дела, тятя.

– Дела... – Отец почему-то недовольно посмотрел на молодую жену сына. – Какие уж там дела-то!..

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ладно тебе, отец, – сказала мать. – Приехал – и то слава богу.

Игнатию не терпелось рассказать о себе, и он воспользовался случаем возразить отцу, который, судя по всему, не очень высоко ставил его городские дела. Игнатий был борцом в цирке. В городе у него была хорошая квартира, были друзья, деньги, красивая жена...

– Ты говоришь: «Какие там дела!» – заговорил Игнатий, положив ногу на ногу и ласково глядя на отца. – Как тебе объяснить? Вот мы, русские, крепкий ведь народишка! Посмотришь на другого – черт его знает!.. – Игнатий встал, прошелся по комнате. – В плечах сажень, грудь как у жеребца породистого, – силен! Но чтобы научиться владеть этой силой, освоить технику, выступить где-то на соревнованиях – это боже упаси! Он будет лучше в одиночку на медведя ходить. Дикости еще много в нашем народе. О культуре тела никакого представления. Физкультуры боится, как черт ладана. Я же помню, как мы в школе профанировали ее. – С последними словами Игнатий обратился к жене.

Как-то однажды Игнатий набрел на эту мысль – о преступном нежелании русского народа заниматься физкультурой, кому-то высказал ее, его поддержали. С тех пор он так часто распространялся об этом, что, когда сейчас заговорил и все о том же, жена его заскучала и стала смотреть в окно.

– ...Поэтому, тятя, как ты хошь думай, но дело у меня важное. Может, поважнее Васькиного.

– Ладно, – согласился отец. Он слушал невнимательно. – Мать, где там у нас?.. В лавку пойду.

– Погоди, – остановил его Игнатий. – Зачем в лавку?

Вкусив от сладостного плода поучений, он хотел было еще поговорить о том, что надо и эту привычку бросать русским людям: чуть что – сразу в лавку. Зачем, спрашивается? Но отец так глянул на него, что он сразу отступился, махнул рукой, вытащил из кармана толстый бумажник, шлепнул на стол:

– На, деньги!

Отец обиженно приподнял косматые брови.

– Ты брось тут, Игнаха!.. Приехал в гости – значит, сиди помалкивай. Что, у нас своих денег нету?

Игнатий засмеялся:

– Ладно, понял. Ты все такой же, отец.

...Сидели за столом, выпивали.

Старик Байкалов размяк, облапал узловатыми ладонями голову, запел было:

Зачем сидишь до полуночи
У растворенного окна,
Ох, зачем сидишь...

Но замолчал. Некоторое время сидел, опустив на руки голову. Потом сказал с неподдельной грустью:

– Кончается моя жизнь, Игнаха. Кончается! – Он ругнулся.

Жена Игнатия покраснела и отвернулась к окну. Игнатий сказал с укором:

– Тятя!

– А ты, Игнат, другой стал, – продолжал отец, не обратив никакого внимания на упрек сына. – Ты, конечно, не замечаешь этого, а мне сразу видно.

Игнатий смотрел трезвыми глазами на отца, внимательно слушал его странные речи.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ты давеча вытащил мне сапоги... Спасибо, сынок! Хорошие сапоги...

– Не то говоришь, отец, – сказал Игнатий. – При чем тут сапоги?

– Не обессудь, если не так сказал, – я старый человек. Ладно, ничего. Васька скоро придет, брат твой... Здоровый он стал! Он тебя враз сомнет, хоть ты и про физкультуру толкуешь. Ты жидковат против Васьки. Куда там!..

Игнатий засмеялся; к нему вернулась его необидная веселая снисходительность.

– Посмотрим, посмотрим, тятя.

– Давай еще по маленькой? – предложил отец.

– Нет, – твердо сказал Игнатий.

– А! Вот муж какой у тебя! – не без гордости заметил старик, обращаясь к жене Игнатия. – Наша порода – Байкаловы. Сказал «нет» – значит, все. Гроб! Я такой же был. Вот еще Васька придет. А еще у нас Марусяка есть. Та покрасивше тебя будет, хотя она, конечно, не расфуфыренная...

– Ты, отец, разговорился что-то, – урезонила жена старика. – Совсем уж из ума стал выживать. Черт-те чего мелет. Не слушайте вы его, брехуна.

– Ты лежи, мать, – беззлобно огрызнулся старик. – Лежи себе, хворай. Я тут с людьми разговариваю, а ты нас перебиваешь.

Люся поднялась из-за стола, подошла к комоду, стала разглядывать патефонные пластинки. Ей, видно, было неловко.

Игнатий тоже встал. Завели патефон. Поставили «Грушицу».

Молчали. Слушали.

Старший Байкалов смотрел в окно, о чем-то невесело думал.

Вечерело. Горели розовым нежарким огнем стекла домов. По улице, поднимая пыль, с ревом прошло стадо. Корова Байкаловых подошла к воротам, попробовала поддеть их рогом – не получилось. Она стояла и мычала. Старик смотрел на нее и не двигался. Праздника почему-то не получилось. А он давненько поджидал этого дня – думал, будет большой праздник. А сейчас сидел и не понимал: почему же не вышло праздника? Сын приехал какой-то не такой. В чем не такой? Сын как сын, подарки привез. И все-таки что-то не то.

Пришла Марья – рослая девушка, очень похожая на Игнатия. Увидев брата, просияла радостной сдержанной улыбкой.

– Ну, здравствуй, здравствуй, красавица! – забасил Игнатий, несколько бесцеремонно разглядывая взрослую сестру. – Ведь ты же невеста уже!

– Будет тебе, – степенно сказала Марья и пошла знакомиться с Люсей.

Старик Байкалов смотрел на все это, грустно сощурившись.

– Сейчас Васька придет, – сказал он. Он ждал Ваську. Зачем ему нужно было, чтобы скорей пришел его младший сын, он не знал.

Молодые ушли в горницу и унесли с собой патефон. Игнатий прихватил туда же бутылку красного вина и закуску.

– Выпью с сестренкой, была не была!

– Давай, сынок, это ничего. Это полезно, – миролюбиво сказал отец.

Начали приходить бывшие друзья и товарищи Игнатия. Тут-то бы и начаться празднику, а праздник все не наступал. Приходили, здоровались со стариком и проходили в горницу, заранее улыбаясь. Скоро там стало шумно. Гудел могучий бас Игнатия, смеялись женщины, дребезжал патефон. Двое дружков Игнатия сбегали в

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru лавку и вернулись с бутылками и кульками.

«Сейчас Васька придет», – ждал старик. Не было у него на душе праздника – и все тут.

Пришел наконец Васька – огромный парень с открытым крепким лицом, загорелый, грязный. Васька походил на отца, смотрел так же – вроде угрюмо, а глаза добрые.

– Игнашка приехал, – встретил его отец.

– Я уж слышал, – сказал Васька, улыбнулся и тряхнул русыми спутанными волосами. Сложил в угол какие-то железяки, выпрямился.

Старик поднялся из-за стола, хотел идти в горницу, но сын остановил его:

– Погоди, тять, дай я хоть маленько ополоснусь. А то неудобно даже.

– Ну, давай, – согласился отец. – А то верно – он нарядный весь, как этот... как артист.

И тут из горницы вышел Игнатий с женой.

– Брательник! – заревел Игнатий, растопырив руки. – Васька! – И пошел на него.

Васька покраснел, как девица, засмеялся, переступил с ноги на ногу.

Игнатий обнял его.

– Замараю, слушай. – Васька пытался высвободиться из объятий брата, но тот не отпускал.

– Ничего-о!.. Это трудовая грязь, братка. Дай поцелую тебя, окаянная душа! Соскучился без вас.

Братья поцеловались.

Отец смотрел на сыновей, и по щекам его катились слезы. Он вытер их и громко высморкался.

– Он тебе подарки привез, Васька, – громко сказал отец, направляясь к чемоданам.

– Брось, тятя, какие подарки! Ну, давай, что ты должен делать-то? Умываться? Умывайся скорей. Выпьем сейчас с тобой. Вот! Видела Байкаловых? – Игнатий легонько подтолкнул жену к брату. – Знакомьтесь.

Васька покраснел пуще прежнего: не знал – подавать яркой женщине грязную руку или нет. Люся сама взяла его руку и крепко пожала.

– Он у нас стеснительный, – пояснил отец.

Васька осторожно кашлянул в кулак, негромко, коротко засмеялся; он готов был провалиться сквозь землю от таких объяснений отца.

– Тятя... скажет тоже.

– Иди умывайся, – сказал отец.

– Да, пойду маленько... того...

Васька пошел в сени. Игнатий двинулся за ним.

– Пойдем, полью тебе по старой памяти!

Отец тоже вышел на улицу.

Умываться решили идти на Катунь – она протекала под боком, за огородами.

– Искупаемся? – предложил Игнатий и похлопал себя ладонями по могучей груди.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Шли огородами по извилистой, едва приметной тропке в буйной картофельной ботве.

– Ну как живете-то? – басил Игнатий, шагая вразвалку между отцом и братом.

Васька опять коротко засмеялся. Он как-то странно смеялся: не то смеялся, не то покашливал смущенно. Он был очень рад брату.

– Ничего.

– Хорошо живем! – воскликнул отец. – Не хуже городских.

– Ну и слава богу! – с чувством сказал Игнатий. – Василий, ты, говорят, нагулял тут силенку?

Василий опять засмеялся:

– Какая силенка!.. Скажешь тоже. Как ты-то живешь?

– Я хорошо, братцы! Я совсем хорошо. Как жена моя вам? Тять?

– Ничего. Я в них не шибко понимаю, сынок. Вроде ничего.

– Хорошая баба, – похвалил Игнатий. – Человек хороший.

– Шибко нарядная только. Зачем так?

Игнатий оглушительно захохотал.

– Обыкновенно одета! По-городскому, конечно. Поотстали вы в этом смысле.

– Чего-то ты много хохочешь, Игнат, – заметил старик. – Как дурак какой.

– Рад, поэтому смеюсь.

– Рад... Мы тоже рады, да не ржем, как ты. Васька вон не рад, что ли?

– Ты когда жениться-то будешь, Васька? – спросил Игнатий.

– Он сперва в армию сходит, – сказал отец.

– Ты это... когда пойдешь в армию, сразу записывайся в секцию, – посоветовал старший брат. – Я же так начал. Тренер толковый попадетя – можешь вылезти.

Васька слушал, неопределенно улыбался.

Пришли к реке.

Игнатий первый скинул одежду, обнажив свое красивое тренированное тело, попробовал ногой воду, тихонько охнул.

– Мать честная! Вот это водичка.

– Что? – Васька тоже разделся. – Холодная?

– Ну-ка, ну-ка? – заинтересовался Игнатий. Подошел к Ваське и стал его похлопывать и осматривать со всех сторон, как жеребца.

Васька терпеливо стоял, смотрел в сторону, непрерывно поправляя трусы, посмеивался.

– Есть, – заключил Игнатий. – Давай попробуем?

– Да ну! – Васька недовольно тряхнул волосами.

– А чего, Васька? Поборись! – Отец с упреком смотрел на младшего.

– Бросьте вы, на самом деле, – упрямо и серьезно сказал Васька. – Чего ради

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
сгребемся тут? На смех людям?

– Тьфу! – рассердился отец. – Ты втолкуй ему, Игнат, ради Христа! Он какой-то телок у нас – всего стесняется.

– А чего тут стесняться-то? Если бы мы какие-нибудь дохлые были, тогда действительно стыдно.

– Объясни вот ему!

Васька нахмурился и пошел к воде. Сразу окунулся и поплыл, сильно загребая огромными руками; вода вскипала под ним.

– Силен! – с восхищением сказал Игнатий.

– Я ж тебе говорю!

Помолчали, глядя на Ваську.

– Он бы тебя уложил.

– Не знаю, – не сразу ответил Игнатий. – Силы у него больше – это ясно.

Отец сердито высморкался на песок.

Игнатий постоял еще немного и тоже полез в воду.

А отец пошел ниже по реке, куда выплывал Васька.

Когда Васька вышел на берег, они о чем-то негромко и горячо заговорили. Отец доказывал свое, даже прижимал к груди руки, Васька бубнил свое. Когда Игнатий доплыл к ним, они замолчали.

Игнатий вылез из воды и задумчиво стал смотреть на далекие синие горы, на многочисленные острова.

– Катунь-матушка, – негромко сказал он.

Васька и отец тоже посмотрели на реку.

На той стороне, на берегу, сидела на корточках баба с высоко задранной юбкой, колотила вальком по белью, ослепительно белели ее тупые круглые коленки.

– Юбку-то спусти маленько, эй! – крикнул старик.

Баба подняла голову, посмотрела на Байкаловых и продолжала колотить вальком по белью.

– Вот халда! – с восхищением сказал старик. – Хоть бы хны ей.

Братья стали одеваться.

Хмель у Игнатия прошел. Ему что-то грустно стало.

– Чего ты такой? – спросил Васька, у которого, наоборот, было очень хорошее настроение.

– Не знаю. Так просто.

– Не допил, поэтому, – пояснил старик. – Ни два, ни полтора получилось.

– Черт его знает! Не обращайтесь внимания. Давайте посидим, покурим...

Сели на теплые камни. Долго молчали, глядя на быстротекущие волны. Они лопотали у берега что-то свое, торопились.

Солнце село на той стороне, за островами. Было тихо. Только всплескивали волны, кипела река, да удары валька по мокрому белью – гулкие, смачные – разносились

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru над рекой.

Трое смотрели на родную реку, думали каждый свое.

Игнатий присмирел. Перестал хохотать, не басил.

– Что, Вася? – негромко спросил он.

– Ничего. – Васька бросил камешек в воду.

– Все пашешь?

– Пашем.

Игнатий тоже бросил в воду камень. Помолчали.

– Жена у тебя хорошая, – сказал Васька. – Красивая.

– Да? – Игнатий оживился, с любопытством, весело посмотрел на брата. Сказал неопределенно: – Ничего. Тяте вон не нравится.

– Я не сказал, что не нравится, чего ты зря? – Старик неодобрительно посмотрел на Игнатия. – Хорошая женщина. Только, я считаю, шибко фартовая.

Игнатий захохотал.

– А ты знаешь, что такое фартовая-то?

Отец отвернулся к реке, долго молчал – обиделся. Потом повернулся к Ваське и сказал сердито:

– Зря ты не поборолся с ним.

– Вот привязался! – удивился Васька. – Ты что?

– Заело что-то тятю, – сказал Игнатий, – что-то не нравится ему.

– Что мне не нравится? – повернулся к нему отец.

– Не знаю. На душе у тебя что-то не так, я же вижу.

– Ну и видь! Ты шибко умный стал, прямо спасу нет. Все ты видишь, все понимаешь!

– Будет вам! – сказал Васька. – Чего взялись? Нашли время.

– Да ну его! – Отец засморкался и полез за кисетом. – Приехал, расхвастался тут, подарков навез... подумаешь!

– Тять, да ты что в самом деле?!

Игнатий даже привстал от удивления. Васька незаметно толкнул его в бок – не лезь. Игнатий сел и вопросительно посмотрел на Ваську. Тот поднялся, отряхнул песок со штанов, посмотрел на отца.

– Пошли? Тять...

– У тебя деньги есть? – спросил тот.

– Есть. Пошли...

Старик поднялся и, не оглядываясь, пошел первым по тропке, ведущей к огородам.

– Чего он? – Игнатия не на шутку встревожило настроение отца.

– Так... Ждал тебя долго. Сейчас пройдет. Песню спой с ним какую-нибудь. – Васька улыбнулся.

– Какую песню? Я их перебыл все. А ты поешь с ним песни?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да я ж шутейно. Я сам не знаю, чего он... Пройдет.

Опять шли по огородам друг за другом, молчали. Игнатий шел за отцом, смотрел на его сутулую спину и думал почему-то о том, что правое плечо у отца ниже левого, – раньше он не замечал этого.

Одни

Шорник Антип Калачиков уважал в людях душевную чуткость и доброту. В минуты хорошего настроения, когда в доме устанавливался относительный мир, Антип ласково говорил жене:

– Ты, Марфа, хоть и крупная баба, а бестолковенькая.

– Эт почему же?

– А потому... Тебе что требуется? Чтобы я день и ночь только шил и шил? А у меня тоже душа есть. Ей тоже попрыгать, побаловаться охота, душе-то.

– Плевать мне на твою душу.

– Эх-х...

– Чего «эх»? Чего «эх»?

– Так... Вспомнил твоего папашу кулака, царство ему небесное.

Марфа, грозная, большая Марфа, подбоченившись, строго смотрела сверху на Антипа. Сухой, маленький Антип стойко выдерживал ее взгляд.

– Ты папашу моего не трожь... Понял?

– Ага, понял, – кротко отвечал Антип.

– То-то.

– Шибко уж ты строгая, Марфынька. Нельзя так, милая: надсадишь сердечушко свое и помрешь.

Марфа за сорок лет совместной жизни с Антипом так и не научилась понимать: когда он говорит серьезно, а когда шутит.

– Вопчем, шей.

– Шью, матушка, шью.

В доме Калачиковых жил неистребимый крепкий запах выделанной кожи, вара и дегтя. Дом был большой, светлый. Когда-то он оглашался детским смехом, потом, позже, бывали здесь и свадьбы, бывали и скорбные ночные часы нехорошей тишины, когда зеркало завешено и слабый свет восковой свечи – бледный и немощный – чуть-чуть высвечивает глубокую тайну смерти. Много всякого было. Антип Калачиков со своей могучей половиной вывел к жизни двенадцать человек детей. А всего у них было восемнадцать.

Облик дома менялся с годами, но всегда неизменным оставался рабочий уголок Антипа – справа от печки, за перегородкой. Там Антип шил сбруи, уздечки, седелки, делал хомуты. И там же, на стене, висела его заветная балалайка. Это была страсть Антипа, это была его бессловесная глубокая любовь всей жизни – балалайка. Антип мог часами играть на ней, склонив на бочок голову, – и непонятно было: то ли она ему рассказывает что-то очень дорогое, давно забытое им, то ли он передает ей свои неторопливые стариковские думы. Он мог сидеть так целый день, и сидел бы, если бы не бдительная Марфа. Марфе действительно нужно было, чтобы он целыми днями только шил и шил: страсть как любила деньги, тряслась над копеечкой. Она всю жизнь воевала с Антиповой балалайкой. Один раз дошло до того, что она в гневе кинула ее в огонь, в печку. Побледневший Антип стоял и смотрел, как она горит. Балалайка вспыхнула сразу, точно берестинка. Ее стало коробить... Трижды простонала она почти человеческим стоном – лопнули струны – и умерла. Антип пошел во двор, взял топор и изрубил на мелкие кусочки все

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru заготовки хомутов, все сбруи, седла и уздечки. Рубил молча, аккуратно. На скамейке. Перетрусившая Марфа не сказала ни слова. После этого Антип пил неделю, не заявляясь домой. Потом пришел, повесил на стену новую балалайку и сел за работу. Больше Марфа никогда не касалась балалайки. Но за Антипом следила внимательно: не засиживалась у соседней подолгу, вообще старалась не отлучаться из дома. Знала: только она за порог, Антип снимает балалайку и играет – не работает.

Как-то раз, осенним вечером, сидели они – Антип в своем уголке, Марфа – у стола с вязаньем.

Молчали.

Во дворе слякотно, дождик идет. В доме тепло и уютно.

Антип молоточком заколачивает в хомут медные гвоздочки: тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук...

Отложила Марфа вязанье, о чем-то задумалась, глядя в окно. Тук-тук, тук-тук – постукивает Антип. И еще тикают ходики, причем как-то так, что кажется, что они вот-вот остановятся. А они не останавливаются.

В окна мягко и глуховато сыплет горстями дождь.

– Чего пригорюнилась, Марфынька? – спросил Антип. – Все думаешь, как денюжат побольше скопить?

Марфа молчит, смотрит задумчиво в окно. Антип глянул на нее.

– Помирать скоро будем, так что думай не думай. Думай не думай – сто рублей не деньги. – Антип любил поговорить, когда работал. – Я вот всю жизнь думал и выдумал себе геморрой. Работал! А спроси: чего хорошего видел? Да ничего. Люди хоть сражались, восстания разные поднимали, в Гражданской участвовали, в Отечественной... Хоть уж погибали, так героически. А тут как сел с тринадцати годков, так и сижу – скоро семисит будет. Вот какой терпеливый! Теперь: за что я, спрашивается, работал? Насчет денег никогда не жадничал, мне наплевать на них. В большие люди тоже не вышел. И специальность моя скоро отойдет даже: не нужны будут шорники. Для чего же, спрашивается, мне жизнь была дадена?

– Для детей, – серьезно сказала Марфа.

Антип не ждал, что она поддержит разговор. Обычно она обрывала его болтовню каким-нибудь обидным замечанием.

– Для детей? – Антип оживился. – С одной стороны, правильно, конечно, а с другой – нет, неправильно.

– С какой стороны неправильно?

– С той, что не только для детей надо жить. Надо и самим для себя немножко.

– А чего бы ты для себя-то делал?

Антип не сразу нашелся, что ответить на это.

– Как это «чего»? Нашел бы чего... А может, в музыканты бы двинул. Приезжал ведь тогда человек из города, говорил, что я самородок. А самородок – это кусок золота – редкость, я так понимаю. Сейчас я кто? Обыкновенный шорник, а был бы, может...

– Перестань уж!.. – Марфа махнула рукой. – Завел – противно слушать.

– Значит, не понимаешь, – вздохнул Антип.

Некоторое время молчали.

Марфа вдруг всплакнула... Вытерла платочком слезы и сказала:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Разлетелись наши детушки по всему белому свету.

– Что же им, около тебя сидеть всю жизнь? – заметил Антип.

– Хватит стучать-то! – сказала вдруг Марфа. – Давай посидим, поговорим про детей.

Антип усмехнулся, отложил молоток.

– Сдаешь, Марфа, – весело сказал он. – А хочешь, я тебе сыграю, развею тоску твою?

– Сыграй, – разрешила Марфа.

Антип вымыл руки, лицо, причесался.

– Дай новую рубашенцию.

Марфа достала из ящика новую рубаху. Антип надел ее, подпоясался ремешком. Снял со стены балалайку, сел в красный угол, посмотрел на Марфу...

– Начинаем наш концерт!

– Ты не трепись только, – посоветовала Марфа.

– Сейчас вспомним всю нашу молодость, – хвастливо сказал Антип, настраивая балалайку. – Помнишь, как тогда на лужках хороводы водили?

– Помню, чего же мне не помнить. Я как-нибудь помоложе тебя.

– На сколько? На три недели с гаком?

– Не на три недели, а на два года. Я тогда еще совсем молоденькая была, а ты уж выкобенивался.

Антип миролюбиво засмеялся:

– Я мировой все-таки парень был! Помнишь, как ты за мной приударяла?

– Кто? Я, что ли? Господи!.. А на кого это тятя-покойничек кобелей спускал? Штанину-то кто у нас в ограде оставил?

– Штанина, допустим, была моя...

Антип подкрутил последний колочек, склонил маленькую голову на плечо, ударил по струнам... Заиграл. И в теплую пустоту и сумрак избы полилась тихая светлая музыка далеких дней молодости. И припомнились другие вечера, и хорошо и грустно сделалось, и подумалось о чем-то главном в жизни, но так, что не скажешь, что же есть это главное.

Не шей ты мне, ма-амынька,
Красный сарафа-ан, –
запел тихонечко Антип и кивнул Марфе. Та поддержала:

Не входи, родимая,
Попусту в изъян...
Пели не так чтобы очень уж стройно, но обоим сделалось удивительно хорошо. Вставали в глазах забытые картины. То степь открывалась за родным селом, то берег реки, то шепотливая тополиная рощица припоминалась, темная и немножко жуткая... И было что-то сладко волнующее во всем этом. Не стало осени, одиночества, не стало денег, хомутов...

Потом Антип заиграл веселую. И пошел по избе мелким бесом, игриво виляя костлявыми бедрами.

Ох, там, ри-та-там,
Ритатушеньки мои,
Походите, погуляйте.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Па-ба-луй-тися!

Антип был трогательно смешон в своем веселье. Он стал подпрыгивать... Марфа засмеялась, потом всплакнула, но тут же вытерла слезы и опять засмеялась:

– Хоть бы уж не выдючивался, господи!.. Ведь смотреть не на что, а туда же.

Антип сиял. Маленькие умные глазки его светились озорным блеском.

Ох, Марфа моя, ох, Марфынька,
Укоряешь ты меня за напраслинку!

– А помнишь, Антип, как ты меня в город на ярманку возил?

Антип кивнул головой:

Ох, помню, моя,
Помню, Марфынька,
Ох, хаханечки-ха-ха,
Чечевика с виною!

– Дурак же ты, Антип! – ласково сказала Марфа. – Плетешь черт-те чего.

Ох, Марфушечка моя, –
Радость всенародная...
Марфа так и покатилаьсь.

– Ну, не дурак ли ты, Антип!

Ох, там, ри-та-там,
Ритатушеньки мои!

– Сядь, споем какую-нибудь, – сказала Марфа, вытирая слезы.

Антип слегка запыхался... Улыбаясь, смотрел на Марфу.

– А? А ты говоришь: Антип у тебя плохой!

– Не плохой, а придурковатый, – поправила Марфа.

– Значит, не понимаешь, – сказал Антип, нисколько не обидевшись за такое уточнение. Сел. – Мы могли бы с тобой знаешь как прожить! Душа в душу. Но тебя замучили окаянные деньги. Не сердись, конечно.

– Не деньги меня замучили, а нету их – вот что мучает-то.

– Хватило бы... брось, пожалуйста. Но не будем. Какую желаете, мадемуазель фрау?

– Про Володю-молодца.

– Она тяжелая, ну ее!

– Ничего. Я поплачу хоть маленько.

Ох, не вейти-ися чайки над морем, –
запел Антип, –

Вам некуда, бедненьким, сесть.
Слетайте в Сибирь, край далекий,
Снесите печальну-я весть.
Антип пел задушевно, задумчиво. Точно рассказывал:

Ох, в двенадцать часов темной но-очий
Убили Володю-молодца-а.
Наутро отец с младшим сыном...
Марфа захлюпала.

– Антип, а Антип!.. Прости ты меня, если я чем-нибудь тебя обижаю, – проговорила она сквозь слезы.

– Ерунда, – сказал Антип. – Ты меня тоже прости, если я виноватый.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Играть тебе не даю..

– Ерунда, – опять сказал Антип. – Мне дай волю – я день и ночь согласен играть. Так тоже нельзя. Я понимаю.

– Хочешь, читушечку тебе возьмем?

– Можно, – согласился Антип.

Марфа вытерла слезы, встала.

– Иди пока в магазин, а я ужин соберу.

Антип надел брезент и стоял посреди избы, ждал, когда Марфа достанет из глубины огромного сундука, из-под тряпья разного, деньги. Стоял и смотрел на ее широкую спину.

– Вот еще какое дело, – небрежно начал он, – она уж старенькая стала.. надо бы новую. А в магазин вчера только привезли. Хорошие! Давай – заодно куплю.

– Кого? – Марфина спина перестала двигаться.

– Балалайку-то.

Марфа опять задвигалась. Достала деньги, села на сундук и стала медленно и трудно отсчитывать. Шевелила губами и хмурилась.

– Она же у тебя играет еще, – сказала она.

– Там треснула досочка одна.. дребезжит.

– А ты заклей. Возьми да варом аккуратненько..

– Разве можно инструмент варом? Ты что, бог с тобой!

Марфа замолчала. Снова стала считать деньги. Вид у нее был строгий и озабоченный.

– На. – Она протянула Антипу деньги. В глаза ему не смотрела.

– На четвертинку только? – У Антипа отвисла нижняя губа. – Да-а..

– Ничего, она еще у тебя поиграет. Вон как хорошо сегодня играла!

– Эх, Марфа!.. – Антип тяжело вздохнул.

– Что «эх»? Что «эх»?

– Так.. проехало. – Антип повернулся и пошел к двери.

– А сколько она стоит-то? – спросила вдруг Марфа сурово.

– Да она стоит-то копейки! – Антип остановился у порога. – Рублей шесть по новым ценам.

– На. – Марфа сердито протянула ему шесть рублей.

Антип подошел к жене скорым шагом, взял деньги и молча вышел: разговаривать или медлить было опасно – Марфа легко могла раздумать.

Критики

Деду было семьдесят три, Петьке, внуку, – тринадцать. Дед был сухой и нервный и страдал глухотой. Петька, не по возрасту самостоятельный и длинный, был стыдлив и упрям. Они дружили.

Больше всего на свете они любили кино. Половина дедовой пенсии уходила на билеты. Обычно, подсчитав к концу месяца деньги, дед горько и весело объявлял Петьке:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ухайдакали мы с тобой пять рубликов.

Петька для приличия делал удивленное лицо.

– Ничего, прокормют, – говорил дед (имелись в виду отец и мать Петьки. Дед Петьке доводился по отцу). – А нам с тобой это для пользы.

Садилась всегда в первый ряд: дешевле, и потом, там дед лучше слышал. Но все равно половину слов он не разбирал, а догадывался по губам актеров. Иногда случалось, что дед вдруг ни с того ни с сего начинал хохотать. А в зале никто не смеялся. Петька толкал его в бок и сердито шипел:

– Ты чего? Как дурак...

– А как он тут сказал? – спрашивал дед.

Петька шепотом пересказывал деду в самое ухо:

– Не снижая темпов.

– Хе-хе-хе, – негромко смеялся дед уже над собой. – А мне не так показалось.

Иногда дед плакал, когда кого-нибудь убивали невинного.

– Эх вы... люди! – горько шептал он и сморкался в платок.

Вообще он любил высказаться по поводу того, что видел на экране. Когда там горячо целовались, например, он усмехался и шептал:

– От черти!.. Ты гляди, гляди... Хэх!

Если дрались, дед, вцепившись руками в стул, напряженно и внимательно следил за дракой (в молодости, говорят, он охотник был подраться. И умел).

– Нет, вон тот не... это... слабый. А этот ничего, верткий.

Впрочем, фальшь чуял.

– Ну-у, – обиженно говорил он, – это они понарошке.

– Так кровь же идет, – возражал Петька.

– Та-а... кровь. Ну и что? Нос, он же слабый: дай потихоньку, и то кровь пойдет. Это не в том дело.

– Ничего себе не в том!

– Конечно, не в том.

На них шикали сзади, и они умолкали.

Спор основной начинался, когда выходили из клуба. Особенно в отношении деревенских фильмов дед был категоричен до жестокости.

– Хреновина, – заявлял он. – Так не бывает.

– Почему не бывает?

– А что, тебе разве этот парень глянется?

– Какой парень?

– С гармошкой-то. Который в окно-то лазил.

– Он не лазил в окно, – поправлял Петька; он точно помнил все, что происходило в фильме, а дед путал, и это раздражало Петьку. – Он только к окну лез, чтобы спеть песню.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ну, лез. Я вон один раз, помню, полез было...

– А что, он тебе не глянется?

– Кто?

– Кто-кто!.. Ну парень-то, который лез-то. Сам же заговорил про него.

– Ни вот на столько. – Дед показывал кончик мизинца. – Ваня-дурачок какой-то. Поет и поет ходит... У нас Ваня-дурачок такой был – все пел ходил.

– Так он же любит! – начинал нервничать Петька.

– Ну и что, что любит?

– Ну и поет.

– А?

– Ну и поет, говорю!

– Да его бы давно на смех подняли, такого! Ему бы проходу не было. Он любит... Когда любят, то стыдятся. А этот трезвонит ходит по всей деревне... Какая же дура пойдет за него! Он же несерьезный парень. Мы вон, помню: поглянется девка, так ты ее за две улицы обходишь – потому что совестно. Любит... Ну и люби на здоровье, но зачем же...

– Чего – зачем?

– Зачем же людей-то смешить? Мы вон, помню...

– Опять «мы, мы». Сейчас же люди-то другие стали!

– Чего это они другие-то стали? Всегда люди одинаковые. Ты у нас много видел таких дурачков?

– Это же кино все-таки. Нельзя же сравнивать.

– Я и не сравниваю. Я говорю, что парень непохожий, вот и все, – стоял на своем дед.

– Так всем же глянется! Смеялись же! Я даже и то смеялся.

– Ты маленький ишо, поэтому тебе все смешно. Я вот небось не засмеюсь где попало.

Со взрослыми дед редко спорил об искусстве – не умел. Начинал сразу нервничать, обзывался.

Один раз только крепко схлестнулся он со взрослыми, и этот-то единственный раз и навлек на его голову беду.

Дело было так.

Посмотрели они с Петькой картину – комедию, вышли из клуба и дружно разложили ее по косточкам.

– И ведь что обидно: сами ржут, черти (актеры), а тут сидишь – хоть бы хны, даже усмешки нету! – горько возмущался дед. – У тебя была усмешка?

– Нет, – признался Петька. – Один раз только, когда они с машиной перевернулись.

– Ну вот! А ведь мы же деньги заплатили – два рубля по-старому! А они сами посмеялись, и все.

– Главное, пишут: «Комедия».

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Комедия!.. По зубам за такую комедию надавать.

Пришли домой злые.

А дома в это время смотрели по телевизору какую-то деревенскую картину. К ним в гости приехала Петькина тетя, сестра матери Петьки. С мужем. Из города. И вот все сидят и смотрят телевизор. (Дед и Петька «не переваривали» телевизор. «Это я, когда еще холостым был, а брат Микита женился, так вот я любил к ним в горницу через щелочку подглядывать. Так и телевизор ихний: все вроде как подглядываешь», – сказал дед, посмотрев пару раз телевизионные передачи.)

Вот, значит, сидят все, смотрят.

Петька сразу ушел в прихожую учить уроки, а дед остановился за всеми, посмотрел минут пять на телевизорную мельтешню и заявил:

– Хреновина. Так не бывает.

Отец Петьки обиделся.

– Помолчи, тять, не мешай.

– Нет, это любопытно, – сказал городской вежливый мужчина. – Почему так не бывает, дедушка? Как не бывает?

– А?

– Он недослышит у нас, – пояснил Петькин отец.

– Я спросил: почему так не бывает?! А как бывает?! – громко повторил городской мужчина, заранее почему-то улыбаясь.

Дед презрительно посмотрел на него.

– Вот так и не бывает. Ты вот смотришь и думаешь, что он правда плотник, а я, когда глянул, сразу вижу: никакой он не плотник. Он даже топор правильно держать не умеет.

– Они у нас критики с Петькой, – сказал Петькин отец, желая немного смягчить резкий дедов тон.

– Любопытно, – опять заговорил городской. – А почему вы решили, что он топор неправильно держит?

– Да потому, что я сам всю жизнь плотничал. «Почему решили?»

– Дедушка, – встряла в разговор Петькина тетя, – а разве в этом дело?

– В чем?

– А мне вот гораздо интереснее сам человек. Понимаете? Я знаю, что это не настоящий плотник, – это актер, но мне инте... мне гораздо интереснее...

– Вот такие и пишут на студии, – опять с улыбкой сказал муж Петькиной тети. Они были очень умные и все знали – Петькина тетя и ее муж. Они улыбались, когда разговаривали с дедом. Деда это обозлило.

– Тебе не важно, а мне важно, – отрезал он. – Тебя им надуть – пара пустяков, а меня не надуют.

– Ха-ха-ха, – засмеялся городской человек. – Получила?

Петькина тетя тоже усмехнулась.

Петькиному отцу и Петькиной матери было очень неудобно за деда.

– Тебе ведь трудно угодить, тять, – сказал Петькин отец. – Иди лучше к Петьке, помоги ему. – Склонился к городскому человеку и негромко пояснил: – Помогает

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru моему сыну уроки учить, а сам – ни в зуб ногой. Спорят друг с другом. Умора!

– Любопытный старик, – согласился городской человек.

Все опять стали смотреть картину, про деда забыли. Он стоял сзади как оплеванный. Постоял еще немного и пошел к Петьке.

– Смеются, – сказал он Петьке.

– Кто?

– Вон... – Дед кивнул в сторону горницы. – Ничего, говорят, ты не понимаешь, старый хрен. А они понимают!

– Не обращай внимания, – посоветовал Петька.

Дед присел к столу, помолчал. Потом опять заговорил.

– Ты, говорят, дурак, из ума выжил...

– Что, так и сказали?

– А?

– Так и сказали на тебя – дурак?

– Усмехаются сидят. Они шибко много понимают! – Дед постепенно «заводился», как выражался Петька.

– Не обращай внимания, – опять посоветовал Петька.

– Приехали... Грамотеи! – Дед встал, покопался у себя в сундуке, взял деньги и ушел.

Пришел через час пьяный.

– О-о! – удивился Петька (дед редко пил). – Ты чего это?

– Смотрят? – спросил дед.

– Смотрят. Не ходи к ним. Давай я тебя раздену. Зачем напился-то?

Дед грузно опустился на лавку.

– Они понимают, а мы с тобой не понимаем! – громко заговорил он. – Ты, говорят, дурак, дедушка! Ты ничего в жизни не понимаешь. А они понимают! Денег много?! – Дед уже кричал. – Если и много, то не подымай нос! А я честно всю жизнь горбатился!.. И я же теперь сиди, помалкивай. А ты сроду топора в руках не держал! – Дед разговаривал с дверью, за которой смотрели телевизор.

Петька растерялся.

– Не надо, деда, не надо, – успокаивал он деда. – Давай я тебя разую. Ну их!..

– Нет, постой, я ему скажу... – Дед хотел встать, но Петька удержал его.

– Не надо, деда!

– Финтифлюшки городские. – Дед как будто успокоился, притих.

Петька снял с него один сапог.

Но тут дед опять чего-то вскинул голову.

– Ты мне усмешечки строишь? – Опять глаза его безрассудно заблестели. – А я тебе одно слово могу сказать!.. – Взял сапог и пошел в горницу. Петька не сумел удержать его.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Вошел дед в горницу, размахнулся и запустил сапогом в телевизор.

– Вот вам!.. И плотникам вашим!

Экран – вдребезги.

Все повскакали с мест. Петькина тетя даже взвизгнула.

– Усмешечки строить! – закричал дед. – А ты когда-нибудь топор держал в руках?!

Отец Петькин хотел взять деда в охапку, но тот оказал сопротивление. С грохотом полетели стулья. Петькина тетя опять взвизгнула и вылетела на улицу.

Петькин отец все-таки одолел деда, заломил ему руки назад и стал связывать полотенцем.

– Удосужил ты меня, удосужил, родитель, – зло говорил он, накрепко стягивая руки деда. – Спасибо тебе.

Петька перепугался насмерть, смотрел на все это широко открытыми глазами. Городской человек стоял в сторонке и изредка покачивал головой. Мать Петьки подбирала с пола стекла.

– Удосужил ты меня... – все приговаривал отец Петьки и нехорошо скалился.

Дед лежал на полу вниз лицом, терся бородой о крашеную половицу и кричал:

– Ты мне усмешечки, а я тебе – одно слово!.. Слово скажу тебе, и ты замолкнешь. Если я дурак, как ты говоришь...

– Да разве я так говорил? – спросил городской мужчина.

– Не говорите вы с ним, – сказала мать Петьки. – Он сейчас совсем оглох. Бессовестный.

– Вы меня с собой за стол сажать не хотите – ладно! Но ты мне... Это – ладно, пускай! – кричал дед. – Но ты мне тогда скажи: ты хоть один сруб срубил за свою жизнь? А-а!.. А ты мне же говоришь, что я в плотниках не понимаю! А я половину этой деревни своими руками построил!..

– Удосужил, родимчик тебя возьми, удосужил, – приговаривал отец Петьки.

И тут вошли Петькина тетя и милиционер, здешний мужик, Ермолай Кибяков.

– Ого-го! – воскликнул Ермолай, широко улыбаясь. – Ты чего это, дядя Тимофей? А?

– Удосужил меня на радостях-то, – сказал отец Петьки, поднимаясь.

Милиционер хмыкнул, почесал ладонью подбородок и посмотрел на отца Петьки. Тот согласно кивнул головой и сказал:

– Надо. Пусть там переночует.

Ермолай снял фуражку, аккуратно повесил ее на гвоздик, достал из планшета лист бумаги, карандаш и присел к столу.

Дед притих.

Отец Петьки стал рассказывать, как все было. Ермолай пригладил заскорузлой темной ладонью жидкие волосы на большой голове, кашлянул и стал писать, навалившись грудью на стол и наклонив голову влево.

«Гражданин Новоскольцев Тимофей Макарыч, одна тысяча...»

– Он с какого года рождения?

– С девяностого.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
«Одна тысяча девяностого года рождения, плотник в прошлом, сейчас сидит на пенсии. Особых примет нету. ...Вышеуказанный Тимофей двадцать пятого сентября сего года заявился домой в состоянии крепкого алкоголя. В это время семья смотрела телевизор. И гости еще были».

– Как кинофильм назывался?

– Не знаю. Мы включили, когда там уже шло, – пояснил отец. – Про колхоз.

«...Заглавие фильма не помнят. Знают одно: про колхоз.

Тимофей тоже стал смотреть телевизор. Потом он сказал: «Таких плотников не бывает». Все попросили Тимофея оправиться. Но он продолжал возбужденное состояние. Опять сказал, что таких плотников не бывает, вранье, дескать. «Руки, говорит, у плотников совсем не такие». И стал совать свои руки. Его еще раз попросили оправиться. Тогда Тимофей снял с ноги правый сапог (размер 43–45, яловый) и произвел удар по телевизору. Само собой, вышиб все на свете, то есть там, где обычно бывает видно.

Старший сержант милиции КИБЯКОВ».

Ермолай встал, сложил протокол вдвое, спрятал в планшет.

– Пошли, дядя Тимофей!

Петька до последнего момента не понимал, что происходит. Но когда Кибяков и отец стали поднимать деда, он понял, что деда сейчас поведут в каталажку. Он громко заплакал и кинулся защищать его.

– Куда вы его?! Деда, куда они тебя!.. Не надо, тять, не давай!..

Отец оттолкнул Петьку, а Кибяков засмеялся.

– Жалко дедушку-то? Сча-ас мы его в тюрьму посадим. Сча-ас...

Петька заплакал еще громче. Мать увела его в уголок и стала уговаривать.

– Ничего не будет с ним, что ты плачешь-то? Переночует там ночь и придет. А завтра стыдно будет. Не плачь, сынок.

Деда обули и повели из избы. Петька заплакал навзрыд. Городская тетя подошла к ним и тоже стала уговаривать Петьку.

– Что ты, Петенька? В отрезвитель ведь его повели-то, в отрезвитель! Он же придет скоро. У нас в Москве знаешь сколько водят в отрезвитель!..

Петька вспомнил, что это она, тетя, привела милиционера, грубо оттолкнул ее от себя, залез на печку и там долго еще горько плакал, уткнувшись лицом в подушку.

Змеиный яд

Максиму Волокитину пришло в общежитие письмо. От матери. «Сынок, хвораю. Разломило всю спинушку и ногу к затылку подводит – радикулит, гад такой. Посоветовали мне тут змеиным ядом, а у нас нету. Походи, сынок, по аптекам, поспрашай, может, у вас есть. Криком кричу – больно. Походи, сынок, не поленись...»

Максим склонился головой на руки, задумался. Заболело сердце – жалко стало мать. Он подумал, что зря он так редко писал матери, вообще почувствовал свою вину перед ней. Все реже и реже думалось о матери последнее время, она перестала сниться ночами... И вот оттуда, где была мать, замаячила черная беда.

«Дождался».

Было воскресенье. Максим надел выходной костюм и пошел в ближайшую аптеку.

«Наверно, как-нибудь называется этот яд, узнать бы, чтоб посолидней спрашивать».

Но узнать не у кого, и он пошел так.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
В аптеке было мало народа. Максим заметил за прилавком хорошенькую девушку, подошел к ней.

– У вас змеиный яд есть?

Девушка считала какие-то порошки. Приостановилась на секунду, еще раз шепотом повторила последнее число, чтоб не сбиться, мельком глянула на Максима, сказала «нет» и снова принялась считать. Максим постоял немного, хотел спросить, как называется змеиный яд по-научному, но не спросил – девушка была очень занята.

В следующей аптеке произошел такой разговор:

– У вас змеиный яд есть?

– Нет.

– А бывает?

– Бывает, но редко.

– А может, вы знаете, где его можно достать?

– Нет, не знаю, где его можно достать.

Отвечала сухопарая женщина лет сорока, с острым носом, с низеньким лбом. Кожа на лбу была до того тонкая и белая, что, кажется, сквозь нее просвечивала кость. Максиму подумалось, что женщине доставляет удовольствие отвечать «нет», «не знаю». Он уставился на нее.

– Что? – спросила она.

– А где же он бывает-то? Неужели в целом городе нет?!

– Не знаю, – опять с каким-то странным удовольствием сказала женщина.

Максим не двигался с места.

– Еще что? – спросила женщина. Они были в стороне от других, разговора их никто не слышал.

– А отчего вы такая худая? – спросил Максим. Он сам не знал, что так спросит, и не знал, зачем спросил, – вылетело. Очень уж недобрая была женщина.

Женщина от неожиданности заморгала глазами.

Максим повернулся и пошел из аптеки.

«Что же делать?» – думал он.

Аптека следовала за аптекой, разные люди отвечали одинаково: «нет», «нету».

В одной аптеке Максим увидел за стеклянным прилавком парня.

– Нет, – сказал парень.

– Слушай, а как он называется по-научному? – спросил Максим. Парень решил почему-то, что и ему пришла пора показать себя «шибко ученым» – застоялся, наверно, на одном месте.

– По-научному-то? – спросил он, улыбаясь. – А как в рецепте написано? Как написано, так и называется.

– У меня нет рецепта.

– А что ж вы тогда спрашиваете? Так ведь живую воду можно спрашивать.

– А что, не дадут без рецепта? – негромко спросил Максим, чувствуя, что его начинает слегка трясти.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Нет, молодой человек, не дадут.

Это снисходительное «молодой человек» доконало Максима.

– До чего ж ты умница! – тихо воскликнул он. – Это ж надо такому уродиться!..

Максим вышел на улицу, закурил.

Напротив, через улицу, было отделение связи. Максим докурил в частую сигарету, зашел в отделение и дал матери телеграмму: «Змеиный яд выслал. Максим».

«Весь город переверну – добуду», – думал он, шагая по улице. Казалось теперь: будет змеиный яд – мать будет здорова.

В одной очень большой аптеке Максим решительно направился к пышной красивой женщине. Она выглядела приветливее других.

– Мне нужен змеиный яд, – сказал он.

– Нету, – ответствовала женщина.

– Тогда позовите вашего начальника.

Женщина удивленно посмотрела на него.

– Зачем?

– Я с ним потолкую.

– Не буду я его звать – незачем. Он вам не сможет помочь. Нет у нас такого лекарства.

Максиму захотелось обидеть женщину, сказать в лицо ей какую-нибудь грубость. И не то вконец обозлило Максима, что яда опять нет, а то, с какой легкостью, отвратительно просто все они отвечают это свое «нет».

– Позовите начальника! – потребовал Максим. И вдруг добавил жалобным голосом: – У меня мать болеет. – Аж самому противно сделалось.

Женщина оставила официальный тон.

– Ну нет у нас сейчас змеиного яда, я серьезно говорю. Я могу вам дать пчелиный. У нее что, радикулит?

– Ага.

– Возьмите пчелиный. Змеиный не всегда и нужен.

– Давайте. – Максиму было стыдно за свой жалобный тон. – Он тоже помогает?

– У вас рецепт есть?

– Нету.

– А как же?..

– Что?

– Без рецепта нельзя, не могу.

У Максима упало сердце.

– Это такой ма-аленький рецептик, да? Бумажечка такая...

Женщина невольно улыбнулась.

– Да, да. Рецепт выписывает врач, а мы...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Дайте мне так, а... А я завтра принесу вам рецепт. Дайте, а?!

– Не могу, молодой человек, не могу.

На улице Максим долго соображал, что делать. Даже если он и наткнется где-нибудь на змеиный яд, то без рецепта все равно не дадут. Это ясно. Надо сперва добыть рецепт.

По дороге домой опять зашел на почту и дал матери еще одну телеграмму: «А пчелиный яд надо? Максим».

На другой день в девять часов утра он пошел на стройку, отпросился с работы и направился в поликлинику.

В белой стеклянной стенке – окошечко, за окошечком – белая девушка. Она долго «заводила» на Максима карточку, потом подала ему талончик. Максим посмотрел – четырнадцатая очередь на тринадцать тридцать.

– А поближе нету?

– Нет.

– Девушка, милая... – Максим почувствовал, что опять начинает говорить жалостливым тоном, но остановиться не мог. – Девушка, дайте мне поближе, а? Мне шибко надо. Пожалуйста.

Девушка, не глядя на него, порылась в талончиках, выбрала один, подала Максиму. И тогда только посмотрела на него. Максиму показалось, что она усмехнулась.

«Милая ты моя, – думал растроганный Максим. – Смейся, смейся – талончик-то вот он». Его очередь была шестой, на одиннадцать часов.

У кабинета врача сидело человек десять больных. Максим присел рядом с пожилым мужчиной, у которого была такая застойная тоска в глазах, что, глядя на него, невольно думалось: «Все равно все помрем».

«Прижало мужика», – подумал Максим. И опять вспомнил о матери и стал с нетерпением ждать доктора.

Доктор пришел. Мужчина, еще молодой.

Вышла из кабинета женщина и спросила:

– У кого первая очередь?

Никто не встал.

– У меня, – сказал Максим и почувствовал, как его подняла какая-то сила и повела в кабинет.

– У вас первая очередь? – спросил его мужчина.

– Да, – твердо сказал Максим и вошел в кабинет совсем веселым и, как ему казалось, очень ловким парнем.

– Что? – спросил доктор, не глядя на него.

– Рецепт, – сказал Максим, присаживаясь к столу. Доктор чего-то хмурился, не хотел подымать глаза.

«Выпил, наверно, вчера крепко», – сообразил Максим.

– Какой рецепт? – Доктор все перебирал какие-то бумажки.

– На змеиный яд.

– А что болит-то? – Доктор поднял глаза.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не у меня. У меня мать болеет, у нее радикулит. Ей врачи посоветовали змеиным ядом.

– Ну, так?..

– Ну, а рецепта нету. А без рецепта, сами понимаете, никто не дает. – Максиму казалось, что он очень толково все объясняет. – Поэтому я прошу: дайте мне рецепт.

Доктора что-то заинтересовало в Максиме.

– А где мать живет?

– В Красноярском крае. В деревне.

– Ну?.. И нужен, значит, рецепт!

– Нужен. – Максиму было легко с доктором: доктор нравился ему.

Доктор посмотрел на сестру.

– Раз нужен, – значит, дадим. А, Клавдия Николаевна?

– Надо дать, конечно.

Доктор выписал рецепт.

– Он ведь редко бывает, – сказал он. – Съезди в двадцать седьмую. Знаешь где? Против кинотеатра «Прибой». Там может быть.

– Спасибо. – Максим пожал руку доктора и чуть не вылетел на крыльях из кабинета – так легко и радостно сделалось.

В двадцать седьмой яда не было.

Максим подал рецепт и, затаив дыхание, смотрел на аптекаря.

– Нет, – сказал тот и качнул седой головой.

– Как нет?

– Так, нет.

– Так у меня же рецепт... Вот же он, рецепт-то!

– Я вижу.

– Да ты что, батя? – с тихим отчаянием сказал Максим. – Мне нужен этот яд.

– Так нет же его, нет – где же я его возьму? Вы же можете соображать – нет змеиного яда.

Максим вышел на улицу, прислонился спиной к стене, бессмысленно стал смотреть в лица прохожих. Прохожие все шли и шли нескончаемым потоком... А Максим все смотрел и смотрел на них и никак о них не думал.

Потом одна мысль пришла в голову Максиму. Он резко качнулся от стены и направился к центру города. В цирк.

Вахтер в цирке поднялся навстречу Максиму.

– Вам к кому?

– К Байкалову Игнату.

– У них репетиция идет.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну и что?

– Репетиция!.. Как что? – Вахтер вознамерился не пускать.

– Да пошли вы! – обозлился Максим, легко отстранил старика и прошел внутрь.

Прошел пустым, гулким залом.

На арене посредине стоял здоровенный дядя, а на нем – одна на другой – изящные, как куколки, молодые женщины.

Максим подошел к человеку, который бросал в стороны тарелки.

– Как бы мне Байкалова тут найти?

Человек поймал все тарелки.

– Что?

– Мне Байкалова надо найти.

– На втором этаже. А зачем?

– Так... Он земляк мой.

– Вон по той лестнице – вверх. – Человек снова запустил тарелки в воздух.

Игнатий боролся с каким-то монголом. Монгол был устрашающих размеров.

– Игнат! – позвал Максим.

Игнатий слез с монгола.

– Максим!.. Здорово. – Игнатий был потный, разгоряченный борьбой. – Ты как здесь? – Он погладил рукой бок.

– Намял он тебе?

– Вот именно – намял. Здоровый буйвол, а бороться не умеет.

– Неужели ты его одолеешь?

– Хошь, покажу.

– Не надо. Я к тебе по делу, Игнат. У меня мать захворала – письмо получил. Надо змеиного яда достать... Весь город обошел – нигде нету. Может, у тебя какие знакомые есть?.. Может, врач какой-нибудь...

Игнатий задумался.

– Черт его знает... трудно сейчас сказать. Если бы раньше пришел. Я ж завтра уезжаю. Домой ведь еду!

– Домой?

– Но!

– В отпуск, что ли?

– Но.

Максим с тоскливой завистью посмотрел на земляка.

– Хорошо.

– Я попробую сегодня спросить у одних. Раньше бы надо...

– Раньше-то он не нужен был.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Я понимаю. В общем, я схожу туда сегодня, спрошу. Но не обещаю, Максим.

Максим кивнул головой.

– Ладно, работай. Пойду еще куда-нибудь.

Игнатию стало отчего-то неловко.

– Я схожу, Максим. Может, достану...

– Ты надолго домой?

– На пару недель. А потом – в Гагры.

– Зайди там к матери... Скажи: пришлю лекарство. Зайди.

– Конечно! Ты не унывай особо-то. Может, достанем сегодня.

– Ничего. Привет своим передавай. Сколько не был?

– Лет пять уже.

– А я два года. Изменилось, наверно, там все...

– Да.

– Ну, работай.

Максим вышел из цирка и так же решительно, как шел от двадцать седьмой аптеки, пошел снова туда.

Подошел к старичку аптекарю.

– Я к вашему начальнику пройду.

– Пожалуйста, – любезно сказал аптекарь. – Вон в ту дверь. Он как раз там.

Максим пошел к начальнику.

В кабинете заведующего никого не было. Была еще одна дверь, Максим толкнулся в нее и ударил кого-то по спине.

– Сейчас, – сказали за дверью.

Максим сел на стул и решил без змеиного яда не уходить.

Вошел низенький человек с усами, с гладко выбритыми – до сияния – жирненькими щеками, опрятный, полненький, лет сорока.

– Что у вас?

– Вот. – Максим протянул ему рецепт. Сердце вдруг так заколотилось, что стало больно в груди.

Заведующий повертел в руках рецепт.

– Не понимаю...

– Мне такое лекарство надо. – Максим поморщился – сердце выбрыкивало нешуточным образом.

– У нас его нет.

– А мне надо. У меня мать помирает. – Максим смотрел на заведующего не мигая: чувствовал, как глаза наполняются слезами.

– Но если нет, что же я могу сделать?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А мне надо. Я не уйду отсюда, понял? Я вас всех ненавижу, гадов!

Заведующий улыбнулся.

– Это уже серьезнее. Придется найти. – Он сел к телефону и, набирая номер, с любопытством поглядывал на Максима. Максим успел вытереть глаза и смотрел в окно. Ему стало стыдно, он жалел, что сказал последнюю фразу.

– Алле! – заговорил заведующий. – Петрович? Здоров. Я это, да. Слушай, у тебя нет... – Тут он сказал какое-то непонятное слово. – Нет?

У Максима сдавило сердце.

– Да нужно тут... пареньку одному... Посмотри, посмотри... Славный парень, хочется помочь.

Максим впился глазами в лицо заведующего. Заведующий беспечно вытянул губы трубочкой – ждал.

– Да? Хорошо, тогда я подожду его... Как дела-то? Мгм... Слушай, а что ты скажешь... А? Да что ты? Да ну?..

Пошел какой-то непонятный треп: кто-то заворовался, кого-то сняли и хотят судить. Максим смотрел в пол, чувствовал, что плачет, и ничего не мог сделать – плакал. Он очень устал за эти два дня. Он молил бога, чтобы заведующий подольше говорил, – может, к тому времени он перестанет плакать, а то хоть сквозь землю проваливайся со стыда. А если сейчас вытереть глаза, – значит, надо пошевелиться, и тогда заведующий глянет на него и увидит, что он плачет.

«Вот морда!» – ругал он себя. Он любил сейчас заведующего, как никого никогда, наверно, не любил.

Заведующий положил трубку, посмотрел на Максима. Максим нахмурился, шаркнул рукавом бостонского пиджака по глазам и полез в карман за сигаретой. Заведующий ничего не сказал, написал записку, встал... Максим тоже встал.

– Вот по этому адресу... спросите Вадима Петровича. Не отчаивайтесь, поправится ваша мама.

– Спасибо, – сказал Максим. Горло заложило, и получилось, что Максим пискнул это «спасибо». Он нагнул голову и пошел из кабинета, даже руки не подал начальнику.

«Вот же ж морда!» – поносил он себя. Ему было очень стыдно.

На другой день рано утром к Максиму забежал Игнатий. Внес с собой шум и прохладу политых асфальтов.

– Максим!.. Я поехал! Вот яд-то – достал.

Максим вскочил с кровати.

– Куда поехал?

– Домой! Вот яд...

– Так я тоже достал вчера. Флакон.

– Ну – два будет. Пригодится.

– Ты сейчас прямо едешь?

– Но. Будь здоров! Зайду попроведаю мать...

– Погоди, Игнат, я провожу тебя.

– Меня такси ждет...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Я скоро.

– Давай. Только – одна нога здесь, другая – там! – орал Игнатий. – Пятнадцать минут осталось. Жена сейчас икру мечет в вагоне.

– Она уже там? – Максим прыгал по комнате на одной ноге, стараясь попасть в штанину.

– Там.

– Сейчас... мигом. Мы в магазин не успеем заскочить? Хотел гостинцев матери...

– Да ты что! – взревел Игнатий. – Я что, по шпалам жену догонять буду?!

– Ладно, ладно...

Побежали вниз, в такси.

– Друг, – взмолился Игнатий. – Десять минут до поезда... Жми на всю железку. Плачу в трехкратном размере.

Машина рванула с места.

Жена ждала Игнатия у вагона. Оставалось полторы минуты.

– Игнатий, это... это черт знает что такое, – встретила она мужа со слезами на глазах. – Я хотела чемоданы выносить.

– Порядок! – весело гудел Игнатий. – Максим, пока! Крошка, цыпоська, в вагон.

Поезд тронулся.

– Будь здоров, Максим!

Максим пошел за вагоном.

– Игнат, передай матери: я, может, тоже скоро приеду. Не забудь, Игнат!

– Не-ет!

Максим остановился.

Поезд набирал ходу.

Максим опять догнал вагон Игнатия и еще раз крикнул:

– Не забудь, Игнат!

– Передам!

Уже расходились с перрона люди.

А Максим все стоял и смотрел вслед поезду.

...Уже никого почти не осталось на перроне, а Максим все стоял. Смотрел в ту сторону, куда уехал Игнатий.

И разыгрались же кони в поле
И разыгрались же кони в поле,
Поископытили всю зарю.
Что они делают?
Чью они долю
Мыкают по полю?
Уж не мою ль?
Тихо в поле.
Устали кони...
Тихо в поле –
Зови, не зови.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
В сонном озере, как в иконе, –
Красный оклад зари.
Минька учился в Москве на артиста.

Было начало лета. Сдали экзамен по мастерству.

Минька шел в общежитие, перебирал в памяти сегодняшний день. Показался он хорошо, даже отлично. На душе было легко. Мерещилась черт знает какая судьба – красивая. Силу он в себе чуял большую.

«Прочитаю за лето двадцать книг по искусству, – думал он, – измордую классиков, напишу для себя пьесу из колхозной жизни – вот тогда поглядим».

В общежитии его ждал отец, Кондрат Лютаев.

Кондрат ездил на курорт и по пути завернул к сыну. И теперь сидел на его кровати – большой, загоревший, в бостоновом костюме, – ждал. От нечего делать смотрел какой-то иностранный журнал с картинками. Слюнявил губой толстый прокуренный палец и перелистывал гладкие тоненькие страницы. Когда попадались голые женщины, он внимательно разглядывал их, поднимал массивную голову и смотрел на одного из Минькиных товарищей, который лежал на своей кровати и читал. Подолгу смотрел, пристально. Глаза у Кондрата неожиданно голубые – как будто не с этого лица. Он точно хотел спросить что-то, но не спрашивал. Опять слюнявил палец и осторожно переворачивал страницу.

Кондрат Лютаев лет семь уж был председателем большущего колхоза в степном Алтае. Дело поставил крепко, его хвалили, чем Кондрат в душе сильно гордился. В прошлом году, когда Минька, окончив десятилетку, ни с того ни с сего заявил, что едет учиться на артиста, они поругались. Кондрат не понял сына, хотя честно пытался понять. «Да ты спроси у меня-а! – орал тогда Кондрат и стучал себя в грудь огромным, как чайник, кулаком. – Ты у меня спроси: я их видел-перевидел, этих артистов! Они к нам на фронте каждую неделю приезжали. Все алкоголики! Даже бабы. И трепачи». Минька уперся на своем, и они разошлись.

Минька удивился, увидев отца.

Кондрат криво усмехнулся, отложил в сторону журнал.

Поздоровались за руку. Обоим было малость неловко.

– Ну, как ты здесь? – спросил Кондрат.

– Нормально.

Некоторое время молчали.

– Тут у вас выпить-то хоть можно? – спросил Кондрат, оглядываясь на другого студента.

Тот понял это по-своему:

– Сейчас зайдем где-нибудь... Завтра стипуха.

Кондрат даже покраснел.

– Вы что, сдурели! Я ж не в том смысле! Я, мол, не попадет вам, если мы тут малость выпьем?

– Вообще-то не положено, – сказал Минька и улыбнулся. Странно было видеть отца растерянным и в новом шикарном костюме. – В исключительных случаях только...

– Ну и пошли! – Кондрат поднялся. – Скажете потом, что был исключительный случай.

Пошли в магазин.

Кондрат чего-то растрогался, начал брать все подряд: колбасу дорогую, коньяк, шпроты... Рублей на сорок всего. Минька пытался остановить его, но тот только

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
говорил сердито: «Ладно, не твое дело».

А когда шли из магазина, разговорились. Неловкость помаленьку проходила. Кондрат обрел обычный свой – снисходительный – тон.

– Не забывай, когда знаменитым станешь, артист... Забудешь небось?

– Что за глупости! Кого забуду?..

– Брось... Не ты первый, не ты последний. Надо, правда, сперва знаменитым стать... А?

– Конечно.

Выпили вчетвером – пришел еще один товарищ Миньки.

Кондрат покраснелся, снял свой бостоновый пиджак и сразу как-то раздался в ширину – под тонкой рубашкой угадывалось крупное, могучее еще тело.

– Туго приходится? – расспрашивал он ребят.

– Ничего...

– Вижу, как ничего... Выпить даже нельзя, когда захочешь. Тоскливо небось так жить? Другой раз с девкой бы прошелся, а тут – книжки читать надо. А?

Ребята смеялись; им стало хорошо от коньяка. Минька радовался, что отец пошел открыто на мировую. Может, кто ему втолковал на курорте, что не все артисты – алкоголики. И что не пустое это дело, как он думал.

– А я считаю – правильно! – басил Кондрат. – Раз приехали учиться – учитесь. Девки от вас никуда не уйдут. И пить тоже еще рано – сопли еще по колена... Я на Миньку в прошлом году обиделся... Я снимаю свой упрек, Митрий. Учитесь. А если, скажем, у вас после окончания не будет получаться насчет работы, приезжайте ко мне, будете работать в клубе. Минька знает, какой у меня клуб – со столбами. Чем в Москве-то ошиваться...

– Тять...

– Не то говорю? Ну ладно, ладно... Вы ж ученые, я забыл. А хозяйство у меня!.. Вон Минька знает...

Потом Кондрат и Минька пошли на выставку – ВДНХ. Минька вспомнил свой экзамен, и ему стало вдвойне хорошо.

– Вот ты, например, человек, – заговорил он, слегка пошатываясь. – И мне сказали, что тебя надо сыграть. Но ведь ты – это же не я, верно? Понимаешь?

– Понимаю. – Кондрат шел ровно, не шатался. – Тут дурак поймет.

– Значит, я должен тебя изучить: характер твой, повадки, походку... Все выходки твои, как у нас говорят.

– А то ты не знаешь?

– Я к примеру говорю.

– Ну-ка, попробуй мою походку, – заинтересовался Кондрат.

– Господи! – воскликнул Минька. – Это ж пустяк! – Он вышел вперед и пошел, как отец, – засунув руки в карманы брюк, чуть раскачиваясь, неторопливо, крепко чувствуя под ногой землю.

Кондрат оглушительно захохотал.

– Похоже! – заорал он.

Прохожие оглянулись на них.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Похоже ведь! – обратился к ним Кондрат, показывая на Миньку. – Меня показывает как я хожу.

Миньке стало неудобно.

– Молодец, – серьезно похвалил Кондрат. – Учись – дело будет.

– Да это что!.. Это не главное. – Минька был счастлив. – Главное: донести твой характер, душу... А это, что я сейчас делал, – это обезьянничанье. За это нас долбают.

– Пошто долбают?

– Потому что это не искусство. Искусство в том, чтобы... Вот я тебя играю, так?

– Ну.

– И надо, чтобы в том человеке, который в конце концов получится, были и я, и ты. Понял? Тогда я – художник...

– Счас пойдем глянем одного жеребца, – заговорил вдруг Кондрат серьезно. – Жеребец на выставке стоит образцовый!.. – Он зло сплюнул, покачал головой. – Буяна помнишь?

– Помню.

– Приезжала нынче комиссия смотреть – я его хотел на выставку. Забраковали, паразиты. А сегодня прихожу на ВДНХ, смотрю: стоит образцовый жеребец... Мне даже нехорошо сделалось. Какой же это образцовый жеребец, мать бы их в душеньку! Это ж кролик против моего Буяна. Я б его кулаком с одного раза на коленки уронил, такого образцового.

Минька представил Буяна, гордого вороного жеребца, и как-то тревожно, тихонько, сладко заныло сердце. Увидел он, как далеко-далеко, в степи, растрепав по ветру косматую гриву, носится в косяке полудикий красавец конь. А заря на западе – вполнеба, как догорающий соломенный пожар, и чертят ее – кругами, кругами черные стремительные тени, и не слышно топота коней – тихо.

– Буяна помню, как же, – негромко сказал Минька. – Хороший конь.

Кондрат долго молчал. Сощурил синие глаза и смотрел вперед нехорошо – зло.

– Я его последнее время сам выхаживал, – заговорил он. – Фигус ему в конюшню поставил – у него там как у невесты в горнице стало. Как дите родное изучил его. Заржет черт-те где, а я уж слышу. Забраковали!.. – Кондрат замолчал. Ему было горько.

Минька тоже молчал. Расхотелось говорить об искусстве, не думалось о славной, нарядной судьбе артиста... Охота стало домой. Захотелось хлебнуть грудью степного полынного ветра... Притихнуть бы на теплом кособоре и задуматься. А в глазах опять встала картина: несется в степи вольный табун лошадей, и впереди, гордо выгнув тонкую шею, летит Буян. Но удивительно тихо в степи.

– Да, – сказал он.

– Со всего края приезжали смотреть...

– Да ладно, чего уж теперь.

Образцовый жеребец стоял в образцовой конюшне, за невысокой оградкой. Косил на людей большим нежно-фиолетовым глазом, настороженно вскидывал маленькую голову, стриг ухом.

Остановились около него.

– Этот?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Но. – Кондрат смотрел на жеребца как на недоброго человека, ехидные повадки которого хорошо изучил. – Он самый.

– Орловский.

– По блату выставили.

– Красивый.

– «Красивый», – передразнил сына Кондрат. – Ты уж... лучше походки изучай, раз не понимаешь.

– Чего ты? – обиделся Минька.

– Ты сядь на него да пробежи верст пятьдесят – тогда посмотри, что от этой красоты останется.

– Но нельзя же сказать, что он некрасивый!

– Вот за эту красоту он и попал сюда. У нас ведь все так... Конечно, полюбоваться можно, особенно кто не понимает ни шиша. А ты глянь! – Кондрат перешагнул оградку и пошел к жеребцу. Тот обеспокоился, засучил ногами. – Тр-р, стой! – прикрикнул Кондрат. – Гляди сюда – это грудь? Это воробьиное колено, а не грудь. Он на двадцатой версте захрипит...

Тут к ним подошел служитель в синем комбинезоне.

– Гражданин, вы зачем зашли туда?

– На коняку вашего люблюсь.

– Смотреть отсюда можно. Выйдите.

– А если я хочу ближе?

– Я же вам русским языком сказал: выйдите. Нельзя туда.

Кондрат выразительно посмотрел на сына, вышел из оградки.

– Понял? Издаля только можно. Потому что знающие люди враз раскусят. Чистая работа!

Служитель не понимал, о чем идет речь. Кондрат хотел уже уйти, но вдруг повернулся к служителю и спросил совершенно серьезно:

– Вопрос можно задать?

– Пожалуйста. – Служитель важно склонил голову набок.

– Этот конь – он кто: жеребец или кобыла?

Служитель взялся за живот... Он хохотал от души, как, наверное, не хохотал давно.

Кондрат внимательно, с грустью смотрел на него, ждал.

– Так ты, значит... Ха-ха-ха!.. Ой, мама родная! Так ты за этим и ходил туда? Узнать? Ха-ха-ха!..

– Смотри не надсадись, – сказал Кондрат.

Служитель вытер глаза.

– Жеребец, жеребец это, дорогой товарищ.

– Но?

– Что «но»?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Неужели жеребец?
- Конечно, жеребец.
- Значит, я Василиса Прекрасная.
- При чем тут Василиса?
- При том, что это не жеребец. Это ишак.

Служитель рассердился:

- Заложил, наверно, вчера крепко? Иди похмелись.
- Иди сам похмелись! А не то – съезди вон на своем жеребце. На нем только в кабак и ездить.

Служитель нашел это замечание чрезвычайно оскорбительным.

- Выйдите отсюда! Давайте, давайте... А то сейчас милицию позову. – Он тронул Кондрата за руку.

Кондрат зашагал от конюшни. Минька – за ним.

- Видел жеребца? – Кондрат закурил, несколько раз глубоко затянулся. – Приеду, пойду к той комиссии... Я им скажу пару ласковых. Ты тут спиши все данные про этого жеребца и пришли мне в письме. Я на них выплюсь там, на этих членах комиссии... Черти.

Минька тоже закурил.

- Куда сейчас?
- На вокзал. В девять пятнадцать поезд.

У Миньки защемило сердце. Он только сейчас осознал, как легко ему с отцом, как радостно и легко.

- Как вы там? – спросил он.
- Ничего, живы-здоровы. Мать без тебя тоскует. Соскочила один раз ночью – вроде ее кто-то в окно позвал. Я вышел – никого нету. Тоскует, вот и кажется.

Минька нахмурился.

- Чего она?..
- Так ить наше дело теперь не молодое... «Чего».
- А в деревне как?
- Что в деревне?
- Ничего не изменилось?
- Все так же. Отсеялись нынче рано. Ту луговину за солонцом помнишь? Гречиху вечно сеяли...
- Но.
- Всю ее под сады пустил. Не знаю, что получится. Старики говорят, зря.

Минька не знал, что еще спрашивать. Не спросишь же: «А что, по вечерам гуляют с гармошками?» Несерьезно. Да и спрашивать нечего – гуляют. Как все это далеко! Туда поедет отец. Там мать, ребята-друзки...

- Через трое суток дома будешь.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ты-то не приедешь летом?

– Не знаю. Кружок тут один веду... Не знаю, может, приеду.

– На будущий год он здесь будет, – твердо сказал Кондрат. – Я своего добьюсь.

– Кто?

– Буян. Я уж спланировал, как его по железной дороге везти. Не на того нарвались, я их сам забракую.

– А хорошо там у нас сейчас, да? Ночами хорошо?..

– Тоскуешь здесь?

– Да нет, что ты! Тут тоже хорошо. Пойдешь, например, в Парк культуры Горького – там весело.

– Москва, – раздумчиво сказал Кондрат. – На то она и столица. Мы как сейчас поедем-то?

– Можно на метро, можно на троллейбусе. Лучше, конечно, на метро – одна пересадка, и все.

Кондрат посмотрел на сына.

– Ты уж освоился тут.

– Не совсем, но...

– Москва, – еще раз сказал Кондрат. – Я в войну бывал тут. Но тогда она, конечно, не такая была.

На вокзале Миньку охватило сильное чувство, похожее на боль. Тяжело вдруг стало.

Отец взял чемоданы из камеры хранения. Пошли в вагон. Пока шли через зал и по перрону, молчали. Вошли в вагон.

Отец долго уставлял чемодан на верхнюю полку, потом присел к столику, напротив сына. И опять молчали, глядели в окно.

По перрону шли и шли люди. Одни торопились, другие, много ездившие, шли спокойно.

«И все они сейчас поедут», – думал Минька.

В купе пахло чем-то свежим – не то краской, не то кожей.

Потом по радио объявили, чтобы провожающие вышли из вагонов и чтобы они не забыли передать билеты отъезжающим.

Минька вышел из вагона и подошел к окну, за которым сидел отец.

Смотрели друг на друга. Кондрат смотрел внимательно и серьезно.

«Что он так? Как в последний раз», – подумал Минька.

Поезд все не трогался.

Наконец тронулся.

Минька долго шел рядом с окном, смотрел на отца. Отец тоже смотрел на него. Он сидел, навалившись на маленький столик, не шевелился. Был он седой, хмурый и смотрел все так же – внимательно и строго.

Минька остановился. В последний раз увидел, как отец привстал и прислонился к стеклу... И все. Поезд прогудел густым басом и стал набирать ходу.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Минька пошел домой.

Шел до самого общежития пешком. Шел бездумно, нарочно сворачивал в какие-то переулки – чтоб устать, и прийти, и сразу уснуть.

В комнате никого не было. На столе осталась всевозможная закуска и стояла недопитая бутылка дорогого коньяка.

Минька разобрал постель... Долго сидел не раздеваясь. Потом разделся и лег.

Взошла луна. В комнате стало светло. Минька представил, как грохочет сейчас по степи поезд, в котором отец... Отец смотрит, наверно, в окно. А по земле идет светлая ночь, расстилает по косогорам белые простыни...

Минька перевернулся на живот, уткнулся в подушку. И опять, в который раз, увидел: степь, и табун лошадей несется по степи...

С этим и заснул Минька. И слышал, как в соседней комнате играет радиола. И ему снилось, что тот самый служитель с выставки стоит над ним и хохочет – громко и глупо.

Степка

И пришла весна – добрая и бестолковая, как незрелая девка.

В переулках на селе – грязь по колено. Люди ходят вдоль плетней, держась руками за колья. И если ухватится за кол какой-нибудь дядя из «Заготскота», то и останется он у него в руках, ибо дяди из «Заготскота» все почему-то как налитые, с лицами красного шершавого сукна. Хозяева огородов лаются на чем свет стоит.

– Тебе, паразит, жалко сапоги замарать, а я должен каждую весну плетень починять?!

– Взял бы да накидал камней, если плетень жалко.

– А у тебя что, руки отсохли? Возьми да накидай...

– А, тогда не лайся, если такой умный.

А ночами в полях с тоскливым вздохом оседают подопревшие серые снега.

А в тополях, у речки, что-то звонко лопаются с тихим ликующим звуком: пи-у.

Лед прошел по реке. Но еще отдельные льдины, блестя на солнце, скребут скользкими животами каменистую дрсеву; а на изгибах речных льдины вылезают синими мордами на берег, разгребают гальку, разворачиваются и плывут дальше – умирать.

Сырой ветерок кружится и кружит голову... Остро пахнет навозом.

Вечерами, перед сном грядущим, люди добреют.

Во дворах на таганках потеют семейные чугуны с похлебкой. Пляшут веселые огоньки, потрескивает волглый хворост. Задумчиво в теплом воздухе... Прожит день. Вполсилы ведутся неторопливые, необязательные разговоры – завтра будет еще день, и опять будут разные дела. А пока можно отдохнуть, покурить, поворошить на судьбу, задуматься бог знает о чем: что, может, жизнь – судьба эта самая – могла бы быть какой-нибудь иной, малость лучше?.. А в общем-то, и так ничего – сойдет.

В такой-то задумчивый хороший вечер, минуя большак, пришел к родному селу Степан Воеводин.

Пришел с той стороны, где меньше дворов, сел на косогор, нагретый за день солнышком, вздохнул. И стал смотреть на деревню. Он, видно, много отшагал за день и крепко устал.

Долго сидел так, смотрел.

Потом встал и пошел в деревню.

Ермолай Воеводин копался еще в своей завозне – тесал дышло для брички. В завозне пахло сосновой стружкой, махрой и остывающими тесовыми стенами. Свету в завозне было уже мало. Ермолай шурился и, попадая рубанком на сучки, по привычке ласково матерился.

..И тут на пороге, в дверях, вырос сын его – Степан.

– Здорово, тять.

Ермолай поднял голову, долго смотрел на сына.. Потом высморкался из одной ноздри, вытер нос подолом сатиновой рубахи, как делают бабы, и опять внимательно посмотрел на сына.

– Степка, что ли?

– Но.. Ты чо, не узнал?

– Хот!.. Язви тя.. Я уж думал: почудилось.

Степан опустил худой вещмешок на порожек, подошел к отцу.. Обнялись, чмокнулись.

– Пришел?

– Пришел.

– Чо-то раньше? Мы осенью ждали.

– Отработал.. отпустили пораньше.

– Хот.. Язви тя!.. – Отец был рад сыну, рад был видеть его. Только не знал, что делать. – А Борзя-то живой ишо, – сказал.

– Но? – удивился Степан. Он тоже не знал, что делать. Тоже рад был видеть отца.
– А где он?

– А шалается где-нибудь. Этта в субботу вывесили бабы бельишко сушить – все изодрал. Разыгрался, сукин сын, и давай трепать..

– Шалавый дурак.

– Хотел уж пристрелить его, да подумал: придешь – обидишься..

Присели на верстак, закурили.

– Наши здоровы? – спросил Степан.

– Ничо, здоровы. Как сиделось-то?

– Ничо, хорошо. Работали.

– В шахтах небось?

– Нет, зачем – лес валили.

– Ну да. – Ермолай кивнул головой. – Дурь-то вся вышла?

– Та-а.. – Степан поморщился. – Не в этом дело, тять.

– Ты вот, Степка.. – Ермолай погрозил согнутым прокуренным пальцем. – Понял теперь: не лезь с кулаками куда не надо. Нашли, черти полосатые, время драться.. Тут без этого..

– Не в этом дело, – опять сказал Степан.

В сарайчике быстро темнело. И все так же волнующе пахло стружкой и махрой.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Степан встал с верстака, затоптал окурок... Поднял свой хилый вещмешок.

– Пошли в дом, покажемся.

– Немая-то наша, – заговорил отец, поднимаясь, – чуток замуж не вышла. – Ему все хотелось сказать какую-нибудь важную новость, и ничего как-то не приходило в голову.

– Но? – удивился Степан.

– И смех и грех...

Пока шли от завозни, отец рассказывал:

– Приходит один раз из клуба и маячит мне: жениха, мол, приведу. Я, говорю, те сейчас такого жениха приведу, что ты неделю сидеть не сможешь.

– Может, зря?

– Чо зря? Зря... Обмануть надумал какой-то – и выбрал полегче. Кому она к шутам нужна такая. Я, говорю, такого те жениха приведу...

– Посмотреть надо было жениха-то. Может, правда...

А в это время на крыльцо вышла и сама «невеста» – крупная девка лет двадцати трех. Увидела брата, всплеснула руками, замычала радостно. Глаза у нее синие, как цветочки, и смотрела она до слез доверчиво.

– М-эмм, мм, – мычала она и ждала, когда брат подойдет, и глядела на него сверху, с крыльца... И до того она в эту минуту была счастлива, что у мужиков навернулись слезы.

– Вот те и «мэ», – сердито сказал отец и шаркнул ладонью по глазам. – Ждала все, крестики на стене ставила – сколько дней осталось, – пояснил он Степану. – Любит всех, как дура.

Степан нахмурился, поднялся по ступенькам, неловко приобнял сестру, похлопал ее по спине... А она вцепилась в него, целовала в щеки, в лоб, в губы.

– Ладно тебе, – сопротивлялся Степан и хотел освободиться от крепких объятий. И неловко ему было, что его так нацеловывают, и рад был тоже и не мог оттолкнуть сестру.

– Ты гляди, – смущенно бормотал он. – Ну, хватит, хватит... Ну, все...

– Да пусть уж, – сказал отец и опять вытер глаза. – Вишь, соскучилась.

Степан высвободился наконец из объятий сестры, весело оглядел ее.

– Ну как живешь-то? – спросил.

Сестра показала руками – «хорошо».

– У ей всегда хорошо, – сказал отец, поднимаясь на крыльцо. – Пошли, мать обрадуем.

Мать заплакала, запричитала:

– Господи-батюшка, отец небесный, услышал ты мои молитвы, долетели они до тебя...

Всем стало как-то не по себе.

– Ты, мать, и радуисся и горюешь – все одинаково, – строго заметил Ермолай. – Чо захлюпала-то? Ну, пришел, теперь радоваться надо.

– Дак я и радуюсь, не радуюсь, что ли...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну и не реви.

– Здоровый ли, сынок? – спросила мать. – Может, по хвори какой раньше-то отпустили?

– Нет, все нормально. Отработал свое, отпустили.

Стали приходиться соседи, родные.

Первой прибежала Нюра Агапова, соседка, молодая гладкая баба с круглым добрым лицом. Еще в сенях заговорила излишне радостно и заполошно:

– А я гляжу из окошка-то: осподи-батюшка, да ить эт Степан пришел?! И правда – Степан...

Степан улыбнулся ей:

– Здорово, Нюра.

Нюра обвила горячими руками красивого соседа, прильнула наголодавшимся вдовыми губами к его потрескавшимся, пропахшим табаком и степным ветром губам...

– От тебя, как от печки, пышет, – сказал Степан. – Замуж-то не вышла?

– А где они тут, женихи-то? Два с половиной мужика на всю деревню.

– А тебе что, пять надо?

– Я, может, тебя ждала? – Нюра засмеялась.

– Пошла к дьяволу, Нюрка! – возревновала мать. – Не крутись тут – дай другим поговорить. Шибко чижало было, сынок?

– Да нет, – стал рассказывать Степан. – Там хорошо. Я, например, здесь раз в месяц кино смотрю, так? А там – в неделю два раза. А хошь – иди в красный уголок, там тебе лекцию прочитают: «О чести и совести советского человека» или «О положении рабочего класса в странах капитала».

– Что же, вас туда собрали кино смотреть? – спросила Нюра весело.

– Почему?.. Не только, конечно, кино...

– Воспитывают, – встрял в разговор отец. – Мозги дуракам вправляют.

– Людей интересных много, – продолжал Степан. – Есть такие орлы!.. А есть образованные. У нас в бригаде два инженера было...

– А эти за что?

– Один – за какую-то аварию на фабрике, другой – за драку. Дал тоже кому-то бутылкой по голове...

– Может, врет, что инженер? – усомнился отец.

– Там не соврешь. Там все про всех знают.

– А кормили-то ничего? – спросила мать.

– Хорошо, всегда почти хватало. Ничего.

Еще подошли люди. Пришли товарищи Степана. Стало колготно в небольшой избенке Воеводиных. Степан снова и снова принимался рассказывать:

– Да нет, там, в общем-то, хорошо! Вы здесь кино часто смотрите? А мы – в неделю два раза. К вам артисты приезжают? А к нам туда без конца ездили. Жрать тоже хватало... А один раз фокусник приезжал. Вот так берет стакан с водой...

Степана слушали с интересом, немножко удивлялись, говорили «хм», «ты гляди!»,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru пытались сами тоже что-то рассказать, но другие задавали новые вопросы, и Степан снова рассказывал. Он слегка охмелел от долгожданной этой встречи, от расспросов, от собственных рассказов. Он незаметно стал даже кое-что прибавлять к ним.

– А насчет охраны строго?

– Ерунда! Нас последнее время в совхоз возили работать, так мы там совсем почти одни оставались.

– А бегут?

– Мало. Смысла нет.

– А вот говорят: если провинился человек, то его сажают в каменный мешок...

– В карцер. Это редко, это если сильно проштрафился... И то уркаганов, а нас редко.

– Вот жуликов-то, наверно, где! – воскликнул один простодушный парень. – Друг у дружки воруют, наверно?..

Степан засмеялся. И все посмеялись, но с любопытством посмотрели на Степана.

– Там у нас строго за это, – пояснил Степан. – Там, если кого заметят, враз решку наведут...

Мать и немая тем временем протопили баню на скорую руку, отец сбегал в лавочку... Кто принес сальца в тряпочке, кто пирожков, оставшихся со дня, кто пивца-медовухи в туюске – праздник случился нечаянно, хозяева не успели подготовиться. Сели к столу затемно.

И потихоньку стало разгораться неяркое веселье. Говорили все сразу, перебивали друг друга, смеялись... Степан сидел во главе стола, поворачивался направо и налево, хотел еще рассказывать, но его уже плохо слушали. Он, впрочем, и не шибко старался. Он рад был, что людям сейчас хорошо, что он им доставил удовольствие, позволил им собраться вместе, поговорить, посмеяться... И чтоб им было совсем хорошо, он запел трогательную песню тех мест, откуда только что прибыл:

Прости мне, ма-ать,
За все мои поступки,
Что я порой не слушалась тебя-а!..
На минуту притихли было; Степана целиком захватило чувство содеянного добра и любви к людям. Он заметно хмелел.

Х, я думала-а, что тюрьма д это шутка,
И этой шуткой сгубила д я себя-а! –
пел Степан.

Песня не понравилась – не оценили чувства раскаявшейся грешницы, не тронуло оно их...

– Блатная! – с восторгом пояснил тот самый простодушный парень, который считал, что в тюрьме – сплошное жулье. – Тихо вы!

– Чо же, сынок, баб-то много сидят? – спросила мать с другого конца стола.

– Хватает.

И возник оживленный разговор о том, что, наверно, бабам-то там не сладко.

– И вить дети небось пооставались.

– Детей – в приюты...

– А я бы баб не сажал! – сурово сказал один изрядно подпивший мужичок. – Я бы им подолаы на голову – и ремнем!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не поможет, – заспорил с ним Ермолай. – Если ты ее выпорол – так? – она только злей станет. Я свою смолоду поучил раза два вожжами – она мне со зла немую девку принесла.

Кто-то поднял песню. Свою. Родную.

Оте-ец мой был природный пахарь,
А я работал вместе с им..
Песню подхватили. Заголосили вразнобой, а потом стали помаленьку выравниваться.

...Три дня, три ноченьки старался –
Сестру из плена выруча-ал..
Увлечлись песней – пели с чувством, нахмурившись, глядя в стол перед собой.

...Злодей пустил злодейку пулю,
Уби-ил красавицу сестру-у.
Взошел я на гору крутую,
Село-о родное посмотреть;
Гори-ит, горит село родное,
Гори-ит вся родина-а моя-а!..
Степан крепко припечатал кулак в столешницу.

– Ты меня не любишь, не жалеешь! – сказал он громко. – Я вас всех уважаю, черти драные! Я сильно без вас соскучился.

У порога, в табачном дыму, всхлинула гармонь – кто-то предусмотрительный смотался за гармонистом. Взревели... Песня погибла. Вылезали из-за стола и норовили сразу попасть в ритм «подгорной». Старались покрепче дать ногой в половицу.

Бабы образовали круг и пошли с припевом. И немая пошла и помахивала над головой платочком. На нее показывали пальцем, смеялись... И она тоже смеялась – она была счастлива.

– Верка! Ве-ерк! – кричал изрядно подпивший мужичок. – Ты уж тогда спой, ты спой, чо же так ходить-то! – Никто его не слышал, и он сам смеялся своей шутке – просто закатывался.

Мать Степана рассказывала какой-то пожилой бабе:

– Кэ-эк она на меня навалится, матушка, у меня аж в грудях сперло. Я насилу-насилу вот так голову-то приподняла да спрашиваю: «К худу или к добру?» А она мне в самое ухо дунула: «К добру!»

Пожилая баба покачала головой:

– К добру?

– К добру, к добру. Ясно так сказала: к добру, говорит.

– Упредила.

– Упредила, упредила. А я ишо подумай вечером-то: «К какому добру, – думаю, – мне суседка-то предсказала?» Только так подумала, а дверь-то открывается – и он вот он, на пороге.

– Господи, господи, – прошептала пожилая баба и вытерла концом платка повлажневшие глаза. – Надо же!

Бабы втащили на круг Ермолая. Ермолай, недолго думая, пошел вколачивать одной ногой, а второй только каблуком пристукивал... И приговаривал: «Оп-па, ат-та, оп-па, ат-та». И вколачивал и вколачивал ногой так, что посуда в шкафу вздрагивала.

– Давай, Ермил! – кричали Ермолаю. – У тя седня радость большая – шевелись!

– Ат-та, оп-па, – приговаривал Ермолай, а рабочая спина его, ссутулившаяся за

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru сорок лет работы у верстака, так и не распрямилась, и так он и плясал – слегка сгорбатившись, и большие узловатые руки его тяжело висели вдоль тела. Но рад был Ермолай и забыл все свои горести – долго ждал этого дня, без малого пять лет.

В круг к нему протиснулся Степан, сыпанул тяжкую, нечеткую дробь.

– Давай, тять...

– Давай – батька с сыном! Шевелитесь!

– А Степка-то не изработался – взбрыкивает.

– Он же говорит: им там хорошо было. Жрать давали...

– Там дадут – догонют да еще дадут.

– Ат-та, оп-па!.. – приговаривал Ермолай, приноравливаясь к сыну.

Плясать оба не умели, но работали ладно – старались. Людям это нравилось; смотрели на них с удовольствием.

Так гуляли.

Никто потом не помнил, как появился в избе участковый милиционер. Видели только, что он подошел к Степану и что-то сказал ему. Степан вышел с ним на улицу. А в избе продолжали гулять: решили, что так надо, надо, наверно, явиться Степану в сельсовет – оформить всякие там бумаги. Только немая что-то забеспокоилась, замычала тревожно, начала тормозить отца. Тот спьяну отмахнулся:

– Отстань, ну ты! Пляши вон.

Вышли за ворота. Остановились.

– Ты что, сдурел, парень? – спросил участковый, вглядываясь в лицо Степана.

Степан прислонился спиной к воротному столбу, усмехнулся.

– Чудно? Ничего...

– Тебе же три месяца сидеть осталось!

– Знаю не хуже тебя... Дай закурить.

Участковый дал ему папиросу, закурил сам.

– Пошли.

– Пошли.

– Может, скажешь дома-то?.. А то хватятся...

– Сегодня не надо – пусть погуляют. Завтра скажешь.

– Три месяца не досидеть и сбежать!.. – опять изумился милиционер. – Прости меня, но я таких дураков еще не встречал, хотя много повидал всяких. Зачем ты это сделал?

Степан шагал, засунув руки в карманы брюк, узнавал в сумраке знакомые избы, ворота, прясла... Вдыхал знакомый с детства терпкий весенний холодок, задумчиво улыбался.

– А?

– Чего?

– Зачем ты это сделал-то?

– Сбежал-то? А вот – пройтись разок... Соскучился.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Так ведь три месяца осталось! – почти закричал участковый. – А теперь еще пару лет накинута.

– Ничего... Я теперь подкрепился. Теперь можно сидеть. А то меня сны замучили – каждую ночь деревня снится... Хорошо у нас весной, верно?

– Н-да... – раздумчиво сказал участковый.

Долго шли молча, почти до самого сельсовета.

– И ведь удалось сбежать!.. Один бежал?

– Трое.

– А те где?

– Не знаю. Мы сразу по одному разошлись.

– И сколько же ты добирался?

– Две недели.

– Тьфу!.. Ну, черт с тобой, сиди.

В сельсовете участковый сел писать протокол. Степан задумчиво смотрел в темное окно. Хмель прошел.

– Оружия нет? – спросил участковый, отвлекаясь от протокола.

– Сроду никакой гадости не таскал с собой.

– Чем же ты питался в дороге?

– Они запаслись – те двое-то...

– А им по сколько оставалось?

– По многу...

– Но им-то хоть был смысл бежать, а тебя-то куда черт дернул?

– Ладно, надоело! – обозлился Степан. – Делай свое дело, я ж тебе не мешаю.

Участковый качнул головой, склонился опять к бумаге. Еще сказал:

– А я, честно говоря, не поверил, когда мне позвонили. Думаю: ошибка какая-нибудь – не может быть, чтоб на свете были такие придурки. Оказывается, правда.

Степан смотрел в окно, спокойно о чем-то думал.

– Небось смеялись над тобой те двое-то? – не вытерпел и еще спросил словоохотливый милиционер.

Степан не слышал его.

Милиционер долго с любопытством смотрел на него. Сказал:

– А по лицу не скажешь, что дурак. – И продолжал сочинять протокол.

В это время в сельсовет вошла немая. Остановилась на пороге, посмотрела испуганными глазами на милиционера, на брата...

– Мэ-мм? – спросила брата.

Степан растерялся.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ты зачем сюда?

– Мэ-мм?! – замычала сестра, показывая на милиционера.

– Это сестра, что ли? – спросил тот.

– Но...

Немая подошла к столу, тронула участкового за плечо и, показывая на брата, руками стала пояснять свой вопрос: «Ты зачем увел его?!»

Участковый понял.

– Он... он, – показал на Степана, – сбежал из тюрьмы! Сбежал! Вот так!.. – Участковый показал на окно и показал, как сбегают. – Нормальные люди в дверь выходят, в дверь, а он в окно – раз, и ушел. И теперь ему будет... – Милиционер сложил пальцы в решетку и показал немой на Степана. – Теперь ему опять вот эта штука будет! Два! – Растопырил два пальца и торжествуя потряс ими. – Два года еще!

Немая стала понимать... И когда она совсем все поняла, глаза ее, синие, испуганные, загорелись таким нечеловеческим страданием, такая в них отразилась боль, что милиционер осекся. Немая смотрела на брата. Тот побледнел и замер – тоже смотрел на сестру.

– Вот теперь скажи ему, что он дурак, что так не делают нормальные люди...

Немая вскрикнула гортанно, бросилась к Степану, повисла у него на шее...

– Убери ее, – хрипло попросил Степан. – Убери!

– Как я ее уберу?..

– Убери, гад! – заорал Степан не своим голосом. – Уведи ее, а то я тебе расколю голову табуреткой!

Милиционер вскочил, оттащил немую от брата... А она рвалась к нему и мычала. И трясла головой.

– Скажи, что ты обманул, пошутил... Убери ее!

– Черт вас!.. Возись тут с вами, – ругался милиционер, оттаскивая немую к двери. – Он придет сейчас, я ему дам проститься с вами! – пытался он втолковать ей. – Сейчас он придет!.. – Ему удалось наконец подтащить ее к двери и вытолкнуть. – Ну, здорова! – Он закрыл дверь на крючок. – Фу-у... Вот каких ты делов натворил – любуйся теперь.

Степан сидел, стиснув руками голову, смотрел в одну точку.

Участковый спрятал недописанный протокол в полевую сумку, подошел к телефону.

– Вызываю машину – поедем в район, ну вас к черту... Ненормальные какие-то.

А по деревне серединой улицы шла, спотыкаясь, немая и горько плакала.

Космос, нервная система и шмат сала
Старик Наум Евстигнеев хворал с похмелья. Лежал на печке, стонал.

Раз в месяц – с пенсии – Евстигнеев аккуратно напивался и после этого три дня лежал в лежку. Матерился в бога.

– Как черти копытьями толкут, в господу мать. Кончаюсь...

За столом, обложенным учебниками, сидел восьмиклассник Юрка, квартирант Евстигнеева, учил уроки.

– Кончаюсь, Юрка, в крестителя, в бога душу мать!..

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не надо было напиваться.

– Молодой ишо рассуждать про это.

Пауза. Юрка поскрипывает пером.

Старику охота поговорить – все малость полегче.

– А чо же мне делать, если не напиться? Должен я хоть раз в месяц отметиться...

– Зачем?

– Што я, не человек, што ли?

– Хм... Рассуждения как при крепостном праве. – Юрка откинулся на спинку венского стула, насмешливо посмотрел на хозяина. – Это тогда считалось, что человек должен обязательно пить.

– А ты откуда знаешь про крепостное время-то? – Старик смотрит сверху страдальчески и с любопытством. Юрка иногда удивляет его своими познаниями, и он хоть и не сдается, но слушать парнишку любит. – Откуда ты знаешь-то? Тебе всего-то от горшка два вершка.

– Проходили.

– Учителя, што ли, рассказывали?

– Но.

– А они откуда знают? Там у вас ни одного старика нету.

– Они учились. В книгах написано...

– В книгах... А они, случайно, не знают, отчего человек с похмелья хворает?

– Отравление организма: сивушное масло.

– Где масло? В водке?

– Но.

Евстигнейчу хоть тошно, но он невольно усмехается:

– Доучились.

– Хочешь, я тебе формулу покажу? Сейчас я тебе наглядно докажу... – Юрка взял было учебник химии, но старик застонал, обхватил руками голову.

– О-о... опять накатило! Все, мать-перемать...

– Ну, похмелись тогда, чего так мучиться-то?

Старик никак не реагирует на это предложение. Он бы похмелился, но жалко денег. Он вообще скряга отменный. Живет справно, пенсия неплохая, сыновья и дочь помогают из города. В погребе у него чего только нет – сало еще прошлогоднее, соленые огурцы, капуста, арбузы, грузди... Кадки, кадушки, туески, бочонки – целый склад. В кладовке – полтора куля доброй муки, окорок висит пуда на полтора. В огороде – яма картошки, тоже еще прошлогодней, он скармливает ее боровам, уткам и курам. Когда он не хворает, он встает до света и весь день, до темноты, возится по хозяйству. Часто спускается в погреб, сядет на приступку и подолгу задумчиво сидит. «Черти драные. Тут ли счас не жить!» – думает он и вылезает на свет белый. Это он о сыновьях и дочери. Он ненавидит их за то, что они уехали в город.

У Юрки другое положение. Живет он в соседней деревне, где нет десятилетки. Отца нет. А у матери, кроме него, еще трое. Отец утонул на лесосплаве. Те трое ребяташек моложе Юрки. Мать бьется из последних сил, хочет, чтоб Юрка окончил десятилетку. Юрка тоже хочет окончить десятилетку. Больше того, он мечтает потом

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru поступить в институт. В медицинский.

Старик вроде не замечает Юркиной бедности, берет с него пять рублей в месяц. А варят – старик себе отдельно, Юрка – себе. Иногда, к концу месяца, у Юрки кончаются продукты. Старик долго косится на Юрку, когда тот всухомятку ест хлеб.

Потом спрашивает:

- Все вышло?
- Ага.
- Я дам... Апосля привезешь.
- Давай.

Старик отвешивает на безмене килограмм-два пшена, и Юрка варит себе кашу.

По утрам беседуют у печки.

- Все же охота доучиться?
- Охота. Хирургом буду.
- Сколько ишо?
- Восемь. Потому что в медицинском – шесть, а не пять, как в остальных.
- Ноги вытянешь, пока дойдешь до хирурга-то. Откуда она, мать, денег-то возьмет сэстоль?
- На стипендию. Учатся ребята... У нас из деревни двое так учатся.

Старик молчит, глядя на огонь. Видно, вспомнил своих детей.

- Чо эт вас так шибко в город-то тянет?
- Учиться... «Что тянет». А хирургом можно потом и в деревне работать. Мне даже больше глянется в деревне.
- Што, они много шибко получают, што ль?
- Кто? Хирурги?
- Но.
- Наоборот, им мало платят. Меньше всех. Сейчас прибавили, правда, но все равно...
- Дак на кой же шут тогда жилы из себя тянуть столько лет? Иди на шофера выучись да работай. Они вон по сколько зашибают! Да ишо где лесишко кому подкинет, где сена привезет совхозного – деньги. И матери бы помог. У ей вить ишо трое на руках.

Юрка молчит некоторое время. Упоминание о матери и младших братьях больно отзывается в сердце. Конечно, трудно матери... Накипает раздражение против старика.

- Проживем, – резко говорит он. – Никому до этого не касается.
- Знамо дело, – соглашается старик. – Сбили вас с толку этим ученьем – вот и мотаетесь по белому свету, как... – Он не подберет подходящего слова – как кто. – Жили раньше без всякого ученья – ничо, бог миловал: без хлебушка не сидели.
- У вас только одно на уме: раньше!
- А то... ирапланов понаделали – дерьма-то.
- А тебе больше глянется на телеге? Или на печке лежать?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А чем плохо на телеге? А еслив поехал, так знаю: худо-бедно – доеду. А ты навернесся с этого своо ираплана – костей не соберут.

И так подолгу они беседуют каждое утро, пока Юрка не уйдет в школу. Старику необходимо выговориться – он потом целый день молчит; Юрка же, хоть и раздражает его занудливое ворчание старика, испытывает удовлетворение оттого, что вступает за Новое – за аэропланы, учение, город, книги, кино...

Странно, но старик в Бога тоже не верит.

– Делать нечего – и начинают заполошничать, кликуши, – говорит он про верующих.
– Робить надо, вот и благодать настанет.

Но работать – это значит только для себя, на своей пашне, на своем огороде. Как раньше. В колхозе он давно не работает, хотя старики в его годы еще колупаются помаленьку – кто на пасеке, кто объездным на полях, кто в сторожах.

– У тебя какой-то кулацкий уклон, дед, – сказал однажды Юрка в сердцах.

Старик долго молчал на это. Потом сказал непонятно:

– Ставай, проклятый заклеменный!.. – И высморкался смачно сперва из одной ноздри, потом из другой. Вытер нос подолом рубахи и заключил: – Ты ба, наверно, комиссаром у них был. Тогда молодые были комиссарами.

Юрке это польстило.

– Не проклятый, а – проклятьем, – поправил он.

– Насчет уклона-то... смотри не вякни где. А то придут, огород урежут. У меня там сотки четыре лишка есть...

– Нужно мне.

Частенько возвращались к теме о боге:

– Чо у вас говорят про его?

– Про кого?

– Про бога-то.

– Да ничего не говорят – нету его.

– А почему тогда столько людей молится?

– А почему ты то и дело поминаешь его? Ты же не веришь!

– Сравнил! Я – матерюсь.

– Все равно – в бога.

Старик в затруднении.

– Я, што ли, один так лаюсь? Раз его все споминают, стало быть, и мне можно.

– Глупо. А в таком возрасте вообще стыдно.

– Отлегло малость, в креста мать, – говорит старик. – Прямо в голове все помутнело.

Юрка не хочет больше разговаривать – надо выучить уроки.

– Про кого счас проходишь?

– Астрономию, – коротко и сухо вато отвечает Юрка, давая тем самым понять, что разговаривать не намерен.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Это про што?

– Космос. Куда наши космонавты летают.

– Гагарин-то?

– Не один Гагарин... Много уж.

– А чего они туда летают? Зачем?

– Привет! – воскликнул Юрка и опять откинулся на спинку стула. – Ну, ты даешь. А что они, будут лучше на печке лежать?

– Чо ты привязался с этой печкой? – обиделся старик. – Доживи до моих годов, тогда вякай.

– Я же не в обиду тебе говорю. Но спрашивать: зачем люди в космос летают? – это я тебе скажу...

– Ну и растолкуй. Для чего же тебя учут? Штоб ты на стариков злился?

– Ну, во-первых: освоение космоса – это... надо. Придет время, люди сядут на Луну. А еще придет время – долетят до Венеры. А на Венере, может, тоже люди живут. Разве не интересно поглядеть на них?..

– Они такие же, как мы?

– Этого я точно не знаю. Может, маленько пострашней, потому что там атмосфера не такая – больше давит.

– Ишо драться кинутся.

– За что?

– Ну, скажут: зачем прилетели? – Старик заинтересован рассказом. – Непрошенный гость хуже татарина.

– Не кинутся. Они тоже обрадуются. Еще не известно, кто из нас умнее, – может, они. Тогда мы у них будем учиться. А потом, когда техника разовьется, дальше полетим... – Юрку самого захватила такая перспектива человечества. Он встал со стула и начал ходить по избе. – Мы же еще не знаем, сколько таких планет, похожих на Землю! А их, может, миллионы! И везде живут существа. И мы будем летать друг к другу... И получится такое... мировое человечество. Все будем одинаковые.

– Жениться, што ли, друг на дружке будете?

– Я говорю – в смысле образования! Может, где-нибудь есть такие человекоподобные, что мы все у них поучимся. Может, у них все уже давно открыто, а мы только первые шаги делаем. Вот и получится тогда то самое Царство Божие, которое религия называет – рай. Или ты, допустим, захотел своих сыновей повидать прямо с печки – пожалуйста, включил видеоприемник, настроился на определенную волну – они здесь, разговаривай. Захотелось слетать к дочери, внука понянчить – лезешь на крышу, заводишь небольшой вертолет – и через какое-то время икс ты у дочери... А внук... ему сколько?

– Восьмой, однако.

– Внук тебе почитает «Войну и мир», потому что развитие будет ускоренное. А медицина будет такая, что люди будут до ста – ста двадцати лет жить.

– Ну, это уж ты... приврал.

– Почему?! Уже сейчас эта проблема решается. Сто двадцать лет – это нормальный срок считается. Мы только не располагаем данными. Но мы возьмем их у соседей по Галактике.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А сами-то не можете – чтоб сто двадцать?

– Сами пока не можем. Это медленный процесс. Может, и докатимся когда-нибудь, что будем сто двадцать лет жить, но это еще не скоро. Быстрее будет построить такой космический корабль, который долетит до Галактики. И, возможно, там этот процесс уже решен: открыто какое-нибудь лекарство...

– Сто двадцать лет сам не захочешь. Надоеет.

– Ты не захочешь, а другие – с радостью. Будет такое средство...

– «Средство»... Открыли бы с похмелья какое-нибудь средство – и то ладно. А то башка, как этот... как бачок из-под самогона.

– Не надо пить.

– Пошел ты!..

Замолчали.

Юрка сел за учебники.

– У вас только одно на языке: «будет! будет!..» – опять начал старик. – Трепачи. Ты вот – шешнадцать лет будешь учиться, а начнет человек помирать, чо ты ему сделаешь?

– Вырежу чего-нибудь.

– Дак если ему срок подошел помирать, чо ты ему вырежешь?

– Я на такие... дремучие вопросы не отвечаю.

– Нечего отвечать, вот и не отвечаете.

– Нечего?.. А вот эти люди!.. – сгреб кучу книг и показал. – Вот этим людям тоже нечего отвечать?! Ты хоть одну прочитал?

– Там читать нечего – вранье одно.

– Ладно! – Юрка вскочил и опять начал ходить по избе. – Чума раньше была?

– Холера?

– Ну, холера.

– Была. У нас в двадцать...

– Где она сейчас? Есть?

– Не приведи господи! Может, будет ишо...

– В том-то и дело, что не будет. С ней научились бороться. Дальше: если бы тебя раньше бешеная собака укусила, что бы с тобой было?

– Сбесился бы.

– И помер. А сейчас – сорок уколов, и все. Человек живет. Туберкулез был неизлечим? Сейчас, пожалуйста: полгода – и человек как огурчик! А кто это все придумал? Ученые! «Вранье»... Хоть бы уж помалкивали, если не понимаете.

Старика раззадорил тоже этот Юркин наскок.

– Так. Допустим. Собака – это ладно. А вот змея укусит?.. Иде они были, доктора-то, раньше? Не было. А бабка, бывало, пошепчет – и как рукой сымет. А вить она институтов никаких не кончала.

– Укус был не смертельный. Вот и все.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Иди подставка: пусть она тебя разок чикнет куда-нибудь...

– Пожалуйста! Я до этого укол сделаю, и пусть кусает сколько влезет – я только улыбнусь.

– Хвастунишка.

– Да вот же они, во-от! – Юрка опять показал книги. – Люди на себе проверяли! А знаешь ты, что когда академик Павлов помирал, то созвал студентов и стал им диктовать, как он умирает.

– Как это?

– Так. «Вот, – говорит, – сейчас у меня холодеют ноги – записывайте». Они записывали. Потом руки отнялись. Он говорит: «Руки отнялись».

– Они пишут?

– Пишут. Потом сердце стало останавливаться, он говорит: «Пишите». Они плакали и писали. – У Юрки у самого защипало глаза от слез. На старика рассказ тоже произвел сильное действие.

– Ну?..

– И помер. И до последней минуты все рассказывал, потому что это надо было для науки. А вы с этими с вашими бабками еще бы тыщу лет в темноте жили... «Раньше было! Раньше было!..» Вот так было раньше?! – Юрка подошел к розетке, включил радио. Пела певица. – Где она? Ее же нет здесь!

– Кого?

– Этой... кто поет-то.

– Дак это по проводам...

– Это – радиоволны! «По проводам». По проводам – это у нас здесь, в деревне только. А она, может, где-нибудь на Сахалине поет – что, туда провода протянуты?

– Провода. Я в прошлом году ездил к Ваньке, видал: вдоль железной дороги провода висят. На столбах.

Юрка махнул рукой.

– Тебе не втолковать. Мне надо уроки учить. Все.

– Ну и учи.

– А ты меня отрываешь. – Юрка сел за стол, зажал ладонями уши и стал читать.

Долго в избе было тихо.

– Он есть на карточке? – спросил старик.

– Кто?

– Тот ученый, помирал-то который.

– Академик Павлов? Вот он.

Юрка подал старику книгу и показал Павлова. Старик долго и серьезно разглядывал изображение ученого.

– Старенький уж был.

– Он был до старости лет бодрый и не напивался, как... некоторые. – Юрка отнял книгу. – И не валялся потом на печке, не матерился. Он в городки играл до самого последнего момента, пока не свалился. А сколько он собак прирезал, чтобы рефлексы доказать!.. Нервная система – это же его учение. Почему ты сейчас

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru хвораешь?

– С похмелья, я без Павлова знаю.

– С похмелья–то с похмелья, но ты же вчера оглушил свою нервную систему, затормозил, а сегодня она... распрямляется. А у тебя уж условный рефлекс выработался: как пенсия, так обязательно пол-литра. Ты уже не можешь без этого. – Юрка ощутил вдруг некое приятное чувство, что он может спокойно и убедительно доказывать старику весь вред и все последствия его выпивок. Старик слушал. – Значит, что требуется? Перебороть этот рефлекс. Получил пенсию на почте? Пошел домой... И ноги у тебя сами поворачивают в сельмаг. А ты возьми пройди мимо. Или совсем другим переулком пройди.

– я хуже маяться буду.

– Раз помаешься, два, три – потом привыкнешь. Будешь спокойно идти мимо сельмага и посмеиваться.

Старик привстал, свернул трясущимися пальцами сигарку, прикурил. Затянулся и закашлялся.

– Ох, мать твою... Кххх!.. Аж выворачивает всего. Это ж надо так!

Юрка сел опять за учебники.

Старик, кряхтя, слез с печки, надел пимы, полушубок, взял нож и вышел в сенцы.

«Куда это он?» – подумал Юрка.

Старика долго не было. Юрка хотел уж было идти посмотреть, куда он пошел с ножом. Но тот пришел сам, нес в руках шмат сала в ладонь величиной.

– Хлеб–то есть? – спросил он строго.

– Есть. А что?

– На, поешь с салом, а то загнешся загодя со своими академиками... пока их изучишь всех.

Юрка даже растерялся.

– Мне же нечем отдавать будет – у нас нету...

– Ешь. Там чайник в печке – ишо горячий, наверно... Поешь.

Юрка достал чайник из печки, налил в кружку теплого еще чая, нарезал хлеба, ветчины и стал есть. Старик с трудом залез опять на печь и смотрел оттуда на Юрку.

– Как сало–то?

– Вери вел! Первый сорт.

– Кормить ее надо уметь, свинью–то. Одни сдуру начинают ее напичкивать осенью – получается одно сало, мяса совсем нет. Другие, наоборот, – маринуют: дескать, мясистее будет. Одно сало–то не все любят. Заколют: ни мяса, ни сала. А ее надо так: недельку покормить как следовало, потом подержать впроголодь, опять недельку покормить, опять помариновать... Вот оно тогда будет слоями: слой сала, слой мяса. Солить тоже надо уметь...

Юрка слушал и с удовольствием уписывал мерзлое душистое сало, действительно на редкость вкусное.

– Ох, здорово! Спасибо.

– Наелся?

– Ага. – Юрка убрал со стола хлеб, чайник. Сало еще осталось. – А это куда?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Вынеси в сенцы, на кадушку. Вечером ишо поешь.

Юрка вынес сало в сенцы. Вернулся, похлопал себя по животу, сказал весело:

– Теперь голова лучше будет соображать... А то... это... сидишь – маленько кружится.

– Ну вот, – сказал дед, укладываясь опять на спину. – Ох, мать твою в душеньку!.. Как ляжешь, так опять подступает.

– Может, я пойду куплю четвертинку? – предложил Юрка.

Дед помолчал.

– Ладно... пройдет так. Потом, попозже, курям посыпешь да коровенке на ночь пару навильников дашь. Воротчики только закрыть не забудь.

– Ладно. Значит, так: что у нас еще осталось? География. Сейчас мы ее... галопом.
– Юрке сделалось весело: поел хорошо, уроки почти готовы – вечером можно на лыжах покататься.

– А у его чо же, родных-то никого, што ли, не было? – спросил вдруг старик.

– У кого? – не понял Юрка.

– У того академика-то. Одни студенты стояли?

– У Павлова-то? Были, наверно. Я точно не знаю. Завтра спрошу в школе.

– Дети-то были, поди?

– Наверно. Завтра узнаю.

– Были, конечно. Никого еслив бы не было родных – то немного надиктуешь. Одному-то плохо.

Юрка не стал возражать. Можно было сказать: а студенты-то! Но он не стал говорить.

– Конечно, – согласился он. – Одному плохо.

Нечаянный выстрел

Нога была мертвая. Сразу была такой, с рожденья: тонкая, искривленная... висела, как высохшая плеть. Только чуть шевелилась.

До поры до времени Колька не придавал этому значения. Когда другие учились ходить на двух ногах, он научился на трех – и все. Костыли не мешали. Он рос вместе с другими ребятами, лазил по чужим огородам, играл в бабки – и как играл! – отставит один костыль, обопрется на него левой рукой, нацелится – бац! – полдюжины бабок как век не было на кону.

Но шли годы. Колька вырастал в красивого крепкого парня. Костыли стали мешать. Его одногодки провожали уже девчонок из клуба, а он шагал по переулку один, поскрипывая двумя своими постылыми спутниками.

Внимательные умные глаза Кольки стали задумчивыми.

Соседских ребят каждый год провожали в армию: то одного, то другого, то сразу нескольких... Провожали шумно. Колька обычно стоял в сенях своего дома и смотрел в щелочку. Ему тоже хотелось в армию.

Один раз отец Кольки, Андрей Воронцов, колхозный механик, застал сына за таким занятием... Хотел незаметно пройти в дом, но Колька услышал шаги, обернулся.

– Ты чего тут? – как бы мимоходом спросил отец.

Колька покраснел.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Так, – сказал он. И пошел к своему верстачку (он чинил односельчанам часы – выучился у одного заезжего человека).

А время шло.

И случилось то, что случается со всеми: Колька полюбил.

Через дорогу от них, в небольшом домике с писаными ставнями, жила горластая девушка Глашка. Колька видел ее из окна каждый день. С утра до вечера носилась быстроногая Глашка по двору: то в погреб пробежит, то гусей из ограды выгоняет, то ругается с соседкой из-за свиньи, которая забралась в огород и попортила грядки... Весь день только ее и слышно по всей окраинке.

Однажды Колька смотрел на нее и ни с того ни с сего подумал: «Вот... была бы не такая красивая... жениться бы на ней, и все». И с того времени думал о Глашке каждый день. Это стало мучить. Какая-то сила поднимала его из-за верстачка и выводила на крыльцо.

– Глашка! – кричал он девушке. – Когда замуж-то выйдешь, телка такая?! Хоть бы гульнуть на твоей свадьбе!

– Не берет никто, Коля! – отвечала словоохотливая Глашка. – Я уж давно собралась!

«Ишь ты... какая», – думал Колька, и у него ласково темнели задумчивые серые глаза.

А над деревней синим огнем горело июльское небо. В горячих струях воздуха мерещилась сказка и радость. В воду рек опрокидывались зори и тихо гасли. И тишина стояла ночами... И сладко и больно сжимала грудь эта тишина.

Летом Колька спал в сарайчике, одна стена которого выходила на улицу.

Однажды к этой стене прислонилась парочка. Кольку ткнуло в сердце – он сразу почему-то узнал Глашку, хотя те, за стеной, долго сперва молчали. Потом он лежал и слушал их бессмысленный шепот и хихиканье. Он проклял в эту ночь свои костыли. Он плакал, уткнувшись в подушку. Он не мог больше так жить!

Когда совсем рассвело, он пошел к фельдшеру на дом. Он знал его – не один раз охотились и рыбачили вместе.

– Ты чего ни свет ни заря поднялся? – спросил фельдшер.

Колька сел на крыльцо, потыкал концом костыля в землю...

– Капсюлей нету лишних? У меня все кончились.

– Капсюлей? Надо посмотреть. – Фельдшер ушел в дом и через минуту вынес горстку капсюлей. – На.

Колька ссыпал капсюли в карман, закурил... Как-то странно внимательно, с кривой усмешкой посмотрел на фельдшера. Поднялся.

– Спасибо за капсюли.

– На здоровье. Сам бы поохотничал сейчас... – вздохнул фельдшер и почесал лысину. – Но... но отпуск только в августе.

Колька вышел за ворота, остановился. Долго стоял, глядя вдоль улицы.

Повернулся и пошел обратно.

– На капсюли-то, – сказал он фельдшеру. – У меня своих хоть отбавляй.

Фельдшер сделал брови «домиком»:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Что-то непонятно.

Колька нахмурился.

– Посмотри ногу... хочу протез попробовать. Надоело так.

– А-а. – Фельдшер глянул Кольке в глаза... и сам смутился. – Давай ее сюда.

Вместе долго рассматривали ногу.

– Здесь чувствуешь?

– Чувствую.

– А здесь?

– Ну-ка еще... Чувствую.

– Пошевели. Еще. А теперь – вбок. Подвигай, подвигай. Так. – Фельдшер выпрямился. – Вообще-то... я тебе так скажу: попробуй. Я затрудняюсь сейчас точно сказать, но попробовать можно. Ее придется отнять вот по этих пор. Понимаешь?

– Понимаю.

– Попробуй. Сразу, может, конечно, не получится. Придется поработать. Понимаешь?

Колька пришел домой и стал собираться в дорогу – в город, в больницу. Матери не сказал, зачем едет, а отца вызвал на улицу и объяснил:

– Поеду ногу отрублю.

– То есть как? – Андрей вытаращил глаза.

– Протез хочу попробовать.

Через неделю Кольке отпилили ногу. Осталась култышка в двадцать семь сантиметров.

Когда рана малость поджила, он начал шевелить култышкой под одеялом – тренировал.

Приехал отец попроведать. Долго сидел около койки... Не смотрел на обрубок: какая-никакая, все-таки была нога. Теперь вовсе никакой.

Потом Колька, не заезжая домой, отправился в Н-ск.

Домой явился через полмесяца... С какой-то длинной штукой в мешке.

Мать так и ахнула, увидев Кольку «без ноги». Колька засмеялся...

Развязал мешок и брякнул на пол сверкающий лаком протез.

– Вот... нога. Ноженция.

Все с интересом стали разглядывать протез. А Колька стоял в сторонке и улыбался: он уже насмотрелся на него дорогой.

– Блестит весь... Господи! – сказала мать.

Отец как механик забрал протез в руки и стал детально изучать.

– Хорошая штука, – заключил он. – Не то что у деда Кузьмы – деревяшка.

Всем очень понравился протез. Все верили – и Колька верил, – что на таком-то протезе дурак пойдет. Уж очень добротнo, точно, крепко, изящно он был сработан: весь так и сверкал лаком и всяческими пристежками и винтами.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Когда попробуешь? – спросил отец, взвешивая протез на руке.

– Подживет нога хорошенько – попробую. Не велели торопиться.

Стояла темная ночь. Далеко-далеко мерцали зарницы. Колька рано ушел в свой сарай. Лег и стал ждать. Стихло во всей деревне.

Колька подождал еще немного, зажег лампу и стал надевать протез. Надел. Закурил... Курил и смотрел на протез.

– Ничего себе... ноженька. Хэх! – улыбнулся.

Старательно погасил окурок. Встал. Его шатнуло в сторону, как пьяного. Он удержался руками за спинку кровати. Постоял, шагнул здоровой ногой. А левую, с протезом, не мог сдвинуть. Стал падать. Опять схватился за кровать... подтянул протезную ногу. Сердце сильно колотилось.

– Ничего. Придется, конечно, поработать, – сказал сам себе.

Еще одна попытка – нет. Левая нога не шагала. Тогда Колька далеко шагнул правой и что было силы рванулся всем телом вперед, подтягивая левую. Упал. Долго лежал, вцепившись руками в землю. Левая нога не шагала. Нисколько. Даже на полшажка.

– Ну ничего... Паразитка. С непривычки... – Поднялся. Еще попытка. И еще. Нет.

Колька устал.

– Перекурим это дело. – Он говорил зло. Он уже не верил в успех, но признаться в этом было страшно. Просто невозможно. Нет! Как же?..

Покурил и снова с остервенением стал пытаться пройти на протезе. И снова – нет. Нет и нет.

Колька матерно выругался и лег на кровать. Ему бросилось в глаза ружье, висевшее на стенке, над кроватью... Он поднялся... И снова стал пробовать двигать левой ногой.

– Пойдешь, милая. Ну-ка... Оп-п! Паразитка! – тихо ругался он.

Натруженная култышка горела огнем, как сплошной нарыв. Колька отстегнул протез и стал дуть на култышку. Потом, преодолевая боль, снова пристегнул протез.

– А сейчас?.. Ну-ка!.. Опять нет?

Светало.

– Гадина, – сказал Колька и лег на кровать. И закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. Чья-то сальная, безобразная морда склонилась над ним и улыбнулась поганым ртом. Колька открыл глаза... – Ах ты гадство, – тихо повторил он. И снял со стенки ружье...

Отец узнал о несчастье на другой день, к вечеру (он ездил в район насчет запасных частей). Ему сказали, когда он подъезжал к дому. Он развернул коня и погнал в больницу.

– Сейчас лучше бы не надо, – пояснил приезшему доктор. – Сейчас он...

Отец отстранил доктора и пошел в палату.

Колька лежал на спине весь забинтованный... Бледный, незнакомый какой-то – как чужой. Он был совсем безнадежный на вид. В палате пахло йодом.

Отец вспотел от горя.

– Попросил бы меня – я бы попал куда надо... Чтоб сразу уж... – Голос отца подскочил... Он вытер со лба пот, сел на табуретку рядом с кроватью.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Колька скосил на него глаза... Пошевелил губами...

– Болит? – спросил отец.

Колька прикрыл глаза: болит.

– Эх... – Отец поднялся и пошел из палаты.

– Вот как обстоит дело: все зависит от того, как сильно захочет жить он сам. Понимаете? Сам организм должен...

Отец обезумел от горя, взял доктора за грудки:

– А ты для чего здесь? Организм!..

– Не нужно так. Отпустите. Мы сделаем все, что можно будет сделать.

Отец отпустил доктора, хотел еще раз войти в палату, но перед самой дверью остановился, постоял... и пошел из больницы. Он уже далеко отошел, потом вспомнил, что приехал сюда на лошади. Вернулся, сел на дрожки, подстегнул коня...

Мать Кольки лежала в постели – захворала с горя.

– Как он там? – слабым голосом спросила она мужа, когда тот вошел в избу.

– Если помрет, тебе тоже несдобровать. Убью. Возьму топор и зарублю. – Андрей был бледный и страшный в своем отчаянии.

Мать заплакала.

– Господи, господи...

– Господи, господи!.. Только и знаешь своего господа! Одного ребенка не могла родить как следует... с двумя ногами! Я этому твоему господу шею сейчас сверну. – Андрей снял с божницы икону Николая-угодника и трахнул ее об пол. – Вот ему!.. Гад такой!

– Андрюша!.. Господи... Это из-за Глашки он. Полюбилась она ему, змея подколодная... Был парень как парень, а тут как иглу съел.

Андрей некоторое время тупо смотрел на жену.

– Какую Глашку?

– Какую Глашку!.. Одна у нас Глашка.

Андрей повернулся и побежал к Глашке.

– Дядя Андрей, миленький!.. Да неужели из-за меня это он? А что делать-то теперь?

– Он поправится. – Андрей шаркнул ладонью по щеке. – Если бы ему сказать... кхе... он бы поправился. И за такого, мол, пойду... Врач говорит: сам захочет если... Соври ему. А?

Глашка заплакала:

– Не могу я. Мне его до смерти самой жалко, а не могу. Другому сказала уж...

Андрей поднялся:

– Ты только не реви... Моду взяли: чуть чего, так реветь сразу. Не можешь, – значит, не можешь. Чего плакать-то? Не говори никому, что я был у тебя. – Андрей снова пошел в больницу.

Колька лежал в том же положении, смотрел в потолок, вытянув вдоль тела руки.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Был сейчас дома... – Андрей погладил жесткой ладонью тугой сгиб колена... поправил голенище сапога. – К Глашке зашел по пути...

Колька повел на отца удивленные глаза.

– Плачет она. Что же, говорит, он, дурак такой, не сказал мне ничего. Я бы, говорит, с радостью пошла за него...

Колька слабо зарумянился в скулах... закрыл глаза и больше не открывал их.

Отец сидел и ждал, долго ждал: не понимал, почему сын не хочет слушать.

– Сынок, – позвал он.

– Не надо, – одними губами сказал Колька. Глаз не открыл. – Не ври, тятя... а то и так стыдно.

Андрей поднялся и пошел из палаты сгорбившись. Недалеко от больницы повстречал Глашку. Та бежала ему навстречу.

– Скажу я ему, дядя Андрей... пусть! Скажу, что согласная, – пусть поправляется.

– Не надо, – сказал Андрей. Хмуро посмотрел себе под ноги. – Он так поправится. Врать будем – хуже.

Колька поправился.

Через пару недель он уже сидел в кровати и ковырялся пинцетом в часах – сосед по палате попросил посмотреть.

В окно палаты в упор било яркое солнце. Августовский полдень вызванивал за окнами светлую тихую музыку жизни. Пахло мятой и крашеной жестью, догоряча нагретой солнцем. В больничном дворе то и дело горланил одуревший от жары петух.

– Не зря он так орет, – сказал кто-то. – Курица ему изменила. Я сам видел: подошел красный петух, взял ее под крылышко и увел.

– А этот куда смотрел, который орет сейчас?

– Этот?... Он в командировке был – в соседней ограде.

Колька тихонько хохотал, уткнувшись в подушку. Когда его кто-нибудь спрашивал, как это с ним получилось, Колька густо краснел и отвечал неохотно:

– Нечаянно. – И склонялся к часам.

Отец каждый день приходил в больницу... Подолгу сидел на табуретке около кровати. Смотрел, как сын ковыряется в часах.

– Как там дома? – спрашивал Колька.

– Ничего. В порядке. Потеряешь колесико-то... – Отец с трудом ловил на одеяле крошечное колесико и подавал сыну.

– Это маятник называется.

– До чего же махонькое! Как только ухитряются делать такие?

– Делают. На заводе все делают.

– Меня, например, хоть убей, ни в жизнь не сделал бы такое.

Колька улыбался:

– То ты. А там умеют.

Андрей тоже улыбался... гладил ладонью колени и говорил:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да... там – конечно... Там умеют. Там все умеют.

Охота жить

Поляна на взгорке, на поляне – избушка. Избушка – так себе, амбар рядов в тринадцать-четырнадцать, в одно оконце, без сеней, а то и без крыши. Кто их издревле рубит по тайге?.. Приходят по весне какие-то люди, валят сосняк поровней, ошкуривают... А ближе к осени погожими днями за какую-нибудь неделю в три-четыре топора срубят. Найдется и глина поблизости, и камни – собьют камелек, трубу на крышу выведут, и нары сколотят – живи не хочю!

Зайдешь в такую избушку зимой – жилым духом не пахнет. На стенах, в пазах, куржак в ладонь толщиной, промозглый запах застоялого дыма.

Но вот затрещали в камельке поленья... Потянуло густым волглым запахом оттаивающей глины; со стен каплет. Угарно. Лучше набить полный камелек и выйти пока на улицу, нарубить загодя дровишек. Через полчаса в избушке теплее и не тяжко. Можно скинуть полушубок и натереть в камелек еще дополна. Стены слегка парят, от камелька пышет жаром. И охватывает человека некое тихое блаженство, радость. «А-а!.. – хочется сказать. – Вот так-то». Теперь уж везде почти сухо, но доски нар еще холодные. Ничего – скоро. Можно пока кинуть на них полушубок, под голову мешок с харчами, ноги – к камельку. И дремота охватит – сил нет. Лень встать и подкинуть еще в камелек. А надо.

В камельке целая огненно-рыжая горка углей. Поленья сразу вспыхивают, как береста. Тут же, перед камельком, чурбачок. Можно сесть на него, закурить и – думать. Одному хорошо думается. Темно. Только из щелей камелька светится; свет этот играет на полу, на стенах, на потолке. И вспоминается бог знает что! Вспомнится вдруг, как первый раз провожал девку. Давно было, интересно... И сам не заметишь, что сидишь и ухмыляешься. Черт ее знает – хорошо!

Совсем тепло. Можно чайку заварить. Кирпичного, зеленого. Он травой пахнет, лето вспоминается.

Так в сумерки сидел перед камельком старик Никитич, посасывал трубочку.

В избушке было жарко. А на улице – морозно. На душе у Никитича легко. С малых лет таскался он по тайге – промышлял. Белковал, а случалось, медведя-шатуна укладывал. Для этого в левом кармане полушубка постоянно носил пять-шесть патронов с картечным зарядом. Любил тайгу. Особенно зимой. Тишина такая, что маленько давит. Но одиночество не гнетет, свободно делается; Никитич, прищурившись, оглядывался кругом – знал: он один безраздельный хозяин этого большого белого царства.

...Сидел Никитич, курил.

Прошаркали на улице лыжи, потом стихло. В оконце вроде кто-то заглянул. Потом опять скрипуче шаркнули лыжи – к крыльцу. В дверь стукнули два раза палкой.

– Есть кто-нибудь?

Голос молодой, осипший от мороза и долгого молчания – не умеет человек сам с собой разговаривать.

«Не охотник», – понял Никитич, охотник не станет спрашивать – зайдет, и все.

– Есть!

Тот, за дверью, отстегнул лыжи, приставил их к стене, скрипнул ступенькой крыльца... Дверь приоткрылась, и в белом облаке пара Никитич едва разглядел высокого парня в подпоясанной стеганке, в ватных штанах, в старой солдатской шапке.

– Кто тут?

– Человек. – Никитич поджег лучину, поднял над головой.

Некоторое время молча смотрели друг на друга.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Один, что ли? – спросил пришелец.

– Один. Проходи, чего в дверях расшиперился!

Парень прошел к камельку, снял рукавицы, взял их под мышку, протянул руки к плите.

– Мороз, черт его...

– Мороз. – Тут только заметил Никитич, что парень без ружья. Нет, не охотник. Не похож. Ни лицом, ни одежкой. – Март – он ишо свое возьмет.

– Какой март? Апрель ведь.

– Это по-новому. А по-старому – март. У нас говорят: марток – надевай двое порток. Легко одетый. – Что ружья нет, старик промолчал.

– Ничего, – сказал парень. – Один здесь?

– Один. Ты уж спрашивал.

Парень ничего не сказал на это.

– Садись. Чайку щас поставим.

– Отогреюсь малость... – Выговор у парня не здешний, «расейский». Старика разбирало любопытство, но вековой обычай – не лезть сразу с расспросами – был сильнее любопытства.

Парень отогрел руки, закурил папироску.

– Хорошо у тебя. Тепло.

Когда он прикуривал, Никитич лучше разглядел его красивое бледное лицо с пушистыми ресницами. С жадностью затянулся, приоткрыл рот – сверкнули два передних золотых зуба. Оброс. Бородка аккуратная, чуть кучерявится на скулах... Исхудал... Перехватил взгляд старика, приподнял догорающую спичку, внимательно посмотрел на него. Бросил спичку. Взгляд Никитичу запомнился: прямой, смелый... И какой-то «стылый» – так определил Никитич.

– Садись, чего стоять-то?

Парень улыбнулся:

– Так не говорят, отец. Говорят – присаживайся.

– Ну – присаживайся. А пошто не говорят? У нас говорят.

– Присесть можно. Никто не придет еще?

– Теперь кто? Поздно. А придет, места хватит. – Никитич подвинулся на пеньке, парень присел рядом, опять протянул руки к огню. Руки – не рабочие. Но парень, видно, здоровый. И улыбка его понравилась Никитичу – не «охальная», простецкая, сдержанная. Да еще эти зубы золотые... Красивый парень. Сбрей ему сейчас бородку, надень костюмчик – учитель. Никитич очень любил учителей.

– Иолог какой-нибудь? – спросил он.

– Кто? – не понял парень.

– Ну... эти, по тайге-то ищут...

– А-а... Да.

– Как же без ружьишка-то? Рыск.

– Отстал от своих, – неохотно сказал парень. – Деревня твоя далеко?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Верст полтораста.

Парень кивнул головой, прикрыл глаза, некоторое время сидел так, наслаждаясь теплом, потом встряхнулся, вздохнул:

– Устал.

– Долго один-то идешь?

– Долго. У тебя выпить нету?

– Найдется.

Парень оживился:

– Хорошо! А то аж душа трясется. Замерзнуть, к черту, можно. Апрель называется...

Никитич вышел на улицу, принес мешочек с салом. Засветил фонарь под потолком.

– Вас бы хошь учили маленько, как быть в тайге одному... А то посылают, а вы откуда знаете! Я вон лонись^[1] нашел одного – вытаял весной. Молодой тоже. Тоже с бородкой. В одеяло завернулся – и все, и окочурился. – Никитич нарезал сало на краешке нар. – А меня пусти одного, я всю зиму проживу, не охну. Только бы заряды были. Да спички.

– В избушку-то все равно лезешь.

– Дак а раз она есть, чего же мне на снегу-то валяться? Я не лиходей себе.

Парень распоясался, снял фуфайку... Прошелся по избушке. Широкоплечий, статный. Отогрелся, взгляд потеплел – рад, видно, до смерти, что набрел на тепло, нашел живую душу. Еще закурил одну. Папиросами хорошо пахло. Никитич любил поговорить с городскими людьми. Он презирал их за беспомощность в тайге; случалось, подрабатывал, провожая какую-нибудь поисковую партию, в душе подсмеивался над ними, но любил слушать их разговоры и охотно сам беседовал. Его умиляло, что они разговаривают с ним ласково, снисходительно похохатывают, а сами, оставь их одних, пропадут, как сосунки слепые. Еще интересней, когда в партии – две-три девки. Терпят, не жалуются. И всё вроде они такие же и никак не хотят, чтоб им помогли. Спят все в куче. И ничего – не безобразничают. Доведись до деревенских – греха не оберешься. А эти – ничего. А ведь бывают – одно загляденье: штаны узкие наденет, кофту какую-нибудь тесную, косынкой от мошки закутается, вся кругленькая – кукла и кукла. А ребята – ничего, как так и надо.

– Кого ищите-то?

– Где?

– Ну, ходите-то.

Парень усмехнулся себе:

– Долю.

– Доля... Она, брат, как налим, склизкая: вроде ухватил ее, вроде – вот она, в руках, а не тут-то было. – Никитич настроился было поговорить, как обычно с городскими – позаковыристей, когда внимательно слушают, когда слушают и переглядываются меж собой, а какой-нибудь возьмет да еще в тетрадку карандашиком чего-нибудь запишет. А Никитич может рассуждать таким манером хоть всю ночь – только развесь уши. Свои бы, деревенские, боталом обозвали, а эти слушают. Приятно. И сам иногда подумает о себе: складно выходит, язвы ты. Такие турусы разведет, что тебе поп раньше. И лесины-то у него с душой: не тронь ее, не секи топором зазря, а то засохнет, а засохнет, сам засохнешь – тоска навалится и засохнешь, и не догадаешься, отчего тоска такая. – Или вот: понаедут из города с ружьями и давай направо-налево: трах-бах! – кого попало: самку – самку, самца – самца, лишь бы убить. За такие дела надо руки выдергивать. Убил ты ее, медведицу, а у ей двое маленьких. Подохнут. Поганое дело – душу на зверье тешить. Вот те и доля – ты говоришь, – продолжал Никитич.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Только парню не хотелось слушать. Подошел к окну, долго всматривался в темень. Сказал, как очнулся:

– Все равно весна скоро.

– Придет, никуда не денется. Садись. Закусим, чем бог послал.

Натаяли в котелке снегу, разбавили спирт, выпили. Закусили мерзлым салом. Совсем на душе хорошо сделалось. Никитич подкинул в камелек. А парня опять потянуло к окну. Отогрел дыханием кружок на стекле и все смотрел и смотрел в ночь.

– Кого ты щас там увидишь? – удивился Никитич. Ему хотелось поговорить.

– Воля, – сказал парень. И вздохнул. Но не грустно вздохнул. И про волю сказал – крепко, зло и напористо. Откачнулся от окна.

– Дай еще выпить, отец. – Расстегнул ворот черной сатиновой рубахи, громко хлопнул себя по груди широкой ладонью, погладил. – Душа просит.

– Поел бы, а то с голодухи-то развезет.

– Не развезет. Меня не развезет. – И ласково и крепко приобнял старика за шею. И пропел:

А в камере смертной,
Сырой и холодной,
Седой появился старик...

И улыбнулся ласково. Глаза у парня горели ясным, радостным блеском.

– Выпьем, добрый человек!

– Наскучал один-то, – Никитич тоже улыбнулся. Парень все больше и больше нравился ему. Молодой, сильный, красивый. А мог пропасть. – Так, парень, пропасть можно. Без ружьишка в тайге – поганое дело.

– Не пропадем, отец. Еще поживем!

И опять сказал это крепко, и на миг глаза его заглянули куда-то далеко-далеко и опять «остыли». И непонятно было, о чем он подумал, как будто что-то вспомнил. Но вспоминать ему это «что-то» не хотелось. Запрокинул стакан, одним глотком осушил до дна. Крякнул. Крутнул головой. Пожевал сала. Закурил. Встал – не сиделось. Прошелся широким шагом по избушке, остановился посередине, подбоченился и опять куда-то далеко засмотрелся.

– Охота жить, отец.

– Жить всем охота. Мне, думаешь, неохота? А уж мне скоро...

– Охота жить! – упрямо, с веселой злостью повторил большой красивый парень, не слушая старика. – Ты ее не знаешь, жизнь. Она... – Подумал, стиснул зубы: – Она – дорогуша. Роднуля моя.

Захмелевший Никитич хихикнул:

– Ты про жись, как все одно про бабу.

– Бабы – дешевки. – Парня накаляло какое-то упрямое, дерзкое, радостное чувство. Он не слушал старика, говорил сам, а тому теперь хотелось его слушать. Властная сила парня стала и его подмывать.

– Бабы, они... конечно. Но без них тоже...

– Возьмем мы ее, дорогушу, – парень выкинул вперед руки, сжал кулаки, – возьмем, милую, за горлышко... Помнишь Колю? Забыла? – Парень с кем-то разговаривал и очень удивился, что его «забыли». – Колю-то!.. А Коля помнит тебя. Коля тебя не забыл. – Он не то радовался, не то собирался кому-то зло мстить. – А я – вот он. Прошу, мадам, на пару ласковых. Я не обижу. Но ты мне отдашь все. Все! Возьму!..

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Правда, што ли, баба так раскипятила? – спросил удивленный Никитич.

Парень тряхнул головой:

– Эту бабу зовут – воля. Ты тоже не знаешь ее, отец. Ты – зверь, тебе здесь хорошо. Ты не знаешь, как горят огни в большом городе. Они манят. Там милые, хорошие люди, у них тепло, мягко, играет музыка. Они вежливые и очень боятся смерти. А я иду по городу, и он весь мой. Почему же они там, а я здесь? Понимаешь?

– Не навечно же ты здесь...

– Не понимаешь. – Парень говорил серьезно, строго. – Я должен быть там, потому что я никого не боюсь. Я не боюсь смерти. Значит, жизнь – моя.

Старик качнул головой:

– Не пойму, паря, к чему ты?

Парень подошел к нарам, налил в стаканы. Он как будто сразу устал.

– Из тюрьмы бегу, отец, – сказал без всякого выражения. – Давай?

Никитич машинально звякнул своим стаканом о стакан парня. Парень выпил. Посмотрел на старика... Тот все еще держал стакан в руке. Глядел снизу на парня.

– Что?

– Как же это?

– Пей, – велел парень. Хотел еще закурить, но пачка оказалась пустой. – дай твоего.

– У меня листовуха.

– Черт с ней.

Закурили. Парень присел на чурбак, ближе к огню.

Долго молчали.

– Поймают вить, – сказал Никитич. Ему не то что жаль стало парня, а он представил вдруг, как ведут его, крупного, красивого, под ружьем. И жаль стало его молодость, и красоту, и силу. Сцапают – и все, все псу под хвост: никому от его красоты ни жарко ни холодно. Зачем же она была? – Зря, – сказал он трезво.

– Чего?

– Бежишь-то. Теперь не ранешное время – поймают.

Парень промолчал. Задумчиво смотрел на огонь. Склонился. Подкинул в камелек полено.

– Надо бы досидеть... Зря.

– Перестань! – резко оборвал парень. Он тоже как-то странно отрезвел. – У меня своя башка на плечах.

– Знамо дело, – согласился Никитич. – Далеко идти-то?

– Помолчи пока.

«Мать с отцом есть, наверно, – подумал Никитич, глядя в затылок парню. – Придет – обрадует, сукин сын».

Минут пять молчали. Старик выколотил золу из трубочки и набил снова. Парень все смотрел на огонь.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Деревня твоя – райцентр или нет? – спросил он, не оборачиваясь.
- Какой райцентр! До району от нас еще девяносто верст. Пропадешь ты. Зимнее дело – по тайге...
- Дня три поживу у тебя – наберусь силенок, – не попросил, просто сказал.
- Живи, мне што. Много, видно, оставалось – не утерпел?
- Много.
- А за што давали?
- Такие вопросы никому никогда не задавай, отец.

Никитич попыттел угасающей трубочкой, раскурил, затянулся и закашлялся. Сказал, кашляя:

- Мне што!.. Жалко только. Поймают...
- Бог не выдаст – свинья не съест. Дешево меня не возьмешь. Давай спать.
- Ложись. Я подожду, пока дровишки прогорят, – трубу закрыть. А то замерзнем к утру.

Парень расстелил на нарах фуфайку, поискал глазами, что положить под голову. Увидел на стене ружье Никитича. Подошел, снял, осмотрел, повесил.

- Старенькое.
- Ничо, служит пока. Вон там в углу кошма лежит, ты ее под себя, а куфайку-то под голову сверни. А ноги вот сюда протяни, к камельку. К утру все одно выстынет.

Парень расстелил кошму, вытянулся, шумно вздохнул.

- Маленький Ташкент, – к чему-то сказал он. – Не боишься меня, отец?
- Тебя-то? – изумился старик. – А чего тебя бояться?
- Ну... я ж лагерник. Может, за убийство сидел.
- За убийство тебя бог накажет, не люди. От людей можно побегать, а от его не уйдешь.
- Ты верующий, что ли? Кержак, наверно?
- Кержак!.. Стал бы кержак с тобой водку пить.
- Это верно. А насчет боженек ты мне мозги не... Меня тошнит от них. – Парень говорил с ленцой, чуть осевшим голосом. – Если бы я встретил где-нибудь этого вашего Христа, я бы ему с ходу кишки выпустил.
- За што?
- За што?.. За то, что сказки рассказывал, врал. Добрых людей нет! А он – добренький, терпеть учил. Паскуда! – Голос парня снова стал обретать недавнюю крепость и злость. Только веселости в голосе уже не было. – Кто добрый?! Я? Ты?
- Я, к примеру, за свою жись никому никакого худа не сделал...
- А зверей бьешь! Разве он учил?
- Сравнил хрен с пальцем. То – человек, а то – зверь.
- Живое существо – сами же трепетесь, сволочи.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Лица парня Никитич не видел, но оно стояло у него в глазах – бледное, с бородкой; дико и нелепо звучал в теплой тишине избушки свирепый голос безнадежно избитого судьбой человека с таким хорошим, с таким прекрасным лицом.

– Ты чего рассерчал-то на меня?

– Не врите! Не обманывайте людей, святоши. Учили вас терпеть? Терпите! А то не успеет помолиться и тут же штаны спускает – за бабу хляет, гадина. Я бы сейчас нового Христа выдумал: чтоб он по морде учил бить. Врешь? Получай, погань!

– Не поганься! – строго сказал Никитич. – Пустили тебя, как доброго человека, а ты лаяться начал. Обиделся – посадили! Значит, было за што. Кто тебе виноват?!

– М-м. – Парень скрипнул зубами. Промолчал.

– Я не поп, и здесь тебе не церква, чтобы злобой своей харкать. Здесь – тайга: все одинаковые. Помни это. А то и до воли своей не добежишь – сломишь голову. Знаешь, говорят: молодец – против овец, а спроть молодца – сам овца. Найдется и на тебя лихой человек. Обидишь вот так вот – ни за што ни про што, он тебе покажет, где волю искать.

– Не сердись, отец, – примирительно сказал парень. – Ненавижу, когда жить учат. Душа кипит! Суют в нос слякоть всякую, глистов: вот хорошие, вот как жить надо. Ненавижу! – почти крикнул. – Не буду так жить. Врут! Мертвечиной пахнет! Нету на земле святых! Я их не видел. Зачем выдумывать?! – Парень привстал на локоть; смутно – пятном – белело в сумраке, в углу, его лицо, зло и жутковато сверкали глаза.

– Поостынешь маленько, поймешь: не было бы добрых людей, жись ба давно остановилась. Сожрали бы друг друга или перерезались. Это никакой меня не Христос учил, сам так читаю. А святых – это верно: нету. Я сам вроде ничо? – никто не скажет: плохой или злой там. А молодой был... Недалеко тут кержацкий скит стоял, за согрой, семья жила: старик со старухой да дочь ихняя годов двадцати. Они, может, не такие уж старые были, старики-то, а мне казалось тогда – старые. Они потом ушли куда-то. Ну, дак вот: была у их дочь. Все божественные, спасу нет: от людей ушли, от греха, дескать, подальше. А я эту дочь-то заманил раз в березник и... это... ла-ла с ей. Хорошая девка была, здоровая. До ребенка дело дошло. А уж я женатый был...

– А говоришь, худого ничего не делал?

– Вот и выходит, што я не святой. Я не насильничал, правда, лаской донял, а все одно... дитя-то пустил по свету. Спомнишь – жалко. Большой уж теперь, материт, поди.

– Жизнь дал человеку – не убил. И ее, может, спас. Может, она после этого рванула от них. А так довели бы они ее своими молитвами: повесилась бы на суку где-нибудь, и все. И мужика бы ни разу не узнала. Хорошее дело сделал, не переживай.

– Хорошее или плохое, а было так. Хорошего-то мало, конечно.

– Там еще осталось?

– Спиртяги? Есть маленько. Пей, я не хочу больше.

Парень выпил. Опять крякнул. Не стал закусывать.

– Много пьешь-то?

– Нет, это... просто перемерз. Пить надо не так, отец. Надо красиво пить. Музыка... Хорошие сигареты, шампанское... Женщины. Чтоб тихо, культурно. – Парень опять размышлялся, лег, закинул руки за голову. – Бардаки презираю. Это не люди – скот. М-м, как можно красиво жить! Если я за одну ночь семь раз заигрывал с курносой – так? – если она меня гладила костлявой рукой и хотела поцеловать в лоб, – я устаю. Я потом отдыхаю. Я наслаждаюсь и люблю жизнь больше всех прокуроров, вместе взятых. Ты говоришь – риск? А я говорю – да. Пусть обмирает душа, пусть она дрожит, как овечий хвост, – я иду прямо, я не споткнусь и не

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru поверну назад.

– Ты кем работал до этого? – поинтересовался Никитич.

– я? Агентом по снабжению. По культурным связям с зарубежными странами. Вообще я был ученый. Я был доцентом на тему: «Что такое колорадский жук и как с ним бороться». – Парень замолчал, а через минуту сонным голосом сказал: – Все, отец... Я ушел.

– Спи.

Никитич пошуровал короткой клюкой в камельке, набил трубочку и стал думать про парня. Вот тебе и жизнь – все дадено человеку: красивый, здоровый, башка вроде недурная... А что? Дальше что? По лесам бегать? Нет, это город их доводит до ручки. Они там свихнулись все. Внуки Никитича – трое – тоже живут в большом городе. Двое учатся, один работает, женат. Они не хвастают, как этот, но их тянет в город. Когда они приезжают летом, им скучно. Никитич достает ружья, водит их в тайгу и ждет, что они просветлеют, отдохнут душой и проветрят мозги от ученья. Они притворяются, что им хорошо, а Никитичу становится неловко: у него больше ничего нет, чем порадовать внуков. Ему тяжело становится, как будто он обманул их. У них на уме город. И этот, на нарах, без ума в город рвется. На его месте надо уйти подальше, вырыть землянку и лет пять не показываться, если уж сидеть невмоготу стало. А он снова туда, где на каждом шагу могут за шкуру взять. И ведь знает, что возьмут, а идет. Что за сила такая в этом городе! Ну ладно, я – старик, я бывал там три раза всего, я не понимаю... Согласен. Там весело и огней много. Но раз я не понимаю, так я и не хаю. Охота – там? На здоровье. А мне здесь хорошо. Но так получается, что они приходят оттуда и нос воротят: скучно, тоска. Да присмотрись хорошенько! Ты же увидишь-то ничего не успел, а уж давай молоть про свой город. Да ты возьми приглядишься для интереса! А потом подумай: много ты про жизнь знаешь или нет? Вы мне – сказки про город?.. А если я начну рассказывать, сколько я знаю! Но меня не слушают, а на вас глаза пялят – городской. А мне хрен с тобой, что ты городской, что ты штиблетами по тротуару чиркаешь – форсите. Дофорсился вот: отвалили лет пятнадцать, наверно, за красивую-то жизнь. Магазин, наверно, подломил, не иначе. Шиканул разок – и загремел. И опять на рога лезет. Сам! Это уж, значит, не может без города. Опять на какой-нибудь магазин нацелился. «Шампанское...» А откуда оно, шампанское-то, возьмется? Дурачье... Сожрет он вас, город, с костями вместе. И жалко дураков, и ничего сделать нельзя. Не докажешь.

Дрова в камельке догорели. Никитич дождался, когда последние искорки умерли в золе, закрыл трубу, погасил фонарь, лег рядом с парнем. Тот глубоко и ровно дышал, неловко подвернув под себя руку. Даже не шевельнулся, когда Никитич поправил его руку.

«Намаялся, – подумал Никитич. – Дурило... А кто заставляет? Эх, вы!»

...За полночь на улице, около избушки, зашумели. Послышались голоса трех мужчин.

Парень рывком привстал – как не спал. Никитич тоже приподнял голову.

– Кто это? – быстро спросил парень.

– Шут их знает.

Парень рванулся с нар – к двери, послушал, зашарил рукой по стене – искал ружье. Никитич догадался.

– Ну-ка, не дури! – прикрикнул негромко. – Хуже беды наделаешь.

– Кто это? – опять спросил парень.

– Не знаю, тебе говорят.

– Не пускай, закройся.

– Дурак. Кто в избушке закрывается. Нечем закрываться-то. Ложись и не шевелись.

– Ну дед!..

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Парень не успел досказать. Кто-то поднялся на крыльцо, искал рукой скобку. Парень ужом скользнул на нары, успел шепнуть:

– Отец, клянусь богом, чертом, дьяволом: продашь... Умоляю, старик. Век...

– Лежи, – велел Никитич.

Дверь распахнулась.

– Ага! – весело сказал густой бас. – Я же говорил: кто-то есть. Тепло! Входите!

– Закрывай дверь-то! – сердито сказал Никитич, слезая с нар. – Обрадовался – тепло! Раскорячься пошире – совсем жарко будет.

– Все в порядке, – сказал бас. – И тепло, и хозяин приветливый.

Никитич засветил фонарь.

Вошли еще двое. Одного Никитич знал: начальник районной милиции. Его все охотники знали: мучил охотничьими билетами и заставлял платить взносы.

– Емельянов? – спросил начальник, высокий упитанный мужчина лет под пятьдесят. – Так?

– Так, товарищ Протокин.

– Ну, вот!.. Принимай гостей.

Трое стали раздеваться.

– Пострелять? – не без иронии спросил Никитич. Он не любил этих наезжающих стрелков: только пошумят и уедут.

– Надо размяться маленько. А это кто? – Начальник увидел парня на нарах.

– Иолог, – нехотя пояснил Никитич. – От партии отстал.

– Заблудился, что ли?

– Но.

– У нас что-то неизвестно. Куда шли, он говорил?

– Кого он наговорит! – едва рот разевал: замерзал. Спиртом напоил его – щас спит как мертвый.

Начальник зажег спичку, поднес близко к лицу парня. У того не дрогнул ни один мускул. Ровно дышал.

– Накачал ты его. – Спичка начальника погасла. – Что же у нас-то ничего не известно?

– Может, не успели еще сообщить? – сказал один из пришедших.

– Да нет, видно, долго бродит уже. Не говорил он, сколько один ходит?

– Нет, – отвечивал Никитич. – Отстал, говорит. И все.

– Пусть проспится. Завтра выясним. Ну что, товарищи: спать?

– Спать, – согласились двое. – Уместимся?

– Уместимся, – уверенно сказал начальник. – Мы прошлый раз тоже впятером были. Чуть не загнулись к утру: протопили, да мало. А мороз стоял – под пятьдесят.

Разделись, улеглись на нарах. Никитич лег опять рядом с парнем.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Пришлые поговорили еще немного о своих районных делах и замолчали.

Скоро все спали.

...Никитич проснулся, едва только обозначилось в стене оконце. Парня рядом не было. Никитич осторожно слез с нар, нашарил в карманах спички. Еще ни о чем худом не успел подумать. Чиркнул спичкой... Ни парня, ни фуфайки его, ни ружья Никитича не было. Неприятно сжало под сердцем.

«Ушел. И ружье взял».

Неслышно оделся, взял одно ружье из трех, составленных в углу, пощупал в кармане патроны с картечью. Тихо открыл дверь и вышел.

Только-только занимался рассвет. За ночь потеплело. Туманная хмарь застила слабую краску зари. В пяти шагах еще ничего не было видно. Пахло весной.

Никитич надел свои лыжи и пошел по свежей лыжне, четко обозначенной в побуревшем снегу.

– Сукин ты сын, варнак окаянный, – вслух негромко ругался он. – Уходи, пес с тобой, а ружье-то зачем брать? Што я тут без ружья делать стану, ты подумал своей башкой? Што я, тыщи, што ли, большие получаю – напасаться на вас на всех ружьями? Ведь ты же его, поганец, все равно бросишь где-нибудь. Тебе лишь бы из тайги выйти. А я сиди тут, сложа ручки, без ружья. Ни стыда у людей, ни совести.

Помаленьку отбеливало. День обещал быть пасмурным и теплым.

Лыжня вела не в сторону деревни.

– Боишься людей-то? Эх, вы... «Красивая жись». А последнее ружьишко у старика взять – это ничего, можно. Но от меня ты не уйде-ошь, голубчик. Я вас таких семерых замотаю, хоть вы и молодые.

Зла большого у старика не было. Обидно было: пригрел человека, а он взял и унес ружье. Ну не подлец после этого!

Никитич прошел уже километра три. Стало совсем почти светло; лыжня далеко была видна впереди.

– Рано поднялся. И ведь как тихо сумел!

В одном месте парень останавливался закурить: обочь лыжни ямка – палки втыкал. На снегу крошки листовухи и обгоревшая спичка.

– И кисет прихватил! – Никитич зло плюнул. – Вот поганец так поганец! – Прибавил шаг.

Парня Никитич увидел далеко в ложбине, внизу. Шел парень дельным ровным шагом, не торопился, но податливо. За спиной – ружье.

– Ходить умеет, – не мог не отметить Никитич. Свернул с лыжни и побежал в обход парню, стараясь, чтоб его скрывала от него вершина длинного отлогого бугра. Он знал, где встретит парня: будет на пути у того неширокая просека. Он пройдет ее, войдет снова в чащу... И тут его встретит Никитич.

– Щас я на тебя посмотрю, – не без злорадства приговаривал Никитич, налегая вовсю на палки. Странно, но ему очень хотелось еще раз увидеть прекрасное лицо парня. Что-то было до страсти привлекательное в этом лице. «Может, так и надо, что он рвется к своей красивой жизни. Что ему тут делать, если подумать? Засохнет. Жизнь, язви ее, иди разберись».

У просеки Никитич осторожно выглянул из чащи: лыжни на просеке еще не было – обогнал. Быстро перемахнул просеку, выбрал место, где примерно выйдет парень, присел в кусты, проверил заряд и стал ждать. Невольно опытным охотничьим глазом осмотрел ружье: новенькая тулка, блестит и резко пахнет ружейным маслом. «На охоту собирались, а не подумали: не надо, чтоб ружье так пахло. На охоте надо и про табачок забыть, и рот чаем прополоскать, чтобы от тебя не разило за версту,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru и одежду лучше всего другую надеть, которая на улице висела, чтоб жильем не пахло. Охотники – горе луковое».

Парень вышел на край просеки, остановился. Глянул по сторонам. Постоял немного и скоро-скоро побежал через просеку. И тут навстречу ему поднялся Никитич.

– Стой! Руки вверх! – громко скомандовал он, чтоб совсем ошарашить парня. Тот вскинул голову, и в глазах его отразился ужас. Он дернулся было руками вверх, но узнал Никитича. – Говоришь: не боюсь никого, – сказал Никитич, – а в штаны сразу наклал.

Парень скоро оправился от страха, улыбнулся обаятельной своей улыбкой немножко насильственно.

– Ну, отец... ты даешь. Как в кино... твою в душу мать. Так можно разрыв сердца получить.

– Теперь, значит, так, – деловым тоном распорядился Никитич, – ружье не сьмай, а достань сзади руками, переломи и выкинь из казенника патроны. И из кармана все выбрось. У меня их шешнадцать штук оставалось. Все брось на снег, а сам отойди в сторону. Если задумаешь шутки шутить, стреляю. Сурьезно говорю.

– Дошло, батя. Шутить мне сейчас что-то не хочется.

– Бесстыдник, ворюга.

– Сам же говорил: погано в лесу без ружья.

– А мне што тут без его делать?

– Ты дома.

– Ну, давай, давай. Дома. Што у меня дома-то – завод, што ли?

Парень выгреб из карманов патроны – четырнадцать: Никитич считал. Потом заломил руки за спину; прикусив нижнюю губу, прищурившись, внимательно глядел на старика. Тот тоже не сводил с него глаз: ружье со взведенными курками держал в руках, стволами на уровне груди парня.

– Чего мешкаешь?

– Не могу вытащить...

– Ногтями зацепи... Или постучи кулаком по прикладу.

Выпал сперва один патрон, потом второй.

– Вот. Теперь отойди вон туда.

Парень повиновался.

Никитич собрал патроны, поклат в карманы полушубка.

– Кидай мне ружье, а сам не двигайся.

Парень снял ружье, бросил старику.

– Теперь садись, где стоишь, покурим. Кисет мне тоже кинь. И кисет спер...

– Курить-то охота мне.

– Ты вот все – мне да мне. А про меня, черт полосатый, не подумал! А чего мне-то курить?

Парень закурил.

– Можно я себе малость отсыплю?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Отсыпь. Спички-то есть?

– Есть.

Парень отсыпал себе листовухи, бросил кисет старику. Тот закурил тоже.

Сидели шагах в десяти друг от друга.

– Ушли эти?.. Ночные-то.

– Спят. Они спать здоровы. Не охотничают, а дурочку валяют. Погулять охота, а в районе у себя не шибко разгуляешься – на виду. Вот они и идут с глаз долой.

– А кто они?

– Начальство... Заряды зря переводят.

– М-да...

– Ты што же думал: не догоню я тебя?

– Ничего я не думал. А одного-то ты знаешь. Кто это? По фамилии называл... Протокин-то.

– В собесе работает. Пенсию старухе хлопотал, видел его там...

Парень пытливо посмотрел на старика.

– Это там, где путевки на курорт выписывают?

– Ага.

– Темнишь, старичок. Неужели посадить хочешь? Из-за ружья...

– На кой ты мне хрен нужен – сажать? – искренне сказал Никитич.

– Продай ружье? У меня деньги есть.

– Нет, – твердо сказал Никитич. – Спросил бы с вечера по добру, может, продал бы. А раз ты так по-свински сделал – не продам.

– Не мог же я ждать, когда они проснутся.

– На улицу бы меня ночью вызвал: так и так, мол, отец: мне шибко неохота с этими людьми разговаривать. Продай, мол, ружье – я уйду. А ты... украл. За воровство у нас руки отрубуют.

Парень положил локти на колени, склонился головой на руки. Сказал глуховато:

– Спасибо, что не выдал вчера.

– Не дойдешь ты до своей воли все одно.

Парень вскинул голову.

– Почему?

– Через всю Сибирь идти – шутка в деле!

– Мне только до железной дороги, а там поезд. Документы есть. А вот здесь без ружья... здесь худо. Продай, а?

– Нет, даже не упрашивай.

– Я бы теперь новую жизнь начал... Выручил бы ты меня, отец.

– А документы-то где взял? Ухлопал, поди, кого-нибудь?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Документы тоже люди делают.

– Фальшивые. Думаешь, не поймают с фальшивыми?

– Ты обо мне... прямо как родная мать заботишься. Заладил, как попугай: поймают, поймают. А я тебе говорю: не поймают.

– А шампанская-то на какие шиши будешь распивать? Если честно-то робить пойдешь...

– Сдуру я вчера натрепался, не обращай внимания. Захмелел.

– Эх, вы... – Старик сплюнул желтую едкую слюну на снег. – Жить бы да жить вам, молодым... а вас... как этих... как угорелых по свету носит, места себе не можете найти. Голод тебя великий воровать толкнул? С жиру беситесь, окаянные. Петух жареный в зад не клевал...

– Как сказать, отец...

– Кто же тебе виноватый?

– Хватит об этом, – попросил парень. – Слушай... – Он встревоженно посмотрел на старика. – Они ж сейчас проснутся, а ружья нет. И нас с тобой нет... Искать кинутся?

– Они до солнышка не проснутся.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Они сами вчера с похмелья были. В избушке теплень: разморит – до обеда проспят. Им торопиться некуда.

– М-да... – грустно сказал парень. – Дела-делишки.

Повалил вдруг снег большими густыми хлопьями, теплый, тяжелый.

– На руку тебе. – Никитич посмотрел вверх.

– Что? – Парень тоже посмотрел вверх.

– Снег-то... Заметет все следы.

Парень подставил снегу ладонь, долго держал. Снежинки таяли на ладони.

– Весна скоро... – вздохнул он.

Никитич посмотрел на него, точно хотел напоследок покрепче запомнить такого редкостного здесь человека. Представил, как идет он один, ночью... без ружья.

– Как ночуешь-то?

– У огня покемарю... Какой сон.

– Хоть бы уж летом бегали-то. Все легче.

– Там заявок не принимают – когда бежать легче. Со жратвой плохо. Пока дойдешь от деревни до деревни, кишки к спине прирастают. Ну ладно. Спасибо за хлеб-соль. – Парень поднялся. – Иди, а то проснутся эти твои...

Старик медлил.

– Знаешь... есть один выход из положения, – медленно заговорил он. – Дам тебе ружье. Ты завтра часам к двум, к трем ночи дойдешь до деревни, где я живу...

– Ну?

– Не понужай. Дойдешь. Постучишь в какую-нибудь крайнюю избу: мол, ружье нашел... или... нет, как бы придумать?... Чтоб ты ружье-то оставил. А там, от нашей деревни прямая дорога на станцию – двадцать верст. Там уж не страшно. Машины ездят. К

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru свету будешь на станции. Только там заимка одна попадет, от нее, от заимки-то, ишо одна дорога влево пойдет, ты не ходи по ей – это в район. Прямо иди.

– Отец...

– погоди! Как с ружьем-то быть? Скажешь: нашел – перепугаются, искать пойдут. А совсем ружье отдавать жалко. Мне за него, хоть оно старенькое, три вот таких не надо. – Никитич показал на новую переломку.

Парень благодарно смотрел на старика и еще старался, наверно, чтобы благодарности в глазах было больше.

– Спасибо, отец.

– Чего спасибо! Как я ружье-то получу?

Парень встал, подошел к старику, присел рядом.

– Сейчас придумаем... Я его спрячу где-нибудь, а ты возьми потом.

– Где спрячешь?

– В стогу каком-нибудь, недалеко от деревни.

Никитич задумался.

– Чего ты там разглядишь ночью?.. Вот што: постучишь в крайнюю избу, спросишь, где Мазаев Ефим живет. Тебе покажут. Это кум мой. Ефиму придешь и скажешь: стретил, мол, Никитича в тайге, он повел иологов в Змеиную согру. Патроны, мол, у него кончились, а чтоб с ружьем зря не таскаться, он упросил меня занести его тебе. И чтоб ждали меня к послезавтрему! А што я повел иологов, пусть он никому не говорит. Заработает, мол, придет – выпьете вместе, а то старуха все деньги отберет сразу. Запомнил? Щас мне давай на литровку – а то от Ефима потом не отвяжешься – и с богом. патронов даю тебе... шесть штук. И два картечных – на всякий случай. Не истратишь, возле деревни закинь в снег подальше. Ефиму не отдавай, он хитрый, зачует неладное. Все запомнил?

– Запомнил. Век тебя не забуду, отец.

– Ладно... На деревню держись так: солнышко выйдет – ты его все одно увидишь – пусть оно сперва будет от тебя слева. Солнышко выше, а ты его все слева держи. А к закату поворачивай, чтоб оно у тебя за спиной очутилось, чуток с правого уха. А там – прямо. Ну, закурим на дорожку...

Закурили.

Сразу как-то не о чем стало говорить. Посидели немного, поднялись.

– До свиданья, отец, спасибо.

– Давай.

И уж пошли было в разные стороны, но Никитич остановился, крикнул парню:

– Слышь!.. А вить ты, парень, чуток не вляпался: Протокин-то этот – начальник милиции. Хорошо, не разбудил вчерась... А то бы не отвертеться тебе от него – дошлый черт. И счас, должно, прилипнет. Скажет: «Куда ушел?» То, се...

Парень ничего не говорил, смотрел на старика.

– А вчерась никакие бы документы не помогли.

Парень молчал.

– Ну шагай. – Никитич подкинул на плече чужое ружье и пошел через просеку назад, к избушке. Он уж почти прошел ее всю, просеку... И услышал: как будто над самым ухом оглушительно треснул сук. И в то же мгновение сзади, в спину и в затылок, как в несколько кулаков, сильно толкнули вперед. Он упал лицом в снег. И ничего

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru больше не слышал и не чувствовал. Не слышал, как с него сняли ружье и закидали снегом. И как сказали: «Так лучше, отец. Надежней».

...Когда солнышко вышло, парень был уже далеко от просеки. Он не видел солнца, шел, не оглядываясь, спиной к нему. Он смотрел вперед.

Тихо шуршал в воздухе сырой снег.

Тайга просыпалась. Весенний густой запах леса чуть дурманил и кружил голову.

Капроновая елочка

Двое стояли на тракте, ждали попутную машину. А машин не было. Час назад проехали две груженные – не остановились. И больше не было. А через восемь часов – Новый год. Двое, отвернувшись от ветра, топтались на месте, хлопали рукавицами... Было морозно.

– Кхах!.. Не могу больше, – сказал один. – Айда греться, ну ее к черту все. Что теперь, подышать, что ли?

Метрах в двухстах была чайная, туда они и направились.

Впереди, припадая на одну ногу, шагал тот, который предложил идти греться. При своей хромоте он шел как-то очень аккуратно, ловко, ладно. Следом, заложив руки за спину, вышагивал мужик метра в два ростом. Шагавший впереди то и дело оглядывался на тракт; второй сосредоточенно смотрел себе под ноги. Оба были из одной деревни, из Буланова, оба утром приехали в город по своим делам и договорились вместе уехать. Тот, что пониже, работал кладовщиком в булановской РТС, другой – кузнецом в той же РТС. Кладовщика звали Павлом. Большого мужика – Федором.

– Я думаю, их совсем седня не будет, – сказал Павел. – Под Новый год ни один дурак никуда не поедет.

Федор промолчал. В чайной было тепло и пусто.

Павел прошел к стойке. Федор для приличия обмахнул рукавицей валенки и тоже прошел к стойке.

– Налей по сто пятьдесят, – сказал Павел.

– Все еще не уехали? – без всякого интереса спросила буфетчица. (Они уже разок приходили греться.)

– Не уехали. Новый год с тобой встречать будем. Согласная? – поинтересовался Павел.

Молодая толстая буфетчица налила два по сто пятьдесят, отрезала два куска хлеба и только после этого ответила:

– Много таких желающих найдется.

Павел сдвинул шапку на затылок, весело посмотрел на буфетчицу, сказал неопределенно:

– Да-а...

Выпили. Присели к столику, молча ели хлеб, макая его в солонку.

Вошел еще один посетитель, представительный мужчина в козлиной дохе, в новых негнущихся валенках, в папахе. Сказал громко:

– С приближающимся! – У него, видно, было хорошее настроение.

Никто ему не ответил.

Мужчина подошел к стойке, расстегнул доху.

– Сто грамм, голубушка, и чего-нибудь... – вытянул шею, разглядывая полки. –

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Чего-нибудь на зубок.

Павел толкнул коленом Федора, показал глазами на представительного мужчину. Федор кивнул. Этого человека они знали. Жила в их деревне одинокая вдова Нюра Чалова, добрая, приветливая баба. И вот этот самый человек ездил к ней из города по праздникам и в выходные дни. В городе у него была семья, дети, двое, кажется. Нюра знала это, но почему-то отказать не могла – принимала. Все жалели Нюру, а этого гуся осуждали.

Мужчина выпил водку, смачно крякнул и подсел с бутербродом к столику.

– Тоже ехать?

– Мгм.

– Нету машин?

– Мгм, – односложно отвечал Павел, в упор разглядывая мужчину.

– А что делать?

– ???

– Черт... Мне надо срочно в Буланово добраться. Что же делать-то?

Павел, продолжая нескромно разглядывать ухажера, спросил:

– Что, живешь там?

– Да нет... – Мужчине стало жарко, он приспустил с плеч доху. Павел увидел у него во внутренних карманах две бутылки водки. – В гости еду.

– Понятно, – значительно сказал Павел.

– Как же добираться-то будем? – сокрушался мужчина. – А вам не в Буланово?

– Пешком, – решительно сказал Павел, отвлекаясь от ухажера. – Я думаю, надо идти, Федор. А то прокукуем тут... А?

Федор задумчиво жевал.

– Вы тоже в Буланово? – еще раз спросил мужчина.

Опять ему не ответили.

– Пойдем бором, часа через четыре дома будем. Дорогу я знаю.

– Сколько километров? – все пытался влезть в разговор мужчина. И опять на него не обратили внимания.

– Как, Федор?

– Пошли. – Федор поднялся.

– Так вы тоже в Буланово? Или куда?

– В Буланово, – сердито ответил Павел.

– Черт возьми совсем! – Мужчина потрогал в раздумье гладко выбритый, круглый, как пятка, подбородок. – Что же делать-то? Совсем не идут машины?

– Попробуй подожди, может, тебе повезет.

Павел с Федором пошли из чайной. Мужчина смотрел им вслед тоскливым взглядом.

– К Нюрке опять собрался, – сказал Павел, когда вышли на улицу. – Водка в карманах... Гад.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Федор сплюнул на снег, надвинул поглубже шапку.

– Высыпать разок хорошенько – перестанет ходить, – сказал он. Помолчал и добавил:
– Нюрку только жалко.

– Она тоже хороша!.. Знает же, что у него семья, дети!..

– Та-а... чо ты ее осуждаешь? Ихное дело... слабые они. А он, видно, приласкал.

Отошли от чайной далеко уже, когда услышали сзади возглас:

– Э-э!

Их догонял ухажер.

– Ты глянь! – изумился Павел. – Идти хочет.

Федор ничего не сказал и не сбавил шага.

– Пошли!.. Иду с вами! – объявил ухажер таким тоном, точно он кого-то очень обрадовал этим своим решением.

Пошли втроем.

Окраина городка точно вымерла. Злой ветер загнал все живое под крыши, к камелькам. Под ногами путников громко взыкала мерзлая дорога.

– Я седня на заводе разговор слышал: в девятьсот восьмом году не метеор в тайгу упал, а люди какие-то к нам прилетали. С другой планеты, – заговорил Павел, обращаясь к Федору.

– Ерунда все это, – авторитетно заявил ухажер. – Фантазия.

– Что-то у них испортилось, и произошел взрыв – малость не долетели, – продолжал Павел, не обращая внимания на замечание ухажера. – Как считаешь, Федор?

– А я откуда знаю?

– По-моему, люди были, – сам с собой стал рассуждать Павел. – Что-нибудь не рассчитали... Могло горючего не хватить.

– Сказки, – уверенно сказал ухажер. – Народу лишь бы поболтать, выдумывают всякие теории.

Павел обернулся к нему:

– Есть поумнее нас с тобой. Понял?

Ухажер не понял.

– Ну и что?

– А то, что не надо зря вякать. «Сказки»...

Ухажер, глядя сверху на Павла, снисходительно усмехнулся:

– Верь, верь, мне-то что.

– Каждый из себя ученого корчит... – Павел сердито высморкался. – Расплодилось ученых: в собаку кинь – в ученого попадешь.

Ухажер опять усмехнулся и посмотрел на Федора. И ничего не сказал. Замолчали. Под ногами тонко пела дорога: взык-взык, взык-взык... Ветер маленько поослаб.

Вышли за город. Остановились закурить.

– Теперь так: этот лесок пройдем, спустимся в лог, пройдем логом – ферма

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Светлоозерская будет. От той фермы дорога повернет вправо, к реке... Там пасека
попадется. А там километров шесть – и Буланово, – объяснил Павел.

Пошли.

– А ты чего в городе делаешь? – спросил вдруг Федор, оглянувшись на ухажера.

– Как?

– Где работаешь-то?

– А? По снабжению. – Ухажер расправил плечи, весело посмотрел вперед.
Положительно у него были хороши дела. Он радовался предстоящей встрече.

– Воруюсь? – поинтересовался Павел.

– Зачем? – Снабженец не обиделся. – Кто ворует, тот в тюрьме сидит. А я, как
видишь, вольный человек.

– Значит, умеешь.

– А к кому в гости идешь? – опять спросил Федор.

Снабженец ответил не сразу и неохотно.

– Так... к знакомым.

– Сколько ты, интересно, получаешь в месяц? – Павла взволновал вопрос: ворует
этот человек или нет?

– Девятьсот восемьдесят. По-старому, конечно.

– А семья какая?

– Четверо со мной.

– Жена работает?

– Нет.

– Давай считать, – зловеще сказал Павел. – Двое ребятёшек – обувь, одеть: пару
сот уходит в месяц? Уходит. Жена... тоже небось принарядиться любит: клади две
сотни, а то и три. Пятьсот? Себе одеться – двести. Семьсот?... А то и все
девятьсот: выпить тоже, как видно, не за ворот льешь. Так? На пропитанье клади
пять-шесть сот – сколько выходит? А ты одет-то вон как – одна доха небось тыщи
две с половиной...

– Две семьсот, – не без гордости поправил снабженец.

– Вот!

– Уметь надо жить, дорогой товарищ. А это последнее дело: увидел, что человек
хорошо живет, – значит, ворует. Легче всего так рассуждать.

– А где же ты берешь-то?!

– Уметь надо, говорю. И без воровства умные люди крепко живут. Голову надо иметь
на плечах.

Павел безнадежно махнул рукой. И замолчал.

Прошли лесок. Остановились еще закурить.

– Половинку прошли, – сказал довольный Павел и похлопал себя руками по бокам. –
Счас там пельмешки заворачивают!.. Водочка в сенцах стоит, зараза. С морозца-то
так оно это дело пойдет! Люблю празднички, грешная душа.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– А чего ты без жены в гости поехал? – спросил Федор, глядя на снабженца спокойно и презрительно.

Тот нехорошо прищурился, окинул громадного Федора оценивающим взглядом, сказал резко:

– А твое-то какое дело? – Он, видно, стал догадываться, куда клонит Федор. – Что тебе до моей жены?

Федор и Павел удивленно посмотрели на своего попутчика: как-то он очень уж просто и глупо разозлился. Павел качнул головой:

– Не глянется.

– Мне до твоей жены нету, конечно, дела, – вяло согласился Федор. – Интересно просто.

Пошли дальше.

Прошли еще километра три-четыре, прошли лог, свернули вправо.

Стало быстро темнеть. И вместе с темнотой неожиданно потеплело. Небо заволочлось низкими тучами. Подозрительно тихо сделалось.

– Чувствуете, товарищи? – встревоженно сказал снабженец.

– Чувствуем! – насмешливо откликнулся Павел; они с Федором шли впереди.

Еще прошли немного.

Федор остановился, выплюнул на снег окурок, спокойно, ни к кому не обращаясь, сказал:

– Счас дунет.

– Твою мать-то, – заругался снабженец и оглянулся кругом – было совсем темно. И все та же зловещая давила тишина.

– Успеем, – сказал Павел. – Поднажмем малость.

Федор двинулся вперед. За ним – Павел и снабженец.

– А если не успеем? – спросил снабженец. – А?

– Отстань, ну ты! – обозлился Павел. – Трухнул уже?

Пошел снег. Поначалу сыпал сухой и мелкий, потом повалил густо, хлопьями. Все пространство от земли до неба наполнилось тихим шорохом.

Так продолжалось недолго. Стал дергать нехолодный ветер, и с каждым разом порывы его крепчали.

Через десять минут вверху загудело.

– Так, – сказал снабженец, останавливаясь. Но оба его спутника молча продолжали идти вперед. Снабженец догнал их.

Ветер сперва кружил: то в спину толкал, то с боков. Потом наладился встречный – в лоб. В ушах засвистело, в лицо полетели тысячи маленьких холодных пуль.

Дорогу перемело; ноги то и дело вязли в сугробе.

Павел раза три отбегал в сторону, пропадая во тьме. Появлялся и кричал бодро:

– Верно идем!

А идти становилось все труднее. Ветер ревел, бил людей холодными мокрыми ладонями, пытался свалить с ног. Вверху нечто безобразно огромное, сорвавшееся с

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
цепей, бесновалось, рыдало, выло..

Снабженец путался в длинной дохе, падал. Один раз упал и потерял рукавицу.

– Э-э! – заорал он, ползая в снегу. – Подождите!

К нему подошел Федор. Долго вместе искали рукавицу. Нашли. Федор помог снабженцу подняться.

Павел топтался на снегу кругами – хотел понять: на дороге они или сбились.

– Где же пасека-то твоя?! – не скрывая раздражения, крикнул снабженец.

– Будет и пасека! Все будет... – ответил Павел. – Терпение! – Он надолго пропал в темноте.

Федор и снабженец стояли рядом, спинами к ветру.

– Трепач он, – сказал снабженец.

Федор повернул к нему голову.

– Я говорю, сбился он! – повторил снабженец.

Федор промолчал. Он знал это.

Неожиданно рядом появился Павел.

– Так, братики!.. – Он коротко и невесело хохотнул. – Маленько того... заблудились!

– Как? – спросил снабженец.

– Но я направление примерно знаю. Надо идти.

– Как заблудились?! – опять спросил снабженец.

– «Как! Как!» – озверел Павел. – Пасека должна быть, а ее нету, вот как! Заладил, блохастый!

– Ты что, смеешься, что ли?

– Пошли! – скомандовал Павел. – Главное, идти, не стоять. Я направление знаю: на ветер надо идти.

Федор послушно двинулся вперед – на ветер.

– Да куда идти?! Куда идти?! – перекрывая вой ветра, заорал снабженец. – Вы что, маленькие, что ли?!

Ему не ответили. Двое удалялись от него. Он догнал их, схватился за полушубок Федора, быстро заговорил:

– Надо счас в снег зарыться, переждать!.. Я слышал, так делают. Мы же пропадем иначе. Выбьемся из сил и пропадем! Он же не знает, куда идти!..

Федор, не оборачиваясь, крикнул:

– Ничо, шагай!

С полчаса медленно, с отчаянным злым упорством шли навстречу ветру, проваливаясь по колена в снег.

Ветер неистовствовал.

Павел остановился наконец, долго соображал, бессмысленно вглядываясь в ревущую тьму.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну?! – крикнул Федор.

– Придется выходить на тракт. На деревню можем не попасть – ни черта не видно! Сворачиваем! – распорядился он.

– Сволочь! – громко сказал снабженец.

Это услышали; Павел повернулся и пошел было к нему, но Федор подтолкнул его вперед.

– Дерьмо собачье, – проворчал Павел.

Опять трое, перегнувшись пополам, медленно побрели по целику. Ветер теперь бил слева. Еще прошло какое-то время.

– Я больше не могу! – заявил снабженец. – Все!

Остановились.

– Как это не можешь? – спросил Павел.

– Не могу! Ясно?.. – Снабженец глотнул ветра, закашлялся. – Надо же... кха-кха-кха!.. Надо ж понимать, идиоты! Никуда нам не выйти! – Он сел на снег и согнулся в новом приступе кашля. – Я зарююсь в снег и пережду.

К нему подошел Павел. Склонился.

– Идти надо, чего ты слюни-то распустил! Куда зароешься, дура сырая?.. Замерзнешь тут, как кочерыжка, и все. Он на сутки зарядил, не меньше. Идти надо!

– Уйди от меня, трепач! – взвизгнул снабженец и заматерился.

Павел облапил его, стал поднимать.

– Пойде-ешь!.. Как исусик, пойдешь у меня, ухажер сучий. Я те зарююсь...

Снабженец отчаянно упирался, хрипло, всхлипами дышал... Плюнул в лицо Павлу.

– Гад! Завел!..

Павел развернулся и навесил снабженцу в челюсть. Тот упал в снег. Федор, стоявший до этого в сторонке, подошел к ним, оттолкнул Павла. Взяв снабженца за грудки, поднял.

– Кому сказано: идти! А то, если я разок вмажу, от тебя одна доха останется. Шагай!

Снабженец покорно пошел.

– погоди, – сказал Федор. – Давай твою доху, а сам надевай мой полушубок – легче будет.

Снабженец молча снял доху, надел легкий, удобный в ходьбе полушубок.

Павел вышел вперед... И опять пошли.

Часа в четыре ночи Павел остановился, расстегнул полушубок, вытряхнул из-за пазухи снег, сказал без особой радости:

– Буланово – собак слышно. – Он устал смертельно.

Постучались в крайнюю избу.

Их спросили из-за двери, кто они, откуда... Павел назвал себя, Федора. Им сказали, что не знают таких. Павел заорал:

– Вы что, с ума там посходили?! Люди подышают, а они допрос учинили!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Вышибай дверь, – робко и устало посоветовал снабженец.

Их впустили.

В избе выяснилось: это не Буланово, а зверосовхоз «Маяк». Павел аж присвистнул.

– Какого кругалья дали!

Снабженец осторожно отряхивался у порога. Федор снял доху, повесил на стену. Снабженец снял ее, вынес в сенцы и там долго отряхивал с нее снег.

– Водки теперь, конечно, не достать? – спросил Павел.

– Какая водка! – воскликнул хозяин, зевая и кутаясь в одеяло – в избе выстыло. Из-за его спины выглядывала недовольная заспанная жена. – Я б сейчас сам с удовольствием похмелился.

– Ну, нет так нет. На нет, говорят, и спроса нет, – грустно согласился Павел.

Снабженец долго устраивал доху на вешалку, потом присел на припечье.

– Давай спать, Федор, – сказал Павел. – Небось не простынем.

Они расстелили на полу полушубки, легли не раздеваясь. Хозяин дал им укрыться свой тулуп. Снабженец залез на печку. Погасили свет.

– Стрелили Новый год, – вздохнул Павел. – Язви ты в душу.

Буран колотил по крыше дома. В печной трубе тоскливо завывало. Во дворе, под окнами, скулила собака. Громко хлопали ворота – когда входили, забыли их закрыть.

– Ворота-то... черти вы такие, – сказал хозяин. – Расхлещет теперь.

Пришельцы промолчали – никому не хотелось идти закрывать ворота.

Минут десять лежали тихо.

– Слышь, на печке! – строго сказал Павел. – У тебя есть водка. В карманах, в дохе. Я видел вчера. Мы же отдадим тебе...

– Была, – откликнулся негромко снабженец. – Потерял я ее. Выронил.

Павел повернулся на бок и затих.

С печки послышалось ровное посапывание. Павел неслышно поднялся, подошел к дохе снабженца и стал шарить по карманам – искал водку. Водки действительно не было. В одном кармане он наткнулся на какой-то странный колючий предмет. Павел вытащил его, зажег спичку – то была маленькая капроновая елочка, увешанная крошечными игрушечками. Елочка была мокрая и изрядно помятая у основания. У крестовинки прикреплена бумажка, и на ней написано печатными буквами: «Нюсе, моей голубушке. От Мити».

– Положь на место, – сказал вдруг снабженец с печки.

Павел положил елочку в карман дохи, лег.

– К Нюрке опять пошел? – спросил он.

Скоро все заснули.

– Не твое дело.

– «Митя», – передразнил Павел. – Какой же ты Митя? Ты уж, слава те господи, целый Митька.

– Огурцов Укроп Помидорович, – зачем-то сказал Федор. И хмыкнул.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– До чего ушлый народ! – возмутился Павел. – Залезет вот такой гад в душу с разными словами – и все, и полный хозяин там...

– Пошли вы к черту! – громко сказал снабженец. – Чего вы злитесь-то, как собаки?

– Да хватит вам, – заворчал хозяин. – Нашли время разговаривать. Дайте доспать нормально.

Замолчали.

Хозяин через три минуты захрапел.

– А то злятся все, как собаки, – сказал снабженец с печки. – Не глянется, что лучше вас живу?

Павел и Федор не сразу нашлись, что на это ответить.

– Закрой варежку, – сказал наконец Павел. – Ворюга.

– Ты меня поймал, чтоб так говорить? – повысил голос снабженец.

Чувствовалось, что он привстал.

– Я тебя по походке вижу.

– Нет, ты поймал меня?

– Сдался ты мне – ловить тебя. А от Нюрки тебя, поганца, отвадим, заранее говорю. Придешь седня, мы там поговорим.

– Да какое ваше дело?! – почти закричал снабженец.

Проснулся хозяин.

– Ну, ребята, – сердито заговорил он, – пустил вас, как добрых, так вы теперь соснуть не даете. Чего вы орете-то? Что, дня не хватает для разговоров ваших дурацких?

Замолчали. Долго лежали так.

– Как собаки, накинутся... – шепотом сказал снабженец.

– Гад, – тоже шепотом сказал Павел. – «Милой голубушке...» Голубчик нашелся. Я тя седня в деревне приголублю.

Федор хохотнул в рукав.

– Мужики, у вас совесть есть или нету? – совсем зло сказала хозяйка. – Вы что?!

– Все, спим, – серьезно сказал Павел. – Давай спать, Федор.

Скоро все заснули.

К утру буран улегся.

Павел с Федором проспали; снабженца в избе уже не было.

– Ушел, – сказал хозяин.

Выпили с хозяином две бутылки водки и пошли навеселе в Буланово.

Двенадцать километров отшагали незаметно.

В Буланове завернули еще в чайную, еще подкрепились... Совсем хорошо стало на душе.

– Пошли к Нюрке зайдем? – предложил Павел. – Поглядим на их...

– Пошли, – согласился Федор.

– Мне все же охота поговорить с им, – не терпелось Павлу. – Доху надел... Сука! А я полушубок не мог взять: по шестьдесят восемь рублей привозили, не мог занять ни у кого. А что я, хуже его работаю?! – Павел кричал и размахивал руками. – Что я, хуже его?!

Федор молчал.

Нюра ждала гостей... Только не этих. Сидела в прибранной избе – нарядная, хорошая. Стол был застелен камчатной скатертью; на нем стоял начищенный самовар – и все пока, больше ничего. В избе было празднично.

– А где он? – сразу спросил Павел.

– Кто?

– Этот гусь... В дохе-то?

Нюра покраснела.

– Никого здесь нету. Вы чего?

– Не пошел, – сказал Федор. – Он обратно в город уехал.

– А-а... струсил! – Павел был доволен. Стал рассказывать Нюре: – Шли ночью с твоим... ухажером. Елочку тебе нес, гад такой. И, главное, написал: «От голубчика Мити». Я говорю: если, говорю, я тебя еще раз увижу у Нюрки, ноги повыдергаю. Ты, говорю, недостойный ее! Ты же так ездешь – лишь бы время провести, а ей мужа надо. Да не такого мозгляка, а хорошего мужика! – Не замечал Павел, как меняется в лице Нюра, слушая его. – А ты гони его, если он еще придет! Гони метлой поганой! Митя мне, понимаешь...

Федор смотрел на Нюру. Молчал.

– Спасибо, Павел, – сказала Нюра.

– Ты мне скажи, когда он придет...

– Спасибо тебе. Позаботился. А то сидишь одна – и никому-то до тебя нету дела. А ты вот пришел... позаботился... – Нюра отвернулась к окну, кашлянула.

– А чего? – не понял Павел.

– Ничего. Спасибо... – Голос Нюры задрожал. Она вытерла уголком платка слезы.

– Пошли, – сказал Федор.

– А ты чего, Нюр? – все хотел понять Павел.

– Пошли, – опять сказал Федор. И подтолкнул Павла к двери. Вышли.

– А чего она?

– Зря, – сказал Федор. – Не надо было.

– Чего она, обиделась, что ли?

Федор не ответил.

– Ей же, понимаешь, делаешь лучше, она – в слезы. Бабье!

– Трепесся много, – сказал Федор. – Как сорока на колу. У вас все в роду трепачи были. Балаболки.

– А ты-то чо? – Павел приостановился от неожиданности.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Федор как шагал, так продолжал шагать.

– Федор! – крикнул Павел. – Пошли, у меня пара бутылок дома есть. Пошли?

Федор свернул в свой переулок – не оглянулся. Павел постоял немного в раздумье. Плюнул в сердцах и тоже пошел домой.

– Пошли вы все!.. Им же, понимаешь, лучше делаешь, а они... строят из себя. Я же виноват, понимаешь. Народ!

Ваня, ты как здесь?!

У Проньки Лагутина в городе Н-ске училась сестра. Раз в месяц Пронька ездил к ней, отвозил харчи и платил за квартиру. Любил поболтать с девушками-студентками, подругами сестры, покупал им пару бутылок красного вина и учил:

– Вы, главное, тут... смотрите. Тут народ разный. Если он к тебе: «Вы, мол, мне глянетесь, то-се, разрешите вас под ручку», – вы его по руке: «Не лезь! Мне, мол, сперва выучиться надо, а потом уж разные там дела. У меня, мол, пока одна учеба на уме».

В один из таких приездов Пронька, проводив утром девушек в институт, решил побродить до поезда по городу. Поезд уходил вечером.

Походил, поглазел, попил воды из автоматов... И присел отдохнуть на скамейку в парке. Только присел, слышит:

– Молодой человек, простите, пожалуйста. – Подошла красивая молодая женщина с портфелем. – Разрешите, я займу минутку вашего времени?

– Зачем? – спросил Пронька.

Женщина присела на скамейку.

– Мы в этом городе находимся в киноэкспедиции...

– Кино фотографируете?

– Да. И нам для эпизода нужен человек. Вот такого... вашего типа.

– А какой у меня тип?

– Ну... простой... Понимаете, нам нужен простой сельский парень, который в первый раз приезжает в город.

– Так, понимаю.

– Вы где работаете?

– Я приезжий, к сестре приезжал...

– А когда уезжаете?

– Сегодня.

– Мм... тогда, к сожалению, ничего не выйдет. А у себя... в селе, да?..

– Но.

– У себя в селе где работаете?

– Трактористом.

– Нам нужно, чтоб вы по крайней мере неделю побыли здесь. Это нельзя?

– Трудно. Сейчас самое такое время.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Понимаю. Жаль. Извините, пожалуйста. – Женщина пошла было, но вернулась. – А знаете, у вас есть минут двадцать времени?

– Есть.

– Я хочу показать вас режиссеру... для... как вам попроче: чтобы убедиться, в том ли мы направлении ищем? Вы не возражаете? Это рядом, в гостинице.

– Пошли.

По дороге Пронька узнал, как будет называться кино, какие знаменитые артисты будут играть, сколько им платят...

– А этот тип зачем приезжает в город?

– Ну, знаете, искать свою судьбу. Это, знаете, из тех, которые за длинным рублем гоняются.

– Интересно, – сказал Пронька. – Между прочим, мне бы сейчас длинный рубль не помешал: домишко к осени хочу перебрать. Жениться надо, а в избе тесно. Пойдут ребяташки – повернуться негде будет. У вас всем хорошо платят?

Женщина засмеялась.

– Вы несколько рановато об этом. А вы могли бы с неделю пожить здесь?

– Неделю, думаю, мог бы. Я дам телеграмму, что...

– Нет, пока ничего не нужно. Ведь вы можете еще не подойти...

– Вы же сказали, что я как раз тот самый тип!

– Это решает режиссер.

Режиссер, худощавый мужчина лет за пятьдесят, с живыми умными глазами, очень приветливо встретил Проньку. Пристально, быстро оглядел его, усадил в кресло.

Милая женщина коротко рассказала, что сама узнала от Проньки.

– Добре, – молвил режиссер. – Если дело пойдет, мы все уладим. А теперь оставьте нас, пожалуйста, мы попробуем... поиграть немного.

Женщина вышла.

– Как вас зовут, я забыл?

– Прокопий. – Пронька встал.

– Сидите, сидите. Я тоже сяду. – Режиссер сел напротив. Весело смотрел на Проньку. – Тракторист?

– Ага.

– Любите кино?

– Ничего. Редко, правда, бывать приходится.

– Что так?

– Да ведь... летом, почёсть, все время в бригаде, а зимой на кубы уезжаем...

– Что это такое?

– На лесозаготовки. Женатые-то дома, на ремонте, а холостежь – вроде меня – на кубы.

– Так, так... Вот какое дело, Прокопий. Есть у нас в фильме эпизод: в город из деревни приезжает парень. Приезжает в поисках лучшей судьбы. Находит знакомых. А

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru знакомство такое... шапочное: городская семья выезжала летом отдохнуть в деревню, жила в его доме. Это понятно?

– Понятно.

– Отлично. Дальше: городская семья недовольна приездом парня – лишняя волокита, неудобства... и так далее. Парень неглупый, догадывается об этом и вообще начинает понимать, что городская судьба – дело нелегкое. Это его, так сказать, первые шаги. Ясно?

– А как же так: сами жили – ничего, а как к ним приехали – не нравятся.

– Ну... бывает. Кстати, они не так уж и показывают, что недовольны его приездом. Тут все сложнее. – Режиссер помолчал, глядя на Проньку. – Это непонятно?

– Понятно. Темнят.

– Темнят, да. Попробуем?.. Слова на ходу придумаем. А?

– А как?

– Входите в дверь – перед вами буду не я, а те ваши городские знакомые, хозяин. Дальше – посмотрим. Ведите себя как бог на душу положит. Помните только, что вы не Прокопий, Пронька, а тот самый деревенский парень. Назовем его – Иван. Давайте!

Пронька вышел из номера... и вошел снова.

– Здравствуйте.

– Надо постучаться, – поправил режиссер. – Еще раз.

Пронька вышел и постучал в дверь.

– Да!

Пронька вошел. Остановился у порога. Долго молчали, глядя друг на друга.

– А где «здравствуйте»?

– Я же здоровался.

– Мы же снова начали.

– Снова, да?

Пронька вышел и постучался.

– Да!

– Здравствуйте!

– О, Иван! Входите, входите, – «обрадовался» режиссер. – Проходите же! Каким ветром?

Пронька заулыбался.

– Привет! – Подошел, обнял режиссера, похлопал его по спине. – Как житуха?

– А чего ты радуешься? – спросил режиссер.

– Тебя увидел... Ты же тоже обрадовался.

– Да, но разве ты не чувствуешь, что я притворно обрадовался? Дошло?

– А чего тебе притворяться-то? Я еще не сказал, что буду жить у вас. Может, я только на часок.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Режиссер наморщил лоб, внимательно посмотрел в глаза Проньке.

– Пожалуй, – сказал он. – Давай еще раз. Я поторопился, верно.

Пронька опять вышел и постучался.

Все повторилось.

– Ну, как житуха? – спросил Пронька, улыбаясь.

– Да так себе... А ты что, по делам в город?

– Нет, совсем.

– Как совсем?

– Хочу артистом стать.

Режиссер захохотал.

Пронька выбился из игры.

– Опять снова?

– Нет, продолжай. Только – серьезно. Не артистом, а... ну, в общем, работать на трикотажную фабрику. Так ты, значит, совсем в город?

– Ага.

– Ну и как?

– Что?

– А где жить будешь?

– У тебя. Вы же у меня жили, теперь я у вас поживу.

Режиссер в раздумье походил по номеру.

– Что-то не выходит у нас... Сразу быка за рога взяли, так не годится, – сказал он. – Тоньше надо. Хитрее. Давай оба притворяться: я недоволен, что ты приехал, но как будто обрадован; ты заметил, что я недоволен, но не показываешь виду – тоже радуешься. Попробуем?

– Попробуем. Мне глянется такая работа, честное слово. Если меня увидят в кино в нашей деревне, это будет огромный удар по клубу, его просто разнесут по бревнышку.

– Почему разнесут?

– От удивления. Меня же на руках вынесут!..

– М-да... Ну, давайте пробовать. А то как бы меня потом тоже не вынесли из одного дома. От удивления.

Пронька вышел в коридор, постучался, вошел, поздоровался. Все это проделал уверенно, с удовольствием.

– Ваня! Ты как здесь?! – воскликнул режиссер.

– А тебя как зовут?

– Ну, допустим... Николай Петрович.

– Давай снова, – скомандовал Пронька. – Говори: «Ваня, ты как здесь?!»

– Ваня, ты как здесь?!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Нет, ты вот так хлопни себя руками и скажи: «Ваня, ты как здесь?!» – Пронька показал, как надо сделать. – Вот так.

Режиссер потрогал в раздумье подбородок и согласился.

– Хорошо. Ваня, ты как здесь?! – хлопнул руками.

Пронька сиял.

– Здорово, Петрович! Как житуха?

– Стоп! Я не вижу, что ты догадываешься о моем настоящем чувстве. Я же недоволен! Хотя... Ну хорошо. Пойдем дальше. Ты все-таки следи за мной внимательней. Ваня, ты как здесь?!

– Хочу перебраться в город.

– Совсем?

– Ага. Хочу попробовать на фабрику устроиться...

– А жить где будешь? – сполз с «радостного» тона Николай Петрович.

– У тебя. – Проньку не покидала радость. – Телевизор будем вместе смотреть.

– Да, но у меня тесновато, Иван...

– Проживем! В тесноте – не в обиде.

– Но я же уже недоволен, Иван... то есть, Проня! – вышел из терпения режиссер. – Разве не видишь? Я уже мрачнее тучи, а ты все улыбаешься.

– Ну и хрен с тобой, что ты недоволен. Ничего не случится, если я поживу у тебя с полмесяца. Устроюсь на работу, переберусь в общагу.

– Но тогда надо другой фильм делать! Понимаешь?

– Давай другой делать. Вот я приезжаю, так?..

– Ты родом откуда? – перебил режиссер.

– Из Колунды.

– А хотел бы действительно в городе остаться?

– Черт ее... – Пронька помолчал. – Не думал про это. Вообще-то нет. Мне у нас больше глянется. Не подхожу я к этому парню-то?

– Как тебе сказать... – Режиссеру не хотелось огорчать Проньку. – У нас другой парень написан. Вот есть сценарий... – Он хотел взять со стола сценарий, шагнул уже, но вдруг повернулся: – А как бы ты сделал? Ну, вот приехал ты в город...

– Да нет, если уж написано, то зачем же? Вы же не будете из-за меня переписывать.

– Ну а если бы?

– Что?

– Приехал ты к знакомым...

– Ну, приехал... «Здрате!» – «Здрате!» – «Вот и я пожаловал». – «Зачем?» – «Хочу на фабрику устроиться...»

– Ну?

– Все.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А они недовольны, что тебе придется некоторое время у них жить.

– А что тут такого, я никак не пойму? Ну, пожил бы пару недель...

– Нет, вот они такие люди, что недовольны. Прямо не говорят, а недовольны, видно. Как тут быть?

– Я бы спросил: «Вам што, не глянется, што я пока поживу у вас?»

– А они: «Да нет, Иван, что ты! Пожалуйста, располагайся!» А сами недовольны, ты это прекрасно понимаешь. Как быть?

– Не знаю. А как там написано? – Пронька кивнул на сценарий.

– Да тут... иначе. Ну а притвориться бы ты смог? Ну-ка давай попробуем? Они плохие люди, черт с ними, но тебе действительно негде жить. Не ехать же обратно в деревню. Давай с самого начала. Помни только...

Зазвонил телефон. Режиссер взял трубку.

– Ну... ау... Да почему?! Я же говорил!.. Я показывал, какие! А, черт!.. Сейчас спущусь. Иду. Проня, подожди пять минут. Там у нас путаница вышла...

– Не слушаются? – поинтересовался Пронька.

– Кого? Меня?

– Но.

Режиссер засмеялся.

– Да нет, ничего... Я скоро. – Режиссер вышел.

Пронька закурил.

Вбежала красивая женщина с портфелем. На ходу спросила:

– Ну, как у вас?

– Никак.

– Что?

– Не выходит. Там другой написан.

– Режиссер просил подождать?

– Ага.

– Значит, подождите. – Женщина порылась в стопке сценариев, взяла один... – Может, вам сценарий пока дать почитать? Почитайте пока. Вот тут закладочка – ваш эпизод.

Она сунула Проньке сценарий, а сама с другим убежала. И никакого у нее интереса к Проньке больше не было. И вообще Проньке стало почему-то тоскливо. Представилось, как приедет завтра утром к станции битком набитый поезд, как побегут все через площадь – занимать места в автобусах... А его не будет там, и он не заорет весело на бегу: «Давай, бабка, кочегарь, а то на буфере поедешь!» И не мелькнут потом среди деревьев первые избы его деревни. Не пахнет кизячным дымом... Не встретит мать на пороге привычным: «Приехал. Как она там?» И не ответит он, как привык отвечать: «Все в порядке». – «Ну, слава богу».

Он положил сценарий на стол, взял толстый цветной карандаш и на чистом листке бумаги крупно написал:

«Не выйдет у нас.

Лагутин Прокопий».

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
И ушел.

Заревой дождь

Был конец апреля. С карнизов домов срывались крупные капли, теплый ветер сдувал их, они мягко шлепались в стекла окон и медленно сползали.

Ефим Бедарев лежал в районной больнице, в маленькой палате, на плоской койке. Он почернел от болезни. Устал.

Часто заходил врач, молодой парень.

– Ну, как дела?

– Как сажа бела, – с трудом отвечал Ефим; в темных глазах его на миг вспыхивала странная веселость. – Подвожу баланс.

– Бросьте вы!..

– Я шутейно, – успокаивал Ефим. Ему нравился доктор: он был до смешного молодой и застенчивый – этот доктор.

– Лекарство пили?

– А как же! Лучше стало – чую.

Доктор пытливо смотрел на больного. Тот спокойно выдерживал его взгляд.

– Не веришь? Хэх, доктор!.. До чего же ты молодой еще. Прямо завидки берут.

Доктор краснел.

– Как это не верю! Зачем вы так?..

Ефим легонько хлопал его по руке.

– Все в порядке, сынок: я понимаю. Я не жалеюсь... Мне бы только дочь...

– Ей послали телеграмму.

– Вот хорошо! – Ефим хотел увидеть единственную дочь Нину. – Это хорошо.

В полдень, когда в палате никого не было, в открытое окно, с улицы, заглянул человек в белом полушубке. Оглядел палату, снял с огромной головы мерлушковую шапку и лег грудью на подоконник. В палате запахло талой землей и овчиной.

– Здорово, Ефим.

Больной повернул голову и от удивления округлил глаза. Пошевелился – хотел приподняться, но человек в полушубке замахал рукой:

– Лежи!

Ефим внимательно смотрел на пришельца.

– Зашел попроведать, – заговорил тот, глядя раскосыми глазами не то на больного, не то мимо. – Как делишки, Ефим?

Ефим усмехнулся.

– Хорошо.

Большеголовый понимающе кивнул. Вылез из окна, высморкался на землю и снова влез и лег на подоконник.

Некоторое время смотрели друг на друга.

– Значит, как я понимаю, плохо дело, – сказал большеголовый и опять понимающе

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru кивнул.

– Ты для чего приполз сюда? – спросил Ефим.

– А приехал в гости к зятю, – охотно заговорил большеголовый, – ну, узнал, что ты, значит, прихворнул. Ага. Ну, сидел на крылечке, и так меня разморило. Вот, думаю, весна, хорошо, солнышко светит. Да-а... А помирать все одно надо. – Он полез в карман полушубка за кисетом. – И опять же так подумал: вот живем мы, живем – вроде так и надо. О смертыньке-то и не думаем. А она – раз! – тут как тут. Здравсте, говорит, забыли про меня? – Большеголовый посмотрел прямо на Ефима. – Взять хоть тебя, Ефим... – Он долго слюнявил край газетной самокрутки.

– Ну?

– Ну, жил, думаю, человек... активничал там, раскулачивал... э-э... и все такое. – Большеголовый прикурил, заботливо отмахнул от окна белое облачко дыма. – Крест с церкви тогда своротил. Помнишь?

– Помню, как же.

– Во-от. Я к чему это: там есть бог или нету – это ладно. Не про то счас. Я хочу узнать: как вобще-то?

– Что?

– Мучаешься?

– Хочешь знать: мучает меня совесть, что я вас раскулачивал? Это, што ли?

– Ага, вот это самое.

– Нет, Кирилл, не мучает. Нисколько. А бога ты зря приплел. Ты ж сам не веришь. Хоть бы сейчас-то не вилял душой.

Кирилл усмехнулся.

– Богу не верю – это правда. Ему, как я понимаю, никто не верит, притворяются только.

– Молодец. Хоть на старости лет за ум взялся.

– Не радуйся шибко-то. – Большеголовый назидательно посерьезнел. – Я тебя не пужаю, Ефим, но хочу сказать: кто в жизни обижал людей, тот легко не умирает.

– Ой, как я испугался, прямо трясусь весь. Дурак ты, Кирька, и всегда дураком был. Хэх, блаженненький явился...

– Это ты передо мной веселишься, – продолжал Кирька. – А самому страшно.

– А я не помру. Откуда ты взял, что я помираю?

– Ничего, ничего, – значительно сказал Кирька и затянулся трескучим самосадам.

Вошел доктор.

– Это еще что такое? – нахмурился он, увидев Кирьку.

– Это... сосед мой, – сказал Ефим. – Пусть постоит.

– Бросьте курить-то! И лучше бы уйти...

– Нет, – запротестовал Ефим, – пусть побудет.

Кирька сполз с подоконника, старательно затоптал окурочек.

Врач заставил Ефима выпить лекарство, посидел немного рядом с ним и ушел.

Кирька снова лег на подоконник.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Хороший уход здесь, – сказал он.

– «Хороший уход здесь», – передразнил его Ефим, неожиданно почему-то рассердившись. – Оглоеды.

– Не шуми. Это тебе не сельсовет, а больница.

Помолчали.

– Гляжу я на тебя, Ефим, – заговорил вдруг Кирька задумчиво и негромко, – и не могу понять: ведь сколько ты мне вреда сделал! Хозяйство отобрал, по тайге гонял, как зверя какого, сослал вон куда – к черту на кулички... Так? А зла у меня на тебя нету большого. Не то что совсем нету: подвернись тогда в тайге, я ба, конечно, хлопнул. Но такого, чтоб света белого не видеть, такого нету. Один раз, помню, караулил у твоей избы чуть не до рассвета. Сидел ты с бумажками прямо наспротив окна. Раз десять прицеливался и не мог. Не поверишь, наверно? В тайге мог ба, а дома нет. Сижу, ругаю себя последними словами, а стрельнуть не могу.

Ефим скатил по подушке голову в сторону Кирьки, с любопытством слушал.

– Ты какой-то все-таки ненормальный был, Ефим. Не серчай – не по злобе говорю. Я не лаяться пришел. Мне понять охота: почему ты таким винтом жил – каждой бочке затычка? Ну, прятал я хлеб, допустим. А почему у тебя-то душа болела? Он ведь мой, хлеб-то.

– Дурак, – сказал Ефим.

– Опять – дурак! – обозлился Кирька. – Ты пойми – я ж сурьезно с тобой разговариваю. Чего нам с тобой теперь делить-то? Насобачились на свой век, хватит.

– Чего тебе понять охота?

– Охота понять: чего ты добивался в жизни? – терпеливо пытал Кирька. – Каждый человек чего-то добивается в жизни. Я, к примеру, богатым хотел быть. А ты?

– Чтоб дураков было меньше. Вот чего я добивался.

– Тьфу!.. – Кирька полез за кисетом. – Я ему одно, он – другое.

– Богатым он хотел быть!.. За счет кого? Дурак, дурак, а хитрый.

– Сам ты дурак. Трепач. Новая жись!.. Сам не жил как следует и другим не давал. Ошибся ты в жизни, Ефим.

Ефим закашлялся. Высохшее тело его долго содрогалось и корчилось от удушающих приступов. Он смотрел на Кирьку опалаяющим взглядом, пытался что-то сказать.

Вошел доктор и бросился к больному.

Кирька слез с окна и пошел из ограды.

К вечеру, когда больничные окна неярко пламенели в лучах уходящего солнца, Ефиму Бедареву стало хуже.

Он лежал на спине, закинув руки назад. Время от времени тихо стонал, сжимал непослушными пальцами тонкие прутья кровати, напрягался – хотел встать. Но болезнь не выпускала его из своих цепких объятий, жгла губительным огнем: жаром дышала в лицо, жарко, мучительно жарко было под одеялом, в жарком тумане качались стены и потолок...

Над Ефимом стояли врач и дочь Нина, женщина лет тридцати, только что приехавшая из города.

– Что сейчас?.. Ночь? – спрашивал Ефим, очнувшись.

– Вечер, солнце заходит.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Закурить бы...

– Нельзя, что вы!

– Ну, пару раз курнуть, я думаю, можно?

– Да нельзя, нельзя! Как же можно, папа?!

Ефим обиженно умолкал... И снова терял сознание, и снова хотел встать – упорно и безнадежно. Один раз в беспамятстве ему удалось сесть в кровати. Дочь и доктор хотели уложить его обратно, но он уперся рукой в подушку, а другой торопливо рвал ворот рубашки и тихонько, горячо, со свистом в горле шептал:

– Да к чему же?.. К чему?.. Я же знаю! Я все знаю!.. – В сухих воспаленных глазах его мерцал беспокойный трепетный свет горькой какой-то мысли.

Кое-как уложили его... Дочь припала к отцу на грудь, затряслась в рыданиях.

– Папа! Папочка мой хороший!.. Папа!..

Доктор увел женщину из палаты и остался с больным один.

Ефим притих.

Врач сидел на кровати, смотрел на него.

– Кирька! – позвал Ефим, не открывая глаз.

– Чего? – откликнулся чей-то голос.

Врач вздрогнул и обернулся – у окна стоял Кирька и глядел на Ефима. Он давно уж наблюдал за непосильной борьбой человека со смертью.

– Вы что тут?

– Смотрю...

– Это кто? Кирька? – спросил Ефим.

– Я.

– Пришел?

– Ага.

– Ничего, Кирька... – Ефим жадно дышал. – Я потом с тобой потолкую... Конечно, жалко малость...

– Ничего. Лежи, Ефим.

Врач ничего не понял из этого странного разговора. Он решил, что Ефим опять бредит, и сделал знак Кирьке, чтобы тот ушел: больной волновался.

Кирькина голова исчезла.

Ночь кончалась. Заревая сторона неба нахмурилась тучами. Повеяло затхлым теплом болотистых низин – собирался дождь.

Где-то прогудела машина; несколько кобелей-цепняков простуженно забухали в рассветную тишину.

Над Ефимом склонились врач и дочь.

– Всё? – спросил Ефим одними губами.

У женщины запрыгал подбородок. Врач воскликнул:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Что это вы, Ефим Назарыч! Глупости какие...

– Открой окно.

– Оно открыто.

– Тяжко... Нина, дочка... ребятёшек... м-м... – Ефим повел потускневший взгляд в сторону, потянулся под одеялом... Лицо покрылось мучнистой бледностью. Он закашлялся... Из рта на подушку протянулся тонкий ручеек сукровицы. Последним усилием рванулся он с койки... сел. Доктор и дочь подхватили его.

В горле у Ефима кипело. Он хотел что-то сказать, но только мычал. Он плохо держал голову... пачкал белый халат дочери теплой кровью и мычал – хотел что-то сказать.

– Что, Ефим, плохо? – с искренней участливостью спросил вдруг посторонний голос – это Кирька опять стоял у окна. Ему никто не ответил. Его даже, наверно, не услышали.

Ефим сразу отяжелел в руках дочери, обвис... Его бережно положили на койку. Стало тихо.

Женщина окаменела у койки. Смотрела на отца большими глазами. В стекла окон сыпанули первые крупные капли дождя; деревья в больничном саду встрепенулись, закачали ветвями, зашумели.

Порывом ветра в окно палаты закинуло клочок бумаги; он упал к ногам женщины, тихо шаркнув по полу. Она вздрогнула, опустилась перед отцом на колени...

Кирька медленно пошел прочь от больницы. Шапку забыл надеть – нес в руках.

Теплый обильный дождь полоскал голову, стекал по лицу, по шее, за ворот, барабанил по полушубку. Это был желанный дождь – первый в этом году.

Шел Кирька и грустно смотрел в землю. Жалко было Ефима Бедарева. Сейчас он даже не хотел понять: почему жалко? Грустно было и жалко, и все.

Дождь шумел, отплясывал на дороге тысячью длинных сверкающих ножек. Кипело, булькало в канавках и в лужицах... Хлюпало.

Операция Ефима Пьяных
Ефим Пьяных понял это ночью. Толкнул жену.

– Чего? – недовольно откликнулась та.

– Это... осколок, однако, начал выходить. Вот он – колется, змей. С вечера чуял...

– Где?

– Ну, где?... Куда ранило-то, не знаешь, что ли?

– Там? – изумилась Соня.

– Но.

– Чо же ты, двадцать лет сидел на ем и не чуял? Как так?

– Так и не чуял! Как... Да большой! – Ефим горько прицокнул языком. – Замучает, паразит.

Соня засмеялась.

– Как теперь сидеть-то будешь? Боком, что ли?

– Смешно! Тебе бы счас... не веселилась бы.

Помолчали.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Что делать теперь, ума не приложу.

Соня не выдержала и опять засмеялась, уткнувшись лицом в подушку.

– Смешинка в рот попала? – сердито спросил Ефим. – Как дура...

– Не сердись, Ефим. Шибко на интересном месте он у тебя... – Соня повозилась, вытирая слезы уголком наволочки. – А чего уж так испугался-то? Не рожать ведь. Ну, выйдет. Они сами, что ли, выходят?

– Пока он выйдет, на самом деле родить можно. Вырезают их. Было у ребят в госпитале...

– Ну и вырежи.

Ефим промолчал на это. Он и сам подумал: «Придется вырезать». Но вспомнил, что у них в больнице нет ни одного врача-мужчины. Мало того, хирург – совсем молодая женщина. Двадцать лет назад, в госпитале, он, не раздумывая, улегся бы спиной кверху перед кем угодно – тогда не совестно было. А сейчас при одной мысли коробит.

– Посмотрим, – сказал он. – Спи.

А сам долго еще думал, как теперь быть.

Весь следующий день он старался быть на ногах – не сиделось. Больно. В кабинете (он был председателем колхоза), принимая народ, ходил около стола, нервничал... Материл про себя «того урода», который всыпал ему под Курском горсть железных конфет ниже пояса. Рана, в общем-то, некрасивая. В госпитале долго ржали. Но тогда – что! А сейчас ему, председателю преуспевающего колхоза, солидному человеку, придется штаны снимать перед молодыми бабенками. А те, конечно, начнут подмигивать друг другу... Еще какая-нибудь скажет: «Вот, Ефим Степаныч, теперь снова можете в президиуме заседать».

Домой пришел рано. Мрачный. Сообщил:

– Назревает.

– Да иди ты в больницу, господи! – воскликнула Соня. – Чего ты носишься с ним, как... не знаю кто.

– В больницу!.. – Ефим закурил и стал ходить по комнате. – У нас не больница, а монастырь какой-то! Откуда их понагнало, черт их знает, – одно бабье!

– Чего они тебе?

– Ничего! Чего... Зарабатывал, зарабатывал авторитет, да пойду теперь растелешусь перед кем попало... Одним махом все перечеркнуть.

– Тьфу! – Соня даже рассердилась на такую глупость. – Да что же ты, ей, что ль, авторитет-то зарабатывал?! Какая же она у тебя такая, что ее и показывать нельзя?

– Никакая. Не вякай, раз не понимаешь. Сразу вся деревня узнает, начнут потом языки чесать, черти. Не знаю я их! Им после – одно, а у них на уме – другое. Зубоскалы, черти. – Ефим злился, понимал, что это глупо, а злился. Он действительно не знал, что делать. В город ехать – чуть не сто верст. А приедешь, скажут, у вас своя больница есть. Не примут. Да и как ехать, стоя, что ли?

Ночью стало совсем плохо.

Ефим скрипел зубами, стонал.

– Дурак, вот дурак-то, – выговаривала Соня. – Ну чего мучается? Авторитет он боится потерять! Скажи кому – засмеют. Мало мужиков лежат?..

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Лежат! Лучше рак какой-нибудь, чем эта зараза. Был бы я какой-нибудь простой человек – одно дело: позубоскалил вместе бы со всеми да ушел. Взятки гладки. А тут пальцем начнут все показывать...

– Не подставлял бы ее тогда, раз такое дело.

– Я бы хотел на тебя посмотреть, там... Хоть одним глазком. Что бы ты, интересно, подставила?

– Ну и не переживала бы сейчас, как дура.

– Дура и есть.

Боль сводила спину и ногу. Временами казалось, что осколок выходит. Ефим, стиснув зубы, подолгу оглаживал нарыв, но под пальцами ничего острого или твердого не чувствовал. Нарыв сделался мокрым.

– Врачи, мать их!.. Все вытаскали, а один надо обязательно оставить!

К утру понял Ефим, что в больницу придется идти. За ночь не сомкнул глаз, измучился.

Собирался как на муку – тянул время.

– Если придут из конторы: скажешь – в район уехал. Не проболтайся, смотри.

– Да иди ты, иди, ради бога.

...Чем ближе подходил Ефим к больнице, тем больше беспокоился и трусил. Ясно представлял себе, как сейчас войдет в больницу, подойдет к кабинету принимающего врача... Там, конечно, старушки сидят. С утра пораньше. Увидят его, закивают головками...

– Тоже, Степаныч? Чем занедужил, родной?

«Старух надо почаше гонять из больницы, – только место занимают. Молодому колхознику день приходится тратить, чтобы пробиться к врачу».

..Ну, допустим, его пропустили без очереди.

Врач. Молодая важная женщина.

– Что с вами?

– Осколок.

– Где?

– Там.

– Где «там»?

– Ну, там... – Может, здесь посмеяться надо для блезира? – Хе-хе-хе... Да в самом, знаете, интересном месте, как сострила моя жена.

– Покажите.

«Господи! За что мне наказание такое?! Не мог он, подлец, еще-то лет десять пролежать там!»

Во дворе больницы Ефим пошел совсем тихо.

«Мужиков в такую рань здесь никого, конечно, нет, – мучился он. – Хоть бы покурить с кем, отвести душу перед тем, как... штаны снимать в кабинете».

Мужиков действительно никого не было в коридоре. Зато полно баб. Сидят на белых скамейках, на диване – все несчастные и немножко торжественные. Тихо

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru переговариваются между собой, вздыхают. Есть и молодые. Одна молодая рассказывает другой, постарше:

– Как вступит, вступит, ну, думаю, конец пришел. Прямо сюда – как вступит, вступит...

Пожилая, понимающе, чуть принахмурившись и строго глядя в окно, кивает головой.

А еще две шептались. Одна тихонько ахает, а другая трогает ее за колено и торопится досказать:

– ...Я грю, да ты чо же, змей подколодный, делаешь-то?.. У тебя, грю, чо, кулак-то ватный, ли чо ли?..

Увидев Ефима Степаныча, перестали жужжать, с любопытством уставились на него.

«Несдобровать, – с отчаянием подумал Ефим. – Мигом разузнают – к обеду вся деревня хаханьки будет разводиться».

Подошел к очереди, насмешливо оглядел страждущих.

– Многонько вас! А вот в праздники-то, когда они бывают, никого ведь нету тут. Не хвораете, что ль, в праздники? – Спросил и сам не понял – зачем?

– У нас по праздникам, Ефим Степаныч, без того хлопот много, – откликнулась одна.

– Вот то-то и гляжу: много хворых. Где у них тут главный сидит?

– Главврач?

– Но.

– А вон кабинет. Во-он, клеенкой-то обшитый.

Ефим пошел в указанный кабинет, стараясь не хромать.

Главного еще не было. В кабинете сидела красивая полная женщина с родинкой на щеке.

– Главного нет. А вы что хотели? – вежливо спросила женщина.

– Я председатель здешний. Она насчет дров обращалась...

– Да, да, да, я в курсе дела. Дрова очень нужны – зима скоро.

«А то я сам не знаю, скоро зима или не скоро», – съехидничал про себя Ефим.

– Можете брать. Но транспорта у меня нету.

– А на чем же мы?

– Это уж я не знаю. В сельсовет обратитесь. Мое дело – дрова.

Из больницы Ефим шел злой. «Шестьдесят кубометров – как псу под хвост. Черт дернул с дровами-то вылететь!.. Неужели нельзя было какое-нибудь другое заделье найти».

Дрова все равно пришлось бы доставить в больницу, но так вот: прийти и самому навялить – это анекдот, так никакой, самый захудалый председателишко не сделает.

«Совсем сдурел».

А сзади болело так, что каждый шаг отдавался аж в затылке.

«Пойду сам сделаю операцию», – решил Ефим.

Соня встретила восклицанием:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Ну, вон как скоро! А ты боялся...
- Не шуми. Сейчас будем сами резать. Вскипяти воду, положи туда ножик... В общем, я буду подсказывать.
- Да ты чо, Ефим!.. – заговорила было Соня, но Ефим так глянул на нее, что та осеклась на полуслове.
- Хватит! Надоело мне с ним нянчиться. Ребятишки в школе?
- В школе.
- Запирайся на крючок и... устроим полевой лазарет.
- Я не буду, Ефим. Я боюсь.
- Чего боишься?
- Резать боюсь. Ты чо, сдурел?
- Да чо тут бояться-то?!
- Не буду, – уперлась Соня. – Мы же заражение сделаем.
- Прокипятим как следует – никакого заражения не будет. Как в войну резали!.. – прямо в окопах.
- У врача-то не был?
- Не пойду я к врачу. Все. Давай сами. Сейчас за милую душу операцию сварганим.
- Не дури, Ефим. Хошь, я сама схожу в больницу и приведу кого-нибудь – прямо здесь вырежут. И никто не узнает...
- Опять за свое?! – взорвался Ефим. – Говорят дуре такой – не могу, дак нет – свое! Кипяти воду!

Соня тоже была упрямая баба.

- Не дурачься – не дурней тебя. Черт недорезанный... Заражение сделаем, – куда потом одна с ребятишками-то денуться? Только о себе думает! Вон какие люди хворают, да и то к врачам ходят, а он, видите, не может свой зад показать. Кому он нужен к черту!.. там глядеть-то не на что...

Ефим как-то непонятно спокойно посмотрел на жену. Сказал:

- Выйди на пять минут за дверь. Мне надо ее обследовать перед зеркалом.

Соня, в свою очередь, подозрительно взглянула на мужа.

- Чего затеял?
- Выйди, я ее посмотреть буду! Что, шибко охота глянуть?
- Тьфу! – Соня вышла.

Ефим достал из сундука чистую простынь, расстелил на полу, приспустил штаны... Постоял, подумал... отошел немножко, разбежался и сел с маху на простынь. И еще проехался маленько...

Соня в сенях услышала глухой, сквозь стиснутые зубы, вскрик мужа, бросилась в избу.

Ефим лежал на боку, держал в руках штаны и тихонько матерился.

- Все, теперь выйдет... Без ножа обойдемся.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Кукушкины слезки
Ехали краем леса.

Телега катилась по пыльной дороге, подсакивала на корневищах; в передке телеги звякала какая-то железка.

Солнце клонилось к закату, а было жарко. Было душно. Пахло смольем, пылью и земляникой.

В телеге двое: мужчина и женщина. Примерно одних лет – под тридцать.

Женщина сидит впереди, у грядущки, правит. Мужчина лежит за ее спиной на охапке зеленой травы, смотрит вверх, в безоблачное небо, курит.

Молчат.

Женщина, склонив голову, постегивает концом вожжей по своему сапогу. Думает о чем-то.

Ехали со станции уже часа два. Поговорили о здешних краях, о том о сем... И замолчали.

Рослый гнедой мерин бежит ровной неторопкой рысью. Фыркает, звякает удилами... Женщина время от времени поднимает голову, дергает вожжами и говорит лениво:

– Но-о!.. Уснул?

Гнедко косит назад фиолетовым глазом, наостряет ухо, но рыси не прибавляет. Женщина опять склоняет голову и похлестывает по голенищу сапога скрученным концом вожжей. Когда телега наклоняется в ее сторону, она упирается руками сбочь себя и подвигается немного в глубь телеги. При этом белая кофточка плотно облегает ее спину. Мужчина поворачивает голову и подолгу напряженно смотрит на женщину, на красивую шею ее, на маленькие завитушки русых волос около ушей. Потом опять курит и глядит вверх.

С неба льются мелко витые серебристые трели жаворонков. В горячем воздухе висит несмолкаемый сухой стрекот кузнечиков. Вокруг – в лесу, в поле – покой. Покой и горячая истома на всем.

Мужчина сел, бросил окурочек на дорогу, закурил новую.

– О чем думаете? – спросил он.

– Так. Ни о чем, – негромко ответила женщина, продолжая постегивать вожжами по сапогу.

Мужчина откинул с высокого красивого лба льняную прядь волос, сел рядом с женщиной. Она посмотрела на него. Глаза у нее серые, ясные.

– А жаркий денек. Я не предполагал, что у вас такая жара бывает. Сибирь все-таки.

– Бывает, – отозвалась женщина и дернула вожжи. Мужчина глубоко затаился... Над головой его колыхнулось тонкое синее облачко и растаяло.

– А вы что, специально встречать на вокзал ездите?

– Нет, мы врачу свою ждали, а она чего-то не приехала. – Женщина опять повернулась к попутчику.

Тот поспешно отвел от нее глаза... Потянулся, сказал с чувством:

– А вообще хорошо тут у вас! Благодать!

– Хорошо, – просто согласилась женщина и посмотрела далеко в поле.

– Только скучно, наверно? А? – Мужчина улыбнулся.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Кому как. Нам не скучно. Чего скучать?

– Так уж не скучно? – Мужчина все улыбался.

Женщина шевельнула покатыми плечами.

– Нет.

– Ну, как же нет!

Женщина посмотрела на него, непонятно усмехнулась и снова принялась было постегивать вожжами по сапогу.

– У вас муж-то есть? – спросил вдруг мужчина.

Женщина оглянулась.

– Нету. А что?

– Да так. Я почему-то так и подумал.

Женщина прищурила в усмешке ясные глаза – они стали хитрые. Яркие, по-девичьи сочные губы ее чуть приоткрылись, чуть приспустились уголками книзу.

– Почему же?

– Не знаю. Угадал, и все. Разошлись?

– Ну, допустим.

– Из-за чего?

Женщина отвернулась. Ей не хотелось говорить об этом.

– Так, – сказала она. – Из-за дела.

– М-да... – Мужчина опять поправил волосы. – Бывает.

Некоторое время молчали.

– Ну и как же теперь? – спросил мужчина.

– Что?

– Как... жизнь-то вообще?

Женщина, не оборачиваясь к нему, усмехнулась.

– Ничего.

– Ничего – это, знаете, пустое место. – Мужчина засмеялся. – Ничего – это ничего.

– Господи!.. – Женщина качнула головой и посмотрела в глаза мужчине.

Тот перестал смеяться... Какое-то время смотрели друг на друга – один пытливо, другая с дурашливым удивлением. И вдруг засмеялись. У женщины в серых глазах заискрились крохотные, горячие огоньки.

– Чего вы смеетесь, а?.. Нет, вы скажите!.. Чего вы?.. – показывая на женщину пальцем, спрашивал мужчина и сам радостно смеялся.

– Смешинка в рот попала. – Женщина отвернулась и вытерла платком глаза. И уже серьезно спросила: – Вы зачем к нам? Уполномоченный, что ли?

Мужчине жалко было, что они перестали смеяться. Он бы посмеялся еще.

– Художник я, – сказал он. – На натуре еду. Рисовать.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Женщина с интересом посмотрела на него.

– Что? – спросил художник.

– Ничего. У нас в клубе тоже художник есть.

– Да?.. – Художник не нашел, что сказать о том художнике, который у них в клубе, кивнул головой. – Художников много.

– А вы кого рисуете?

– А все. Тебя... вас могу. Хотите?

Женщина улыбнулась.

– Ну, меня-то... чего меня? А вот у нас виды шибко хорошие есть. На реке. Иной раз придешь по воду утром и глаз не отведешь – до того красиво! Сама думала: вот бы нарисовать.

– Не пробовала?

– Да уж... Вы правда, посмотрите те места. Только рано надо. А скажите: рисовать учат, что ли, или это уж с рожденья в человеке заложено?

– И с рожденья, и учат... Учиться долго надо... – Художнику не хотелось говорить об этом. – Ты вот расскажи лучше, как ты живешь? – Он вдруг спрыгнул с телеги, пошел рядом. Улыбался, смотрел на женщину. – А? Как ты живешь вот в этом раю?! – Он раскинул руки, оглянулся кругом.

Женщина улыбалась тоже.

– Хорошо живу.

Мужчина вздохнул всей грудью.. Отбежал в сторону, сорвал несколько пыльных теплых цветков, догнал телегу, подал цветы женщине. Та приняла их с благодарной улыбкой.

– Кукушкины слезки называются, – сказала она, бережно складывая цветы в букетик.

– Нету ей своего гнездышка, она плачет. Где слезинка упадет, там цветок вырастет.

– Нравятся? – Художник прыгнул на телегу. Прыгая, задел рукой сгиб колена женщины, метнул в ее сторону быстрый взгляд...

Женщина поправила юбку и продолжала складывать букетик. На короткое мгновение в глазах художника встала картина: здоровая, красивая, спокойная женщина бережно складывает маленький букет из нежно-голубых скорбных цветов – кукушкины слезки. Но властное сильное чувство, как горячая волна, окатило его с головой... Картина пропала. Все в мире, вокруг, представилось вдруг ярким, скоропреходящим, смертным.

– Вообще что жизнь? – громко заговорил он. – Все кончится – и все! – Он глядел на женщину – ждал, что она поймет его. – Ну, сделаем мы какое-то свое дело, то есть будем стараться!.. – Художник досадливо поморщился – слова были глупые, мелкие. – Черт возьми!.. Ты понимаешь? Ну, сделаем – ну и что? А всю жизнь будем себя за горло держать! Такие уж... невозможно хорошие мы, такие уж... А посмотри – лес, степь, небо... Все истомилось! Красотища! Любить надо, и все! Любить, и все! Все остальное – муть. – Он как будто спорил с кем, доказывал – говорил запальчиво, взмахивал рукой... И смотрел на женщину. Ждал.

Она внимательно слушала. Она хотела понять. Мужчина тронул ее за руку.

– Ну, что смотришь? Не понимаешь меня? – Положил руку на ее мягкое плечо, хотел привлечь к себе.

Женщина резко вывернула плечо, в упор, до обидного спокойно, просто – как по лицу ударила – глянула на него. Сказала чужим резким голосом:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Понимаю. – И отвернулась.

Художник отдернул руку – точно обжегся... Растерянно улыбнулся.

– О!.. О, какие мы! – Помолчал, глядя на женщину, потом сердито сказал: – Поживем... и нас не будет. И все. Вообще, к черту все! – устало, с тихой злобой добавил он. Поднял ноги на телегу, лег и уткнулся лицом в пахучую траву.

Долго ехали так.

Звякала в передке телеги железка. Фыркал Гнедко. В лесу, пронизанном низким солнцем, звенели хоры птиц. Нечто огромное, светлое, мягко ступая по травам, шагало по земле.

Женщина раза два оборачивалась назад, смотрела на своего попутчика. Тот не шевелился. На узкой спине его, под дорогой шелковой рубашкой, торчали острые лопатки. Около уха, на виске, трепетно пульсировала голубая жилка.

– Сколько времени сейчас? – спросила женщина.

Мужчина сел, глядя вперед, на дорогу, тихо сказал:

– Вы это... извините меня. Наговорил я тут, самому тошно. – Он нахмурился, ослабил галстук, глянул на женщину... Она тоже смотрела на него внимательно, точно изучала.

– Ничего, – сказала она, и уголки губ ее дрогнули в насмешливой, но какой-то очень доброй, необидной улыбке. – И лес, и поле – все в ход пошло?

Мужчина тоже смущенно улыбнулся.

– В том-то и дело – философия сразу нашлась! – Он провел ладонью по лицу. – Как ворованного хлеба поел.

– Шибко-то не казись. Все вы... только дай волю.

Мужчина достал портсигар, закурил. Обхватил длинными руками голенастые ноги и задумался. У него был вид неприятно изумленного и подавленного человека.

– Все?

– А то?..

– Да нет, не все, конечно. Долго нам еще ехать?

– Километра два.

– Не все... зря ты так, – повторил мужчина.

Женщина ничего на это не сказала.

Лес кончился. Дорога пошла полем, в хлебах.

Тихо опускался вечер. По земле разлилась мягкая задумчивая грусть. Ударили первые перепела.

Мужчина курил, смотрел на четкий, правильный профиль женской головы.

– Хорошая ты, – вдруг сказал он просто. – Тебя как зовут?

– Нина.

– Хорошая ты, Нина.

– Да уж... – Женщина не обернулась к нему; в голосе ее было и смущение, и радость, тихая, не забытая еще радость недавних лет.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Я тебя рисовать буду.

– Как это? – Нина повернулась к нему и тотчас отвернулась.

– Ну... про тебя... картина будет называться «Кукушкины слезки».

– Господи! – только и сказала Нина.

Немножко помолчали.

– А тебя как зовут? – спросила Нина.

– Сергей.

– Жить-то где будешь?

– Не знаю...

– У нас можно. Мы вдвоем с мамой, а дом большой. Половина все равно пустует. У реки как раз...

Сергей помолчал.

– Мне, понимаешь... это... Ты обиделась?

– Ну и ладно. И хорошо, что стыдно. – Она наклонилась вперед и огрела мерина вожжами. Телега дернулась и громко застучала по дороге.

– Нина! – позвал художник.

– Ну... – Нина упорно не оборачивалась к нему.

– Ты обиделась?

– Да ладно!.. На вас на всех обижаться – обиды не хватит. Не надо больше про это говорить. Вон Березовка наша.

Впереди показалась деревня. Ранняя заря окрасила крыши домов в багровый цвет, и они неярко, сильно тлели посреди молодого золота созревающих хлебов.

– Нарисовал бы вот такой вечер? – спросила Нина. – Видишь, красиво как.

– Да, – тихо сказал художник. Помолчал и еще раз сказал: – Да.

Хорошо было, правда.

Вянет, пропадает

– Идет! – крикнул Славка. – Гусь-Хрустальный идет!

– Чего орешь-то? – сердито сказала мать. – Не можешь никак потише-то?.. Отойди оттудова, не торчи.

Славка отошел от окна.

– Играть, что ли? – спросил он.

– Играй. Какую-нибудь... поновой.

– Какую? Может, марш?

– Вот, какую-то недавно учил?..

– Я ее не одолел еще. Давай «Вянет, пропадает»?

– Играй. Она грустная?

– Помоги-ка снять. Не особенно грустная, но за душу возьмет.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Мать сняла со шкафа тяжелый баян, поставила Славке на колени. Славка заиграл «Вянет, пропадает».

Вошел дядя Володя, большой, носатый, отряхнул о колено фуражку и тогда только сказал:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, Владимир Николаич, – приветливо откликнулась мать.

Славка перестал было играть, чтоб поздороваться, но вспомнил материн наказ – играть без передыху, кивнул дяде Володе и продолжал играть.

– Дождь, Владимир Николаич?

– Сеет. Пора уж ему и сеять. – Дядя Володя говорил как-то очень аккуратно, обстоятельно, точно кубики складывал. Положит кубик, посмотрит, подумает – переставит. – Пора... Сегодня у нас... што? Двадцать седьмое? Через три дня – октябрь месяц. Пойдет четвертый квартал.

– Да, – вздохнула мать.

Славку удивляло, что мать, обычно такая крикливая, острая на язык, с дядей Володей во всем тихо соглашалась. Вообще становилась какая-то сама не своя: краснела, суежилась, все хотела, например, чтоб дядя Володя выпил «последнюю» рюмку перцовки, а дядя Володя говорил, что «последнюю-то как раз и не надо пить – она-то и губит людей».

– Все играешь, Славка? – спросил дядя Володя.

– Играет! – встряла мать. – Приходит из школы и начинает – надоело уж... В ушах звенит.

Это была несусветная ложь; Славка изумлялся про себя.

– Хорошее дело, – сказал дядя Володя. – В жизни пригодится. Вот пойдешь в армию: все будут строевой шаг отрабатывать, а ты в красном уголке на баяне тренироваться. Очень хорошее дело. Не всем только дается...

– Я говорила с ихним учителем-то: шибко, говорит, способный.

Когда говорила?! О, боже милостивый!.. Что с ней?

– Талант, говорит.

– Надо, надо. Молодец, Славка.

– Садитесь, Владимир Николаич.

Дядя Володя ополоснул руки, тщательно вытер их полотенцем, сел к столу.

– С талантом люди крепко живут.

– Дал бы уж, господи...

– И учиться, конечно, надо – само собой.

– Вот учиться-то... – Мать строго посмотрела на Славку. – Лень-матушка! Вперед нас, видно, родилась. Чего уж только не делаю: сама иной раз с им сяду: «Учи! Тебе надо-то, не мне». Ну!.. В одно ухо влетело, в другое вылетело. Был бы мужчина в доме... Нас-то много они слушают!

– Отец-то не заходит, Славка?

– А чего ему тут делать? – отвечала мать. – Алименты свои платит – и довольный. А тут расти, как знаешь...

– Алименты – это удовольствие ниже среднего, – заметил дядя Володя. – Двадцать

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
пять?

- Двадцать пять. А зарабатывает-то не шибко... И те пропивает.
- Стараться надо, Славка. Матери одной трудно.
- Понимал бы он...
- Ты пришел из школы: сразу – раз – за уроки. Уроки приготовил – поиграл на баяне. На баяне поиграл – пошел погулял.

Мать вздохнула.

Славка играл «Вянет, пропадает».

Дядя Володя выпил перцовки.

- Стремиться надо, Славка.
- Уж и то говорю ему: «Стремись, Славка...»
- Говорить мало, – заметил дядя Володя и налил еще рюмочку перцовки.
- Как же воспитывать-то?

Дядя Володя опрокинул рюмочку в большой рот.

- Ху-у... Все: пропустили по поводу воскресенья, и будет. – Дядя Володя закурил. – Я ведь пил, крепко пил...
- Вы уж рассказывали. Счастливый человек – бросили... Взяли себя в руки.
- Бывало, утром: на работу идти, а от тебя, как от циклона, на версту разит. Зайдешь, бывало, в парикмахерскую – не бриться, ничего, – откроешь рот: он побрызгает, тогда уж идешь. Мучился. Хочешь на счетах три положить, кладешь – пять. – Гляди-ко!

В голове – дымовая завеса, – обстоятельно рассказывал дядя Володя. – А у меня еще стол наспроть окна стоял, в одиннадцать часов солнце начинает в лицо бить – пот градом!.. И мысли комичные возникают: в ведомости, допустим: «Такому-то на руки семьсот рублей». По-старому. А ты думаешь: «Это ж сколько поллитр выйдет?» Х-хе...

- Гляди-ко, до чего можно дойти!
- Дальше идут. У меня приятель был: тот по ночам все шанец искал.
- Какой шанец?
- Шанс. Он его называл – шанец. Один раз искал, искал – показалось, кто-то с улицы зовет, шагнул с балкона, и все, не вернулся.
- Разбился?!
- Ну, с девятого этажа – шутка в деле! Он же не голубь мира. Когда летел, успел, правда, крикнуть: «Эй!»
- Сердешный... – вздохнула мать.

Дядя Володя посмотрел на Славку...

- Отдохни, Славка. Давай в шахматы сыграем. Заполним вакуум, как говорит наш главный бухгалтер. Тоже пить бросил и не знает, куда деваться. Не знаю, говорит, чем вакуум заполнить.

Славка посмотрел на мать. Та улыбнулась.

- Ну отдохни, сынок.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Славка с великим удовольствием вылез из-под баяна.. Мать опять взгромозила баян на шкаф, накрыла салфеткой. Дядя Володя расставлял на доске фигуры.

– В шахматы тоже учишься, Славка. Попадешь в какую-нибудь компанию: кто за бутылку, кто разные фигли-мигли, а ты раз – за шахматы: «Желаете?» К тебе сразу другое отношение. У тебя по литературе как?

– По родной речи. Трояк.

– Плохо. Литературу надо назубок знать. Вот я хожу пешкой и говорю: «Е два, Е четыре», как сказал гроссмейстер. А ты не знаешь, где это написано. Надо знать. Ну давай.

Славка походил пешкой.

– А зачем говорят-то «Е два, Е четыре»? – спросила мать, наблюдая за игрой.

– А шутят, – пояснил дядя Володя. – Шутят так. А люди уж понимают: «Этого голый рукой не возьмешь». У нас в типографии все шутят. Ходи, Славка.

Славка походил пешкой.

– У нас дядя Иван тоже шутит, – сказал он. – Нас вывели на физкультуру, а он говорит: «Вот вам лопаты – тренируйтесь». – Славка засмеялся.

– Кто это?

– Он завхозом у нас.

– А-а... Этим шутникам лишь бы на троих сообразить, – недовольно заметил дядя Володя.

Мать и Славка промолчали.

– Не перевариваю этих соображал, – продолжал дядя Володя. – Живут – небо копят.

– А вот пили-то, – поинтересовалась мать, – жена-то как же?

– Жена-то? – Дядя Володя задумался над доской: Славка неожиданно сделал каверзный ход. – Реагировала-то?

– Да. Реагировала-то.

– Отрицательно, как еще. Из-за этого и разошлись, можно сказать. Вот так, Славка! – Дядя Володя вышел из трудного положения и был доволен. – Из-за этого и горшок об горшок у нас и получился.

– Как это? – не понял Славка.

– Горшок об горшок-то? – Дядя Володя снисходительно улыбнулся. – Горшок об горшок – и кто дальше.

Мать засмеялась.

– Еще рюмочку, Владимир Николаич?

– Нет, – твердо сказал дядя Володя. – Зачем? Мне и так хорошо. Выпил для настроения – и будет. Раньше не отказался ба... Ох, пил!.. Спомнить страшно.

– Не думаете сходить-то? – спросила мать.

– Нет, – твердо сказал дядя Володя. – Дело принципа: я первый на мировую не пойду.

Славка опять сделал удачный ход.

– Ну, Славка!.. – изумился дядя Володя.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Мать незаметно дернула Славку за штанину. Славка протестующе дрыгнул ногой: он тоже вошел в азарт.

– Так, Славка... – Дядя Володя думал, сморщившись. – Так... А мы вот так!

Теперь Славка задумался.

– Детей-то проведуете? – расспрашивала мать.

– Проведу. – Дядя Володя закурил. – Дети есть дети. Я детей люблю.

– Жалеет счас небось?

– Жена-то? Тайно, конечно, жалеет. У меня счас без вычетов на руки выходит сто двадцать. И все целенькие. Площадь – тридцать восемь метров, обстановка... Сервант недавно купил за девяносто шесть рублей – любо глядеть. Домой приходишь – сердце радуется. Включишь телевизор, постановку какую-нибудь посмотришь... Хочу еще софу купить.

– Ходите, – сказал Славка.

Дядя Володя долго смотрел на фигуры, нахмурился, потрогал в задумчивости свой большой, слегка заалевший нос.

– Так, Славка... Ты так? А мы – так! Шахович. Софы есть чешские... Раздвижные – превосходные. Отпускные получу, обязательно возьму. И шкуру медвежью закажу.

– Сколько же шкура станет?

– Шкура? Рублей двадцать пять. У меня племянник часто в командировку на восток ездит, закажу ему, привезет.

– А волчья хуже? – спросил Славка.

– Волчья небось твердая, – сказала мать.

– Волчья вообще не идет для этого дела. Из волчьих дохи шьют. Мат, Славка.

Дождик перестал; за окном прояснилось. Воздух стал чистый и синий. Только далеко на горизонте громоздились темные тучи. Кое-где в домах зажглись огни.

Все трое некоторое время смотрели в окно, слушали глухие звуки улицы. Просторно и грустно было за окном.

– Завтра хороший день будет, – сказал дядя Володя. – Вот где солнышко село, небо зеленоватое: значит, хороший день будет.

– Зима скоро, – вздохнула мать.

– Это уж как положено. У вас батареи не затопили еще?

– Нет. Пора бы уж.

– С пятнадцатого затопят. Ну пошел. Пойду включу телевизор, постановку какую-нибудь посмотрю.

Мать смотрела на дядю Володю с таким выражением, как будто ждала, что он вот-вот возьмет и скажет что-то не про телевизор, не про софу, не про медвежью шкуру – что-то другое.

Дядя Володя надел фуражку, остановился у порога...

– Ну, до свиданья.

– До свиданья...

– Славка, а кубинский марш не умеешь?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Нет, – сказал Славка. – Не проходили еще.

– Научись, сильная вещь. На вечера будут приглашать... Ну, до свиданья.

– До свиданья.

Дядя Володя вышел. Через две минуты он шел под окнами – высокий, сутулый, с большим носом. Шел и серьезно смотрел вперед.

– Руль, – с досадой сказала мать, глядя в окно. – Чего ходит?..

– Тоска, – сказал Славка. – Тоже ж один кукует.

Мать вздохнула и пошла в куть готовить ужин.

– Чего ходить тогда? – еще раз сказала она и сердито чиркнула спичкой по коробку. – Нечего и ходить тогда. Правда что Гусь-Хрустальный.

Волки

В воскресенье, рано утром, к Ивану Дегтяреву явился тесть, Наум Кречетов, нестарый еще, расторопный мужик, хитрый и обаятельный. Иван не любил тестя; Наум, жалеючи дочь, терпел Ивана.

– Спишь? – живо заговорил Наум. – Эх-ха!.. Эдак, Ванечка, можно все Царство Небесное проспять. Здравствуйте.

– Я туда не сильно хотел. Не устремляюсь.

– Зря. Вставай-ка... Поедем съездим за дровишками. Я у бригадира выпросил две подводы. Конечно, не за «здорово живешь», но черт с ним – дров надо.

Иван полежал, подумал... И стал одеваться.

– Вот ведь почему молодежь в город уходит? – заговорил он. – Да потому, что там отработал норму – иди гуляй. Отдохнуть человеку дают. Здесь – как проклятый: ни дня, ни ночи. Ни воскресенья.

– Что же, без дров сидеть? – спросила Нюра, жена Ивана. – Ему же коня достали, и он еще недовольный.

– Я слышал: в городе тоже работать надо, – заметил тесть.

– Надо. Я бы с удовольствием лучше водопровод пошел рыть, траншеи: выложился раз, зато потом без горя – вода и отопление.

– С одной стороны, конечно, хорошо – водопровод, с другой – беда: ты ба тогда совсем заспался. Ну, хватит, поехали.

– Завтракать будешь? – спросила жена.

Иван отказался – не хотелось.

– С похмелья? – полюбопытствовал Наум.

– Так точно, ваше благородье!

– Да-а... Вот так. А ты говоришь: водопровод... Ну, поехали.

День стоял солнечный, ясный. Снег ослепительно блестел. В лесу тишина и нездешний покой.

Ехать надо было далеко – верст двадцать: ближе рубить не разрешалось.

Наум ехал впереди и все возмущался:

– Черт-те чего!.. Из лесу в лес – за дровами.

Иван дремал в санях. Мерная езда убаюкивала.

Выехали на просеку, спустились в открытую логовину, стали подыматься в гору. Там, на горе, снова синей стеной вставал лес.

Почти выехали в гору... И тут увидели, недалеко от дороги, – пять штук. Вышли из леса, стоят, ждут. Волки.

Наум остановил коня, негромко, нараспев заматерился:

– Твою в душеньку ма-ать... Голубочки сизые. Выставились.

Конь Ивана, молодой, трусливый, попятился, заступил оглоблю. Иван задергал вожжами, разворачивая его. Конь храпел, бил ногами – не мог перешагнуть оглоблину.

Волки двинулись с горы.

Наум уже развернулся, крикнул:

– Ну, што ты?!

Иван выскочил из саней, насилу втолкал коня в оглобли... Упал в сани. Конь сам развернулся и с места взял в мах. Наум был уже далеко.

– Грабю-ут! – заполошно орал он, нахлестывая коня. Волки серыми комками податливо катились с горы, наперерез подводам.

– Грабю-ут! – орал Наум.

«Что он, с ума сходит? – невольно подумал Иван. – Кто кого грабит?» Он испугался, но как-то странно: был и страх, и жгучее любопытство, и смех брал над тестем. Скоро, однако, любопытство прошло. И смешно тоже уже не было. Волки достигли дороги метрах в ста позади саней и, вытянувшись цепочкой, стали быстро нагонять. Иван крепко вцепился в передок саней и смотрел на волков.

Впереди отмахивал крупный, грудастый, с паленой мордой... Уже только метров пятнадцать-двадцать отделяло его от саней. Ивана поразило несходство волка с овчаркой. Раньше он волков так близко не видел и считал, что это что-то вроде овчарки, только крупнее. А сейчас Иван понял, что волк – это волк, зверь. Самую лютую собаку еще может в последний миг что-то остановить: страх, ласка, неожиданный окрик человека. Этого, с паленой мордой, могла остановить только смерть. Он не рычал, не пугал... Он догонял жертву. И взгляд его круглых желтых глаз был прям и прост.

Иван оглядел сани – ничего, ни малого прутика. Оба топора в санях тестя. Только клоч сена под боком да бич в руке.

– Грабю-ут! – кричал Наум.

Ивана охватил настоящий страх.

Передний, очевидно вожак, стал обходить сани, примериваясь к лошади. Он был в каких-нибудь двух метрах... Иван привстал и, держась левой рукой за отводину саней, огрел вожака бичом. Тот не ждал этого, лязгнув зубами, прыгнул в сторону. Сбился с маха... Сзади налетели другие. Вся стая крутнулась с разгона вокруг вожака. Тот присел на задние лапы, ударил клыками одного, другого... И снова, вырвавшись вперед, легко догнал сани. Иван приготовился, ждал момента. Хотел еще раз достать вожака. Но тот стал обходить сани дальше. И еще один отвалил в сторону от своры и тоже начал обходить сани – с другой стороны. Иван стиснул зубы, сморщился... «Конец. Смерть». Глянул вперед.

– Сто-ой! – заорал он. – Отец!.. дай топор!

Наум нахлестывал коня. Оглянулся, увидел, как обходят зятя волки, и быстро отвернулся.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Придержи малость, отец!.. Дай топор! Мы отобьемся!..

– Грабю-ут!

– Придержи, мы отобьемся!.. Придержи малость, гад такой!

– Кидай им чево-нибудь! – крикнул Наум.

Вожак поравнялся с лошадей и выбирал момент, чтоб прыгнуть на нее. Волки, бежавшие сзади, были совсем близко: малейшая задержка, и они с ходу влетят в сани – и конец. Иван кинул клочок сена; волки не обратили на это внимания.

– Отец, сука, придержи, кинь топор!

Наум обернулся:

– Ванька!.. Гляди, кину!..

– Ты придержи!

– Гляди, кидаю! – Наум бросил на обочину дороги топор.

Иван примерился.. Прыгнул из саней, схватил топор.. Прыгая, он пугнул трех задних волков, они отскочили в сторону, осадили бег, намереваясь броситься на человека. Но в то самое мгновение вожак, почувствовав под собой твердый наст, прыгнул. Конь шарахнулся в сторону, в сугроб.. Сани перевернулись: оглобли свернули хомут, он захлестнул коню горло. Конь захрипел, забился в оглоблях. Волк, настигавший жертву с другой стороны, прыгнул под коня и ударом когтистой лапы распустил ему брюхо повдоль.

Три оставших волка бросились тоже к жертве.

В следующее мгновение все пять рвали мясо еще дрыгавшей лошади, растаскивали на ослепительно-белом снегу дымящиеся клубки сизо-красных кишок, урчали, вожак дважды прямо глянул своими желтыми круглыми глазами на человека..

Все случилось так чудовищно скоро и просто, что смахивало скорей на сон. Иван стоял с топором в руках, растерянно смотрел на волков. Вожак еще раз глянул на него.. И взгляд этот, торжествующий, наглый, обозлил Ивана. Он поднял топор, заорал что было силы и кинулся к волкам. Они нехотя отбежали несколько шагов и остановились, облизывая окровавленные рты. Делали они это так старательно и увлеченно, что, казалось, человек с топором нимало их не занимает. Впрочем, вожак смотрел внимательно и прямо. Иван обругал его самыми страшными словами, какие знал. Взмахнул топором и шагнул к нему.. Вожак не двинулся с места. Иван тоже остановился.

– Ваша взяла, – сказал он. – Жрите, сволочи. – И пошел в деревню. На растерзанного коня старался не смотреть. Но не выдержал, глянул.. И сердце сжалось от жалости, и злость великая взяла на тестя. Он скорым шагом пошел по дороге.

– Ну погоди!.. Погоди у меня, змей ползучий. Ведь отбились бы – и конь был бы целый. Шкура.

Наум ждал зятя за поворотом. Увидев его живого и невредимого, искренне обрадовался.

– Живой? Слава те господи! – На совести у него все-таки было беспокойно.

– Живой! – откликнулся Иван. – А ты тоже живой?

Наум почуял в голосе зятя недоброе. На всякий случай шагнул к саням.

– Ну, что они там?..

– Поклон тебе передают. Шкура!..

– Чего ты? Лаешься-то?..

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– я тебя бить буду, а не лаяться.

Иван подходил к саням. Наум стегнул лошадь.

– Стой! – крикнул Иван и побежал за санями. – Стой, паразит!

Наум нахлестывал коня... Началась другая гонка: человек догонял человека.

– Стой, тебе говорят! – кричал Иван.

– Заполошный! – кричал в ответ Наум. – Чего ты взъелся-то? С ума, что ли, спятил! Я-то при чем здесь?

– Ни при чем?! Мы бы отбились, а ты предал!..

– Да как отбились?! Ты что!

– Предал, змей! Я тебя проучу! Не уйдешь ты от меня, остановись лучше. Одного отметелю – не так будет позорно. А то при людях отлуплю. И расскажу все... Остановись лучше!

– Сейчас – остановился, держи карман! – Наум нахлестывал коня. – Оглоед чертов... откуда ты взялся на нашу голову!

– Послушай доброго совета: остановись! – Иван стал выдыхаться. – Тебе же лучше: отметелю и никому не скажу.

– Тебя, дьявола, голого в родню приняли, и ты же на меня с топором! Стыд-то есть или нету?

– Вот отметелю, потом про стыд поговорим. Остановись! – Иван бежал медленно, уже очень отстал. И наконец вовсе бросил догонять. Пошел шагом.

– Найду, никуда не денешься! – крикнул он напоследок тестю.

Дома у себя Иван никого не застал: на двери висел замок. Он отомкнул его, вошел в дом. Поискал в шкафу... Нашел не допитую вчера бутылку водки, налил стакан, выпил и пошел к тестю.

В ограде тестя стояла выпряженная лошадь.

– Дома, – удовлетворенно сказал Иван.

Толкнулся в дверь – не заперто. Он ждал, что будет заперто. Иван вошел в избу... Его ждали: в избе сидели тесть, жена Ивана и милиционер. Милиционер улыбался.

– Ну что, Иван?

– Та-ак... Сбегал уже? – спросил Иван, глядя на тестя.

– Сбегал, сбегал. Налил шары-то, успел?

– Малость принял для... красноречия. – Иван сел на табуретку.

– Ты чего это, Иван? С ума, что ли, сошел? – поднялась Нюра. – Ты что?

– Хотел папаню твоего поучить... Как надо человеком быть.

– Брось ты, Иван, – заговорил милиционер. – Ну, случилось несчастье, испугались оба... Кто же ждал, что так будет? Стихия.

– Мы бы легко отбились. Я потом один был с ними...

– Я ж тебе бросил топор? Ты попросил – я бросил. Чево еще-то от меня требовалось?

– Самую малость: чтоб ты человеком был. А ты шура. Учить я тебя все равно буду.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Учитель выискался! Сопля... Гол, как сокол, пришел в дом на все на готовенькое да еще грозит. Да еще недовольный всем: водопроводов, видите ли, нету!

– Да не в этом дело, Наум, – сказал милиционер. – При чем тут водопровод?

– В деревне плохо!.. В городе лучше, – продолжал Наум. – А чево приперся сюда? Недовольство свое показывать? Народ возбуждать?

– От сука! – изумился Иван. И встал.

Милиционер тоже встал.

– Бросьте вы! Пошли, Иван...

– Таких возбудителей-то знаешь куда девают? – не унимался Наум.

– Знаю! – ответил Иван. – В прорубь головой... – И шагнул к тестю.

Милиционер взял Ивана под руку и повел из избы. На улице остановились, закурили.

– Ну не паразит ли? – все изумлялся Иван. – И на меня же попер.

– Да брось ты его!!

– Нет, отметить я его должен.

– Ну и заработаешь! Из-за дерьма.

– Куда ты меня?

– Пойдем, переночуешь у нас. Остынешь. А то себе же хуже сделаешь. Не связывайся.

– Нет, это же... что ж это за человек?

– Нельзя, Иван, нельзя: кулаками ничего не докажешь.

Пошли по улице по направлению к сельской кутузке.

– Там-то не мог? – спросил вдруг милиционер.

– Не догнал! – с досадой сказал Иван. – Не мог догнать.

– Ну вот... Теперь все – теперь нельзя.

– Коня жалко.

– Да...

Замолчали. Долго шли молча.

– Слушай, отпусти ты меня. – Иван остановился. – Ну чего я в воскресенье там буду? Не трону я его.

– Да нет, пойдем. Пойдем. А то потом не оберешься... Тебя жалеючи говорю. Пойдем, в шахматишки сыграем... Играешь в шахматы?

Иван сплюнул на снег окурок и полез в карман за другой папироской.

– Играю.

Начальник

С утра нахмурилось; пролетел сухой мелкий снег. И стало зловеще тихо. И долго было тихо. Потом началось... С гор сорвался упругий, злой ветер, долина загудела. Лежалый снег поднялся в воздух, сделалось темно.

Двое суток на земле и на небе ревели, выло. Еще не старые, крепкие на вид лесины

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru начинали вдруг с криком клониться и медленно ложились, вывернув рваные корни. В лесу отчаянно скрипело, трещало.

Одиннадцать человек лесорубов с дальней делянки остались без еды. Еще до бурана, объезжая работы, к ним заехал начальник участка, сказал, что машина с продуктами к ним вышла. И начался буран. Начальник остался на делянке.

Двенадцать человек, коротая время, спали, курили, «забывали козла», слонялись из угла в угол. Разговаривали мало. Когда сорвало крышу с избушки, малость поговорили.

– Долго держалась, – сказал начальник, с треском выставляя кость домино на грубо струганный стол из плах.

– Держалась, держалась, держалась, – повторил лесоруб с огромными руками, мучительно раздумывая, какую кость выставить. И тоже так треснул об стол, что весь рядок глазастых шашек подпрыгнул. Четверо игроков молчком аккуратно восстановили его. Потом задумался третий... Тоже с треском выставил кость и сказал:

– Додержалась!

– Угорела! – сказал четвертый и выставил не думая. – Считайте яйца.

На третьи сутки чуть вроде поослабло.

Начальник надел полушубок, вышел на улицу. Минут десять его не было. Вернулся, выбил из шапки снег, снял полушубок. Все ждали, что он скажет.

– Надо ехать, – сказал начальник. – Кто?

Трактористов было двое: Колька и Петька. Колька глянул на Петьку, Петька – на Кольку. Оба ребята молодые, здоровые.

– Что, стихает?

– Маленько стихает. – Начальник посмотрел на Кольку, усмехнулся. – Ну кто?

– Ладно – я, – сказал Колька; один раз Колька, пользуясь переездом, крупно подкальмил на тракторе – перевез сруб и пару дней гулял, а сказал, что стоял с пробитой прокладкой. Большеротый начальник знал это и всякий раз, здороваясь с Колькой, криво улыбался и спрашивал: «Ну, как прокладки?» Колька ждал, что его потянут за тот калым, но его почему-то не тянули.

Колька стал собираться. Ему советовали:

– От ключа выбивайся на просеку, там счас не так убродно.

– Где, на просеке?

– Но.

– Скажи кому-нибудь. Наоборот, надо от ключа влево...

– Не слушай никого, Колька, ехай, как знаешь.

– Можя, обождать маленько? – предложил Колька и посмотрел на начальника. Тот, нахмурившись, колдовал что-то в своем блокноте.

– Иди сюда, – сказал он. – Смотри: вот ключ, вот просека – поедешь просекой. Доедешь ей до Марушкина лога – вот он, снова повернешь на дорогу, там где-нибудь он стоит. Попробуйте буксировать. Не выйдет, тогда возьмите побольше на трактор... Сала, хлеба. В зеленой канистре, под кулями, спирт – возьмите.

Лесорубы переглянулись. Кто-то хмыкнул.

– Та канистрочка давно уж теперь в кабине, рядом с Митей. Он с ей беседует.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Похудела канистра, ясно.

– Да-а, Митя... Он, конечно, не только канистру уговорит...

Начальник не слышал этих замечаний.

– Можя, переждать малость? – еще раз предложил Колька. – А?

Начальник захлопнул блокнот, подумал.

– По подсчетам, у него кончилось горячее часов пять назад. Ты будешь ехать часа три... Восемь. Давай. Часов через шесть ждем вас.

Колька шепотом сказал что-то и пошел на улицу. Минут через десять противно застрекотал пускач (пусковой моторчик) его трактора, потом глухо взревел двигатель...

– Поехал, – сказал один лесоруб.

Другие промолчали.

Митька Босых, деревенский вор в прошлом, поэт, трепач и богохульник, ругался в кабине матом. Его занесло вровень с кузовом; пять часов назад сгорела последняя капля горячего.

– Погибаю, пала! – орал Митька. – Кранты!.. В лучшем случае – членовредительство.

Зеленая канистра была с ним в кабине, и она действительно слегка «похудела».

Калина красная,
Калина вызрела;
Я у залеточки
Характер вызнала!..
Митька отхлебнул еще из канистры и закусил салом.

– Жись!.. Как сон, как утренний туман, пала...

Вдруг сквозь вой ветра ему почудился гул трактора. Подумал, что показалось, прислушался: нет, трактор.

– Ура-а! – заорал Митька и полез из кабины. – Роднуля! Крошечка моя!..

Трактор с трудом пробивался; он то круто полз вверх, то по самый радиатор зарывался в сугроб, и тогда особенно натруженно, из последних своих могучих сил ревел, выбираясь, дымил, парил, дрожал, лязгал, упорно лез вперед. Колька был отличный тракторист.

Увидев занесенную машину и Митьку около нее, Колька остановился, оставил трактор на газу, вылез из кабины.

– Припухаеть?!

– А?!

– На!.. Канистра живая?

– А?!

Ветер валил с ног; дул порывами: то срывался с цепей, тогда ничего вокруг не было видно, ровно и страшно ревели и трещало, точно драли огромное плотное полотнище, то вдруг на какое-то время все замирало, сверху, в тишине, мягкой тучей обрушивался снег, поднятый до того в воздух. И снова откуда-то не то сверху, не то снизу ветер начинал набирать разгон и силу...

Обследовали машину: буксировать ее можно только двумя или тремя тракторами. Начали перетаскивать продукты на трактор.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Канистру уговорил?!

– А што я, подыхать должен? Начальник там?

– Там!

– Пусть он про меня в газету пишет, пала... Как я чуть геройски дуба не дал!

– В канистре много осталось?

– А?

– Много тяпнул?!

– Там хватит... – Митька захлебнулся ветром, долго кашлял. – Всем хватит!

Поехали обратно.

Калина красная-а,
Калина вызрела-а! –
запел во все горло Митька; душа его ликovala: не пропал.

Колька терпел, терпел, отдал ему рычаги и занялся канистрой. Отпили немного, смерили проволочкой – сколько осталось. Еще малость отпили.

Доехали, как по горнице босиком прошли: легко и весело.

Их ждали, их давно ждали. Всем скопом кинулись перетаскивать продукты в избушку. Зеленую канистру занес сам начальник и поставил под нары. Шумно сделалось в тесной избушке.

Хмельной Митька начал куражиться:

– Начальник, заметку в «Трудовую вахту»: «Исключительный поступок Митьки Босых». Я же мог вполне повернуть назад! Мог? Мог... И мне говорили, что не доедешь. Я их послал вдоль по матушке и поехал, пала. Я же вполне мог дуба дать! И вы бы куковали тут...

– Сколько выпили? – спросил начальник у Кольки.

Колька хмурился: хотел казаться трезвым. Ну, если и выпил, то так – самую малость, для согрева.

– Не знаю, – сказал он. – Расплескалось много.

Начальник заглянул в канистру, взболтнул содержимое...

– Полтора литра. – Достал блокнот, записал. – С получки вычту.

Всем налили по полстакана спирту. Митьке не налили.

– Хватит, – сказал начальник.

Митька взбунтовался, полез к начальнику:

– Так? Да? Я же чуть не погиб, пала!..

Начальник выпил свою порцию, скривил большой рот, закусил хлебом.

– Большеротик! – горько орал Митька. – Я же привез, а ты...

– Спокойно, Босых. Заметку напишу, а спирту не дам. Ты свое выпил. А то будешь не Босых, а – Косых.

Огромный Митька сгреб начальника за грудки.

– Да я же мог весь выпить!..

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Начальник оттолкнул его. Митька снова попер на него с кулаками... Начальник, невысокий, жидкий с виду мужичок, привстал, не размахиваясь, ткнул Митьке куда-то в живот. Митька скорчился и сел на нары. С трудом продохнул и пожаловался:

– Под ложечку, пала... Ты што?.. Налей хоть грамм семисит?

Все посмотрели на начальника.

– Нет, – сказал тот. – Все. Иди ешь.

– Не буду, – капризно заявил Митька. – Раз ты так – я тоже так: голодовку объявлю, пала.

Засмеялись. Начальник тоже засмеялся. Смеялся он неумело, по-бабьи звонко. Он редко смеялся.

– Хошь, счас всем скажу? – спросил вдруг Митька, угрожающе глядя на начальника.
– Хошь?

– Говори, – спокойно сказал тот.

– Нет, сказать?

– Говори.

– А-а... то-то.

– Что «а-а»? Говори. – Начальник внимательно, с усмешкой смотрел на Митьку. Ждал.

Все стихли.

Митька не выдержал взгляда начальника, отвернулся...

– Сижу на нарах, стос мечу! – запел он и полез на нары. Еще раз напоследок попытал судьбу: – Пиисят грамм? И – ша! И ни звука. А? Иван Сергеич?

– Нет.

– Все – убито, Бобик сдох. Да ты начальничек, ключик-чайничек!.. – еще пропел Митька и затих, заснул.

– Ну, Митька... Откуда что берется? – заговорили лесорубы.

– Посиди там – научишься.

– Да, там научат.

На начальника посматривали с интересом: что такое знал о нем Митька?

Начальник как ни в чем не бывало с удовольствием жевал сало с хлебом, запивал чаем.

– Нет, я-то ведь тоже чуть дуба не дал! – вспомнил Колька. Он добавил к выпитому дорогой, и его заметно развезло. – Туда ехал, у меня заглохло. Я с час, наверно, возился... Руки поморозил. А оказывается, выхлоп подлючий снегом забило!.. Бензину налил, выжег его... А сам чуть не сгорел: во! – Показал прожженный рукав фуфайки. – Плеснул нечаянно, он загорелся...

– Прокладку не пробило? – спросил начальник и опять засмеялся неожиданно высоким женским смехом.

– Когда ты забудешь про эту прокладку? Ты што, всю жись теперь будешь?!

– Нет, – серьезно сказал начальник. – Иди спать. А мы отдохнем малость, жирок на пупке завяжется, и пойдем крышу привяжем. А то ее расколотит всю об лесины. Или унесет совсем.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Колька полез к Митьке на нары.

Лесорубы закурили после сытного обеда.

Начальник достал блокнот, устроился за столом, начал писать заметку:

«Самоотверженный поступок шофера Дмитрия Босых и тракториста Николая Егорова».

Написал так, подумал, зачеркнул. Написал иначе:

«Лесорубы спасены!»

Опять зачеркнул. Написал:

«Тов. редактор! У лесорубов на 7-м участке еще до бурана кончились все продукты. Им грозила крупная неприятность. И только благодаря умелым действиям шофера Д. Босых и тракториста Н. Егорова продукты на участок были доставлены».

Начальник прочитал, что написал, и остался доволен.

– Иван Сергеич, – спросил один лесоруб, – если не секрет: что такое хотел сказать Митька?

– Митька?.. – Начальник криво улынулся. – Мы с ним в одном лагере сидели. Он в моей бригаде был.

– Так вы што... тоже?..

– Двенадцать лет. А Митька теперь шантажирует. – Начальник снова не сдержался и – в третий раз за этот день – закатился звонким своим искренним смехом. Отсмеялся и сказал убежденно: – Но он ни за что, ни под какой пыткой не сказал бы. Это он спяну решил малость пошантажировать. Он отличный парень.

– А за что, Иван Сергеич?

– Сидел-то? Сто шестнадцать пополам. Ну, пошли, братцы, найдем крышу-то.

Начальник оделся, взял веревку и первый вышел из избушки в крутой, яростный ад.

Буран снова набирал силу. Он, кажется, зарядил на неделю – февральский.

Горе

Бывает летом пора: полынь пахнет так, что сдуреть можно. Особенно почему-то ночами. Луна светит, тихо... Непокорно на душе, томительно. И думается в такие огромные, светлые, ядовитые ночи вольно, дерзко, сладко. Это даже – не думается, что-то другое: чудится, ждётся, что ли. Притаишься где-нибудь на задах огородов, в лопухах, – сердце замирает от необъяснимой, тайной радости. Жалко, мало у нас в жизни таких ночей. Они помнятся.

Одна такая ночь запомнилась на всю жизнь.

Было мне лет двенадцать. Сидел я в огороде, обхватив руками колени, упорно, до слез смотрел на луну. Вдруг услышал: кто-то невдалеке тихо плачет. Я оглянулся и увидел старика Нечая, соседа нашего. Это он шел, маленький, худой, в длинной холщовой рубахе. Плакал и что-то бормотал неразборчиво.

У дедушки Нечаева три дня назад умерла жена, тихая, безответная старушка. Жили они вдвоем, дети разъехались. Старушка Нечаева, бабка Нечаиха, жила незаметно и умерла незаметно. Узнали поутру: «Нечаиха-то... гляди-ко, сердешная». Вырыли могилку, опустили бабку Нечаиху, зарыли – и все. Я забыл сейчас, как она выглядела. Ходила по ограде, созывала кур: «Цып-цып-цып...» Ни с кем не ругалась, не заполошничала по деревне. Была – и нету, ушла.

...Узнал я в ту светлую, хорошую ночь, как тяжело бывает одинокому человеку. Даже когда так прекрасно вокруг, и такая теплая, родная земля, и совсем нестрашно на ней.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Я притаился.

Длинная, ниже колен, рубаха старика ослепительно белела под луной. Он шел медленно, вытирал широким рукавом глаза. Мне его было хорошо видно. Он сел неподалеку. Я прислушался.

– Ничо... счас маленько уймусь... мирно побеседуем, – тихо говорил старик и все не мог унять слезы. – Третий день маюсь – не знаю, куда себя деть. Руки опустились... хошь што делай. Вот как!

Помаленьку он успокоился.

– Шибко горько, Парасковья: пошто напоследок-то ничо не сказала? Обиду, што ль, затаила какую? Сказала бы – и то легче. А то – думай теперь... Охо-хо... – Помолчал. – Ну, обмыли тебя, нарядили – все как у добрых людей. Кум Сергей гроб сколотил. Поплакали. Народу, правда, не шибко много было. Кутью варили. А положили тебя с краешку, возле Дадовны. Место хорошее, сухое. Я и себе там приглядел. Не знаю вот, што теперь одному-то делать? Может, уж заколотить избенку да к Сергею уехать?.. Опасно: он сам ничо бы, да бабенка-то у его... сама знаешь: и сказать не скажет, а кусок в горле застрянет. Вот беда-то!.. Чего посоветуешь?

Молчание.

Я струсил. Я ждал, вот-вот заговорит бабка Нечайха своим ласковым терпеливым голосом.

– Вот гадаю, – продолжал дед Нечай, – куда приткнуться? Прямо хошь петлю накидывай. А этто вчерашней ночью здремнул маленько, вижу: ты вроде идешь по ограде, яички в сите несешь. Я пригляделся: а это не яички, а цыпляты живые, маленькие ишо. И ты вроде начала их по одному исть. Ешь да ишо прихваливаешь... Страсть господняя! Проснулся... Хотел тебя разбудить, а забыл, что тебя – нету. Парасковьюшка... язви ты в душу!.. – Дед Нечай опять заплакал. Громко. Завыл как-то, застонал протяжно: – Э-э-э... у-у... Ушла?.. А не подумала: куда я теперь? Хошь бы сказала: я бы доктора из города привез... вылечиваются люди. А то – ни слова, ни полслова – вытянулась! Так и я сумею... – Нечай высморкался, вытер слезы, вздохнул. – Чижало там, Парасковьюшка? Охота, поди, сюда? Сنيшься-то. Снись хоть почаще... только нормально. А то цыпляты какие-то... черт-те чего. А тут... – Нечай заговорил шепотом, я половину не расслышал. – Грешным делом, хотел уж... А чего? Бывает, закапывают, я слыхал. Закопали бабу в Краюшкино... стонала. Выкопали, она живая. Эти две ночи ходил, слушал: вроде тихо. А то уж хотел... Сон, говорят, наваливается какой-то страшный, а все думают, што помер человек, а он не помер, а сонный...

Тут мне совсем жутко стало. Я ползком-ползком – да из огорода. Прибежал к деду своему, рассказал все. Дед оделся, и мы пошли с ним на зады.

– Он сам с собой или вроде бы с ей разговаривает? – расспрашивал дед.

– С ей. Советуется, как теперь быть...

– Тронется ишо, козел старый. Правда пойдет выкопает. Может, пьяный?

– Нет, он пьяный поет и про бога рассказывает. – Я знал это.

Нечай, слышав наши шаги, замолчал.

– Кто тут? – строго спросил дед.

Нечай долго не отвечал.

– Кто здесь, я спрашиваю?

– А чего тебе?

– Ты, Нечай?

– Но...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Мы подошли. Дедушка Нечай сидел, по-татарски скрестив ноги, смотрел снизу на нас – был очень недоволен.

– А ишо кто тут был?

– Иде?

– Тут... Я слышал, ты с кем-то разговаривал.

– Не твое дело.

– Я вот счас возьму палку хорошую и погоню домой – чтоб бежал и не оглядывался. Старый человек, а с ума сходишь... Не стыдно?

– Я говорю с ей и никому не мешаю.

– С кем говоришь? Нету ее, не с кем говорить! Помер человек – в земле.

– Она разговаривает со мной, я слышу, – упрямылся Нечай. – И нечего нам мешать. Ходят тут, подслушивают...

– Ну-ка, пошли. – Дед легко поднял Нечая с земли. – Пойдем ко мне, у меня бутылка самогонки есть, счас выпьем – полегчает.

Дедушка Нечай не противился.

– Чижало, кум, силов нету. – Он шел впереди, спотыкался и все вытирал рукавом слезы. Я смотрел сзади на него, маленького, убитого горем, и тоже плакал – неслышно, чтоб дед подзатыльника не дал. Жалко было Нечая.

– А кому легко? – успокаивал дед. – Кому же легко родного человека в землю зарывать? Дак если бы все ложились с ими рядом от горя, што было бы? Мне уж теперь сколько раз надо бы ложиться? Терпи. Скрепись и терпи.

– Жалко.

– Конечно, жалко... кто говорит. Но вить ничем теперь не поможешь. Изведешься, и все. И сам ноги протянешь.

– Вроде соображаю, а... запеклось вот здесь все – ничем не размочишь. Уж пробовал – пил: не берет.

– Возьмет. Серьга-то чего не приехал? Ну, тем вроде далеко, а этот-то?..

– В командировку уехал. Ох, чижало, кум! Сроду не думал...

– Мы всегда так: живет человек – вроде так и надо. А помрет – жалко. Но с ума от горя сходить – это тоже... дурость.

Не было для меня в эту минуту ни ясной, тихой ночи, ни мыслей никаких, и радость непонятная, светлая – умерла. Горе маленького старика заслонило прекрасный мир. Только помню: все так же резко, горько пахло полынью.

Дед оставил Нечая у нас. Они легли рядом на полу, накрылись тулупом.

– Я тебе одну историю расскажу, – негромко стал рассказывать мой дед. – Ты вот не воевал – не знаешь, как там было... Там, брат, похуже дела были. Вот какая история: я санитаром служил, раненых в тыл отвозили. Едем раз. А «Студебеккер» наш битком набитый. Стоняют, просят потише... А шофер, Миколай Игринев, годок мне, и так уж старается поровней ехать, медлить шибко тоже нельзя: отступаем. Ну, подъезжаем к одному развилку, впереди легковуха. Офицер машет: стой, мол. А у нас приказ строго-настрога: не останавливаться, хоть сам черт с рогами останавливай. Оно правильно: там сколько ишо их, сердешных, лежат ждут. Да хоть бы наступали, а то отступаем. Ну, проехали. Легковуха обгоняет нас, офицер поперек дороги – с «наганом». Делать нечего, остановились. Оказалось, офицер у их чижалораненый, а им надо в другую сторону. Ну, мы с тем офицером, который «наганом»-то махал, кое-как втиснули в кузов раненого. Миколай в кабинке сидел: с им там тоже капитан был, совсем тоже плохой, почесть, лежал: Миколай-то одной

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru рукой придерживал его, другой рулил. Ну, уместились кое-как. А тот, какого посадили-то, часует, бедный. Я голову его на коленки к себе взял, она вся в крове, все позасохло. Подумал ишо тогда: не довезем. А парень молодой, лейтенант, только бриться, наверно, начал. Доехали до госпиталя, стали снимать раненых... – Дед крикнул, помолчал... Закурил. – Миколай тоже стал помогать... Подал я ему лейтенанта-то... «Все, – говорю, – кончился». А Миколай посмотрел на лейтенанта, в лицо-то... Кхэк... – Опять молчание. Долго молчали.

– Неужто сын? – тихо спросил дед Нечай.

– Сын.

– Ох ты, господи!

– Кхм... – Мой дед швыркнул носом. Затянулся вчистую раз пять подряд.

– А потом-то што?

– Схоронили... Командир Миколаю отпуск на неделю домой дал. Ездил. А жене не сказал, што сына схоронил. Документы да ордена спрятал, пожил неделю и уехал.

– Пошто не сказал-то?

– Скажи!.. Так хоть какая-то надежда есть – без вести и без вести, а так – совсем. Не мог сказать. Сколько раз, говорит, хотел и не мог.

– Господи, господи, – опять вздохнул дед Нечай. – Сам-то хоть живой остался?

– Миколай? Не знаю, нас раскидало потом по разным местам... Вот какая история. Сына!.. – легко сказать. Да молодого такого...

Старики замолчали.

В окна все лился и лился мертвый торжественный свет луны. Сияет!.. Радость ли, горе ли тут – сияет!

Случай в ресторане

В большом ресторане города Н. сидел маленький старичок с голой опрятной головкой, чистенький, тихий, выглаженный. Сидел и задумчиво смотрел в окно – ждал, когда принесут ужин.

– Свободно, батя? – спросил его сзади могучий голос.

Старичок вздрогнул, поднял голову.

– Пожалуйста, садитесь.

Сел огромный молодой человек в огромном коверкотовом костюме, на пиджаке которого отчаянно блестели новенькие черные пуговицы. Старичок уставился в глаза парню – почему-то в них приятно смотреть: они какие-то ужасно доверчивые.

– Что, батя? – спросил детина. – Врежем?

Старичок вежливо улыбнулся.

– Я, знаете, не пью.

– Чего так?

– Годы... Мое дело к вечеру, сынок.

Подошла официантка, тоже засмотрелась на парня.

– Бутылочку «Столичной» и чего-нибудь закусить, – распорядился молодой человек. – Шашлыки есть?

– Водки только сто грамм.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Детина не понял.

– Как это?

– Положено только сто грамм.

– Вы что?

– Что?

– Мне больше надо.

Старичок, глядя на парня, не вытерпел, засмеялся тихонько.

– Знаете, – сказал он официантке, – мне ведь тоже положено сто граммов? Так принесите ему двести.

– Не положено. Шашлык... Что еще?

Детина беспомощно посмотрел на старичка.

– Что это?.. Она шутит, что ли?

Старичок посерьезнел, обратился к официантке:

– Вы ведь знаете: правил без исключения не бывает. Видите, какой он... Что ему сто граммов?

– Нельзя, – спокойно сказала официантка и опять с удовольствием, весело посмотрела на парня. – Что еще?

Тот понял ее веселый взгляд по-своему.

– Ну, хоть триста, красавица, – попросил он. – М-м? – И кокетливо шевельнул могучим плечом.

– Нельзя. Что еще?

Детина обиделся.

– Сто бутылок лимонада.

Официантка захлопнула блокнотик.

– Подумаете, потом позовете. – И отошла от стола.

– Выпил называется, – горько сказал детина, глядя вслед ей. – Тц...

– Бюрократизм, он, знаете, разъедает не только учреждения, – сочувственно заговорил старичок. – Вот здесь, – он постучал маленьким белым пальчиком по белой скатерти, – здесь он проявляется в наиболее уродливой форме. Если вас не принял какой-то начальник, вы еще можете подумать, что он занят...

– Что же все-таки делать-то? – спросил детина.

– Возьмите коньяк. Коньяк без нормы.

– Да?

– Да.

Парень поманил официантку. Та подошла.

– Я передумал, – сказал он. – Дайте бутылку коньяка и два... Батя, шашлык будешь?

Старичок качнул головой.

– Я уже заказал себе.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Два шашлыка, пару салатов каких-нибудь и курицу в табаке.

– Табака, – поправила официантка, записывая.

– Я знаю, – сказал детина. – Я же шучу.

– Все?

– Да.

Официантка ушла.

Детина укоризненно покачал головой.

– На самом деле бюрократы. Ведь коньяк-то крепче. Они что, не знают, что ли?

– Коньяк дороже, в этом все дело, – пояснил старичок. – Вы, очевидно, приезжий?

– Но. За запчастями приехал. Седня получил – надо же выпить.

– Сибиряк?

– С Урала.

– Похожи... – Старичок улыбнулся. – Когда-то бывал в Сибири, видел...

– Где?

– Во Владивостоке.

– А-а. Не доводилось там бывать.

Тут заиграла музыка. Детина посмотрел на оркестрантов. К микрофону подошла девушка, обтянутая сверкающим платьем, улыбнулась в зал... Детина спокойно отвернулся – ему такие не нравились. Девушка запела, да таким неожиданно низким, густым голосом, что детина снова посмотрел на нее. Девушка пела про «хорошего, не встреченного» еще. Удивительно пела: как будто рассказывала, а получалось – пела. И в такт музыке качала бедрами. Детина засмотрелся на нее...

Наплывали тягучие запахи кухни; гомон ресторанный покрывали музыка и песня девушки. Уютно и хорошо стало в большом зале с фикусами.

Парню все больше и больше нравилась девушка. Он посмотрел на старичка. Тот сидел спиной к оркестру... Вобрал голову в плечи и смотрел угасшими глазами в стол. Рот приоткрыт, нижняя губа отвисла.

– Пришла, – тихо сказал он, когда почувствовал на себе взгляд парня. И усмехнулся, точно оправдываясь, что на него так сильно действует песня.

А девушка все пела, улыбалась... В улыбке ее сквозило что-то не совсем хорошее. И все-таки она была красивая и очень смелая.

Детина обхватил голову громадными лапами и смотрел на нее.

– От зараза! – сказал он, когда девушка кончила петь. – А?

– У меня не такая уж большая пенсия, – доверчиво заговорил старичок, – и я ее, знаете, всю просаживаю в этом ресторане – слушаю, как она поет. Вам тоже нравится?

– Да.

– И обратите внимание: она же совсем еще ребенок. Хоть накрашена, хоть, знаете, этакая синевца под глазами и улыбаться научилась, а все равно ребенок. Меня иной раз слеза прошибает.

– Она еще петь будет?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– До без четверти одиннадцать.

Принесли коньяк, шашлык, салаты. Старичку принесли рисовую кашу.

– Выпьешь, батя? – предложил парень.

Старичок посмотрел на бутылку, подумал, махнул рукой и сказал:

– Наливайте! Граммов двадцать пять.

Детина улыбнулся, налил в синюю рюмку – половину, себе набухал в фужер и сразу, не раздумывая, выпил.

– Боже мой! – воскликнул старичок.

– Что?

– Здорово вы...

– Между прочим, я его не уважаю – вонючий.

– Завидую я вам... Вы кто по профессии?

– Бригадир. лесоруб.

– Завидую вам, черт возьми! Прилетаете сюда, как орлы... Из какой-то большой жизни, и вам тесно здесь... Тесно, я чувствую.

Детина ел шашлык, слушал.

– Пей, батя.

Старичок выпил, крякнул и заторопился закусывать.

– Давно не пил, года три.

– Вы что, одинокий, что ли?

– Одинокий, – старичок кивнул головой.

– Плохо.

– Ничего... Я как-то не думаю об этом. Мне вот она, – кивнул он в сторону оркестра, где только что пела девушка, – дочерью, знаете, кажется. Люблю ее, как дочь. И ужасно боюсь за ее судьбу.

– Она знает тебя?

– Нет, откуда?

– Хорошо поет. Я не люблю, когда визжат.

– Да, да...

Детина отклонился от стола, гулко стукнул ладонью себя в грудь. Шумно вздохнул.

– Добрый шашлычишко.

– Вы – какие-то хозяева жизни. Я не умел так, – грустно сказал старичок.

Оркестранты опять взялись за инструменты.

Опять вышла девушка, поправила микрофон.

Детина закурил.

– Пришла, – показал он глазами на нее.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Старичок обернулся, мельком глянул на девушку.

– Я не вижу. А в очках смотреть... как-то не могу, не люблю. Редко смотрю.

Девушка запела. Песенка была о том, как она влюбилась в молчаливого парня, мучилась с ним, но любила.

Детина слушал, задумчиво улыбался. Старичок опять ушел в себя, опять потух его взор и отвисла губа.

Девушка шутила, рассказывала, как она любила такого вот идиота, который умел произносить только «ага» и «ого». Хорошая песенка, озорная. Казалось, девушка про себя рассказывает – так просто у нее получалось. И оттого, что она рассказывала это всем, не боялась, казалась она такой родной, милой...

Детина ощутил в груди странную, горячую радость. Жизнь со всеми своими заботами и делами отодвинулась далеко-далеко. Остались только звуки ее, песня. Можно было шагать в пустоте, делая огромные шаги, так легко сделалось.

– Давай еще, батя! – Парень налил старичку и себе.

Старичок покорно выпил, закрутил головой и сказал:

– Это что же такое будет со мной?

– Ничего не будет. Мне тоже что-то жалко ее, – признался парень. – Поет тут пьяным харям.

– О!.. – Старичок нацелился на него белым пальчиком. – Женись на ней! И увези куда-нибудь. В Сибирь. Ты же можешь... Ты вон какой!..

– Во-первых, я женатый, – возразил детина. – А потом: разве ж она поедет в Сибирь? Ты подумай...

– С тобой поехала бы.

– Едва ли.

Старичка заметно развезло. Он вытер рот, бросил скомканный платок на стол, заговорил горячо и поучительно:

– Никогда не надо так рассуждать: поехала, не поехала. Увидел, человек нуждается в помощи, – бери и помогай. Не спрашивай. Тем более бог ничем, кажется, не обидел – ты же сильный!

– Я женатый! – опять возразил детина. – Ты что?

– Я не о том. Я о тенденции... Налей-ка мне еще. Что-то мне сегодня ужасно хорошо.

Детина налил в синюю рюмку. И себе тоже налил в фужер.

– Ты мне напомнил одного хорошего человека, – стал рассказывать старичок. – Ты кричишь здорово?

– Как кричишь?

– Ну-ка рявкни, – попросил старичок.

– Зачем?

– Я послушаю. Рявкни.

– Нас же выведут отсюда.

– Та-а... Плевать! Рявкни по-медвежьи, я прошу.

Детина поставил фужер, набрал воздуха и рявкнул.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Танцующие остановились, со всех сторон обернулись к ним.

Старичок влюбленно смотрел на парня.

– Хорошо. Был у меня товарищ, тоже учитель рисования... Ростом выше тебя... Ах, как он ревел! Потом он стал тигроловом. Ты знаешь, как тигров ловят? На них рывкают, они от неожиданности садятся на задние лапы...

Вышла певица и запела какую-то незнакомую песню. Дитина не разбирал слов, да и не хотел разбирать. Опять облапил голову и сидел, слушал.

– Давай увезем ее? – предложил он старичку. – Она у нас в клубе петь будет.

– Давай, – согласился старичок. – У меня душа спокойнее будет. Давай, Ваня!

– Меня Семеном зовут.

– Все равно. Давай, сынок, спасем человека!

Дитина слушал старичка, и у него увлажнились глаза. Пудовые кулаки его сами собой сжимались на столе.

– Ты тоже поедешь со мной, – заявил он.

– Я? Поеду! – Старичок пристукнул сухим кулачком по столу. – Мы из нее певицу сделаем! Я понимаю в этом толк.

К ним подошла официантка.

– Товарищи, что тут у вас? Кричите... Вы же не в лесу, верно?

– Спокойно, – сказал дитина. – Мы все понимаем.

– С вас получить можно? – обратилась официантка к старичку.

– Спокойно, – сказал старичок. – Продолжайте заниматься своим делом.

Официантка удивленно посмотрела на него и ушла.

– Я всю жизнь хотел быть сильным и помогать людям, но у меня не получилось – я слаб.

– Ничего, – сказал дитина. – Ты видишь? – Показал кулак. – Со мной не пропадешь: с ходу любого уюкошу.

– Ах, как я бездарно прожил, Ваня! Как жалко... Я даже не любил – боялся любить, ей-богу.

– Почему?

Старичок не слушал дитину, говорил сам.

– А была вот такая же и тоже пела... Ужасно пела! И я так же сидел и слушал. Ее тоже надо было спасти. Там были офицеры... Это давно было. Красавцы!.. Тьфу! – Старичок затряс головкой. – Лучше бы я ошибался, лучше бы пил, – может, смелее был бы. Я же ни разу в жизни не ошибся, Ваня! – Он стукнул себя в грудь, помигал подслеповатыми глазами. – Ни одной штуки за всю жизнь не выкинул. Ты можешь поверить?

– А что тут плохого?

– Ни одного проступка – это отвратительно. Это ужасно! Когда меня жалели, мне казалось – любят, когда сам любил – я рассуждал и боялся.

– Лишка выпил, батя, – сказал парень. – Закусывай.

– Ты не понимаешь – это хорошо. Не надо понимать такие вещи.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– В Сибирь–то поедем?

– Поедем. Я допью это?

– Пей, – разрешил детина.

Старичок допил коньяк, трахнул рюмку об пол. Она со звоном разлетелась. А сам лег грудью на стол и заплакал.

К их столику шли официантки и швейцар. Детина, прищурившись, спокойно смотрел на них. Он был готов защищать старичка. Ему даже хотелось, чтоб его нужно было защищать.

– В чем дело?

– В шляпе. Мы едем в Сибирь, – угрожающе сказал детина.

– Хорошо. А зачем же хулиганить?

– Мы не хулиганим, мы слушаем, как здесь поют.

– Она же бездарно поет, Ваня! Это ужасно, как она поет, – сказал старичок сквозь слезы. – Ты рывкаешь лучше. Талантливее. Она же не умеет петь. Но не в этом дело. Совсем не в этом...

– Кто будет платить за рюмку?

– Я, – ответил детина, с изумлением глядя на старичка. – Я плачу за все.

Пока официантка рассчитывалась с парнем, старичок, уронив на руки полированную головку, плакал тихонько. И бормотал:

– Ах, Ваня, Ваня... зверь ты мой милый... Как рывкнул! Орел!.. Улетим в тайгу. Улетим... В Сибирь!

– Кто это, не знаете? – тихонько спросила официантка.

– Это... – Парень подумал. – Это крупный интеллигент. Он сейчас на пенсии.

Официантка с жалостью посмотрела на старичка.

– Он часто здесь бывает, но никогда не пил. А сегодня чего-то... Уведите его, а то попадет куда-нибудь.

Детина ничего не сказал на это, встал, взял старичка под руку и повел. Старичок не сопротивлялся, только спросил:

– Куда, Ваня?

– Ко мне в номер. А завтра в Сибирь.

Дежурная по этажу заартачилась, не пускала в номер со старичком. Детина держал старичка; повернулся к ней боком и сказал:

– Достаньте в брюках, в кармане, деньги. Берите, сколько надо, только не вякайте.

Дежурная глубоко возмутилась, отдала ключ, но предупредила:

– Завтра же вас здесь не будет!

– Завтра мы в Сибирь уезжаем.

– В Сибирь, Ваня!.. Я хоть помру по-человечески, – бормотал старичок. – Знаешь, не надо ключом – дай ногой разок, – попросил он. – Умоляю: садани хорошенько. Мы потом заплатим.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Спокойно, – гудел детина. – Спокойно, батя. Вот раздухарился-то!.. Указ же вышел – нам с ходу сейчас по пятнадцать суток заделают.

– Не бойся!

Детина отомкнул номер, бережно положил старичка на кровать, снял с него туфли, хотел было снять пиджак, но старичок почему-то запротестовал.

– Не надо, я так. Не жалею, не зову, не плачу...

– Ладно, – согласился парень. – Спи. – Выключил свет и лег на диван.

– В Сибирь, Ваня? – спросил старичок.

– Завтра. А сегодня спать надо.

– Спим. Ах, Ваня, Ваня...

– Спи, батя.

...Утром детина нашел на столе записку.

«Ваня, я не могу с тобой в Сибирь. Спасибо за все. Прощай».

Старичка нигде не было. Сказали: ушел рано утром.

Внутреннее содержание

В село Красный Яр из города (из городского Дома моделей) приехала группа молодых людей. Демонстрировать моды.

Было начало лета. По сельской улице пропылил красный автобус, остановился возле клуба, и из него стали выходить яркие девушки и молодые парни с музыкальными инструментами.

Около автобуса уже крутился завклубом Николай Дегтярев, большой прохиндей и лодырь. Встретил. И повел устраивать молодых людей по квартирам.

На щите у клуба – ДК, как его упорно называл Дегтярев, – появилось объявление:

ОБЪЯВЛЕНИЕ!

Сегодня в ДК будет произведена демонстрация

молодежи мод весенне-летнего сезона.

Нач. в 9 час. Потом кинофильм.

Плата за демонстрацию не берется.

Народу в клуб пришло много. Большинство – молодежь, девушки. Дегтярев «толкнул» речь.

– В наш век, – сказал он, – в век потрясающих по своему восхищению достижений, мы, товарищи, должны одеваться! А ведь не секрет, товарищи, что мы еще иногда пускаем это дело на самотек. И вот сегодня сотрудники городского Дома моделей продемонстрируют перед вами ряд достижений в области легкой промышленности.

Закончил Дегтярев так:

– И если когда-то отдельные остряки с недоверием говорили: «Русь, культуришь?» – то сегодня мы смело можем сказать: «Да, товарищи, мы за высокую культуру села!»

Потом на сцену вышли парни с инструментами, стали полукругом и заиграли что-то веселое, легкое. На сцену вышла девушка, одетая в красивое, отливающее серебром белое платье... Прошлась легкой поступью, повернулась, улыбнулась в зал и еще прошла.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Это вечернее строгое платье, – стала объяснять пожилая неинтересная женщина, которую сперва никто не заметил на сцене. – Фасон его довольно простой, но, как видите, платье производит впечатление.

Девушка в платье все ходила и ходила, поворачивалась, улыбалась в зал. Музыканты играли. Особенно старался ударник: подкидывал палочки, пристукивал ногой. Аккордеонист тоже пристукивал ногой. И гитарист тоже пристукивал ногой.

Девушка в серебристом платье ушла. Тотчас на сцену вышла другая – в другом платье. Эта была совсем еще молоденькая, стройненькая, с красными губками. Она тоже прошлась по сцене мелкими шажками, повернулась... Да с таким изяществом повернулась, что в зале одобрительно загудели.

– Это платье на каждый день. Оно очень удобно и недорогое. Его можно надеть и вечером...

Братья Винокуровы сидели в первом ряду и все хорошо видели.

Иван, старший, сидел, облокотившись на спинку стула, и поначалу снисходительно смотрел на сцену. Но все веселее играли музыканты, выходили другие девушки, в других платьях, улыбались... Иван сел прямо.

Младший, Сергей, как сел, так ни разу не шевельнулся – смотрел на девушек.

Вышла полненькая, беленькая девушка в синем простеньком платьице. Стала ходить.

– Это платье удобно для купания. Оно легко снимается...

Полненькая девушка остановилась как раз против братьев и стала расстегивать платье. Иван толкнул коленом Сергея; тот не шевельнулся.

Девушка сняла платье, осталась в одном купальнике и так прошлась по сцене.

В зале стало тихо.

Девушка улыбнулась и стала надевать платье. Надела и ушла.

Завклубом (он сидел в первом ряду, у прохода) обернулся и строго посмотрел на всех. Отвернулся, подумал немного и захлопал. Его поддержали, но неуверенно: многие считали, что аплодисменты тут ни к чему.

Потом выходили молодые люди в костюмах, тоже прохаживались и улыбались...

Потом было кино.

Когда вышли из клуба, Иван стал обсуждать манекенщиц.

– Вообще я тебе так скажу: ничего в них хорошего нету, – заявил он. Иван жил в городе и, когда приезжал в отпуск в деревню, смотрел на все свысока, судил обо всем легко и скоро – вообще делал вид, что он отвык от деревни. – У них же внешность одна, а нутра на пятак нету.

– Брось, – недовольно заметил Сергей. Он не любил, когда брат начинал умничать. – Сам сейчас мечтать будешь...

– я?

– Ты, кто же.

– Во-первых, они не в моем вкусе – худые, – сказал Иван. – А главное, у них внутреннего содержания нету.

– А на кой черт мне ихнее содержание? – спросил Сергей.

– Здорово живешь! – удивился старший. – Серьга, ты какой-то... Ты что?

– Ну что?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Содержание – это все! – убежденно сказал Иван. – Женщина без внутреннего содержания – это ж... я не знаю... кошмар!..

– Пошел ты, – отмахнулся Сергей.

Дома Винокуровых ждал сюрприз: к ним определили на квартиру двух девушек-манекенщиц. Сказал им об этом отец, Кузьма Винокуров. Кузьма сидел на крыльце, курил.

– К нам двух девах на фатеру поставили, – сказал он. – До завтра.

Братья переглянулись.

– Которые в клуб приехали? Из города? – спросил Иван.

– Но.

– Ничего себе!.. – Иван даже слегка растерялся. – А где они сейчас?

– В горнице.

Сергей сел на приступку крыльца, закурил.

– Пойдем к ним, Серьга? – предложил Иван.

Сергей промолчал.

– А?

– Зачем?

– Так... Пойдем?

– Постучитесь сперва – они там переодеваются, однако, – предупредил отец. – А то вломитесь.

Сергей погасил окурок, поднялся.

– А что скажем?

– Добрый вечер, мол... Вообще, потрепемся.

Сергей вошел в дом, в прихожую избу, нашел в сундуке новую рубаху, надел.

– Ты только... это... не шибко там, – посоветовал он брату.

Иван снисходительно поморщился.

– Спокойно, Сережа, – не таких видели.

Сергей кивнул на горничную дверь.

– Ну...

Иван постучал.

– Да! – сказали в горнице.

Братья вошли.

– Добрый вечер! – громко сказал Иван, не успев оглядеться. И остановился в дверях. Сергей оказался в дурацком положении: ему и пройти вперед нельзя – Иван загородил дорогу, – и назад поворачивать неловко – показался уже. Он тоже негромко сказал «добрый вечер» и ткнул кулаком Ивана в спину. Иван не двинулся.

Девушки ответили на приветствие и вопросительно смотрели на парней.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Мы здесь живем, – счел нужным пояснить Иван.

– Да? Ну и что?.. Мы не стеснили вас?

– Вы что! – воскликнул Иван и двинулся вперед.

Сергей пошел за ним. Он чувствовал себя скверно – стыдно было.

Одна девушка, та самая, что ходила по сцене в купальнике, причесывалась перед зеркалом, другая сидела у стола, теребила от нечего делать длинными тонкими пальцами скатерть.

– Ну, как вы здесь? Ничего? – спросил Иван.

– Что? – девушка, которая причесывалась, повернулась к нему и улыбнулась.

– Устроились–то ничего, мол?

– Ничего, хорошо.

Иван тоже улыбнулся, присел на скамейку. Сергей постоял немного и тоже присел.

Иван не знал, что еще говорить, улыбался. Сергей тоже усмехнулся. Вынул из кармана складной нож, раскрыл его и стал пробовать лезвие большим пальцем – как проверяют: острый или нет.

Девушка с длинными тонкими пальцами громко засмеялась.

– Вы что, резать нас пришли? – спросила она.

Иван подхихикнул ей и тоже посмотрел на брата.

Сергей покраснел, вытер лезвие ножа о штанину.

– Можно и зарезать, – брякнул он и покраснел еще больше.

– У нас на днях, между прочим, одного зарезали, – сказал Иван. – С нашей шахты парень был... Идет по улице, а он подошел и сунул ему вот сюда. Тот согнулся. А он говорит: «Ты чего согнулся–то? Выпрямись». А ему же больно...

– Я что–то не поняла: кто кому говорит? – спросила девушка, которая ходила «на демонстрации» в купальнике; она кончила причесываться, тоже села к столу и смотрела на братьев весело.

Иван понял, что заговорил не так – не о том.

– Да тот, который ширнул ножом–то, – неохотно пояснил он.

Сергей незаметно сунул нож в карман, с тоской поглядел на брата.

«Заборонил», – подумал он о нем.

– А вы на шахте работаете? – спросила Ивана длинная тонкая девушка.

– Да.

– Прямо там, под землей?

Иван улыбнулся.

– А где же еще?

– Трудно, да?

– Нет. Первые месяц–два... Потом привыкаешь. В ночь, правда, трудно. Ну, и трудно, кто курит: курить–то нельзя.

– А там нельзя курить, да?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Конечно! Там же газы. Я малость помучился, потом бросил.

– Что бросили? Курить?

– Но.

Разговор никак не налаживался. Полненькая девушка откровенно заскучала. Зевнула, прикрыв крошечной ладошкой рот. Посмотрела на часы.

– Что-то долго они не идут, – сказала она подруге.

Та тоже посмотрела на часы.

– Сейчас придут.

Сергей глядел на маленькую девушку; она тоже взглянула на него. Сергей опустил глаза и нахмурился.

– А вы тоже на шахте работаете? – спросила его девушка.

Сергей отрицательно качнул головой.

– Он шоферит, – сказал Иван и посмотрел на брата, как смотрят на младших братьев старшие – слегка как бы извиняясь за их глупость, но вместе с тем ласково. – Вон его «кобыла» стоит в ограде-то.

– А-а.

– А вы что, ждете кого-то? – спросил Сергей.

– Ребята наши хотели прийти, – ответила тонкая длинная.

– А-а. – Иван понимающе кивнул головой. – Хорошее дело.

– Я, между прочим, один фокус знаю, – сказал вдруг Сергей и посмотрел в упор на маленькую полненькую.

Девушки переглянулись.

– Да? – сказала маленькая. – Какой?

– Берется нормальный носовой платок... – Сергей поискал в кармане платок, не нашел, спросил у брата. Тот тоже поискал и тоже не нашел.

– Нету.

Маленькая девушка прыснула в ладошку.

Сергей посмотрел на нее, улыбнулся доброй своей, застенчивой улыбкой, сказал просто:

– Сейчас принесу.

Сходил в прихожую, принес платок, разложил его на своей широкой ладони.

– Так?

– Ну и что? – спросил Иван.

– Ничего нету?

Девушки тоже заинтересовались.

– Ничего. А что будет?

– Спокойствие! – Сергей осмелел. – Берем обыкновенную спичку, кладем вот сюда... так? – Положил спичку в платок. – Заметили?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ну.

– Сворачиваем платок... – Сергей с подчеркнутой аккуратностью свернул платок – уголками в середину, – дал всем потрогать спичку через платок. – Тут спичка?

– Тут, – сказала маленькая девушка (Сергей дал ей первой потрогать).

– Здесь, – сказала тонкая девушка.

– Тут, – сказал Иван и посмотрел на брата с удивлением: он не ожидал от него такой прыти.

– Теперь ломайте ее! – велел Сергей. И дал ломать маленькой девушке. Та сломала спичку в платке, Сергей радостно смотрел на нее, улыбался. – Сломали?

– Да.

– Ну-ка, я проверю! – потребовал Иван.

– Пожалуйста.

Иван проверил.

– Сломана?

– Сломана.

Сергей развернул платок – спичка была целехонька. Все удивились. А Сергей тихонько засмеялся.

– Ну-ка еще раз! Еще раз! – попросила полненькая девушка капризным голоском, как ребенок. Сергей смотрел на нее и улыбался.

– Еще раз? Можно еще раз.

Сергей вышел в прихожую избы, пробыл там минуты две и вошел.

– Ты чего там делал? – подозрительно спросил Иван.

– Прикуривал.

– Давайте ломать! – потребовала маленькая девушка.

Опять завернули спичку, ломали ее в платке втроем, и опять, когда Сергей развернул платок, спичка была целая. Полненькая девушка взвизгнула и захлопала в ладоши.

– Ой, как это? Ой, расскажите!..

В это время в горницу постучали.

– Наши! – радостно воскликнула длинная тонкая девушка. – Да!

Вошли молодые ребята, двое. С гитарой. И сразу забыт был фокус со спичкой, и забыты были братья Винокуровы. Один из пришедших сказал, что слышал сейчас на улице такую песню:

Ой, милка моя,
Шевелилка моя;
Сама ходит шевелит,
Мне пошшупать не велит.
Парень пропел частушку «по-деревенски».

Городские засмеялись. Иван тоже засмеялся – умничал.

Сергей встал и сказал:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– До свиданья. Пойду машину гляну – чево-то стрелять начала.

Вышел во двор, сел на дровосеку, закурил.

Из окон горницы слышался смех, гитарный перебор – там было весело. Сергею понравились эти красивые, беззаботные люди. Самому до боли захотелось быть красивым и веселым. Но он не умел.

По двору прошел отец – лазил в погреб за огурцами.

– Ты чего? – спросил он сына.

– Ничего.

– А Ванька где?

– Там. – Сергей кивнул на окно горницы.

– Выпить маленько хошь?

– Не.

Отец торопливо зашагал в дом – там его ждал кум.

Сергей докурил папиросу, встал... Спать не хотелось. Тревожило веселье в горнице. Он представил, как смеется маленькая полненькая девушка – прикроет беленькой ладошкой рот, только глазенки блестят... Он взял колун и начал колоть толстые чурки. Развалил три штуки, бросил колун, пошел на сеновал, лег. Прямо в новой рубахе. Полежал немного, осторожно закурил... И все думал о маленькой полненькой девушке.

Пришел Иван, сел рядом.

– Ну, что? – спросил Сергей.

– Та-а... ерунда, – ответил Иван. – Я ж те говорил: одна внешность.

Сергей отвернулся к дощатой стене сарая.

– А чего ты ушел?

– Та-а...

– Хэх!..

Замолчали. Иван посидел немного, посвистел задумчиво и ушел спать в дом.

А из окон горницы все слышался смех.

Утром Сергей поднялся чуть свет. Походил бесцельно по двору, заглянул в открытое окно горницы...

Полненькая девушка спала, раскинув по подушке белые полненькие руки. Ротик приоткрыт, к нижней губе пристала пушинка от подушки; когда девушка выдыхала, пушинка становилась «на дыбки» и смешно дрожала.

«Как ребенок», – подумал с нежностью Сергей. Он долго еще смотрел на спящую девушку... Потом взял из кабины блокнот, вырвал чистый лист и написал:

«Это жа ерунда: спичку надо заранее спрятать в каемычку платочка, а потом, когда сворачиваешь, подсунуть ее, чтобы человек ломал ее. И пусть он ее ломает, сколько влезет, – другая-то спичка целая! Покажи кому-нибудь. Сергей».

Свернул бумажку, положил на подоконник и сверху еще положил камешек – чтобы ветром не сдуло.

Потом завел машину и поехал.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

На улицах было еще пусто; над крышами домов вставало солнце.

«Шляпу, что ли, купить, ядрена мать!» – подумал Сергей.

Думы

И вот так каждую ночь!

Как только маленько угомонится село, уснут люди – он начинает. Заводится, паразит, с конца села и идет. Идет и играет.

А гармонь у него какая-то особенная – орет. Не голосит – орет.

Нинке Кречетовой советовали:

– Да выходи ты скорей за него! Он же, черт, житья нам не даст.

Нинка загадочно усмехнулась:

– А вы не слушайте. Вы спите.

– Какой же сон, когда он ее под самыми окнами растягивает. Ведь не идет же, черт блажной, к реке, а здесь старается! Как нарочно.

Сам Колька Малашкин, губастый верзила, нахально смотрел маленькими глазками и заявлял:

– Имею право. За это никакой статьи нет.

Дом Матвея Рязанцева, здешнего председателя колхоза, стоял как раз на том месте, где Колька выходил из переулка и заворачивал в улицу. Получалось, что гармонь еще в переулке начинала орать, потом огибала дом, и еще долго ее было слышно.

Как только она начинала звенеть в переулке, Матвей садился в кровати, опускал ноги на пол и говорил:

– Все: завтра исключу из колхоза. Придерусь к чему-нибудь и исключу.

Он каждую ночь так говорил. И не исключал. Только, когда встречал днем Кольку, спрашивал:

– Ты долго будешь по ночам шляться? Люди после трудового дня отдыхают, а ты будишь, звонарь!

– Имею право, – опять говорил Колька.

– Я вот те покажу право! Я те найду право!

И все. И на этом разговор заканчивался.

Но каждую ночь Матвей, сидя на кровати, обещал:

– Завтра исключу.

И потом долго сидел после этого, думал... Гармонь уже уходила в улицу, и уж ее не слышно было, а он все сидел. Нашаривал рукой брюки на стуле, доставал из кармана папиросы, закуривал.

– Хватит смолить-то! – ворчала Алена, хозяйка.

– Спи, – кратко говорил Матвей.

О чем думалось? Да так как-то... ни о чем. Вспоминалась жизнь. Но ничего определенного, смутные обрывки. Впрочем, в одну такую ночь, когда было светло от луны, звенела гармонь и в открытое окно вливался с прохладой вместе горький запах полыни из огорода, отчетливо вспомнилась другая ночь. Она была черная, та ночь. Они с отцом и с младшим братом Кузьмой были на покосе километрах в пятнадцати от деревни, в кучугурах. И вот ночью Кузьма захрипел: днем в самую

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru жару потный напился воды из ключа, а ночью у него «завалило» горло. Отец разбудил Матвея, велел поймать Игреньку (самого шустрого меринка) и гнать в деревню за молоком.

– Я тут пока огонь разведу... Привезешь, скипятим – надо отпаивать парня, а то как бы не решился он у нас, – говорил отец.

Матвей слухом угадал, где пасутся кони, взнуздal Игреньку и, нахлестывая его по бокам волосяной пудой, погнал в деревню. И вот... Теперь уж Матвею скоро шестьдесят, а тогда лет двенадцать-тринадцать было – все помнится та ночь. Слились воедино конь и человек и летели в черную ночь. И ночь летела навстречу им, густо была в лицо тяжким запахом трав, отсыревших под росой. Какой-то дикий восторг обуял парнишку; кровь ударила в голову и гудела. Это было как полет – как будто оторвался он от земли и полетел. И ничего вокруг не видно: ни земли, ни неба, даже головы конской – только шум в ушах, только ночной огромный мир стронулся и понесся навстречу. О том, что там братишке плохо, совсем не думал тогда. И ни о чем не думал. Ликовала душа, каждая жилка играла в теле... Какой-то такой желанный, редкий миг непосильной радости.

...Потом было горе. Потом он привез молоко, а отец, прижав младшенького к груди, бегал вокруг костра и вроде баюкал его:

– Ну, сынок... ты что же это? Обожди маленько. Обожди маленько. Счас молочка скипятим, счас продохнешь, сынок, миленький... Вон Мотька молочка привез!..

А маленький Кузьма задыхался уже, посинел.

Когда вслед за Матвеем приехала мать, Кузьма был мертв. Отец сидел, обхватив руками голову, и покачивался, и глухо и протяжно стонал. Матвей с удивлением и с каким-то странным любопытством смотрел на брата. Вчера еще возились с ним в сене, а теперь лежал незнакомый, иссиня-белый чужой мальчик.

...Только странно: почему же проклятая гармонь оживила в памяти именно эти события? Эту ночь? Ведь потом была целая жизнь: женитьба, коллективизация, война. И мало ли еще каких ночей было-перебыло! Но все как-то стерлось, поблекло. Всю жизнь Матвей делал то, что надо было делать: сказали, надо идти в колхоз, – пошел, пришла пора жениться – женился, рожали с Аленой детей, они вырастали... Пришла война – пошел воевать. По ранению вернулся домой раньше других мужиков. Сказали: «Становись, Матвей, председателем. Больше некому». Стал. И как-то втянулся в это дело, и к нему тоже привыкли, так до сих пор и тянет эту ляжку. И всю жизнь была на уме только работа, работа, работа. И на войне тоже – работа. И все заботы, и радости, и горести связаны были с работой. Когда, например, слышал вокруг себя – «любовь», он немножко не понимал этого. Он понимал, что есть на свете любовь, он сам, наверно, любил когда-то Алену (она была красивая в девках), но чтоб сказать, что он что-нибудь знает про это больше, – нет. Он и других подозревал, что притворяются: песни поют про любовь, страдают, слышал даже – стреляются... Не притворяются, а привычка, что ли, такая у людей: надо говорить про любовь – ну давай про любовь. Дело-то все в том, что жениться надо! Что он, Колька, любит, что ли? Глянется ему, конечно, Нинка – здоровая, гладкая. А время подперло жениться, ну и ходит, дурак, по ночам, «тальянит». А чего не походить? Молодой, силенка играет в душе... И всегда так было. Хорошо еще, не дерутся теперь из-за девок, раньше дрались. Сам Матвей не раз дрался. Да ведь тоже так – кулаки чесались, и силенка опять же была. Надо же ее куда-нибудь девать.

Один раз Матвей, когда раздумался так вот, сидя на кровати, не вытерпел, толкнул жену:

– Слышь-ка!.. Проснись, я у тебя спросить хочу...

– Чего ты? – удивилась Алена.

– У тебя когда-нибудь любовь была? Ко мне или к кому-нибудь? Неважно.

Алена долго лежала, изумленная.

– Ты никак выпил?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да нет!.. Ты любила меня или так... по привычке вышла? Я сурьезно спрашиваю.

Алена поняла, что муж не «хлебнувши», но опять долго молчала – она тоже не знала, забыла.

– Чего это тебе такие мысли в голову полезли?

– Да охота одну штуку понять, язви ее. Что-то на душе у меня... как-то... заворошилось. Вроде хвори чего-то.

– Любила, конечно! – убежденно сказала Алена. – Не любила, так не пошла бы. За мной Минька-то Королев вон как ударял. Не пошла же. А чего ты про любовь спомнил середь ночи? Заговариваться, что ли, начал?

– Пошла ты! – обиделся Матвей. – Спи.

– Коровенку выгони завтра в стадо, я забыла сказать. Мы уговорились с бабами до свету за ягодами идти.

– Куда? – насторожился Матвей.

– Да не на покосы на твои, не пужайся.

– Поймаю – штраф по десять рублей.

– Мы знаем одно местечко, где не косят, а ягоды красным-красно. Выгони коровенку-то.

– Ладно.

Так что же все-таки было в ту ночь, когда он ехал за молоком брату, что она возьми и вспомнись теперь?

«Дурею, наверно, – грустно думал Матвей. – К старости все дуреют».

А хворь в душе не унималась. Он заметил, что стал даже поджидать Кольку с его певучей «гармозой». Как его долго нет, он начинал беспокоиться. И сердился на Нинку: «Телка гладкая!.. Рази ж она скоро отпустит!»

И сидел и поджидал. Курил.

И вот далеко в переулке начинала звенеть гармонь.

И поднималась в душе хворь. Но странная какая-то хворь – желанная. Без нее чего-то не хватает.

Еще вспоминались какие-то утра... Идешь по траве босиком. Она вся бусая от росы. И только след остается – ядовито-зеленый. И роса обжигает ноги. Даже теперь зябко ногам, как вспомнишь.

А то вдруг про смерть подумается: что скоро – все. Без страха, без боли, но как-то удивительно: все будет так же, это понятно, а тебя отнесут на могилку и зароят. Вот трудно-то что понять: как же тут будет все так же? Ну, допустим, понятно: солнышко будет вставать и заходить – оно всегда встает и заходит. Но люди какие-то другие в деревне будут, которых никогда не узнаешь... Этого никак не понять. Ну, лет десять-пятнадцать будут еще помнить, что был такой Матвей Рязанцев, а потом – все. А охота же узнать, как они тут будут. Ведь и не жалко ничего вроде: и на солнышко насмотрелся вдоволь, и погулял в празднички – ничего, весело бывало, и... Нет, не жалко. Повидал много. Но как подумаешь: нету тебя, все есть какие-то, а тебя больше не будет... Как-то пусто им вроде без тебя будет. Или ничего?

«Тьфу!.. Нет, старею».

Даже устал от таких дум.

– Слышь-ка!.. Проснись, – будил Матвей жену. – Ты смерти страшишься?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Рехнулся мужик! – ворчала Алена. – Кто ее не страшится, косую?

– А я не страшусь.

– Ну дак и спи. Чего думать-то про это?

– Спи, ну тя!..

Но как вспомнится опять та черная оглушительная ночь, когда он летел на коне, так сердце и сожмет – тревожно и сладко. Нет, что-то есть в жизни, чего-то ужасно жалко. До слез жалко.

А в одну ночь он не дождался Колькиной гармошки. Сидел курил... А ее все нет и нет. Так и не дождался. Измаялся.

К свету Матвей разбудил жену.

– Чего эт звоня-то нашего не слышно?

– Да женился уж! В воскресенье свадьбу намечают.

Тоскливо сделалось Матвею. Он лег, хотел заснуть и не мог. Так до самого рассвета лежал, хлопал глазами. Хотел еще чего-нибудь вспомнить из своей жизни, но как-то совсем ничего не приходило в голову. Опять навалились колхозные заботы... Косить скоро, а половина косилок у кузницы стоит с задранными оглоблями. А этот черт косой, Филя-кузнец, гуляет. Теперь еще на свадьбу зальется, считай, неделя улетела.

«Завтра поговорить надо с Филей».

..Встретив на другой день Кольку губастого, Матвей усмехнулся:

– Что, брат, доигрался?

Колька заулыбался... А улыбка у него – от уха до уха.

– Все, Матвей Иваныч, больше не буду будить вас по ночам. Конец. Бросил якорь.

– Ну-ну, – сказал Матвей и пошел по своим делам, а сам думал: «Чего ты радуешься, бычок? Она тебя возьмет теперь за рога, Нинка-то. Они все, Кречетовы, такие».

Прошла неделя.

Все так же лился ночами лунный свет в окна, резко пахло из огорода полынью и молодой картофельной ботвой... И было тихо.

Матвей плохо спал. Просыпался, курил... Ходил в сени пить квас. Выходил на крыльцо, садился на приступку и курил. Светло было в деревне. И ужасающе тихо.

В профиль и анфас

На скамейке у ворот сидел старик. Он такой же усталый, тусклый, как этот теплый день к вечеру. А было и у старика раннее солнышко, и он – давно-давно – шагал по земле и крепко чувствовал ее под ногами. А теперь – вечер, спокойный, с дымками по селу.

На скамейку присел длиннорукий худой парень с морщинистым лицом. Такие только на вид слабые, на деле выносливые, как кони. И в бане парятся здорово.

Парень тяжело вздохнул и стал закуривать.

– Гуляешь? – спросил старик.

– Это не гуляба, дед, – не сразу сказал Иван. – Собачьи слезы. У тебя нет полтора рубля?

– Откуда?

- Башка лопается по швам.
- Как с работой-то?
- Никак. Бери, говорит, вилы, да на скотный двор.
- Кто, директор?
- Ну. А у меня три специальности в кармане да почти девять классов образования. Ишачь сам, если такой сознательный.
- На сколь отобрали права-то?
- На год. А я выпил-то всего кружку пива! Да красненького стакан. А он придрался... С прошлого года караулил, гад. Я его тогда матом послал, он окрысился...
- Ты уж какой-то... шибко неуживчивый, парень. Надо маленько аккуратней. Чего вот теперь с имя сделаешь? Они – начальство...
- Ну и что?
- Ну и сиди теперь. Три специальности, а будешь сидеть. Где и смолчать надо.

Жгли ботву в огородах – скоро пахать. И каждый год одно и то же, а все не надоест человеку и все вдыхал бы и вдыхал этот горьковатый, прелый запах дыма и талой земли.

– Где и смолчать надо, парень, – повторил старик, глядя на огоньки в огородах. – Наше дело такое.

– Да я особо-то не лаюсь, – неохотно откликнулся Иван. – Так – если уж прицепится какой... Главное, я же правила-то не нарушал! – опять горько воскликнул он. – За стакан вина да за кружку пива – на год лишил прав... Паразит.

– Заглянь через плетень, моя старуха в огороде?

– Зачем?

– У меня под печкой бутылка самогонки есть. Я б те вынес похмелиться-то.

Иван поспешно встал, заглянул в огород.

– Там, – сказал он, – в дальнем углу. Сюда – ноль внимания.

Старик сходил в дом, принес бутылку самогона и немного ботуну. И стакан.

– Что ж ты сразу не сказал? – заторопился Иван. – Сидит помалкивает!.. – Он налил стакан и одним духом оглушил. – Я вот такой больше люблю, чем первач. Этот с вонью, как бензин, – долго не будешь раздумывать. Кха!.. Пей. Сразу только.

Старик выпил не торопясь, закусил ботуном.

– Как бензин, верно?

– Самогон как самогон. Какой бензин? Хреновину городишь какую-то.

– Ну вот! – Иван хлопнул себя ладонью в грудь. – Теперь можно жить. Спасибо, дед. Хошь моих? – Протянул пачку «Памира».

Старик с трудом ухватил негнушимися пальцами сигаретку, помял-помял, посмотрел на нее внимательно, прикурил.

– Петька-то пишет?

– Пишет. Помру я скоро, Иван.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Иван удивленно посмотрел на старика:

– Брось ты!..

– Хошь брось, хошь положь... на месте будет. – Старик говорил спокойно.

– Болит, что ль, чего?

– Нет. Чую. Тебе столько годов будет, тоже учуешь.

Ивану сделалось хорошо от самогона, не хотелось говорить про смерть.

– Брось! – сказал он. – Поживешь. Гармонь, что ль, принесть?

– Неси.

Иван перешел через дорогу, вошел в дом... И его долго не было. Потом вышел с гармошкой, но опять хмурый.

– Мать, – сказал он – жалко, вообще-то...

– Все жа ехать хошь?

– Ну а что делать-то? – Иван, видно, только что так и говорил с матерью. – Не могу же я на этот... Да ну – к черту совсем! Я Северным морским путем прошел... Я моторист, слесарь пятого разряда... Ну ладно, год не буду ездить, но неужели... Да ну – к черту! – Он тронул гармонь, что-то такое попробовал и бросил. Ему стало грустно. – Не везет мне тоже, дед. Крепко. Женился на Дальнем Востоке, так? Родилась дочка... А она делает фортель и уезжает к мамочке в Ленинград. Ты понял?

– Он часто рассказывал, как он женился.

– Пошто в Ленинград-то?

– Она на Дальнем Востоке за техникум отработывала. Да мне ее-то – черт с ней, мне дочь жалко. Снится.

– К ей теперь поедешь?

– К жене?! Она второй год замужем... Молодая красивая кыса.

– А куда?

– К корешу одному... На шахты. Может, не на все время. Может, на год.

– На год у вас теперь не получается. Шибко уж легко стали из дому уходить.

– Ну а что я тут буду делать-то?! – опять взвился Иван. – На этот идти, на... Да ну – к черту! – Он развернул гармонь, заиграл и стал подпевать – как-то нарочно весело, зло:

Вот живу я с женщиной,
Ум-па-ра-ра-ра!
А вот уходит женщина
Д от меня.
Напугалась, лапушка?
Кончена игра!..
Старик все так же спокойно слушал.

– Сам сочиняю, – сказал Иван. – На ходу прямо. Могу всю ночь петь.

А мы не будем кланяться –
В профиль и анфас;
В золотой оправушке...

– Баламут ты, Ванька, – сказал старик. – Ну, пошел ба, поработал год на свинарнике... Мать не жалеешь. Она всю жись и так одна прожила.

Иван перестал играть, долго молчал.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Не в этом дело, дед. Мне обидно. Что, думаешь, у них не нашлось бы места, где устроить меня? Что, им один лишний слесарь помешает? Я тебя умоляю!.. директор на меня тоже зуб имеет. Я его дочку пару раз проводил из клуба, он стал опасаться. А там можно опасаться: полудурок. А я трепаться умею... Я б ему сделал подарок. Зря, между прочим, не сделал.

– Чтоб в подоле принесла? Подарок-то?

– Ага. Скромный такой. К Восьмому марта.

– Это вы умеете.

– Вообще грустно, дед. Почему так? Ничего неохота... как это... как свидетель. Я один раз свидетелем был: один другому дал по очкам, у того зрение нарушилось. И вот сижу я на суде и не могу понять: а я-то зачем здесь? Самое же дурацкое дело! Ну, видел – и все. Измучился, пока суд шел. – Иван посмотрел на огоньки в огородах, вздохнул, помолчал. – Так и здесь. Сижу и думаю: «А я при чем здесь?» Суд хоть длинный был, но кончился, и я вышел. А здесь куда выйдешь? Не выйдешь.

– Отсюда одна дорога – на тот свет.

Иван налил в стакан, выпил.

– Нет счастья в жизни, – сказал он и сплюнул. – Тебе налить?

– Будет.

– Вот тебе хорошо было жить?

Старик долго молчал.

– В твои годы я так не думал, – негромко заговорил он. – Знал работал за троих. Сколько одного хлеба вырастил!.. Собрать ба весь, наверно, с год все село кормить можно было. Некогда было так думать.

– А я не знаю, для чего я работаю. Ты понял? Вроде нанялся, работаю. Но спроси: «Для чего?» – не знаю. Неужели только нажраться? Ну, нажрался... А дальше что? – Иван серьезно спрашивал, ждал, что старик скажет. – Что дальше-то? Душа все одно вялая какая-то...

– Заелись, – пояснил старик.

– И ты не знаешь. У вас никакого размаха не было, поэтому вам хватало... Вы дремучие были. Как вы-то жили, я так сумею. Мне чего-то больше надо.

– Налей-ка, – попросил старик. Выпил, тоже сплюнул. – Сороконожки, – вдруг зло сказал он. – Суетитесь на земле – туда-сюда, туда-сюда, а толку никакого. Машин понаделали, а... тьфу! Рак-то, он от чего? От бензина вашего, от угару. Скоро детей рожать разучитесь...

– Не скажи.

– И чуют ведь, что неладно живут, а все хорохорятся. «Разма-ах»! А чего гнусишь тогда?

– Чего эт тебя заело-то? Что дремучими вас назвал? А какие же вы?

– Лодыри вы. Светлые. Вы ведь как нонче: ему, подлецу, за езду рупь двадцать кладут – можно четыре рубля в день заработать, а он две ездки сделает и коней выпрягает. А сам – хоть об лоб поросят бей – здоровый. А мне двадцать пять соток за езду начисляли, и я по пять ездок делал, да на трех, на четырех подводах. Трудодень заробишь, да год ждешь, сколь тебе на его отвалят. А отваливали – шиш с маслом. И вы же ноете: не знаю, для чего робить! Тебе полторы тыщи в месяц неохота заработать, а я за такие-то денюжки все лето горбатился.

– А мне не надо столько денег, – словно подзадоривая старика, сказал Иван. – Ты можешь это понять? Мне чего-то другого надо.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Не надо, а полтора рубля – похмелиться – нету. Ходишь, как побирушка... Не надо ему! Мать-то высохла на работе. Черти... Лодыри. Солнышко-то ишо вон где, а они уж с пашни едут. Да на машинах, с песнями!.. Эх... работники. Только по клубам засвистывать, подарки отцам мастерить...

– Нет, уж такой жизни теперь не будет, чтоб... Вообще ты формально прав, но ведь конь тоже работает... Где же смысл?

– Позорно ему на свинарнике поработать! А мясо не позорно исть?

– Не поймешь, дед, – вздохнул Иван.

– Где нам!

– Я тебе говорю: наелся. Что дальше? Я не знаю. Но я знаю, что это меня не устраивает. Я не могу только на один желудок работать.

Эх, на один желудочек,
На-нина-ни-на... –
пропел он.

Старик усмехнулся.

– Обормот. Жена-то пошто ушла? Пил небось?

– Я не фраер, дед, я был классный флотский специалист. Ушла-то?.. Не знаю. Именно потому, что я не был фраером.

– Кем не был?

– Это так... – Иван поставил гармонь на лавку, закурил, долго молчал. И вдруг не дурашливо, а с какой-то затаенной тревогой, даже болью сказал: – А правда ведь не знаю, зачем живу.

– Жениться надо.

– Удивляюсь. Я же не дурак. Но чем успокоить душу? Чего она у меня просит? Как я этого не пойму!

– Женись, маяться перестанешь. Не до того будет.

– Нет, тоже не то. Я должен сгорать от любви. А где тут сгоришь!.. Не понимаю: то ли я один такой дурак, то ли все так, но помалкивают... Веришь, нет: ночью думаю-думаю – до того плохо станет, хоть кричи. Ну зачем?!

– Тьфу! – Старик покачал головой. – Совсем испортился народишко.

А день тихо умирал, истлевал в теплой сырости. Темней и темней становилось. Огоньки в огородах заблестели ярче. И все острее пахло дымом. Долго еще будут жечь ботву и переговариваться. И голоса будут звучать отчетливо, а шум и возня в деревне будут стихать. И совсем уже темно станет. Огоньки в огородах станут гаснуть. И где-нибудь, совсем близко, звучный мужской голос скажет:

– Ну, пошли, ладно.

Насколько тихо, спокойно и грустно уходит прожитый день, настолько звонко, светло и горласто приходит новый. Петушья орет по селу. Суетятся люди, торопятся. Опаздывают.

Иван поднялся рано. Посидел на кровати, посмотрел в пол. Плохо было на душе, муторно. Стал одеваться.

Мать топила печку; опять пахло дымом, но только это был иной запах – древесный, сухой, утренний. Когда мать выходила на улицу и открывала дверь, с улицы тянуло свежестью, той свежестью, какая исходит от лужиц, подернутых светлым, как стеклышко, ледком; от комков земли, окропленных мелким бисером изморози; от вчерашних кострищ в огородах, зола которых седая, и влажная, и тяжелая; от

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
палого листа, который отсырел с весной, но все равно, когда идешь, громко шуршит под ногами.

– Может, я схожу к директору-то, попрошу?.. – заговорила мать.

Иван брился.

– Еще чего! В ноги упади – он довольный будет.

– Ну а как же теперь? – Мать старалась говорить не просительно, как можно убедительней – понимала: разговор, наверно, последний. – Ходят люди, просят. Язык-то не отсохнет...

– Я ходил. Просил.

– Да знаю я тебя, тугоносого, как ты просил! Лаяться только умеете.

– Хватит, мам.

Мать больше не выдержала, села на приступку и заплакала тихонько, и запричитала:

– Куда вот собрался? К черту на кулички... То ли уж на роду мне написано весь свой век мучиться. Пошто же, сынок, только про себя думаешь?.. Про матерей-то пошто не думаете?

Иван знал: будут слезы. И оттого было так плохо на душе, щемило даже. И оттого он хмурился раньше времени.

– Да что ты меня... на войну, что ли, провожаешь? Что я там?.. Да ну, к шутам все! И вечно – слезы!.. Мне уж от этих слез житья нету.

– Сходила ба, попросила – не каменный он, подыскал ба чего-нибудь. А то к инспектору сходи... Што уж сразу так – уезжать. Вон у Кольки Завьялова тоже права отбирали, сходил парень-то, поговорил... С людьми поговорить надо...

– Они уж в милиции, права-то. Поздно.

– Ну и в милицию съездил ба...

– Хо-о! – изумился Иван. – Ну ты даешь!

– Господи, господи... Всю жись вот так. И за што мне такая доля злосчастная! Проклятая я, што ли...

Невмоготу становилось. Иван вышел во двор, умылся под рукомойником, постоял в одной майке у ворот... Посмотрел на село. Все он тут знал. И томился здесь, в этих переулках, лунными ночами... А крепости желанной в душе перед дальней дорогой не ощущал. Он не боялся ездить, но нужна крепость в душе, хоть немножко надо веселей уезжать.

Вывернулся откуда-то пес Дик, красивый, но шалавый, кинулся с лаской.

– Ну! – Иван откинул пса, пошел в дом.

Мать накрывала на стол.

– Ну, поработал ба на свинарнике...

Они настойчивые, матери. И беспомощные.

– Ни под каким лозунгом, – твердо сказал Иван. – Вся деревня смеяться будет. Я знаю, для чего он меня хочет на свинарник загнать... Только у него ничего не выйдет.

– Господи, господи...

...Позавтракали.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Мать уложила все в чемодан и тут же села на пол у раскрытого чемодана и опять заплакала. Только не причитала теперь.

– С годок поработаю и приеду. Чего ты?..

Мать вытерла слезы.

– Может, схожу, сынок? – Посмотрела снизу на сына, и из глаз прямо плеснулось горе, и мольба, и надежда, и отчаяние. – Упрошу его... Он хороший мужик.

– Мам... Мне же тоже тяжело!

– А может, сунуть кому-нибудь в милиции-то? Што, думаешь, не берут? Счас, не взяли! Колька Завьялов, думаешь, не сунул? Сунул... Счас, отдали так-то.

– Тут неизвестно, кто кому сунет: я им или они мне.

Предстояло прощание с печкой. Всякий раз, когда Иван куда-нибудь уезжал далеко, мать заставляла его трижды поцеловать печь и сказать: «Матушка печь, как ты меня поила и кормила, так благослови в дорогу дальнюю». Причем всякий раз она напоминала, как надо говорить, хоть Иван давно уж запомнил слова.

Иван трижды ткнулся в теплый лоб печки и сказал:

– Матушка печь, как ты меня поила и кормила, так благослови в дорогу дальнюю.

...И пошли по улице: мать, сын и собака.

Ивану не хотелось, чтоб мать провожала его, не хотелось, чтоб люди глазели в окна и говорили: «Ванька-то... уезжает, што ль, куда?»

Попался навстречу дед, с которым они вчера беседовали на сон грядущий.

Иван остановился. Он подумал, что, постояв, мать не пойдет дальше, а повернет и уйдет с соседом.

– Поехал?

– Поехал.

Закурили.

– Рыбачил, что ль?

– Попробовал поставил перемётишки... Рано ишо.

– Рано.

Мать стояла рядом, сцепив на фартуке руки, не слушала разговор, бездумно не то задумчиво глядела в ту сторону, куда поедет сын.

– Не пей там, – посоветовал дед. – Город – он и есть город – чужие все. Пообвыкни сперва...

– Что я, алкаш, что ли?

Еще постояли.

– Ну, с богом! – сказал старик.

– Бывай.

Старик пошел своей дорогой. Иван посмотрел на мать... Она, все так же глядя вперед, пошла, куда им надо идти. Иван пошел рядом.

Прошли немного.

– Мам... иди домой.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Мать послушно остановилась. Иван слегка приобнял ее... Голова ее затряслась у него на груди. Вот этот-то момент и есть самый тяжелый. Надо сейчас оторвать ее от себя, отвернуться и уйти.

– Ладно, мам... Иди. Я сразу письмо напишу. Как приеду, так... Ничего со мной не случится! Не ездют, что ль, люди? Иди.

Мать перекрестила его... И осталась стоять. А Иван уходил. Глупый пес увязался за ним. Он всегда ходил с хозяином на работу.

– Пошел! – сердито сказал Иван.

Дик повилял хвостом и продолжал бежать впереди.

– Дик! Дик! – позвал Иван.

Дик подбежал. Иван больно пнул его, пес заскулил, отбежал в сторону. И с удивлением смотрел на хозяина. Иван обернулся. Дик вильнул хвостом, тронулся было с места, но не побежал, остался стоять. И все так же удивленно посмотрел на хозяина.

А подальше стояла мать...

«Нет, надо на свете одному жить. Тогда легко будет», – думал Иван, стиснув зубы. И скоро вышагивал по улице – к автобусу.

А мать все стояла... Смотрела вслед ему.

Как помирал старик

Старик с утра начал маяться. Мучительная слабость навалилась... Слаб он был давно уж, с месяц, но сегодня какая-то особенная слабость – такая тоска под сердцем, так нехорошо, хоть плачь. Не то чтоб страшно сделалось, а удивительно: такой слабости никогда не было. То казалось, что отнялись ноги... Пошевелит пальцами – нет, шевелятся. То начинала терпнуть левая рука, шевелил ею – вроде ничего. Но какая слабость, господи!..

До полудня он терпел, ждал: может, отпустит, может, оживет маленько под сердцем – может, покурить захочется или попить. Потом понял: это смерть.

– Мать... А мать! – позвал он старуху свою. – Это... помираю вить я.

– Господь с тобой! – воскликнула старуха. – Кого там выдумываешь-то лежишь?

– Сняла бы как-нибудь меня отсудова. Шибко тяжко. – Старик лежал на печке. – Сними, ради Христа.

– Одна-то я рази сниму. Сходить нешто за Егором?

– Сходи. Он дома ли?

– Даве крутился в ограде... Схожу.

Старуха оделась и вышла, впустив в избу белое морозное облако.

«Зимнее дело – хлопотно помирать-то», – подумал старик.

Пришел Егор, соседский мужик.

– Моро-оз, язви его! – сказал он. – Погоди, дядя Степан, маленько обогреюсь, тогда уж полезу к тебе. А то застужу. Тебе чего, хуже стало?

– Совсем плохо, Егор. Помираю.

– Ну, что ты уж сразу так!.. Не паникуй особо-то.

– Паникуй не паникуй – все. Шибко морозно-то?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Градусов пятьдесят есть. – Егор закурил. – А снега на полях – шиш. Сгребают тракторами, но кого там!

– Может, подвалит ишо.

– Теперь уж навряд ли. Ну, давай слезать будем...

Старуха взбила на кровати подушку, поправила перину. Егор встал на припечек, подсунул руки под старика.

– Держись мне за шею-то... Вот так! Легкий-то какой стал!

– Выхворался...

– Прямо как ребенок. У меня Колька тяжелее.

Старика положили на кровать, накрыли тулупом.

– Может, папироску свернуть? – предложил Егор.

– Нет, неохота. Ах ты, господи, – вздохнул старик, – зимнее дело – помирать-то...

– Да брось ты! – сказал Егор серьезно. – Ты гони от себя эти разные мысли. – Он пододвинул табуретку к кровати, сел. – Меня на фронте-то вон как задело! Тоже думал – как. А доктор говорит: захочешь жить – будешь жить, не захочешь – не будешь. А я и говорить-то не мог. Лежу и думаю: «Кто же жить не хочет, чуждак-человек?» Так что лежи и думай: «Буду жить!»

Старик слабо усмехнулся.

– Дай разок курну, – попросил он.

Егор дал. Старик затянулся и закашлялся. Долго кашлял...

– Прохудился весь... Дым-то, однако, в брюхо прошел.

Егор хохотнул коротко.

– А где шибко-то болит? – спросила старуха, глядя на старика жалостливо и почему-то недовольно.

– Везде... Весь. Такая слабость, вроде всю кровь выцедили.

Помолчали все трое.

– Ну, пойду я, дядя Степан, – сказал Егор. – Скотинёшку попоить да корма ей задать...

– Иди.

– Вечерком ишо зайду попроведу.

– Заходи.

Егор ушел.

– Слабость-то, она от чего? Не ешь, вот и слабость, – заметила старуха. – Может, зарубим курку – сварю бульону? Он ить скусный свеженькой-то... А?

Старик подумал.

– Не надо. И поить не поем, а курку решим.

– Да бог уж с ей, с куркой! Не жалко ба...

– Не надо, – еще раз сказал старик. – Лучше дай мне полрюмки вина... Может, хоть маленько кровь-то заиграет.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Не хуже ба...

– Ничо. Может, она хоть маленько заиграет.

Старуха достала из шкафа четвертинку, аккуратно заткнутую пробкой. В четвертинке было чуть больше половины.

– Гляди, не хуже ба...

– Да когда с водки хуже бывает, ты чо! – Старика досада взяла. – Всю жись трясешься над ей, а не понимаете: водка – это первое лекарство. Сундуки какие-то...

– Хоть счас-то не ерепенься! – тоже с досадой сказала старуха. – «Сундуки»... Одной уж ногой там стоит, а ишо шебаршит кого-то. Не велел доктор волноваться-то.

– Доктор... Они вон и помирать не велят, доктора-то, а люди помирают.

Старуха налила полрюмочки водки, дала старику. Тот хлебнул – и чуть не захлебнулся. Все обратно вылилось. Он долго лежал без движения. Потом с трудом сказал:

– Нет, видно, пей, пока пьется.

Старуха смотрела на него горько и жалостливо. Смотрела, смотрела и вдруг всхлипнула:

– Старик... А, не приведи господи, правда помрешь, чо же я одна-то делать стану?

Старик долго молчал, строго смотрел в потолок. Ему трудно было говорить. Но ему хотелось поговорить хорошо, обстоятельно.

– Перво-наперво: подай на Мишку на алименты. Скажи: «Отец помирал, велел тебе докормить мать до конца». Скажи. Если он, окаянный, не очухается, подавай на алименты. Стыд стыдом, а дожить тоже надо. Пусть лучше ему будет стыдно. Маньке напиши, чтоб парнишку учила. Парнишка смысленый, весь «Интернационал» назубок знает. Скажи: «Отец велел учить». – Старик устал и долго опять лежал и смотрел в потолок. Выражение его лица было торжественным и строгим.

– А Петьке чего сказать? – спросила старуха, вытирая слезы; она тоже настроилась говорить серьезно и без слез.

– Петьке?... Петьку не трогай – он сам едва концы с концами сводит.

– Может, сварить бульону-то? Егор зарубит...

– Не надо.

– А чего, хуже станавится?

– Так же. Дай отдохну маленько. – Старик закрыл глаза и медленно, тихо дышал. Он правда походил на мертвеца: какая-то отрешенность, нездешний какой-то покой были на лице его.

– Степан! – позвала старуха.

– Мм?

– Ты не лежи так...

– Как не лежи, дура? Один помирает, а она – лежи так. Как мне лежать-то? На карачках?

– Я позову Михеевну – пособирует?

– Пошли вы!.. Шибко он мне много добра исделал... Курку своей Михеевне задарма сунешь... Лучше эту курку-то Егору отдай – он мне могилку выдолбит. А то кто

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
долбить-то станет?

– Найдутся небось...

– «Найдутся». Будешь потом по деревне полоскать – кому охота на таком морозе долбать. Зимнее дело... Что бы летом-то!

– Да ты чо уж, помираешь, что ли! Может, ишо оклемаисся.

– Счас – оклемался. Ноги вон стынут... Ох, господи, господи!.. – Старик вздохнул.
– Господи... тяжело, прости меня, грешного.

Старуха опять всхлипнула.

– Степан, ты покрепись маленько. Егор-то говорил: «Не думай всякие думы».

– Много он понимает! Он здоровый как бык. Ему скажи: не помирай – он не помрет.

– Ну, тада прости меня, старик, если я в чем виноватая...

– Бог простит, – сказал старик часто слышанную фразу. Ему еще что-то хотелось сказать, что-то очень нужное, но он как-то стал странно смотреть по сторонам, как-то нехорошо забеспокоился... – Агнюша, – с трудом сказал он, – прости меня... я маленько заполошный был... А хлеб-то – рясный-рясный!.. А погляди-ко в углу-то кто? Кто там?

– Где, Степан?

– Да вон!.. – Старик приподнялся на локте, каким-то жутким взглядом смотрел в угол избы – в передний. – Вон же она, – сказал он, – вон... Сидит, гундосая.

Егор пришел вечером...

На кровати лежал старик, заострив кверху белый нос. Старуха тихо плакала у его изголовья...

Егор снял шапку, подумал немного и перекрестился на икону.

– Да, – сказал он, – чуял он ее.

Два письма

Человеку во сне приснилась родная деревня. Идет будто он по берегу реки, бросает камешки в воду. В том месте реки – затон. Тихо-тихо. Никого – ни одной живой души вокруг. Деревня рядом, и в деревне как повымерло все. «Что же это такое – никого нет-то?» – удивился человек. И еще бросил камень в воду. Он беззвучно пошел ко дну. Человек еще бросил – большой. Камень без звука утонул. Человека охватил страх: «Что-то случилось», – подумал он.

И проснулся. И стал вспоминать. Деревня... Лет десять не был он там, а то и больше... Вспомнились серые избы, пыльная улица, крапива у плетней, куры на завалинке, покосившиеся прясла... А за деревней – степь да колки. Да полыхает заря в полнеба. Попадаются еще небольшие озерки; вечерами вода в них гладкая-гладкая, и вся заря – как в зеркале. Любилось сидеть на берегу этих маленьких озер, ни о чем не думалось... Только в душу с тишиной вместе вкрадывается беспокойно-нежное чувство ко всему на свете. Грустно немного, но кто-то будто шепчет на ухо, чуть слышно: подожди, подожди, дружок.

Далеко-далеко проскачет табун лошадей в ночное, повиснет над дорогой в воздухе полоска пыли и долго держится. И опять тихо. Что за тишина такая на земле! Стихи складывались:

...Тихо в поле, –

Устали кони.

Тихо в поле – зови, не зови...

В сонном озере, как в иконе, –

Красный оклад зари.

Заря медленно гаснет. Как будто остался ты на земле совсем-совсем один. Не

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
страшно, не одиноко... Только упрямо и беспокожно лезет в голову:

...Не хочу понять:

Зачем явился?

Не могу понять:

Зачем я есть?

Человек попытался заснуть и не мог. Он потихоньку, чтоб не разбудить жену, встал, надел пижаму, пошел в другую комнату, включил свет и сел к столу. И глубоко задумался.

– Эх ты, черт возьми, – бормотал он. – Что-то не того... Старею, что ли?

Было невыносимо грустно, чего-то жаль было чуть не до слез. Не сбылось как будто то, что мерещилось тогда, давно, на берегах крохотных тихих озер...

Человек – его звали Николай Иванович – достал бумагу и сел писать давнишнему своему другу.

«Друже мой, Иван Семеныч! – начал он. – Здорово! Захотелось вот написать тебе. Увидел сейчас во сне деревню нашу и затосковал. Сажу вот и пишу ночью, как Бальзак. Вспомнил я, как мы с тобой институты окончили. Помнишь? Приехали с дипломами... Последний разок побывать на родине. Нарядились, как эти... черт-те знает кто! На мне белая какая-то заграничная рубашка, ты зачем-то матроску напялил. Шли по улице – два пижона. А пора была страдная. Я помню, встретился нам Минька Докучаев на вершинах, остановились, поздоровались. Он грязный весь – ни глаз, ни рожи, как говорят, ехал в кузницу пилу от жнейки заклепывать. Закурили. А говорить не о чем. Чужие какие-то с ним стали. Помялись-помялись, он уехал, а мы пошли за деревню – прощаться с местами, где когда-то копны возили, сено гребли, телят пасли, боронили... Прямо чуть не бегом бежали прощаться с тем, что нас вспоило и вскормило. Вспомнил вот Миньку, и сейчас стыдно. Для чего мы так вырядились-то тогда? У людей самая пора горячая, а мы как два оглоеда... А тогда – ничего, как так и надо. Шли прощаться! Экие, понимаешь, запорожцы за Дунаем! У меня в кармане бутылка белого, у тебя – портвейн. Один стакан на двоих. Сели у межи, под березками, выпили... И давай хвастаться – какие мы умные: институты кончили, людьми стали! Я свои стихи дурацкие читал, а ты, помню, стал даже на руки и прошелся. И потом долго колотил себя в грудь кулаком и доказывал: «Ты подумай: отцы-то наши кто были?! Кто? А мы – инженеры!» Еще выпили. И опять хвастались. Господи, как хвастались! Очень уж нас распирало тогда, что мы первые из деревни высшее образование получили. И плясали-то мы с тобой, и пели... А рядом рожь несжатая стояла. А нам – хоть бы что. Я даже в нее бутылку порожнюю запустил и, помню, подумал: «Будут жать жаткой, она, голенькая, заблестит на стерне. И кто-нибудь, тот же Минька, подумает: «Пил кто-то». Потом спали мы с тобой. Проснувшись, когда уже солнце садилось. Заграничная моя рубашка, как в ж... побывала. Голова болела, и совестно было. Наорали чего-то, натрепались. Я помню, ты мне в глаза не смотрел, и мне тоже не хотелось. Все это я почему-то очень хорошо помню...»

– Коля!

– Ну.

– Чего ты?

– Так... Спи.

– Я думала, ты ушел куда.

– Нет, спи.

«...Жена проснулась. Сытая лежит, толстая, прости меня господи, грешного, и несет, как от парфюмерной фабрики. Вот такие-то дела, Ваня. Грустно мне что-то сделалось. Может, зря мы тогда радовались-то? Вот прошло уж... сколько теперь? лет восемнадцать? А я их как-то и не заметил. Толстел год от года. Жену упрекаю, а сам – хоть поставь, хоть положи, в дверь не пролезаю. Курорты, понимаешь, санатории... А жизни как-то не успел порадоваться. Дети растут, но радости большой не доставляют, честно говоря. Сильно уж они сейчас много знают, бойко так рассуждают про все. По-моему, мы лучше были. Может, это старческое у меня, не знаю. Ты-то как? Написал бы когда. А то так вот хватит инфаркт, и все. Съехаться

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru бы как-нибудь, а? Хотя вспомнили бы детство, понимаешь. Ведь есть что вспомнить! А то – работа, работа... всю жизнь работаем, а оглянуться не на что. Напиши как-нибудь, выбери время. Одиноко мне стало вдруг, никто не поймет, как ты. Да и тебе, наверно, не сладко? Ну – главный инженер, ну... – черт с рогами, а – что дальше? Ты понимаешь? Ну, ресторан, музыка – как гвозди в башку заколачивают, – а дальше-то что? Это называется: вышли в люди? Да... мать твою так-то! Я вспомню, как мы картошку в ночном пекли, на душе потеплеет. Вернуться бы опять туда, в степь: костерик, рассказы про чертей... Эх, Ваня, Ваня... Не зря мы с дипломами-то прыгали? А? Как думаешь? Или – все нормально? Может, у меня уж тихая шизофрения началась? У тебя бывает так или нет? Честно только. Куда летом-то едешь? В Гагры вшивые? Я эти Гагры уже не могу видеть. Но попробуй заикнись, что хочу, мол, в деревню к себе поехать. Что ты! Истерика. Но я все-таки подниму нынче восстание – будь что будет. Поеду в деревню. Не могу больше. Поедем? Давай спьемся – и махнем. Черт с ними, пускай едут в Гагры, а нам надо в деревню съездить. А то грех какой-то лежит на душе. Не исповедь это, а просто душа просит. В общем, неважнецки я живу, Иван. Так вроде все нормально, на работе хорошо, а – нет-нет – засосет что-то, тоска обуяет, как сейчас вот, – и все охота послать к черту. Напиши, Иван, прошу. Адрес у меня теперь другой – улучшение! Голой рукой не возьмешь. Жду.

Николай».

Николай Иванович погасил свет, снял пижаму и подвалился к жаркой жене. И долго еще не мог заснуть. Думал: «Письмо сгоряча накалал бестолковое. Надо завтра на службе выбрать время, переписать. А то подумает, действительно... – первая стадия началась».

На службу, как всегда, Николай Иванович пришел тютелька в тютельку: без пяти десять. Выбритый, свежий, хотя в голове немного шумело: пришлось вчера хватить снотворного. Шел по коридору, привычно здоровался, улыбался... Ему тоже улыбались. Кого-то остановил, что-то спросил, кто-то его спросил, он ответил. Ответил коротко, толково. Его уважали на работе. Миленькая секретарша привстала, ослепительно улыбнулась. Мелькнуло в голове: «Красивая женщина, черт возьми». Впрочем, эта мысль у него мелькала, кажется, каждое утро.

– Ну, что тут у нас?

– Значит, первое: звонили...

Звонили, требовали, просили, умоляли, предупреждали... Понеслась душа в рай! Одно чувство сменялось другим. То: «Послушайте! Я ведь с вами не буду в казаки-разбойники играть! Я последний раз предупреждаю!» То: «Милый, родной... что же я могу сделать? Ну, подумай: что? Если бы от меня зависело...» То: «Понимаю, все понимаю. Чтобы лишнего на себя не брать: к двадцать восьмому. А? Железно! Железно, как у меня главный говорит. Приложим все силы, не подведем». Но больше нравилось: «Послушайте! Мы ведь с вами не в драмкружке – не «Отелло» репетируем. Не клянитесь мне, я не верующий. Мне нужен ма-те-ри-ал! Все!» Еще нравилось: «Ну?... Так... А что делать? Я тоже не знаю! Не знаю! Да что докладные? У меня столы ломятся от докладных. Я что, вместо подшипников буду ваши докладные вставлять? Попробуйте, может, у вас выйдет. Не знаю. Где хотите».

Деловой вихрь закрутил Николая Иваныча, он про ночное письмо забыл. А утром, уезжая на работу, захватил его.

Сейчас было не до письма. Пришли корреспонденты из областной газеты.

– Да ведь что, товарищи?... Хвалиться особо пока нечем. План выполняем... да, но... – четыре шага по мягкому ковру в одну сторону, четыре – в другую, остановка перед корреспондентами, улыбка, которая помогала ему всю жизнь. Недоброжелатели говорили про его улыбку: «Улыбочка-выручалочка». Обаятельная, простецкая – весь человек тут, как он есть. – План планом, а силенок хватит и на большее. Если не секретничать перед вами, то в ближайшем будущем думаем слегка перевалить за сто десять – сто пятнадцать. Думаем тут «схимичить» кое-что: продлить линию, не стопоря ее. Да. Расчеты есть, люди горячие, в бой рвутся – одолеем.

Поснимался немного за столом, прошли в цех – там снимались. Только там Николай Иванович больше с рабочими и с мастерами говорил. Потом и совсем «сбагрил» корреспондентов главному инженеру, пришел опять в кабинет.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Звонил Дмитрий Васильевич. Я сказала: в цехах.

– Соедините.

Разговор с Дмитрием Васильевичем получился хороший. На душе совсем повеселело.

Первый поток посетителей и звонков схлынул.

– Верочка!

– Да, Николай Иванович?

– Меня пока нет. В цехе.

– Хорошо.

Николай Иванович достал ночное письмо, повертел в руках, подумал... и сунул обратно в карман. Стал писать другое.

«Иван Семеныч! Здорово, старик! Вспомнил вот, решил написать! Как жив-здоров? Как работенка? Редко мы что-то пишем друг другу, ленимся, черти! У меня все нормально. Кручусь, верчусь... То я голову кому-то мою, то мне – так и идет. Скучать некогда. В общем, не унываю. Куда думаешь двинуть летом? Напиши, может, скооперируюсь! Была у меня мысль: поехать нам с тобой в деревню нашу, да ведь... как говорят: не привязанный, а визжишь. Жены-то бунт поднимут. А деревня частенько снится. Давай, слушай, махнем куда-нибудь вместе? Только не в Гагры, ну их к черту. На Волгу куда-нибудь? Ты прозондируй свою половину, я свою: соблазним их кострами, рыбалкой, еще чем-нибудь. Остановимся где-нибудь в деревушке на берегу, снимем хатку... А? Давай, старик? Ей-богу, не скучно будет. Подумай. Настрой у меня боевой, дела двигаются, дети растут. В общем, железно, как у меня главный говорит. Не хандри, дыши носом!

Пиши на завод – лучше.

Обнимаю. Твой Николай».

– Верочка!

– Да, Николай Иванович!

– я у себя.

– Хорошо.

И опять пошло: «Я не разрешаю!..», «Пожалуйста! Приветствую, только приветствую!», «А вот тут надо подумать. Тут с кондачка не решишь. Посоветуемся».

...Вечером Николай Иванович, пока готовился ужин, перечитал в своей комнате оба письма. Перечитал и долго-долго сидел молча. Потом бросил оба письма в стол и громко сказал:

– А черт его знает – как?

– Что ты? – спросила жена.

– Да так... я с собой. Как ужин?

– Сейчас будет готов. Ты ничем не расстроен?

– Нет, все в порядке. Подай газеты, пожалуйста.

«Раскас»

От Ивана Петина ушла жена. Да как ушла!.. Прямо как в старых добрых романах – сбежала с офицером.

Иван приехал из дальнего рейса, загнал машину в ограду, отомкнул избу... И нашел

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru на столе записку:

«Иван, извини, но больше с таким пеньком я жить не могу. Не ищи меня. Людмила».

Огромный Иван, не оглянувшись, грузно сел на табуретку – как от удара в лоб. Он почему-то сразу понял, что никакая это не шутка, это правда.

Даже с его способностью все в жизни переносить терпеливо показалось ему, что этого не перенести: так нехорошо, больно сделалось под сердцем. Такая тоска и грусть взяла... Чуть не заплакал. Хотел как-нибудь думать и не мог – не думалось, а только больно ныло и ныло под сердцем.

Мелькнула короткая ясная мысль: «Вот она какая, большая-то беда». И все.

Сорокалетний Иван был не по-деревенски изрядно лыс, выглядел значительно старше своих лет. Его угрюмость и молчаливость не тяготили его, досадно только, что на это всегда обращали внимание. Но никогда не мог он помыслить, что мужика надо судить по этим качествам – всегда ли он весел и умеет ли складно говорить. «Ну а как же?!» – говорила ему та же Людмила. Он любил ее за эти слова еще больше... и молчал. «Не в этом же дело, – думал, – что я тебе, политрук!» И вот – на тебе, она, оказывается, правда горевала, что он такой молчаливый и неласковый.

Потом узнал Иван, как все случилось.

Приехало в село небольшое воинское подразделение с офицером – помочь смонтировать в совхозе электроподстанцию. Побыли-то всего с неделю!.. Смонтировали и уехали. А офицер еще и семью тут себе «смонтировал».

Два дня Иван не находил себе места. Пробовал напиться, но еще хуже стало – противно. Бросил. На третий день сел писать рассказ в районную газету. Он частенько читал в газетах рассказы людей, которых обидели ни за что. Ему тоже захотелось спросить всех: как же так можно?!

Раскас

Значит, было так: я приезжаю – на столе записка. Я ее не буду пирисказывать: она там обзывать началась. Главню я же знаю, почему она сделала такой финт ушами. Ей все говорили, что она похожа на какую-то артистку. Я забыл на какую. Но она дурочка не понимает: ну и что? Мало ли на кого я похожий, я и давай теперь скакать как блоха на зеркале. А ей когда говорили, что она похожая она прямо щастливая становилась. Она и в культ прасветшколу из-за этого пошла, она сама говорила. А еслив сказать кому што он на Гитлера похожий, то што ему тада остается делать: хватать ружье и стрелять всех подряд? У нас на фронте был один такой – вылитый Гитлер. Его потом куда-то в тыл отправили потому што нельзя так. Нет, этой все в город надо было. Там говорит меня все узнавать будут. Ну не дура! Она вобщем то не дура, но малость чокнутая нащет своей физианомии. Да мало ли красивых – все бы и бегали из дому! Я же знаю он ей сказал: «Как вы здорово похожи на одну артистку!» Она конешно вся засветилась... Эх, учили вас учили гусударство деньги на вас тратила, а вы теперь сяли на шею обществу и радешеньки! А гусударство в убытке».

Иван остановил раскаленное перо, встал, походил по избе. Ему нравилось, как он пишет, только насчет государства, кажется, зря. Он подсел опять к столу, зачеркнул «гусударство». И продолжал:

«Эх вы!.. Вы думаете еслив я шофер, дак я ничего не понимаю? Да я вас наскрозь вижу! Мы гусударству пользу приносим вот этими самыми руками, которыми я счас пишу, а при стрече могу этими же самыми руками так засветить промеж глаз, што кое кто с неделю хворать будет. Я не угрожаю и нечего мне после этого пришивать, што я кому-то угрожал но при стрече могу разок угостить. А потому што это тоже неправильно: увидел бабенку боле или мене ничего на мордочку и сразу подсыпаться к ней. Увирую вас хоть я и лысый, но кое кого тоже мог ба поприжать, потому што в рейсах всякие стречаются. Но однако я этого не делаю. А вдруг она чья нибудь жена? А они есть такие што может и промолчать про это. Кто же я буду перед мужиком, которому я рога надстроил! Я не лиходей людям.

Теперь смотрите што получается: вот она вильнула хвостом, уехала куда глаза глядят. Так? Тут семья нарушена. А у ей есть полная уверенность, што они там наладят новую? Нету. Она всего навсего неделю человека знала, а мы с ей четыре

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru года прожили. Не дура она после этого? А гусударство деньги на ее тратила – учила. Ну, и где ж та учеба? Ее же плохому-то не учили. И родителей я ее знаю, они в соседнем селе живут хорошие люди. У ей между прочим брат тоже офицер старший лейтенант, но об ем слышно только одно хорошее. Он отличник боевой и политической подготовки. Откуда же у ей это пустозвонство в голове? Я сам удивляюсь. Я все для ей делал. У меня сердце к ей приросло. Каждый рас еду из рейса и у меня душа радуется: скоро увижу. И пожалуста: мне надстраивают такие рога! Да черт с ей не вытерпела там такой ловкач попался, што на десять минут голову потиряла... Я бы как нибуть пережил это. Но зачем совсем то уезжать? Этого я тоже не понимаю. Как то у меня ни укладываются в голове. В жизни всяко бываит, бываит иной рас слабость допустил человек, но так вот одним разом всю жизнь рушить – зачем же так? Порушить-то ее лехко но снова складать трудно. А уж ей самой тридцать лет. Очень мне счас обидно, поэтому я пишу свой раскас. Еслив уж на то пошло у меня у самого три ордена и четыре медали. И я давно бы уж был ударником коммунистического труда, но у меня есть одна слабость: как выпью так начинаю материть всех. Это у меня тоже ни укладываются в голове, тверезый я совсем другой человек. А за рулем меня никто ни разу выпимши не видал и никогда не увидит. И при жене Людмиле я за все четыре года ни разу не матернул, она это может подтвердить. Я ей грубога слова никогда не сказал. И вот пожалуста она же мне надстраивает такие прямые рога! Тут кого хошь обида возьмет. Я тоже – не каменный.

С приветом, Иван Петин. Шофер 1 класса».

Иван взял свой «раскас» и пошел в редакцию, которая была неподалеку.

Стояла весна, и от этого еще хуже было на душе: холодно и горько. Вспомнилось, как совсем недавно они с женой ходили этой самой улицей в клуб – Иван встречал ее с репетиций. А иногда провожал на репетицию.

Он люто ненавидел это слово – «репетиция», но ни разу не выказал своей ненависти: жена боготворила репетиции, он боготворил жену. Ему нравилось идти с ней по улице, он гордился красивой женой. Еще он любил весну; когда она только-только подступала, но уже вовсю чувствовалась даже утрами, сердце сладко подвывало – чего-то ждалось. Весны и ждалось. И вот она наступила, та самая – нагая, раздрызганная и ласковая, обещающая земле скорое тепло, солнце... Наступила... А тут – глаза бы ни на что не глядели.

Иван тщательно вытер сапоги о замусоленный половичок на крыльце редакции и вошел. В редакции он никогда не был, но редактора знал: встречались на рыбалке.

– Агеев здесь? – спросил он у женщины, которую часто видел у себя дома и которая тоже бегала в клуб на репетиции. Во всяком случае, когда ему доводилось слушать их разговор с Людмилой, это были все те же «репетиция», «декорация». Увидев ее сейчас, Иван счел нужным не поздороваться; больно дернуло за сердце.

Женщина с любопытством и почему-то весело посмотрела на него.

– Здесь. Вы к нему?

– К нему... Мне надо тут по одному делу. – Иван прямо смотрел на женщину и думал: «Тоже небось кому-нибудь рога надстроила – веселая».

Женщина вошла в кабинет редактора, вышла и сказала:

– Пройдите, пожалуйста.

Редактор – тоже веселый, низенький... Несколько больше, чем нужно бы при его росте, полненький, кругленький, тоже лысый. Встал навстречу из-за стола.

– А?! – воскликнул он и показал на окно. – На нас, на нас времечко-то работает! Не пробовали еще переметами?..

– Нет. – Иван всем видом своим хотел показать, что ему не до переметов сейчас.

– Я в субботу хочу попробовать. – Редактора все не покидало веселое настроение. – Или не советуете? Просто терпения нет...

– Я раскас принес, – сказал Иван.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Рассказ? – удивился редактор. – Ваш рассказ? О чем?

– Я тут все описал. – Иван подал тетрадку.

Редактор полистал ее.. Посмотрел на Ивана. Тот серьезно и мрачновато смотрел на него.

– Хотите, чтоб я сейчас прочитал?

– Лучше бы сейчас...

Редактор сел в кресло и стал читать. Иван остался стоять и все смотрел на веселого редактора и думал: «Наверно, у него тоже жена на репетиции ходит. А ему хоть бы что – пусть ходит! Он сам сумеет про эти всякие «декорации» поговорить. Он про все сумеет».

Редактор захохотал.

Иван стиснул зубы.

– Ах, славно! – воскликнул редактор. И опять захохотал, так что заколыхался его упругий животик.

– Чего славно? – спросил Иван.

Редактор перестал смеяться.. Несколько даже смутился.

– Простите... Это вы – о себе? Это ваша история?

– Моя.

– Кхм... Извините, я не понял.

– Ничего. Читайте дальше.

Редактор опять уткнулся в тетрадку. Он больше не смеялся, но видно было, что он изумлен и ему все-таки смешно. И чтоб скрыть это, он хмурил брови и понимающе делал губы «трубочкой». Он дочитал.

– Вы хотите, чтоб мы это напечатали?

– Ну да.

– Но это нельзя печатать. Это не рассказ...

– Почему? Я читал, так пишут.

– А зачем вам нужно это печатать? – Редактор действительно смотрел на Ивана сочувственно и серьезно. – Что это даст? Облегчит ваше... горе?

Иван ответил не сразу.

– Пускай они прочитают... там.

– А где они?

– Пока не знаю.

– Так она просто не дойдет до них, газетка-то наша!

– Я найду их... И pošлю.

– Да нет, даже не в этом дело! – Редактор встал и прошелся по кабинету. – Не в этом дело. Что это даст? Что, она опомнится и вернется к вам?

– Им совестно станет.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да нет! – воскликнул редактор. – Господи... Не знаю, как вам... Я вам сочувствую, но ведь это глупость, что мы сделаем! Даже если я отредактирую это.

– Может, она вернется.

– Нет! – громко сказал редактор. – Ах ты, господи!.. – Он явно волновался. – Лучше напишите письмо. Давайте вместе напишем?

Иван взял тетрадку и пошел из редакции.

– Подождите! – воскликнул редактор. – Ну давайте вместе – от третьего лица...

Иван прошел приемную редакции, даже не глянув на женщину, которая много знала о «декорациях» и «репетициях»...

Он направился напрямик в чайную. Там взял «полкило» водки, выпил сразу, не закусывая, и пошел домой – в мрак и пустоту. Шел, засунув руки в карманы, не глядел по сторонам. Все как-то не наступало желанное равновесие в душе его. Он шел и молча плакал. Встречные люди удивленно смотрели на него... А он шел и плакал. И ему было не стыдно. Он устал.

Чудик

Жена называла его – Чудик. Иногда ласково.

Чудик обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось. Он не хотел этого, страдал, но то и дело влипал в какие-нибудь истории – мелкие, впрочем, но досадные.

Вот эпизоды одной его поездки.

Получил отпуск, решил съездить к брату на Урал: лет двенадцать не виделись.

– А где блесна такая... на подвид битюря?! – орал Чудик из кладовой.

– Я откуда знаю.

– Да вот же ж все тут лежали! – Чудик пытался строго посмотреть круглыми иссиня-белыми глазами. – Все тут, а этой, видите ли, нету.

– На битюря похожая?

– Ну. Щучья.

– Я ее, видно, зажарила по ошибке.

Чудик некоторое время молчал.

– Ну и как?

– Что?

– Вкусная? Ха-ха-ха! – Он совсем не умел острить, но ему ужасно хотелось. – Зубки целые? Она ж дюралевая!..

...Долго собирались – до полуночи.

А рано утром Чудик шагал с чемоданом по селу.

– На Урал! На Урал! – отвечал он на вопрос, куда это он собрался. При этом круглое мясистое лицо его, круглые глаза выражали в высшей степени плевое отношение к дальним дорогам – они его не пугали.

На Урал! Надо прошвырнуться.

Но до Урала было еще далеко.

Пока что он благополучно доехал до районного города, где предстояло ему взять

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru билет и сесть в поезд.

Времени оставалось много. Чудик решил пока закупить подарков племяшам – конфет, пряников... Зашел в продовольственный магазин, пристроился в очередь. Впереди него стоял мужчина в шляпе, а впереди шляпы – полная женщина с крашеными губами. Женщина негромко, быстро, горячо говорила шляпе:

– Представляете, насколько надо быть грубым, бестактным человеком! У него склероз, хорошо, у него уже семь лет склероз, однако никто не предлагал ему уходить на пенсию. А этот без году неделя руководит коллективом – и уже: «Может, вам, Александр Семеныч, лучше на пенсию?» Нах-хал!

Шляпа поддакивала:

– Да, да... Они такие теперь. Подумаешь – склероз. А Сумбатыч?.. Тоже последнее время текст не держал. А эта, как ее?..

Чудик уважал городских людей. Не всех, правда: хулиганов и продавцов не уважал. Побаивался.

Подошла его очередь. Он купил конфет, пряников, три плитки шоколада. И отошел в сторонку, чтобы уложить все в чемодан. Раскрыл чемодан на полу, стал укладывать... Глянул на пол, а у прилавка, где очередь, лежит в ногах у людей пятидесятирублевая бумажка. Этакая зеленая дурочка, лежит себе, никто ее не видит. Чудик даже задрожал от радости, глаза загорелись. Второпях, чтобы его не опередил кто-нибудь, стал быстро соображать, как бы повеселее, поостроумнее сказать этим, в очереди, про бумажку.

– Хорошо живете, граждане! – сказал он громко и весело.

На него оглянулись.

– У нас, например, такими бумажками не швыряются.

Тут все немного поволновались. Это ведь не тройка, не пятерка – пятьдесят рублей, полмесяца работать надо. А хозяина бумажки нет.

«Наверно, тот, в шляпе», – догадался Чудик. Решили положить бумажку на видное место на прилавке.

– Сейчас прибежит кто-нибудь, – сказала продавщица.

Чудик вышел из магазина в приятнейшем расположении духа. Все думал, как это у него легко, весело получилось: «У нас, например, такими бумажками не швыряются!» Вдруг его точно жаром обдало: он вспомнил, что точно такую бумажку и еще двадцатипятирублевую ему дали в сберкассе дома. Двадцатипятирублевую он сейчас разменял, пятидесятирублевая должна быть в кармане... Сунулся в карман – нету. Туда-сюда – нету.

– Моя была бумажка-то! – громко сказал Чудик. – Мать твою так-то!.. Моя бумажка-то.

Под сердцем даже как-то зазвенело от горя. Первый порыв был пойти и сказать: «Граждане, моя бумажка-то. Я их две получил в сберкассе: одну двадцатипятирублевую, другую полусотенную. Одну, двадцатипятирублевую, сейчас разменял, а другой – нету». Но только он представил, как он огорошит всех этим своим заявлением, как подумают многие: «Конечно, раз хозяина не нашлось, он и решил прикарманить». Нет, не пересилить себя, не протянуть руку за этой проклятой бумажкой. Могут еще и не отдать...

– Да почему же я такой есть-то? – вслух горько рассуждал Чудик. – Что теперь делать?..

Надо было возвращаться домой.

Подошел к магазину, хотел хоть издали посмотреть на бумажку, постоял у входа... и не вошел. Совсем больно станет. Сердце может не выдержать.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Ехал в автобусе и негромко ругался – набирался духу: предстояло объяснение с женой.

Сняли с книжки еще пятьдесят рублей.

Чудик, убитый своим ничтожеством, которое ему опять разъяснила жена (она даже пару раз стукнула его шумовкой по голове), ехал в поезде. Но постепенно горечь проходила. Мелькали за окном леса, перелески, деревеньки... Входили и выходили разные люди, рассказывались разные истории... Чудик тоже одну рассказал какому-то интеллигентному товарищу, когда стояли в тамбуре, курили.

– У нас в соседней деревне один дурак тоже... Схватил головешку – и за матерью. Пьяный. Она бежит от него и кричит: «Руки, – кричит, – руки-то не обожги, сынок!» О нем же и заботится. А он прет, пьяная харя. На мать. Представляете, каким надо быть грубым, бестактным...

– Сами придумали? – строго спросил интеллигентный товарищ, глядя на Чудика поверх очков.

– Зачем? – не понял тот. – У нас за рекой деревня Раменское...

Интеллигентный товарищ отвернулся к окну и больше не говорил.

После поезда Чудик надо было еще лететь местным самолетом полтора часа. Он когда-то летал разок. Давно. Садился в самолет не без робости. «Неужели в нем за полтора часа ни один винтик не испортится!» – думал. Потом – ничего, осмелел. Попытался даже заговорить с соседом, но тот читал газету, и так ему было интересно, что там, в газете, что уж послушать живого человека ему не хотелось. А Чудик хотел выяснить вот что: он слышал, что в самолетах дают поесть. А что-то не несли. Ему очень хотелось поесть в самолете – ради любопытства.

«Зажилили», – решил он.

Стал смотреть вниз. Горы облаков внизу. Чудик почему-то не мог определенно сказать, красиво это или нет. А кругом говорили, что «ах, какая красота!». Он только ощутил вдруг глупейшее желание: упасть в них, в облака, как в вату. Еще он подумал: «Почему же я не удивляюсь? Ведь подо мной чуть не пять километров». Мысленно отмерил эти пять километров на земле, поставил их на попа, чтоб удивиться, и не удивился.

– Вот человек!.. Придумал же, – сказал он соседу.

Тот посмотрел на него, ничего не сказал, зашуршал опять газетой.

– Пристегнитесь ремнями! – сказала миловидная молодая женщина. – Идем на посадку.

Чудик послушно застегнул ремень. А сосед – ноль внимания. Чудик осторожно тронул его:

– Велят ремень застегнуть.

– Ничего, – сказал сосед, отложил газету, откинулся на спинку сиденья и сказал, словно вспоминая что-то: – Дети – цветы жизни, их надо сажать головками вниз.

– Как это? – не понял Чудик.

Читатель громко засмеялся и больше не стал говорить. Быстро стали снижаться. Вот уж земля – рукой подать, стремительно летит назад. А толчка все нет. Как потом объясняли знающие люди, летчик «промазал». Наконец толчок, и всех начинает так швырять, что слышался зубовой стук и скрежет. Этот читатель с газетой сорвался с места, боднул Чудика лысой головой, потом приложился к иллюминатору, потом очутился на полу. За все это время он не издал ни одного звука. И все вокруг тоже молчали – это поразило Чудика. Он тоже молчал. Стали. Первые, кто опомнился, глянули в иллюминаторы и обнаружили, что самолет – на картофельном поле. Из пилотской кабины вышел мрачноватый летчик и пошел к выходу. Кто-то осторожно спросил его:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Мы, кажется, в картошку сели?

– Что вы, сами не видите? – ответил летчик.

Страх схлынул, и наиболее веселые уже пробовали робко острить.

Лысый читатель искал свою искусственную челюсть. Чудик отстегнул ремень и тоже стал искать.

– Эта?! – радостно воскликнул он и подал читателю. У того даже лысина побагровела.

– Почему надо обязательно руками хватать! – закричал он шепеляво.

Чудик растерялся.

– А чем же?..

– Где я ее кипятить буду? Где?!

Этого Чудик тоже не знал.

– Поедьте со мной? – предложил он. – У меня тут брат живет, там вскипятим... Вы опасаетесь, что я туда микробов занес? У меня их нету.

Читатель удивленно посмотрел на Чудика и перестал кричать.

В аэропорту Чудик написал телеграмму жене:

«Приземлились. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша, меня не забудь. Васятка».

Телеграфистка, строгая сухая женщина, прочитав телеграмму, предложила:

– Составьте иначе. Вы взрослый человек, не в детсаде.

– Почему? – спросил Чудик. – Я ей всегда так пишу в письмах. Это же моя жена!.. Вы, наверно, подумали...

– В письмах можете писать что угодно, а телеграмма – это вид связи. Это открытый текст.

Чудик переписал:

«Приземлились. Все в порядке. Васятка».

Телеграфистка сама исправила два слова: «приземлились» и «Васятка». Стало: «долетели», «Василий».

– «Приземлились»... Вы что, космонавт, что ли?

– Ну ладно, – сказал Чудик. – Пусть так будет.

...Знал Чудик, есть у него брат Дмитрий, трое племянников... О том, что должна еще быть сноха, как-то не думалось. Он никогда не видел ее. А именно она-то, сноха, все испортила, весь отпуск. Она почему-то сразу невзлюбила Чудика.

Выпили вечером с братом, и Чудик запел дрожащим голосом:

Тополя-а-а...

Тополя-а-а...

Софья Ивановна, сноха, выглянула из другой комнаты, спросила зло:

– А можно не орать? Вы же не на вокзале, верно? – И хлопнула дверью.

Брату Дмитрию стало неловко.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Это... там ребяташки спят. Вообще-то она хорошая.

Еще выпили. Стали вспоминать молодость, мать, отца...

– А помнишь?.. – радостно спрашивал брат Дмитрий. – Хотя кого ты там помнишь! Грудной был. Меня оставят с тобой, а я тебя зацеловывал. Один раз ты посинел даже. Попадало мне за это. Потом уж не стали оставлять. И все равно: только отвернутся, а я около тебя – опять целую. Черт знает что за привычка была. У самого-то еще сопли по колена, а уж... это... с поцелуями...

– А помнишь?! – тоже вспоминал Чудик. – Как ты меня...

– Вы прекратите орать? – опять спросила Софья Ивановна совсем зло, нервно. – Кому нужно слушать эти ваши разные сопли да поцелуи? Туда же – разговорились.

– Пойдем на улицу, – сказал Чудик.

Вышли на улицу, сели на крылечке.

– А помнишь?.. – продолжал Чудик.

Но тут с братом Дмитрием что-то случилось: он заплакал и стал колотить кулаком по колену.

– Вот она, моя жизнь! Видел? Сколько злости в человеке!.. Сколько злости!

Чудик стал успокаивать брата.

– Брось, не расстраивайся. Не надо. Никакие они не злые, они психи. У меня такая же.

– Ну чего вот невзлюбила?! За что? Ведь она невзлюбила тебя... А за что?

Тут только понял Чудик, что да, невзлюбила его сноха. А за что, действительно?

– А вот за то, что ты никакой не ответственный, не руководитель. Знаю я ее, дуру. Помешалась на своих ответственных. А сама-то кто! Буфетчица в управлении, шишка на ровном месте. Насмотрится там и начинает... Она и меня-то тоже ненавидит, что я не ответственный, из деревни.

– В каком управлении-то?

– В этом... горно... Не выговорить сейчас. А зачем выходить было? Что она, не знала, что ли?

Тут и Чудика задело за живое.

– А в чем дело, вообще-то? – громко спросил он, не брата, кого-то еще. – Да если хотите знать, почти все знаменитые люди вышли из деревни. Как в черной рамке, так смотришь – выходец из деревни. Надо газеты читать!.. Что ни фигура, понимаешь, так – выходец, рано пошел работать.

– А сколько я ей доказывал: в деревне-то люди лучше, незаносистые.

– А Степана-то Воробьева помнишь? Ты ж знал его...

– Знал, как же.

– Уж там куда деревня!.. А пожалуйста: Герой Советского Союза. Девять танков уничтожил. На таран шел. Матери его теперь пожизненно пенсию будут шестьдесят рублей платить. А разузнали только недавно, считали – без вести...

– А Максимов Илья!.. Мы ж вместе уходили. Пожалуйста, кавалер Славы трех степеней. Но про Степана ей не говори... Не надо.

– Ладно. А этот-то!..

Долго еще шумели возбужденные братья. Чудик даже ходил около крыльца и

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru размахивал руками.

– Деревня, видите ли!.. Да там один воздух чего стоит! Утром окно откроешь – как, скажи, обмоет тебя всего. Хоть пей его – до того свежий да запашистый, травами разными пахнет, цветами разными..

Потом они устали.

– Крышу-то перекрыл? – спросил старший брат негромко.

– Перекрыл. – Чудик тоже тихо вздохнул. – Веранду подстроил – любо глядеть. Выйдешь вечером на веранду.. начинаешь фантазировать: вот бы мать с отцом были бы живые, ты бы с ребятами приехал – сидели бы все на веранде, чай с малиной попивали. Малины нынче уродилось пропасть. Ты, Дмитрий, не ругайся с ней, а то она хуже невзлюбит. А я как-нибудь поласковой буду, она, глядишь, отойдет.

– А ведь сама из деревни! – как-то тихо и грустно изумился Дмитрий. – А вот... Детей замучила, дура: одного на пианинах замучила, другую в фигурное катание записала. Сердце кровью обливается, а не скажи, сразу ругань.

– Ммх!.. – чего-то опять возбудился Чудик. – Никак не понимаю эти газеты: вот, мол, одна такая работает в магазине – грубая. Эх вы!.. А она домой придет – такая же. Вот где горе-то! И я не понимаю! – Чудик тоже стукнул кулаком по колену. – Не понимаю: зачем они стали злые?

Когда утром Чудик проснулся, никого в квартире не было: брат Дмитрий ушел на работу, сноха тоже, дети постарше играли во дворе, маленького отнесли в ясли.

Чудик прибрал постель, умылся и стал думать, что бы такое приятное сделать снохе. Тут на глаза ему попала детская коляска. «Эге, – подумал Чудик, – разрисую-ка я ее». Он дома так разрисовал печь, что все дивились. Нашел ребятчи краски, кисточку и принялся за дело. Через час все было кончено, коляску не узнать. Поверху колясочки Чудик пустил журавликов – стайку уголком, по низу – цветочки разные, травку-муравку, пару петушков, цыпляток.. Осмотрел коляску со всех сторон – загляденье. Не колясочка, а игрушка. Представил, как будет приятно изумлена сноха, усмехнулся.

– А ты говоришь – деревня. Чудачка. – Он хотел мира со снохой. – Ребенок-то как в корзиночке будет.

Весь день Чудик ходил по городу, глазел на витрины. Купил катер племяннику, хорошенький такой катерок, белый, с лампочкой. «Я его тоже разрисую», – думал.

Часов в шесть Чудик пришел к брату. Взшел на крыльцо и услышал, что брат Дмитрий ругается с женой. Впрочем, ругалась жена, а брат Дмитрий только повторял:

– Да ну что тут!.. Да ладно.. Сонь.. Ладно уж..

– Чтоб завтра же этого дурака не было здесь! – кричала Софья Ивановна. – Завтра же пусть уезжает!

– Да ладно тебе!.. Сонь..

– Не ладно! Не ладно! Пусть не дожидается – выкину его чемодан к чертовой матери, и все!

Чудик поспешил сойти с крыльца.. А дальше не знал, что делать. Опять ему стало больно. Когда его ненавидели, ему было очень больно и страшно. Казалось: ну, теперь все, зачем же жить? И хотелось куда-нибудь уйти подальше от людей, которые ненавидят его или смеются.

– Да почему же я такой есть-то? – горько шептал он, сидя в сарайчике. – Надо бы догадаться: не поймет ведь она, не поймет народного творчества.

Он досидел в сарайчике дотемна. И сердце все болело. Потом пришел брат Дмитрий. Не удивился – как будто знал, что брат Василий давно уж сидит в сарайчике.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Вот... – сказал он. – Это... опять расшумелась. Коляску-то... не надо бы уж.

– Я думал, ей поглянется. Поеду я, братка.

Брат Дмитрий вздохнул... И ничего не сказал.

Домой Чудик приехал, когда шел рясный парной дождик. Чудик вышел из автобуса, снял новые ботинки и побежал по теплой мокрой земле – в одной руке чемодан, в другой ботинки. Подпрыгивал и пел громко:

Тополя-а-а...

С одного края небо уже очистилось, голубело, и близко где-то было солнышко. И дождик редел, шлепал крупными каплями в лужи; в них вздувались и лопались пузыри.

В одном месте Чудик поскользнулся, чуть не упал.

...Звали его Василий Егорыч Князев. Было ему тридцать девять лет от роду. Он работал киномехаником в селе. Обожал сыщиков и собак. В детстве мечтал быть шпионом.

Миль пардон, мадам!

Когда городские приезжают в эти края поохотиться и спрашивают в деревне, кто бы мог походить с ними, показать места, им говорят:

– А вон Бронька Пупков.. он у нас мастак по этим делам. С ним не соскучитесь. – И как-то странно улыбаются.

Бронька (Бронислав) Пупков, еще крепкий, ладно скроенный мужик, голубоглазый, улыбочивый, легкий на ногу и на слово. Ему за пятьдесят, он был на фронте, но покалеченная правая рука – отстрелено два пальца – не с фронта: парнем еще был на охоте, захотел пить (зимнее время), начал долбить прикладом лед у берега. Ружье держал за ствол, два пальца закрывали дуло. Затвор берданки был на предохранителе, сорвался – и один палец отлетел напрочь, другой болтался на коже. Бронька сам оторвал его. Оба пальца – указательный и средний – принес домой и схоронил в огороде. И даже сказал такие слова:

– Дорогие мои пальчики, спите спокойно до светлого утра.

Хотел крест поставить, отец не дал.

Бронька много скандалил на своем веку, дрался, его часто и нешуточно бивали, он отлеживался, вставал и опять носился по деревне на своем оглушительном мотопеде («педике») – зла ни на кого не таил. Легко жил.

Бронька ждал городских охотников как праздника. И когда они приходили, он был готов – хоть на неделю, хоть на месяц. Места здешние он знал как свои восемь пальцев, охотник был умный и удачливый.

Городские не скупались на водку, иногда давали денег, а если не давали, то и так ничего.

– На сколь? – деловито спрашивал Бронька.

– Дня на три.

– Все будет как в аптеке. Отдохнете, успокоите нервы.

Ходили дня по три, по четыре, по неделе. Было хорошо.

Городские люди – уважительные, с ними не манило подраться, даже когда выпивали. Он любил рассказывать им всякие охотничьи истории.

В самый последний день, когда справляли отвальную, Бронька приступал к главному своему рассказу.

Этого дня он тоже ждал с великим нетерпением, изо всех сил крепился.. И когда он наступал, желанный, с утра сладко ныло под сердцем, и Бронька торжественно

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru молчал.

– Что это с вами? – спрашивали.

– Так, – отвечал он. – Где будем отвальную соображать? На бережку?

– Можно на бережку.

...Ближе к вечеру выбирали уютное местечко на берегу красивой стремительной реки, раскладывали костерок. Пока варилась щерба из чебачков, пропускали по первой, беседовали.

Бронька, опрокинув два алюминиевых стаканчика, закурился...

– На фронте приходилось бывать? – интересовался он как бы между прочим. Люди старше сорока почти все были на фронте, но он спрашивал и молодых: ему надо было начинать рассказ.

– Это с фронта у вас? – в свою очередь спрашивали его, имея в виду раненую руку.

– Нет. Я на фронте санитаром был. Да... Дела-делишки... – Бронька долго молчал. – Насчет покушения на Гитлера не слышали?

– Слышали.

– Не про то. Это когда его свои же генералы хотели кокнуть?

– Да.

– Нет. Про другое.

– А какое еще? Разве еще было?

– Было. – Бронька подставлял свой алюминиевый стаканчик под бутылку. – Прошу плеснуть. – Выпивал. – Было, дорогие товарищи, было. Кха! Вот настолько пуля от головы прошла. – Бронька показывал кончик мизинца.

– Когда это было?

– Двадцать пятого июля тыща девятьсот сорок третьего года. – Бронька опять надолго задумывался, точно вспоминал свое собственное, далекое и дорогое.

– А кто стрелял?

Бронька не слышал вопроса, курил, смотрел на огонь.

– Где покушение-то было?

Бронька молчал.

Люди удивленно переглядывались.

– Я стрелял, – вдруг говорил он. Говорил негромко, еще некоторое время смотрел на огонь, потом поднимал глаза... И смотрел, точно хотел сказать: «Удивительно. Мне самому удивительно». И как-то грустно усмехался.

Обычно долго молчали, глядели на Броньку. Он курил, подкидывал палочкой отскочившие угольки в костер... Вот этот-то момент и есть самый жгучий. Точно стакан чистейшего спирта пошел гулять в крови.

– Вы серьезно?

– А как вы думаете? Что я, не знаю, что бывает за искажение истории? Знаю. Знаю, дорогие товарищи.

– Да ну, ерунда какая-то...

– Где стреляли-то? Как?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Из браунинга. Вот так – нажал пальчиком – и пук! – Бронька смотрел серьезно и грустно – что люди такие недоверчивые. Он же уже не хохмил, не скоморошничал.

Недоверчивые люди терялись.

– А почему об этом никто не знает?

– Пройдет еще сто лет, и тогда много будет покрыто мраком. Поняли? А то вы не знаете... В этом-то вся трагедия, что много героев остаются под сукном.

– Это что-то смахивает на...

– Погоди. Как это было?

Бронька знал, что захотят послушать. Всегда хотели.

– Разболтаете ведь?

Опять замешательство.

– Не разболтаем...

– Честное партийное?

– Да не разболтаем! Рассказывайте.

– Нет, честное партийное? А то у нас в деревне народ знаете какой... Пойдут трепать языком.

– Да все будет в порядке! – Людям уже не терпелось послушать. – Рассказывайте.

– Прошу плеснуть. – Бронька опять подставлял стаканчик. Он выглядел совершенно трезвым. – Было это, как я уже сказал, двадцать пятого июля сорок третьего года. Кха! Мы наступали. Когда наступают, санитарам больше работы. Я в тот день приволок в лазарет человек двенадцать... Принес одного тяжелого лейтенанта, положил в палату... А в палате был какой-то генерал. Генерал-майор. Рана у него была небольшая – в ногу задело, выше колена. Ему как раз перевязку делали. Увидел меня тот генерал и говорит:

– Погоди-ка, санитар, не уходи.

Ну, думаю, куда-нибудь надо ехать, хочет, чтоб я его поддерживал. Жду. С генералами жизнь намного интересней: сразу вся обстановка как на ладони.

Люди внимательно слушают. Постреливает, попыхивает веселый огонек; сумерки крадутся из леса, наползают на воду, но середина реки, самая быстрина, еще блестит, сверкает, точно огромная длинная рыбина несется серединой реки, играя в сумраке серебристым телом своим.

– Ну, перевязали генерала... Доктор ему: «Вам надо полежать!» – «Да пошел ты!» – отвечает генерал. Это мы докторов-то тогда боялись, а генералы-то их не очень. Сели мы с генералом в машину, едем куда-то. Генерал меня спрашивает: откуда я родом? Где работал? Сколько классов образования? Я подробно все объясняю: родом оттуда-то (я здесь родился), работал, мол, в колхозе, но больше охотничал. «Это хорошо, – говорит генерал. – Стреляешь метко?» Да, говорю, чтоб зря не трепаться: на пятьдесят шагов свечку из винта погашу. А вот насчет классов, мол, не густо: отец сызмальства начал по тайге с собой таскать. Ну ничего, говорит, там высшего образования не потребуется. А вот если, говорит, ты нам погасишь одну зловредную свечку, которая раздула мировой пожар, то Родина тебя не забудет. Тонкий намек на толстые обстоятельства. Поняли?... Но я пока не догадываюсь.

Приезжаем в большую землянку. Генерал всех выгнал, а сам все меня спрашивает. За границей, спрашивает, никого родных нету? Откуда, мол! Вековечные сибирские. Мы от казаков приходим, которые тут недалеко Бий-Катунск рубили, крепость. Это еще при царе Петре было. Оттуда мы и пошли, почесть вся деревня...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Откуда у вас такое имя – Бронислав?

– Поп с похмелья придумал. Я его, мерина гривастого, разок стукнул за это, когда сопровождал в ГПУ в тридцать третьем году...

– Где это? Куда сопровождали?

– А в город. Мы его взяли, а вести некому. Давай, говорят, Бронька, у тебя на него зуб – веди.

– А почему, хорошее ведь имя?

– К такому имю надо фамилию подходящую. А я – Бронислав Пупков. Как в армии перекличка, так – смех. А вон у нас Ванька Пупков – хоть бы што.

– Да, так что же дальше?

– Дальше, значит, так. Где я остановился?

– Генерал расспрашивает...

– Да. Ну расспросил все, потом говорит: «Партия и правительство поручают вам, товарищ Пупков, очень ответственное задание. Сюда, на передовую, приехал инкогнито Гитлер. У нас есть шанс хлопнуть его. Мы, говорит, взяли одного гада, который был послан к нам со специальным заданием. Задание-то он выполнил, но сам влопался. А должен был здесь перейти линию фронта и вручить очень важные документы самому Гитлеру. Лично. А Гитлер и вся его шантрапа знают того человека в лицо».

– А при чем тут вы?

– Кто с перебивом, тому – с перевивом. Прошу плеснуть. Кха! Поясняю: я похож на того гада как две капли воды. Ну и начинается житуха, братцы мои! – Бронька предается воспоминаниям с таким сладострастием, с таким затаенным азартом, что слушатели тоже невольно испытывают приятное, исключительное чувство. Улыбаются. Налаживается некий тихий восторг. – Поместили меня в отдельной комнате тут же, при госпитале, приставили двух ординарцев... Один – в звании старшины, а я – рядовой. Ну-ка, говорю, товарищ старшина, подай-ка мне сапоги. Подает. Приказ – ничего не сделаешь, слушается. А меня тем временем готовят. Я прохожу выучку.

– Какую?

– Спецвыучку. Об этом я пока не могу распространяться, подписку давал. По истечении пятьдесят лет можно. Прошло только... – Бронька шевелил губами – считал. – Прошло двадцать пять. Но это само собой. Житуха продолжается! Утром поднимаюсь – завтрак: на первое, на второе, третье. Ординарец принесет какого-нибудь вшивого портвейного, я его кэк шугану!.. Он несет спирт, его в госпитале навалом. Сам беру разбавляю как хочу, а портвейный – ему. Так проходит неделя. Думаю, сколько же это будет продолжаться? Ну, вызывает наконец генерал: «Как, товарищ Пупков?» Готов, говорю, к выполнению задания! Давай, говорит. С богом, говорит. Ждем тебя оттуда Героем Советского Союза. Только не промахнись! Я говорю: если я промахнусь, я буду последний предатель и враг народа! Или, говорю, лягу рядом с Гитлером, или вы выручите Героя Советского Союза Пупкова Бронислава Ивановича. А дело в том, что намечалось наше грандиозное наступление. Вот так, с флангов, шла пехота, я спереди – мощный лобовой удар танками.

Глаза у Броньки сухо горят, как угольки, поблескивают. Он даже алюминиевый стаканчик не подставляет – забыл. Блики огня играют на его суховатом правильном лице – он красив и нервен.

– Не буду говорить вам, дорогие товарищи, как меня перебросили через линию фронта и как я попал в бункер Гитлера. Я попал! – Бронька встает. – Я попал!.. Делаю по ступенькам последний шаг и оказываюсь в большом железобетонном зале. Горит яркий электрический свет, масса генералов... Я быстро ориентируюсь: где Гитлер? – Бронька весь напрягся, голос его рвется, то срывается на свистящий шепот, то неприятно, мучительно взвизгивает. Он говорит неровно, часто останавливается, рвет себя на полуслове, глотает слюну...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru Сердце вот тут... горлом лезет. Где Гитлер?! Я микроскопически изучил его лисиную мордочку и заранее наметил, куда стрелять – в усики. Я делаю рукой: «Хайль Гитлер!» В руке у меня большой пакет, в пакете – браунинг, заряженный разрывными отравленными пулями. Подходит один генерал, тянется к пакету: давай, мол. Я ему вежливо ручкой – миль пардон, мадам, только фюреру. На чистом немецком языке говорю: фюрэр! – Бронька сглотнул. – И тут... вышел он. Меня как током дернуло... Я вспомнил свою далекую Родину... Мать с отцом... Жены у меня тогда еще не было... – Бронька некоторое время молчит, готов заплакать, завывать, рвануть на груди рубаху... – Знаете, бывает: вся жизнь промелькнет в памяти... С медведем нос к носу – тоже так. Кха!.. Не могу! – Бронька плачет.

– Ну? – тихо просит кто-нибудь.

– Он идет ко мне навстречу. Генералы все вытянулись по стойке «смирно»... Он улыбался. И тут я рванул пакет... Смеешься, гад! Дак получай за наши страдания!.. За наши раны! За кровь советских людей!.. За разрушенные города и села! За слезы наших жен и матерей!.. – Бронька кричит, держит руку, как если бы он стрелял. Всем становится не по себе. – Ты смеялся?! А теперь умойся своей кровью, гад ты ползучий!! – Это уже душераздирающий крик. Потом гробовая тишина... И шепот, торопливый, почти невнятный. – Я стрелил... – Бронька роняет голову на грудь, долго молча плачет, оскалился, скрипит здоровыми зубами, мотает безутешно головой. Поднимает голову – лицо в слезах. И опять тихо, очень тихо, с ужасом говорит:

– Я промахнулся.

Все молчат. Состояние Броньки столь сильно действует, удивляет, что говорить что-нибудь – нехорошо.

– Прошу плеснуть, – тихо, требовательно говорит Бронька. Выпивает и уходит к воде. И долго сидит на берегу один, измученный пережитым волнением. Вздыхает, кашляет. Уху отказывается есть.

..Обычно в деревне узнают, что Бронька опять рассказывал про «покушение».

Домой Бронька приходит мрачноватый, готовый выслушивать оскорбления и сам оскорблять. Жена его, некрасивая, толстогубая баба, сразу набрасывается:

– Чего как пес побитый плетешься? Опять!..

– Пошла ты!.. – вяло огрызается Бронька. – Дай пожрать.

– Тебе не пожрать надо, не пожрать, а всю голову проломить безменом! – орет жена. – Ведь от людей уж прохода нет!..

– Значит, сиди дома, не шляйся.

– Нет, я пойду сейчас!.. Я сейчас пойду в сельсовет, пусть они тебя, дурака, опять вызовут! Ведь тебя, дурака беспалого, засудят когда-нибудь! За искажение истории...

– Не имеют права: это не печатная работа. Понятно? Дай пожрать.

– Смеются, в глаза смеются, а ему... все божья роса. Харя ты немывтая, скот лесной!.. Совесть-то у тебя есть? Или ее всю уж отшибли? Тьфу! – в твои глазыньки бесстыжие! Пупок!..

Бронька наводит на жену строгий злой взгляд. Говорит негромко с силой:

– Миль пардон, мадам... Сейчас ведь врежу!..

Жена хлопала дверью, уходила прочь – жаловаться на своего «лесного скота».

Зря она говорила, что Броньке все равно. Нет. Он тяжело переживал, страдал, злился... И дня два пил дома. За водкой в лавочку посылал сынишку-подростка.

– Никого там не слушай, – виновато и зло говорил сыну. – Возьми бутылку и сразу домой.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Его действительно несколько раз вызывали в сельсовет, совестили, грозили принять меры... Трезвый Бронька, не глядя председателю в глаза, говорил сердито, невнятно:

– Да ладно!.. Да брось ты! Ну?.. Подумаешь!..

Потом выпивал в лавочке «банку», маленько сидел на крыльце, чтоб «взяло», вставал, засучивал рукава и объявлял громко:

– Ну, прошу!.. Кто? Если малость изувечу, прошу не обижаться. Миль пардон!..

А стрелок он был правда редкий.

Земляки

Ночью перепал дождь. Погремело вдаль... А утро встряхнулось, выгнало из туманов светило; заструилось в трепетной мокрой листве текучее серебро. Туманы, накопившиеся в низинах, нехотя покидали землю, поднимались кверху.

Стариковское дело – спокойно думать о смерти. И тогда-то и открывается человеку вся сокрытая, изумительная, вечная красота жизни. Кто-то хочет, чтобы человек напоследок с болью насытился ею. И ушел.

И уходят. И тихим медленным звоном, как звенят теплые удила усталых коней, отдают шаги уходящих. Хорошо, мучительно хорошо было жить. Не уходил бы!

Шагал по мокрой дороге седой старик. Шагал покосить травы коровенке.

Деревня осталась позади за буграми. Место, куда направлялся он, называлось кучугуры. Это такая огромная всхолмленная долина – предгорье. Выйдешь на следующий бугор – видно всю долину. А долину с трех сторон обступили молчаливые горы. Вольный зеленый край. Здесь издавна были покосы.

На «лбах» и «гривах» травы – коню по брюхо. Внизу – согры, там прохладно, в чащобе пахнет прелым. Там бьют из земли, из ржавой, жирной, светлые студёные ключи. И вкусна та вода! Тянет посидеть там; сумрачно и зябко, и грустно почему-то, и одиноко. Конечно, есть люди, которым не все равно: есть ты или нет... Но ведь... что же? Тут сам не поймешь: зачем дана была эта непосильная красота? Что с ней было делать?.. Ведь чего и жалко-то: прошел мимо – торопился, не глядел.

А выйдешь на свет – и уж жалко своей же грусти, кажется, вот только вошло в душу что-то предрассветно-тихое, нежное; но возрадуешься, понесешь, чтобы и впредь тоже радоваться, и – нет, думы всякие сбивают, забываешь радоваться.

Выше поднималось солнце. Туманы поднялись и рассеялись. Легко парила земля. Испарина не застила свет, она как будто отнимала его от земли и тоже уносила вверх.

Листья на березах в околках пообсохли, но еще берегли умытую молодую нежность – жарко блестели. Огромную тишину утра тонко просвистывали невидимые птицы.

Все теплей становится. Тепло стекает с косогоров в волглые еще долины; земля одуряюще пахнет обилием зеленых своих сил.

Старик прибавил шаг. Но не так, чтобы уже в ходьбе устать. Сил оставалось мало, приходится жалеть.

Он ходил, ездил по этой дороге много – всю жизнь. Знал каждый поворот ее, знал, где приотпустить коня, а где придержать, чтобы и он тоже в охотку с утра не растратился, а потом работал бы вполсилы. Теперь коня не было. Он помнил всех своих коней, какие у него перебивали за жизнь, мог бы рассказать, если бы кому-нибудь захотелось слушать, про характер и привычки каждого. Тихонько болела душа, когда он вспоминал своих коней. Особенно жалко последнего: он не продал его, не обменял, не украли его цыгане – он издох под хозяином.

Было это в тридцать третьем году. Старик (тогда еще не старик, а справный мужик Анисим Квасов, Анисимка, звали его) был уже в колхозе, работал объездным на полях. Случился тогда большой голод. Ели лебеду, варили крапиву, травились

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru зимовальным зерном, которое подметали вениками на токах. Ждали нового урожая; надо было еще прожить лето. Вся надежда на коров: молоком отпаивали опухших детей.

И вот как-то, в покос тоже, пастух деревенский, слабый мужичонка, совсем ослаб, гонясь за коровами, упал без сознания. Сколько он там пролежал, бог его знает, говорил потом – долго. Коровы тем временем зашли на клевер.. Поздно вечером пригнал он их в деревню, раздувшись, закричал первым встречным: «Спасайте, они клевера обожрались!» Что тут началось!.. Бабы завывали, мужики всполошились, схватили бичи и стали гонять коров по улицам. Беда пришла, стон стоял в деревне. Коровы падали, люди тоже задыхались, тоже падали. У Анисима был конь (когда Анисима определили объездным, ему дали из колхоза бывшего его собственного мерина Мишку); Анисим, видя такое дело, вскочил на Мишку и стал тоже гонять коров. Всю ночь вываживали коров. К утру Мишка захрипел под Анисимом и пал на передние ноги. Сколько ни бился Анисим, мерин не вернулся к жизни. Анисим плакал, убивался над конем.. Его обвинили во вредительстве, и он сидел месяца полтора в районной каталажке. Потом ничего, обошлось.

Вот наконец и делянка старика: пологая логовинка недалеко от дороги, внизу согра с ключом.

Солнце поднялось в ладонь уже; припоздал. Наскоро перекусив малосольным огурцом с хлебом, старик отбил литовку, повжикал камешком по жалу.

Нет милее работы – косьбы. И еще: старик любил косить один. Чего только не передумаешь за день!

Сочно, просвистывая, сечет коса; вздрагивает, никнет трава. Впереди шагах в трех подняла голову змея.. И потекла в траве, поблескивая гибким омерзительным телом своим. Опять воспоминание: раз, парнишкой еще, ехал он на коне хорошей рысью. Внезапно, почуяв или увидев змею, конь прыгнул вбок. Анисимки как век не было на коне – упал. И прямо задницей на нее, на змею. Неделию потом поносило («гвоздем летело»).

Память все выталкивает и выталкивает из глубины прожитой жизни светлые, милые сердцу далекие дни. Так в мутной, стоялой воде тихого озера бьют со дна чистые родники. Вот, змеи.. Был тогда на деревне дед Куделька. Он говорил ребятишкам, что за каждую убитую змею – сорок грехов долой. А если змею бросить в огонь, то можно увидеть на брюхе ее ножки – много-много. И ребятня азартно снимала с себя грехи. И жгли змей, и правда, когда она прыгала в костре, на брюхе у нее что-то такое мелькало – белое, мелкое и много. Ребятишки орали: «Видишь! Вон они!» Все видели ножки.

До обеда, как трава совсем обсохла, старик косил. Солнце поджигало; на голову точно горячий блин положили.

– Слава богу! – сказал старик, глядя на выкошенную плешину: отхватил изрядно. На душе было радостно.

Он пошел в шалашик, который сделал себе загодя, когда приходил проведать травы. Теперь можно хорошо, не торопясь, поесть.

В шалаше теплый резкий дух вялой травы. Звонит где-то крохотная пронзительная мушка; горячую тишину наполняет неумолимый, ровный, сухой стрекот кузнечиков. Да с неба еще льются и скользят серебряные жаворонки-сверлышки.

Хорошо! Господи, как хорошо!.. Редко бывает человеку хорошо, чтобы он знал, вот – хорошо. Это когда нам плохо, мы думаем: «А где-то кому-то хорошо». А когда нам хорошо, мы не думаем: «А где-то кому-то плохо». Хорошо нам, и все.

Старик расстелил на траве стираную тряпочку, разложил огурцы, хлеб, батюнок мытый.. Пошел к ключу: там в воде стояла бутылка молока, накрепко закупоренная тряпичной пробкой. Склонился к ручью, оперся руками в сырой податливый бережок, долго, без жадности пил. Видел, как по ржавому дну гоняются друг за другом крохотные светлые песчинки.

«Как живые», – подумал старик. С трудом поднялся, взял бутылку и пошел к шалашу. А там, у шалашика, сидит на пеньке старик в шляпе и с палочкой. Покуривает.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Доброго здоровья, – приветствовал старик в шляпе. – Увидел – человек, присел отдохнуть. Возражений нет?

– Чево ж? – сказал Анисим. – Давай сюда, тут все же маленько не так жарит.

– Жарко, да. – Старик в шляпе вошел тоже в шалашик, сел на траву. – Жарковато.

«В добрых штанах-то... зеленые будут», – подумал Анисим.

– Хошь, садись со мной? – пригласил он.

– Спасибо, я поел недавно. – Старик в шляпе внимательно смотрел на Анисима, так что тому даже не по себе стало. – Косишь?

– Надо. Нездешний, видно?

– Здешний.

Анисим глянул на гостя и ничего не сказал.

– Не похож?

– Пошто? Теперь всякие бывают. – Анисим захрумкал огурцом... И уловил взгляд гостя: тот смотрел на нехитрую крестьянскую снедь на тряпочке. «Хочет, наверно».

– Подсаживайся, – еще раз сказал он.

– Ешь, тебе еще полдня работать. Робить.

– Да хватит тут!

Городской старик снял шляпу, обнаружив блестящую лысину, придвинулся, взял огурец, отломил хлеба.

– У тебя газеты нету? – спросил Анисим.

– Зачем? – удивился гость.

– Иззеленишь штаны-то. Штаны-то добрые.

– А-а... Да шут с ними. Ах, огурцы!..

– Што?

– Объеденье!

– Здешний, говоришь... Откуда?

– Тут, близко...

Не верилось Анисиму, что гость из этих мест – не похоже действительно.

– Сейчас-то я не здесь живу. Родом отсюда.

– А-а. Погостить?

– Побывать надо на родине... Помирать скоро. Ты из какой деревни-то?

– Лебязье. Вот по этой дороге...

– Один со старухой живешь?

– Ага.

– Дети-то есть?

– Есть. Трое. Да двоих на войне убило.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Где эти трое-то? В городе?

– Один в городе, Колька. А девахи замужем.. Одна в Чебурлаке, за бригадиром колхозным, другая – та подальше. – Не сказал, что другая замужем не за русским.
– Была Нинка-то по весне.. Ребятишки большие уж.

– А Колька-то в каком городе?

– Да он – и в городе, и не в городе: работа у ево какая-то непутевая, вечно ездит: железо ищут.

– А какой город-то?

– В Ленинграде. Пишет нам, деньги присылает.. Так-то хорошо живет. Хочет тоже приехать, да все не выберется. Может, приедет.

Городской старик отпил немного молока, вытер платком губы.

– Спасибо. Хорошо поел.

– Не за што.

– Косить пойдешь?

– Нет, обожду маленько. Пусть свалится маленько.

– Колька-то с какого года? – спросил еще гость.

– С двадцатого. – Тут только Анисим подумал: «А чего это он выпрашивает-то все?» Посмотрел на гостя.

Тот невесело как-то, но и не так чтобы уж совсем печально усмехнулся.

– Вот так, земляк, – сказал.

«Чудной какой-то, – подумал Анисим. – Старый – чудить-то».

– Здоровьем-то как? – все пытал городской.

– Бог милует пока.. Голова болит. У нас полдеревни головами маются, молодые даже.

– Из родных-то есть кто-нибудь? Братья, сестры..

– Нет, давно уж..

– Умерли?

– Сестры умерли, брат ишо с той войны не пришел.

– Погиб?

– Знамо. Пошто с войны не приходят?

Городской закурил. Синяя слоистая струйка дыма потянулась к выходу. Здесь, в шалаше, в зеленоватой тени, она была отчетливо видна, а на светлой воле сразу куда-то девалась, хоть ветерка – ни малого дуновения – не было. Звенели кузнечики; посвистывали, шныряя в кустах, птахи; роняли на теплую грудь земли свои нескончаемые трели хохлатые умельцы.

По высокой травинке у входа в шалаш взбиралась вверх божья коровка. Лезла упорно, бесстрашно.. Старики загляделись на нее. Коровка долезла до самого верха, покачалась на макушке, расправила крылышки и полетела как-то боком над травами.

– Вот и прожили мы свою жизнь, – негромко сказал городской старик.

Анисим вздрогнул: до странного показалась знакомой эта фраза. Не фраза сама, а то, как она была сказана: так говорил отец, когда задумывался, – с еле уловимой усмешкой, с легким удивлением. Дальше он еще сказал бы: «Мать твою так-то».

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru Ласково.

- Не грустно, земляк?
- Грусти не грусти – што толку?
- Што-то должно помогать человеку в такое время?
- У тебя болит, што ль, чего?
- Душа. Немного. Жалко.. не нажился, не устал. Не готов, так сказать.
- Хэх!.. Да разве ж когда наживесся? Кому охота в ее, матушку, ложиться.
- Есть же самоубийцы..
- Это хворые. Бывает: надорвется человек, с виду вроде ничего ишо, а снутри не жилец. Пристал.
- И не додумал чего-то.. А сам понимаю, глупо: что отпущено было, давно все додумал. – Городской помолчал. – Жалко покоя вот этого.. Суетился много. Но место надо уступать. А?
- Надо. Хэх!.. Надо.
- А так бы и пристроился где-нибудь, чтоб и забыли про тебя, и так бы лет двести! А? – Старик засмеялся весело. Что-то опять до беспокойства знакомое проскользнуло в нем – в смехе. – Чтоб так и осталось все. А?
- Надоест, поди.
- Да вот все никак не надоест!
- А ты заранее не думай про ее – не будешь страшиться. А придет – ну придет.. Сколько там похворает! В неделю люди сворачиваются.
- Да..
- Ты вот вперед загадываешь, а я беспречь назад оглядываюсь – тоже плохо. Расстройство одно.
- Вспоминаешь?
- Но.
- Это хорошо.
- Хорошо, а все душу тревожишь. Зачем?
- Нет, это хорошо. Что же вспоминается? Детство?
- Больше – детство.
- Расскажи чего-нибудь! Хулиганили?
- Брат у меня был, Гринька, – тот прокуда был. – Анисим улыбнулся, вспомнив. – Откуда чего бралось!.. И на войне-то, наверно, вперед других выскочил..
- Что же он вытворял? – живо заинтересовался городской старик. – Расскажи-ка.. Пожалуйста, пока отдыхаешь.
- Хэх!.. – Анисим покачал головой, долго молчал. – Шельма был.. Один раз поймал нас у себя в огороде сосед наш, Егор Чальшев, ну, выпорол. За дело, конечно: не пакости. Арбузишки-то зеленые ишо, мы их больше портили, чем ели. Ночью-то не видно: об коленку ево – куснешь, зеленый – в сторону. Да. Выпорол с сердцем. Потом ишо отец добавил. Гриньку злость взяла. И чево придумал: взял пузырь свинячий – свинью тогда как раз резали, – растер ево в золе.. Знаешь, как пузыри-то делают?

– Знаю.

– Вот. Высушил, надул, нарисовал на ем морду страшную... – Анисим засмеялся. – Где он такую харю видал?.. Ну, дождались мы ночи, подкрались тихонько к Егору на крыльцо, привязали за веревочку к верхнему косяку пузырь тот... Утром Егор открыл дверь–то – на улицу выходит, – а ему прям в лицо харя–то эта глянула... Мужик чуть в штаны не наворотил. Захлопнул дверь да в избу. Да давай в трубу орать: «Караул! У меня черт на крыльце!»

Городской старик громко захохотал. До слез досмеялся...

– Трухнул мужичок. А? Ха–ха!..

– Да, так Егора потом и звали: «Егорка, черт на крыльце». А раз – мы уж побольше были – на покосе тоже... Миколай Рогодин – хитрый был мужик, охотник до чужого – и говорит вечером: «Гринька, – говорит, – подседлай какого-нибудь коня, хошь моева, дуй в деревню, насшибай кур у кого-нибудь. Курятинки охота». Гринька, недолго думая, подседлал коня – и в деревню. Через недолго время привозит пяток кур с открученными головами. Мы все радешеньки. Заварили их тут же... Ну и умели в охотку. А Миколай ел да прихваливал: молодец, мол, Гринька! А Гринька ему: «Ешь, дядя Миколай! Ешь, как своих». – Оба старика от души посмеялись. Городской закурил. – Поматерился же он потом!.. А што сделаешь – сам послал.

– Да... – Городской старик вытер глаза. Задумался.

Долго молчали, думая каждый свое. А жизнь за шалашом все звенела, накалялась, все отрешеннее и непостижимее обнажала свою красу под солнцем.

– Ну, пойду с богом... – сказал Анисим. – Маленько вроде схлынуло.

– Жарко еще...

– Ничево.

– Корову–то обязательно надо держать?

– Как же?

Анисим взял литовку, подернул ее брусом. Поглядел на ряды кошенины – неплохо с утра помахал. А городской старик смотрел на него... Внимательно. Грустно.

– Ну, пойду, – еще раз сказал Анисим.

– Ну, давай, – сказал городской. – Ну и... прощай. – Посмотрел еще раз в самые глаза Анисиму, ничего больше не сказал, пожал крепко руку и скоро пошел в гору, к дороге. Вышел к дороге, оглянулся, постоял и пошел. И опять пропал за поворотом.

Старик косил допоздна.

Потом пошел домой.

Дома старуха с нетерпением – видно было – ждала его.

– К нам какой–то человек приезжал!.. – сказала она, едва старик показался в воротчиках. – На длинной автомобиле. Тебя спрашивал. Где, говорит, старик твой?

Анисим сел на порожек, опустил на землю узелок свой...

– В шляпе? Старый такой...

– В шляпе. В кустюме такой... Как учитель.

Старик долго молчал, глядя в землю, себе под ноги. Теперь–то вот и вспомнилась та странная схожесть, что удивила давеча днем. Теперь–то она и вспомнилась! Только... неужели же?!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не Гринька ли был-то? Ты ничево не заметила?

– Господь с тобой! С ума спятил. С тово света, што ли?

С бабой лучше не говорить про всякие догадки души – не поймет. Ей, дуре, пока она молодая, неси не стыдись самые дурацкие слова – верит; старой скажи попробуй про самую свою нечаянную думу – сам моментально дураком станешь.

– Уехал он?

– Уехал. Это после обеда пошла...

«Неужто Гринька? Неужто он был?»

Всю ночь старик не сомкнул глаз. Думал. К утру решил: нет, похожий.

Мало ли похожих! Да и что бы ему не признаться? Может, душу не хотел зазря бередить? Он смолоду чудной был... «Неужто Гринька?»

Через неделю старикам пришла телеграмма: «Квасову Анисиму Степановичу. Ваш брат Григорий Степанович скончался двенадцатого. Просил передать. Семья Квасова».

Брат был. Гринька.

Даешь сердце!

Дня за три до Нового года, глухой морозной ночью, в селе Николаевке, качнув стылую тишину, гулко ахнули два выстрела. Раз за разом... Из крупнокалиберного ружья. И кто-то крикнул:

– Даешь сердце!

Эхо выстрелов долго гуляло над селом. Залаяли собаки.

Утром выяснилось: стрелял ветфельдшер Александр Иванович Козулин.

Ветфельдшер Козулин жил в этом селе всего полгода. Но даже когда он только появился, он не вызвал у николаевцев никакого к себе интереса. На редкость незаметный человек. Лет пятидесяти, полный, рыхлый... Ходил, однако, скоро. И смотрел вниз. Торопливо здоровался и тотчас опускал глаза. Разговаривал мало, тихо, неразборчиво и все как будто чего-то стыдился. Точно знал про людей какую-то тайну и боялся, что выдаст себя, если будет смотреть им в глаза. Не из страха за себя, а из стыда и деликатности. Он даже бабам не понравился, хоть они уважают мужиков трезвых и тихих. Еще не нравилось, что он – одинок. Почему одинок, никто не знал, но только это нехорошо – в пятьдесят лет ни семьи, никого.

И вот этот-то человек выскочил за полночь из дома и дважды саданул из ружья в небо. И закричал про сердце.

Недоумевали.

В полдень на ветучасток к Козулину приехал грузный, с красным, обветренным лицом участковый милиционер.

– Здравствуй, товарищ Козулин!

Козулин удивленно посмотрел на милиционера.

– Здравствуйте.

– Надо будет... это... проехать в сельсовет. Протокол составить.

Козулин виновато поискал что-то глазами на полу...

– Какой протокол? Для чего?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Что?

– Протокол-то зачем? Я не понял.

– Стреляли вчера? Вернее, ночью.

– Стрелял.

– Вот надо протокол составить. Предсельсовета хочет... это... побеседовать с вами. Чего стрельбу-то открыли? Испугались, что ль, кого?

– Да нет... Победа большая в науке, я отсалютовал.

Участковый с искренним интересом, весело смотрел на фельдшера.

– Какая победа?

– В науке.

– Ну?

– Я отсалютовал. А что тут такого? Я – от радости.

– Салют в Москве производят, – назидательно пояснил участковый. – А здесь – это нарушение общественного порядка. Мы боремся с этим.

Козулин снял халат, надел пальто, шапку и видом своим показал, что он готов ехать объясняться.

У ворот ветучастка стоял мотоцикл с коляской.

Предсельсовета ждал их.

– Это, оказывается, ночью-то, салют был, – заговорил участковый и опять весело посмотрел на Козулина. – Мне вот товарищ Козулин объяснил...

– Козулин, – поправил фельдшер.

– А?

– Правильно – Козулин.

– А какая раз... А-а! – понял участковый и засмеялся. И тяжело сел в большое кожаное кресло. И вынул из планшета бланк протокола. – Извиняюсь, я без умысла.

Председатель скрипнул хромовыми сапогами, поправил правой рукой ремень гимнастерки (из другого рукава свисала аккуратная лакированная ладонь протеза), пригласил фельдшера:

– Садись, товарищ Козулин.

Козулин тоже сел в глубокое кресло.

– Так что случилось-то? Почему стрельба была?

– Вчера в Кейптауне человеку пересадили сердце, – торжественно произнес Козулин. И замолчал. Председатель и участковый ждали – что дальше? – От мертвого человека – живому, – досказал Козулин.

У участкового вытянулось лицо.

– Что, что?

– Живому человеку пересадили сердце мертвого. Трупа.

– Что, взяли выкопали труп и...

– Да зачем же выкапывать, если человек только умер! – раздраженно воскликнул

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Козулин. – Они оба в больнице были, но один умер...

– Ну, это бывает, бывает, – снисходительно согласился председатель, – пересаживают отдельные органы. Почки... и другие.

– Другие – да, а сердце впервые. Это же – сердце!

– Я не вижу прямой связи между этим... патологическим случаем и двумя выстрелами в ночное время, – строго заметил председатель.

– Я обрадовался... Я был ошеломлен, когда услышал, мне попало на глаза ружье, я выбежал во двор и выстрелил...

– В ночное время.

– А что тут такого?

– Что? Нарушение общественного порядка трудящихся.

– Во сколько это было? – строго спросил участковый.

– Не знаю точно. Часа в три.

– Вы что, до трех часов радио слушаете?

– Не спалось, слушал...

Участковый многозначительно посмотрел на председателя.

– Какая это Москва в три часа говорит? – опять спросил он.

– «Маяк».

– «Маяк» всю ночь говорит, – подтвердил председатель, но внимательно смотрел на фельдшера. – Кто вам дал право в три часа ночи булгатить село выстрелами?

– Простите, не подумал в тот момент... Я – шизя.

– Кто? – не понял милиционер.

– Шизя. На меня, знаете, находит... Теряю самоконтроль. – Фельдшер как бы в раздумье потрогал лоб, потом глаза – пальцами. – Ширво коло ширво... Зубной порошок и прочее.

Милиционер и председатель недоуменно переглянулись.

– Простите, – еще раз сказал фельдшер.

– Да мы-то простим, товарищ Козулин, – участливо произнес председатель, – а вот как трудящиеся? Им, некоторым, вставать в пять утра. Вы же человек с образованием, вы же должны понимать такие вещи.

– Кстати, – по-доброму оживился участковый, – а чего вы-то салютовать кинулись? Ведь это не по вашей части победа-то – вы же ветеринар. Не кобыле же сердце пересадили.

– Не смейте так говорить! – закричал вдруг фельдшер. И покраснел. Помолчал и тихо и горько спросил: – Зачем вы так?

Некоторое время все молчали. Первым заговорил председатель:

– Горячиться не надо. Конечно, это большое достижение ученых. Дело не в том, кому пересадили, все мы, в конце концов, животный мир, важно само достижение. Тем более что это произошло на человеке. Но, товарищ Козулин, еще раз говорю вам: эта ваша самодеятельность с салютом в ночное время – грубое нарушение покоя. Мало ли еще будет каких достижений! Вы нам всех граждан психопатами сделаете. Раз и навсегда запомните это. Кстати, как у вас с дровами?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Фельдшер растерялся от неожиданного вопроса.

– Спасибо, пока есть. У меня пока все есть. Мне здесь хорошо. – Фельдшер мял в руках шапку, хмурился. Ему было стыдно за свой выкрик. Он посмотрел на участкового: – Простите меня – не сдержался...

Участковый смутился:

– Да ну, чего там...

Председатель засмеялся.

– Ничего. Кто, как говорят, старое помянет, тому глаз вон.

– Но кто забудет, – шуточно погрозил участковый, – тому два долой! Протокол составлять не будем, но запомним. Так, товарищ Козулин?

– При чем тут протокол, – сказал председатель. – Интеллигентный товарищ...

– Интеллигентный-то интеллигентный... а дойдет до наших в отделении...

– Мы вас больше не задерживаем, товарищ Козулин, – сказал председатель. – Идите работайте. Заходите, если что понадобится.

– Спасибо. – Фельдшер поднялся, надел шапку, пошел к выходу.

На пороге остановился... Обернулся. И вдруг сморщился, закрыл глаза и неожиданно громко – как перед батальоном – протяжно скомандовал:

– Рр-а-авняйсь! С'ирра-а!

Потом потрогал лоб и глаза и сказал тихо:

– Опять нашло... До свиданья. – И вышел.

Милиционер и председатель еще некоторое время сидели, глядя на дверь. Потом участковый тяжело перевалился в кресле к окну, посмотрел, как фельдшер уходит по улице.

– У нас таких звали: контуженный пыльным мешком из-за угла, – сказал он.

Председатель тоже смотрел в окно.

Ветфельдшер Козулин шел, как всегда, скоро. Смотрел вниз.

– Ружье-то надо забрать у него, – сказал председатель. – А то черт его знает...

Участковый хэкнул.

– Ты что, думаешь, он правда «с приветом»?

– А что?

– Придуривается! Я по глазам вижу...

– Зачем? – не понял председатель. – Для чего ему? Сейчас-то?..

– Ну, как же – никакой ответственности. А вот спроси сейчас справку – нету. Голову даю на отсечение: никакой справки, что он шизя, – нету. А билет есть. Ты говоришь: ружье... У него наверняка охотничий билет есть. Давай на спор: сейчас поеду, проверю – билет есть. И взносы уплачены. Давай?

– Все же я не пойму: для чего ему надо на себя наговаривать?

Участковый засмеялся.

– Да просто так – на всякий случай. Мало ли – коснись: что, чего? – я шизя. Знаем мы эти штучки!

В воскресенье мать-старушка...

А были у него хорошие времена. В войну. Он ходил по деревне, пел. Водила его Матрена Кондакова, сухая, на редкость выносливая баба, жадная и крикливая. Он называл ее – супружница.

Обычно он садился на крыльцо сельмага, вынимал из мешка двухрядку русского строя, долго и основательно устраивал ее на коленях, поправлял ремень на плече... Он был, конечно, артист. Он интриговал слушателей, он их готовил к действию. Он был спокоен. Незрячие глаза его (он был слепой от роду) «смотрели» куда-то далеко-далеко. Наблюдать за ним в эту минуту было интересно. Матрена малость портила торжественную картину – суетилась, выставляла на крыльце алюминиевую кружку для денег, зачем-то надевала на себя цветастую кашемировую шаль, которая совсем была не к лицу ей, немолодой уж... Но на нее не обращали внимания. Смотрели на Ганю. Ждали. Он негромко, сдержанно прокашливался, чуть склонял голову и, продолжая «смотреть» куда-то в даль, одному ему ведомую, начинал...

Песен он знал много. И все они были – про войну, про тюрьму, про сироток, про скитальцев... Знал он и «божественные», но за этим следили «сельсоветские». А если никого из «сельсоветских» близко не было, его просили:

– Гань, про безноженьку.

Ганя пел про безноженьку (девочку), которая просит ласкового боженьку, чтоб он приделал ей ноженьки. Ну – хоть во сне, хоть только чтоб узнать, как ходят на ноженьках...

Бабы плакали.

Матрена тоже вытирала слезы концом кашемировой шали. Может, притворялась, бог ее знает. Она была хитрая.

Пел Ганя про «сибулонцев» (заключенных сибирских лагерей) – как одному удалось сбежать; только он сбежать-то сбежал, а куда теперь – не знает, потому что жена его, курва, сошлась без него с другим.

Пел про «синенький, скромный платочек»...

Слушали затаив дыхание. Пел Ганя негромко, глуховатым голосом, иногда (в самые захватывающие моменты) умолкал и только играл, а потом продолжал. Разные были песни.

В воскресенье мать-старушка

К воротам тюрьмы пришла,

Своему родному сыну

Передачку принесла.

Оттого, что Ганя все «смотрел» куда-то далеко и лицо его было скорбное и умное, виделось, как мать-старушка подошла к воротам тюрьмы, а в узелке у нее – передачка: сальца кусочек, шанежки, яички, соль в тряпочке, бутылка молока...

Передайте передачку,

А то люди говорят:

Заключенных в тюрьмах много –

Сильно с голоду моят.

Бабы, старики, ребятишки как-то все это понимали – и что много их там, и что моят. И очень хотелось, чтоб передали тому несчастному «сидельцу», сыну ее, эту передачку – хоть поест, потому что в «терновке» (тюрьме), знамо дело, несладко. Но...

Ей привратник усмехнулся:

«Твоего тут сына нет.

Прошлой ночью был расстрелян

И отправлен на тот свет».

Горло сжимало горе. Завыть хотелось... Ганя понимал это. Замолкал. И только старенькая гармошка его с медными уголками все играет и играет. Потом:

Повернулась мать-старушка,

От ворот тюрьмы пошла...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
И никто про то не знает –
На душе что понесла.
Как же не знали – знали! Плакали. И бросали в кружку пятаки, гривенники, двадцатики. Матрена строго следила, кто сколько дает. А Ганя сидел, обняв гармошку, и все «смотрел» в свою далекую, неведомую даль. Удивительный это был взгляд, необъяснимо жуткий, щемящий душу.

Потом война кончилась. Вернулись мужики, какие остались целые... Стало шумно в деревнях. А тут радио провели, патефонов повезли – как-то не до Гани стало. Они еще ходили с Матреной, но слушали их плохо. Подавали, правда, но так – из жалости, что человек – слепой, и ему надо как-то кормиться. А потом и совсем – вызвали Ганю в сельсовет и сказали:

– Назначаем тебе пенсию. Не шляйся больше.

Ганя долго сидел молча, смотрел мимо председателя... Сказал:

– Спасибо нашей дорогой советской власти.

И ушел.

Но и тогда не перестал он ходить, только – куда подальше, где еще не «провели» это «вшивое радиво».

Но чем дальше, тем хуже и хуже. Молодые, те даже подсмеиваться стали.

– Ты, дядя... шибко уж на слезу жмешь. Ты б чего-нито повеселей.

– Жиганье, – обиженно говорил Ганя. – Много вы понимаете!

И укладывал гармошку в мешок, и они шли с Матреной дальше... Но дальше – не лучше.

И Ганя перестал ходить.

Жили они с Матреной в небольшой избенке под горой. Матрена занималась огородом. Ганя не знал, что делать. Стал попивать. На этой почве у них с Матреной случались ругань и даже драки.

– Глот! – кричала Матрена. – Ты вот ее пропьешь, пенсию-то, а чем жить будем?! Ты думаешь своей башкой дырявой, или она у тебя совсем прохудилась?

– Закрой варежку, – предлагал Ганя. – И никогда не открывай.

– Я вот те открою счас шумовкой по калгану!.. Черт слепшарый.

Ганя бледнел.

– Ты мои шары не трожь! Не ты у меня свет отняла, не тебе вякать про это.

Вообще стал Ганя какой-то строптивый. Звали куда-нибудь: на свадьбу поиграть – отказывался.

– Я не комик, чтоб под пляску вам наигрывать. Поняли? У вас теперь патефоны есть – под их и пляшите.

Пришли раз молодые из сельсовета (наверно, Матрена сбегала, пожаловалась), заикнулись:

– Вы знаете, есть ведь такое общество – слепых...

– Вот и записывайтесь туда, – сказал Ганя. – А мне и тут хорошо. А этой... моей... передайте: если она ишо по сельсоветам бегать будет, я ей ноги переломаю.

– Почему вы так?

– Как?

– Вам же лучше хотят...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А я не хочу! Вот мне хотят, а я не хочу! Такой я... губошлеп уродился, что себе добра не хочу. Вы мне пенсию платите – спасибо. Больше мне ничего от вас не надо. Чего мне в том обществе делать? Чулки вязать да радио слушать?.. Спасибо. Передайте им всем там от меня низкий поклон.

..Один только раз встрепенулся Ганя душой, оживился, помолодел даже...

Приехали из города какие-то люди – трое, спросили:

– Здесь живет Гаврила Романыч Козлов?

Ганя насторожился.

– А зачем? В общество звать?

– В какое общество?.. Вы песен много знаете, нам сказали...

– Ну, так?

– Нам бы хотелось послушать. И кое-что записать...

– А зачем? – пытал Ганя.

– Мы собираем народные песни. Записываем. Песни не должны умирать...

Догадался же тот городской человек сказать такие слова!.. Ганя встал, заморгал пустыми глазами... Хотел унять слезы, а они текли, ему было стыдно перед людьми, он хмурился и покашливал и долго не мог ничего сказать.

– Вы споете нам?

– Спою.

Вышли на крыльцо. Ганя сел на приступку, опять долго устраивал гармонь на коленях, прилаживал поудобней ремень на плече. И опять «смотрел» куда-то далеко-далеко, и опять лицо его было торжественное и умное. И скорбное, и прекрасное.

Был золотой день бабьего лета, было тепло и покойно на земле. Никто в деревне не знал, что сегодня, в этот ясный, погожий день, когда торопились рубить капусту, ссыпать в ямы картошку, пока она сухая, сжигать на огородах ботву, пока она тоже сухая, – никто в этот будничный, рабочий день не знал, что у Гаврилы Романыча Козлова сегодня – праздник.

Пришла с огорода Матрена.

Навалился на плетень соседский мужик, Егор Анашкин... С интересом разглядывали городских, которые разложили на крыльце какие-то кружочки, наострились с блокнотами – приготовились слушать Ганю.

– Сперва жалобные или тюремные? – спросил Ганя.

– Любые.

И Ганя запел... Ах, как он пел! Сперва пел про безбоженьку. Подождал, что скажут. Ждал напряженно и «смотрел» вдаль.

– А что-нибудь такое... построже... Нет, это тоже хорошая! Но... что-нибудь – где горе настоящее...

– Да рази ж это не горе – без ног-то? – удивился Ганя.

– Горе, горе, – согласились. – Словом, пойте, какие хотите.

Как на кладбище Митрофановском
Отец дочку родную убил, –
запел Ганя. И славно так запел, с душой.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Это мы знаем, слышали, – остановили его.

Ганя растерялся:

– А чего же тогда?

Тут эти трое негромко заспорили: один говорил, что надо писать все, двое ему возражали: зачем?

Ганя напряженно слушал и все «смотрел» туда куда-то, где он, наверно, видел другое – когда слушали его и не спорили, слушали и плакали.

– А вот вы говорили – тюремные. Ну-ка тюремные.

Ганя поставил гармонь рядом с собой. Закурил.

– Тюрьма – это плохое дело, – сказал он. – Не приведи господи. Зачем вам?

– Почему же?!

– Нет, люди хорошие, – будет. Попели, поиграли – и будет. – И опять жесткая строптивость сковала лицо.

– Ну просят же люди! – встряла Матрена. – Чего ты кобенисся-то?

– Закрой! – строго сказал ей Ганя.

– Ишак, – сказала Матрена и ушла в огород.

– Вы обиделись на нас? – спросили городские.

– Пошто? – изумился Ганя. – Нет. За что же? Каких песен вам надо, я их не знаю. Только и делов.

Городские собрали свои чемоданчики, поблагодарили Ганю, дали три рубля и ушли.

Егор Анашкин перешагнул через низенький плетень, подсел к Гане.

– А чего, правда, заартачился-то? – поинтересовался он. – Спел ба, может, больше бы дали.

– Свиной-то вырастил? – спросил Ганя после некоторого молчания.

– Вырастил, – вздохнул Егор. – Теперь не знаю, куда с имя деваться, черт бы их надавал. Сдуру тада – разрешили: давай по пять штук! А куда теперь? На базар – там без меня навалом, не один я такой...

Егор закурил и задумался.

– Эх ты, поросятинка! – вдруг весело сказал Ганя. – На-ка трешку-то – сходи возьми бутылочку. За здоровье свинок твоих... и чтоб не кручинился ты – выпьем.

Самые первые воспоминания

Я начинаю помнить себя с такого случая.

Знойный полдень. Сенокос. В селе, на улицах – ни души. Только иногда по улице проскочит верховой или протарахтят дрожки, и опять надолго установится сухая, горячая тишина.

Я сижу на дороге в мягкой шелковистой пыли, стряпаю пирожки. Это делается просто: надо принести из дома ковш воды и эту воду понемножку плескать в пыль. Образуются вязкие комочки грязи. Из них-то и лепятся пирожки. Но пирожки – пирожками... Делаются они для того, чтобы разложить их потом рядком поперек дороги и ждать, когда поедет какой-нибудь мужик. Ждать приходится подолгу. Наконец в конце улицы показался мужик на телеге. Я залезаю в крапиву у прясла (крапива у нас растет высокая, в рост человеческого, и жалит только ее верхняя часть. Внизу же можно спокойно спрятаться) и оттуда смотрю, как приближается телега. Она все

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru ближе, ближе... У меня замирает сердце: сейчас проедет по моим пирожкам. Мужик увидел пирожки, оглянулся по сторонам, лениво подстегнул коня... Я с каким-то непостижимым трепетным волнением вижу, как сперва лошадиные ноги расшвыривают мои пирожки, потом по ним проехали четыре колеса. Выскакиваю из крапивы и стою над пирожками. Почти все погибли. Те, что с краю, уцелели, а средние все погибли. Снова принимаюсь стряпать и выстраивать рядок поперек дороги. Есть в этой работе какой-то смысл. Наверно. Вот что: мужик до последнего момента не видит мои пирожки на дороге, а я знаю, что они лежат там, и я знаю также, что, увидев их, мужик оглянется. Я это знаю и заранее жду, когда он оглянется. И меня охватывает сладостный восторг и волнение, когда он оглядывается. И еще – очень приятно сидеть в пыли. У меня, конечно, на ногах «цыпки», но это уже больше беспокоит маму. Вечером она будет отмывать меня у колодца.

Вот за таким-то занятием, когда я мирно сидел и стряпал пирожки, меня захватил соседский бычок. Он был бодливый, как черт, я его ужасно боялся. Мы, ребята, все его боялись. Мы его дразнили издали, а когда он, нагнув голову, кидался на нас, мы разбежались, кто куда. А тут я, занятый за пирожками, проглядел его. Увидел, когда он был шагах в пяти. Он стоял и смотрел на меня. Я вскочил было, чтобы бежать, и тут же сел – ноги отказали. А телок взбрыкнул задними ногами, зловеще мэкнул и помчался ко мне. Я, кажется, заранее упал на спину. Он принялся катать меня по дороге. Я молчал. Потом ко мне вернулся голос, и я заорал. Заорал так, что телок отскочил, расставил передние ноги и долго и глупо смотрел на меня. Кто-то выскочил из избы и выручил меня.

Вечером в нашей избе появилась грязная сухая цыганка с большими вороватыми глазами. Я лежал на печке, а цыганка шуршала в кути, у печки, юбками и торопливо шептала. Мама с надеждой и подозрительно смотрела на нее. Цыганка растопила в ложке воск, вылила тот воск в стакан с водой – там образовался какой-то желтый бесформенный комочек. Цыганка торопливо закивала маленькой галочьей головой. Я не помню, что она говорила, что-то говорила. Помню, как мама сказала:

– Телок напугал-то, а не собака.

Потом они говорили про нашего петуха. Цыганка почему-то кричала, мама тоже сердилась и говорила:

– Ишь ты какая! Ишь ты! – Потом я выпил теплую воду из стакана, над которым колдовала цыганка, и уснул.

Потом помню себя за таким занятием.

Жилось нам тогда, видно, туго. Недоедали. Мама уходила на работу, а нас с сестрой оставляла у деда с бабкой. Там мы и ели. И вот... Дед строгаёт в завозне, бабка полет в огороде грядки.

Я сижу у верстака и сцепляю золотисто-солнечные кольца стружек. И вдруг вспоминаю, что у бабки в шкафу лежат шанежки. Выхожу из завозки и направляюсь к дому. На дверь накинута замочка – просто так, без ключа. (Сестра в огороде с бабкой.) Если замочка вынуть из пробоя и открыть дверь, бабка услышит и спросит: «Ты чего там, Васяка?» А мама наказывала – я это хорошо помню – не надоедать деду и бабке, особенно деду, не просить есть: сколько дадут, столько и ладно.

Окно в избу открыто. Оттуда пахнет свежеспеченным хлебом и побеленным шестком. В углу стоит, тускло поблескивая стеклами, пузатый шкаф – там шанежки.

Я влезаю в окно и осторожно, на цыпочках, иду по крашеному полу... Открываю шкаф, беру самую маленькую шаньгу и тем же путем убираюсь из избы. Ворю до того что-нибудь или нет, не помню. Но я помню, как я крался по избе на цыпочках. Откуда-то я знал, что так надо.

Вечером бабка, посмеиваясь, рассказывала маме, как я лазил в окно (она из огорода все видела). Мама не смеялась. У нее было недовольное лицо.

– Вы сами-то уж сроду не догадаетесь... Скупые вы шибко, мам, уж до чего скупые.

Бабка обиделась:

– Кормим ведь... Чего же скупые? Да он и есть-то не хотел. Так – пакостник.

Еще помню такое.

Стоит у нас посреди избы страшный маленький человек с рыжей бородой – Яша Горячий, грозит пальцем и говорит: «Ты меня не пужай, не пужай – отпужались». А мама стоит перед ним и говорит негромко: «Ну, смотри, Яша, смотри... Я тебя не пужаю... Не доактивничать бы тебе».

Потом Яша полез на полаты и стал оттуда сбрасывать березовые чурбаки. (Березник около села запрещалось рубить, но его рубили и прятали, где могли. Яша Горячий, сельский активист, искал его по домам.)

И еще одно такое помню:

Пропал у нас телок. Телка самого не помню, а помню, как мы его искали. Мы пошли с мамой за село, к озерам. Уж вечерело. Звали мы его, звали: «Тпруся! Тпруся!» – нет телка, как провалился. Вдруг мама села на землю и сказала: «Ой, сынок, мне что-то плохо... Господи, господи... Дорогу домой найдешь? Беги скорей к бабке...»

Я сказал, что найду. Помню: бежал. Я воображал, что я на коне. Кричал сам себе: «Но!» – взбрыкивая ногами, ржал...

Бабка перепугалась. Я предложил ей тоже сесть на коня и гнать вмах. Но та только махнула рукой и семенила рысью.

Мама повстречалась нам недалеко за селом. Она тихонечко шла по дороге и держалась за грудь.

Они о чем-то стали говорить с бабкой, а я шел сзади «пешком».

Потом я начинаю помнить свою сестру.

Я как-то до этого не знал ее существования, а тут, помню, был я в яслях, и мне там что-то не понравилось. Я нашел Наташку, сестру, и мы с ней убежали из яслей. Мы шли через всю деревню, взрослые останавливались и спрашивали меня: «Ты куда ее ведешь-то, Васька?» Я отвечал: «Домой. Мне мама так велела», – врал. Вообще, я очень рано научился врать.

Мамы, конечно, не было дома. Мы с Наташкой сели на крыльцо и уснули.

Еще случай в яслях.

Ясли были двухэтажные. Окна открыты. Я влез на подоконник на втором этаже, сел и свесил ноги. И тут увидел маму. Она мне снизу негромко говорит:

– Васё-ё, слась, сынок, с окна. Слась, я посмотрю, как ты слезешь. Только туда, в избу слась... Ну-ка... – Я слез с подоконника.

Потом мама вбежала, взяла меня на руки и понесла. А на лестнице встретилась нам наша няня, толстая молодая тетка. Мама опустила меня с рук, а няня побежала от нас. Вниз. Мне стало смешно.

– Корова семинтальская! – Мама ничего не боялась. Потом, когда я уж стал взрослее, я слышал рассказ о том, как нас хотели выселить из избы. Отца арестовали и угнали в район, в «каталажку». А к нам на другой день пришли двое:

– Вытряхивайтесь.

Так стали мы жить. Голоду натерпелись и холоду. На всю жизнь я сохранил к матери любовь. Всегда ужасно боялся, что она умрет – она хворала часто.

Потом в нашей избе появился другой отец. Жить стало легче.

А потом грянула война, и другого нашего отца не стало – убили на Курской дуге.

Опять настали тяжелые времена. Вот отсюда, пожалуй, я и начну рассказ.

Начну рассказ с того времени, с какого помню почти каждый свой день – с двенадцати лет. Для начала только расскажу о своем селе.

Село наше большое...

Я родился в 1929 году (в «Мордве»). Уже колхозы были. Отец с матерью были колхозниками.

В 1933 году отца «взяли». Сказали: «Хотел, сволочь такая, восстание подымать». Еще многих «взяли» из деревни. Больше мы их никогда не видели. Все они в 1957 году полностью реабилитированы «за отсутствием состава преступления».

Остались мы с мамой: мне три с лишним года, Наташке, сестре, – семь месяцев. Маме – двадцать два.

Нас хотели выгнать из избы. Пришли двое:

– Вытряхивайтесь.

Мы были молоды и не поняли серьезность момента. Кроме того, нам некуда было идти. Мама наотрез отказалась «вытряхиваться». Мы с Наташкой промолчали. Один вынул из кармана «наган» и опять сказал, чтоб мы вытряхивались. Тогда мама взяла в руки безмен и стала на пороге. И сказала: «Иди, иди. Как дам безменом по башке, куда твой «наган» девается». И не пустила – ушли. А мама потом говорила: «Я знала, что он не станет стрелять. Что он, дурак, что ли?»

Прожито тридцать лет – точно песню пропел. И пропел, кажется, неважно. Жалко. Песня была хорошая.

Село родное

Село наше большое, Сростки называется. Стоит оно на берегу красавицы Катунь. Катунь в этом месте вырвалась на волю из каменистых теснин Алтая, разбежалась на десятки проток, прыгает, мечется в камнях, ревет... Потом, ниже она несколько успокаивается, круто заворачивает на запад и несется дальше – через сорок километров она встретит свою величавую сестрицу Бию и умрет, породив Обь. В месте слиянья рек далеко еще виден светлый след своенравной Катунь – вода в ней белая.

Образовалось село в 60-е годы прошлого века, когда началось печальное переселение людей российских в Сибирь, на вольные земли.

Приходили рязанские, самарские, тверские, вятские, котельнические и оседали здесь. Строились пришлые ближе к своим... Наверно, поначалу было несколько небольших деревень, а потом, со временем, все срослось – в Сростки. Но зато в одном селе образовалось несколько краев с разными обычаями и говором. Было пять краев: Баклань, Низовка, Мордва, Дикари и Голожопка. Так было еще при мне.

Баклань – это коренные сибиряки, чалдоны. Угрюмоватые, скуластые, здоровые... Мужики ходили – руки в брюки, не торопились, смотрели снисходительно, даже презрительно. Если бывали не среди своих – помалкивали. Работяги. Лишнюю копейку не пропьют. Все – рыбаки, охотники. У всех лодки. Катунь знали верст на пятьдесят вверх и вниз по течению. Драться не любили, но умели.

Бабы бакланские – чистюли, рожать много не любили, тоже очень работящие, но не искусницы. Так все больше – Кочугановы, Борзенковы, Кукусины. Говорили так: «Дак это, ты чё этот день делаешь-то?» – «Ничё». – «Сплавам в островишко, посмотрим?» – «Дак это, у меня припасишки вышли». – «Я посмотрю, у меня, однако, есть маленько – дам». – «Но дак, а чё – дай. Я, этто, на днях в городишко сбегая, привезу». Договорились плыть на охоту; один другому пообещал дать ружейных припасов.

Низовка – это что-то среднее между чалдонами и «расейскими». Мужики красивые, драчуны, вечно на ножах с Бакланью. Дома строили крестовые, селились кучно. Там – Байкаловы, Любавины, Пономаревы, Морчуговы, Быстровы... Говорили правильно, немного нажимали на «р».

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Здоррово.

– Слава богу. – И все. Говорить тоже не любили много. Уважали в человеке силу. По праздникам бились на кулаках. Гуляли «справно», хвастались друг перед другом столами – тем, что выставлялось на стол для гостей. Считалось, что мужик живет хорошо, если частенько гуляет. Вообще, в селе гуляли много. Но алкоголиков как-то не было.

Мордва, Дикари и Голожопка – это «расея»: Поповы, Бедаревы, Дегтяревы, Докучаевы, Бровкины, Колокольниковы. Это края большие, крикливые, песенные. Там «чавокали», «надыськали», «явокали»... Там хлебоборобы, лошадниги, плотники. Там, если гуляли, – с треском, с поножовщиной, с песнями, от которых грустно становилось. Там умели поговорить, умели словчить в деле... Мужики не такие крупные, как в Баклани или Низовке, но верткие и дружные: где один не справится – приведет орду. Там любили землю, редко кто охотился или рыбачил. Там знали толк в пашне, в лошадях... Уважали справных хозяев. Там семьи огромные, и там все – родня.

Бабы там бойкие, несколько запыленные. По пустяку поднимет такой крик, хоть беги. Поймала соседского парнишку в своем огороде, отодрала крапивой, потом пошла по улице:

– Это что же делается-то на белом свете, тошно мнеченьки! Это как же жить-то дальше?.. Выпростал весь горох, окаянный варнак! Весь огород потоптал. Да вить, от так доберется – дом подожжет!

Мужики баб не слушали. Случалось – поколачивали под пьяную руку, и крепко.

Большое село. Вообще, в Сибири села большие. Любят рассказывать такую присказку: «Еду, значит, гляжу – деревня. «Какая деревня?» – «Ярки». Ладно. Лег, поспал маленько, просыпаюсь – опять деревня. Опять: «Какая деревня?» – «Ярки»... и так далее, пока не надоест рассказывать.

А за селом нашим – благодать и раздолье. Уже начинаются горы, но это еще не горы, это – «кучугуры», как их у нас называют – предгорье. Холмы, луга, долины, опять холмы – все в зелени, бесконечные «околки», согры, услоны, солонцы, гривы... Травы – по грудь, в траве ягоды всякой, змей полно. Едет человек по траве на коне, конь то и дело шарахается в сторону – змеи. Змеи одолевают особенно на покосе. Бывает так, что проспит человек в шалаше всю ночь, утром просыпается – рядом, свернувшись кольцом, лежит змея. Или: только ляжет, укроется одежкой, слышит – по ногам, по одежке, ползет... Человек вскакивает, запалает смоленую веревку и носится по шалашу с палкой, заранее приготовленной с вечера, лупит змею, материт ее на чем свет стоит. И знали, впрочем, что через веревку, свитую из конского хвоста, змея не может переползти, и даже, может быть, лежит у него такая веревка в телеге – вожжи волосяные, – но воспользоваться этим как-то лень. Безалаберность какая-то русская: «А-а... один черт». И все. Сказал так и лег спать. Впрочем, сонных змеи кусали редко.

А в сограх и в лесах подальше – волки. Волков били с удовольствием. Искали пары, душили выводки. Еще – барсучили. Это дело тоже азартное.

По сограм – воронье, сорочья, галки... Тучи!

А над всем этим – синее-синее алтайское небо. Рдеет, дрожит вдалеке горячий воздух, день-деньской висит над косогорами сухой стрекотный звон кузнечиков. А вечерами пахнет полынью, дымком, волглой пылью... Кричат перепела, кричат на озерах утки... И далеко, далеко слышно, как кипит в камнях бешеная Катунь. А на западе вполне пластает соломенный пожар зари; задумчиво на земле, хорошо...

Из детских лет Ивана Попова

Первое знакомство с городом

Перед самой войной повез нас отчим в город Б. Это ближайший от нас, весь почти деревянный, бывший купеческий, ровный и грязный.

Как горько мне было уезжать! Я невлюбил отчима и, хоть не помнил родного отца, думал: будь он с нами, тятя-то, никуда бы мы не засобирались ехать. Назло отчиму (теперь знаю: это был человек редкого сердца – добрый, любящий... Будучи холостым парнем, он взял маму с двумя детьми), так вот назло отчиму, папке назло – чтобы

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru он разозлился и пришел в отчаяние, – я свернул огромную папиросу, зашел в уборную и стал «смолить» – курить. Из уборной из всех щелей повалил дым. Папка увидел... Он никогда не бил меня, но всегда грозился, что «вольет». Он распахнул дверь уборной и, подбоченившись, стал молча смотреть на меня. Он был очень красивый человек, смуглый, крепкий, с карими умными глазами... Я бросил папироску и тоже стал смотреть на него.

– Ну? – сказал он.

– Курил... – хоть бы он ударил меня, хоть бы щелкнул разок по лбу, я бы тут же разорался, схватился бы за голову, испугал бы маму... Может, они бы поругались, и, может, мама заявила бы ему, что никуда она не поедет, раз он такой – бьет детей.

– Я вижу, что курил. Дурак ты, дурак, Ванька... Кому хуже-то делаешь? Мне, что ли? Пойду сейчас и скажу матери...

Это не входило в мои планы, и это могло мне выйти боком – мама-то как раз и отстегала бы меня. Я догнал папку...

– Папка, не надо, не ходи!

– Зачем ты куришь, дурачок, с таких лет? Ведь это ж сколько никотину скопится за целую жизнь! Ты только подумай, голова садовая. Скажи, что больше не будешь, – не пойду к матери.

– Не буду. Истинный мой бог, не буду.

– Ну смотри.

...И вот едем в город – переезжаем. На телеге наше добро, мы с Талей сидим на верхотуре, мама с папкой идут пешком. За телегой, привязанная, идет наша корова Райка.

Таля, маленькая сестра моя, радуется, что мы едем, что нам еще далеко-далеко ехать. Невдомек ей, что мы уезжаем из дома. Вообще-то, мне тоже нравится ехать. Вольно кругом, просторно... Степь. В травах стоит несмолкаемая трескотня: тысячи маленьких неутомимых кузнецов бьют и бьют крохотными молоточками в звонкие наковаленки, а сверху из жаркой синевы льются серебряные ниточки... Наверно, эти-то тоненькие ниточки и куют на своих наковаленках маленькие кузнецы и развешивают сверкающими паутинками по траве. Рано утром, когда встает солнце, на ниточки эти, протянутые от травинки к травинке, кто-то нанизывает изумрудный бисер – зеленое платье степи блестит тогда дорогами нарядами.

Мы останавливаемся покормиться.

Папка выпрягает коня, пускает его по бережку. Райка тоже пошла с удовольствием хрумтеть сочным разнотравьем. Мы раскладываем костерок – варить пшенную кашу. Хорошо! Я даже забываю, что мы уезжаем из дома. Папка напоминает:

– Вот здесь наша река последний раз к дороге подходит. Дальше она на запад поворачивает.

Мы все некоторое время молча смотрим на родимую реку. Я вырос на ней, привык слышать днем и ночью ее ровный, глуховатый, мощный шум... Теперь не сидеть мне на ее берегах с удочкой, не бывать на островах, где покойно и прохладно, где кусты ломятся от всякой ягоды: смородины, малины, ежевики, черемухи, облепихи, боярки, калины... Не заводиться с превеликим трудом – так, что ноги в кровь и штаны на кустах оставить, – бечевою далеко вверх и никогда, может быть, не испытать теперь величайшее блаженство – обратный путь домой. Как нравилось мне, каким взрослым, несколько удрученным заботами о семье мужиком я себя чувствовал, когда собирался вверх «с ночевой»! Надо было не забыть спички, соль, ножик, топор... В носу лодки свалены сети, невод, фуфайки. Есть хлеб, картошка, котелок. Есть ружье и тугой, тяжелый патронташ.

– Ну, все?

– Все вроде...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Давайте, а то поздно уже. Надо еще с ночевкой устроиться. Берись!

Самый хитрый из нас, владелец ружья или лодки, отправляется на корму, остальные, человека два-три, – в бечеву. Впрочем, мне и нравилось больше в бечеве, правда, там горсть смородины на ходу слупись, там второпях к воде припадешь горячими губами, там надо вброд через протоку – по пояс... Да еще сорвешься с осклизлого валуна да с головой ухнешь... Хорошо именно то, что все это на ходу, не нарочно, не для удовольствия. А главное, ты, а не тот, на корме, основное-то дело делаешь...

Эх, папка, папка! А вдруг да у него не так все хорошо пойдет в городе? Ведь едем-то мы – попробовать. Еще неизвестно, где он там работу найдет, какую работу? У него ни грамоты большой, ни специальности, и вот надо же – поперся в город и еще с собой трех человек потащил. А сам ничего не знает, как там будет. Съездил только, договорился с квартирой, и все. И мама тоже... Куда согласилась? Последнее время, я слышал, все шептались по ночам: она вроде не соглашалась. Но ей хотелось выучиться на портниху, а в городе есть курсы... Вот этими курсами-то он се и донял. Согласилась. Попробуем, говорит. Ничего, говорит, продавать не будем, лишнее, что не надо, рассуем для хранения по родным и поедем, попробуем. А папке страсть как охота куда-нибудь на фабрику или в мастерскую какую – хочется ему стать рабочим, и все тут. Ну, вот и едем.

...Приехали в город затемно. Я не видел его. Папка чудом находил дорогу: сворачивали в темные переулки, громыхали колесами по бульжнику улиц... Раза два он только спрашивал у встречных, встречные объясняли что-то на тарабарском языке: надо еще до конца Осоавиахимовской, потом свернуть к Казармам, потом будет Дегтярный... Папка возвращался к нам и говорил, что все правильно – верно едем. Мы с Талей и мама притихли. Только папка один храбрился, громко говорил... Наверно, чтоб подбодрить нас.

По бокам темных улиц и переулков стояли за заборами большие дома. В окнах яркий свет.

– Господи, да когда же приедем-то? – не выдержала мама. Это же самое удивляло и меня: казалось, что мы, пока едем по городу, проехали пять таких деревень, как наша. Вот он, город-то!

– Скоро, скоро, – бодрится папка. – Еще свернем на одну улицу, потом в переулок – и дома.

Дома!.. Смелый он человек, папка. Я его уважаю. Но затею его с городом все-таки не могу принять. Страшно здесь, все чужое, можно легко заблудиться.

Не заблудились. Подъехали к большому дому, папка остановил коня.

– Здесь. Счас скажу, что приехали...

– Скорей там, – велит мама.

– Да скоро! Скажу только...

В переулке темно. Я чувствую, мама боится, и сам тоже начинаю бояться. Одной Тале – хоть бы хны.

– Мам, мы тут жить станем?

– Тут, доченька... Заехали!

– Уговори ты его назад, домой, – советую я.

– Да теперь уж... Вот дура-то я, дура!

Папки, как на грех, долго нету. В доме горит свет, но забор высокий, ничего в окнах не видно.

Наконец появился папка... С ним какой-то мужик.

– Здравствуйте, – не очень приветливо говорит мужик. – Заезжай, я покажу, куда

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
ставить. Барахла-то много?

– Откуда!.. Одежка кой-какая да постелишка.

– Ну, заезжайте.

Пока перетаскивают наши манатки, мы сидим с Талей в большой, ярко освещенной комнате на сундуке в углу. В комнату вошел долговязый парнишка... с самолетом. Я прирос к сундуку.

– Хочешь подержать? – спросил парнишка.

Самолет был легкий, как пушинка, с тонкими размашистыми крыльями, с винтиком впереди... Таля тоже потянулась к самолету, но долговязый не дал.

– Ты изломаешь.

Талья захныкала и все тянулась к самолету – тоже подержать. Долговязый был неумолим. И во мне вдруг пробудилось чудовищное подхалимство, и я сказал строго:

– Ну, чего ты? Изломаешь, тогда что?! – мне хотелось еще разок подержать самолет, а чтоб долговязый дал, надо, чтоб Талья не тянулась и нечаянно не выхватила бы его у меня.

Тут вошли взрослые. Отец долговязого сказал сыну:

– Иди спать, Славка, не путайся под ногами.

Когда остались мы одни, я вдруг обнаружил, что свет-то – с потолка!.. Под потолком висела на шнуре стеклянная лампочка, похожая на огурец, а внутри лампочки – светлая паутинка. Я даже вскрикнул:

– Гляньте-ка!..

– Ну что? Электричество. Ты, Ванька, поменьше теперь ори – не дома.

Тут вступилась мама:

– Парнишке теперь и слова нельзя сказать?

– Да говори он, сколько влезет, – потихоньку. Чего заполошничать-то?

Они еще поговорили в таком духе – частенько так разговаривали.

– Завез, да еще недовольный...

– Ну и давай теперь на каждом шагу: «Гляди-ка! Смотри-ка!» Смеяться ведь начнут.

– Ну и не одергивай каждый раз парнишку!

– погоди, сядет он тебе на шею, если так будешь...

А как, интересно? самого отец чуть не до смерти зашиб на покосе за то, что он, мальчишкой, побоялся распутать и обратить шкодливую кобылу – лягалась... Сам же нет-нет да вспомнит про это и обижается на своего отца. Его тогда, маленького-то, насилу откачала мать, бабушка наша неродная. А на шею я никому не сяду, не надо этого бояться.

Мы легли спать.

Долго мне не спалось. Худое было на душе. За стеной громко, с присвистом храпел хозяин, чуждо гудели под окнами провода, проходили по улице – группами – молодые парни и девки, громко разговаривали, смеялись. Почему-то вспомнилось, как родной наш дедушка, когда выпьет медовухи, всякий раз спрашивает меня:

– Ванька, какое самое длинное слово на свете?

Я давно знаю, какое, а чтоб еще раз услышать, как он выговаривает это слово,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru хитрю:

– Не знаю, деда.

– А-а!.. – и начинает: – Интре... интренацал... – и потом только одолевает: – Ин-тер-на-ци-о-нал!

Мы покатываемся со смеху – мама, я и Таля.

– Эх вы!.. Смешно? – обижается бабушка. – Ну, валяйте, смейтесь.

Можно бы сейчас написать, что в ту ночь мне снились большие дома, самолет, лампочка... Можно бы написать, но не помню, снилось ли. Может, снилось.

Утром я проснулся оттого, что прямо под окном громко сморкался хозяин и приговаривал:

– Ты гляди што!.. Прямо круги в глазах.

Мамы и папки не было. Таля спала. Я стал думать: как теперь пойдет жизнь? Дружков не будет – они, говорят, все тут хулиганистые, еще надают одному-то. Речки тоже нету. Она есть, сказывал папка, но будет далеко от нас. Лес, говорит, рядом, там, говорит, корову будем пасти. Но лес не нашенский, не острова – бор, – это страшновато. Да и что там, в бору-то? – грузди только.

Тут вдруг в хозяйской половине забегали, закричали... Я понял из криков, что Славка засадил в ухо горошину. Всем семейством они побежали в больницу. Я встал и пошел в их комнату – посмотреть, какие в городе печки. Говорили, какие-то чудные. Открыл дверь... и не печку увидел, а аккуратную белую булочку на столе. Потом я узнал, что их зовут – сайки. Никого в комнате не было. Я подошел к столу взял сайку и пошел к Тале. Она как раз проснулась.

– Ой! – сказала она. – Дай-ка мне.

– Всю, что ли?

– Да зачем?.. Смеряй ниточкой да отломи половинку. Это мама купила?

– Дали. Славка дал.

Разломил саечку и стали есть, сидя на кровати. Никогда не ел такого вкусного хлеба. До чего же душистый, мягкий, чуть солоноватый, даже есть жалко; я все поглядывал, сколько осталось. Мы не услышали, как открылась дверь... Услышали:

– Уже пакостить начали? – с порога на нас глядела хозяйка. У меня все оборвалось внутри. – Зачем ты взял сайку?

И – вот истинный бог, не вру – я сказал:

– Я думал, она чужая.

– Чужая... Нехорошо так делать. Это – воровство называется. Я вот скажу отцу с матерью...

Что-то я вконец растерялся... Вдруг спросил:

– Горошину-то вытащили?

– О какой! – удивилась хозяйка. – Хитрит еще, – и ушла.

Мне стало совсем невмоготу.

– Пойдем домой? – предложил я Тале.

– Счас, давай только доедим, – легко согласилась она. Она твердо помнила наказ мамы: не есть на ходу, а – сядь, съешь, чего у тебя там есть, тогда уж ходи или бегай.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Я увидел в окно, что хозяйка пошла в сарай, и заторопил Талю. Она было заупрямилась, но все же пошла.

Я помнил, что мы к воротам подъехали слева, если стоять к ним лицом, значит, теперь надо – вправо. Пошли вправо. Дошли до перекрестка... Я не знал, как дальше. Спросил какого-то дяденьку:

– Как бы нам до Ч-ского тракта дойти?

– А зачем? – спросил дяденька.

– Нам мама сказала туда идти. Она нас там поджидает, – раньше всего другого, что значительно облегчает эту жизнь, я научился врать. И когда врал и мне не верили, я чуть не плакал от обиды. Дяденька внимательно посмотрел на меня, на Талю... И показал:

– Вот так прямо – до перекрестка, потом улица налево пойдет – по ней, а там, как дойдешь до водонапорной башни, большая такая, там спроси снова.

От водонапорной башни дорогу дальше показала тетенька и даже прошла с нами немного.

Долго ли, коротко ли мы шли, а к Ч-скому тракту вышли. Там мы сели на взгорок и стали ждать, кто бы нас подвез до нашей деревни. Там, на взгорке, к вечеру уже, нашли нас мама с папкой. Таля плакала – хотела есть, мной потихоньку овладевало отчаяние...

– Таленька!.. Доченька ты моя-а!..

Я думал, мне крепко влетит. Нет, ничего.

Скоро началась война. Мы вернулись в деревню...

Папку взяли на войну.

В 1942 году его убили.

Гоголь и Райка

В войну, с самого ее начала, больше всего стали терзать нас, ребяташек, две беды: голод и холод. Обе сразу наваливались, как подступала бесконечная наша сибирская зима со своими буранами и злыми морозами. Летом – другое дело. Летом пошел поставил на ночь перемета три-четыре, глядишь, утром – пара налимов есть. (До сего времени сладостно вздрагивает сердце, как вспомнишь живой, трепетный дёрг бечевы в руках, чириканье ее по воде, когда он начинает там «водить».) Или пошел назорил в околках сорочьих яиц, испек в золе – сыт. Да мало ли! Будь попроворней да имей башку на плечах – можно и самому прокормиться, и домой принести. Но зима!.. Будь она трижды проклята, эта зимушка-зима! И воет и воет над крышей, хлопает плахами... Все тепло, какое было с утра в избе, все к вечеру высвистит, сколько ни наваливай на порог, под дверь, тряпья, как ни старайся утеплить окна. Или наладятся такие морозы, что в сенцах трескотня стоит и, кажется, вот-вот, еще маленько поддаст, и полопаются стекла в окнах. Выскочишь на минуту в ограду, в пригон – тебя точно в сугроб голенького, и рот ледяной ладошкой запечатают. А в пригоне – корова... Вот горе-то: сена в обрез, ей жевать и жевать в такую стужу, а где возьмешь, зиме еще конца не видно. Сделаешь свое малое дело и пулей опять в избу – от холода жгучего, в нестерпимой боли за корову: чтоб уж хоть не видеть ее, понурую, всю в инее, с печальными глазами. И в избе нет покоя: тут – худо-бедно – согреешься, а она там стоит... И только на ночь дадим ей охалку сена, и все. И так и видишь все время бесконечно печальные коровьи глаза – прямо в душу глядят. Она ведь кормилица. Она по весне принесет молоко и теленка – это такая суматошная радость в эти дни, когда наша Райка (корова) вот-вот отелится. Тут весна, теплеет уже, а тут скоро заскользит по полу нежными копытцами, может, бог даст, телочка. (Мы в прошлом году сдали телочку в колхоз. Нам дали муки, много жмыха и чайник меда. Долго, конечно, такого праздника ждать – лето, зиму и еще лето, – но тем он и дороже, праздник-то. Да и есть что ждать.) В такие дни, весной, у нас в избе идет такой тарарам, что душа заходится от ликующего, делового чувства. Я то и дело выскакиваю смотреть Райку, щупаю ее теплое брюхо, хоть ни шиша не смыслу в этом. Таля тоже бегают со мной, тоже щупает Райкино брюхо... Райка, повернув голову,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru смотрит на нас дымчато-влажными глазами, нежными глазами – она тоже ждет теленка, она, наверно, понимает наше суетливое беспокойство.

– Вань, скоро?

– Ночью, наверно, опростается.

Всю ночь у нас горит свет; мама ходит к Райке, тоже щупает ее брюхо... Приходит и говорит:

– Прямо близко уже... Слышно: толкается ногами-то, толкается, а все никак. Уж не беда ли с ней? Матушка-царица небесная, не допусти до смерти голодной. Куда мы тогда денемся?

Тревожная, страшная ночь.

А рано поутру наш дедушка смотрит Райку и говорит нам всем:

– Чего заполошничаете-то? Сегодня к ночи только... Детей пужаешь, дуреха! – Это он на маму, потому что к утру мы с Талей бываем зареванными. Сколько счастья приносил нам дедушка!

А теперь – еще зима. Я на стенке начертил в ряд столько палочек, сколько осталось дней до марта. Вычеркиваю вечерами по одной, но их еще так много!

Но бывала у меня одна радость – неповторимая, большая – и зимой: в долгие вечера я читал на печке маме и Тале книги.

С книгами у меня целая история. Я каким-то образом научился читать до школы: учил меня дядя Павел (тот сам читать страсть как любил и даже пытался сочинять стихи, и говорит, когда он был на войне, то некоторые его стихи печатали во фронтовой газете. Наверно, неправду говорит, он прихвастнуть любит: когда мне теперь попаласть тетрадка его стихов, они поразили меня своей бестолковщиной)... Словом, как только я еще и в школе поднаторел и стал читать достаточно хорошо, я впился в книги. Я их читал без разбора, подряд, какие давала библиотекарша. Она удивлялась и не верила:

– Уже прочитал?

– Прочитал.

– Неправда. Надо, мальчик, до конца читать, если берешь книги. Вот возьми и дочитай.

Что с ней было делать? Брал книжку обратно, терпел дня два и шел опять. Потом я наловчился воровать книги из школьного книжного шкафа. Он стоял в коридоре, шкаф, и когда летом школу ремонтировали, в коридор – вечерком, попозже – можно было легко проникнуть. Дальше – еще легче: шкаф двустворчатый, два колечка на краях створок, замок с дужкой... Приоткроешь створки – щель достаточна, чтоб пролезла рука: выбирай любую! Грех говорить, я это делал с восторгом. Я потом приворовывал еще кое-что по мелочи, в чужие огороды лазил, но никогда такого упоения, такой зудящей страсти не испытывал, как с этими книгами.

Маме нравилось, что я много читаю. Но вот выяснилось, что учусь я в школе на редкость плохо. Это пришла и рассказала учительница. Они с мамой тут же установили причину такого страшного отставания – книги. (Парень-то я был не такой уж совсем дремучий.) А тут еще какая-то дура сказала маме, что нельзя, чтобы парнишка так много читал, что бывает – зачитываются. Мама начала немилосердно бороться с моими книгами. Из библиотеки меня выписали, друзьям моим запретили давать мне книги, которые они берут на свое имя. Они, конечно, давали. Мама выследила меня дома, книжки отняла, меня выпорола... Я стал потихоньку снимать с чердака книги, украденные раньше в школьном шкафу. (Эта лавочка со школьными книгами к тому времени для меня кончилась: обнаружили пропажу, переделали замок. В краже книг обвинили плотников: зачем они на свои самокрутки достают и дерут книги, которые так нужны школе. Для этого есть старые газеты. Плотники клялись, что они ни сном ни духом не ведают, куда девались книги, – они не брали.) Я снимал книги с чердака и перечитывал уже читанное. Я делал это так: вкладывал книгу в обложку задачника и спокойно читал. Мама видела, что у меня в

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
руках задачник, и оставляла меня в покое и еще радовалась, наверно, что я сел,
наконец, за уроки. Подумай она нечаянно, что нельзя же так подолгу, с таким
упоеанием читать задачник – подумай она так, мне опять была бы выволочка.

На мое счастье, об этой возне с книгами узнала одна молодая учительница из
эвакуированных ленинградцев (к стыду своему, забыл теперь ее имя), пришла к нам
домой и стала беседовать со мной и с мамой. (Наши женщины, все жители села очень
уважали ленинградцев.) Ленинградская учительница узнала, как я читаю, и
разъяснила, что это действительно вредно. А главное, совершенно без всякой
пользы: я почти ничего не помнил из прочитанной уймы книг, а значит, зря угробил
время и отстал в школе. Но она убедила и маму, что читать надо, но с толком.
Сказала, что она нам поможет: оставит список, и я по этому списку стану брать
книги в библиотеке. (Читал я действительно черт знает что: вплоть до трудов
академика Лысенко – это из ворованных. Обожал также брошюры – нравилось, что они
такие тоненькие, опрятные: отчесал за один присест и в сторону ее.)

С тех пор стал я читать хорошие книжки. Реже, правда, но всегда это был истинный
праздник. А тут еще мама, а вслед за ней Таля тоже проявили интерес к книгам. Мы
залезали вечером все трое на обширную печь и брали туда с собой лампу. И я
начинал... Господи, какое жгучее наслаждение я испытывал! Точно я прожил
большую-большую жизнь, как старик, и сел рассказывать разные истории моим
родным, крайне заинтересованным, благодарным людям. Точно не книгу я держу
поближе к лампе, а сам все это знаю. Когда мама удивлялась: «Ах ты, господи!
Гляди-ка! Вот ведь что на свете бывает!» – я чуть не стонал от счастья и
торопливо и несколько раздраженно говорил: «Да ты погоди, ты послушай, что
дальше будет!»

– А что дальше, Вань? – вылетала со своим языком курносая Таля. Я шипел на нее,
обзывал дурой, мама строго говорила, что так не надо.

– А чего она!..

– Ну, раз мы не понимаем, мы и спрашиваем. А ты не сердись, а рассказывай – ты
же знаешь. Тебя разве учительница обзывает дураком?

– Да как можно же сообразить, что я еще сам пока не знаю, что будет дальше!

– Она маленькая. Читай-ка дальше.

Ах, какие это были праздники! (Я тут частенько восклицаю: счастье, радость,
праздники!.. Но это – правда, так было. Может, оттого, что – детство. А еще, я
теперь догадываюсь, что в трудную, горькую пору нашей жизни радость – пусть
малая, редкая – переживается острее, чище.) Это были праздники, которые я берегу
– они сами берегаются – всю жизнь потом. Лучшего пока не было.

Вот что только омрачало праздники: мама, а вслед за ней Таля скоро засыпали.
Только разохотишься, только наладишься читать всю ночь, глядь, уж мама украдкой
зевает. А вслед за ней и ее копия тоже ладошечкой рот прикрывает – подражает
маме. Я чуть не со слезами смотрю на них.

– читай, читай! Что, уж зевнуть нельзя?

– Да ведь поснете сейчас!

– Не поснем. Читай знай.

Но я знаю – поснут. Читаю дальше... Мама борется со сном, глаза ее закрываются,
она слабеет. Эх!.. Еще минута-две, и мои слушательницы крепко спят. Сижу, горько
обиженный... Невдомек было дураку: мама наработалась за целый день, намерзлась. А
этой, маленькой, ей эти мои книжки – до фонаря: она хочет быть похожей на маму,
и все. Пробую читать один – не то. Да и в сон тоже начинает клонить... И еще одно,
что тревожило праздники: мысль о Райке. Вот она скоро доест свою охапку сена и
будет стоять мерзнуть до утра. От этой мысли самому холодно, и горько, и
совестно становится на теплых кирпичах. И маму тоже больно тревожила эта же
мысль, и она нет-нет да вздохнет, когда я читаю.

Я знаю, о чем она. Но что делать, что делать! Где его возьмешь, сена?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
В один такой вечер мы читали «Вия». Я, сам замирая от страха, читал:

– «Он дико взглянул и протер глаза. Но она, точно, уже не лежит, а сидит в своем гробу. Он отвел глаза свои и опять с ужасом обратил их на гроб. Она встала... идет по церкви с закрытыми глазами, беспрестанно расправляя руки, как бы желая поймать кого-нибудь.

Она идет прямо к нему...»

Первой не выдержала мама.

– Хватит, сынок, не надо больше. Завтра дочитаем.

– Давай, мам...

– Не надо, ну их... Вот завтра дедушку позовем ночевать, и ты нам опять ее всю прочитаешь. Как заглавие-то?

– Гоголь. Но тут разные, а эта – «Вий».

– Господи, господи... Не надо больше.

Мы долго лежали со светом. Таля уже спала, а мы с мамой не могли заснуть. По правде говоря, я бы и сам не смог читать дальше. Вот так книга! Учительница отметила на листочке, какие читать в сборнике, а эту не отметила. А я почему-то (запретный плод, что ли?) начал именно с «Вия». И вот, пожалуйста: сразу непостижимый, душу сосущий, захватывающий ужас. И сил нет оторваться, и жутко. Хоть бы завтра дедушка не хворал, хоть бы он пришел, курил бы, лежал на лавке, накрывшись тулупом (он не мог спать в кровати под одеялом), хоть бы он... Мы бы... я бы снова стал читать этого «Вия» и дочитал бы до конца.

– Ты не бойся, сынок, спи. Книжка, она и есть книжка: выдуманно все. Кто он такой, Вий?

– Главный черт. Я давеча в школе маленько с конца урвал.

– Да нету никаких Виев! Выдумывают, окаянные, – ребятишек пужать. Я никогда не слыхала ни про какого Вия. А то у нас старики не знали бы!..

– Так это же давно было! Может, он помер давно.

– Все равно старики все знают. Они от своих отцов слыхали, от дедушек... Тебе же дедушка рассказывает разные истории? – рассказывает. Так и ты будешь своим детишкам, а потом, может, внукам...

Мне смешно от такой необычайной мысли. Мама тоже смеется.

– Вот чего, – говорит она, – побудьте маленько одни, я схожу сено подберу. Давеча везла да в переулке у старухи Сосниной сбросила навильник. Она подымается рано – увидит, подберет. А жалко – добрый навильник-то. Посидишь, ничего?

– Посижу, конечно.

– Посиди, я скоренько. Огонь не гаси. С печки не слазь.

Мама торопливо собралась, еще сказала, чтоб я никого не боялся, и ушла. Я стал думать, что я опять не отдал должок (семнадцать бабок) Кольке Быстрову, – чтоб не думать про Вия. Тоже невеселая дума (неделю уже не могу отдать), но уж лучше про это, чем... Но мысли мои упрямо возвращаются к Вию; возникает неодолимое желание посмотреть вниз, в темный угол. Я начинаю отчаянно бороться с этим желанием, отвернулся к Тале, внушаю себе знакомое: на печке никакая нечистая сила не страшна, на печку они не могут залезть, им не дано, они могут сколько им влезет звать, беситься, стращать внизу, но на печку не полезут, это проверено. Покрутятся до первых петухов и исчезнут. Лежу и стараюсь повеселей думать об этом. Но точно кто за волосы тянет – затылок сводит от желания посмотреть вниз, в угол. Сил моих нет бороться. И уж думаю: ну, взгляну! Пусть они попробуют на печку залезть. Пусть они только попробуют... И тут я слышу в сенях торопливые шаги. Я цепенею от ужаса... Кто там? Мама еще до старухи Сосниной не дошла... Вот уж

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru за скобку взялись... Я дернул одеяло на себя с головой – чтоб только не видеть... Господи, господи!.. Учиться хорошо буду, маму слушаться... Дверь открылась, и я слышу мамин голос, потревоженный скорой ходьбой:

– Спишь, сынок?

С сердца схлынул мгlistый, цепкий холодок жути.

– Ты, мам? Ты чего скоро-то?

– Да я подумала: чего же я одна-то пошла, мне же одной-то не донести – навильник-то добрый... Пойдем-ка возьмем веревки, навяжем две вязанки да принесем. Жалко бросать-то. Таля-то спит?

Я мигом слетаю с печки.

– Спит. Я сейчас... Она сроду не проснется!

И вот мы идем темной улицей близко друг к другу... Молчим. Поспешаем. Я считаю, сколько еще домов осталось до старухи Сосниной. Пять. Вот – переулочек. Тут – четыре избы и длинный огород этой самой старухи.

– Сено-то доброе! Прямо пух... Жалко оставлять-то. Давечь никого в переулке-то не было, я и сбросила с воза. Чего им, колхозным-то? Им-то до весны с лишком хватит...

– Если хороший навильник – раза на три хватит дать.

– Там на четыре хватит. Я ишо там, когда накладывались, подумала: может, запоздаем в деревню-то – стемнеет, поедем переулком, я и сброшу. Да и положила поверх бастырка здоро-о-вый навильник.

– А если б в переулке кто-нибудь бы оказался?

– Ну, тогда что ж... отвезла бы в бригаду. Тут уж ничего не сделаешь.

– Ух, она же и поест у нас сейчас! Свеженького-то... Сразу согреется. Сразу ей дадим?

– Знамо, сразу! Дармовое...

Ну вот она, старухина изба. У нее там – между избой и баней – есть такой закоулок... Летом там крапива растет в рост человеческий, а зимой сохлые стеблины торчат из снега, чернеют – вечером и то никакого сена не разглядишь, не то что ночью.

Мы скоро навязываем две большие вязанки... Сено пахучее, шуршит в руках, колется. Так и вижу нашу Райку – как она уткнет свою морду в это добро.

Идем назад. И тут – черт ее вынес, проклятую, – собака Чуевых: подбежала, невидная, неслышная, да как гавкнет. Я подскочил, но вязанки не выронил... А мама выронила свою и села на нее. Едва оправилась от страха, пошли. Мама ругается:

– Вот гадина!.. У меня чуть разрыв сердца не случился. Ты-то как, сынок?

– Да ничего. Ноги маленько ослабли сперва, а сейчас ничего.

Некоторое время еще идем.

– Может, подбежим, сынок? Оно скорей дело-то будет. А то Таля бы там не проснулась...

– Давай.

И вот мы трусим по улице. Мне смешно, как вязка – точно большой, темный горб – подскакивает на маминой спине.

Райка мыкнула, услышав нас... Я распустил свою вязанку и бухнул ей в ноги большую

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru охапку. Райка мотнула головой и захрумтела вкуснейшим сенцом.

– Ешь, милая, ешь, – говорит мама. – Ешь, родимая. – И чего-то всплакнула и тут же вытерла слезы и сказала: – Ну, пошли, Вань, а то Талюха там... Дело сделали!

Таля спит! Даже не пошевельнулась, пока мы шумно и весело раздевались и залезали на печку.

«Здорово, Вий!» – сказал я про себя и посмотрел вниз, в дальний темный угол.

Весны-то мы кое-как дождались, а вот Райки у нас не стало... У меня и теперь не хватает духу рассказать все подробно. У нас уж в избе раскорячился теленочек – телочка! – цедил на соломенную подстилку тоненькую бесконечную струйку. Мы ели картошку и запивали молочком.

Сена, конечно, не хватило. А уж вот-вот две недели – и выгонять пастись. Только бы эти две недели как-нибудь... Мама выпрашивала у кого-нибудь по малой вязанке, но чего там! Райке теперь много надо: у ней теперь молоко. И мы ее выпускали за ворота, чтобы она подбирала по улице: может, где клочок старого вытает или повезут возы на колхозную ферму и оставят на плетнях... Иногда оставляют на кольях по доброй горсти. Так она у нас и ходила. А где-то, видно, забрела в чужой двор, пристроилась к стожку... Стожки еще у многих стояли: у кого мужики в доме, или кто по благу достал воз, или кто купил, или... бог их там знает. Поздно вечером Райка пришла к воротам, а у ней кишки из брюха висят, тащатся за ней: прокололи вилами.

Вот... Значит, надо ждать телочку, пока она вырастет. Назвали ее тоже Рая.

Жатва

Год, наверное, 1942-й. (Мне, стало быть, 13 лет.) Лето, страда. Жара несусветная. И нет никакой возможности спрятаться куда-нибудь от этой жары. Рубаха на спине накалилась и, повернешься, обжигает.

Мы жнем с Сашкой Кречетовым. Сашка старше, ему лет 15–16, он сидит «на машине» – на жнейке (у нас говорили – жатка). Я – гусевым. Гусевым, это вот что: в жнейку впрягалась тройка, пара коней по бокам дышла (водила или водилины), а один, на длинной постромке, впереди, и на нем-то в седле сидел обычно парнишка моих лет, направляя пару тягловых – и, стало быть, машину – точно по срезу жнивья.

Оглушительно, с лязгом, звонко стрекочет машина, машет добела отполированными крыльями (когда смотришь на жнейку издали, кажется, кто-то заблудился в высокой ржи и зовет руками к себе); сзади стоячей полосой остается висеть золотисто-серая пыль. Едешь, и на тебя все время наплывает сухой, горячий запах спелого зерна, соломы, нагретой травы и пыли – прошлый след, хоть давешняя золотистая полоса и осела, и сзади поднимается и остается неподвижно висеть новая.

Жара жарой, но еще смертельно хочется спать: встали чуть свет, а время к обеду. Я то и дело засыпаю в седле, и тогда не приученный к этой работе мерин сворачивает в хлеб – сбивать стеблями ржи паутов с ног. Сашка орет:

– Ванька, огрею!

Бичина у него длинный – может достать. Я потихоньку матерюсь, выравниваю коня... Но сон, чудовищный, желанный сон опять гнет меня к конской гриве, и сил моих не хватает бороться с ним.

– Ванька!.. – Сашка тоже матерится. – Я сам с сиденья валюсь! У меня у самого сейчас кровоизлияние мозга будет! Потерпи!

– Давай хоть пять минут поспим?! – предлагаю я.

– Еще три круга – и выпрягаем.

Три огромных круга!.. А машина стрекочет и стрекочет, и размерно шагает конь, и дергает повод, и фыркает, и на голову точно масляный блин положили, и горячее масло струйками стекает под рубаху, в штаны... Там, где сидишь в седле, мокро, все

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
остальное раскалилось, тлеет.

– А, Сань?!. А то упаду под жатку, вот увидишь!

Сашку допекло тоже; он еще немного хорохорится, поет песни, потом натягивает
вожжи.

– Тр-р! Пять минут, Ванька! А то застукают.

Господи, да больше и не надо! Это и так вечность. Падаю с коня, на карачках
отползаю подальше в рожь – на тот случай, если кони сами тронут, то чтоб не
переехало машиной – успеваю еще подумать про это... Потом горячая, пахучая земля
приникла к лицу, прижалась; в ушах еще звон жнейки, но он скоро слабеет, над
головой тихо прошуршали литые, медные колоски – и все. Мир звуков сомкнулся, я
отбыл в мягкую, зыбучую тишину. Еще некоторое время все тело вроде слегка
покачивается, как в седле, приятно гудит кровь, потом я бестелесно куда-то плыву
и испытываю блаженство. Странно, я чувствую, как я сплю – сознательно, сладко
сплю. Земля стремительно мчит меня на своей груди, а я – сплю, я знаю это.
Никогда больше в своей жизни я так не спал – так вот – целиком, вволю, через
край.

Сколько мы спали, не знаю, только проснулся я вдруг с ощущением близкой
опасности; сразу как-то, как от толчка, всплыл из глубины небытия на
поверхность... Кто-то кричал... Я вскочил. Нас все же застукали: сам председатель
колхоза Иван Алексеич бегал по стерне за Сашкой, но так как одна нога у
председателя деревянная, то догнать Сашку, конечно, он не мог, и только издали
грозил плетью и ругался. Увидев меня, председатель кинулся было за мной, но я
так дернул с места, что он сразу остановился.

– Контры! Вы мне ответите!.. Садитесь жать счас же!

– Отойди от жатки, тогда сядем. – Сашке, видно, попало разок председательской
плетью – он почесывал спину.

– Счас же у меня садитесь! Вы што, под статью меня подвести хотите?!

– Отойди от жатки...

Председатель, ругаясь, пошел к своему легкому коробку, который стоял в стороне.

Опять заскрипела, заскрежетала жнейка, опять наладилось жечь солнце, но теперь
на душе куда легче, даже весело: малость урвали.

Председатель еще постоял немного, посмотрел на нас и уехал.

Станный он был человек, Иван Алексеич, председатель. Эта нога его – это ему
давно еще, молотилкой: хотел потуже вогнать сноп под барабан, и вместе со снопом
туда задернуло ногу. Пока успели скинуть со шкива приводной ремень, ногу всю
изодрало зубьями барабана, потом ее отняли выше колена. Мы его несколько не
боялись, нашего председателя, хоть он страшно ругался и иногда успевал жогнуть
плетью. Мы не догадывались тогда, что народ мы еще довольно зеленый, всю
ругались по-мужичьи, и с председателем – тоже. С нами было нелегко. Как я теперь
понимаю, это был человек добродушный, большого терпения и совестливости. Он жил
с нами на пашне, сам починал веревочную сбрую, длинно матерился при этом... Иногда
с силой бросал чиненую-перечиненую шлею, топтал ее здоровой ногой и плакал от
злости.

В тот день председатель здорово насмешил нас.

Съехали мы поздно вечером к бригадному дому, расселись кто где хлебать
затируху (мелкие кусочки теста, крошки, сваренные в воде). Потом должно было
быть собрание: у председателя много накопилось фактов нашего безобразного
поведения: кто-то еще, кроме нас с Сашкой, спал на полосе, кто-то накануне,
вечером, самовольно бегал домой в баню, кто-то, дожав клин, гонялся с бичом за
перепелками – терял драгоценное время...

Председатель, пока мы ужинали, застелил красным сукном длинный стол под навесом,
сидел один за столом, строго поглядывал в нашу сторону – ждал: предстояла

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru «накачка».

Мы ополоснули чашки, закурили и приготовились слушать.

– Сегодня четыре оглоуда, – начал председатель, – спали на полосе. Это Санька Кречетов, Илюха Чумазый, Ванька Попов и Васька-безотцовщина. Вы што, соображаете?! А этот верзила... Колька, я про тебя! – в баньку ему, вишь, захотелось!

(Колька, Моисеев внук, поймал у меня вчера на рубахе вшу и подговаривал вместе бежать вечером в деревню в баню, а к свету вернуться. Я отказался.)

– Попариться ему, вишь, захотелось, жеребцу! Дубина такая... Ты всю ночь-то пробегаешь туда-сюда, а днем – спать на полосе!

– Я не спал.

– Я поплю вам! Я вам поплю, дьяволы! Вы у меня ишо скирдовать в ночь будете.

Далеко, за лесом, медленно опускается в синие дымы большое красное солнце; хорошо на земле, задумчиво, покойно. Под председательским столом, свернувшись калачиком, мирно спит Борзя, наш бесконечно добрый, шалавый кобель.

Председатель никак не может разозлиться, вяло у него получается – никакого интереса. Мы клюем носами.

– Дальше: што это за моду взяли – перепелок стегать?! Живодееры... Первое: они всяких личинок уничтожают... Да время же теряете, черти! Пока ты ее догонишь да угодишь бичом – времени-то сколько уходит! Дальше: Ленька-японец наехал, сукин сын, на пенек, порвал пилу. Оглазел?! Скину вот трудодней пятнадцать, будешь вперед смотреть! Ехай счас прямо в кузню – штоб завтра, как только дед Макар проснется, пилу мне склепали.

Ленька-японец радешенек: дома побудет. Везет недомерку! Не нарочно ли на пень-то наехал? Но он хитрый, радости не показывает, а виновато хмурится.

– Дальше: еслив ишо кого увижу...

Тут-то нанесло нежданного: на дороге, из-за взгорка, показались дрожки уполномоченного: мы хорошо знали его жеребца. К нам едет.

Эх, как вскочил тут наш председатель (он ужасно боялся уполномоченного), да как застучал кулаком по столу, как закричал:

– Я давно уж замечаю среди вас контр... контр...

А деревяшкой своей председатель наступил Борзе на хвост; Борзя взвыл блаженным голосом. Председателю надо перекричать собаку, он кричит:

– Давно уж я замечаю среди вас контрреволюционные элементы!

Собака воеет, крутится под столом; председатель почему-то не может сойти с нее – то ли от волнения, то ли... бог его знает. Добрый Борзя начал кусать деревяшку; мы корчимся от смеха: до того уморительная картина. (Потом, когда мы вспоминали эту историю, Ленька-японец сознался, что у него случилась тогда посикота – написал в штаны от смеха.)

Уполномоченный подъехал. Глядит на нас, ничего не может понять. Председатель быстро пошел навстречу ему. Ошалевший Борзя с визгом вылетел из-под стола, кинулся бежать... Да прямо в ноги райкомовскому жеребцу. Красавец жеребец дико всхрапнул, дал в дыбы – чуть из хомута не вылез. Уполномоченный вскочил из коробка; председатель поскакал было на деревяшке за Борзей, потом вернулся, стал успокаивать жеребца.

Мы все лежали вповал. Мы тоже побаивались уполномоченного, но тут ничего не могли с собой сделать – умирали от смеха.

– В чем дело?! – строго спросил уполномоченный.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Это.. собрание у нас – насчет итогов, – пояснил Иван Алексеич. – С собакой маленько комедия вышла.. – И закричал на нас: – Завтра же убрать этого блохастого!..

– Я вижу, что комедия, а не собрание. Может, рано веселиться-то?! – спросил у нас уполномоченный. – Может, наоборот, плакать надо?!

Мы постепенно затихли. Вот теперь, кажется, будет «накачка» настоящая. Но уполномоченный почему-то отменил собрание. Неожиданно добрым голосом сказал:

– Ладно: поработали, посмеялись – идите спать.

Спали мы в доме на нарах. Долго еще не могли успокоиться в тот вечер, вспоминали Борзю, Ивана Алексеича, хохотали в подушки. Иван Алексеич беседовал у огонька с уполномоченным.. Раз два он входил к нам и сердито шипел:

– Вы будете спать? Опять завтра не добудисься!.. Оглоеды. Хоть бы человека постеснялись.

Потом уполномоченный уехал.

Мы один за другим проваливаемся в сон..

Когда я – позже других, последним, наверно, – выхожу до ветра, уже светит луна и где-то близко вскрикивает ночная птица.

Председатель сидит у костра, тихонько звякает ложкой об алюминиевую чашку – хлебает затируху. Протез его отстегнут, лежит рядом.. Худая култышка как-то неестественно белеет на траве. Иван Алексеич часто склоняется и дует на нее – видно, до боли натрудил за день, теперь она, горячая, отдыхает.

А вокруг тепло и ясно; кто-то высоко-высоко золотыми гвоздями пришел к небу голубое полотно, и сквозь него сквозит, льется нескончаемым потоком чистый, голубовато-белый, легкий свет.

И все вскрикивает в согре какая-то ночная птица – зовет, что ли, кого?

Бык

Одно время работал я на табачной плантации, на табачке, у нас говорили. Поливал табак.

Воду надо было возить из согры.

Как только солнце подымалось, мы запрягали в водовозки быков и весь день возили воду.

Бык у меня был на редкость упрямый и ленивый. Сбруя – веревочная, то и дело рвется. Едешь на взвоз, бык поднатужится – хомут пополам. А бык шагает дальше. А я с бочкой посередеь дороги стою. Догоняю быка, заворачиваю, кое-как связываю хомут, запрягаю, и с грехом пополам выезжаем на взвоз. Несколько раз он меня переворачивал с бочкой. Идет, идет по дороге, потом ему почему-то захочется свернуть в сторону. Свернул – бочка набок. Я бил его чем попало. Бил и плакал от злости. Другие ребята по полтора трудодня в день зашибали, я едва трудодень выколачивал с таким быком. Я бил его, а он спокойно стоял и смотрел на меня большими глупыми глазами. Мы ненавидели друг друга.

Один раз – после обеда – надо запрягать, моего быка нет. Бригадир Петрунька Яриков, косой, маленький мужик, орет на меня:

– Куда же он у тебя девался-то, мать-перемать?! В землю, что ли, провалился?

Я ополекъл все закоулки, все укромные места – нет быка. Ну, думаю, только бы мне найти тебя, змей, я тебе покажу.

Нашел в просе – лежит, отдувается в холодке. Я прямо с разбегу сапогом ему в морду. Как он мэкнет, как вскочит да как даст мне под зад! Я отлетел метра на три и подумал, что я уже мертвый. А он раскорячил ноги, нагнул голову и смотрит

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru на меня. Я тоже смотрю на него. Мне показалось, что мы долго так смотрели друг на друга. Я боялся пошевелиться. Думаю, как с собакой: встанешь, он опять кинется. Потом все-таки потихоньку стал подниматься... Бык стоит. Смотрит. Я поднялся и пошел от него задом. Кое-как доковылял до бригады. Задница огнем горит... Хорошо, еще не рогом попал (они у него широченные, лбом угодил), – сидеть бы мне у него на голове, как снопу на вилах.

Бригадир разозлился на быка, вырвал из телеги железный курок и побежал в просо. Через пять минут, видим, летит наш бригадир сломя голову, за ним бык. Бежит бригадир и орет:

– Стреляйте в него! Стреляйте, что вы стоите?! Спорет ведь он меня!..

Забыл с перепугу, что ружья ни у кого нет – у нас их позабирали, как началась война.

Ребятишки и бабы, увидев разъяренного быка, – кто куда, врассыпную. Я лежал на животе возле избушки. Бык протопал мимо – не обратил внимания. Видно, Петрунька с железным курком насолил ему здорово. Пробежал бык совсем близко, аж земля задрожала. У меня сердце в пятки ушло.

Петрунька туда – бык за ним, Петрунька сюда – бык за ним, гоняет его по ограде. Загнал в угол. Петрунька, как птица, взлетел на плетень – и на ту сторону. Бык, не останавливаясь, с ходу саданул рогами в плетень, вырвал его с кольями, и пронес, и сбросил. Тогда только остановился. Ему накинули волосяную петлю на шею, стянули, измучили, потом продели веревку в кольцо и привязали к столбу.

По давней традиции (она, как ни странно, сохранялась и в войну) после того, как табак уберут с плантации, высушат и свезут в город на табачную фабрику, бригада гуляет. Валили какую-нибудь скотину, варили, жарили... Привозили из деревни самогонку и – начиналось.

На этот раз забили моего быка. Трое мужиков взяли его и повели на чистую травку – неподалеку от избушки. Бык покорно шел за ними. А они несли кувалду, ножи, стираную холстину... Я убежал из бригады, чтобы не услышать, как он заревет. И все-таки я услышал, как он взревел – негромко, глухо, коротко, как вроде сказал: «Ой!» К горлу мне подступил горький комок; я вцепился руками в траву, стиснул зубы и зажмурился. Я видел его глаза... В тот момент, когда он, раскорячив ноги, стоял и смотрел на меня, повергнутого на землю, – пожалел он меня тогда, пожалел.

Мяса я не ел – не мог. И было обидно, что не могу как следует наестся – такой «рубон» не часто бывает.

Самолёт

Мы, четверо пацанов: Шуя, Жаренок, Ленька и я, шагаем с сундучками в гору. Поступаем в автомобильный техникум. Через три с половиной года будем техниками-механиками по ремонту и эксплуатации автотранспорта. Техникум – в городе, точнее за городом, километрах в семи, в бывшем монастыре. Идти надо обрывистым правым берегом широкой реки. Это мой второй приезд в этот город. Душа потихоньку болит – тревожно, охота домой. Однако надо выходить в люди. Не знал я тогда, что навсегда уйду из родного села. То есть буду еще приезжать потом, но – так, – отдышаться... Вот уж не знал!

Городские ребята не любили нас, деревенских, смеялись над нами, презирали. Называли «чертями» (кто черти, так это, по-моему, – они) и «рогальями». Что такое «рогаль», я по сей день не знаю, и как-то лень узнавать. Наверно, тот же черт – рогатый. В четырнадцать лет презрение очень больно и ясно сознаешь и уже чувствуешь в себе кое-какую силенку – она порождает неодолимое желание мстить. Потом, когда освоились, мы обижать себя не давали. Помню, Шуя, крепыш парень, подсаистый и хлесткий, закатал в лоб одному городскому журавлю, и тот летел – только что не курлыкал. Жаренок в страшную минуту, когда надо было решиться, решился – схватил нож... Тот, кто стоял против него – тоже с ножом, – очень удивился. И это-то – что он только удивился – толкнуло меня к нему с голыми кулаками. Надо было защищаться – мы защищались. Иногда – так вот – безрассудно, иногда с изобретательностью поразительной.

Но это было потом. Тогда мы шли с сундучками в гору, и с нами вместе – налегке –

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru городские. Они тоже шли поступать. Наши сундучки не давали им покоя.

- Чяво там, Ваня? Сальса шматок да мядку туясок?
- Сейчас раскошелитесь, черти! Все вытряхнем!
- Гроши-то куда запрятали?.. Куркули, в рот вам пароход!

Откуда она бралась, эта злость – такая осмысленная, не четырнадцатилетняя, обидная? Что, они не знали, что в деревне голодно? У них тут хоть карточки какие-то, о них думают, там – ничего, как хочешь, так выживай. Мы молчали, изумленные, подавленные столь открытой враждебностью. Проклятый сундучок, в котором не было ни «мядку», ни «сальса», обжигал руку – так бы пустил его вниз с горы.

А на горе, когда поднялись, на ровном открытом месте стоял... самолет. Да так близко! Там был аэродром. И так он неожиданно открылся, этот самолетик, так близко стоял, и никого рядом не было – можно подойти и потрогать... Раньше нам приходилось – редко – видеть самолет в небе. Когда он летел над селом, высказывали из всех домов, шумели: «Где?! Где он?»

Ах ты, господи!.. Я так и ахнул. Да все мы слегка ошалели. И городские – тоже. Что уж, так каждый день видели они их, самолеты? Но они скоро взяли себя в руки, притворяшки.

- Кукурузник, сука.
- Сидит... Горючего, наверно, нет.

И пошли, не глядя больше на самолет.

Мы пошли за ними и тоже старались не смотреть на самолет: нельзя было показать, что мы – действительно такая уж совсем непролазная «деревня». А ничего же ведь не случилось бы, если бы мы маленько постояли, посмотрели. Но мы шли и не оглядывались. Когда я не выдержал и все-таки оглянулся, меня кто-то из наших крепко дернул за рукав.

Он мне, этот самолет, снился потом. Много раз после приходилось ходить горой, мимо аэродрома, но самолета там не было – он летал. И теперь он стоит у меня в глазах – большой, легкий, красивый... Двукрылый красавец из далекой-далекой сказки.

Далекие зимние вечера
Под Москвой идут тяжелые бои...

А на окраине далекой сибирской деревеньки крикливая ребятня с раннего утра режется в бабки. Сумки с книжками валяются в стороне.

Обыгрывает всех знаменитый Мишка Босовило – коренастый малый в огромной шапке. Его биток, как маленький снаряд, вырывает с кона сразу штук по пять бабок. Мишка играет спокойно, уверенно. Прежде чем бить по кону, он снимает с правой руки рукавицу, сморкается по-мужичьи на дорогу, прищуривает левый глаз... прицеливается... Все, затаив дыхание, горестно следят за ним. Мишка делает шаг... второй... – р-р-раз! – срезал. У Мишки есть бабушка, а бабушка, говорят, того... поколдовывает. У ребятшек подозрение, что Мишкин биток заколдован.

Ванька Колокольников проигрался к обеду в пух и прах. Под конец, когда у него осталась одна бабка, он хотел словчить: заспорил с Гришкой Коноваловым, что сейчас его, Ванькина, очередь бить. Гришка стал доказывать свое.

- А по сопатке хошь? – спросил Ванька.
- Да ты же за Петькой бьешь-то?!
- Нет, ты по сопатке хошь? – Когда Ваньке нечего говорить, он всегда так спрашивает.

Их разняли.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Последнюю бабку Ванька выставил с болью, стиснув зубы. И проиграл. Потом стоял в сторонке злой и мрачный.

– Мишка, хочешь «Барыню» оторву? – предложил он Мишке.

– За сколько? – спросил Мишка.

– За пять штук.

– Даю три.

– Четыре.

– Три.

– Ладно, пупырь, давай три. Скупердяй ты, Мишка!.. Я таких сроду не видывал. Как тебя еще земля держит?

– Ничего, держит, – спокойно сказал Мишка. – Не хочешь – не надо. Сам же напрашиваешься.

Образовали круг. Ванька подбоченился и пошел. В трудные минуты жизни, когда нужно растрогать человеческие сердца или отвести от себя карающую руку, Ванька пляшет «Барыню». И как пляшет! Взрослые говорят про него, что он, чертенок, «от хвоста грудинку отрывает».

Ванька пошел трясогузкой, смешно подкидывая зад. Помахивал над головой воображаемым платочком и бабьим голоском вскрикивал: «Ух! Ух! Ух ты!» Под конец Ванька всегда становился на руки и шел сколько мог на руках. Все смеялись.

Прошелся Ванька по кругу раз пять, остановился.

– Давай!

Мишка бросил на снег две бабки.

Ванька опешил:

– Мы же за три договаривались!

– Хватит.

Ванька передвинул шапку козырьком на затылок и медленно пошел на Мишку. Тот изготавился. Ванька неожиданно дал ему головой в живот. Мишка упал. Заварилась веселая потасовка. Половина была на Ванькиной стороне, другие – за Мишку. Образовали кучу малу.

Но тут кто-то крикнул:

– Училка!

Всю кучу ребятишек как ветром сдуло. Похватили сумки – и кто куда! Ванька успел схватить с кона несколько бабок, перемахнул через прясло и вышел на свою улицу. Он был разгорячен дракой. Около дома ему попалась на глаза снежная баба. Ванька дал ей по уху. Высморкался на дорогу, как Мишка Босовило, вошел в избу. Запустил сумку под лавку, туда же – шапку. Полушубок не стал снимать – в избе было холодно.

На печке сидела маленькая девочка с большими синими глазами, играла в куклы. Это сестра Ваньки – Наташка.

– Ваня пришел, – сказала Наташка. – Ты в школе был?

– Был, был, – недовольно ответил Ванька, заглядывая в шкаф.

– Вань, вам про кого сёдня рассказывали?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Про жаркие страны. – Ванька заглянул в миску на шестке, в печку. – Пошамать нечего?

– Нету, – сказала Наташка и снова стала наряжать куклу – деревянную ложку – в разноцветные лоскуты. Запела тоненьким голоском:

Ох, сронила колечко-о
С правой руки-и!
Забилось сердечко
По милым дружке-е...
Наташка пела песню на манер колыбельной, но мелодии ее – невыносимо тяжелой и заунывной – не искажала. Ванька сидел у стола и смотрел в окно.

Ох, сказали, мил помер –
Во гробе-е лежи-ит,
В глубокой могилке-е
Землю зарыт.
Ванька нахмурился и стал водить грязным пальцем по синим клеточкам клеенки.

Голос Наташки, как чистый ручеек, льется сверху в синюю пустоту избы.

Ох, надену я платье-е,
К милому пойду-у,
А месяц укажет
Дорожку к нему-у...
– Хватит тебе... распелась, – сказал Ванька. – Спой лучше про Хаз-Булата.

Наташа запела:

Хаз-Булат удало-ой...
Но тут же оборвала:

- Не хочу про Хаз-Булата.
- Вредная! Ну про Катю.
- Катя-Катерина, купеческая дочь?
- Ага.
- Тоже не хочу. Я про милого буду.

Ох, пускай люди судю-ут,
Пускай говоря-ат...
Ванька поднялся, достал из-под лавки сумку, сел на пол, высыпал из сумки бабки и стал их считать. Вид у него вызывающе-спокойный; краем глаза наблюдает за Наташкой.

Наташка от неожиданности сперва онемела, потом захлопала в ладоши:

- Вот они где, бабочки-то! Ты опять в школе не был? Обязательно скажу маме. Ох, попадет тебе, Ванька!
- ...Семь, восемь... Говори, я ни капли не боюсь. Девять, десять...
- Вот не выучишься – будешь всю жизнь лоботрясом. Пожалеешь потом. Локоть-то близко будет, да не укусишь.

Ванька делает вид, что его душит смех.

- ...Одиннадцать, двенадцать... А лоботрясом, думаешь, хуже?

В сенцах что-то треснуло. Ванька сгреб бабки и замер.

- Ага! – сказала Наташка.

Но это трещит мороз.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Однако бабки все равно нужно припрятать. Ванька ссыпал их в старый валенок и вынес в сенцы.

Потом опять он сидит у стола. Думает, где можно достать три полена дров. Хорошо бы затопить камелек. Мать придет, а в избе такая теплынь, хоть по полу валяйся. Она, конечно, удивится, скажет: «Да где же ты дров-то достал, сынок?» Ванька даже пошевелился – так захотелось достать три полена. Но дров нету, он это знает.

Наташка уже не поет, а баюкает куклу.

Нудно течет пустое тоскливое время.

За окнами стало синеть.

Чтобы отвязаться от назойливой мысли о дровах, Ванька потихоньку встал, подкрался к печке, вскочил и крикнул громко:

– А-а!

– Ой!.. Ну что ты делаешь-то! – Наташка заплакала. – Напужал, прямо сердце упало...

– Нюня! – говорит Ванька. – Ревушка-коровушка! Не принесу тебе елку. А я знаю, где вот такие елочки!

– Не надо мне твою елочку. Мне мама принесет.

– А хочешь, я тебе «Барыню» оторву?

Ванька взялся за бока и пошел по избе, и пошел, высоко подкидывая ноги в огромных валенках.

Наташка засмеялась.

– Ну и дурак ты, Ванька! – сказала она, размазывая по лицу слезы. – Все равно скажу маме, как ты меня пугаешь.

Ванька подошел к окну и стал оттаивать кружок на стекле, чтобы смотреть на дорогу.

В избе тихо, сумрачно и пусто. И холодно.

– Вань, расскажи, как вы волка видели? – попросила Наташка.

Ваньке не хочется рассказывать – надоело.

– Как... Видели, и все.

– Ну уж!

Опять молчат.

– Вань, ты бы сейчас аржаных лепешек поел? Горяченьких, – спрашивает Наташка ни с того ни с сего.

– А ты?

– Ох, я бы поела!

Ванька смеется. Наташка тоже смеется.

В это время под окнами зашуршали легкие шаги. Ванька вскочил и сломя голову кинулся встречать мать.

Наташка запуталась в фуфайке, как перепелка в силке, – никак не может слезть с печки.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Вань, ссади ты меня, а... Ва-ань! – просит она.

Ванька пролетел мимо с криком:

– А я первый услышал!

Мать в ограде снимала с веревки стылое белье. На снегу около нее лежал узелок.

– Mam, чо эт у тебя?

– Неси в избу. Опять раздешкой выскакиваешь!

В избе Наташка колотит ножонкой в набухшую дверь и ревет – не может открыть. Увидев Ваньку с узелком в руках, она перестает плакать и пытается тоже подержаться за узел – помочь брату.

Вместе проходят к столу, быстренько развязывают узел – там немного муки и кусок сырого мяса. Легкое разочарование – ничего нельзя есть немедленно.

Мать со стуком свалила в сенях белье, вошла в избу. Она, наверно, очень устала и намерзлась за день. Но она улыбается. Родной, веселый голос ее сразу наполнил всю избу; пустоты и холода в избе как не бывало.

– Ну, как вы тут?.. Таля? (Она так зовет Наташку.) Ну-ка расскажи, хозяйюшка милая.

– Ох, мамочка-мама! – Наташка всплескивает руками. – У Ваньки в сумке бабки были. Он их считал.

Ванька смотрит в большие синие глаза сестры и громко возмущается:

– Ну что ты врешь-то! Mam, пусть она не врет никогда...

Наташка от изумления приоткрыла рот, беспомощно смотрит на мать: такой чудовищной наглости она не в силах еще понять.

– Mamочка, да были же! Он их в сенцы отнес. – Она чуть не плачет. – Ты в сенцы-то кого отнес?

– Не кого, а чего, – огрызается Ванька. – Это же неодушевленный предмет.

Мать делает вид, что сердится на Ваньку.

– Я вот покажу ему бабки. Такие бабки покажу, что он у нас до-олго помнить будет.

Но сейчас матери не до бабок – Ванька это отлично понимает. Сейчас начнется маленький праздник – будут стряпать пельмени.

– У нас дровишек нисколько не осталось? – спрашивает она.

– Нету, – сказал Ванька и предупредительно мотнулся на полати за корытцем. – В мясо картошки будем добавлять?

– Маленько надо.

Наташка ищет на печке скалку.

– Обещал завезти Филипп одну лесинку... Не знаю... может, завезет, – говорит мать, замешивая в кути тесто.

Началась светлая жизнь. У каждого свое дело. Стучат, брякают, переговариваются... Мать рассказывает:

– Едем сейчас с сеном, глядь: а на дороге лежит лиса. Лежит себе калачиком и хоть бы хны – не шевелится, окаянная. Чуток конь не наступил. Уж до того они теперь осмелели, эти лисы.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Наташка приоткрыла рот – слушает. А Ванька спокойно говорит:

– Это потому, что война идет. Они в войну всегда смелые. Некому их стрелять – вот они и валяются на дорогах. Рыжуха, наверно?

..Мясо нарублено. Тесто тоже готово. Садятся втроем стряпать. Наташка раскатывает лепешки, мать и Ванька заворачивают в них мясо.

Наташка старается, прикусив язык; вся выпачкалась в муке. Она даже не догадывается, что вот эти самые лепешечки можно так поджарить на углях, что они будут хрустеть и таять на зубах. Если бы в камельке горел огонь, Ванька нашел бы случай поджарить парочку.

– Мама, а у ней детки бывают? – спрашивает Наташка.

– У кого, доченька?

– У лисы.

Ванька фыркнул.

– А как же они размножаются, по-твоему? – спрашивает он Наташку.

Наташка не слушает его – обиделась.

– Есть у нее детки, – говорит мать. – Ма-аленькие... лисятки.

– А как же они не замерзнут?

Ванька так и покатился.

– Ой, ну я не могу! – восклицает он. – А шубки-то у них для чего!

– Ты тут не вякай, – говорит Наташка. – Лоботряс!

– Не надо так на брата говорить, доченька. Это нехорошо.

– Не выучится он у нас, – говорит Наташка, глядя на Ваньку строгими глазами. – Потом хватится.

– Завтра зайду к учительше, – сказала мать и тоже строго посмотрела на Ваньку, – узнаю, как он там...

Ванька сосредоточенно смотрит в стол и швыряет носом.

Мать посмотрела в темное окно и вздохнула:

– Обманул нас Филиппушка... образина косяя! Пойдем в березник, сынок.

Ванька быстренько достает с печки стеганые штаны, рукавицы-лохмашки, фуфайку. Мать тоже одевается потеплее. Уговаривает Наташку:

– Мы сейчас, доченька, мигом сходим. Ладно?

Наташка смотрит на них и молчит. Ей не хочется одной оставаться.

Мать с Ванькой выходят на улицу, под окном нарочно громко разговаривают, чтобы Наташка их слышала. Мать еще подходит к окну, стучит Наташке:

– Таля, мы сейчас придем. Никого не бойся, милая!

Наташка что-то отвечает – не разобрать что.

– Бойтся, – сказала мать. – Милая ты моя-то... – Отвернулась и вытерла рукавицей глаза.

– Они все такие, – объяснил Ванька.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
...Спустились по крутому взвозу к реке. На открытом месте гуляет злой ветер.
Ванька пробует увернуться от него: идет боком, идет задом, а лицо все равно жжет как огнем.

– Мам, посмотри! – кричит он.

Мать осматривает его лицо, больно трет шершавой рукавицей щеку. Ванька терпит.

В лесу зато тепло и тихо. Удивительно тихо, как в каком-то сонном царстве.
Стройные березки молча обступили пришельцев и ждут.

Ванька вылетел вперед по глубокому снегу и, облюбовав одну, ударил обухом по ее звонкому крепкому телу. Сверху с шумом тяжко ухнула туча снега. Ванька хотел отскочить, запнулся и угодил с головой в сугроб, как в мягкую холодную постель.
Мать смеется и говорит:

– Ну, вставай!

Пока Ванька отряхивается, мать утаптывает снег вокруг березки. Потом, скинув рукавицы, делает первый удар, второй, третий... Березка тихо вздрагивает и сыплет крохотными сверкающими блестками. Сталь топора хищно всплещивает холодным огнем и раз за разом все глубже вгрызается в белый упругий ствол.

Ванька тоже пробует рубить, когда мать отдыхает. Но после десяти-двенадцати ударов горячий туман застилает ему глаза. Гладкое топорище рвется из рук.

Снова рубит мать.

Березка охнула и повалилась набок.

Срубили еще одну – поменьше – Ваньке и, взвалив их на плечи, вышли на дорогу. Идти поначалу легко. Даже весело. Тонкий конец березки едет по дороге, и березка глуховато поет около уха. Прямо перед Ванькой на дороге виляет хвост березки, которую несет мать. Ванькой овладевает желание наступить на него. Он подбегает и прижимает его ногой.

– Ваня, не балуй! – строго говорит мать.

Идут.

Березка гудит и гнется в такт шагам, сильно нажимая на плечо. Ванька останавливается, перекладывает ее на другое плечо. Скоро онемело и это. Ванька то и дело останавливается и перекладывает комель березы с плеча на плечо. Стало жарко. Жаром пышет в лицо дорога.

– ...Семисит семь, семисит восемь, семисит девять... – шепчет Ванька.

Идут.

– Притомился? – спрашивает мать.

– Еще малость... Девяносто семь, девяносто восемь... – Ванька прикусил губу и отчаянно швыряет носом. – Девяносто девять, сто! – Ванька сбросил с плеча березку и с удовольствием вытянулся прямо на дороге.

Мать поднимает его. Сидят на березке рядом. Ваньке очень хочется лечь. Он предлагает:

– Давай сдвинем обои березки вместе, и я на них лягу, если уж так ты боишься, что я захвораю.

Мать тормозит его, прижимает к теплой груди.

– Мужичок ты мой маленький, мужичок... Потерпи маленько. Большую мы тебе срубили. Надо было поменьше.

Ванька молчит. И молчит Ванькина гордость.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Мать думает вслух:

– Как теперь наша Талюшка там?.. Плачет, наверно?

– Конечно, плачет, – говорит Ванька. Он эту Талюшку изучил как свои пять пальцев.

Еще некоторое время сидят.

– Отцу нашему тоже трудно там, – задумчиво говорит мать. – Небось в снегу сидят, сердешные... Хотя бы уж зимой-то не воевали.

– Теперь уж не остановятся, – поясняет Ванька. – Раз начали – не остановятся, пока фрицев не разобьют.

Еще с минуту сидят.

– Отдохнул?

– Отдохнул.

– Пошли с богом.

Было уже совсем темно, когда пришли домой.

Наташка не плакала. Она наложила в блюдце сырых пельменей, сняла с печки две куклы и усадила их перед блюдцем. Одну куклу посадила несколько дальше, а второй, та, что ближе, говорила ласково:

– Ешь, доченька моя милая, ешь! А этому лоботрясу мы не дадим сегодня.

...Ванька с матерью быстро распилили березки; Ванька впотьмах доколот чурбаки, а мать в это время затопила камелек.

Потом Ванька с Наташкой сидят перед камельком.

Огонь весело гудит в печке; пятна света, точно маленькие желтые котята, играют на полу. Ванька блаженно молчит. Наташка пристроилась у него на коленях и тоже молчит. По избе голубыми волнами разливается ласковое тепло. Наташку клонит ко сну. Ваньку тоже. А в чугунке еще только-только начинает «ходить» вода.

Мать кроит на столе материю, время от времени окликает ребятишек и рассказывает:

– Вот придет Новый год, срубим мы себе елочку, хоро-ошенькую елочку... Таля, слышишь? Не спите, милые мои. Вот срубим мы эту елочку, разукрасим ее всякими шишками да игрушками, всякими зайчиками – до того она у нас будет красивая...

Ванька хочет слушать, но кто-то осторожно берет его за плечи и валит на пол. Ванька сопротивляется, но слабо. Голос матери доносится откуда-то издалека. Кажется Ваньке, что они опять в лесу, что лежит Ванька в снегу... Мать ищет его по лесу, зовет. А Ванька лежит в снегу и помалкивает. Странно, что в снегу тепло.

...Разбудить их, наверно, было нелегко. Когда Ванька всплыл из тягучего сладкого сна на поверхность, мать говорила:

– ...Это что же за сон такой, обломон... сморил моих человечков. Ух он сон какой!..

Ванька, покачиваясь, идет к столу.

В тарелке на столе дымят пельмени, но теперь это уже не волнует. Есть не хочется. Наташка, та вообще не хочет просыпаться. Хитрая, как та лиса. Мать полусонную усаживает ее за стол. Она чихает и норовит устроиться спать за столом. Мать смеется. Ванька тоже улыбается. Едят.

Через несколько минут Ванька объявляет, что наелся до отвала. Но мать заставляет есть еще.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ты же себя обманываешь – не кого-нибудь, – говорит она.

..После ужина Ванька стоит перед матерью и спит, свесив голову. Материны теплые руки поворачивают Ваньку: полоска клеенчатого сантиметра обвивает Ванькину грудь, шею – ему шьется новая рубаха. Сантиметр холодный – Ванька ежится.

Потом Ванька лезет на полати и, едва коснувшись подушки, засыпает. Наташка тоже спит. В одной руке у нее зажат пельмень.

В самый последний момент Ванька слышит стрекот швейной машинки – завтра он пойдет в школу в новой рубахе.

Дядя Ермолай
Вспоминаю из детства один случай.

Была страда. Отмолотились в тот день рано, потому что заходил дождь. Небо – синим-сине, и уж дергал ветер. Мы, ребяташки, рады были дождю, рады были отдохнуть, а дядя Ермолай, бригадир, недовольно поглядывал на тучу и не спешил.

– Не будет никакого дождя. Пронесет все с бурей. – Ему охота было домолотить скирду. Но... все уж собирались, и он скрепя сердце тоже стал собираться.

До бригадного дома километра полтора. Пока добрались, пустили коней и поужинали, густая синева небесная напозла, но дождя не было. Налетел сильный ветер, поднялась пыль... Во мгле трепетно вспыхивали молнии и гремел гром. Ветер рвал, носил, а дождя не было.

– Самая воровская ночь, – сказал дядя Ермолай. – Ну-ка, Гришка... – дядя Ермолай поискал глазами, я попался ему. – Гришка с Васькой, идите на точку – там ночуете. А то как бы в такую-то ночку не подъехал кто да не нагреб зерна. Ночь-то... самая такая.

Мы с Гришкой пошли на ток.

Полтора километра, которые мы давеча проскакали мигом, теперь показались нам долгими и опасными. Гроза разыгралась вовсю: вспыхивало и гремело со всех сторон! Прилетали редкие капли, больно били по лицу. Пахло пылью и чем-то вроде жженым – резко, горько. Так пахнет, когда кресалом бьют по кремнию, добывая огонь.

Когда вверху вспыхивало, все на земле – скирды, деревья, снопы в суслонах, неподвижные кони, – все как будто на миг повисало в воздухе, потом тьма проглатывала все; сверху гремело гулко, уступами, как будто огромные камни срывались с горы в пропасть, сшибались и прыгали.

Мы наконец заблудились. Сбились с дороги и потеряли ту скирду, у какой молотили. Их было много. Останавливались, ждали, когда осветит: опять все вроде подскакивало, короткий миг висело в воздухе, в синем, резком свете, и все опять исчезало, и в кромешной тьме грохотало.

– Давай залезем в первую попавшую скирду и заночуем, – предложил Гришка.

– Давай, конечно.

– А утром скажем, что ночевали на точкэ, кто узнает?!

Залезли в обмолоченную скирду, в теплую пахучую солому. Поговорили малость, наказали себе проснуться пораньше... И не заметили, как и заснули, не слышали, как ночью шел дождь.

Утро раскинулось ясное, умытое, тихое. Мы проспали. Но так как ночью хорошо промочило, наши молотить рано не поедут, мы знали. Мы пошли в дом.

– Ну, караульщики, – спросил дядя Ермолай, увидев нас, мне показалось, что он смотрит пытливо. – Как ночевали?

– Хорошо.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Все там в порядке? На точкѣ-то?

– Все в порядке. А что?

– Ничего. Спрашиваю... Я посылал, я и спрашиваю. «А что?» – А сам все смотрит. Мне стало не по себе. – Зерно-то целое?

– Целое. – У Гришки круглые, ясные глаза; он смотрит не мигая. – А что?

– Да вы были там?! На точкѣ-то?

У меня заныл кончик позвоночника, копчик. Гришка тоже растерялся... Хлоп-хлоп глазами.

– Как это «были»?..

– Ну да, были вы там?

– Были. А где же мы были?

Эх, тут дядя Ермолай взвился:

– Да не были вы там, сукины вы сыны! Вы где-то под суслоном ночевали, а говорите – на точкѣ! Сгребу вот сейчас обоих да носом – в точок-то, носом, как котов пакостливых. Где ночевали?

– От... Ты чо?

– Где ночевали?!

– На точкѣ. – Гришка, видно, решил стоять насмерть.

Мне стало легче.

– Васька, где ночевали?

– На точкѣ.

– Да растудят вашу туда-суда и в ребра!.. – Дядя Ермолай аж за голову взялся и болезненно сморщился. – Ты гляди, что они вытворяют-то! Да не было вас на току, не бы-ло-о! Я ж был там! Ну?! Обормоты вы такие, обормоты! Я ж следом за вами пошел туда – думаю, дошли ли они хоть? Не было вас там!

Это нас не смутило – что он, оказывается, был на току.

– Ну и что?

– Что?

– Ну и... мы тоже были. Мы, значит, маленько попозже... Мы блудили.

– Где попозже?! – взвизгнул дядя Ермолай. – Где попозже-то?! Я там весь дождь переждал! Я только к свету оттуда уехал. Не было вас там!

– Были...

Дядя Ермолай ошалел... Может быть, мы – в глазах его – тоже на миг подпрыгнули и повисли в воздухе, как вчерашние скирды и кони, – отчего-то у него глаза сделались большие и удивленные.

– Были?

– Были.

Он схватил узду... Мы – в разные стороны. Дядя Ермолай постоял с уздой, бросил, сморщился болезненно и пошел прочь, вытирая ладошкой глаза. Он был не очень здоровый.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Обормоты, – говорил он на ходу. – Не были же, не были – и в глаза врут стоят. Штыбы бы вам околеть, не доживая веку! Штыбы бы вам... жоны злые попались!.. Обормоты. В глаза врут стоят – и хоть бы что! О!.. – Дядя Ермолай повернулся к нам. – Да ты скажи честно: испужались, может, не нашли – нет, в глаза смотрят и врут. Обормоты... По пять трудодней снимаю, раз вы такие.

Днем, когда молотили, дядя Ермолай еще раз подошел к нам.

– Гришка, Васьк... сознайтесь, не были на точкэ? По пять трудодней не сниму. Не были же?

– Были.

Дядя Ермолай некоторое время смотрел на нас... Потом позвал с собой.

– Идите суда... Идите, идите. Вот тут вот я от дождя прятался. – Показал. И посмотрел на нас с мольбой: – А вы где же прятались?

– А мы – с той стороны.

– С какой?

– Ну, с той.

– Да где же с той-то?! Где с той-то? – Он опять стал терять терпение. – Я же шумел вас, звал!.. Я ее кругом всю обошел, скирду-то. А молонья такая резала, что тут не то что людей, иголку на земле найдешь. Где были-то?

– Тут.

Дядя Ермолай из последних сил крепился, чтоб опять не взвиться. Опять сморщился...

– Ну, ладно, ладно... Вы, может, боитесь, что я ругаться буду? Не буду. Только честно скажите: где ночевали? Не скину по пять трудодней... Где ночевали?

– На току.

– Да где на току-то, – сорвался дядя Ермолай. – Где на току-то?! Где, когда я... У-у, обормоты! – Он заискал глазами – чем бы огреть нас.

Мы убежали.

Дядя Ермолай ушел за скирду... Опять, наверно, всплакнул. Он плакал, когда ничего не мог больше.

Потом молотили. По пять трудодней он с нас не скинул.

Теперь, много-много лет спустя, когда я бываю дома и прихожу на кладбище помянуть покойных родных, я вижу на одном кресте: «Емельянов Ермолай ...вич».

Ермолай Григорьевич, дядя Ермолай. И его тоже поминаю – стою над могилой, думаю. И дума моя о нем – простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут, как дед мой, бабка. Простая дума. Только додумать я ее не умею, со всеми своими институтами и книжками. Например: что́ был в этом, в их жизни, какой-то большой смысл? В том именно, как они ее прожили. Или – не было никакого смысла, а была одна работа, работа... Работали да детей рожали. Видел же я потом других людей... Вовсе не лодырей, нет, но... свою жизнь они понимают иначе. Да сам я ее понимаю теперь иначе! Но только когда смотрю на эти холмики, я не знаю: кто из нас прав, кто умнее? Не так – не кто умнее, а – кто ближе к Истине. И уж совсем мучительно – до отчаяния и злости – не могу понять: а в чем Истина-то? Ведь это я только так – грамоты ради и слегка из трусости – величаю ее с заглавной буквы, а не знаю – что она? Перед кем-то хочется снять шляпу, но перед кем? Люблю этих, под холмиками. Уважаю. И жалко мне их.

Микроскоп

На это надо было решиться. Он решился.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Как-то пришел домой – сам не свой – желтый; не глядя на жену, сказал:

– Это... я деньги потерял. – При этом ломаный его нос (кривой, с горбатинкой) из желтого стал красным. – Сто двадцать рублей.

У жены отвалилась челюсть, на лице появилось просительное выражение: может, это шутка? Да нет, этот кривоносик никогда не шутит, не умеет. Она глупо спросила:

– Где?

Тут он невольно хмыкнул:

– Да как если б я знал, я б пошел и...

– Ну, не-ет!! – взревела она. – Ухмыляться ты теперь до-олго не будешь! – и побежала за сковородником. – Месяцев девять, гад!

Он схватил с кровати подушку – отражать удары. (Древние только форсили своими сверкающими щитами. Подушка!) Они закружились по комнате...

– Подушку-то, подушку-то мараешь! Самой стирать!..

– Выстираю! Выстираю, кривоносик! А два ребра мои будут! Мои! Мои!..

– По рукам, слушай!..

– От-теньки-коротеньки!.. Кривенькие носики!

– По рукам, зараза! Я ж завтра на бюлитень сяду! Тебе же хуже!

– Садись!

– Тебе же хуже...

– Пускай!

– Ой!

– От так!

– Ну будет?

– Нет, дай я натешусь! Дай мне душеньку отвести, скважина ты кривоносая! Дятел...

– Тут она наловчилась и больно достала его по голове. Немножко сама испугалась...

Он бросил подушку, схватился за голову, застонал. Она пылливо смотрела на него: притворяется или правда больно? Решила, что – правда. Поставила сковородник, села на табуретку и завывала. Да с причетом, с причетом:

– Ох, да за што же мне долюшка така-ая-а?.. Да копила-то я их, копила!.. Ох, да лишний-то раз кусочка белого не ела-а!.. Ох, да и детушкам своим пряничка сладкого не покупала!.. Все берегла-то я, берегла, скважина ты кривоносая-а!. Ох-х!.. Каждую-то копеечку откладывала да радовалась – будут у моих детушек к зиме шубки теплые да нарядные!.. И будут-то они ходить в школу не рваные да не холодные!..

– Где это они у тебя рваные-то ходят? – не вытерпел он.

– Замолчи, скважина! Замолчи. Съел ты эти денюжки от своих же детей! Съел и не подавился... Хоть бы ты подавился имя, нам бы маленько легче было...

– Спасибо на добром слове, – ядовито прошептал он.

– Мх-х, скважина!.. Где был-то? Может, вспомнишь?.. Может, на работе забыл где-нибудь? Может, под верстак положил да забыл?

– Где на работе!.. Я в сберкассе-то с работы пошел. На работе...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ну, может, заходил к кому, скважина?

– Ни к кому не заходил.

– Может, пиво в ларьке пил с алкоголиками?.. Вспомни. Может, выронил на пол... Беги, они пока ишо отдадут.

– Да не заходил я в ларек!

– Да где ж ты их потерять-то мог, скважина?

– Откуда я знаю?

– Ждала его!.. Счас бы пошли с ребятишками, примерили бы шубки... Я уж там подобрала – какие. А теперь их разберут. Ох, скважина ты, скважина...

– Да будет тебе! Заладила: скважина, скважина...

– Кто же ты?

– Што теперь сделаешь?

– Будешь в две смены работать, скважина! Ты у нас худой будешь... Ты у нас выпьешь теперь читушечку после бани, выпьешь! Сырой водички из колодца...

– Нужна она мне, читушечка. Без нее обойдусь.

– Ты у нас пешком на работу ходить будешь! Ты у нас покатаешься на автобусе.

Тут он удивился:

– В две смены работать и – пешком? Ловко...

– Пешком! Пешком – туда и назад, скважина! А где, так ишо побежишь – шток не опоздать. Отольются они тебе, эти денюжки, вспомнишь ты их не раз.

– В две не в две, а по полторы месячишко отломаю – ничего, – серьезно сказал он, потирая ушибленное место. – Я уж с мастером договорился... – Он не сообразил сперва, что проговорился. А когда она недоуменно глянула на него, поправился: – Я, как хватился денег-то, на работу снова поехал и договорился.

– Ну-ка дай сберегательную книжку, – потребовала она. Посмотрела, вздохнула и еще раз горько сказала: – Скважина.

С неделю Андрей Ерин, столяр маленькой мастерской при «Заготзерне», что в девяти километрах от села, чувствовал себя скверно. Жена все злилась; он то и дело получал «скважину», сам тоже злился, но обзывать вслух не смел.

Однако дни шли... Жена успокаивалась. Андрей ждал. Наконец решил, что – можно.

И вот поздно вечером (он действительно «вламывал» по полторы смены) пришел он домой, а в руках держал коробку, а в коробке, заметно, что-то тяжеленькое. Андрей тихо сиял.

Ему нередко случалось приносить какую-нибудь работу на дом, иногда это были небольшие какие-нибудь деревянные штучки, ящички, завернутые в бумагу, – никого не удивило, что он с чем-то пришел. Но Андрей тихо сиял. Стоял у порога, ждал, когда на него обратят внимание... На него обратили внимание.

– Чего эт ты, как... голый зад при луне, светисся?

– Вот... дали за ударную работу... – Андрей прошел к столу, долго распаковывал коробку... И наконец открыл. И выставил на стол... микроскоп. – Микроскоп.

– Для чего он тебе?

Тут Андрей Ерин засуетился. Но не виновато засуетился, как он всегда суетился, а как-то снисходительно засуетился.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Луну будем разглядывать! – И захохотал. Сын-пятиклассник тоже засмеялся: луну в микроскоп!

– Чего вы? – обиделась мать.

Отец с сыном так и покатались.

Мать навела на Андрея строгий взгляд. Тот успокоился.

– Ты знаешь, что тебя на каждом шагу окружают микробы? Вот ты зачерпнула кружку воды... Так? – Андрей зачерпнул кружку воды. – Ты думаешь, ты воду пьешь?

– Пошел ты!!.

– Нет, ты ответь.

– Воду пью.

Андрей посмотрел на сына и опять невольно захохотал:

– Воду она пьет!.. Ну не дура?..

– Скважина! Счас сковородник возьму.

Андрей снова посерьезнел.

– Микробов ты пьешь, голубушка, микробов. С водой-то. Миллиончика два тяпнешь – и порядок. На закуску! – Отец и сын опять не могли удержаться от смеха. Зоя (жена) пошла в куть за сковородником.

– Гляди суда! – закричал Андрей. Подбежал с кружкой к микроскопу, долго настраивал прибор, капнул на зеркальный кружок капельку воды, приложился к трубке и, наверно, минуты две, еле дыша, смотрел.

Сын стоял за ним – смерть как хотелось тоже глянуть.

– Пап!..

– Вот они, собаки!.. – прошептал Андрей Ерин. С каким-то жутким восторгом прошептал: – Разгуливают...

– Ну, пап!

Отец дрыгнул ногой.

– Туда-суда, туда-суда!.. Ах, собаки!

– Папка!

– Дай ребенку посмотреть! – строго велела мать, тоже явно заинтересованная.

Андрей с сожалением оторвался от трубки, уступил место сыну. И жадно и ревниво уставился ему в затылок. Нетерпеливо спросил:

– Ну?

Сын молчал.

– Ну?!

– Вот они! – заорал парнишка. – Беленькие...

Отец оттащил сына от микроскопа, дал место матери.

– Гляди! Воду она пьет...

Мать долго смотрела... Одним глазом, другим...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да никого я тут не вижу.

Андрей прямо зашелся весь, стал удивительно смелый.

– Оглазела! Любую копейку в кармане найдет, а здесь микробов разглядеть не может. Они ж чуть не в глаз тебе прыгают, дура! Беленькие такие...

Мать, потому что не видела никаких беленьких, а отец с сыном видели, не осердилась.

– Вон, однако... – Может, соврала, у нее выскакивало. Могла приврать.

Андрей решительно оттолкнул жену от микроскопа и прилип к трубке сам. И опять голос его перешел на шепот:

– Твою мать, што делают! Што делают!..

– Мутненькие такие? – расспрашивала сзади мать сына. – Вроде как жиринки в супу?.. Они, што ли?

– Ти-ха! – рявкнул Андрей, не отрываясь от микроскопа. – Жиринки... Сама ты жиринка. Ветчина целая. – Странно, Андрей Ерин становился крикливым хозяином в доме.

Старший сынишка-пятиклассник засмеялся. Мать дала ему подзатыльник. Потом подвела к микроскопу младших.

– Ну-ка, ты, доктор кислых щей!.. Дай детям посмотреть. Уставился...

Отец уступил место у микроскопа и взволнованно стал ходить по комнате. Думал о чем-то.

Когда ужинали, Андрей все думал о чем-то, поглядывал на микроскоп и качал головой. Зачерпнул ложку супа, показал сыну:

– Сколько здесь?.. Приблизительно?

Сын наморщил лоб:

– С полмиллиончика есть.

Андрей Ерин прищурил глаз на ложку.

– Не меньше. А мы их – ам! – Он проглотил суп и хлопнул себя по груди. – И – нету. Сейчас их там сам организм начнет колошматить. Он-то с имя управляется!

– Небось сам выпросил? – жена с легким неудовольствием посмотрела на микроскоп. – Может, пылесос бы дали. А то пропылесосить – и нечем.

Нет, бог, когда создавал женщину, что-то такое намудрил. Увлекся творец, увлекся. Как всякий художник, впрочем. Да ведь и то – не Мыслителя делал.

Ночью Андрей два раза вставал, зажигал свет, смотрел в микроскоп и шептал:

– От же ж собаки!.. Што вытворяют. Што они только вытворяют! И не спится им!

– Не помешайся, – сказала жена, – тебе ведь немного и надо-то – тронешься.

– Скоро начну открывать, – сказал Андрей, залезая в тепло к жене. – Ты с ученым спала когда-нибудь?

– Еще чего!..

– Будешь. – И Андрей Ерин ласково похлопал супругу по мягкому плечу. – Будешь, дорогуша, с ученым спать...

Неделю, наверно, Андрей Ерин жил, как во сне. Приходил с работы, тщательно

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru умывался, наскоро ужинал... Косился на микроскоп.

– Дело в том, – рассказывал он, – что человеку положено жить сто пятьдесят лет. Спрашивается, почему же он шестьдесят, от силы семьдесят – и протянул ноги? Микробы! Они, сволочи, укорачивают век человеку. Пролезают в организм, и, как только он чуток ослабнет, они берут верх.

Вдвоем с сыном часами сидели они у микроскопа, исследовали. Рассматривали каплю воды из колодца, из питьевого ведра... Когда шел дождик, рассматривали дождевую капельку. Еще отец посылал сына взять для пробы воды из лужицы... И там этих беленьких кишмя кишело.

– Твою мать-то, што делают!.. Ну вот как с имя бороться? – У Андрея опускались руки. – Наступил человек в лужу, пришел домой, наследил... Тут же прошел и ребенок босыми ногами и, пожалуйста, подцепил. А какой там организм у ребенка!

– Поэтому всегда надо вытирать ноги, – заметил сын. – А ты не вытираешь.

– Не в этом дело. Их надо научиться прямо в луже уничтожать. А то – я вытру, знаю теперь, а Сенька вон Маров... докажи ему: как шлепал, дурак, так и впредь будет.

Рассматривали также капельку пота, для чего сынишка до изнеможения бегал по улице, потом отец ложечкой соскреб у него со лба влагу – получили капельку, склонились к микроскопу...

– Есть! – Андрей с досадой ударил себя кулаком по колену. – Иди проживи сто пятьдесят лет!.. В коже и то есть.

– Давай спробуем кровь? – предложил сын.

Отец уколол себе палец иголкой, выдавил ярко-красную ягодку крови, стряхнул на зеркальце... Склонился к трубке и застонал.

– Хана, сынок, – в кровь пролезли! – Андрей Ерин распрямился, удивленно посмотрел вокруг. – Та-ак. А ведь знают, паразиты, лучше меня знают – и молчат!

– Кто? – не понял сын.

– Ученые. У их микроскопы-то получше нашего – все видят. И молчат. Не хотят расстраивать народ. А чего бы не сказать? Может, все вместе-то и придумали бы, как их уничтожить. Нет, сговорились и молчат. Волнение, мол, начнется.

Андрей Ерин сел на табуретку, закурил.

– От какой мелкой твари гибнут люди! – Вид у Андрея был убитый.

Сын смотрел в микроскоп.

– Друг за дружкой гоняются! Эти маленько другие... Кругленькие.

– Все они – кругленькие, длиненькие – все на одну масть. Матери не говори пока, што мы у меня их в крове видели.

– Давай у меня посмотрим?

Отец внимательно поглядел на сына... И любопытство и страх отразились в глазах у Ерина-старшего. Руки его, натруженные за много лет – большие, пропахшие смольем... чуть дрожали на коленях.

– Не надо. Может, хоть у маленьких-то... Эх, вы! – Андрей встал, пнул со зла табуретку. – Вшей, клопов, личинок всяких – это научились выводить, а тут каких-то... меньше же гниды самой маленькой – и ничего сделать не можете! Где же ваша ученая степень?!

– Вшу видно, а этих... Как ты их?

Отец долго думал.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Скипидаром?.. Не возьмет. Водка-то небось покрепче... я ж пью, а вон, видел, што делается в крови-то!

– Водка в кровь, что ли, поступает?

– А куда же? С чего же дуреет человек?

Как-то Андрей принес с работы длинную тонкую иглу... Умылся, подмигнул сыну, и они ушли в горницу.

– Давай попробуем... Наточил проволочку – может, сумеем наколоть парочку.

Кончик проволочки был тонкий-тонкий – прямо волосок. Андрей долго ширял этим кончиком в капельку воды. Пыхтел... Вспотел даже.

– Разбегаются, заразы... Нет, толстая, не наколоть. Надо тоньше, а тоньше уже нельзя – не сделать. Ладно, счас поужинаем, попробуем их током... Я батарейку прихватил: два проводка подведем и законтачим. Посмотрим, как тогда будут...

И тут-то во время ужина нанесло неуверенного: зашел Сергей Куликов, который работал вместе с Андреем в «Заготзерне». По случаю субботы Сергей был под хмельком, потому, наверно, и забрел к Андрею – просто так.

В последнее время Андрею было не до выпивок, и он с удивлением обнаружил, что брезгует пьяными. Очень уж они глупо ведут себя и говорят всякие несуразные слова.

– Садись с нами, – без всякого желания пригласил Андрей.

– Зачем? Мы вот тут... Нам што? Нам – в уголку!.. «Ну чего вот сдуру сиротой казанской прикинулся?»

– Как хочешь.

– Дай микробов посмотреть?

Андрей встревожился.

– Каких микробов? Иди проспись, Серега... Никаких у меня микробов нету.

– Чего ты скрываешь-то? Оружью, што ли, прячешь? Научное дело... Мне мой парнишка все уши прожужжал: дядя Андрей всех микробов хочет уничтожить. Андрей! – Сергей стукнул себя в грудь кулаком, устремил свирепый взгляд на «ученого». – Золотой памятник отольем!.. На весь мир прославим! А я с тобой рядом работал!.. Андрюха!

Зое Ериной, хоть она тоже не выносила пьяных, тем не менее лестно было, что по селу говорят про ее мужа – ученый. Скорей по привычке поворчать при случае, чем из истинного чувства, она заметила:

– Не могли уж чего-нибудь другое присудить? А то – микроскоп. Свихнется теперь мужик – ночи не спит. Што бы – пылесос какой-нибудь присудить... А то пропылесосить и нечем, не соберемся никак купить.

– Кого присудить? – не понял Сергей.

Андрей Ерин похолодел.

– Да премию-то вон выдали... Микроскоп-то этот...

Андрей хотел было как-нибудь – глазами – дать понять Сергею, что... но куда там! Тот уставился на Зою как баран.

– Какую премию?

– Ну премию-то вам давали!

– Кому?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Зоя посмотрела на мужа, на Сергея...

– Вам премию выдавали?

– Жди, выдадут они премию! Догонят да ишо раз выдадут. Премию...

– А Андрею вон микроскоп выдали... за ударную работу... – Голос супруги Ериной упал до жути – она все поняла.

– Они выдадут! – разорялся в углу пьяный Сергей. – Я в прошлом месяце на сто тридцать процентов нарядов назакрывал... так? Вон Андрей не даст соврать...

Все рухнуло в один миг и страшно устремилось вниз, в пропасть.

Андрей встал... Взял Сергея за шкурку и вывел из избы. Во дворе стукнул его разок по затылку, потом спросил:

– У тебя три рубля есть? До полочки...

– Есть... Ты за што меня ударил?

– Пошли в лавку. Кикимора ты болотная!.. Какого хрена пьяный болтаешься по дворам?.. Эх-х... Чурка ты с глазами.

В эту ночь Андрей Ерин ночевал у Сергея. Напились они с ним до соплей. Пропили свои деньги, у кого-то еще занимали до полочки.

Только на другой день, к обеду, заявился Андрей домой... Жены не было.

– Где она? – спросил сынишку.

– В город поехала, в эту... как ее... в коммиссионку.

Андрей сел к столу, склонился на руки. Долго сидел так.

– Ругалась?

– Нет. Так, маленько. Сколько пропил?

– Двенадцать рублей. Ах, Петька... сынок... – Андрей Ерин, не поднимал головы, горько сморщился, заскрипел зубами. – Разве же в этом дело?! Не поймешь ты по малости своей... не поймешь...

– Понимаю: она продаст его.

– Продаст. Да... Шубки надо. Ну ладно – шубки, ладно. Ничего... Надо: зима скоро. Учись, Петька! – повысил голос Андрей. – На карачках, но ползи в науку – великое дело. У тя в копилке мелочи нисколько нету?

– Нету, – сказал Петька. Может, соврал.

– Ну и ладно, – согласился Андрей. – Учись знай. И не пей никогда... Да они и не пьют, ученые-то. Чего им пить? У их делов хватает без этого.

Андрей посидел еще, покивал грустно головой... И пошел в горницу спать.

Непротивленец Макар Жеребцов

Всю неделю Макар Жеребцов ходил по домам и обстоятельно, въедливо учил людей добру и терпению. Учил жить – по возможности весело, но благоразумно, с «пониманием многомиллионного народа».

Он разносил односельчанам письма. Работу свою ценил, не стыдился, что он, здоровый, пятидесятилетний, носит письма и газетки. Да пенсию старикам.

Шагал по улице – спокойный, сосредоточенный.

Его окликали:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Макар, нету?

– Ты же видишь – мимо иду, значит, нету.

– Чего же нету-то? Пора уж. Черти окаянные.

Макар подходил к пряслу, вешал свою сумку на колышек, закуривал.

– Сколько у нас, в СССР, народу?

Старуха не знала.

– Дьявол их знает, сколько? Много небось.

– Много. – Макар тоже точно не знал сколько. – И всем надо выдать пенсию...

– Чего же всем-то? Все – зарплату получают.

– Ну, я неправильно выразился. Кто заслужил. Так?

– Ну? Чего ты опять?

– Спокойно. Тебе государство задержало пенсию на один день, и ты уже начинаешь возвышать голос. Сама злишься, и на тебя тоже глядеть тошно. А у государства таких, как ты, – миллионы. Спрашивается, совесть-то у вас есть или нету? Вы что, не можете потерпеть день-другой? Вы войдите тоже в ихное-то положение.

Старухи обижались. Старики посылали Макара... дальше.

Макар шел дальше.

– Семен, ездил к сыну-то?

– Ездил...

– Ну, как?

– Никак. Как пил, так и пьет. С работы опять прогнали, свистуна.

– Ну, ты, конечно, коршуном на него. Такой-сякой-разэдакий!

– А как же мне с им? Петя, сынок, уймись с пьянкой?

– Да где там! Ты и слов-то таких не знаешь. Ты привык языком-то, как оглоблей, ломить... Самого, дурака, с малых лет поленом учили, ты думаешь, и всегда так надо. Теперь совсем другая жизнь...

– Раньше так пили, как он заливаается? Другая жизнь...

– А ты войди в его положение. Он – молодой, дорвался до вольной жизни, деньжаты появились... Ведь тут какую силу воли надо иметь, чтоб сражаться? Кониную. С другой стороны, его тоска гложет – оторвался от родительского дома. Ты вон в город-то на неделю уедешь, и то тебя домой манит, а он сколько уж лет там. Он небось сходит в кино, поглядит про деревню – и пойдет выпьет. Это же все понимать надо.

– Ты, лоботряс, только рассуждать умеешь. А коснись самого, не так бы запел. Ходишь по деревне, пустозвонишь... Пустозвон. Чего ты лезешь не в свое дело?

– Я вас учу, дураков. Ты приехай к нему, к Петьке-то, да сядь выпей с ним...

– У тебя прям не голова, а сельсовет.

– Да. Выпей. А потом к нему потихоньку в душу: сократись, сынок, сократись, милый. Ведь мы все пьем по праздникам... Праздничек подошел – выпей, прошел праздничек – пора на работу, а не похмеляться. Та-ак. А как же? Поговорить надо, убедить человека. Да не матерным словом, а ласковым, ласковым, оно, глядишь,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru скорей дойдет.

– Его надо поленом по башке, а не ласковым словом.

– Во-от. Я и говорю: бараны. Рога на лбу выросли – и довольные: бодаться можно. А ты же человек, тебе разум даден, слово доходчивое...

– Иди ты!..

– Эх, вы.

Макар шагал дальше, и сердце его сосала, сладко прикусывая, жирная, мягкая змея, какая сосет сердца всех оскорбленных проповедников.

Иногда дело доходило до оплеух.

У Ивана Соломина жена Настя родила сына. Иван заспорил с Настей – как назвать новорожденного. Иван хотел – Иваном: Иван Иванович Соломин. Настя хотела, чтоб был – Валерик. Супруги серьезно поссорились. И в это-то самое время Макар принес им письмо от сестры Настиной, которая жила с мужем в Магадане и писала в письмах, что живут они очень хорошо, что у них в доме только одной живой воды нет, а так все есть, «но, сами понимаете, – в концервах, так как климыт здесь суровый».

Макар посмотрел красный безымянный комочек, поздравил родителей... И те, конечно, схватились перед ним – каждый свое доказывать.

– Иван!.. Иванов-то нынче осталось – ты да Ваня-дурачок в сказке. Умру – не дам Ванькой назвать! Сам как Ваня-дурачок...

– Сама ты дура! Счас в этом деле назад повернули, к старому. Посмотри в городах...

Макар весь подобрался, накогтился – почуял добычу.

– Спокойно, Иван, – сказал он хозяину. – Не обзывайся. Даже если она тебе законная жена, все равно ты ее не имеешь права дурачить. Она тебе – «Ваня-дурачок», допустим, а ты ей – «несмышлениш мой» или еще как-нибудь. Ласково. Ей совестно станет, она замолчит. А не замолчит – сам замолчи. Скрепись и молчи.

– Иди отсюда, миротворец!

– И меня не надо посылать. Зачем меня посылать? Ты меня послушай, постарайся сперва понять, а потом уж посылай. Ведь я к тебе не с войной пришел, не лиходея тебе, а по новым законам – твой друг и товарищ. И хочу вам подать добрый совет: назови-ка ты сынка своего Митей – в честь свояка магаданского. Ведь они вам и посылки шлют, и денюжат нет-нет подкинут... А напиши-ка ему, что вот, мол, своячок, в честь тебя сына назвал – Митрием. Он бы где – одну посылку, а тут подумает-подумает да две ахнет. А как же: в честь меня сына назвали, это бо-оль-шое уважение. За уважение люди тоже уважением плотют.

Иван чего-то озверел.

– Иди отсюда, гад подколодный! Чего ты лезешь не в свое дело?!

Макар посмеялся кротко, снисходительно, ласково. Он знал драчливый характер Ивана.

– Ах, пошуметь бы?.. Ах бы да сейчас развоеваться бы?.. Эх, ты. Ваня и есть.

Иван и в самом деле взял почтальона за шкуру, подвел к двери и дал пинка под зад.

– За совет!

Макар пошагал дальше по улице. Потирал ушибленное место и шептал:

– Нога у дьявола – конская.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

И начинал рассказывать встречным:

– Иван Соломин... Зашел к нему, у них пыль до потолка: не могут имя сыну придумать. Я и подскази им: Митрий. У него свояк в Магадане – Митрий...

Но Макара не хотели слушать – некогда. Да и мало на селе в летнюю пору встречных.

И вот наступало воскресенье. В воскресенье Макар не работал. Он ждал воскресенья. Он выпивал с утра рюмочку-две, не больше, завтракал, выходил на скамеечку к воротам... Была у него такая скамеечка со столиком, аккуратная такая скамеечка, он удобно устраивался – нога на ногу, закуривал и, поблескивая повлажневшими глазами, ждал кого-нибудь.

– Михеевна!.. Здравствуй, Михеевна! С праздничком!

– С каким, Макар?

– А с воскресеньем.

– Господи, праздник!..

– Сын-то не пишет? Что-то давненько я к тебе не заходил.

– Некогда, поди-ка, расписываться-то. Тоже не курорт – шахты-то эти.

– Всем им, подлецам, некогда. Им водку литрами жрать – на это у них есть время. А письмо матери написать – время нет. Пожалуйся на него директору шахты. Хошь, я сочиню? Заказным отправим...

– Ты что, сдурел, Макар? На родного сына стану директору жалиться!

– Можно хитрей сделать. Можно послать телеграмму: мол, беспокоюсь, не захворал ли? Его все равно вызовут...

– Тьфу, дьявол! Тебе что, делать, что ль, нечего, – выдумываешь сидишь?

– А учить подлецов надо, учить.

Старуха, злая, обиженная за сына, шла дальше своей дорогой.

– Боров гладкий, – бормотала она, – ты их нарожай сперва своих, потом жалься. Подымется ли рука-то?

– Человека – пока не стукнет, до тех пор он не поймет, – говорил сам с собой Макар. – На судьбу обижаемся, а она учит, матушка. Учит.

Проходили еще люди. Макар заговаривал со всеми, и все в таком же духе – в воскресном. Подсказывал, как можно теще насолить, как заставить уважать себя дирекцию совхоза. Надо только смелей быть. Выступать подряд на всех собраниях и каждый раз – против. Они сперва окрысятся, попробуют ущемить как-нибудь, а ты на собрании и про это. Важно – не сдаваться. Когда они поймут, что с тобой ничего нельзя сделать, тогда начнут уважать. А то еще и побаиваться станут – грешки-то есть. У кого их нету?

– Дак ведь возьмут да выгонят.

– А куда выгонять-то? Дальше-то?.. Это ж не с завода.

Где-нибудь часа так в два пополудни к Макару выходил дед Кузьма, выпивоха и правдолюб. Опохмелиться у него никогда денег не было.

– Дай на бутылку. Во вторник поплывем с зятем рыбачить, привезу рыбки.

Макар давал рубль двадцать – на плодово-ягодную. Только просил:

– Приходи здесь пить. А то поговорить не с кем.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Дед приносил бутылку плодово-ягодной, выпивал стакан, и ему сразу легчало.

- Вчерась перебрали с зятем. Тоже лежит мается.
- Отнеси стаканчик.
- Ничо, оклемается – молодой. Мне этой самому – только-только.
- Жадный.
- Нет, – просто говорил дед.
- А взять-то тоже не на что? Зятю-то.
- Да есть у Нюрки... Она рази даст. Тут хоть подохни. Как жена-то?
- Хворает.
- Ты ее, случаем, не поколачиваешь тайком? – чего она у тебя все время хворает?
- Ни разу пальцем не тронул. Так – организм слабый.
- Чудной ты мужик, Макар. Не пойму тебя. Нашенских, кто на глазах рос, всех понимаю, а тебя никак не пойму.
- Чем же я кажусь чудной? – искренне интересовался Макар.
- Ну как же? Подошло воскресенье – ты сидишь день-деньской сложа ручки. Люди ждут не дождутся этого воскресенья, чтоб себе по хозяйству чего-нибудь сделать, а тебе вроде и делать нечего.
- А на кой оно мне... хозяйство-то?
- Вот то и чудно-то. Ты из каких краев-то? Или я уж спрашивал?
- Недалеко отсюда. Что мне его, хозяйство-то, в гроб с собой?
- Ну, тебе до гроба ишо... Поживешь. Работа – не бей лежачего. И не совестно ведь!
- искренне изумлялся дед. – Неужель не совестно? На тебе же пахать надо, а ты...
- Ни на вот эстолько. – Макар показывал кончик мизинца.
- А пошто, например, ты то одно людям говоришь, то другое – совсем наоборот? Чего ты их путаешь-то?

Макар глубокомысленно думал, глядя в улицу, потом говорил. Похоже, всю правду, какую знал про себя.

- Не для этой я жизни родился, дед... Для этой, но гораздо круче умом замешан.
- Для какой же ты жизни?
- Сам не знаю. Вот говоришь – путаю людей. Я сам не знаю, как мне их: жалеть или надсмехаться над ними. Хожу, гляжу – охота помочь советом каким-нибудь. Потом раздумаешься: да пошли вы все!.. Как жили, так и живите – кроты.
- Хм.
- Так вот ходишь неделю, тыкаешься в ихние дела... Потом придет воскресенье, и я вроде отдыхаю. Давайте, думаю, черти, – гните дальше. А я еще какую-нибудь пакость подскажу.
- Во стерва-то!

- Ей-богу! А завтра опять пойду по домам, опять полезу с советами. И знаю, что не слушают они моих советов, а удержаться не могу. Мне бы – в большом масштабе советы-то давать, у меня бы вышло. Ну, подучиться, само собой... У меня какой-то

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
зуд на советы. Охота учить, и все, хоть умри.

– Да и учил бы одному чему, а то, как...

– Да я и хочу! Но ведь я им одно, они меня по матушке. А то и – по загревку. Ванька вон Соломин... так и пустил с крыльца.

– Ххэ!.. У того не заржавит.

– А я для его же пользы – назови, мол, сыночка-то Митей, в честь свояка, свояк-то в лепешку расшибется – будет посылки слать. Какая ему, дураку, разница – Митя у него будет расти или Ваня? А жить все же маленько полегче было бы – свояк-то на Севере тыщи ворочает... А так-то я их не презираю, людей-то. Наоборот, мне их жалко.

Старик допивал остатки вина, поднимался.

– И все-таки стерва ты, – говорил беззлобно. – Путаешь людей.

– Что, пошел?

– Пойду... Зять теперь очухался, погреб небось копает. Он с похмелья злой на работу. Помочь надо. Рыбки-то занесу килограмма два. Во вторник.

– Ладно, сгодится. Я до ухи любитель.

– Спасибо, что выручил.

– Не за что.

Дед уходил. А Макар оставался сидеть на скамеечке, глядел на село, курил.

Иногда из дома выходила больная жена – к теплу, к солнышку. Присаживалась рядышком.

– Вот ведь сколько домов!.. – раздумчиво, не глядя на жену, говорил Макар. – И в каждом дому – свое. А это – только одна деревня. А их, таких деревень-то, по России – оё-ёй сколько!..

– Много, – соглашалась жена.

– Много, – вздыхал Макар. – Много. Где же всем поможешь! Завязнешь к чертям... Или – пристукнут где-нито насовсем. А все же жалко, дураков...

Материнское сердце

Витька Борзенков поехал на базар в районный городок, продал сала на сто пятьдесят рублей (он собирался жениться, позарез нужны были деньги), пошел в винный ларек «смазать» стакан-другой красного. Пропустил пару, вышел, закурил... Подошла молодая девушка, попросила:

– Разрешите прикурить.

Витька дал ей прикурить от своей папироски, а сам с интересом разглядывал лицо девушки – молодая, припухла, пальцы трясутся...

– С похмелья? – прямо спросил Витька.

– Ну, – тоже просто и прямо ответила выпивоха, с наслаждением затягиваясь «беломориной».

– А похмелиться не на что, – стал дальше развивать мысль Витька, довольный, что умеет понимать людей, когда им худо.

– А у тебя есть?

(Никогда бы, ни с какой стати не влетело в лоб Витьке, что девушка специально наблюдала за ним, когда он продавал сало, и что у ларька она его просто подкараулила.)

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Пойдем, поправься. – Витьке понравилась девушка – миловидная, стройненькая... А ее припухлость и особенно откровенность, с какой она призналась в своей несостоятельности, даже как-то взволновали.

Они зашли в ларек... Витька взял бутылку красного, два стакана... Они тут же, в уголке, раздавили бутылочку. Витька выпил полтора стакана, остальное великодушно налил девушке. Они вышли опять на крыльцо, закурили. Витьке стало хорошо, девушке тоже полегчало. Обоим стало хорошо.

– Здесь живешь?

– Вот тут, недалеко, – кивнула девушка. – Спасибо, легче стало.

– Врезала вчера? – Витьке было легко и просто с девушкой, удивительно.

– Было дело.

– Может, еще хочешь?

– Можно вообще-то... Только не здесь.

– Где же?

– Можно ко мне пойти, у меня дома никого нет...

В груди у Витьки нечто такое – сладостно-скользкое – вильнуло хвостом. Было еще рано, а до деревни своей Витьке ехать полтора часа автобусом – можно все успеть сделать.

Они взяли бутылку белой и пару бутылок красного.

– У меня там еще подружка есть, – подсказала девушка, когда Витька соображал, сколько взять. Он поэтому и взял: одну белую и две красных.

– С закусом одолеем, – решил он. – Есть чем закусить?

– Найдем.

Пошли с базара как давние друзья.

– Чего приезжал?

– Сало продал. Деньги нужны – женюсь.

– Да?

– Женюсь. Хватит бурлачить. – Странно, Витька даже и не подумал, что поступает нехорошо в отношении невесты – куда-то идет с незнакомой девушкой, и ему хорошо с ней, лучше, чем с невестой, – интересней.

– Хорошая девушка?

– Как тебе сказать?... Домовитая. Хозяйка будет хорошая.

– А насчет любви?

– Как тебе сказать?... Такой, как раньше бывало, – здесь вот кипятком подмывало чего-то такое, – такой нету. Так... Надо же когда-нибудь жениться.

– Не промахнись. Будешь потом... Не привязанный, а визжать будешь.

– Да я уж накобелился на свой век – хватит.

В общем, поговорили в таком духе, пришли к дому девушки. (Ее звали Рита.) Витька и не заметил, как дошли и как шли – какими переулками. Домик как домик – старенький, темный, но еще будет стоять семьдесят лет, не охнет.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
В комнатке (их три) чистенько, занавесочки, скатерочки на столах – уютно. Витька
вовсе воспрянул духом.

«Шик-блеск-тру-ля-ля», – всегда думал он, когда жизнь сулила скорую радость.

– А где же подружка?

– Я сейчас схожу за ней. Посидишь?

– Посижу. Только поскорей, ладно?

– Заведи вон радиолу, чтоб не скучать. Я быстро.

Ну почему так легко, хорошо Витьке с этой девушкой? Пять минут знакомы, а... Ну, жизнь! У девушки грустные, задумчивые, умные глаза. Когда она улыбается, глаза не улыбаются, и это придает ее круглому личику необъяснимую прелесть – маленькая, усталая женщина. Витьке то вдруг становится жалко девушку, то до боли охота стиснуть ее в объятиях, измять, куснуть ее припухшие, влажные губы.

Рита ушла. Витька стал ходить по комнате – радиолу не завел: без радиолы сердце млело в радостном предчувствии.

Потом помнит Витька: пришла подружка Риты – похуже, постарше, потасканная и притворная. Затараторила с ходу, стала рассказывать, что она когда-то была в цирке: «работала каучук». Потом пили... Витька прямо тут же, за столом целовал Риту, подружка смеялась одобрительно, а Рита слабо била рукой Витьку по плечу, вроде отталкивала, а сама льнула тугой грудью и другой рукой обнимала за шею.

«Вот она – жизнь! – ворочалось в горячей голове Витьки. – Вот она – зараза кипучая, желанная. Молодец я!»

Потом Витька ничего не помнит – как отрезало. Очнулся поздно вечером под каким-то забором... Долго и мучительно соображал, где он, что произошло. Голова гудела, виски вываливались от боли. Во рту пересохло все, спеклось. Кое-как припомнил он девушку Риту, губы ее мягкие, послушные... И понял: опоири чем-то, одурманили и, конечно, забрали деньги. Мысль о деньгах сильно встряхнула. Он с трудом поднялся, обшарил карманы: да, денег не было. Витька прислонился к забору, осмотрелся... Нет, ничего похожего на дом Риты поблизости не было. Все другое, совсем другие дома.

У Витьки в укромном месте, в загашнике, был червонец – еще на базаре сунул туда на всякий случай. Пошарил – там червонец. Витька пошел наугад – до первого встречного. Спросил у какого-то старичка, как пройти к автобусной станции. Оказалось, не так далеко: прямо, потом налево переулком и вправо по улице – опять прямо. «И упретесь в автобусную станцию». Витька пошел... И пока шел до автобусной станции, накопил столько злобы на городских прохиндеев, так их возненавидел, паразитов, что даже боль в голове поунылась, и наступила свирепая ясность, и родилась в груди большая мстительная сила.

– Ладно, ладно, – бормотал он, – я вам устрою... Я вам тоже заделаю бяку.

Что он собирался сделать, он не знал, знал только, что добром все это не кончится.

Около автобусной станции допоздна работал ларек, там всегда толпились люди. Витька взял бутылку красного, прямо из горлышка осаденил ее, всю, до доньшка, запустил бутылку в скверик... Ему какие-то подвыпившие мужики, трое, сказали:

– Там же люди могут сидеть.

Витька расстегнул свой флотский ремень, намотал конец на руку – оставил свободной тяжелую бляху, как кистень. Эти трое подвернулись кстати.

– Ну?! – удивился Витька. – Неужели люди? Разве в этом вшивом городишке есть люди?

Трое переглянулись.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– А кто ж тут, по-твоему?

– Суки!

Трое пошли на него, Витька пошел на трех... Один сразу свалился от удара бляхой по голове, двое пытались достать Витьку ногой или руками, берегли головы. Потом они заорали:

– Наших бьют!

Еще налетело человек пять... Бляха заиграла, мягко, тупо шлепалась в тела. Еще двое-трое свалилось... Попадало и Витьке: кто-то сзади тяпнул бутылкой по голове, но вскользь – Витька устоял. Оскорбленная душа его возликовала и обрела устойчивый покой.

Нападавшие матерились, бестолково кучились, мешали друг другу, советовали – этим пользовался Витька и бил.

– Каучук работали?! – орал он. – В цирке работали?!

Прибежала милиция... Всем скопом загнали Витьку в угол – между ларьком и забором. Витька отмахивался. Милиционеров пропустили вперед, и Витька сдуру ударил одного по голове бляхой. Бляха Витькина страшна еще тем, что с внутренней стороны, в изогнутость ее, был налит свинец. Милиционер упал... Все ахнули и оторопели. Витька понял, что свершилось непоправимое, бросил ремень... Витьку отвезли в КПЗ.

Мать Витькина узнала о несчастье на другой день. Утром ее вызвал участковый и сообщил, что Витька натворил в городе то-то и то-то.

– Батюшки-святые! – испугалась мать. – Чего же ему теперь за это?

– Тюрьма. Тюрьма верная. У милиционера тяжелая травма, лежит в больнице. За такие дела – только тюрьма. Лет пять могут дать. Что он, сдурел, что ли?

– Батюшка, андел ты мой господний, – взмолилась мать, – помоги как-нибудь!

– Да ты что! Как я могу помочь?..

– Да выпил он, должно, он дурной выпимши...

– Да не могу я ничего сделать, пойми ты! Он в КПЗ, на него уже наверняка завели дело.

– А кто же мог бы помочь-то?

– Да никто. Кто?.. Ну, съезди в милицию, узнай хоть подробности. Но там тоже... что они там могут сделать?

Мать Витькина, сухая, двужильная, легкая на ногу, заметалась по селу. Сбегала к председателю сельсовета – тот тоже развел руками:

– Как я могу помочь? Ну, характеристику могу написать... Все равно, наверно, придется писать. Ну, напишу хорошую.

– Напиши, напиши, как получше, разумная ты наша головушка. Напиши, что – по пьянке он, он тверезый-то мухи не обидит...

– Там ведь не станут спрашивать – по пьянке он или не по пьянке. Милиционера изувечил... Ты вот что: съезди к тому милиционеру, может, не так уж он его и зашиб-то. Хотя вряд ли...

– Вот спасибо-то тебе, андел ты наш, вот спасибо-то.

– Да не за что.

Мать Витькина кинулась в район. Мать Витьки родила пятерых детей, рано осталась вдовой (Витька еще грудной был, когда пришла похоронка об отце в сорок втором

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru году), старший сын ее тоже погиб на войне в сорок пятом году, девочка умерла от истощения в сорок шестом году, следующие два сына выжили, мальчиками еще, спасаясь от великого голода, ушли по вербовке в ФЗУ и теперь жили в разных городах. Витьку мать выходила из последних сил, все распродала, осталась нищей, но сына выходила – крепкий вырос, ладный собой, добрый... Все бы хорошо, но пьяный – дурак дураком становится. В отца пошел – тот, царство ему небесное, ни одной драки в деревне не пропуская.

В милицию мать пришла, когда там как раз обсуждали вчерашнее происшествие на автобусной станции. Милиционера Витька угостил здорово: тот правда лежал в больнице и был очень слаб. Еще двое алкашей тоже лежали в больнице – тоже от Витькиной страшной бляхи.

Бляху с интересом разглядывали.

– Придумал, сволочь!.. Догадайся: ремень и ремень. А у него тут целая гирька. Хорошо еще не ребром угодил.

И тут вошла мать Витьки... И, переступив порог, упала на колени и завывала, и запричитала:

– Да ангелы вы мои милые, да разумные ваши головушки!.. Да способитесь вы как-нибудь с вашей обидашкой – простите вы его, окаянного! Пьяный он был... Он тверезый последнюю рубашку отдаст, сроду тверезый никого не обидел...

Заговорил старший, что сидел за столом и держал в руках Витькин ремень. Заговорил обстоятельно, спокойно, попроще – чтобы мать все поняла.

– Ты подожди, мать. Ты встань, встань – здесь не церква. Иди, глянь...

Мать поднялась, чуть успокоенная доброжелательным тоном начальственного голоса.

– Вот гляди: ремень твоего сына... Он во флоте, что ли, служил?

– Во флоте, во флоте – на кораблях-то на этих...

– Теперь смотри: видишь? – Начальник перевернул бляху, взвесил на руке: – Этим же убить человека – дважды два. Попади он вчера кому-нибудь этой штукой ребром – конец. Убийство. Да и плашмя троих уходил так, что теперь врачи борются за их жизни. А ты говоришь – простить. Ведь он же трех человек, можно сказать, инвалидами сделал, действительно. А одного – при исполнении служебных обязанностей. Ты подумай сама: как же можно прощать за такие дела, действительно?

Материнское сердце, оно – мудрое, но там, где замаячила беда родному дитю, мать не способна воспринимать посторонний разум, и логика тут ни при чем.

– Да сыночки вы мои милые! – воскликнула мать и заплакала. – Да нешто не бывает по пьяному делу?! Да всякое бывает – подрались... Сжальтесь вы над ним!..

Тяжело было смотреть на мать. Столько тоски и горя, столько отчаяния было в ее голосе, что счужу становилось не по себе. И хоть милиционеры – народ тертый, до жалости неохочий, даже и они – кто отвернулся, кто стал закуривать.

– Один он у меня – при мне-то: и поилец мой, и кормилец. А ишо вот жениться надумал – как же тогда с девкой-то, если его посадят? Неужто ждать его станет? Не станет. А девка-то добрая, из хорошей семьи, жалко...

– Он зачем в город-то приезжал? – спросил начальник.

– Сала продать. На базар – сальца продать. Деньжонки-то нужны, раз уж свадьбу-то наметили – где их больше возьмешь?

– При нем никаких денег не было.

– Батюшки-святые! – испугалась мать. – А иде ж они?

– Это у него надо спросить.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да украли небось! Украли!.. Да милый ты сын, он оттого, видно, и в драку-то полез – украли их у него! Жулики украли...

– Жулики украли, а при чем здесь наш сотрудник – за что он его-то?

– Да попал, видно, под горячую руку...

– Ну, если каждый раз так попадать под горячую руку, у нас скоро и милиции не останется. Слишком уж они горячие, ваши сыновья! – Начальник набрался твердости.

– Не будет за это прощения, получит свое – по закону.

– Да анделы вы мои, люди добрые, – опять взмолилась мать, – пожалейте вы хоть меня, старуху, я только теперь маленько и свет-то увидела... Он работающий парень-то, а женился бы, он бы совсем справный мужик был. Я бы хоть внучаток понянчила...

– Дело даже не в нас, мать, ты пойми. Есть же прокурор! Ну, выпустили мы его, а с нас спросят: на каком основании? Мы не имеем права. Права даже такого не имеем. Я же не буду вместо него садиться.

– А может, как-нибудь задобрить того милиционера? У меня холст есть, я нынче холста наткала – пропасть! Все им готовила...

– Да не будет он у тебя ничего брать, не будет! – уже кричал начальник. – Не ставь ты людей в смешное положение, действительно. Это же – не кум с кумом поцапались, это – покушение на органы!

– Куда же мне теперь идти-то, сыночки? Повыше-то вас есть кто или уж нету?

– Пусть к прокурору сходит, – посоветовал один из присутствующих.

– Мельников, проводи ее до прокурора, – велел начальник. И опять повернулся к матери, и опять стал с ней говорить, как с глухой или совсем бестолковой: – Сходи к прокурору – он повыше нас! И дело уже у него. И пусть он тебе там объяснит: можем мы чего сделать или нет? Никто же тебя не обманывает, пойми ты!

Мать пошла с милиционером к прокурору. Дорогой пыталась заговорить с милиционером Мельниковым:

– Сыночек, што, шибко он его зашиб-то?

Милиционер Мельников задумчиво молчал.

– Сколько же ему дадут, если судить-то станут?

Милиционер шагал широко. Молчал.

Мать семенила рядом и все хотела разговорить длинного, заглядывала ему в лицо.

– Ты уж разъясни мне, сынок, не молчи уж... Мать-то и у тебя небось есть, жалко ведь вас, так жалко, што вот говорю – а каждое слово в сердце отдает. Много ли дадут-то?

Милиционер Мельников ответил туманно:

– Вот когда украшают могилы – оградки ставят, столбики, венки кладут... Это что – мертвым надо? Это живым надо. Мертвым уже все равно.

Мать охватил такой ужас, что она остановилась.

– Ты к чему это?

– Пошли. Я к тому, что – будут, конечно, судить. Могли бы, конечно, простить – пьяный, деньги украли – обидели человека. Но судить все равно будут – чтоб другие знали. Важно на этом примере других научить. Он поднял руку на представителя власти – эт-то...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да сам же говоришь – пьяный был!

– Это теперь не в счет. Теперь другая установка. Его насильно никто не поил, сам напился. А другим это будет поучительно. Ему все равно теперь сидеть, а другие – задумаются. Иначе вас никогда не перевоспитаешь.

Мать поняла, что этот длинный враждебно настроен к ее сыну, и замолчала.

Прокурор матери с первого взгляда понравился – внимательный. Внимательно выслушал мать, хоть она говорила длинно и путано – что сын ее, Витька, хороший, добрый, что он трезвый мухи не обидит, что – как же теперь одной-то оставаться? Что девка, невеста, не дождет Витьку, что такую девку возьмут с руками-ногами – хорошая девка. Прокурор все внимательно выслушал, доиграл пальцами на столе... Заговорил издали, тоже как-то мудро:

– Вот ты – крестьянка, вас, наверно, много в семье росло?

– Шестнадцать, батюшка. Четырнадцать выжило, двое маленькие ишо померли. Павел помер, а за ним другого мальчика тоже Павлом назвали...

– Ну вот – шестнадцать. В миниатюре – целое общество. Во главе – отец. Так?

– Так, батюшка, так. Отца слушались...

– Вот! – поймал прокурор мать на слове. – Слушались! А почему? Нашкодил один – отец его ремнем. А братья и сестры смотрят, как отец учит шкодника, и думают: шкодить им или нет? Так в большом семействе поддерживался порядок. Только так. Прости отец одному, прости другому – что в семье? Развал. Я понимаю тебя, тебе жалко... Если хочешь, и мне жалко – там, разумеется, не курорт, и поедет он туда, судя по всему, не на один сезон. По-человечески все понятно, но есть соображения высшего порядка, там мы бессильны. Судить будут. Сколько дадут, не знаю, это решает суд. Все.

Мать поняла, что и этот невзлюбил ее сына. «За своего обиделись».

– Батюшка, а выше-то тебя есть кто?

– Как это? – не сразу понял прокурор.

– Ты самый главный али повыше тебя есть?

Прокурор, хоть ему потом и неловко стало, невольно рассмеялся:

– Есть, мать, есть. Много!

– Где же они?

– Ну, где?.. – посерьезнел прокурор. – Есть краевые организации... Ты что, ехать туда хочешь? Не советую.

– Мне подсказали добрые люди: лучше теперь вызволять, пока несужденый, потом чижельше будет...

– Скажи этим добрым людям, что они – не добрые. Это они со стороны добрые... добренькие. Кто это посоветовал?

– Да кто?.. Люди.

– Ну, ехай. Проездишь деньги, и все. Результат будет тот же. Я тебе совершенно официально говорю: будут судить. Нельзя не судить, не имеем права. И никто этот суд не отменит.

У матери больно сжалось сердце. Но она обиделась на прокурора, а поэтому виду не показала, что едва держится, чтоб не грохнуть здесь и не завывать в голос. Ноги ее подкашивались.

– Разрешите мне хоть свиданку с ним...

полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Это можно, – сразу согласился прокурор. – У него что, деньги большие были, говорят?

– Были...

Прокурор написал что-то на листке бумаги, подал матери.

– Иди в милицию.

Дорогу в милицию мать нашла одна, без длинного – его уже не было. Спрашивала людей. Ей показывали. В глазах матери все туманилось и плыло. Она молча плакала, вытирала слезы концом платка, но шла привычно скоро, иногда только спотыкалась о торчащие доски тротуара. Но шла и шла, торопилась. Ей теперь, она понимала, надо поспешать, надо успеть, пока его не засудили. А то потом выволочь будет трудно. Она выволочит сына, она верила в это, верила. Она всю жизнь свою только и делала, что справлялась с горем, и все вот так – на ходу, скоро, вытирая слезы концом платка. Она давно могла отчаяться, но неистребимо жила в ней вера в добрых людей, которые помогут. Эти – ладно, эти за своего обиделись, у них зачерствело на душе от злости, а те – подальше которые – те помогут. Неужели же не помогут! Она все им расскажет – помогут. Странно, мать ни разу не подумала о сыне – что он совершил преступление, она знала одно: с сыном случилась большая беда. И кто же будет выволочь его из беды, если не мать? Кто? Господи, да она пешком пойдет в эти краевые организации, она будет день и ночь идти и идти... Найдет она этих добрых людей, найдет.

– Ну? – спросил ее начальник милиции.

– Велел в краевые организации ехать, – слукавила мать. – А вот – на свиданку. – Она подала бумажку.

Начальник был несколько удивлен, хоть тоже старался не показать этого. Прочитал записку... Мать заметила, что он несколько удивлен. И подумала: «А-а». Ей стало маленько полегче.

– Проводи, Мельников.

Мать думала, что идти надо будет далеко, долго, что будут открываться железные двери – сына она увидит за решеткой и будет с ним разговаривать снизу, поднимаясь на цыпочки... Сын ее сидел тут же, внизу, в подвале. Там, в коридоре, стриженные мужики играли в домино... Уставились на мать и на милиционера. Витьки среди них не было.

– Что, мать, – спросил один мордастый, – тоже пятнадцать суток схлопотала?

Засмеялись.

– Егоров, – строго сказал длинный милиционер остряку, – в обед – драить служебные помещения.

Теперь уже заржали над остряком:

– Вот ты-то схлопотал!

– Ваня, ишо раз советую, отруби ты себе язык! – посоветовал один. – Перетерпи раз, зато потом всю жизнь проживешь без горяшка.

Милиционер подвел мать к камере, которых по коридору было три или четыре, открыл дверь...

Витька был один в камере, хоть камера большая и нары широкие. Он лежал на нарах. Когда вошел милиционер, он не поднялся, но, увидев за ним мать, вскочил.

– Десять минут на разговоры, – предупредил длинный. И вышел.

Мать присела на нары, поспешно вытерла слезы платком.

– Гляди-ка, под землей, а сухо, тепло, – сказала она.

Витька молчал, сцепив на коленях руки. Смотрел на дверь. Он осунулся за ночь, оброс – сразу как-то, как нарочно. На него больно было смотреть. Его мелко трясло, он напрягался, чтоб мать не заметила хоть этой его тряски.

– Деньги-то, видно, украли? – спросила мать.

– Украли.

– Ну и бог бы уж с имя, с деньгами, зачем было драку из-за них затевать? Не они нас наживают – мы их.

Никому бы ни при каких обстоятельствах не рассказал Витька, как его обокрали, – стыдно. Две шлюхи... Стыдно, мучительно стыдно! И еще – жалко мать. Он знал, что она придет к нему, пробьется через все законы, – ждал этого и страшился.

У матери в эту минуту было на душе другое: она вдруг совсем перестала понимать, что есть на свете милиция, прокурор, суд, тюрьма... Рядом сидел ее ребенок, виноватый, беспомощный... И кто же может сейчас отнять его у нее, когда она – только она, никто больше – нужна ему?

– Не знаешь, сильно я его?..

– Да нет, плашмя попало... Но лежит, не поднимается.

– Экспертизу, конечно, сделали. Бюллетень возьмет... – Витька посмотрел на мать. – Лет семь заделают.

– Батюшки-святые!.. – Сердце у матери упало. – Што же уж так много-то?

– Милиция... С этими бы я договорился. Сала бы опять продал – сунули бы им, до суда дело не дошло бы.

– Да што милиция? Не люди, што ли?

– Тут – если он даже сам не захочет, за него подадут. Семь лет!.. – Витька вскочил с нар, заходил по камере. – Все прахом! Все, вся жизнь кувырком!

Мать мудрым сердцем своим поняла, какая сила гнетет душу ее ребенка: та самая огромная, едкая сила – отчаяние, что делает в душе вывих, заставляет браться за веревку или за бритву. Злая, могучая сила...

– Тебя как вроде уж осудили! – сказала она с укором. – Сразу – жизнь кувырком.

– А чего тут ждать? Все известно.

– Гляди-ка, все уж известно! Ты бы хоть сперва спросил: где я была, чего достигла?..

– Где была? – Витька остановился.

– У прокурора была.

– Ну? И он что?

– Дак вот и спреси сперва: чего он? А то сразу – кувырком! Какие-то слабые вы... Ишо ничем ничего, а уж... мысли бог знает какие.

– А чего прокурор-то?

– А то... Пусть, говорит, пока не переживает, пусть всякие мысли выкинет из головы... Мы, дескать, сами тут сделать ничего не можем, потому што – наш человек-то, не имеем права. А ты, мол, не теряй время, а садись и езжай в краевые организации. Нам, мол, оттуда прикажут, мы волей-неволей его отпустим. Тада, говорит, нам и перед своими совестно не будет: хотели, мол, осудить, да не могли. Они уж все обдумали тут. Мне, говорит, самому его жалко... Но мы, говорит, люди маленькие. Езжай, мол, в краевые организации, там все обскажи подробно... У тебя сколь денег-то было?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Полторы сотни.

– Батюшки-святы! Нагрели руки.

В дверь заглянул длинный милиционер.

– Кончайте.

– Счас, счас, – заторопилась мать. – Мы уж все обговорили. Счас я, значит, доеду до дому, Мишка Бычков напишет на тебя карактеристику... Хорошую, говорит, напишу.

– Там... это... у меня в чемодане грамоты всякие лежат со службы... возьми на всякий случай.

– Какие грамоты?

– Ну, там увидишь. Может, поможет.

– Возьму. Потом схожу в контору – тоже возьму карактеристику... С голыми руками не поеду. Может, холст-то продать уж, у меня Сергеевна хотела взять?

– Зачем?

– Да взять бы деньжонок с собой – может, кого задобрить придется?

– Не надо, хуже только наделаешь.

– Ну, погляжу там.

В дверь опять заглянул милиционер.

– Время.

– Пошла, пошла, – опять заторопилась мать. А когда дверь закрылась, вынула из-за пазухи печенюжку и яйцо. – На-ка, поешь... Да шибко-то не задумывайся – не кувырком ишо. Помогут добрые люди. Большие-то начальники – они лучше, не боятся. Эти боятся, а тем некого бояться – сами себе хозяева. А дойти до них я дойду. А ты скрепись и думай про чего-нибудь – про Верку хошь... Верка-то шибко закручинилась тоже. Даве забежала – а она уж слыхала...

– Ну?

– Горюет.

У Витьки в груди не потеплело оттого, что невеста – горюет. Как-то так, не потеплело.

– А ишо вот чего... – Мать зашептала: – Возьми да в уме помолись. Скажи: господи-батюшка, отец небесный, помоги мне! Подумай так, подумай – попроси. Ничего, ты – крещеный. Со всех сторон будем заходить. А я пораньше из дому-то выеду – до поезда – да забегу свечечку Николе-Угоднику поставлю, попрошу тоже его. Ничего, смилостивятся. Похоронку от отца возьму...

– Ты братьям-то... это... пока уж не сообщай.

– Не буду, не буду – кого они сделают? Только лишний раз душу растревожат. Ты, главное, не задумывайся – что все теперь кувырком. А если уж дадут, так год какой-нибудь – для отвода глаз. Не семь же лет! А кому год дают, смотришь, они через полгода выходят. Хорошо там поработают, их раньше выпускают. А может, и года не дадут.

Милиционер вошел в камеру и больше уже не выходил.

– Время, время...

– Пошла. – Мать встала с нар, повернулась спиной к милиционеру, мелко перекрестила сына и одними губами прошептала:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Спаси тебя Христос.

И вышла из камеры. И шла по коридору, и опять ничего не видела от слез. Жалко сына Витьку, ох, жалко. Когда они хворают, дети, тоже их жалко, но тут какая-то особая жалость – когда вот так, тут – просишь людей, чтоб помогли, а они отворачиваются, в глаза не смотрят. И временами жутко становится... Но мать – действовала. Мыслями она была уже в деревне, прикидывала, кого ей надо успеть охватить до отъезда, какие бумаги взять. И та неистребимая вера, что добрые люди помогут ей, вела ее и вела, мать нигде не мешкала, не останавливалась, чтоб наплакаться вволю, тоже прийти в отчаяние – это гибель, она знала. Она – действовала.

Часу в третьем пополудни мать выехала опять из деревни – в краевые организации.

«Господи, помоги, батюшка, – твердила она в уме беспрерывно. – Помоги, господи, рабе твоей Анне. Не допусти сына до худых мыслей, образумь его. Он маленько заполошный – как бы не сделал чего над собой. Помоги, господи! Укрепи нас!»

Поздно вечером она села в поезд и поехала. Впереди – краевые организации. Это не страшило ее.

«Ничего, добрые люди помогут».

Она верила, помогут.

Хахаль

Костя Жигунов ездил в командировку в краевой центр и там зашел к земляку своему Сашке Ковалеву.

Сашка работал на стройке, жил в общежитии, в комнате на двоих. Сашка шумно обрадовался гостю, загоношился насчет выпивки, сосед и товарищ Сашкин организовал яичницу.

Выпили. Сидели втроем, беседовали. Строители, в общем, хвалили свою жизнь, но и ругались тоже много. Главное – с деньгами туго.

– Сколько в среднем выходит? – спросил Костя.

– Сто пятьдесят самое большое... Больше не дадут заработать.

– Ну, братцы!.. Надо совесть иметь. Я техникум кончил, работаю завгаром, и то столько не получаю.

– Сравнил! – только и сказали строители. – Город – это город: здесь рубль – за два, а тройка – за рубль.

– Как мои там? – поинтересовался Сашка.

– Давно их не видел... Сеструху, правда, видел раза два. Ничего вроде. Ты в отпуск-то приедешь?

– Не знаю. Пошли к бабам?

– Как это?

– Ну как?.. У меня одна есть, скажем ей, она приведет еще. А чего вечер зря пропадать будет. Пошли.

Костя женился лет пять назад и ни разу еще не изменил жене, даже как-то не думал об этом. Да и случая не было подходящего.

– Хм...

– Что? Пойдем похахалим.

– Нет, я ничего. Пошли.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Пошли. Это оказалось рядом – тоже общежитие, тоже с комнатами на двоих.

«Во житуха-то! – подумал Костя. – И ходить далеко не надо».

Сашкин товарищ отвалил куда-то наособицу, а Сашка и Костя постучались в дверь, обитую дерматином.

– Пообивают двери – все казанки посшибаешь об эти скобки, – недовольно заметил Сашка. – Обили дверь, значит, проведи звонок! Так я понимаю. Нет, звонок стоит денюжку – пусть люди пальцы сшибают.

– Хахали. Ходят-то...

– А?

– Не люди – а хахали.

– К ним не одни хахали ходят. – Сашка опять постучал. – А хахали что, не люди?

За дверью молчание.

– Может, нет дома?

– Дома. Голые. – Сашка еще постучал в железную скобочку. И поморщился.

– Кто? – тоненько спросили из-за двери.

– Мы-ы! – тоже тоненько, передразнивая голосок, откликнулся Сашка.

– Сейчас!

– Я ж говорю, голые, черти.

– Почему голые-то?

– Ну, с работы пришли... Переодеваются, умываются.

– Тоже на стройке работают?

– Но.

– Может, мы не вовремя?

– Все в порядке, – успокоил Сашка. И крикнул: – Скоро вы там?

С той стороны двери щелкнула задвижка, хахали вошли. У Кости вдруг взволновалось сердце, когда он переступил запретный в его положении порог.

– Нинон? – удивился Сашка. – Ты приехала? Вот кстати!

Нинон – рослая, чернобровая девушка, грудастая – она-то и колыхнула Костино сердце, Нинон. Так бывало – тоже теперь забытое чувство – при находке какой-нибудь, когда сердце вот так же вздрагивало, ошпаренное нечаянной радостью: «Неужели это мое?»

В комнате жили две девушки – Нина и Валя. Костя сообразил: раз для Сашки новость, что Нина приехала, стало быть, его... хахалиха, что ли, Валя. Валя тоже милая девушка, но Нинон... Костя украдкой взглядывал на чернобровую, и ему не верилось, что просто так – ни за что ни про что, даром – судьба возьмет и подарит ему эту красавицу. Но похоже, что так: Сашка успел подмигнуть другу и показал глазами на Нину.

Сашка между тем молотил языком, и у него это получалось славно.

– Нина, ну как отдохнула?

– Хорошо, Саша. Очень хорошо. – Нина чуть ударяла на «о», выкругляла слова, подталкивала, и они катились – легко, как колесики. – Покупалась в речке... Ох,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru хорошо!

– Да где уж там хорошо-то? Скучно небось?

– Господи, а чего мне надо? Сходила в кино, раза три на танцы – не манит... В огороде больше копалась. За ягодами ходила.

Костя слушал девушку... И так бы и слушал, и слушал ее – не надоело бы.

«Какое тут к черту хахальство! – подумал. – Тут впору – жениться на такой».

Валя была побойчей, поострей на язык, немножко пустомеля.

– А у нас... Ты знала Зинку-то Хромову? Палка такая ходила, волосы седила...

– Но.

– Замуж вышла за Валерку Семенова.

– Он же женат!

– Бросил. Позарился!.. Доска доской, ничегошеньки нет, и вот – пожалуйста.

– А дети были? У Валерки-то?

– Нет, не было. Он ходит теперь, треплется: я, мол, потому и бросил, что рожать не может. Ой!.. Посмотрим, сколь тебе эта жердь нарожает! стыдно – вот и нашел отговорку.

«Да как же это к ним так ходят – к бабам, и все? – все больше удивлялся Костя. – Приврал, видно, Сашка, хвастанул. Выпил маленько и прихвастнул. Не похожи они на таких... Обыкновенные девки, и рассуждения у них нормальные – женские».

Сашка торопил события.

– Давайте знаете что – выпьем! – предложил он. Отчаянная головушка. – Ко мне как-никак друг приехал.

К изумлению Кости, девушки легко согласились.

– Валюха, мы – в магазинус, Нинон с Костей – соображают насчет картошки дров поджарить. Пистро! Пистро! Душа горит.

И Нинон с Костей остались одни.

«Ну, и что я должен делать? – растерялся Костя. – Анекдот, что ли, какой-нибудь рассказать?»

Перебрал в памяти анекдоты, какие знал – все похабные.

Нина расстелила на полу у двери газету и принялась чистить картошку.

– Вы в командировку, что ли? – спросила она.

– Ага. Надо...

Замолчали.

«Ну и фраер же я! – мучился Костя. – Совсем язык проглотил».

Долго молчали.

– Зинка-то! – вдруг сказала Нина. – Надо же... замуж вышла. – И покачала головой. И усмехнулась.

«О-о! – ужаснулся Костя. – Это ж она при мне... сама с собой разговаривает. За табуретку меня принимает».

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– У нас недавно случай был, – заговорил он. – Пошли бабы за малиной на остров... Берут. А с той стороны острова – протока, она летом мелеет здорово. Ну медведь и перешел ее...

– Медведь?

– Медведь. Перебрел, значит, и тоже – к малинке, они любят ее. А одна баба у нас есть, смешная такая!.. Наткнулась на ясный куст и успевает в две руки, и успевает. Вдруг слышит: с той стороны кто-то подошел к кусту... А куст-то большой – не видно. А она, баба-то, и говорит: «Это ты, Нюра?» Думала, товарка с той стороны подошла. А медведь-то как рявкнет!.. – Костя засмеялся. Нина слушала. – Как он рявкнул, баба бросила ведро и драла. Бежит и орет дурным голосом: «Мишенька, у меня дети маленькие!» – Костя опять засмеялся, долго смеялся, представив, как летела по кустам перепуганная баба.

– Дак, а что, он за ней, что ли?

– Медведь? Да нет, он в другую сторону побежал – к протоке. Он сам напугался. А ей казалось, что он следом бежит. Вот она и кричала про детей.

– Закричишь. – Нина так и не посмеялась. – Шутка в деле – медведь! – И продолжала чистить картошку. – Нет, у нас их нету. У нас – змеи.

– Гадюки?

– Но. Да большие! Тоже – берешь ягоду-то, а сама думаешь: «Ох, чикнет сейчас, ох, чикнет».

– Надо ежей разводить. Вот где-то, в Болгарии кажется, змей в одном месте было – кишели. А место само по себе очень здоровое – хорошо бы курортов настроить. Так они что сделали: взяли ежей там развели, и все.

– Дак они что, едят змей?

– Еще как! Ежи и свиньи – жрут за милую душу. Кабаны еще дикие – тоже едят. У меня брательник на Кавказе служит, один случай в письме описывал. С кабанами связано. Один колхоз держал свиней на откорме где-то... подальше от жилья. Ну, и они паслись, ходили одни, а к вечеру сами приходили в загон. А однажды они не пришли к загону. Выяснилось, что они встретились где-то с дикими кабанами, и те сманили их с собой. Суток трое их не было... Искали, но без толку, далеко куда-то ушли. Потом пришли, но не все. Из тысячи, кажется, штук пятьсот вернулось только...

– А те остались?

– Те остались. Но эти, которые вернулись, такой приплод принесли, что колхоз даже обрадовался.

Нина засмеялась.

– Вот, говорят: нет худа без добра.

– Да. Еще говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. У меня зять помер с такой поговоркой.

– Как же это?

– Да у него голова что-то болела. Болит и болит голова, ну, а к врачу, знаете, – все некогда, да, может, обойдется... А тут – дотерпел, что сознание потерял. Ну, его в больницу. Сеструха потом рассказывала. «Прихожу, – говорит, – к нему, а он мне и говорит: «Вот, – говорит, – не было бы счастья, да несчастье помогло. Теперь хоть вылечусь». Рад был, что в больницу попал. Веселый лежал... Потом помер. А жили они за Новосибирском, далеко. Ну, что: надо ехать за ним. Он был из нашего села, Сашка его знал. Хоронить надо на родине. Я поехал. А было начало ноября, река только становилась. А мост у нас был наплавной, к зиме его разбирали. Самая распутица. Я туда-то на моторке пробился, а оттуда – это уж дня через четыре – реку уже схватило. Пешие ходят, досок накидали – ничего. А с гробом-то как? Ну, я сестру с ребятишками перевел по доскам, а сам вернулся,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru нанял подводу и поехал вверх по реке – там, говорят, схватило покрепче. И вот мы с возчиком выбрали такое место – вроде ничего, можно. Разогнали коня, а сами – в стороны от саней. Лед трещит, гнется, мы бежим и со стороны орем на коня. А он сам уж – дай бог ноги, самому охота живому до берега добежать. Как переехали, не знаю. Хороший мужик был, зять-то. Жалко. Тридцать три года всего было. Двое детей осталось...

Эта грустная история рассказана была, как понял сам Костя, совсем некстати. Он замолчал. На какое-то время он забыл и про Нину, и зачем он пришел сюда – вспомнил зятя-покойника. Ребятишек-племяшей вспомнил... И почему-то совестно стало. Закурил.

И в это время пришли Сашка с Вале́й. Пришли веселые. Сашка вовсю дурачился.

– Спорим? – кричал он. – Давай спорить!

– Чего вы? – спросила Нина.

– Она не верит, что я могу выпить бутылку вина, не держась руками.

– Кто спорит, тот...

– Да это мы слышали! Скажи, что тебя спёрло. Мне только напиться неохота, а то бы я показал.

– А как это?

– Вон чайник, да? Я б сейчас вино вылил в него, носик в зубы и...

– А-а.

– Вот те и «а-а». Ну, как тут у вас?

– Я еще картошки только начистила.

– Ну-у, товарищи!.. Чем вы тут занимались, не знаю. Не знаю. Нинон, чем вы тут занимались?

«Трепач, – с яростью подумал Костя. – Носик в зубы...»

– Долго с этой картошкой, – сказала Валя. – Ну ее к черту! Закусим чем-нибудь.

– Идея! – подхватил Сашка. – Выпьем и пойдем на танцы.

Нина остановилась с тазиком в руках.

– Ну?

– Как, Костя?

– Да мне-то, господи!.. Нужна мне эта картошка.

Так и порешили – не возиться с картошкой. Сели за стол.

После двух стаканов вина Косте стало веселей.

– А где тут у вас танцы? Далеко?

– В парке.

– Пойдем, Нина?

– Мне что-то неохота. Не манит. Можно сходить, только я танцевать не буду.

– Почему?

– Не умею, как они. Совестно.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Ерунда! – раздухарился Костя. – Я могу дрыгать ногами не хуже их.

До парка решили идти пешком.

Валя с Сашкой шли впереди, Нина с Костей сзади.

Костя начал помаленьку растрчивать веселье из груди. Опять подступили к сердцу неловкость и стыд, и, как он себя ни взбадривал, как ни старался настроиться на беспечность – не получалось. Он взял Нину под руку и шел так, молчал. Зато Сашка впереди строчил, как из пулемета, Валя то и дело смеялась громко. Костя завидовал земляку, понимал, что только так и нужно сейчас – нести околесицу, чтоб уши вяли. Только так и надо. Но Костя боялся, что если он начнет говорить, то его опять поведет куда-нибудь не туда. Про гроб начал давеча!..

«Смотри ты, какой он стал! – думал о Сашке. – Наблатыкался».

– Расскажи чего-нибудь, – попросил он девушку.

– Чего рассказать?

– Ну... веселое что-нибудь. А то со мной с тоски завянешь.

– А я вот так вот люблю: ходить и смотреть на людей. И отгадывать про них...

– Ты что, ворожейка? – Костя посмеялся насильственно и снова остро почувствовал, что это глупо – что он хихикает.

– Не ворожейка, – серьезно сказала Нина, – просто хожу и отгадываю: вот у этого горе какое-то, а этому – только до постели добраться, с работы идет. А другому, посмотришь, – ничегошеньки не надо: куда-нибудь придет...

«Это она про меня, наверно».

– Знаешь, – сказала вдруг Нина, останавливаясь. – Пойдем на реку. Там хорошо.

– А они?

– А что они?

– Ничего? Оставим-то их...

– Ничего. – Нина посмотрела на своего кавалера, и тому показалось, что она усмехнулась.

«Ну, давай, Костя, – серьезно подумал он, – не будь же уж совсем-то чумичкой: девка сама подсказывает. Совсем, что ли, баран?»

– У меня там скамеечка есть... Сидишь, думаешь... Хорошо. Иной раз дотемна досидишь.

– Одна? – Костя только что не взбрыкнул – так ему хотелось показаться игривым.

– Одна.

– О чем мысли?

– Не знаю.

– Вот это да! Как же так? Сидеть, думать, а о чем – не знаю.

– Не знаю. Сижу – вроде думаю, а спроси – не знаю, о чем. Может, вспоминаю... Я маленькая бойкая была, в школе озоровала...

– А теперь?

– Теперь другая.

– Замуж пора, – брякнул Костя.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Была, – просто сказала Нина.

– Была? Где, здесь?

– Здесь. Полтора года была замужняя женщина...

– Ну?

– Теперь нет. Опять на танцы хожу.

– А почему?

– Разошлись.

– Как так?

– Что?

– Почему разошлись-то?

– Не надо об этом, – попросила Нина. – Не бывает, что ли?

Не скажешь, чтобы в голосе ее слышалась грусть или скорбь, но была в ее голосе, глубоко спокойном, – усталость. Как будто накричался человек на том берегу реки, долго звал, потом сказал себе тихо, без боли: «Не слышат».

Некоторое время шли молча.

Шли по набережной. Нина смотрела на воду, Костя сбоку разглядывал ее. И досмотрелся до того, что забыл неловкость и крепко прижал ее руку к своему боку. Нина повернулась к нему...

– Почему разошлись-то? – вылетело у Кости. Он не хотел больше об этом. Он чуть не взвыл от отчаяния. Вовсе ему неинтересно было знать, из-за чего разошлись Нина с мужем. И ведь хотел-то он сказать что-нибудь доброе, ласковое, а... Тьфу!

Нина усмехнулась... И ничего не сказала.

Между тем подошли к той самой скамеечке, где любила сидеть Нина.

За домами на той стороне садилось солнце. Небо было темное, мутное, река черная... А там, где садилось солнце, обозначился слабый румянец зари. По обоим берегам зажглись на столбах огни, и по воде, поперек реки, заструились тоненькие светлые вилюшки... Наносило холодом от воды... Костя снял пиджак и накинул на плечи Нины. Когда накидывал, то хотел тут же и приобнять ее. Нина спокойно отстранилась и спокойно сказала:

– Не надо.

С удовольствием устроилась удобней в пиджаке и продолжала смотреть на воду.

Костя закурил.

Долго молчали.

– Домой-то не лучше уехать? – сказал Костя.

– Все равно, – не сразу откликнулась Нина. Помолчала и еще сказала: – Устала я как-то.

– Домой надо, – опять сказал Костя.

– Дома хорошо, – согласилась Нина.

– Тебе сколько лет?

– Двадцать три.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Костя не знал, о чем еще говорить. Замолчал. Но теперь почему-то не мучился, что молчит.

«Обязательно тискаться, что ли?» – подумал сердито.

Чахоточный румянец за рекой погас. В той стороне на небе светлела только одна бледная пролысинка. Вода сделалась совсем черной, маслянисто-черной, неслышно текла на середине, а здесь, у берега, сонно покачивалась и лизала жирный гранит.

– Пошли потихоньку к дому, – сказала Нина. И поднялась. – Не холодно без пиджака-то?

– Нет.

– Ну, пойду в нем. Зябко.

– Не простыла?

– Нет, так чего-то.

Тихонько шли до общежития.

Костя и сам сейчас – не то думал, не то вспоминал что-то такое. Вообще грустно было.

– Пришли, – сказала Нина.

– Сашку я уж теперь не дожусь...

– Они долго будут.

– Скажи, что я ушел в гостиницу. А завтра – домой.

– Счастливо.

Костя пожал крепкую ладонь девушки... Задержал ее в своей руке. Нина улыбнулась, отняла руку, еще сказала:

– Счастливо. – И пошла. И ушла в подъезд, не оглянулась.

Костя пошел наугад переулками – потом где-нибудь на большой улице можно спросить, как пройти к гостинице. Думал о Нине... Шевельнулось в груди нечто вроде жалости к ней – или он попробовал пожалеть? – очень захотелось, чтоб у ней в жизни случилась бы какая-нибудь радость.

«Все мы какие-то...» – подумал он и о себе. И не додумал. Стал слушать: где-то во дворе или в переулке молодые девичьи голоса тянули:

..Мою печка-аль, мою печка-аль,

А я такой, что за тобо-юю

Могу пойти в любую даль.

А я тако-ой...

– Пойдешь, пойдешь, – сказал Костя вслух. И встряхнулся, точно хотел смахнуть с себя стыд и бестолочь сегодняшнего вечера – вспомнил свои рассказы про медведя, про гроб... – Тьфу!

Крыша над головой

Вечером, в субботу, в клубе села Нового собрались обсуждать только что полученную пьесу. Собралось человек двенадцать – участники художественной самодеятельности.

Речь держит Ваня Татусь, невысокий крепыш, честолюбивый, обидчивый и вредный. Он в этом году окончил областную культпросветшколу и неумеренно форсит. Он – руководитель художественной самодеятельности.

– Я собрал вас, чтобы сообщить важную новость...

– К нам едет ревизор? – Это Володька Маров. Володька дружит с медсестрой Верой,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru которая нравится Ване Татусю, но Ваня это скрывает, надеется, что Вера сама заметит гордого Ваню и покинет дубинистого Володьку. Если же она останется с шофером Володькой, то пусть пеняет на себя. Основания для того, чтоб она потом страдала и раскаивалась, – будут. А Володька знает – почувствовал, что ли, – тайные помыслы Вани и ест его поездом. Для того и в самодеятельность записался. Медсестра Вера сидит здесь же – она помешалась на самодеятельности, и тем еще злит Ваню, что с такой-то любовью к драматическому искусству не может, дурочка, сообразить, что любить надо – режиссера. Интересно, о чем они говорят с Володькой? О поршнях?

– Маров, острить будешь потом. – Ваня понимает, что не надо даже и замечать-то Володьку, не то что вступать в разговоры с ним, но не может сдержаться – старается тоже укусить соперника. – Мы получили из области пьесу. Пьесу написал наш областной автор. Мы должны ее отрепетировать и показать на областном смотре. Остри, Маров, тот, кто остри последним.

– Ослит, – поправляет Володька.

– Вот именно. Надо сначала отрепетировать пьесу, а потом будем остри и смеяться...

– Как дети, среди упорной борьбы и труда...

– Перестань! – сердито прерывает Вера. – Про что пьеса, Ваня? Женские роли есть?

– Пьеса из колхозной жизни, бьет по... – Ваня заглянул в аннотацию. – Бьет по частнособственническим интересам. Автор сам вышел из народной гущи, хорошо знает современную колхозную деревню, ее быт и нравы. Слово его крепко, как... дуга.

– Как это – из гущи? – спросил Васька Ермилов, по общему мнению, дураковатый парень, любитель выпить, тоже шофер, дружок Володьки. Володька привлек его с собой в самодеятельность, чтобы не скучно было. Васька, глядя на своего друга, понял так, что здесь надо всю остри и подсмеиваться. – Он что, алкаш?

– Вася, помолчи, ради бога! – Вера гневно смотрит на Ваську.

– Но я недопонимаю: как это – вышел из гущи? Гуща – это когда пива на доньшке остается...

– Кто про что, а вшивый все про баню, – заметил один женатый мужик, который от семьи – от детей! – бегал репетировать пьески.

– А ты понимаешь?

– Из гущи – значит, из низов, из простонародья.

– Простонародья теперь нет. Из рядовых колхозников, – поправил Ваня.

– Так бы и писали, – ворчит Васька. Он совсем не умеет шутить.

– Я бы сказал так, – не унимается женатый мужик, – из трудового крестьянства.

Ходил еще в самодеятельность один старик, Елистратыч, вечный шут. Он среди молодых считался специалистом по вопросам старины, и все, что в пьесах касалось крестьянства, коллективизации, например, – прямо касалось его: он по сей день жалел, например, что многих и многих в селе не раскулачили тогда, в тридцатом году. Когда сказали «крестьянство», Елистратыч встрепенулся.

– Крестьян теперь тоже нет – колхозники. (Он говорил: колхозники.)

– Ваня, женские роли есть? – спросила нетерпеливая Вера.

– Помолчите, товарищи! – строговато сказал Ваня. – Я сейчас коротко расскажу содержание пьесы, и вам станет все понятно. В колхоз из армии возвращается хороший парень Иван Петров. Сначала он... – Ваня читает предисловие, – активно включается в трудовую жизнь колхозного крестьянства...

– Пожалуйста: колхозного крестьянства! – воскликнул женатик.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Трудового – тоже можно говорить. Колхозное крестьянство – это и есть трудовое. Продолжаю: активно включается в трудовую жизнь, но затем женится... Есть, как видите, женщины. Иначе на ком же он женится?

– А может, он этот... как их? – подает голос Васька.

– Ну дайте же послушать-то! – взмолилась Вера. – Идиоты, честное слово. Еще же ничего не ясно.

– Я предлагаю так, – поднялся женатик, – кто вякнет не по существу, того выводить.

– Ты эти замашки брось, – советует Володька. – Мы же не в отделении милиции.

Женатик чего-то вдруг рассмеялся.

– А я же и не говорю, что – приводить. Я говорю: вы-водить.

– Ваня, продолжай.

– Он женится и попадает под влияние тестя и тещи, а потом и жены: становится стяжателем. Начинает строить себе дом, обносит его высоким забором... Пьеса называется «Крыша над головой». Крыша – взято в кавычки, потому что дом большой – это уже не крыша. Ивану делают замечание – чтобы он поумерился. Иван отговаривается материальным стимулированием, скрывая под этим чисто кулацкие взгляды...

– А отец с матерей его живые? – встрепенулся опять Елистратыч.

– Всех удивляет: откуда в нем это? Его продергивают в стенгазете, молодежь из самодеятельности сложила о нем обличительные частушки... То, что я и предлагал сделать с Ивановым, но меня не поддержали.

– Иванов – трудяга.

– А этот? Вопрос: в чью пользу трудяга? В общем, озорные девчата исполняли эти частушки с клубной сцены; в зале – веселая реакция. Но Иван не унимается. Тогда его разбирают на колхозном собрании. Один за другим на трибуну поднимаются колхозные активисты, бывшие товарищи Ивана, пожилые колхозники – суд их суров, но справедлив. Все разъясняют Ивану, что он, возводя над собой так называемую крышу, тем самым отгораживается от коллектива... То есть под крышей надо понимать забор. Крыша – тире – забор. Это понятно?

– А какую позицию занимает жена? – Это все Вера.

– Там же сказано: действовали совместно, – сказал женатик. – Групповая.

Елистратыч вспомнил народную мудрость:

– Муж да жена – одна сатана.

– Она тоже присутствует на собрании?

– И только тут, на собрании, – продолжает Ваня, – Иван осознает, в какое болото затащили его тесть с тещей. Он срывается и бежит к недостроенному дому... Дом уже он подвел под крышу. Он подбегает к дому, трясущимися руками достает спички... – Ваня понизил голос, помолчал... И дал: – И – поджигает дом!

Никто не ждал этого.

– Как?

– Сам?

– Он что?..

– Эт-то он... А пожарка в деревне есть?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Вера потрясена пьесой.

– Это трагедия, да? Вань?

– Если не трагедия, то... во всяком случае, социальная драма.

– А мы чего-нибудь будем жечь? – интересуется один любитель пиротехники.

– Да, товарищи, – продолжает довольный Ваня, – он сам поджигает дом, который сам, собственными руками рубил в неурочное время.

– Дом-то сгорел? – спрашивает Володька, задетый за живое Ваниным торжеством. Ему не верится, чтобы в современной пьесе сгорел дом.

– Когда дело-то происходит? – Женатик тоже не понимает, как это – дом поджигает.
– Летом?

– Спокойно, спокойно, – говорит артист Ваня. – Он поджигает дом, но колхозники... Тут самый накал пьесы. Развязка. Обратите внимание, как автор подходит к финалу – резкими мазками! Иван срывается с места и с криком «Подонки! Куда они меня завели?!» выбегает с собрания. Жена...

– Он же уже выбежал.

– Жена бросается за ним.

– Он же уже выбежал!

– Через некоторое время бледная жена прибегает на собрание... В это время собрание перешло к другому вопросу. Жена врывается на собрание и кричит срывающимся голосом: «Скорее! Он поджег дом!» Колхозники срываются с места и бегут к новому дому. Один старик... Здесь мы будем отталкиваться от деда Шукаря. Этот старик бежит совсем в другую сторону – к дому тестя Ивана. И кричит за кулисами: «Вы горите или нет?!» Это уже элемент трагикомедии. Мы всю пьесу будем решать в трагикомическом ключе.

– Но дом-то сгорел? – опять спрашивает Володька.

– Дом спасают колхозники. Ивану объяснили, что дом пойдет под колхозные ясли. Иван сам принимает участие в тушении пожара и все повторяет: «Подонки! Куда они меня завели!»

– Это про кого он? – не понял Васька.

– О, боже мой! Да про тестя с тещей, неужели не понятно?

– Сильная пьеса!

– И все? Конец? – спрашивает Володька.

– В конце Иван, смущенный, но счастливый, подписывает вместе с другими парнями и девочками обязательство: сдать ясли к Новому году.

– А где он жить будет? – Это Володька.

– Поживет пока у тестя... – начал было Ваня, но спохватился: герой только что крыл тестя и тещу «подонками». – Найдет, где жить.

– Где?

– А тебя что, не устраивает идея пьесы?

– Идея-то меня устраивает. Я спрашиваю, где он жить будет?

– А по-моему, тебя сама идея не устраивает.

– Ты мне политику не шей. Я спрашиваю, где он жить будет?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Женатику надоели эти пререкания двух ухажеров.

– Допустим, он себе еще домик срубит – поменьше. Доволен?

– На какие же такие деньги: один дом рубит, другой?..

– Другой – это уже за кадром, – резко сказал Ваня. – Другой нас уже не интересует. Перед нами – пьеса, и надо относиться к ней профессионально. Но, по-моему, тебя и первый дом не устраивает...

– На первое время к тестю пойдет, – сказал женатик.

– Да не пойдет он к тестю! – взорвался Васька. – Вы что? У них после этого ругань пойдет несусветная. Ведь он же помогал ему рубить дом? Тесть-то? Откуда у солдата деньги? Тесть помогал... А зять – то хотел спалить этот дом, то под ясли отдал. И что, тесть после этого скажет ему: «Спасибо тебе, зятек?»

– Не меряй всех на свой аршин.

– Вот тесть-то меня меньше всего волнует, – жестко сказал Ваня.

Женатик встал.

– Здесь просто хотят подсунуть другую идейку! – И сел. Он не любил Володьку за длинный язык.

– Дальше? – спросил Володька. – Что ж ты замолчал? Какую идейку? Говори.

Женатик встал.

– Здесь просто хотят проявить сочувствие тестю.

– Кулаку-тестю, – уточнил Ваня.

Наступила нехорошая тишина.

– Предлагаю вывести Марова из состава драмкружка, – сказал женатик. – И Ваську тоже. Они не репетируют, а только зубоскалят.

– А меня за что? – обиделся Васька.

– Нет, Ваську не надо, – пожалел пиротехник. – Он одумается.

Раздались еще голоса:

– Васька – безотказный труженик. Он только – на поводе у Марова.

Женатик предложил другое:

– Поставить Ваське на вид. И предупредить: пусть не злоупотребляет спиртными напитками.

– Вот за это стоит! – подхватил Елистратыч. – Это – стоит. По праздникам – это другое дело. Но ты, Васька, и в будни – нет-нет – да огреешь. А ты – на машине, недолго и до аварии.

– Совсем надо прекратить! – подала голос библиотекарша, женщина в годах, но очень миловидная.

– Нет, совсем-то... как, поди-ка, совсем-то? – усомнился сам Елистратыч. – Он же мужик...

Но тут взорвался женатик:

– Ну и что, что мужик? А спросите его: что за причина, по которой он пьет? Он не ответит.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Тучи сгустились.

– По праздникам все пьют, – вякнул Васька. – А я что, рыжий?

– В общем так, – подвел Ваня. – Двое упорствуют, двое настаивают на своем. Ставлю на голосование: кто за то, чтобы...

В это время через зал прошла и села на первый ряд Вдовина Матрена Ивановна, пенсионерка, бывшая заведующей культурой райисполкома, негласный шеф и радетель художественной самодеятельности.

– Здравствуйте, товарищи! Ну, как дела?

– Обсуждаем пьесу, Матрена Ивановна.

– Так, так.

– Выяснилось, что идея пьесы не всех устраивает.

– Как так? – удивилась Матрена Ивановна. – Я читала – хорошая пьеса. А кому не нравится идея?

– Мне идея нравится, – заговорил Володька, с презрением поглядев на Ваню, – только я не знаю, где он жить будет...

– Кто?

– Солдат.

– Какой солдат?

– Герой пьесы, Матрена Ивановна, – пояснил Ваня. – Надо яснее выражаться, Маров. Он уже давно не солдат.

– Я уж испугалась: как это – где будет жить солдат? Выражайтесь действительно яснее. А то ведь можно подумать, что у нас солдатам жить негде. А почему идея не нравится?

– Да вот... ставят двусмысленный вопрос: где будет жить Иван?

– Ты мне – недвусмысленный! – разозлился Володька. – Двусмысленный... Вопрос самый обыкновенный.

– Ну, ну?

– Дом он отдал под ясли, к тестю он после всего не пойдет... Где же он жить будет?

– Ну, нашли о чем спорить! Петухи. Жилье ему выделит колхоз. Обязан выделить. Человек отдал дом под ясли...

– В пьесе-то этого нет.

Вдовина подумала.

– А вот тут возможно, что и упущение автора. Вот что, ребята: я свяжусь с автором по телефону, попрошу его добавить насчет жилья. А то действительно можно не так понять... Можно понять, что его оставили на произвол судьбы. Я попрошу его уточнить с жильем. О том, что мы взяли его пьесу, я ему звонила, он поздравляет нас и передает всем привет. Дело серьезное, ребятки. Как говорят охотники: есть шанс убить медведя. Если мы займем первое место на смотре...

Тут все загалдели.

– То что тогда, Матрена Ивановна?

– Ой, ну скажите?..

– Матрена Ивановна, скажите!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Звание народного театра?
- Ну, за один спектакль...
- Как сделать!
- Нам устроят турне по области?

Вдовина, улыбающаяся, захлопала в ладоши.

- Тихо, ребятки, тихо!
- Ну скажите, Матрена Ивановна!
- Нет, нет, даже не просите. – Вдовина улыбалась. – Не будете знать, лучше будете работать. Вот так. Это и педагогичнее будет. За работу, друзья!

В клуб вошла девушка с почты.

- Матрена Ивановна, вам телеграмма. Я была у вас дома, там никого нет...

Матрена Ивановна надела очки, прочитала телеграмму.

- Какое совпадение, – сказала она. – Только что о нем говорили...
- От автора?
- Да. Он пишет: «Песню «Мой Вася» снимите. Точка. Героиня поет: «Вот кто-то с горочки спустился». Точка. Желаю удачи. Красницкий». Болит ретивое-то – думает.
- А она разве поет там? – спросил Ваня.
- Кто?
- Героиня-то. Она же у нас не поет.
- Да, верно... Я не помню, чтобы она у нас пела. Он, наверно, перепутал пьесы. Где-нибудь ставят еще его пьесу... Конечно, он перепутал. Я буду звонить, все выясню. А теперь – за работу, друзья. За работу!

Крепкий мужик

В третьей бригаде колхоза «Гигант» сдали в эксплуатацию новое складское помещение. Из старого склада – из церкви – вывезли пустую вонючую бочкотару, мешки с цементом, сельповские кули с сахаром-песком, с солью, вороха рогожи, сбрую (коней в бригаде всего пять, а сбруи нашито на добрых полтора десятка; оно бы ничего, запас карман не трет, да мыши окаянные... И дегтярили, и химией обсыпали сбрую – грызут), метла, грабли, лопаты... И осталась она пустая, церковь, вовсе теперь никому не нужная. Она хоть небольшая, церковка, а оживляла деревню (некогда сельцо), собирала ее вокруг себя, далеко выставляла напоказ.

Бригадир Шурыгин Николай Сергеевич постоял перед ней, подумал... Подошел к стене, поколупал кирпичи подвернувшимся ломиком, закурил и пошел домой.

Встретившись через два дня с председателем колхоза, Шурыгин сказал:

- Церква-то освободилась теперь...
- Ну.
- Чего с ней делать-то?
- Закрой, да пусть стоит. А что?
- Там кирпич добрый, я бы его на свинарник пустил, чем с завода-то возить.
- Это ее разбирать – надо пятерым полмесяца возиться. Там не кладка, а литье. Черт их знает, как они так клали!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Я ее свалю.

– Как?

– Так. Тремя тракторами зацеплю – слетит как миленькая.

– Попробуй.

В воскресенье Шурыгин стал пробовать. Подогнал три могучих трактора... На разной высоте обвили церковку тремя толстыми тросами, под тросы – на углах и посреди стены – девять бревен...

Сперва Шурыгин распоряжался этим делом, как всяким делом, – крикливо, с матерщиной. Но когда стал сбегаться народ, когда кругом стали ахать и охать, стали жалеть церковку, Шурыгин вдруг почувствовал себя важным деятелем с неограниченными полномочиями. Перестал материться и не смотрел на людей – вроде и не слышал их и не видел.

– Николай, да тебе велели али как? – спрашивали. – Не сам ли уж надумал?

– Мешала она тебе?!

Подвыпивший кладовщик, Михайло Беляков, полез под тросами к Шурыгину.

– Колька, ты зачем это?

Шурыгин всерьез затрясся, побелел:

– Вон отсудова, пьяная харя!

Михайло удивился и попятился от бригадира. И вокруг все удивились и примолкли. Шурыгин сам выпивать горазд и никогда не обзывался «пьяной харей». Что с ним?

Между тем бревна закрепили, тросы подровняли... Сейчас взревет тракторы и произойдет нечто небывалое в деревне – упадет церковку. Люди постарше все крещены в ней, в ней отпевали усопших дедов и прадедов, как небо привыкли видеть каждый день, так и ее...

Опять стали раздаваться голоса:

– Николай, кто велел-то?

– Да сам он!.. Вишь, морду воротит, черт.

– Шурыгин, прекрати своевольничать!

Шурыгин – ноль внимания. И все то же сосредоточенное выражение на лице, та же неподкупная строгость во взгляде. Подтолкнули из рядов жену Шурыгина, Кланьку... Кланька несмело – видела: что-то непонятное творится с мужем – подошла.

– Коль, зачем свалить-то хочешь?

– Вон отсудова! – велел и ей Шурыгин. – И не лезь!

Подошли к трактористам, чтобы хоть оттянуть время – побежали звонить в район и домой к учителю. Но трактористам Шурыгин посулил по бутылке на брата и наряд «на исполнение работ».

Прибежал учитель, молодой еще человек, уважаемый в деревне.

– Немедленно прекратите! Чье это распоряжение? Это семнадцатый век!..

– Не суйтесь не в свое дело, – сказал Шурыгин.

– Это мое дело! Это народное дело!.. – Учитель волновался, поэтому не мог найти сильные, убедительные слова, только покраснел и кричал: – Вы не имеете права! Варвар! Я буду писать!..

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Шурыгин махнул трактористам.. Моторы взревели. Тросы стали натягиваться. Толпа негромко, с ужасом вздохнула. Учитель вдруг сорвался с места, забежал с той стороны церкви, куда она должна была упасть, стал под стеной.

– Ответишь за убийство! Идиот..

Тракторы остановились.

– Уйди-и! – заревел Шурыгин. И на шее у него вспухли толстые жилы.

– Не смей трогать церковь! Не смей!

Шурыгин подбежал к учителю, схватил его в беремя и понес прочь от церкви. Щуплый учитель вырывался как мог, но руки у Шурыгина крепкие.

– Давай! – крикнул он трактористам.

– Становитесь все под стену! – кричал учитель всем. – Становитесь!.. Они не посмеют! Я поеду в область, ему запретят!..

– Давай, какого!.. – заорал Шурыгин трактористам.

Трактористы усунулись в кабины, взялись за рычаги.

– Становитесь под стену! Становитесь все!..

Но все не двигались с места. Всех парализовало неистовство Шурыгина. Все молчали. Ждали.

Тросы натянулись, закрипели, затрещали, зазвенели.. Хрустнуло одно бревно, трос, врезавшись в угол, запел балалаечной струной. Странно, что все это было хорошо слышно – ревели же три трактора, напрягая свои железные силы. Дрогнул верх церкви.. Стена, противоположная той, на какую сваливали, вдруг разодралась по всей ширине.. Страшная, черная в глубине, рваная щель на белой стене пошла раскрываться. Верх церкви с маковкой поклонился, поклонился и ухнул вниз. Земля вздрогнула, как от снаряда, все заволокло пылью.

Шурыгин отпустил учителя, и тот, ни слова не говоря, пошел прочь от церкви.

Два трактора еще продолжали скрести гусеницами землю. Средний по высоте трос прорезал угол и теперь без толку крошил кирпичи двух стен, все глубже врезаясь в них.

Шурыгин остановил тракторы. Начали по новой заводить тросы.

Народ стал расходиться. Остались самые любопытные и ребяташки.

Через три часа все было кончено. От церкви остался только невысокий, с неровными краями остов. Церковь лежала бесформенной грудой, прахом. Тракторы уехали.

Потный, весь в пыли и известке, Шурыгин пошел звонить из магазина председателю колхоза.

– Все, угорела! – весело закричал в трубку.

Председатель, видно, не понял, кто угорел.

– Да церква-то! Все, мол, угорела! Ага. Все в порядке. Учитель тут пошумел малость.. Но! Учитель, а хуже старухи. Да нет, все в порядке. Гробанулась здорово! Покрошилось много, ага. Причем они так: по три, по четыре кирпича – кусками. Не знаю, как их потом долбать.. Попробовал ломиком – крепкая, зараза. Действительно, литье! Но! Будь здоров! Ничего.

Шурыгин положил трубку. Подошел к продавщице, которую не однажды подымал ночами с постели, – кто-нибудь приезжал из района рыбачить, засиживались после рыбалки у бригадира до вторых петухов.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Видела, как мы церкву уговорили? – Шурыгин улыбался, довольный.

- Дурацкое дело не хитрое, – не скрывая злости, сказала продавщица.
- Почему дурацкое? – Шурыгин перестал улыбаться.
- Мешала она тебе, стояла?
- А чего ей зря стоять? Хоть кирпич добудем...
- А то тебе, бедному, негде кирпич достать! Идиот.
- Халява! – тоже обозлился Шурыгин. – Не понимаешь, значит, помалкивай.
- Разбуди меня еще раз посередине ночи, разбуди, я те разбужу! Халява... За халяву–то можно и по морде получить. Дам вот сейчас гирькой по кумполу, узнаешь халяву.

Шурыгин хотел еще как-нибудь обозвать дуру продавщицу, но подошли вездесущие бабы.

- Дай бутылку.
- Иди промочи горло–то, – заговорили сзади. – Пересохло!
- Как же – пыльно!
- Руки чесались у дьявола...

Шурыгин поглядывался строго на баб, но их много, не перекричать. Да и злость их – какая–то необычная: всерьез ненавидят. Взял бутылку, пошел из магазина. На пороге обернулся, сказал:

- Я вам прижму хвосты–то!

И скорей ушел.

Шел, злился: «Ведь все равно же не молились, паразитки, а теперь хай устраивают. Стояла – никому дела не было, а теперь хай подняли».

Проходя мимо бывшей церкви, Шурыгин остановился, долго смотрел на ребятишек, копавшихся в кирпичах. Смотрел и успокаивался. «Вырастут, будут помнить: при нас церкву свалили. Я вон помню, как Васька Духанин с нее крест своротил. А тут – вся грохнулась. Конечно, запомнят. Будут своим детишкам рассказывать: дядя Коля Шурыгин зацепил тросами и... – Вспомнилась некстати продавщица, и Шурыгин подумал зло и непреклонно: – И нечего ей стоять, глаза мозолить».

Дома Шурыгина встретили форменным бунтом: жена, не приготовив ужина, ушла к соседкам, хворающая мать заругалась с печки:

- Колька, идол ты окаянный, грех–то какой взял на душу!.. И молчал, ходил молчал, дьяволина... Хоть бы заикнулся раз – тебя бы, может, образумили добрые люди. Ох, горе ты мое горькое, теперь хоть глаз не кажи на люди. Проклянут ведь тебя, проклянут–ут! И знать не будешь, откуда напасти ждать: то ли дома окочурисся в одночасье, то ли где лесинной прижмет невзначай...

- Чего эт меня проклинать–то возьмутся? От нечего делать?

- Да грех–то какой!

- Ваську Духанина прокляли – он крест своротил? Наоборот, большим человеком стал...

- Тада время было другое. Кто тебя сейчас–то подталкивал – рушить ее? Кто? Дьявол зудил руки... Погоди, тебя ишо сама власть взгреет за это. Он вот, учитель–то, пишет, сказывали, он вот напишет куда следоват – узнаешь. Гляди–ко, тогда устояла, матушка, так он теперь нашелся. Идол ты лупоглазый.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ладно, лежи хворай.

– Глаз теперь не кажи на люди...

– Хоть бы молиться ходили! А то стояла – никто не замечал...

– Почто это не замечали! Да, бывало, откуда ни идешь, ее уж видишь. И как ни пристанешь, а увидишь ее – вроде уж дома. Она сил прибавляла...

– Сил прибавляла... Ходят они теперь пешком-то! Атомный век, понимаешь, они хватились церкву жалеть. Клуба вон нету в деревне – ни один черт не охнет, а тут – загоревали. Переживут!

– Ты-то переживи теперь! Со стыда теперь усохнешь...

Шурыгин, чтобы не слышать ее ворчанья, ушел в горницу, сел к столу, налил сразу полный стакан водки, выпил. Закурил. «К кирпичам, конечно, ни один дьявол не притронется, – подумал. – Ну и хрен с ними! Сгребу бульдозером в кучу, и пусть крапивою зарастает».

Жена пришла поздно. Шурыгин уже допил бутылку, хотелось выпить еще, но идти и видеть злую продавщицу не хотелось – не мог. Попросил жену:

– Сходи возьми бутылку.

– Пошел к черту! Он теперь дружок тебе.

– Сходи, прошу...

– Тебя просили, ты послушал? Не проси теперь и других. Идиот.

– Заткнись. Туда же...

– Туда же! Туда же, куда все добрые люди! Неужели туда же, куда ты, харя необразованная? Просили, всем миром просили – нет! Вылупил шары-то свои...

– Замолчи! А то опояшу разок...

– Опояшь! Тронь только, харя твоя бесстыжая!.. Только тронь!

«Нет, это, пожалуй, на всю ночь. С ума посходили все».

Шурыгин вышел во двор, завел мотоцикл... До района восемнадцать километров, там магазин, там председатель колхоза. Можно выпить, поговорить. Кстати, рассказать, какой ему тут скандал устроили... Хоть посмеяться.

На повороте из переулка свет фары выхватил из тьмы безобразную грудку кирпича, пахнуло затхлым духом потревоженного подвала.

«Семнадцатый век, – вспомнил Шурыгин. – Вот он, твой семнадцатый век! Писать он, видите ли, будет. Пиши, пиши».

Шурыгин наддал газку... И пропел громко, чтобы все знали, что у него – от всех этих проклятий – прекрасное настроение:

Что ты, что ты, что ты, что ты!

Я солдат девятой роты,
Тридцать первого полка...

Оп, тирдар-пупия!

Мотоцикл вырлил из деревни, воткнул в ночь сверкающее лезвие света и помчался по накатанной ровной дороге в сторону райцентра. Шурыгин уважал быструю езду.

Свояк Сергей Сергеевич

К Андрею Кочуганову приехали гости: жена с мужем. Сестру жены зовут Роза, мужа ее – Сергеем; Сергей Сергеевич, так он представился, смуглый, курносый, с круглыми, бутылочного цвета глазами.

Сестры всплакнули на радостях и поскорей ушли в горницу и унесли туда чемоданы.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ну, теперь полдня будут тряпки разглядывать, – сказал Сергей Сергеич снисходительно, но не без гордости – тряпок было много. С таким видом вытаскивают, будучи в отпуске дома, молодые лейтенанты червонцы из кармана. Но тех извиняет молодость, этот – сорокалетний – гордился со вкусом.

Свояки закурили.

– На сколь? – спросил Андрей.

– У нас отпуск большой, мы же – льготники. – И опять гордость, высокомерие. Живого места нет на человеке – весь как лоскутное одеяло, и каждый лоскут – кричит и хвалится. – На особом положении.

– На каком таком особом?

– В смысле зарплаты и отпуска.

– Что, очень большая зарплата?

Свояк Сергей Сергеевич посмеялся неведению Андрея.

– У меня, например, выходит до четырехсот.

Свояк Андрей удивился:

– Ого-го!

– Сколько у вас тут профессор получает?

– Где?

– Ну, здесь, на Большой земле.

– А я откуда знаю сколько.

– Самый высокооплачиваемый профессор получает пятьсот рублей. Максимум.

– Ну. И что?

– А я пять классов кончил, шестой коридор... – Свояк Сергей Сергеич опять посмеялся. – Вот так и живем.

– Значит, хорошо. Это хорошо.

– Не жалуемся. Тут отдохнуть-то хоть можно?

Андрей пожал плечами.

– Так... а чего, поди? Отдохнуть, по-моему, везде можно.

– Не скажи. Я говорил своей: поедем в Ялту! Нет, говорит, домой охота. Ну, поедем домой, если такой нетерпех. Я, как правило, в Ялте отдыхаю. Не люблю в этих деревнях: в магазине ничего нет... Сейчас по дороге зашел в ваш магазин. «Дайте, – говорю, – шампанского». Она на меня – как баран на новые ворота: «Какого шаньпанскыва?» – «Ну, обыкновенного, – говорю, – сухого, полусухого, сладкого, полусладкого... Какое у вас есть?» – «Никакого». Вина хорошего и то нет. Одна сивуха.

Андрей поднялся.

– Пойду дровишек поколю. Банешку-то надо, наверно, протопить?

– Баню – это хорошо. У вас по-черному?

– По-черному.

– Вот это хорошо! Некоторые удивляются: ты любишь по-черному? А я люблю. Хорошо,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
дымком пахнет. Воды только натаскай побольше.

Андрей вышел на двор.

Вскоре вышла жена Соня.

– Ох и навезли! – заговорила она восторженно и с каким-то святым благоговением.
– Мне два платка вот таких – цветные, с тистями, платье атласное, две скатерки, тоже с тистями...

– Ты вот чего... С тистями... Воду надо таскать, – заметил Андрей. – Свояк любит, чтоб воды было навалом.

– Господи, да я для них!.. И ты, Андрей, уж постарайся. Да повеселей будь, а то ходишь, как этот... бурелом какой-то. Подумают, что мы – не рады. А я без ума радешенька. Ох, шали!.. Во сне таких сроду не видывала. Живут же люди!

Мылись в бане уже затемно.

Свояк Сергей Сергеич парился отменно, тазами лил на себя воду, стонал блаженно... Андрея поразило обилие наколок на его сухопаром теле.

– Тянул! – весело сообщил Сергей Сергеич, когда Андрей спросил о наколках. – Четыре года... По молодости. Брат в сельпо работал, везли товар в лавку... Ху! Кха!.. Я в одном месте запрыгнул в машину, сбросил два тюка крепдешина – попались. Ну-ка, поддай ковшечек.

Андрей поддал. Сергей Сергеич опять неистово начал хлестаться, опять закричал, застонал...

– Ну, и как?

– А?

– С крепдешинком-то?

– Я ж говорю: попались. Вломили: мне четыре, брату семь... Не посмотрели на его ордена. У него орденов двенадцать штук было. С медалями.

– А брата-то за что?

– Так он же научил-то! Меня на первом же допросе раскололи. Но он, правда, не досидел, пять лет только – под амнистию попал. Ну-ка кинь еще! Сразу два!

– Тебе ничего, плохо не будет?

– Ерунда! Давай!

Каменка зло фыркнула, крутой, яростный пар клубом ударил в потолок, оттуда кинулся вниз... Андрей присел на корточки. Свояк мучился на полке, извивался, мелькало в полутьме его смуглое расписное тело. Наконец он свалился оттуда и выполз в предбанник отдышаться.

Андрей на минуту влез на полку, постегал маленько ноги, поясницу – не любитель был париться. Тоже слез на пол.

– Иди, покурим, – позвал Сергей Сергеич.

Закурили в прохладном предбаннике. Свояк – опять за свое:

– Ну, а как, например, можно отдохнуть?

– Ну, елки зеленые! – изумился Андрей. – Ну, лежи, плюй в потолок... Кино привозят. Рыбачь ходи... «Как отдохнуть...»

– Рыбешка есть в реке?

– Мало. Ребята вверх заплывают, там вроде получше.

- А лодка есть?
- Есть. Только без мотора.
- Почему? Моторов нету?
- Моторы-то есть – вон, бери в магазине... Грошей нет.
- А у меня «Иж», в субботу часика в четыре утра выеду, как дам по тракту сотенку в час!.. Зверь! Мы на озера ездим рыбачить.
- Добываете?
- Ну, чтобы зря не трепаться: по полмешка привожу. Розка не знает, куда девать. И жарит, и солит, и уха идет... Но в основном огород удобряем.
- Во?! – удивился Андрей.
- Да. Я лук репчатый уважаю, у меня теплица есть, я туда – толченой рыбы... Знаешь, какой лук растет! Ни у кого в поселке такого лука нет. Вот такой вот!.. Аж сладкий, гад. А счас на очередь на «Волгу» стал. Советовали «Фиат» подождать, но я думаю, они с этим «Фиатом» еще лет пять провозятся, а я за это время «Волгу» получу. Кха. Нешто еще разок слазить? Пойду – шваркнусь...

Потом мылись женщины.

А мужчины в это время сидели за бутылкой «Калгановой» и... поругались. Свояк начал опять хвастаться, как у него складно все получается в жизни... И вдруг стал упрекать Андрея в неумении жить.

- И телевизора даже нету?
- Нету.
- Ну-у, слушай, ты уж совсем какой-то малахольный мужик. Неужели уж телевизор нельзя купить?

Андрей обиделся.

- Не все же профессорское жалованье получают...
- Но телевизор-то можно купить!
- Да на кой он мне... нужен-то? И «Фиат» тоже не нужен. Понял? А если ты мне всякие замечания будешь делать, то я иначе могу поговорить...
- Как?
- Так. Узнаешь.
- Нет, как? Мм?
- Перелобаню разок, и все.
- Да?
- А чего ты?.. Приехал, понимаешь, только и слышно: это нехорошо, то не нравится!.. Я тебя не звал сюда. А приехал, – значит, помалкивай. И будь человеком.
- Значит, ты предлагаешь так: даже если я увижу недостаток, все равно я должен говорить, что это хорошо? Да?
- Я виноват, что в лавке нет шампанского? Для чего оно здесь, шампанское-то? У нас его сроду никто не пьет.
- Я тебе не про шампанское, а про телевизор замечание сделал. Я могу и

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru «Калгановой» выпить.

– А у тебя, например, комбайн есть?

– Какой комбайн?

– Обыкновенный, которым жнут.

– Зачем он мне?

– Вот так же и мне телевизор не нужен, как тебе комбайн. Но я же не делаю тебе замечание, что у тебя комбайна нет...

– Но телевизор-то – это же первая необходимость! У тебя же сын растёт: вместо того чтобы огороды шерстить по вечерам, он будет телевизор смотреть.

Андрей помолчал.

– Вон у меня лук репчатый есть – целые вязанки висят... Хочешь?

– Нет, ты все-таки малахольный. Не обижайся, конечно...

Андрей долго смотрел, не мигая, на свояка.

– Еще раз обзовешь... вот видал? – сразу между глаз закатаю.

– Да? – Свояк оживился. – А ты знаешь, что моя правая срабатывает еще до того, как я успею сообразить. Вот видишь – нос? – Он нажал пальцем на свою кнопку. – Сломан... Отчим сломал. Ты знаешь, как мы его с братом катали, когда подросли? Как хотели... Бывало, подойду, о так от – рраз!.. – Сергей Сергеич хотел показать, куда он бил отчима, потянулся, но неожиданно сработала правая Андрея – свояк слетел со стула и громко заматерился.

– Я ж те показать хотел! От паразит-то, в душу ты, в печень, понимаешь!.. В рот пароход! – Свояк сидел на полу, тер лоб ладонью, а другой махал в воздухе, объяснял: – Я ж те хотел показать, а ты думал...

– Два молодых оглоеда – на старого человека, – сказал Андрей. Ему стало совестно, что поторопился: он в самом деле решил, что свояк хочет его ударить, когда потянулся с кулаком. – И не стыдно?

– Ты же не знаешь, как он нас молотил! Ты же...

В это время в сенях стукнула дверь – свояк вскочил с пола и быстро-быстро заговорил:

– Андрюха!.. В рот пароход! Молчи! Мы – сидим, пьем «Калгановую»... Ничего не было! Понял? А то я горю, понял? Она мне, сука, устроит отдых... Лады? Мы – сидим, мирно пьем «Калгановую». – Свояк быстренько набулькал две рюмки, сел за стол.

Когда сестры вошли в избу, свояки чокались.

– А-а! – закричал Сергей Сергеич. – С легким паром!

– Ты, я смотрю, уже полегчал? – миролюбиво заметила Роза. – Ничего?

– Все в порядке, все в порядке, – поспешил Сергей Сергеич. – Спроси свояка.

– Все в порядке, – подтвердил Андрей.

– Чего нас-то не ждете, – упрекнула Соня. Но так – проформы ради упрекнула: у женщин было преотличное настроение.

Скоро все четверо дружно пели за столом. Запевал свояк тонким, дрожащим голосом... И при этом закрывал глаза и мелко тряс головой.

Я знаю, меня ты не ждешь.
И писем моих не читаешь...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Все подхватывали:

Встречать ты меня не придешь,
А если придешь, не узнаешь.

Ох, встречать ты меня не приде-ошь...

Андрей не знал слов и подждал, когда разок спюют свояк и Роза, а потом уж со всеми вместе грустно гудел. Ему очень нравилась песня, и он в душе очень жалел, что ударил свояка.

А на другой день свояк выкинул шутку, которую Андрей не понял до конца, не понял – зачем?

Андрей возвращался вечером с работы.. Сваяк ждал его у ворот на скамеечке. Увидев Андрея, он встал, сунул руки в карманы брюк и очень самонадеянно опять прищурился. Спросил:

– Ну что, малахольный?.. Отработал?

Андрей ушам своим не поверил.

– Ты опять? – с угрозой протянул Андрей.

– Следуйте за мной, гражданин! – И свояк пошел, не оглядываясь, к сараю.

– Чего ты? – не двигался с места Андрей.

– Иди, кому говорят! – прикрикнул свояк. – Действительно, малахольный.

Андрей оглянулся – никого в ограде нет. Он пошел к свояку. Вид его не обещал ничего хорошего. Сваяк распахнул дверь сарая.. А там, на плахе, масляно поблескивая смазкой, лежал.. лодочный мотор. Новенький, только из сельмага. Сваяк пнул его носком ботинка.

– Бери, ставь на лодку.

– Как?..

– Говори «спасибо» и уноси, пока я не раздумал. Понял? Дарю.

– Как же так? – все не мог понять Андрей.

Сваяк засмеялся, довольный.

– Вот так... Чего рот разинул? От малахольный-то.. Бери – твой!

– Он же дорого стоит, – сказал Андрей. – Куда к черту...

Сергей Сергеич подошел к Андрею, больно – со злинкой – похлопал его по щеке.

– Бери... Я их те таких десятков могу купить. Помни Серьгу Неверова! Пошли.

Когда Андрей переступил порожек сарая, свояк Сергей Сергеич вдруг запрыгнул ему на спину и закричал весело:

– Ну-ка – вмах!.. До крыльца.

– Брось!.. – Андрей передернул плечами. – Ну?

Сваяк сидел крепко.

– Ну, до крыльца! Ну! – Сергей Сергеич от нетерпения пришпорил в бока Андрею. – Ну!.. Шутейно же. Гоп! Гоп!.. Аллюром! Что, трудно, что ли?

Проклятый мотор! Черт его подсунул, не иначе. Стерва металлическая.. Андрей у крыльца чуть не сбросил свояка через голову, чуть не зашиб его об ступеньки, потому что тот, когда скакали, еще и орал:

– Еге-ей! Скакал казак через долину!.. Гоп! Гоп!..

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

К счастью, никто не вышел из дома, и с улицы тоже не было видно, на ком это скачет гость Кочугановых «через долину».

Андрей пошел в дом, пинком расхлобыстнул дверь... Но на столе – увидел – стояла опять «Калгановая», вкусно пахло жареным мясом... В избе было чистенько прибрано, мурлыкало радио, жена Соня, довольная сверх всякой меры, суетилась в кути... Да черт с ним, что прокатил на спине! Что, действительно трудно, что ли? Зато теперь – с мотором, будь он проклят.

– Ну, как мотор-то? – спросила Соня.

– О так от!.. – выскочил вперед Сергей Сергеич. – О так от уставился на него и смо-отрит. Умора!.. – Свояк и Соня засмеялись, довольные. – Я говорю: бери скорей, пока не раздумал! А то ведь раздумаю!.. Ну, давай по рюмочке «Калгановой» – с обновкой. Чего стоишь? Не очухался еще? – Свояк опять засмеялся. И пошел к столу. Он снова наладился на тот тон, с каким приехал вчера.

Суд

Пимокат Валиков подал в суд на новых соседей своих, Гребенщиковых. Дело было так.

Гребенщикова Алла Кузьминична, молодая, гладкая дура, погожим весенним днем заложила у баньки пимоката, стена которой выходила в огород Гребенщиковых, парниковую грядку. Натаскала навоза, доброй землицы... А чтоб навоз хорошо прогрелся, она его, который посуше, подожгла снизу паяльной лампой, а сверху навалила что посуше и оставила шаять на ночь. Он шаял, шаял, высох и загорелся огнем. И стена загорелась... В общем, банька к утру сгорела. Сгорели еще кое-какие постройки, сарай дровяной, плетень... Но Ефиму Валикову особенно жалко было баню: новенькая баня, год не стояла, он в ней зимой пимы катал. Объяснение с Гребенщковой вышло бестолковое: Гребенщикова навесила занавески на глаза и стала уверять страхового агента, что навоз загорелся сам.

– Самовозгорание! – твердила она и показывала агенту и Ефиму палец. – Понимаете?

Это «самовозгорание» вконец обозлило и агента тоже.

– Подавай в суд, Ефим, – сказал он. – А то нас тут за дураков считают.

Валиков подал в суд. Но так как дело это всегда кляузное, никем в деревне не одобряется, то Ефим тоже всем показывал палец и пояснял:

– Оно бы – по-доброму, по-соседски-то – к чему мне? Но она же шибко грамотная!.. Она же слова никому не дает сказать: самозагорание, и все!

Муж Гребенщковой, тоже агроном, был в отъезде. Когда приехал, они поговорили с Ефимом.

– Неужели без суда нельзя было договориться? Заплатили бы вам за баню...

– Это уж ты сам с ней договаривайся, может, сумеешь. Я не мог. Мне этот суд нужен... как собаке пятая нога.

– Не нарочно же она подожгла.

– А кто говорит, что нарочно? Только зачем же людей-то дурачить! Самозагорание...

– Самовозгорание. Это бывает вообще-то.

– Бывает, когда назём годами преет, да в куче – слежалый. А у ней за одну ночь самозагорелся. Не бывает так, дорогой Владимир Семеныч, не бывает.

Владимир Семеныч побаивался жены, и его очень устраивало, что дело уже передано в суд и, стало быть, чего тут еще говорить. Без него все решится.

– Разбирайтесь сами.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Разберемся.

И вот – суд. Суд выехал из района по другому случаю, более тяжелому, а заодно решили пристегнуть и это дело, погорельское. Судили в сельсовете...

Шел Ефим на суд, как курва с котелком, – нервничал. Вспомнил чего-то, как один раз, в войну, он, демобилизованный инвалид, без ноги, пьяный, возил костылем тогдашнего предсельсовета Митьку Трифонова и предлагал ему свои ордена, а взамен себе – его ногу. Его тогда легко могли посадить, но сам Митька «спустил на тормозах», в суд не подал, хотя долго после этого пугал: «Подать, что ли, Ефим? А?»

«Ну да, а я сейчас, выходит, иду человека топить, – думал Ефим. – На кой бы она мне черт сдалась, если так-то, по-доброму-то?» И вспоминал, как гладкая Алла Кузьминична, когда толковала про самовозгорание, то на Ефима даже не глядела, а глядела на страхового агента, мол, Ефим Валиков все равно не поймет, что это такое – самовозгорание.

Протез Ефим не надел, шел на костылях – чтоб заметней было, что он без ноги. Ордена, правда, не надел: хватит того, что нашумел с ними тогда, после демобилизации.

«С другой стороны, если каждый будет поджигать вот так вот, я с одними костылями и останусь на белом свете. А то и самого опалят, как борова в соломе. Так что мое дело правое».

Гребенщикова была уже в сельсовете, посмотрела на Валикова гордо, ничего не сказала, не поздоровалась, отвернулась.

«Ох ты, горе мое, горюшко! – не желает мамзель с нами здороваться», – посмеялся сам с собой Ефим. Он не то чтобы обиделся, а захотелось, чтобы этой «баронке» так бы прямо и сказали: «Чем же тут гордиться-то, милая? Подожгла человека, да еще нос воротишь!»

Судья, молодой мужчина, усталый, долго смотрел в бумаги, потом посмотрел на Аллу Кузьминичну, на Ефима...

– Рассказывайте.

Ефим подумал, что надо, наверно, ему первому начинать.

– Видите ли, в чем тут дело: вот эта вот гражданка...

– Вы уж прямо как враги – «гражданка»... Соседи ведь.

– Соседи, – поспешил Ефим. – Да мне-то весь этот суд – собаке пятая нога...

– А подаете.

– Дак она же платить нисколь не хочет! А баня была новая, у меня вся деревня свидетели.

– Как все это произошло, Алла Кузьминична?

– Я разбила парничок и немного подогрела навоз...

– Подожгли его?

– Да, но он некоторое время погорел, потом я его завалила влажным навозом. Он, очевидно, хорошо прогрелся и самовозгорелся ночью.

– Во! – изумился Ефим. – Да я, можно сказать, родился на этом навозе! Я – как себя помню, так помню, что ворочал его, – так уж за всю-то жизнь изучил я его, как вы думаете? Потом, не забывайте: мы каждый год кизяки топчем! Уж я его ворочал-переворочал, этот навоз, как не знаю...

– Товарищ Валиков отрицает, что навоз может самовозгореться. У него в практике этого не было... Ну и что?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Судья смотрел на Аллу Кузьминичну, кивал головой.

– Нельзя же на этом основании вообще отрицать этот факт. Вы же понимаете, что надо же считаться с научными данными тоже, – продолжала Алла Кузьминична.

Судья все кивал головой.

«Счас докажут, что я верблюд», – затосковал Ефим.

– Я понимаю, что товарищу Валикову нанесен материальный ущерб, но объективно я тут ни при чем. С таким же успехом могла ударить гроза и поджечь баню. Моя вина только в том, что я этот парничок разбила у ихней баньки. Но она одной стеной выходит в наш огород, поэтому тут криминала тоже нету. – Она хорошо подготовилась, Алла Кузьминична.

«Надо было ордена надеть», – подумал Ефим.

– Я выражаю сожаление товарищу Валикову, это все, что я могу сделать.

Судья закурил, с удовольствием затянулся и без всякого выражения, просто сказал:

– Надо платить, Алла Кузьминична.

– Почему? – Алла Кузьминична растерялась.

– Что?

– Почему платить?

– Что, неужели судиться будете? Стыдно, Алла Кузьминична...

Алла Кузьминична покраснела.

– Вы что, тоже отрицаете самовозгорание?

– Да какое, к дьяволу, самовозгорание! Обыкновенный поджог. Неумышленный, конечно, но поджог. Вам это докажут в пять минут, и будет... неловко. Договоритесь по-человечески с соседом... Сколько примерно баня стоит, Валиков?

Ефим тоже растерялся и второпях – от благодарности – крепко занизил цену.

– Да она, банешка-то, хоть называется новая, а собрал-то я ее так, с бору по сосенке...

– Ну, сколько?

– Рублей двести, двести пятьдесят так... Да мне только лес привезти, я сам срублю! У их же машины в совхозе, попросить директора... Что, им откажут, что ли?

– Там ведь еще что-то сгорело?

– Кизяки, сараюха... Да сараюху-то я из отходов тоже сделаю!

– Двести пятьдесят рублей, – подытожил судья. – Мой совет, Алла Кузьминична: заплатите добром, не позорьтесь.

Алла Кузьминична молчала, не смотрела ни на судью, ни на Ефима.

– Не могу же я сразу тут вам выложить их!

«Ах ты, гордость ты несусветная!» – пожалел ее Ефим. И кинулся с подсказками:

– Да мне их зачем, деньги-то? Вы привезите на баню две машины лесу. Ну и заплатите мне, как вроде я нанял человека рубить... Рублей шестьдесят берут, ну и кормежка – двадцать: восемьдесят рэ. А там сколько с вас за две машины возьмут, меня это не касается. Может, совсем даром, меня это не касается. А оно так и выйдет – даром: вы молодые специалисты, вам эти две машины с радостью выпишут по

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru казенной цене. Это мне бы..

– Согласны? – спросил судья Аллу Кузьминичну.

– Я посоветуюсь с мужем, – резко сказала Алла Кузьминична.

«Ну, тот парень – не ты, артачиться зря не станет».

С суда Ефим шел веселый. Ему очень хотелось кому-нибудь рассказать, как проходил суд, какой хороший попался судья, как он дельно все рассудил и какой, между прочим, сам Ефим – пальца в рот не клади. Едва дотерпел до дома.

Жена Ефима, Марья, сразу – по виду мужа – поняла, что обошлось хорошо.

Ефим смело вытащил из кармана бутылку и стал рассказывать:

– Все в порядке! Ох, судья попался!.. От башка! Сразу ей хвост прищемил. Как, говорит, вам не стыдно! Какое самозагорание? Подожгла, значит, надо платить.

– Гляди-ко!

– Что ты! Он ей там такого черта выдал, она не знала, куда глаза девать. Вы же, говорит, видите: человек на одной ноге... – Ефим всегда скоро пьянел, не закусывал. – Да он, говорит, вот возьмет счас, напишет куда надо, и тебе зальют сала под кожу. У него, грит, нога-то где? Под Москвой нога, вон где, а ты с им – судиться! Да он только слово скажет, и ты станешь худая...

Марья понимала, что Ефим здорово привирает, но, в общем-то, ведь присудили платить за баню! Присудили.

– Господи, есть же на свете справедливые люди.

– Фронтвик. Его по глазам видно. Эх ты, говорит, ученая ты голова, не совестно? Проть кого пошла?! Да он, грит...

– Хватит лакать-то, обрадовался, – сердито заметила Марья. – Ты бы вот не лакал счас, а пошел бы да отнес человеку сальца с килограмм. Приедет мужик-то, ребятишек покормит деревенским салом.

– А то не видят они этого сала...

– Да где?! Магазиное-то сравнишь с нашим! Иди выбери с мяском да отнеси. Да скажи спасибо. А то укустылял и спасибо не сказал небось. Мужик-то вон какое дело сделал!

Ефим подивился бабьему уму.

«Правда, по-свински вышло: мужик старался, а я, как этот...»

– Пить со мной он, конечно, не станет: он человек на виду, нельзя... – поразмышлял Ефим.

– Отнеси сальца-то.

– Отнесу! Я для такого человека ничего не пожалею! Может, ему денег немного дать?

– Деньги он не возьмет. За деньги ему выговор дадут, а сальца – ну, взял и взял гостинец ребятишкам.

Ефим слазил в погреб, отхватил добрый кус сала – с мяском выбрал, ядреное, запашистое. Радовался жениной догадке.

«До чего дошлые, окаянные!» – думал про баб.

Завернули сало в чистую тряпочку, и Ефим покостылял опять в сельсовет. Шел, радовался, что судья теперь тоже останется довольный.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
«Ведь отчего так много дерьма в жизни: сделал один человек другому доброе дело, а тот завернул оглобли – и поминай как звали. А нет, чтобы и самому тоже за добро–то отплатить как–нибудь. А то ведь – раз доброе человек сделал, два, а ему за это – ни слова, ни полслова хорошего, у него, само собой, пропадает всякая охота удружить кому–нибудь. А потом скулим: плохо жить! А ты возьми да сам тоже сделай ему чего–нито хорошее. И ведь не жалко, например, этого дерьма – сала, а вот не догадаешься, не сообразишь вовремя». Ефиму приятно было сознавать, что он явится сейчас перед судьей такой сообразительный, вежливый. Он поостыл на холодке, протрезвился: трезвел он так же скоро, как пьянел. «Люди, люди... Умные вы, люди, а жить не умеете».

Судья еще был в сельсовете, собирался уезжать.

– На минутку, товарищ судья, – позвал Ефим. – Пройдемте–ка в кабинет... От сюда вот, тут как раз никого. Домой?

Судья устало (отчего они так устают? Неужели судить трудно?) смотрел на него.

– Ребятишки–то есть?

– Где?

– Дома–то?

– У меня, что ли? – не понимал судья.

– Но.

– Есть. А что?

– Натек–ка вот отвезите им – деревенского... С мяском выбирал, городские с мясом любят. Нашему брату – на физической работе – сала давай, посытнее, а вам – чего?.. – Ефим распутывал тряпицу, никак не мог распутать, торопился, оглядывался на дверь. – Вам повкусней надо... такое дело. Это ж надо так замотать!

– А что это вы?

– Сальца ребятишкам отвезите...

Судья тоже невольно оглянулся на дверь. Потом уставился на Ефима.

– Что? – спросил тот. – Я, мол, ребятишкам...

– Не надо, – негромко сказал судья.

– Да нет, я же не насчет суда – дело–то теперь прошлое. Я думал, ребятишкам–то можно отвезти... А что? Это ж не деньги, деньги я бы...

– Да не надо! Вон отсюда! – Судья повернулся и сам вышел. И крепко хлопнул дверью.

Ефим остался стоять, наклонившись на костыли, с салом в руках. Вот теперь он понял, до боли под ложечкой понял, что не надо было с салом–то... Он не знал, что делать, стоял, смотрел на сало.

В кабинет заглянул судья.

– Сюда идут... уходи! Заверни сало, чтоб не видели. Побыстрей!

Только на улице сообразил Ефим, что ему теперь делать.

«Пойду Маньке шлык скатаю[2]. Зараза».

Сураз

Спирьке Расторгуеву – тридцать шестой, а на вид двадцать, не больше.

Он поразительно красив, в субботу ходит в баню, пропарится, стащит с себя недельную шоферскую грязь, наденет свежую рубаху – молодой бог! Глаза ясные,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru умные... Женственные губы ало цветут на смуглом лице. Сросшиеся брови, как два вороньих крыла, размахнулись в капризном изгибе. Черт его знает!.. Природа, кажется, иногда шутит. Ну зачем ему! Он и сам говорит: «Это мне – до фени». Ему все «до фени». Тридцать шесть лет – ни семьи, ни хозяйства настоящего. Знает свое – матерщинничать да к одиноким бабам по ночам шастать. Шастает ко всем подряд, без разбора. Ему это – тоже «до фени». Как назло кому: любит постарше и пострашней.

– Спирька, дурак ты, хоть рожу свою пожалей! К кому поперся – к Лизке корявой, к терке! Неужели не совестно?

– С лица воду не пить, – резонно отвечает Спирька. – Она – терка, а душевней всех вас.

Жизнь Спирьки скособочилась рано. Еще только был в пятом классе, а уж начались с ним всякие истории. Учительница немецкого языка, тихая обидчивая старушка из эвакуированных, пристально рассматривая Спирьку, говорила с удивлением:

– Байрон!.. Это поразительно, как похож!

Спирька возненавидел старушку.

Только подходило «Анна унд Марта баден», у него болела душа – опять пойдет: «Нет, это поразительно!.. Вылитый маленький Байрон». Спирьке это надоело. Однажды старушка завела по обыкновению:

– Невероятно, никто не поверит: маленький Бай...

– Да пошла ты к... – И Спирька загнул такой мат, какого постеснялся бы пьяный мужик.

У старушки глаза полезли на лоб. Она потом говорила:

– Я не испугалась, нет, я была санитаркой в четырнадцатом году, я много видела и слышала. Но меня поразило: откуда он-то знает такие слова?! А какое прекрасное лицо!.. Боже, какое у него лицо – маленький Байрон!

«Байрона» немилосердно выпорола мать. Он отлежался и двинул на фронт. В Новосибирске его поймали, вернули домой. Мать опять жестоко избила его... А ночью рвала на себе волосы и выла над сыном; она прижила Спирьку от «проезжего молодца» и болезненно любила и ненавидела в нем того молодца: Спирька был вылитый отец, даже характером сшибал, хоть в глаза не видел его.

В школу он больше не пошел, как мать ни билась и чем только ни лупила. Он пригрозил, что прыгнет с крыши на вилы. Мать отступилась. Спирька пошел работать в колхоз.

Рос дерзким, не слушался старших, хулиганил, дрался... Мать вконец измучилась с ним и махнула рукой.

– Давай, может, посадят.

И правда, посадили. После войны. С дружком, таким же отпетым «чухонцем», перехватили на тракте сельповскую телегу из соседнего села, отняли у возчика ящик водки... Справились с мужиком! Да еще всыпали ему. Сутки гуляли напропалую у Спирькиной «марухи»... И тут их накрыла милиция. Спирька успел схватить ружье, убежал в баню, и его почти двое суток не могли взять – отстреливался. К нему подсылали «маруху» его, Веру-тараторку, – уговорить сдаться добром. Шалаболка Вера тайком, под подолом, отнесла ему бутылку водки и патронов. Долго была там с ним... Вышла и объявила гордо:

– Не выйдет к вам!

Спирька стрелял в окошечко и пел:

Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»;
Пощады никто не желает!

– Спирька, каждый твой выстрел – лишний год! – кричали ему.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Считайте – сколько?! – отвечал Спирька. И из окошечка брызгал стремительный длинный огонь, гремело. Потом он протрезвился, смертельно захотел спать... Выкинул ружье и вышел.

Пять лет «пыхтел».

Пришел – такой же размашисто-красивый, дерзкий и такой же неожиданно добрый. Добротой своей он поражал, как и красотой. Мог снять с себя последнюю рубаху и отдать – если кому нужна. Мог в свой выходной поехать в лес, до вечера пластаться там, а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким старикам. Привезет, сгрузит, зайдет в избу.

– Да чего бы тебе, Спиренька, андел ты наш?.. Чего бы тебе за это? – суетятся старики.

– стакан водяры. – И смотрит с любопытством. – Что, ничего я мужик?

Пришел Спирька из тюрьмы... Дружков – никого, разъехались, «марухи» замуж повыходили. Думали, уедет и он. Он не уехал. Малость погулял, отдал деньги матери, пошел шоферить.

Так жил Спирька.

В село Ясное приехали по весне два новых человека, учителя: Сергей Юрьевич и Ирина Ивановна Зеленецкие – муж и жена. Сергей Юрьевич – учитель физкультуры, Ирина Ивановна – пения.

Сергей Юрьевич – невысокий, мускулистый, широченный в плечах... Ходил упруго, легко прыгал, кувырчался; любо глядеть, как он серьезно, с увлечением проделывал упражнения на турнике, на брусках, на кольцах... У него был необычайно широкий добрый рот, толстый с нашлепкой нос и редкие, очень белые, крупные зубы.

Ирина Ивановна – маленькая, бледненькая, по-девичьи стройная. Ничего вроде бы особенного, а скинет в учительской плащик, пройдет, привстанет на цыпочки, чтобы снять со шкафа тяжелый аккордеон, – откуда ладность явится, изящность. Невольно засматривались на нее.

Такая-то пара (было им по тридцать – тридцать два года) приехала в Ясное в хорошие теплые дни в конце апреля. Их поселили в большом доме, к старикам Прокудиным.

Первым, кто пришел навестить приезжих, был Спирька. Он и раньше всегда ходил к новым людям. Придет, посидит, выпьет с хозяевами (кстати сказать, Спирька, хоть пил, допьяна напивался редко), поговорит и уйдет.

Было под вечер. Спирька умылся, побрился, надел выходной костюм и пошел к Прокудиным.

– Пойду гляну, что за люди, – сказал матери.

Старики Прокудины вечеряли.

– Садись, Спиридон, похлебай. – Спирька иногда помогал старикам, они любили его и жалели.

– Спасибо, я из-за стола. Дома ваши квартиранты?

– Там. – Старик кивнул на дверь горницы. – Укладываются.

– Как они?

– Ничего, уважительные. Сыру с колбасой вот дали. Садись, попробуй?

Спирька качнул головой, пошел в горницу. Стукнул в дверь:

– Можно?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Войдите! – пригласили за дверью.

Спирька вошел.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! – сказали супруги. И невольно засмотрелись на Спирьку. Так было всегда.

Спирька пошел знакомиться.

– Спиридон Расторгуев.

– Сергей Юрьевич.

– Ирина Ивановна. Садитесь, пожалуйста.

Пожимая теплую маленькую ладошку Ирины Ивановны, Спирька открыто, с любопытством оглядел всю ее. Ирина Ивановна чуть поморщилась от рукопожатия, улыбнулась, почему-то поспешно отняла руку, поспешно повернулась, пошла за стулом... Несла стул, смотрела на Спирьку не то что удивленная – очень заинтересованная.

Спирька сел.

Сергей Юрьевич смотрел на него.

– С приездом, – сказал Спирька.

– Спасибо.

– Пришел попроведовать, – пояснил гость. – А то пока наш народ раскачается, засохнуть можно.

– Необщительный народ?

– Как везде: больше по своим углам.

– Вы здешний?

– Здешний. Чалдон.

– Сережа, я сготовлю чего-нибудь?

– Давай! – охотно откликнулся Сережа и опять весело посмотрел на Спирьку. – Вот со Спиридоном и отпразднуем наше новоселье.

– Стаканчик можно пропустить, – согласился Спирька. – Откуда будете?

– Не очень далеко.

Ирина Ивановна пошла в комнату стариков; Спирька проводил ее взглядом.

– Как жизнь здесь? – спросил Сергей Юрьевич.

– Жизнь... – Спирька помолчал, но не искал слова, а жалко вдруг стало, что не будет слышать, как он скажет про жизнь, эта маленькая женщина, хозяйка. – Человек, он ведь как: полосами живет. Полоса хорошая, полоса плохая... – Нет, не хотелось говорить. – А зачем она пошла-то? Сказать старикам, они сделают что надо.

– Зачем же? Она сама хозяйка. Так какая же у вас теперь полоса?

– Так – середка на половине. Ничего, вообще-то... – Ну решительно не хотелось говорить, пока она там готовит эту дурацкую закуску. – Закурить можно?

– Курите.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Учительствовать?

– Да...

– Она по кому учитель?

– По пению.

– Что, поет хорошо? – оживился Спирька.

– Поет...

– Может, споет нам?

– Ну... попросите, может, споет.

– Пойду скажу старикам... Зря она там!

И Спирька вышел из горницы.

Вернулись вместе – Ирина Ивановна и Спирька. Ирина Ивановна несла на тарелочке сыр, колбасу, сало...

– Я согласилась не делать горячего, – сказала она.

– Хорошо, что согласилась.

– Да на кой оно!.. – чуть не сорвался Спирька на привычное определение. – Милое дело – огурец да кусок сала! Верно? – Спирька глянул на хозяина.

– Тебе лучше знать, – резковато сказал Сергей Юрьевич.

Спирьку обрадовало, что хозяин перешел на «ты» – так лучше. Он не заметил, как переглянулись супруги: ему стало хорошо. Сейчас – стаканчик водки, – а там видно будет.

Вместо водки на столе появился коньяк.

– Я сразу себе стакан, потом – ша: привык так. Можно?

Спирьке любезно разрешили.

Спирька выпил коньяк, взял маленький кусочек колбасы...

– Вот... – поежился. – Достали слой вечной мерзлоты, как говорят.

Супруги выпили по рюмочке. Спирька смотрел: как вздрагивало нежное горлышко женщины. И – то ли коньяк так сразу, то ли кровь – кинулось что-то тяжелое, горячее к сердцу. До зуда в руках захотелось потрогать это горлышко, погладить. Взгляд Спирьки посветлел, поумнел... На душе захорошело.

– Мечтяк коньячишко, – похвалил он. – Дорогой только.

Сергей Юрьевич засмеялся; Спирька не замечал его.

– Милое дело – самогон, да? – спросил Сергей Юрьевич. – Дешево и сердито.

«Что бы такое сказать веселое?» – думал Спирька.

– Самогон теперь редко, – сказал он. – Это в войну... – И вспомнились далекие трудные годы, голод, непосильная недетская работа на пашне... И захотелось обо всем этом рассказать весело. Он вскинул красивую голову, в упор посмотрел на женщину, улыбнулся:

– Рассказать, как я жил?

Ирина Ивановна поспешно отвела от него взгляд, посмотрела на мужа.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Расскажи, расскажи, Спиридон, – попросил Сергей Юрьевич. – Это интересно – как ты жил.

Спирька закурил.

– Я – сураз, – начал он.

– Как это? – не поняла Ирина Ивановна.

– Мать меня в подоле принесла. Был в этих местах один ухарь. Кожи по краю собирал, заготовитель. Ну, заодно и меня заготовил.

– Вы знаете его?

– Ни разу не видал. Как мать забрюхатела, он к ней больше глаз не казал. А потом его за что-то арестовали – и ни слуху ни духу. Наверно, вышку навели. Ну, и стал я, значит, жить-поживать... – И так резко, как захотелось весело рассказать про свою жизнь, так – сразу – расхотелось... Мало веселого... Про лагерь, что ли? Спирька посмотрел на Ирину Ивановну, и в сердце опять толкнулось неодолимое желание: потрогать горлышко женщины, погладить. Он поднялся.

– Мне в рейс. Спасибо за угощение.

– Ночью в рейс? – удивилась Ирина Ивановна.

– У нас бывает. До свиданья. Я к вам еще приду.

Спирька, не оглянувшись, вышел из горницы.

– Странный парень, – сказала жена после некоторого молчания.

– Красивый, ты хотела сказать?

– Красивый, да.

– Красивый... Знаешь, он влюбился в тебя.

– Да?

– И тебя, кажется, поскребло по сердцу. Поскребло?

– С чего ты взял?

– Поскребло-о.

– Тебе хочется, чтобы поскребло?

– А что?.. Только... не получится у тебя.

Женщина посмотрела на мужа.

– Испугаешься, – сказал тот. – Для этого нужно мужество.

– Перестань, – сказала жена серьезно. – Чего ты?

– Мужество и, конечно, сила, – продолжал муж. – Надо, так сказать, быть в форме. Вот он – сумеет. Между прочим, он сидел в тюрьме.

– Почему ты решил?

– Не веришь? Иди спроси у стариков.

– Если тебе нужно, иди спрашивай.

– А что?..

Муж вышел к старикам.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Через пять минут вернулся... И с наигранной торжественностью объявил:

– Пять лет! В лагерях строгого режима. За грабеж.

Отсыревший к вечеру, прохладный воздух хорошо свежил горячее лицо. Спирька шел, курил. Захотелось вдруг, чтоб ливанул дождь – обильный, чтоб резалось небо огненными зазубринами, гремело сверху... И тогда бы – заорать, что ли.

Спирька направился в очередное «логово» – к Нюре Завьяловой.

Стукнул в окно.

– Ну? – недовольно спросила заспанная Нюра, смутно, белым пятном маяча за окном.

Спирька молчал, думал про Нюру: один раз, в войну, когда Нюре тогда было двадцать три и она была вдовой с двумя маленькими ребятишками, Спирька (ему тогда шел четырнадцатый) ночью сбросил с воза в огород к ней мешок зерна (ехали обозом в город молоть). Нюре стукнул вот в это, кажется, окно и сказал торопливо:

– Найди в огороде, у бани... Спрячь подальше!

А когда через два дня, тоже ночью, пришел к Нюре, она накинулась на него:

– Ты што, Спирька, змей полосатый, в тюрьму меня захотел посадить?! Сам хочешь сытый ходить, а к другим подбрасываешь?

Спирька опупел.

– Да не себе я, чего ты разоралась-то!

– Кому же?

– Тебе. Им же исть надо! – Про детей Нюриных. – Голодные же сидят...

Нюра заревела коровой, бросилась обнимать Спирьку. Спирька, расстроенный, матерился.

– Ну, и вот!.. Будешь им в ступке толочь да лепешки в золе печь – вкуснятина, сил нет...

Вот что вспомнилось вдруг.

– Чего стоишь-то? – спросила Нюра. – Дверь открыта... Стариков не разбуди.

Спирька стоял. Было в его характере какое-то жестокое любопытство: что она сейчас будет делать?

– Спирька!.. Ну, чего ты?

Молчание.

– Иди, что ли?

Молчание.

– Дурак заполошный... Разбудит, а потом начинает... Ну и иди к черту! – Нюра пошла к кровати.

Спирька неслышно прокрался по прихожей избе, где храпели старики Нюрины, и очутился в горнице.

– Чего выкобениваешься-то?

Спирьке нестерпимо стало жаль Нюру... Какого черта, действительно? Лучше не приходите тогда.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Все, Нюрок, спим.

Через три дня, вечером, Спирька пошел к Прокудиным. Квартирантов не было дома. Спирька побеседовал пока со стариками. Рассказал, что одному солдату явилась земная Божья Мать...

Пришла Ирина Ивановна. Одна. Свеженькая, внесла в избу прохладу вечерней весенней улицы. Удивилась и, как показалось Спирьке, обрадовалась.

Спокойный, решительный, Спирька прошел в горницу.

– Букетик, – предложил он. И подал женщине кроваво-красный пылающий букетик жарков.

– Ах!.. – обрадовалась женщина. – Ах, какие они! Как они называются? Я таких никогда не видела...

– Жарки. – В груди у Спирьки весело зазвенело. Так бывало, когда предстояло драться или обнимать желанную женщину. Он не скрывал любви. – Я вам теперь часто буду такие привозить.

– Да нет, зачем же?.. Это ведь – труд лишний...

– Ох, – скокетничал Спирька, – труд! Мимо ежу. – Хорошо все-таки, что он красивый. Другого давно бы уж поперли, и все. Он улыбался, ему было легко.

Женщина тоже засмеялась и смутилась. Спирька наслаждался: как в знойный-знойный день пил из ключа студеную воду, погрузив в нее все лицо. Пил и пил – и по телу огоньком разливался томительный жар. Он взял женщину за руку... Как во сне! – только бы не просыпаться.

Женщина хотела отнять руку... Спирька не выпустил.

– Зачем вы?.. Не нужно.

– Почему не нужно? – Все, что умел Спирька, все, что безотказно всегда действовало на других женщин, все хотел бы он обрушить сейчас на это дорогое, слабое существо. Он молил в душе: «Господи, помоги! Пусть она не брыкается!» Он повлек к себе женщину... Он видел, как расширились ее близкие, удивленные глаза. Теперь – чтоб не дрогнула, не ослабла рука... «Господи, мне больше пока ничего не надо – поцелую, и все». И поцеловал. И погладил белое нежное горлышко... И еще поцеловал мягкие податливые губы. И тут вошел муж... Спирька не слышал, как он вошел. Увидел, как вскинулась голова женщины, и испуг плеснулся в ее глазах... Спирька услышал за спиной насмешливый голос:

– Те же. И муж.

Спирька отпустил женщину. Не было ни стыдно, ни страшно. Жалко было. Такая досада взяла на этого опрятного, подтянутого, уверенного человека... Хозяин пришел! И все у них есть, у дьяволов, везде они – желанные люди. Он смотрел на мужа.

– Лихой парень! Ну, как, удалось что-нибудь? – Сергей Юрьевич хотел улыбнуться, но улыбки не вышло, только нехорошо сузились глаза, и толстые губы обиженно подождали. Он посмотрел на жену. – Что молчите? Что побледнела?! – Крик – злой, резкий – как бичом стегнул женщину. – Шлюха!.. Успела? – Муж шагнул к ней...

Спирька загородил ему дорогу. Вблизи увидел, как полыхают темные глаза его обидой и гневом... И еще уловил Спирька тонкий одеколонистый холодок, исходивший от гладко выбритых щек Сергея Юрьевича.

– Спокойно, – сказал Спирька.

В следующее мгновение сильная короткая рука влекла Спирьку из горницы.

– Ну-ка, красавец, пойдём!..

Спирька ничего не мог сделать с рукой: ее как приварили к зашивку, и крепость

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
руки была какая-то нечеловеческая, точно шатуном толкали сзади.

Так проволокли Спирьку через комнату стариков; старики во все глаза смотрели на квартиранта и на Спирьку.

– Кота пакостливого поймал, – пояснил квартирант.

Ужас, что творилось в душе Спирьки!.. Стыд, боль, злоба – все там перемешалось, душило.

– Пидор, гад, – хрипел Спирька, – что ты делаешь?..

Вышли на крыльцо.. Шатун сработал, Спирька полетел вниз с высокого крыльца и растянулся на сырой соломенной подстилке, о которую вытирают ноги.

«Убью», – мелькнуло в Спирькиной голове.

Сергей Юрьевич спускался к нему..

– Вставай.

Спирька вскочил до того, как ему велели.. И тотчас опять полетел на землю. И с ужасом, и с брезгливостью понял: «Он же бьет меня!» И опять вскочил и хотел скользнуть под чудовищный шатун – к горлу физкультурника. Но второй шатун коротко двинул его в челюсть снизу. Спирьку бросило назад; он почувствовал медь во рту. Опять бросился на учителя.. Он умел драться, но ярость, боль, позор, сознание своей беспомощности перед шатунами – это лишило его былой ловкости, спокойствия. Слепая ярость бросала и бросала его вперед, и шатуны работали. Кажется, он ни разу так и не достал учителя. От последнего удара он не встал. Учитель склонился над ним.

– Я тебя уработаю, – неразборчиво, слабо, серьезно сказал Спирька.

– Будем считать, что это урок вежливости. Лагерные штучки надо бросать. – Учитель говорил не зло, тоже серьезно.

– Я убью тебя, – повторил Спирька. Во рту была какая-то болезненная мешанина, точно он изгрыз флакон с одеколоном – все там изрезал и обжег. – Убью, знай.

– За что? – спокойно спросил учитель. – За что ты меня убьешь?.. Подлец.

Учитель ушел в дом, захлопнув за собой дверь, и задвинул железную щеколду.

Спирька попробовал встать, не мог. Голова гудела, но думалось ясно. Он знал, как с крыши прокудинского дома – через лаз – можно спуститься в кладовку. Кладовка не запиралась: шпагатная веревочка накидывалась петелькой на гвоздик, и все, чтоб дверь сама не открывалась. Дверь в избу стариков тоже никогда не запирается на ночь. В горнице запора и вовсе нет. Он потому так хорошо все знал в доме Прокудиных, что сын их, Мишка, был смолоду товарищ Спирьки, и Спирька часто бывал и даже ночевал у них. Теперь Мишки не было, но все, конечно, осталось у стариков, как раньше.

С трудом наконец Спирька поднялся, подержался за стену дома.. Пошел к реке. Силы возвращались.

Он умыл разбитое лицо, оглядел со спичками костюм, рубашку.. Не надо, чтобы мать увидела кровь и заподозрила неладное, когда он станет брать ружье. Ружье можно взять под любым предлогом: ехать с семенным зерном в глубинку, а утром посидеть там у озера.

Мать спала уже.

– Ты, Спирька? – спросила она сонным голосом с печки.

– Я. Спи. Мне ехать надо.

– Достань в печке – картошка жареная, в сенцах молоко.. Поешь на дорогу-то.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Ладно, я с собой возьму. – Спирька, не зажигая огня, тихо снял со стены ружье, повозился для блезира в снях.

Зашел в избу (ружье в снях оставил). Стал на припечек, нашел впотьмах голову матери, погладил по жидким теплым волосам. Он, бывало, выпивши, ласкал мать; она не встревожилась.

– Выпимши... Как поедешь-то? – Мать с годами больше и больше любила Спирьку, жалела, стыдилась, что он никак не заведет семью – все не как у добрых людей! – ждала, может, какая-нибудь самостоятельная вдова или разведенка прибьется к ихнему дому.

– Ничего, поеду.

– Ну, Христос с тобой. – Мать во тьме перекрестила его. – Потеше хоть ехай-то, а то гоните, как чумные.

– Все будет хорошо. – Спирька бодрился, а хотелось скорей уйти и как-нибудь забыть про мать: вот кого больно оставлять в этой жизни – мать.

Он шел темной улицей, крепко сжимал в руке тулку. Все хотелось отвязаться от мысли о матери. Не выживет она. Как поведут его, связанного, как увидит... Спирька прибавил шагу. «Господи, дай ей силы перенести», – молил. Он чуть не бежал. А под конец и побегал. И волновался, как вроде не убивать бежал, а в постель к Ирине Ивановне, в тепло и согласие. Она вставала в глазах, Ирина Ивановна, но как-то сразу и уходила. Губы ее, мягкие, полураскрытые, помнились, но насладиться воспоминанием мешал вкус крови во рту и... одеколонистый холодок с гладких щек Сергея Юрьевича. Холодок этот запашистый почему-то вспоминался сейчас.

Спирька бежал и подпевал негромко для бодрости:

Неужели конь вороной

Перекусит удила?

Неужели моя милая...

Дом весь темный. «Так, так, так, – мысленно, скоро говорил сам с собой Спирька. – Берем лестницу... Ставим ее, в душеньку ее... Спокойно». Он благополучно проник в кладовку, прислушался – тихо. Только сердце наколачивает в ребра. «Спокойно, Спиря!» Шпагатинка тоже почти бесшумно лопнула, только гвоздик, спружинив, тоненько тенькнул. Спирька, выставив вперед свободную руку, неслышно прошел по сням, легкими касаниями по стене нашарил дверь. «Так, так...» Склонился, подцепил пальцами низ двери, сколько мог, приподнял ее и дернул на себя.

Дверь открылась с тихим приятным вздохом: «п-ах». И дальше отошла беззвучно. Пахнуло старушечьим жильем, отсыревшим полушубком, теплой печкой, тестом... Вот тут его давеча волокли за шкуру. «Пронеси, господи, – чтоб старики не проснулись». Страшно стало: что-нибудь сейчас помешает! «Ах, как он меня бил! Как бил!.. Умеет».

Спирька сам удивлялся своей легкости, ловкости. Сам себя не слышал. Нащупал дверь горницы, тоже приподнял ее снизу... Дверь скрипнула. Спирька быстро, бережно прикрыл ее за собой... Он был в горнице! Во тьме горницы, слабо разбавленной светом уличной лампочки, скрипнула кровать. Спирька нашел на стене выключатель, щелкнул. На него, сидя в кровати, смотрел Сергей Юрьевич. Приподнялась Ирина Ивановна... Сперва уставилась на мужа, потом, от его взгляда, – на Спирьку с ружьем. Безмолвно открыла рот... Спирька понял, что Сергей Юрьевич не спал, – очень уж понимающе, неподвижно смотрел он своими темными глазами.

– Я предупреждал: я тебя уработаю, – сказал Спирька. Хотел оттянуть курок двустволки, но они были уже взведены. (Когда же взвел?)

– Помнишь? я тебе говорил.

Спирьку не взволновало, что Ирина Ивановна сидит в нижней рубашке, что одна ленточка съехала с плеча, и грудка, матово-белая, крепенькая, не кормившая детей, вся видна до соска.

Супруги молчали. Смотрели на Спирьку.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Вылазь из кровати, – велел Спирька.
- Спиридон... тебе же будет расстрел, неужели...
- Я знаю. Вылазь.
- Спиридон! Неужели...
- Вылазь!

Сергей Юрьевич спрыгнул с кровати – в трусах, майке.

Спирька вскинул ружье.

Сергей Юрьевич мертвенно побледнел...

И тут вдруг закричала Ирина Ивановна, да так ужасно, так громко, неистово, требовательно, так не похоже на себя – такую маленькую, умненькую, с теплыми мягкими губами – так-то уж совсем нечеловечески горько, отчаянно. И свалилась с кровати, и поползла, протягивая руки...

- Не надо! О-о-о-й!! Не надо! О-о-о-й! – И хотела схватить за ружье – на коленях – хотела...

Тут Сергей Юрьевич прыгнул на Спирьку, широко расставив руки. И, получив удар прикладом в грудь, свалился.

- Родно-ой!.. Не надо! – выла маленькая женщина. Похоже, что она забыла имя Спирьки. – О-о-й!..

В избе, за дверью, всполошились старики, тоже заорали.

- Не надо!! – кричала женщина, и мотала головой, и все хотела обнять его ноги, и ползла, без трусов – рубашка сбилась ей на спину, она не замечала того – все хотела поймать ноги Спирьки.

Спирька растерялся, отпинывал женщину... И как-то ясно вдруг понял: если он сейчас выстрелит, то выстрел этот потом ни замолить, ни залить вином нельзя будет. Если бы она хоть не так выла!.. Сколько, однако, силы в ней!

- Мать вашу!.. – заругался Спирька.

Вышел из горницы и пошагал прочь от темного дома. Он как-то сразу вдруг очень устал. Вспомнилась мать, и он побежал, чтоб убежать от этой мысли – о матери. От всяких мыслей. Вспомнилась еще Ирина Ивановна, голенькая, и жалость и любовь к ней обожгли сердце. И легко на минуту стало – что не натворил беды. Господи, как ревела!.. А как бы потом убивалась над покойным мужем! И опять – мать... Вот кто взвояет-то! Спирька побежал скорее. Прибежал на кладбище, сел на землю. Темно было. Он приладил стволы к сердцу... Дотянулся до курков. Подумал: «Ну!.. Все?!» Пальцы нащупали две холодные тоненькие скобочки...

«Счас толканет», – опять подумал. И вдруг ясно увидел, как лежит он, с развороченной грудью, раскинув руки, глядя пустыми глазами в ясное утреннее небо... Взойдет солнце, и над ним, холодным, зажужжат синие мухи, толстые, жадные. Потом сбегутся всей деревней – смотреть. Кто-нибудь скажет: «Надо прикрыть, что ли». Как! Тьфу! Спирька содрогнулся. Сел. «Погоди-ка, милок, погоди. Пойди, погоди. Стой, фраер, не суетись! Я тебя спрашиваю: в чем дело? Господи! – отметили. Тебя что, никогда не били? В чем же дело?»

- В чем дело? – спросил вслух Спирька. – А? – безглаголиво, с опаской отстранил от себя стволы, перехватил ружье, осторожно спустил курки. Глубоко и радостно вздохнул. И заговорил громко, дурашливо, испытывая большое облегчение и радость:

- В чем дело, Спиря? А? А-я-я-я-я-й! Как же так? Побили мальчика? Побили... Больно, да? Хотел себе в лобик – пук!.. Ну и фраер! – Спирька даже засмеялся и схватился за губу: губы треснули от учителя рычага, стало больно, когда засмеялся. – Что ты? Что ты? Что ты? (Разбитый рот выговаривал: «фто ты? фто ты?») Разве так

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru можно? А-я-я-я-яй! Нехорошо. Ну, побили... а ты сразу... стреляться. О-о!

Спирька лег спиной на прохладную землю, раскинул руки... Вот так он завтра лежал бы. Там, где сейчас стучит сердце, – Спирька приложил ладонь к груди, – здесь была бы рваная дыра от двух зарядов – больше шапки. Может, загорелся бы, и истлели бы пиджак и рубаха. Голый лежал бы... О курва, смотреть же противно!

Спирька сел, закурил, с наслаждением затянулся. Так торопился засадить в себя эти два заряда, что и покурить напоследок не догадался. Даже те, кого расстреливают, Спирька слышал, просят покурить последний раз. Вспомнилась маленькая девочка, племянница Спирьки: когда она чувствует, что отцу надоело уже возить ее на горбу, она смешно-просительно морщит мордочку и говорит: «Посений язок! Ну посений язочек!» Спирька засмеялся, вспомнив девочку. Опять лег, курил, смотрел на звезды; и показалось, что они чуть звенят в дрожи – тонким-тонким звоном; и ему тоже захотелось тихо-тихо, по-щенячьи, поскулить...

Он зажмурился и почувствовал, как его плавно, мощно несет земля. Спирька вскочил. Надо что-то делать, надо что-нибудь сделать. «Что-нибудь я сейчас сделаю!» – решил он. Он подобрал ружье и скоро пошагал... сам не зная куда. Только прочь с кладбища, от этих крестов и молчания. Он стал вслух, незло материть покойников.

– Лежите?.. Ну и лежите! Лежите – такая ваша судьба. При чем тут я-то? Вы лежите, а я малость еще побегаю по земле. Покружусь.

Теперь он хотел убежать от мысли о кладбище, о том, как он лежал там... Он хотел куда-нибудь прибежать, к кому-нибудь. Может, рассказать все... Может, посмеяться. Выпить бы! А где теперь? Как где? А Верка-буфетчица из чайной? Э-э, там же всегда есть! Там, кстати, можно и переночевать.

Спирька свернул в переулок.

Вера сперва заворчала:

– Ни днем, ни ночью...

Спирька зажег спичку и осветил свое лицо.

– Ты глянь, меня же чуть было не убили, а ты канитель развела.

Вера испугалась. Спирька тихонько засмеялся, довольный.

– Да где эт тебя так?! – спросила Вера.

– В одном месте... Славно уделали?

– Господи, Спирька!.. Добьют тебя когда-нибудь. Где был-то?

– Не скажу. Секрет.

Прошли в Верину комнату. Вера задернула поплотней занавески, зажгла свет. Еще раз оглядела Спирьку... Потрогала теплой ладошкой, пахнувшей кремом, зрячие ссадины на его лице.

– Ой! – притворно воскликнул Спирька. Опять засмеялся и стал ходить по комнате.

Славный это народ, одинокие женщины! Почему-то у них всегда уютно, хорошо. Можно размашисто походить, если не скрипит пол. Можно подумать... Можно, между делом, приласкать хозяйку, погладить по руке... Все кстати, все умно. Они вздрагивают с непривычки и смотрят ласково, пылливо. Милые. Добрые. Жалко их.

Вера нашла бутылку водки. Сходила даже в погребушку, принесла огурцов. Только вернулась испуганная...

– Там у тебя что, ружье, что ли? Я запнулась...

– Ружье. Пусть стоит.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Зачем ружье-то?

– Да так.

– Спирька... ты чего это?

У Веры был хороший муж, хороший мужик, помер в сорок лет. Что приключилось, бог его знает. Рак, наверно.

– Спирька!..

– Аиньки?

– Ты что... воюешь, что ли, бегаешь?

– Воюю. Вот – ранили. – Спирька опять засмеялся. Что-то смешно ему было. Хорошо было.

– Вот чудной-то. Может, убил кого?

– Нет. После убью. Потом.

– Спирька, я боюсь. Может, ты натворил чего... Тогда и меня... как свидетельницу... Ну ты к дьяволу!

– Все в порядке, дурочка. Чего ты испугалась? Никого я не убил. Меня чуть не убили... А мне надо еще придумать, как убить.

– Пей и уходи, – рассердилась Вера. – Уходи, Спирька. Мне только этого еще не хватало.

Спирька посерьезнел.

– Успокойся. Неужели я похожий на такого – невиновных подводить. Что ты? Ты меня знаешь... Я бы никогда не пришел, если б... Брось.

– С ружьем по ночам носится...

Спирька выпил стакан, закусил огурцом. Вера не стала пить.

– Не хочу.

– Почему?

– Не хочу. Напугал ты меня с этим ружьем. Кто избил-то?

– Чужие какие-то. Перестань про это. Не надо. – Вспомнился учитель... Бледный, в трусах. Спирька передернул плечами, прогоняя неприятную, злую мысль. Радости поубавилось. – Ладно, ладно, ладно, – торопливо сказал он. – Не надо про это. – И еще налил полстакана, чтоб не успеть подумать еще про учительницу, чтоб не вспомнить ее. Но она вспомнилась – маленькая, полуголенькая, насмерть перепуганная... Все-таки вспомнилась.

Утром Спирька вскочил рано. Оставил ружье у Веры.

– Вечером зайду, возьму.

– А куда сам?

– На работу, куда. Это... не болтай про ружье-то.

– Ну, пошла всем рассказывать: был ночью Спирька с ружьем...

– Умница. Избили меня какие-то нездешние... На тракте. Я хотел догнать их с ружьем, не догнал.

Вера недоверчиво смотрела на Спирьку, впрочем, Спирька и не старался особенно-то казаться правдивым.

– Выпьешь?

– Нет. Будь здорова.

Спирька пошел к учителям. Шел кривыми переулками, по задворкам – чтоб меньше встретить людей. Все же двух-трех встретил. Встретил бригадира колхозного, Илью Китайцева. Илья ехидно, понимающе заулыбался издали.

– Ого! Ноченька была!

Спирька тоже широко улыбнулся, преодолевая боль, которая прокалывала иглами все лицо. Сказал:

– Была, Илюха! Была ноченька. Дай закурить.

– Чего эт?

– Так... Упал. – Стыд, позор... От стыда даже язык онемел, кончик. Тонкая Илюхина ухмылочка резала лезвием по сердцу. – Закурим, что ли?

– Закурим, закурим. Здорово упал-то... Высоко, наверно. Как же эт ты?

– Ну, Илюха... Бывает – падают. Я вот те счас залепеню, ты тоже упадешь. Что, нет, думаешь?

– Чего ты?

Илюха перестал улыбаться.

– А чего ты губы-то свои распустил? Сразу, курва, ехидничать! Не можешь без ехидства слова сказать. Дай дороги!

Нет, в деревне пока не жить. От одного позора на край света сбежишь. Будут вот так улыбаться губошлепы разные.. Ах, учитель, учитель... Вот ведь как научился руками работать! Славно, славно. Хорошо бы тебя ногами к потолку подвесить... Нет, на твоих же глазах жену твою драгоценную.. исцеловать, всю, до болячки, чтобы орала. Жестокие чувства гнали Спирьку вперед, точно кто в спину подталкивал. Он не замечал, что опять он торопится. Но он знал, что сейчас не бросится на учителя, нет. Это будет потом... спокойно. Страшно. Это потом.

Вспоминая позже этот утренний разговор с учителями, Спирька не испытывал удовлетворения.

Он явился, как если бы рваный черный человек из-за дерева с топором вышагнул... Стал на пороге. Учитель уже был одет, побрит... как раз с электрической бритвой он и стоял перед зеркалом. Она жужжала около его лица. Учительница, припухшая со сна и от вчерашнего крика, миленькая, беленькая, готовила завтрак. Она тоже замерла с тарелкой в руках.

– Одно предупреждение, – деловито заговорил Спирька. – Что у вас случилось – никому ни звука. Старикам сами накажите. Я на время исчезаю с горизонта, но, Сергей Юрьевич, я тебя, извини, все же уработаю.

– Как это... уработаю? – глупо переспросила Ирина Ивановна.

– Я получил аванец... я его должен отработать. – Не знал Спирька, когда это произойдет, но придет он сюда однажды – спокойный, красивый, нарядный – скажет: «Я пришел платить». И что уж это будет за ситуация такая и кто такой будет сам Спирька, только учитель растеряется, станет жалким. И станет просить: «Спиридон, я был глуп, я прошу прощения...» – «Ну, ну, – скажет Спирька вежливо, – не надо сразу в штаны класть. Тут же женщина... жена ваша, она должна уважать вас».

– Какой аванс? – все никак не могла понять Ирина Ивановна. – У кого взяли?

– Он мне будет мстить. Отомстит, – пояснил учитель. – Хорошо, Спиридон, я принял к сведению. – Учитель взял себя в руки. – Мы никому ничего не расскажем.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Вот так... Будьте здоровы пока. – Спирька вышел.

«А куда это я исчезаю-то?» – подумал он. Даже остановился. Только теперь отчетливо дошло вдруг до сознания, что он, оказывается, решил уехать.

«А куда, куда?» Но оказалось, что он и это знает: в город Б-ск, что в полсотне километров отсюда. Когда он все это решил, он не знал, но в нем это уже жило. И только прирожденная осторожность требовала, чтобы решение еще раз проверилось.

Минуя дом, Спирька пошел в гараж. Там еще пережил веселые глаза шоферов. Злился в душе, нервничал. Взял путевку в рейс подальше и скоро уехал.

Дорогой немного успокоился. Стал думать. Хотел опять породить в своем воображении сладостную картину, какая озарила его, когда он разговаривал утром с учителем: придет он к нему – вежливый, нарядный... Но желанная картина что-то не возникала. Спирька в досаде хотел распалить себя, помочь; ну, ну – придет... «Здравствуйте!» Нет... Не выходит. Противно думать обо всем этом. Его вдруг поразило, и он даже отказался так понимать себя: не было настоящей, всепожирающей злобы на учителя. Все эти видения: учитель висит вниз головой или: учитель, бледный жалкий, ползает у него в ногах, – это так хотелось Спирьке, чтоб они, эти картины, стали желанными, сладостными. Тогда бы можно, наверно, и успокоиться, и когда-нибудь так и сделать: повесить учителя головой вниз. Ведь надо же желать чего-нибудь лютому врагу! Надо же хоть мысленно видеть его униженным, раздавленным. Надо! Но... Спирька даже заерзал на сиденье; он понял, что не находит в себе зла к учителю. Если бы он догадался подумать и про всю свою жизнь, он тоже понял бы, вспомнил бы, что вообще никогда никому не желал зла. Но он так не подумал, а отчаянно сопротивлялся, вызывая в душе злобу.

«Ну, фраер!.. тряпка, что ж ты? Тебя метелят, как тварь подзаборную, а ты.. Ну! Ведь как били-то! Смеясь и играя.. Возили. Топтали. Что же ты? Ведь над тобой же смеяться будут. И первый будет смеяться учитель. Что же ты? Ведь ни одна же баба к себе не допустит такую слякоть». Злости не было.

А как же теперь? На этот вопрос Спирька не знал, как ответить. И потом, в течение дня, он еще пытался понять: «Как теперь?» И не мог.

Вообще, собственная жизнь вдруг опостылела, показалась чудовищно лишенной смысла. И в этом Спирька все больше утверждался. Временами он даже испытывал к себе мерзость. Такого никогда не было с ним. В душе наступил покой, но какой-то мертвый покой, такой покой, когда заблудившийся человек до конца понимает, что он заблудился, и садится на пенек. Не кричит больше, не ищет тропинку, садится и сидит, и все.

Спирька так и сделал: свернул с дороги в лес, въехал на полянку, заглушил мотор, вылез, огляделся и сел на пенек.

«Вот где стреляться-то, – вдруг подумал он спокойно. – А то – на кладбище припорол. Здесь хоть красиво».

Красиво было, правда. Только Спирька специально не разглядывал эту красоту, а как-то сразу всю понял ее... И сидел. Склонился, сорвал травинку, закусил ее в зубах и стал слушать птиц. Маленькие хозяева лесные посвистывали, попискивали, чирикали где-то в кустах. Пара красавцев дятлов, жуково-черных, с белыми фартучками на груди, вылетела из чащи, облюбовала молодую сосенку, побегала по ней вверх-вниз, помелькала красными хохолками, постучала, ничего не нашла, снялась и низким летом опять скрылась в кустах.

«Тоже – парой летают», – подумал Спирька. Еще он подумал, что люди завидуют птицам... Говорят: «Как птаха небесная». Позавидуешь. Еще Спирька подумал, что, наверно, учитель выбросил те цветы, которые Спирька привез учительнице, наверно, они лежат под окном, завяли... Красивые такие цветочки, красные. Спирька усмехнулся. Пижон Спиря... Здесь тоже есть цветочки. Вон они: синенькие, беленькие, желтенькие... Вон саранка цветет, вон медуница... А вон пучка белые шапки подняла вверх. Спирька любил запах пучки. Встал, сорвал тугую горсть мелких белых цветочков, собранных в плотный, большой, как блюдце, круг. Сел опять на пенек, растер в ладонях цветки, погрузил лицо в ладони и стал жадно вдыхать прохладный, сыровато-терпкий, болотный запах небогатого, неяркого местного цветка. Закрыв ладонями лицо и так остался сидеть. Долго сидел неподвижно.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Может, думал. Может, плакал...

..Спирьку нашли через три дня в лесу, на веселой полянке. Он лежал, уткнувшись лицом в землю, вцепившись руками в траву. Ружье лежало рядом. Никак не могли понять, как же он стрелял!? Попал в сердце, а лежал лицом вниз. Из-под себя как-то изловчился.

Привезли, схоронили.

Народу было много. Многие плакали.

Залетный

Кузнец Филипп Наседкин – спокойный, уважаемый в деревне человек, беспрекословный труженик – вдруг запил. Да и не запил вовсе, а так – стал прикладываться. Это жена его, Нюра-Заполешная, это она решила, что Филя запил. И она же полетела в правление колхоза и там устроила такой переполох, что все решили: Филя запил. И все решили, что надо Филю спасти.

Главное, всех насторожило, что Филя «схлестнулся» с Саней Неверовым. Саня – человек очень странный. Весь больной, весь изрезанный (и плеврит, и прободная язва желудка, и печень, и колит, и черт его не знает, чего у него только не было, и геморрой), он жил так: сегодня жив, а завтра – это надо еще подумать. Так он говорил. Он не работал, конечно, но деньги откуда-то у него были. У него собирались выпить. Он всех привечал.

Изба Сани стояла на краю деревни, над рекой, присела задом в крутизну берега, а двумя маленькими глазами-окнами смотрела далеко-далеко – через реку, в синие горы. Была маленькая оградка, какие-то старые бревна, две березки росли... Там, в той ограде, отдыхала душа.

Саня не то что слишком уж много знал или много повидал на своем веку (впрочем, он про себя не рассказывал. Мало рассказывал) – он очень уж как-то мудро говорил про жизнь, про смерть... И был неподдельно добрый человек. Тянуло к нему, к родному, одинокому, смертельно больному. Можно было долго сидеть на старом теплом бревне и тоже смотреть далеко – в горы. Думалось не думалось – хорошо, ясно делалось на душе, как будто вдруг – и в какую-то минуту – стал ты громадный, вольный и коснулся руками начала и конца своей жизни – смерил нечто драгоценное и все понял. Ну и что? Ну и ладно! – так думалось.

Бабы замужние возненавидели Саню с того самого дня, как он только появился в деревне. Появился он этой весной, облюбовал у цыган развалюху, сторговал, купил и стал жить. Его сразу, как принято, окрестили – Залетный. И, разумеется, – Саня, потому что – Александр. Его даже побаивались. И все зря. Филя, когда бывал у Сани, испытывал такое чувство, словно держал в ладонях теплого еще, слабого воробья с капельками крови на сломанных крыльях – трепетный живой комочек жизни. И у Фили все восставало в груди – все доброе и все злое, когда про Саню говорили плохо.

Филя так и сказал на правлении колхоза:

– Саня – это человек. Отвяжитесь от него. Не тревожьте.

– Пьяница, – поправила бухгалтерша, пожилая уже, но еще миловидная активистка.

Филя глянул на нее, и его вдруг поразило, что она красит губы. Он как-то не замечал этого раньше.

– Дура, – сказал ей Филя.

– Филипп! – строго прикрикнул председатель колхоза. – Выбирай выражения!

– Ходил к Сане и буду ходить, – упрямо повторил Филя, ощущая в себе злую силу.

– Зачем?

– А вам какое дело?

– Ты же свихнешься там! Тому осталось... самое большее полтора года, ему все

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
равно, как их дожить. А ты-то?!

– Он вас всех переживет, – зачем-то сказал Филя.

– Ну, хорошо. Допустим. Но зачем тебе спиваться-то?

– Иди спой меня, – усмехнулся Филя. – Через неделю на баланс сядешь. Вы меня хоть раз сильно пьяным видели?

– Так это всегда так начинается! – вместе воскликнули председатель, бухгалтерша, девушка-агроном и бригадир Наум Саранцев, сам большой любитель «пополоскать зубки». – Всегда же начинается с малого!

– Тем-то он и опасен, Филипп, этот яд, – стал развивать мысль председатель, – что он сперва не пугает, а как бы, наоборот, заманивает. Тебе после войны не приходилось на базаре в карты играть?

– Нет.

– А мне пришлось. Ехал с фронта, вез кое-какое барахлишко: часы «Павел Буре», аккордеон... В Новосибирске пересадка. От нечего делать пошел на барахолку, гляжу – играют. В три карты. Давай, говорят, фронтовичок, попробуй счастье! А я уже слышал от ребят – обманывают нашего брата. Нет, говорю, играйте без меня. Да ты, мол, попробуй! Э-э, думаю, ну проиграю тридцатку... – Председатель оживился. Его слушали, улыбались. Филя крутил фуражку меж колен. – Давай, говорю! Только без обмана, черти! А надо было, значит, отгадать одну карту... Он их сперва показывает, потом у тебя на глазах тасует и, значит, раскладывает тыльной стороной. Все три. Одну тебе надо отгадать, туза бубей, например. И ведь все на глазах делает, паразит! Вот показал он мне все три лицом – запомнил? Запомнил, говорю. Следи!.. Раз-раз-раз – перекидывает их. Я слежу, где туз бубей. Какая, спрашивает? Я зажал пальцем... Переворачиваем – туз бубей. Выиграл. Они мне еще дали выиграть раза три-четыре... Ну и все: к вечеру и аккордеон мой, и часы, и деньги – как корова языком слизнула. Все проиграл. Попытался было силой отбить, но их там много оказалось. Так и явился домой с пустыми руками. Вот как, Филипп, зараза-то всякая начинается – незаметно. Ведь они же мне сперва дали выиграть, потом уж только чистить-то начали. Ведь мне все отыграться хотелось, все надеялся... Вот и отыгрался. Водка, она действует тем же методом: я тебя сперва ублажу, ублажаю, а потом уж возьмусь за тебя. Так что смотри, Филипп, – не прогадай.

– Мне не восемнадцать лет.

– А она анкетные данные не спрашивает! Ей все равно... Работник ты хороший, с семьей у тебя пока все благополучно... Просто мы предупреждаем тебя. Не ходи ты к этому Сане! Он, может, хороший человек, но смотри, сколько на него баб жалуется!..

– Дуры! – опять сказал Филя.

– Ну, задолбил, как дятел: дуры, дуры. Твоя Нюра – дура, что ли?

– И моя дура. Чего заполошничать?

– Да то, что ей семью разрушать не хочется!

– Никто ее не разрушает. Сама бегаёт разрушает.

– Ну, смотри. Мы тебя предупредили. А этого твоего Саню мы просто выселим из деревни, и все... Он дождется.

– Не имеете права – больной человек.

– Найдем право! Больной... Больной, значит, не пей. Иди работай, Филипп.

– Вызывали? – спросил вечером Саня, нервно подрагивая веком левого глаза.

– Вызывали. – Филе было стыдно за жену, за председателя, за все правление в

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru целом.

– Не велели ходить?

– Та-а... што я, ребенок, што ли!

– Да, да, – согласился Саня. – Конечно. – И веко его все подергивалось. Он смотрел на далекие горы. С таким выражением смотрел, точно ждал, что оттуда – вспять – взойдет солнце. Оно там заходило. – Ночью, часу в двенадцатом, соловьи поют. Ах, дьяволята!.. выкомаривают. Друг перед другом, что ли?

– Самок заманивают, – пояснил Филя.

– Красиво заманивают. Красиво. Люди так не умеют. Люди – сильные.

«Это ты-то – сильный?» – думал Филя.

– Уважаю сильных людей, – продолжал Саня. – В детстве меня колотил один парнишка – сильней меня был. Мне отец посоветовал: потренируйся, поподнимай что-нибудь тяжелое – через месяц поколотишь его. Я стал поднимать ось от вагонетки. Три дня поподнимал – надорвался. Пупок развязался.

– А ты бы взял – раз послабей – гирьку, привязал бы ее на ремешок да гирькой бы его по башке. Я тоже смирный был, маленький-то, ну, один извязался тоже, проходу не дает. Я его гирькой от часов разок угостил – отстал.

Саня пьянел. Взор его туманился.. Покидал далекие синие горы, наблюдал речку, дорогу, дикий кустик малины под плетнем. Теплел, становился радостным.

– Хорошо, Филипп. Мне – пятьдесят два, двенадцать откинем – несознательные – сорок... Сорок раз видел весну, сорок раз!.. И только теперь понимаю: хорошо. Раньше все откладывал, все как-то некогда было – торопился много узнать, все хотел громко заявить о себе... Теперь – стоп-машина! Дай нагляжусь. Дай нарадуюсь. И хорошо, что у меня их немного осталось. Я сейчас очень много понимаю. Все! Больше этого понимать нельзя. Не надо.

Снизу, от реки, холодало. Но холодок тот только ощущался, наплывал... Это было только слабое гнилостное дыхание, и огромная, спокойная теплынь от земли и неба губила это дыхание.

Филя не понимал Саню и не силился понять. Он тоже чувствовал, что на земле – хорошо. Вообще жить – хорошо. Для приличия он поддерживал разговор.

– Ты совсем, што ли, одинокий?

– Почему? У меня есть родные, но я, видишь, болен. – Саня не жаловался. Ни самым даже скрытым образом не жаловался. – И у меня слабость эта появилась – выпить... Я им мешаю. Это естественно...

– Трудно тебе, наверно, жилось...

– По-разному. Иногда я тоже брал гирьку... Иногда мне гирькой. Теперь – конец. Впрочем, нет... вот сейчас я сознаю бесконечность. Как немного стемнеет, и тепло – я вдруг сознаю бесконечность.

Этого Филя совсем не мог уразуметь. Еще один мужик сидел, Егор Синкин, с бородой, потому что его в войну ранило в челюсть, тот тоже не мог уразуметь.

– В тюрьме небось сидел? – допытывался Егор.

– Бог с вами! Вы еще из меня каторжника сделаете. Просто я жил и не понимал, что это прекрасно – жить. Ну, что-то такое делал... Очень любил искусство. Много суетился. Теперь спокоен. Я был художник, если уж вам так интересно. Но художником не был. – Саня искренне, негромко, весело смеялся. – Вконец запутал вас... Не мучайтесь. Ну мало ли на свете чудачков, странных людей!.. Деньги мне присылает брат. Он богатый. То есть не то что очень богатый, но ему хватает. И он мне дает.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Это мужики понимали – жалеет брат.

– Если бы все начать сначала!.. – На худом темном лице Сани, на острых скулах вспухали маленькие бугорки желваков. Глаза горячо блестили. Он волновался. – Я объяснил бы, я теперь знаю: человек – это.. нечаянная, прекрасная, мучительная попытка Природы осознать самое себя. Бесплодная, уверяю вас, потому что в природе вместе со мной живет геморрой. Смерть!.. и она неизбежна, и мы ни-ког-да этого не поймем. Природа никогда себя не поймет.. Она взбесилась и мстит за себя в лице человека. Как злая.. м-м.. – Дальше Саня говорил только себе, неразборчиво. Мужикам надоело напрягаться, слушая его, они начинали толковать про свои дела.

– Любовь? Да, – бормотал Саня, – но она только запутывает и все усложняет. Она делает попытку мучительной – и только. Да здравствует смерть! Если мы не в состоянии постичь ее, то зато смерть позволяет понять нам, что жизнь – прекрасна. И это совсем не грустно, нет.. Может быть, бессмысленно – да. Да, это бессмысленно..

Мужики понимали, что Саня уже хорош. И разошлись по домам.

Филя брел переулками-закоулками и потихоньку растрачивал из груди горячую веру, что жизнь – прекрасна.

Оставалась только щемящая жалость к человеку, который остался один сидеть на бревне.. И бормочет, бормочет себе под нос нечто – так он думает, тот человек, – важное.

Через неделю Саня помер.

Помирал трезвым. Ночью. С ним был Филя.

Саня все понимал, и понимал, что помирает. Иногда только забывался – точно накрепко задумывался, смотрел в стенку, не слышал Филю..

– Сань! – звал Филя. – Ты не задумывайся. А то так хуже. Может, встанешь, походишь маленько? Давай я повожу тебя по избе.. Сань?

– М-м?..

– Поломай себя.. Разомнись маленько.

– Сходи, Филипп.. дай веточку малины.. Под плетнем растет. Только пыль не стряхни.. Принеси.

Филя вышел в ночь, и она оглушила его своей необъятностью. Глухая весенняя ночь, темная, тяжкая.. огромная. Филя никогда ничего в жизни не боялся, а тут вдруг чего-то оробел.. Поспешно сломил молодую веточку малины, влажную от ночной сырости, и заторопился опять в избу. Подумал: «Какая на ней пыль? Не успела еще.. пыль-то, дороги-то еще грязные. Откуда пыль-то?»

Саня приподнялся на локте и прямо, в упор смотрел на Филю. Ждал. Филя одни только эти глаза и увидел в избе, когда вошел. Они полыхали болью, они молили, они звали его.

– Не хочу, Филипп! – ясно сказал Саня. – Все знаю.. Не хочу! Не хочу!

Филя выронил веточку.

Саня, обессиленный, упал головой на подушку и тихо, и торопливо еще сказал:

– Господи, господи.. какая вечность! Еще год.. полгода! Больше не надо.

У фили больно сжалось сердце. Он понял, что Саня этой ночью помрет. Скоро помрет. Он молчал.

– Не боюсь, – тихо, из последних сил торопился Саня. – Не страшно.. Но еще год – и я ее приму. Ведь это же надо принять! Ведь нельзя же, чтобы так просто.. Это же не казнь! Зачем же так?..

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Выпей водки, Сань?

– Еще полгода! Лето... Ничего не надо, буду смотреть на солнце... Ни одну травинку не помну. Кому же это надо, если я не хочу? – Саня плакал. – Филипп...

– Што, Сань?

– Кому же это надо? Ну ведь глупо же, глупо!.. Она же – дура! Колесо какое-то.

Филия тоже плакал – чувствовал, как по щекам текут слезы. Сердито вытирался рукавом.

– Сань... ты не обзывай ее, может, она... это... отступит. Не ругай ее.

– Я не ругаю. Но ведь как глупо! Так грубо... и никак не помочь! Дура.

Саня закрыл глаза и замолк. И долго-долго молчал. Филия даже подумал, что уже – все.

– Поверни меня... – попросил Саня. – Отверни. – Филия повернул друга лицом к стене.

– Дура, – еще раз совсем тихо сказал Саня. И опять замолчал.

Филия с час примерно сидел на стуле не шевелясь, ждал, когда Саня что-нибудь попросит. Или заговорит. Саня больше не заговорил. Он помер.

Филия и другие мужики схоронили Саню. Тихо схоронили, без лишних слов. Помянули.

Филия посадил у изголовья его могилы березку. Она прижилась. И когда дули южные теплые ветры, березка кланялась и шевелила, шевелила множеством мелких зеленых ладоней – точно силилась что-то сказать. И не могла.

Приезжий

Против председателя сельсовета, боком к столу, утонув в новеньком, необъятном кресле (председатель сам очень удивился, когда к нему завезли эти мягкие, пахучие громадины – три штуки! «Прям как бабы хорошие!» – сказал он тогда), сидел не старый еще, седой мужчина в прекрасном светлом костюме, худощавый, чуть хмельной, весело отвечал на вопросы.

– Как это? – не мог понять председатель. – Просто – куда глаза глядят?

– Да. Взял подробную карту области, ткнул пальцем. Мякишево. Мгм, Мякишево... Попробовал на вкус – ладно. Приезжаю, узнаю: речка – Мятла. О господи!.. – еще вкуснее. Спрашивается, где же мне отдохнуть, как не в Мякишево, что на речке Мятле?

– Ну, а на юг, например? В санаторий...

– В санаториях – нездорово.

– Вот те раз!..

– Вы бывали?

– Бывал, мне нравится.

– А мне не нравится. Мне нравится, где не подстрижено, не заплевано... Словом, у вас возражений нет, если я отдохну в вашем селе? Паспорт у меня в порядке...

– Не нужен мне ваш паспорт. Отдыхайте на здоровье. Вы что, художник? – Председатель кивнул на этюдник.

– Так, для себя.

– Я понимаю, что не на базар. Для выставки?

Приезжий улыбнулся, и улыбка его вспыхнула ясным золотом вставных зубов.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Для выставки – это уже не для себя. – Ему нравилось отвечать на вопросы. Наверно, он с удовольствием отвечал бы даже на самые глупые.

– Для чего же тогда рисовать?

– Для души. Вот я стою перед деревом, положим, рисую – и понимаю: это глупо. Меня это успокаивает, я отдыхаю. То есть я с удовольствием убеждаюсь, что дерево, которое я возымел желание перенести на картон, никогда не будет деревом...

– Но есть же – умеют.

– Никто не умеет.

«Здорово поддавши, но держится хорошо», – отметил председатель.

– М-да...

– Вы не подскажите, у кого бы я мог пока пожить? Пару недель, не больше.

Председатель подумал... Пока соображал, успел отметить прекрасный костюм художника, золотые зубы, седину его, умение держаться.

– Пожить-то? Если, допустим, у Синкиных? Дом большой, люди приветливые... Он у нас главным инженером работает в эртээсе... Дом-то как раз над рекой, там прямо с крыльца рисовать можно.

– Прекрасно!

– Только, знаете, он насчет этого – не любитель. Выпивает, конечно, по праздникам, а так... это... не любитель.

– Да что вы, бог с вами! – воскликнул приезжий. – Это я ведь так – с дороги... Не побрит вот еще... – Он потрогал щетину на подбородке. – А так я – ни-ни! Тоже по праздникам: Первое января, Первое мая, Седьмое ноября, День шахтера, День железнодорожника...

– Ну, это само собой.

– Вы тоже в День железнодорожника?

Председатель засмеялся: ему нравился этот странный человек – наивный, простодушный и очень неглупый.

– У нас свой есть – День борозды. А вы что, железнодорожник?

– Да. Знаете, проектирую безмостовую систему железнодорожного сообщения.

– Как это – безмостовую?

– А так. Вот идет поезд – нормально, по рельсам. Впереди – река. А моста нет. Поезд идет полным ходом...

Председатель пошевелился в кресле.

– Ну?

– Что делает поезд? Он пла-авненько поднимается в воздух, перелетает, – приезжий показал рукой, – через реку, снова становится на рельсы и продолжает путь.

Председатель готов посмеяться вместе с приезжим, только ждет, чтоб тот пригласил.

– Представляете, какая экономия? – серьезно спрашивает приезжий.

– Это как же он, простите, перелетает? – Председатель всё готов посмеяться и знает, что сейчас они посмеются.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Воздушная подушка! Паровоз пускает под себя мощную струю отработанного пара, вагоны делают то же самое – каждый под себя, – паровоз подает им пар по тормозным шлангам... Весь состав пла-авненько перелетает реченьку...

Председатель засмеялся; приезжий тоже озарил свое продолговатое лицо ясной золотой улыбкой.

– Представляете?

– Представляю. Этак мы через месяц-другой плавненько будем в коммунизме.

– Давно бы уж там были! – смеется приезжий. – Но наши бюрократы не утверждают проект.

– Действительно, бюрократы. Проект-то простой. Вы как насчет рыбалки? Не любитель?

– При случае могу посидеть...

– Ну вот, с Синкиным сразу общий язык найдете. Того медом не корми – дай посидеть с удочкой.

Приезжий скоро нашел большой дом Синкина, постучал в ворота.

– Да! – откликнулись со двора. – Входите!.. – В голосе женщины (откликнулась женщина) чувствовалось удивление – видно, здесь не принято было стучать.

Приезжий оторопел... Голос показался ему знакомым. Он вошел... Прямо перед ним на крыльце с тазом в руках стояла женщина... Лет, наверно, пятидесяти, красивая в прошлом, ныне полная – очень. Она тоже оторопела.

– Игорь... – сказала она тихо, с ужасом.

– Вот это да, – тоже тихо сказал приезжий. – Как в кино... – Он пытался улыбаться.

– Ты что?.. Как ты нашел?

– Я не искал.

– Но как же ты нашел? Как ты попал сюда?

– Случайность...

– Игорь, господи!..

Женщина говорила негромко. И смотрела, смотрела, не отрываясь, смотрела на мужчину. Тот тоже смотрел на нее, но на лице у него не было и следа насмешливого, иронического выражения.

– Я знала, что ты вернулся... Инга писала...

– Ольга жива? – Чувствовалось, что этот вопрос дался мужчине нелегко. Он – или боялся худого ответа, или так изождался этого момента и так хотел знать хоть что-нибудь, – он побледнел.

И женщина, заметив это, поспешила:

– Ольга – хорошо, хорошо!.. Она в аспирантуре. Но, Игорь, она ничего не знает, для нее отец – Синкин... Я ей ничего...

– Понимаю. Синкин дома?

– Нет, но с минуты на минуту может прийти на обед... Игорь!..

– Я уйду, уйду. Ольга красивая?

– Ольга?.. Да. У меня еще двое детей. Ольга здесь... на каникулах. Но, Игорь... нужно ли встречаться?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Мужчина прислонился к воротному столбу. Молчал. Женщина ждала. Долго молчали.

– Валя... – Голос мужчины дрогнул. – Я только посмотрю. Я ничем себя не выдам. Клянусь тебе, клянусь чем хочешь...

– Не в этом дело, Игорь...

– Я был у вашего председателя, он меня направил сюда... к Синкину. Я так и скажу. Потом скажу, что мне не понравилось здесь. Умоляю... Я только посмотрю!

– Не знаю, Игорь... Она скоро придет. Она на реке. Но, Игорь...

– Клянусь тебе!

– Поздно все возвращать.

– Я не собираюсь возвращать. У меня тоже семья...

– Инга писала, что нету.

– Господи, прошло столько!.. У меня теперь всё есть.

– Есть дети?

– Нет, детей нету. Валя, ты же знаешь, я смогу выдержать – я ничего не скажу ей. Я ничего не испорчу. Но ты же должна понять, я не могу... не посмотреть хотя бы. Иначе я просто объявлюсь – скажу ей. – Голос мужчины окреп, он – из беспомощной позы своей (прислоненный к столбу) – вдруг посмотрел зло и решительно. – Неужели ты этого хочешь?

– Хорошо, – сказала женщина. – Хорошо. Я тебе верю. Я тебе всегда верила. Когда ты вернулся?

– В пятьдесят четвертом. Валя, я выдержу эту комедию. Дай, если есть в доме, стакан водки.

– Ты пьешь?

– Нет... Но сил может не хватить. Нет, ты не бойся! – испугался он сам. – Просто – так легче. Сил хватит, надо только поддержать. Господи, я счастлив!

– Заходи в дом.

Вошли в дом.

– А где же дети?

– В пионерлагере. Они уже в шестом классе. Близнецы, мальчик и девочка.

– Близнецы? Славно.

– У тебя действительно есть семья?

– Нет. То есть была... – не получилось.

– Ты работаешь на старом месте?

– Нет, я теперь фотограф.

– Фотограф?!

– Художник-фотограф. Не так плохо, как может показаться. Впрочем, не знаю. Не надо об этом. Ты хорошо живешь?

Женщина так посмотрела на мужчину... словно ей неловко было сказать, что она живет хорошо, словно ей надо извиняться за это.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Хорошо, Игорь. Он очень хороший...

– Ну, и слава богу! Я рад.

– Мне сказали тогда...

– Не надо!.. – велел мужчина. – Неужели ты можешь подумать, что я стану тебя упрекать или обвинять? Не надо об этом. Я рад за тебя, правду говорю.

– Он очень хороший, увидишь. Он к Ольге...

– Я рад за тебя!

– Ты пьешь, Игорь, – утвердительно, с сожалением сказала женщина.

– Иногда. Ольга по какой специальности?

– Филолог. Она, по-моему... не знаю, конечно, но, по-моему, она очень талантлива. Очень!

– Я рад, – еще сказал мужчина. Но вяло как-то сказал. Он как-то устал вдруг.

– Соберись, Игорь.

– Все будет в порядке. Не бойся.

– Может быть, ты пока побреешься? У тебя есть чем?

– Есть, конечно! – Мужчина вроде опять повеселел. – Это ты верно. Розетка есть?

– Вот.

Мужчина раскрыл чемодан, наладил электробритву и только сел бриться...

Пришел Синкин. Упитанный, радушный, очень подвижный, несколько шумный.

Представились друг другу. Приезжий объяснил, что он зашел к председателю сельсовета, и тот...

– И правильно сделал, что послал ко мне! – громко похвалил Синкин. – Вы не рыбак?

– При случае и при хорошем клеве.

– Случай я вам обеспечу. Хороший клев – не знаю. Мало рыбешки стало, мало. На больших реках – там на загрязнение жалуются, у нас плотины всё перепутали...

– У вас – плотины? Откуда?

– Да не у нас – внизу. Но образовались же целые моря!.. И она, милая, подалась от нас на новые, так сказать, земли. Залиты же тысячи гектаров, там ей корма на десять лет невпроворот.

– Тоже проблема: почему рыба из малых рек уходит в новые большие водоемы?

– Проблема! А как вы думаете?.. Еще какая! У нас тут были целые рыболовецкие артели – крышка. Распускать! А у людей – образ жизни сложился, профессия...

– Назовите это: рыба уходит на новостройки – и дело с концом.

Мужчины посмеялись.

– Мама, что-нибудь насчет обеда слышно?

– Обед готов. Садитесь.

– Вы здесь хорошо отдохнете, не пожалеете, – говорил Синкин, усаживаясь за стол и приветливо глядя на гостя. – Я сам не очень уважаю всякие курорты, приходится

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– из-за супруги вон.

– Из-за детей, – уточнила супруга.

– Из-за детей, да. Мама, у нас есть чего-нибудь выпить?

– Тебе не нужно больше идти?

– Нужно, но – ехать. И далеко. Пока доеду, из меня вся эта, так сказать, дурь и выйдет. Давай! Не возражаете?

– Нет.

– Давай, мать! Нет, отдохнете здесь славно, ручаюсь. У нас хорошо.

– Не ручайся, Коля, человеку может не понравиться.

– Понравится!

– Вы здешний? – спросил приезжий хозяина.

– Здешний. Не из этого села, правда, но здесь – из этих краев. А где Ольга?

– На реке.

– Что же она – к обеду-то?

– А то ты не знаешь Ольгу! Набрала с собой кучу книг... Да придет, куда она денется.

– Старшая, – пояснил хозяин. – Грызет гранит наук. Уважаю теперешнюю молодежь, честное слово. Ваше здоровье!

– Спасибо.

– Мы ведь как учились?.. Кхах! Мамочка, у тебя где-то грузочки были...

– Ты же не любишь в маринаде.

– Я – нет, а вот Игорь Александрович попробует. Местного, так сказать, производства. Попробуйте. Головой понимаю, что это, должно быть, вкусно, а – что сделаешь? – не принимает душа маринад. В деревне вырос – давай все соленое. Подай, мама.

– Так что там – про молодежь?

– Молодежь? Да вот – ругают их: такие-сякие, нехорошие, а мне они нравятся, честное слово. Знают много. Ведь мы как учились?.. У вас высшее?

– Высшее.

– Ну, примерно в те же годы учились, знаете, как это было: тоже – давай! давай! Двигатель внутреннего сгорания? – изучай быстрее и не прыгай больше. Пока хватит – некогда. Теперешние – это совсем другое. Я чувствую: старшей со мной уже скучно. Я, например, не знаю, что такое импрессионизм, и она, чувствую, смотрит сквозь меня...

– Выдумываешь, Николай, – встряла женщина. – У тебя – одно, у ней – другое. Заговори с ней о своих комбайнах, ей тоже скучно станет.

– Да нет, она-то как раз... Она вот тут на днях мне хорошую лекцию закатила. Просто хоро-ошую! Про нашего брата, иженерию... Вы знаете такого – Гарина-Михайловского? Слышали?

– Слышал.

– Вот, а я, на беду свою, не слышал. Ну и влетело. Он что, действительно, и мосты строил, и книги писал?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да вы небось читали, забыли только...

– Нет, она называла его книги – не читал. Вы художник?

– Что-то вроде этого. Сюда, правда, приехал пописать. Тире – отдохнуть. Мне у вас очень понравилось.

– У нас хорошо!

– У нас тоже хорошо, но у вас еще лучше.

– Вы откуда?

– Из... – Гость назвал соседний городок.

– Я там, кстати, учился.

– Нет, у вас просто хорошо! У нас тоже ничего, но у вас просто здорово!

Женщина с тревогой посмотрела на гостя. Но тот как будто даже протрезвел. И на лице у него опять появилось ироническое выражение, и улыбка все чаще вспыхивала на лице – добрая, ясная.

– У нас, главное, – воздух. Мы же – пятьсот двадцать над уровнем моря, – рассказывал хозяин.

– Нет, мы значительно ниже. Хотя у нас тоже неплохо. Но у вас!.. У вас очень хорошо!

– Причем учтите: здесь преобладают юго-восточные ветры, а там – никаких промышленных предприятий.

– Да нет, что там говорить! Я, правда, предпочитаю северо-восточные ветры, но юго-восточные – это великолепно. И там никаких промышленных предприятий?

– А откуда? Там же... эти...

– Нет, это великолепно! А как у вас с текущим ремонтом?

Хозяин засмеялся.

– Во-он вы куда!.. Нет, тут сложнее. Могу только сказать: юго-восточные ветры на текущий ремонт влияния не оказывают. К сожалению.

– А вал? Собственно говоря, как с валом?

– Вал помаленьку проворачиваем... Скрипим тоже.

– Вот это плохо.

– Я вам так скажу, дорогой товарищ, если вы этим интересуетесь...

– Коля, за тобой заедут? А то будут ждать...

– Козлов заедет. Если уж вы этим заинтересовались...

– Коля, ну кому это интересно – текущий ремонт, вал?

– Но товарищ же спрашивает.

– Товарищ... просто поддерживает беседу, а ты на полном серьезе взялся... Не будет же он с тобой об импрессионистах говорить, раз ты ничего в этом не понимаешь.

– Не на одних импрессионистах мир держится.

– Не перевариваю импрессионистов, – заметил гость. – Крикливый народ. Нет, вал меня действительно очень интересует.

– Так вот, если вам это...

– Ольга идет.

Гость, если бы за ним в это время наблюдать, заволновался. Привстал было, чтобы посмотреть в окно, сел, взял вилку, повертел в руках... положил. Закурил. Взял было рюмку, посмотрел на нее, поставил на место. Уставился на дверь.

Вошла рослая, крепкая юная женщина. Она, как видно, искупалась, и к ее влажному еще телу местами прилипло легкое ситцевое платье – и это подчеркивало, сколь сильно, крепко, здорово это тело.

– Здравствуйте! – громко сказала женщина.

– Оля, у нас гость – художник, – поспешила представить мать. – Приехал поработать, отдохнуть... Игорь Александрович...

Игорь Александрович поднялся, серьезно, пристально глядя на молодую женщину, пошел знакомиться.

– Игорь Александрович.

– Ольга Николаевна.

– Игоревна, – поправил гость.

– Игорь!.. Игорь Александрович! – воскликнула хозяйка.

– Я не поняла, – сказала Ольга.

– Твое отчество – Игоревна. Я твой отец. В сорок третьем году я был репрессирован. Тебе было... полтора года.

Ольга широко открытыми глазами смотрела на гостя... отца?

С этой минуты в большом, уютном доме Синкиных на какое-то время хозяином сделался гость. У него явилась откуда-то твердость, трезвость. И он совсем не походил на того беспечного, ироничного, веселого, каким только что был.

Долго все молчали.

– Игорь... – прерывающимся голосом, отчаянно заговорила хозяйка, – ты нашел! Ты сказал – это случайность... Нет, ты нашел! Это жестоко.

– Нашел, да. Я искал много лет. Случайность с домом... Синкина.

– Но это жестоко, Игорь, жестоко!..

– Неужели не жестоко – при живом отце... даже не позволить знать о нем. Вы считаете, это было правильно? – повернулся Игорь Александрович к Синкину.

Тот почему-то почувствовал себя оскорбленным.

– Сорок третий год – это не тридцать седьмой! – резко сказал он. – Еще неизвестно...

– Нет, в плену я не был. При мне – все мои документы, партийный билет и все ордена. Предателям этого не возвращают. Но речь о другом... Ольга, прав я или не прав, что нашел тебя?

Ольга все еще не пришла в себя... Она села на стул. И во все глаза смотрела на родного отца.

– Я ничего не понимаю...

– Ты клялся, Игорь!.. – стонала хозяйка. – Как это жестоко!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ольга... – Игорь Александрович смотрел на дочь – требовательно. И вместе – умоляюще. – Я ничего не прошу, не требую... Я хочу знать: прав я или нет? Я не мог жить иначе. Я помню тебя маленькой, и этот образ преследовал меня... Мучил. Я слаб здоровьем. Я не мог умереть, не увидев тебя... такой.

– Ольга, он пьет! – воскликнула вдруг хозяйка. – Он – пьющий! Он опустившийся...

– Прекрати! – Синкин с силой ударил кулаком в стол. – Прекрати так говорить!

Хозяйка заплакала.

– Вы хотите, чтоб я сказала свое слово? – поднялась Ольга.

Все повернулись к ней.

– Уходите отсюда. Совсем. – Она смотрела на отца.

Судя по тому, как удивлены были мать и отчим, они ее такой еще не видели. Не знали.

Игорь Александрович сник, плечи опустились... Он вдруг постарел на глазах.

– Оля...

– Немедленно.

– Боже мой! – только и сказал гость. И еще раз, тихо: – Боже мой! – Подошел к столу, дрожащей рукой взял рюмку водки, выпил. Взял свой чемодан, этюдник... Все это он проделал в полной тишине. Слышно было, как ветка березы чуть касалась верхнего стекла окна – трогала.

Гость остановился на пороге.

– Почему же так, Оля?

– Тебе все объяснили, Игорь! – жестко сказала хозяйка. Она перестала плакать.

– Почему так, Оля?

– Так надо. Уезжайте из села. Совсем.

– Подождите, нельзя же так... – начал было Синкин, но Ольга оборвала и его.

– Папа, помолчи.

– Но зачем же гнать человека?!

– Помолчи! Я прошу.

Игорь Александрович вышел... Вслепую толкнул ворота... Оказалось – надо на себя. Он взял в одну руку чемодан и этюдник, открыл ворота. Этюдник выпал из-под руки, посыпались кисти, тюбики с краской. Игорь Александрович подобрал, что не откатилось далеко, кое-как затолкал в ящичек, закрыл его. И пошел по улице – в сторону автобусной остановки.

Погода стояла редкостная – ясно, тепло, тихо. Из-за плетней смотрели круглолицые подсолнухи, в горячей пыли дороги купались воробьи – никого вокруг, ни одного человека.

– Как тихо! – сказал сам себе Игорь Александрович. – Поразительно тихо. – Он где-то научился говорить сам с собой. – Если бы однажды так вот – в такой тишине – перешагнуть незаметно эту проклятую черту... И оставить бы здесь все боли и все желания, и шагать, и шагать по горячей дороге, шагать и шагать – бесконечно. Может, мы так и делаем? Возможно, что я где-то когда-то уже перешагнул в тишине эту черту – не заметил, – и теперь вовсе не я, а моя душа вышагивает по дороге на двух ногах. И болит. Но почему же тогда болит? Пожалуйся, пожалуйся... Старый осел! Я шагаю, я – собственной персоной. Несу чемодан и этюдник. Глупо! Господи, как глупо и больно!

Он не замечал, что торопится. Как будто и в самом деле скорей хотел где-то на дороге, за невидимой чертой, оставить едкую боль, которая железными коготками рвала сердце. Он торопился в чайную, что на краю села, у автобусной остановки. Он знал, что донесет туда свою боль и там слегка оглушит ее стаканом водки. Он старался ни о чем не думать – о дочери. Красивая, да. С характером. Замечательно. Замечательно... Он в такт своим шагам стал приговаривать:

– За-ме-ча-тель-но! За-ме-ча-тель-но! За-ме-ча-тель-но!

Мысли, мысли – вот что мучает человека. Если бы – получил боль – и в лес: травку искать, травку, травку – от боли.

На автобусной станции, возле чайной, его ждала дочь, Ольга. Она знала путь короче – опередила. Она взяла его за руку, отвела в сторону – от людей.

– Хотел выпить?

– Да. – Сердце у Игоря Александровича сдавливало.

– Не надо, папа. Я всегда знала, что ты есть – живой. Никто мне об этом не говорил... я сама знала. Давно знала. Не знаю, почему я так знала...

– Почему ты меня прогнала?

– Ты мне показался жалким. Стал говорить, что у тебя документы, ордена...

– Но они могут подумать...

– Я, я не могла подумать! – с силой сказала Ольга. – Я всю жизнь знала тебя, видела тебя во сне – ты был сильный, красивый...

– Нет, Оля, я не сильный. А вот ты красива – я рад. Я буду тобой гордиться.

– Где ты живешь?

– Там же, где жила... твоя мать. И ты. Я рад, Ольга! – Игорь Александрович закусил нижнюю губу и сильно потер пальцем переносицу – чтоб не заплакать. И заплакал.

– Я пришла сказать тебе, что теперь я буду с тобой, папа. Не надо плакать, перестань. Я не хотела, чтоб ты там унижался... Ты пойми меня.

– Я понимаю, понимаю, – кивал головой Игорь Александрович. – Понимаю, дочь...

– Ты одинок, папа. Теперь ты не будешь одиноким.

– Ты сильная, Ольга. Вот ты – сильная. И красивая... Как хорошо, что так случилось... что ты пришла. Спасибо.

– Потом, когда ты уедешь, я, наверно, пойму, что я – рада. Сейчас я только понимаю, что я тебе нужна. Но в груди – пусто. Ты хочешь выпить?

– Если тебе это неприятно, я не стану.

– Выпей. Выпей – и уезжай. Я приеду к тебе. Пойдем, выпей...

Через десять минут синий автобус, посадив у остановки «Мякишево» пассажиров, катил по хорошему проселку в сторону райцентра, где железнодорожная станция.

У открытого окна, пристроив у ног чемодан и этюдник, сидел седой человек в светлом костюме. Он плакал. А чтобы этого никто не видел, он высунул голову в окно и незаметно – краем рукава – вытирал слезы.

Мастер

Жил-был в селе Чебровка некто Семка Рысь, забулдыга, непревзойденный столяр. Длинный, худой, носатый – совсем не богатырь на вид. Но вот Семка снимает рубаху, остается в одной майке, выгоревшей на солнце... И тогда-то, когда он, поигрывая топориком, весело лается с бригадиром, тогда-то видна вся устрашающая

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
сила и мощь Семки. Она – в руках. Руки у Семки не комкастые, не бугристые, они – ровные от плеча до лапы, словно литые. Красивые руки. Топорик в них – игрушечный. Кажется, не зная таким рукам усталости, и Семка так, для куража, орет:

– Что мы тебе – машины? Тогда иди заведи меня – я заглох. Но сзади подходи осторожней – лягаюсь!

Семка не злой человек. Но ему, как он говорит, «остолбенело все на свете», и он транжирит свои «лошадиные силы» на что угодно – поорать, позубоскалить, нашкодить где-нибудь – милое дело. Временами он крепко пьет. Правда, полтора года в рот не брал, потом заскучал и снова стал поддавать.

– Зачем же, Семка? – спрашивали.

– Затем, что так – хоть какой-то смысл есть. Я вот нарежусь, так? И неделю хожу – вроде виноватый перед вами. Меня не тянет как-нибудь насолить вам, я тогда лучше про вас про всех думаю. Думаю, что вы лучше меня. А вот не пил полтора года, так насмотрелся на вас... Тьфу! И потом: я же не валяюсь каждый день под бочкой.

Пьяным он безобразен не бывал, не оскорблял жену – просто не замечал ее.

– погоди, Семка, на запой наладишься, – стращали его. – Они все так, запойники-то: месяц не пьет, два, три, а потом все до нитки с себя спускают. Дождешься.

– Ну, так, ладно, – рассуждал Семка, – я пью, вы – нет. Что вы такого особенного сделали, что вам честь и хвала? Работаю я наравне с вами, дети у меня обуты-одеты, я не ворую, как некоторые...

– У тебя же золотые руки! Ты бы мог знаешь как жить!.. Ты бы как сыр в масле катался, если бы не пил-то.

– А я не хочу как сыр в масле. Склизко.

Он всю зарплату отдавал семье. Выпивал только на то, что зарабатывал слева. Он мог такой шкаф изладить, что у людей глаза разбегались. Приезжали издалека, просили сделать, платили большие деньги. Его даже писатель один, который отдыхал летом в Чебровке, возил с собой в областной центр, и он ему там оборудовал кабинет... Кабинет они оба додумались подогнать под деревенскую избу (писатель был из деревни, тосковал по родному).

– Во, дурные деньги-то! – изумлялись односельчане, когда Семка рассказывал, какую они избу уделали в современном городском доме – шестнадцатый век!

– На паркет настелили плах, обстругали их – и все, даже не покрасили. Стол – тоже из досок сколотили, вдоль стен – лавки, в углу – лежак. На лежаке никаких матрасов, никаких одеял... Лежат кошма и тулуп – и все. Потолок паяльной лампой закоптили – вроде по-черному топится. Стены горбылем обшили...

Сельские люди только головами качали:

– Делать нечего дуракам.

– Шестнадцатый век, – задумчиво говорил Семка. – Он мне рисунки показывал, я все по рисункам делал.

Между прочим, когда Семка жил у писателя в городе, он не пил, читал разные книги про старину, рассматривал старые иконы, прялки... Этого добра у писателя было навалом.

В то же лето, как побывал Семка в городе, он стал приглядываться к церковке, которая стояла в деревне Талице, что в трех верстах от Чебровки. В Талице от двадцати дворов осталось восемь. Церковка была закрыта давно. Каменная, небольшая, она открывалась взору – вдруг, сразу за откосом, который огибала дорога в Талицу... По каким-то соображениям те давние люди не поставили ее на возвышение, как принято, а поставили внизу, под откосом. Еще с детства помнил

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru Семка, что если идешь в Талицу и задумаешься, то на повороте, у косогора, вздрогнешь – внезапно увидишь церковь, белую, легкую среди тяжелой зелени тополей.

В Чебровке тоже была церковь, но явно позднего времени, большая, с высокой колокольней. Она тоже давно была закрыта и дала в стене трещину, казалось бы – две церкви, одна большая, на возвышении, другая спряталась где-то под косогором – какая должна выиграть, если сравнить? Выигрывала маленькая, под косогором. Она всем брала: и что легкая, и что открывалась глазам внезапно... Чебровскую видно было за пять километров – на то и рассчитывали строители. Талицкую как будто нарочно спрятали от праздного взора, и только тому, кто шел к ней, она являлась вся, сразу...

Как-то в выходной день Семка пошел опять к талицкой церкви. Сел на косогор, стал внимательно смотреть на нее. Тишина и покой кругом. Тихо в деревне. И стоит в зелени белая красавица – столько лет стоит! – молчит. Много-много раз видела она, как восходит и заходит солнце, полоскали ее дожди, заносили снега... Но вот – стоит. Кому на радость? Давно уж истлели в земле строители ее, давно распалась в прах та умная голова, что задумала ее такой, и сердце, которое волновалось и радовалось, давно есть земля, горсть земли. О чем же думал тот неведомый мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку? Бога ли он величил или себя хотел показать? Но кто хочет себя показать, тот не забирается далеко, тот норовит поближе к большим дорогам или вовсе на людную городскую площадь – там заметят. Этого заботило что-то другое – красота, что ли? Как песню спел человек, и спел хорошо. И ушел. Зачем надо было? Он сам не знал. Так просила душа. Милый, дорогой человек!.. Не знаешь, что и сказать тебе – туда, в твою черную жуткую тьму небытия – не услышишь. Да и что тут скажешь? Ну, хорошо, красиво, волнует, радует... Разве в этом дело? Он и сам радовался, и волновался, и понимал, что красиво. Что же?.. Ничего. Умеешь радоваться – радуйся, умеешь радовать – радуй... Не умеешь – вой, командуй или что-нибудь такое делай – можно разрушить вот эту сказку: подложить пару килограммов динамита – дробользнет, и все дела. Каждому свое.

Посмотрел Семка и заметил: четыре камня вверху, под карнизом, не такие, как все, – блестят. Подошел поближе, всмотрелся – да, тот мастер хотел, видно, отшлифовать всю стену. А стена – восточная, и если бы он довел работу до конца, то при восходе солнца (оно встает из-за косогора) церковка в ясные дни загоралась бы с верхней маковки и постепенно занималась светлым огнем вся, во всю стену – от креста до фундамента. И он начал эту работу, но почему-то бросил – может, тот, кто заказывал и давал деньги, сказал: «Ладно, и так сойдет». Семка больше того заволновался – захотел понять, как шлифовались камни. Наверно, так: сперва грубым песком, потом песочком помельче, потом – сукном или кожей. Большая работа.

В церковь можно было проникнуть через подвал – это Семка знал с детства, не раз лазил туда с ребятней. Ход в подвал, некогда закрываемый створчатой дверью (дверь давно унесли), полуобвалился, зарос бурьяном... Семка с трудом протиснулся в щель между плитой и подножными камнями и, где на четвереньках, где согнувшись в три погибели, вошел в притвор. Просторно, гулко в церкви... Легкий ветерок чуть шевелил отставший, вислый лист железа на маковке, и шорох тот, едва слышный на улице, здесь звучал громко, тревожно. Лучи света из окон рассекали затененную пустоту церкви золотыми широкими мечами.

Только теперь, обеспокоенный красотой и тайной, оглядевшись, обнаружил Семка, что между стенами и полом не прямой угол, а строгое, правильное закругление желобом внутрь. Попросту внизу вдоль стен идет каменный прикладок – примерно в метре от стены у основания и в рост человеческого высотой. Наверху он аккуратно сводится на нет со стеной. Для чего он, Семка сперва не сообразил. Отметил только, что камни прикладка, хорошо отесанные и пригнанные друг к другу, внизу – темные, потом – выше – светлеют и вовсе сливаются с белой стеной. В самом верху купол выложен из какого-то особенного камня, и он еще, наверно, шлифован – так светло, празднично там, под куполом. А всего-то – четыре узких оконца...

Семка сел на приступку алтаря, стал думать: зачем этот каменный прикладок? И объяснил себе так: мастер убрал прямые углы – разрушил квадрат. Так как церковка маленькая, то надо было создать ощущение свободы внутри, а ничто так не угнетает, не теснит душу, как клетка-квадрат.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Он поэтому снизу положил камни потемней, а по мере того как поднимал прикладок, выравнивал его со стеной, – стены, таким образом, как бы отодвинулись.

Семка сидел в церкви, пока пятно света на каменном полу не подкралось к его ногам. Он вылез из церкви и пошел домой.

На другой день Семка, сказавшись больным, не пошел на работу, а поехал в райгородок, где была действующая церковь. Батюшку он нашел дома, неподалеку от церкви. Батюшка отослал сына и сказал просто:

– Слушаю.

Темные, живые, даже с каким-то озорным блеском глаза нестарого еще попа смотрели на Семку прямо, твердо – он ждал.

– Ты знаешь талицкую церкву? – Семка почему-то решил, что с писателями и попами надо говорить на «ты». – Талица Чебровского района.

– Талицкую?.. Чебровский район... Маленькая такая?

– Ну.

– Знаю.

– Какого она века?

Поп задумался:

– Какого? Боюсь, не соврать бы.. Думаю, при Алексее Михайловиче еще.. Сынок-то его не очень баловал народ храмами. Семнадцатый век, вторая половина. А что?

– Красота-то какая!.. – воскликнул Семка. – Как же вы так?

Поп усмехнулся:

– Слава богу, хоть стоит пока. Красивая, да. Давно не видел ее, но помню. Внизу, кажется?..

– А кто делал, неизвестно?

– Это надо у митрополита узнать. Этого я не могу сказать.

– Но ведь у вас же есть деньги! Есть ведь?

– Ну, допустим.

– Да не допустим, а есть. Вы же от государства отдельно теперь...

– Ты это к чему?

– Отремонтируйте ее – это же чудо! Я возьмусь отремонтировать. За лето сделаю. Двух-трех помощников мне – до холодов сделаем. Платите нам рублей по...

– Я, дорогой мой, такие вопросы не решаю. У меня тоже есть начальство... Сходи к митрополиту! – Поп сам тоже заволновался. – Сходи, а чего! Ты веруешь ли?

– Да не в этом дело. Я, как все, а то и похуже – пью. Мне жалко – такая красота пропадает. Ведь сейчас же восстанавливают...

– Восстанавливает государство.

– Но у вас же тоже есть деньги!

– Государство восстанавливает. В своих целях. Ты сходи, сходи к митрополиту-то.

– А он где? Здесь разве?

– Нет, ехать надо.

- В область?
- В область.
- У меня с собой денег нет. Я только до тебя ехал...
- А я дам. Ты откуда будешь-то?
- Из Чебровки, столяр, Семен Рысь...
- Вот, Семен, съезди-ка! Он у нас человек... умница... Расскажи ему все. Ты от себя только?
- Как «от себя»? – не понял Семка.
- Сам ко мне-то или выбрали да послали?
- Сам.
- Ну все равно – съезди! А пока ты будешь ехать, я ему позвоню, – он уже будет знать, что к чему, примет тебя.

Семен подумал немного.

- Давай! Я потом тебе вышлю.
- Потом договоримся. От митрополита заезжай снова ко мне, расскажешь.

Митрополит, крупный, седой, вечно трезвый старик, с неожиданно тоненьким голоском, принял Семку радушно.

- Звонил мне отец Герасим... Ну, расскажи, расскажи, как тебя надоумило храм ремонтировать?

Семка отхлебнул из красивой чашки горячего чая.

- Да как?.. Никак. Смотрю – красота какая! И никому не нужна!..

Митрополит усмехнулся:

- Красивая церковь, я ее знаю. При Алексее Михайловиче, да. Кто архитектор, пока не знаю. Можно узнать. А земли были бояр Борятинских... Тебе зачем мастера-то знать?
- Да так, интересно. С большой выдумкой человек!
- Мастер большой, потом выясним кто. Ясно, что он знал владимирские храмы, московские...
- Ведь до чего додумался!.. – И Семка стал рассказывать, как ему удалось разгадать тайну старинного мастера.

Митрополит слушал, кивал головой, иногда говорил: «Ишь ты!» А попутно Семка выкладывал и свои соображения: стену ту, восточную, отшлифовать, как и хотел мастер, маковки обшить и позолотить и в верхние окна вставить цветные стекла – тогда под куполом будет такое сияние, такое сияние!.. Мастер туда подобрал какой-то особенный камень, наверно, с примесью слюды... И если еще оранжевые стекла всадить...

- Все хорошо, все хорошо, сын мой, – перебил митрополит. – Вот скажи мне сейчас: разрешаем вам ремонтировать талицкую церковь. Назовите, кому вы поручаете это сделать? Я, не моргнув глазом, называю: Семен Рысь, столяр из Чебровки. Только... не разрешат мне ремонтировать, вот какое дело, сын мой. Грустное дело.

- Почему?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Я тоже спрошу: «Почему?» А они меня спросят: «А зачем?» Сколько дворов в Талице? Это уже я спрашиваю..

– Да в Талице-то мало..

– Дело даже не в этом. Какая же это будет борьба с религией, если они начнут новые приходы открывать? Ты подумай-ка.

– Да не надо в ней молиться! Есть же всякие музеи..

– Вот музеи-то – как раз дело государственное, не наше.

– И как же теперь?

– Я подсказу как. Напишите миром бумагу: так, мол, и так – есть в Талице церковь в запустении. Нам она представляется ценной не с точки зрения религии..

– Не написать нам сроду такой бумаги. Ты сам напиши.

– Я не могу. Найдите, кто сумеет написать. А то и сами, своими словами.. даже лучше..

– Я знаю! У меня есть такой человек! – Семка вспомнил про писателя.

– И с той бумагой – к властям. В облисполком. А уж они решат. Откажут, пишите в Москву.. Но раньше в Москву не пишите, дождитесь, пока здесь откажут. Оттуда могут прислать комиссию..

– Она бы людей радовала – стояла!..

– Таков мой совет. А что говорил с нами, про это не пишите. И не говори нигде. Это только испортит дело. Прощай, сын мой. Дай бог удачи.

Семка, когда уходил от митрополита, отметил, что живет митрополит – дай бог! Домина – комнат, наверно, из восьми.. Во дворе «Волга» стоит. Это неприятно удивило Семку. И он решил, что действительно лучше всего иметь дело с родной советской властью. Эти попы темнят чего-то.. И хочется им, и колетса, и мамка не велит.

Но сперва Семка решил сходить к писателю. Нашел его дом.. Писателя дома не было.

– Нет его, – резковато сказала Семке молодая полная женщина и захлопнула дверь. Когда он отделявал здесь «избу XVI века», он что-то не видел этой женщины. Ему страсть как захотелось посмотреть «избу». Он позвонил еще раз.

– Я сама! – услышал он за дверь голос женщины.

И дверь опять открылась..

– Ну? Что еще?

– Знаете, я тут отделявал кабинет Николая Ефимыча.. охота глянуть..

– Боже мой! – негромко воскликнула женщина.

И закрыла дверь.

«По-моему, он дома, – догадался Семка. – И, по-моему, у них идет крупный разговор».

Он немного подождал в надежде, что женщина проговорится в сердцах: «Какой-то идиот, который отделявал твой кабинет», и писатель, может быть, выйдет сам. Писатель не вышел. Наверно, его правда не было.

Семка пошел в облисполком.

К председателю облисполкома он попал сразу и довольно странно. Вошел в приемную, секретарша накинулась на него:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Почему же опаздываете?! То обижаются – не принимают, а то самих не дожدهшься. Где остальные?

– Там, – сказал Семка. – Идут.

– Идут. – Секретарша вошла в кабинет, побыла там короткое время, вышла и сказала сердито: – Проходите.

Семка прошел в кабинет... Председатель пошел ему навстречу – здороваться.

– А шуму-то наделали, шуму-то! – сказал он хоть с улыбкой, но и с укоризной тоже. – Шумим, братцы, шумим? Здравствуйте!

– Я насчет церкви, – сказал Семка, пожимая руку председателя. – Она меня перепутала, ваша помощница. Я один... насчет церкви...

– Какой церкви?

– У нас, не у нас, в Талице, есть церква семнадцатого века. Красавица необыкновенная! Если бы ее отремонтировать, она бы... Не молиться, нет! Она ценная не с религиозной точки. Если бы мне дали трех мужиков, я бы ее до холодов сделал. – Семка торопился, потому что не выносил, когда на него смотрят с недоумением. Он всегда нервничал при этом. – Я говорю, есть в деревне Талица церква, – стал он говорить медленно, но уже раздражаясь. – Ее необходимо отремонтировать, она в запустении. Это – гордость русского народа, а на нее все махнули рукой. А отремонтировать, она будет стоять еще триста лет и радовать глаз и душу.

– Мгм, – сказал председатель. – Сейчас разберемся. – Он нажал кнопку на столе. В дверь заглянула секретарша. – Попросите сюда Завадского. Значит, есть у вас в деревне старая церковь, она показалась вам интересной как архитектурный памятник семнадцатого века. Так?

– Совершенно точно! Главное, не так уж много там и делов-то: перебрать маковки, кое-где поддержать камни, может, растягу вмонтировать – повыше, крестом...

– Сейчас, сейчас... у нас есть товарищ, который как раз этим делом занимается. Вот он.

В кабинет вошел молодой еще мужчина, красивый, с волнистой черной шевелюрой на голове и с ямочкой на подбородке.

– Игорь Александрович, займитесь, пожалуйста, с товарищем – по вашей части.

– Пройдемте, – предложил Игорь Александрович.

Они пошли по длинному коридору. Игорь Александрович впереди. Семка сзади на полшага.

– Я сам не из Талицы, из Чебровки, Талица от нас...

– Сейчас, сейчас, – покивал головой Игорь Александрович, не оборачиваясь. – Сейчас во всем разберемся.

«Здесь, вообще-то, время зря не теряют», – подумал Семка.

Вошли в кабинет... Кабинет победней, чем у председателя, – просто комната, стол, стул, чертежи на стенах, полка с книгами.

– Ну? – сказал Игорь Александрович. И улыбнулся. – Садитесь и спокойно все расскажите.

Семка начал все подробно рассказывать. Пока он рассказывал, Игорь Александрович, слушая его, нашел на книжной полке какую-то папку, полистал, отыскал нужное и, придерживая ладонью, чтобы папка не закрылась, стал заметно проявлять нетерпение. Семка заметил это.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Все? – спросил Игорь Александрович.

– Пока все.

– Ну, слушайте: «Талицкая церковь. Н-ской области. Чебровского района, – стал читать Игорь Александрович. – Так называемая – на крови. Предположительно семидесятые-девяностые годы семнадцатого века. Кто-то из князей Борятинских погиб в Талице от руки недруга...» – Игорь Александрович поднял глаза от бумаги, высказал предположение: – Возможно, передрались пьяные братья или кумовья. Итак, значит, «...погиб от руки недруга, и на том месте поставлена церковь. Архитектор неизвестен. Как памятник архитектуры ценности не представляет, так как ничего нового для своего времени, каких-то неожиданных решений или поиска таковых автор здесь не выказал. Более или менее точная копия владимирских храмов. Останавливают внимание размеры церкви, но и они продиктованы соображениями не архитектурными, а, очевидно, материальными возможностями заказчика. Перестала действовать в тысяча девятьсот двадцать пятом году».

– Вы ее видели? – спросил Семка.

– Видел. Это, – Игорь Александрович показал страничку казенного письма в папке, – ответ на мой запрос. Я тоже, как вы, обманулся...

– А внутри были?

– Был, как же. Даже специалистов наших областных возил...

– Спокойно! – зловеще сказал Семка. – Что сказали специалисты? Про прикладок...

– Вдоль стен? Там, видите, какое дело: Борятинские увлекались захоронениями в своем храме и основательно раздолбали фундамент. Церковь, если вы заметили, слегка покосилась на один бок. Какой-то из поздних потомков их рода прекратил это. Сделали вот такой прикладок... Там, если обратили внимание, – надписи на прикладке – в тех местах, где внизу захоронения.

Семка чувствовал себя обескураженным.

– Но красота-то какая! – попытался он упорствовать.

– Красивая, да. – Игорь Александрович легко поднялся, взял с полки книгу, показал фотографию храма. – Похоже?

– Похоже...

– Это владимирский храм Покрова. Двенадцатый век. Не бывали во Владимире?

– Я что-то не верю... – Семка кивнул на казенную бумагу. – По-моему, они вам втерли очки, эти ваши специалисты. Я буду писать в Москву.

– Так это и есть ответ из Москвы. Я почему обманулся: думал, что она тоже двенадцатого века... Я думал, кто-то самостоятельно – сам по себе, может быть, понаслышке – повторил владимирцев. Но чудес не бывает. Вас что, сельсовет послал?

– Да нет, я сам...

Домой Семен выехал в тот же день. В райгородок прибыл еще засветло и пошел к отцу Герасиму.

Отец Герасим был в церкви на службе. Семка отдал его домашним деньги, какие еще оставались, оставил себе на билет и на бутылку красного, сказал, что долг вышлет по почте... И поехал домой.

С тех пор он про талицкую церковь не заикался, никогда не ходил к ней, а если случалось ехать талицкой дорогой, он у косогора поворачивался спиной к церкви, смотрел на речку, на луга за речкой, курил и молчал. Люди заметили это, и никто не решался заговорить с ним в это время. И зачем он ездил в область, и куда там ходил, тоже не спрашивали. Раз молчит, значит, не хочет говорить об этом, значит – зачем спрашивать?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Чередниченко и цирк

В южный курортный городок приехал цирк.

Плановик Чередниченко отдыхал в том городке, устроился славно, чувствовал себя вольготно, даже слегка обнаглел – делал выговор продавщицам за теплое пиво.

В субботу вечером Чередниченко был в цирке.

На следующий день, в воскресенье, в цирке давали три представления, и Чередниченко ходил на все три.

Он от души смеялся, когда смуглый длинноволосый клоун с нерусской фамилией выкидывал разные штуки, тревожился, когда молодой паренек в красной рубашке гонял по арене, отгороженной от зрителей высокой клеткой, семь страшных львов, стегал их бичом... Но не ради клоуна и не ради львов ухлопал Чередниченко шесть рублей, нет, не ради львов. Его глубоко взволновала девушка, которая открывала программу. Она взбиралась по веревке высоко вверх и там под музыку крутилась, вертелась, кувыркалась... Никогда еще в своей жизни Чередниченко так не волновался, как волновался, наблюдая за гибкой, смелой циркачкой. Он полюбил ее. Чередниченко был холост, хоть разменял уже пятый десяток. То есть он был когда-то женат, но что-то такое не получилось у них с женой – разошлись. Давно это было, но с тех пор Чередниченко стал не то что презирать женщин – стал спокоен и даже несколько насмешлив с ними. Он был человек самолюбивый и честолюбивый, знал, что к пятидесяти годам станет заместителем директора небольшой мебельной фабрики, где теперь работал плановиком. Или, на худой конец, директором совхоза. Он заканчивал сельхозинститут заочно и терпеливо ждал. У него была отличная репутация... Время работало на него. «Буду замдиректора, будет все – и жена в том числе».

В ночь с субботы на воскресенье Чередниченко долго не мог заснуть, курил, ворочался... Забывался в полусне, и мерещилось черт знает что – маски какие-то, звучала медная музыка циркового оркестрика, рычали львы... Чередниченко просыпался, вспоминал циркачку, и сердце болело, ныло, точно циркачка была уже его женой и изменяла ему с вертлявым клоуном.

В воскресенье циркачка доконала плановика. Он узнал у служителя цирка, который не пускал посторонних к артистам и львам, что та циркачка – из Молдавии, зовут Ева, получает сто десять рублей, двадцать шесть лет, не замужем.

С последнего представления Чередниченко ушел, взял в ларьке два стакана красного вина и пошел к Еве. Дал служителю два рубля, тот рассказал, как найти Еву. Чередниченко долго путался под брезентовой крышей в каких-то веревках, ремнях, тросах... Остановил какую-то женщину, та сказала, что Ева ушла домой, а где живет, она не знала. Знала только, что где-то на частной квартире, не в гостинице. Чередниченко дал служителю еще рубль, попросил, чтобы он узнал у администратора адрес Евы. Служитель узнал адрес. Чередниченко выпил еще стакан вина и пошел к Еве на квартиру.

– Адам пошел к Еве, – пошутил с собой Чередниченко. Он был человек не очень решительный, знал это и сознательно подгонял себя куда-то в гору, в гору, на улицу Жданова – так, ему сказали, надо идти.

Ева устала в тот день, готовилась ко сну.

– Здравствуйте! – приветствовал ее Чередниченко, ставя на стол бутылку «Кокура». Он за дорогу накрутил себе хвоста – заявился смелый и решительный. – Чередниченко Николай Петрович. Плановик. А вас зовут Ева. Правильно?

Ева была немало удивлена. Обычно поклонники ее не баловали. Из всей их труппы поклонники осаждали троих-четверых: смуглого клоуна, наездницу и – реже – сестер Геликановых, силовых акробатов.

– Я не помешал?

– Вообще-то я спать готовлюсь... Устала сегодня.

– Да, сегодня у вас денек... Скажите, а вот этот оркестр ваш, он не мешает вам?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Нет.

– Я бы все-таки несколько поубавил его: на нервы действует. Очень громко.

– Нам ничего... Привыкли.

Чередниченко отметил, что вблизи циркачка не такая уж красавица, и это придало ему храбрости. Он серьезно задумал отвезти циркачку к себе домой, жениться... Что она была циркачкой, они скроют, никто знать не будет.

– Вы не позволите предложить вам?.. – Чередниченко взялся за бутылку.

– Нет-нет, – твердо сказала Ева. – Не пью.

– Совсем?

– Совсем.

– Нисколько-нисколько?

– Нисколько.

Чередниченко оставил бутылку в покое.

– Проба пера, – к чему-то сказал он. – Я сам выпиваю очень умеренно. У меня есть сосед, инженер-конструктор... Допивается до того, что опохмелиться утром рубля нет. Идет чуть свет в одних тапочках, стучит в ворота. У меня отдельный дом из четырех комнат, ну, калитку, естественно, на ночь закрываю на замок. «Николай Петрович, дай рубль». – «Василий, говорю, Мартыныч, дорогой, не рубля жалко – тебя жалко. Ведь на тебя смотреть тяжело – с высшим образованием человек, талантливый инженер, говорят... До чего ты себя доведешь!»

– Но рубль-то даете?

– А куда денешься? Он, вообще-то, всегда отдает. Но действительно, не денег этих жалко, я достаточно зарабатываю, у меня оклад сто шестьдесят рублей да премиальные... вообще, находим способы. Не в рубле дело, естественно. Просто тяжело глядеть на человека. В чем есть, в том и в магазин идет... люди смотрят... У меня у самого скоро высшее образование будет – это же должно как-то обязывать, так я понимаю. У вас высшее?

– Училище.

– Мгм. – Чередниченко не понял – высшее это или не высшее. Впрочем, ему было все равно. По мере того как он излагал сведения о себе, он все больше убеждался, что тут не надо долго трясти кудрями – надо переходить к делу. – А родители у вас есть?

– Есть. Зачем вам все это?

– Может быть, все-таки пригубите? С наперсток?.. М-м? А то мне неловко одному.

– Наливайте – с наперсток.

Выпили. Чередниченко выпил полстаканчика. «Не перебрать бы», – подумал.

– Видите ли, в чем дело, Ева... Ева?..

– Игнатъевна.

– Ева Игнатъевна. – Чередниченко встал и начал ходить по крошечной комнатке – шаг к окну, два шага к двери и обратно. – Сколько вы получаете?

– Мне хватает.

– Допустим. Но в один прекрасный... простите, как раз наоборот, – в один какой-нибудь трагичный день вы упадете оттуда и разобьетесь...

– Слушайте, вы...

– Нет, послушайте вы, голубушка, я все это прекрасно видел и знаю, чем все это кончится – эти аплодисменты, цветы... – Ужасно понравилось Чередниченко вот так вот ходить по комнатке и спокойно, убедительно доказывать: нет, голубушка, ты еще не знаешь жизни. А мы ее, матушку, как-нибудь изучили – со всех сторон. Вот кого ему не хватало в жизни – такой вот Евы! – Кому вы потом будете нужна? Ни-ко-му.

– Зачем вы пришли? И кто вам дал адрес?

– Ева Игнатъевна, я буду с вами напрямик – такой характер. Я человек одинокий, положение в обществе занимаю хорошее, оклад, я вам уже сказал, до двухсот в целом. Вы тоже одиноки... Я второй день наблюдаю за вами – вам надо уходить из цирка. Знаете, сколько вы будете получать по инвалидности? Могу прикинуть...

– Вы что? – спросила Ева Игнатъевна.

– У меня большой дом из лиственницы... Но я в нем один. Нужна хозяйка... То есть нужен друг, нужно кому-то согреть этот дом. Я хочу, чтобы в этом доме зазвенели детские голоса, чтобы в нем поселился мир и покой. У меня четыре с половиной тыщи на книжке, сад, огород... Правда, небольшой, но есть где отвести душу, покопаться для отдыха. Я сам из деревни, люблю в земле копаться. Я понимаю, что говорю несколько в резонанс с вашим искусством, но, Ева Игнатъевна... поверьте мне: это же не жизнь, как вы живете. Сегодня здесь, завтра там... ютитесь вот в таких комнатках, питаетесь тоже... где всухомятку, где на ходу. А годы идут...

– Вы что, сватаете меня, что ли? – никак не могла понять циркачка.

– Да, я предлагаю вам поехать со мной.

Ева Игнатъевна засмеялась.

– Хорошо! – воскликнул Чередниченко. – Не надо мне верить на слово. Хорошо. Возьмите на неделю отпуск за свой счет, поедете со мной – посмотрите. Посмотрите, поговорите с соседями, сходите на работу... Если я хоть в чем-нибудь обманул вас, я беру свои слова назад. Расходы – туда и обратно – беру на себя. Согласны?

Ева Игнатъевна долго, весело смотрела на Чередниченко. Тот открыто, тоже весело, даже игриво принял ее взгляд... Ему нравилось, как он действует: деловито, обстоятельно и честно.

– Мне – сорок второй год, забыл вам сказать. Кончаю сельхозинститут заочно. Родни мало осталось, никто докучать не будет. Подумайте, Ева. Я не с бухты-барухты явился к вам... Не умею я говорить красивые слова, но жить будем душа в душу. Я уже не мальчишка, мне теперь – спокойно трудиться и воспитывать детей. Обещаю окружить вас заботой и вниманием. Ведь надоела вам эта бездомная жизнь, эта багема...

– Богема.

– А?

– Бо-ге-ма. Через «о».

– Ну, какая разница? Суть-то одна. Разная, так сказать, по форме, но одинаковая по содержанию. Мне хочется уберечь вас от такой жизни, хочется помочь... начать жизнь морально и физически здоровую. – Чередниченко сам проникался к себе уважением – за высокое, хоть негромкое благородство, за честность, за трезвый, умный взгляд на жизнь свою и чужую. Он чувствовал себя свободно. – Допустим, что вы нашли себе какого-нибудь клоуна – помоложе, возможно, поинтересней... Что дальше? Вот так вот кочевать из города в город? О детях уже говорить не приходится! Им что!.. – Чередниченко имел в виду зрителей. – Посмеялись и разошлись по домам – к своим очагам. Они все кому-то нужны, вы – снова в такую вот, извините, дыру – никому вы больше не нужны. Устали вы греться у чужого огня! (Эту фразу он заготовил заранее.) Я цитирую. И если вы ищете сердце,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru которое бы согрело вас, – вот оно. – Чередниченко прижал левую руку к груди. Он чуть не заплакал от нахлынувших чувств и от «кокура». Долго было бы рассказывать, какие это были чувства.. Было умиление, было чувство превосходства и озабоченности сильного, герой, и жертва, и учитель жили в эти минуты в одном Чередниченко. Каким-то особым высшим чутьем угадал он, что больше так нельзя, дальше будет хуже или то же самое.. Надо уходить. – Не буду больше утомлять вас – ухожу. Ночь вам на размышления. Завтра вы оставите записку вашему служителю.. такой, с бородавкой, в шляпе..

– Знаю.

– Вот, оставьте ему записку – где мы встретимся.

– Хорошо, оставлю.

Чередниченко пожал крепкую ладонь циркачки, улыбнулся, ласково и ободряюще тронул ее за плечо.

– Спокойной.. простите, наоборот, – беспокойной ночки.

Циркачка тоже улыбалась.

– До свиданья.

«Не красавица, но очень, очень миловидная, – подумал Чередниченко. – Эти усики на губе, черт их возьми!.. Пушочек такой.. – в этом что-то есть. Говорят – «темпераментные».

Чередниченко вышел на улицу, долго шел какими-то полутемными переулками – наугад. Усмехался, довольный.

«Лихо работаешь, мужик, – думал о себе. – Раз-два, и в дамки».

Потом, когда вышел на освещенную улицу, когда вдосталь налюбовался собой, своей решительностью (она просто изумила его сегодня, эта решительность), он вдруг ни с того ни с сего подумал: «Да, но как-то все ужасно легко получилось. Как-то уж очень.. Черт ее знает, конечно, но не окажется бы в дурацком положении. Может, она у них на самом плохом счету, может, ее.. это.. того.. Не узнал ничего, полетел сватать. Хоть бы узнал сперва!» С одной стороны, его обрадовало, что он с таким блеском сработал, с другой.. очень вдруг обеспокоила легкость, с какой завоевалось сердце женщины. То обстоятельство, что он, оказывается, умеет действовать, если потребуется, навело его на мысль: а не лучше ли с такой-то напористостью развернуться у себя дома? Ведь есть же и там женщины.. не циркачки. Есть одна учительница, вдова, красавица, степенная, на хорошем счету. Почему, спрашивается, так же вот не прийти к ней вечером и не выложить все напрямик, как сегодня? Ведь думал он об этой учительнице, думал, но страшился. А чего страшился? Чего страшился-то?

«Так-так-так.. – Чередниченко прошел вдоль приморской улицы до конца, до порта, повернул назад. Хуже нет, когда в душу вкралось сомнение! Тем-то, видно, и отличаются истинно сильные люди: они не знают сомнений. Чередниченко грызло сомнение. – Скрыть, что она циркачка, конечно, можно, только.. А характер-то куда девашь? Его же не скроешь. Замашки-то циркаческие, они же останутся. Ведь он у нее уже сложился, характер, – совершенно определенный, далекий от семейных забот, от материнства, от уюта. Ну, обману я людей, скажу, что она была, допустим, администраторша в гостинице.. Но себя-то я не обману! На кой черт себя-то обманывать?! Ведь она, эта преподобная Ева, столько, наверно, видела-перевидела этих Адамов, сколько я в уме не перебрал баб за всю жизнь. Она, наверно, давала жизни.. с этим своим пушком на губе. – Уже теперь не сомнение, а раскаяние и злость терзали Чередниченко. Он ходил вдоль приморской улицы, сжав кулаки в карманах пиджака, долго ходил, не глазел на встречных женщин, весь ушел в думы. – Так, так, так.. Значит, обрадовался – сразу покори! А она, наверно, сейчас богу молится: нашелся один дурак, замуж взять хочет. А то – будь она на хорошем-то счету – не нашелся бы никто до двадцати шести лет! Эка!.. Вывез Николай Петрович царевну из-за синих морей, елки зеленые! Все с ней: «поматросил да бросил», а один долдон в жены себе определил. А потом выяснится, что она рожать не может. Или хуже: переспит с кем-нибудь, забеременит, а скажет – от меня. И нечего ее винить, у нее это как алкоголизм: потребность

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru выработалась – обновлять ощущения. А начни потом разводиться, она потребует полдома... Или доказывай потом судьям, что я ее... с канатов снял. Можно сказать, разгреб кучу малу и извлек из-под самого низа... сильно помятую драгоценность. – Опять вспомнилась Чередниченко вдовая учительница в их городке... И он чуть не взялся за голову: каких глупостей мог наворотить! – Ведь вывез бы я эту Еву домой, вывез, она бы мне там устроила парочку концерто, и тогда – завязывай глаза от стыда и беги на край света. Насмешил бы я городок, ай, насмешил! Да приехай ты домой, дурак ты фаршированный, возьми такую же бутылочку винца или лучше коньяку, хороших конфет – и иди к учительнице. Поговори обстоятельно, тем более она тебя знает, что ты не трепач какой-нибудь, не забулдыга, а на хорошем счету... Поговори с человеком. Ведь умеешь! Ведь скоро диплом в карман положишь – чего же ждатель-то? Страдатель, елки зеленые!»

Опять долго не мог заснуть Чередниченко – думал о вдовой учительнице. Мысленно жил уже семейной жизнью... Приходил с работы, говорил весело: «Мать – порубать!» Так всегда говорил главный инженер мебельной фабрики, получалось смешно. Ездил на маевку с женой-учительницей, фотографировал ее... Воровато, в кустах, выпивал с сослуживцами «стременную», пели в автобусе «Ревела буря, гром гремел...». Думал о детях – как они там с бабкой? Но он-то еще ничего, базланил с мужиками про Ермака, а вот жена-учительница, он видел краем глаза, уже вся давно дома – с детьми, ей уже не до веселья – скорей домой! Да нет, черт побери, можно устроить славную жизнь! Славнецкую жизнь можно устроить.

Он так усладился воображением, что и циркачку вспомнил как далекий неприятный грех. Попробовал посадить на маевке вместо жены-учительницы жену-циркачку... Нет, циркачка там никак не на месте. Чужая она там. Начнет глазами стрелять туда-сюда... Нет!

«Как же быть завтра? Не ходить совсем к цирку? Неудобно. Явился, наговорил сорок бочек и – нету. Нет, схожу увижусь... Скажу, что срочно отзывают на работу, телеграмму получил. Уеду – спишемся, мол. И все. И постараться не попасть ей на глаза в эти дни на улице. Они скоро уедут».

С тем и заснул Чередниченко. И крепко спал до утра. Во сне ничего не видел.

На другой день Чередниченко загорал на пляже... Потом, когда представление в цирке началось, пошел к цирку.

Служитель встретил Чередниченко, как родного брата.

– Вам письмишко! – воскликнул он, улыбаясь шире своей шляпы. И погрозил пальцем: – Только наших не оби-жа-ать.

Наверно, еще хотел получить трешку.

«Фигу тебе, – подумал Чередниченко. – Жирный будешь. И так харя-то треснет скоро».

Письмецо было положено в конверт, конверт заклеен. Чередниченко не спеша прошел к скамеечке, сел, закурил...

Под брезентовым куполом взвизгивала отвратительная музыка, временами слышался дружный смех: наверно, длинноволосый выкомаривает.

Чередниченко, облокотившись на спинку скамьи, немного посвистел... Конверт держал кончиками пальцев и слегка помахивал им. Поглядеть со стороны, можно подумать, что он, по крайней мере, раза три в неделю получает подобные конверты, и они ему даже надоели. Нет, Чередниченко волновался. Немного. Там где-то, внутри, дрожало. Неловко все-таки. Если, положим, ему пришла такая блажь в голову – идти сватать женщину, то при чем здесь сама эта женщина, что должна будет, почти согласившись, остаться с носом?

Чередниченко вскрыл конверт.

На листке бумаги было написано немного... Чередниченко прочитал. Оглянулся на цирк... Еще раз прочитал. И сказал вслух, негромко, с облегчением:

– Ну вот и хорошо.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

На листке было написано:

«Николай Петрович, в сорок лет пора быть умнее. Ева».

И ниже другим почерком – помельче, торопливо:

«А орангутанги в Турции есть?»

Чередниченко еще раз прочитал вторую фразу, засмеялся.

– Хохмач. – Он почему-то решил, что это написал клоун. – Ну, хохмач!..

Чередниченко встал и пошел по улице – в сторону моря. Мысленно отвечал Еве:

«Умнее, говоришь? Да как-нибудь постараемся, как-нибудь уж будем стремиться, Игнатий Евович. Все мы хотим быть умными, только находит порой такая вот... Как говорят, и на старуху бывает проруха. Вот она проруха и вышла. Советуешь, значит, быть умнее Николаю Петровичу? Ах, дорогуша ты моя усатая!.. Хотя, конечно, ты же по веревке умеешь лазить, кому же и советовать, как не тебе – «мне сверху видно все»! Ты лучше посоветуй длинноволосому, чтоб он с другой какой-нибудь не ушлепал сегодня. А то ушлепает, будешь одна куковать вечер. А тебе вечер просидеть одной никак нельзя. Как же! Жизнь-то дается один раз, тело пока еще гнется, не состарилось. Как же вам можно вечер дома посидеть! Нет, это никак невозможно. Вам надо каждый день урывать – «ловите миг удачи»! Ловите, ловите... Черти крашенные».

Чередниченко опустил конверт в мусорную урну, вышел на набережную, выпил в ларьке стаканчик сухого вина, сел на лавочку, закурил, положил ногу на ногу и стал смотреть на огромный пароход «Россия». Рядом с ним негромко говорили парень с девушкой.

– Куда-нибудь бы поплыть... Далеко-далеко! Да?

– На таком, наверно, и не чувствуешь, что плывешь. Хотя в открытом море...

«Давайте, давайте – плывите, – машинально подхватил их слова Чередниченко, продолжая спокойно разглядывать пароход. – Плывите!.. Молокососы».

Ему было очень хорошо на скамеечке, удобно. Стаканчик «сухаря» приятно согрел грудь. Чередниченко стал тихонько, себе под нос, насвистывать «Амурские волны».

Танцующий Шива

В чайной произошла драка.

Дело было так: плотники, семь человек, получили аванс (рубил сельмаг) и после работы пошли в чайную, как они говорят, – посидеть. Взяли семь бутылок портвейна (водки в чайной не было), семь котлет, сдвинули два столика, сели и стали помаленьку пропускать и кушать котлеты. Пропустили рюмочки по три, заговорили о том, что все-таки их хотят надуть с этим прилавком. Дело в том, что когда они рядились в цене, то упустили из виду прилавков: надо его делать плотникам или это уже столярная работа? Упустили-то сельповские, заказчики, а плотники тогда промолчали (бригадир у них в этом деле дока). Теперь выяснилось, что сельповские хотят, чтобы плотники сделали и прилавок тоже, они, оказывается, имели это в виду, что это само собой разумеется и так далее, и тому подобное. Но в договоре этот пункт не помечен, и плотники встали «на дыбошки»: прилавков – не наше дело! То есть они могут, конечно, его сделать, но за это – отдельная плата.

– Я им справочник покажу, – с явной угрозой говорил бригадир, сухой мужик, весь черный от солнца. – Я их носом ткну, где написано черным по белому: какие работы плотницкие, а какие столярные. Они же ни бум-бум в этом.

Все были согласны с бригадиром. Более того, все были возмущены, а иные, вроде Кольки Забалуева, даже оскорблялись и грустно, горько вздыхали. Они забыли один свой веселый разговор, когда они, семеро, сидя тут же, в чайной, толковали...

Но это – потом. Сейчас они говорили:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– А если бы, значит, так: им бы зачесалось теперь сделать какой-нибудь фигурный прилавок?

- Да любой прилавок! Это же особая работа...
- До чего ушлый народ пошел! Эдак они нас заставят и рамы вязать!
- Наше дело теперь: настелить пол, окосячить, навесить двери – и все, точка.
- Я те так скажу... Ты слушай сюда! Слушай сюда!
- Еще, что ли, по одной?
- Давайте.

Скинулись, взяли еще семь бутылок.

- Я те так скажу... Ты слушай сюда! Слушай сюда!
- Ну? Ну? Ну?
- Да не «ну» – слушай! Я рубил баню Дарье Кузовниковой...
- При чем тут Дарья? То – частное лицо, а то – организация: сравнил...
- Я те к примеру! Ты слушай сюда!..
- Долбо...
- Мужики, перестаньте лаяться! – крикнула буфетчица. – А то выставлю сейчас всех!.. Распустили языки-то.
- Ты слушай сюда!
- Ну!
- Гну! Если бы не женщина тут, я б те сказал...

В общем, беседа приняла оживленный характер: сельповским здорово перепадало – за наглость и вероломство.

Тут в чайную пришел Аркашка Кебин, по прозвищу Танцующий Шива.

Давно его так прозвали, в школе еще. Он тоже взял себе «портвяшку», котлету (поругался с женой и в знак протеста не стал дома ужинать), сел за столик по соседству с плотниками, прислушался к их разговору... И сказал громко:

– Хмыри!

Плотники замолчали. Посмотрели на Аркашку.

– Трепачи, – еще сказал Аркашка. Он потому и Шива, что везде сует свой нос. – Проходимцы.

Плотники сперва не поняли, что это к ним относится. Невероятно! Даже с Аркашкиным языком и то – на семерых подвыпивших так говорить... Что он, сдурел, что ли?

– Это я вам, вам, – сказал Аркашка. – Бедненькие – обманули их. Вас обманешь! Тот еще не родился, кто вас обманет. Прохиндеи.

У одного здоровенного плотника, Ваньки Селезнева, даже рот приоткрылся.

– Недоумеваете, почему прохиндеями назвал? Поясняю: полтора месяца назад вы, семеро хмырей, сидели тут же и радовались, что объегорили сельповских с договором: не вставили туда пункт о прилавке. Теперь вы сидите и проливаете крокодиловы слезы – вроде вас обманули. Нет, это вы обманули!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да? – спросил бригадир. И это «да» было – растерянность, никак не угроза. Беспомощность.

– Да, да. – Аркашка отдалвил бочком вилки кусочек котлетки, подцепил его, обмакнул в соус и отправил в рот – очень все аккуратно, культурно, даже мизинчик оттопырил. Потом (так любят делать артисты, изображающие в кино господ и надменных чиновников), не прожевав, продолжал говорить: – Я слышал это собственными ушами, поэтому не показывайте мне детское удивление на лице, а имейте мужество выслушать горькую правду. Мне, допустим, это все равно, но где же правда, товарищи?! – Аркашка упивался, наслаждался, точно в июльскую жару погрузился по горло в прохладную воду, и млел, и чуть шевелил пальцами ног. Великая сила – правда: зная ее, можно быть спокойным. Аркашка был спокоен. Он судил прохиндеев. – Стыдно, товарищи. И, главное, сами сидят возмущаются! Видели таких проходимцев? Ну, ладно, задумали обмануть сельповских, но зачем вот так вот сидеть и разводить нюни, что вас хотят обмануть? – Аркашка искренне заинтересовался, хотел понять. – Ведь вы на этом же самом месте похохатывали... – Но тут Аркашка увидел, что Ванька Селезнев показывает вовсе не детское удивление на лице, а берется за бутылку. Аркашка вскочил с места, потому что хорошо знал этого губошлепа – ломанет. – Ванька!.. Поставь бутылку на место, поставь, Ванюша. Я же вас на понт беру! Велите ему поставить бутылку!

Плотники обрели дар речи.

– А ты чего это заволновался-то, Шива? Ванька, поставь бутылку.

– Иди к нам, Аркашка.

– Правда, чего ты там один сидишь? Иди к нам.

– Пусть он поставит бутылку.

– Он поставил. Поставь, Иван. Иди, Аркашка.

Аркашка, прихватив свою недопитую бутылку, пересел к плотникам и только было хотел набулькать себе полстаканка и уже оттопырил мизинчик, как Ванька протянул через стол свою мощную грабастую лапу и поймал Аркашку за грудки.

– А-а, Шива!.. На понт берешь, да? Счас ты у меня станцуешь. Танцуй!

Аркашка поборолся немного с рукой, но рука... это не рука, а березовый сук с пальцами.

– Брось... – с трудом проговорил Аркашка.

– Танцуй!

– Отпусти, дурной!..

– Будешь танцевать?

Тут плотники принялись рассказывать нездешнему бригадиру, как здорово Аркашка танцует. Ногами что выделяет!.. Руками. А то – сам стоит, а голова танцует...

– Голова?

– Голова! Сам неподвижный, а голова ходуном ходит.

А Ванька все держал Аркашку за грудки, довольный, что надоумил товарищей с танцем.

– Будешь танцевать?

Чудовищные пальцы сжались ту же.

– Буду... Отпусти!

Ванька отпустил.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Гад такой. Обрадовался – здоровый? – Аркашка потер шею. – Распустил грабли-то...
Попроси по-человечески – станцюю, обязательно надо руки свои поганые таращить!

– Не обижайся, Аркашка. Станцуй вот для человека – он никогда не видел. Ванька больше не будет.

– Станцуй, будь другом!

Аркашке набухали стакан из своих бутылок.

– Ванька больше не будет. Не будешь, Иван?

– Пусть танцует.

Аркашка оглушил стакан.

– Зараза, – сказал он с дрожью в голосе. – Еще руки распускает... Для всех станцюю, а ты – отвернись!

Ванька опять было потянулся к Аркашке, но ему не дали.

– Станцуй, Аркашка. Ванька, отвернись, – Ваньке подмигнули. – Отвернись, кому сказано! Чего ты, в самом деле, руки-то распускаешь?

– Нашелся мне, понимаешь... – Аркашка открыто и зло посмотрел на Ваньку. – Губошлеп. Три извилины в мозгу, и все параллельные.

– Ладно, Аркашка, станцуй.

– Отвернись! – прикрикнул Аркашка на Ваньку.

Ванька сделал вид, что отвернулся.

Аркашка внимательно, чуть ли не торжественно оглядел всех, встал...

Как он танцует, Шива, – это надо смотреть.

Это не танец, где живет одна только плотская радость, унаследованная от прыжков и сексуального хвастовства тупых и беззаботных древних, у Аркашки – это свободная форма свободного существования в нашем деловом веке. Только так, больше слабый Аркашка не мог никак.

– Как Ванька Селезнев дергает задом гвозди! – объявил Аркашка.

Это – название танца; Аркашка разрешил:

– Ванька, гляди! Можно глядеть! – И начал.

Дал знак воображаемым музыкантам, легкой касательной походкой сделал ритуальный скок... И опробовал половицу покрепче – надежно. Выдал красивое, загогулистое колено, еще, еще – это он показал, что как все-то пляшут – он так умеет. Он умел еще иначе. Он посмотрел на Ваньку... Сделал ему гримасу, показал его, заинтересованного губошлепа... Потом потянулся, сонно зачмокал губами – Ванька проснулся утром.

Плотники засмеялись.

Аркашка проковылял к стене, похрюкал, похрюкал, пригладил ладонями патлы – Ванька умылся. Потом Ванька стал жрать – жадно, много, безобразно... Отвалился от стола, стал икать...

Плотники опять засмеялись.

– Сука, – прошептал серьезный Ванька.

Потом Аркашка дал козла и опять выработал сложное колено – конец утра. И вот Ванька на работе. Раз ударит по гвоздю, минуту смотрит на небо, чешется... Нашел даже вшу под рубахой, убил.

полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Падла, – сказал Ванька. – У меня сроду вшей не было. Даже в войну...

– Тихо, – попросили его.

– А чего он выдумывает!

– Тихо!

Потом Ванька загнал гвоздь криво, долго искал гвоздодер, гвоздодера у такого работника, конечно, нет. Тогда Ванька сел на гвоздь, напрягся так, что лицо перекопилось...

Плотники хохотали.

Ванька хотел было встать, ему не дали.

Аркашка мучился на полу...

Вот Ванька раскачал гвоздь, рывком встал... Взял гвоздь и забил правильно.

Плотники лежали на столах, мычали, вытирали слезы. И все, кто был в чайной, хохотали, даже строгая продавщица. Не смеялись только двое – Аркашка и Ванька. Ванька свирепо смотрел на артиста, знал: теперь полгода будут помнить, как «Ванька дергал гвозди». Знал также, что отлупить Аркашку сейчас не дадут.

В завершение Аркашка опять сделал красивый круг, пощелкал чечеткой и сел к плотникам. Его хлопали по спине, налили стакан вина... Аркашка был доволен, посмотрел на Ваньку. Подмигнул ему. И почему-то именно это – что Аркашка подмигнул – доконало Ваньку. Он опять сгреб за грудки левой рукой, а правой хотел звездануть, размахнулся, но руку остановили. Ванька поднялся на всех.

– Он, сука, видел, как я работаю?! Он критикует!.. Он видел?

– Што ты, што ты – шуток не понимаешь. Уймись!

– Вам шутки, а мне в глаза будут тыкать. Пусти!..

Ванька закусил удила. Швырнул одного, другого... Все повскакали.

Аркашка на всякий случай отбежал к двери.

– Хаханьки строить? – орал Ванька и еще одному завесил такую, что плотник отлетел к стене.

Аркашка сверкающими глазами смотрел на все.

– Так их, Ванька! Так их!.. – вскрикивал он. Его не слышали.

Ванька рычал и ворочался, его не могли одолеть. Падали стулья, столы, тарелки, бутылки...

– Зовите милицию! – заблажила буфетчица. – Они же побьют здесь все!..

– Не надо! – крикнул Аркашка. – Не надо милицию!

– Ша! – сказал вдруг нездешний бригадир. – Ша, пацаны... я валю этого бычка.

Бригадира услышали.

– Кто, ты? – удивился Ванька. – Ты?

– Отошли, пацаны, отошли... Я его делаю. – Бригадир стал подходить к Ваньке. Ванька изготовился.

– Иди, падла... Иди.

– Иду, Ваня, иду.

– Иди, иди.

– Иду. – Бригадир шел на Ваньку медленно, спокойно. Никто не понимал, что такое сейчас произойдет.

– Боксер, да? Иди, я те по-русски закатаю..

– Та какой я боксер! – Бригадир остановился перед Ванькой. – Що ты!..

– Ну? – спросил Ванька.

– От так – раз! – Бригадир вдруг резко ткнул Ваньке кулаком в живот.

Ванька ойкнул и схватился за живот, склонился. А когда он склонился, бригадир быстро, сильно дал ему согнутым коленом снизу в челюсть.

– Два.

Ванька зажмурился от боли.. Упал, скрючился. Из рта по нижней губе пробился тоненький следок крови.. Капало с подбородка на застиранную Ванькину рубаху. Мерзкое искусство бригадира ошеломило всех: так в деревне не дрались. Дрались хуже – страшней, но так подло – нет.

Аркашка взял венский стул, подошел к бригадиру и заорал:

– Счас как дам по башке! Гад такой!

– Выходите к чертовой матери! Все! Вон! – Буфетчица, воспользовавшись затишьем, выбежала из-за прилавка и выталкивала плотников на улицу. – Выходите к чертовой матери! Вон на улицу – там и деритесь!

Один из плотников взял у Аркашки стул, поставил на место, а бригадиру сказал:

– Пошли, а то тут шум.

Аркашка склонился к Ивану, вытер кровь с его подбородка.

– М-м, – простонал Ванька.

– Ничего, Иван... ему счас дадут. Больно?

Ванька потрогал пальцем челюсть, покачал ее, сплюнул клейкую сукровицу. Сел.

– Бубы...

– А?

– Бубы...

– Зубы разбил? От гад-то! Счас ему там дадут. Мужики пошли с им... Встать можешь?

Ванька с трудом поднялся, сел на стул.

– Вина взять?

– М-м, – кивнул Ванька, – взять.

Аркашка подошел к прилавку.

– Здорово он его? – спросила буфетчица, наливая вино.

– Ничего, ему счас тоже дадут.

– А все ты разжег!.. Шива чертов. Вечно из-за тебя одни скандалы.

– Помолчи, – посоветовал Аркашка. – Возьми вон конфетку шоколадную и соси.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Шива и есть. Выметайтесь отсюда! Чтоб духу вашего тут не было!..

Аркашка взял вино и пошел к Ивану.

– На, выпей.

– Чего она? – спросил Иван.

– Ругается. Не обращай внимания. Пей – легче будет.

Бессовестные

Старик Глухов в шестьдесят восемь лет овдовел. Схоронил старуху, справил поминки... Плакал. Говорил:

– Как же я теперь буду-то? Один-то?

Говорил – как всегда говорят овдовевшие старики. Ему правда было горько, очень горько, но все-таки он не думал о том, «как он теперь будет». Горько было, больно, и все. Вперед не глядел.

Но прошло время, год прошел, и старику и впрямь стало невмоготу. Не то что он затосковал... А, пожалуй, затосковал. Дико стало одному в большом доме. У него был сын, младший (старших побил на войне), но он жил в городе, сын, наезжал изредка – картошки взять, капусты соленой, огурцов, медку для ребятишек (старик держал шесть ульев), сальца домашнего. Но наезды эти не радовали старика, раздражали. Не жалко было ни сальца, ни меда, ни огурцов... Нет. Жалко, и грустно, и обидно, что родной сын – вроде уж и не сын, а так – пришей-пристебай. Он давал сыну сальца, капусты... Выбирал получше. Молчал, скрепив сердце, не жаловался. Ну, пожалуись он, скажи: плохо, мол, мне, Ванька, душа чего-то... А чего он, Ванька? Чем поможет? Ну, повздыхают вместе, разопьют бутылочку, и он уедет с чемоданом в свой город-городок, к семье. Такое дело.

И надумал старик жениться. Да. И невесту присмотрел.

Было это 9 Мая, в День Победы. Как всегда, в этот день собралось все село на кладбище – помянуть погибших на войне. Сельсоветский стоял на табуретке со списком, зачитывал:

– Гребцов Николай Митрофанович.

Гуляев Илья Васильевич.

Глухов Василий Емельянович.

Глухов Степан Емельянович.

Глухов Павел Емельянович...

Эти три – сыны старика Глухова. Всегда у старика, когда зачитывали его сынов, горе жесткими сильными пальцами сдавливало горло, дышать было трудно. Он смотрел в землю, не плакал, но ничего не видел. И долго стоял так. А сельсоветский все читал и читал:

– Опарин Семен Сергеевич.

Попов Иван Сергеевич.

Попов Михаил Сергеевич.

Попов Василий Иванович...

Тихо плакали на кладбище. Именно – тихо, в уголки полушалков, в ладони, вздыхали осторожно, точно боялись люди, что нарушат и оскорбят тишину, какая нужна в эту минуту. У старика немного отпускала, и он смотрел вокруг. И каждый раз одинаково думал: «Сколько народу загублено!»

И тут-то он приметил в толпе старуху Отавину. Она была нездешняя, хоть жила здесь давно, Глухов ее знал. У старухи Отавиной никого не было в этом скорбном

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru списке, но она со всеми вместе тихо плакала и крестилась. Глухов уважал набожных людей. За то уважал, что их преследуют, подсмеиваются над ними... За их терпение и неколебимость. За честность. Он присмотрелся к Отавиной... Горбоносая, джужа еще старушка, может легко с огородом управиться, баню истопить, квашню замесить и хлеб выпечь. Старик не мог есть «казенный» хлеб – из магазина. И вдруг подумал старик: «Тоже ведь одна мается... А?»

Пришел домой, выпил за сынов убиенных... И стал вплотную думать: «Продала бы она свою избенку, перешла бы ко мне жить. А деньги за избу пусть на книжку себе положит. И пусть живет, все не так пусто будет в доме. Хотя в баню по-человечески сходить, полежать после баньки беззаботно... На стол – есть кому поставить, есть кому позвать: «Садись, Емельян». Жилым духом запахнет в доме! Совсем же другое дело, когда в кути, у печки, кто-нибудь громыхает ухватом и пахнет опарой. Или ночью, когда не спится, можно потихоньку поговорить... Можно матернуть бригадира колхозного, например. Она, правда, набожная, Отавиной-то, но можно же другие слова найти, не обязательно материться. У самого дело к концу идет, к могиле, – хватит, наматерился за жизнь. Да нет, если бы она пришла, было бы хорошо. Как ты ни поворачивайся, а хозяйка есть хозяйка». Так думал старик. Даже взволновался.

И вот выбрал он воскресный день, пошел к Ольге Сергеевне Малышевой, тоже уже старушке, но помоложе Отавиной, побашковитей. Эту Ольгу Сергеевну старик Глухов когда-то тайно очень любил. Тогда он был не старик, а молодой парень и любил красивую, горластую Ольгу. Помышлял слать к Малышевым сватов, но началась революция. Объявился на селе некий молодец-комиссар, быстро окрутил сознательную Ольгу, куда-то увез. Увезти увез, а сам где-то сгинул. Где-нибудь с головой увяз в кровавой тогдашней мешанине. А Ольга Сергеевна вернулась домой и с тех пор жила одна. Как-то, тоже по молодости, но уже будучи женатым, Емельян Глухов заперся к Ольге Сергеевне в сельсовет (она работала секретарем в сельсовете) и открыл ей свое сердце. Ольга Сергеевна рассердилась, заплакала и сказала, что после своего орла-комиссара она никогда в жизни никого к себе близко не подпустит. Глухов попытался объяснить, что он – без всяких худых мыслей, а просто сказать, что вот – любил ее (он был выпивши). Любил. Что тут такого? Ольга Сергеевна пуще того обиделась и опять стала говорить, что все мужики не стоят мизинца ее незабвенного комиссара. И так она всех напугала этим своим комиссаром, что к ней и другие боялись подступиться. Но прошло много-много лет, все забылось, все ушло, давно шумела другая жизнь, кричала на земле другая – не ихняя – любовь... И старик Глухов и пенсионерка Ольга Сергеевна странным образом подружились. Старик помогал одинокой по хозяйству: снег зимой придет разгребет, дровишек наколет, метлу на черенок насадит, крышу на избе залатает... Посидят, побеседуют. Малышева поставит четвертинку на стол... Глухов все побаивался ее и неумеренно хвалил советскую власть.

– Ведь вот какая... аккуратная власть! Раньше как: дожил старик до глубокой старости – никому не нужен. А теперь – пенсия. За што мне, спрашивается, каждый месяц по двадцать рублей отваливают? Мне родной сын пятерку приедет сунет, и то ладно, а то и забудет. А власть – легулярно – получи. Вот они, комиссары-то, тогда... они понимали. Они жизни свои клали – за светлое будущее. Я советую, Ольга Сергеевна, стать и почтить ихнюю память.

Ольга Сергеевна недовольно говорила на это:

– Сиди. Чего теперь?.. Нечего теперь.

Она теперь редко вспоминала комиссара, а больше рассказывала, как на нее «накатывает» ночами.

– Вот накатит-накатит – все, думаю, смертынька моя пришла...

– А куда накатывают-то? На грудь?

– А – на всю. Всю вот так вот ка-ак обдаст, ну, думаю, все. А после рассла-абит всю – ни рукой, ни ногой не шевельнуть. И вроде я плыву-у куда-то, плыву-у, плыву-у.

– Да, – сочувствовал Глухов. – Дело такое – так и уплывешь когда-нибудь. И не приплывешь.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
После того как старик Глухов схоронил жену, он еще чаще навещался к Малышевой. Чего-нибудь делал по хозяйству, а больше они любили сидеть на веранде – пили чай с медом. Старик приносил в теске мед. Беседовали.

– Тоскуешь? – интересовалась Малышева.

Глухов не знал, как отвечать – боялся сказать не так, а тогда Малышка пристыдит его. Она часто – не то что стыдила его, а давала понять, что ему хоть и семьдесят скоро, а стоит больше ее слушать, а самому побольше молчать.

– Тоскуешь?

– Так... – неопределенно говорил Глухов – Жалко, конечно. Все же мы с ей... пятьдесят лет прожили.

– Прожить можно и сто лет... А смысл-то был? Слоны по двести лет живут, а какой смысл?

Глухов обижался:

– У меня три сына на войне погибли! А ты мне такие слова...

– Я ничего не говорю, – спускала Малышка. – Они погибли за Родину.

– Тоскую, конечно, – уже смелее говорил Глухов. – Сколько она пережила со мной!.. Терпела. Я смолodu дураковатый был, буйный... Все терпела, сердешная. Жалко.

– Сознание, сознание... – вздыхала Малышева. – Тесать вас еще и тесать! Еще двести лет тесать – тогда только на людей будете похожи. Вот прожил ты с ей пятьдесят лет... Ну и что? И рассказать ничего не можешь. У меня в огороде бурьян растет... тоже растет. А рядом – клубника виктория. Есть разница?

– Ты чего сердишься-то? – не понимал Глухов.

– Есть разница, я спрашиваю?

– Сравнила... телятину с козлятиной.

– И буду сравнивать! Потому что один человек живет – горит, а другой – тлеет. У одного – каждая порочка содержанием пропитана, а другие... делают только свое дело, и все. Жеребцы.

– Не всем же комиссарами быть! – сердито возражал Глухов, обиженный за «жеребца».

– Пятьдесят лет прожил, – передразнивала Малышева. – А из них – неделя наберется содержательная?

– Ну, содержания-то, слава богу, хватало, чего доброго. С избытком.

– Оно и видно! – Малышева собирала губы в куриную гузку. – Жеребцы.

Глухов чувствовал, что чем-то он ее злит, но никак не мог понять чем.

И все же он продолжал ходить к Малышевой. Иногда – так вот – поругивались, иногда ничего, мирно расходились. И вечер, глядишь, проходил незаметно.

В это воскресенье Глухов пришел к Малышевой без ничего – без топора, без ножовки. Пришел поговорить. Посоветоваться. Пришел просить помощи.

– Я, Сергевна, за советом. Помоги.

– Что такое случилось? – наострилась Малышева. Она любила давать советы.

– Ты старуху Отавину знаешь?

– Ну.

– Поговорила бы ты с ей – не согласится ли она ко мне в дом перейти? А свою избу пускай продаст. Или так: пускай пока заколотит ее, поживем – уживемся – тогда уж пускай продает. Чтоб не рысковать зря. Как думаешь? Я один не осмелюсь с ей говорить, а ты сумеешь. Я не обижу ее... На четырех-то ногах, хошь они у нас не резвые теперь, но все же покрепче стоять можно. Как думаешь? – Глухов непривычно для себя много и скоро тараторил – ему было неловко. – Думал я, думал, и вот – надумал. Чижало одному, ну ее к черту. Да и ей, я думаю, тоже полегче будет. Как думаешь?

Мальшева очень была удивлена. Так была удивлена, что сперва не нашлась, что сказать путное.

– Жениться собрался?

– Ну, жениться... это... какая уж это женитьба? Так – сойдемся для облегчения.

– Юридически – это все равно женитьба. Чего ты хвостом-то виляешь?

Глухов опешил:

– Ну – жениться. А что, это не поощряется?

Мальшева внимательно и как-то с отчуждением, с каким-то скрытым враждебным значением посмотрела на старика.

– А она согласна? Хотя, ты говоришь, не успел с ей...

– Не знает она! Вот и пришел-то просить: поговорила бы ты с ей. Где поговорила, где и – уговорила. Она старушка верующая, может, скажет – грех... А какой грех? Так-то разобраться-то. Я одинокий, она тоже одинокая...

– У нее дочь в городе.

– Да это-то!.. Это и у меня вон сын в городе. Толку-то от их нынче. А мы бы как-нибудь и скоротали бы остаток жизни-то. Кто первый помер – есть кому схоронить.

– У вас же дети! – вдруг нервно возвысила голос Мальшева. – Чего вы сиротинками-то казанскими прикидываетесь?

Глухов замолк. И в свою очередь внимательно и сердито посмотрел на Малышку. Чего она злится? Она же вся изозлилась. Чего?

– Ты чего, Сергевна? – спросил.

– Я ничего. Вы жениться-то надумали, не я. А ты меня спрашиваешь: чего я? Я-то ничего.

– Чего-то сердисься...

– Да нисколько! Она, буду я еще сердиться. Женитесь! Поговорить надо с Отавихой? Поговорю, – теперь засуетилась Мальшева, затараторила тоже. – Позову ее, и поговорим, мне не трудно. Узнаю: согласна она или нет? Чего же мне сердиться? Смеяться-то над вами, шутами, будут, не надо мной.

– Как так?

– Что?

– Смеяться будут?

– А что – радоваться?

– Да разве не бывает так – старики сходятся...

– Бывает, бывает. Давай завтра приходи в обед... Я ее позову пораньше, обговорю с ей сперва, а ты попозже, к обеду, приходи. Бывает так, бывает. Сколько угодно! Я

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
поговорю с ей, не беспокойся. Поговорю.

Старик Глухов ушел от Малышевой с неясным чувством. Какой-то подвох чуял со стороны Малышихи. Странная какая-то старуха, ей-богу. Чего-то все нервничает, злится. Всех бы она переделала, перекроила... Всех бы она учила жить, всех бы судила. Старик даже подумал: не вернуться ли да не сказать ей, что не надо никакой ее помощи, сам как-нибудь управлюсь. Даже остановился и постоял. И решил, что – ладно, черт с ней, пусть поговорит. У самого все равно так не выйдет – не сумеет ладом поговорить. Пусть злится, а дело пусть сделает.

На другой день у старушек – Малышевой и Отавиной – состоялось свидание. И состоялся разговор.

Отавиха пришла к Малышевой, первым делом глянула в передний угол (нет ли иконки?), скромно присела на краешек плюшевого дивана. Поздоровалась.

– Я чего призвала тебя, – сразу начала Малышиха. – Глухова старика знаешь?

– Емельян Егорыча? Знаю, как же. У его трех сынов убило...

– Так вот он хочет на тебе жениться. – Малышева отчеканила слова, как семь аккуратных пельменей загнула. – Ты согласна?

– Свят, свят, свят! – перекрестилась Отавиха. – Да он что?!

– А что? – как-то даже развеселилась Малышиха. – Вы одинокие... Ты подумай, подумай сперва, не торопись отвечать. Он такой же козел, как все, но поможет дожить остаток жизни. Как сама-то думаешь? Избу, говорит, можно пока не продавать, можно заколотить; если уживетесь, тогда уж можно, мол, продать, а деньги – на книжку. Как думаешь-то?

– Да как я могу думать? – искренне не знала старуха Отавина. – У меня и думы-то все из головы убежали. Как же – с бухты-баракты – выходи замуж. – Отавиха мелко, искренне посмеялась. – Эдак-то рассудка можно лишиться. Вот так невеста!

– Ну, и он тоже – жених. Как все же?

– Да погоди ты, Сергевна, не колготись, дай с духом собраться...

– Он придет счас. За ответом.

– Эка! – Отавиха даже привстала с дивана и поглядела на дверь. И опять села. – Вот задача-то!

– Ну, я гляжу, ты уж почти согласная.

Старуха Отавина вдруг серьезно задумалась.

– Я тебе так скажу, Сергевна: он старик ничего, не пьет, не богохульничает особо, я не слышала. Только... – Отавина посмотрела на сваху. – Так-то бы оно – што? Бывает – сходятся старики, живут...

– Бывает.

– А ну-ка да он ночами приставать станет?

Малышева даже рот открыла:

– Как?

– А как? Так. Они знаешь какие! Перьво-наперьво я бы желала знать и быть в надежде, што он приставать не станет. И штоб не матерщинничал. Табак курит... Ну, тут уж... все курют, тут не укоротишь.

– Так ты согласная? – изумилась Малышева.

– Погоди-ка, не гони-ка коней. Я вот и говорю: много у меня всяких условий получается. То – нельзя, это – нельзя... А старик подумает, да и скажет: «Чего же

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru тада и можно-то?» И все наше сватовство-то само собой и распадется. – Отавиха опять мелко засмеялась. – Вот не думала, не гадала... Господи, господи. Оно бы – так-то чего? У меня вон товарка моя задумевшая бывшая в Буланихе, где я раньше жила, тоже вот так вот: пришел старик, тары-бары, а потом и говорит: «Давай, мол, Кузьмовна, вместе жить». И жили. Он, правда, уж умер года два как... А она живет в его доме. И хорошо жили, я знаю. Сколько?... Годов пять жили. Ничо, не обижал ее. К концу-то жизни люди умней делаются. Счас вон... поглядишь на нынешних-то... господи, господи!.. Поглядишь и ничего не скажешь. Оно бы, знамо, и мне в покое бы дожить да в тепле... Избенка-то у меня вся прохудилась, рада, что уж зима кончилась – никак ее не натопишь. Топишь-топишь, топишь-топишь, а все как под решетом.

– А к дочери-то почему не едешь?

– Куда-а! Сами ютятся там на пяточке... Жила. Внуки-то маленькие были, жила. Измучились. Все измучились. А теперь уж ребятишки-то в школу пошли, так я уж рада-радешенька, хоть мне эту-то избенку купили. Свой-то дом в Буланихе я продала. Когда дочь-то замуж-то вышла, продала. Крестовый дом был, сто лет ишо простоит. Прдала, што сделаешь. Им на капиратив надо, а где взять? Он с армии демобилизовался, зять-то, моя тоже – техникум только закончила. Давай, мол, мама, продадим дом. А тебе, мол, потом купим, если с нами жить не захочешь. Вот и жила, ребятишек вынянчила, а потом уж – нет, давайте, говорю, покупайте мне хоть маленькую избушку. Не могу в городе, с души воротит. Ну, помялись, помялись, нашли денег на избу. В Буланихе-то постройки дорогие, здесь подешевше, вот я здесь и оказалась. Оно бы, конечно, так-то... на старости-то лет... в тепле бы пожить... Не мешало бы.

Старик Глухов знал, что разговор у старух состоится, но какой – не ведал. На всякий случай он надел новый пиджак, прихватил бутылочку наливки, туюсок меду и пошел к Малышевой.

Пришел... Поздоровался. Смутился чего-то, поставил на стол бутылку, туюсок... Полез за кисетом.

– Ты погоди с бутылкой-то, погоди, – сказала Малышиха. – Не торопись.

У старика упало сердце. А он уж крепко настроился на совместную жизнь с Отавиной, все продумал – выходило все хорошо. Что же?

– Выслушала я вас обоих... Конечно, это ваша личная жизнь, вы можете сходитьсь... Люди с ума сходят, и то ничего. Но хочу все же вас спросить: как вам не совестно? А? – Малышева бросала эти слова в лицо Глухову и Отавиной. С какой-то необъяснимой жестокостью, от всего сердца, наболевшего тайной какой-то болью, бросала. Бросала и бросала, как ни краснели, ни вертелись на месте, как ни страдали эти, потерявшие всякую совесть жених и невеста. – Как же вы после этого на белый свет глядеть будете? А? Да люди всю жизнь живут одинокие... Я всю жизнь одинокая, с двадцати трех лет одинокая... А что, ко мне не сватались? Сватались. Не ходили по ночам, не стучали в окошко? Ходили. Стучали. Ты, Глухов, не приходил ко мне в сельсовет, не говорил, что жить без меня не можешь? Не приходил? Ну-ка, скажи.

Глухов готов был сквозь землю провалиться.

– Я по дурости... выпимши был, – признался он. – Я не сватался... Чего ты? Зря-то. Я, мол, в те годы, когда-то...

– По дурости! А теперь он умный стал – в семьдесят лет жениться надумал. Умник. А ты-то, ты-то!.. «Посмотрю, подумаю... в тепле пожить». Эх ты, богомольница! Туда же... На других пальцем показываете – грех. А сами? Какой же вы пример подаете молодым! Вы об этом подумали? Вы свою ответственность перед народом понимаете? – Малышиха постучала сухими костяшками пальцев по столу. – Задумались вы над этим? Нет, не задумались. Эгоисты. Народ сил своих не жалеет – трудится, а вы – со свадьбой затеетесь... на выпивку людей соблазнять и на легкие отношения. Бессовестные.

– Да какая свадьба?! – воскликнул Глухов. Отавиха, та слова не могла вымолвить. – Сошлись бы потихоньку, и все. Какая свадьба?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Совсем как... подзаборники. Тьфу! Животный.

– Ну, это!.. знаешь! – взорвался старик. – Пошла ты к... – И выругался матерно. И вышел вон, крепко хлопнув дверь.

А за ним следом вышла и Отавиха. Какой – вышли, вылетели, как ошпаренные. За воротами, не глядя друг на друга, устремились в разные стороны, хоть обоим надо одним переулком идти – до росстани.

Старик Глухов дал по селу хорошего кругалю и пришел домой. И плевался и матерился, места не мог найти... Сгоряча даже подумал: «Подожгу стервозу такую».

Он, конечно, не поджег Малышеву. Но ходить к ней зарекся. А когда встречал на улице, отворачивался. Не здоровался.

А Отавиха в город ездила, в церковь, – грех замаливать. Очень страдала старуха, встречаться с Малышевой избегала.

Малышева же никому, ни одному человеку в селе не рассказала про редкостное сватовство. И Глухов и Отавиха ждали, что она всем расскажет. Нет, не рассказала.

Лёся

В двадцатые годы в нашем селе жил и ярко действовал некто Лёся (Отпущеников Алексей). Рассказывают, невысокого роста, смуглый, резкий... Лёсю боялись как огня: он был смел и жесток. Отчаюга.

Вовсе вышагнул он за черту, когда зарезал собственную жену. Жена, сколько-то прожив с ним, заявила, что – хватит: больше выносить его гульбу и поножовщину ей не по силам. И ушла. К отцу и к матери. Лёся подкараулил ее и дважды, под ножом, спросил:

– Будешь жить со мной?

И дважды решительная женщина сказала:

– Нет.

Лёся ударил.

Наказание выдумали Лёсе диковинное: год аккуратно ходить в церковь – замаливать грех. Лёся ходил, демонстративно зевал в церкви, потешая дружков и молодых баб и девок.

История, которую я хочу рассказать, случилась позже, когда Лёся, собственно, занимался уже разбоем. Воровал и грабил он не в своем селе, куда-то уезжал. В своем селе только брал лошадей. Приходил вечером к мужику, у которого хозяйство посправней и кони на выезде ладные, и говорил:

– Дай пару на ночь. К свету пригоню.

Мужик давал. Как не дашь? Не дашь – так возьмет. Управы на Лёсю нету, власти далеко – не докричишься. Давал мужик коней и всю ночь обмирал от страха и жали: а ну-ка да пристукнут где-нибудь Лёсю.. Или врывается на воровстве да в бега ударится. Прощай кони! Но к свету Лёся коней пригонял: судьба пока щадила Лёсю. Зато Лёся не щадил судьбу: терзал ее, гнал вперед и в стороны. Точно хотел скорей нажиться человек, скорей, как попало, нахвататься всякого – и уйти. Точно чужал свой близкий конец. Да как и не чужать.

Узнал Лёся: живет в деревне Чокши лавочник... Лавочник расторопный: в скорые нэпмановские сроки разбогател, собирался и дальше богатеть. Живет осторожно, хозяйство, лавку охраняет надежно: ни подкопом, ни подломом, ни налетом прямым не взять.

Думал Лёся, думал... И выдумал.

У лавочника была дочь-невеста. И девка хорошая, и женихи, конечно, были, но... Подловил Лёся лавочника! Да не как-нибудь там шибко хитро, сложно, а – просто,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru как в сказке.

Приходит Лёся к некоему Варламу в нашем селе. Варлам держал ямщину, были тройки, были варламовские шоркунцы под дугой... Сам Варлам – фигура: корпусный, важный. Приходит к нему Лёся и говорит:

– Будешь, Варлам, этой ночью мне заместо отца родного.

– Как это? – не понял Варлам.

– Поедем сватать невесту чокшинскую. Я, стало быть, сын твой, а ты – тоже лавочник, лавок у нас с тобой две, но одну, мол, починить надо. Вот. Закладывай самую резвую тройку, сам приоденься, мне тоже дай чего-нибудь такое... жениховское. Не ной моя косточка в сырой земле... – Лёся любил так говорить. – Не ной моя косточка в сырой земле, мы его захомутаем, этого туза.

– Чего же на ночь глядя ехать-то? – попробовал было Варлам оттянуть время и как-нибудь, может, вывернуться.

– Так надо, не разговаривай много, – сказал Лёся.

С Лёсей много и не наразговариваешь.

Заложил Варлам тройку, приделся случая ради, дал и Лёсе одежонку понарядней... Поехали.

Приехали. Представились: отец с сыном, такие-то. Слышали от добрых людей, что... Ну, что говорится в таких случаях. Рассказали про себя: две лавки, одна торгует, другую надо отремонтировать (на это почему-то особенно напирал Лёся). Кроме того, желательно невесту и приданое – ну, не все, необходимую часть – увезти теперь же. Чего так? А так потому, что сын завтра уезжает далеко за товарами, а в лавке со стариком остаться некому. А потом уж будет и венчание, и свадьба, и все. Вот. Дело, как представляется отцу и сыну, стоящее: лавка в Чокшах да лавка в Низовке – две лавки, а когда в Низовке отремонтируют еще одну лавку, станет три лавки. Это уже... А? Чокшинский туз поймался. Лёся, как потом рассказывал Варлам, не засуетился, не заторопился скорей брать, что дают, а стал нудно торговаться из-за приданого, за каждую тряпку, чем очень удивил Варлама и вовсе успокоил будущего своего тестя.

Из Чокшей в Низовку катили весело. Дернули у «тестя» медовухи... Варлам на облучке вообразил себя ухарем и чуть было не вылетел с языком. Хотел громко позавидовать Лёсиной судьбе.

– А хорошо, язви ты, быть разб... – И осекся.

Жених обнимал и голубил невесту.

Приехали.

Изба у Лёси была маленькая, кособокая... И никакого хозяйства, шаром покати. Городьбы даже никакой.

Невеста зачужала неладное.

– А где же лавки? – спрашивает.

– А вот... одна, – показывает Лёся лавку в сенях, – вот – другая, на трех ножках, эту надо подремонтировать. Вот.

Кое-как удалось потом сбежать девке от Лёси. Отец ее подослал своих людей, они ее выкрали. Открытой силой отнять не решились: у Лёси в черной тайге дружки. Сундук с добром остался у Лёси.

Кончил свои дни Лёся в тайге же: не поделили с дружками награбленное добро. Лёся, видно, по своей дикой привычке – торговаться за тряпки – заспорил... Дружки – под стать ему – не уступили. Перестрелялись.

И вот этот его конец (а так кончали многие, похожие на Лёсю) странным образом

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru волнует меня. Не могу как-нибудь объяснить себе эту особенность – жадничать при дележке дарового добра, вообще безобразно ценить цветной лоскут – в человеке, который с великой легкостью потом раздаривал, раскидывал, пропивал эти лоскуты. Положим, лоскуты – это и было тогда – богатство. Но ведь и богатство шло прахом. Может, так: жил в лесе вековой крестьянин, который из горьких своих веков вынес несокрушимую жадность. Жадность, которая уж и не жадность, а способ, средство выжить, когда не выжить – очень просто. Лёся захотел освободиться от этого мертвого груза души и не мог. Погиб. Видно, не так это просто – освободиться.

Верую!

По воскресеньям наваливалась особенная тоска. Какая-то нутряная, едкая... Максим физически чувствовал ее, гадину: как если бы неопрятная, не совсем здоровая баба, бессовестная, с тяжелым запахом изо рта, обшаривала его всего руками – ласкала и тянулась поцеловать.

– Опять!.. Навалилась.

– О!.. Господи... Пузырь: туда же, куда и люди, – тоска, – издевалась жена Максима, Люда, неласковая, рабочая женщина: она не знала, что такое тоска. – С чем тоска-то?

Максим Яриков смотрел на жену черными, с горячим блеском глазами... Стискивал зубы.

– Давай матерись. Полайся – она, глядишь, пройдет, тоска-то. Ты лаяться-то мастер.

Максим иногда пересиливал себя – не ругался. Хотел, чтоб его поняли.

– Не поймешь ведь.

– Почему же я не пойму? Объясни, пойму.

– Вот у тебя все есть – руки, ноги... и другие органы. Какого размера – это другой вопрос, но все, так сказать, на месте. Заболела нога – ты чувствуешь, захотела есть – налаживаешь обед... Так?

– Ну.

Максим легко снимался с места (он был сорокалетний легкий мужик, злой и порывистый, никак не мог измотать себя на работе, хоть работал много), ходил по горнице, и глаза его свирепо блестели.

– Но у человека есть также – душа! Вот она здесь – болит! – Максим показывал на грудь. – Я же не выдумываю! Я элементарно чувствую – болит.

– Больше нигде не болит?

– Слушай! – взвизгивал Максим. – Раз хочешь понять, слушай! Если сама чурбаком уродилась, то постарайся хоть понять, что бывают люди с душой. Я же не прошу у тебя трешку на водку, я же хочу... Дура! – вовсе срывался Максим, потому что вдруг ясно понимал: никогда он не объяснит, что с ним происходит, никогда жена Люда не поймет его. Никогда! Распори он ножом свою грудь, вынь и покажи в ладонях душу, она скажет – требуха. Да и сам он не верил в такую-то – в кусок мяса. Стало быть, все это – пустые слова. Чего и злить себя? – Спроси меня напоследок, кого я ненавижу больше всего на свете? Я отвечу: людей, у которых души нет. Или она поганая. С вами говорить – все равно что об стенку головой биться.

– Ой, трепло!

– Сгинь с глаз!

– А тогда почему же ты такой злой, если у тебя душа есть?

– А что, по-твоему, душа-то – пряник, что ли? Вот она как раз и не понимает, для чего я ее таскаю, душа-то, и болит. А я злюсь поэтому. Нервничаю.

– Ну и нервничай, черт с тобой! Люди дождутся воскресенья-то да отдыхают

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru культурно... В кино ходят. А этот – нервничает, видите ли. Пузырь.

Максим останавливался у окна, подолгу стоял неподвижно, смотрел на улицу.

Зима. Мороз. Село коптит в стылое небо серым дымом – люди согреваются. Пройдет бабка с ведрами на коромысле, даже за двойными рамами слышно, как скрипит под ее валенками тугой, крепкий снег... Собака залает сдуру и замолкнет – мороз. Люди – по домам, в тепле. Разговаривают, обед налаживают, обсуждают ближних... Есть – выпивают, но и там веселого мало.

Максим, когда тоскует, не философствует, никого мысленно ни о чем не просит, чувствует боль и злобу. И злость эту свою он ни к кому не обращает, не хочется никому по морде дать и не хочется удавиться. Ничего не хочется – вот где сволочь-маета? И пластом, неподвижно лежать – тоже не хочется. И водку пить не хочется – не хочется быть посмешищем, противно. Случалось, выпивал... Пьяный начинал вдруг каяться в таких мерзких грехах, от которых и людям и себе потом становилось нехорошо. Один раз спьяну бился в милиции головой об стенку, на которой наклеены были всякие плакаты, ревел – оказывается: он и какой-то еще мужик, они вдвоем изобрели мощный двигатель величиной со спичечную коробку и чертежи передали американцам. Максим сознавал, что это – гнусное предательство, что он – «научный Власов», просил вести его под конвоем в Магадан. Причем он хотел идти туда непременно босиком.

– Зачем же чертежи-то передал? – допытывался старшина. – И кому!!!

Этого Максим не знал, знал только, что это – «хуже Власова». И горько плакал.

В одно такое мучительное воскресенье Максим стоял у окна и смотрел на дорогу. Опять было ясно и морозно, и дымились трубы.

«Ну и что? – сердито думал Максим. – Так же было сто лет назад. Что нового-то? И всегда так будет. Вон парнишка идет, Ваньки Малофеева сын... А я помню самого Ваньку, когда он вот такой же ходил, и сам я такой был. Потом у этих – свои такие же будут. А у тех – свои... И все? А зачем?»

Совсем тошно стало Максиму... Он вспомнил, что к Илье Лапшину приехал в гости родственник жены, а родственник тот – поп. Самый натуральный поп – с волосьями. У попа что-то такое было с легкими – болел. Приехал лечиться. А лечился он барсучьим салом, барсуков ему добывал Илья. У попа было много денег, они с Ильей часто пили спирт. Поп пил только спирт.

Максим пришел к Лапшиным.

Илюха с попом сидели как раз за столом, попивали спирт и беседовали. Илюха был уже на развезях – клевал носом и бубнил, что в то воскресенье, не в это, а в то воскресенье он принесет сразу двенадцать барсуков.

– Мне столько не надо. Мне надо три хороших – жирных.

– Я принесу двенадцать, а ты уж выбирай сам, каких. Мое дело принести. А ты уж выбирай сам, каких лучше. Главное, чтоб ты оздоровел... А я их тебе приволоку двенадцать штук...

Попу было скучно с Илюхой, и он обрадовался, когда пришел Максим.

– Что? – спросил он.

– Душа болит, – сказал Максим. – Я пришел узнать: у верующих душа болит или нет?

– Спирту хочешь?

– Ты только не подумай, что я пришел специально выпить. Я могу, конечно, выпить, но я не для того пришел. Мне интересно знать: болит у тебя когда-нибудь душа или нет?

Поп налил в стаканы спирт, придвинул Максиму один стакан и графин с водой.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Разбавляй по вкусу.

Поп был крупный шестидесятилетний мужчина, широкий в плечах, с огромными руками. Даже не верилось, что у него что-то там с легкими. И глаза у попа – ясные, умные. И смотрит он пристально, даже нахально. Такому – не кадилом махать, а от алиментов скрываться. Никакой он не благодетель, не постный – не ему бы, не с таким рылом, горести и печали человеческие – живые, трепетные нити – распутывать. Однако – Максим сразу это почувствовал – с попом очень интересно.

– Душа болит?

– Болит.

– Так. – Поп выпил и промокнул губы крахмальной скатертью, уголочком. – Начнем подъезжать издалека. Слушай внимательно, не перебивай. – Поп откинулся на спинку стула, погладил бороду и с удовольствием заговорил: – Как только появился род человеческий, так появилось зло. Как появилось зло, так появилось желание бороться с ним, со злом то есть. Появилось добро. Значит, добро появилось только тогда, когда появилось зло. Другими словами, есть зло – есть добро, нет зла – нет добра. Понимаешь меня?

– Ну, ну.

– Не понуждай, ибо не запряг еще. – Поп, видно, обожал порассуждать вот так вот – странно, далеко и безответственно. – Что такое Христос? Это воплощенное добро, призванное уничтожить зло на земле. Две тыщи лет он присутствует среди людей как идея – борется со злом.

Илюха заснул за столом.

– Две тыщи лет именем Христа уничтожается на земле зло, но конца этой войне не предвидится. Не кури, пожалуйста. Или отойди к отдушине и смоли.

Максим погасил о подошву сигарку и с интересом продолжал слушать.

– Чего с легкими-то? – поинтересовался для вежливости.

– Болят, – кратко и неохотно пояснил поп.

– Барсучатина-то помогает?

– Помогает. Идем дальше, сын мой занюханный...

– Ты что? – удивился Максим.

– Я просил не перебивать меня.

– Я насчет легких спросил...

– Ты спросил: отчего болит душа? Я доходчиво рисую тебе картину мироздания, чтобы душа твоя обрела покой. Внимательно слушай и постигай. Итак, идея Христа возникла из желания победить зло. Иначе – зачем? Представь себе: победило добро. Победил Христос... Но тогда – зачем он нужен? Надобность в нем отпадает. Значит, это не есть нечто вечное, непреходящее, а есть временное средство, как диктатура пролетариата. Я же хочу верить в вечность, в вечную огромную силу и в вечный порядок, который будет.

– В коммунизм, что ли?

– Что – коммунизм?

– В коммунизм веришь?

– Мне не положено. Опять перебиваешь?

– Все. Больше не буду. Только ты это... понятней маленько говори. Не торопись.

– Я говорю ясно: хочу верить в вечное добро, в вечную справедливость, в вечную

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Высшую силу, которая все это затеяла на земле. Я хочу познать эту силу и хочу надеяться, что сила эта – победит. Иначе – для чего все? А? Где такая сила? – Поп вопросительно посмотрел на Максима. – Есть она?

Максим пожал плечами:

– Не знаю.

– Я тоже не знаю.

– Вот те раз!..

– Вот те два. Я такой силы не знаю. Возможно, что мне, человеку, не дано и знать ее, и познать, и до конца осмыслить. В таком случае я отказываюсь понимать свое пребывание здесь, на земле. Вот это как раз я и чувствую, и ты со своей больной душой пришел точно по адресу, у меня тоже болит душа. Только ты пришел за готовеньким ответом, а я сам пытаюсь дочерпаться до дна, но это – океан. И стаканами нам его не вычерпать. И когда мы глотаем вот эту гадость... – Поп выпил спирт, промакнул скатертью губы. – Когда мы пьем это, мы черпаем из океана в надежде достичь дна. Но – стаканами, стаканами, сын мой! Круг замкнулся – мы обречены.

– Ты прости меня... Можно я одно замечание сделаю?

– Валяй.

– Ты какой-то... интересный поп. Разве такие попы бывают?

– Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Так сказал один знаменитый безбожник, сказал очень верно. Несколько самонадеянно, правда, ибо при жизни никто его за Бога и не почитал.

– Значит, если я тебя правильно понял, Бога нет?

– Я сказал – нет. Теперь я скажу – да, есть. Налей-ка мне, сын мой, спирту, разбавь стакан на двадцать пять процентов водой и дай мне. И себе тоже налей. Налей, сын мой простодушный, и да увидим дно! – Поп выпил. – Теперь я скажу, что Бог есть. Имя ему – Жизнь. В этого Бога я верую. Мы ведь какого Бога себе нарисовали – доброго, обтекаемого, безрогого, размазнуютлю. Ишь мы какие!.. Такого нет. Есть суровый, могучий – Жизнь. Этот предлагает – добро и зло вместе – это, собственно, и есть Бог. Чего мы решили, что добро должно победить зло? Зачем? Мне же интересно, например, понять, что ты пришел ко мне не истину выяснять, а спирт пить. И сидишь тут, напрягаешь глаза – делаешь вид, что тебе интересно слушать...

Максим пошевелился на стуле.

– Не менее интересно понять мне, что все-таки не спирт тебе нужен, а истина. И уж совсем интересно, наконец, установить: что же верно? Душа тебя привела сюда или спирт? Видишь, я работаю башкой, вместо того чтобы просто жалеть тебя, сиротиночку мелкую. Поэтому, в соответствии с этим моим Богом, я говорю: душа болит? Хорошо. Хорошо! Ты хоть зашевелился, ядрена мать! А то бы тебя с печки не стащить с равновесием-то душевным. Живи, сын мой, плачь и приплясывай. Не бойся, что будешь языком сковородки лизать на том свете, потому что ты уже здесь, на этом свете, получишь сполна и рай и ад. – Поп говорил громко, лицо его пылало, он вспотел. – Ты пришел узнать: во что верить? Ты правильно догадался: у верующих душа не болит. Но во что верить? Верь в Жизнь. Чем все это кончится, не знаю. Куда все устремилось, тоже не знаю. Но мне крайне интересно бежать со всеми вместе, а если удастся, то и обогнать других... Зло? Ну – зло. Если мне кто-нибудь в этом великолепном соревновании сделает бяку в виде подножки, я поднимусь и дам в рыло. Никаких – «подставь правую». Дам в рыло, и баста.

– А если у него кулак здоровей?

– Значит, такая моя доля – за ним бежать.

– А куда бежим-то?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– На Кудыкину гору. Какая тебе разница – куда? Все в одну сторону – добрые и злые.

– Что-то я не чувствую, чтобы я устремлялся куда-нибудь, – сказал Максим.

– Значит, слаб в коленках. Паралитик. Значит, доля такая – скулить на месте.

Максим стиснул зубы.. Въялся горячим злым взглядом в попа.

– За что же мне доля такая несчастная?

– Слаб. Слаб, как... вареный петух. Не вращай глазами.

– Попяра!.. А если я счас, например, тебе дам разок по лбу, то как?

Поп громко, густо – при больных-то легких! – расхохотался.

– Видишь! – показал он свою ручищу. – Надежная: произойдет естественный отбор.

– А я ружье принесу.

– А тебя расстреляют. Ты это знаешь, поэтому ружье не принесешь, ибо ты слаб.

– Ну – ножом пырну. Я могу.

– Получишь пять лет. У меня поболит с месяц и заживет. Ты будешь пять лет тянуть.

– Хорошо, тогда почему же у тебя у самого душа болит?

– я болен, друг мой. Я пробежал только половину дистанции и захромал. Налей.

Максим налил.

– Ты самолетом летал? – спросил поп.

– Летал. Много раз.

– А я летел вот сюда первый раз. Грандиозно! Когда я садился в него, я думал: если этот летающий барак навернется, значит, так надо. Жалеть и трусить не буду. Прекрасно чувствовал себя всю дорогу! А когда он меня оторвал от земли и понес, я даже погладил по боку – молодец. В самолет верую. Вообще в жизни много справедливого. Вот жалеют: Есенин мало прожил. Ровно – с песню. Будь она, эта песня, длинней, она не была бы такой щемящей. Длинных песен не бывает.

– А у вас в церкви... как заведут...

– У нас не песня, у нас – стон. Нет, Есенин... Здесь прожито как раз с песню. Любишь Есенина?

– Люблю.

– Споем?

– Я не умею.

– Слегка поддерживай, только не мешай.

И поп загудел про клен заледенелый, да так грустно и умно как-то загудел, что и правда – защемило в груди. На словах «ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий» поп ударил кулаком в столешницу, и заплакал, и затряс гривой.

– Милый, милый!.. Любил крестьянина!.. Жалел! Милый!.. А я тебя люблю. Справедливо? Справедливо. Поздно? Поздно...

Максим чувствовал, что он тоже начинает любить попа.

– Отец! Отец... Слушай сюда!

полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Не хочу! – плакал поп.
- Слушай сюда, колода!
- Не хочу! Ты слаб в коленках...
- Я таких, как ты, обставлю на первом же километре! Слаб в коленках... Тубик.
- Молись! – Поп встал. – Повторяй за мной...
- Пошел ты!..

Поп легко одной рукой поднял за шкурку Максима, поставил рядом с собой.

- Повторяй за мной: верую!
- Верую! – сказал Максим.
- Громче! Торжественно: ве-рую! Вместе: ве-ру-ю-у!
- Ве-ру-ю-у! – заблажили вместе.

Дальше поп один привычной скороговоркой зачастил:

- В авиацию, в механизацию сельского хозяйства, в научную революцию-у! В космос и невесомость! Ибо это объективно-о! Вместе! За мной!..

Вместе заорали:

- Ве-ру-ю-у!
- Верую, что скоро все соберутся в большие вонючие города! Верую, что задохнутся там и побегут опять в чисто поле!.. Верую!
- Верую-у!
- В барсучье сало, в бычачий рог, в стоячую оглоблю-у! В плоть и мякоть телесную-у!

...Когда Илюха Лапшин продрал глаза, он увидел: громадина поп мощно кидал по горнице могучее тело свое, бросался с маху впрысядку и орал и нахлопывал себя по бокам и по груди:

Эх, верую, верую!

Ту-ды, ту-ды, ту-ды – раз!

Верую, верую! М-па, м-па, м-па – два!

Верую, верую!..

А вокруг попа, подбоченясь, мелко работал Максим Яриков и бабьим голосом громко вторил:

У-тя, у-тя, у-тя – три!

Верую, верую!

Е-тя, етя – все четыре!

- За мной! – восклицал поп.

Верую! Верую!

Максим пристраивался в затылок попу, они, приплясывая, молча совершали круг по избе, потом поп опять бросался впрысядку, как в прорубь, распахивал руки... Половицыгнулись.

Эх, верую, верую!

Ты-на, ты-на, ты-на – пять!

Все оглобельки – на ять!

Верую! Верую!

А где шесть, там и шерсть!

Верую! Верую!

Оба, поп и Максим, плясали с такой с какой-то злостью, с таким остервенением,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru что не казалось и странным, что они – пляшут. Тут – или плясать, или уж рвать на груди рубаху, и плакать, и скрипеть зубами.

Илюха посмотрел-посмотрел на них и пристроился плясать тоже. Но он только время от времени тоненько кричал: «Их-ха! Их-ха!» Он не знал слов.

Рубаха на попе – на спине – взмокла, под рубахой могуче шевелились бугры мышц: он, видно, не знал раньше усталости вовсе, и болезнь не успела еще перекусить тугие его жилы. Их, наверно, не так легко перекусить: раньше он всех барсуков слопаёт. А надо будет, если ему посоветуют, попросит принести волка пожирнее – он так просто не уйдет.

– За мной! – опять велел поп.

И трое во главе с яростным, раскаленным попом пошли, приплясывая, кругом, кругом. Потом поп, как большой тяжелый зверь, опять прыгнул на середину круга, прогнул половицы... На столе задребезжали тарелки и стаканы.

– Эх, верую! Верую!..

Срезал

К старухе Агафье Журавлевой приехал сын Константин Иванович. С женой и дочерью. Попроведовать, отдохнуть. Деревня Новая – небольшая деревня, а Константин Иванович еще на такси подкатил, и они еще всем семейством долго вытаскивали чемоданы из багажника... Сразу вся деревня узнала: к Агафье приехал сын с семьей, средний, Костя, богатый, ученый.

К вечеру узнали подробности: он сам – кандидат, жена – тоже кандидат, дочь – школьница. Агафье привезли электрический самовар, цветастый халат и деревянные ложки.

Вечером же у Глеба Капустина на крыльце собрались мужики. Ждали Глеба.

Про Глеба Капустина надо рассказать, чтобы понять, почему у него на крыльце собрались мужики и чего они ждали.

Глеб Капустин – толстогубый, белобрысый мужик сорока лет, начитанный и ехидный. Как-то так получилось, что из деревни Новой, хоть она небольшая, много вышло знатных людей: один полковник, два летчика, врач, корреспондент... И вот теперь Журавлев – кандидат. И как-то так повелось, что когда знатные приезжали в деревню на побывку, когда к знатному земляку в избу набивался вечером народ – слушали какие-нибудь дивные истории или сами рассказывали про себя, если земляк интересовался, – тогда-то Глеб Капустин приходил и срезал знатного гостя. Многие этим были недовольны, но многие, мужики особенно, просто ждали, когда Глеб Капустин срежет знатного. Даже не то что ждали, а шли раньше к Глебу, а потом уж – вместе – к гостю. Прямо как на спектакль ходили. В прошлом году Глеб срезал полковника – с блеском, красиво. Заговорили о войне 1812 года... Выяснилось, что полковник не знает, кто велел поджечь Москву. То есть он знал, что какой-то граф, но фамилию перепутал, сказал – Распутин. Глеб Капустин коршуном взмыл над полковником... И срезал. Переволоклись все тогда, полковник ругался... Бегали к учительнице домой – узнавать фамилию графа-поджигателя. Глеб Капустин сидел красный в ожидании решающей минуты и только повторял: «Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в филях, верно?» Глеб остался победителем; полковник бил себя кулаком по голове и недоумевал. Он очень расстроился. Долго потом говорили в деревне про Глеба, вспоминали, как он только повторял: «Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в филях». Удивлялись на Глеба. Старики интересовались – почему он так говорил.

Глеб посмеивался. И как-то мстительно щурил свои настырные глаза. Все матери знатных людей в деревне не любили Глеба. Опасались.

И вот теперь приехал кандидат Журавлев...

Глеб пришел с работы (он работал на пилораме), умылся, переоделся... Ужинать не стал. Вышел к мужикам на крыльцо.

Закурили... Малость поговорили о том о сем – нарочно не о Журавлеве. Потом Глеб раза два посмотрел в сторону избы бабки Агафьи Журавлевой. Спросил:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Гости к бабке Агафье приехали?

– Кандидаты!

– Кандидаты? – удивился Глеб. – О-о!.. Голой рукой не возьмешь.

Мужики посмеялись: мол, кто не возьмет, а кто может и взять. И посматривали с нетерпением на Глеба.

– Ну, пошли попроведаем кандидатов, – скромно сказал Глеб.

И пошли.

Глеб шел несколько впереди остальных, шел спокойно, руки в карманах, шурился на избу бабки Агафьи, где теперь находились два кандидата. Получалось вообще-то, что мужики ведут Глеба. Так ведут опытного кулачного бойца, когда становится известно, что на враждебной улице объявился некий новый ухарь. Дорогой говорили мало.

– В какой области кандидаты? – спросил Глеб.

– По какой специальности? А черт его знает... Мне бабенка сказала – кандидаты. И он и жена...

– Есть кандидаты технических наук, есть общеобразовательные, эти в основном трепологией занимаются.

– Костя вообще-то в математике рубил хорошо, – вспомнил кто-то, кто учился с Костей в школе. – Пятерочник был.

Глеб Капустин был родом из соседней деревни и здешних знатных людей знал мало.

– Посмотрим, посмотрим, – неопределенно пообещал Глеб. – Кандидатов сейчас как нарезанных собак.

– На такси приехал...

– Ну, марку-то надо поддержать!.. – посмеялся Глеб.

Кандидат Константин Иванович встретил гостей радостно, захлопотал насчет стола... Гости скромно подождали, пока бабка Агафья накрыла стол, поговорили с кандидатом, повспоминали, как в детстве они вместе...

– Эх, детство, детство! – сказал кандидат. – Ну, садитесь за стол, друзья.

Все сели за стол. И Глеб Капустин сел. Он пока помалкивал. Но – видно было – подбирался к прыжку. Он улыбался, поддакнул тоже насчет детства, а сам все взглядывал на кандидата – примеривался.

За столом разговор пошел дружнее, стали уж вроде и забывать про Глеба Капустина... И тут он попер на кандидата.

– В какой области выявляете себя? – спросил он.

– Где работаю, что ли? – не понял кандидат.

– Да.

– На филфаке.

– Философия?

– Не совсем... Ну, можно и так сказать.

– Необходимая вещь. – Глебу нужно было, чтоб была – философия. Он оживился. – Ну, и как насчет первичности?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Какой первичности? – опять не понял кандидат. И внимательно посмотрел на Глеба. И все посмотрели на Глеба.

– Первичности духа и материи. – Глеб бросил перчатку. Глеб как бы стал в небрежную позу и ждал, когда перчатку поднимут. Кандидат поднял перчатку.

– Как всегда, – сказал он с улыбкой. – Материя первична...

– А дух?

– А дух – потом. А что?

– Это входит в минимум? – Глеб тоже улыбался. – Вы извините, мы тут... далеко от общественных центров, поговорить хочется, но не особенно-то разбежишься – не с кем. Как сейчас философия определяет понятие невесомости?

– Как всегда определяла. Почему – сейчас?

– Но явление-то открыто недавно. – Глеб улыбнулся прямо в глаза кандидату. – Поэтому я и спрашиваю. Натурфилософия, допустим, определит это так, стратегическая философия – совершенно иначе...

– Да нет такой философии – стратегической! – заволновался кандидат. – Вы о чем вообще-то?

– Да, но есть диалектика природы, – спокойно, при общем внимании продолжал Глеб. – А природу определяет философия. В качестве одного из элементов природы недавно обнаружена невесомость. Поэтому я и спрашиваю: растерянности не наблюдается среди философов?

Кандидат искренне засмеялся. Но засмеялся один... И почувствовал неловкость. Позвал жену:

– Валя, иди, у нас тут... какой-то странный разговор!

Валя подошла к столу, но кандидат Константин Иванович все же чувствовал неловкость, потому что мужики смотрели на него и ждали, как он ответит на вопрос.

– Давайте установим, – серьезно заговорил кандидат, – о чем мы говорим.

– Хорошо. Второй вопрос: как вы лично относитесь к проблеме шаманизма в отдельных районах Севера?

Кандидаты засмеялись. Глеб Капустин тоже улыбнулся. И терпеливо ждал, когда кандидаты отсмеются.

– Нет, можно, конечно, сделать вид, что такой проблемы нету. Я с удовольствием тоже посмеюсь вместе с вами... – Глеб опять великодушно улыбнулся. Особо улыбнулся жене кандидата, тоже кандидату, кандидатке, так сказать. – Но от этого проблема как таковая не перестанет существовать. Верно?

– Вы серьезно все это? – спросила Валя.

– С вашего позволения. – Глеб Капустин привстал и сдержанно поклонился кандидатке. И покраснел. – Вопрос, конечно, не глобальный, но, с точки зрения нашего брата, было бы интересно узнать.

– Да какой вопрос-то? – воскликнул кандидат.

– Твое отношение к проблеме шаманизма. – Валя опять невольно засмеялась. Но спохватилась и сказала Глебу: – Извините, пожалуйста.

– Ничего, – сказал Глеб. – Я понимаю, что, может, не по специальности задал вопрос...

– Да нет такой проблемы! – опять сплеча рубанул кандидат. Зря он так. Не надо бы так.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Теперь засмеялся Глеб. И сказал:

– Ну, на нет и суда нет!

Мужики посмотрели на кандидата.

– Баба с возу – коню легче, – еще сказал Глеб. – Проблемы нету, а эти... – Глеб что-то показал руками замысловатое, – танцуют, звенят бубенчиками... Да? Но при желании... – Глеб повторил: – При желании – их как бы нету. Верно? Потому что, если... Хорошо! Еще один вопрос: как вы относитесь к тому, что Луна тоже дело рук разума?

Кандидат молча смотрел на Глеба. Глеб продолжал:

– Вот высказано учеными предположение, что Луна лежит на искусственной орбите, допускается, что внутри живут разумные существа...

– Ну? – спросил кандидат. – И что?

– Где ваши расчеты естественных траекторий? Куда вообще вся космическая наука может быть приложена?

Мужики внимательно слушали Глеба.

– Допуская мысль, что человечество все чаще будет посещать нашу, так сказать, соседку по космосу, можно допустить также, что в один прекрасный момент разумные существа не выдержат и вылезут к нам навстречу. Готовы мы, чтобы понять друг друга?

– Вы кого спрашиваете?

– Вас, мыслителей...

– А вы готовы?

– Мы не мыслители, у нас зарплата не та. Но если вам это интересно, могу поделиться, в каком направлении мы, провинциалы, думаем. Допустим, на поверхность Луны вылезло разумное существо... Что прикажете делать? Лаять по-собачьи? Петухом петь?

Мужики засмеялись. Пошевелились. И опять внимательно уставились на Глеба.

– Но нам тем не менее надо понять друг друга. Верно? Как? – Глеб помолчал вопросительно. Посмотрел на всех. – Я предлагаю: начертить на песке схему нашей солнечной системы и показать ему, что я с Земли, мол. Что, несмотря на то что я в скафандре, у меня тоже есть голова и я тоже разумное существо. В подтверждение этого можно показать ему на схеме, откуда он: показать на Луну, потом на него. Логично? Мы, таким образом, выяснили, что мы соседи. Но не больше того! Дальше требуется объяснить, по каким законам я развивался, прежде чем стал такой, какой есть на данном этапе...

– Так, так. – Кандидат пошевелился и значительно посмотрел на жену. – Это очень интересно: по каким законам?

Это он тоже зря, потому что его значительный взгляд был перехвачен; Глеб взмыл ввысь... И оттуда, с высокой выси, ударил по кандидату. И всякий раз в разговорах со знатными людьми деревни наступал вот такой момент – когда Глеб взмывал кверху. Он, наверно, ждал такого момента, радовался ему, потому что дальше все случалось само собой.

– Приглашаете жену посмеяться? – спросил Глеб. Спросил спокойно, но внутри у него, наверно, все вздрагивало. – Хорошее дело... Только, может быть, мы сперва научимся хотя бы газеты читать? А? Как думаете? Говорят, кандидатам это тоже не мешает...

– Послушайте!..

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Да мы уже послушали! Имели, так сказать, удовольствие. Поэтому позвольте вам заметить, господин кандидат, что кандидатство – это ведь не костюм, который купил – и раз и навсегда. Но даже костюм и то надо иногда чистить. А кандидатство, если уж мы договорились, что это не костюм, тем более надо... поддерживать. – Глеб говорил негромко, но напористо и без передышки – его несло. На кандидата было неловко смотреть: он явно растерялся, смотрел то на жену, то на Глеба, то на мужиков... Мужики старались не смотреть на него. – Нас, конечно, можно тут удивить: подкатить к дому на такси, вытащить из багажника пять чемоданов... Но вы забываете, что поток информации сейчас распространяется везде равномерно. Я хочу сказать, что здесь можно удивить наоборот. Так тоже бывает. Можно понадеяться, что тут кандидатов в глаза не видели, а их тут видели – и кандидатов, и профессоров, и полковников. И сохранили о них приятные воспоминания, потому что это, как правило, люди очень простые. Так что мой вам совет, товарищ кандидат: почаще спускайтесь на землю. Ей-богу, в этом есть разумное начало. Да и не так рискованно: падать будет не так больно.

– Это называется – «покатил бочку», – сказал кандидат. – Ты что, с цепи сорвался? В чем, собственно...

– Не знаю, не знаю, – торопливо перебил его Глеб, – не знаю, как это называется, – я в заключении не был и с цепи не срывался. Зачем? Тут, – оглядел Глеб мужиков, – тоже никто не сидел – не поймут. А вот и жена ваша сделала удивленные глаза... А там дочка услышит. Услышит и «покатит бочку» в Москве на кого-нибудь. Так что этот жаргон может... плохо кончиться, товарищ кандидат. Не все средства хороши, уверяю вас, не все. Вы же, когда сдавали кандидатский минимум, вы же не «катили бочку» на профессора. Верно? – Глеб встал. – И «одеяло на себя не тянули». И «по фене не ботали». Потому что профессоров надо уважать – от них судьба зависит, а от нас судьба не зависит, с нами можно «по фене ботать». Так? Напрасно. Мы тут тоже немножко... «микитим». И газеты тоже читаем, и книги, случается, почитываем... И телевизор даже смотрим. И, можете себе представить, не приходим в бурный восторг ни от КВН, ни от «Кабачка «13 стульев». Спросите, почему? Потому что там – та же самонадеянность. Ничего, все съедят. И едят, конечно, ничего не сделаешь. Только не надо делать вид, что все там гении. Кое-кто понимает... Скромней надо.

– Типичный демагог-кляузник, – сказал кандидат, обращаясь к жене. – Весь набор тут...

– Не попали. За всю жизнь ни одной анонимки или кляузы ни на кого не написал. – Глеб посмотрел на мужиков: мужики знали, что это правда. – Не то, товарищ кандидат. Хотите, объясню, в чем моя особенность?

– Хочу, объясните.

– Люблю по носу щелкнуть – не задирайся выше ватерлинии! Скромней, дорогие товарищи...

– Да в чем же вы увидели нашу нескромность? – не вытерпела Валя. – В чем она выразилась-то?

– А вот когда одни останетесь, подумайте хорошенько. Подумайте – и поймете. – Глеб даже как-то с сожалением посмотрел на кандидатов. – Можно ведь сто раз повторить слово «мед», но от этого во рту не станет сладко. Для этого не надо кандидатский минимум сдавать, чтобы понять это. Верно? Можно сотни раз писать во всех статьях слово «народ», но знаний от этого не прибавится. Так что когда уж выезжаете в этот самый народ, то будьте немного собранней. Подготовленней, что ли. А то легко можно в дураках очутиться. До свидания. Приятно провести отпуск... среди народа. – Глеб усмехнулся и не торопясь вышел из избы. Он всегда один уходил от знатных людей.

Он не слышал, как потом мужики, расходясь от кандидатов, говорили:

– Оттянул он его!.. Дошлый, собака. Откуда он про луну-то знает?

– Срезал.

– Откуда что берется!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
И мужики изумленно качали головами:

– Дошлый, собака. Причесал бедного Константина Иваныча... А? Как миленького причесал! А эта-то, Валя-то, даже рта не открыла.

– А что тут скажешь? Тут ничего не скажешь. Он, Костя-то, хотел, конечно, сказать... А тот ему на одно слово – пять.

– Чего тут... Дошлый, собака!

В голосе мужиков слышалась даже как бы жалость к кандидатам, сочувствие. Глеб же Капустин по-прежнему неизменно удивлял. Изумлял. Восхищал даже. Хоть любви, положим, тут не было. Нет, любви не было. Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще.

Завтра Глеб Капустин, придя на работу, между прочим (играть будет) спросит мужиков:

– Ну, как там кандидат-то? – И усмехнется.

– Срезал ты его, – скажут Глебу.

– Ничего, – великодушно заметит Глеб. – Это полезно. Пусть подумает на досуге. А то слишком много берут на себя...

Сильные идут дальше

Всю темную осеннюю ночь ровно и сильно дул ветер. Байкал к утру здорово раскачал. Утром ветер поослаб, но волны катились высокие – поседевший Байкал сердито шумел, хлестал каменистый берег, точно на нем хотел выместить теперь всю злость, какую накопил за тревожную ночь.

На берегу собрались туристы, отдыхающие. Смотрели на Байкал, бросали ему в рассерженную морду палки. Кто-то, глядя на эти палки, обнаружил такую закономерность:

– Смотрите, чем дальше палка от берега, тем дольше ее не выбрасывает.

– Да.

– Простите, сэр, это велосипед.

– Почему?

– Это давно известно. Корабли в шторм стараются уйти подальше от берега.

– Я думал не о законе как таковом, а о том, что это похоже на людей.

– ??

– Сильные идут дальше. В результате: в шторм... в житейский, так сказать, шторм выживают наиболее сильные – кто дальше отгребется.

– Это слишком умно...

– Это слишком неверно, чтобы быть умным.

– Почему?

– Вопрос: как оказаться подальше от берега?

– Я же и говорю: наиболее сильные...

– А может быть, так: наиболее хитрые?

– Это другое дело. Возможно...

– Ничего не другое. Есть задача: как выжить в житейский шторм? И есть решение ее: выживают наиболее «легкие» – любой ценой. Можно за баркас зацепиться...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Это по чьему-то опыту, что ли?
- По опыту сильных.
- Я имел в виду другую силу – настоящую.
- Важен результат...

Очкарики... Все образованные, прочитали уйму книг... О силе стоят толкуют. А столкни сейчас в воду любого – в одну минуту пузыри пустит. Очки дольше продержатся на воде.

Вот в этом – что очки дольше держатся на воде, чем сам очкарик, – никогда в своей жизни не сомневался Митька Ермаков. Он в этот час тоже вышел глянуть на Байкал. Постоял на берегу (разговор очкариков слышал), криво улыбнулся и пошел к воде...

Но надо хоть немного рассказать о Митьке. Митька – это ходячий анекдот, так про него говорят. Определение броское, но мелкое и о Митьке говорящее не больше, чем то, что он – выпивоха. Вот тоже – показали на человека – выпивоха... А почему он выпивоха, что за причина, что за сила такая роковая, что берет его вечерами за руку и ведет в магазин? Тут тремя словами объяснишь ли, да и сумеешь ли вообще объяснить? Поэтому проще, конечно, махнуть рукой – выпивоха, и все. А Митька... Митька – мечтатель. Мечтал смолоду. Совсем еще юным мечтал, например, собраться втроем-вчетвером, оборудовать лодку, взять ружья, снасти и сплыть по рекам к Ледовитому океану. А там попытаться продвинуться по льду к Северному полюсу. Мечтал также отправиться в поисковую экспедицию в Алтайские горы – искать золото и ртуть. Мечтал... Много мечтал. Все мечтают, но другие – отмечтали и принялись устраивать свою жизнь... подручными, так скажем, средствами. Митька превратился в самого нелепого, безнадежного мечтателя – великовозрастного. Жизнь лениво жевала его мечты, над Митькой смеялись, а он – с упорством неистребимым – мечтал. Только научился скрывать от людей свои мечты. А мечты были – одна причудливее другой. Вот, допустим, узнал он одну травку... Травка – так себе, неказистая, почти все знают ее, но никто не знает, что этой травкой можно лечить... рак. А Митька знает. Он по ночам, чтобы никто не видел, собирает с фонариком эту травку, настаивает и лечит направо и налево рак легких, рак печени, рак матки – лечит злой, омерзительный рак. Любой. В три дня. Славу Митьке поют великую, поговаривают, не отлить ли ему при жизни золотой памятник в рост. Митька только криво улыбается на эту затею, пьет шампанское, живет с женщинами, вылеченными им от рака... И напоминает людям, как они смеялись над ним. К нему – запись со всего земного шара. Митька по утрам обходит скорбные ряды и показывает пальцем: «Можно» – «Подождать» – «Подождать» – «Можно» – «Срочно ко мне». Лечит сперва тех, кто победней и помоложе. Женщины до тридцати идут вне очереди. Митька жесток: наставит мужу рога, не задумается. И живет он с женщинами, вылеченными от рака, не таясь, открыто. И пусть только мужья заикнутся, что... Раза два было: мужья возмутились. Благодарные женщины чуть не выцарапали им глаза. Ученые и президенты ползают на коленях перед Митькой: «Скажи, что за травка?» Митька криво улыбается: «Вы по ней ходите». – «Скажи!» – «Фигу вам!» Бывает, что он кричит на президентов: «Трепачи! Слунтяи! Только болтать умеете!» Принимает Митька на берегу Байкала. У него огромный двухэтажный дом, причем весь второй этаж спальня. Там у него гигантские фикусы, ковры на полу, ковры на стенах, туалетные столики, столики для газет и журналов, ширмы... На подоконнике – увлажнитель с «Шипром».

В нетрезвом состоянии Митька проговаривается, но никто не понимает – о чем он?

- Да, знаю! – кричит Митька в магазине. – Но вам не скажу. Фигу вам!
- Чего ты, Митька?
- Вы по ней ходите. Ногами ее топчете, а дотумкать – вот!.. – Митька стучит себя по лбу и криво улыбается. – Не дано.

Вот это вот только и знают люди – бред, глупости. И еще – всякие «хохмы» про Митьку. Вроде этой.

Летом Митька уходит с геологоразведочными партиями и ходит до холодов (почему-то

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru он ужасно гордится и важничает: «Я – сезонник»). Однажды он пришел в поселок среди лета. И, не заходя домой, протопал в аптеку. В аптеке были люди. Девушка-аптекарь отпускала лекарство. Девушка та была очень и очень миленькая, беленькая, в белом халатике. В мечтах своих Митька то и дело лечил ее от рака. В аптеке – уютно, пахнет немощью. Митька бухнул в угол вещмешок, подошел к прилавку, бородатый, пропахший дымом, смолой и болотами, и громко сказал:

– Мне триста штук презервативов, пожалуйста.

Ну, замешательство... Аптекарьша покраснела. Одна старушка в очереди даже перекрестилась. Тишина. Этот «сундукявичус», как его прозвали в одной партии, опять:

– Триста презервативов. И счет.

Нет чтобы отозвать аптекаршу в сторонку и тихонько объяснить ей: так и так, нужно это для того, чтобы делать взрывы в мокрых забоях. Нет, Митька непременно должен «отмочить хохму».

...Итак, Митька, послушав рассуждения о сильных и несильных, криво улыбнулся и пошел к воде. И начал снимать фуфайку, пиджак...

– Освежиться, что ли, малость! – сказал он.

– Куда вы? – удивились очкарики. – Вы же простынете! Вода – пять градусов.

– Простынете.

Митька даже не посмотрел на очкариков. (Там была женщина, которую он с удовольствием бы вылечил от рака.) Снял рубаху, штаны... Поднял большой камень, покидал с руки на руку – для разминки. Бросил камень, сделал несколько приседаний и пошел волнам навстречу. Очкарики смотрели на него.

– Остановите его, он же захлебнется! – вырвалось у девушки. (Девушка – еще и в штанишках, черт бы их побрал с этими штанишками. Моду взяли!)

– Морж, наверно.

– По-моему, он к своим тридцати шести добавил еще сорок градусов.

Митька взмахнул руками, крикнул:

– Эх, роднуля! – И нырнул в «набежавшую волну». И поплыл. Плыл саженками, красиво, пожалуй, слишком красиво – нерасчетливо. Плыл и плыл, орал, когда на него катилась волна: – Давай!

Подныривал под волну, выскакивал и опять орал:

– Хорошо! Давай еще!..

– Сибиряк, – сказали на берегу. – Все нипочем.

– Верных семьдесят шесть градусов.

– ...авай! – орал Митька. – Роднуля!

Но тут «роднуля» подмахнула высокую крутую волну. Митька хлебнул раз, другой, закашлялся. А «роднуля» все накатывал, все настигал наглеца. Митька закрутился на месте, стараясь высунуть голову повыше. «Роднуля» бил и бил его холодными мягкими лапами, толкая вглубь.

– ...сы-ы! – донеслось на берег. – Тру-сы спали-и! Тону!

Очкарики заволновались.

– Он серьезно, что ли?

– Он же тонет, ребята!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Э-эй! Ты серьезно, что ли?!

– Да серьезно, какого черта!

– ..у-у! – орал Митька. Он серьезно тонул. Видно было, как он опять хлебнул... Скрылся под водой, но опять выкарабкался. Но больше уже не орал.

– Лодку! Лодку! – забегали на берегу. – Эй, держись!

Побежали к лодке, что лежала метрах в ста отсюда и далеко от воды. Но кто-то разглядел:

– Она примкнута к коряге.

– Черт, утонет ведь! Еще хлебнет пару раз...

– Ребята, ну что же вы?! – чуть не плакала девушка в штанишках.

Голова Митьки поплавром качалась в волнах, скрывалась из виду, опять появлялась... И руками Митька теперь взмахивал реже.

– Ребята, ну что вы?!

Двое очкариков начали торопливо сбрасывать с себя одежду. Вот скинул один, прыгнул в воду, ойкнул и сильно погреб к Митьке. И второй прыгнул в воду и стал догонять первого.

– Эй, держись! Держи-ись! – кричала девушка и махала зачем-то руками. – Ребята, они успеют?

– Успеют.

– Вот фраер-то! – волновались на берегу.

– Зачем он полез-то!

– Семьдесят шесть градусов. Николай верно говорил.

– Трепач-то! Хоть бы успели.

– Мне эти сильные!.. Сибиряки. Куда полез? Зачем?!

– Ребята, успеют или нет? Где он, ребята?!

Ребята только-только успели: поймали Митьку за волосы и погребли к берегу.

Митька наглотался изрядно. Очкарики начали делать ему искусственное дыхание по всем правилам где-то когда-то усвоенной науки спасения утопающих: подложили Митьке под поясницу кругляш, болтали бесчувственными Митькиными руками, давили на живот... Митька был без трусов, и девушка просила издали:

– Ребята, ну наденьте ему брюки. Ребят, ну наденьте! Я помогу вам откачивать.

– Ты лучше беги в магазин, – попросил один из тех, кто плывал за Митькой. Он прыгал на одной ноге, стараясь попасть другой в штанину. Его так трясло, что вблизи слышно было, как щелкают зубы. – А то пропадешь к черту... с этими моржами.

– Ребят, вам теперь медали дадут, да?

Те, что возились с Митькой, захихикали.

– Ирочка, без трусов не считается.

– Как – без трусов не считается?

– Если вытащили утопающего, но он без трусов, то не считается, что спасли. Надо достать трусы, тогда дадут медаль.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Ира, иди поддержи голову.
- Да ну, какие-то!.. Ну наденьте же штаны, ребята!
- Мы в штанах, Ира. Ты что, бог с тобой!

Митька стал подавать признаки жизни. Открыл глаза, замычал... Потом его стало рвать водой и корезить. Рвало долго, Митька устал. Закрыв глаза. Потом вдруг – то ли вспомнил, то ли почувствовал, что он без трусов, – вскочил, схватился... там где носят трусы... Очкарики засмеялись. Митька вскочил – и бегом по камням, прикрывая руками стыд. Добежал к своей одежде, схватил, еще три-четыре прыжка, и он скрылся в кустах. И больше не появлялся.

Очкарики пошли в магазин – покупать лекарство для двух своих героев. А заодно полагалось выпить и за здоровье спасенного.

- Зря он сбежал! – сокрушались. – Лютенко нахмурится: «В честь чего выпивка?» – «Спасли утопающего». Не поверит. Скажет, выдумали. Ира, подтвердишь?

- Если вам не полагаются медали, то и выпивка не полагается. Я против.
- Все дело в трусах...
- А лихо он в кусты сиганул! Прямо детектив: спасли утопающего, он схватил одежду и был таков. Может, шпион?

Беззаботный народ, эти очкарики! Шляются по дорогам... Все бы им хаханьки, хиханьки. Несерьезно как-то все это. В их годы... Но вернемся к Митьке.

Митька перед самым закрытием магазина пришел туда. Он был уже хорош. Оглянулся, спросил продавщицу негромко:

- Здесь бумажник никто не находил?
- Какой бумажник?
- Кожаный... в нем пятнадцать отделений.
- Твой, что ли?
- Не имеет значения. Никто не поднимал?
- Нет. А что там было?
- Деньги.
- Твои, что ли?
- Не имеет значения.
- Много денег?
- Полторы тысячи.
- Новых?!
- Новых... Новеньких. Никто не поднимал?

Тут только сообразила продавщица, что у Митьки – «транс». Митька наскочил на новый сюжет.

- Господи!.. Митька, заикой сделаешь так. Да ведь как серьезно, черт такой! Ты хоть раз в глаза видал такие деньги?

Митька криво улыбнулся:

- Хочешь, я тебе сейчас... Ну, ладно. Замнем для ясности. Дай бутылку.

полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Чего «я сейчас»?

– Ладно, ладно. Давай бутылку и помалкивай. Я про деньги не спрашивал.

– Женился бы ты, чудак-человек, – с искренним сочувствием сказала продавщица, здешняя женщина, знавшая Митьку с малых лет. – Женился – заботы пойдут, некогда выдумывать-то будет что попало.

– Ладно, ладно, – сказал Митька. Взял бутылку и пошел из магазина. На пороге остановился, еще раз предупредил продавщицу: – Имей в виду: я про деньги не спрашивал. Если кто найдет, станут тебе отдавать – ты ничего не знаешь, чьи они.

– Ладно, Митя, не скажу. Только ведь не отдадут.

– как?

– А то не знаешь – как? Найдут и промолчат. Полторы тыщи – это дом крестовый, какой же дурак отдаст. Присвоит, и все.

– На всякий случай: ты ничего не знаешь.

– Добро.

Митька ушел.

Да, опять у него это самое... Похоже, изобрел машинку для печатания бумажных денег. Опять будет помогать бедным и женщинам. Митька добрый человек, но очень наивный: ведь попадутся бедные и женщины с фальшивыми деньгами! И им же будет плохо. Об этом он почему-то не думает. Лучше уж рак лечить – безопасней.

Шире шаг, маэстро!

Притворяшка Солодовников опять опаздывал на работу. Опаздывал он почти каждый день. Главврач, толстая Анна Афанасьевна, говорила:

– Солодовников, напишу маме!

Солодовников смущался; Анна Афанасьевна (Анфас – называл ее Солодовников в письмах к бывшим сокурсникам своим, которых судьба тоже растолкала по таким же углам; они еще писали друг другу, жаловались и острили) приходила в мелкое движение – смеялась. Молча. Ей нравилось быть наставником и покровителем молодого врача, молодого донжуана. Солодовников же, наигрывая смущение, жалел, что редкое дарование его – нравиться людям – пропадает зря: Анфас не могла сыграть в его судьбе сколько-нибудь существенную роль; дай бог ей впредь и всегда добывать для больницы спирт, камфару, листовое железо, радиаторы для парового отопления. Это она умела. Еще она умела выковыривать аппендицит. Солодовникову случалось делать кое-что посложнее, и он опять жалел, что никто этого не видит. «Я тут чуть было не соблазнился на ауто трансплантацию, – писал он как-то товарищу своему. – Хотел большую подкожную загнать в руку – начитался новинок, вспомнил нашего старика. Но... и но: струсил. Нет, не то: зритель нет, вот что. Хучь бей меня, хучь режь меня – я актер. А моя драгоценная Анфас – не аудитория. Нет».

Солодовников спешил. Мысленно он уже проиграл утреннюю сцену с Анной Афанасьевной: он нахмурится виновато, сунется к часам... Вообще он после таких сценок иногда чувствовал себя довольно поганым. «Гадкая натура, – думал. – Главное, зачем? Ведь даже не во спасение, ведь не требуется!» Но при этом испытывал и некое приятное чувство, этакое дорогое сердцу успокоение, что – все в порядке, все понятно, дело мужское, неженатое.

Солодовников взбежал на крыльцо, открыл тяжелую дверь на пружине, придержал ее, чтоб не грохнула... И, раздеваясь на ходу, поспешил к вешалке в коридоре. И когда раздевался, увидел на белой стене, противоположной окну, большой – в окно – желтый квадрат. Свет. Солнце... И как-то он сразу вдруг вспыхнул в сознании, этот квадратный желтый пожар, – весна! На дворе желанная, милая весна. Летел по улице, хрустел ледком, думал черт знает о чем, не заметил, что – весна. А теперь... даже остановился с пальто в руках, засмотрелся на желтый квадрат. И радость, особая радость – какая-то тоже ясная, надежная, сулящая и вперед тоже

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru тепло и радость – толкнулась в грудь Солодовникова. В той груди билось жадное до радости молодое сердце. Солодовников даже удивился и поскорей захотел собрать воедино все мысли, сосредоточить их на одном: вот – весна, надо теперь подумать и решить нечто главное. Предчувствие чего-то хорошего охватило его. Надо только, думал он, собраться, крепко подумать. Всего двадцать четыре года, впереди целая жизнь, надо что-то такое решить теперь же, когда и сила есть, много, и радостно. И весна. Надо начать жить крупно.

Солодовников прошел в свой кабинетик (у него стараниями все той же добрейшей Анны Афанасьевны за чем-то был свой кабинетик), сел к столу и задумался. Не пошел к Анне Афанасьевне. Она сейчас сама придет.

Ни о чем определенном он не думал, а все жила в нем эта радость, какая вломилась сейчас – с весной, светом – в душу, все вникал он в нее, в радость, вслушивался в себя... И невольно стал вслушиваться и в звуки за окном: на жесть подоконника с сосулек, уже обогретых солнцем, падали капли, и мокрый шлепающий звук их, такой неожиданный, странный в это ясное, солнечное утро с легким морозцем, стал отзываться в сердце – каждым громким шлепком – радостью же. Нет, надо все сначала, думал Солодовников. Хватит. Хорошо еще, что институт закончил, пока валял дурака, у других хуже бывает. Он верил, что начнет теперь жить крупно – самое время, весна: начало всех начал. Отныне берем все в свои руки, хватит. Двадцать пять плюс двадцать пять – пятьдесят. К пятидесяти годам надо иметь... кафедру в Москве, свору учеников и огромное число работ. Не к пятидесяти, а к сорока пяти. Придется, конечно, поработать, но... почему бы не поработать!

Солодовников встал, прошелся по кабинету. Остановился у окна. Радость все не унималась. Огромная земля... Огромная жизнь. Но – шаг пошире, пошире шаг, маэстро! Надо успеть отшагать далеко. И начнется этот славный поход – вот отсюда, от этой весны.

Солодовников опять подсел к столу, достал ручку, поискал бумагу в столе, не нашел, вынул из кармана записную книжку и написал на чистой страничке:

Отныне буду так:

Холодный блеск ума,

Как беспощадный блеск кинжала:

Удар – закон.

Удар – конец.

Удар – и все сначала.

Прочитал, бросил ручку и опять стал ходить по кабинету. Закурил. Его поразило, что он написал стихи. Он никогда не писал стихов. Он даже не подозревал, что может их писать. Вот это да! Он подошел к столу, перечитал стихи... Хм. Может, они, конечно, того... наговатые. Но дело в том, что это и не стихи, это своеобразная программа, что ли, сформулировалась такими вот словами. Он еще прошелся по кабинету... Вдруг засмеялся вслух. Стихи хирурга: «Удар – конец. Удар – и все сначала». Что сначала: новый язвенник? Ничего... Он порадовался тому, что не ошалел от радости, написав стихи, что достало мудрости обнаружить их смешную слабость. Но их надо сохранить: так – смешно и наивно – начиналась большая жизнь. Солодовников спрятал книжечку. Если к пятидесяти годам не устать, как... лошади, и сохранить чувство юмора, то их можно потом и вспомнить.

А за окном все шлепало и шлепало в подоконник. И заметно согревалось окно. Весна работала. Солодовников почувствовал острое желание действовать.

Он вышел в коридор, прошел опять мимо желтого пятна на стене, подмигнул ему и мысленно сказал себе: «Шире шаг, маэстро!»

Анна Афанасьевна, конечно, говорила по телефону и, конечно, о листовом железе. Они кивнули друг другу.

– Я понимаю, Николай Васильевич, – любезно говорила Анна Афанасьевна в трубку, – я вас прекрасно понимаю. Да. Да!.. Пятнадцать листов!

«Мы все прекрасно понимаем, Николай Васильевич», – съязвил про себя Солодовников, присаживаясь на белую табуретку. Не зло съязвил, легко – от избытка доброй силы. Не терпелось скорей заговорить с Анной Афанасьевной.

– Я вас прекрасно понимаю, Николай Васильевич!.. Хорошо. Бу сделано! – Анна

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Афанасьевна пришла в мелкое движение – засмеялась беззвучно. – Я в долгу не останусь. До свиданья! Нет, не у нас, не у нас. Что вы все боитесь нас, как... не знаю. До свиданья – на нейтральной почве! В ресторане? – Анфас опять вся заколебалась. – Ну, посмотрим. Ну, лады! Всего.

«Господи – весь юмор: «бу сделано», «лады», – удивился Солодовников. – И не жалко времени – болтать! Тут теперь каждая минута дорога».

– Ну-с, Георгий Николаевич... – Анна Афанасьевна весело и значительно посмотрела на Солодовникова.

– Да здравствует листовое железо! – тоже весело сказал Солодовников без всякого смущения, даже притворного. Он прямо смотрел Анне Афанасьевне в глаза.

– В смысле? – спросила та.

– В смысле: у нас будет самодельный холодильник. – Солодовников встал, подошел к окну, постоял, руки в карманы, чувствуя за собой удивленный взгляд главврача... Качнулся с носков на пятки. И соврал. Крупно. Неожиданно. – Начал писать работу, Анна Афанасьевна. «Письма из глубинки. Записки врача».

Это как-то случилось само собой – эти «Письма из глубинки». И Солодовникова опять поразило: это же ведь то, что нужно! С этого же и надо начинать. Неужели начался неосознанный акт творчества? Если, конечно, это не «удар – закон». Нет, это реально, умно, точно: это описание интересных случаев операционной практики в условиях сельской больницы. В форме писем к другу Н. Тут и легкая ирония по поводу этих самых условий, описание самодельного холодильника – глубокой землянки, обшитой изнутри листовым железом, – и – легко, вскользь – весна... Но, конечно же, главным образом работа, работа, работа. Изнуряющая. Радостная. Смелая. Подвижническая. Любовь населения... Уважение. Ночные поездки. Аутотрансплантация. Прободная в условиях полевого стана. Благодарность старушки, ее смешная, искренняя молитва за молоденького неверующего врача... Все это сообразилось в один миг, вдруг, отчетливо, с радостью. Солодовников повернулся к Анне Афанасьевне... Да, тут, конечно, и заботливая, недалекая хлопотунья Анна Афанасьевна, главврач... Которая, прочитав «Записки» в рукописи, скажет, удивленная: «Прямо как роман!» – «Ладно, а как врачу вам это интересно?» – «Очень! Тут же есть просто уникальные случаи!» – «А за себя... не в обиду на автора?» – «Да нет, чего обижаться? Все правда».

– Что, Анна Афанасьевна?

– Уже начали писать? – спросила Анна Афанасьевна. – Записки-то. Поэтому и опоздали?

– Поэтому и опоздал. – Солодовников обиделся на главврача: солдафон в юбке, одно листовое железо в голове. – Извините, – сухо добавил он, – больше этого не случится. – Смотреть на часы и огорчаться притворно он не стал. «Все, – подумал он. – Хватит. Пора кончать эти... ужимки и прыжки». Вспомнил свое стихотворение.

– Какой-то вы сегодня странный.

– Что с этим язвенником, с трактористом? – спросил Солодовников. – Будем оперировать?

Анна Афанасьевна больше того удивилась:

– Зубова? Здрассте, я ваша тетя: я его два дня назад в район отправила. Вы что?

– Почему?

– Потому что вы сами просили об этом, поэтому. Что с вами?

– Да, да, – вспомнил Солодовников. – А эта девушка с мениском?

– С мениском лежит. Хотите оперировать?

– Да, – твердо сказал Солодовников. – Сегодня же.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Анна Афанасьевна посмотрела на своего помощника долгим взглядом. Солодовников тоже посмотрел на нее – как-то несколько задумчиво, чуть прищурив глаза.

– Так, – молвила Анна Афанасьевна. – Ну, что же... Только вот какое дело, Георгий Николаевич: сегодня операцию отложим. Сегодня вы мне поможете, Георгий Николаевич. Меня вызывают в райздрав, а я договорилась с директором совхоза насчет железа... Причем, это такой человек, что его надо ловить на слове: завтра железа у него не будет, надо брать, пока оно, так сказать, горячо. Я прошу вас получить сегодня это железо. Завхоз наш, как вам известно, в отпуске.

Солодовников было огорчился, но, подумав, легко согласился:

– Хорошо.

Первая глава в «Записках» будет... о листовом железе. Это сразу введет в обстоятельства и условия, в каких приходилось работать молодому врачу.

– Что все-таки с вами такое? – опять не выдержала Анна Афанасьевна. Ей чисто по-женски интересно было узнать, отчего молодые люди могут за одну ночь так измениться. – Серьезная любовь?

Солодовников в свою очередь с любопытством посмотрел на главврача:

– Вы ничего не замечаете? Что происходит на земле...

Анна Афанасьевна даже выглянула в окно.

– Что происходит? Не понимаю...

– Не во дворе у нас, вообще на земле.

– Война во Вьетнаме...

– Нет, я не про то. Лады, Анна Афанасьевна, иду добывать железо! Куда надо идти?

– Надо ехать в Образцовку к директору совхоза. Ненароков Николай Васильевич. Но раньше надо взять у нас в сельсовете подводу и одного рабочего, там дадут, я договорилась. Скажите Ненарокову, что мы, я или вы, на днях прочитаем у них в клубе лекцию о вреде алкоголя. Это действительно надо сделать, я давно обещала. Вы мне сегодня положительно нравитесь, Георгий Николаевич. Любовь, да?

– Разрешите идти? – Солодовников прищелкнул каблуками, улыбнулся своей доверчивой, как он ее сам называл, улыбкой.

– Разрешаю.

Солодовников вышел в коридор... Пятно света наполовину сползло со стены на пол. Солодовников нарочно наступил на пятно, постоял... «Время идет», – подумал он. Без сожаления, однако, подумал, а с радостью, как если бы это обозначало: «Началось мое время. Сдвинулось!»

В кабинетике он опять достал записную книжку и записал:

«Сегодня утром я спросил мою уважаемую Анфас: «Что происходит на земле?» Анфас честно выглянула в окно... Подумала и сказала: «Война во Вьетнаме». – «А еще?» Она не знала. А на земле была Весна».

Это – начало первой главы «Записок». Солодовникову оно понравилось. С прозой он, очевидно, в лучших отношениях. Да, с этого дня, с этого утра время работает на него. На книге, которую он подарит Анне Афанасьевне, он напишет:

«Фоме неверующему – за добро и науку. Автор».

Вот и все. Ну, а теперь – листовое железо!

В сельсовете Солодовникову дали подводу, но того, кто должен был ехать с ним, пока не было.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Вы, это, заехайте за ним, он живет... вот так вот улица повернет от сельпа в горку, а вы...

Солодовников поехал один в Образцовку. «Черт с ним, с рабочим, один погружу».

Ехать до Образцовки не так уж долго, но конек попался грустный, не спешил, да Солодовников и не торопил его. Санная езда кончалась; как выехали на тракт, так потащились совсем тихо и тяжело. Полозья омерзительно скрежетали по камням; от копыт лошади, когда она пробовала бежать рысью, летели ошметья талого грязного снега. В санях было голо, Солодовников не догадался попросить охапку сена, чтобы раскинуть ее и развалиться бы на ней, как, он видел, делают мужики.

На выезде из села, у крайних домов, Солодовников увидел початый стожок сена. Стожок был огорожен пряслем, но к нему вела утопанная тропка. Солодовников остановил коня и побежал к стожку. Перелез через прясло и уже запустил руки в пахучую хрустящую благодать, стараясь захватить побольше... И тут услышал сзади злой окрик:

– Эт-то что за елкина мать?! Кто разрешил?

Солодовников вздрогнул испуганно и выдернул руки из сена. К нему по тропке быстро шел здоровый молодой мужик в синей рубахе, без шапки. Нес в руках березовый колышек.

– Я хотел под бок себе... – поспешно сказал Солодовников и сам почувствовал, что говорит трусливо и униженно. – Немного – вот столько – под бок хотел положить...

– А по бокам не хотел? Стяжком вот этим вот... Под бок он хотел! Опяшу вот разок-другой...

– Я врач ваш! – совсем испуганно воскликнул Солодовников. – Мне немного надо-то было... Господи, из-за чего шум?

– Врач... – мужик присмотрелся к Солодовникову и, должно быть, узнал врача. – Надо же спросить сперва. Если каждый будет по охапке под бок себе дергать, мне и коровенку докормить нечем будет. Спросить же надо. Тут много всяких ездют.

Мужик явно теперь узнал врача, но оттого, что он тем не менее отчитал его, как школяра, Солодовников очень обиделся.

– Да не надо мне вашего сена, господи! Я немного и хотел-то... под бок немного. Не надо мне его! – Солодовников повернулся и пошел по целику прямо, проваливаясь по колена в жесткий ноздреватый снег, больно царапая лодыжки. Он понимал, что – со стороны посмотреть – вовсе глупо: шагать целиком, когда есть тропинка. Но на тропинке стоял мужик и его надо было обойти.

– Возьми сена-то! – крикнул мужик. – Чего же пустой пошел?

– Да не надо мне вашего сена! – чуть не со слезами крикнул Солодовников, резко оглянувшись. – Вы же убьете, чего доброго, из-за охапки сена!

Мужик молча глядел на него.

Солодовников дошел до саней, больно стегнул вожжами кобылу и поехал. В какой-то статье он прочитал у какого-то писателя, что «идиотизма деревенской жизни» никогда не было и, конечно же, нет и теперь. «Сам идиот, поэтому и идиотизма нет и не было», – зло подумал он про писателя.

Ноги Солодовников поцарапал сильно, теперь саднило, и он решил вернуться в больницу и на всякий случай обезвредить ссадины. Но остановился, постоял и раздумал, решил, что в совхозе попросит спирту и протрет ноги.

Он потихоньку ехал дальше и успокоился. Вообще неплохое продолжение первой главы «Записок». Только с юмором надо как-то... осторожнее, что ли. При чем тут юмор и ирония? Это должна быть трезвая, деловая вещь, без всяких этих штучек. В том-то и дело, что не развлекать он собрался, а поведать о трудной, повседневной, нормальной, если хотите, жизни сельского врача. Солодовников совсем успокоился, только очень неуютно, неудобно было в жестких, холодных санях.

Николай Васильевич Ненароков, человек нестарый, сорокалетний, но медлительный (нарочно, показалось Солодовникову), рассудительный... Долго беседовал с Солодовниковым, присматривался. Узнал, где учился молодой человек, как попал в эти края (по распределению?), собирается ли оставаться здесь после обязательных трех лет... Солодовникову директор очень не понравился. Под конец он прямо и невежливо спросил:

– Вы дадите железо?

– А как же? Вы что, обиделись, что расспрашиваю вас? Мне просто интересно... У меня сынишка подрастает, тоже хочет в медицинский, вот я и прошупываю, так сказать, почву. Конкурс большой?

– Да, с каждым годом больше.

– Вот, – решил директор. – Нечего и соваться. Есть сельскохозяйственный – прямая дорога. Верно? Специалисты позарез нужны, без работы не будет.

Солодовников пожал плечами:

– Но если человек хочет...

– Мало ли чего мы хотим! Я, может, хочу... – Директор посмотрел на молодого врача, не стал говорить, чего он, «может, хочет». Написал на листке бумаги записку кладовщику, подал Солодовникову: – Вот – на складе Морозову отдайте. Лупоглазый такой, узнаете. Он небось с похмелья.

– Насчет лекции... Анна Афанасьевна просила передать...

Директор махнул рукой:

– Толку-то от этих лекций! Приезжайте, поговорите. Вот картину какую-нибудь интересную привезут, я позвоню – приезжайте.

– Зачем? – не понял Солодовников.

– Ну, лекцию-то читать.

– А при чем тут картина?

– А как людей собрать? Перед картиной и прочтаете. Иначе же их не соберешь. Что?

– Ничего. Я думал, соберутся специально на лекцию.

– Не соберутся, – просто, без всякого выражения сказал директор. – Значит, Морозова спросите, завскладом.

Морозов внимательно прочитал записку директора и вдруг заявил протест:

– Пятнадцать листов?! А где? У меня их нету. – Он вернул записку. И при этом пытливо посмотрел на врача. – Откуда они у меня?

– Как же? – растерялся Солодовников. – Они же договорились...

– Кто?

– Главврач и ваш директор.

– Так вот, если они договорились, пусть они вам и выдают. У меня железа нет. – Морозов сунул руки в карманы и отвернулся. Но не отходил. Чего-то он ждал от врача, а чего, Солодовников никак не мог понять. – А то они шибко скорые: Морозов, выдай, Морозов, отпусти... А у Морозова на складе – шаром покати. Тоже мне, понимаешь...

– Как же быть? – спросил Солодовников.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Не знаю, не знаю, дорогой товарищ. У меня железо приготовлено для колхоза «Заря», они приедут за ним. – Морозов простуженно, со свистом покашлял в кулак.

И опять глянул на врача.

– Простыл к черту, – доверительно, совсем не сердито сказал он. – Крутишься день-деньской на улице... Впору к вам ехать – лечиться.

Только теперь сообразил Солодовников, что Морозов хочет опохмелиться.

– Нет железа?

– Есть. Для других. Для вас – нету.

– А телефон тут есть где-нибудь?

– Зачем?

– Я позвоню директору. Что это такое, в конце концов: я бросил больных, еду сюда, а тут стоит... некий субъект и корчит из себя черт знает что! Где телефон?

Морозов вынул руки из карманов, нехорошо сузил глаза на врача-молокососа:

– А полегче, например, – это как, можно? Без гонора. М-м?

– Где телефон?! – крикнул Солодовников, сам удивляясь своей нахрапистости. – Я вам покажу гонор. И кое-что еще! Мы найдем железо... Я сейчас не директору, а в райком буду звонить. Где телефон?

Морозов пошел под навес, сдернул со штабеля толь – там было листовое железо.

– Отсчитывайте пятнадцать листов, – спокойно сказал Морозов, – а мне, пожалуйста, сообщите вашу фамилию.

– Солодовников Георгий Николаевич.

Морозов записал.

– За субъекта... как вы выразились, придется ответить.

– Отвечу.

– Если всякие молокососы будут приезжать и обзывать...

– За молокососа тоже придется ответить. Вы на что намекаете? Что у нас молокососам жизни человеческие доверяют?

– Ничего, ничего, – сказал Морозов. Но такой поворот дела его явно не устраивал.

Солодовников подъехал с санями к штабелю и стал кидать листы в сани.

Морозов стоял рядом, считал.

– Привет тете, – сказал Солодовников, отсчитав пятнадцать листов. И поехал.

Морозов закрывал штабель. На Солодовникова не оглянулся.

Солодовников поехал с хорошим настроением... Только опять было неудобно в санях. Теперь еще железо мешало. Он пристроился сидеть на отводине саней, на железе – совсем холодно.

Дорога, когда поехал обратно, вовсе раскисла, и лошадь всерьез напряглась, волоча тяжелые сани по чавкающей мешанине из снега, земли и камней.

«Вот так и надо! – удовлетворенно думал Солодовников. – В дальнейшем будет только так». Неприятно кольнуло воспоминание о мужике с кольшком, но он постарался больше не думать об этом.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru Но – то ли сани очень уж медленно волоклись, то ли малость сегодняшних дел и каких-то глупых стычек – радость и удовлетворение почему-то оставили Солодовникова. Стал безразличен хороший солнечный день, даль неоглядная, где распахнулась во всю красу мокрая весна, – стали безразличны все эти запахи, звуки, пятна... Ну, весна, ну, что же теперь – козлом, что ли, прыгать? Куда как приятнее и веселее вечером. Вечером они уговорились – компанией в пять-шесть человек – играть в фантики и целоваться. Будет музыка, винишко... Будет там эта курносенькая хохотушка, учительница немецкого языка... Она хохотушка-то хохотушка, но умна, черт бы ее побрал, читала много, друзей интересных оставила в городе. Тут что-то такое... сердчишко у врача вздрагивает. Вздрагивает, чего там. Малость, она, правда, вульгаритэ: носик. К тридцати годам носик этот самый на лоб полезет. Курносые предрасположены к полноте. Но где они еще, эти ее тридцать пять лет!

Солодовников подстегнул кобылку.

Пока он сгрузил в больнице железо и пока отвел лошадь в сельсовет и опять вернулся в больницу, прошло много времени. Солодовников чувствовал, что устал. Руки тряслись. Он умылся в кабинетике, хотел пойти посмотреть девушку с мениском, но решил, что завтра с утра. Вошла уборщица и сказала, что там называют без конца, а Анны Афанасьевны нету.

– Ну и что? Скажите, что ее нету.

– Может, вы послушаете. Они там говорят: кто есть, мол.

Солодовников пошел в кабинет главврача, посидел у телефона, дождался, когда он затрещал, снял трубку.

– Больница, Солодовников... Она в районе... А-а, это вы? Получил, получил. Пятнадцать листов, все в порядке. Спасибо... Лекцию?... Нет, сегодня не получится. Нет. Я не смогу... занят, а Анна Афанасьевна... не знаю, когда она приедет. Нет, я занят. Я оставлю ей записку... Во сколько сеанс-то? Я напишу ей. До свиданья.

Солодовников положил трубку, посидел... И все-таки пошел в палату к девушке с мениском. Посмотрел ее ногу, поговорил с девушкой, с удовольствием похлопал ее по румяной щеке, пошутил. Поговорил с другими больными, послушал их справедливые, скучные слова. Сказал, что на дворе – весна. И ушел. Вошел опять в свой кабинетик, посмотрел на часы – без пятнадцати три, можно отчаливать. Он снял халат, поправил перед зеркалом галстук... Закурил. Нащупал в кармане записную книжку, хмыкнул, вспомнив про стихи, не стал их перечитывать, бросил книжечку в стол, подальше. И пошел из больницы.

Шел опять той дорогой, какой шел утром, старательно обходил лужи... Здравовался со встречными – вежливо, с достоинством (он поразительно скоро и незаметно как-то научился достоинству), но ни с кем не заговаривал.

«Нет, в курносенькой что-то есть, – думал Солодовников. – Определенно что-то есть. Но, пожалуй, слишком уж серьезно к себе относится – это при том, что неутомимая хохотушка. Бережет себя... Так – раззадорить можно, но не больше того. Нет, не больше».

Петя

Двухэтажная гостиница городка Н. хлопает дверьми, громко разговаривает, скрипит панцирными сетками кроватей, обильно пьет пиво...

Воскресенье. Делать нечего, я сижу спиной к дверям, к разговорам гостиничным и наблюдаю за Петей.

Он живет напротив, в длинном, низком строении; окно моего номера выходит к ним во двор.

Петя – маленький, толстенький, грудь колесом, ушки топориком, нижняя челюсть – вперед... Петя – это, конечно, хозяин. Я за ним дня три уже наблюдаю.

Сегодня с утра Петя засобирился в гости. Вышел часов в десять, отоспался – свеженький. С ходу неловко присел несколько раз, помахал руками, крякнул, потом протяжно зевнул и пошел умываться к рукомойнику. Умывался долго, фыркал, крутил

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru пальцами в ушах, хлопал ладошками себя по загривку... Возможно, Петя в глубине души считает, что когда он стоит вот так – внаклон, раскорячив ноги, и крутит пальцами в ушах, – возможно, он считает, что на спине его в это время вспухают и перекатываются под кожей бугры мышц. Бугров нету, есть добрый слой раннего жира, и он слегка шевелится. Петя любит свое конопатое тело: в субботу и в воскресенье до обеда он ходит по двору голый по пояс. И все поглаживает себя, похлопывает – все бьет каких-то невидимых мошек, комариков... и разглядывает их. А то вдруг – ни с того ни с сего – шлепнет ладонью по груди и потом долго, блаженно растирает грудь.

– Лялька, полотенце! – кричит Петя, кончив плескаться.

Лялька – жена Пети. Она выше его, сухая. Громко, показушно уважает мужа.

– Слышь?!

– Оу?!

– Полотенец!

– Несу-у!

Петя, растопырив руки, в ожидании прохаживается вдоль высокой поленицы дров. Ходит он враскорячку. Мне кажется, это у него благоприобретенное, эта раскорячка. Подражает кому-то.

Лялька вынесла полотенце.

– Какую сорочку приготовить? Голубую или беленькую? – Лялька, фиксатая притвора, успевает зыркнуть глазами туда-сюда. – Я предлагаю голубенькую...

Петя не спеша вытирает руки, плечи... И думает.

– Голубую.

– Правильно. Она тебя молодит. – И опять глазами – зырк-зырк. О, эта Лялька видала виды.

Петя вытирает лицо; Лялька стоит рядом, ждет. А у Пети-то пузцо! Молодое, кругленькое – такая аккуратная мозоль. Петя демонстративно свесил пузцо с ремня – пусть все видят, что человек живет в довольстве.

– Какие запоночки дать: с янтаря или серебрушки? – озабочена Лялька.

Петя опять некоторое время думает.

– С янтаря.

Лялька взяла полотенце, вытерла со спины мужа какие-то видимые только ей капельки и ушла в дом. По обрывкам разговоров я еще раньше понял, что Лялька – буфетчица. Я только не понял, зачем ей надо, чтоб все видели, как она уважает мужа, ценит. Петя, как я догадываюсь, какой-то складской работник. Что тут: сокрытие какого-то ее греха? Игра в подкидного дурака?.. Не знаю, но демонстрирует она это свое уважение так, что в нос шибает.

– Петя! – кричит она, высовываясь из окна. – Галстук будешь одевать? А то я его поглажу...

Петя опять в затруднении.

– Та-а... не надо, – говорит он.

– А почему? Он же тебе очень идет.

– Гладь.

– Какой, красный?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Красный.

Лялька уходит гладить красный галстук.

Петя, по не забытой еще крестьянской привычке, трогает штакетник, шатает. Кое-где поослабло. Петя останавливается и думает, глядя на штакетник, поглаживая себя правой рукой – от плеча к груди.

– Петь!.. – Лялька опять в окне. – Ты помнишь, как эта.. вокруг тебя увивалась-то? «Петя, давайте я вам холодцу положу! Петя, вы летку-енку танцуете?» Лявва...

Петя, возможно, забыл, когда и кто вокруг него увивался, но ему приятно, что – увивались.

– Она сегодня опять будет. Смотри, не сули ей ничего! Ей шиферу надо, лявве.

Петя провел толстой, короткой ладонью по волосам.

– Ты про кого?

– А эта.. не знаю, как ее фамилия, знакомая Колмаковых. Все летку-енку-то танцует.

– А-а, – вспомнил Петя. – А чего она хочет?

– Шиферу.

– А в нос не хочет? – Петя смеется молча, весь: животик смеется – как-то прыгает, подбородок смеется, загривок – тоже смеется – напряженно лоснится и дрожит.

Лялька смеется, как сухие бобы по полу сыплет, – мелко, часто и не смешно.

Отсмеялась и еще раз напоминает:

– Не сули, смотри, ничего. А то ты, выпимши, слабый.

– Я-то слабый? – Пете слегка не понравилось, что он бывает слабый.

– А у Маковкиных-то в прошлом году – помнишь? – Лялька опять просыпает горсть бобов – смеется. – Отливали-то..

– Та-а...

– Не сули ей никакого шиферу! А то она сама же разнесет потом: «Мне Петя шиферу посулил!»

– Да ну, что я?..

Петя сходил в сарайчик, принес гвозди, молоток. Не спеша прибил штакетины. Постоял, поиграл молотком, – видно, разохотился поработать, решает, что бы еще прибить.

А Лялька то и дело высовывается из окна.

– Петь, ты помнишь, я тебе пластинку на день рождения дарила? Там еще «Очи черные» были...

– А что?

– Где она?

– Не знаю. А что?

– Хочу взять ее. Может, споем. Чтобы она заткнулась со своей леткой...

– Нет, «Очи» нам не потянуть.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Подпоем! Я вытяну.

– Не знаю... Там где-нибудь.

Петя подошел к крыльцу, еще постучал молотком.

– Нашла! Петь!..

– А?

– Нашла! Она сегодня заткнется... Я плечами трясти умею. Ты не видал?

– Нет.

– Счас... – Лялька на минуту исчезла... И вновь появилась – в цветастой шали, наброшенной на плечи. – Смотри! – И стала трясти плечами – по-цыгански. Тощая грудь ее тоже затряслась – туда-сюда. Смотреть неприятно.

– Не вывихни кости-то, – сказал он. И поколебал животом – посмеялся.

– Получается? Петь...

– Получается.

Я так думаю, живет в Пете тоска по крупной, крепкой бабе. Но крепкие не так суетливы и угодливы, отсюда этот странный союз. Лялька ублажает Петю, в этом все дело. Петя, этот сгусток неизработанных мышц и сала, явно болен ленивым каким-то, анемичным честолюбием... Впрочем, я гадаю. Много я тут не понимаю.

– Петя!

– Ну?

– Тебе воды погреть – бриться?

Петя потрогал подбородок...

– Погрей.

– Погорячей сделать?

– Ну, так, чтоб терпеть можно. Ты помнишь Михеева?

– Какого Михеева?

– Из потребсоюза Михеев... Я ему еще обсадных труб тридцать пять метров доставал. С шампанским как-то приходил, ты еще шампанским-то подавилась, мы хохотали долго...

– А-а, Михеев! Лысый такой?

– Ну. В пятницу звоню ему: мне надо было два гарнитура достать одному там – помоги, мол. Нет, говорит, у нас, говорит, ревизия недавно была... Поросенок. Ну ладно, думаю себе, я те сделаю в следующий раз, приткнешься.

Лялька прямо взвилась. Чуть из окна не вывалилась.

– Ты вот какой-то... Петя, ты пошто такой есть-то? Неужель ты людей не знаешь? Они вот пронюхали твою доброту и пользуются, и пользуются... Сволочи! Ты будь маленько... это... Ты уж какой-то очень добрый. И для всех ты готов все достать, все сделать. В лепешку готов расшибиться! А они потом нос воротят, сволочи. Ты думаешь, ты им в добро войдешь? На-ка!..

Петя принахмурился, отвернул голову... Вроде виноват. Виноват: добр без меры, без разбора. Глупо добр, а людишки этим пользуются. Вроде он все понимает, но...

– И обо всех у тебя душа болит, обо всех! Об себе только не болит. На кой они

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru тебе черт нужны? Гляди-ка, ночи мужик не спит – думает, думает!.. – Лялька поддала в голосе – это тем, кто во дворе, кто может слышать. – Весь прямо извелся, извелся мужик, а они.. Гляди-ка че есть-то!..

Эта сельская пара давно уж не смущается здесь, в большом муравейнике, освоились. Однако прихватили они с собой не самое лучшее, нет. Обидно. Стыдно. И злость берет.

Часам к трем Лялька и Петя выплывают из квартиры – пошли в гости.

Бывает так, что человек вставлен в костюм, и костюм идет по улице самостоятельно, человек только помогает ему передвигаться. С Петей не так. Петя идет сам – медленно, враскорячку – костюм удивительным образом подчеркивает то, что Петя никак не хочет скрывать: пузцо, смеющийся загибок и громадное удовлетворение. Покой.

Идут под руку. Лялька прилепилась к Пете, как чужая пожухлая ветка к дубку.. Ветерок дергает ее, она не отцепляется. Трепещет, шумит листочками..

Недалеко от моего окна сидит на лавочке старушка. Целыми днями сидит и наблюдает за жизнью двора.

– Кака уважительна бабочка-то, – говорит старушка сама с собой, – целый день только и слышать: «Петя! Петя!» Дружно живут, дай господи. Дружная парочка..

Поздно вечером Петя с Лялькой возвращаются.

Петя слегка того.. отяжелел. Сел на крыльце и не хочет идти домой.

– Пойдем, Петя, Петенька! – зовет Лялька.

– Не хочу, – говорит Петя. – Не желаю.

– Петя!.. – чуть не плачет Лялька. – Я уж и так смучилась, ты вон какой тяжелый. Пойдем, Петенька. А? Пожалел бы меня.. Пойдем, ненаглядный мой, ляжешь в кроватку – и баиньки, и баиньки. А?

– Не хочу, – гудит свинцовый Петя.

– Пойдем, Петенька. Ну-ка – от-теньки – поднялись мы с Петей, пошли, пошли, пошли-и. Ненаглядный ты мой..

Кое-как увела Петеньку.

– Покуражился маленько и пошел, – понимающе говорит старушка. – Славная парочка, дружная. Дай бог здоровья.

А меня вдруг пронизала догадка: да ведь любит она его. Лялька-то. Петю-то. Любит. Какого я дьявола гадаю сию: любит! Вот так: и виды видала, и любит. И гордится, и хвастает – все потому, что – любит. Ну, и.. дай бог здоровья! А что?

Сапожки

Ездили в город за запчастями.. И Сергей Духанин увидел там в магазине женские сапожки. И потерял покой: захотелось купить такие жене. Хоть один раз-то, думал он, надо сделать ей настоящий подарок. Главное, красивый подарок.. Она таких сапожек во сне не носила.

Сергей долго любовался на сапожки, потом пощелкал ногтем по стеклу прилавка, спросил весело:

– Это сколько же такие пипеточки стоят?

– Какие пипеточки? – не поняла продавщица.

– Да вот.. сапожки-то.

– Пипеточки какие-то.. Шестьдесят пять рублей.

Сергей чуть вслух не сказал: «О, ё!..» – протянул:

– Да... Кусаются.

Продавщица презрительно посмотрела на него. Станный они народ, продавщицы: продаст обыкновенный килограмм пшена, а с таким видом, точно вернула забытый долг.

Ну, дьявол с ними, с продавщицами. Шестьдесят пять рублей у Сергея были. Было даже семьдесят пять. Но... Он вышел на улицу, закурил и стал думать. Вообще-то не для деревенской грязи такие сапожки, если уж говорить честно. Правда, она их беречь будет... Раз в месяц и наденет-то – сходить куда-нибудь. Да и не наденет в грязь, а – посуху. А радости сколько! Ведь это же черт знает какая дорогая минута, когда он вытащит из чемодана эти сапожки и скажет: «На, носи».

Сергей пошел к ларьку, что неподалеку от магазина, и стал в очередь за пивом.

Представил Сергей, как заблестят глаза у жены при виде этих сапожек. Она иногда, как маленькая, до слез радуется. Она вообще-то хорошая. С нами жить – надо терпение да терпение, думал Сергей. Одни проклятые выпивки чего стоят. А ребятишки, а хозяйство... Нет, они двужильные, что могут выносить столько. Тут хоть как-нибудь, да отведешь душу: на работе или выпьешь с кем – все легче маленько, а ведь они с утра до ночи, как заводные.

Очередь двигалась медленно, мужики без конца «повторяли». Сергей думал.

Босиком она, правда, не ходит, чего прибедраться-то? Ходит, как все в деревне ходят... Красивые, конечно, сапожки, но не по карману. Привезешь, а она же первая заругает. Скажет, на кой они мне, такие дорогие! Лучше бы девчонкам чего-нибудь взял, пальтишечки какие-нибудь – зима подходит.

Наконец Сергей взял две кружки пива, отошел в сторону и медленно стал пропускать по глоточку. И думал.

Вот так живешь – сорок пять лет уже – все думаешь: ничего, когда-нибудь буду жить хорошо, легко. А время идет... И так и подойдешь к этой самой ямке, в которую надо ложиться, – а всю жизнь чего-то ждал. Спрашивается, чего надо было ждать, а не делать такие радости, какие можно делать? Вот же: есть деньги, лежат необыкновенные сапожки – возьми, сделай радость человеку! Может, и не будет больше такой возможности. Дочери еще не невесты – чего-ничего, а надеть можно. А тут – один раз в жизни...

Сергей пошел в магазин.

– Ну-ка дай-ка их посмотреть, – попросил он.

– Чего?

– Сапожки.

– Чего их смотреть? Какой размер нужен?

– Я на глаз прикину. Я не знаю, какой размер.

– Едет покупать, а не знает, какой размер. Их примерять надо, это не тапочки.

– Я вижу, что не тапочки. По цене видно, хэ-хэ...

– Ну и нечего их смотреть.

– А если я их купить хочу?

– Как же купить, когда даже размер не знаете?

– А вам-то что? Я хочу посмотреть.

– Нечего их смотреть. Каждый будет смотреть...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ну, вот чего, милая, – обозлился Сергей, – я же не прошу показать мне ваши панталоны, потому что не желаю их видеть, а прошу показать сапожки, которые лежат на прилавке.

– А вы не хамите здесь, не хамите! Налыют глаза-то и начинают...

– Чего начинают? Кто начинает? Вы что, поили меня, что так говорите?

Продавщица швырнула ему один сапожок. Сергей взял его, повертел, поскрипел хромом, пощелкал ногтем по лаково блестящей подошве... Осторожненько запустил руку вовнутрь...

«Нога-то в нем спать будет», – подумал радостно.

– Шестьдесят пять ровно? – спросил он.

Продавщица молча, зло смотрела на него.

«О господи! – изумился Сергей. – Прямо ненавидит. За что?»

– Беру, – сказал он поспешно, чтоб продавщица поскорей бы уж отмякла, что ли, – не зря же он отвлекает ее, берет же он эти сапожки. – Вам платить или кассиру?

Продавщица, продолжая смотреть на него, сказала негромко:

– В кассу.

– Шестьдесят пять ровно или с копейками?

Продавщица все глядела на него; в глазах ее, когда Сергей повнимательней посмотрел, действительно стояла белая ненависть. Сергей струсил... Молча поставил сапожок и пошел к кассе. «Что она?! Сдурела, что ли, – так злиться? Так же засохнуть можно, не доживя веку».

Оказалось, шестьдесят пять рублей ровно. Без копеек. Сергей подал чек продавщице. В глаза ей не решался посмотреть, глядел выше тощей груди. «Больная, наверно», – пожалел Сергей.

А продавщица чек не брала. Смотрела на Сергея... Сергей опять посмотрел ей в глаза... Теперь в глазах продавщицы была и ненависть, и какое-то еще странное удовольствие.

– Я прошу сапожки. Мои.

– На контроль, – негромко сказала она.

– Где это? – тоже негромко спросил Сергей, чувствуя, что и сам начинает ненавидеть сухопарую продавщицу.

Продавщица молчала. Смотрела.

– Где контроль-то? – Сергей улыбнулся прямо в глаза ей. – А? Да не гляди ты на меня, не гляди, милая, – женатый я. Я понимаю, что в меня сразу можно влюбиться, но... что я сделаю? Терпи уж, что сделаешь? Так где, говоришь, контроль-то?

У продавщицы даже ротик сам собой открылся... Такого она не ждала.

Сергей отправился искать контроль.

«О-о! – подивился он на себя. – Откуда что взялось! Надо же так уесть бабу. А вот не будешь психовать зря. А то стоит – вся изозлилась».

На контроле ему выдали сапожки, и он пошел к своим, на автобазу, чтобы ехать домой. (Они приезжали на своих машинах, механик и еще два шофера.)

Сергей вошел в дежурку, полагая, что тотчас же все потянутся к его коробке – что, мол, там? Никто даже не обратил внимания на Сергея. Как всегда – спорили.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru Видели на улице молодого попа и теперь выясняли, сколько он получает. Больше других орал Витька Кибяков, рябой, бледный, с большими печальными глазами. Даже когда он надрывался и, между прочим, оскорблял всех, глаза оставались печальными и умными, точно они смотрели на самого Витьку – безнадежно грустно.

– Ты знаешь, что у него персональная «Волга»?! – кричал Рашпиль (Витьку звали «Рашпиль»). – У их, когда они еще учатся, стипендия – сто пятьдесят рублей! Понял? Сти-пен-дия!

– У них есть персональные, верно, но не у молодых. Чего ты мне будешь говорить? Персональные – у этих... как их?... У апостолов – не у апостолов, а у этих... как их?..

– Понял? У апостолов – персональные «Волги»! Во, пень-то дремучий. Сам ты апостол!

– Сто пятьдесят стипендия! А сколько же тогда оклад?

– А ты что, думаешь, он тебе за так будет гонениям подвергаться? На! Пятьсот рублей хотел?

– Он должен быть верующим.

– Когда оклад пятьсот рублей, можно верить. Я бы и то верил.

– Ты бы верил!..

Сергей не хотел ввязываться в спор, хоть мог поспорить: пятьсот рублей молодому попу – это много. Но спорить сейчас об этом... Нет, Сергею охота было показать сапожки.

Он достал их, стал разглядывать. Сейчас все заткнутся с этим попом... Замолкнут. Не замолкли. Посмотрели, и все. Один только протянул руку – покажи. Сергей дал сапожок. Шофер (незнакомый) поскрипел хромом, пощелкал железным ногтем по подошве... И полез грязной лапой в белоснежную, нежную... внутрь сапожка. Сергей отнял сапожок.

– Куда ты своим поршнем?

Шофер засмеялся:

– Кому это?

– Жене.

Тут только все замолкли.

– Кому? – спросил Рашпиль.

– Клавке.

– Ну-ка?..

Сапожок пошел по рукам; все тоже мяли голенище, щелкали по подошве... Внутри лезть не решались. Только расшиперивали голенище и заглядывали в белый, пушистый мирок. Один даже дунул туда зачем-то. Сергей испытывал прежде незнакомую гордость.

– Сколько же такие?

– Шестьдесят пять.

Все посмотрели на Сергея с недоумением. Сергей слегка растерялся.

– Ты что, офонарел?

Сергей взял сапожок у Рашпиля.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Во! – воскликнул Рашпиль. – Серьга... дал! Зачем ей такие?

– Носить.

Сергей хотел быть спокойным и уверенным, но внутри у него вздрагивало. И привязалась одна тупая мысль: «Половина мотороллера. Половина мотороллера». И хотя он знал, что шестьдесят пять рублей – это не половина мотороллера, все равно упрямо думалось: «Половина мотороллера».

– Она тебе велела такие сапожки купить?

– При чем тут велела? Купил, и все.

– Куда она их наденет-то? – весело пытали Сергея. – Грязь по колено, а он – сапожки за шестьдесят пять рублей.

– Это ж зимние!

– А зимой в них куда?

– Потом – это ж на городскую ножку. Клавикина-то не полезет сроду... У ей какой размер-то? Это ж ей на нос только.

– Какой она носит-то?

– Пошли вы!.. – вконец обозлился Сергей. – Чего вы-то переживаете?

Засмеялись.

– Да ведь жалко, Сережа! Не нашел же ты их, шестьдесят пять рублей-то.

– Я заработал, я и истратил, куда хотел. Чего базарить-то зря?

– Она тебе, наверно, резиновые велела купить?

– Резиновые... – Сергей вовсе злился. – Валяйте лучше про попа – сколько он все же получает?

– Больше тебя.

– Как эти... сидят, курва, чужие деньги считают. – Сергей встал. – Больше делать, что ли, нечего?

– А чего ты в бутылку-то лезешь? Сделал глупость, тебе сказали... И все. И не надо так нервничать...

– Я и не нервничаю. Да чего ты за меня переживаешь-то?! Во, переживатель нашелся! Хоть бы у него займы взял, или что... Сидит, курва, переживает... аж нос посинел.

– Переживаю, потому что не могу спокойно на дураков смотреть. Мне их жалко...

– Иди свой нос приведи в нормальный вид.

– Пойдем вместе? Сапожки обмоем...

Еще немного позубатились и поехали домой. Дорогой Сергея доконал механик (они в одной машине ехали).

– Она тебе на что деньги-то давала? – спросил механик. Без ехидства спросил, сочувствуя. – На что-нибудь другое?

Сергей уважал механика, поэтому ругаться не стал.

– Ни на что. Хватит об этом.

Приехали в село к вечеру.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Сергей ни с кем не подосвиданькался.. Не пошел со всеми вместе – отделился, пошел один. Домой. Клавдя и девочки вечерами.

– Чего это долго-то? – спросила Клавдя. – Я уж думала, с ночевкой там будете.

– Пока получили да пока на автобазу перевезли.. Да пока там их разделили по районам..

– Пап, ничего не купил? – спросила дочь, старшая, Груша.

– Чего? – По дороге домой Сергей решил так: если Клавка начнет косоротиться, скажет – дорого, лучше бы вместо этих сапожек.. «Пойду тогда и брошу их в колодец».

– Ну, чего-нибудь. Ничего?

– Купил.

Трое повернулись к нему от стола. Смотрели. Так это «купил» было сказано, что стало ясно – не платок за четыре рубля купил муж, отец, не мясорубку. Повернулись к нему.. Ждали.

«Какой-то я не хозяин в доме получаюсь, – подумал в этот миг Сергей. – Прямо обмер сию, язви тебя совсем. Чего уж так?»

– Вон, в чемодане. – Сергей присел на стул, полез за папиросами. Он так волновался, что заметил: пальцы трясутся.

Клавдя извлекла из чемодана коробку, из коробки выглянули сапожки.. При электрическом свете они были еще красивей. Они прямо смеялись в коробке. Дочери повскакали из-за стола.. Заахали, заохали.

– Тошно мнеченьки! Батюшки мои!.. Да кому это?

– Тебе, кому.

– Тошно мнеченьки!.. – У Клавди с ноги полетел тапок. Она села на кровать, кровать заскрипела.. Городской сапожок смело полез на крепкую крестьянскую ногу. И застрял. Сергей почувствовал боль. Не лезли.. Голенище не лезло.

– Какой размер-то?

– Тридцать восьмой..

Нет, не лезли. Сергей встал, хотел натиснуть. Нет.

– И размер-то мой..

– Вот где не лезут-то. Голяшка.

– Да что же это за нога проклятая!

– погоди! Надень-ка на тоненький какой-нибудь чулок.

– Да кого там! Видишь?..

– Да..

– Эх-х!.. Да что же это за нога проклятая!

Возбуждение угасло.

– Эх-х! – сокрушалась Клавдя. – Да что же это за нога! Сколько они?..

– Шестьдесят пять. – Сергей закурил папироску. Ему показалось, что Клавдя не расслышала цену. Шестьдесят пять рубликов, мол, цена-то.

Клавдя смотрела на сапожок, машинально поглаживала ладонью гладкое голенище. В

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
глазах ее, на ресницах блестели слезы... Нет, она слышала цену.

– Черт бы ее побрал, ноженьку! – сказала она. – Разок довелось, и то... Эхма!

В сердце Сергея опять толкнулась непрощеная боль... Жалость. Любовь, слегка забытая. Он тронул руку жены, поглаживающую сапожок. Пожал. Клавдя глянула на него... Встретились глазами. Клавдя смущенно усмехнулась, тряхнула головой, как она делала когда-то, когда была молодой, – как-то по-мужичьи озорно, простецки, но с достоинством и гордо.

– Ну, Груша, повезло тебе. – Она протянула сапожок дочери. – Ну-ка, примерь.

Дочь растерялась.

– Ну! – сказал Сергей. И тоже тряхнул головой. – Десять хорошо кончишь – твои.

Клавдя засмеялась.

...Перед сном грядущим Сергей всегда присаживался на низенькую табуретку у кухонной двери – курил последнюю папироску. Присел и сегодня... Курил, думал. Не думал, а еще раз переживал сегодняшнюю покупку, постигал ее нечаянный, большой, как сейчас казалось, смысл. На душе было хорошо. Жалко, если бы сейчас что-нибудь спугнуло бы это хорошее состояние, ту редкую гостью-минуту.

Клавдя стелила в горнице постель.

– Ну, иди... – позвала она.

Он нарочно не откликнулся, – что дальше скажет?

– Сергунь! – ласково позвала Клава.

Сергей встал, загасил окурочек и пошел в горницу. Улыбнулся сам себе, качнул головой... Но не подумал так: «Купил сапожки, она ласковая сделалась». Нет, не в сапожках дело, конечно. Не в сапожках. Дело в том, что...

Ничего. Хорошо.

Обида

Сашку Ермолаева обидели.

Ну, обидели и обидели – случается. Никто не призывает бессловесно сносить обиды, но сразу из-за этого переоценивать все ценности человеческие, ставить на попа самый смысл жизни – это тоже, знает... роскошь. Себе дороже, как говорят. Благоразумие – вещь не из рыцарского сундука, зато безопасно. Да-с. Можете не соглашаться, можете снисходительно улыбнуться, можете даже улыбнуться презрительно... Валяйте. Когда намашетесь театральными мечами, когда вас отовсюду с треском выставят, когда вас охватит отчаяние, приходите к нам, благоразумным, чай пить.

Но – к делу.

Что случилось?

В субботу утром Сашка собрал пустые бутылки из-под молока, сказал: «Маша, пойдешь со мной?» – дочери.

– Куда? Гагазинчик? – обрадовалась маленькая девочка.

– В магазинчик. Молочка купим. А то мамка ругается, что мы в магазин не ходим, пойдем сходим.

– В кои-то веки! – сказала озабоченная «мамка». – Посмотрите там еще рыбу – нототению. Если есть, возьмите с полкило.

– Это дорогая-то?

– Ничего, возьми, – я ребятишкам поджарю.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

И Сашка с Машей пошли в «гагазинчик».

Взяли молока, взяли масла, пошли посмотреть рыбу нототению. Пришли в рыбный отдел, а там, за прилавком – тетя.

Тетя была хмурая – не выпалась, что ли. И почему-то ей, тете, показалось, что это стоит перед ней тот самый парень, который вчера здесь, в магазине, устроил пьяный дебош. Она спросила строго, зло:

– Ну, как – ничего?

– Что «ничего»? – не понял Сашка.

– Помнишь вчерашнее-то?

Сашка удивленно смотрел на тетю..

– Чего глядишь? Глядит! Ничего не было, да? Глядит, как Исусик...

Почему-то Сашка особенно оскорбился за этого «Исусика». Черт возьми совсем, где-то ты, Александр Иванович, уважаемый человек, а тут... Но он даже не успел и подумать-то так – обида толкнулась в грудь, как кулаком дали.

– Слушайте, – сказал Сашка, чувствуя, как у него сводит челюсть от обиды. – Вы, наверно, сами с похмелья?.. Что вчера было?

Теперь обиделась тетя. Она засмеялась презрительно:

– Забыл?

– Что я забыл? Я вчера на работе был!

– Да? И сколько плóтют за такую работу? На работе он был! Да еще стоит рот разевает: «С похмелья!» Сам не проспался еще.

Сашку затрясло. Может, оттого он так остро почувствовал в то утро обиду, что последнее время наладился жить хорошо, мирно, забыл даже, когда и выпивал... И оттого еще, что держал в руке маленькую родную руку дочери... Это при дочери его так! Но он не знал, что делать. Тут бы пожать плечами, повернуться и уйти к черту. Тетя-то уж больно того – несгибаемая. Может, она и поняла, что обозналась, но не станет же она, в самом деле, извиняться перед кем попало. С какой стати?

– Где у вас директор? – самое сильное, что пришло Сашке на ум.

– На месте, – спокойно сказала тетя.

– Где на месте-то? Где его место?

– Где положено, там и место. Для чего тебе директор-то? «Где директор»! Только и делов директору – с вами разговаривать! – Тетя повысила голос, приглашая к скандалу других продавщиц и покупателей, которые постарше. – Директора ему подайте! Директор на работу пришел, а не с вами объясняться. Нет, видите ли, дайте ему директора!

– Что там, Роза? – спросили тетю другие продавщицы.

– Да вот директора стоит требует!.. Вынь да положь директора! Фон-барон. Пьянчуги.

Сашка пошел сам искать директора.

– Какая тетя... похая, – сказала Маша.

– Она не плохая, она... – Сашка не стал при ребенке говорить, какая тетя. Лицо его горело, точно ему ни за что ни про что – при всех! – надавали пощечин.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
В служебном проходе ему загородил было дорогу парень-мясник.

– Чего ты волну-то поднял?

Но ему-то Сашка нашел, что сказать. И, видно, в глазах у Сашки стояло серьезное чувство – парень отшагнул в сторону.

– Я не директор, – сказала другая тетя, в кабинете. – Я – завотделом. А в чем дело?

– Понимаете, – начал Сашка, – стоит... и начинает – ни с того ни с сего... За что?

– Вы спокойнее, спокойнее, – посоветовала завотделом.

– Я вчера весь день был на работе... Я даже в магазине-то не был! А она начинает: я, мол, чего-то такое натворил у вас в магазине. Я и в магазине-то не был!

– Кто говорит?

– В рыбном отделе стоит.

– Ну, и что она?

– Ну, говорит, что я что-то такое вчера натворил в магазине. Я вчера и в магазине-то не был.

– Так что же вы волнуетесь, если не вы натворили? Не вы и не вы – и все.

– Она же хамить начала! Она же обзывается!..

– Как обзывается?

– Исусик, говорит.

Завотделом засмеялась. У Сашки опять свело челюсть. У него затряслись губы.

– Ну, пойдемте, пойдемте... что там такое – выясним, – сказала завотделом.

И завотделом, а за ней Сашка – появились в рыбном отделе.

– Роза, что тут такое? – негромко спросила завотделом.

Роза тоже негромко – так говорят врачи между собой при больном – о больном же, еще на суде так говорят и в милиции – вроде между собой, но нисколько не смущаются, если тот, о ком говорят, слышит, – Роза негромко пояснила:

– Напился вчера, наскандалил, а сегодня я напомнила – сделал вид, что забыл. Да еще возмущенный вид сделал!..

Сашку опять затрясло. Он, как этот... и трясся все утро, и трясся. Нервное желе, елки зеленые. А затрясло его опять потому, что завотделом слушала Розу и слегка – понимающе – кивала головой. И Роза тоже говорила не зло, а как говорят про дела известные, понятные, случающиеся тут чуть не каждый день. И они вдвоем понимали, хоть они не смотрели на Сашку, что Сашке, как всякому на его месте, ничего другого и не остается, кроме как «делать возмущенный вид».

Сашку затрясло, но он собрал все силы и хотел быть спокойным.

– А при чем здесь этот ваш говорок-то? – спросил он.

Завотделом и Роза не посмотрели на него. Разговаривали.

– А что сделал-то?

– Ну, выпил – не хватило. Пришел опять. А время вышло. Он – требовать...

– Звонили?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Любка пошла звонить, а он, хоть и пьяный, а сообразил – ушел. Обзывал нас тут всяко...

– Слушайте! – вмешался опять в их разговор Сашка. – Да не был я вчера в магазине! Не был! Вы понимаете?

Роза и завотделом посмотрели на него.

– Не был я вчера в магазине, вы можете это понять?! Я же вам русским языком говорю: я вчера в этом магазине не был!

Роза с завотделом смотрели на него, молчали.

– А вы начинаете тут!.. Да еще этот разговорчик – стоят, вроде им все понятно. А я и в магазине-то не был!

А между тем сзади образовалась уже очередь. И стали раздаваться голоса:

– Да хватит там: был, не был!

– Отпускайте!

– Но как же так? – повернулся Сашка к очереди. – Я вчера и в магазине-то не был, а они мне какой-то скандал приписывают! Вы-то что?!

Тут выступил один пожилой, в плаще.

– Хватит, – не был он в магазине! Вас тут каждый вечер – не пробьешься. Соображают стоят. Раз говорят, значит, был.

– Что вы, они вечерами никуда не ходят! – заговорили в очереди.

– Они газеты читают.

– Стоит – возмущается! Это на вас надо возмущаться. На вас надо возмущаться-то.

– Да вы что? – попытался было еще сказать Сашка, но понял, что – бесполезно. Глупо. Эту стенку из людей ему не пройти.

– Работайте, – сказали Розе из очереди. – Работайте спокойно, не обращайтесь внимания на всяких тут...

Сашка пошел к выходу. Покупатель в плаще послал ему в спину последнее:

– Водка начинает продаваться в десять часов! Рано пришел!

Сашка вышел на улицу, остановился, закурил.

– Какие дяди похие, – сказала Маша.

– Да, дяди... тети... – пробормотал Сашка. – Мгм... – Он думал, что бы сделать? Как поступить? Оставлять все в таком положении он не хотел. Не мог просто. Его опять трясло. Прямо трясун какой-то!

Он решил дождаться этого, в плаще. Поговорить. Как же так? С какой стати он выскочил таким подхалимом? Что за манера? Что за проклятое желание угодить продавцу, чиновнику, хамоватому начальству?! Угодить во что бы то ни стало! Ведь сами расплодили хамов, сами! Никто же нам их не завез, не забросил на парашютах. Сами! Пора же им и укорот сделать. Они же уже меры не знают...

Так примерно думал Сашка. И тут вышел этот, в плаще.

– Слушайте, – двинулся к нему Сашка, – хочу поговорить с вами...

Плащ остановился, недобро уставился на Сашку.

– О чем нам говорить?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Почему вы выскочили заступаться за продавцов? Я правда не был вчера в магазине...

– Иди, проспись сперва! Понял? Он будет еще останавливать... «Поговорить». Я те поговорю! Поговоришь у меня в другом месте!

– Ты что, взбесился?

– Это ты у меня взбесишься! Счас ты у меня взбесишься, счас... Я те поговорю, подворотня чертова!

Плащ прошуршал опять в магазин – к телефону, как понял Сашка.

Заговор какой-то! Сашка даже слегка успокоился. И решил не ждать милиции. Ну ее... Один, может, и дождался бы – интересно даже: чем бы все это кончилось?

Они пошли с Машей домой. Дорогой Сашка все изумлялся про себя, все не мог никак понять: что такое творится с людьми?

Девочка опять залопотала на своем маленьком, смешном языке. Сашку вдруг изумило и то, что она, крохотуля, почему-то смолкала, когда он объяснялся с дядями и тетями, а начинала говорить лишь после того, и говорила, что дяди и тети – «похие», потому что нехорошо говорят с папой. Сашка взял девочку на руки, прижал к груди. Что-то вдруг аж слеза навернулась.

– Кроха ты моя... Неужели ты все понимаешь?

Дома Сашка хотел было рассказать жене Вере, как его в магазине... Но тут же и расхотелось...

– А что, что случилось-то?

– Да, ладно, ну их. Нахамили, и все. Что – редкость диковинная?

Но зато он задумался о том человеке в плаще. Ведь – мужик, долго жил... И что осталось от мужика: трусливый подхалим, сразу бежать к телефону – милицию звать. Как же он жил? Что делал в жизни? Может, он даже и не догадывается, что угодничать – никогда, нигде, никак – нехорошо, скверно. Но как же уж так надо прожить, чтобы не знать этого? А правда, как он жил? Что делал? Сашка часто видел этого человека, он из девятиэтажной башни напротив... Сходить? Спросить у кого-нибудь, из какой он квартиры, его, наверно, знают...

«Схожу! – решил Сашка. – Поговорю с человеком. Объясню, что правда же эта дура обозналась – не был я вчера в магазине, зря он так – не разобравшись, полез вступаться... Вообще поговорю. Может, он одинокий какой».

– Пойду сигарет возьму, – сказал жене Сашка.

– Ты только из магазина!

– Забыл.

– Посмотри, может, мясо ничего? Если плохое, не бери – для ребятишек. Не могу ничего придумать. Надоела эта каша. Посмотри, может, чего увидишь.

– Ладно.

..Один парнишка узнал по описанию:

– Из тридцать шестой, Чукалов.

– Он один живет?

– Почему? Там бабка тоже живет. А что?

– Ничего. Мне надо к нему.

Дверь открыл сам хозяин – тот самый человек, кого и надо было Сашке. Чукалов его

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru фамилия.

- Не пугайтесь, пожалуйста, – сразу заговорил Сашка, – я хочу объяснить вам...
- Игорь! – громко позвал Чукалов.

Он не испугался, нет, он с каким-то непонятным удовлетворением смотрел на гостя – уперся темными, слегка выпуклыми глазами и был явно доволен. Ждал.

- Я хочу объяснить...
- Счас объяснишь. Игорек!
- Что там? – спросили из глубины квартиры. Мужчина спросил.

Сашка невольно глянул на вешалку и при этом пошевелился... Чукалов – то ли решил, что Сашка хочет уйти, – вдруг цепко, неожиданно сильной рукой схватил его за рукав. И темные глаза его близко вспыхнули злостью и скорой, радостно-скорой расправой. Сашка настолько удивился всему, что не стал вырываться, только пошевелил рукой, чтоб высвободить кожу, которую Чукалов больно защемил с рукавом рубашки.

- Игорь!
- Что? – Вышел Игорь, наверно, сын, тоже с темными, чуть влажными глазами. Здоровый, разгоряченный завтраком, важный.
- Вот этот человек нахамил мне в магазине... Хотел избить. – Чукалов все держал Сашку за рукав, а обращался к сыну.

Игорь уставился на Сашку.

- Да вы пустите меня, я ж не бегу, – попросил Сашка. И улыбнулся. – Я ж сам пришел.
- Пусти его, – велел Игорь. И вопросительно, пытливо, оценивающе, надо думать, смотрел на Сашку.

Чукалов отпустил Сашкин рукав.

- Понимаете, в чем дело, – как можно спокойнее, интеллигентнее заговорил Сашка, потирая руку. – Нахамили-то мне, а ваш отец...
- А мой отец подвернулся под горячую руку. Так?
- Да почему?
- Специально дожидался меня у магазина... – подсказал старший Чукалов.
- Мне было интересно узнать, почему вы... подхалимничаете?

Дальше Сашка двигался рывками, быстро. Игорь сгреб его за грудки – этого Сашка никак не ждал, – раза два пристукнул головой об дверь, потом открыл ее, протащил по площадке и сильно пустил вниз по лестнице. Сашка чудом удержался на ногах – схватился за перила. Наверху громко хлопнула дверь.

Сашка как будто выпал из вихря, который приподнял его, крутанул и шлепнул на землю. Все случилось скоро. И так же скоро, ясно заработала голова. Какое-то короткое время постоял он на лестнице... И быстро пошел вниз, побежал. В прихожей у него лежит хороший молоток. Надо опять позвонить – если откроет пожилой, успеть оттолкнуть его и пройти... Если откроет Игорек, еще лучше – проще. Вот, довозмущался! Теперь бегай – унимай душу. Раньше бы ушел из магазина, ничего бы и не было. Если откроет сам Игорь, надо левым коленом сразу шире распахнуть дверь и подставить ногу на упор: иначе он успеет толкнуть дверь оттуда и удара не выйдет. Не удар будет, а мазня. Ах, славнецкий был спуск с лестницы!.. Умеет этот Игорек, умеет... тварь поганая. Деловой человек, хорошо кормленный.

Едва только Сашка выбежал из подъезда, увидел: по двору, из магазина, летит его

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Вера, жена – простоволосая, насмерть чем-то перепуганная. У Сашки подкосились ноги: он решил, что что-то случилось с детьми – с Машей или с другой, маленькой, которая только-только еще начала ходить. Сашка даже не смог от испуга крикнуть... Остановился. Вера сама увидела его, подбежала.

– Ты что? – спросила она заплотшно.

– Что?

– Ты опять захотел?! Тебе опять нейдет?! Чего ты затеваешь, с кем поругался?

– Ты чего?

– Какие дяди? Мне Маша сказала: какие-то дяди. Какие дяди? Ты откуда идешь-то? Чего ты такой весь?

– Какой?

– Не притворяйся, Сашка, не притворяйся – я тебя знаю. Опять на тебе лица нету. Что случилось-то? С кем поругался?

– Да ни с кем я не ругался!..

– Не ври! Ты сказал, в магазин пойдешь... Где ты был?

Сашка молчал. Теперь, пожалуй, ничего не выйдет. Он долго стоял, смотрел вниз – ждал: пройдет само собой то, что вскипело в груди, или надо – через все – проломиться с молотком к Игорю?..

– Сашка, милый, пойдём домой, пойдём домой, ради бога, – взмолилась Вера, видно, чутьем угадавшая, что творится в душе мужа. – Пойдем домой, там малышки ждут... Я их одних бросила. Плюнь, не заводись, не надо. Сашенька, родной мой, ты о нас-то подумай. – Вера взяла мужа за руку: – Неужели тебе нас-то не жалко?

У Сашки навернулись на глаза слезы... Он нахмурился. Сердито кашлянул. Достал пачку сигарет, вытащил дрожащими пальцами одну, закурил.

– Вон руки-то ходуном ходят. Пойдем.

Сашка легким движением высвободил руку...

И покорно пошел домой.

Эх-х... Трясуны мы, трясуны!

Хмырь

Ехали в курортном автобусе по живописным местам. Все смотрели в окна, любовались пейзажем... А двое, на заднем сиденье, совершенно не интересовались пейзажем, а интересовались друг другом.

Начал проявлять интерес мужчина, бесцветный, курносый, стареющий хмырь... Такие, курносые, с круглыми глазами, попадая на курорт, чудом каким-то преодолевают врожденную робость, начинают сыпать шутками-прибаутками, начинают приставать к молодым женщинам, и все громко, самозабвенно, радостно. Они считают, что на курорте так надо. Можно представить, как смутился бы этот, на заднем сиденье, если бы ему сейчас сказали: «Слушайте, это же глупо, скучно, пошло». Но... робким везет: не попал же он на такую! Хмырь, будем его так называть для ясности, хотя вообще-то он не хмырь, так вот Хмырь был, наверно, убежден, что все у него выходит остроумно, весело, непринужденно. Эта, на заднем сиденье, понимала все именно так. Эта... назовем ее молодая Здоровячка, эта от души кокетничала, хихикала, может, даже волновалась. Такие обычно стоят на обочине трактов, на станциях, здоровые, не то что глупые, но... не интеллектуалки, смотрят на проезжающие машины, поезда и чего-то терпеливо ждут. Даже не тоска у них на лице, а спокойное ожидание. Может, и ждут-то вот такого вот, когда с ней громко, прилично станут шутить, когда она сможет, наконец, показать, что она тоже умеет шутить и тоже может нравиться.

Хмырь начал с того, что пересел к ней с переднего сиденья. Прошел он по проходу

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru автобуса прямо к ней, не скрывая того, а, напротив, как бы говоря своим веселым видом: «Пошел охмурять. Следите». Сел.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – сказала Здоровячка, немного удивившись.

– Почему в одиночестве?

– Почему?.. Я смотрю.

– Так это без толку – так смотреть. Красивые места надо, знаете, смотреть вместе с кем-нибудь... – Хмырь поначалу еще пулял туда-сюда взгляды – все приглашал посмотреть, как он охмуряет. Но Здоровячка так легко, охотно пошла навстречу соблазну, что Хмырь, удивленный и обрадованный, перестал обращать внимание на других. Скоро им обоим стало хорошо.

– Нет, вы говорите неправду.

– В чем же это я говорю неправду? Докажите.

– Спорим.

– Хи-хи-хи... Спорим. На что?

Хмырь секунду, две, три думал... И завернул:

– На американку.

– Как это?

– Кто проиграет, тот... В общем, если я выпорю, я что хочу, то и делаю, если вы, то вы. – Тут Хмырь, несколько ошалелый от собственной дерзости, посмотрел на всех, но как-то смутно, неопределенно. – Ну?

– Ох вы какой!

– А что? Ну что? Что? Боитесь?

– Ничего я не боюсь!

– Боитесь, боитесь. Эх вы!..

– А чем вы докажете?

– Чего «докажете»?

– Что одиноким хуже.

– Нет, давайте на американку, тогда докажу.

– Ох вы какой!..

– Ну какой? Какой? Я обыкновенный, но одиноким хуже, я вам докажу. Давайте?

– Нет, вы так докажете.

– Нет, так неинтересно. Так... чего так? А вот давайте на американку.

– А что вы сделаете?

Этот паша на заднем сиденье опять некоторое время думал. Он даже завозился на месте.

– Что я сделаю? Что я сделаю?

– Ну?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Не скажу.

– Нет, скажите. А то так...

– А что «так»?

– Так опасно.

– Да ничего не опасно!

– Нет, докажите просто так, без американки.

– Только на американку.

Хмыря уже ненавидели в автобусе. Один какой-то старенький интеллигентный ревматик сказал себе и соседу рядом, огромному мужчине с юбилейной медалью:

– Прямо максималист какой-то: все или ничего.

– А?

– Да вон... максималист сидит.

– Он не максималист, какой максималист. Он прохвост. – Огромный мужчина не оглянулся на заднее сиденье. – Таких учить надо.

– Бесполезно, – сказал старичок.

– И эта... дура... – Громадина с медалью качнул укоризненно головой.

А те двое, забыв все на свете, не чувствуя ненависти к себе, трещали и трещали. Хихикали. Играли.

– В кино идете сегодня? – шел дальше Хмырь. – М-м?

– Иду.

– Идемте вместе?

– А что, вы один дорогу не знаете?

– Нет.

– Знаете... Притворяетесь только.

– Да не знаю, я серьезно говорю!

– Ой?..

– Неужели вам трудно дорогу показать?

– Хорошо, дорогу я покажу. А билеты будем отдельно брать. Да?

– Хорошо. Вы на какой ряд будете брать?

– Ишь вы какой!.. Хи-хи-хи!

Хмырь тоже счастливо рассмеялся:

– Какой?

– Хитрый.

– Не хитрый, а одинокий. Вот я вам и доказал, что одиночество – это плохо. Видите, я все средства пускаю, чтобы не быть одинокому.

– Я этому одинокому сегодня по шее дам, – тихо сказал огромный человек старичку.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не надо, что вы! – запротестовал старичок.

– Не здесь, не в автобусе, а когда приедем. Никто не увидит.

– Не надо. Зачем?

– Не могу слышать... Прямо тошнит.

Старичок потянулся к уху соседа и сказал, изумленный:

– Ей же нравится!

Огромный человек промолчал. Он не знал, что сказать на это.

– И потом, как вы ему по шее дадите? За что?

– За наглость. Что жену обманывает на курорте...

– Ну... это, знаете... Нет, нельзя. Что вы?!

– Он же прохвост!

– Нет, давайте так: я беру два билета, на себя и на одного моего знакомого товарища, и жду вас возле кинотеатра. Вы приходите... И мы проходим в зал и садимся вместе.

– Почему вместе?

– Да потому что нет у меня никакого товарища!

– Ишь вы какой!

Опять смех.

– О-о! – застонал громадный мужчина. – Уши вянут.

Старичок, его сосед, тихонько засмеялся.

Мужчина повернулся к нему, удивленный. Старичок уткнулся в ладони и хохотал. Отсмеялся и снова потянулся к уху удивленного соседа. Зашептал:

– Вы слушайте, слушайте – это же ужасно смешно.

– Что тут смешного? – тоже шепотом, серьезно спросил огромный человек.

– Да смешно! Что вы? Очень смешно, слушайте.

– Интересно, как это вас жена отпускает одного на курорт? – поинтересовалась Здоровячка.

– А что? Вы не отпустили бы? Между прочим!.. – воскликнул Хмырь. – А как это вас муж одну отпускает?

– У меня нет мужа, поэтому меня никто и не задерживает. А вот как вас отпускают?

– По той же самой причине.

– По какой?

– Да по той же самой.

– Нет, по какой, по какой?

– Да по той причине, что у меня нет жены...

– Слушай, хмырюга!.. – повернулся назад огромный мужчина. – С кем это мы вместе на почте были и кто давал жене телеграмму, чтобы денег выслала?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Хмырь даже как-то испугался... Растерялся и испугался. Взгляды всех присутствующих пригвоздили его к сиденью.

– Какую телеграмму? – спросил он.

– Да насчет денег, – жестоко выдавал большой мужчина. – Я еще указал: «Уже?» – мол, запросил денег? Кто мне сказал: «Мы с ней договорились: я возьму только на дорогу, а потом она мне пришлет по почте»? Это не ты был?

Хмырь посмотрел на всех... И что-то такое увидел сильное, страшное, что молча, не взглянув на соседку, поднялся и пошел вперед, на свое место. Сел... Посидел, глядя прямо перед собой... Покашлял интеллигентно в ладонь, повернулся к окну и стал тоже, как все, внимательно смотреть на пейзаж. Шляпа его была ему несколько великовата и от тряски съезжала низко на лоб, некоторое время Хмырь смотрел в окно, приподняв сверху маленький, с нашлепочкой нос, он смешно торчал из-под шляпы... Потом Хмырь догадывался сдвинуть пальцем шляпу назад, пока она снова не наезжала на глаза.

– Черт возьми!.. – с досадой, тихонько сказал старичок-ревматик огромному соседу. – А теперь его жалко.

– Кого? – не понял сосед.

– Да вон его... в шляпе.

Сосед посмотрел вперед... Хмыкнул. Сказал тоже шепотом, весело:

– Я ему еще по шее разок дам. Когда приедем. Чтоб он не врал тут.

Назад, на заднее сиденье, никто не оглядывался – стыдно, что ли, или жалко тоже. А старичок оглянулся... И тотчас отвернулся, поерзал немного и пристукнул кулачком по колену.

– Не надо, не надо было!.. Зачем? Пусть бы уж...

– Чего ты нервничаешь-то? – спросил большой мужчина.

– Не надо было! Зачем... помешали?

Большой мужчина, не скрывая удивления, смотрел на старичка.

– Ты что?

– Да ну вас! Теперь вот больно. Пусть бы уж... веселились, как умеют.

Большой мужчина ничего не сказал. Посмотрел на курного Хмыря, потом – осторожно – назад... Пожал плечами. Он ничего не понял. И стал опять смотреть в окно – на пейзаж.

Хозяин бани и огорода

В субботу, под вечерок, на скамейке перед домом сидели два мужика, два соседа, ждали баню. Один к другому пришел помыться, потому что свою баню ремонтировал. Курили. Было тепло, тихо. По деревне топились бани: пахло горьковатым банным дымком.

– Кизяки нынче не думаешь топтать? – спросил тот, который пришел помыться, помоложе, сухой, скуластый, смуглый.

– На кой они мне... – лениво, не сразу ответил тот, который постарше. Он смотрел в улицу, но ничего там не высматривал, а как будто о чем-то думал, может, вспоминал.

– А я не знаю, что делать. Топтать, что ли...

– Наплавь из острова да топи.

– Не знаю, что делать... Может, правда, наплавить.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Конечно.

– Ты будешь плавить?

– Я, может, угля куплю. Посмотрю.

– Наверно, наплавлю. Неохота этими киззяками заниматься.

Тот, что постарше, спокойный, грузный, бросил под ногу окуроч, затоптал. Посмотрел задумчиво в землю и поднял голову...

– Хошь расскажу, как меня хоронить будут? – Чуть сощурил глаза в усмешке, но, видно, поговорить собрался серьезно.

– О! – удивился сухой, смуглый. – Ты что?

– Хошь?

– А чего ты... помирать-то собрался?

– Да не собрался. Я туда не тороплюсь. Но я в точности знаю, как меня хоронить будут. Рассказать?

– Во, елки зеленые! Мысли у тебя. Чего ты? – еще спросил тот, помоложе.

– Значит, будет так: помер. Ну, обмыли – то-се, лежу в горнице, руки вот так... – Рассказчик показал, как будут руки. Он говорил спокойно, в маленьких умных глазах его мерцала веселинка. – Жена плачет, детишки тоже... Люди стоят. Ты, например, стоишь и думаешь: «Интересно, позовут на поминки или нет?»

– Ну, слушай! – обиделся смуглый. – Чего уж так?

– Я в шутку, – сказал рассказчик. И продолжал опять серьезно: – Ты будешь стоять и думать: «Чего это Колька загнулся? Когда-нибудь и я тоже так...»

– Так все думают.

– Жена будет причитать: «Да родимый ты наш, да на кого же ты нас оставил?! Да ненаглядный ты наш, да сокол ты наш ясный». Сроду таких слов не говорят, а как помрет человек, начинают: «сокол», «голубь»... Почему так?

– Ну, напоследок-то не жалко. А еще приговаривают: «ноженьки», «рученьки», «головушка». «Ох, да отходил ты своими ноженьками по этой горенке». А у кого есть сорок пятый размер – тоже ноженьки!

– Это потому, что в этот момент жалко. Кого жалеют, тот кажется маленьким.

– Ну, а дальше?

– Дальше понесли хоронить. Оркестр в городе наняли за шестьдесят рублей. Тут, значит, скинутся: тридцать рублей сама заплатит, тридцать – с моих выжмет. А на кой он мне черт нужен, оркестр? Я же его все равно не слышу.

– Друг перед другом выхваляются. Одни схоронили с оркестром, другие, глядя на них, тоже. Лучше бы эти деньги на поминки пустить...

– Во, я и говорю: кто про что, а ты про поминки. – Рассказчик засмеялся негромко.

Молодой не засмеялся.

– Но когда сядут и хорошо помянут – поговорят про покойного, повспоминают – это же дороже, чем один раз пройдут поиграют. Ну и что поиграли? Ты же сам говоришь: «На кой он мне?»

– Тут дело не в покойнике, а в живых. Им же тоже надо показать, что они... уважали покойного, ценили. Значит, им никаких денег не жалко...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не жалко! Что, у твоей жены шестидесяти рублей не найдется?

– Найдется. Ну и что?

– Чего же она будет с твоей родни тридцать рублей выжимать на оркестр? Заплати сама, и все, раз уважаешь. Чего тут складываться-то?

– Я же не скажу ей из гроба: «Заплати сама!»

– Из гроба... Они при живых-то что хотят, то и делают. Власть дали! Моей девчонке надо глаза закапывать, глаза что-то разболелись... Ну, та плачет, конечно, когда ей капают, – больно. А моя дура орет на нее. Я осадил разок, она на меня. А у меня вся душа переворачивается, когда девчонка плачет, я не могу.

– Но капать-то надо.

– Да капать-то капай, зачем ругаться-то на нее? Ей и так больно, а эта орет стоит «не плачь!». Как же не плакать?

– Да... – Николаю, рассказчику, охота дальше рассказать, как его будут хоронить. – Ну, слушай. Принесли на могилки, ямка уже готова...

– Ямку-то я копать буду. Я всем копаю.

– Наверно...

– Я Стародубову Ефиму копал... Да не просто одну могилку, а сбоку еще для старухи его подкапывал. А они меня даже на поминки не позвали. Главное, я же сам напросился копать-то: я любил старика. И не позвали. Понял?

– Ну, они издалека приехали, сын-то с дочерью, чего они тут знают: кто копал, кто не копал...

– Те не знали, а что, некому подсказать было? Старуха знала... Нет, это уж такие люди. Два рубля суют мне... Хотел матом послать, но, думаю, горе у людей...

– А кто совал-то?

– Племянница какая-то Ефимова. Тоже где-то в городе живет. Ну, распорядилась тут похоронами. Подавись ты, думаю, своими двумя рублями, я лучше сам возьму пойду красненькой бутылку да помяну один. Я уважал старика...

– Так, а чего ты? Взял эти два рубля да пошел купил себе...

– Да я же не за деньги копал! Я говорю: уважал старика, мы вместе один раз тонули. Я пас колхозных коров, а он своих двух телков пригнал. И надумали мы их в Сухой остров перегнать – там трава большая в кустах и не жарко. Погнали, а его телка-то сшибло водой. Он за телком, да сам хлебнул. Я кой старика-то вытаскивал, телка нашего на дресву оттащило. Из старика вода полилась, очухался он и маячит мне: телка, мол, спасай, я ничего...

– Спасли? Телка-то?

– Спасли. Хороший был старик. Добрый. Мне жалко его.

– Я его мало знал. Знал, но так... Он долго хворал?

– Нет. У него сперва отнялись ноги... Его в больницу. А он застеснялся, что там надо нянечку каждый раз просить... Заталдычил: «Везите домой, дома помру». Интеллигент нашелся – няньку стыдно просить. Она за это деньги получает, оклад.

– Ну, каждый раз убирать за имя – это тоже...

– А как же теперь? Он и так уж старался поменьше есть, молоком больше... Но ведь все же живой пока человек. Как же теперь?

– Оно, конечно.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Может, полежал бы в больнице, пожил бы еще...

– Его без оркестра хоронили?

– Какой оркестр! Жадные все, как... Сын-то инженером работает, мог бы... Ну, копейка на учете.

– Да старику-то, если разобраться, на кой он, оркестр-то? – сказал рассказчик, хозяин бани.

– А тебе?

– Чего?

– Тебе нужен?

– И мне не нужен.

– Никому не нужен, но все же хоронят с оркестром. Не покойник же его заказывает, живые, сам говоришь. Любили бы отца, заказали бы. Жадные.

– Бережливые, – поправил хозяин бани.

Смуглый посмотрел на рассказчика... Понимающе кивнул головой.

– Вот и про себя скажи: я не жадный, а бережливый. А то – «не надо оркестра, я его все равно не слышу». Скажи уж: денег жалко. Чего рассусоливать-то? Я же вас знаю, что ты, что Кланька твоя – два сапога пара. Снегу зимой не выпросишь.

Рассказчик помолчал на это... Игрнул скулами. Заговорил негромко, с напором:

– Легко тебе живется, Иван. Развалилась баня, ты, недолго думая, пошел к соседу мыться. Я бы сроду ни к кому не пошел, пока свою бы не починил... И ты же ходишь прославляешь людей по деревне: этот жадный, тот жадный. Какой же я жадный: ты пришел ко мне в баню, я тебе ни слова не говорю: иди мойся. И я же жадный! Привыкли люди на чужбинку жить...

Иван достал пачку «Памира», закурил. Усмехнулся своим мыслям, покачал головой.

– Вот видишь, из тебя и полезло. Баню пожалел...

– Не баню пожалел, а... свою надо починить. Что же вы, так и будете по чужим баням ходить?

– Ты же знаешь, мне не на чё пока тёсу купить.

– Да у тебя сроду не на чё! У тебя сроду денег нет. Как же у других-то есть? Потому что берегут ее, копейку-то. А у тебя чуть завелось лишка, ты их скорей торописся загнать куда-нибудь. Баян сыну купил!.. Хэх!

– А что тут плохого? Пускай играет.

– Видишь, ты хочешь перед людьми выщелкнуться, а я, жадный, должен для тебя баню топить. На баян он нашел денег, а на тёс – нету.

– М-да-а... Тьфу! Не нужна мне твоя баня, гори она синим огнем! – Иван поднялся. – Я только хочу тебе сказать, куркуль: вырастут твои дети, они тебе спасибо не скажут. Я проживу в бедности, но своих детей выучу, выведу в люди... Понял?

«Куркуль» не пошевелился, только кивнул головой, как бы давая понять, что он понял, принял, так сказать, к сведению.

– Петька твой начал уж потихоньку выходить в люди. Сперва пока в огороды.

– Как это?

– Морковка у меня в огороде хорошая – ему глянется...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Врешь ведь? – не поверил Иван.

– А спроси у него. Еще спроси: как ему та хворостина? Глянется, нет? И скажи: в другой раз не хворостину, а бич конский возьму... – Сидящий снизу нехорошо, зло глянул на стоящего. – А то вы, я смотрю, добрые-то за чужой счет в основном. А чужая кобыла, знаешь, лягается. Так и передай своему баянисту.

Иван, изумленный силой взгляда, каким одарил его хозяин бани и огорода, некоторое время молчал.

– Да-а, – сказал он, – такой, правда, за две морковки изувечит.

– Свою надо иметь. Мои на баяне не умеют, зато в чужой огород не полезут.

– А ты сам в детстве не лазил?

– Нет. Меня отец тоже на баяне не учил, а за воровство руки выламывал.

– Ну и зверье же!

– Зверье не зверье, а парнишке скажи: бич возьму. Так уделаю, что лежать будет. Жалуйтесь потом...

– Тьфу! – Иван повернулся и пошел домой. Изрядно отшагал уже, обернулся и сказал громко: – Вот тебе-то я ее не буду копать! И помянуть не приду...

Хозяин бани и огорода смотрел на соседа спокойными, презрительными глазами. Видно, думал, как покрепче сказать. Сказал:

– Придешь. Там же выпить дадут... как же ты не придешь. Только позвали бы – придешь.

– Нет, не приду! – серьезно, с угрозой сказал Иван.

– А чего ты решил, что я помираю? Я еще тебя переживу. Переживу, Ваня, не горюй.

– Куркуль.

– Иди музыку слушай. Вальс «Почему деньги не ведутся». – Хозяин бани и огорода засмеялся. Бросил окурок, поднялся и пошел к себе в ограду.

Генерал Малафейкин

Мишка Толстых, плотник СМУ-7, маленький, скуластый человек с длинными руками, забайкальский москвич, возвращался из гостей восвояси. От брата-ленинградца. Брат принял его плохо, сразу кинулся учить жизни... Мишка обиделся, напился, нахамил жене брата и поехал домой, в Москву.

К поезду пришел раньше других. Вошел в купе, забросил чемодан наверх, попросил у проводницы простыни и одеяло. Ему сказали: «Поедем, тогда получите простыни». Мишка снял ботинки и прилег пока на матрац на верхней полке. И заснул.

Проснулся ночью. Под ним во тьме негромко разговаривали двое. Один голос показался Мишке знакомым. И говорил больше как раз этот, знакомый голос. Мишка прислушался.

– Не скажите, не скажите, – негромко говорил голос, – не могу с вами согласиться. У меня же бывает то и дело: вызываешь его, подлеца, в кабинет: «Ну, что будем делать?» Молчит. «Что будем делать-то?!» Молчит, жмет плечами. «Будем продолжать в том же духе?» Гробовое молчание.

– Это они мастера – отмолчатся, – поддержал другой голос, усталый, немолодой. – Это они умеют.

– Что вы! Молчит, как в рот воды набравши. «Ну долго, – спрашиваю, – будем в молчанку играть?»

Мишка вспомнил, чей голос напоминает этот голос внизу: Семена Иваныча Малафейкина, московского соседа из 37-го дома, нелюдимого маляра-шабашника,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru инвалидного пенсионера. С этим Семеном Ивановичем Мишка один раз вместе халтурил: отделявали квартиру какому-то большому начальнику. Недели полторы работали, и за все это время Малафейкин сказал, может быть, десять слов. Он даже не здоровался, когда приходил на работу. На вопрос, почему он молчит, Малафейкин сказал: «У меня грудь болит с вами трепаться». Но этот, внизу, это, конечно, не Малафейкин... Но до чего похож голос. Поразительно.

– «Ведь я же тебя, подлеца, из Москвы выселю! – говоришь ему. – Выведешь ведь из терпения – выселю!» – «Не надо», – просит. «А-а, открыл рот!.. Заговорил?»

– Случается, выселяете?

– Мало. Их же и жалко, подлецов. Что они там будут делать?

– Господи!.. Да нам полно людей требуется!

– А вы что там с ними будете делать? Самогон варить?

Двое внизу начальственно – негромко, озабоченно – посмеялись.

– Да-а... У нас тоже хватает этого добра. А как вы боретесь с такими?

– Да как... Профилактика плюс милиция. Мучаемся, а не боремся. Устаем. Приедешь на дачу, затопишь камин, смотришь на огонь – обожаю, между прочим, на огонь смотреть, – а из огня на тебя... какое-нибудь мурло смотрит. «Господи, – думаешь, – да отстанете вы от меня когда-нибудь!»

– Как это – смотрит? – не понял другой, усталый собеседник. – Мысленно, что ли?

– Ну, насмотришься на них за день-то... Они и кажутся где попало. У вас дача каменная?

– У меня нету. Я, как маленько посвободнее, еду в деревню к себе. У меня деревня рядом. А у вас каменная?

– Каменная, двухэтажная. Напрасно отказываетесь от дачи – удобно. Знаете, как ни устанешь за день, а приедешь, затопишь камин – душа отходит.

– Своя?

– Дача-то?

– Да.

– Нет, конечно! Что вы! У меня два сменных водителя, так один уже знает: без четверти пять звонит: «Домой, Семен Иванович?» – «Домой, Петя, домой». Мы с ним дачу называем домом.

Мишка наверху даже заворочался – рассказчика-то тоже Семеном Ивановичем зовут! Как Малафейкина. Что это? А Семен Иванович внизу продолжал рассказывать:

– «Домой, – говорю, – Петька, домой. Ну ее к черту, эту Москву, эту шумиху!» Приезжаем, накладываем дровец в камин...

– А что, никого больше нет?

– Прислуги-то? Полно! Я люблю сам! Сам накладываю дровец, поджигаю... Славно! Знаете, иногда думаешь: «Да на кой черт мне все эти почести, ордена, персоналки?.. Жил бы вот так вот в деревне, топил бы печку».

Усталый собеседник тихо, недоверчиво посмеялся.

– Что, не верите? – негромко воскликнул Семен Иванович, тоже, наверно, улыбаясь. – Я вам точно говорю: бросил бы, все бросил бы!

– Что же не бросаете?

– Ну... Все это не так просто, как кажется. А кто позволит?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- То-то и оно, – вздохнул собеседник. – Я тоже, знаете...
- Наоборот, предлагают повышение. Ну, думаю, нет: у меня от этих дел голова кругом. Спасибо.
- Сейчас, наверно, на этом совещании были, в связи с... Я что-то такое краем уха...
- Нет, я по другим делам. Там у нас хватает... А как же, и отдыхаете у себя в деревне? И летом?
- Почти всегда. Уезжаю к отцу – рыбачим...
- Нет, я в санаториях.
- Где? В Кисловодске?
- И в Кисловодске.
- В основном корпусе?
- Нет, у нас там свой корпус есть.
- Где?
- Не доезжая Кисловодска...
- Где же? Я там все окрестности излазил.

Семен Иваныч посмеялся:

- Нет, тот корпус вы не знаете. Его с дороги не видно.

Помолчали.

- За забором, – пояснил Семен Иваныч.
- А-а... – неопределенно как-то сказал усталый собеседник. И опять замолчал.

Семена Иваныча это молчание как будто обеспокоило.

- Скучновато только, честно говоря, – продолжал он. – Ну буфет: шампанское, фрукты, пятое-десятое... Не в этом же дело! Надоедает же.
- Конечно, – опять очень неопределенно сказал усталый. – Я ничего не имею... Фильмы демонстрируют?
- Ну!.. Но мы знаете, что делаем? Мы эти обычные манкируем, а собираемся одни мужчины, заказываем какой-нибудь такой... с голяшками... Не уважаете? – Семен Иваныч неуверенно посмеялся. – Интересно вообще-то!

Собеседник никак не откликнулся на это. Молчал.

- А? – спросил Семен Иваныч встревоженно.
- Что? – сказал собеседник.
- Не уважаете с голяшками?
- Да я их... это... я их мало видел.
- Ну что вы! Это, знаете, зрелище! Выйдет такая... черт ее... вот уж она виляет, вот виляет своим этим... Любопытно. Нет, это зрелище, зрелище, чего ни говорите.
- Совсем голые?
- Совсем!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– А как же... разве у нас снимают такие фильмы?

Семен Иванович без опаски, с удовольствием засмеялся.

– Это ж не наши. Это оттуда.

– А-а, – сказал собеседник. – Там – да... Конечно.

– Нет, умеют, умеют, черти. Ничего не скажешь. Но, знаете, что я вам про все это скажу: красиво!

– Я ничего! – испуганно сказал собеседник.

– Но в душе, наверно, осудили меня.

– Я? Да почему!..

– Осудили, осудили... Не осуждайте. Не торопитесь. Не завидуйте Семену Ивановичу... Вы же не видите, как Семен Иванович потом за столом буквально засыпает. Сидишь, изучаешь дело... С вами можно откровенно?

– Да зачем? – торопливо, без всякой усталости сказал собеседник. – Я прекрасно понимаю. Мне самому приходится...

– О, разумеется! Разумеется, вам тоже приходится недосыпать, недоедать... Ах мы, бедненькие! А потом отвернемся и пальцем покажем: генерал, пузо отвесил. Вы видели у меня пузо?

– Да нет, почему?! – Собеседник явно растерялся. – Я как раз ничего не имел... Дело же не в этом...

– А в чем? – жестко спросил Семен Иванович.

– Ну как?..

– Как?

– Не в том дело, кто генерал, кто не генерал. Все мы, в конце концов, одно дело делаем.

– Да что вы говорите! Смотрите-ка, я и не знал. Неужели все?

Собеседник молчал.

– А? – переспросил Семен Иванович. Непонятно, почему он рассердился.

Собеседник молчал.

– Что, молчим? Тоже молчим?

– Слушайте!.. – Собеседник, чувствовалось, привстал. – В чем, собственно, дело? Что вы против меня имеете?

– Да упаси боже! – моментально искренне откликнулся Семен Иванович. – Ничегошеньки я не имею. Просто спросил. Я думал, что вы что-то против меня имеете. Ничего?

– Ничего, конечно. Вообще-то, пора спать. Сколько сейчас? Приблизительно?

– Приблизительно-то?.. Эх, оставил свои со светящимся циферблатом... Приблизительно часа два.

– Да, пожалуй. Надо, пожалуй, соснуть. Да?

– Да, конечно. Я еще выпил сегодня малость... Прощались с товарищами. Да, спим.

И сразу замолчали. И больше не говорили.

Мишка не знал, как подумать: кто внизу? Голос поразительно похож на

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru малафейкинский. И зовут Семеном Ивановичем... Но как же тогда? Что это? Мишка знал про Малафейкина почти все, что можно знать про соседа, даже не интересуясь им специально. Когда-то Малафейкин упал с лесов, сильно разбился... Был он тогда одинокий, и так одиноким остался. Тихий, молчаливый. К нему в воскресные дни приезжала какая-то женщина старше его. С девочкой.

Кто они Малафейкину – Мишка не знал. Видел во дворе, Малафейкин гулял с девочкой: девочка возилась в песке, а Малафейкин читал газету. Может, это была его сестра с дочкой, потому что как-то не похоже, чтобы тут было что-то иное. Вот, в сущности, и весь Малафейкин. А генерал внизу... Нет, это совпадение. Бывает же так!

Мишка осторожно слез с полки, сходил в туалет, взобрался опять наверх и закрыл глаза. В купе было тихо. Мишка заснул.

Утром Мишка проснулся позже других, перед самой Москвой. Открыл глаза, глянул вниз, а внизу, у окошка, сидит... Семен Иванович Малафейкин. И еще какой-то человек тоже сидит у окна напротив, лет пятидесяти, румяный. Сидят, смотрят в окно. Еще девушка какая-то в брюках – книгу читает в сторонке. Молчат.

Мишка заспал ночной разговор, хотел уж сказать сверху: «Здравствуй, сосед!» и вспомнил... И даже отпрянул вглубь. Оторопел. Полежал, повспоминал: может, приснился ему этот ночной разговор?

Пока он мучительно вспоминал, румяный человек, слышно, потянулся и сказал, как говорят долго молчавшие люди:

– Кажется, подъезжаем. – Пошуршал какой-то бумагой на столе – газету, что ли, свернул, – встал и вышел из купе.

Мишка свесил вниз голову... Девушка глянула на него, потом в окно и опять уткнулась в книгу. Малафейкин, курносый, с маленькими глазками без ресниц, в галстук, причесанный на пробор, чуть пристукивал пальцами правой руки по столику – смотрел в окно.

– Привет генералу! – негромко сказал над ним Мишка.

Малафейкин резко вскинул голову... Встретились глазами. Маленькие глазки Малафейкина округлились от удивления и даже, как показалось Мишке, испугались.

– О! – сказал Малафейкин неодобрительно. – Явились не запылились... Откуда это?

Мишка молчал, смотрел на соседа – старался насмешливо.

– Чего это... разъезжаем-то? – даже как-то зло спросил Малафейкин. И быстро глянул на дверь.

Точно, это он ночью городил про каменные дачи и как он устал от наград и почестей.

– Чего эт ты ночью плел... – начал было Мишка, но вошел румяный человек, и Малафейкин быстро, испуганно повернулся к нему... И встал. И заговорил:

– Ну что, подъезжаем? – Суетливо сунулся к окну, пригладил пробор на голове. – Да, уже. Уже Яуза. Так, так... – Потоптался чего-то, направился было из купе, но вернулся, склонился к чемодану.

«Во фраер-то!» – изумился Мишка. Ему сверху было видно, как покраснели уши Малафейкина. Он не стал больше приставать к маляру-шабашнику. Только с большим любопытством наблюдал за ним сверху.

– Вы не в сторону центра едете? – спросил румяный пассажир. И почтительно посмотрел на Малафейкина.

– А? – встрепенулся Малафейкин. – Я? Нет, нет... Меня... Нет, в другую сторону.

– А то хотел присоединиться к вам.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Нет, нет... Мне в другую.

– Нам в сторону Свиблова, – громко сказал Мишка, потянулся и сел на полке. Его разбирал смех.

– О, попутчик наш проснулся? – сказал румяный человек. – Доброе утро, молодой человек! Завидный у вас сон. А я в дороге плохо сплю. Ругаю себя: да отсыпайся ты, есть же возможность – нет, никак.

Мишка, улыбаясь, смотрел на Малафейкина.

– Нет, мне бы еще столько, ничего бы...

– Дело молодое.

Малафейкин застегнул свой скрипучий желтый чемодан, затянул ремни, подхватил его, выставил в коридор... Из коридора же, не входя в купе, снял с вешалки кожаное пальто, снял с полки шляпу и ушел одеваться в коридор, подальше.

«Трусит – разоблачу, – понял Мишка. – На кой ты мне черт нужен!»

Больше Малафейкин в купе не входил. Оделся, взял чемодан и ушел в тамбур.

Однако на перроне Мишка скараулил его. Догнал, пошел рядом.

– Что, хватил вчера лишнего, что ли? – спросил миролюбиво. – Чего турусил-то ночью? Зачем?

– Отвяжись! – рявкнул вдруг Малафейкин. И покраснел как свекла. – Чего ты пристал?! Не похмелился? Иди похмелись! Чего ты пристал?! Чего пристал к человеку?!

На них оглянулись... Некоторые даже придержали шаг, ожидая скандала.

Мишка, опасаясь всяких этих штучек, связанных с объяснением, приотстал. Но Малафейкина из вида не выпускал. Он обозлился на него.

Вместе сели в метро... Мишка все следил за Малафейкиным, не знал только, как вывести на чистую воду этого прохвоста. Чуть чего, тот милицию станет звать.

В вагоне Малафейкин осторожно огляделся... И напоролся на прямой, уничтожающий Мишкин взгляд. Мишка подмигнул ему. Уши Малафейкина опять зацвели маковым цветом. Жесткий воротник кожаного пальто подпирал сзади его шляпу... Малафейкин больше не оглядывался.

На выходе из метро, на эскалаторе, Мишка опять приблизился к Малафейкину... Заговорил на ухо ему:

– Ты не ори только, не ори... Я один вопрос поставлю и больше не буду. У меня брательник в Питере такой же... придурок: тоже строит из себя. Чего вы из себя корезите-то? Чего вы добиваетесь этим? А? Я серьезно спрашиваю.

Малафейкин молчал. Смотрел вверх, вперед.

– Вам что, легче, что ли, становится после этого?

Малафейкин молчал.

– Зачем врал-то ночью мужику? А?

Как эскалатор изготовился столкнуть их – вышел на прямую, – Малафейкин стал искать глазами милиционера... Мишка обогнал его и, оглядываясь, пришел раньше к автобусной остановке.

«Я тебя дома, во дворе, допеку», – решил.

Около дома, когда сошли с автобуса, Мишка опять пошел было к Малафейкину, но тот вдруг болезненно сморщился, затряс головой так, что шляпа чуть не съехала с

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
голова, затопал ногой и закричал:

– Не подходи! Не подходи ко мне! Не подходи! – прокричал так, повернулся и скоро пошагал к дому. Почти побежал. Большой желтый чемодан с ремнями колотил его по ноге. Кожаное пальто надламывалось и приятно шумело. Шляпу Малафейкин поправил на ходу левой рукой... Не оглянулся ни разу.

Мишке чего-то вдруг стало жалко его.

– Звонарь, – сказал он негромко, сам себе. – Дача у него, видите ли. С камином, видите ли... Во звонарь-то! Они, видите ли, жить умеют... Звонари.

И тоже пошел. В магазин. Сигарет купить. У него сигареты кончились.

Письмо

Старухе Кандауровой приснился сон: молится будто бы она богу, усердно молится, а – пустому углу: иконы-то в углу нет. И вот молится она, а сама думает: «Да где же у меня бог-то?»

Проснулась в страхе, до утра больше не заснула, обдумывала сон. Страшный сон. К чему?.. Не с дочерью ли чего? Дочь старухина, младшая, жила в городе, работала в хорошем месте, продавцом. Она славная, дочь, всей родне слала посылки: кофточки импортные, шали, даже машины стиральные. Не за так, конечно, деньги ей, конечно, высылали, но... Иди нынче допросись и за деньги-то купить: все некогда им, вечно они там заняты. А эта находила время... Нет, она хорошая, Катерина, только с мужем неважно живут. Черт его знает, что за мужик попался: приедет – молчит целыми днями... Костлявый какой-то. Все думает чего-то, газетами без конца шуршит, зеваает. Ни поговорить, ни пошутить... Как лесина сухая. Дочь жаловалась на него матери.

Утром старуха собралась и пошла к Ильичихе. Ильичиха разгадывала сны.

– И-и, матушка, – запела богомольная Ильичиха, – дак, а у ты иконка-то есть ли?

– Есть. Она, правда, в шифонере...

– Вы-ынь, вынь, матушка, грех. Чего же ее впотьмах держать? Вынь да повесь, куда положено. Как же ты так?..

– Да жду своих, Катьку-то, сулилась... А зять-то партийный, ну-ко да коситься начнет.

– Плюнь! Кому како дело? Нонче нет такого закону...

– Да закону-то нет, а... И так-то живут неважно, а тут я ишо...

– Не гневи бога, Кузьмовна, не гневи. Кому како дело? У меня их вон сколь висит, кому како дело?! А ты ее в шифонер запытила! Бесстыдница.

– Да не ездит никто, оно и дела никому нет, – с сердцем сказала Кузьмовна. – Не все так-то живут. Ко мне люди ездют, я не одинокая.

– Знамо, татаркой-то не живу, – обиделась Ильичиха. – К ей люди ездют!.. Гляди-ко, наездили: раз в год приедут, так она из-за этого икону в шкаф запытила! Ни стыда, ни совести у людей.

– Ты не кричи, чего ты рот-то разинула? Чего ты всех созываешь-то? Припадошная. Кто тебе виноватый, что не рожала? А теперь зло берет. Надо было рожать.

– Да вы вон нарожали их, а толку-то?

– Как это «толку»? Вот те раз! Да у меня же смысл был, я их растила да учила старалась... А ты-то зачем жила? Прокуковала весь свой век, а теперь злится. Нечего и злиться теперь.

– Это вы – наплодили их да поете ходите: «Ванька не пишет, Колька денег не шлет, окаянный...» Зачем тада и рожать? Лучше не рожать – не гневить бога после. Не было у меня условиев, я и не рожала. Не все подкулачники-то были... Куркули.

– Знамо, лодыри, они куркулями никогда не живут. Где эт ты куркулей-то увидела?

– Да вас же на волосок только не раскулачили в двадцать девятом годе! Ты забыла? Какая у тебя память-то дырявая. Мой же брат, Аркашка, заступился за вас. Забыла? А кому потом ваш отец три овечки ночью пригнал? Забыла? Короткая же у тебя память!

– А ты чё гордишься, что в бедности жила? Ведь нам в двадцать втором годе землю-то всем одинаково дали. А к двадцать девятому – они уж опять бедняки! Лодыри! Ведь вы уж бедняки-то советские сделались, к коллективизации-то нам землю-то поровну всем давали, на едока.

– А вы!..

– А вы!..

Поругались старушки. И ведь вот дурная деревенская привычка: двое поругаются, а всю родню с обеих сторон сюда же пришьют. Никак не могут без этого! Всех помянут и всех враз сделают плохими – и живых, и покойных, всех.

Домой старуха Кандаурова шла расстроенная. Болела душа за Катьку. Неладно у нее, неладно – сердце чует.

Вечером старуха села писать письмо дочери. Решила написать большое письмо, поучительное.

«Добрый день, дочь Катя, а также зять Николай Васильич и ваши детки, Коля и Светычка, внучатычки мои ненаглядны. Ну, када жа вы приедете, я уж все глазыньки проглядела – все гляжу на дорогу: вот, может, покажутся, вот покажутся. Но нет, не видать. Катя, доченька, видела я этой ночий худой сон. Я не стану его описывать, там и описывать-то нечего, но сон шибко плохой. Вот задумалась: может, у вас чего-нибудь? Ты, Катерина, маленько не умеешь жить. А станешь учить вас, вы обижаитесь. А чего же обижатца! Надо, наоборот, мол, спасибо, мама, что дала добрый совет. Мы тоже када-то росли у отца с матерей, тоже, бывало, не слушались ихного совета, а потом жалели, но было поздно.

Ты подскажи своему мужу, чтоб он был маленько поразговорчивей, поласковой. А то они... Ты скажи так: Коля, что ж ты, идрена мать, букой-то живешь? Ты сядь, мол, поговори со мной, расскажи чего-нибудь. А то, скажи, спать поврозь буду!»

Старушка задумалась, глядя в окно. Вечерело. Где-то играли на гармошке. Старуха вспомнила себя, молодую, своего нелюбимого мужа... Муж ее, Кандауров Иван, был мужик работающий, честный, но бука несусветная. За всю женатую жизнь он всего два или три раза приласкал жену. Не обижал, нет, но и не замечал. Старухе жалко стало себя, свою жизнь...

«Если б я послушалась тада свою мать, я б сроду не пошла за твоего отца. Я тоже за свою жизнь ласки не знала. Но тада такая жизнь была: вроде не до ласки, одна работа на уме. А если так-то разобратся-то – пошто? Ну, работа работой, а человек же не каменный. Да еслив его приласкать, он в три раза больше сделает. Любая животная любит ласку, а человек – тем боле. Ты, скажи, сам угрюмый ходишь, и, на тебя глядя, сын тоже станет задумыватца. Они, маленькие-то, все на отца глядят: как отец, так и они – походить стараютца. Да я и буду, скажи, с вами, с такими-то... Мне, мол, что, самой с собой тада остаетца разговаривать? Да что уж это за мысли такие! – день-деньской думать и думать... Ты, скажи, ослобони маленько голову-то для семьи. Чего думать-то, об чем? Ладно бы, думал, думал – додумался: большим начальником сделался, а то так – сбоку припека. Чего уж тада и утруждать ее, головушку-то, еслив она не приспособлена для этого дела. Нечего ее и утруждать. Ты, скажи, будешь думать, а я буду возле тебя сидеть – в глаза тебе заглядывать? Да пошел ты от меня подальше, сыч! Я, скажи, не кривая, не горбатая – сидеть-то возле тебя. Я, мол, вон счас приоденусь да на танцы и завьюсь, будешь знать. Да сударчика себе найду. Скажи, скажи ему так, скажи. А полезет с кулаками, ты – в милицию: ему сразу прижмут хвост. Это ничего, что он сам в милиции, ему тоже прижмут. С имя нынче не чикаютца, это не старое время. Это раньше, бывало... Тьфу! И писать-то про то неохота! Нет, скажи, ты у меня живо повеселеешь, столб грустный. Ты меня за две улицы стречать будешь с работы. А то моду взяли! Нет, ты у нас будешь разговорчивый! А не изменишь свой гыранитный

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru характер – вон тебе дверь, выметайся! Иди на все четыре стороны, читай газеты. И молчи, сколько влезет. Попинывали мы таких журавлей задумчивых. Дай ему месяц сроку: если не исправитца, гони в три шеи! Пусть летит без оглядки, ступеньки щитают!»

Старуха вдруг представила, что письмо это читает ее задумчивый зять.. Усмехнулась и стала смотреть в окно. Гармонь все играла, хорошо играла. И ей подпевал негромко незнакомый женский голос. Господи, думала старуха, хорошо, хорошо на земле, хорошо. А ты все газетами своими шуршишь, все думаешь... Чего ты выдумаешь? Ничего ты не выдумаешь, лучше бы на гармошке научился играть.

«Читай, зятек, почитай – я и тебе скажу: проугрюмисся всю жизнь, глядь – помирать надо. Послушай меня, я век прожила с таким, как ты: нехорошо так, чижало. Я тут про тебя всякие слова написала, прости, если нечаянно задела, но все-таки образумься. Чижало так жить! Она мне дочь родная, у меня душа болит, мне тоже охота, чтоб она порадовалась на этом свете. И чего ты, журавь, все думаешь-то? Получаешь неплохо, квартирка у вас хорошая, деточки здоровенькие... Чего ты думаешь-то? Ты живи, да радуйся, да других радуй. Я не про службу твою говорю, там не обрадоваешь, а про самых тебе дорогих людей. Я вот жду вас, жду не дожусь, а если ты опять приедешь такой задумчивый, огрею шумовкой по голове, у тебя мысли-то перестроютца. Это я пошутила, конечно, но, правда, возьми себя в руки. Приезжайте скорей, у нас тут хорошо, лучше всяких курортов. Не сердчай на меня, я же тоже все думаю, не стой тебя. Но мне-то хоть есть об чем думать, а ты-то чего? Господи, жить да радоваться, а они... Ну, приезжайте. Катя, поедете, купи мне ситцу на занавески, у нас его нету. Купи голубенького. Я повешу, утром проснетесь, а в горнице такой свет хороший. Петя пишет, что не сможет этим летом приехать. А Егор, может, приедет. Здоровье у него неважное. Коля, внучек мой милый, скажи папке и мамке, чтоб ехали. Тут велики хорошие продают. Будешь на велике ездить. И рыбачить будешь ходить. Давеча шла, видела, ребяташки по целой сниске чебаков несли. Приезжайте, дорогие мои. Жду вас, как Христова дня. Жить мне осталось мало, я хоть порадываюсь на вас. Одной-то шибко плохо, время долго идет. Приезжайте. Целую вас всех. Баба Оля».

Старуха отодвинула письмо в сторонку и опять стала смотреть в окно. А за окном уже ничего почти не видать. Только огоньки в окнах... Теплый, сытый дух исходил от огородов, и пылью пахло теплой, остывающей.

Вот тут, на этих улицах, прошла жизнь. А давно ли?.. О господи! Ничего не понять. Давно ли еще была молодой. Вон там, недалеко, и теперь закоулочек сохранился: там Ванька Кандауров сказал ей, чтоб выходила за него... Еще бы раз все бы повторилось! Черт с ним, что угрюмый, он не виноват, такая жизнь была: работал мужик, не пил зряшно, не дрался – хороший. Квасов, тот побойчей был, зато попивал. Да нет, чего там!.. Ничего бы другого не надо бы. Еще бы разок все с самого начала...

Старуха и не заметила, что плачет. Поняла это, когда слезинка защекотала щеку. Вытерла глаза концом косынки, встала и пошла разбирать постель – поспать, а там – еще день будет. Может, правда приедут – все скорей.

– Старая! – сказала она себе. – Гляди-ко, ишо раз жить собралась!.. Видали ее!

Ноль-ноль целых

Колька Скалкин пришел в совхозную контору брать расчет. Директор вчера ругал Кольку за то, что он «в такое горячее время...». – «У вас вечно горячее время! Все у вас горячее, только зарплата холодная». Директор написал на его заявлении: «Уволить по собств. желанию». Осталось взять трудовую книжку.

За трудовой книжкой Колька и пришел.

Книжку должен был выдать некто Синельников Вячеслав Михайлович, средней жирности человек, с кротким лоснящимся лицом, белобровый, в белом костюме. Синельников был приезжий, Колька слышал про него, что он зануда.

– Почему увольняешься? – Синельников устало смотрел на Кольку.

– Мало платят.

– Сколько?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Чего «сколько»?

– Сколько, ты считаешь, мало?

– Шестьдесят-семьдесят... А то и меньше.

– Ну. А тебе сколько надо?

Кольку слегка заело.

– Мне-то? Три раза по столько.

Синельников не улыбнулся, не удивился такому нахальству.

– Не хватало, значит?

– Не то что не хватало, а даже совестно: руки-ноги здоровые, работать сроду не ленился, а... Тьфу! – Колька много матерился по поводу своей зарплаты, возмущался, нехорошо поминал совхозное начальство, поэтому больше толочь воду в ступе не хотел. – Все.

– И куда?

– Счас-то? Ямы под опоры пойду рыть. На тридцать седьмой километр.

– Специальность в кармане, а ты – ямы рыть. Ты же водитель второго класса...

– А что делать?

– Водку поменьше пить. – Синельников все так же безразлично, вяло, без всякого интереса смотрел на Кольку. Непонятно было, зачем он вообще разговаривает, спрашивает.

Колька уставился в кроткие, неопределенного цвета глаза Синельникова. Пошевелил ноздрями и сказал (как он потом уверял всех) вежливо:

– Прошу на стол мою трудовую книжку. Без бюрократства. Без этих, знаете, штук.

– Каких это штук?

– Я же не на лекцию пришел, верно? Я за трудовой книжкой пришел.

– И лекцию не вредно послушать. Не на лекцию он пришел... Водку жрать у них денег хватает, а тут, видите ли, мало платят. – Странно, Синельников и теперь никак не возбудился, не заговорил как-нибудь... быстрее, что ли, злее, не нахмурился даже. – Глоты. И сосут, и сосут, и сосут-ут эту водку!.. Как не надоест-то? Очуметь же можно. Глоты несчастные.

Такого Колька не заслужил. Он выпивал, конечно, но так, чтобы «глот», да еще «несчастный»... Нет, это зря. Но странно тоже, что не слова взбесили Кольку, а этот ровный, унылый, коровий тон, каким они говорились: как будто такой уж Колька безнадежно плохой, отпетый человек, что с ним устали и не хотят даже нервничать, и уж так – выговаривают что положено, но без всякой надежды.

– Да что за мать-перемать-то! – возмутился Колька. – Ты что... чернил, что ли, выпил? Чего ты пилить-то принялся? Гляди-ка, сел верхом и давай плешь грызть. Да ты что? Тебе что, делать, что ли, нечего, бюрократ?

Синельников выслушал все это спокойно, как на собрании; он даже голову рукой подпер, как делают, сидя в президиуме и слушая привычную, необидную критику.

– Продолжай.

– Я пришел за трудовой книжкой, мне нечего продолжать. Заявление подписано? Подписано. Давай трудовую книжку.

– А хочешь, я тебе туда статью вляпаю?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– За что? – растерялся Колька.

– За буйство. За недисциплинированность... Ма-аленькую такую пометочку сделаю, и ты у меня здесь станцуешь... краковяк. – Синельников наслаждался Колькиной растерянностью, но он даже и наслаждался-то как-то уныло, невыразительно. Колька, однако, взял себя в руки.

– За что же ты мне пометочку сделаешь?

– Сделаю пометочку, ты придешь ямы копать под опоры, а тебе скажут: «Э-э, голубчик, а у тебя тут... Нет, – скажут, – нам таких не надо». И все. И отполучал ты по двести рублей на своих ямах. Так что нос-то особо не задирай. Он, видите ли, лаяться будет тут... Дерьмо. – Синельников все не повышал голоса, он даже и руку не отнял от головы – все сидел как в президиуме.

– Кто? – спросил Колька. – Как ты сказал?

– Чего «кто»?

– Я-то? Как ты сказал?

– Дерьмо, сказал.

Колька взял пузырек с чернилами и вылил чернила на белый костюм Синельникова. Как-то так получилось... Колька даже не успел подумать, что он хочет сделать, когда взял пузырек... Плеснул – так вышло. Синельников отнял руку от головы. Чуть подумал, быстро снял пиджак, встал и подержал пиджак на вытянутых руках, пока чернила стекали на пол. Чернила стекли... Синельников осторожно встряхнул пиджак, еще подождал и повесил пиджак на спинку стула. После того оглядел рубашку и брюки: пиджак не успел промокнуть, на брюки не попало.

– Так... – сказал Синельников. – Выбирай: двадцать рублей за химчистку и окраску всего костюма или подаю в суд за оскорбление действием.

– Ты же первый начал оскорблять...

– Я – словами, никто не слышал, чернила – вот они, налицо. Причем химические. – И опять Синельников говорил ровно, бесцветно. Поразительный человек! – Твое счастье, что я его все равно хотел красить. Еще не знаю, берут ли в чистку с химическими чернилами... Двадцать пять рублей. – Синельников взялся за телефон. – Решай. А то звоню в милицию.

Колька уже понял, что лучше заплатить. Но его возмутило опять, что этот законник на глазах стал нагло завывать цену.

– Почему двадцать пять-то? То – двадцать, а то сразу – двадцать пять. Еще посидим, ты до полста догонишь?..

– Пять рублей – это дорога в район: туда и обратно. Я сразу не сообразил.

– Что, по два с полтиной в один конец, что ли? Тебя за полтинник на попутной любой довезет.

– На попутной я не хочу. Туда – на попутной, а оттуда – такси возьму.

– Фон-барон нашелся!.. «На такси-и»!

– Да, на такси. Что – дико?

– Не дико, а... на дармовщинку-то выдрючиваться – неужели не совестно?

– Ты меня чернилами окатил – тебе не совестно? Что же я – за свой собственный костюм на попутных буду маяться? Двадцать пять. Пиши.

– Чего?

– Расписку. – Синельников пододвинул Кольке лист бумаги.

Колька брезгливо взял лист...

– Как писать-то?

– Я, такой-то, – полностью имя, отчество, – обязуюсь выплатить товарищу Синельникову Вячеславу Михайловичу двадцать пять – прописью – рублей, ноль-ноль копеек...

Колька зло усмехнулся, покачал головой.

– «Ноль-ноль копеек»!.. Командующий, мля!..

– Ноль-ноль копеек за умышленную порчу белого костюма товарища Синельникова В. М.

Колька остановился писать.

– Для чего же писать «умышленную»? Раз я добровольно соглашаюсь платить, зачем же так писать? Там где-нибудь прочитают и начнут... начнут придираться.

Синельников подумал.

– Ладно, пиши: за порчу костюма товарища... белого костюма товарища Синельникова В. М.

Колька пропустил слово «товарища», написал: «белого костюма Синельникова».

– Химическими чернилами...

Колька взял пузырек, посмотрел.

– Разве для авторучек бывают химические?

– А какие же? Отчетные ведомости мы только химическими пишем.

– Писатели, мля... – проворчал Колька.

– Подпись. Число.

Колька расписался. Поставил число. Синельников взял расписку.

– Сколько тебе под расчет причитается?

– А я откуда знаю? Ты лучше тут знаешь.

– После обеда зайдешь за расчетом. И за книжкой.

Колька встал.

– Ты это... не говори никому, что... слупил с меня четвертной. А то дойдет до моей... хаю не оберешься. Напиши чего-нибудь.

– Ладно.

Колька пошел к двери. На пороге остановился, посмотрел на плотного человека с белыми бровями. Синельников тоже посмотрел на него.

– Что?

– Хо-о, – сказал Колька. Качнул головой и вышел из кабинета.

В коридоре разок про себя матюкнулся.

«Четвертной – как псу под хвост сунул. Свернул трубочкой и сунул». Но вспомнил, что он на ямах теперь будет зарабатывать по двести – двести пятьдесят рублей... И успокоился. «Да гори они синим огнем! – подумал. – Жалеть еще...»

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Пост скрипту
Чужое письмо

Это письмо я нашел в номере гостиницы, в ящике длинного узкого стола, к которому можно подсесть только боком. Можно сесть и прямо, но тогда надо ноги, положив их одну на другую, просунуть между тем самым ящиком, где лежало письмо, и доской, которая прикрывает батарею парового отопления.

Я решил, что письмо это можно опубликовать, если изменить имена. Оно показалось мне интересным.

Вот оно:

«Здравствуй, Катя! Здравствуйте, детки: Коля и Любочка! Вот мы и приехали, так сказать, к месту следования. Город просто поразительный по красоте, хотя, как нам тут объяснили, почти целиком на сваях. Да, Петр Первый знал, конечно, свое дело туго. Мы его, между прочим, видели – по известной тебе открытке: на коне, задавивши змею.

Сначала нас хотели поместить в одну гостиницу, но туда как раз приехали иностранцы, и нас повезли в другую. Гостиница просто шикарная! Я живу в люксе на одного под номером 4009 (4 – это значит четвертый этаж, 9 – это порядковый номер, а два нуля – я так и не выяснил). Меня поразило здесь окно. Прямо как входишь – окно во всю стену. Слева свисает железный стерженек, к стерженьку прикреплен тросик, тросик этот уходит куда-то в глубину... И вот ты подходишь, поворачиваешь за шишечку влево, и в комнате такой полумрак. Поворачиваешь вправо – опять светло.

А все дело в жалюзях, которые в окне. Есть, правда, и занавеси, но они висят сбоку без толку. Если бы такие продавали, я бы сделал у себя дома. Я похожу поспрашиваю по магазинам, может, где-нибудь продают. А если нет, то я попробую сделать из длинных лучинок. Принцип работы этого окна я вроде понял, веревочки найдем – они на трех веревочках. Есть еще одна особенность у этого окна: оно открывается снизу, а посередине поворачивается на стержнях. Дежурная по коридору долго тут пыталась мне объяснить, как открывать и закрывать окно, пока я не остановил и не намекнул ей, что не все такие дураки, как она думала. Кровать я такую обязательно сделаю, как здесь. Поразительная кровать. Мы с Иваном Девятовым набросали с нее чертеж. Ее – пара пустяков сделать.

На шестом этаже находится буфет, но все дорого, поэтому мы с Иваном перешли, как говорится, на подножный корм: берем в магазине колбасы и завтракаем и ужинаем у меня в люксе. Дежурная по коридору говорит, что это не запрещается, но только чтоб за собой ничего не оставляли. А сперва было заартачилась: надо, дескать, в буфет ходить. Мы с Иваном объяснили ей, что за эти деньги, которые мы проедем в буфете, мы лучше подарки домой привезем. Она говорит, я все понимаю, поэтому кожуру от колбасы сворачивайте в газетку и бросайте в проволочную корзиночку, которая стоит в туалете. Опишу также туалет. Туалет просто поразительный. Иван говорит: содрали у иностранцев. Да, действительно, у иностранцев содрали много кое-чего. Например, жалюзи. У нас тут одна из Красногорского района сперва жалела лить много воды, когда мылась в ванной, но ей потом объяснили, что это входит в стоимость номера, так же, как легкий обед в самолете. Я лично моюсь теперь каждый день. Меня вообще-то ванной не удивишь, но поразительно другое: блеск и чистота. Вымоешься, спустишь жалюзи, ляжешь на кровать и думаешь: вот так бы все время жить, можно бы сто лет прожить, и ни одна хворь тебя бы не коснулась, потому что все продумано. Вот сейчас, когда я пишу это письмо, за окном прошли морячки строем. Вообще, движение колоссальное.

Но что здесь поражает, так это вестибюль. У меня тут был один неприятный случай. Подошел я к сувенирам – лежит громадная зажигалка. Цена – 14 рублей. Ну, думаю, разорюсь – куплю. Как память о нашем пребывании. Дайте, говорю, посмотреть. А стоит девчушка молодая... И вот она увивается перед иностранцами – и так и этак. Уж она и улыбается-то, она и показывает-то им все, и в глаза-то им заглядывает. Просто глядеть стыдно. Я говорю: дайте зажигалку посмотреть. Она на меня: вы же видите, я занята! Да с такой злостью, куда и улыбка девалась. Ну, я стою. А она опять к иностранцам, и опять на глазах меняется человек. Я и говорю ей: что ж ты уж так угодничаешь-то? Прямо на колени готова стать. Ну, меня отвели в сторонку, посмотрели документы... Нельзя, мол, так говорить. Мы, мол, все понимаем, но тем не менее должны проявлять вежливость. Да уж какая тут, говорю, вежливость: готова на четвереньки стать перед ними. Я их тоже уважаю, но у меня есть своя

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru гордость, и мне за нее неловко. Ограничились одним разговором, никаких оргвыводов не стали делать. Я здесь не выпиваю, иногда только пива с Иваном выпьем, и все. Мы же понимаем, что на нас тоже смотрят. Дураков же не повезут за пять тысяч километров знакомить с памятниками архитектуры и вообще отдохнуть.

Смотрели мы тут одну крепость. Там раньше сидели зэки. Нас всех очень удивило, как у них там чистенько было, опрятно. А сроки были большие. Мы обратились к экскурсоводу: как же так, мол? Он объяснил, что, во-первых, это сейчас так чистенько, потому что стал музей, во-вторых, гораздо больше издевательства, когда чистенько и опрятно: сидели здесь в основном по политическим статьям, поэтому чистота как раз угнетала, а не радовала. Чистота и тишина. Между прочим, знаешь, как раньше пытали? Привяжут человека к столбу, выберут макушку и капают на эту плешину по капле холодной воды – никто почесть не выдерживал. Вот додумались! Мы тоже удивлялись, а некоторые совсем не верили. Иван Девятков наотрез отказался верить. Мне, говорит, хоть ее ведрами лей... Экскурсовод только посмеялся. Вообще, время проводим очень хорошо. Погода, правда, неважная, но тепло. Обращают на себя внимание многочисленные столовые и кафе, я уж и не заикаюсь про рестораны. Этот вопрос здесь продуман. Были также с Иваном на базаре – ничего особенного: картошка, капуста и вся прочая дребедень. Но в магазинах – чего только нет! Жалюзей, правда, нет. Но вообще город куда ближе к коммунизму, чем деревня-матушка. Были бы только деньги. В следующем письме опишу наше посещение драмтеатра. Колоссально!

Показывали москвичи одну пьесу... Ох, одна артистка выдавала! Голосок у ней все как вроде ломается, вроде она плачет, а – смех. Со мной сидел один какой-то шкелет – морщина: пошлятина, говорит, и манерность. А мы с Иваном до слез хохотали, хотя история сама по себе грустная. Я потом расскажу при встрече. Ты не подумай там чего-нибудь такого – это же искусство. Но мне лично эта пошлятина, как выразился шкелет, очень понравилась. Я к тому, что необязательно – женщина. Мне также очень понравился один артист, который, говорят, живет в этом городе. Ты его, может, тоже видала в кино: говорит быстро-быстро, легко, как семечки лускает. Маленько смахивает на бабу – голоском и манерами. Наверно, пляшет здорово, собака! Ну, до свиданья! Остаюсь жив-здоров.

Михаил Демин.

Пост скриптум: вышли немного денег, рублей сорок: мы с Иваном малость проелись. Иван тоже попросил у своей шестьдесят рублей. Потом наверстаем. Все».

Вот такое письмо. Повторяю, имена я переменял.

А шишечка эта на окне – правда, занятная: повернешь влево – этакий зеленоватый полумрак в комнате, повернешь вправо – светло. Я бы сам дома сделал такую штуку. Надо тоже походить по магазинам поспрашивать: нет ли в продаже.

Билетик на второй сеанс

Последнее время что-то совсем неладно было на душе у Тимофея Худякова – опостытело все на свете. Так бы вот встал на четвереньки, и зарычал бы, и залаял, и головой бы замотал. Может, заплакал бы.

Пил со сторожем у себя на складе (он был кладовщиком перевалочной товарной базы) – не брало. Не то что не брало – легче не делалось.

– С чего эт тебя так? – притворно сочувствовал сторож Ермолай.

Тимофей понимал притворство Ермолая, но все равно жаловался:

– Судьба-сучка... – И дальше сложно: – Чтоб у ней голова не качалась... Чтоб сухари в сумке не мялись... – Тимофей, когда у него болела душа, умел ругаться сладостно и сложно, точно плел на кого-то, ненавистного, многожильный ременный бич. Ругать судьбу до страсти хотелось, и поэтому было еще «двенадцать апостолов», «осиновый кол в бугорок», «мама крестителя» – много.

Даже Ермолай изумлялся:

– Забрало тебя!

– Заберет, когда она, сучка, так со мной обошлась.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну, если уж тебе на судьбу обидеться, то... не знаю. Чего тебе не хватает-то? В доме-то всего невпроворот.

Тимофею не хотелось объяснять дураку-сторожу, отчего болит душа. Да и не понимал он. Сам не понимал. В доме действительно все есть, детей выучил в институтах... Было время, гордился, что жить умеет, теперь тосковал и злился. А сторож думал про себя: «Совесть тебя, дьявола, заела: хапал всю жизнь, воровал... И не попался ни разу, паразит!»

– Разлад, Ермоха... Полный разлад в душе. Сам не знаю отчего.

– Пройдет.

Не проходило.

В тот день, в субботу (он весь какой-то вышел, день, нараскосяк), Тимофеем опечатали склад, опять выпили со сторожем, и Тимофей пошел домой. Домой не хотелось – там тоже тоска, еще хуже: жена начнет нудить.

Была осень после дождей. Несильно дул сырой ветер, морщил лужи. А небо с закатного края прояснилось, выглянуло солнце. Окна в избах загорелись холодным желтым огнем. Холодно, тоскливо. И как-то противно ясно...

Тимофей думал: «Вот – жил, подошел к концу... Этот остаток в десять-двенадцать лет, это уже не жизнь, а так – обглоданный мосол под крыльцом – лежит, а к чему? Да и вся-то жизнь, как раздумаешься, – тьфу! Вертелся всю жизнь, ловчил, дом крестовый рубил, всю жизнь всякими правдами и неправдами доставал то то, то это... А Ермоха, например, всю жизнь прожил валиком – рыбачил себе в удовольствие: ни горя, ни заботы. А червей вместе будем кормить. Но Ермоха хоть какую-нибудь радость знал, а тут – как циркач на проволоке: пройти прошел, а колени трясутся».

Шел Тимофей, думал... И взял да свернул в знакомый переулочек. Жила в том знакомом переулочке Поля Тепляшина. Когда-то давно Тимофей с Полей «крутили» преступную любовь. Были скандалы, битые окна, позор. Жена Тимофея, Гутя, семь лет отчаянно боролась с Полей за Тимоху, Гутю хвалили в деревне, она гордилась и учила молодых баб, какие оказывались в ее положении:

– Он к сударушке, а ты – со стяжком – под окошки к им. Да по окошкам-то, по окошкам-то – стяжком-то...

Бывала в деревне такая любовь – со стяжками. Теперь лучше – разошлись, и все. Раньше годами лютовали.

С Тимохиной любовью тогда все само собой утряслось: у вдовы Поли подрос сын Колька, Николай Петрович, и стал гонять Тимофея от матери. Тимофей набылчился – к Поле:

– Уйми сосуна!

А та вдруг залепила:

– Пошел ты!.. Чего я, сына на тебя променяю? На – выкуси.

Тимофей хотел разок покуражиться, но нарвался на молодой Колькин кулак и после этого перестал туда ходить. Самое дурацкое положение настало потом: обе женщины, Поля и Гутя, вдруг подружились. И вместе смеялись над Тимохой.

– Как там сударчик-то мой поживает? – принародно спрашивала Поля.

Гутя смеялась:

– На печке – клопов давит.

Мстили, что ли.

Тимоха тогда же налетел на законную жену, но получил отпор на этот раз от своих детей.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Спроси сейчас Тимофей, зачем он идет к Поле, он не сказал бы. Не знал.

Поля удивилась.

– Вона!.. Вот так гость. Зачем это?

– А что? Что ты, заразная, что ли, что тебя обходить надо? Посидим по старой памяти, выпьем вот... – У Тимофея была с собой бутылка, он ее поставил на стол. – Спомним былое...

– Было бы чего!

Поля стала старая, некрасивая. Тимофей со злости подумал: «Она красивой-то и не была сроду». Стало вдруг жалко себя.

– Хошь, анекдот один расскажу?

– Вона!

– Чего ты, как попка, заладила: «вона! вона!» Как дикари, честное слово. Ну, зашел... Ну, и что? Глупые вы какие-то, бабы, честное слово!

– Чего же ходите – к глупым-то?

– А где вас, умных-то, взять? Так и меняешь – шило на мыло.

– Небось ревизия была – злой-то?

– На меня еще такой ревизор не родился...

– Оно видно.

Тимофей выпил стакан – закусить чем-нибудь не спросил, Поля не предложила. Зато и он Полю не пригласил с собой выпить.

– Слушай анекдот. Приехал один мужик в город, идет по улице... А сам доходной-доходной – мужик-то. Но все-таки думает: где бы тут подцепить какую-нито? Слышал, значит, про городских-то, ну и мысли-то заиграли. И тут подходит к нему одна – гладкая вся, тут – полна пазуха, вежливая. «Пойдемте ко мне, я тут близко живу». Мужик радешенький – сама навялилась. Приходят. Она говорит: «Раздевайтесь, я счас приду». А сама – в другую комнату. Ну, он разделся, сидит. Ждет. А она выводит детей малых и говорит им: «Вот, детки, если не будете хорошо кушать, будете такие же худые, как вот этот дядя».

Полю эта история не рассмешила. Тимофею тоже было не смешно. А днем, когда рассказали, смеялся с шоферами. И подумал еще, что история поучительная.

– К чему эт ты? – спросила Поля.

Тимофей пояснил:

– Точно так со мной выкинула судьба-сучка. Живи, мол, Тимофей!.. Раз башка есть на плечах – живи, никого не бойся! Ну, Тимофей и разлысил лоб...

– Жил бы честно, никого бы и не боялся.

Это она больно уела.

Тимофей стал соображать, как бы ее тоже побольней укусить.

– Не знаешь, кто это вот тут, – показал на кровать, – честно с чужим мужиком миловался? Не приходилось слышать?

– Приходилось. А тебе не приходилось слышать, кто на этом же самом месте от живой жены с чужой бабой миловался? Я одинокая была, вдова, а ты семейный. Поганец ты...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Тимофей еще выпил. Вот теперь он, кажется, все понял: жалко себя, жалко свою прожитую жизнь. Не вышло жизни.

– Сказка про белого бычка у нас получается, Поля...

Поля засмеялась.

– Чего смеешься? – спросил Тимофей.

– А чего мне не посмеяться?

– Не надо... Тебе не личит – зубы кривые.

– А ведь когда-то не замечал...

– Замечал, почему не замечал, только... Эхма! Что ведь и обидно-то, дорогуша моя: кому дак все в жизни – и образование, и оклад дармовой, и сударка пригожая, с сахарными зубами. А Тимохе, ему с кривинкой сойдет, с гнильцой...

– Во змей-то! – изумилась Поля. – Козел вонючий. Ну-ка забирай свою бутылку – и чтоб духу твоего тут не было! А то возьму ухват вон да по башке-то по умной... Умник!

Тимофей аккуратно надел на бутылку железенькую косыночку, устроил бутылку во внутренний карман пиджака и, не торопясь, пошел прочь. Стало вроде малость полегче. Но хотелось еще кому-нибудь досадить. Кому-нибудь так же бы вот спокойно, тихо наговорить бы гадостей.

Пришел он домой, а дома, в прихожей избе, склонившись локотком на стол, сидит... Николай-угодник. По всем описаниям, по всем рассказам – вылитый Николай-угодник: белый, невысокого росточка, игрушечный старичок. Сидит, головку склонил, смотрит ласково. Больше никого в доме нет.

– Ну, здравствуй, Тимофей, – говорит.

Тимофей глянул кругом... И вдруг бухнулся в ноги старичку. И, стараясь тоже ласково, тоже кротко и благостно, сказал тихо:

– Здорово, Николай-угодничек. Я сразу тебя узнал, батюшка.

Угодник весь как-то встрепенулся, удивился, засмеялся мелко, погрозил пальцем.

– Пьяненький?

– А – есть маленько! – с отчаянной какой-то веселостью, с любовью продолжал Тимофей. – С тоски больше... не обессудь, батюшка. С тоски. Шибко-то не загуливаюсь. Ребятишек теперь вырастил – чего, думаю, теперь не попить? Какой ты, батюшка, седенький... А чего пришел-то?

Угодник поморгал ясными глазами... Опять посмеялся.

– С чего тоска-то?

– Тоска-то? А бог ее знает! Не верим больше – вот и тоска. В боженку-то перестали верить, вот она и навалилась, матушка. Церкви позакрывали, матерщинничаем, блудим... Вот она и тоска.

– А ты веровал ли когда?

– Батюшка!.. Вот те крест: маленький был, веровал. В Рождество Христа славить ходил. Не приди большевики, я бы и теперь, может, верил бы.

– Сам-то не коммунист?

– Откуда! Я бы, может, и коммунистом стал – перед тобой-то чего лукавить! – но был у меня тесть – ни дна бы ему, ни покрывки! – его в тридцатом году раскулачили...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну.

– Ну, я с той поры и завязал рот тряпочкой и не заикался никогда.

Угодник больше того удивился. Горько удивился.

– Ты что, Тимофей?

– Как на духу, батюшка! Дак ты чего пришел-то? К добру или к худу – как понимать-то?

Угодник потрогал маленькой сморщенной ладонью белую бородку.

– Чего пришел... Да вот попроведать вас, окаянных, пришел. Ты, однако, подымись с колен-то.

– Постояю! Чего мне не постоять? Не отсохнут. Что, батюшка, так вот походишь, поглядишь по свету-то: испаскудился народишко?

– Маленько есть. Значит, говоришь, тесть тебе перешел дорогу?

– Перешел. Да он и кулаком-то, по правде сказать, никогда не был, так – заупрямился тогда, с колхозами-то, нашумел, натрепался где-то... Трепач он был, тесть-то. Дурак дураком. Ботало коровье. Жил, правда, крепко. А я середнячишко был... мне бы в партию большевиков-то можно бы...

– И что же он, тесть-то?

– Отпыхтел свое, пришел. Я его так и не видел – далеко живем друг от друга. У сына он живет, балда старая. А сын далеко где-то. Так, говоришь, испаскудился народишко?

– Здорово испаскудился, – серьезно сказал Угодник.

– Совсем никудышный стал народ! – подхватил Тимофей. – Пьют, воруют... Я и то приворовываю на складе. Знамо, грех, но поглядишь кругом-то – господи-господи, что делается!

– Приворовываешь?

– Приворовываю, батюшка. Ребятишек вон выучил – на какие бы шиши, так-то? Батюшка... – Тимофей весь собрался, подполз поближе. – Чего я тебя хотел попросить...

– Ну?

– Ты там к Господу нашему, Иисусу Христу, близко сидишь... К Деве Марии... Посоветуйтесь там сообча, да и... это... Шибко уж жалко, батюшка! До того жалко, сердце обмирает. Ведь я мужик-то неглупый, ведь у меня грамотешки-то совсем почти нету, а я вон каких молодцев обвожу вокруг пальца...

– Не пойму я.

– Родиться бы мне ишо разок! А? Пусть это не считается, что прожил, – родите-ка вы меня ишо разок. А?

Угодник опять невольно рассмеялся:

– То жалуется – тоска, а то... Ну и сукин ты сын, Тимоха!

– Да потому я жалуясь, что жизнь-то не вышла! – Тимофей готов был заплакать злыми слезами. – Ты вот смеешься, а мало тут смешного, батюшка, одна грусть-тоска зеленая. Ведь вон на земле-то... хорошо-то как! Разве ж я не вижу, не понимаю, все понимаю, потому и жалко-то. Тьфу! – да растереть, вот и вся моя жизнь.

– А как бы ты, интересно, жить стал? Другой-то раз...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Перво-наперво я б на другой бабе женился. Про любовь даже в Библии писано, а для меня – что любовь, что чирей на одном месте, прости, господи, – одинаково. Или как все одно килу смолоду нажил – так и жена мне: кряхтишь, а носишь. Никудышная бабенка попалась. Дура. Вся в папашу своего. Хайло разинет и давай – только и знает. Сундук плетеный, не баба. Из-за нее больше и приворовываю-то. Жадная!.. Несусветно жадная. А с моей-то башкой – мне бы и в начальстве походить тоже бы не мешало... Из меня бы прокурор, я думаю, неплохой бы получился. – Тимофей засмотрелся снизу в святые глаза Угодника. – Тестюшку, например, своего я б тада так законопатил, что он бы и по сей день там... За язычину его...

– Цыть! – зло сказал старичок. – Ведь я и есть твой тесть, дьявол ты! Ворюга. Разуй глаза-то! Допился?

Тимофей, удовлетворенный, поднялся с колен, отряхнул штаны и спокойно и устало сказал:

– Гляди-ка, правда – тесть. Тестюшка! Ну, давай выпьем. Со стречей. Вишь, за кого я тебя принял...

– Допился, сукин сын!

– Все секреты свои рассказал тебе. Тц! Ну, ничего – знай. Вот ведь как обознался! Это ж надо так вклепаться... А-я-я-яй.

...Потом, когда выпили, тесть, оскорбленный за себя и за дочь, тыкал под нос Тимофею опрятный кукиш и твердил скороговоркой:

– Вот тебе, а не другую жись! Вот тебе – билетик на второй сеанс! Ворюга...

А Тимофей, красный, удовлетворенный, повторял:

– Ах, как я вклепался!.. А-я-я-я-яй! Это ж надо так!

– я тебя самого посажу, ворюга!

– Кто, ты? Господь с тобой! Кто тебе поверит, лишенцу?

– Вот, вот тебе – билетик на второй сеанс! Хе-хе-хе! Другой раз жить собрался!.. На-ка! – Тесть-угодник хотел опять угодить под нос зятю белым кукишом, но зять вылил ему на голову стакан водки и, пугая, полез в карман за спичками.

– Подожду ведь...

Тесть-угодник вытерся полотенцем и заплакал.

– Чего ты, Тимоха?.. Над старым-то человеком... Бесстыдник ты! Дешевка... Приехал к нему, как к доброму...

– В том-то и дело, что не знаю, – миролюбиво уже сказал Тимоха. – Не знаю, тестюшка, не знаю. Я б все честно сказал, только не знаю, чего такое со мной делается. Пристал, видно, так жить. Насмерть пристал. Укатали сивку... Жалко. Прожил, как песню спел, а спел плохо. Жалко – песня-то была хорошая. Прости за комедию-то. Прости великодушно.

Дебил

Анатолия Яковлева прозвали на селе обидным, дурацким каким-то прозвищем – Дебил. Дебил – это так прозвали в школе его сына, Ваську, второгодника, отпетого шалопаю. А потом это словцо пристало и к отцу. И ничего с этим не поделаешь – Дебил и Дебил. Даже жена сгоряча, когда ругалась, тоже обзывала – Дебил. Анатолий психовал, один раз «приварил» супруге, сам испугался и долго ласково объяснял ей, что Дебил – так можно называть только дурака-переростка, который учиться не хочет, с которым учителя мучаются. «Какой же я Дебил, мне уж сорок лет скоро! Ну?.. Лапочка ты моя, синеокая ты моя... Свинцовой примочкой надо – глаз-то. Купить?»

Так довели мужика с этим Дебилем, что он поехал в город, в райцентр, и купил в универмаге шляпу. Вообще, он давненько приглядывался к шляпе. Когда случалось бывать в городе, он обязательно заходил в отдел, где продавались шляпы, и

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru подолгу там ошивался. Хотелось купить шляпу! Но... Не то что денег не было, а – не решался. Засмеют деревенские: они нигде не бывали, шляпа им в диковинку. Анатолий же отработал на Севере по вербовке пять лет и два года отсидел за нарушение паспортного режима – он жизнь видел; знал, что шляпа украшает умного человека. Кроме того, шляпа шла к его широкому лицу. Он походил в ней на культурного китайца. Он на Севере носил летом шляпу, ему очень нравилось, хотелось даже говорить с акцентом.

В этот свой приезд в город, обозлившись и, вместе, обретя покой, каким люди достойные, образованные охраняют себя от насмешек, Анатолий купил шляпу. Славную такую, с лентой, с продольной луночкой по верху, с вмятинками – там, где пальцами браться. Он их перемерил у прилавка уйму. Осторожненько брал тремя пальцами шляпу, легким движением насаживал ее, пушиночку, на голову и смотрелся в круглое зеркало. Продавщица, молодая, бледнолицая, не выдержала, заметила строго:

– Невесту, что ли, выбираете? Вот выбирает, вот выбирает, глядеть тошно.

Анатолий спокойно спросил:

– Плохо ночь спали?

Продавщица не поняла. Анатолий прикинул еще парочку «цивилизейшен» (так он про себя называл шляпы), погладил их атласные подкладки, повертел шляпы так, этак и лишь после того, отложив одну, сказал:

– Невесту, уважаемая, можно не выбирать: все равно ошибешься. А шляпа – это продолжение человека. Деталь. Поэтому я и выбираю. Ясно? Заверните. – Анатолий порадовался, с каким спокойствием, как умно и тонко, без злости, отбрил он раздражительную продавщицу. И еще он заметил: купив шляпу, неся ее, легкую, в коробке, он обрел вдруг уверенность, не толкался, не суетился, с достоинством переждал, когда тупая масса протиснется в дверь, и тогда только вышел на улицу. «Оглоеды, – подумал он про людской поток в целом. – Куда торопитесь? Лаяться? Психовать? Скандальить и пить водку? Так вы же успеете! Можно же не торопиться».

По дороге он купил в мебельном этажерку. От шоссе до дома шел не торопясь; на руке, на отлете, этажерочка, на голове шляпа. Трезвый. Он заметил, что встречные и поперечные смотрят на него с удивлением, и ликовал в душе.

«Что, не по зубам? Привыкайте, привыкайте. А то попусту-то языком молоть вы мастера, а если какая сенсация, у вас сразу глаза на лоб. Туда же – обзывать! А сами от фетра онемели. А если бы я сомбреро надел? Да ремешком пристегнул бы ее к челюсти – что тогда?»

На жену Анатолия шляпа произвела сильное впечатление: она стала квакать (смеяться) и проявлять признаки тупого психоза.

– Ой, умру! – сказала она с трудом.

– Схороним, – сдержанно обронил Анатолий, устраивая этажерку у изголовья кровати. Всем видом своим он являл непреклонную интеллигентность.

– Ты что, сдурел? – спросила жена.

– В чем дело?

– Зачем ты ее купил-то?

– Носить.

– У тебя же есть фуражка!

– Фуражку я дарю вам, синьорина, – в коровник ходить.

– Вот идиот-то. Она же тебе не идет. Получилось знаешь что: на тыкву надели ночной горшок.

Анатолий с прищуром посмотрел на жену... Но интеллигентность взяла вверх. Он

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru промолчал.

– Кто ты такой, что шляпу напялил? – не унималась жена. – Как тебе не стыдно? Тебе, если по-честному-то, не слесарем даже, а навоз вон на поля вывозить, а ты – шляпу. Да ты что?!

Анатолий знал лагерные выражения и иногда ими пользовался.

– Шалашня! – сказал он. – Могу ведь смазь замастырить. Замастырить?

– Иди, иди – покажись в деревне. Тебе же не терпится, я же вижу. Смеяться все будут!..

– Смеется тот, кто смеется последний.

С этими словами Анатолий вышел из дома. Правда, не терпелось показать шляпу пошире, возможно, даже позволить кому-нибудь подержать в руках – у кого руки чистые.

Он пошел на речку, где по воскресеньям торчали на берегу любители с удочками.

По-разному оценили шляпу: кто посмеялся, кто сказал, что – хорошо, глаза от солнышка закрывает... Кто и вовсе промолчал – шляпа и шляпа, не гнездо же сорочье на голове. И только один...

Его-то, собственно, и хотел видеть Анатолий. Он – это учитель литературы, маленький, ехидный человек. Глаза, как у черта, – светятся и смеются. Слова не скажет без подковырки. Анатолий подозревал, что это с его легкой руки он сделался Дебиллом. Однажды они с ним повздорили. Анатолий и еще двое подрядились в школе провести заново электропроводку (старая от известки испортилась, облезла).

Анатолий проводил как раз в учительской, когда этот маленький попросил:

– А один конец вот сюда спустите: здесь будет настольная лампа.

– Никаких настольных ламп, – отвечив Анатолий. – Как было, так и будет – по старой ведем.

– Старое отменили.

– Когда?

– В семнадцатом году.

Анатолий обиделся.

– Слушайте... вы сильно ученый, да?

– Так... средне. А что?

– А то, что... не надо здесь острить. Ясно? Не надо.

– Не буду, – согласился учитель. Взял конец провода, присоединил к общей линии и умело спустил его к столу. И привернул розетку.

Анатолий не глядел, как он работает, делал свое дело. А когда учитель, довольный, вышел из учительской, Анатолий вывернул розетку и отсоединил конец. Тогда они и повздорили. Анатолий заявил, что «нечего своевольничать! Как было, так и будет. Ясно?» Учитель сказал: «Я хочу, чтобы ясно было вот здесь, за столом. Почему вы вредничаете?» – «Потому, что... знаете? – нечего меня на понт брать! Ясно? А то ученых развелось – не пройдешь, не проедешь». Почему-то Анатолий невзлюбил учителя. Почему? – он и сам не понимал. Учитель говорил вежливо, не хотел обидеть...

Всякий раз, когда Анатолий встречал учителя на улице, тот первым вежливо здоровался... и смотрел в глаза Анатолию – прямо и весело. Вот, пожалуй, глаза-то эти и не нравились. Вредные глаза! Нет, это он пустил по селу Дебила, он, точно.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Учитель сидел на коряжке, смотрел на поплавок. На шаги оглянулся, поздоровался, скорей машинально... Отвернулся к своему поплавку. Потом опять оглянулся... Анатолий смотрел на него сверху, с берега. В упор смотрел, снисходительно, с прищуром.

– Здравствуйте! – сказал учитель. – А я смотрю: тень какая-то странная на воде образовалась... Что такое, думаю? И невдомек мне, что это – шляпа. Славная шляпа! Где купили?

– В городе. – Анатолий и тон этот подхватил – спокойный, подчеркнуто спокойный. Он решил дать почувствовать «ученому», что не боги горшки обжигают, а дед Кузьма. – Нравится?

– Шикарная шляпа!

Анатолий спустился с бережка к коряжке, присел на корточки.

– Клюет?

– Плохо. Сколько же стоит такая шляпа?

– Дорого.

– Мгм. Ну, теперь надо беречь. На ночь надо в газетку заворачивать. В сетку – и на стенку. Иначе поля помнутся. – Учитель посмотрел искоса – весело – на Анатолия, на шляпу его...

– Спасибо за совет. А зачем же косяк давить? М-м?

– Как это? – не понял учитель.

– Да вот эти вот взгляды... косые – зачем? Смотреть надо прямо – открыто, честно. Чего же на людей коситься? Не надо.

– Да... Тоже спасибо за совет, за науку. Больше не буду. Так... иногда почему-то хочется искоса посмотреть, черт его знает почему.

– Это неуважение.

– Совершенно верно. Невоспитанность! Учишь, учишь эти правила хорошего тона, а все... Спасибо, что замечание сделали. Я ведь тоже – интеллигент первого поколения только. Большое спасибо.

– Правила хорошего тона?

– Да. А что?

– Изучают такие правила?

– Изучают.

– А правила ехидного тона?

– Э-э, тут... это уж природа-матушка сама распоряжается. Только собственная одаренность. Талант, если хотите.

– Клюет!

Учитель дернул удочку... Пусто.

– Мелюзга балуется, – сказал он.

– Мули.

– Что?

– У нас эту мелочь зовут мулишками. Муль – рыбка такая. Ма-аленькая... Считаете, что целесообразней с удочкой сидеть, чем, например, с книжкой?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Та ну их!.. От них уж голова пухнет. Читаешь, читаешь... Надо иногда и подумать. Тоже не вредно. Правда?

– Это смотря в каком направлении думать. Можно, например, весь день усиленно думать, а оказывается, ты обдумывал, как ловчей магазин подломить. Или, допустим, насолить теще...

Учитель засмеялся:

– Нет, в шляпе такие мысли не придут в голову. Шляпа, знаете, округляет мысли. А мысль про тещу – это все-таки довольно угловатая мысль, с зазубринами.

– Ну, о чем же вы думаете? С удочкой-то?

– Да разное.

– Ну, все же?

– Ну, например, думаю, как... Вам сколько лет? – Учитель весело посмотрел на Анатолия. Тот почему-то вспомнил Дебила.

– Сорок. А что?

– И мне сорок. Вам не хочется скинуть туфли, снять рубашку – и так пройтись по селу? А?

Анатолий стиснул зубы... Помолчал, через силу улыбнулся.

– Нет, не хочется.

– Значит, я один такой... Серьезно, сижу и думаю: хорошо бы пройтись босиком по селу! – Учитель говорил искренне. – Ах, славно бы! А вот не пройдешь... Фигушки!

– Да... – неопределенно протянул Анатолий. Подобрал у ног камешек, хотел бросить в воду, но вспомнил, что учитель удит, покидал камешек на ладони и положил на место. И еще сказал непонятно: – Так-так-так...

– Слушайте, – заговорил учитель горячо и серьезно, – а давайте скинем туфли, рубашки и пройдемся! Какого черта! Вместе. Я один так и не осмелюсь... Будем говорить о чем-нибудь, ни на кого не будем обращать внимания. А вы даже можете в шляпе!

Анатолий, играя скулами, встал.

– Я предлагаю тогда уж и штаны снять. А то – жарко.

– Ну-ну, не поняли вы меня.

– Все понятно, дорогой товарищ, все понятно. Продолжайте думать... в таком же направлении.

Анатолий пошел вразвалочку по бережку... Отошел метров пять, снял шляпу, зачерпнул ею воды, напился... Отряхнул шляпу, надел опять на голову и пошагал дальше. На учителя не оглянулся. Пропел делано беспечно:

Я ехала домо-ой,
Я думала о ва-ас;
Блестяща мысль моя и путалась и рвалась...
Помолчал и сказал негромко, себе:

– В гробу я вас всех видел. В белых тапочках.

Жена мужа в Париж провожала
Каждую неделю, в субботу вечером, Колька Паратов дает во дворе концерт. Выносит трехрядку с малиновым мехом, разворачивает ее, и:

А жена мужа в Париж провожала,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Насушила ему сухарей...
Проигрыш. Колька, смешно отключив зад, пританцовывает.

Тара-рам, тара-рам, тара-та-та-ра... рам,
Тари-рам, тари-рам, та-та-та...
Старушки, что во множестве выползают вечером во двор, смеются. Ребятишки, которых еще не загнали по домам, тоже смеются.

А сама потихоньку шептала:
«Унеси тебя черт поскорей!»
Тара-рам, тара-рам, та-та-ра-ра...
Колька – обаятельный парень, сероглазый, чуть скуластый, с льяным чубариком-чубчиком. Хоть невысок ростом, но какой-то очень надежный, крепкий сибирячок, каких запомнила Москва 1941 года, когда такие вот, ясноглазые, в белых полушубках день и ночь шли и шли по улицам, одним своим видом успокаивая большой город.

– Коль, «Цыганочку»!

Колька в хорошем субботнем подпитии, улыбчив.

– Валю-ша, – зовет он, подняв голову. – Брось-ка мне штилеты – «Цыганочку» товарищи просят.

Валюша не думает откликаться, она зла на Кольку, ненавидит его за эти концерты, стыдится. Колька знает, что Валюша едва ли выглянет, но нарочно зовет, ломая голос – «по-тирольски», чем потешает публику.

– Валю-ша! Отреагируй, лапочка!.. Хоть одним глазком, хоть левой ноженькой!.. Ау-у!..

Смеются, поглядывают тоже вверх... Валюша не выдерживает: с треском распахивается окно на третьем этаже, и Валюша, навалившись могучей грудью на подоконник, свирепо говорит:

– Я те счас отреагирую – кастрюлей по башке, кретин!

Внизу взрыв хохота; Колька тоже смеется, хотя... Странно это: глаза Кольки не смеются, и смотрит он на Валюшу трезво и, кажется, доволен, что заставил-таки сорваться жену, довел, что она выказала себя злой и неумной, просто дурой. Колька как будто за что-то жестоко мстит жене, и это очень на него не похоже, и никто так не думает – просто дурачится парень, думают.

К этому времени вокруг Кольки собирается изрядно людей, есть и мужики, и парни.

– Какой размер, Коля?

– Фиер цванцихь – сорок два.

Кольке дают туфли (он в тапочках), и Колька пляшет... Пляшет он красиво, с остервенением. Враз становится серьезным, несколько даже торжественным... Трехрядка прикипает к рукам, в меру помогает «Цыганочке», где надо, молчит, работают ноги. Работают четко, точно, сухо пощелкивают об асфальт носочки – каблучки, каблучки – носочки... Опять взвывает гармонь, и треплется по вспотевшему лбу Кольки льяной мягкой чубарик. Молчат вокруг, будто догадываются: парень выплясывает какую-то свою затаенную горькую боль. В окне на третьем этаже отодвигается край дорогой шторы – Валя смотрит на своего «шута». Она тоже серьезна. Она тоже в плену исступленной, злой «Цыганочки». Три года назад этой самой «Цыганочкой» Колька «обаял» гордую Валю, больше гордую, чем... Словом, в такие минуты она любит мужа.

Познакомился сибиряк Колька с Валюшей самым идиотским способом – заочно. Служил вместе с ее братом в армии, тот показал фотографию сестры... Сразу несколько солдатских сердец взволновалось – Валя была красивая. Запросили адрес, но брат Валин дал адрес только лучшему своему корешу – Кольке. Колька отправил в Москву свою фотографию и с фотографией – много «разных слов». Валя ответила... Завязалась переписка. Коля был старше Валиного брата на год, демобилизовался раньше, поехал в Москву один. Собралась вся Валина родня – посмотреть Кольку. И всем Колька

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru понравился, и Вале тоже. Смущало, что у солдатики пока что одна душа да чубчик, больше ничего нет, а главное, никакой специальности. Но решили, что это дело наживное. Так Коля стал москвичом, даже домой не доехал, к матери.

Стали они с Валушей жить-поживать, и потихоньку до них стало доходить, что они напрочь чужие друг другу люди. Но было поздно: через год у них народилась дочка Нина, хорошенькая, круглолицая, беленькая... Колька понял, что он тут сел намертво. Им сообща – родней – купили двухкомнатную кооперативную квартиру (родные Вали все потомственные портные, и Валя тоже классная портниха). Колька много раз менял место работы, но везде – сто, от силы сто двадцать рублей. А Валя имела до трехсот «чистыми». Она работала телеграфисткой: сутки работает, двое дома – шьет.

Горе началось с того, что Колька скоро обнаружил у жены огромную, удивительную жадность к деньгам. Он попытался было воздействовать на нее, что нельзя же так-то уж, но получил железный отпор.

– У нас в деревне и то бабы не такие жадные...

– Заткнись со своей деревней, – посоветовала Валя. – Ехай туда, кому ты здесь нужен!

«Ну и влип... – терзался изумленный Колька. – Как влип!»

Он был парень не промах, хоть и «деревня», сроду не чаял и не гадал, что судьба изобразит ему такую колоссальную фигу. В армии он много думал о том, как он будет жить после демобилизации: во-первых, закончит десятилетку в вечерней школе (у него было девять классов), во-вторых... И в-третьих, и в-четвертых – все накрылось. Первый год он мыкался в поисках подходящей работы – сам того не сознавая, он, оказывается, искал работу, которая бы подходила не ему самому, а жене Вале, – таковой не подыскал, махнул рукой, остался грузчиком в торговой сети. Потом родилась дочка, и все свободное время он должен был отдавать ей, так как скупая Валя не наняла старушку, которая бы хоть гуляла с девочкой. Сама же шила, шила, шила. Десятилетка Колькина лопнула. Колька вечером сажал дочку на скамеечку во дворе и играл ей на гармошке и пел, кривляясь:

Моя мечта не струйка дыма,
Что тает вдруг в сиянье дня;
Но вы прошли с улыбкой мимо
И не заметили меня.

Дочка смеялась, а Кольке впору было заплакать злыми, бессильными слезами. Он бы и уехал в деревню, но как подумает, что тогда он лишится дочери, так... Нет, это было выше сил, будь они хоть трижды сибирские – крепкие, способные вынести много. Все, что угодно, только не это.

Полгода назад приезжала к ним мать Колькина. Валя приняла ее вежливо, но мать все равно боялась ее, лишний шаг боялась ступить по квартире, боялась внучку на руки взять... Колька искажился, глядя на мать. Когда они остались одни, он упрекнул ее:

– Мам, ты чё это?

– Чё?

– Да какая-то... внучку на руки даже не взяла.

– Да боюсь я, сынок, чё-нибудь не так сделаю.

– Ну, ты уж какая-то...

– Да ничё, чё ты? Посмотрела вот – и слава богу. Хорошо живешь-то, сынок, хорошо. Куда с добром!.. Слава те господи! И живи. Она бабочка-то ничо, с характером, правда, но такая-то лучше, чем размазня какая-нибудь. Хозяйка. Живите с богом.

Так и уехала мать с мыслью, что сын живет хорошо. Когда супруги после ее отъезда поругались из-за чего-то, Валя куснула мужа в больное:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Что же мамочка-то твоя?.. Приехала и сидит, как... эта... Ни обед ни разу не сготовила, ни с внучкой не погуляла... Барыня кособокая.

Колька впервые тогда шваркнул жену по заливку. Она, ни слова не говоря, умотала к своим. Колька взял Нину, пошел в магазин, выпил, пришел домой и стал ждать. И когда явились тесть с тещей, вроде не так тяжело было толковать с ними.

– Ты смотри, смотри-и, парень! – говорили в два голоса тесть и теща и стучали пальцами по столу. – Ты смотри-и!.. Ты – за рукоприкладство-то – в один миг вылетит из Москвы. Нашелся!.. Для тебя мы ее растили, чтоб ты руки тут распускал?! Не дорос! С ней вон какие ребята дружили, инженеры, не тебе чета...

– Что же вы сплеховали? Надо было хватать первого попавшего и в загс – инженера-то. Или они хитрей вас оказались? Удовольствие получили – и в кусты? Как же вы так, лопухнулись?

Тут они поперли на него в три голоса.

– Кретин! Сволочь!

– А вот мы сейчас милицию! А вот мы сейчас милицию вызовем!..

– Живет на все готовенькое, да еще!.. Сволочь!

– Голодранец поганый!

– Кретин!

Дочка Нина заплакала. Колька побелел, схватил топорик, каким мясо рубят, пошел на тестя, на жену и на тещу. Негромко, но убедительно сказал:

– Если не прекратите орать, я вас всех, падлы... Всех уложу здесь!

С того раза поняли супруги Паратовы, что их жизнь безнадежно дала трещину. Они даже сделали вид, что им как-то легче обоим стало, вольнее. Валя стала куда-то уходить вечерами.

– Куда это? – спрашивал Колька, прищипив боль зубами.

– К заказчикам.

Спали, впрочем, вместе.

– Ну как заказчики? – интересовался ночью Колька, и похлопывал жену по мягкому телу, и смеялся – не притворялся, действительно смех брал, правда, нервный какой-то смех.

– Дурачок, – спокойно говорила Валя. – Не думай – не из таких.

– Вы не из таких, – соглашался Колька, – вы из таковских.

Бывало, что по воскресеньям они втроем – с дочкой – ездили куда-нибудь.

Раза три ездили на ВДНХ. Заходили в шашлычную, Колька брал шашлыки, бутылку хорошего вина, конфет дочери... Вкусно обедали, попивали вино. Колька украдкой взглядывал на жену, думал: «Что мы делаем? Что делаем, два дурака?! Можно же хорошо жить. Ведь умеют же другие!»

Смотрели на выставке всякую всячину. Колька любил смотреть сельхозмашины, подолгу простаивал перед тракторами, сеялками, косилками... Мысли от машин перескакивали на родную деревню, и начинала болеть душа. Понимал, прекрасно понимал: то, как он живет, – это не жизнь, это что-то нелепое, постыдное, мерзкое... Руки отвыкают от работы, душа высыхает – бесплодно тратится на мелкие, мстительные, едкие чувства. Пить научился с торговцами. Поработать не поработают, а бутылки три-четыре «раздавят» в подвале (к грузчикам еще пристегнулись продавцы – мясники, здоровые лбы, беззаботные, как колуны). Что же дальше? Дальше – плохо. И чтобы не вглядываться в это отвратительное «дальше», он начинал думать о своей деревне, о матери, о реке... Думал на работе, думал дома,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru думал днем, думал ночами. И ничего не мог придумать, только травил душу, и хотелось выпить.

«Да что же?! Оставляют же детей! Виноват я, что так получилось?»

Люди давно разошлись по домам.. А Колька сидит, тихонько играет – подбирает что-то на слух, что-то грустное. И думает, думает, думает. Мысленно он исходил свою деревню, заглянул в каждый закоулок, посидел на берегу стремительной чистой реки... Он знал, если он придет один, мать станет плакать: это большой грех – оставить дите родное, станет просить вернуться, станет говорить... О господи! Что делать?

Окно на третьем этаже открывается.

– Ты долго там будешь пилить? Насмешил людей, а теперь спать им не даешь. Кретин. Тебя же сейчас во всех квартирах обсуждают!

Колька хочет промолчать.

– Слышишь, что ли? Нинка не спит!.. Клоун чертов.

– Закрой поддувало. И окно закрой – она будет спать.

– Кретин.

– Падла.

Окно закрывается. Но через минуту снова распаивается.

– Я вот расскажу кому-нибудь, как ты мечтал на выставке: «Мне бы вот такой маленький трактор, маленький комбайник и десять гектаров земли». Кулачье недобитое. Почему домой-то не поехал? В колхоз неохота идти? Об одиночной жизни мечтаете с мамашей своей... Не нравится вам в колхозе-то? Заразы. Мещаны.

Самое чудовищное, что жена Валя знала: отец Кольки, и дед, и вся родня – бедняки в прошлом и первыми вошли в колхоз, Колька ей рассказывал.

Колька ставит гармонь на скамейку... Хватит! Надо вершить стог. Эта добровольная каторга сделает его идиотом и пьяницей. Какой-то конец должен быть.

Скоро преодолел он три этажа... Влетел в квартиру. Жена Валя, зачуввав недоброе, схватила дочь на руки.

– Только тронь! Только тронь посмей!..

Кольку било крупной дрожью.

– П-положь ребенка, – сказал он, заикаясь.

– Только тронь!..

– Все равно я тебя убью сегодня. – Колька сам подивился – будто не он сказал эти страшные слова, а кто-то другой, сказал обдуманно. – Дождалась ты своей участи... Не хотела жить на белом свете? Подыхай. Я тебя этой ночью казнить буду.

Колька пошел на кухню, достал из ящика стола топорик... Делал все спокойно, тряска унялась. Напился воды... Закрыв кран. Подумал, снова зачем-то открыл кран.

– Пусть течет пока, – сказал вслух.

Вошел в комнату – Вали не было. Зашел в другую комнату – и там нет.

– Убежала. – Вышел на лестничную площадку, постоял... Вернулся в квартиру. – Все правильно...

Положил топорик на место... Походил по кухне. Достал из потайного места початую бутылку водки, налил стакан, бутылку опять поставил на место. Постоял со стаканом... Вылил водку в раковину.

полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не обрадуетесь, гады.

Сел... Но тотчас встал – показалось, что на кухне очень мусорно. Он взял веник, подмел.

– Так? – спросил себя Колька. – Значит, жена мужа в Париж провожала? – Закрыв окно, закрыл форточку. Закрыв дверь. Закурил, курнул раза три подряд поглубже, загасил папиросу. Взял карандаш и крупно написал на белом краешке газеты: «Доченька, папа уехал в командировку».

Положил газетку на видное место... И включил газ, обе горелки...

Когда рано утром пришли Валя, тесть и теща, Колька лежал на кухне, на полу, уткнувшись лицом в ладони. Газом воняло даже на лестнице.

– Скотина! И газ не... – Но тут поняла Валя. И заорала.

Теща схватилась за сердце.

Тесть подошел к Кольке, перевернул его на спину.

У Кольки не успели еще высохнуть слезы... И чубарик его русский был смят и свалился на бочок. Тесть потряс Кольку, приоткрыл пальцами его веки... И положил тело опять в прежнее положение.

– Надо... это... милицию.

Ораторский прием

Тринадцать человек совхозных, молодых мужиков и холостых парней, направили «на кубы» (на лесозаготовки). На три-четыре недели – как управятся с нормой. Старшим назначили Александра Щиблетова. Директор совхоза, напутствуя отъезжающих, пошутил:

– Значит, Щиблетов... ты, значит, теперь Христос, а это – твои апостолы.

«Апостолы» засмеялись. «Христос» сдержанно, с достоинством улыбнулся. И тут же, в конторе, показал, что его не зря назначили старшим.

– Сбор завтра в семь ноль-ноль возле школы, – сказал он серьезно. – Не опаздывать. Ждать никого не будем.

Директор посмотрел на него несколько удивленно, «апостолы» переглянулись между собой... Щиблетов сказал директору «до свидания» и вышел из конторы с видом человека, выполняющего неприятную обязанность, но которую, он понимает, выполнять надо.

– Вот, значит, э-э... чтобы все было в порядке, – сказал директор. – Через недельку приеду попроведу вас.

«Апостолы» вышли из конторы и, прежде чем разойтись по домам, остановились покурить в коридоре. Потолковали немного.

– Щиблетов-то!.. Понял? Уже – хвост трубой!

– Да-а... Любит это дело, оказывается.

– Разок по букварю угодить чем-нибудь – разлюбит, – высказался Славка Братусь, маленький мужичок, с маленьким лицом, муж горбатой жены.

– Ты лучше иди делай восхождение на Эльбрус, – мрачновато посоветовал Славке Борис Куликов, грузный, медлительный, славный своим бесстрашием, которое дважды приводило его на скамью подсудимых.

– А ты иди похмелись, – огрызнулся Славка.

– Золотые слова, – прогудел Борис и отвалил в сторону сельмага.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Разошлись, и все – кто куда.

В семь ноль-ноль к школе пришел один Щиблетов. Он был в бурках, в галифе, в суконной «москвичке» (полупальто на теплой подкладке, с боковыми карманами), в кожаной шапке. Морозец стоял крепкий: Щиблетов ходил около машины с крытым верхом, старался не ежиться. Место он себе занял в кабине, положив узел на сиденье.

Щиблетов Александр Захарович – сорокалетний мужчина, из первых партий целинников, оставшийся здесь, кажется, навсегда. Он сразу взял ссуду и поставил домик на берегу реки. В летние месяцы к нему приезжала жена... или кто она ему – непонятно. По паспорту – жена, на деле – какая же это жена, если живет с мужем полтора месяца в году? Сельские люди не понимали этого, но с расспросами не лезли. Редко кто по пьяному делу интересовался:

– Как вы так живете?

– Так... – неохотно отвечал Щиблетов. – Она на приличном месте работает, не стоит уходить.

Темнил что-то мужичок, а какие мысли скрывал, бог его знает. За эту скрытность его недолюбливали. Он был толковый автослесарь, не пил, правильно выступал на собраниях, любил выступать, готовился к выступлениям, выступая, приводил цифры, факты. фамилии, правда, называл осторожно, больше напирал на то, что «мы сами во многом виноваты...». С начальством был сдержанно-вежлив. Не подхалимничал, нет, а все как будто чего-то ждал большего, чем только красоваться на Доске почета.

Старшим его назначили впервые.

– Не спешат друзья, – сказал Щиблетов.

– Придут, – беспечно откликнулся шофер и сладко, с хрустом потянулся. И завел мотор. – Иди погрейся, что ты там топчешься.

– Придут-то, я знаю, что придут, – Щиблетов полез в кабину, – но было же сказано: в семь ноль-ноль.

– Счас придут. Ты за бригадира, что ли?

– Да.

– Счас придут. Вон они!..

Стали подходить «апостолы». Щиблетов вылез из кабины.

– Друзья!.. – Он выразительно постучал ногтем указательного пальца по стеклышку часов и покачал головой.

– Успеем, – успокоили его.

Куликов пришел последним. Он, видно, хорошо опохмелился на дорожку, настроение приподнятое.

– Здорово, орлы! – приветствовал он всех. И отдельно Щиблетову: – Но не те, которые летают, а которые...

– Залезайте, – несколько брезгливо оборвал Щиблетов.

– Зале-езем, куда мы денемся, – гудел Куликов, не замечая брезгливости Щиблетова. – Залезем... за милую душу.

– Ко всем обращаюсь! – возвысил голос Щиблетов, глядя в кузов через задний борт. – Чтобы вот такого больше не повторялось!

У «апостолов» вытянулись лица – чего не повторялось?

– Я предупредил вчера: отъезд в семь ноль-ноль. Сейчас... без четверти восемь. Каждое опоздание буду фиксировать. Ясно?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

«Апостолы» молчали... Смотрели на Щиблетов. Щиблетов не стал дожидаться, пока они своими чалдонскими мозгами сообразят, что ответить, скрипуче повернулся, кашлянул в кулак и пошел в кабину.

– Поехали.

Поехали.

– Куликов частенько закладывает? – поинтересовался Щиблетов, как интересуются властью наделенные люди: никак не угрожая пока, но и не убирая в голосе обещающую интонацию – заняться в дальнейшем этим Куликовым.

– А ты спроси у него, – невежливо ответил шофер. – Он ответит... Что за манера – справки наводить! Рядом же человек, живой – спрашивай.

Щиблетов промолчал. Смотрел вперед на дорогу, серьезный и озабоченный.

На выезде из села, у чайной, в кабину застучали.

– Чего они? – встревожился Щиблетов.

– Погреться хотят. – Шофер подрулил к чайной. – Это здесь тепло, а в кузове продерет – дорога длинная.

– Не останавливайся! – строго сказал Щиблетов.

Шофер посмотрел на него, засмеялся, ничего не сказал, вылез из кабины, крепко хлопнув дверцей. Из кузова выпрыгивали, весело галдели, направляясь к дверям чайной.

Щиблетов вдруг тоже выскочил из кабины и скорым шагом, обогнав «апостолов», зашел в чайную. Чайная только открылась, в ней было еще прохладно, но в углу с гулом и треском топилась печь, пахло дымком и отогретыми сосновыми поленьями, которые большой кучей лежали перед печкой и парили, и парок тот, плавно загибаясь, уплывал в приоткрытую дверцу.

Буфетчица Галя, аппетитная женщина, улыбочивая, черноглазая, увидев в окно знакомых мужиков и парней, сказала весело:

– Орава идет.

Она удивилась, когда Щиблетов, стремительно подойдя к стойке, приказал:

– Водку не продавать. В крайнем случае – по стакану красного.

Ввалилась орава. Загалдели.

Кто-то вслух прочитал укоряющую надпись на большом щите: «Напился пьяный – сломал деревцо: стыдно людям смотреть в лицо!»

Над надписью – рисунок: безобразный алкаш сломал тоненькую березку и сидит, ни на кого не глядит.

– Горюет!.. Жалко.

– Тут голову сломаешь, и то никому не жалко, – сказал Борька Куликов, отсчитывая на огромной ладони рубль с мелочью – на стакан водки.

С Галей весело здоровались, рылись в карманах.

– Мужики, а водки не велено продавать. – Хитрая Галя нарочно сказала это громко, чтоб сразу все слышали.

– Кто? – спросили в несколько голосов.

– А вот... товарищ... Я не знаю, кто он над вами, – не велел продавать.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Друзья, – обратился ко всем Щиблетов, – разрешаю по стакану красного!..
Традиции перед дорогой не будем нарушать, но обойдемся красненьким.

Борька Куликов как считал на ладони мелочь, так, не поднимая головы, уставился на Щиблетова – никак не мог уразуметь, что он такое говорит.

– Чего-чего?

– Водку пить не разрешаю.

Борька сунул деньги в карман и двинулся на Щиблетова. Так примерно он зарабатывал себе срок. Причем его не интересовало, сколько перед ним человек: один или семеро. Щиблетова подхватил под руку Иван Чернов, из мужиков постарше, и повел из чайной. На крыльце Щиблетов вспомнил, что он тоже, черт возьми, мужчина: отнял руку...

– А в чем дело, вообще-то? Он что, чокнутый на одно ухо?

– Пошли, – сказал Иван, увлекая его к машине. – А то он так чокнет, что получится – на два уха. Садись в кабину и сиди. И не строй из себя. По сто пятьдесят все выпьют... Я тоже.

– Что, дома, что ли, не могли выпить?

– Дома не могли. Тебе хорошо – один живешь... Сиди, не рыпайся – лучше будет.

Почти всю дорогу потом Щиблетов молчал, смотрел вперед. В кузове Борька Куликов орал:

К нам в гавань заходили корабли;
Уютна и прекрасна наша гавань.
В таверне веселились моряки
И пили за здоровье атамана!

– Валенок сибирский, – зло и насмешливо прошептал Щиблетов. – В таверне!.. Хоть бы знал, что это такое.

А в кузове угрожающе нарастало:

И в воздухе блеснуло два ножа:
– Эх, братцы, он не наш, не с океана!
– Мы, Гари, посчитаемся с тобой! –
Раздался пьяный голос атамана.
– Посчитаешься, посчитаешься, – шептал Щиблетов.

Как приехали на место, поскидали барахло в избушку, затопили печь, Щиблетов объявил:

– Сейчас проведем коротенькое производственное собрание!

Щиблетова приготовились слушать, расселись на нарах – собрание есть собрание, дело такое. Щиблетов положил на стол тетрадь, авторучку (заранее приготовил), покашлял в кулак.

– Я попрошу шофера пока не уезжать – отвезешь протокол... Я думаю, что я его сам составляю. Возражений нет?

– Валяй.

Щиблетов еще покашлял в кулак.

– На повестке дня нашего собрания два вопроса. Буду по порядку. Первый вопрос: наша задача в связи с предстоящей работой по заготовке леса. Вы знаете, товарищи, что лес мы должны повалить, очистить от сучков... В общем, приготовить его к весеннему сплаву. Нам дается срок – четыре недели, месяц. В связи с этим я предлагаю взять на себя сообразительство и повалить необходимое количество леса за две с половиной недели...

– Вон как!

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Что эт тебе, бабу повалить?

– Как получится, так получится! Для чего раньше времени трепаться?

Щиблетов помахал рукой, успокаивая мужиков.

– Спокойно, спокойно. Поясню: хоть мы и небольшой коллектив и находимся на приличном расстоянии от основной базы, это все равно остается наш коллектив, со своей дисциплиной, со своей маленькой, но системой планирования. И нам никто не позволит ломать эту систему. Предлагаю голосовать.

Проголосовали. Приняли.

– Перехожу ко второму вопросу, – продолжал Щиблетов, воодушевленный правильным ходом собрания. – Вопрос о Куликове.

В избушке стало тихо.

Сам Куликов задремал было, пригревшись у печки, но тут встряхнулся, тоже уставился на Щиблетова.

– Формулирую: Куликов сразу же, с первых шагов неправильно повел себя в нашем коллективе. Я сам не святой, но существует предел всякому безобразию. Куликов об этом забыл. Мы ему напомним. Есть нормы поведения советских людей, и нам никто не позволит нарушать их. – Щиблетов набирал высоту: речь его текла свободно, он даже расстегнулся и снял «москвичку». – Представьте себе другое положение: мы дрейфуем на льдине. И среди нас завелся один... субъект, который мутит воду. Все горят желанием взять правильный курс, а этот субъект явно тормозит. И подбивает других. Ставлю вопрос честно и открыто: что делать с этим субъектом?

– В воду! – подсказал Славка Братусь.

– В воду! – подхватил Щиблетов. – Для того чтобы всем спастись и взять правильный курс, необходимо вырвать из сердца всякую жалость и столкнуть ненужный элемент в воду.

Потом, вспоминая это собрание, мужики говорили, что они не успели «глазом моргнуть», «опомниться»... Врали, черти. То есть не то чтоб сознательно врали, вводили в заблуждение, а отдавали должное быстроте, с какой Борька Куликов оказался возле Щиблетова и с вопросом: «Это меня – в воду?» – навесил ему пудовую оплеуху. Щиблетов успел крикнуть: «Дурак, это ораторский прием!» Но остановить Борькин кулак он не мог. Борьку остановили мужики, да и то когда навалились все.

Щиблетов уехал с шофером обратно в село и больше не приезжал. Приезжал директор совхоза, дал всем разгон, а Куликову сказал, чтобы он «сушил сухари» – дескать, будет суд. Но в субботу лесорубам привозили харчи и передали, что Щиблетов в суд не подал, а подал директору... протокол собрания, где в точности записана речь, за которую он пострадал.

Мой зять украл машину дров!

Веня Зяблицкий, маленький человек, нервный, стремительный, крупно поскандалил дома с женой и тещей.

Веня приезжает из рейса и обнаруживает, что деньги, которые копились ему на кожаное пальто, жена Соня все ухайдакала себе на шубу из искусственного каракуля. Соня объяснила так:

– Понимаешь, выбросили – все стали хватать... Ну, я подумала, подумала – и тоже взяла. Ничего, Вень?

– Взяла? – Веня зло сморщился. – Хорошо хоть сперва подумала, потом уж взяла. – Венина мечта – когда-нибудь надеть кожанку и пройтись в выходной день по селу в ней нараспашку – отодвинулась далеко. – Спасибо. Подумала о муже... твою мать-то.

– Чего ты?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ничего, все нормально. Спасибо, говорю.

– Чего лаешься-то?

– Кто лается? Я говорю, все нормально! Ты же вон какая оборванная ходишь, надо, конечно, шубу... Вы же без шубы не можете. Как это вам без шубы можно!.. Дармоеды.

Соня, круглолицая, толстомясая, побежала к матери жаловаться.

– Мам, ты гляди-ка, что он вытворяет – за шубу-то начал обзывать по-всякому! – Соне тридцать уже, а она все, как маленькая, бегала к маме жаловаться. – Дармоеды, говорит!

Из горницы вышла теща, тоже круглолицая, шестидесятилетняя, крепкая здоровьем, крепкая нравом, взглядом на жизнь, – вообще вся очень крепкая.

– Ты что это, Вениамин? – сказала она с укоризной. – Другой бы муж радовался...

– А я радуюсь! Я до того рад, что хоть впору заголиться да улочки две дать по селу – от радости.

– Если недопонимаешь, то слушай, что говорят! – повысила голос теща. – Красивая, нарядная жена украшает мужа. А уж тебе-то надо об этом подумать – не красавец.

Веня в самом деле не был красавцем (маловат ростом, худой, белобрысый... И вдобавок хромой: подростком был прицепщиком, задремал ночью на прицепе, свалился в борозду, и его шаркнуло плугом по ноге), и когда ему напоминали об этом – что не красавец, – Веню трясло от негодования.

– Ну да, вы-то, конечно, понимаете, как надо украшать людей! Вы уж двух украсили... – И тесть Вени, и бывший муж Сони – сидели. Тесть – за растрату, муж Сони – за пьяную драку. Слушок по селу ходил – Лизавета Васильевна, теща, помогла посадить и мужа, и зятя.

– Молчать! – строго осадила Лизавета Васильевна. – А то договоришься у меня!.. Молокосос. Сопляк.

Веня взмыл над землей от ярости... И сверху, с высоты, скружил ястребом на тещу.

– А ты чего это голос-то повышаешь?! Ты чего тут голос-то повышаешь?! Курва старая...

Соня еще не поняла, что за это можно сажать. Она только очень обиделась за мать.

– Ох, молодой!.. – воскликнула она. – Да тебе двадцать восемь, а от тебя уж козлиным потом пахнет.

Теща, напротив, поняла, что за это уже можно сажать.

– Так... Как ты сказал? Курва? Хорошо! Курва?.. Хорошо. При свидетелях. – Она побежала в горницу – писать заявление в милицию. – Ты у меня получишь за курву! – громко, с дрожью в голосе говорила она оттуда. – Ты у меня получишь!..

– Давай, давай, пиши, тебе не привыкать. – Веня слегка струсил вообще-то. Черт ее знает, она со всем районным начальством в знакомстве. – Тебе посадить человека – раз плюнуть.

– Я первые колхозы создавала, а ты мне – курва! – громко закричала теща, появляясь в дверях.

– А про меня в газете писали, что я, хромой, – на машине работаю! – тоже закричал Веня. И постучал себя в грудь кулаком. – У меня пятнадцать лет трудового стажу!

– Ничего, он тебе там пригодится.

Веню опять взорвало, он забыл страх.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Где это там?! Где там-то, курва? Ты сперва посади!.. Потом уж я буду думать, где мне пригодится, а где не пригодится. Сажалка..

– Поса-адим, – опять с дрожью в голосе пообещала теща. И ушла писать заявление. Но тотчас опять вернулась и закричала: – Ты машину дров привез?! Ты где ее взял?! Где взял?!

– Тебя же согреть привез..

– Где взял?! – изо всех сил кричала Лизавета Васильевна.

– Купил!

– На какие деньги? Ты всю получку домой отдал! Ты их в государственном лесу бесплатно нарубил! Ты машину дров украл!

– Ладно, допустим. А чего же ты сразу не заявила? Чего ж ты – жгла эти дрова и помалкивала?

– Я только сейчас это поняла – с кем мы живем под одной крышей.

– Э-э.. завияла хвостом-то. Если уж садиться, так вместе сядем: я своровал, а ты пользовалась ворованным. Мне – три года, тебе – полтора, как минимум. Вот так. Мы тоже законы знаем.

– Не-ет, ты их еще пока не знаешь!.. Вот посидишь там, тогда узнаешь.

Теща в самом деле ездил с заявлением в район, в милицию. Но про машину дров, как видно, не сказала. Ей там посоветовали обратиться с жалобой в дирекцию совхоза, так как налицо пока что домашняя склока, не больше. Нельзя же, в самом деле, сразу, по первому же заявлению, привлечь человека к уголовной ответственности. Вот если это повторится и если он будет в пьяном виде.. Лизавета Васильевна помчалась в дирекцию.

Веню вызвали.

Перед заместителем директора, молодым еще человеком, которого Веня уважал за молодость и за башковитость, лежало заявление тещи.

– Ну, что там у вас случилось? Жалуются вот..

– Жалуются!.. Сами одетые, как эти.. все есть! – стал честно рассказывать Веня. – А у меня – вот что на мне, то и все тут. Хотел раз в жизни кожан купить за сто шестьдесят рублей, накопили, а она себе взяла шубку купила. А у самой зимнее пальто есть хорошее.

– Ну, а обзывался-то зачем? Матерился-то зачем?

– Тут любого злость возьмет! Копил, копил, елки зеленые!.. После бани четвертинку жадничал выпить, а она взяла шубу купила! И, главное, пальто же есть! Если бы хоть не было, а то ведь пальто есть! А чего она тут пишет?

– Да пишет.. много пишет.

Тут-то понял Веня, что про машину дров теща умолчала.

– Пишет, что она коллективизацию делала?

– Ну, пишет.. Ты все-таки это.. не надо – пожилой человек.. Ну, купила! Она же тоже работает, жена-то.

– Она шестьдесят рублей приносит, в тепле посиживает, а я, самое малое, сто двадцать – выше нормы вкалываю. Да мне не жалко! Но хоть один-то раз надо же и мне тоже чего-нибудь взять! Они бы хоть носили! А то купят – и в сундук. А тут.. на люди стыд показываться.

Замдиректора не знал, что делать. Он верил: Венина правда – вся тут.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Все равно не надо, Вениамин. Ведь этим же ничего не докажешь. Поговори с женой... Что она? Поймет же она – молодая женщина...

– Да она-то что!.. Она голоса не имеет. Там эта вот, – Веня кивнул на заявление, – всем заправляет.

В общем, поговорили в таком духе, и Веня вышел из конторы с легкой душой. Но обида и злость на тещу не убавились, нет.

«Вот же ж тварь, – думал он, – посадит и глазом не моргнет. Сколько злости в человеке! Всю жизнь жила и всю жизнь злилась. Курва... На кой черт тогда и родиться такой?»

Тут встретился ему – не то что дружок – хороший товарищ, Колька Волобуев.

– Чего такой? – Колька как-то странно всегда говорит – почти не раскрывая рта. И смотрит на всех снисходительно, чуть сощурился глаза. Характер у парня.

– Какой?

– Какой-то... как воробей подстреленный. Откуда прыгаешь-то?

– Из конторы. – И Веня все рассказал – как он умылся с кожаном, как поскандалил дома и как его теща хотела посадить.

– Двух сожрала – мало, – процедил Колька. – Пошли выпьем.

Веня с удовольствием пошел.

Когда выпили, Колька, прищурился холодновато-серые глаза, стал учить Веню:

– Вливание надо делать. Только следов не оставляй. А то они заклюют тебя. Старуха полезет, шугани старуху разок-другой... А то они совсем на тебя верхом сядут. Как ишак работаешь на них...

У Вени мстительно взыграла душа. Вспомнились разом все обиды, какие нанесла ему Соня: как долго не хотела выходить за него, как манежила и изводила у своих ворот: ни «да», ни «нет», как... Нет, надо, в самом деле, все поставить на свое место. Какой он, к черту, хозяин в доме! Ишак, правильно Колька сказал.

– Пойду сала под кожу кое-кому залью, – сказал он.

И скоро похромал домой. И нес в груди тяжелое, злое чувство.

«Нашли дурачка!.. Сволочи. Еще по милициям бегают! Курва».

Сони не было дома.

– А где она? – спросил Веня.

– А я откуда знаю, – буркнула теща. Уборщица из конторы успела сообщить ей, что Веню особенно-то и не ругали. (Странное дело: Лизавета Васильевна пять лет как уже не работала, а иные с ней считались, бегали наушничать, даже побаивались.) – Она мне не докладывает.

– Разговорчики! – прикрикнул Веня с порога. – Слишком много болтаем!

Лизавета Васильевна удивленно посмотрела на зятя.

– Что такое? Ты, никак, выпил?

Вене пришла в голову занятая мысль. Он вышел во двор, нашел в сарае молоток, с десяток больших гвоздей... Положил это все в карман и вошел снова в дом.

– Что там за материал лежит? – спросил он миролюбиво.

– Какой материал? Где? – живо заинтересовалась теща.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да в уборной... Подоткнут сверху. Красный.

Теща поспешила в уборную. Веня – за ней.

Едва теща зашла в уборную, Веня запер ее снаружи на крючок. Потом стал заколачивать дверь гвоздями. Теща закричала.

– Посиди малость, подумай, – приговаривал Веня. – Сама любишь людей сажать? Теперь маленько спробуй на своей шкуре. – Вогнал все гвозди и сел на крыльцо поджидать Сою.

– Карау-ул!! – вопила Лизавета Васильевна. – Люди добрые, спасите! Спасите! Люди добрые!.. Мой зять украл машину дров! Мой зять украл машину дров! Мой зять украл машину дров! – наладилась теща.

Веня пригрозил:

– Будешь орать – подожгу.

Теща замолчала. Только всхлипнула:

– Ну, Венька!..

– Угрожать?

– Я не угрожаю, ничего я не угрожаю, но спасибо тебе за это тоже не скажут!

Вене попался на глаз кусок необоженной извести. Он поднял его и написал на двери уборной:

«Заплонбировано 25 июля 1969 г. Не кантавать».

– Ну, Венька!..

– Счас я еще Сою твою подожду.. Счас она у меня будет пятый угол искать. В карауле. Вы думали, я вам ишак бессловесный? Сколько я в дом получек перетаскал, а хоть один костюмишко мало-мальский купили мне?

– Ты же пришел на все готовенькое.

– А если б я голый совсем пришел, я бы так и ходил голый? Неужели же я себе хоть на рубаху не заработал? Ты людей раскулачивала.. Ты же сама первая кулачка! У тебя от добра сундуки ломаются.

– Не тобой нажито!

– А тобой? Для кого мужик воровал-то? А когда он не нужен стал, ты его посадила. Вот теперь посиди сама. Будешь сидеть трое суток. Возьму ружье и никого не подпущу. Считаю, что я тебя посадил в карцер. За плохое поведение.

– Ну, Венька!

– Вот так. И не ори, а то хуже будет.

– Над старухой так изгиляться!..

– Ты всю жизнь над людьми изгилялась – и молодая и старая.

Веня еще подождал Сою, не дождался, не утерпел – пошел искать ее по селу.

– Сиди у меня тихо! – велел теще.

В тот день Веня, к счастью, не нашел жену. Тещу выпустили из «карцера» соседи.

Суд был бурный. Он проходил в клубе – показательный.

Теща плакала на суде, опять говорила, что она создавала первые колхозы,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru рассказывала, какие она претерпела переживания, сидя в «карцере», – ей очень хотелось посадить Веню. Но сельчане протестовали. И старые и молодые говорили, что знают Веню с малых лет, что рос он сиротой, всегда был послушный, никого никогда пальцем не трогал... Наказать, конечно, надо, но – не в тюрьму же! Хорошо, проникновенно сказал Михайло Кузнецов, старый солдат, степенный, уважаемый человек, тоже давно пенсионер.

– Граждане судьи! – сказал он. – Я знал отца Венькиного – он пал смертью храбрых на поле брани. Мать Венькина надсадилась в колхозе – померла. Сам Венька с десяти лет пошел работать... А гражданка Киселева... она счас плачет: знамо, сидеть на старости лет в туалете – это никому не поглянется, – но все же она в своей жизни трудностей не знала. Да и теперь не знаешь – у тебя пенсия-то поболее моей, а я весь израненный, на трех войнах отломал...

– Я из бедняцкой семьи! – как-то даже с визгом воскликнула Лизавета Васильевна.
– Я первые колхозы...

– И я тоже из бедняцкой, – возразил Михайло. – Ты первая организовала колхоз, а я первый пошел в него. Какая твоя особая заслуга перед обществом? В войну ты была председателем сельпо – не голодала, это мы тоже знаем. А парень сам себя содержал, своим трудом. Это надо ценить. Нельзя так. Посадить легко, каково сидеть!

– У него одних благодарностей штук десять! Его каждый праздник отмечают как передового труженика! – выкрикнули из зала.

Но тут встал из-за стола представительный мужчина, полный, в светлом костюме. Понимающе посмотрел в зал. Да как пошел, как пошел причесывать! Говорил, что преступление всегда – а в данном случае просто полезней – лучше наказать малое, чем ждать большого. Приводил примеры, когда вот такие вот, на вид безобидные пареньки пускали в ход ножи...

– Где уверенность, я вас спрашиваю, что он, обозленный теперь, завтра снова не напьется и не возьмет в руки топор? Или ружье? В доме – две женщины. Представьте себе...

– Он не пьет!

– Это что он, после газировки взял молоток и заколотил тещу в уборной? Пожилую, заслуженную женщину! И за что? За то, что жена купила себе шубу, а ему, видите ли, не купили кожаное пальто?

Под Веней закачался стул. И многие в зале решили: сидеть Веньке в тюрьме.

– Нет, товарищи, наша гуманность будет именно в том, что сейчас мы не оставим без последствия этот проступок обвиняемого. Лучше сейчас. Мы оградим его от большой опасности. А она явно подстерегает его.

Представительный мужчина предлагал дать Веньке три года.

Тут поднялся опять Михайло Кузнецов.

– Вы, товарищ, все совершенно правильно говорили. Но я вам приведу небольшой пример из Великой Отечественной войны. Был у нас солдатик, вроде Веньки вон: щупленький такой же, молодой, лет двадцати, наверно. Ну, пошли в атаку, и тот солдатик испужался. Бросил винтовку, упал, обхватил, значит, руками голову... Политрук хотел тут же его пристрелить, но мы, которые постарше солдаты, не дали. Подняли, он побежал с нами... И что вы думаете? Самолично, у всех на глазах заколол двух фашистов. А фашисты были – под потолок, рослые, а тот солдатик – забыл уж теперь, как его фамилия, – не больше Веньки. Откуда сила взялась! Я это к тому, что бывает – найдет на человека слабость, стихия – ну вроде пропал, совсем пропал человек... А тут, наоборот, не надо торопиться, он еще подыметесь. Вы сами-то воевали, товарищ? – спросил под конец Михайло.

Представительного мужчину ничуть не смутил такой разительный пример. Он понимающе улыбнулся:

– Я воевал, товарищ. Это на ваш вопрос. Теперь, что касается примера. Он...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru конечно, яркий, внушительный, но совершенно не к месту. Тут вы, как говорится, спутали божий дар с яичницей. – Представительный мужчина коротко посмеялся, чуть колыхнул солидным тугим животом. – На этом примере можно доказать совершенно противоположное тому, что вы тут хотели сказать. Кстати, его судили, того солдата?

Михайло не сразу ответил. Все даже повернулись в его сторону.

– Судили, – неохотно ответил Михайло. – Но...

– Совершенно верно. Но...

– Но оставили без последствий! – повысил голос Михайло. – Только перевели в другую часть.

– Это уже другой вопрос. То обстоятельство, что он поднялся и побежал с вами и потом заколол двух фашистов, – это факт, который говорит сам за себя, его можно учитывать, и, как видим, учли. Но есть факты, которые... материально, так сказать, учесть нельзя. Солдат испугался, бросил оружие, упал... Он испугался – это понятно. Но испугайся он один, в лесу, увидев медведя, – ну, тогда положись на волю божью, как говорят, точнее – на медвежью: задерет он тебя или не задерет? Но здесь – солдат, он шел в атаку не один, он испугался: он породил страх у всей роты!

– Ничего подобного! – сказал Михайло. – Как бежали, так и бежали!

– Вы бежали с другим настроением. Вы сами того не сознавали, но в вас уже жил страх. Струсивший солдат как бы дал вам понять, какая опасность вас ждет впереди – возможно, смерть...

– А то мы без него не знали.

– Что же касается данного конкретного случая...

Венька смотрел на представительного мужчину, плохо понимая, что он говорит. Понимал только, что мужчина тоже очень хочет его посадить, хотя вовсе не злой, как теща, и первый раз в глаза увидел Веньку. Он раньше никогда на судах не бывал, не знал, что существуют государственные обвинители, общественные обвинители... Суд для него – это судья. И он никак не мог постичь, зачем надо этому человеку во что бы то ни стало посадить его, Веньку, на три года в тюрьму? Судья молчит, а этот – в который уже раз – встает и говорит, что надо посадить, и все. Венька онемел от удивления. Когда его спросили, хочет ли он дать суду какие-нибудь пояснения, он пожал плечами и как-то торопливо, испуганно возразил:

– Зачем?

Суд удалился на совещание.

Венька сидел. Ждал. Его сковал ужас... Не ужас перед тюрьмой: когда он шел сюда, он прикинул в уме: двадцать восемь плюс три, ну – четыре – тридцать один – тридцать два...

Ерунда. Его охватил ужас перед этим мужчиной. Он так в него всмотрелся, что и теперь, когда его уже не было за столом, видел его, как живого: спокойный, умный, веселый... И доказывает, доказывает, доказывает – надо сажать. Это непостижимо. Как же он потом... ужинать будет, детишек ласкать, с женой спать?.. Раньше Веня часто злился на людей, но не боялся их, теперь он вдруг с ужасом понял, что они бывают – страшные. Один раз в жизни Веню били двое пьяных. Били и как-то подставляли – от усердия, что ли. Веня долго потом с омерзением вспоминал не боль, а это вот тихое подставывание после ударов. Но то были пьяные, безумные... Этот – представительный, образованный, вовсе не сердится, спокойно убеждает всех – надо сажать. О, господи! Теща!.. Теща – змея и дура, она не три года, а готова пять выхлопотать для зятя, и все равно это можно понять. Она такая – курва. Но этот-то!.. Как же так?

Вене вынесли приговор: два года условно.

За Веню радовались.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

А Веня шел непривычно задумчивый... Все стоял в глазах тот представительный мужчина, и Венька все не переставал изумляться... Неужели он все время так делает?

Жить пока Веня пошел к Кольке Волобуеву.

Колька опять предложил выпить, Веня отказался. Рано ушел в горницу, лег на лавку и все думал, думал.

Какая все-таки жизнь! – в один миг все сразу рухнуло. Да и пропади бы он пропадом, этот кожан! И что вдруг так уж захотелось купить кожан? Жил без него, ничего, жил бы и дальше. Сманить надо было Соньку от тещи, жить бы отдельно... Правда, она тоже – дура, не пошла бы против матери. Но как бы, о чем бы ни думал Веня в ту ночь, как ни саднила душа, все вспоминался представительный мужчина – смотрел на Веню сверху, со сцены, не зло, не кричал. У него поблескивала металлическая штучка на галстукке. Брови у него черные, густые, чуть срослись на переносице. Волосы гладко причесаны назад, отсвечивают. А несколько волосиков слиплись и колечком повисли над лбом и покачивались, вздрагивали, когда мужчина говорил. Лицо хоть широкое, круглое, но крепкое, а когда он улыбался, на щеках намечались ямочки.

Утром Веня поехал в рейс, в район. Выехал рано, только-только встало солнышко. Но было уже тепло: земля не остыла за ночь.

Веня в дороге всегда успокаивался, о людях начинал думать: будто они, каких знал, где-то остались далеко и его не касаются. Вспоминал всех, скопом... Думал: сами они там крепко все запутались, нервничают, много бестолочи. Вчерашнее судилище вспоминалось как сон, тяжелый, нехороший.

На двадцать седьмом километре Веня увидел впереди «Волгу» – стоит, капот задран, шофер в моторе копается, а рядом – у Вени больно екнуло сердце – вчерашний представительный мужчина. Веня почему-то растерялся, даже газ скинул... И когда представительный мужчина «голоснул» ему, Веня послушно остановился.

Мужчина поспешно подошел к кабине и заговорил:

– Подбрось, слушай... – И узнал Веню. – О-о, – сказал он, как показалось Вене, тоже несколько растерянно. – Старый знакомый!

– Садись! – пригласил Веня. Та некая растерянность, какую он уловил в глазах представительного мужчины, вмиг вселила в него какую-то нахальную веселость. – Припухает?

Представительный мужчина легко сел в кабину и прямо и тоже весело посмотрел на Веню. И уже через минуту, как поехали, Веня усомнился – не показалось ли ему, что представительный мужчина поначалу словно растерялся?

– Ну, как? – спросил мужчина.

– Что?

– Настроение-то?... Я думал, ты запьешь... так на недельку. Прямо скажу тебе, парень: счастливый билет ты вчера вытянул.

Веня молчал. Он не знал, что говорить. Не знал, как вести себя.

– С женой, конечно, развод? – понимающе спросил мужчина. И опять прямо посмотрел на Веню.

– Конечно, – Веню опять поразило, как вчера, на суде, что этот человек – такой... крепкий, что ли, умный, напористый и при этом веселый.

– Эх, ребятки, ребятки... Беда с вами. Вот ведь и не скажешь, что жареный петух в зад не клевал – и жил трудно, а одним махом взял и все перечеркнул: и семью разрушил, и репутация уже не та... Любил ведь жену-то?

Тут Веня чего-то вдруг обозлился.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не твое дело.

– Конечно, не мое! – воскликнул мужчина. – Твое. Твое, братец, твое. Было бы мое, моя бы душа и страдала. Только жалко вас, дураков, вот штука-то. Выпьете на пятак, а горя... на два восемьдесят семь. – Мужчина чуть кольхнул животом. – Неужели трезвому нельзя было поговорить? И жена-то ведь красивая, я вчера посмотрел. Жить бы да радоваться...

Веня на мгновение как бы ослеп – до глубины, до боли осознал вдруг: ведь потерял он Соньку-то! Совсем! И – как в пропасть полетел, ужаснулся...

– А что это за кожаное пальто, где ты его хотел достать?

– Да там, в аймаке, шьет один... – Веня смотрел вперед. Впереди был мост через Ушу. Широкий, длинный – Уша по весне разливается как Волга. – На заказ.

– Из своего материала?

– Из своего.

– И сколько берет? – расспрашивал прокурор.

– По-разному. Я хотел рублей за сто шестьдесят. Если хорошее – дороже. – Веня вроде и не слышал вопросов, а отвечал верно.

– Что значит – хорошее?

– Ну, кожа другая, выделка другая... Разная бывает выделка.

– Ну, допустим, самую хорошую? То есть самую хорошую кожу, самой хорошей выделки. Сколько станет?

– Рублей, может, триста... Одному, говорит, за четыреста шил.

Машина въехала на мост.

– А где этот аймак? Далеко?

– Нет. – Странно: вроде Веня был один в кабине и разговаривал сам с собой – такое было чувство.

– Адрес-то знаешь?

– Знаю адрес. Знаю... Эх! – крикнул вдруг Веня, как в пустоте, – громко. – А не ухнуть ли нам с моста?!

Он даванул газ и бросил руль... Машина прыгнула. Веня глянул на прокурора... И увидел его глаза – большие, белые от ужаса. И Веньке стало очень смешно, он засмеялся. А потом уж на него боком навалился прокурор и вцепился в руль. И так они и съехали с моста: Веня смеялся и давил газ, а прокурор рулил. А когда съехали с моста, Веня скинул газ и взял руль. И остановился.

Прокурор вылез из кабины... Глянул еще раз на Веньку. Он был еще бледный. Он хотел, видно, что-то сказать, но не сказал. Хлопнул дверцей.

Веня включил скорость и поехал. Он чего-то вдруг очень устал. И – хорошо, что он остался один в кабине, спокойнее как-то стало. Лучше.

Забуксовал

Совхозный механик Роман Звягин любил после работы полежать на самодельном диване, послушать, как сын Валерка учит уроки. Роман заставлял сына учить вслух, даже задачки Валерка решал вслух.

– Давай, давай, раскачивай барабанные перепонки – дольше влезет, – говорил отец.

Особенно любил Роман уроки родной литературы. Тут мыслям было раздольно, вольно... Вспоминалась невозвратная молодость. Грустно становилось.

Однажды Роман лежал так на диване, курил и слушал. Валерка зубрил «Русь-тройку» из «Мертвых душ».

– «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымом дымитесь под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился...» Нет, это не надо, – сказал сам себе Валерка. И дальше. – «Эх, кони, кони, – что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню – дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, вся вдохновенная богом!.. Русь, куда же несешься ты? Дай ответ!.. Не дает ответа. Чудным звоном заливаешься...»

– Не торопись, – посоветовал отец. – Чешешь, как... Вдумывайся! Слова-то вон какие хорошие.

Роман вспомнил, как сам он учил эту самую «Русь-тройку», таким же дуроломом валил, без всякого понятия, – лишь бы отбарабанить.

– Потом жалеть будешь...

– Кого жалеть?

– Что вот так учился – наплевательски. Пожалеешь, да поздно будет.

– Я же учу! Чего ты?

– С толком надо учить, а у тебя одна улица на уме. Куда она денется, твоя улица? Никуда она не денется. А время пропустишь...

– Хо-о, ты чего?

– Ничего, не хокай – учи.

– А я что делаю?

– Повнимательней, говорю, надо, а не так!.. лишь бы отбрехаться.

Валерка подстегнул дальше свою «тройку», а Роман – опять за думы. И сладкие эти думы, и в то же время какие-то... нерадостные. Половину жизни отшагал – и что? Так, глядишь, и вторую протопашь – и ничегошеньки не случится. Роман даже взволновался – так вдруг ясно представилось, как он дотопает до конца ровной дорожки и... ляжет. Роман сел на диване. И очень даже просто – ляжешь и вытянешь ноги, как недавно вытянул Егор Звягин, двоюродный брат... Да-а.

А в уши сыпалось Валеркино:

– «...Дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились...»

Вдруг – с досады, что ли, со злости ли – Роман подумал: «А кого везут-то? Кони-то? Этого... Чичикова?» Роман даже привстал в изумлении... Прошелся по горнице. «Точно, Чичикова везут. Этого хмыря везут, который мертвые души скупал, ездил по краю. Елкина мать!.. вот так троечка!»

– Валерк! – позвал он. – А кто на тройке-то едет?

– Селифан.

– Селифан-то Селифан! То ж – кучер. А кого он везет-то, Селифан-то?

– Чичикова.

– Так... Ну? А тут – Русь-тройка... А?

– Ну. И что?

– Как что? Как что?! Русь-тройка, все гремит, все заливаешься, а в тройке –

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
прохиндей, шулер...

До Валерки все никак не доходило – и что?

– Да как же?! – по-настоящему заволновался Роман, но спохватился, махнул рукой.
– Учи. Задали, значит, учи. – И, чтоб не мешать сыну, вышел из горницы. А изумление все нарастало. Вот так номер! Мчится, вдохновенная богом! – а везет шулера. Это что же выходит? – не так ли и ты, Русь?.. Тьфу!..

Роман походил по прихожей комнате, покурил... Поделиться своей неожиданной странной догадкой не с кем. А очень захотелось поделиться с кем-нибудь. Тут же явный недосмотр! Мчимся-то мчимся, елки зеленые, а кого мчим? Можно же не так все понять. Можно понять... Ну и ну! Роману прямо невтерпеж сделалось. Он вспомнил про школьного учителя Николая Степановича. Сходить?..

– Валерк! – заглянул Роман в горницу. – Николай Степаныч дома?

– Не знаю. А что? – испугался Валерка.

– Да ничего, учи. Сразу струсил... Чего боишься-то? Набедокурил опять чего-нибудь?

– Никого не набедокурил. Чего ты?

– Он в район не собирался ехать?

– Не знаю.

Роман пошел к учителю.

Николай Степаныч был дома, возился в сарае с каким-то хламом. Они с Романом были хорошо знакомы, учитель частенько просил механика насчет машины, съездить куда-нибудь.

– Здравствуйте, Николай Степаныч.

– Здравствуйте, Роман Константиныч! – Учитель отряхнул пыльные руки, вышел к двери сарая, к свету. – Потерял одну штуку... извозился весь.

– Николай Степаныч, – сразу приступил Роман к делу, – слушал я счас сынишку... «Русь-тройку» учит...

– Так.

– И чего-то я подумал: вот летит тройка, все удивляются, любят, можно сказать, дорогу дают – Русь-тройка! Там прямо сравнивается. Другие державы дорогу дают...

– Так...

– А кто в тройке-то? – Роман пылливо уставился в глаза учителю. – Кто едет-то? Кому дорогу-то?..

Николай Степаныч пожал плечами:

– Чичиков едет...

– Так это Русь-то – Чичикова мчит? Это перед Чичиковым шапки все снимают?

Николай Степаныч засмеялся. Но Роман все смотрел ему в глаза – пылливо и требовательно.

– Да нет, – сказал учитель, – при чем тут Чичиков?

– Ну, а как же? Тройке все дают дорогу, все расступаются...

– Русь сравнивается с тройкой, а не с Чичиковым. Здесь имеется... Здесь – движение, скорость, удалая езда – вот что Гоголь подчеркивает. При чем тут Чичиков?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Так он же едет-то, Чичиков!

– Ну и что?

– Да как же? Я тогда не понимаю: Русь-тройка, так же, мол... А в тройке – шулер. Какая же тут гордость?

Николай Степаныч, в свою очередь, посмотрел на Романа... Усмехнулся.

– Как-то вы... не с того конца зашли.

– Да с какого ни зайти – в тройке-то Чичиков. Ехай там, например... Стенька Разин – все понятно. А тут – ездил по краю...

– По губернии.

– Ну по губернии. А может, Гоголь так и имел в виду: подсурплю, мол: пока догадаются – меня уж живого не будет. А?

Николай Степаныч опять засмеялся:

– Как-то... неожиданно вы все это поняли. Станный какой-то настрой... Чего вы?

– Да вот влетело в башку!..

– Все просто, повторяю: Гоголь был захвачен движением, и пришла мысль о Руси, о ее судьбе...

– Да это-то я понимаю.

– Ну, а что тогда? Лирическое отступление, конец первого тома... Он собирался второй писать. Чичикова он уже оставил – до второго тома...

– В тройке оставил-то, вот что меня... это... и заскребло-то. Как же так, едет мошенник, а... Нет, я понимаю, что тут можно объяснить: движение, скорость, удалая езда... Черт его знает, вообще-то! Ведь и так тоже можно подумать, как я.

– Да подумали уже... чего еще? Можно, конечно. Но это уже будет – за Гоголя. Он-то так не думал.

– Ну, его теперь не спросишь: думал он так или не думал? Да нет, даже не в этом дело, может, не думал. Но вот влетело же мне в голову!

– Надо сказать, что за всю мою педагогическую деятельность, сколько я ни сталкивался с этим отрывком, ни разу вот так вот не подумал. И ни от кого не слышал. – Николай Степаныч улыбнулся. – Вот ведь!.. И так можно, оказывается, понять. Нет, в этом, пожалуй, ничего странного нет... Вы сынишке-то сказали об этом?

– Нет. Ну, зачем я буду?..

– Не надо. А то... Не надо.

Роман достал папиросы, угостил учителя. Закурили.

– Чего потеряли-то? – спросил Роман.

– Да потерял одну штуkenцию... штатив от фотоаппарата. Хочу закат на цвет попробовать снять... Не закаты, а прямо пожары какие-то. И вот – потерял, забросил куда-то.

– Закаты теперь дивные, – сказал Роман. – А для чего штатив-то?

– А выдержку-то нужно большую давать. На руках же я не смогу.

– А-а, да. Весной почему-то закаты всегда красивые.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да. – Учитель посмотрел на Романа и опять невольно рассмеялся. – Чичиков, да?.. Странно, честное слово. Надо же додуматься!

Роман тоже усмехнулся, хотел было опять воскликнуть: «Ну, а кто едет-то?! Кто?» Но не стал. Несерьезно все это, в самом деле. Ребячество какое-то.

– А ведь сами небось учили?

– Учил! Помню прекрасно, как зубрил тоже.. А через тридцать лет только дошло. – Роман покачал головой. Пожал руку учителю и пошел домой.

Он – не то что успокоился, а махнул рукой и даже слегка пристыдил себя: «Делать нечего: бегаю, как дурак, волнуюсь – Чичикова везут или не Чичикова?» И опять – как проклятие навалилось – подумал: «Везут-то Чичикова, какой же вопрос?»

– Тьфу! – Роман бросил окурочек и полез опять за пачкой. – Вот наказание-то! Это ж надо так... забуксовать. Вот же зараза-то еще – прилипла. Надо же!..

Три грации

Рассказ-шутка

Воскресенье. Сегодня в течение дня буду ненавидеть. Месяца два, как я переехал на новую квартиру, и каждое воскресенье – весь день напролет – ненавижу.

Это происходит так.

С утра, часов в девять, на скамейку под моим балконом садятся три грации и беседуют. Обо всем: о чужих мужьях, о политике, о прохожих... Я выставляю на балкон кресло, курю, слушаю этих трех – и ненавижу. Все человечество. Даже устаю к вечеру.

Как-то будет сегодня? Погодка славная (раза два в воскресенье шел дождь, их не было, я не знал, куда деваться от тоски); сегодня они должны хорошо поговорить.

Итак, заготовил пачку сигарет, бутылку хорошего вина (буду пропускать по рюмочке, когда какой-нибудь из этих трех удастся особенно больно уесть прохожего, или если выяснится, что у товароведа из 27-й квартиры – крупная недостача – или что он – рогоносец).

Сперва коротко опишу их.

Номер один. Тихая с виду, в очках, коротконогая. Лет тридцать с гаком. Говорит негромко, мне приходится наклоняться, чтобы хорошенько расслышать ее. Одинокая, но заявляет, что «они от меня никуда не уйдут». Будем называть ее Тихушница.

Номер два. За сорок. Крупная, с вишневой бородавкой на шее. Говорит громко, уверенно. Часто сморкается, после чего негромко несколько раз делает так: «кхм, кхм, кхм». Эта раз три обронила: «Все они сейчас – никуда не годятся». Будем называть ее – Деятель.

Номер три. Рыжеволосая. Тоже за сорок. Необычайно подвижная, легкая на ногу. Стремительная в мыслях, мастер замочных скважин. Тоже, как я, ждет не дожидается воскресенья – приходит на скамеечку раньше подружек, трещит без умолку, но авторитетом в коллективе не пользуется: суждения ее неглубоки. Будем называть ее – Летящая по волнам. Можно просто – Рыжая.

Десять часов. Что-то запаздывают. Четверть одиннадцатого... Начинаю нервничать. Что с ними? Уж не поехали ли за город? Нет!.. Вон идет Рыжая. Лапочка моя! Ой-ой – в новом свитере!.. А походка!.. Вся – движение, порыв. Наполеон на Аркольском мосту. Глаза горят. Наверно, какой-нибудь из ее начальников полетел за «аморалку». Или кто-нибудь где-нибудь отступил. Она утопичка: ей кажется, что никто никогда не должен уступить. Ммх, лапочка!..

А вот и Тихушница. Идет, переваливается уточкой. Тоже вообще-то лапочка. Она, конечно, не Наполеон на мосту, но я глубоко убежден, что «они от нее никуда не уйдут». Как-то раз она сказала: «Я знаю, что им всем надо». Сейчас, когда так ослепительно блестят ее очки, я верю – знает.

Две есть. Третья?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

А-а!.. Деятель. Идет. Я всегда думаю, глядя на нее, что сильный характер – это от бога, как бородавка.

Ну – собрались. Закурим! Наверно, начнут с политики – прохожих еще мало.

– Сегодня так плохо спала ночь, так плохо спала! – Это Рыжая. – У этих собака внизу... Гадина!.. Всю ночь – «гав-гав-гав!».

– А меня этот паровоз всю ночь донимал, – сказала Деятель. – Всю ночь – «ту-у! ту-у! ту-у!».. Какого черта гудеть? Ночью же на путях детей нету.

– Маневровый, – пояснила Тихушница.

– А?

– Маневровый. Он своим сотрудникам гудит, чтобы его перевели на другие рельсы. А у меня голова что-то всю ночь болела...

Все три плохо выспались. Будет дело!

– Почем же огурцы теперь стали? – спросила Деятель.

– Я в прошлую субботу была на базаре – два рубля.

– Два рубля?! Да я вчера в «Овощи-фрукты» по рупь тридцать брала. И народу мало.

– А я вчера... – заговорила было Рыжая, но тут нанесло неурочного: какой-то парень, явно с похмелья, шел по двору, направляясь, видно, в магазин за пивом.

Все три смотрели на него. Попался, голубчик! Выпил в субботу? Сейчас закусишь.

– Иде-от, – сказала Деятель. Таким тоном, будто по двору шел ночной грабитель, которого за углом ждет не пиво, а наряд конной милиции.

– Краса-авец... Ручки в брючки.

– Что, милок, с похмелья?

Парень посмотрел на них.

– А вам что?

– Ничего, ничего – пей. Больше пей – к сорока годам будешь чурка с глазами. – Это – Деятель.

Парень, изумленный, остановился.

– Ты что?

– Я, мол, пей. Больше пей!

Тихушница и Рыжая промолчали.

Парень пожал плечами, пошел дальше. Но только он отошел, мои грации осмелели.

– Он и сейчас-то уж никуда не годится. Для мебели только.

– Алкоголик, глот. Тоже ведь – «ты что?».

– А у меня – сестрин муж, – стала рассказывать Рыжая. – Я ему: «Что ж ты, – говорю, – пьешь-то, рожа твоя кывадратная? Ведь ты вот с получки-то сколь? – двенадцать рубликов усадил! А на двенадцать рублей можно полторы недели питаться, если ты – опять же – не нальешь глаза-то да мяса себе не будешь требовать». Так он мне: «Все пьют. Не пьют только собака да кошка – они лакают». Такой паразит!..

– Что ты! Они ответят.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– «Я, – говорит, – работаю. Что же, мне и выпить нельзя?»

– Они работают! Со мной на площадке один – тоже работает. Я на днях стала диван выколачивать, так он: «Что же это вы на площадке-то? Люди работают и должны вашу пыль глотать!» Я говорю: «Где ж эт ты, милок, работаешь-то? Ты ж целыми днями дома сидишь. Вот так работка!» – говорю. Он мне: «Я диссертацию пишу». – «Эх ты, – думаю, – лысая ты коленка, диссертацию ты пишешь!.. А чего же полысел-то раньше времени?»

– Истаскался.

– Знамо дело!

– Пьет?

– Что ты! Он скорей задавится, чем бутылку себе возьмет.

– Они такие – лысые, истаскаются, потом начинают: тут болит, там болит... А деньги на книжечку.

За этого лысого, который диссертацию пишет, я выпил рюмочку – очень уж славно они его уделали. Голеньким выставили – со всех сторон. Будь здоров, очкарик!

Деятель высморкалась, сделала «кхм, кхм» и продолжала:

– Они лысеют, а людей на земле уменьшается. Я бы расстреливала таких.

– Собрать их всех в одно место и посадить на карточную систему! – неожиданно громко и зло сказала Тихушница. – Узнают тогда.

Какова Тихушница-то!.. Голосок прорезается. С карточной системой она неплохо придумала.

– А один лысый, я слышала, – заторопилась Рыжая, – сделал себе капроновые волосы, заплатил валютой, напился пьяный, а его постригли в милиции. Ха-ха-ха!.. Они же не знали! Ха-ха-ха!..

Ну эта все по анекдотам дает, верхушки сшибает. Нет, голубушка, если за душой ничего нет, не помогут и капроновые волосы. Что это?.. Нет, Рыжая явно не тянет.

Тут выпорхнуло из подъезда этакое воздушное создание и заспешило, заспешило, отстукивая каблучками по асфальту. Коротенькая юбочка – туда-сюда, туда-сюда...

– Вот она! – в один голос сказали Деятель и Тихушница.

– Ну к чему такие короткие юбки? – вякнула Рыжая.

Да заткнись ты!

– А лёгше, лёгше, без всяких там... – сказала Деятель.

– Больше-то нет ничего, вот они и выставляют коленки, – заметила Тихушница.

То есть как это «ничего нет»? Не понял. Что-то ты, матушка, не того... не объективно.

– К любовнику пошла – торопится. Сейчас придет, а там – другая.

– У них график. Как у паровозов.

– Идет, виляет... А чего вилять, чего вилять? Там вилять-то нечем.

– Шкелеты.

В это время вышел на солнышко глубокий старик.

– Идите к нам! – сказала Деятель.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Старик присел на лавочку.

– К сыну приехал?

Старик был с глухотцей.

– А?

– К сыну погостить приехал?

– Ага.

– Сноха-то ничего, не гложет?

– Нет, ничего. Она хорошая.

– Они все хорошие... пока спят. Как там в деревне-то?!

– Хорошо. Косить начали...

– Оптимистический старичок! – сказала Рыжая. – Везде у него хорошо! Видел такой фильм «Оптимистическая трагедия»?

Деятель снисходительно похлопала старичка по спине.

– Волос-то – тоже на одну драку осталось?

Старичок усмехнулся.

– Мне уж семисит пять скоро...

– О! А все жалуетесь: плохо в деревне, трудно.

– Я не жалуюсь.

– Они теперь все хорошие, трудящиеся...

– А кто огурцы по два рубля продает?! Кто с мешками на метро ездит?.. Мешает!..

– Это Рыжая «покатила бочку». – Кто поступает в дворники, а потом получает секции? Кто в колхозы не хотел идти? Кто упирался?!

Деятель стиснула зубы и оглянулась во гневе.

– Кто из-за угла стрелял? – спросила она тихо. – Кто без конца вредил?

Я налил рюмочку. Старичок, конечно, не ждал такого. Тихо было кругом, тепло, солнышко светило.

– Кто с необъятных полей колоски воровал?! – как-то даже взвизгнула Тихушница. – Кто самогон ва...

Тут старичок встал, весь подобрался и неожиданно громко – на весь двор – скомандовал:

– Стать!

Грации опупели. Молчали.

– Стать!!! – заорал старичок. И замахнулся палкой.

Рыжая и Тихушница встали. А Деятель, наклонив вперед голову, смотрела на старичка.

– Я – Егорьевский кавалер! – кричал старичок. – У меня медаль «За трудовую доблесть»! У меня сын – токарь семого разряда! Я вас сам в ГПУ – за такие слова! – Он заплакал и пошел домой.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Рыжая и Тихушница сели. Им стыдно стало, что они испугались. Они стали оправдываться:

- Он же ненормальный, я давно замечала.
- Я тоже замечала.
- Когда «давно»? - спросила Деятель.
- Ну, давно.
- Он только вчера приехал. Это сын у него ненормальный.
- Это который на мотоцикле-то? Да тот уж лежал в психиатрическом раз пять. Тот просто задавит кого-нибудь, и все. «Токарь сегомо разряда». Знаем мы этих токарей... Только премиальные хапать.

Деятель понюхала табачку.

- А потом пропивают их с мастерами. Да на мотоциклах гоняют.
- Думают, у них мотоцикл, так за ними любая побежит! Тьфу!.. - Тихушница в самом деле плюнула. - Да по мне - хоть будь с трактором, мне и то на дух не надо. Мне - лишь бы человек был.

Я налил рюмочку - за мотоциклистов. Вообще - за наш славный спорт. Хороши они сегодня, мои грации!.. Мои лапочки. Ворочают пласты - от коллективизации до мотопробега. Сердце радуется! Маленько старичок их смутил... Но это... так, ерунда. Они ему тоже бубну выбили: будет знать, как стрелять из-за угла и воровать колоски. Кулацкая морда. Да еще Георгиевским крестом хвалится! Ясно: какого-нибудь пролетария свалил. Пень дремучий. Дупло. Я выпил еще рюмочку. Потом я выпил еще: товаровед из 27-й квартиры не только растратчик, он еще и без одного легкого. Куркуль недорезанный. Тубик. И тут меня стукнула идея. Как только я выпиваю лишнего, меня начинают стучать разные идеи. Иной раз с похмелья все тело болит. Идея такова: в нашем дворе есть еще одна скамейка с высокой спинкой. Если эту спинку аккуратненько подпилить да потом снова приставить на место... Представляете? Человек садится на скамеечку и приваливается к спинке... Тот же старичок. Или этот, с одним легким... Представляете? А наблюдать все это можно с моего балкона хотя бы. Я вынесу еще три кресла - балкон у меня большой.

Я выпил рюмочку и спустился к грациям.

- Здравствуйте! - сказал я. - Представляете?.. Человек присел отдохнуть, так? И - раз! - кверху ногами. Мы хохочем негромко. Вы спросите: как это делается? Вон скамейка - видите? Подпиливается спинка... Мм? Я это берусь сделать в ночь с субботы на воскресенье. И мы весь день хохочем. Старичок грохнулся, я выхожу и опять подстраиваю спинку... А этому, с одним легким-то, много ему надо! А? Я даже диван на балкон вынесу... Мы славно попируем!

Тут Тихушница встала и куда-то пошла.

Я продолжал развивать мысль. Я доказывал, что всякая идея должна воплотиться в образ, должно быть зрелище, спектакль. Только тогда идея будет выражена до конца.

Сосед из 27-й квартиры рассказывал мне через три дня:

- Вы кричали на них: «Почему вы не понимаете этой идеи со спинкой скамьи?.. Вы - пустобрехи! Кустари!» Чего вы хотели от них? Они же глупы, как...

Я смотрел на него, на этого недорезанного, и думал: «Не будь они глупы, ты бы сейчас кровью харкал». Но это было потом.

А тогда, в воскресенье, я вдруг обнаружил, что передо мной стоит милиционер. Как из-под земли вырос. Они меня предали. Они ничего не поняли...

Тот же сосед рассказывал:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Когда вас вел милиционер, вы плакали. Вы оборачивались к ним и говорили: «Эх вы! За чечевичную похлебку!.. А я любил вас! Ну и сидите зубоскальте! Мещанки... А годы проходят! Жизнь проходит!» Чего вы все-таки от них хотели?

– Совершенства. Цельности. Красоты.

Сосед громко захохотал. (При одном легком!)

– Нашли красавиц!.. Что вы, помоложе не можете подыскать?

Нет, зря я тогда лишнего выпил. Не выпей я лишнего, я бы смог спокойно и обстоятельно разъяснить им, зачем надо было подпилить скамеечку. Загубил прекрасную идею!

Беседы при ясной луне

Марья Селезнева работала в детсадике, но у нее нашли какие-то палочки и сказали, чтоб она переквалифицировалась.

– Куда я переквалифицируюсь-то? – горько спросила Марья. Ей до пенсии оставалось полтора года. – Легко сказать – переквалифицируйся... Что я, боров, что ли, – с боку на бок переваливаться? – Она поняла это «переквалифицируйся» как шутку, как «перевались на другой бок».

Ну, посмеялись над Марьей... И предложили ей сторожить сельмаг. Марья подумала и согласилась.

И стала она сторожить сельмаг.

И повадился к ней ночами ходить старик Баев. Баев всю свою жизнь проторчал в конторе – то в сельсовете, то в заготпушнине, то в колхозном правлении, – все кидал и кидал эти кругляшки на счетах, за целую жизнь, наверно, накидал их с большой дом. Незаметный был человек, никогда не высовывался вперед, ни одной громкой глупости не выкинул, но и никакого умного колена тоже не загнул за целую жизнь. Так средним шажком отшагал шестьдесят три годочка, и был таков. Двух дочерей вырастил, сына, домик оборудовал крестовый... К концу-то огляделись – да он умница, этот Баев! Смотри-ка, прожил себе и не охнул, и все успел, и все ладно и хорошо. Баев и сам поверил, что он, пожалуй, и впрямь мужик с головой, и стал намекать в разговорах, что он – умница. Этих умниц, умников он всю жизнь не любил, никогда с ними не спорил, спокойно признавал их всяческое превосходство, но вот теперь и у него выиграло ретивое – теперь как-то это стало не опасно, и он запоздало, но упорно повел дело к тому, что он – редкого ума человек.

Последнее время Баева мучила бессонница, и он повадился ходить к сторожихе Марье – разговаривать.

Марья сидела ночью в парикмахерской, то есть днем это была парикмахерская, а ночью там сидела Марья: из окон весь сельмаг виден.

В избушке, где была парикмахерская, едко, застояло пахло одеколоном, было тепло и как-то очень уютно. И не страшно. Вся площадь между сельмагом и избушкой залита светом; а ночи стояли лунные. Ночи стояли дивные: луну точно на веревке спускали сверху – такая она была близкая, большая. Днем снежок уже подтаивал, а к ночи все стекленело и нестерпимо, поддельно как-то блестело в голубом распахантом свете.

В избушке лампочку не включали, только по стенам и потолку играли пятна света – топился камелек. И быстротечные эти светлые лики сплетались, расплетались, качались и трепетали. И так хорошо было сидеть и беседовать в этом узорчатом качающемся мирке, так славно чувствовать, что жизнь за окнами – большая и ты тоже есть в ней. И придет завтра день, а ты – и в нем тоже есть, и что-нибудь, может, хорошее возьмет да случится. Если умно жить, можно и на хорошее надеяться.

– Люди, они ведь как – сегодняшним днем живут, – рассуждал Баев. – А жизнь надо всю на прострел брать. Смета!.. – Баев делал выразительное лицо, при этом верхняя губа его уползала куда-то к носу, а глаза узились щелками – так и казалось, что он сейчас скажет: «сево?» – Смета! Какой же умный хозяин примется рубить дом, если заранее не прикинет, сколько у него есть чего. В учетном деле и

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru называется – смета. А то ведь как: вот размахнулся на крестовый дом – широко жить собрался, а умишка, глядишь, на пятистенок едва-едва. Просадит силенки до тридцати годов, нашумит, наорется, а дальше – пшик.

Марья согласно кивала головой. И правда, казалось, умница Баев, сидючи в конторах, не тратил силы, а копил их всю жизнь – такой он был теперь сытенький, кругленький, нацеленный еще на двадцать лет осмеченной жизни.

– Больно шустрые! Я как-то лежал в горбольнице... меня тогда Неверов отвез, председателем исполкома был в войну у нас, не помнишь?

– Нет. Их тут перебивало...

– Неверов, Василий Ильич. А тогда что. С молокопоставками не управились – ему хоть это... хоть живым в могилу зарывайся. Я один раз пришел к нему в кабинет, говорю: «Василий Ильич, хотите, научу, как с молокопоставками-то?» – «Ну-ка», – говорит. «У нас, мол, колхозники-то все вытаскали?» – «Вроде все, – говорит. – А что?» Я говорю: «Вы проверьте, проверьте – все вытаскали?»

– Ох, тада и таска-али! – вспомнила Марья. – Бывало, подоишь – и все отнесешь. Ребятишкам по кружке нальешь, остальное – на молоканку. Да ведь планы-то какие были... безобразные!

– Ты вот слушай! – оживился Баев при воспоминании о давнем своем изобретательном поступке.

«Все, мол, вытаскали-то? Или нет?» – Он вызвал девку. «Принеси, – говорит, – сводки». Посмотрели: почти все, ерунда осталась. «Ну вот, – говорит, – почти все». – «Теперь так, – это я-то ему, – давайте рассуждать: госпоставки недостает столько-то, не помню счас сколько. Так? Колхозники свое почти все вытаскали... Где молоко брать?» Он мне: «Ты, – говорит, – мне мозги не... того, говори дело!» Матерщинник был несусветный. Я беру счеты в руки: давайте, мол, считать. Допустим, ты должна сдать на молоканку пятьсот литров. – Баев откинул воображаемых пять кругляшек на воображаемых счетах, посмотрел терпеливо и снисходительно на Марью. – Так? Это из расчета, что процент жирности молока у твоей коровы – такой-то. – Баев еще несколько кругляшек воображаемых сбросил, чуть выше прежних. – Но вот выясняется, что у твоей коровы жирность не такая, какая тянула на пятьсот литров, а ниже. Понимаешь? Тогда тебе уже не пятьсот литров надо отнести, а пятьсот семьдесят пять, допустим. Сообразила?

Марья не сообразила пока.

– Вот и он тогда так же: хлопает на меня глазами – не пойму, мол. Снимайте, говорю, один процент жирности у всех – будет дополнительное молоко. А вы это молоко, с колхозников-то, как госпоставки пустите. Было бы молоко, в бумагах его как хошь можно провести. Ох, и обрадовался же он тогда. Проси, говорит, что хочешь! Я говорю: отвези меня в городскую больницу – полежать. Отвез.

Марья все никак не могла уразуметь, как это они тогда вышли из положения с госпоставками-то.

– Да господи! – воскликнул Баев. – Вот ты оттаскала свои пятьсот литров, потом тебе говорят: за тобой, гражданка Селезнева, еще семьдесят пять литров. Ты, конечно, – как это так? А какой-нибудь такой же, вроде меня, со счетиками: давайте считать вместе... Вышла, мол, ошибка с жирностью. Работник, мол, недоглядел... А я – в горбольнице. С сельской местности-то туда и счас не очень берут. А я вот когда попал!

– А чего?.. Заболел, што ли?

– Как тебе сказать... Нет. Недостаток-то у меня был: глаза-то и тогда уж... Почти слепой был. Из-за того и на войну не взяли. Но лег я не потому, а... как это выразиться... Охота было в горбольнице полежать. Помню, ишо молодой был, а все думал: как же бы мне устроиться в горбольнице полежать? А тут случай-то и подвернулся. Да. Приехал я, мне, значит, коечку, чистенько все, простынки, тумбочка возле койки... В палате ишо пять гавриков лежат, у кого что: один с рукой, один с башкой забинтованной, один тракторист лежал – полспины выгорело, бензин где-то загорелся, он угодил туда. Та-ак. Ну, ладно, думаю, желание мое

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru исполняется.

– Дак чего, просто вот полежать, и все? – никак не могла взять в толк Марья.

– Все. Ну-ка, как это тут, думаю, будут ухаживать за мной? Слышал, что уход там какой-то особенный. Ну, никакого такого ухода я там не обнаружил – больше интересуются: «Что болит? Где болит?» Сердце, говорю, болит – иди, доберись до него. Всего обстукали, обслушали, а толку никакого. Но я к чему про горбольницу-то: про людей-то мы заговорили... Пришел, значит, я в палату, лежат эти козлы... Я им по-хорошему: «Здравствуйте, мол, ребята!» И прилег с дороги-то соснуть малость: дорога-то дальняя, в телеге-то натрясло. Сосну, думаю, малость. Поспал, значит, мне эти козлы говорят: «Надо анализы собирать». – «Какие анализы?» – «Калу, – говорят, – девятьсот грамм и поту пузырек». Я удивился, конечно, но...

Тут Марью пробрал такой смех, что она досмеялась до слез. Баев тоже сперва хмыкнул, но потом строго ждал, когда она отсмеется.

– Ну и как? – спросила Марья, вытирая глаза концом полушалка. – Собрал?

– Стали сперва собирать пот, – продолжал Баев, недовольный, что из рассказа вышла одна комедия: он вознамерился извлечь из него поучительный вывод. – Укрыли меня одеялами, два матраса навалили сверху, а пузырек велели под мышку зажать – туда, мол, пот будет капать. Ить вот рассудок-то у людей: хворают, называется! Ить подумали бы: идет такая страшная война, их, как механизаторов, на броне пока держат, тут надо прижухнуться и помалкивать, вроде тебя и на свете-то нету. Нет, они начинают выдумывать черт-те чего. Думает он, лежит, что у него – жизнь предстоит, что надо ее как-то распланировать, подсчитать все наличные ресурсы, как говорится?... Что ты! Он зубы свои оскалит и будет лучше ржать лежать, чем задумается.

Марья вспомнила про девятьсот граммов кала и опять захохотала. И понимала, что после таких серьезных слов Баева не надо бы смеяться, но не могла сдержаться.

– Дак, а как... с этим-то?... Собрал, что ли? – Вытерла опять глаза. – Не могу ничего с собой сделать, ты уж прости меня, Николай Ферапонтыч, шибко смешно. Собрал девятьсот грамм-то?

– Вот то-то и оно – ничего сделать с собой не можем, – обиделся Баев. – Живем безалаберно – ничего с собой сделать не можем; пьем-гуляем – ничего с собой сделать не можем; блуд совершаем – опять ничего с собой сделать не можем. У меня зять вон до развода дело довел, гад зубастый: тоже ничего с собой сделать не может. Кобели. Поганки. – Баев по-живому обозлился. – Взял бы кол хороший, пошел бы в клуб ихний – да колом бы, колом бы всех подряд. Ржать научились? Ногами дрыгать научились?... Теперь подставляй башку, я тебя жизни обучать буду! Козлы.

Посидели молча. Марья даже вздохнула: у самой тоже была дочь, и у той тоже семейная жизнь не ладилась.

– А как вот им поможешь? – сказала она. – И рад бы душой – помочь, а как?

– Никак, – резко сказал Баев. – Пускай сами разбираются.

Опять замолчали.

Баев достал флакон с нюхательным табаком, пошумел ноздрями – одной, другой, – поморгал подслеповатыми маленькими глазами и сладостно чихнул в платок.

– Помогает глазам-то? – спросила Марья, кивнув на пузырек с табаком.

– Не он бы, так давно бы уж ослеп. Им только и держусь.

– Где ж ты так глаза-то испортил? У вас, однако, в роду все зрячие были.

– Зрячие... – вздохнул Баев. – Все зрячие, да не все умные. – Баев спрятал пузырек в карман, помолчал задумчиво. – Что он, покойный родитель мой, делал со мной – это же ни пером описать, ни... как там говорится?... Уму непостижимо, что он вытворял, чтоб я только в школу не ходил. А мне страсть как учиться хотелось.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru Тада же ишо приходская школа-то была.. Батюшка-то к родителю ходил: способный, мол, парнишка, пускай ходит. Ну! Родителю моему только.. Грех помянуть нехорошо, но и.. тоже.. Как я только ни просил: в ногах у него валялся, ревя ревел – отпустите в школу! Закинет пимы на полаты, и все. Сиди за печью, гложи ногу овечью – вот весь сказ родительский. Эх-х!.. – Баев еще помолчал горестно. – Дак я, когда все поснут, лучинку зажгу, бывало, в уголок на печке забьюсь да по складам читаю. Да по всей ноченьке так-то – вот они, глаза-то, и сели.

– Дак, а чего уж он так?

– А спроси его! Не мужицкое дело, мол.. Темен был, упрям. Всю жизнь я на него сердце держал. Помирал, помню: «Прости, Колька, учиться тебе препятствовал..» И вот знаю, как полагается говорить в таких случаях, а язык не поворачивается. «Ладно, – говорю, – чего теперь?» Вот как душа затвердела! А потому что – обидно. Я же какой башковитый-то был! Бывало, стихок два раза прочитаю и тут же его отбарабаню без запинки.

– А понимал же потом-то – вишь, «прости» говорил.

– Да потом-то.. Ко мне, бывало, придут: «Напиши, ради Христа, прошение», или еще чего, ну курочку несут или яиц десяток, а то шерсти.. фунта два.. Я сяду – мне левое дело прошение-то составить: где заострил, где подсусолил, где на жалость упор сделаешь, а где намекнешь про другие инстанции.. Тут целая наука тоже. Вот составишь. «На, хлопочи, ехай». Человек и радешенек. И того не заметил, что я за какой-нибудь час курицу заработал. А родитель-то видит, конечно, сопит – чует вину свою. Эх ты, думаю, а дал бы мне учиться-то, да я бы.. Ладно. Рази бы тут курочками пахло! Ведь это я самоучкой уж достиг – счетоводом-то, потом бухгалтером. А поучи-ка меня годов десять, как этих лоботрясов нынче, да я бы.. не знаю. Эх-х! Ладно. – Баеву правда было горько, у него даже глаза слезились, он утирал их согнутым указательным пальцем. – Чего теперь. Обидно, конечно.. Ведь вот счас уж дело прошлое – ты подумай только, какие я дела пропускал через свои руки! Ведь меня ревизором в другие районы посылали! Еду, бывало, и думаю: знали бы они, что у меня всего-то полтора класса ЦПШ, как у нас шутил один: церковно-приходской школы. Полторы зимы побегал всего-то, а вы меня – на других ревизором! Молчал уж..

– А ведь вот дал же бог такое стремление – учиться! – неподдельно уважительно заметила Марья. – Откуда бы такое стремление?

– Наблюдательность, – пояснил Баев. – Я вот, как себя помню, всегда был очень наблюдательный. Ишо карапуз был, а, бывало, зайду по колена в воду – озерко за деревней было, помнишь? Раменское называлось – залезу и стою. По полдня торчал неподвижно – наблюдал, чего в воде происходит. Это уж от бога. Это уж не от людей. От родителя моего я мог только пинка получить заместо совета разумного.

– Надо же, – с уважением опять сказала Марья. – А мне вот – хоть бы что! Больше играть любила на улице. По целым дням, бывало, не загонялась!

– Я уж, грешным делом, думаю.. – Баев даже оглянулся и заговорил тише: – Я уж думаю: не приспала ли меня мать-покойница с кем другим?

– Господь с тобой! – воскликнула Марья, но тоже негромко воскликнула и тоже чуть было не оглянулась. – Тетка Анисья-то! Да ты что, ферапонтч.. Господи! Да ты и похожий-то на отца. Только ты посытей да без бороды, а так-то.. Да что ты, бог с тобой! Да с кем же она могла?

– Ну!.. – Баев полез опять за пузырьком. – А в кого я такой башковитый? Я вот думаю: мериканцы-то у нас тада рылись – искали чего-то в горах.. Шут его знает! Они же.. это.. народишко верткий.

– Дак, а похож-то?

– Ну!.. Похож! Потрись с малых лет возле человека – будешь похож. Собака вон на хозяина и то становится похожая, а человек-то.. Шут его знает! Может, и грех на душу беру. Но шибко уж у нас с им.. противоположные взгляды. Вот чую сердцем: не крестьянского я замеса. Сроду меня не тянуло пахать или там сеять.. – ни к какой крестьянской работе. И к вину никогда не манило. – Баев не то что оголтело утверждал, что он не крестьянского рода, а скорей размышлял и сомневался. – Ведь

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
если так-то подумать: куда же это все во мне подевалось? Должен же я стремиться
землю иметь или там... буяннить на праздники. Нет! В огороде своем копать не
люблю! Вот в конторе посиживать, это по мне...

– Дак оно бы и все-то так посиживали – в тепле да на почете, – вставила Марья.

– Садись! – воскликнул с сердцем Баев. – Чего ж ты тут вместо мужика торчишь
ночами? Садись в контору и посиживай.

– Посиживай...

– Во-от! Голову надо иметь? Вот я про голову и говорю. Откуда она у меня, у
крестьянского выходца?

– Ну что же, уж из мужиков и людей больших не было? Вон в войну...

– В войну-у! – перебил Баев. – С наганами-то бегать да горло драть – это ишо не
самая великая мудрость. Мало у нас их было, горлопанов! Одного Ваню Кысу возьми...
С малолетства на ножах ходил. Из тюрьмы не вылезал, сердешный. А тоже – храбрец
из храбрецов считался...

– Ну сравнил!

– Ну а как же? Уж куда храбрее Кысы-то?.. Был ли кто?

– Кыса – разбойник. Разбойник, он разбойник и есть. Я про хороших мужиков
говорю. Вон Иван Козлов... Был простой солдат, а стал командиром. Орденов сколько,
фотокарточку тада присылал, мы всей деревней смотреть бегали.

– Это... все так, – вздохнул Баев. Он не скрывал, что не ровня ему полуграмотная
Марья – спорить, неглубоко берет баба своим рассудком. – Конечно, командир,
ордена... трень-брень, салоги со скрипом... Это все воздействует. Но все же голову
никакими орденами не заменишь. Или уж она есть, или... так – куда шапку надевают.

Так беседовали Баев с Марьей. Часов до трех, до четырех засиживались. Кое в чем
не соглашались, случалось, горячились, но расставались мирно. Баев уходил через
площадь – наискосок – домой, а Марья устраивалась на диван и спала до рассвета
спокойно. А потом – день шумливый, суетной, бестолковый... И опять опускалась на
землю ясная ночь, и охота было опять поговорить, подумать, повспоминать –
испытать некую тихую, едва уловимую радость бытия.

...Как-то досиделись они, Баев с Марьей, часов до трех тоже, Баев собрался уже
уходить, закладывая в нос последнюю порцию душистого – с валерьяновыми каплями –
табаку, и тут увидела Марья, как на крыльцо сельмага всходит какой-то человек...
Взошел, потрогал замок и огляделся. Марья так и приросла к стулу.

– Ферпонтыч, – выдохнула она с ужасом, – гляди-ка!

Баев всмотрелся, и у него тоже от страха лицо вытянулось.

Человек на крыльце потоптался, опять потрогал замок... Слышно звякнуло железо.

– Стреляй! – тихо крикнул Баев Марье. – Стреляй!.. Через окно прямо!

Марья не шевелилась. Смотрела в окно.

– Стреляй! – опять велел Баев.

– Да как я?! В живого человека... «Стреляй»! Как?! Ты што?

Человек на крыльце поглядел на окна избушки, сошел с крыльца и направился
прямо к ним.

– Царица небесная, матушка, – зашептала Марья, – конец наступает. Прими,
господи, душеньку мою грешную...

А Баев даже и шептать не мог, а только показывал пальцем на ружье и на окно –
стреляй, дескать.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Шаги громко захрустели под окнами... Человек остановился, заглянул в окно. И тут Марья узнала его. Вскричала радостно:

– Да ведь Петька это! Петька Сибирцев!

– А чего это никого нет-то? – спросил Петька Сибирцев.

– Заходи, заходи! – помахала рукой Марья. – Вот гад-то подколодный! Я думала, у меня сейчас разрыв сердца будет. Вот черт-то полуношный! Он, наверно, с похмелья день с ночью перепутал.

Вошел Петька.

– Сейчас что, ночь, что ли? – спросил он.

– Вот идиот-то! – опять ругнулась Марья. – А ты что, за четвертинкой в сельмаг?

Петька с удивлением и горечью постигал, что теперь – ночь.

– Заспал...

Баев пришел наконец в движение, нюхнул раз-другой, не чихнул, а высморкался громко в платок.

– Да-а, – сказал он. – Пить, так уж пить – чтоб уж и время потерять: где день, где ночь.

Петька Сибирцев сел на скамеечку, потрогал голову.

– Ну надо же! – все изумлялась Марья. – А если б я стрельнула?

Петька поднял голову, посмотрел на Марью – то ли не понял, что она сказала, то ли не придавал значения ее словам.

– У него голова болит, – с сердцем посочувствовал Баев. – Эх-х... жители! – Баев стряхнул платком табачную пыль с губ, вытер глаза. – Мне сейчас внучка книжку читает: Александр Невский землю русскую защищал... Написано хорошо, но только я ни одному слову не верю там.

Марья и Петька посмотрели на старика.

– Не верю! – еще раз с силой сказал Баев. – Выдумал... и получил хорошие деньги.

– Как это? – не поняла Марья.

– Наврал, как! Не врут, что ли?

– Это же исторический факт, – сказал Петька. – Как это он мог наврать? Конечно, он, наверно, приукрасил, но это же было.

– Не было.

– Вот как! – Петька качнул больной головой. – Хм...

– С кем это он защищал-то ее? Вот с такими вот воинами, вроде тебя?

Петька опять посмотрел на старика... Но смолчал.

– Если уж сейчас с вами ничего сделать не могут – со всех концов вас воспитывают да развивают... борются всячески, – то где же тогда было набраться сознания?

Петька похлопал по карманам – поискал курево, но не обнаружил ни папирос, ни спичек.

– Пиши в газету, – посоветовал он. – Опровергай.

И встал и пошел вон из избушки.

Марья и Баев смотрели в окно, как шел Петька. Под ногами парня звонко хрустело льдистое стекло ночной замерзи, и некоторое время шаги его еще сухо шуршали, когда уж он свернул за угол, за сельмаг.

– У их, наверно, свадьба, – сказала Марья. – Сестра-то Петькина за этого вышла... за этого... Как его? Брат-то к агрономше приехал... Как его?

– Черт их теперь знает. И знать не хочу... Сброд всякий. – Баев почувствовал, что он весь вдруг ослаб, ноги особенно – как ватные сделались. Все же испугался он сильно. – Надо же так пить, чтобы день с ночью перепутать!

– Они, ночи-то, вон какие светлые. Наверно, соскочил со сна-то – видит, светло, и дунул в сельмаг.

– Это ж... он и солнце с луной спутал?

Марья засмеялась:

– Видно, гуляют крепко.

В животе у Баева затревожилось, он скоренько завинтил флакончик с табаком, спрятал его в карман, поднялся.

– Пойду. Спокойно тебе додежурить.

– Будь здоров, Фералонтыч. Приходи завтра, я завтра картошки принесу – напекем.

– Напекем, напекем, – сказал Баев. И поскорей вышел.

Марья видела, как и он тоже пересек площадь и удалился в улицу. Шел он, поторапливался, смотрел себе под ноги. И под его ногами тоже похрустывал ледок, но мягко – Баев был в валенках.

А такая была ясность кругом, такая была тишина и ясность, что как-то даже не по себе маленько, если всмотреться и вслушаться. Непокойно как-то. В груди что-то такое... Как будто подкатит что-то горячее к сердцу снизу и в виски мягко стукнет. И в ушах толчками пошумит кровь. И все, и больше ничего на земле не слышно. И висит на веревке луна.

Беспалый

Все кругом говорили, что у Сереги Безменова злая жена. Злая, капризная и дура. Все это видели и понимали. Не видел и не понимал этого только Серега. Он злился на всех и втайне удивлялся: как они не видят и не понимают, какая она самостоятельная, начитанная, какая она... Черт их знает, людей: как возьмутся языками чесать, так не остановишь. Они же не знали, какая она остроумная, озорная. Как она ходит! Это же поступь, черт возьми, это движение вперед, в ней же тогда каждая жилочка живет и играет, когда она идет. Серега особенно любил походку жены: смотрел, и у него зубы немели от любви. Он дома с изумлением оглядывал ее всю, играл желваками и потел от волнения.

– Что? – спрашивала Клара. – Мм?.. – И, играя, показывала Сереге язык. И шла в горницу, будто нарочно, чтоб еще раз показать ему, как она ходит. Серега устремлялся за ней.

...И они же еще вякали про то, что она... О деревня! Серега молил бога, чтоб ему как-нибудь не выронить из рук этот драгоценный подарок судьбы. Порой он даже страшился: по праву ли свалилось на его голову такое счастье, достоин ли он его, и нет ли тут какого недоразумения – вдруг что-нибудь такое выяснится, и ему скажут: «Э-э, друг ситный, да ты что?! Ишь захапал!»

Серега увидел Клару первый раз в больнице (она только что приехала работать медсестрой), увидел и сразу забеспокоился. Сперва он увидел только очки и носик-сапожок. И сразу забеспокоился. Это потом уж ему предстояла радость открывать в ней все новые и новые прелести. Сперва же только блестящие очки и торчал вперед носик, все остальное была – рыжая прическа. Белый халатик на ней разлетался в стороны; она стремительно прошла по коридору, бросив на ходу понурой очереди: «Кто на перевязку – заходите». И скрылась в кабинетике. Серега

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru так забеспокоился, что у него заболело сердце. Потом она касалась его ласковыми теплыми пальцами, спрашивала: «Не больно?» У Сереги кружилась голова от ее духов, он на вопросы только мотал головой – что не больно. И страх сковал его такой, что он боялся пошевелиться.

– Что вы? – спросила Клара.

Серега от растерянности опять качнул головой – что не больно. Клара засмеялась над самым его ухом... У Сереги, где-то внутри, выше пупка, зажгло... Он сморщился и... заплакал. Натурально заплакал! Он не мог понять себя и ничего не мог с собой сделать. Он сморщился, склонил голову и заскрипел зубами. И слезы закапали ему на больную руку и на ее белые пальчики. Клара испугалась: «Больно?!»

– Да иди ты!.. – с трудом выговорил Серега. – Делай свое дело. – Он приник бы мокрым лицом к этим милым пальчикам, и никто бы его не смог оттащить от них. Но страх, страх парализовал его, а теперь еще и стыд – что заплакал.

– Больно вам, что ли? – опять спросила Клара.

– Только... это... не надо изображать, что мы все тут – от фонаря работаем, – сказал Серега сердито. – Все мы, в конце концов, живем в одном государстве.

– Что-что?

Ну, и так далее.

Через восемнадцать дней они поженились.

Клара стала называть его – Серый. Ласково. Она, оказывается, была уже замужем, но муж попался «вареный какой-то», они скоро разошлись. Серега от одного того, что первый ее муж был «вареный», ходил, выпятив грудь, чувствовал в себе силу необыкновенную. Клара хвалила его.

И в это-то время, когда он не знал, что бы такое своротить от счастья, они говорили, что жена его – капризная и злая. Серега презирал их всех. Они же не знали, как она... О люди! Все иззавидовались, черти. Что такое, не могут люди спокойно выносить, когда кому-нибудь повезет.

– Вы берите пример с животного мира, – посоветовал Серега одному такому умнику. – Они же спокойно относятся, когда, например, одну какую-нибудь собачку берут в цирк выступать. Они же не злятся. Чего вы-то психуете?

– Да жалко тебя...

– Жалко у пчелки... знаешь где? Вот так.

Серега злился, понимал, что это ни к чему, глупо, и еще больше злился.

– Не обращай внимания на пустолоак, – говорила жена Клара. – Нам же хорошо, и все. Я их всех в упор не вижу.

Серега поругался с родней, что они не пришли в восторг от Клары, с дружками... Бросил совсем выпивать, купил стиральную машину и по субботам крутил бельишко в предбаннике, чтоб никто из зубоскалов не видел. Мать Сереги не могла понять: хорошо это или плохо. С одной стороны, вроде как-то не пристало мужику бабскую работу делать, с другой стороны... Шут ее знает!

– Но он же не пьет! – сказала Клара свекрови. – Чего вам еще? Он занят делом.

– Дак а ты возьми да пожалей его: возьми да сама постирай, он неделю-то наломался, ему отдохнуть надо.

– А я что, не работаю?

– Да твоя-то работа... твою-то работу рази можно сравнить с мужниной, матушка! Покрути-ка его день-деньской (Серега работал трактористом) – руки-то какие надо! Он же не двужильный.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Я сама знаю, как мне жить с мужем, – сказала на это Клара. – Вам надо, чтобы он пил?

– Зачем же?

– Ну и все. Им же делаешь хорошо, и они же еще недовольны.

– Да ведь мне жалко его, он же мне сын...

– Вам не жалко, когда они под заборами пьяные валяются? Жалко? Ну и все. И не надо больше говорить на эту тему. Ясно?

– Господи, батюшка!.. – опешила мать. – И слова не скажи. Замордовала мужика, а ей и слова не скажи.

– Хорошо, я скажу, чтобы он пошел в чайную и напился с друзьями. Вас это устраивает?

– Да чо ты извязалась с пьянкой-то! – рассердилась мать. – Он и до тебя не шибко пил, чо ты с пьянкой-то? Заладила: «пьянка, пьянка».

– Хорошо, я скажу ему, что вы не велите стирать, – объявила Клара. И даже поднялась и книжку медицинскую отложила в сторону.

Мать испугалась.

– Ладно! Сразу – «скажу». Только бы бегать жалиться.

– Хорошо, что вы предлагаете? – Клара через сильные очки прямо смотрела на свекровь. – Конкретно.

– Ничего. Только вижу я, милая, не век ты собралась с мужем жить, вот что. Если б жить думала, ты бы его берегла. А ты, как... не знаю, как ксплотаторша какая: заездила мужика. Неужели же тебе тяжело хоть воды-то натаскать! Он и так целый день там руки-то выворачивает, а придет домой – снова запрягайся. Да когда же ему отдохнуть-то, бедному?

– Повторяю: я о нем думаю. И когда мне его пожалеть, я сама знаю. Это вы тут... распустили мужчин, потом не знаете, что с ними делать.

– Господи, господа, – только и сказала мать. – Вот какие нынче пошли жены-то! Ай-яй!

Знал бы Серега про эти разговоры! У Клары хватало ума не передавать их мужу.

А Сереге это одно удовольствие – воды натаскать, бельишко простирнуть... Забежит в дом, поцелует жену в носик, подивится про себя мощному и плавному загибу ее бедер. А то попросит ее надеть белый халат.

– Ну заче-ем? – мило капризничала Клара. – Что за странности какие-то?

– Я прошу, – настаивал Серега. – Я же тогда тебя в халатике увидел, первый раз-то. Надень, погляжу: у меня вот здесь опять ворохнется. – Он показывал под сердце. – Я прошу, Кларнетик. – Он ее называл – Кларнетик. Или – Кларнет, когда надо громко позвать.

Клара надевала халат, и они баловались.

– Где болит? – спрашивала Клара.

– Вот здесь, – показывал Серега на сердце.

– Давно?

– Уже... семьдесят пять дней.

– Разрешите. – Клара прижималась ухом к Серегиной груди. Серега вдыхал запах ее крашенных волос... И снова, и снова у него чуть кружилась голова от волнения и

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru радости. Он стискивал «врача» в объятиях, искал губами ее милый носик – любил почему-то целовать в носик.

– Ну-у, – противилась Клара, – врача-то!.. – Ей, наверно, слегка уже надоели одинаковые ласки мужа.

«Господи, за что мне такое счастье! – думал Серега, выходя опять во двор к стиральному аппарату. – Я же могу не вынести так. Тронусь, чего доброго. Или ослабну вовсе».

Он не тронулся. Случилось другое, непредвиденное.

Приехал на каникулы двоюродный брат Серегин, Славка. Славка учился в большом городе в техническом вузе, родня им хвасталась, и, когда он приезжал на каникулы, дядя Николай, отец Славкин, собирал вечер. Так было уже два раза, теперь Славка перешел на третий курс. Ну, собрались опять. Позвали Серегу с Klarой.

Шло сперва все хорошо. Клара была в сиреновом платье с пышными рукавами, на груди медальон – часы на золотой цепочке, волосы отливают дорогой медью, очки блестят... Как любил ее Серега за эти очки! Осмотрится по народу, глянет на жену, и опять сердце радостью дрогнет: из всех-то она выделялась за столом, гордая сидела, умная, воспитанная – очень и очень не простая. Сереге понравилось, что и Славка тоже выделил ее из всех, переговаривался с ней через стол. Сперва так – о чем попало, а тут так вдруг интересно заговорили, что все за столом смолкли и слушали их.

– Хорошо, хорошо, – говорил Славка, улавливая ухом, что все его слушают, – мы – технократия, народ... сухой, как о нас говорят и пишут... Я бы тут только уточнил: конкретный, а не сухой, ибо все во главе угла для нас – господин Факт.

– Да, но за фактом подчас стоят не менее конкретные живые люди, – возразила на это Клара, тоже улавливая ухом, что все их слушают.

– Кто же спорит! – сдержанно, через улыбочку, пульнул технократ Славка. – Но если все время думать о том, что за фактом стоят живые люди, и делать на это бесконечные сноски, то наука и техника будут топтаться на месте. Мы же не сдвинемся с мертвой точки!

Клара, сверкая стеклом, медью и золотом, сказала на это так:

– Значит, медицина должна в основном подбирать за вами трупы? – Это она сильно выразилась; за столом стало совсем тихо.

Славка на какой-то миг растерялся, но взял себя в руки и брякнул:

– Если хотите – да! – сказал он. – Только такой ценой человечество овладеет всеми богатствами природы.

– Но это же шарлатанство, – при общей тишине негромко, с какой-то особой значительностью молвила Клара.

Славка было засмеялся, но вышло это фальшиво, он сам почувствовал. Он занервничал.

– Почему же шарлатанство? Насколько я понимаю, шарлатанство свойственно медицине. И только медицине.

– Вы имеете в виду самовольные аборты?

– Не только...

– Знахарство? Так вот, запомните раз и навсегда, – напористо, и сердито, и назидательно заговорила Клара, – что всякий, кто берется лечить даже насморк человека, но не имеет на это соответствующего права, есть потенциальный преступник. – Особенно четко и страшно выговорилось у нее это «преступник». И это – при бабках, которые всю орудовали в деревне всякими травками, настоями, отварами, это при них она так... Все смотрели на Клару. И тут понял Серега, что

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru отныне жену его будут уважать и бояться. Он ликовал. Он молился на свою очкастую богиню, хотелось заорать всем: «Что, съели?! А вякали!..» Но Серега не заорал, а опять заплакал. Черт знает, что за нервы у него! То и дело плакал. Он незаметно вытер слезы и закурил.

Славка что-то такое еще говорил, но уже и за столом заговорили тоже: Славка проиграл. К Кларе потянулись – кто с рюмкой, кто с вопросом... Один очень рослый родственник Серегин, дядя Егор, наклонился к Сереге, к уху, спросил:

– Как ее величать?

– Никаноровна. Клавдия Никаноровна.

– Клавдия Никаноровна! – забасил дядя Егор, расталкивая своим голосом другие голоса. – А, Клавдия Никаноровна!..

Клара повернулась к этому холму за столом.

– Да, я вас слушаю. – Четко, точно, воспитанно.

– А вот вы замужем за нашим... ну, родственником, а свадьбу мы так и не справили. А почему вообще-то? Не по обычаю..

Клара не задумывалась над ответами. Вообще, казалось, вот это и есть ее стихия – когда она в центре внимания и раздает направо и налево слова, улыбки... Когда все удивляются на нее, любят ее, кто и завидует исподтишка, а она все шлет и шлет и катит от себя волны духов, обаяния и культуры. На вопрос этого дяди Егора Клара чуть прогнула в улыбке малиновые губы... Скользнула взглядом по технократу Славке и сказала, не дав даже договорить дяде Егору:

– Свадьба – это еще не знак качества. Это, – Клара подняла над столом руку, показала всем золотое кольцо на пальце, – всего лишь символ, но не гарантия. Прочность семейной жизни не исчисляется количеством выпитых бутылок.

Ну, она разворачивалась сегодня! Даже Серега не видел еще такой свою жену. Нет, она была явно в ударе. На дядю Егора, как на посрамленного бестактного человека, посыпалось со всех сторон:

– Получил? Вот так.

– Что, Егорша: спроть шерсти? Хх-э!..

– С обычаем полез! Тут без обычая отбреют так, што... На, закуси лучше.

Серега – в безудержной радости и гордости за жену – выпил, наверно, лишнего. У него выросли плечи так, что он мог касаться ими противоположных стен дома; радость его была велика, хотелось обнимать всех подряд и целовать. Он плакал, хотел петь, смеялся... Потом вышел на улицу, подставил голову под ручкомойник, облился и ушел за угол, под навес, – покурить и обсохнуть. Темнеть уже стало, ветерок дергал. Серега скоро отошел на воздухе и сидел, думал. Не думал, а как-то отдыхал весь – душой и телом. Редкостный, чудный покой слетел на него: он как будто куда-то плыл, повинувшись спокойному, мощному току времени. И думалось просто и ясно: «Вот – живу хорошо».

Вдруг он услышал два торопливых голоса на крыльце дома; у него больно екнуло сердце: он узнал голос жены. Он замер. Да, это был голос Клары. А второй – Славкин. Над навесом была дощатая перегородка, Славка и Клара подошли к ней и стали. Получилось так: Серега сидел по одну сторону перегородки, спиной к ней, а они стояли по другую сторону... То есть это так близко, что можно было услышать стук сердца чужого, не то что голоса, или шепот, или возню какую. Вот эта-то близость – точно он под кроватью лежал – так поначалу ошарашила, оглушила, что Серега не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Чиженька мой, – ласково, тихо – так знакомо! – говорила Клара, – да что же ты торопишься-то? Дай я тебя... – Чмок-чмок. Так знакомо! Так одинаково! Так близко... – Славненький мой. Чудненький мой... – Чмок-чмок. – Сладенький...

Они там слегка возились и толкали Серегу. Славка что-то торопливо бормотал,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
что-то спрашивал – Серега пропускал его слова, – Клара тихо смеялась и говорила:

– Сладенький мой... Куда, куда? Ах ты, шалунишка! Поцелуй меня в носик.

«Так вот это как бывает, – с ужасом, с омерзением, с болью постигал Серега. – Вот как!» И все живое, имеющее смысл, имя, – все ухнуло в пропасть, и стала одна черная яма. И ни имени нет, ни смысла – одна черная яма. «Ну, теперь все равно», – подумал Серега. И шагнул в эту яму.

– Кларнети-ик, это я, Серый, – вдруг пропел Серега, как будто он рассказывал сказку и подступил к моменту, когда лисичка-сестричка подошла к домику петушка и так вот пропела. – Ау-у! – еще спел Серега. – А я вас сейчас буду убива-ать.

Дальше все пошло мелькать, как во сне: то то видел Серега, то это... То он куда-то бежал, то кричали люди. Ни тяжести своей, ни плоти Серега не помнил. И как у него в руке очутился топор, тоже не помнил. Но вот что он запомнил хорошо: как Клара прыгала через прясло. Прическа у Клары сбилась, волосы растрепались; когда она махнула через прясло, ее рыжая грива вздыбилась над головой... Этаким огнем метнулся. И этот-то летящий момент намертво схватила память. И когда потом Серега вспоминал бывшую свою жену, то всякий раз в глазах вставала эта картина – полет, и было смешно и больно.

В тот вечер все вдруг отшумело, отмелькало... Куда-то все подевались. Серега остался один с топором... Он стал все сознавать, стало нестерпимо больно. Было так больно, даже дышать было трудно от боли. «Да что же это такое-то! Что же делается?» – подумал Серега... Положил на жердину левую руку и ткнул топором по пальцам. Два пальца – указательный и средний – отпали. Серега бросил топор и пошел в больницу. Теперь хоть куда-то надо идти. Руку замотал рубахой, подолом.

С тех пор его и прозвали на селе – Беспальный.

Клара уехала в ту же ночь; потом ей куда-то высылали документы: трудовую книжку, паспорт... Славка тоже уехал и больше на каникулы не приезжал. Серега по-прежнему работает на тракторе, орудует этой своей культей не хуже прежнего. О Кларе никогда ни с кем не говорит. Только один раз поругался с мужиками.

– Говорили тебе, Серьга: злая она...

– Какая она злая-то?! – вдруг вскипел Серега. – При чем тут злая-то?

– А какая она? Добрая, что ли?

– Да при чем тут – добрая, злая? В злости, что ли, дело?

– А в чем же?

– Ни в чем! Не знаю, в чем... Но не в злости же дело. Есть же другие какие-то слова... Нет, заталдычили одно: злая, злая. Может, наоборот, добрая: брату хотела помочь.

– Серьга, – поинтересовались, – а вот ты же это... любил ее... А если б сейчас приехала, простил бы?

Серега промолчал на это. Ничего не сказал.

Тогда мужики сами принялись рассуждать.

– Что она, дура, что ли, – приедет.

– А что? Подумает – любил...

– Ну, любил, любил. Он любил, а она не любила. Она уже испорченный человек – на одном все равно не остановится. Если смолodu человек испортился, это уже гиблое дело. Хоть мужика возьми, хоть бабу – все равно. Она иной раз и сама не хочет, а делает.

– Да, это уж только с середины загнить, а там любой ветерок пошатнет.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Воли им дали много! – с сердцем сказал Костя Бибилов, невзрачный мужичок, но очень дерзкий на слово. – Дед Иван говорит: сейчас хорошо живется бабе да корове, а коню и мужику плохо. И верно. Воли много, они и распустились. У Игнахи вон Журавлева – тоже: напилась дура, опозорила мужика – вел ее через всю деревню. А потом на его же: «А зачем пить много разрешал!» Вот как!..

– А молодые-то!.. Юбки эти возьми – посмотришь, иде-от... Тьфу!

Сергея сидел в сторонке, больше не принимал участия в разговоре. Покусывал травинку, смотрел вдаль куда-то. Он думал: что ж, видно, и это надо было испытать в жизни. Но если бы еще раз налетела такая буря, он бы опять растопырил ей руки – пошел бы навстречу. Все же, как ни больно было, это был праздник. Конечно, где праздник, там и похмелье, это так... Но праздник-то был? Был. Ну и все.

Мнение

Некто Кондрашин, Геннадий Сергеевич, в меру полненький гражданин, голубоглазый, слегка лысеющий, с надменным, несколько даже брезгливым выражением на лице, в десять часов без пяти минут вошел в подъезд большого глазастого здания, взял в окошечке ключ под номером 208, взбежал, поигрывая обтянутым задком, на второй этаж, прошел по длинному коридору, отомкнул комнату номер 208, взял местную газету, которая была вложена в дверную ручку, вошел в комнату, повесил пиджак на вешалку и, чуть подпернув у колен белые отглаженные брюки, сел к столу. И стал просматривать газету. И сразу наткнулся на статью своего шефа, «шефуни», как его называли молодые сотрудники. И стал читать. И по мере того, как он читал, брезгливое выражение на его лице усугублялось еще насмешливостью.

– Боженька мой! – сказал он вслух. Взялся за телефон, набрал внутренний трехзначный номер.

Телефон сразу откликнулся:

– Да. Яковлев.

– Здравствуй! Кондрашин. Читал?

Телефон чуть помедлил и ответил со значительностью, в которой тоже звучала насмешка, но скрытая:

– Читаю.

– Заходи, общемся.

Кондрашин отодвинул телефон, вытянул тонкие губы трубочкой, еще пошуршал газетой, бросил ее на стол – небрежно и подальше, чтоб видно было, что она брошена и брошена небрежно... Поднялся, походил по кабинету. Он, пожалуй, слегка изображал из себя кинематографического американца: все он делал чуть размашисто, чуть небрежно... Небрежно взял в рот сигарету, небрежно щелкнул дорогой зажигалкой, издав небрежно бросил пачку сигарет на стол. И предметы слушались его: ложились, как ему хотелось, – небрежно, он делал вид, что он не отмечает этого, но он отмечал и был доволен.

Вошел Яковлев.

Они молча – небрежно – пожали друг другу руки. Яковлев сел в кресло, закинул ногу на ногу, при этом обнаружили его красивые носки.

– А? – спросил Кондрашин, кивнув на газету. – Каков? Ни одной свежей мысли, болтовня с апломбом. – Он, может быть, и походил бы на американца, этот Кондрашин, если бы нос его, вполне приличный нос, не заканчивался бы вдруг таким тамбовским лапоточком, а этот лапоточек еще и – совсем уж некстати – слегка розовел, хотя лицо Кондрашина было сытым и свежим.

– Не говори, – сказал Яковлев, джентльмен попроще. И качнул ногой.

– Черт знает!.. – воскликнул Кондрашин, продолжая ходить по кабинету и попыхивая сигаретой. – Если нечего сказать, зачем тогда писать?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Откликнулся. Поставил вопросы..

– Да вопросов-то нет! Где вопросы-то?

– Ну как же? Там даже есть фразы: «Мы должны напрячь все силы...», «Мы обязаны в срок...»

– О да! Лучше бы уж он напрягался в ресторане – конкретнее хоть. А то именно – фразы.

– В ресторане – это само собой, это потом.

– И ведь не стыдно! – изумлялся Кондрашин. – Все на полном серьезе... Хоть бы уж попросил кого-нибудь, что ли. Одна трескотня, одна трескотня, ведь так даже для районной газеты уже не пишут. Нет, садится писать! Вот же Долдон Иваныч-то.

– Черт с ним, чего ты волнуешься-то? – искренне спросил Яковлев. – Дежурная статья...

– Да противно все это.

– Что ты, первый год замужем, что ли?

– Все равно противно. Бестолково, плохо, а вид-то, посмотри, какой, походка одна чего стоит. Тыфу!.. – И Кондрашин вполне по-русски помянул «мать». – Ну почему?! За что? Кому польза от этого надутого дурака. Бык с куриной головой...

– Что ты сегодня? – изумился теперь Яковлев. – Какая тебя муха укусила? Неприятности какие-нибудь?

– Не знаю.. – Кондрашин сел к столу, закурил новую сигарету. – Нет, все в порядке. Черт ее знает, просто взбесила эта статья. Мы как раз отчет готовим, не знаешь, как концы с концами свести, а этот, – Кондрашин кивнул на газету, – дует свое.. Прямо по морде бы этой статьей, по морде бы!..

– Да, – только и сказал Яковлев.

Оба помолчали.

– У Семена не был вчера? – спросил Яковлев.

– Нет. Мне опять гостей бог послал..

– Из деревни?

– Да-а.. Моя фыркает ходит, а что я сделаю? Не выгонишь же.

– А ты не так. Ты же Ожогина знаешь?

– Из горкомхоза?

– Да.

– Знаю.

– Позвони ему, он гостиницу всегда устроит. Я, как ко мне приезжают, сразу звоню Ожогину – и ниск проблем.

– Да неудобно.. Как-то, знаешь, понятия-то какие! Скажут: своя квартира есть, а устраивает в гостиницу. И тем не объяснишь, и эта.. вся испсиховалась. Вся зеленая ходит. Вежливая и зеленая.

Яковлев засмеялся, а за ним, чуть помедлив, и Кондрашин усмехнулся.

С тем они и расстались. Яковлев пошел к себе, а Кондрашин сел за отчет.

Через час примерно Кондрашину позвонили. От «шефуни».

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Дмитрий Иванович просит вас зайти, – сказал в трубку безучастный девичий голосок.

– У него есть кто-нибудь? – спросил Кондрашин.

– Начальник отдела кадров, но они уже заканчивают. После него просил зайти вас.

– Хорошо, – сказал Кондрашин. Положил трубку, подумал: не взять ли с собой чего, чтобы потом не бегать. Поперебирал бумаги, не придумал, что брать... Надел пиджак, поправил галстук, сложил губы трубочкой – привычка такая, эти губы трубочкой: вид сразу становился деловой, озабоченный и, что очень нравилось Кондрашину в других, вид человека, настолько погруженного в свои мысли, что уж и не замечались за собой некоторые мелкие странности вроде этой милой ребячьей привычки, какую он себе подобрал, – губы трубочкой, и, выйдя из кабинета, широко и свободно пошагал по коридору... Взбежал опять по лестнице на третий этаж, бесшумно, вольно, с удовольствием прошел по мягкой ковровой дорожке, смело распахнул дверь приемной, кивнул хорошенькой секретарше и вопросительно показал пальцем на массивную дверь «шефуни».

– Там еще, – сказала секретарша. – Но они уже заканчивают.

Кондрашин свободно опустился на стул, приобнял рукой спинку соседнего стула и легонько стал выстукивать пальцами по гладкому дереву некую мягкую дробь. При этом сосредоточенно смотрел перед собой – губы трубочкой, брови чуть сдвинуты к переносью – и думал о секретарше и о том помпезном уюте, каким издавна окружают себя все «шефы», «шефуни», «надшефы» и даже «подшефы». Вообще, ему нравилась эта представительность, широта и некоторая чрезмерность обиталища «шефов», но, например, Долдон Иваныч напрочь не умеет всем этим пользоваться: вместо того, чтобы в этой казенной роскоши держаться просто, доступно и со вкусом, он надувается как индюк, важничает. О секретарше он подумал так: никогда, ни с какой секретаршей он бы ни в жизнь не завел ни самого что ни на есть пустого романа. Это тоже... долдонство: непременно валандаться с секретаршами. Убогость это, неуклюжесть. Примитивность. И всегда можно погореть...

Дверь кабинета неслышно открылась... Вышел начальник отдела кадров. Они кивнули друг другу, и Кондрашин ушел в дерматиновую стену.

Дмитрий Иванович, «шефуня», был мрачноват с виду, горбился за столом, поэтому получалось, что он смотрит исподлобья. Взгляд этот пугал многих.

– Садитесь, – сказал Дмитрий Иванович. – Читали? – И пододвинул Кондрашину сегодняшнюю областную газету.

Кондрашин никак не ждал, что «шефуня» прямо с этого и начнет – с газеты. Он растерялся... Мысли в голове разлетелись, точно воробьи, вспугнутые камнем. Хотел уж соврать, что не читал, но вовремя сообразил, что это хуже... Нет, это хуже.

– Читал, – сказал Кондрашин. И на короткое время сделал губы трубочкой.

– Хотел обсудить ее до того, как послать в редакцию, но оттуда позвонили – срочно надо. Так вышло, что не обсудил. Просил их подождать немного, говорю: «Мои демократы мне за это шею намылят». Ни в какую. Давайте, говорите теперь – постфактум. Мне нужно знать мнение работников.

– Ну, это понятно, почему они торопились, – начал Кондрашин, глядя на газету. Он на секунду-две опять сделал губы трубочкой... И посмотрел прямо в суровые глаза «шефуни». – Статья-то именно сегодняшняя. Она сегодня и нужна.

– То есть? – не понял Дмитрий Иванович.

– По духу своему, по той... как это поточнее – по той деловитости, конкретности, по той простоте, что ли, хотя там все не просто, именно по духу своему она своевременна. И современна. – Кондрашин так смотрел на грозного «шефуню» – простодушно, даже как-то наивно, точно в следующий момент хотел спросить: «А что, кому-нибудь неясно?»

– Но ведь теперь же все с предложениями высовываются, с примерами...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Так она вся – предложение! – перебил начальника Кондрашин. – Она вся, в целом, предлагает... зовет, что ли, не люблю этого слова, работать не так, как мы вчера работали, потому что на дворе у нас – одна тысяча девятьсот семьдесят второй. Что касается примеров... Пример – это могу я двинуть, со своего, так сказать, места, но где же тогда обобщающая мысль? Ведь это же не реплика на совещании, это статья. – И Кондрашин приподнял газету над столом и опустил.

– Вот именно, – сказал «шефуня». – Примеров у меня – вон, полный стол. – И он тоже приподнял какие-то бумаги и бросил их.

– Пусть приходят к нам в отделы – мы их завалим примерами, – еще сказал Кондрашин.

– Как с отчетом-то? – спросил Дмитрий Иванович.

– Да ничего... Все будет в порядке.

– Вы там смотрите, чтоб липы не было, – предупредил Дмитрий Иванович. – Консультируйтесь со мной. А то наворочаете...

– Да ну, что мы... первый год замужем, что ли? – Кондрашин улыбнулся простецкой улыбкой.

– Ну-ну, – сказал Дмитрий Иванович. – Хорошо. – И кивнул головой. И потянулся к бумагам на столе.

Кондрашин вышел из кабинета.

Секретарша вопросительно и, как показалось Кондрашину, с ехидцей глянула на него. Спросила:

– Все хорошо?

– Да, – ответил Кондрашин. И подумал, что, пожалуй, с этой дурочкой можно бы потихоньку флиртануть – так, недельку потратить на нее, потом сделать вид, что ничего не было. У него это славно получалось.

Он даже придержал шаг, но тут же подумал: «Но это ж деньги, деньги!..» И сказал:

– Вы сегодня выглядите на сто рублей, Наденька.

– Да уж... прямо, – застеснялась Наденька.

«Совсем дура, – решил Кондрашин. – Зеленая».

И вышел из приемной. И пошел по ковровой дорожке... По лестнице на второй этаж не сбежал, а сошел медленно. Шел и крепко прихлопывал по гладкой толстой периле ладошкой. И вдруг негромко, зло, остервенело о ком-то сказал:

– Кр-ретины.

Страдания молодого Ваганова

Молодой выпускник юридического факультета, молодой работник районной прокуратуры, молодой Георгий Константинович Ваганов был с утра в прекрасном настроении. Вчера он получил письмо... Он, трижды молодой, ждал от жизни всего, но этого письма никак не ждал. Была на их курсе Майя Якутина, гордая девушка с точеным лицом. Ваганова – ни тогда, на курсе, ни после, ни теперь, когда хотелось мысленно увидеть Майю, – не оставляло навязчивое какое-то, досадное сравнение: Майя похожа на деревянную куклу, сделанную большим мастером. Но именно это, что она похожа на куколку, на изящную куколку, необъяснимым образом влекло и подсказывало, что она же – женщина, способная сварить борщ и способная подарить радость, которую никто больше не в состоянии подарить, то есть она женщина, как все женщины, но к тому же изящная, как куколка. Георгий Ваганов хотел во всем разобраться, а разбираться тут было нечего: любил он эту Майю Якутину. С их курса ее любили четыре парня; все остались с носом. На последнем курсе Майя вышла замуж за какого-то, как прошла весть, талантливого физика. Все решили: ну да, хорошенькая, да еще и с расчетом. Они все так, хорошенькие-то. Но винить или обижаться на Майю Ваганов не мог: во-первых, никакого права не имел

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru на это, во-вторых... за что же винить? Ваганов всегда знал: Майя не ему чета. Жалко, конечно, но... А может, и не жалко, может, это и к лучшему: получи он Майю, как дар судьбы, он скоро пошел бы с этим даром на дно. Он бы моментально стал приспособленцем: любой ценой захотел бы остаться в городе, согласился бы на роль какого-нибудь мелкого чиновника... Не привязанный, а повизгивал бы около этой Майи. Нет, что ни делается – все к лучшему, это верно сказано. Так Ваганов успокоил себя, когда понял окончательно, что не видать ему Майи как своих ушей. Тем он и успокоился. То есть ему казалось, что успокоился. Оказывается, в таких делах не успокаиваются. Вчера, когда он получил письмо и понял, что оно – от Майи, он сперва глазам своим не поверил. Но письмо было от Майи... У него так заколотилось сердце, что он всерьез подумал: «Вот так, наверно, падают в обморок». И ничуть этого не испугался, только ушел с хозяйской половины дома к себе в горницу. Он читал его, обжигаясь сладостным предчувствием, он его гладил, смотрел на свет, только что не целовал – целовать совестно было, хотя сгоряча такое движение – исцеловать письмо – было. Ваганов вырос в деревне с суровым отцом и вечно занятой, вечно работающей матерью, ласки почти не знал, стыдился ласки, особенно почему-то – поцелуев.

Майя писала, что ее семейная жизнь «дала трещину», что она теперь свободна и хотела бы использовать свой отпуск на то, чтобы хоть немного повидать страну – поездить. В связи с этим спрашивала: «Милый Жора, вспомни нашу старую дружбу, встреть меня на станции и позволь пожить у тебя с неделю – я давно мечтала побывать в тех краях. Можно?» Дальше она еще писала, что у нее была возможность здорово переосмыслить свою жизнь и жизнь вокруг, что она теперь хорошо понимает, например, его, Жоркино, упорство в учебе и то, с какой легкостью он, Жорка, согласился ехать в такую глухомань... «Ну-ну-ну – легче, матушка, легче, – с удовлетворением думал молодой Ваганов. – Подожди пока цыпляток считать».

Вот с этим-то письмом в портфеле шел сейчас к себе на работу молодой Ваганов. Предстояло или на работе, если удастся, или дома вечером дать ответ Майе. И он искал слова и обороты, какие должны быть в его письме, в письме простом, великодушном, умном. Искал он такие слова, находил, отвергал, снова искал... А сердце нет-нет да подмоет: «Неужели же она моей будет? Ведь не страну же она, в самом деле, едет повидать, нет же. Нужна ей эта страна, как...»

Целиком занятый решением этой волнующей загадки в своей судьбе, Ваганов прошел в кабинет, сразу достал несколько листов бумаги, приготовился писать письмо. Но тут дверь кабинета медленно, противно заняла... В проем осторожно просунулась стриженная голова мужчины, которого он мельком видел сейчас в коридоре на диване.

– Можно к вам?

Ваганов мгновение помедлил и сказал, не очень стараясь скрыть досаду:

– Входите.

– Здравствуйте. – Мужчине этак под пятьдесят, поджарый, высокий, с длинными рабочими руками, которые он не знал куда девать.

– Садитесь, – велел Ваганов. И отодвинул листы в сторону.

– Я тут... это... характеристику принес, – сказал мужчина. И, обрадовавшись, что нашел дело рукам, озабоченно стал доставать из внутреннего кармана пиджака нечто, что он называл характеристикой.

– Какую характеристику?

– На жену. Они тут на меня дело заводят... А я хочу объяснить...

– Вы Попов?

– Ага.

– А что вы объяснять-то хотите? Вы объясните, почему вы драку затеяли? Почему избili жену и соседа? При чем тут характеристика-то?

Попов уже достал характеристику и стоял с ней посреди кабинета. Когда-то он, наверно, был очень красив. Он и теперь еще красив: чуть скуласт, нос хищно

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru выгнут, лоб высокий, чистый, взгляд прямой, честный... Но, конечно, помят, несвеж, вчера выпил изрядно, с утра кое-как побрился, наспех ополоснулся... Эхма!

– Ну-ка, дайте характеристику.

Попов подал два исписанных тетрадных листка, отшагнул от стола опять на середину кабинета и стал ждать. Ваганов побежал глазами по неровным строчкам... Он уже оставил это занятие – веселиться, читая всякого рода объяснения и жалобы простых людей. Как думают, так и пишут, ничуть это не глупее какой-нибудь фальшивой гладкописи, честнее, по крайней мере.

Ваганов дочитал.

– Попов... это ведь не меняет дела.

– Как не меняет?

– Не меняет. Вот вы тут пишете, что она такая-то и такая-то – плохая. Допустим, я вам поверил. Ну и что?

– Как же? – удивился Попов. – Она же меня нарочно посадила! На пятнадцать суток-то. Посадила, а сама тут с этим... Я же знаю. Мне же Колька Королев все рассказал. Да я и без Кольки знаю... Она мне сама говорила.

– Как говорила?

– Говорила! – воскликнул доверчиво Попов. – Тебя, говорит, посажу, а сама тут поживу с Мишкой.

– Да ну... Что, так прямо и говорила?

– Да в том-то и дело! – опять воскликнул Попов. И даже сел, раз уж разговор пошел не официальный, а нормальный мужской. – Тебя, говорит, посажу, а сама – назло тебе – поживу с Мишкой.

– Она именно «назло» и говорила?

– Да нет! Я же знаю ее!.. И Мишаню этого знаю – сроду от чужого не откажется. Все, что я там написал, я за все головой ручаюсь. Жили, собаки! На другой же день стали жить. Их Колька Королев один раз прихватил...

– Ну не знаю... – Молодой Ваганов в самом деле не знал, как тут быть: похоже, мужик говорит всю горькую правду. – Тогда уж разводиться, что ли, надо?

– А куда я пойду – разведусь-то? Она же дом отсудит? Отсудит. Да и это... ребятишки еще не оперились, жалко мне их...

– Сколько у вас?

– Трое. Меньшому только семь, я люблю его до смерти... Мне на стороне не сдюжить – вовсе сопьюсь.

– Ну, слушайте!.. – с раздражением сказал Ваганов. – Вы уж прямо как... паралитик какой: «не сдюжу», «сопьюсь». Ну а как быть-то? Ну, представьте себе, что вы вот не с жалобой пришли, не к начальству, а... к товарищу. Вот я вам товарищ, и я не знаю, что посоветовать. Сможешь с ней жить после этого – живи, не сможешь...

– Смогу, – твердо сказал Попов. – Черт с ней, что она хвостом раз-другой вильнула. Только пусть это больше не повторяется. Я сам виноватый: шумлю много, не шибко ласковый... Если б был маленько поласковой, она, может, не додумалась бы до этого.

– Так живи!

– Живи... Они же посадить хотят. И посадят, у их свидетелей полно, медицинские кспертизы обои прошли... Года три впаяют.

– Что же ты хочешь-то, я не пойму?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Чтоб они закрыли дело.

– А характеристика-то зачем?

– А чтоб навстречу тоже бумаги двинуть. Может, посмотрят, какие они сами-то хорошие, и закроют дело. Они же сами кругом виноватые! Ты гляди-ка, посадить человека, а самой тут... Ну, не зараза она после этого!

– Здорово избил-то?

– Да где здорово! Шуму больше, крику...

– А без битья уж не мог?

Попов виновато опустил голову, погладил широкой коричневой ладонью свое колено.

– Не сдюжил...

– Опять не сдюжил! Ах ты, господи, – какие ведь мы несдюжливые! – Ваганов встал из-за стола, прошелся по кабинету. Зло брало на мужика, и жалко его было. Причем тот нисколько не бил на жалость, это Ваганов, даже при своем небольшом еще опыте, научился различать: когда нарочно стараются разжалобить, и делают это иногда довольно искусно. – Ведь если б ты сдюжил и спокойно подал на развод, то еще посмотрели бы, как вас рассудить: возможно, что и... Впрочем, что же теперь об этом?

– Да, чего уж, – согласился Попов.

Некоторое время они молчали.

«Ну что вот делать? – думал Ваганов. – Посадят ведь дурака. Как ни веди дело, а... Эхма!»

– Как вы поженились-то?

– Как?... Обыкновенно. Я с войны пришел, она тут продавцом в сельпе работала... Ну – сошлись. Я ее и раньше знал.

– Вы здешний?

– Здешний. Только у меня родных тут никого не осталось: мать с отцом ишо до войны померли – угорели, старших братьев обоих на войне убило, две тетки были, тоже померли. Племянники, какие были, в городах где-то, я даже не знаю где.

– А жена где сейчас?

Попов вопросительно посмотрел на следователя.

– Где работает, что ли? Там же, в сельпе.

– На работе сейчас?

– На работе.

– Тебя кто научил с характеристикой-то?

– Никто, сам. Нет, говорили мужики: надо, мол, навстречу бумаги какие-нибудь двинуть... Я подумал... чего двинуть? Написал вот...

– Хорошо, оставь ее мне. Иди. Я попробую с женой поговорить.

Попов поднялся... Хотел что-то еще сказать или спросить, но только посмотрел на Ваганова, кивнул послушно головой и осторожно вышел.

Ваганов, оставшись один, долго стоял, смотрел на дверь. Потом сел, посмотрел на белые листы бумаги, которые он заготовил для письма. Спросил:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Ну что, Майя? Что будем делать? – Подождал, что под сердцем шевельнется нежность и окатит горячим, но горячим почему-то не окатило. – Фу ты, черт! – с досадой сказал Ваганов. И дальше додумал: «Вечером напишу».

Уборщица прокуратуры сходила за Поповой в сельпо – это было рядом.

Ваганов просмотрел пока «бумаги», обвиняющие Попова. Да, люди вели дело к тому, чтоб мужика непременно посадить. И как бойко, как грамотно все расписано! Нашелся и писарь. Ваганов пододвинул к себе «характеристику» Попова, еще раз прочитал. Смешной и грустный человеческий документ... Это, собственно, не характеристика, а правдивое изложение случившегося. «Пришел я, бритый, она лежит, как удав на перине. Ну, говорю, рассказывай, как ты тут без меня опять скурвилась? Она видит, дело плохо, давай базланить. Я ее жогнул разок: ты можешь потише, мол? Она вырвалась и – не куда-нибудь побежала, не к родным – к Мишке опять же дунула. Тут у меня вовсе сердце зашло, я не сдюжил...»

Попова, миловидная еще женщина лет сорока, не робкая, с замашками продавцовской фамильярности, сразу показала, что она закон знает: закон охраняет ее.

– Вы представляете, товарищ Ваганов, житья нет: как выпьет, так начинает хулиганить. К какому-то Мишке меня приревновал!.. Дурак необтесанный.

– Да, да... – Ваганов подхватил фамильярный тон бойкой женщины и поманил ее дальше. – Безобразник. Что он, не знает, что сейчас за это – строго! Забыл.

– Он все на свете забыл! Ничего – спомнит. Дадут года три – спомнит, будет время.

– Дети вот только... без отца-то – ничего?

– А что? Они уж теперь большие. Да потом, такого отца иметь – лучше не иметь.

– Он всегда такой был?

– Какой?

– Ну, хулиганил, дрался?..

– Нет, раньше выпивал, но потише был. Это тут – к Михайле-то приревновал... С прошлого года начал. Да еще грозит! Грозит, Георгий Константиныч: прирежу, говорит, обоих.

– Так, так. А кто такой этот Михайло-то?

– Да сосед наш, господи! В прошлом годе приехали... Шофером в сельпо работает.

– Он что, одинокий?

– Да они так: переехать-то сюда переехали, а там дом тоже не продали. Жене его тут не глянется, а Михайле глянется. Он рыбак заядлый, а тут у нас рыбачить-то хорошо. Вот они на два дома и живут. И там огород посажен, и здесь... Вот она и успеват-ездит, жена-то его: там огород содырживат и здесь – жадничат в основном.

– Так, так... – Ваганов вовсе убедился, что прав Попов: изменяет ему жена. Да еще и нагло, с потерей совести. – Вот он тут пишет, что, дескать, вы ему прямо сказали: «Тебя посажу, а сама тут с Мишкой поживу». – В «характеристике» не было этого, но Ваганов вспомнил слова Попова и сделал вид, что прочитал. – Было такое?

– Это он так написал?! – громко возмутилась Попова. – Нахалюга! Надо же!.. – Женщина даже посмеялась. – Ну надо же!

– Врет?

– Врет!

«Да, уверенная бабочка, – со злостью уже думал Ваганов. – Ну нет, так просто я

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
вам мужика не отдам».

– Значит, сажать?

– Надо сажать, Георгий Константинович, ничего не сделаешь. Пусть посидит.

– А не жалко? – невольно вырвалось у Ваганова.

Попова насторожилась... Вопросительно посмотрела на молодого следователя, улыбнулась заискивающе.

– В каком смысле? – спросила она.

– Да я так, – уклонился Ваганов. – Идите. – Он пристально посмотрел на женщину.

Женщина сказала «ага», поднялась, прошла к двери, обернулась, озабоченная... Ваганов все смотрел на нее.

– Я забыл спросить: почему у вас так поздно дети появились?

Женщина вовсе растерялась. Не от вопроса этого, а от того, как на ее глазах изменился следователь: тон его, взгляд его... От растерянности она пошла опять к столу и села на стул, где только что сидела.

– А не беременела, – сказала она. – Что-то не беременела, и все. А потом забеременела. А что?

– Ничего, идите, – еще раз сказал Ваганов. И положил руку на «бумаги». – Во всем... – он подчеркнул это «во всем», – во всем тщательно разберемся. Суд, возможно, будет показательный, строгий: кто виноват, тот и ответит. До свидания.

Женщина направилась к выходу... Уходила она не так уверенно, как вошла.

– Да, – вспомнил еще следователь, – а кто такой... – он сделал вид, что поискал в «бумаге» Попова забытое имя свидетеля, хоть там этого имени тоже не было, – кто такой Николай Королев?

– Господи! – воскликнула женщина у двери. – Королев-то? Да собутыльник первый моего-то, кто ему поверит-то?! – Женщина была сбита с толку. Она даже в голосе поддала.

– Он что, зарегистрирован как алкоголик? Королев-то?

Женщина хотела опять вернуться к столу и рассказать подробно про Королева: видно, и она понимала, что это наиболее уязвимое место в ее наступательной позиции.

– Да кто у нас их тут регистрирует-то, товарищ Ваганов! Они просто дружки с моим-то, вместе на войне были...

– Ну, хорошо, идите. Во всем разберемся.

Он наткнулся взглядом на белые листы бумаги, которые ждали его... Задумался, глядя на эти листы. Майя... Далекое имя, весеннее имя, прекрасное имя... Можно и начать наконец писать слова красивые, сердечные – одно за одним, одно за одним – много! Все утро сегодня сладостно зудилось: вот сядет он писать... И будет он эти красивые, оперенные слова пускать, точно легкие стрелы с тетивы – и втыкать, и втыкать их в точеную фигурку далекой Майи. Он их навтыкает столько, что Майя вскрикнет от неминуемой любви... Пробьет он ее деревянное сердечко, думал Ваганов, достанет – где живое, способное любить просто так, без расчета. Но вот теперь вдруг ясно и просто подумалось: «А может она так? Способна она так любить?» Ведь если спокойно и трезво подумать, надо спокойно и трезво же ответить себе: вряд ли. Не так росла, не так воспитана, не к такой жизни привыкла... Вообще не сможет, и все. Вся эта история с талантливым физиком... Черт ее знает, конечно! С другой стороны, объективности ради, надо бы больше знать про все это – и про физика, и как у них все началось, и как кончилось. «Э-э, – с досадой подумал про себя Ваганов, – повело тебя, милый: заегозил. Что случилось-то? Прошла перед глазами еще одна бестолковая история неумелой жизни... Ну? Мало ли их прошло уже и сколько

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru еще пройдет! Что же, каждую примерять к себе, что ли? Да и почему – что за чушь! – почему какой-то мужик, чувствующий только свою беззащитность, и его жена, обнаглевшая, бессовестная, чувствующая, в отличие от мужа, полную свою защищенность, почему именно они, со своей житейской неумностью, должны подсказать, как ему решать теперь такое – такое! – в своей не простой, не маленькой, как хотелось и думалось, жизни?» Но вышло, что именно после истории Поповых у Ваганова пропало желание «обстреливать» далекую Майю. Утренняя ясность и взволнованность потускнели. Точно камнем в окно бросили – все внутри встревожилось, сжалось... «Вечером напишу, – решил Ваганов. – Дурацкое дело – наверно, по молодости – работу мешать с личным настроением. Надо отмежеваться. Надо проще».

Вечером Ваганов закрылся в горнице, выключил радио и сел за стол – писать. Но неотвязно опять стояли перед глазами виноватый Попов и его бойкая жена. Как проклятие, как начало помешательства... Ваганов уж и ругал себя обидными словами, и рассуждал спокойно, логично... Нет! Стоят, и все, в глазах эти люди. Даже не они сами, хоть именно их Ваганов все время помнил, но не они сами, а то, что они выложили перед ним, – вот что спутало мысли и чувства. «Ну, хорошо, – вконец обзлился на себя Ваганов, – если уж ты трус, то так и скажи себе – трезво. Ведь вот же что произошло: эта Попова непостижимым каким-то образом укрепила тебя в потаенной мысли, что и Майя – такая же, в сущности, профессиональная потребительница, эгоистка, только одна действует тупо, просто, а другая умеет и имеет к тому неизмеримо больше. Но это-то и хуже – мучительнее убьет. Ведь вот же что ты здесь почуял, какую опасность. Тогда уж так прямо и скажи: «Все они одинаковы!» – и ставь точку, не начав письма. И трусь, и рассуждай дальше – так безопаснее. Крючок конторский!»

Ваганов долго сидел неподвижно за столом... Он не шутя страдал. Он опять придвинул к себе лист бумаги, посидел еще... Нет, не поднимается рука писать, нету в душе желанной свободы. Нет уверенности, что это не глупость, а есть там тоже, наверно врожденная, трусость: как бы чего не вышло! Вот же куда все уперлось, если уж честно-то, если уж трезво-то. «Плебей, сын плебея! Ну, ошибись, наломай дров... Если уж пробивать эту толщу жизни, то не на карачках же! Не отнимай у себя трезвого понимания всего, не строй иллюзий, но уж и так-то во всем копать... Это же тоже – пакость, мелкость. Куда же шагать с такой нищей сумой! Давай будем писать. Будем писать не поэму, не стрелы будем пускать в далекую Майю, а скажем ей так: что привезешь, голубушка, то и получишь. Давай так».

...Часам к четырем утра Ваганов закончил большое письмо. На улице было уже светло. В открытое окно тянуло холодком раннего июньского утра. Ваганов прислонился плечом к оконному косяку, закурил. Он устал от письма. Он начинал его раз двенадцать, рвал листы, изнервничался, испсиховался и очень устал. Так устал, что теперь неохота было перечитывать письмо. Не столько неохота, сколько, пожалуй, боязно: никакой там ясности, кажется, нету, ума особенно тоже. Ваганов все время чувствовал это, пока писал, – все время чувствовал, что больше кокетничает, чем... Он вчастую докурил сигарету, сел к столу и стал читать письмо.

«Майя! Твое письмо так встревожило меня, что вот уже второй день я хожу сам не свой: весь в мыслях. Я спрашиваю себя: что это? И не могу ответить. Теперь я спрашиваю тебя: что это, Майя? Пожить у меня неделю – ради бога! Но это же и есть то, о чем я спрашиваю: что это? Ты же знаешь мое к тебе отношение... Оно, как подсказывает мне дурное мое сердце, осталось по-прежнему таким, каким было тогда: я люблю тебя. И именно это обстоятельство дает мне сейчас право спрашивать и говорить то, что я думаю о тебе. И о себе тоже. Майя, это что, бегство от себя? Ну что же... приезжай, поживи. Но тогда куда мне бежать от себя? Мне некуда. А убежать захочется, я это знаю. Поэтому я еще раз спрашиваю (как на допросе!): что это, Майя? Умоляю тебя, напиши мне еще одно письмо, коротенькое, ответь на вопрос: что это, Майя?» Так начал Ваганов свое длинное письмо... Он отодвинул его, склонился на руки. Почувствовал, что у него даже заболело сердце от собственной глупости и беспомощности. «Попугай! Что это, Майя? Что это, Майя? Тьфу... Слизняк». Это правда было как горе – эта неопределенность. Это впервые в жизни Ваганов так раскорячился... «Господи, да что же делать-то? Что делать?» Повспоминал Ваганов, кто бы мог посоветовать ему что-нибудь – он готов был и на это пойти, – никого не вспомнил, никого не было здесь, кому бы он не постыдился рассказать о своих муках и кому поверил бы. А вспомнил он только... Попова, его честный, прямой взгляд, его умный лоб... А что? «А что, Майя? – съязвил он еще раз со злостью. – Это ничего, Майя. Просто я слизняк, Майя».

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Он скомкал письмо в тугой комочек и выбросил его через окно в огород. И лег на кровать, и крепко зажмурил глаза, как в детстве, когда хотелось, чтобы какая-нибудь неприятность скорей бы забылась и прошла.

Утром, шагая на работу, Ваганов чувствовал большую усталость. В пустой голове проворачивался и проворачивался невесть откуда влетевший мотивчик: «А я играю на гармошке у прохожих на виду-у...» С письмом Ваганов решил подождать. Пусть придет определенность, пусть сперва станет самому ясно: способен ли сам-то на что-нибудь или он выдумал себя такого – умного, деятельного, а другие, как дурачка, подогрели его в этом. Вот пусть это станет ясно до конца – пусть больше не будет никаких иллюзий, никакого обмана на свой счет. Пока ясно одно: он любит Майю и боится сближения с ней. Боится ответственности, несвободы, боится, что не будет с ней сильным и деятельным, и его будущее – накроется. «Вот теперь поглядим, как ты вывернешься, деятельный, – думал он про себя с искренней злостью. – Подождем и посмотрим».

Работу он начал с того, что послал за Поповым.

Попов пришел скоро, опять осторожно заглянул в дверь.

– Входи! – Ваганов вышел из-за стола, пожал руку Попову, усадил его на стул. Сам сел рядом. – Как твое имя?

– Павел.

– Ну, как там?.. Дома-то?

Попов помолчал... Посмотрел серыми своими глазами на следователя. Какие все же удивительные у него глаза: не то доверчивые сверх меры, не то мудрые. Как у ребенка ясные, но ведь видели же эти глаза и смерть, и горе человеческое, и сам он страдал много... Не это ли и есть сила-то человеческая – вот такая терпеливая и безответная? И не есть ли все остальное – хамство, рвачество и жестокость?

– Ничего вроде... А что? – спросил Павел.

– Не говорил с женой?

– Мы с ей неделю уж не разговариваем.

– Не заметил в ней никаких перемен?

– Заметил. – Попов усмехнулся. – Вчера вечером долго на меня смотрела, потом говорит: «Был у следователя?» – «Был, – говорю. – А что, тебе одной только бегать туда?»

– А она что?

– Ничего больше. Молчит. И я молчу.

– Возьмут они свои заявления назад, – сказал Ваганов. – Еще разок вызову, может, не раз даже... Думаю, что возьмут.

– Хорошо бы, – просто сказал Попов. – Неохота сидеть, ну ее к черту. Немолодой уже...

– Павел, – в раздумье начал Ваганов про то главное, что томило, – хочу с тобой посоветоваться... – Ваганов прислушался к себе: не совестно ли, как мальчишке, просить совета у дяди? Не смешон ли он? Нет, не совестно, и вроде не смешон. Что уж тут смешного! – Есть у меня женщина, Павел... Нет, не так. Есть на свете одна женщина, я ее люблю. Она была замужем, сейчас разошлась с мужем и дает мне понять... – Вот теперь только почувствовал Ваганов легкое смущение – оттого, что бестолково начал. – Словом, так: люблю эту женщину, а связываться с ней боюсь.

– Чего так? – спросил Попов.

– Да боюсь, что она такая же... вроде твоей жены. Пропадут, боюсь, с ней. Это ж на

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
нее только и надо будет работать: чтоб ей интересно жить было, весело,
разнообразно... Ну, в общем, все мои замыслы – побоку, а только ублажай ее.

– Ну-у, как же это так? – засомневался Попов. – Надо, чтоб жизнь была дружная,
чтоб все вместе: горе – горе, радость – тоже...

– Да постой, это я знаю – как нужно-то! Это я все знаю.

– А что же?

У Ваганова пропала охота разговаривать дальше. И досадно стало на кого-то.

– Я знаю, как надо. Как должны жить люди, это все знают. А вот как быть, если я
знаю, что люблю ее, и знаю, что она... никогда мне другом настоящим не будет? Твоя
жена тебе друг?

– Да моя-то!..

– А что «моя-то»? Люди все одинаковы, все хотят жить хорошо... Разве тебе не нужен
был друг в жизни?

– Я так скажу, товарищ Ваганов, – понял наконец Попов. – С той стороны, с
женской, – оттуда ждать нечего. Это обман сплошной. Я тоже думал об этом же...
Почему же, мол, люди жить-то не умеют? Ведь ты погляди: что ни семья, то разлад.
Что ни семья, то какой-нибудь да раскосяк. Почему же так? А потому, что нечего
ждать от бабы... Баба, она и есть баба.

– На кой же черт мы тогда женимся? – спросил Ваганов, удивленный такой
закоренелой философией.

– Это другой вопрос. – Попов говорил свободно, убежденно – правда, наверно,
думал об этом. – Семья человеку нужна, это уж как ни крутись. Без семьи ты –
пустой нуль. Чего же тогда мы детей так любим? А потому и любим, чтоб была сила
– терпеть все женские выходки...

– Но есть же... нормальные семьи!

– Да где?! Притворяются. Сор из избы не выносят. А сами втихаря... бушуют.

– Ну, елки зеленые! – все больше изумлялся Ваганов. – Это уж совсем... мрак
какой-то. Как же жить-то?

– Так и жить: укрепиться и жить. И не заниматься самообманом. Какой же она –
друг, вы что? Спасибо, хоть детей рожают... И обижаться на их за это не надо – раз
они так сделаны. Чего обижаться? – В правде своей Попов был тверд, спокоен.
Когда понял, что Ваганов такой именно правды и хочет – всей, полной, – он ее и
выложил. И смотрел на молодого человека мирно, даже весело, не волновался.

– Так, так, – проговорил Ваганов. – Ну, нет, Попов, это в тебе горе твое
говорит, неудача твоя. Это все же не так все...

Попов пожал плечами.

– Вы меня спросили – я сказал, как думаю.

– Это верно, верно. Я не спорю. Спорить тут надо целой жизнью, а так... это...

– Конечно. Каждый так и живет – с самого начала. Скажи мне тогда: «Не женись,
мол, Пашка, – ошибесся». Что я на это? Послал бы подальше этого советчика и
делал свое дело. Так оно и бывает.

– Да, да, – согласился Ваганов. – Это верно. Ну, хорошо. – Он встал. Попов тоже
встал. – До свидания, Павел. Думаю, что они возьмут свои заявления. Только ты
уж...

– Да нет, что вы, товарищ Ваганов! – заверил Попов. – Больше этого не
повторится, даю слово. Глупость это... Чего из их выколачивать-то? Пусть им самим
совестно станет. А то мне же и совестно – нашумел... Хожу, клязумами занимаюсь –

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
рази ж не совестно?

– Ну, до свидания.

– До свидания.

Только за Поповым закрылась дверь, Ваганов сел к столу – писать. Он еще во время разговора с Поповым решил дать Майе такую телеграмму:

«Приезжай. Палат нету – все мое ношу с собой. Встречу. Георгий».

Он записал так... Прочитал. Посвистел над этими умными словами все тот же мотив: «Я играю на гармошке...» Аккуратно разорвал лист, собрал клочочки в ладонь и пошел и бросил их в корзину. Постоял над корзиной... Совершенный тупой покой наступил в душе. Ни злости уже не было, ни досады. Но и работать он бы не смог в этот день. Он подошел к столу и размашисто, во весь лист, написал:

«Нездоровится. Пошел домой».

Видеть кого-то из сослуживцев и говорить о чем-то – это тоже сегодня не по силам.

Он пошел домой. Дорогой негромко пел:

А я играю на гармошке

У прохожих на виду-у.

К сожаленью, день рожденья –

Только ра-аз в го-оду-у.

День стоял славнецкий – не жаркий, а душистый, теплый. Еще не пахло пылью, еще лето только вступало в зрелую пору свою. Еще молодые зеленые силы гнали и гнали из земли ядреный сок жизни: все цвело вокруг, или начинало цвести, или только что отцвело, и там, где завяли цветки, завязались пухлые живые комочки – будущие плоды. Благодатная, милая пора! Еще даже не грустно, что день стал убывать, еще этот день – впереди.

Ваганов свернул к почте. Зашел. Взял в окошечке бланк телеграммы, присел к обшарпанному, заляпанному чернилами столику, с краешку, написал адрес Майи... Несколько повисел перышком над линией, где следовало писать текст... И написал: «Приезжай».

И уставился в это айкающее слово... Долго и внимательно смотрел. Потом смял бланк и бросил в корзину.

– Что, раздумали? – спросила женщина в окошечке.

– Адрес забыл, – соврал Ваганов. И вышел на улицу. Пошел теперь твердо домой.

«И врать ведь как научился! – подумал о себе, как о ком-то – отчужденно. – Глазом не моргнул».

И сеном еще с полей не пахло, еще не начинали косить.

Наказ

Молодого Григория Думнова, тридцатилетнего, выбрали председателем колхоза. Собрание было шумным; сперва было заколебались – не молод ли? Но потом за эту же самую молодость так принялись хвалить Григория, что и самому ему, и тем, кто приехал рекомендовать его в председатели, стало даже неловко. Словом, выбрали.

Поздно вечером домой к Григорию пришел дядя его Максим Думнов, пожилой крупный человек с влажными веселыми глазами. Максим был слегка «на взводе», заявился шумно.

– Обмыва-ать! – потребовал Максим, тяжело привалившись боком к столу. – А-а?... Как мы тебя – на руках посадили! Сиди! Сиди крепко!.. – Он весело смотрел на племянника, гордый за него. И за себя почему-то. – Сам сиди крепко и других – вот так вот держи! – Максим сжал кулак, показал, как надо держать других. – Понял?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Григорий не обрадовался гостю, но понимал, что это неизбежно: кто-нибудь да явится, и надо соблюсти этот дурацкий обычай – обмыть новую должность. Должность как раз сулила жизнь нелегкую, хлопотную, Григорий не сразу и согласился на нее... Но это не суть важно, важно, что тебя – выбирали, выбрали, говорили про тебя всякие хорошие слова... Теперь изволь набраться терпения, благодарности – послушай, как надо жить и как руководить коллективом.

Максим сразу с этого и начал – с коллектива.

– Ну Григорий, теперь крой всех. Понял? Я, мол, кто вам? Вот так: сядь, мол, и сиди. И слушай, что я тебе говорить буду.

Григорий понимал, что надо бы все это вытерпеть – покивать головой, выпить рюмку-другую и выпроводить довольного гостя. Но он почему-то вдруг возмутился.

– Почему кроить-то? – спросил он, не скрывая раздражения. – Что за чертова какая-то формула: «Крой всех!..» И ведь какая живучая! Крой – и все. Хоть плачь, но крой. Почему кроить-то?!

– А как же? – искренне не понял Максим. – Ты что? Как же ты руководить-то собрался?

– Головой! – Григорий больше и больше раздражался, тем более раздражался, что Максим не просто бубнил по пьяному делу, а проявил уверенность и при этом смотрел на Григория, как на молодого несмышленика.

– Головой я руководить собрался, головой.

– Ну-у!.. Головой-то многие собирались, только не вышло.

– Значит, головы не хватало.

– Хватало! Не ты один такой умница, были и другие.

– Ну? И что?

– Ничего. Ничего не вышло, и все.

– Почему же?

– Потому что к голове... твердость нужна, характер.

– Да мало у нас их было, твердых-то?! От кого мы стонали-то, не от твердых?

– Ладно, – согласился Максим. Спор увлек его, он даже не обратил внимания, что на столе у племянника до сих пор пусто. – Ладно. Вот, допустим, ты ему сказал: «Сделай то-то и то-то». А он тебе на это: «Не хочу». Все. Что ты ему на это?

– Надо вести дело так, чтоб ему... не знаю – стыдно, что ли, стало.

Максим Думнов растянул в добродушной улыбке рот.

– Так... дальше?

– Не стыдно, нет, – сказал Григорий, поняв, что это, верно что, не аргумент. – Надо, чтоб ему это невыгодно было экономически.

– Так, так, – покивал Максим. И, не задумываясь, словно он держал этот пример наготове, рассказал: – Вот у нас пастух, Климка Стебунов, пропас наших коров два месяца, собрал деньги и послал нас всех... «Не хочу!» И все. А ведь ему экономически вон как выгодно! Знаешь, сколько он за два месяца слупил с нас? Пятьсот семьдесят пять рублей! Где он такие деньги заработает? Нигде. А он все равно не хочет. Ну-ка, раскинь головой: как нам теперь быть?

– Ну, и как вы?

– Пасем пока по очереди... Кому позарез некогда, тот нанимает за себя. Но так ведь дальше-то тоже нельзя.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А где этот Климка?

– Гуляет, где! Пропьет все до копейки, опять придет... И мы опять его, как доброго, примем. Да еще каждый будет стараться, как накормить его получше. А его, по-хорошему-то, гнать бы надо в три шеи. Вот тебе и экономика, милый Гриша. Окончи ты еще три института, а как быть с Климкой, все равно не будешь знать. Тем более что он – трудовой инвалид.

Григорий поубавил наступательный разгон, решил, что, пожалуй, стоит поговорить повнимательней.

– Погоди. Ну, а как бы ты поступил, будь ты хозяин... то есть не хозяин, а...

– Понимаю, понимаю. Как? Пришел бы к нему домой, к подлецу... От него дома-то все плачут! «Вот что, милый друг, двадцать четыре часа тебе: или выходи коров пасти, или выселяем тебя из деревни». Все.

– Как же ты так? Сам же говоришь, он инвалид...

– Нам известно, как он инвалидом сделался: по своей халатности...

– А как?

– На вилы со стога прыгнул. Надо смотреть, куда прыгаешь. Но я ведь тебе не говорю, что я имею право его выселить. Ты спросил, как бы я действовал на твоём месте, я и прикидываю. Перво-наперво я бы его напугал насмерть. Нашел бы способ! Подговорил бы милиционера, подъехали бы к нему на коляске: «Садись, поедем протокол составлять об твоём выселении». Я же знаю Климку: сразу в штаны наложит. Завтра же до света помчится со своей дудкой коров собирать. Ничем больше Климку не взять. Проси ты его, не проси – бесполезно. Экономiku эту он тоже... у него своя экономика: он рублей триста домой отдал, семье, а двести с лишним себе оставил и прикинул, на сколько ему хватит. Недели на две хватит: он хоть и гуляет, а угостить из своего кармана шиш кого угостит.

Григорий задумался. Ведь и правда, завтра же перед ним станет вопрос: как быть со стадом колхозников? А как быть?

– Так что, неужели никого больше нельзя заинтересовать?

– А кого?! – воскликнул Максим. – Мужики помоложе да покрепче, они все у дела – все почти механизаторы, совсем молодой – тот посоветится пастухом, бабу какую-нибудь?... У каждой семья, тоже не может. Вот и беда-то – некому больше. Я бы пошел, но староват уже гоняться-то там за имя по косогорам. Вот видишь, я тебе один маленький пример привел, и ты уже задумался. – Максим весело посмотрел на племяша, дотянулся к нему, хлопнул по плечу. – Не журись! Однако прислушайся к моему совету: будь покруче с людьми. Люди, они ведь... Эх-х! Давай-ка по рюмочке пропустим, а то у меня аж в горле высохло: целую речь тут тебе закатил.

Григорий хотел позвать жену из горницы, чтоб она собрала чего-нибудь на стол, но Максим остановил:

– Не надо, пусть она там ребятишек укладывает. Мы сами тут чего-нибудь...

Григорий достал что надо, они налили по рюмочке, но пить не стали пока, закурили.

– Я ведь по глазам вижу, Гриша: сперва окрысился на меня – пришел, дескать, ученого учить! А я просто радый за тебя, пришел от души поздравить. Ну, и посоветовать... Я как-никак жизнь доживаю, всякого повидал. – Максим склонил массивную седую голову, помолчал... И Григорий подумал в эту минуту, что дядя его правда повидал всякого: две войны отломал, на последней был ранен, попал в плен. Потом, после войны, долго выясняли, при каких обстоятельствах он попал в плен... А пока это выясняли, жена его, трактористка-стахановка, заявила тут, что отныне она не считает себя женой предателя, и всенародно прокляла тот день и час, в какой судьба свела их. И вышла за другого фронтовика. Все это надо было вынести, и Максим вынес. – Да, – сказал Максим, – вот такие наши дела. Давай-ка...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Они выпили, закусили, снова закурили. Максиму стало легче, он вернулся к разговору.

– Вся беда наша, Григорий, что мужик наш середки в жизни не знает. Вот я был в Германии... Само собой, гоняли нас на работу, а работать приходилось с ихними же рядом, с немцами. Я к ним и пригляделся. Тут... хошь не хошь, а приглядишься. И вот я какой вывод для себя сделал: немца, его как с малолетства на середку нацелили, так он живет всю жизнь – посередке. Ни он тебе не напьется, хотя и выпьет, и песню даже затянут... Но до края он никогда не дойдет. Нет. И работать по-нашенски – чертомелить – он тоже не будет: с такого-то часа и до такого-то, все. Дальше, хоть ты лопни, не заставишь его работать. Но свои часы отведет аккуратно – честь по чести, – они работать умеют, и свою выгоду... экономику, как ты говоришь, он в голове держит. Но и вот таких, как Климка Стебунов, там тоже нету. Их там и быть не может. Его там засмеют, такого, он сам не выдержит. Да он там и не уродится такой, вот штука. А у нас ведь как: живут рядом, никаких условий особых нету ни для одного, ни для другого, все одинаково. Но один, смотришь, живет, все у него есть, все припасено... Другой только косится на этого, на справного-то, да подсчитывает, сколько у него чего. Наспроть меня Геночка вон живет Байкалов... Молодой мужик, здоровый – ходит через день в пекарню, слесарит там чего-то. И вся работа. Я ему: «Генк, да неужель ты это работой считаешь?» – «А что же это такое?» – «Это, мол, у нас раньше называлось: смолить да к стенке становить». Вот так работа, елкина мать! Сходит, семь болтов подвернет, а на другой день и вовсе не идет: и эта-то, такая-то работа, – через день! Во как!

– Сколько же он получает? – поинтересовался Григорий.

– Восемьдесят пять рублей. Хуже бабы худой. Доярки вон в три раза больше получают. А Генке – как с гуся вода: не совестно, ничего. Ну, ладно, другой бы, раз такое дело, по дому бы чего-то делал. Дак он и дома ни хрена не делает! День-деньской на реке пропадает – рыбачит. И ничего ему не надо, ни об чем душа не болит... Даже завидки берут, ей-богу. Теперь – другой край: ты Митьшу-то Стебунова знаешь ведь? – Максим сам вдруг подивился совпадению: – Они как раз родня с Климкой-то Стебуновым, они же братья сродные! Хэх... Вот тебе и пример к моим словам: один всю жизнь груши околачивает, другой... на другого я без уважения глядеть не могу, аж слеза прошибет иной раз: до того работает, сердешный, до того вкалывает, что приедет с пашни – ни глаз, ни рожи не видать, весь черный. И думаешь, из-за жадности? Нет – такой характер. Я его спрашивал: «Чего уж так хлещешься-то, Митьша?» – «А, – говорит, – больше не знаю, что делать. Не знаю, куда девать себя». Пить опасается: начнешь пить, не остановишься...

– Что, так и говорит: начну, значит, не остановлюсь?

– Так и говорит. «Если уж, – говорит, – пить, так пить, а так даже и затеваться неохота. Лучше уж вовсе не пить, чем по губам-то мазать». Он справедливый мужик, зря говорить не станет. Вот ведь мы какие... заковыристые. – Максим помолчал, поиграл ногтями об рюмочку... Качнул головой: – Но все же это только последнее время так народ избаловался. Техника!.. Она доведет нас, что мы – или рахитами все сделаемся, или от ожирения сердца будем помирать лет в сорок. Ты гляди только, какие мужики-то пошли жирные! Стыд и срам глядеть. Иде-ет, как баба брюхатая. «Передай привет, три года не вижу». Ведь он тебе счас километра пешком не пройдет – на машине, на мотоцикле. А как бывало... Мы вот с отцом твоим, покойником, как? День косишь, а вечером в деревню охота – с девками поиграть. А покосы-то вон где были! – за вторым перешейком, добрых пятнадцать верст. А коня-то кто тебе даст? Кони пасутся. Вот как откосимся, повечеряем – и в деревню. В деревне чуть не до свету прохороводишься – и опять на покос. Придешь, бывало, а там уж поднялись – косить налаживаются. И опять на полдня...

– Когда же вы спали-то?

– А днем. В пекло-то в самое не косили же. Залезешь в шалаш – и умер. Насилу добудются потом. Помню, Ванька... Иван, отец твой, один раз таким убойным сном заснул, что не могут никак разбудить. Чего только с им ни делали!.. Штаны сняли, по поляне катали – спит, и все. Тятя разозлился. «Счас, – говорит, – бич возьму да бичом скорей добужусь!» Я уж щекотать его начал, ну кое-как продрал глаза. А то никак! – Максим посмеялся, покачал головой, задумался: вспомнил то далекое-далекое, милое сердцу время. И Григорий тоже задумался: он плохо помнил отца, тот вскоре после войны умер от ран, Григорий хранил о нем светлую память. Долго молчали.

– Да, – сказал Григорий. – Но с техникой – это ты зря. Что же, весь свет будет на машинах, а мы... в ночь по тридцать верст пешака давать? Тут ты тоже... в крайность ударился. Но про середку – это, пожалуй, не лишено смысла. А?

– Не лишено, нет. Налей-ка, да я тебе еще одну поучительную историю расскажу. Ты ничего, спать не хошь?

– Нет, нет! Давай историю.

Максим пододвинул к себе рюмку, задумчиво посмотрел на нее и отодвинул.

– Потом выпью, а то худо расскажу. Я ведь шел к тебе, эту историю держал в голове, расскажу, думаю, Гришке – сгодится. Это даже не история, а так – из детства тоже из нашего. Но она тебе может сгодиться – она тоже... как сказать, про руководителя: каким надо быть руководителем-то.

Максим посмотрел на племянника не то весело, не то насмешливо... Григорию показалось – насмешливо. Дядя вроде подсмеивался над его избранием в руководителя. У Григория даже шевельнулось в душе протестующее чувство, но он смолчал. В этот вечер он как-то по-новому узнал дядю. «Сколько же, оказывается, передумала эта голова! – изумлялся он, взглядывая на Максима. – Ничего не принял мужик на голую веру, обо всем думал, с чем не согласен был, про то молчал. Да и не спорщик он, не хвастал умом, но правду, похоже, всегда знал».

– Было нам... лет по пятнадцать, может, поменьше, – стал рассказывать Максим. – Деревня наша, не деревня – село, в старину было большое, края были: Мордва, Низовка, Дикари, Баклань...

– Это я еще помню, – подсказал Григорий.

– А, ну да, – согласился Максим. – Я все забываю, что тебе уж тоже за тридцать, должен помнить. Ну, вот. И вот дрались мы – край на край – страшное дело. Чего делили, черт его в душу знает. До нас так было, ну и мы... Дрались несусветно. Это уж ты не помнишь, при советской власти это утихать стало. А тогда просто... это... страшное дело что творилось. Головы друг другу гирьками проламывали. Как какой праздник, так, глядишь, кого-нибудь изувечили. Ну а жили-то мы в Низовке, а Низовка враждовала с Мордвой, и мордовские нас били: больше их было, что ли, потом они все какие-то... черт их знает – какие-то были здоровые. Спуску мы тоже не давали... У нас один Митька Куксин, тот черту рога выломит – до того верткий был парень. Но все же ордой они нас одолевали. Бывало, девку в Мордве лучше не заводи: и девке попадет, и тебе ребра пересчитают. И вот приехал к нам один парнишечка, наш годок, а ростиком куда меньше, замухрышка, можно сказать. Теперь вот слушай внимательно! – Максим даже и пальцем покачал в знак того, чтоб племянш слушал внимательно. – Тут самое главное. Приехал этот мальчишечка... Приехали они откуда-то из Черни, с гор, но – русские. Парнишечку того звали Ванькой. Такой – шшербатенький, невысокого росточка, как я сказал, но – подсадиный, рука такая... вроде не страшная, а махнет – с ног полетишь. Но дело не в руке, Гриша. Я потом много раз споминал этого Ваньку, перед глазами он у меня стоял: душа была стойкая. Ах, стойкая была душа! Поселились они в нашем краю, в Низовке, ну, мордовские его один раз где-то прищучили: побили. Ладно, побили и побили. Он даже и не сказал никому про это. А с нами уже подружился. И один раз и говорит: «Чо эт вы от мордовских-то бегаете?» – «Да оно ведь как, мол? – привыкли и бегаем». – Максим без горечи негромко посмеялся. – Счас смешно... Да. Ну, давай он нам беса подпускать: разжигать начал. Да ведь говорить умел, окаянный! Разжег! Оно, конечно, пятнадцатилетних раззудить на драку – это, может, и нехитрое дело, но... все же. Тут мно-ого разных тонкостей! Во-первых, мы же лучше его знали, какие наши ресурсы, так сказать, потом – это не первый год у нас тянулось, мы не раз и не два пробовали дать мордовским, но никогда не получалось. И вот все же сумел он нас обработать, позабыли мы про все свои поражения и пошли. Да так, знаешь, весело пошли! Сошлись мы с имя на острове... спроть фермы островок был, Облепишный звали. Счас там никакого острова нет, а тогда островок был. Мелко, правда, но штаны надо снимать – перебродить-то. Перебродили мы туда... Договорились, что ничего в руках не будет: ни камней, ни гирек, ничего. И пошли хлестаться. Ох, и полосовались же! Аж спомнить – и то весело. Аж счас руками задвигал, ей-богу! – Максим тряхнул головой, выпил из рюмки, негромко кхэкнул – помнил, что в горнице улеглись ко сну дети Григория и жена. И продолжал тоже негромко, с тихим азартом: – Как мы ни пластались, а опять они нас погнали. А погнали куда?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
К воде. Больше некуда. Мы и сыпанули через протоку... Те за нами. И тут, слышим, наш шшербатенький Ванька ка-ак заорет: «Стой, в господу, в душу!.. Куда?!»
Глядим, кинулся один на мордовских... Ну, это, я тебе скажу, видеть надо было. Много я потом всякого повидал, но такого больше не приходилось. Я и драться дрался, а глаз с Ваньки не спускал. Ведь не то что напролом человек пер, как пьяные, бывает, он стерегся. Мордовские смекнули, кто у нас гвоздь-то заглавный, и давай на него. Ванька на ходу прямо подставил одного, другого вокруг себя – с боков, со спины – не допускайте, говорит, чтоб сшибли, а то развалимся. Как, скажи, он училище какое кончал по этому делу! Ну, полоскаемся!.. А в протоке уж дело-то происходит, на виду у всей деревни. Народ на берег сбегался – глядят. А нам уж ни до чего нет дела – целое сражение идет. С нас и вода и кровь текет. Мордовские тоже уперлись, тоже не гнутся. И у нас – откуда сила взялась! Прямо насмерть схватились! Не знаю, чем бы это дело закончилось, может, мужики разогнали бы нас кольями, так бывало. Переломил это наше равновесие все тот же Ванька шшербатый. То мы дрались молчком, а тут он начал приговаривать. Достанет какого и приговаривает: «Ах, ты, головушка моя бедная! Арбуз какой-то, не голова». Опять достанет: «Ах, ты, милашечка ты мой, а хлебни-ка водицы!» Нам и смех, и силы вроде прибавляет. Загнали мы их опять на остров... И все, с этих пор они над нами больше не тешились. Вот какая штука, Григорий! Один завелся – и готово дело, все перестроил. Вот это был – руководитель. Врожденный.

– М-да, – молвил Григорий; история эта не показалась ему поучительной. Ни поучительной, ни значительной. Но он не стал огорчать дядю. – Интересно.

Максим уловил, однако, что не донес до племянника, что хотел донести. Помолчал.

– Видишь, Григорий... Я понимаю, тебе эта история не является наукой... Но, знаешь, я и на войне заметил: вот такие вот, как тот Ванька, мно-ого нам дела сделали. Они всю войну на себе держали, правда. Перед теми, кто только на словах-то, перед имя же не совестно, а перед таким вот стыдно. Этот-то, он ведь все видит. Ты ему не словами, делом доказывай... Делом доказывай, тогда он тебе душу свою отдаст. Конечно, история... не ах какая, но, думаю, выбрали тебя в руководители, дай, думаю, расскажу, как я, к примеру, это дело понимаю. А? – Максим посмотрел прямо в глаза племяннику, непонятно и значительно как-то усмехнулся. – Ничего, поймешь, что к чему. Пойме-ошь.

– Что потом с этим Ванькой стало? – спросил Григорий.

– А не знаю. Уехали они опять куда-то. Вскорости и уехали. Да разве дело в том Ваньке! Их таких много. Хотя я тогда прямо полюбил того Ваньку, честное слово. Прямо обожал его. А он еще и... это... не нахальный был. Жили они бедновато, иной раз и пожрать нечего было. Я не знаю... чего-то мотались по свету... Так вот, принесешь ему пирог какой-нибудь, он аж покраснеет. «Брось, – говорит, – зачем?» Застесняется. Я люблю таких... Уехали потом куда-то. А я вот его всю жизнь помню, вот же как.

– История твоя не лишена, конечно, смысла, – сказал Григорий.

– Не лишена, нет. – Максим кивнул головой согласно. Но оттого, что история его не вышла такой разительной и глубокой, какой жила в его душе, он скис, как-то даже отрезвел и погрустнел. – Не лишена, Гриша, не лишена. На словах я тебе могу только одно сказать: не трусь. Как увидют, что не трусишь, так станут люди поддерживать...

– Ну, одной смелости тут тоже, наверно, мало.

– Мало. – Максим опять кивнул. Подумал. – Но смелый хоть не врет. – Максим снова посмотрел в глаза Григорию. – Не додумается врать, смелый-то. Чуешь? А голова... что же, какая есть. Какую бог дал. Голова у тебя неплохая. Но... бывает... – Максим вдруг махнул рукой, досадливо поморщился. – Заговорился я чего-то. Ладно. Лишка, видно, хватил, правда. Не обессудь, Гриша. Спите. – Максим встал из-за стола, посмотрел на дверь горницы... И спросил шепотом: – Как жена-то?

– Что? – не понял Григорий.

– Не ворчит, что в деревню увез из города?

Григорий улыбнулся... Не сразу сказал, и сказал тоже тихо:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Всякое бывает.

Это Максиму понравилось: ответ правдивый, не бравый и не жалостливый. Он кивнул на прощание и пошел к двери, стараясь ступать нетяжело, но все равно вышло грузно и шумно. Максим поскорей уж дошел последние шаги, толкнул дверь и вышел в сени. И там только ступил всей ногой... И на крыльце громко прокашлялся и сказал сам себе:

– Эка темень-то! В глаз коли...

Медик Володя

Студент медицинского института Прохоров Володя ехал домой на каникулы. Ехал, как водится, в общем вагоне, ехал славно. Сессию сдал хорошо, из деревни писали, что у них там все в порядке, все здоровы – на душе у Володи было празднично. И под вечерок пошел он в вагон-ресторан поужинать и, может быть, выпить граммов сто водки – такое появилось желание. Пошел через вагоны и в одном, в купейном, в коридоре, увидел землячку свою, тоже студентку, кажется, пединститута. Она была из соседней деревни, в позапрошлом году они вместе ездили в райцентр сдавать экзамены по английскому языку и там познакомились. Володе она тогда даже понравилась. Он потом слышал, что она тоже прошла в институт, но в какой и в каком городе, толком не знал. Вообще как-то забыл о ней. Он было обрадовался, увидев ее у окошка, но тут же оторопел: забыл, как ее звать. Остановился, отвернулся тоже к окну, чтоб она пока не узнала его... Стал вспоминать имя девушки. Напрягал память, перебирая наугад разные имена, но никак не мог вспомнить. То ли Алла, то ли Оля... Что-то такое короткое, ласковое. Пока он так гадал, уткнувшись в окно, девушка оглянулась и тоже узнала его.

– Володя?.. Ой, здравствуй!

– Хелло! – воскликнул Володя. И сделал вид, что очень-очень удивился, и остро почувствовал свою фальшь – и это «хелло», и наигранное удивление. От этого вопросы дальше возникли очень нелепые: «Каким ветром? Откуда? Куда?»

– Как?.. На каникулы?

– А-а, ну да. Ну, и как? На сколько? – Володя до боли ощущал свою нелепость, растерянность и суетился еще больше: почему-то страшно было замолчать и не фальшивить дальше. – До сентября? Или до октября?

Девушка – это было видно по ее глазам – отметила, сколь изменился с недавней поры ее земляк. Но странно, что и она не сказала в простоте: «Да ты что, Володя? Я тоже еду на каникулы, как и ты», а сразу подхватила эту показную вольную манеру.

– Не знаю, как нынче будет. А вы? Вам сказали или тоже на бум-бум едете?

Володе сделалось немного легче оттого, что девушка не осадила его с глупой трескотней, а готова даже сама поглупеть во имя современных раскованных отношений.

– Нам сказали к сентябрю собраться, естественно. Но мы пронюхали, что опять повезут на картошку, поэтому многие из нас хотят обзавестись справками, что работали дома, в родимых колхозах.

– А мы тоже!.. Мы говорим: «А можно, мы дома отработаем?»

– Зачем же их спрашивать? Надо привезти справку, и все. – Володе даже понравилось, как он стал наглово распоясываться, он втайне завидовал сокурсникам-горожанам, особенно старшекурсникам, но сам не решался изображать из себя такого же – совестно было. Но теперь он вдруг испытал некое удовольствие в нарядной роли... чуть ли не кутилы и циника. Будь у него в кармане деньги, хоть немного больше, чем на сто граммов водки и на билет в автобус до своего села, он, пожалуй, ляпнул бы что-нибудь и про ресторан. Но денег было только-только.

– А не опасно со справкой-то? – спросила девушка. – Могут же... это...

– Я умоляю! Отработал – и все. Возил навоз на поля. – Володя с улыбкой посмотрел

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru на девушку, но поскорей отвернулся и полез в карман за сигаретой. Не все еще шло гладко пока. Маленько было совестно.

– Вас куда в прошлом году возили?

– В Заозерье. Но мы там пожили неплохо.. – Володе и правда понравилось ездить с курсом на осенние работы в колхоз, и никакую он справку не собирался доставать дома.

– А мы ездили в Красногорский район, – тоже не без удовольствия вспомнила девушка. – Тоже неплохо было. Хохми-или-и!..

– А как отдыхаете дома летом? Чем занимаетесь?

– Да чем? За ягодами ходим.. – Девушка спохватилась, что, пожалуй, это банально – за ягодами. – Вообще скучно.

– Скооперируемся? – навернул Володя. – А то я тоже с тоски загибаюсь. Нас же разделяет всего.. четырнадцать километров, да? Сядем на велики..

– Давайте, – легко согласилась девушка. – У нас тоже молодежи нету. Подруги кое-какие остались, но.. Знаете, вот были подругами, да? Потом вдруг что-то – раз! – и отношения портятся. Вот так, знаете, обвально.

– Это вполне понятно, – сказал Володя. – Этого надо было ожидать. Это – один к одному.

– Но почему? – очень притворно удивилась девушка.

– Разошлись дороги.. И разошлись, как в море корабли. – Володя посмеялся и стряхнул пепел в алюминиевую неудобную пепельницу вниз. – Это так же естественно, как естественно то, что у человека две ноги, две руки и одно сердце. – Володя вспомнил, что он медик.

И девушка тоже вспомнила, что он медик.

– Ой, а трудно в медицинском, а?

Володя снисходительно посмеялся:

– Почему? Нет, отсеб, естественно, происходит.. – Володе нравилось слово «естественно». – Нас на первом курсе повели в анатомичку, одна девушка увидела жмуриков и говорит: «Ах, держите меня!» И повалилась..

– В обморок?

– Да. Ну, естественно, это уже не врач. В фармацевты.

– Обидно, наверно, да?

– А у вас... стабильное положение?

– У нас со второго курса нынче ушла одна. Но она просто перевелась, у нее просто отец военный, его куда-то перевели. Во Владивосток. А так нет. А у вас клуб в деревне построили?

– Кинотеатр. В прошлом году. Я как-то пошел посмотреть какую-то картину, половины слов не понял – бубнеж какой-то: бу-бу-бу... Я ушел. Хуже, что библиотеки доброй нет. У вас хорошая библиотека?

– Да нет, тоже.. Я везу кое-что с собой.

– Ой, что, а?! – выдал Володя показушный великий голод.

– «Путешествия Христофора Колумба». Это, знаете, дневники, письма, документы.. Я же – географичка.

– Так. Еще?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Еще кое-что... А у вас есть что-нибудь?

– У меня кое-что специальное тоже... «Записки врача» этого... Как его, врач тоже был?..

– Чехов?

– Нет, но они, кажется, поддерживали приятельские отношения... Вот вылетела фамилия. А Брэдбери у вас ничего нету?

– Нет. А вы любите читать про медиков?

– Да нет... Любопытно бывает, если не туфта полная. А Камю ничего нет?

– Нет, нету.

– Ну, так как мы будем бороться со скукой? – весело спросил Володя. – Как вы себе это представляете? – Ему совсем хорошо стало, когда свалили этих Камю, Брэдбери...

– Общими усилиями как-нибудь... – тоже весело сказала девушка. Как-то вроде обещающе сказала...

Володя быстро утрачивал остатки смущения. Он вдруг увидел, что девушка перед ним милая и наивная. Неопытная. Он и сам был не бог весть какой опытный, то есть вовсе неопытный, но рядом с такой-то, совсем-то уж зеленой... Ну-у, он хоть что-то да слышал! Отважиться? Возможность эта так внезапно открылась Володе, и так он вдруг взволновался, что у него резко ослабли ноги. Он уставился на девушку и долго смотрел – так, что та даже смутилась. И от смущения вдруг рассмеялась. Глядя на нее, и Володя тоже засмеялся. Да так это у них громко вышло, так самозабвенно! Так искренне.

– Вплоть до того, что... – хохотал Володя, – вплоть до того, что – поставим... – Володя и хотел уже перестать смеяться и не мог. – Поставим шалаш и...

Как услышала девушка про этот шалаш, так еще больше закатилась.

– Как Робинзоны... на этом... да?

Володя только кивнул головой – не мог говорить от смеха. Тут отодвинулась дверь ближнего к ним купе, и какая-то женщина крестьянского облика высунулась и попросила негромко:

– Ребята, у меня ребенок спит – потише бы...

Тотчас и в соседнем с этим купе скрежетнула дверь, и некая лысая голова зло и недовольно сказала:

– Как в концертном зале, честное слово! Не в концерте же! – И голова усунулась, и дверь опять нервно скрежетнула и щелкнула. Даже женщина, у которой ребенок, удивленно посмотрела на эту дверь.

– Не спится юному ковбою, – громковато сказал Володя, перестав смеяться, но еще улыбаясь. Он тоже смотрел на сердитую дверь. И сказал еще, но потише: – Вернее так: не спится лысому ковбою.

Девушка прихлопнула ладошкой новый взрыв смеха и бегом побежала по коридору – прочь от опасного места. Володя, польщенный, пошел за ней; чего ему не хватало для полного утверждения в новом своем качестве, так этой вот голой злой головы. Он шел и придумывал, как он сейчас еще скажет про эту голову. Может, так: «Я сперва подумал, что это чье-то колено высунулось».

Девушка ушла аж в тамбур – от греха подальше.

– Ой, правда, мы расшумелись, – сказала она, поправляя волосы. – Люди спят уже...

Володя закурил... Его опять охватило волнение. Его прямо кольхнуло, когда она –

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru совсем рядом – вскинула вверх и назад оголенные свои руки... Он успел увидеть у нее под мышкой родинку. Дым сигареты стал горьким, но он глотал и глотал его... И молчал. Потом бросил сигарету и посмотрел на девушку... Ему казалось, что он посмотрел смело и с улыбкой. Девушка тоже смотрела на него. И по тому, как она на него смотрела – вопросительно, чуть удивленно, – он понял, что он не улыбается. Но теперь уж и отступить было некуда, и Володя положил руку на ее плечо и стал робко подталкивать пальцами девушку к себе. Так как-то двусмысленно подталкивал – приглашал и не приглашал, – можно, однако, подумать, что он влечет к себе, тогда пусть шагнет сама... Жуткий наступил момент, наверно, короткий, но Володя успел разом осознать и свою трусость, и что ему вовсе не хочется, чтоб она шагнула. И он вовсе потерялся...

– Что ты? – спросила девушка серьезно.

– Начнем? – сказал Володя.

Девушка убрала его руку.

– Что начнем? Ты что?

– О боже мой! – воскликнул Володя. – Чего ж ты уж так испугалась-то?.. Пичужка.

– И он коротко хохотнул, торопливо похлопал девушку по плечу и сказал снисходительно и серьезно: – Иди спать, иди спать, а то поздно уже. Да? – и ринулся в наружную дверь тамбура – вон отсюда.

– Завтра поедем вместе? – спросила вдогонку девушка.

– Да! Обязательно! – откликнулся Володя. Он уже был в переходном этом мешке, где грохотало и качалось.

Он почти бежал по вагонам. Очень хотелось или самому выпрыгнуть из вагона, или чтоб она, эта географичка, выпала бы как-нибудь из вагона, чтоб никто никогда не узнал его гнусного позора и какой он враль и молокосос.

Он пришел в свой вагон, снял ботинки, тихо, как всякий мелкий гад, влез на верхнюю полку и замер. Боже ж ты мой! Так ждал этого лета, так радовался, ехал, так все продумал, как будет отдыхать... Тьфу! Тьфу! Тьфу! Он вдруг вспомнил, как зовут девушку – Лариса. И еще он вспомнил, как он хохотал в купейном вагоне... Он заворочался и замычал тихо. Ведь не сломал же руку или ногу, ни от поезда не отстал, ни чемодан не украли – сам мелко напаскудил. Эта Лариса теперь расскажет всем... Они любят рассказывать – смеются всегда! – когда какой-нибудь валенок хотел соблазнить девушку, но ничего не вышло – получил по ушам. Приврет еще, приврет обязательно.

Так он казнил себя на верхней полке... пока вдруг не заснул. Как-то заснул и заснул – страдал, страдал и заснул.

А проснулся, когда уж поезд стоял на родной станции – дальше он никуда не шел. За окном был ясный день, на перроне громко разговаривали, смеялись, вскрикивали радостно. Встречали, торопились к автобусам.

Володя моментально собрался... И вдруг вспомнил вчерашнее... И так и сел. Но надо было выходить: по вагону шел проводник и поторапливал замешкавшихся пассажиров.

Володя вышел на перрон. Огляделся... И прошмыгнул в вокзал. Сел там в уголок на чемодан и стал ждать. Эта Лариса уедет, наверно, одним из первых автобусов, она девка шустрая. А они потом еще будут, автобусы-то, много. И все почти идут через его село. Черт с ней, с этой Ларисой!.. Может, расскажет, а может, и не расскажет. Зато он все равно дома. И уж не так было больно, как вчера вечером. Ну, что же уж тут такого?.. Стыдно только. Ну, может, пройдет как-нибудь. Володя выглянул в окно на привокзальную площадь... И сразу увидел Ларису: она стояла поодаль от автобусов – высматривала Володю среди людей, идущих с перрона. Володя сел опять на чемодан. Вот же противная девка, стоит, ждет! Ничего, подождешь-подождешь и уедешь – домой-то охота. Но ведь какая настырная – стоит, ждет!

Как зайка летал на воздушных шариках
Маленькая девочка, ее звали Верочка, тяжело заболела. Папа ее, Федор Кузьмич,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru мужчина в годах, лишился сна и покоя. Это был его поздний ребенок, последний теперь, он без памяти любил девочку. Такая была игрунья, все играла с папой, с рук не слезала, когда он бывал дома, теребила его волосы, хотела надеть на свой носик-кнопку папины очки... И вот – заболела. Друзья Федора Кузьмича – у него были влиятельные друзья, – видя его горе, нагнали к нему домой докторов... Но там и один участковый все понимал: воспаление легких, лечение одно – уколы. И такую махонькую – кололи и кололи. Когда приходила медсестра, Федор Кузьмич уходил куда-нибудь из квартиры, на лестничную площадку, да еще спускался этажа на два вниз по лестнице, и там пережидал. Курил. Потом приходил, когда девочка уже не плакала, лежала – слабенькая, горячая... Смотрела на него. У Федора все каменело в груди. Он бы и плакал, если б умел, если бы вышли слезы. Но они стояли где-то в горле, не выходили. От беспомощности и горя он тяжело обидел жену, мать девочки: упрекнул, что та недосмотрела за дитем. «Тряпками больше занята, а не ребенком, – сказал он ей на кухне, как камни-валуны на стол бросил. – Все шкафы свои набивают, торопятся». Жена – в слезы... И теперь если и не ругались – нелегко было бы теперь ругаться, – то и помощи и утешения не искали друг у друга, страдали каждый в одиночку.

Врач приходил каждый день. И вот он сказал, что наступил тот самый момент, когда... Ну, словом, все маленькие силы девочки восстали на болезнь, и если бы как-нибудь ей еще и помочь, поднять бы как-нибудь ее дух, устремить ее волю к какой-нибудь радостной цели впереди, она бы скорей поправилась. Нет, она и так поправится, но еще лучше, если пусть бессознательно, но очень-очень захочет сама скорей выздороветь.

Федор Кузьмич присел перед кроваткой дочери.

– Доченька, чего бы ты вот так хотела бы?.. Ну-ка, подумай. Я все-все сделаю. Сам не смогу, попрошу волшебника, у меня есть знакомый волшебник, он все может. Хочешь, я наряжу тебе елочку? Помнишь, какая у нас была славная елочка? С огоньками!..

Девочкина ручка шевельнулась на одеяле, она повернула ее ладонкой кверху, горсткой, – так она делала, когда справедливо возражала.

– Еечка зе зимой бывает-то.

– Да-да, – поспешно закивал сидящей головой папа. – Я забыл. А хошь, сходим с тобой, когда ты поправишься, мульти-пульти посмотрим? Много-много!..

– Мне незя много, – сказала умная Верочка. – Папа, – вдруг даже приподнялась она на подушке, – а дядя Игорей казочку ясказывай – п'о зайку... Ох, хоёсеньякая!..

– Так, так, – радостно всполошился Федор Кузьмич. – Дядя Егор тебе сказочку рассказывал? Про зайку?

Верочка закивала головой, у нее даже глазки живо заблестели.

– П'о зайку...

– Тебе охота бы послушать?

– Как он етай на саиках...

– Как он летал на шариках? На каких шариках?

– Ну, на саиках!.. Дядя Игорей пиедет?

– Дядя Егор? Да нет, дядя Егор далеко живет, в другом городе... Ну-ка, давай, может, мы сами вспомним: на каких шариках зайка летал? На воздушных? Катался?

– Да, не-ет! – У Верочки в глазах показались слезы. – Вот какой-то... Ветей подуи, он высоко-высоко поетей! Пусть дядя Игорей пиедет.

– Дядя Егор-то? Он далеко живет, доченька. Ему надо на поезде ехать... На поезде: ту-ту-у! Или на самолете лететь...

– А ты яскажи?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Про зайку-то? А ты мне маленько подсажи, я, может, вспомню, как он летал на шариках. Он что, надул их и полетел?

Девочка в досаде большой сдвинула бровки, зажмурилась и отвернулась к стене. Отец видел, как большая слеза выкатилась из уголка ее глаза, росинкой ясной перекадилась через переносье и упала на подушку.

– Доча, – взмолился отец. – Я счас узнаю, не плачь. Счас... мама, наверно, помнит, как он летал на шариках. Счас, доченька... Ладно? Счас я тебе расскажу.

Федор Кузьмич чуть не бегом побежал к жене на кухню. Когда вбежал туда, такой, жена даже испугалась.

– Что?

– Да нет, ничего... Ты не помнишь, как зайка летал на воздушных шариках?

– На шариках? – не поняла жена. – Какой зайка?

Федор Кузьмич опять рассердился.

– Француз-зайка, с рогами!.. Зайка! Сказку такую Егор ей рассказывал. Не слышала?

Жена обиделась, заплакала. Федор Кузьмич опомнился, обнял жену, вытер ладошкой ее слезы.

– Ладно, ладно...

– Прямо как преступница сию здесь... – выговаривала жена. – Что ни слово, то попрек. Один ты, что ли, переживаешь?

– Ладно, ладно, – говорил Федор. – Ну, прости, не со зла... Голову потерял – ничего не могу придумать.

– Какую сказку-то?

– Про зайку какого-то... Как он летал на воздушных шариках. Егор рассказывал... Э-э!
– вдруг спохватился Федор. – А я счас позвоню Егору! Пойду и позвоню с почты.

– Да зачем с почты? Из дома можно.

– Да из дома-то... пока их допросишься из дома-то... Счас я сбегаю.

И Федор Кузьмич пошел на почту. И пока шел, ему пришла в голову совсем другая мысль – вызвать Егора сюда. Приедет, расскажет ей кучу сказок, он мастак на такие дела. Ясно, что он выдумал про этого зайку. И еще навьдумывает всяких... Сегодня четверг, завтра крайний день, отпросится на денек, а в воскресенье вечером улетит. Два с небольшим часа на самолете... Еще так думал Федор: это будет для нее, для девочки, неожиданно и радостно, когда приедет сам «дядя Игой» – она его полюбила, полюбила его сказки, замирала вся, когда слушала.

Не так сразу Федор Кузьмич дозвонился до брата, но все же дозвонился. К счастью, Егор был дома – пришел пообедать. Значит, не надо долго рассказывать и объяснять его жене, что вот – заболела дочка... и так далее.

– Егор! – кричал в трубку Федор. – Я тебя в воскресенье посажу в самолет, и ты улетишь. Все будет в порядке! Ну, хошь, я потом напишу твоему начальнику!..

– Да нет! – тоже кричал оттуда Егор. – Не в этом дело! Мы тут на дачу собрались...

– Ну, Егор, ну отложи дачу, елки зеленые! Я прошу тебя... У нее как раз переломный момент, понимаешь? Она аж заплакала давеча...

– Да я-то рад душой... Слышишь меня?

– Ну, ну.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Я-то рад бы душой, но... – Егор что-то замялся там, замолчал.

– Егор! Егор! – кричал Федор.

– погоди, – откликнулся Егор, – решаем тут с женой...

«Э-э! – догадался Федор. – Жена там поперек стала».

– Егор! А Егор! – дозволялся он. – Дай-ка трубку жене, я поговорю с ней.

– Здравствуйте, Федор Кузьмич! – донесся далекий вежливый голосок. – Что, у вас доченька заболела?

– Заболела. Валентина... – Федор забыл вдруг, как ее отчество. Знал, и забыл. И переладился на ходу: – Валя, отпусти, пожалуйста, мужа, пусть приедет – на два дня! Всего на два дня! Валенька, я в долгу не останусь, я... – Федор сгоряча не мог сразу придумать, что бы такое посулить. – Я тоже когда-нибудь выручу!

– Да нет, я ничего... Мы, правда, на дачу собрались. Знаете, зиму стояла без присмотра – хотели там...

– Валя, прошу тебя, милая! Долго сейчас объяснять, но очень нужно. Очень! Валя! Валь!..

– Да, Федор. Я это, – отозвался Егор. – Ладно. Слышь? Ладно, мол, вылечу. Сегодня.

– Ох, Егор... – Федор помолчал. – Ну, спасибо. Жду.

А у Егора, когда он положил трубку, произошел такой разговор с женой.

– Господи! – сказала жена Валя. – Все бросай и вылетай девочке сказку рассказывай.

– Ну болеет ребенок...

– А то дети не болеют! Как это – чтобы ребенок вырос и не болел.

Егору и самому в диковинку было – лететь чуть не за полторы тысячи километров... рассказывать сказки. Но он вспомнил, какой жалкий был у брата голос, у него слезы слышались в голосе – нет, видно, надо. Может, больше надо самому Федору, чем девочке.

– Первый раз собрались съездить... – капала жена Валя. – Большаковы вон ездили, говорят, у них крыша протекла. А у нас крыша-то хуже ихней...

– Ну так бы и сказала ему! – вскипел Егор. – Чего ты ему так не сказала?! Чего ты... Уже ж посулился, нет, давай душу теперь травить!

– Ладно, не ори – душу ему растравили. Что я, голоса лишена, – свое мнение высказать?

– Да чего ты ему-то не высказала? Высказала бы ему. А то... туда же, посочувствовала: «У вас доченька заболела?» – Не злой был человек Егор, но передразнивать умел так до обидного похоже, так у него это талантливо выходило, что люди нервничали и обижались. Тем и оборонялся Егор в жизни. Потому, наверно, и сказки-то мастер был рассказывать: передразнивал всех зверей, злых и добрых, а особенно смешно передразнивал вредную Бабу-ягу.

– Ехай, ехай! – махнула рукой жена Валя. – Ехай, ублажай там, если больше делать нечего. Какие ведь господа живут!..

– А случалось, что эти господа и тебе помогали! – Егор с укоризной посмотрел на жену. – Забыла?

Жена Валя ушла в другую комнату, сердито хлопнув дверью. Нет, не забыла! Федор Кузьмич устроил ее дочь в институт. Как тут забудешь! Но и расстроилась она

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru очень, и не показать этого она тоже не могла.

Егор также расстроился. Так сложились их отношения с женой, давно уж и незаметно как-то сложились, что главными в доме были – дела жены. Егор покорился этому, ибо сам не умел ни достать ничего, ни устроить путевку в дом отдыха, ни объясниться с учителями в школе.. Умел только работать. Но ведь.. что же? Кони тоже умеют работать. От работы одной толку мало, это Егор также давно понял и потому смирился. Иногда, правда, бунтовал, но слабо и нерешительно: вскипит, посверкает глазом да досыта наматерится в душе, и все. Так-то лучше – не бунтовать вовсе, не протестовать, а то эти протесты больше только разжигают хозяйскую похоть людей крепких.

Егор еще немного сердито поторчал в комнате, взял из комода сорок рублей и ушел. «Хорошо, что не надо чемодан брать.. Гостинцев бы захватить? Но.. ладно: раз уж так все – с тормозами, какие уж тут гостинцы. Ладно, хоть сам поехал», – думал Егор. Маленькую Верочку стало вдруг очень жалко. Сперва – впопыхах – не совсем понял, сколь нужна, важна эта поездка, а теперь, когда поехал, понял до конца: глупо было и раздумывать. А вдруг да.. Но эту мысль Егор прогнал из головы, не стал даже додумывать. Позвонил из автомата начальнику цеха (Егор был мастер-краснодеревщик, на работе его ценили), и тот беспрекословно отпустил его: знал, что Егор наверстает эти полтора рабочих дня, и даже больше.

В аэропорту, в кассе, Егору сказали, что билетов в Н-ск нету.

- Ну, может, один как-нибудь.. – робко попросил он.
- Что значит «один как-нибудь»? Нет билетов, – повторили в окошечке строго.

Егор постоял, посмотрел на женщину за стеклом.. И еще раз сунулся к ней:

- Мне очень нужно, девушка.. А? Там это.. ребенок..
- Гражданин, я же вам сказала: нет билетов. Неужели непонятно? Один ему как-нибудь..
- Да понятно-то понятно.. – Егору захотелось передразнить женщину в окошечке, он бы сумел это сделать.. «Э-э! – вдруг вспомнил он. – А этот-то, кому стеллажи-то делал.. он же говорил: что будет нужно, обращайтесь ко мне». К счастью, Егор записал телефон того могучего товарища. Поискал в книжечке.. Нашел!

Долго, подробно мусолил в трубку про маленькую племянницу, про брата, про сказки..

- Куда билет-то нужен? – вышел из терпения могучий товарищ.
- В Н-ск.
- Сразу и надо было сказать. На сегодня? Один?
- Один. На сегодня. Я уже здесь.. понимаете? Я здесь, в аэропорту, а билетов, говорят, нету. Я думаю: да неужели так ни одного билета и нету? Не может же быть, думаю, такого..
- перезвоните минут через десять, – опять прервал уверенный басок.

Егор понял, что улетит сегодня.

Походил по вокзалу, подождал минут пятнадцать и позвонил.

- Подойдите к кассе номер три и возьмите билет, – сказал басок.
- Вот спасибо-то! – кинулся Егор с благодарностями. – А то я уже стал сомневаться.. А брат чуть не со слезами просит. У него, понимаете, это второй брак, ребеночек последний, он поэтому так переживает. Я ее тоже люблю, девочку-то, такая смышленная, все сказками интересуется..
- Ну, до свиданья, – сказали на том конце. – Счастливо долететь.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– До свиданья, – сказал Егор.

Касса номер три – это не та, куда он подходил. Если бы была та, Егор сказал бы той женщине, в окошечке... Сказал бы: «Значит, все же нашелся один билет? Эх, вы... Как же так получается, уважаемая? А сидишь – строгую из себя изображаешь, справедливую. «Вам же сказали: нет билетов!» А один звонок – и билет, оказывается, есть. Значит, так надо и говорить: «Для вас – нету». А вид-то, вид-то – не подступись! А такой же – нуль, только в пилотке». Ну, может, не так бы едко сказал... А может, и не сказал бы вовсе: правда что – нуль, чего и говорить.

...В Н-ск Егор прибыл под утро, часов в пять, а в шесть был уже у брата.

Позвонил... Открыла хозяйка, Надежда Семеновна.

– О-о! – удивилась она. – Так рано?

– С билетом удачно вышло, – радостно сказал Егор. – Прямо сразу улетел... Как Верочка-то?

– Лучше. Она еще спит. Вы потише, пожалуйста...

– Конечно! – тихо воскликнул Егор. – А Федор-то дома?

– Дома.

– Ну, мы на кухне пока посидим... Пусть он на кухню придет.

Федор пришел на кухню в халате и в шлепанцах. Сонный, большой и нелепый в этом халате, Егору даже смешно стало.

– Ты прямо как поп в ем, – сказал он, здороваясь.

Брат Федор покривил в ухмылке губы.

– Как долетел?

– Хорошо!

– А чего там жена-то? Возражала, что ли?

– Да на дачу собрались... Да ну ее!

– Что это она у тебя, командовать-то любит?

– Та-а... Чего об этом? Как Верочка-то?

– Перелом наступил. Поправится. Трухнул я тут...

– Да я уж понял.

– Давай чего-нибудь? Чаю? Или кофе? А может, что... с дороги-то?... – Смешной Федор начал соваться по шкафам. – Счас мы изобретем... Во, коньяк! Будешь?

– Давай. – Егор с интересом наблюдал за старшим братом. Раза три Федор был у Егора – не то что в гостях – проездом: всех поразил своей деловитостью, таким волевым напором, избытком сил. «Да, – подумали в провинции, – эта птица может больно клюнуть». – Давай, братка, давай. Смешной ты какой-то, – не удержался и сказал Егор. Нормальный человек... никакой не деятель.

– Ну! – недовольно молвил Федор. – Чего тут смешного-то? Халат, что ли, никогда не видал? Удобная штука, кстати.

– Да не халат... Ну, давай – со встречей. И чтоб Верочка скорей поправилась.

Братья выпили из маленьких, но каких-то очень тяжеленьких рюмочек... Помолчали.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Как живешь-то? – спросил Федор.

– Да как... – Егор потянулся к пепельнице и рукавом пиджака свалил хрустальную рюмочку-патрон. Рюмочка пискнула звонким краешком в гладкий стол и раскололась. – Ах ты, господи! – испугался Егор. И глянул на брата. Тот усмехнулся, прихватил осторожно пальцами рюмочку и отскочивший ее краешек и бросил в мусорную корзинку.

– Видно, с детства живет этот страх в человеке, – сказал Федор. – Вот, знаешь, Верочку же никто никогда не ругал за посуду, а один раз выронила блюдце, да так испугалась!.. Я же ее и успокаивать кинулся: ерунда, мол, чего ты так испугалась-то! Куклу уронит – ничего, а посуду... Есть, наверно, какой-то закон здесь. А?

– Наверно. Рюмка-то дорогая, черт ты возьми, – с сожалением сказал Егор. – Хрустальная.

– Да брось! – недовольно уже сказал Федор. – Хрустальная... Все равно это – вещь, и должна служить человеку. Ну, и отслужила свой век, туда ей и дорога.

Братья, пожалуй, смутно догадывались, что говорить им как-то не о чем. В прошлый приезд другое дело: дочь Егора, Нина, сдавала вступительные экзамены, начала сдавать сразу неважно, должен был вмешаться Федор... Все разговоры крутились вокруг экзаменов, института. Егор жил у Федора, очень переживал за дочь, но особенно не высывался с советами, все надежды свалил на брата и только со страхом ждал, когда наконец закончатся эти проклятые вступительные экзамены. Тогда-то он и подружился с маленькой Верочкой и вечерами выдумывал ей всякие сказки. Тогда все как-то проще было.

– Как Нина-то? – вспомнил и Федор про Нину; может, тоже подумал, что, когда Нина устраивалась в институт, было хлопотно, но разговоры случались сами собой, не надо было выдумывать, о чем говорить.

– Работает в библиотеке. Я говорю: отдохни ты лучше, покупайся вон – успеешь еще, наработаешься! Нет, лучше глянется работать. Практика, говорит, мне будет.

– Ну и пусть работает – полезней. Накупаться тоже еще успеет. Сейчас надо этот главный рубеж взять – окончить институт.

– Да ведь устают, поди, от учебы-то! Неуж не устают?

– Да ничего страшного нет в учебе! – напористо и поучительно сказал Федор. – Что за дикость – учебы страшиться. Уж нашему ли народу не учиться – давно и давно пора. Нет, помню, бабка фекла: «Федька, не дочитывай до конца книгу – спятишь!» Вот же понимание-то! Да почему? Черт его в душу знает, откуда этот панический страх перед книгой? Нам-то как раз и не хватает этой книги... И вот извольте: не дочитывай до конца, а то с ума сойдешь.

– А что, были же случаи...

– Да от книг, что ли?

– От книг! Парень вон у Гилевых... Игнаху-то Гилева помнишь? Вон сын его, Витька, – зачитался: тихое помешательство.

– С чего вы решили, что от книг-то?

– Читал день и ночь...

– Ну и что?

– Как же?.. Зачитался.

Федор хмыкнул с досадой, но пока не стал говорить, достал другой хрустальный патрончик, плеснул в него коньяку. И себе тоже плеснул.

– Давай. С ума они, видите ли, сходят от чтения... Ты много за свою жизнь книг прочитал?

– Я не пример.

– А кто пример? Ну, я вот: прочитал уйму книг – жив-здоров, чувствую, что мало еще прочитал, надо бы раза в три больше.

– Куда тебе больше-то? – удивился Егор. – Чего не хватает-то? Всего же вдосталь...

– Знаний не хватает! – сердито сказал Федор. – Вот чего. Вот они приходят сейчас, молодые, на смену – и поджимают. Да как поджимают! Сколько-то еще подержимся, а дальше – извини-подвинься: надо уступать. С жизнью, брат, не поспоришь.

– Не знаю... – сказал Егор. – Меня, например, никто не поджимает.

– Да тебя-то! Твое дело... не обижайся, конечно, но дело твое каждый сумеет делать. Ну, не каждый – через одного. Есть вещи сложнее...

– Ну, и надо уступать, – тоже чего-то рассердился Егор, наверно, за профессию свою обиделся. – А то и правда-то: смотришь, сидит – пень пнем, только орать умеет.

– Не торопи-ись, – с дрожью в голосе протянул Федор. – Больно приткие! Есть еще такие понятия, как – опыт. Старшинство ума. Дачи увидели! Машины увидели!.. А не видите, как ночами приходится ворочаться от... Ты в субботу-то купаться пошел, а я сижу в кабинете, звонка жду: то ли он позвонит, то ли не позвонит. А и позвонит, да что скажет? Это ведь легче всего: в чужом кармане деньги считать. Их заработать труднее...

– Я не считаю твои деньги. Что ты?

– Я не про тебя. Есть... любители. Сам еще ночного горшка не выдумал, сопляк, а уже с претензиями. Не-ет, подожди, пусть сперва материно молоко на губах обсохнет, потом я выслушаю твои претензии. Свистуны. Мне что, на блюдечке все это поднесли? – Федор неопределенно покачал головой: то ли он имел в виду эту большую богатую квартиру, то ли адресовался дальше – дачу с машиной и с гаражом подразумевал, то ли, наконец, показал на шифоньер, где висел его черный костюм с орденами. – Тут уж я самому господу богу могу прямо в глаза смотреть: все добыто трудом. Вот так. Сам от работы никогда не бегал, но и другим... – Федор чуть-чуть хрустальную рюмочку, и она вся спряталась в его огромном кулаке. Нет, крепок был еще Федор Максимов, не скоро подвинется и даст место другому. – Подняли страну на дыбы? – выходи вперед, не бегай по кустам. – Федор, наверно, чуть-чуть захмелел, а может, высказывал наболевшее, благо подвернулся брат родной – должен понять. – Вот так надергаешься за день-то, наорешься, как ты говоришь, – без этого, к сожалению, тоже не обойдешься, – а ночью лежишь и думаешь: «Да пошли вы все к чертям собачьим! Есть у меня Родина, вот перед ней я и ответчик: так я живу или не так».

– Кто тебе говорит, что ты не так живешь? – сказал сочувственно Егор. – Что ты? Наоборот, я всегда рад за тебя, всегда думаю: «Молодец Федор, хоть один из родни в большие люди выбился».

– Дело не «в больших людях». Не такой уж я большой... Просто делаю свое дело, стараюсь хорошо делать. Но нет!.. – пристукнул Федор ребром ладони по столу и даже не спохватился, что шумит. – Найдутся... некоторые, будут совать в нос свое... Будут намекать, что крестьянский выходец не в состоянии охватить разумом перспективу развития страны, что крестьянин всегда будет мыслить своим наделом, пашней... Вот еще как рассуждают, Егор! – Федор посмотрел на брата, стараясь взглядом еще донести всю глупость и горечь такого рода рассуждений. – Вот еще с какой стороны приходится отбиваться. А кто ее строил во веки веков? Не крестьянин?

– У тебя неприятности, что ли? – спросил Егор.

– Неприятности... – Федор вроде как вслушался в само это слово. Еще раз сказал в раздумье: – Неприятности. – И вдруг спросил сам себя: – А были они, неприятности-то? – И сам же поспешно ответил: – Были, конечно. Да нет, ничего. Так я... Устал за эти дни, изнервничался. Есть, конечно, и неприятности, без этого не проживешь. Ничего! Все хорошо.

А Егору чего-то вдруг так сделалось жалко брата, так жалко! И лицом и повадками Федор походил на отца. Тот тоже был труженик вечный и тоже так же бодрился, когда приходилось худо. Вспомнил Егор, как в 33-м году, в голодуху, отец принес откуда-то пригоршни три пшеницы немолотой, шумно так заявился: «Живем, ребяташки!» Мать сварила жито, а он есть отказался, да тоже весело, бодро: «Вы ешьте, а я уж налупился дорогой – сырой! Аж брюхо пучит». А сам хотел, чтоб ребяташкам больше досталось. Так и Федор теперь... Хорохорится, а самому худо чего-то, это видно. Но как его утешить – сам все понимает, сам вон какой...

– Да, – сказал Егор. – Ну, и ладно. Ничего, братка, ничего. Дыши носом.

– Что за сказку ты ей рассказывал? – спросил Федор. – Про зайку-то... Как он летал на воздушных шариках.

Егор задумался. Долго вспоминал... Даже на лице его, крупном, добром, отразилось, как он хочет вспомнить.

И вспомнил, аж просиял.

– Про зайку-то?! А вот: пошел раз зайка на базар с отцом. И увидел там воздушные шарики – мно-ого! Да все разноцветные: красные, синие, зеленые... – Егор весело смотрел на брата, а рассказывал так, как если бы он рассказывал самой Верочке – не убавлял озорной сказочной тайны, а всячески разукрашивал ее и отодвигал дальше. – Вот. И привязался он к отцу, зайка-то: купи да купи. Отец и купил. Ну, купил и сам же и держит их в руке. А тут увидел: морковку продают! «На-ка, – говорит, – поддержи шарики, я очередь пока займу». Зайка-то, маленький-то, взял их... И надо же – дунул как раз ветер, и зайчишку нашего подняло. И понесло, и понесло! Выше облаков залетел...

Федор с интересом слушал сказку, раза два даже носом шмыгнул в забывчивости.

– Как тут быть? – спросил Егор брата. Тот не понял.

– Чего как быть?

– Как выручать зайку-то?

– Ну... спасай уж как-нибудь, – усмехнулся Федор. – На вертолете, что ли?

– На вертолете нельзя: от винтов струя сильная, все шары раскидает...

– Ну а как?

– Вот все смотрят вверх и думают: как? А зайка кричит там, бедный, ножками болтает. Отец тут с ума сходит... И вдруг одна маленькая девочка, Верочка, допустим, кричит: «Я удумала!» Это у меня Нина, когда маленькая была, говорила: «Я удумала». Надо – я придумала, а она: «Я удумала». Вот Верочка и кричит: «Я удумала!» Побежала в лес, созвала всех пташек – она знала такое одно словечко: скажет, и все зверушки, все пташки ее слушаются, – вот, значит, созвала она птичек и говорит: «Летите, – говорит, – к зайке и проклевайте клювиками его шарики, по одному. Все сразу не надо, он упадет. По одному шарiku прокалывайте, и зайка станет опускаться». Вот. Так и выручили зайку из беды.

Федор качнул головой, усмехнулся, потянулся к сигаретам. А чтоб не кокнуть еще одну дорожную рюмочку, прихватил другой рукой широкий рукав халата.

– Довольно это... современная сказочка. Я думал, ты про каких-нибудь волшебников там, про серого волка...

– Нет, я им нарочно такие – чтоб заранее к жизни привыкали. Пускай знают побольше. А то эти волшебники да царевны... Счас какая-то и жизнь-то не такая. Тут такие есть волшебники, что...

– Да, тут есть волшебники... Целые Змеи-горынычи! – засмеялся Федор.

– Не говоря уж про Бабу-ягу: что ни бабочка, то Баба-яга. Мы твою-то не разбудим? Громко-то...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Бабу-ягу-то? – хохотнул опять Федор. – Ничего. У меня, Егор, даже не Баба-яга, – сбавил он в голосе, – у меня нормальная тряпошница, мещанка. Но так мне, седому дураку, и надо! Знаешь... – Федор заикнулся было про какую-то свою тайну тоже, но безнадежно махнул рукой и не стал говорить. – Ладно, чего там.

Егора опять поразило, как не похож этот Федор на того, напористого, властного, каким он бывал на людях, на своих стройках...

– Что-то все же томит тебя, братец, – сказал Егор. – Давай уж... может, и помогу каким словом.

– Да ничего, – смутился Федор. И чтоб скрыть смущение, потянулся опять к сигаретам. – Я и так что-то сегодня... Размяк что-то с тобой. Все нормально, Егорша. Все хорошо. – Помолчал, глядя в стол, потом тряхнул сивой головой, с усталой улыбкой посмотрел на брата, еще раз сказал: – Все хорошо. Хорошо, что приехал... Правда. Я, знаешь, что-то часто стал отца-покойника во сне видеть. То мы с ним косим, то будто на мельнице... Старею, что ли. Старею, конечно, что же делаю. Коней еще часто вижу... Я любил коней.

– Стареем, – согласился Егор.

– Давай-ка... за память светлую наших родителей. – Федор наполнил два хрустальных патрончика коньяком. – Мы ведь тоже уже... завершаем свой круг... А? – Федор, словно пораженный этой мыслью, такой простой, такой понятной, так и остался сидеть некоторое время с рюмкой в руке – смотрел сперва на брата, потом опять в стол, в стол смотрел пристально, даже как будто сердито. Очнулся, качнул рюмочку, приглашая брата, выпил. – Да, – сказал, – разворотил ты мне душу... А чем, не пойму. Наверно, правда устал за эти дни. Думал, никакая меня беда не согнет, а вот... Ну, ничего. Ничего вообще-то не жаль! – встряхнулся он и сверкнул из-под нависших бровей своим неломким прямым взглядом. – Жалко дочь малую. Но... подпошемся потуже и будем жить. Так? – спросил брата, спросил, как спрашивал многих других днем, на работе, на стройках своих – спросил, чтоб не слушать ответа, ибо все ясно. – Так, Егорша, так. Ложись-ка сосни часок-другой, а там и Верунька проснется. А я посижу пока тут с бумажками... покумекаю. Да, – вспомнил он, – подскажи мне, чего бы такое жене твоей купить? Подарок какой-нибудь...

– Брось! – сердито воскликнул Егор.

– Чего брось? Мне сейчас будет звонить один... волшебник один... – Федор искренне, от души засмеялся. – Вот волшебник так волшебник! Всем волшебникам волшебник, у него там всего есть... Чего бы? Говори.

– Да брось ты! – еще раз с сердцем сказал Егор. – Что за глупость такая – подарки какие-то! К чему?

Федор с улыбкой посмотрел на брата, кивнул согласно головой.

– Ладно. Иди поспи. Там постель тебе приготовлена... Иди.

Егор тихонько прокрался в одну из комнат, разделся, присел на край дивана, который был застелен свежими простынями... Посидел. Огляделся... Посмотрел на окно – форточка открыта. Достал из кармана папиросы, закурил. Курил и стряхивал пепелок в ладошку. Спать не хотелось.

Вошел в комнату Федор.

– Слушай, – сказал он, – у меня чего-то серьезно душа затревожилась – наговорил тут тебе всякой всячины... Подумаешь бог знает что. А? – Федор улыбнулся. Присел рядом на диван. И даже по спине братца хлопнул весело. – У меня все хорошо. Все хорошо, я тебе говорю! Чего смотришь-то так?

– Как? Ничего... Я ничего не думаю. Что ты?

– Да смотришь как-то... вроде жалеешь.

– Ну, парень! – воскликнул Егор. – Ты что?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну, тогда ладно. Поспи, поспи маленько, а то ведь не спал небось в самолете–то? Поспи.

– Ладно, – сказал Егор. – Посплю. Покурю вот и лягу.

– Мгм. – Федор ушел.

Егор осторожненько стряхнул пепел в ладонку, склонился опять локтями на колени и опять задумался. Спать не хотелось.

Версия

Санька Журавлев рассказал диковинную историю. Был он в городе (мотоцикл ездил покупать), зашел там в ресторан покушать. Зашел, снял плащ в гардеробе, направился в зал... А не заметил, что зал отделяет стеклянная стена – пошел на эту стенку. И высадил ее. Она прямо так стоя и упала перед Санькой и со звоном разлетелась в куски. Ну, сбежались. Санька был совершенно трезв, поэтому милицию вызывать не стали, а повели его к директору ресторана на второй этаж. Человек, который вел его по мягкой лестнице, подсчитал:

– Зарплаты две выложишь. А то и три.

– Я же не нарочно.

– Мало ли что!

Зашли в кабинет директора... И тут–то и начинается диковина, тут сельские люди слушали и переглядывались – не верили. Санька рассказывал так:

– Заходим – сидит молодая женщина. Пышная, глаза маленько навывкате, губки бантиком, при золотых часиках. «Что случилось?» Товарищ этот начинает ей докладывать, что вот, мол, стенку решили... А эта на меня смотрит. – Тут Санька всякий раз хотел показать, как она на него смотрела: делал губы куриной гузкой и выпучивал глаза. И смотрел на всех. Люди смеялись и продолжали не верить.

– Ну–ну?

– Она этому товарищу говорит: «Ну хорошо, – говорит, – идите. Мы разберемся». А кабинет!.. Ну, ё–мое, наверно, у министров такие: кругом мягкие креслы, диваны, на стенах картины... «Вы откуда?» – спрашивает. Я объяснил. «Так–так, – говорит. – Как же это вы так?» А сама на меня смо–отрит, смо–отрит... До–олго смотрела.

Еще потому не верили земляки Саньке, что смотреть–то на него, да еще, как он уверяет, долго, да еще городской женщине – зачем, господи?! Чего там высматривать–то? Длинный, носатый, весь в морщинах раньше времени... Догадывались, что Саня потому и выдумал эту историю, чтобы хоть так отыгаться за то, что деревенские девки его не любили.

– Ну–ну, Саня? Дальше?

Дальше Санька бил в самое дыхало; история начинала звенеть и искриться, как та стенка в ресторане...

– Дальше мы едем с ней в ее трехкомнатную квартиру и гужуемся. Три дня! Я просыпаюсь, от так от шару возле кровати, нахожу бутылку шампанского – буль–буль–буль!.. Она мне: «Ты бы хоть из фужера, Санек, вон же фужеров полно!» Я говорю: «Имел я в виду эти фужеры!» Гужуемся три дня и три ночи! Как во сне жил. Она на работу вечером сходит, я пока один в квартире. Ванну принимаю, в туалете сижу... Ванна отделана голубым кафелем, туалет – желтым. Все блестит, мебель вся лакирована. Я сперва с осторожностью относился, она заметила, подняла на смех. «Брось ты, – говорит, – Санек! Надо, чтоб вещи тебе служили, а не ты вещам. Что же, говорит, я все это с собой, что ли, возьму?» Шторы такие зеленые, с листочками... Задернешь – полумрак такой в комнатах. Кто–нибудь спал из вас в спальне из карельской березы? Мы же фраера! Мы думаем, что спать на панцирной сетке – это мечта жизни. Счас я себе делаю кровать из простой березы... город давно уже перешел на деревянные кровати. Если ты каждый день получаешь гигантский стресс, то выспаться–то ты должен!

– Ну–ну, Сань?

– Так проходят эти три дня. Вечером она привозит на такси курочек, разные заливные... Они мне сигналиют, я спускаюсь, беру переносной такой холодильник, несу... И мы опять гужемся. Включаем радиолу на малую громкость, попиваем шампанское... Чего только моя левая нога захочет, я то немедленно получаю. Один раз я говорю: «А вот я видел в кино: наливает человек немного виски в стакан, потом туда из сифончика... Ты можешь так?» – «Это, – говорит, – называется виски с содовой. Сифон у меня есть, виски сейчас привезут». Точно, минут через пятнадцать привезли виски. Они мне, кстати, не поглянулись. Я пил водку с содовой. От так от нажимаешь курочек на сифончике, оттуда как даст в стакан... Прелесть.

– А как со стеклом-то?

– С каким стеклом?

– Ну, разбил-то...

– А-а. А никак. Она меня потом разглядывала всего и удивлялась: «Как ты, – говорит, – не порезался-то?» А мотоцикл – я ей деньги отдал, мне его прямо к подъезду подкатили...

Вот такая история случилась будто бы с Санькой Журавлевым. Из всего этого несомненной правдой было: Санька в самом деле ездил в город; не было его три дня; мотоцикл привез именно такой, какой хотел и на какой брал деньги; лишних денег у него с собой не было. Это все правда. В остальное односельчане никак не могли поверить. Санька нервничал, злился... Говорил мужикам про такие поганые подробности, каких со зла не выдумаешь. Но считали, что всего этого Санька где-то наслышался.

– Ну, ё-мое! – психовал Санька. – Да где же я эти три дня был-то?! Где?!

– Может, в вырезвители.

– Да как я в вырезвитель-то попаду?! Как? У меня лишнего рубля не было!

– Ну, это... Свинья грязи найдёт.

– Иди найди! Иди хоть пятак найди за так-то. На что же бы я жил-то три дня?

Этого не могли объяснить. Но и в пышного директора ресторана и в ее трехкомнатную квартиру – тоже не могли поверить. Это уж черт знает что такое – таких дур и на свете-то не бывает.

– Дистрофики! – обзывал всех Санька. – Жуки навозные. Что вы понимаете-то? Ну, что вы можете понимать в современной жизни?

Слушал как-то эту историю Егорка Юрлов, мрачноватый, бесстрашный парень, шофер совхозный. Дослушал до конца, усмехнулся ядовито. К нему все повернулись, потому что его мнение – как-то так повелось – уважали. И, надо сказать, он и вправду был парень неглупый.

– Что скажешь, Егорка?

– Версия, – кратко сказал Егорка.

– Какая версия? – не понял Санька.

– Что ты дурачка-то из себя строишь? – прямо спросил Егорка. – Чего ты людей в заблуждение вводишь?

Санька аж побелел... Думали, что они подерутся. Но Санька прищемил обиду зубами. И тоже прямо спросил:

– У тебя машина на ходу?

– Зачем?

– Я спрашиваю: у тебя машина на ходу? – Санька угрожающе придвинулся к Егорке. –

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Ну?

Егорка подождал, не кинется ли на него Санька; подождал и ответил:

– На ходу.

– Поедем, – приказным голосом сказал Санька. – Надоела мне эта комедия: им рассказываешь как добрым, а они, стерва, хаханьки строят. Поедем к ней, я покажу тебе, как живут люди в двадцатом веке. Предупреждаю: без моего разрешения никого не лапать и не пить дорогое вино стаканами. Возможно, там соберется общество – может, подруги ее придут. Кто еще хочет ехать, фраера? – Саньку повело на спектакль – он любил иногда «выступить», но при всем том... При всем том он предлагал проверить, правду ли он говорит или врет. Это серьезно.

Егорка, недолго думая, сказал:

– Поехали.

– Кто еще хочет? – еще раз спросил Санька.

Никто больше не пожелал ехать. История сама по себе довольно темная, да еще два таких едут... Недолго и того... угореть.

А Санька с Егоркой поехали.

Дорогой еще раз ругнулись. Санька опять начал учить Егорку, чтоб никого не лапал в городе и не пил дорогое вино стаканами.

– А то я ж вас знаю...

– Да пошел ты к такой-то матери! – обозлился Егорка. – Строит из себя, сидит... «Я – ва-ас...» Кого это «вас»-то? А ты-то кто такой?

– я тебя учу, как лучше ориентироваться в новой обстановке, понял?

– Научи лучше себя – как не трепаться. Не врать. А то звону наделал... Счас, если приедем и там никакой трехкомнатной квартиры не окажется, – Егорка постучал пальцем по рулю, – обратно пойдешь пешком.

– Ладно. Но если все будет, как я говорил, я те... Ты принародно, в клубе, скажешь со сцены: «Товарищи, зря мы не верили Саньке Журавлеву – он не врал». Идет?

– Едет, – буркнул мрачный Егорка.

– Черти! – в сердцах сказал Санька. – Сами живут... как при царе Горохе, и других не пускают.

Приехали в город засветло.

«Направо», «налево», «прямо!» – командовал Санька. Он весь подсобрался, в глазах появилась решимость: он слегка трусил. Егорка искоса взглядывал на него, послушно поворачивал «влево», «вправо»... Он видел, что Санька вибрирует, но помалкивал. У него у самого сердце раза два сжалось в недобром предчувствии.

– Узнаю ресторан «Колос», – торжественно сказал Санька. – Тут, по-моему, опять налево. Да, иди налево.

– Адрес-то не знаешь, что ли?

– Адресов я никогда не помнил – на глаз лучше всего.

Еще покрутились меж высоких спичечных коробков, поставленных стоймя... И подъехали к одному, и остановились.

– Вот он, подъездик, – негромко сказал Санька. – Голубенький, с козырьком.

Посидели немного в кабине.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну? – спросил Егорка.

– Счас... Она, наверно, на работе, – неуверенно сказал Санька. – Сколько счас?

– Без двадцати девять.

– У нее самый разгар работы...

– Ну-у... начинается. Уже очко работает?

– Пошли! – скомандовал Санька. – Пошли, теленочек, пошли. Если дома нет, поедем в ресторан.

Поднялись на четвертый этаж пешком.

– Так, – сказал Санька. Он волновался. – Следи за мной: как я, так и ты, но малость скромнее. Как будто ты мой бедный родственник... фу! Волнуюсь, стерва. А чего волнуюсь? Уперед! – И он нажал беленький пупочек звонка.

За дверью из тишины послышались остренькие шажочки...

– Паркет, знаешь, какой!.. – успел шепнуть Санька.

В двери очень долго поворачивался и поворачивался ключ – может, не один?

Санька нервно подмигнул Егорке.

Наконец дверь приоткрылась... Санька растянул большой рот в улыбке, хотел двинуть дверь, чтоб она распахнулась приветливее, но она оказалась на цепочке.

– Кто это? – тревожно и недовольно спросили из-за двери. Женщина спросила.

– Ира... это я! – сказал Санька ненатуральным голосом. И улыбку растянул еще шире. Можно сказать, что на лице его в эту минуту были – нос и улыбка, остальное – морщины.

– Боже мой! – зло и насмешливо сказал голос за дверью (Егорка не видел из-за Саньки лица женщины), и дверь захлопнулась и резко, сухо щелкнула.

Санька ошалел... Посмотрел растерянно на Егорку.

– Ё-мое! – сказал он. – Она что, озверела?

– Может, не узнала? – без всякого ехидства подсказал Егорка.

Санька еще раз нажал на белый пупочек. За дверью молчали. Санька давил и давил на кнопочку. Наконец послышались шаги – тяжелые, мужские. Дверь опять открылась, но опять мешал цепок. Выглянуло розовое мужское лицо. Мужчина боднул строгим взглядом Саньку... Потом глаза его обнаружили мрачноватого Егорку и – быстро-быстро – поискали, нет ли еще кого? И, стараясь, чтоб вышло зло и страшно, спросил:

– В чем дело?

– Позови Ирину, – сказал Санька.

Мужчина мгновение решал, как поступить... Из глубины квартиры ему что-то сказали. Мужчина резко захлопнул дверь. Санька тут же нажал на кнопку звонка и не отпуская. Дверь опять раскрылась.

– Что, выйти накостылять, что ли?! – уже всерьез злобно сказал мужчина.

Санька подставил ногу под дверь, чтобы мужчина не сумел ее закрыть.

– Выйди на минутку, – сказал он. – Я спрошу кое-что.

Мужчина чуть отступил и всем телом ринулся на дверь... Санька взвыл. Егорка с этой стороны – точно так, как тот за дверью, – откатнулся и саданул дверь плечом.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Санька выдернул ногу и тоже навалился плечом на дверь.

– Семен! – заполошно крикнул мужчина.

Пока Семен бежал в тапочках на зов товарища, молодые деревенские бычки поднатужились тут... Цепочка лопнула.

– Руки вверх! – заорал Санька, ввалившись в коридор.

Мужчина с розовым лицом попятился от них... Мужчина в тапочках тоже резко осадил бег. Но тут вперед с визгом вылетела коротконогая женщина с могучим торсом.

– Вон-он! – Странно, до чего она была легкая при своей тучности, и до чего же пронзительно она визжала. – Вон отсюда, сволочи!! Звоните в милицию! Я звоню в милицию! – Женщина так же легко ускакала звонить.

– Пошли, Санька, – сказал Егорка.

Санька не знал, как подумать про все это.

– Пошли, – еще сказал Егор.

– Нет, не пошли-и, – свирепо сказал розоволицый. И стал надвигаться на Саньку. – Нет, не пошли-и... Так просто, да? Семен, заходи-ка с той стороны. Окружай хулиганов!

Человек в тапочках пошел было окружать. Но тут вернулся от двери Егор...

...Из «окружения» наши орлы вышли, но получили по пятнадцать суток. А у Егорки еще и права на полгода отняли – за своевольную поездку в город. Странно, однако, что деревенские после всего этого в Санькину историю полностью поверили. И часто просили рассказать, как он гужевался в городе три дня и три ночи. И смеялись.

Не смеялся только Егорка: без машины стал меньше зарабатывать.

– Дурак – поперся, – ворчал он. – На кой черт?

– Егор, а как баба-то? Правда, что ли, шибко красивая?

– Да я и разглядеть-то не успел как следует: прыгал какой-то буфет по квартире...

– А квартира-то, правда, что ли, такая шикарная?

– Квартира шикарная. Квартиру успел разглядеть. Квартира шикарная.

Санька долго еще ходил по деревне героем.

Ванька Тепляшин

Ванька Тепляшин лежал у себя в сельской больнице с язвой двенадцатиперстной кишки. Лежал себе и лежал. А приехал в больницу какой-то человек из районного города, Ваньку вызвал к себе врач, они с тем человеком крутили Ваньку, мяли, давили на живот, хлопали по спине... Поговорили о чем-то между собой и сказали Ваньке:

– Поедешь в городскую больницу?

– Зачем? – не понял Ванька.

– Лежать. Так же лежать, как здесь лежишь. Вот... Сергей Николаевич лечить будет.

Ванька согласился.

В горбольнице его устроили хорошо. Его там стали называть «тематический больной».

– А где тематический больной-то? – спрашивала сестра.

– Курит, наверно, в уборной, – отвечали соседи Ванькины. – Где же еще.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Опять курит? Что с ним делать, с этим тематическим...

Ваньке что-то не очень нравилось в горбольнице. Все рассказал соседям по палате, что с ним случилось в жизни: как у него в прошлом году шоферские права хотели отнять, как один раз тонул с машиной...

– Лед впереди уже о так от горбатится – горкой... Я открыл дверцу, придавил газку. Вдруг – вниз поехал!.. – Ванька, когда рассказывает, торопится, размахивает руками, перескакивает с одного на другое. – Ну, поехал!.. Натурально, как с горки! Вода – хлобысь мне в ветровое стекло! А дверку льдиной шваркнуло и заклинило. И я, натурально, иду ко дну, а дверку не могу открыть. А сам уже плаваю в кабине. Тогда я другую нашарил, вылез из кабины-то и начинаю осматриваться...

– Ты прямо, как это... как в баню попал: «вылез, начинаю осматриваться». Меньше ври-то.

Ванька на своей кровати выпучил честные глаза.

– Я вру?! – Некоторое время он даже слов больше не находил. – Хот... Да ты что? Как же я врать стану! Хот...

И верно, посмотришь на Ваньку – и понятно станет, что он, пожалуй, и врать-то не умеет. Это ведь тоже – уметь надо.

– Ну, ну? Дальше, Вань. Не обращай внимания.

– Я, значит, смотрю вверх – вижу: дыра такая голубая, это куда я провалился... Я туда погреб.

– Да сколько ж ты под водой-то был?

– А я откуда знаю? Небось недолго, это я рассказываю долго. Да еще перебивают...

– Ну, ну?

– Ну, вылез... Ко мне уже бегут. Завели в первую избу...

– Сразу – водки?

– Одеколоном сперва оттерли... Я целую неделю потом «Красной гвоздикой» вонял. Потом уж за водкой сбегали.

...Ванька и не заметил, как наладился тосковать. Стоял часами у окна, смотрел, как живет чужая его уму и сердцу улица. Странно живет: шумит, кричит, а никто друг друга не слышит. Все торопятся, но оттого, что сверху все люди одинаковы, кажется, что они никуда не убегают: какой-то загадочный бег на месте. И Ванька скоро привык скользить взглядом по улице – по людям, по машинам... Еще пройдет, надламываясь в талии, какая-нибудь фифочка в короткой юбке, Ванька проводит ее взглядом. А так – все одинаково. К Ваньке подступила тоска. Он чувствовал себя одиноко.

И каково же было его удивление, радость, когда он в этом мире внизу вдруг увидел свою мать... Пробирается через улицу, оглядывается – боится. Ах, родная ты, родная! Вот догадалась-то.

– Мама идет! – закричал он всем в палате радостно.

Так это было неожиданно, так она вольно вскрикнула, радость человеческая, что все засмеялись.

– Где, Ваня?

– Да вон! Вон, с сумкой-то! – Ванька свесился с подоконника и закричал: – Ма-ам!

– Ты иди встретить ее внизу, – сказали Ваньке. – А то ее еще не пропустят: сегодня не приемный день-то.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да пустят! Скажет – из деревни... – Гадать стали.

– Пустят! Если этот стоит, худой такой, с красными глазами, этот сроду не пустит.

Ванька побежал вниз.

А мать уже стояла возле этого худого с красными глазами, просила его. Красноглазый даже и не слушал ее.

– Это ко мне! – издали еще сказал Ванька. – Это моя мать.

– В среду, субботу, воскресенье, – деревянно прокуковал красноглазый.

Мать тоже обрадовалась, увидев Ваньку, даже и пошла было навстречу ему, но этот красноглазый придержал ее.

– Назад.

– Да ко мне она! – закричал Ванька. – Ты что?!

– В среду, субботу, воскресенье, – опять трижды отстукал этот... вахтер, что ли, как их там называют.

– Да не знала я, – взмолилась мать, – из деревни я... Не знала я, товарищ. Мне вот посидеть с им где-нибудь, маленько хоть...

Ваньку впервые поразило – он обратил внимание, – какой у матери сразу сделался жалкий голос, даже какой-то заученно-жалкий, привычно-жалкий, и как она сразу перескочила на этот голос... И Ваньке стало стыдно, что мать так униженно просит. Он велел ей молчать:

– Помолчи, мам.

– Да я вот объясняю товарищу... Чего же?

– Помолчи! – опять велел Ванька. – Товарищ, – вежливо и с достоинством обратился он к вахтеру, но вахтер даже не посмотрел в его сторону. – Товарищ! – повысил голос Ванька. – Я к вам обращаюсь!

– Вань, – предостерегающе сказала мать, зная про сына, что он ни с того ни с сего может соскочить с зарубки.

Красноглазый все безучастно смотрел в сторону, словно никого рядом не было и его не просили сзади и спереди.

– Пойдем вон там посидим, – изо всех сил спокойно сказал Ванька матери и показал на скамеечку за вахтером. И пошел мимо него.

– Наз-зад, – как-то даже брезгливо сказал тот. И хотел развернуть Ваньку за рукав.

Ванька точно ждал этого. Только красноглазый коснулся его, Ванька движением руки вверх резко отстранил руку вахтера и, бледнея уже, но еще спокойно, сказал матери:

– Вот сюда вот, на эту вот скамеечку.

Но и дальше тоже ждал Ванька – ждал, что красноглазый схватит его сзади. И красноглазый схватил. За воротник Ванькиной полосатой пижамы. И больно дернул. Ванька поймал его руку и так сдавил, что красноглазый рот скривил.

– Еще раз замечу, что ты свои руки будешь распускать... – заговорил Ванька ему в лицо негромко, не сразу находя веские слова, – я тебе... я буду иметь с вами очень серьезный разговор.

– Вань, – чуть не со слезами взмолилась мать. – Господи, господи...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Садись, – велел Ванька чуть осевшим голосом. – Садись вот сюда. Рассказывай, как там?..

Красноглазый на какое-то короткое время оторопел, потом пришел в движение и подал громкий голос тревоги.

– Стигнеев! Лизавета Сергеевна!.. – закричал он. – Ко мне! Тут произвол!.. – И он, растопырив руки, как если бы надо было ловить буйно помешанного, пошел на Ваньку. Но Ванька сидел на месте, только весь напряжился и смотрел снизу на красноглазого. И взгляд этот остановил красноглазого. Он оглянулся и опять закричал: – Стигнеев!

Из боковой комнаты, из двери выскочил квадратный Евстигнеев в белом халате, с булочкой в руке.

– А? – спросил он, не понимая, где тут произвол, какой произвол.

– Ко мне! – закричал красноглазый. И, растопырив руки, стал падать на Ваньку.

Ванька принял его.. Вахтер отлетел назад. Но тут уже и Евстигнеев увидел «произвол» и бросился на Ваньку.

...Ваньку им не удалось сцапать.. Он не убегал, но не давал себя схватить, хоть этот Евстигнеев был мужик крепкий и старались они с красноглазым во всю силу, а Ванька еще стерегся, чтоб поменьше летели стулья и тумбочки. Но все равно, тумбочка вахтерская полетела, и с нее полетел графин и раскололся. Крик, шум поднялся.. Набежало белых халатов. Прибежал Сергей Николаевич, врач Ванькин.. Красноглазого и Евстигнеева еле-еле уняли. Ваньку повели наверх. Сергей Николаевич повел. Он очень расстроился.

– Ну как же так, Иван?..

Ванька, напротив, очень даже успокоился. Он понял, что сейчас он поедет домой. Он даже наказал матери, чтоб она подождала его.

– На кой черт ты связался-то с ним? – никак не мог понять молодой Сергей Николаевич. Ванька очень уважал этого доктора.

– Он мать не пустил.

– Да сказал бы мне, я бы все сделал! Иди в палату, я ее приведу.

– Не надо, мы счас домой поедем.

– Как домой? Ты что?

Но Ванька проявил непонятную ему самому непреклонность. Он потому и успокоился-то, что собрался домой. Сергей Николаевич стал его уговаривать в своем кабинетике.. Сказал даже так:

– Пусть твоя мама поживет пока у меня. Дня три. Сколько хочет! У меня есть где пожить. Мы же не довели дело до конца. Понимаешь? Ты просто меня подводишь. Не обращай внимания на этих дураков! Что с ними сделаешь? А мама будет приходить к тебе..

– Нет, – сказал Ванька. Ему вспомнилось, как мать униженно просила этого красноглазого.. – Нет. Что вы!

– Но я же не выпишу тебя!

– Я из окна выпрыгну.. В пижаме убегу ночью.

– Ну-у, – огорченно сказал Сергей Николаевич. – Зря ты.

– Ничего. – Ваньке было даже весело. Немного только жаль, что доктора.. жалко, что он огорчился. – А вы найдете кого-нибудь еще с язвой.. У окна-то лежит, рыжий-то, у него же тоже язва.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не в этом дело. Зря ты, Иван.

– Нет. – Ваньке становилось все легче и легче. – Не обижайтесь на меня.

– Ну, что ж... – Сергей Николаевич все же очень расстроился. – Так держать тебя тоже бесполезно. Может, подумаешь?.. Успокойсья...

– Нет. Решено.

Ванька помчался в палату – собрать кой-какие свои вещички. В палате его стали наперебой ругать:

– Дурак! Ты бы пошел...

– Ведь тебя бы вылечили здесь, Сергей Николаевич довел бы тебя до конца.

Они не понимали, эти люди, что скоро они с матерью сядут в автобус и через какой-нибудь час Ванька будет дома. Они этого как-то не могли понять.

– Из-за какого-то дурака ты себе здоровье не хочешь поправить. Эх ты!

– Надо человеком быть, – с каким-то мстительным покоем, даже, пожалуй, торжественно сказал Ванька. – Ясно?

– Ясно, ясно... Зря порешь горячку-то, зря.

– Ты бы полтинник сунул ему, этому красноглазому, и все было бы в порядке. Чего ты?

Ванька весело со всеми попрощался, пожелал всем здоровья и с легкой душой поскакал вниз.

Надо было еще взять внизу свою одежду. А одежду выдавал как раз этот Евстигнеев. Он совсем не зло посмотрел на Ваньку и с сожалением даже сказал:

– Выгнали? Ну вот...

А когда выдавал одежду, склонился к Ваньке и сказал негромко, с запоздалым укором:

– Ты бы ему копеек пятьдесят дал, и все – никакого шума не было бы. Молодежь, молодежь... Неужели трудно догадаться?

– Надо человеком быть, а не сшибать полтинники, – опять важно сказал Ванька. Но здесь, в подвале, среди множества вешалок, в нафталиновом душном облаке, слова эти не вышли торжественными; Евстигнеев не обратил на них внимания.

– Ботинки эти? Твои?

– Мои.

– Не долечился и едешь...

– Дома долечусь.

– До-ома! Дома долечисся...

– Будь здоров, Иван Петров! – сказал Ванька.

– Сам будь здоров. Попросил бы врача-то... может, оставят. Зря связался с этим дураком-то.

Ванька не стал ничего объяснять Евстигнееву, а поспешил к матери, которая небось сидит возле красноглазого и плачет.

И так и было: мать сидела на скамеечке за вахтером и вытирала полушалком слезы. Красноглазый стоял возле своей тумбочки, смотрел в коридор – на прострел. Стоял

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru прямо, как палка. У Ваньки даже сердце заколотилось от волнения, когда он увидел его. Он даже шаг замедлил – хотел напоследок что-нибудь сказать ему. Покрепче. Но никак не находил нужное.

– Будь здоров! – сказал Ванька. – Загогулина.

Красноглазый моргнул от неожиданности, но головы не повернул – все смотрел вдоль своей вахты.

Ванька взял материну сумку, и они пошли вон из хваленной-прехваленной горбольницы, где, по слухам, чуть ли не рак вылечивают.

– Не плачь, – сказал Ванька матери. – Чего ты?

– Нигде ты, сынок, как-то не можешь закрепиться, – сказала мать свою горькую думу. – Из ФЗУ тада тоже...

– Да ладно!.. Вались они со своими ФЗУ. Еще тебе одно скажу: не проси так никого, как давеча этого красношарого просила. Никогда никого не проси. Ясно?

– Много так сделаешь – не просить-то!

– Ну... и так тоже нельзя. Слушать стыдно.

– Стыдно ему!.. Мне вон сейчас гумажки собирать на пенсию – побегай-ка за имя, да не попроси... Много соберешь?

– Ладно, ладно... – Мать никогда не переговорить. – Как там, дома-то?

– Ничо. У себя-то будешь долеживать?

– Та-а... не знаю, – сказал Ванька. – Мне уже лучше.

Через некоторое время они сели у вокзала в автобус и поехали домой.

Гена Пройдисвет

Последнее время волосатый Генка работал массовиком-затейником в горном санатории. Отдыхающие удивлялись на него. Удивляли Генкины песни и шалопайство. Песни он сам сочинял и сам исполнял под гитару. Шалопайство... Вообще, это не шалопайство у Генки, а полная его – демонстративная – свобода, раскованность. Будучи этак раскованным, он и шарахался по жизни, как по загону, сшибал столбики, ранился и злился.

Кто-то когда-то сказал Генке, что он самобытный композитор. Генка уверовал в это, и когда его песни не нравились, он мучился и в отчаянии мог выкинуть какую-нибудь шальную глупость.

Приехал в санаторий какой-то поэт; Генка, волнуясь, спел ему несколько песен. Поэт удивился.

– Ну и что? – спросил он. – О чем эти песни? Что вы хотите сказать ими?

Генка выпил в буфете стакан водки и вышел к бассейну, где в это время было много отдыхающих. И громко объявил:

– Вы!.. Сейчас то же самое, но в оригинальном исполнении.

Пошел к вышке, откуда желающие смельчаки прыгают в бассейн. Остервенело заколотил по струнам и запел:

Вот так номер,

Вот так так –

Это не по правилам:

Были,

Были, –

Напылили,

А потом – пр-ропали!..

Не то это у него марш, не то подзаборный жиганистый выверт – не поймешь сразу.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Взошел Генка на вышку, стал на самый край доски и продолжал:

Я же помню этот бег –
Небо содрогалось,
Ваши гривы об зарю
Красную Трепались.
«Сбацал» на краешке доски – пощелкал каблучками-носочками – и еще раз:

Ох, ваши гривы об зарю
Красную Трепались!
Все с интересом смотрели на массовика-затейника. А он кричал с вышки и бил гитару:

Я же знаю,
Мы хотели
Заарканить месяц.
Почему же он теперь,
Сволочь,
Светится?!
И Генка, в чем был, маханул с вышки в воду. Вынырнул, вылил из гитары воду и докричал, лежа на спине и играя:

Значит, снова промахнулись...
Пропади ты пропадом!
Ну-ка, снова,
В три креста!
Кони-лошади!..
Генка откашлялся, отплевался и сообщил:

– «Навязчивый сон» называется!

Генку уволили.

Дома, в своей деревне, Генка появлялся обычно на короткое время – отдышаться, поправить финансовые дела. И тут наваливались на парня всей говорливой родней. Стыдили. Приводили примеры.. Учили.

– Я все понимаю, – говорил Генка, – но мы, художники, – люди особого склада. Я бы мог, конечно, освоить профессию, скажем, животновода, но на мне тогда будет смертельный грех. Я людьми занимаюсь.

– Занялся бы тобой бичина хороший – вот было бы то, что требуется. Вот это не грех был бы.

– Тупо, неубедительно.

Пришел как-то дядя Генкин, дядя Гриша. Дядя Гриша недавно поверил в Бога и ходил теперь отрешенный, тихий, кротко и снисходительно смотрел на житейские дела. Эта кротость обозлила Генку.

– Ты вроде как даже гордишься, что такой смирный, – сказал он.

– Не горжусь, а суетню всякую понимаю, – смиренно отвечивал новообращенный. – Все суета, Геннадий.

– Ну, это уж вы как-то.. совсем просто: «Все суета» – и баста.

– Все суета! – убежденно твердил дядя Гриша.

– Смерть – суета? Любовь – суета?

– Мы здесь – гости. Поживем – и пойдем отчитываться за наши дела. Ты задумайся, Геннадий, задумайся: за все придется отвечать. Безобразно живешь. Вино пьешь неумеренно, куришь, с девками блудишь.. А ведь все учитывается! Мы, как киноаппараты: живем, а на кинолентку все снимается, все снимается.. Как поступил, как подумал, где проть совести пошел – все снимается. И вот ты умираешь, киноаппарат этот – тело твое – хоронют, а пленку берут и проявляют: смотрят, как ты жил... Вот.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Хм... Ну-ка, еще что-нибудь, интересно. Поверить я, к сожалению, не смогу, но вообще это интересно. Даже технику стали использовать, надо же.

– Поверить вы, знамо, не сможете. Ну!.. – Дядя Гриша чего-то вдруг сердито оживился. – Вам же чудо нужно, чудо! Вот пускай небо раскроется, пускай я увижу знамение какое-нибудь – крест огненный, – тогда я поверю! Ах ты господи!.. – Где-то, видно, настойчиво требовали этих знамений, и те, кто обращал дядю Гришу к вере, были, наверно, очень недовольны этим тупым требованием, и это недовольство усвоил и дядя Гриша тоже. – А чудо – на каждом шагу! Чудо – вон в огороде: смотри, на одной сотке растет морковь, огурцы, помидоры... Ведь это все – деликатесы, а все – из земли. Ведь все из земли! Ты возьми ее в горсть да посмотри хорошенько – что там? Земля. А ты откуда? Из земли...

– Привет!

– Из земли, и в землю же обратишься. Сказано: ни один волос не упадет с головы... Ты думаешь, если ты – Гена Пройдисвет, то над тобой нет закона Божьего? Есть.

– Погоди, ты что-то все в кучу: и землю, и закон... Ты объясни сперва: ну и что, что ты стал такой смиренный, кроткий? Что ты хвалишься-то этим? Разве это хорошо?

– Вы есть жуки навозные, вы думаете: вот наша навозная куча – это и весь мир. Воюете, деретесь, злитесь... А не знаете того, что вы все... все люди – под наблюдением.

– Почему же я не знаю, что под наблюдением? У меня – семнадцать выговоров, у меня это наблюдение вот здесь сидит.

– Не про то наблюдение я говорю. Это – ваше наблюдение, вы сами и разбирайтесь. Я говорю про высшее наблюдение, которое...

– Знаешь что? – перебил Генка, глядя в глаза дяде Грише, словно он только что догадался, кто такой этот новообращенный, этот смиренный. – Знаешь, что я тебе скажу: ни хрена ты не верующий. Понял? Если б ты по-настоящему верил, ты бы молчал об этом. А ты, как сорока на колу, – в разные стороны: «Верю! Верю!» Не веришь, вот так.

Дядя Гриша кротко, смиренно посмеялся:

– Эх, Гена... Гена ты и есть. Дружок анчуткин. Жук навозный. Ты меня хочешь из равновесия вывести, из покоя? Не выйдет.

– С чего это ты вдруг в Бога-то поверил? Шестьдесят лет прожил – не верил, вдруг – на тебе...

– Пошел я, иду, – терпеливо сказал дядя Гриша. – Иду с Богом. А ты колбаси дальше по дорогам – где-нибудь голову сломишь.

Вопрос этот – с чего дядя Гриша, нормальный мужик, вдруг уверовал в Бога, – вопрос этот всерьез заинтересовал Генку, даже встревожил. Отец Генки, умелый печник, хвастун, неумолимый бабник в прошлом, так объяснил братнино обращение в веру:

– Мужик, он ведь как: достиг возраста – и смяк телом. А башка ишо ясная – какие-нибудь вопросы хочет решать. Вот и начинается: один на вино напирает – башку туманит, чтоб она ни в какие вопросы не тыкалась, другой... Миколай вон Алфимов – знаешь ведь его? – историю колхоза стал писать. Кто куда, лишь бы голова не пустовала. А Григорий наш, вишь, в Бога ударился. Пускай, он никому вреда не приносит. С чего началось-то? А у нас же тут верующие-то есть, много. Старухи-то. Он стал к им похаживать от нечего делать, а те его сагитировали. Ты не досажай ему с этим, а то он сердится. Не надо. Они безобидные люди.

Жена дяди Гриши померла лет семь назад, а жил он со средней дочерью, тридцатилетней Анной. Анна, рослая, скуластая, добрая, любила играть на гармошке. Играла, а играть толком не умела – тянула туда-сюда, слушала и о чем-то думала. Анна так сказала:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не лезь, Генка, к отцу! Понял?

– Чего замуж-то не выходишь? – поинтересовался Генка.

– За кого?

– Нашла бы какого-нибудь...

– Какого-нибудь мне не надо, одна проживу.

– Это же ненормально...

– Ничего. Нормально.

– Похаживает кто-нибудь ночами? Да?

– Не твое дело.

– Какие ведь все уверенные, все-то они знают! – обозлился Генка. – Все понимают. А спросишь – ответить толком не умеют. Не знаете, так хоть не делайте вид, что знаете. Чего ради человек на седьмом десятке в религию кинулся? Это же не просто так. Значит, было какое-то потрясение душевное. Или – опять ложь. Притворство.

– Зачем ему притворяться-то?

– А вот это я узнаю, не я буду, если не узнаю.

– А ты чего такой нервный-то? А, Ген?.. – спросила добрая Нюра. – У тебя же все хорошо, ты говоришь. Ты – вольная птица, чего тебе?

Генка показал, что ему скучно разговаривать с Нюрой, ушел.

Но он не оставил мысли про дядю Гришу, нет. Мысль эта больше и больше занимала его. Он, и правда, чего-то нервничал. Он чуял какой-то подвох с этой верой дяди Гриши, и это не давало покоя. Память Генки держала вовсе другое про дядю Гришу: когда тот пришел с войны, то много пил, гулял, хвастался орденами... Играл на гармошке и пел про немцев похабные частушки. Вообще уж никак не монах он по склонности души, не монах. Монахи, насколько понимал Генка, жизнь не любят, а дядя Гриша валялся в ней, как сытый жеребец в спелом овсе. У него и теперь, у кроткого, кулак-то – гиря пудовая: звезданет, неделю хворать будешь. И что, правда, такой уверовал в Бога? Разве так можно? Верующая душа, по мнению Генки, – это такая душа, которая обязательно живет в хилом теле, кроме того, человек верующий должен быть немного глуп. И жить просто и одиноко. А дядя Гриша еще и хитрый... Как же это совместить? И вот один раз под вечерок Генка пошел к дяде Грише. Прихватил бутылку водки, гитару...

– Здорово, дядь Гриша!

– Здорово. – Дядя Гриша прищурил наметанный глаз на оттопыренный карман Генкиных брюк, ничего не сказал.

– Зашел поговорить.

– Ладно.

– А Нюраха... в кино небось учесала? Вот дьявольская выдумка-то еще? А? Ты теперь не ходишь?

– Нет.

– А чего ты такой мрачный?

– А ты чего такой... развеселый?

– Настрой хороший. Давай выпьем.

Дядя Гриша внутренне подсобрался, шевельнул желваками, насмешливо посмотрел на Генку... А потом – как-то вовсе беспомощно – на календарик под часами в углу: с

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru календарика беззаботно паялилась красная цифирка – воскресенье. Дядя Гриша искал защиты и спасения хоть где-нибудь, хоть в чем-нибудь. Искуситель Генка невольно улыбнулся.

– Давай. Сегодня можно. Ты не думай, дядь Гриша, я ведь не нахал... не подонок. Я религию уважаю, но... Где у вас тут стаканы-то?

– В шкапчике. Чего запнулся-то? Уважаешь, но?... Договаривай.

– Сейчас, сейчас... – Генка добыл пару стаканов, поставил на стол. – Достань закусить чего-нибудь. Не будем торопиться, будем обстоятельно ковырять души. Достань солонинки.

Дядя Гриша поднялся, грузный, открыл крышку в подпол.

– Нырни, там в кадушке капуста и огурцы.

Генка взял из шкапчика тарелку, обтер ее полотенцем... Глянул весело на дядю Гришу и полез в подполье. Он заметил, что суетится и волнуется: это бывало с ним, когда предстояло петь свои песни или когда он хотел понравиться какой-нибудь бабе, что, впрочем, тоже обозначало – петь. Он даже усмехнулся там, в темноте, подумал: «Чего это я?»

Генка положил в тарелку огурцов, капусты... Подал наверх дяде Грише. Выскочил, закрыл подпол, отряхнул брюки, опять весело и значительно глянул на дядю Гришу. Ему и впрямь было весело, и он правда волновался.

Налили по полстакану.

– Я, когда был в институте, – вспомнил Генка и стал рассказывать, поглаживая стакан и улыбаясь, – мы после первого курса поехали на практику... не на практику, а так – подработать, жизнь повидать: в тайгу, с геологической партией.

– Ты чего институт-то бросил? – спросил дядя Гриша.

– Та-а... сложно это. Не сложно, а... Да ну ее к черту, в двух словах не скажешь, а долго объяснять – лень. Не показалось мне, что это ценность великая – диплом. А туда половина только из-за того и лезет – из-за диплома. Я посмотрел-посмотрел – и сделал жест: не хочу, все. Может, глупо. – Генка помолчал, заметно посерьезнел. Тряхнул волосатой головой: – А может, нет.

– Дурак.

– Может, дурак. Не сбивай меня с настроения. У меня какое-то сегодня... – Генка тоже глянул в угол на календарик. – Тоже сегодня какое-то красненькое настроение. – Он засмеялся, погладил бороду. – Слушай. Шли по тайге, я как-то отбилась в сторону от всех, отстал маленько, побежал догонять и оступился, ногу потянул. Не могу идти. Сел – сижу. Даже весело стало. Думаю: вернутся искать или нет? Шумихи же много про всякое это братство-товарищество. Вернутся, думаю, или нет? Посидел так с полчаса, слышу, вернулись – кричат. У меня ружье, мог выстрелить – услышали бы. Да и крикнуть, тоже услышали бы. Нет, сижу! – Генка сверкнул азартным глазом. – Бросят, думаю, искать или все же найдут? Вот же гадская натура! Вечно надо до края дойти, так уж понять чего-нибудь, где и понять-то... может, нельзя. Вот бросят, думаю, искать или будут искать? В общежитии же все вылупались про таежную романтику, про... Ну-ка, фраера, – это же не песенку спеть под гитару, это ж – человека найти! А уже солнышко садится, а до лагеря еще далеко-о. А? – Генка оскалился недобрым оскалом, уставился на дядю Гришу светлыми, немного безумными глазами. – Как вы насчет того, чтоб заночевать тут из-за одного дурака? Под открытым небушком, может, под дождем... А там, в зимовье, нары, одеяла, костер, спиртяга, две институтские обаяшки, которые прямо млеют от самодельных лыцарей, а? Вот задача-то? Ну-ка!..

– Нашли? – нетерпеливо и недовольно перебил дядя Гриша.

Генка, тоже недовольный, что сбили с подъема, неохотно досказал:

– Нашли. Хотели отметелить, но у меня ружье было – не получилось.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Надо было... Чтобы зря не пугал людей.

– Да они не испугались! Это тоже пижонство: чтоб потом про них говорили, что они – мужики. Они молокососы. Все почти. Ну, давай.

Выпили, похрустели капустой.

– Не уважают тебя, Генка, – сказал дядя Гриша. Не то сказал, не то спросил, не то подумал. – Тебе ведь уж тридцать с лишним, пора это... к делу какому-то прирастать.

Генка взял гитару, попробовал что-то такое подобрать, раздумал, кинул ее на кровать, к подушкам, закурил. Настрой его, веселый и едкий, скособочился.

– Меня не уважают, да, – сказал он. – А что, обязательно, чтоб уважали? Ты из-за этого в Бога поверил? – спросил. И сам ответил: – Из-за этого. Я тебя, кажется, понял. Между прочим, я бы тоже что-нибудь такое... придумал себе, но мне безразлично чужое мнение, вот моя слабина. Я в этом смысле какой-то нерусский, выродок какой-то. Но тебя я понимаю. Объясняю, что с тобой происходит: ты зачуял смерть и забеспокоился – тебе неохота просто так уходить, тебе надо, чтоб о тебе потом говорили: он же верующий был! Так?

– Дурак, – просто сказал дядя Гриша. Подумал и еще сказал: – Волосатик.

– Ты заметил, – оживился Генка, – что за то короткое время, пока мы беседуем, ты раз пять уже сказал слово «дурак»?

– Ты для чего пришел сюда?

– Понять, почему ты... Разоблачить тебя. Я не верю, что ты правда поверил в Бога. Слушай, да кто же так в Бога верит – повесил икону и заявил всем: я верующий! Ты что? Это же богохульство! Ты же ничего про Бога не знаешь. Я больше тебя знаю...

– Сказал? – дядя Гриша угрожающе нагнул голову. – А теперь...

– Стоп! – воскликнул Генка. – Не надо. Не надо... Давай мирно беседовать, у нас же водки полно. Не надо наклонять голову. – Генка умоляюще прижал руки к груди. – Я не нарочно, я не... это... Я поторопился, не заинтриговал тебя своими познаниями про Бога. Слушай!

Генка торопливо налил в стаканы. Дядя Гриша подозрительно следил за ним.

– Давай, дядя Гриша, духобор ты мой показушный. У нас с тобой близкие натуры, но у меня совсем нет честолюбия, хоть я и поэт. Мне тоже охота, понимаешь, знать что-нибудь такое, чтоб... Вот чтоб все бегали, суетились, кричали, боялись, а я бы посреди всех спокойно шел, никуда бы не торопился, не мельтешил, ничего бы не боялся, а только бы посмеивался. Но я не знаю, что такое надо знать? А? На Бога меня не хватит. То есть это как-то неконкретно... Выпили! Счас решим.

Дядя Гриша, все еще не веря, что Генка не просто дурачится, опасливо отпил только половину налитого, чтоб потом, при худом исходе этой беседушки, не было разговоров, что они вместе сидели тут и пили водку.

– Ты хоть не в секте какой-нибудь? – спросил Генка, стараясь, чтоб тон его был как можно более дружелюбный. – А то по ошибке, может, затесался куда-нибудь... Нет? Христос же везде – Христос, Бог, но по-разному понимают, как в него верить. Ты православной веры-то? Или ты не знаешь?

Дядя Гриша собрал на скатерти пальцы в кулак и потянул кулак к себе...

– Ишо, поганец такой, выговоришь эти слова, я тебя за столом прямо пристукну. – Это было серьезно. Это было, пожалуй, страшно: лицо дяди Гриши, обветренное, посерело, и щетина на щеках стала совсем белой. – Твоими устами дерьмо жрать, а ты такие слова...

Генка испугался, но еще больше оскорбился, и злость тоже взяла. Он теперь отчетливо знал: правда его, а ложь, лохматая, бессовестная, поднялась и рычит. И вот – бывали мгновения, когда Генка с радостным изумлением убеждался, что плохо

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru знает себя (он про себя думал, что безнадежно трусоват), – вот он, проглотив испуг, спокойно, смело посмотрел в глаза крайне обозленного человека. Посмотрел и крепко и насмешливо сказал:

– Раб Божий... да ты прямо как с цепи сорвался. Чего ты? Господь с тобой, батюшка, опомнись. Что я такого сказал? Сказал, что бывают случаи, когда баптисты, например, сбивают с толку... У них – тоже Христос. – И слова Генкины наливались покоем, силой. Он чувствовал, как он убедителен и правдив. И смелел больше, и пошел добирать всю правду, до дна. – Но ведь нет же ни баптизма, ни нормального христианства – это же ложь, у тебя-то. Ложь! Дядя Гриша, милый, ну зачем же ложь-то? Ведь ты же мужик, крестьянин, труженик, ну зачем же ложь-то? – Генка почувствовал, что к глазам его подступают слезы. Но это не остановило его, а даже как-то придало силы и совсем расковало на желанную, злую правду, на святую правду, на большую правду. Даже дядя Гриша оторопел и слушал. Редкое вырывалось из груди Генкиной – нечто дорогое, свободное, наболевшее. – Как же жить-то, люди?! – Генка скривился, заплакал... Но он не злился на слезы, они только мешали ему, он их торопливо смахивал ладошкой. – Как же нам жить-то?! Когда – раз, и соврал, ничего не стоит! А? – Генка встал, потому что сидеть стало тесно, душно. – Ты меня упрекаешь... все упрекают: зачем институт бросил? Не хочу врать! Раз я не чувствую, что мне это позарез нужно, что же я буду притворяться-то? Мне без диплома тоже интересно жить. Но почему же... Эх! Взял, выдумал: верю. В кого?! Заче-ем? всю жизнь под конец опозорил враньем... Да зачем тебе это надо-то? Убей, не пойму: зачем? И почему... Да взял вон топор в руки – и под Быстринский мост: грабить. Лучше ведь. Безгрешнее. Ты в Бога поверил, говоришь... А что ты с ним сделал! В горшок его глиняный превратил – щей сварить. Ни себя не пощадил, ни... Вот сидишь, хлопаешь глазами – как про тебя думать? Как про всех про нас думать? Врать умеем. Легко умеем врать. Я же уважать тебя не могу, понимаешь? Ува-жать. Не могу – с души воротит. А вся твоя жизнь достойна уважения, а... Тыфу! Да кого же мне тогда уважать-то?! – Генка устал. Обессилел. Сел. – Взять и под занавес все испортить. «Мы – под наблюдением», «каждый наш поступок...». Ведь ты же совсем не думаешь про это про все, ты же чужие слова молотишь. Я же думал, ты не способен на ложь – вообще, зачем это мужику? Мало на свете притворных людей? Куда же мне теперь идти прикажете? К кому? Бесстыдники, вот так и даете пример... Ведь так же все рухнуть может! Все – в подпол вон, одна капуста и останется. На закусь. Выпьем, раб божий. – Генка налил в стаканы, качнул устало головой: – И ведь нашел же в душе такую способность! Наше-ол. Все думают, ее там нет, а она есть. Раз – и вот она: хоть стой, хоть падай.

Генка поднес стакан ко рту, и вмиг он у него вырвался из рук. Он даже сперва не понял – что это? Стакан рванулся и полетел вверх...

– Хватит лакать, – сказал дядя Гриша сдавленным злым голосом. – Распился тут.

Генка хотел встать, но дядя Гриша загреб ногой его стул, и Генка упал. И тотчас на него упал дядя Гриша, захватил его волосы и стал стучать головой об пол.

– Вот так ее... – приговаривал он. – Умную-то головушку. Вот так, вот так...

Генка упруго изогнулся под дядиной тушей, подпустил ему под брюхо ноги и двинул что было силы. Дядя взмахнул руками и грянулся затылком об стол. Стол упал, со стола с веселым разговором полетели стаканы, бутылка, тарелка... Генка понимал, что упускать инициативу нельзя, иначе массивный дядя подомнет его и расколотит всю голову. Он, впрочем, не очень и думал. Азарт схватки враз опалил его, подчинил своим законам: он действовал, как всякий нормальный боец, – вроде не соображая, но очень рассудочно и точно. Раза два угодил дяде кулаком в лоб, чтоб тот не сумел подняться, а когда дядя все же набычился и начал вставать, Генка ногой опять свалил его. Злости не было, было сознание опасности, что дядя Гриша поднимется и сгоряча схватит что-нибудь в руки, какой-нибудь предмет. И ломанет. Поэтому никак нельзя было дать ему подняться.

Так они напрягались: один хотел встать, другой не давал.

...Когда пришла Нюра, бой был в разгаре, и на полу валялось все, что могло упасть... А посерединке молча возились дядя с племянником. Рубахи у обоих изодраны, кровь видна... Нюра насилу отодрала их друг от друга. Генке залепила пару оплеух, оттолкнула в угол, отца усадила на кровать.

– Поганец, – тяжело дыша, сказал дядя Гриша, вытирая драным рукавом рубахи кровь

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru с губы. – Будет тут... слова разные потреблять... Разинул рот-то. Шшенок.

– Горько, горько, – говорил Генка, сплевывая сукровицу. – Ах, как горько!.. Речь идет о Руси! А этот... деляга, притворяться пошел. Фраер. Душу пошел насилловать... уважения захотел... Врать начал! Если я паясничаю на дорогах, – Генка постучал себе с силой в грудь, сверкнул мокрыми глазами, – то я знаю, что за мной – Русь: я не пропаду, я еще буду человеком. Мне есть к кому прийти! – Генка закричал, как на базаре, как на жадную, бессовестную торговку закричал, когда вокруг уже собрались люди и уже все равно и не стыдно кричать. – Мы же так опрокинемся!..

– Я те опрокинусь, – гудел негромко, с дрожью в голосе дядя Гриша, все вытирая окровавленный рот. – Я тебя самого опрокину – башкой лохматой в помойное ведро вон. Шшенок.

Нюра налила в рукомойник воды, подвела сперва отца, вымыла ему лицо, приговаривая в том духе, что – бесстыдники, как дети малые, честное слово... Сцепи-и-лись. Чего не поделили?

– Россию! – высокопарно заявил Генка.

– Я вот тебе сейчас покажу Россию! – повысила голос и Нюра. – Трепач... На старика-то – с кулаками? Э-эх! А говоришь, книжки умные читаешь. Где же это написано, чтоб... Я вот не погляжу сейчас, что я баба, надаю по загривку-то, будешь знать.

– От тебя приму. Ты духовно чистый человек... Ты не врешь.

– А я што тебе?! – пошел дядя Гриша к Генке с мокрым лицом, но Нюра легко развернула его и сунула опять под рукомойник.

Потом дядя Гриша вытирался, а Генка мылся до пояса над шайкой, Нюра поливала ему из ковша. Потом она дала им свежие рубахи из сундука и из сундука же достала бутылку перцовки.

– От простуды берегла... но уж нате. И не коситесь друг на друга. Вот же глупые-то! Сказать кому, не поверят. Сцепились. Ты, Геночка, не зачитался случаем? Шибко уж языкастый да кулакастый стал. Смотри, а то, бывает, до дури зачитываются – с ума сходят. Давайте, и я с вами пригублю маленько. Миритесь.

Выпили втроем огневой славной перцовки... Посидели молча. Отошли.

– Спеть? – спросил Генка.

– Спой, – согласилась Нюра. – Только понятную какую-нибудь. А то у вас нынче не поймешь ни черта. Что за люди пошли! Живут непонятно, поют – и то непонятно.

– Сказано, – заговорил дядя Гриша, но заговорил как-то сипло, тонко. Прокашлялся. – Сказано: придет владыка мира... Сперва их четверо придут, потом один троих подомнет под себя и станет единовластно владычить. Это и будет – антихрист шестьсот шестьдесят шесть, три шестерки. И будет он владычить три с половиной года, но законы его будут действовать только три года. Но перед тем как он придет, он разошлет по свету своих агентов: они все тут перепутают. Вот Геночка наш преподобный и есть тот самый агент.

Генка начал было слушать про антихриста 666, но бросил и склонился к гитаре.

– Бледно, – сказал он. – Могли бы поярче что-нибудь выдумать. А потому бледно, что нет истинной веры. Поэтому и примитив такой. И так, понятную! – объявил он. И запел:

То, ох, не ве-етер ветку кло-онит,
Не, ох, не дубра-авушка-а шуми-ит...
Бросил, задумался, посасывая разбитую губу.

– Чего ж бросил-то? Хорошо ведь начал, – сказала Нюра.

– А возможно, что это не притворство у вас, – заговорил Генка из своих дум. И посмотрел на дядю Гришу. – Возможно, что тут налицо элементарная самодеятельность. – Он долго и участливо смотрел на дядю. Тот тоже глянул на

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru него и обиженно отвернулся, поморщился даже от Генкиного словоблудия.

– Пой-ка лучше, правда.

Но Генка петь больше не стал, сидел, облокотившись на гитару, смотрел в окно.

– Корова-то!.. Матушка ты моя, давно уже ворота поддеёт, стоит! – спохватилась Нюра, увидев корову у ворот. И побежала впустить ее.

Генка и дядя Гриша безучастно следили, как она пробежала по двору, открыла ворота и впустила большую комолую корову. И шла с ней по двору и что-то ей говорила.

– Корова, – задумчиво сказал Генка. Непонятно, к чему он это сказал.

Дядя Гриша все смотрел, как Нюра сняла с колышка выжаренный знойным июльским солнышком подойник, ловким коротким движением подобрала край юбки у сгиба колен сзади, села доить. В дно подойника звонко ударили первые, невидимые отсюда струйки молока. И Генка мысленно, как въявь, увидел, как бьют в дно теплые стремительные стрелки, как пузырится на дне, а новые струйки попадают в пузырьки, они лопаются, и белые капельки-брызги летят невысоко и обильно и стекают по бокам ведра тонюсенькими ручейками. И скоро там все вспенится, и струйки уже не будут звенеть, а будут втыкаться в белую шапку с мягким, ласковым, сдобным каким-то звуком. Сильная Нюра чуть покачивалась сидя – вправо-влево, вправо-влево – в такт, как двигались руки, и под белой кофточкой с цветочками шевелились ее широкие лопатки.

– Корова... – еще раз в раздумье сказал Генка. – Этой ночью напишу стихи. Если не затуманю голову. Давай по маленькой?

– Хватит, – сказал дядя Гриша. – Не хочу больше.

– Ну и я не буду, – решил Генка и отодвинул перцовку подальше от себя. – Лучше стихи напишу. Про корову.

Пьедестал

И стало это у Константина Смородина как болезнь: днем, на работе, рисует свои вывески, плакаты, афиши, а вечером, дома, начинает все ругать – свою работу, своих начальников, краски, зрителя, всех и все.

– Долбаки! – зло говорил он и стискивал зубами янтарный мундштук. – Если они рекламируют пиво, то на вывеске обязательно давай счастливое рыло. Почему?! – Константин Смородин, маленький, грудастый, в пляжном халате 54-го размера, походил на воробья, которому зачем-то накинули детскую распашонку. – В чем здесь логика восприятия? Счастье – в кружке пива?

Жена Константина Смородина, худощавая, медлительная, смотрела большими темными глазами чуть выше мужа, о чем-то думала о своем, затяжном и неясном. Она работала кассиром в кинотеатре и могла думать вот так вот – рассеянно и бесконечно, – даже когда продавала билеты. Отрывала билетки, брала деньги, сдавала сдачу – и думала, думала. Она была очень молчалива. Константин Смородин упражнялся перед ней как хотел – она до поры до времени не реагировала. Да он и не требовал, чтоб она реагировала. И – странно тоже – почему-то его не интересовало, о чем она думает, он не спрашивал.

– А если я вам, вместо счастливого лица, нарисую кружку пива и большой кукиш – это как? А ведь тут ба-альшой смысл! – Константин Смородин мастеровито посасывал мундштук, шурил глаза от дыма, но мундштук изо рта не вынимал. – Не согласны? А я вам докажу! Пойдем по логике. Чтобы выпить кружку пива, ты должен на жаре отстоять очередь. Потом – ты взял кружку пива. Выпил. Постоял маленько, тебе еще захотелось. Но ты посмотрел на очередь, поднял руку и резко опустил – и пошел в магазин. Взял бутылку вина и выпил ее на жаре. Тебя развезло... Ты пошарил в кармане – у тебя оказалось еще два рваных. Ты, как говорится, «затроил», в результате пришел домой на бровях. Шум. Скандал. Все началось с кружки пива.

Константин Смородин, удовлетворенный, смотрел в дымчато-темные, чуть влажные глаза жены... Она ему – из далеких-далеких каких-то своих дум – кивала поощрительно.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Пойдем еще по логике... – продолжал Смородин. И так ходил он по этой логике каждый вечер, нервничал, злился, но не уставал и не отчаивался.

– Будешь ужинать? – спрашивала жена.

– Окрошечки бы... М-м? – спрашивал Смородин. – Холодненькой.

– Садись.

Хлебая окрошку, Смородин опять возмущался.

– Окрошка из сладкого кваса! Ну не ё-мое?! – В недавнем прошлом Смородина значилась тюрьма, лет пять, – за отдаленное участие в изготовлении фальшивых денег, он прихватил в лагере тамошний сочный, богатый образами язык и обильно вплетал разные слова и словечки в теперешнюю мирную речь. – Пить его – еще туда-сюда, но окрошка-то!.. Сахар с луком! Ну делай: для питья один, для окрошки – другой, кислый. Ну что же – сладкая окрошка-то?! Или тоже от фонаря: все съедят?! Ну, кумовья, я их маму...

– Не ругайся, – спокойно просила жена.

– Я не ругаюсь, я злюсь. Хорошая злость помогает в работе, это еще мой учитель говорил. «Как, – говорит, – дойдет, что охота укусить кого-нибудь, – беги к холсту!»

У Смородина был и учитель, оказывается: деревенский любитель, добрый человек, не от мира сего, дядя Иван, коновал, философ и художник. Он давно помер, но Смородин хранил о нем светлую память. Философия дяди Ивана покоилась на трех китах. 1. Когда тебя обижает кто-нибудь, ты думай про того: «Дурак, делать, что ли, больше нечего?» 2. Не гонись за богатством – меньше хлопот. 3. Самые хорошие люди – кони. Когда изведут всех коней под корень, наступит конец света, в том смысле, что каждый озлобится на каждого.

Были у него и еще правила, но так, на каждый день. Например: если тебе нечего делать, а делать чего-нибудь всегда надо, – складывай песню. Или рисуй. Или на балалайке играй. Только не торчи без дела, лучше как-нибудь скрась людям жизнь. Смородин не все усвоил из учения дяди Ивана, то есть почти ничего не усвоил. Как подросток, попал в город, так пошло его носить, как-то не до правил стало. Какие правила! Несет тебя – цепляйся за все, что подвернется под руку, иначе в этой опасной реке булькнешь и только пузыри от тебя пойдут. Но кое-что Смородин все же взял из житейской науки дяди Ивана: например, никогда не ленился работать. И теперь у Смородина была работа. Большая! Был холст... Он стоял в маленькой отдельной комнатке против окна – от стены до стены. Он стоял здесь с год уже; работа подвигалась трудно, но подвигалась упорно. Вот что было на холсте. Стоит стол, за столом сидят два человека... с одинаковым лицом. Никакого зеркала, просто два одинаковых человека сидят за столом, и один целится в другого (в себя, стало быть) пистолетом. Картина должна называться «Самоубийца». Откуда, из каких подвалов вынес Смородин такую печальную тему, это станет понятно несколько позже. Впрочем, это и теперь не секрет: тему и сюжет подсказала жена Константина Смородина, эта странная задумчивая женщина.

Когда Смородин входил в маленькую комнатку, на лице его появлялось выражение злой решимости. Укусить не укусить, но надавать в зубы кому-нибудь – с таким лицом только и делать. Он подолгу стоял перед полотном в пляжном халате, перехваченном в талии толстым поясом с шишками на концах, стоял, сунув руки глубоко в карманы халата, сосал мундштук и свирепо щурился. Жена его не входила во время работы в комнатку, он не велел.

Работал Смородин днем, чаще в субботу и воскресенье. Световой день его заканчивался рано, и, когда поздно вечером приходила жена с работы, Смородин сидел обычно на кухне в неизменном халате, пил чай.

– Как дела? – спрашивал Смородин.

Жена пожимала плечами, что – «никак». Молча переодевалась (тоже надевала халат), молча ж подсаживалась к столу и пила чай. А Смородин рассказывал.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Захожу вчера к своему долбаку: «Вызывали?» – «Вызывал. Для молочного кафе эскиз вы делали?» – «Я-с. Не нравится?» – «Что это у вас тут такое?» – «Вымя коровье. А это – соски. Просто же». – «Это авиабомбы какие-то, а не соски!»

Жена Смородина, когда он рассказывал об этом, засмеялась. Она смеялась беззвучно, и опять же – вроде себе, своим мыслям. Посмеялась и покачала головой, как делают, когда даже ничего говорить не хочется на глупость. Смородина этот ее смех сильно воодушевил. Он встал и заходил по шестиметровой кухне, да так быстро поворачивался, что полы его халата распахивались, видны были кривые волосатые ноги.

– Авиабомбы, да! – начиненные молоком и здоровьем! Когда они обрушиваются на людей, они сеют... так сказать, кровь с молоком. Пусть бьет меня такая бомба по кумполу – на здоровье!

– Про Вьетнам надо было, – подсказала жена.

– Что про Вьетнам? – не понял Смородин. И остановился.

– Там – смерть, здесь – молоко. Он бы завизжал от восторга.

– Не сообразил. – Смородин двинулся было, но опять остановился. – А если вообще – триптих такой: бомбежка – раз, кладбище – два и вымя в облаках... А?

Жена, не меняя задумчивого выражения на лице, посмотрела на мужа. Спросила:

– Зачем?

– Ну, триптих такой...

– Это же не музей.

– Ну да, – согласился Смородин.

– Чем закончилось с вымем-то?

– Переделал! – как-то даже весело воскликнул Смородин. – Пусть кушают примитив. Я теперь пришел к выводу: чем хуже, тем для них лучше. – И Смородин гордо посмотрел на жену. Жена тоже посмотрела на него и кивнула головой. И в глазах ее темных померцал слабый свет ласки.

– Ты таких слов не говорил, – сказала она.

– Я их говорю!

– Ты их не говорил, – упрямо повторила смуглая жена.

– Не понял, – признался Смородин. И вынул изо рта мундштук.

– Твой начальник никогда не слышал от тебя таких слов. И соседи не слышали. И никто. Иначе ты ничего не успеешь сделать.

– А-а! – дошло наконец до Смородина. – Ну, это само собой. Это я секу.

– Надо, чтоб у них потом отвисли челюсти. Талант всегда немножко взрывается. Живет человек, никто на него не обращает внимания, замечают только, что он какой-то раздражительный. Но в политику не лезет. Вдруг в один прекрасный день все узнают, что этот человек – гений. Ну, не гений, крупный талант. – Жена Смородина не всегда молчала. Иногда она начинала говорить и тогда преображалась: говорила сильно, с глубокой страстью, и опять куда-то, в даль своих постоянных далеких дум. И глаза ее явственно светились светом иной жизни, той жизни, где она жила мыслями, – в жизни, где дни и ночи тихо истлевали бы в довольстве и пресыщении, где не надо продавать билеты, где ничего не надо делать, может быть, играть в пинг-понг, ибо делать что-нибудь за кусок хлеба – это мерзко, гадко, противно, наконец, просто неохота. Она знала, что такая жизнь есть. Где она, такая жизнь, черт ее знает, но она всем существом была в той жизни, а здесь только с презрением, брезгливо пребывала. В прошлой судьбе ее тоже была тюрьма; она не рисовала фальшивых денег, она не умела рисовать, она где-то в каких-то

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru серьезных бумагах подставляла нули и угодила туда же, куда угодил Смородин. И где-то там они и познакомились. Она очень заинтересовалась способностями ершистого Константина Смородина.. Когда они вышли на волю, они разыскали друг друга и сошлись. С тех пор Константин Смородин и стал поносить всех и все. И тогда же, примерно, он натянул большой холст и посадил туда этого отчаянного человека, который сам в себя целится.

– Могут не признать, суки, – встрял Смородин в убежденную речь жены. Он часто сомневался. – Это же не передовик на комбайне, понимаешь. Чего ты не хочешь передовика какого-нибудь?

– Ни в коем случае! – твердо сказала жена. И строго посмотрела на мужа. – Что ты! Это вшивота. Крохоборство. Это же дешевка! – Все же прекрасен сильный человек! Жена Смородина, когда вселяла в слабого, суетливого мужа дух борьбы и протеста, сама на глазах хорошела: глаза совсем темнели, становились как будто еще больше, ноздри прямого носа вздрагивали, верхняя губа хищновато дергалась кверху, и на ней явственней обозначался темный пушок. Смородин, парализованный ее волей, вынимал изо рта мундштук, слушал, смотрел... и начинал томительно ждать, когда они лягут спать и выключат свет.

– Но не признают же...

– Кто?

– Ну, кто... Что ты, не знаешь кто?

– И прекрасно! Это-то и нужно. Не хватало еще, чтобы они признали! Признают другие. Кому осточертели все эти передовики, те и признают. А тогда уж... все само собой делается.

И все же самое удивительное во всем этом было, наверно, то, что Смородин вовсе не думал о деньгах. И когда он участвовал в изготовлении фальшивок, и тогда он не думал о деньгах – о том, чтоб иметь их много-много. Ему нравилось, что его, самодельного художника, признают талантливым, что где-то кто-то очень нуждается в его работе, и он старался делать, что ему положено делать, хорошо. А так как накрыли их скоро, то больших-то денег он еще и не имел и не успел, так сказать, войти во вкус. Жена его – другое дело: хоть скупко и неохотно, но кое-что рассказывала из своей жизни той поры, когда подставлялись на бумагах нулики. Она знала в этом толк, в деньгах. Смородину же очень хотелось «взорваться» – чтоб о нем заговорили, заговорили о его картинах, рисунках... Может, и станут покупать, пусть, но главное все же не в том.

Таким он и входил в маленькую комнатку – готовый «взорваться», отсюда и такая свирепая решимость на его маленьком круглом лице, вовсе не злом, а даже добродушном, доверчивом и мясистом.

– Ну, суки... – говорил он, стоя перед картиной с мундштуком в зубах и засунув руки в карманы халата.

И вот пришла пора, пришел день, который жена Смородина молча ждала и молча торопила.

– Завтра позову его, – сказал вечером на кухне Смородин.

У жены – как будто она напугалась чего – широко распахнулись темные глаза, она стремительно вышла из ТОЙ жизни в ЭТУ, тесную и вонючую, и спросила негромко:

– Да?

– Да. Можно сказать. Если он не нарежется с утра... Пораньше схожу за ним, чтоб не успел нарезать. Пусть лучше здесь выпьет. Ты приготовь тут...

– Я все сделаю, – с не свойственной ей поспешностью сказала жена. – Все будет на уровне, не беспокойся.

И на другой день, рано утром, в воскресенье, Смородин привел его, художника, который должен был сказать, что Константин Смородин – «взорвался». Или он это скажет, или... Смородин и его жена волновались. По-разному волновались. Жена его

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
вся ушла в свои глазницы, вся там трепетала и надеялась; Смородин, как всегда,
много суетился и говорил.

Художник был бородатый, большой, с курносым русским лицом. Заявился шумно,
загудел в малогабаритной квартире, стал всего касаться плечами...

– Ну, что ты тут намазал?.. Где?

– погоди, погоди, – суетился Смородин, – давай сперва дернем по малой... Зоя, у
нас есть там чего-нибудь?

– Проходите сюда, пожалуйста, – сказала жена Смородина, обшаривая художника
вопрошающими глазами.

Художник Коля тоже глянул на нее, сказал «гм» и зашагнул в кухню.

– О-о! – густо сказал он. – Это я понимаю. Да ты славно живешь, Константин! Ну
давайте... – И художник первым сел за стол и пригласил хозяев: – Садитесь. Вы
славно живете! – еще приятно удивился он. – Как вас, Роза?..

– Зоя, – сказала жена Смородина.

– Зоя! Садитесь, Зоя. Садись, Костя... Ну, так... Нет, славно, славно, молодцы. Вы
тоже рисуете, Зоя? – спросил художник, галантно повернувшись к хозяйке.

– Нет, она... по финансовой части, – сказал Смородин. – Наливай, Зайка.

Когда выпили по одной, художнику Коле стало легче.

– Вчера приняли с Поволоцким... Ты знаешь его? А-а, ты его не знаешь. Славный
парень. – Художнику было лет 37, и здоровье свое он еще только-только начал
пропивать. В городе он считался лучшим художником, знал московских мастеров, был
о них невысокого мнения, материл, когда принимал за галстук. – И ну, так, так...
Хорошо!

Еще выпили по одной дорогого коньяку.

– Эх, жизнь бекова! – сказал художник Коля. – Как там у вас говорили,
Константин? А интересно там, да? Мне охота бы побывать, только недолго, ну ее к
черту... Не вытерплю долго. С полгода бы вытерпел.

Смородин хихикнул встревоженно... И глянул на жену – проверить: не подали ли
художнику лишнего? Но жена его спокойно и даже с интересом разглядывала лучшего
художника города.

– Что нарисовал-то? – спросил тот. И посмотрел весело на Смородина. – «Утро
нашей Родины»?

– Увидишь, – уклончиво, но и обещающе сказал Смородин. – Давай посидим пока...

Художник засмеялся.

– Чего ты меня готовишь, как... невесту смотреть. Волнуешься, что ли? А?

Смородин пожал плечами.

– Год работал...

– Ну-у, даже интересно. Пойдем глянем!

Смородин опять быстро и вопросительно глянул на жену.

– Выпейте еще, – сказала Зоя, – потом уж делами займетесь.

– Да что вы такие?! – спросил удивленный художник, глядя на Смородина. – Можно
подумать, что у вас там труп висит, а не картина. Чего вы?

– Выпейте, – жена Смородина засмеялась от растерянности, что с ней редко бывало

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – чтобы она терялась. – Выпейте, закусите, потом и пойдете. – Боялась она, что ли?

Еще выпили. И закусили.

– Пойдем, – нетерпеливо сказал художник Коля. – А то нагнали тут мистики какой-то. Пойдем, что там такое?

Пошли.

Вошли в маленькую комнатку... Смородин снял белую тряпку с холста, целую простынь. Руки его мелко дрожали; он крепко прикусил мундштук и засунул руки в карманы брюк. У него даже в животе заныло.

Художник прищурился на картину... Долго смотрел... Потом посмотрел на Смородина...

– Самоубийца, – сказал тот, слабо кивнув на холст. Голос его охрип.

Художник засмеялся, и даже не спохватился, что, может, грешно смеяться-то. Не увидел, не заметил, не обратил внимания, какой стоял Смородин – весь наструнившийся, весь отчаянный и жалкий, как на краю обрыва стоял и боялся смотреть вниз.

– Чего ты? – спросил тихо Смородин.

– Ты прямо напугал меня, – добродушно сказал Коля-художник. – Я уж думал, тут правда черт-те чего... Не вышло, Константин. Самоубийца... – Он опять невольно хохотнул. – Тут до самоубийства-то еще далеко, друг. А чего ты туда полез-то? А?

Смородин молчал. Чтобы не выдать, что с ним творится, не смотрел на художника, смотрел на картину и кусал мундштук. И тут, видно, понял художник, как он немилосерден, жесток.

– Костя!.. – окликнул он. – Ты чего? Брось ты так... Давно надо было позвать меня – не тратил бы год на эту мазню. Надо учиться, дружок, надо много уметь... Ну куда тебя, к черту, понесло – самоубийца! Тут еще и ремесла-то нету. Тут ни примитивизма, ни реализма... Ничего. – Он посмотрел на картину. – Ты человек способный, это я тебе не из какой не из жалости говорю. Способный. Но абсолютно неграмотный. Да и тема-то вовсе не твоя, ты вон какой... окорок, с чего вдруг самоубийство-то? Да ведь как выдумал!.. Ловко. Но это штука, дружок, фокус, а фокус не удался. Не переживай. Хочешь, буду учить тебя?

– Вон отсюда! – раздался вдруг сзади них голос.

Художник Коля и Смородин вздрогнули от неожиданности, оглянулись. Стояла жена Смородина, Зоя, смотрела в упор на художника, и глаза ее полыхали... не гневом даже, а – гибелью, крушением. Изождавшиеся ее глаза кричали болью.

– Вон из квартиры! – повторила она, глядя на художника.

– Зоя... – хотел что-то сказать Смородин.

– Вон! – крикнула Зоя. И топнула ногой. И лицо ее тоже исказилось болью. – Вон! Вон!!!

Художник Коля ничего не понял, но испугался, понял только, что тут сейчас должно что-то случиться... И, даже не показав никак, что он удивлен или что ему странно все это, – пошел вон. Подошел к двери, оглянулся...

– Во-он!! – закричала истерично жена Смородина. Схватила мужа за руку и потащила вслед за художником. И говорила, как в бреду, торопливо, едва разборчиво: – Спусти его!.. Двинь сзади! Скорей!..

Смородин и сам тоже испугался. Шел за женой, не противился... Художник, видя такое дело, поскорей вышел из квартиры и поскорей же начал спускаться по лестнице. А жена Смородина все тащила мужа за рукав – Смородин невольно отметил, какая у нее сильная рука, – и все торопила, все повторяла:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Спусти его! Вниз его, вниз его, вниз... Двинь его! Скорей же!

На лестнице, увидев внизу уходящего художника, бросила руку мужа и стала показывать, как надо спустить художника вниз: торопливо, с силой совала острым кулаком в воздух, вниз, и твердила, и твердила:

– Догони его! Догони – двинь его, двинь! Толкни вниз! Вот так вот, вот так вот... Что ты стоишь-то?! Что ты стоишь-то?!

Сморозин обнял жену, стал успокаивать.

– Зоя, Зоя... ну что ты? Что ты? Перестань, люди сбегутся. Люди же сбегутся!..

– Уйди! – зло кричала Зоя и колотила мужа в широкую грудь, как в дверь, обитую дерматином. – Уйди! Подонки!.. Хамье! Подонки! Подонки!..

Это была уже истерика. Константин Смородин слышал, как надо останавливать женскую истерику: приотпустил жену и, не разворачиваясь, больно дал ей ладонью по щеке. Жена уткнулась ему в грудь, обмякла, заплакала. Смородин поднял ее на руки и понес домой.

– Ну что ты, дурашка ты моя? – говорил ласково Смородин. – Чего ты?.. Подумаешь! Ну, и ничего страшного! Ничего же страшного не случилось. Ну, дурак пришел, наговорил... Что он понимает-то! Я других художников позову, не алкоголиков... они скажут. Не реви. Успокойся. – Смородин целовал голову жены, обильно надушенную ради сегодняшнего дня, и крепче прижимал ее к груди. – Успокойся, милая, успокойся, не надо...

А Зоя плакала, не могла остановиться, плакала, мочила слезами его выходной светло-серый костюм... Даже подвывала тихонько – так горько плакала. И не могла остановиться.

Упорный

Все началось с того, что Моря Квасов прочитал в какой-то книжке, что вечный двигатель – невозможен. По тем-то и тем-то причинам – потому хотя бы, что существует трение. Моря... Тут, между прочим, надо объяснить, почему – Моря. Его звали – Митька, Дмитрий, но бабка звала его – Митрий, а ласково – Мотыка, Мотя. А уж дружки переделали в Моря – так проще, кроме того, непоседливому Митьке имя это, Моря, как-то больше шло, выделяло его среди других, подчеркивало как раз его непоседливость и строптивый характер.

Прочитал Моря, что вечный двигатель невозможен... Прочитал, что многие и многие пытались все же изобрести такой двигатель... Посмотрел внимательно рисунки тех «вечных двигателей», какие – в разные времена – предлагались... И задумался. Что трение там, законы механики – он все это пропустил, а сразу с головой ушел в изобретение такого «вечного двигателя», какого еще не было. Он почему-то не поверил, что такой двигатель невозможен. Как-то так бывало с ним, что на всякие трезвые мысли... от всяких трезвых мыслей он с пренебрежением отмахивался и думал свое: «Да ладно, будут тут мне...» И теперь он тоже думал: «Да ну!.. Что значит – невозможен?»

Моря шел двадцать шестой год. Он жил с бабкой, хотя где-то были и родители, мать с отцом, но бабка еще маленького взяла его к себе от родителей (те вечно то расходились, то опять сходились) и вырастила. Моря окончил семилетку в деревне, поучился в сельскохозяйственном техникуме полтора года, не понравилось, бросил, до армии работал в колхозе, отслужил в армии, приобрел там специальность шофера и теперь работал в совхозе шофером. Моря был белобрыс, скуласт, с глубокими маленькими глазами. Большая нижняя челюсть его сильно выдавалась вперед, отчего даже и вид у Моря был крайне заносчивый и упрямый. Вот уж что у него было, так это было: если ему влетела в лоб какая-то идея – то ли научиться играть на аккордеоне, то ли, как в прошлом году, отстоять в своем огороде семнадцать соток, не пятнадцать, как положено по закону, а семнадцать, сколько у них с бабкой, почему им и было предложено перенести плетень ближе к дому, – то идея эта, какая в него вошла, подчиняла себе всего Моря: больше он ни о чем не мог думать, как о том, чтобы научиться на аккордеоне или не отдать сельсоветским эти несчастные две сотки земли. И своего добивался. Так и тут, с этим двигателем: Моря перестал видеть и понимать все вокруг, весь отдался великой изобретательской задаче. Что бы он ни делал – ехал на машине, ужинал, смотрел

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru телевизор, – все мысли о двигателе. Он набросал уже около десятка вариантов двигателя, но сам же и браковал их один за другим. Мысль работала судорожно, Мотя вскакивал ногами, чертил какое-нибудь очередное колесо... В своих догадках он все время топтался вокруг колеса, сразу с колеса начал и продолжал искать новые и новые способы – как заставить колесо постоянно вертеться.

И наконец способ был найден. Вот он: берется колесо, например велосипедное, закрепляется на вертикальной оси. К ободу колеса жестко крепится в наклонном положении (под углом в 45 градусов к плоскости колеса) желоб – так, чтоб по желобу свободно мог скользить какой-нибудь груз, допустим, килограммовая гирька. Теперь, если к оси, на которой закреплено колесо, жестко же прикрепить (приварить) железный стерженек так, чтобы свободный конец этого стерженька проходил над желобом, где скользит груз... То есть если груз, стремясь вниз по желобу, упрется в этот стерженек, то – он же будет его толкать, ну, не толкать – давить на него будет, на стерженек-то! А стерженек соединен с осью, ось – закрутится, закрутится и колесо. Таким образом, колесо само себя будет крутить.

Мотя придумал это ночью... Вскочил, начертил колесо, желоб, стерженек, грузик... И даже не испытал особой радости, только удивился: чего же они столько времени головы-то ломали! Он походил по горнице в трусах, глубоко гордый и спокойный, сел на подоконник, закурил. В окно дул с улицы жаркий ветер, качались и шумели молодые березки возле штакетника; пахло пылью. Мотя мысленно вообразил вдруг огромный простор своей родины, России, – как бесконечную равнину, и увидел себя на той равнине – идет спокойно по дороге, руки в карманах, поглядывает вокруг... И в этой ходьбе – ничего больше, идет, и все – почудилось Моне некое собственное величие. Вот так вот пройдет человек по земле – без крика, без возгласов, – поглядит на все тут – и уйдет. А потом хватятся: кто был-то! Кто был... Кто был... Мотя еще походил по горнице... Если бы он был не в трусах, а в брюках, то уже теперь сунул бы руки в карманы и так походил бы – хотелось. Но лень было надевать брюки, не лень, а совестно суетиться. Покой, могучий покой объял душу Мони. Он лег на кровать, но до утра не заснул. Двигатель свой он больше не трогал – там все ясно, а лежал поверх одеяла, смотрел через окно на звезды. Ветер горячий к утру поослаб, было тепло, но не душно. Густое небо стало бледнеть, стало как ситчик голубенький, застиранный... И та особенная тишина, рассветная, пугливая, невечная, прилегла под окно. И скоро ее вспугнули, эту тишину, – скрипнули недалеко воротца, потом звякнула цепь у колодца, потом с визгом раскрутился колодезный вал... Люди начали вставать. Мотя все лежал на кровати и смотрел в окно. Ничего вроде не изменилось, но какая желанная, дорогая сделалась жизнь. Ах, черт возьми, как, оказывается, не замечаешь, что все тут прекрасно, просто, бесконечно дорого. Еще полежал Мотя с полчаса и тоже поднялся: хоть и рано, но все равно уже теперь не заснуть.

Подсел к столу, просмотрел свой чертежик... Странно, что он не волновался и не радовался. Покой все пребывал в душе. Мотя закурил, откинулся на спинку стула и стал ковырять спичкой в зубах – просто так, нарочно, чтобы ничтожным этим действием подчеркнуть огромность того, что случилось ночью и что лежало теперь на столе в виде маленьких рисунков. И Мотя испытал удовольствие: на столе лежит чертеж вечного двигателя, а он ковыряется в зубах. Вот так вот, дорогие товарищи!.. Вольно вам в жарких перинах трудиться на заре с женами, вольно сопеть и блаженствовать – кургузые. Еще и с довольным видом будут ходить потом днем, будут делать какие-нибудь маленькие дела и при этом морщить лоб – как если бы они думали... Ой-ля-ля! Даже и думать умеете?! Гляди-ка. Впрочем, что же: выдумали же, например, рукомойник. Ведь это же какую голову надо иметь, чтобы... Ах, люди, люди. Мотя усмехнулся и пошел к человеческому изобретению – к рукомойнику, умываться.

И все утро потом Мотя пробыл в этом насмешливом настроении. Бабка заметила, что он какой-то блаженный с утра... Она была веселая крепкая старуха, Мотьку своего любила, но никак любви этой не показывала. Она сама тоже думала о людях несложно: живут, добывают кусок хлеба, приходит время – умирают. Важно не оплошать в трудную пору, как-нибудь выкрутиться. В войну, например, она приспособилась так: заметила в одном колхозном амбаре щель в полу, а через ту щель потихоньку сыплется зерно. А амбар задней стеной выходил на дорогу, но с дороги его заслоняли заросли крапивы и бурьяна. Ночью Квасиха пробралась с мешочком через эти заросли, изжалилась вся, но к зерну попала. Амбар был высокий, пол над землей высоко – хватит пролезть человеку. Квасиха подчистила зерно, проковыряла ножом щель пошире... И с неделю ходила ногами под тот амбар с мешочком. И наносила зерна изрядно. И в самый голод великий толкла ногами зерно

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru это в ступке, подмешивала в муку сосновой коры и пекла хлебушек. Так обошла свою гибель. Мотья был ей как сын, даже, наверно, дороже, потому что больше теперь никого не было. Была дочь (сыновей, двух, убило на войне), мать Мотьякина, но она вконец запуталась со своим муженьком, закружилась в городе, вообще как-то не вышло толку из бабы, она сюда и носа не казала, так что – есть она, и вроде ее нет.

- Чего эт ты сѣдня такой? – спросила бабка, когда сидели завтракали.
- Какой? – спокойно и снисходительно поинтересовался Моня.
- Довольный-то. Жмурился, как кот на солнышке... Приснилось, что ль, чего?

Моня несколько подумал... И сказал заковыристо:

- Мне приснилось, что я нашел десять тысяч рублей в портфеле.
- Подь ты к лешему! – Старуха усмехнулась, помолчала и спросила: – Ну, и что бы ты с имя стал делать?
- Что?.. А ты что?
- Я тебя спрашиваю.
- Хм... Нет, а вот ты чего бы стала делать? Чего тебе, например, надо?
- Мне ничего не надо. Может, дом бы перебраться...
- Лучше уж новый срубить. Чего тут перебирать – гнилье трясти.

Бабка вздохнула. Долго молчала.

- Гнилье-то гнилье... А уж я доживу тут. Немного уж осталось. Я уж все продумала, как меня отсюда выносить будут.
- Начинается! – недовольно сказал Моня. Он тоже любил бабку, хоть, может, не очень это сознавал, но одно в ней раздражало Моню: разговоры о предстоящей смерти. Да добро бы немощью, хилостью они порождались, обреченностью – нет же, бабка очень хотела жить, смерть ненавидела, но притворно строила перед ней, перед смертью, покорную фигуру. – Чего ты опять?

Умная старуха поддельно-скорбно усмехнулась.

- А чего же? Что я, два века жить буду? Приде-от, матушка...
- Ну и... придет – значит, придет: чего об этом говорить раньше время?

Но говорить старухе об этом хотелось, жаль только, что Мотья не терпит таких разговоров. Она любила с ним говорить. Она считала, что он умный парень, удивительно только, что в селе так не думают.

- Дак чего приснилось-то?
- Да ничего... Так я: утро вон хорошее, я и... радый.
- Ну, ну... И радуйся, пока молодой. Старость придет – не взрадуется.
- Ничего! – беспечно и громко сказал Моня, закончив трапезу. – Мы еще... сообразим тут! Скажем еще свое «фэ»!

И Моня пошел в гараж. Но по дороге решил зайти к инженеру РТС Андрею Николаевичу Голубеву, молодому специалисту. Он был человек приезжий, толковый, несколько мрачноватый, правда, но зато не трепач. Раза два Моня с ним общался, инженер ему нравился.

Инженер был в ограде, возился с мотоциклом.

- Здравствуй! – сказал Моня.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Здравствуй! – не сразу откликнулся инженер. И глянул на Моню неодобрительно: наверно, не понравилось, что с ним на «ты».

«Переживешь, – подумал Моня. – Молодой еще».

– Зашел сказать свое «фэ», – продолжал Моня, входя в ограду.

Инженер опять посмотрел на него.

– Что еще за «фэ»?

– Как ученые думают насчет вечного двигателя? – сразу начал Моня. Сел на бревно, достал папиросы... И смотрел на инженера снизу. – А?

– Что за вечный двигатель?

– Ну, этот – перпетум-мобиле. Нормальный вечный двигатель, который никак не могли придумать...

– Ну? И что?

– Как сейчас насчет этого думают?

– Да кто думает-то? – стал раздражаться инженер.

– Ученый мир... Вообще. Что, сняли, что ли, эту проблему?

– Никак не думают. Делать, что ли, нечего больше, как об этом думать.

– Значит, сняли проблему?

Инженер снова склонился к мотоциклу.

– Сняли.

– Не рано? – не давал ему уйти от разговора Моня.

– Что «не рано»? – оглянулся опять инженер.

– Сняли-то. Проблему-то.

Инженер внимательно посмотрел на Моню.

– Что, изобрел вечный двигатель, что ли?

И Моня тоже внимательно посмотрел на инженера. И всадил в его дипломированную головушку... Как палку в муравейник воткнул:

– Изобрел.

Инженер, не вставая с корточек, попристальнее взгляделся в Моню... Откровенно улыбнулся и возвратил Моне палку – тоже отчетливо, не без ехидства сказал:

– Поздравляю.

Моня обеспокоился. Не то что он усомнился вдруг в своем двигателе, а то обеспокоило, до каких же, оказывается, глубин вошло в сознание людей, что вечный двигатель невозможен. Этак – и выдумаешь его, а они будут твердить: невозможен. Спорить с людьми – это тяжело, грустно. Вся-то строптивость Мони, все упрямство его – чтоб люди не успели сделать больно, пока будешь корячиться перед ними со своей доверчивостью и согласием.

– А что дальше? – спросил Моня.

– В каком смысле?

– Ну, ты поздравил... А дальше?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Дальше – пускай его по инстанции, добивайся... Ты его сделал уже? Или только придумал?

– Придумал.

– Ну вот... – Инженер усмехнулся, качнул головой. – Вот и двигай теперь... Пиши, что ли, я не знаю.

Моня помолчал, задетый за больное усмешкой инженера.

– Ну а что ж ты даже не поинтересуешься: что за двигатель? Узнал бы хоть принцип работы... Ты же инженер. Неужели тебе неинтересно?

– Нет, – жестко сказал инженер. – Неинтересно.

– Почему?

Инженер оставил мотоцикл, вытер руки тряпкой, бросил тряпку на бревна, полез в карман за сигаретами. Посмотрел на Моню сверху.

– Парень... ты же говорил, что в техникуме сколько-то учился...

– Полтора года.

– Вот видишь... Чего же ты такую бредятину несешь сидишь? Сам шофер, с техникой знаком... Что, неужели веришь в этот свой двигатель?

– Ты же даже не узнал принцип его работы, а сразу – бредятина! – изумился Моня, чувствуя, что – все: с этой минуты он уперся. Узнал знакомое подрагивание в груди, противный холодок и подрагивание.

– И узнавать не хочу.

– Почему?

– Потому что – это глупость. И ты должен сам понимать, что глупость.

– Ну, а вдруг не глупость?

– Проверь. Проверь, а потом уж приходи... с принципом работы. Но если хочешь мой совет: не трать время и на проверку.

– Спасибо за совет. – Моня встал. – Вообще за добрые слова...

– Ну вот... – сказал инженер вроде с сожалением, но непреклонно. – И не тронь вас. Скажи еще, что меня в институте учили...

– Да ну, при чем тут институт! Я же к тебе не за справкой пришел...

– Ну а чего же уж такая... самодеятельность-то тоже! – воскликнул инженер. – Почти девять лет учился – и на тебе: вечный двигатель. Что же уж?... Надо же понимать хоть такие-то вещи. Как ты думаешь: если бы вечный двигатель был возможен, неужели бы его до сих пор не изобрели?

– Да вот так вот все рассуждают: невозможен, и все. И все махнули рукой...

– Да не махнули рукой, а доказали давно: не-воз-можен! Ладно, было бы у человека четыре класса, а то... Ты же восемь с половиной лет учился! Ну... Как же так? – Инженер по-живому рассердился, именно рассердился. И не скрывал, что сердится: смотрел на Моню зло и строго. И отчитывал. – Что же ты восемь с половиной лет делал?

– Смолил и к стенке становил, – тоже зло сказал Моня. И тоже поглядел в глаза инженеру. – Что ты, как на собрании, выступаешь? Чего красуешься-то? Я тебя куда выдвигать не собираюсь.

– Вот видишь... – чуть растерялся инженер от встречной напористой злости, но и

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru своей злости тоже не убавил. – Умеешь же говорить... Значит, не такой уж темный. Не хрена тогда и с вечным двигателем носиться... Людей смешить. – Инженер бросил сигарету, наступил на нее, крутнулся, вдавив ее в землю, и пошел заводить мотоцикл.

Моня двинулся из ограды.

Оглушил его этот инженер. И стыдно было, что отчитали, и злость поднялась на инженера нешуточная... Но ужасно, что явилось сомнение в вечном двигателе. Он пошел напрямик домой – к чертежу. Шагал скоро, глядел вниз. Никогда так стыдно не было. Стыдно было еще своей утренней беспечности, безмятежности, довольства. Надо было все же хорошенько все проверить. Черт, и в такой безмятежности поперся к инженеру! Надо было проверить, конечно.

Бабки дома не было. И хорошо: сейчас полезла бы с тревогой, с вопросами... Моня сел к столу, придвинул чертеж. Ну, и что? Груз – вот он – давит на стержень... Давит же он на него? Давит. Как же он не давит-то? А что же он делает? Моня вспомнил, как инженер спросил: «Что же ты восемь с половиной лет делал?» Нервно ерзнул на стуле, вернул себя опять к двигателю. Ну?.. Груз давит на стержень, стержень от этого давления двинется... Двинется. А другим концом он приварен к оси... Да что за мать-перемать-то! Ну, и почему это невозможно?! Вот теперь Моня волновался. Определенно волновался, прямо нетерпение охватило. Правильно, восемь с половиной лет учился, совершенно верно. Но – вот же, вот! Моня вскочил со стула, походил по горнице... Он не понимал: что они? Ну, пусть докажут, что груз не будет давить на стержень, а стержень не подвинется от этого. А почему он не подвинется-то? Вы согласны – подвинется? Тогда и ось... Тьфу! Моня не знал, что делать. Делать что-то надо было – иначе сердце лопнет от всего этого. Кожа треснет от напряжения. Моня взял чертеж и пошел из дома, сам пока не зная куда. Пошел бы и к инженеру, если бы тот не уехал. А может, и не уехал? И Моня пошел опять к инженеру. И опять шел скоро. Стыдно уже не было, но такое нетерпение охватило, впору бегом бежать. Малость Моня и подбежал – в переулке, где людей не было.

Мотоцикла в ограде не было. Моне стало досадно. И он, больше машинально, чем с какой-то целью, зашел в дом инженера. Дома была одна молодая хозяйка, она недавно встала, ходила в халатике еще, припухшая со сна, непричесанная.

– Здравствуйте, – сказал Моня. – А муж уехал?

– Уехал.

Моня хотел уйти, но остановился.

– А вы же ведь учительница? – спросил он.

Хозяйка удивилась.

– Да. А что?

– По какому?

– По математике.

Моня, не обращая внимания на беспорядок, которого хозяйки стыдятся, не обращая внимания и на хозяйку – что она еще не привела себя в порядок, – прошел к столу.

– Ну-ка, гляньте одну штуку... Я тут поспорил с вашим мужем... Идите-ка сюда.

Молодая женщина какое-то время нерешительно постояла, глядя на Моню. Она была очень хорошенькая, пухленькая.

– Что? – спросил Моня.

– А в чем дело-то? – тоже спросила учительница, подходя к столу.

– Смотрите, – стал объяснять Моня по чертежу, – вот это такой желобок из сталистой какой-нибудь жести... Так? Он – вот так вот – наклонно прикреплен к ободу этого колеса. Если мы сюда положим груз, вот здесь, сверху... А вот это

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
будет стержень, он прикреплен к оси. Груз поехал, двинул стерженек... Он же двинет
его?

– Надавит...

– Надавит! Он будет устремляться от этого груза, так же? Стерженек-то. А ось что
будет делать? Закрутится? А колесо? Колесо-то на оси жестко сидит...

– Это что же, вечный двигатель, что ли? – удивилась учительница.

Моня сел на стул. Смотрел на учительницу. Молчал.

– Что это? – спросила она.

– Да вы же сами сказали!

– Вечный двигатель?

– Ну.

Учительница удивленно скривила свежие свои губки, долго смотрела на чертеж... Тоже
пододвинула себе стул и села.

– А? – спросил Моня, закуривая. У него опять вздрагивало в груди, но теперь от
радости и нетерпения.

– Не будет колесо вращаться, – сказала учительница.

– Почему?

– Не знаю пока... Это надо рассчитать. Оно не должно вращаться.

Моня крепко стукнул себя кулаком по колену... Встал и начал ходить по комнате.

– Ну, ребята!.. – заговорил он. – Я не понимаю: или вы заучились, или... Почему не
будет-то? – Моня остановился, глядя в упор на женщину. – Почему?

Женщина тоже смотрела на него, несколько встревоженная. Она, как видно, немножко
даже испугалась.

– А вам нужно, чтобы он вращался? – спросила она.

Моня пропустил, что она это весьма глупо спросила, сам спросил – все свое:

– Почему оно не будет вращаться?

– А как вам муж объяснил?

– Муж... никак. Муж взялся стыдить меня. – И опять Моня кинулся к чертежу: – Вы
скажите, почему колесо... Груз давит?

– Давит.

– Давит. Стержень от этого давления...

– Знаете что, – прервала Моню учительница, – чего мы гадаем тут: это нам легко
объяснит учитель физики, Александр Иванович такой... Не знаете его?

– Знаю.

– Он же недалеко здесь живет.

Моня взял чертеж. Он знал, где живет учитель физики.

– Только подождите меня, ладно? – попросила учительница. – Я с вами пойду. Мне
тоже интересно стало.

Моня сел на стул.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Учительница замешкалась...

– Мне одеться нужно...

– А-а, – догадался Моня. – Ну, конечно. Я на крыльце подожду. – Моня пошел к выходу, но с порога еще оглянулся, сказал с улыбкой: – Вот дела-то! Да?

– Я сейчас, – сказала женщина.

Учитель физики, очень добрый человек, из поволжских немцев, по фамилии Гекман, с улыбкой слушал возбужденного Моню.. Смотрел в чертеж. Выслушал.

– Вот!.. – сказал он молодой учительнице с неподдельным восторгом. – Видите, как все продумано! А вы говорите... – И повернулся к Моне. И потихоньку тоже возбуждаясь, стал объяснять: – Смотрите сюда: я почти ничего не меняю в вашей конструкции, но только внесу маленькие изменения. Я уберу (он выговаривал «уперу») ваш желоб и ваш груз... А к ободу колеса вместо желоба прикреплю тоже стержень – вертикально. Вот... – Гекман нарисовал свое колесо и к ободу его «прикрепил» стержень. – Вот сюда мы его присобачим... Так? – Гекман был очень доволен. – Теперь я к этому вертикальному стержню прикрепляю пружину... Во-от. – Учитель и пружину изобразил. – А другим концом...

– Я уже такой двигатель видел в книге, – остановил Моня учителя. – Так не будет крутиться.

– Ага! – воскликнул счастливый учитель. – А почему?

– Пружина одинаково давит в обои концы...

– Это ясно?! Взяли ваш вариант: груз... Груз лежит на желобе и давит на стержень. Но ведь груз – это та же пружина, с которой вам все ясно: груз так же одинаково давит на стержень, и на желоб. Ни на что – чуть-чуть меньше, ни на что – чуть-чуть больше. Колесо стоит.

Это показалось Моне чудовищным.

– Да как же?! – вскинулся он. – Вы что? По желобу он только скользит – желоб можно еще круче поставить, – а на стержень падает. И это – одинаково?! – Моня свирепо смотрел на учителя. Но того все не оставляла странная радость.

– Да! – тоже воскликнул он, улыбаясь. Наверно, его так радовала незыблемость законов механики. – Одинаково! Эта неравномерность – это кажущаяся неравномерность, здесь абсолютное равенство...

– Да горите вы синим огнем с вашим равенством! – горько сказал Моня. Сгрел чертеж и пошел вон.

Вышел на улицу и быстро опять пошagal домой. Это походило на какой-то заговор. Это черт знает что!.. Как сговорились. Ведь ясно же, ребенку ясно: колесо не может не вертеться! Нет, оно, видите ли, НЕ ДОЛЖНО вертеться. Ну что это?!

Моня приколбасил опять домой, написал записку, что он себя неважно чувствует, нашел бабку на огороде, велел ей отнести записку в совхозную контору, не стал больше ничего говорить бабке, а ушел в сарай и начал делать вечный двигатель.

...И он его сделал. Весь день пластался, дотемна. Додельывал уже с фонарем. Разорил велосипед (колесо взял), желоб сделал из старого оцинкованного ведра, стержень не приварил, а скрепил с осью болтами... Все было сделано, как и задумалось.

Моня подвесил фонарь повыше, сел на чурбак рядом с колесом, закурил... И без волнения толкнул колесо ногой. Почему-то охота было начать вечное движение непременно ногой. И привалился спиной к стене. И стал снисходительно смотреть, как крутится колесо. Колесо покрутилось-покрутилось и стало. Моня потом его раскручивал уже руками... Подолгу – с изумлением, враждебно – смотрел на сверкающий спицами светлый круг колеса. Оно останавливалось. Моня сообразил, что не хватает противовеса. Надо же уравновесить желоб и груз! Уравновесил. Опять

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru что есть силы раскручивал колесо, опять сидел над ним и ждал. Колесо останавливалось. Мonha хотел изломать его, но раздумал... Посидел еще немного, встал и с пустой душой медленно пошел куда-нибудь.

...Пришел на реку, сел к воде, выбирал на ощупь возле себя камешки и стрелял ими с ладони в темную воду. От реки не исходил покой, она чуть шумела, плескалась в камнях, вздыхала в темноте у того берега... Всю ночь чего-то все беспокоилась, бормотала сама с собой – и текла, текла. На середине, на быстрине, поблескивала ее текучая спина, а здесь, у берега, она все шевелила какие-то камешки, шарилась в кустах, иногда сердито шипела, а иногда вроде смеялась тихо – шепотом.

Мonha не страдал. Ему даже понравилось, что вот один он здесь, все над ним надсмеялись и дальше будут смеяться: хоть и бывают редкие глупости, но вечный двигатель никто в селе не изобретал. Этого хватит месяца на два – говорить. Пусть. Надо и посмеяться людям. Они много работают, развлечений тут особых нет – пусть посмеются, ничего. Он в эту ночь даже любил их за что-то, Мonha, людей. Он думал о них спокойно, с сожалением, даже подумал, что зря он так много спорит с ними. Что спорить? Надо жить, нести свой крест молча... И себя тоже стало немного жаль.

Дождлся Мonha, что и заря занялась. Он вовсе отрешился от своей неудачи. Умылся в реке, поднялся на взвоз и пошел береговой улицей. Просто так опять, без цели. Спать не хотелось. Надо жениться на какой-нибудь, думал Мonha, нарожать детей – трех, примерно, и смотреть, как они развиваются. И обрести покой, ходить вот так вот – медленно, тяжело и смотреть на все спокойно, снисходительно, чуть насмешливо. Мonha очень любил спокойных мужиков.

Уже совсем развиднело. Мonha не заметил, как пришел к дому инженера. Не нарочно, конечно, пришел, а шел мимо и увидел в ограде инженера. Тот опять возился со своим мотоциклом.

– Доброе утро! – сказал Мonha, остановившись у изгороди. И смотрел на инженера мирно и весело.

– Здорово! – откликнулся инженер.

– А ведь крутится! – сказал Мonha. – Колесо-то.

Инженер отлип от своего мотоцикла... Некоторое время смотрел на Мonha – не то что не верил, скорее так: не верил и не понимал.

– Двигатель, что ли?

– Двигатель. Колесо-то... Крутится. Всю ночь крутилось... И сейчас крутится. Мне надоело смотреть, я пошел малость пройтись.

Инженер теперь ничего не понимал. Вид у Мonha усталый и честный. И нисколько не пристыженный, а даже какой-то просветленный.

– Правда, что ли?

– Пойдем – поглядишь сам.

Инженер пошел из ограды к Мonha.

– Ну, это... фокус какой-нибудь, – все же не верил он. – Подстроил там чего-нибудь?

– Какой фокус! В сарае... на полу: крутится и крутится.

– От чего колесо-то?

– От велика.

Инженер приостановился.

– Ну, правильно: там хороший подшипник – оно и крутится.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да, – сказал Мотя, – но не всю же ночь!

Они опять двинулись.

Инженер больше не спрашивал. Мотя тоже молчал. Благостное настроение все не оставляло его. Хорошее какое-то настроение, даже самому интересно.

– И всю ночь крутится? – не удержался и еще раз спросил инженер перед самым домом Мони. И посмотрел пристально на Мотю. Мотя преспокойно выдержал его взгляд и, вроде сам тоже изумляясь, сказал:

– Всю ночь! Часов с десяти вечера толкнул его, и вот... сколько уж сейчас?

Инженер не посмотрел на часы, шел с Моней, крайне озадаченный, хоть старался не показать этого, щадя свое инженерское звание. Моне даже смешно стало, глядя на него, но он тоже не показал, что смешно.

– Приготовились! – сказал он, остановившись перед дверью сарая. Посмотрел на инженера и пнул дверь... И посторонился, чтобы тот прошел внутрь и увидел колесо. И сам тоже вошел в сарай – крайне интересно стало: как инженер обнаружит, что колесо не крутится.

– Ну-у, – сказал инженер. – Я думал, ты хоть фокус какой-нибудь тут придумал. Не смешно, парень.

– Ну, извини, – сказал Мотя, довольный. – Пойдем – у меня дома коньячишко есть... сохранился: выпьем по рюмахе?

Инженер с интересом посмотрел на Мотю. Усмехнулся.

– Пойдем.

Пошли в дом. Осторожно, стараясь не шуметь, прошли через прихожую комнату... Прошли уже было, но бабка услышала.

– Мотька, где был-то всю ночь? – спросила она.

– Спи, спи, – сказал Мотя. – Все в порядке.

Они вошли в горницу.

– Садись, – пригласил Мотя. – Я сейчас организую...

– Да ты... ничего не надо организовывать! – сказал инженер шепотом. – Брось. Чего с утра организовывать?

– Ну, ладно, – согласился Мотя. – Я хотел хоть пирожок какой-нибудь... Ну, ладно.

Когда выпили по рюмахе и закурили, инженер опять с интересом поглядел на Мотю, сощурил в усмешке умные глаза.

– Все же не поверил на слово? Сделал... Всю ночь, наверно, трудился?

А Мотя сидел теперь задумчивый и спокойный – как если бы у него уже было трое детей и он смотрел, как они развиваются.

– Весь день вчера угробил... Дело не в этом, – заговорил Мотя, и заговорил без мелкого сожаления и горя, а с глубоким, искренним любопытством, – дело в том, что я все же не понимаю: почему оно не крутится? Оно же должно крутиться.

– Не должно, – сказал инженер. – В этом все дело.

Они посмотрели друг на друга... Инженер улыбнулся, и ясно стало, что вовсе он не злой человек – улыбка у него простецкая, доверчивая. Просто, наверно, на него, по его молодости и совестливости, навалили столько дел в совхозе, что он позабыл и улыбаться, и говорить приветливо – не до этого стало.

– Учиться надо, дружок, – посоветовал инженер. – Тогда все будет понятно.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да при чем тут – учиться, учиться, – недовольно сказал Моня. – Вот нашли одну тему: учиться, учиться... А ученых дураков не бывает?

Инженер засмеялся... и встал.

– Бывают! Но все же неученых их больше. Я не к этому случаю говорю... вообще. Будь здоров!

– Давай еще по рюмахе?

– Нет. И тебе не советую.

Инженер вышел из горницы и постарался опять пройти по прихожей неслышно, но бабка уже не спала.

– Шагай вольнее, – сказала она, – все равно не сплю.

– Здравствуй, бабушка! – поприветствовал ее инженер.

– Здорово, милоч. Чего вы-то не спите? Гляди-ка, молодые, а как старики... Вам спать да спать надо.

– А в старости-то что будем делать? – сказал инженер весело.

– В старости тоже не поспишь.

– Ну, значит, потом когда-нибудь... Где-нибудь.

– Рази что там...

Моня сидел в горнице, смотрел в окно. Верхняя часть окна уже занялась красным – всходило солнце. Село пробудилось: хлопали ворота, мычали коровы, собираясь в табун. Переговаривались люди, уже где-то и покрикивали друг на друга... Все как положено. Слава богу, хоть тут-то все ясно, думал Моня. Солнце всходит и заходит, всходит и заходит – недосыгаемое, неистощимое, вечное. А тут себе шуруют: кричат, спешат, трудятся, поливают капусту... Радости подсчитывают, удачи. Хэх!.. Люди, милые люди... Здравствуйте!

Алеша Бесконвойный

Его и звали-то – не Алеша, он был Костя Валиков, но все в деревне звали его Алешей Бесконвойным. А звали его так вот за что: за редкую в наши дни безответственность, неуправляемость. Впрочем, безответственность его не простиралась беспредельно: пять дней в неделю он был безотказный работник, больше того – старательный работник, умелый (летом он пас колхозных коров, зимой был скотником – кочегарил на ферме, случалось – ночное дело – принимал телят), но наступала суббота, и тут все: Алеша выпрягался. Два дня он не работал в колхозе: субботу и воскресенье. И даже уж и забыли, когда это он завел себе такой порядок, все знали, что этот преподобный Алеша «сроду такой» – в субботу и в воскресенье не работает. Пробовали, конечно, повлиять на него, и не раз, но все без толку. Жалели, вообще-то: у него пятеро ребятишек, из них только старший добрался до десятого класса, остальной чеснок сидел где-то еще во втором, в третьем, в пятом... Так и махнули на него рукой. А что сделаешь? Убеждай его, не убеждай – как об стенку горох. Хлопает глазами... «Ну, понял, Алеша?» – спросят. «Чего?» – «Да нельзя же позволять себе такие вещи, какие ты себе позволяешь! Ты же не на фабрике работаешь, ты же в сельском хозяйстве! Как же так-то? А?» – «Чего?» – «Брось дурачка из себя строить! Тебя русским языком спрашивают: будешь в субботу работать?» – «Нет. Между прочим, насчет дурачка – я ведь могу тоже... дам в лоб разок, и ты мне никакой статьи за это не найдешь. Мы тоже законы знаем. Ты мне – оскорбление словом, я тебе – в лоб: считается – взаимность». Вот и поговори с ним. Он даже на собрания не ходил в субботу.

Что же он делал в субботу?

В субботу он топил баню. Все. Больше ничего. Накалял баню, мылся и начинал париться. Парился, как ненормальный, как паровоз, – по пять часов парился! С отдыхом, конечно, с перекуром... Но все равно – это же какой надо иметь организм! Конский?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

В субботу он просыпался и сразу вспоминал, что сегодня – суббота. И сразу у него распускалась в душе тихая радость. Он даже лицом светлел. Он даже не умывался, а шел сразу во двор – колоть дрова.

У него была своя наука – как топить баню. Например, дрова в баню шли только березовые, они дают после себя стойкий жар. Он колот их аккуратно, с наслаждением...

Вот, допустим, одна такая суббота.

Погода стояла как раз скучная – зябко было, сыро, ветрено – конец октября. Алеша такую погоду любил. Он еще ночью слышал, как пробрызнул дождик – постучало мягко, дробно в стекла окон – и перестало. Потом в верхнем правом углу дома, где всегда гудело, загудело – ветер наладился. И ставни пошли дергаться. Потом ветер поутих, но все равно утром еще потягивал – снеговой, холодный.

Алеша вышел с топором во двор и стал выбирать березовые кругляши на расколку. Холод полез под фуфайку... Но Алеша пошел махать топориком и согрелся.

Он выбирал из поленницы чурки потолще... Выберет, возьмет ее, как поросенка, на руки и несет к дровосеке.

– Ишь ты... какой, – говорил он ласково чурбаку. – Атаман какой... – Ставил этого «атамана» на широкий пень и тюкал по голове.

Скоро он так натюкал большой ворох... Долго стоял и смотрел на этот ворох. Белизна, и сочность, и чистота сокровенная поленьев, и дух от них – свежий, нутряной, чуть стылый, лесовой...

Алеша стаскал их в баню, аккуратно склал возле каменки. Еще потом будет момент – разжигать, тоже милое дело. Алеша даже волновался, когда разжигал в каменке. Он вообще очень любил огонь.

Но надо еще наносить воды. Дело не столько милое, но и противного в том ничего нет. Алеша старался только поскорей натаскать. Так семенил ногами, когда нес на коромысле полные ведра, так выгибался длинной своей фигурой, чтобы не плескаться из ведер, смех смотреть. Бабы у колодца всегда смотрели. И переговаривались.

– Ты глянь, глянь, как пружинит! Чисто акробат!..

– И не плескает ведь!

– Да куда так несется-то?

– Ну, баню опять топить...

– Да рано же еще!

– Вот – весь день будет баней заниматься. Бесконвойный он и есть... Алеша.

Алеша наливал до краев котел, что в каменке, две большие кадки и еще в оцинкованную ванну, которую он купил лет пятнадцать назад, в которой по очереди перекупались все его младенцы. Теперь он ее приспособил в баню. И хорошо! Она стояла на полке, с краю, места много не занимала – не мешала париться, – а вода всегда под рукой. Когда Алеша особенно заходил на полке, когда на голове волосы трещали от жары, он курял голову прямо в эту ванну.

Алеша натаскал воды и сел на порожек покурить. Это тоже дорогая минута – посидеть покурить. Тут же Алеша любил оглядеться по своему хозяйству в предбаннике и в сарайчике, который пристроен к бане, – продолжал предбанник. Чего только у него там не было! Старые литовки без черенков, старые грабли, вилы... Но был и верстачок, и был исправный инструмент: рубанок, ножовка, долота, стамески... Это все – на воскресенье, это завтра он тут будет упражняться.

В бане сумрачно и неуютно пока, но банный терпкий, холодный запах разбавлялся уже запахом березовых поленьев – тонким, еле уловимым – это предвестие скорого

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru праздника. Сердце Алеши нет-нет да подмывает радость – подумает: «Сча-ас». Надо еще вымыть в бане: даже и этого не позволял делать Алеша жене – мыть. У него был заготовлен голичок, песочек в баночке.. Алеша снял фуфайку, засучил рукава рубахи и пошел пластать, пошел драить. Все перемыл, все продрал голиком, окатил чистой водой и протер тряпкой. Тряпку ополоснул и повесил на сучок клена, клен рос рядом с баней. Ну, теперь можно и затопить. Алеша еще разок закурил.. Посмотрел на хмурое небо, на унылый далекий горизонт, на деревню.. Ни у кого еще баня не топилась. Потом будут, к вечеру, – на скорую руку, кое-как, пых-пых.. Будут глотать горький чад и париться. Напарится не напарится – угорит, придет, хлястнется на кровать, еле живой – и думает, это баня. Хэх!.. Алеша бросил окурок, вдавил его сапогом в мокрую землю и пошел топить.

Поленья в каменке он клал, как и все кладут: два – так, одно – так, поперек, а потом сверху. Но там – в той амбразуре-то, которая образуется-то, – там кладут обычно лучины, бумагу, керосином еще навалились теперь обливать, – там Алеша ничего не клал: то полено, которое клал поперек, он его посерединке ершил топором, и все, и потом эти заструги поджигал – загоралось. И вот это тоже очень волнующий момент – когда разгорается. Ах, славный момент! Алеша присел на корточки перед каменкой и неотрывно смотрел, как огонь, сперва маленький, робкий, трепетный, – все становится больше, все надежней. Алеша всегда много думал, глядя на огонь. Например: «Вот вы там хотите, чтобы все люди жили одинаково.. Да два полена и то сгорают неодинаково, а вы хотите, чтоб люди прожили одинаково!» Или еще он сделал открытие: человек, помирая – в конце самом, – так вдруг захочет жить, так обнадеется, так возрадуется какому-нибудь лекарству!.. Это знают. Но точно так и палка любая: догорая, так вдруг вспыхнет, так озарится вся, такую выкинет шапку огня, что диву даешься: откуда такая последняя сила?

Дрова хорошо разгорелись, теперь можно пойти чайку попить.

Алеша умылся из рукомойника, вытерся и с легкой душой пошел в дом.

Пока он занимался баней, ребяташки, один за одним, ушлепали в школу. Дверь – Алеша слышал – то и дело хлопала, и скрипели воротца. Алеша любил детей, но никто бы никогда так не подумал – что он любит детей: он не показывал. Иногда он подолгу внимательно смотрел на кого-нибудь, и у него в груди ныло от любви и восторга. Он все изумлялся природе: из чего получился человек?! Ведь не из чего, из малой какой-то малости. Особенно он их любил, когда они были еще совсем маленькие, беспомощные. Вот уж, правда что, стебелек малый: давай цепляйся теперь изо всех силенок, карабкайся. Впереди много всякого будет – никаким умом вперед не скинешь. И они растут, карабкаются. Будь на то Алешина воля, он бы еще пятерых смастерил, но жена устала.

Когда пили чай, поговорили с женой.

– Холодно как уж стало. Снег, гляди, выпадет, – сказала жена.

– И выпадет. Оно бы и ничего, выпал-то, – на сырую землю.

– Затопил?

– Затопил.

– Кузьмовна заходила.. Денег занять.

– Ну? Дала?

– Дала. До среды, говорит, а там, мол, за картошку получит..

– Ну и ладно. – Алеше нравилось, что у них можно, например, занять денег – все как-то повеселей в глаза людям смотришь. А то наладились: «Бесконвойный, Бесконвойный». Глупые. – Сколько попросила-то?

– Пятнадцать рублей. В среду, говорит, за картошку получим..

– Ну и ладно. Пойду продолжать.

Жена ничего не сказала на это, не сказала, что иди, мол, или еще чего в таком

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru духе, но и другого чего – тоже не сказала. А раньше, бывало, говорила, до ругани дело доходило: надо то сделать, надо это сделать – не день же целый баню топить! Алеша и тут не уступил ни на волос: в субботу только баня. Все. Гори все синим огнем! Пропади все пропадом! «Что мне, душу свою на куски порезать?!» – кричал тогда Алеша не своим голосом. И это испугало Таисью, жену. Дело в том, что старший брат Алеши, Иван, вот так-то застрелился. А довела тоже жена родная: тоже чего-то ругались, ругались, до того доругались, что брат Иван стал биться головой об стенку и приговаривать: «Да до каких же я пор буду мучиться-то?! До каких?! До каких?!» Дура-жена, вместо того чтобы успокоить его, взяла да еще подъялдыкнула: «Давай, давай... Сильней! Ну-ка, лоб крепче или стенка?» Иван сгреб ружье... Жена брякнулась в обморок, а Иван полыхнул себе в грудь. Двое детей осталось. Тогда-то Таисью и предупредили: «Смотри... а то – не в роду ли это у их». И Таисья отступилась.

Напившись чаю, Алеша покурил в тепле, возле печки, и пошел опять в баню.

А баня всю топилась.

Из двери ровно и сильно, похоже, как река заворачивает, валит, плавно загибаясь кверху, дым. Это первая пора, потом, когда в каменке накопится больше жару, дыму станет меньше. Важно вовремя еще подкинуть: чтоб и не на угли уже, но и не набить тесно – огню нужен простор. Надо, чтоб горело вольно, обильно, во всех углах сразу. Алеша подлез под поток дыма к каменке, сел на пол и несколько времени сидел, глядя в горячий огонь. Пол уже маленько нагрелся, парит; лицо и колени достаёт жаром, надо прикрываться. Да и сидеть тут сейчас нежелательно: можно словить незаметно угару. Алеша умело пошевелил головешки и вылез из бани. Дел еще много: надо заготовить веник, надо керосину налить в фонарь, надо веток сосновых наготовить... Напевая негромко нечто неопределенное – без слов, голосом, Алеша слезал на потолок бани, выбрал там с жердочки веник поплотнее, потом наскочил на дровосеке сосновых лап – поровней, без сучков, сложил кучкой в предбаннике. Так, это есть. Что еще? Фонарь!.. Алеша нырнул опять под дым, вынес фонарь, поболтал – надо долить. Есть, но.. чтоб уж потом ни о чем не думать, Алеша все напевал... Какой желанный покой на душе, господи! Ребятишки не болеют, ни с кем не ругался, даже денег займы взяли... Жизнь: когда же самое главное время ее? Может, когда воюют? Алеша воевал, был ранен, поправился, довоевал и всю жизнь потом с омерзением вспоминал войну. Ни одного потом кинофильма про войну не смотрел – тошно. И удивительно на людей – сидят смотря! Никто бы не поверил, что Алеша серьезно вдумывался в жизнь: что в ней за тайна, надо ее жалеть, например, или можно помирать спокойно – ничего тут такого особенного не осталось? Он даже напрягал свой ум так: вроде он залетел – высоко-высоко – и оттуда глядит на землю... Но понятней не становилось: представлял своих коров на покотине – маленькие, как букашки... А про людей, про их жизнь озарения не было. Не озаряло. Как все же: надо жалеть свою жизнь или нет? А вдруг да потом, в последний момент, как заорешь – что вовсе не так жил, не то делал? Или так не бывает? Помирают же другие – ничего: тихо, мирно. Ну, жалко, конечно, грустно: не так уж тут плохо. И вспоминал Алеша, когда вот так вот подступала мысль, что здесь не так уж плохо, – вспоминал он один момент своей жизни. Вот какой. Ехал он с войны... Дорога дальняя – через всю почти страну. Но ехали звонко – так-то ездил бы. На одной какой-то маленькой станции, еще за Уралом, к Алеше подошла на перроне молодая женщина и сказала:

– Слушай, солдат, возьми меня – вроде я твоя сестра... Вроде мы случайно здесь встретились. Мне срочно ехать надо, а никак не могу уехать.

Женщина тыловая, довольно гладкая, с родинкой на шее, с крашеными губами... Одетая хорошо. Ротик маленький, пушок на верхней губе. Смотрит – вроде пальцами трогает Алешу, гладит. Маленько вроде смущается, но все же очень бессовестно смотрит, ласково. Алеша за всю войну не коснулся ни одной бабы... Да и до войны-то тоже – горе: на вечеринках только целовался с девками. И все. А эта стоит, смотрит странно... У Алеши так заломило сердце, так он взволновался, что и оглох, и рот свело.

Но, однако, поехали.

Солдаты в вагоне тоже было взволновались, но эта, ласковая-то, так прилипла к Алеше, что и подступаться как-то неловко. А ей ехать близко, оказывается: через два перегона она уже и приехала. А дело к вечеру. Она грустно так говорит:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Мне от станции маленько идти надо, а я боюсь. Прямо не знаю, что делать...

– А кто дома-то? – разлепил рот Алеша.

– Да никого, одна я.

– Ну, так я провожу, – сказал Алеша.

– А как же ты? – удивилась и обрадовалась женщина.

– Завтра другим эшелонам поеду... Мало их!

– Да, их тут каждый день идет... – согласилась она.

И они пошли к ней домой. Алеша захватил, что вез с собой: две пары сапог офицерских, офицерскую же гимнастерку, ковер немецкий, и они пошли. И этот-то путь до ее дома, и ночь ту грешную и вспоминал Алеша. Страшная сила – радость не радость – жар, и немота, и ужас сковали Алешу, пока шли они с этой ласковой... Так было томительно и тяжело, будто прогретое за день июньское небо – опустилось, и Алеша еле передвигал пудовые ноги, и дышалось с трудом, и в голове все сплуснулось. Но и теперь все до мелочи помнил Алеша. Аля, так ее звали, взяла его под руку... Алеша помнил, какая у нее была рука – мяконькая, теплая под шершавеньким крепдешинком. Какого цвета платье было на ней, он, правда, не помнил, но колючечки остренькие этого крепдешина, некую его теплую шершавость он всегда помнил, и теперь помнит. Он какой-то и колючий, и скользкий, этот крепдешин. И часики у нее на руке помнил Алеша – маленькие (трофейные), узенький ремешок врезался в мякоть руки. Вот то-то и оглушило тогда, что женщина сама – просто, доверчиво – взяла его под руку и пошла потом прикасаться боком своим мяконьким к нему... И тепло это – под рукой ее – помнил же. Да... Ну, была ночь. Утром Алеша не обнаружил ни Али, ни своих шмоток. Потом уж, когда Алеша ехал в вагоне (документы она не взяла), он сообразил, что она тем и промышляла, что встречала эшелоны и выбирала солдатака поглупей. Но вот штука-то – спроси она тогда утром: отдай, мол, Алеша, ковер немецкий, отдай гимнастерку, отдай сапоги – все отдал бы. Может, пару сапог оставил бы себе.

Вот ту Алю крепдешинную и вспоминал Алеша, когда оставался сам с собой, и усмехался. Никому никогда не рассказывал Алеша про тот случай, а он ее любил, Алю-то. Вот как.

Дровишки прогорели... Гора, золотая, горячая, так и дышала, так и валил жар. Огненный зев нет-нет да схватывал синий огонек... Вот он – угар. Ну, давай теперь накаляйся все тут – стены, полки, лавки... Потом не притронешься.

Алеша накидал на пол сосновых лап – такой будет потом Ташкент в лесу, такой аромат от этих веток, такой вольный дух, черт бы его побрал, – славно! Алеша всегда хотел не суетиться в последний момент, но не справлялся. Походил по ограде, прибрал топор... Сунулся опять в баню – нет, угарно.

Алеша пошел в дом.

– Давай бельишко, – сказал жене, стараясь скрыть свою радость – она почему-то всех раздражала, эта его радость субботняя. Черт их тоже поймет, людей: сами ворочают глупость за глупостью, не вылезают из глупостей, а тут, видите ли, удивляются, фыркают, не понимают.

Жена Таисья молчком открыла ящик, усунулась под крышку... Это вторая жена Алеша. Первая, Соня Полосухина, умерла. От нее детей не было. Алеша меньше всего про них думал: и про Соню, и про Таисью. Он разболкся до нижнего белья, посидел на табуретке, подобрал поближе к себе босые ноги, испытывая в этом положении некую приятность. Еще бы закурить... Но курить дома он отвык давно уж – как пошли детишки.

– Зачем Кузьмовне деньги-то понадобились? – спросил Алеша.

– Не знаю. Да кончились – от и понадобились. Хлеба небось не на что купить.

– Много они картошки-то сдали?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Вова два отвезли... Кулей двадцать.

– Огребут деньжат!

– Огребут. Все копят... Думаешь, у их на книжке нету?

– Как так нету! У Соловьевых да нету!

– Кальсоны-то потеплей дать? Или бумажные пока?..

– Давай бумажные, пока еще не так ниже.

– На.

Алеша принял свежее белье, положил на колени, посидел еще несколько, думая, как там сейчас в бане.

– Так... Ну, ладно.

– У Кольки ангина опять.

– Зачем же в школу отпустила?

– Ну... – Таисья сама не знала, зачем отпустила. – Чего будет пропускать. И так-то учится – через пень-колоду.

– Да... – Странно, Алеша никогда всерьез не переживал болезнь своих детей, даже когда они тяжело болели, – не думал о плохом. Просто как-то не приходила эта мысль. И ни один, слава богу, не помер. Но зато как хотел Алеша, чтоб дети его выучились, уехали бы в большой город и возвысились там до почета и уважения. А уж летом приезжали бы сюда, в деревню, Алеша суетился бы возле них – возле их жен, мужей, детишек ихних... Ведь никто же не знает, какой Алеша добрый человек, заботливый, а вот те, городские-то, сразу бы это заметили. Внучатки бы тут бегали по ограде... Нет, жить, конечно, имеет смысл. Другое дело, что мы не всегда умеем. И особенно это касается деревенских долбаков – вот уж упрямый народишко! И возьми даже своих ученых людей – агрономов, учителей: нет зазнавитее человека, чем свой, деревенский же, но который выучился в городе и опять приехал сюда. Ведь она же идет, она же никого не видит! Какого бы она малого росточка ни была, а все норовит выше людей глядеть. Городские, те как-то умеют, собаки, и культуру свою показать, и никого не унижить. Он с тобой, наоборот, первый поздоровается.

– Так... Ну, ладно, – сказал Алеша. – Пойду.

И Алеша пошел в баню.

Очень любил он пройти из дома в баню как раз при такой погоде, когда холодно и сыро. Ходил всегда в одном белье, нарочно шел медленно, чтоб озябнуть. Еще находил какое-нибудь заделье по пути: собачью цепь распутает, пойдет воротца хорошенько прикроет... Это чтоб покрепче озябнуть.

В предбаннике Алеша разделся донага, мельком оглядел себя – ничего, крепкий еще мужик. А уж сердце заныло – в баню хочет. Алеша усмехнулся на свое нетерпение. Еще побыл маленько в предбаннике... Кожа покрылась пупырышками, как тот самый крепдешин, хэх... Язви тебя в душу, чего только в жизни не бывает! Вот за что и любил Алеша субботу: в субботу он так много размышлял, вспоминал, думал, как ни в какой другой день. Так за какие же такие великие ценности отдавать вам эту субботу? А?

Догоню, догоню,
Хабибу догоню!.. –

пропел Алеша негромко, открыл дверь и ступил в баню.

Эх, жизнь!.. Была в селе общая баня, и Алеша сходил туда разок – для ощущения. Смех и грех! Там как раз цыгане мылись. Они не мылись, а в основном пиво пили. Мужики ворчат на них, а они тоже ругаются: «Вы не понимаете, что такое баня!» Они – понимают! Хоть, впрочем, в такой-то бане, как общая-то, только пиво и пить сидеть. Не баня, а недоразумение какое-то. Хорошо еще не в субботу ходил; в субботу истопил свою и смысл к чертовой матери все воспоминания об общественной

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru бане.

..И пошла тут жизнь – вполне конкретная, но и вполне тоже необъяснимая – до краев дорогая и родная. Пошел Алеша двигать тазы, ведра... – стал налаживать маленький Ташкент. Всякое вредное напряжение совсем отпустило Алешу, мелкие мысли покинули голову, вселилась в душу некая цельность, крупность, ясность – жизнь стала понятной. То есть она была рядом, за окошечком бани, но Алеша стал недосыгаем для нее, для ее суетни и злости, он стал большой и снисходительный. И любил Алеша – от полноты и покоя – попеть пока, пока еще не наладился париться. Наливал в тазик воду, слушал небесно-чистый звук струи и незаметно для себя пел негромко. Песен он не знал: помнил только кое-какие деревенские частушки да обрывки песен, которые пели дети дома. В бане он любил помурлыкать частушки.

Погляжу я по народу –
Нет моего милого, –
спел Алеша, зачерпнул еще воды.

Кучерявый чуб большой,
Как у Ворошилова.
И еще зачерпнул, еще спел:

Истопила мама баню,
Посылает париться.
Мне, мамаша, не до бани –
Миленький венчается.
Навел Алеша воды в тазике... А в другой таз, с кипятком, положил пока веник –
распаривать. Стал мыться. Мылся долго, с остановками. Сидел на теплом полу, на ветках, плескался и мурлыкал себе:

Я сама иду дорогой,
Моя дума – стороной.
Рано, милый, похвалился,
что я буду за тобой.
И точно плывет он по речке – плавной и теплой, а плывет как-то странно и хорошо –
сидя. И струи теплые прямо где-то у сердца.

Потом Алеша полежал на полке – просто так. И вдруг подумал: а что, вытянусь вот так вот когда-нибудь... Алеша даже и руки сложил на груди и полежал так малое время. Напрягся было, чтоб увидеть себя, подобного, в гробу. И уже что-то такое начало мерещиться – подушка вдавленная, новый пиджак... Но душа воспротивилась дальше, Алеша встал и, испытывая некое брезгливое чувство, окатил себя водой. И для бодрости еще спел:

Эх, догоню, догоню, догоню,
Хабибу до-го-ню!
Ну ее к черту! Придет – придет, чего раньше времени тренироваться! Странно, однако же: на войне Алеша совсем не думал про смерть – не боялся. Нет, конечно, укрывался от нее, как мог, но в такие вот подробности не входил. Ну ее к лешему! Придет – придет, куда не денешься. Дело не в этом. Дело в том, что этот праздник на земле – это вообще не праздник, не надо его и понимать как праздник, не надо его и ждать, а надо спокойно все принимать и «не суетиться перед клиентом». Алеша недавно услышал анекдот о том, как опытная сводня учила в бардаке своих девок: «Главное, не суетиться перед клиентом». Долго Алеша смеялся и думал: «Верно, суетимся много перед клиентом». Хорошо на земле, правда, но и прыгать козлом – чего же? Между прочим, куда радостней бывает, когда радость эту не ждешь, не готовишься к ней. Суббота – это другое дело, субботу он как раз ждет всю неделю. Но вот бывает: плохо с утра, вот что-то противно, а выйдешь с коровами за село, выглянет солнышко, загорится какой-нибудь куст тихим огнем сверху... И так вдруг обогреет тебя нежданная радость, так хорошо сделается, что станешь и стоишь, и не заметишь, что стоишь и улыбаешься. Последнее время Алеша стал замечать, что он вполне осознанно любит. Любит степь за селом, зарю, летний день... То есть он вполне понимал, что он – любит. Стал случаться покой в душе – стал любить. Людей труднее любить, но вот детей и степь, например, он любил все больше и больше.

Так думал Алеша, а пока он так думал, руки делали. Он вынул распаренный душистый веник из таза, сполоснул тот таз, навел в нем воды попрохладней... Дальше зачерпнул ковш горячей воды из котла и кинул на каменку – первый, пробный.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Каменка ахнула и пошла шипеть и клубиться. Жар вцепился в уши, полез в горло... Алеша присел, переждал первый натиск и потом только взобрался на полочку. Чтобы доски полки не поджигали бока и спину, окатил их водой из тазика. И зашуршал веничком по телу. Вся-то ошибка людей, что они сразу начинают что есть силы охаживать себя веником. Надо сперва почесать себя – походить веником вдоль спины, по бокам, по рукам, по ногам... Чтобы он шепотком, шепотком, шепотком пока. Алеша искусно это делал: он мелко тряс веник возле тела, и листочки его, точно маленькие горячие ладошки, касались кожи, раззадоривали, вызвали неистовое желание сразу исхлестаться. Но Алеша не допускал этого, нет. Он ополоснулся, полежал... Кинул на каменку еще полковша, подержал веник над каменкой, над паром и поприкладывал его к бокам, под коленки, к пояснице... Спустился с полки, приоткрыл дверь и присел на скамеечку покурить. Сейчас даже малые остатки угарного газа, если они есть, уйдут с первым сырым паром. Каменка обсохнет, камни снова накалятся, и тогда можно будет париться без опаски и вволю. Так-то, милые люди.

...Пришел Алеша из бани, когда уже темнеть стало. Был он весь новый, весь парил. Скинул калоши у порога и по свежим половичкам прошел в горницу. И прилег на кровать. Он не слышал своего тела, мир вокруг покачивался согласно сердцу.

В горнице сидел старший сын Борис, читал книгу.

– С легким паром! – сказал Борис.

– Ничего, – ответил Алеша, глядя перед собой. – Иди в баню-то.

– Сейчас пойду.

Борис, сын, с некоторых пор стал – не то что стыдиться, а как-то неловко ему было, что ли, – стал как-то переживать, что отец его – скотник и пастух. Алеша заметил это и молчал. По первости его глубоко обидело такое, но потом он раздумался и не показал даже вида, что заметил перемену в сыне. От молодости это, от больших устремлений. Пусть. Зато парень вымахал рослый, красивый, может, бог даст, и умишком возьмет. Хорошо бы. Вишь, стыдится, что отец – пастух... Эх, милый! Ну, давай, давай – целься повыше, глядишь, куда-нибудь и попадешь. Учится хорошо. Мать говорила, что уж и девчонку какую-то провожает... Все нормально. Удивительно вообще-то, но все нормально.

– Иди в баню-то, – сказал Алеша.

– Жарко там?

– Да теперь уж какой жар!.. Хорошо. Ну, жарко покажется, открой отдушину.

Так и не приучил Алеша сыновей париться: не хотят. В материну породу – в Коростылевых.

Он пошел собираться в баню, а Алеша продолжал лежать.

Вошла жена, склонилась опять над ящиком – достать белье сыну.

– Помнишь, – сказал Алеша, – Маня у нас, когда маленькая была, стишок сочинила:

Белая березка
Стоит под дождем,

Зеленый лопух ее накроет,
Будет там березке тепло и хорошо.

Жена откачнулась от ящика, посмотрела на Алешу... Какое-то малое время вдумывалась в его слова, ничего не поняла, ничего не сказала, усунулась опять в сундук, откуда тянуло нафталином. Достала белье, пошла в прихожую комнату. На пороге остановилась, повернулась к мужу.

– Ну и что? – спросила она.

– Что?

– Стишок-то сочинила... К чему ты?

– Да смешной, мол, стишок-то.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

жена хотела было уйти, потому что не считала нужным тратить теперь время на пустые слова, но вспомнила что-то и опять оглянулась.

– Боровишку-то загнать надо да дать ему – я намешала там. Я пойду ребятишек в баню собирать. Отдохни да сходи приберись.

– Ладно.

Баня кончилась. Суббота еще не кончилась, но баня уже кончилась.

Осенью

Паромщик Филипп Тюрин дослушал последние известия по радио, поторчал еще за столом, помолчал строго...

– Никак не могут уняться! – сказал он сердито.

– Кого ты опять? – спросила жена Филиппа, высокая старуха с мужскими руками и с мужским басовитым голосом.

– Бомбят! – Филипп кивнул на репродуктор.

– Кого бомбят?

– Вьетнамцев-то.

Старуха не одобряла в муже его увлечение политикой, больше того, это дурацкое увлечение раздражало ее. Бывало, что они всерьез ругались из-за политики, но сейчас старухе не хотелось ругаться – некогда, она собиралась на базар.

Филипп, строгий, сосредоточенный, оделся потеплее и пошел к парому.

Паромщиком он давно, с войны. Его ранило в голову, внаклон работать – плотничать – он больше не мог, он пошел паромщиком.

Был конец сентября, дуло после дождей, наносило мразь и холод. Под ногами чавкало. Из репродуктора у сельмага звучала физзарядка, ветер трепал обрывки музыки и бодрого московского голоса. Свинячий визг по селу и крик петухов был устойчивей, пронзительней.

Встречные односельчане здоровались с Филиппом кивком головы и поспешали дальше – к сельмагу за хлебом или к автобусу, тоже на базар торопились.

Филипп привык утрами проделывать этот путь – от дома до парома, совершал его бездумно. То есть он думал о чем-нибудь, но никак не о пароме или о том, например, кого он будет переправлять целый день. Тут все понятно. Он сейчас думал, как унять этих американцев с войной. Он удивлялся, но никого не спрашивал: почему их не двинут нашими ракетами? Можно же за пару дней все решить. Филипп смолоду был очень активен. Активно включился в новую жизнь, активничал с колхозами... Не раскулачивал, правда, но спорил и кричал много – убеждал недоверчивых, волновался. Партийцем он тоже не был, как-то об этом ни разу не зашел разговор с ответственными товарищами, но зато ответственные никогда без Филиппа не обходились: он им от души помогал. Он втайне гордился, что без него никак не могут обойтись. Нравилось накануне выборов, например, обсуждать в сельсовете с приезжими товарищами, как лучше провести выборы: кому доставить урну домой, а кто сам придет, только надо сбегать утром напомнить... А были и такие, что начинали артачиться: «Они мне коня много давали – я просил за дровами?..» Филипп прямо в изумление приходил от таких слов. «Да ты что, Егор, – говорил он мужику, – да рази можно сравнивать?! Вот так раз! Тут – политическое дело, а ты с каким-то конем: спутал телятину с...» И носился по селу, доказывал. И ему тоже доказывали, с ним охотно спорили, не обижались на него, а говорили: «Ты им скажи там...» Филипп чувствовал важность момента, волновался, переживал. «Ну народ! – думал он, весь объятый заботами большого дела. – Обормоты дремучие». С годами активность Филиппа слабела, а тут его в голову-то шваркнуло – не по силам стало активничать и волноваться. Но он по-прежнему все общественные вопросы принимал близко к сердцу, беспокоился.

На реке ветер похаживал добрый. Стегал и толкался... Канаты гудели. Но хоть

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
выглянуло солнышко, и то хорошо.

Филипп сплавал туда-сюда, перевез самых нетерпеливых, дальше пошло легче, без нервов. И Филипп наладился было опять думать про американцев, но тут подъехала свадьба... Такая – нынешняя: на легковых, с лентами, с шарами. В деревне теперь тоже завели такую моду. Подъехали три машины... Свадьба выгрузилась на берегу, шумная, чуть хмельная... весьма и весьма показушная, хвастливая. Хоть и мода – на машинах-то, с лентами-то, – но еще редко, еще не все могли достать машины.

Филипп с интересом смотрел на свадьбу. Людей этих он не знал – нездешние, в гости куда-то едут. Очень выламывался один дядя в шляпе... Похоже, что это он добыл машины. Ему все хотелось, чтоб получился размах, удасть. Заставил баяниста играть на пароме, первый пустился в пляс – покрикивал, дробил ногами, смотрел орлом. Только на него-то и смотреть было неловко, стыдно. Стыдно было жениху с невестой – они трезвее других, совестливей. Уж он кобенился-кобенился, этот дядя в шляпе, никого не заразил своим деланым весельем, устал... Паром переплыл, машины съехали, и свадьба укатила дальше.

А Филипп стал думать про свою жизнь. Вот как у него случилось в молодости с женитьбой. Была в их селе девка Марья Ермилова, красавица. Круглоликая, румяная, приветливая... Загляденье. О такой невесте можно только мечтать на полатах. Филипп очень любил ее, и Марья тоже его любила – дело шло к свадьбе. Но связался Филипп с комсомольцами... И опять же: сам комсомольцем не был, но кричал и ниспровергал все наравне с ними. Нравилось Филиппу, что комсомольцы восстали против стариков сельских, против их засилья. Было такое дело: поднялся весь молодой сознательный народ против церковных браков. Неслыханное творилось... Старики ничего сделать не могут, злятся, хватаются за бичи – хоть бичами, да исправить молокососов, но только хуже толкают их к упорству. Веселое было время. Филипп, конечно, – тут как тут: тоже против венчанья. А Марья – нет, не против: у Марьи мать с отцом крепкие, да и сама она окончательно выпряглась из передовых рядов: хочет венчаться. Филипп очутился в тяжелом положении. Он уговаривал Марью всячески (он говорить был мастер, за это, наверно, и любила его Марья – искусство редкое на селе), убеждал, сокрушал темноту деревенскую, читал ей статьи разные, фельетоны, зубоскалил с болью в сердце... Марья ни в какую: венчаться, и все. Теперь, оглядываясь на свою жизнь, Филипп знал, что тогда он непоправимо сглупил. Расстались они с Марьей. Филипп не изменился потом, никогда не жалел и теперь не жалеет, что посылно, как мог, участвовал в переустройстве жизни, а Марью жалел. Вся жизнь сердце кровью плакало и болело. Не было дня, чтобы он не вспомнил Марью. Попервости было так тяжело, что хотел руки на себя наложить. И с годами боль не ушла. Уже была семья – по правилам гражданского брака, – детишки были... А болело и болело по Марье сердце. Жена его, фекла кузовникова, когда обнаружила у Филиппа эту его постоянную печаль, возненавидела Филиппа. И эта глубокая тихая ненависть тоже стала жить в ней постоянно. Филипп не ненавидел феклу, нет... Но вот на войне, например, когда говорили: «Вы защищаете ваших матерей, жен...» – Филипп вместо феклы видел мысленно Марью. И если бы случилось погибнуть, то и погиб бы он с мыслью о Марье. Боль не ушла с годами, но, конечно, не жгла так, как жгла первые женатые годы. Между прочим, он тогда и говорить стал меньше. Активничал по-прежнему, говорил, потому что надо было убеждать людей, но все как будто вылезал из своей большой горькой думы. Задумается-задумается, потом спохватится – и опять вразумлять людей, опять раскрывать им глаза на новое, небывалое. А Марья тогда... Марью тогда увезли из села. Зазнал ее какой-то (не какой-то, Филипп потом с ним много раз встречался) богатый парень из Краюшкина, приехали, сосватали и увезли. Конечно, венчались. Филипп спустя год спросил у Павла, мужа Марьи: «Не совестно было? В церкву-то поперся...» На что Павел сделал вид, что удивился, потом сказал: «А чего мне совестно-то должно быть?» – «Старикам-то поддался». – «Я не поддался, – сказал Павел, – я сам хотел венчаться». – «Вот я и спрашиваю, – растерялся Филипп, – не совестно? Старикам уж простительно, а вы-то?.. Мы же так никогда из темноты не вылезем». На это Павел заматерился. Сказал: «Пошли вы!..» И не стал больше разговаривать. Но что заметил Филипп: при встречах с ним Павел смотрел на него с какой-то затаенной злостью, с болью даже, как если бы хотел что-то понять и никак понять не мог. Дошел слух, что живут они с Марьей неважно, что Марья тоскует. Филиппу этого только не хватало: запил даже от нахлынувшей новой боли, но потом пить бросил и жил так – носил постоянно в себе эту боль-змею, и кусала она его и кусала, но притерпелся.

Такие-то невеселые мысли вызвала к жизни эта свадьба на машинах. С этими мыслями Филипп еще поплавал туда-сюда, подумал, что надо, пожалуй, выпить в обед стакан

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
водки – ветер пронизывал до костей, и душа чего-то заскулила. Заныла прямо, затревожилась.

«Раза два еще сплаваю и пойду на обед», – решил Филипп.

Подплывая к чужому берегу (у Филиппа был свой берег, где его родное село, и чужой), он увидел крытую машину и кучку людей около машины. Опытный глаз Филиппа сразу угадал, что это за машина и кого она везет в кузове: покойника. Люди возят покойников одинаково: у паромы всегда вылезут из кузова, от гроба, и так как-то стоят и смотрят на реку, и молчат, что сразу все ясно.

«Кого же это? – думал Филипп, вглядываясь в людей. – Из какой-нибудь деревни, что вверх по реке, потому что не слышно было, чтобы кто-то поблизости помер. Только почему же – откуда-то везут? Не дома, что ли, помер, а домой хоронить везут?»

Когда паром подплыл ближе к берегу, Филипп узнал в одном из стоявших у машины Павла, Марьиного мужа. И вдруг Филипп понял, кого везут... Марью везут. Вспомнил, что в начале лета Марья ехала к дочери в город. Они поговорили с Филиппом, пока плыли. Марья сказала, что у дочери в городе родился ребенок, надо помочь пока. Поговорили тогда хорошо. Марья рассказала, что живут они ничего, хорошо, дети (трое) все пристроились, сама она получает пенсию, Павел тоже получает пенсию, но еще работает, столярничает помаленьку на дому. Скота много не держат, но так-то все есть... Индюшек наладились держать. Дом вот перебрали в прошлом году: сыновья приезжали, помогли. Филипп тоже рассказал, что тоже все хорошо пока, пенсию тоже получает, здоровышкой пока не жалуются, хотя к погоде голова побаливает. А Марья сказала, что у нее сердце чего-то... Мается сердцем. То ничего-ничего, а то как сожмет, сдавит... Ночью бывает: как заломит-заломит, хоть плачь. И вот, видно, конец Марье... Филипп как узнал Павла, так ахнул про себя. В жар кинуло.

Паром стукнулся о шаткий припаромок (причал). Вдели цепи с паромы в кольца припаромка, закличили ломиками... Крытая машина пробовала уже передними колесами бревна припаромка, бревна хлябали, трещали, скрипели...

Филипп, как замороженный, стоял у своего весла, смотрел на машину. Господи, господи, Марью везут, Марью... Филиппу полагалось показать шоферу, как ставить на паромы машину, потому что сзади еще заруливали две, но он как прирос к месту, все смотрел на машину, на кузов.

– Где ставить-то?! – крикнул шофер.

– А?

– Где, мол, ставить-то?

– Да ставь... – Филипп неопределенно махнул рукой. Все же никак он не мог целиком осознать, что везут мертвую Марью... Мысли вихлялись в голове, не собирались воедино, в скорбный круг. То он вспомнил Марью, как она рассказывала ему вот тут, на пароме, что живут они хорошо... То молодой ее видел, как она... Господи, господи... Марья... Да ты ли это? Филипп отодрал наконец ноги с места, подошел к Павлу. Павла жизнь скособочила. Лицо еще свежее, глаза умные, ясные, а осанки никакой. И в глазах умных большая спокойная грусть.

– Что, Павел?... – спросил Филипп.

Павел мельком глянул на него, не понял вроде, о чем его спросили, опять стал смотреть вниз, в доски паромы. Филиппу неловко было еще спрашивать... Он вернулся опять к веслу. А когда шел, то обошел крытую машину с задка кузова, заглянул туда – гроб. И открыто заболело сердце, и мысли собрались воедино: да, Марья.

Поплыли. Филипп машинально водил рулевым веслом и все думал: «Марьюшка, Марья...» Самый дорогой человек плывет с ним последний раз... Все эти тридцать лет, как он паромщиком, он наперечет знал, сколько раз Марья переплывала на пароме. В основном все к детям ездила в город: то они учились там, то устраивались, то когда у них детишки пошли... И вот – нету Марьи.

Паром подвалил к этому берегу. Опять зазвякали цепи, взвыли моторы... Филипп опять

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru стоял у весла и смотрел на крытую машину. Непостижимо... Никогда в своей жизни он не подумал: что, если Марья умрет? Ни разу так не подумал. Вот уж к чему не готов был, к ее смерти. Когда крытая машина стала съезжать с парома, Филипп ощутил нестерпимую боль в груди. Охватило беспокойство: что-то он должен сделать? Ведь увезут сейчас. Совсем. Ведь нельзя же так: проводил глазами, и все. Как же так? И беспокойство все больше овладевало им, а он не трогался с места, и от этого становилось вовсе не по себе.

«Да проститься же надо было!.. – понял он, когда крытая машина взбиралась уже на взвоз. – Хоть проститься-то!.. Хоть посмотреть-то последний раз. Гроб-то еще не заколочен, посмотреть-то можно же!» И почудилось Филиппу, что эти люди, которые провезли мимо него Марью, что они не должны так сделать – провезти, и все. Ведь если чье это горе, так больше всего – его горе. В гробу-то Марья. Куда же они ее?.. И опрокинулось на Филиппа все не изжитое жизнью, не истребленное временем, не забытое, дорогое до боли... Вся жизнь долгая стояла перед лицом – самое главное, самое нужное, чем он жив был... Он не замечал, что плачет. Смотрел вслед чудовищной машине, где гроб... Машина поднялась на взвоз и уехала в улицу, скрылась. Вот теперь жизнь пойдет как-то иначе: он привык, что на земле есть Марья. Трудно бывало, тяжело – он вспоминал Марью и не знал сиротства. Как же теперь-то будет? Господи, пустота какая, боль какая!

Филипп быстро сошел с парома: последняя машина, только что съехавшая, замешкалась чего-то... Филипп подошел к шоферу.

– Догони-ка крытую... с гробом, – попросил он, залезая в кабину.

– А чего?.. Зачем?

– Надо.

Шофер посмотрел на Филиппа, ничего больше не спросил, поехали.

Пока ехали по селу, шофер несколько раз присматривался сбоку к Филиппу.

– Это краешкинские, что ли? – спросил он, кивнув на крытую машину впереди.

Филипп молча кивнул.

– Родня, что ли? – еще спросил шофер.

Филипп ничего на это не сказал. Он опять смотрел во все глаза на крытый кузов. Отсюда виден был гроб посередине кузова... Люди, которые сидели по бокам кузова, вдруг опять показались Филиппу чуждыми – и ему, и этому гробу. С какой стати они-то там? Ведь в гробу Марья.

– Обогнать, что ли? – спросил шофер.

– Обгони... И ссади меня.

Обогнали фургон... Филипп вылез из кабины и поднял руку. И сердце запрыгало, как будто тут сейчас должно что-то случиться такое, что всем, и Филиппу тоже, станет ясно: кто такая ему была Марья. Не знал он, что случится, не знал, какие слова скажет, когда машина с гробом остановится... Так хотелось посмотреть Марью, так это нужно было, важно. Нельзя же, чтобы она так и уехала, ведь и у него тоже жизнь прошла, и тоже никого не будет теперь...

Машина остановилась.

Филипп зашел сзади... Взялся за борт руками и полез по железной этой короткой лесенке, которая внизу кузова.

– Павел... – сказал он просительно и сам не узнал своего голоса: так просительно он не собирался говорить. – Дай я попрощаюсь с ней... Открой, хоть гляну.

Павел вдруг резко встал и шагнул к нему... Филипп успел близко увидеть его лицо... Изменившееся лицо, глаза, в которых давеча стояла грусть, теперь они вдруг сделались злые...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Иди отсюда! – негромко, жестоко сказал Павел. И толкнул Филиппа в грудь. Филипп не ждал этого, чуть не упал, удержался, вцепившись в кузов. – Иди!.. – закричал Павел. И еще толкнул, и еще – да сильно толкал. Филипп изо всех сил держался за кузов, смотрел на Павла, не узнавал его. И ничего не понимал.

– Э, э, чего вы? – всполошились в кузове. Молодой мужчина, сын, наверно, взял Павла за плечи и повлек в кузов. – Что ты? Что с тобой?

– Пусть уходит! – совсем зло говорил Павел. – Пусть он уходит отсюда!.. Я те посмотрю. Приполз... гадина какая. Уходи! Уходи!.. – Павел затопал ногой. Он как будто взбесился с горя.

Филипп слез с кузова. Теперь-то он понимал, что с Павлом. Он тоже зло смотрел снизу на него. И говорил, сам не сознавая, что говорит, но, оказывается, слова эти жили в нем готовые:

– Что, горько?.. Зах�пал чужое-то, а – горько. Радовался тогда?..

– Ты зато много порадовался! – сказал из кузова Павел. – А то я не знаю, как ты радовался!..

– Вот как на чужом-то несчастье свою жизнь строить, – продолжал Филипп, не слушая, что ему говорят из кузова. Важно было успеть сказать свое, очень важно. – Думал, будешь жить припеваючи? Не-ет, так не бывает. Вот я теперь вижу, как тебе все это досталось...

– Много ли ты-то припевал? Ты-то... Сам-то... Самого-то чего в такую дугу согнуло? Если хорошо-то жил – чего же согнулся? От хорошей жизни?

– Радовался тогда? Вот – нарадовался... Побирушка. Ты же побирушка!

– Да что вы?! – рассердился молодой мужчина. – С ума, что ли, сошли!.. Нашли время.

Машина поехала. Павел еще успел крикнуть из кузова:

– Я побирушка!.. А ты скулил всю жизнь, как пес за воротами! Не я побирушка-то, а ты!

Филипп медленно пошел назад.

«Марья, – думал он, – эх, Марья, Марья... Вот как ты жизнь-то всем перекосила. Полаялись вот – два дурака... Обои мы с тобой побирушки, Павел, не трепыхайся. Если ты не побирушка, то чего же злишься? Чего бы злиться-то? Отломил смолоду кусок счастья – живи да радуйся. А ты радости-то тоже не знал. Не любила она тебя, вот у тебя горе-то и полезло горлом теперь. Нечего было и хватать тогда. А то приехал – раз, два – увезли!.. Обрадовались».

Горько было Филиппу... Но теперь к горькой горечи этой примешалась еще досада на Марью.

«Тоже хороша: нет, подождать – заусилась в Краушкино! Прямо уж нетерпеж какой-то. Тоже толку-то было... И чего вот теперь?..»

– Теперь уж чего... – сказал себе Филипп окончательно. – Теперь ничего. Надо как-нибудь дожить... Да тоже собираться – следом. Ничего теперь не воротить.

Ветер заметно поослаб, небо очистилось, солнце осветило, а холодно было. Голо как-то кругом и холодно. Да и то – осень, с чего теплу-то быть?

Владимир Семеныч из мягкой секции

Владимир Семеныч Волобцов здорово пил, так пил, что от него ушла жена. В один горький похмельный день он вдруг обнаружил, что его предали. Ужасное чувство: были слова, слезы, опять слова, и вот – один. Нет, конечно, родные в городке, знакомые есть, но мы знаем, что все эти родные и знакомые – это тоже слова, звуки: «Петр Николаич», «Анна Андреевна», «Софья Ивановна»... За этими звуками – пустота. Так, по крайней мере, было у Владимира Семеныча: никогда эти люди для него ничего не значили.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Владимир Семеныч не на шутку встревожился, очутившись в одиночестве. Что делать? Как жить? Но когда первый ошеломляющий вал прокатил над головой, муть, поднятая в душе Владимира Семеныча, осела, осталось одно едкое мстительное чувство.

«Так? – думал Владимир Семеныч. – Вы так? Хорошо! Посмотрим, как ты дальше будешь. Как говорится, посмотрим, чей козырь старше. Не прибежишь ли ты, голубушка, снова сюда да не попросишь ли Вовку-глота принять тебя».

И Владимир Семеныч бросил пить. Так бывает: вошел клин в сознание – стоп! Вся жизнь отныне сама собой подчинилась одной мысли: так поставить дело, чтобы преподобная Люсенька (жена) пришла бы и бухнулась в ноги – молить о прощении, или чтобы она там, где она обитает, с отчаяния полезла бы в петлю.

«Ты смотри! – с возмущением думал Владимир Семеныч. – Хвост дудкой – и поминай как звали! Нет, милая, так не бывает. Не тебе, крохоборке, торжествовать надо мной победу!»

Владимир Семеныч работал в мебельном магазине, в секции мягкой мебели. Когда он давал кому-нибудь рабочий телефон, он так и говорил:

– Спрашивайте Владимира Семеныча из мягкой секции.

Работать Владимир Семеныч умел: каждый месяц имел в кармане, кроме зарплаты. Люди бросились красиво жить, понадобились гарнитуры, гарнитуров не хватало – башка есть на плечах, будешь иметь в кармане. Владимир Семенович имел башку на плечах, поэтому имел в кармане. Но раньше он много денег пускал побоку, теперь же стал вполне бессовестный и жадный: стал немилосердно обирать покупателей, стал сам покупать ценности, стал богато одеваться. Он знал, что Люсенька никуда из городка не уехала, живет у одной подруги. То обстоятельство, что она подавала на развод и не делила квартиру, вселяло поначалу уверенность, что она вернется. Но проходили недели, месяцы... Два с половиной месяца прошло, а от нее ни слуху ни духу. А ведь слышала же, конечно, что Владимир Семеныч бросил пить, ходит нарядный, покупает дорогие вещи. Значит?..

«Значит, нашла любовника, – горько и зло думал Владимир Семеныч. – Зараза. Ну ладно!»

И Владимир Семеныч решил тоже показать, что он не лыком шит, решил показать, что его козырь старше. Он был человек расторопный.

Сперва появилась Валя с сырзавода, белозубая, с голубыми глазами. Она была из деревни, почтительная, это понравилось Владимиру Семенычу. Раза два они с Валею ходили в кино, потом Владимир Семеныч пригласил ее к себе домой. В воскресенье. Прибрался дома, расставил на столе шампанское (для Вали), конфеты, грецкие орехи, яблоки... И поехал за Валею.

В общежитие к ней он доехал на трамвае, а обратно пошли пешком: чтобы все видели и передали Люське.

Шли с Валею под ручку, нарядные, положительные.

– Меня тут некоторые знают, – предупредил Владимир Семеныч, – могут окликнуть... позвать куда-нибудь...

– Куда позвать? – не поняла Валя.

– В пивную. Не надо обращать внимания. Ноль внимания. Я их больше не знаю, оглоядов. Чужбинников. Злятся, что я бросил пить... А чего злиться? Нет, злятся. Могут провокацию устроить – не надо обращать внимания.

– А самого-то не тянет больше к ним? – спросила Валя.

– К ним?! Я их презираю всех до одного!

– Хорошо. Молодец! – от всего сердца похвалила Валя. – Это очень хорошо! Теперь – жить да радоваться.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Я и так пропустил сколько времени! Я бы уж теперь завсекцией был.

– Еще пока опасаются?

– Чего опасаются? – не понял Владимир Семеныч.

– Завсекцией-то ставить. Пока опасаются?

– Я думаю, уже не опасаются. Но дело в том, что у нас завсекцией – старичок, он уже на пенсии, но еще работает, козел. Ну, вроде того, что – неудобно его трогать. Но думаю, что внутреннее решение они уже приняли: как только тот уйдет, я занимаю его место.

Пошли через городской парк.

Там на одной из площадок соревновались городошники. И стояло немного зрителей – смотрели.

Владимир Семеныч и Валя тоже минут пять постояли.

– Делать нечего, – сказал Владимир Семеныч, трогаясь дальше в путь.

– А у вас, Владимир Семеныч, я как-то все не спрошу: родные-то здесь же живут? – поинтересовалась Валя.

– Здесь! – воскликнул не без иронии Владимир Семеныч. – Есть дяди, два, три тетки... Мать с отцом померли. Но эти... они все из себя строят, воображают, особенно когда я злоупотреблял. У нас наметилось отчуждение. – Владимир Семеныч говорил без сожаления, а как бы даже посмеивался над родными и сердился на них. – Обыватели. Они думают, окончили там... свои... Мещане! Я же не мальчик им, понимаешь, которого сперва можно не допускать к себе, потом, видите ли, допустить. У меня ведь так: я молчу-молчу, потом как покажу зубы!.. Эта моя дура тоже думает, что я за ней бегать стану. Шутить извольте! Если у меня в жизни вышел такой кикс, то я из него найду выход. – Владимир Семеныч очень гордился, что бросил пить, его прямо распирало. – Посмотрим через пару лет, как будут жить они, а как я. Крохоборы. Я через месяц себе «Роджерс» (гарнитур такой, югославский) приволоку: обещали завезти штук семь. Мы уже распределили, кому первые три пойдут... Две тысячи сто семьдесят рэ. Через месяц они у меня будут. Видела когда-нибудь «Роджерс»?

– Нет. Мебель такая?

– Гостиная такая, особенно стенка шикарная. А «Россарио» видела?

– Нет.

– У меня стоит «Россарио», счас посмотришь. Всего девять штук в городе.

– Гляди-ка! – удивилась Валя.

– Им во сне не снились такие гарнитуры. От «Роджерса» они вообще офигеют. Жить надо уметь, господа присяжные заседатели! – воскликнул Владимир Семеныч, ощутив прилив гордого чувства. – Меня почему и пить-то повело: чего ни возьмусь сделать, – все могу! Меня даже из других городов просят: «Достань холодильник «ЗИЛ», или «Достань дубленку». Ну естественно, каждый старается угостить... У меня душа добрая: я уважительный тон хорошо чувствую. И вот это сознание – это я все могу – привело меня к злоупотреблению. Я и работал, как конь, и пил, разумеется.

Валя засмеялась.

– А? – сказал довольный Владимир Семеныч. – Что смеешься?

– Да вы прямо уж... всю правду про себя.

– А чего?! – опять воскликнул Владимир Семеныч. Ему было легко с Валей. – Я всегда так. Если я хочу Люське фитиля вставить, я не скрываю: вставляю. Она надеется, что комнату у меня оттяпает? Пусть. Я все равно себе кооперативную буду строить, но пусть она попробует разменять двухкомнатную на две

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
однокомнатные. Я же в кооператив-то не подам, пока нас не разделят, а как
разделят, сразу подаю в кооператив. Вот тогда она узнает: подселят ей
каких-нибудь пенсионеров, они ей покажут тинь-тили-ли. Будь спок, милая: я все
сделаю по уму.

Дома у себя Владимир Семеныч чего-то вдруг засуетился, даже как будто
заволновался.

– Ну-с... вот здесь мы и обитаем! – шумно говорил он. – Не хоромы, конечно, но,
как говорит один мой коллега, я под этой работой подписываюсь. Как находишь?

– Хорошо, – похвалила Валя. – Очень даже хорошо!

Владимир Семеныч снял с нее плащ-болонью, при этом почему-то не смотрел ей в
глаза (может, грех затевал), усадил в креслице, к креслицу пододвинул журнальный
столик... На столике было много разных журналов с картинками.

– Прощу... полистай пока. Как тебе «Россарио»?

– Какой «Россарио»?

– На чем сидишь-то! – воскликнул Владимир Семеныч со смехом. – Кресло-то из
«Россарио». А вот – стенка. Гарнитур «Россарио». Финский. Тысяча двести.

– Так, а зачем же еще какой-то?

– Надо дожимать. Но «Роджерс» здесь не появится, пока нас с Люськой не разделят:
нема дурных. Посиди, я пока кофе себе сготовлю. – И Владимир Семеныч поспешил на
кухню готовить кофе. Но и оттуда все говорил. Громко. – У тебя родных много в
деревне?

– Много, – отвечала Валя.

– Вот эти родственнички!.. – кричал из кухни Владимир Семеныч. – Да?! Как
грибов!.. А коснись чего-нито – никого! Да?

Валя ничего на это не сказала, листала журнал.

– Как находишь журналы?! – опять закричал Владимир Семеныч.

– Хорошие.

– По тематике подбирал! Обрати внимание: все жмут на уют.

– А?

– Уют подчеркивают!

– Да... – сказала Валя.

– Не находишь, что в квартире, – кричал Владимир Семеныч, – не хватает
заботливой женской руки?!

Валя не знала, что на это говорить.

– Да бог ее знает...

– А?!

– Не знаю!

– Явно не хватает! – Владимир Семеныч появился в комнате с подносом в руках. На
подносе – медный сосудец с кофе, малые чашечки. – Жить тем не менее надо
красиво, – сказал он. – Прощу: сядем рядком, потолкуем ладком.

Сели к столу, где стояла бутылка шампанского, стояли вазы с конфетами, с
орехами, с печеньем. Владимир Семеныч нагнулся вбок куда-то и что-то такое
включил – щелкнуло. Музыка, оказывается: в комнату полились грустные

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
человечнейшие звуки.

– «Мост Ватерлоо», – сказал Владимир Семеныч тихо. И смело посмотрел в глаза девушке: – Как находишь?

– Хорошая, – сказала Валя. И чуть покраснела от взгляда Владимира Семеныча.

Зато Владимир Семеныч осмелел вполне. Он говорил и откупоривал шампанское, наливал шампанское в фужер и говорил...

– Я так считаю: умеешь жить – живи, не умеешь – пеняй на себя. Но, кроме всего прочего, должен быть вкус, потому что... если держать, например, две коровы и семнадцать свиней – это тоже считается хорошо. Должен быть современный уровень – во всем. Держи, но пока не пей: мы на брудершафт выпьем. Я себе кофе налью.

– Как это? – спросила Валя.

– На брудершафт-то? А вот так вот берутся... Дай руку. Вот так берут, просовывают... – Владимир Семеныч показал. – Так? И – выпивают. Одновременно. Мм? – Владимир Семеныч близко заглянул опять в глаза Вале. – Мм? – Губы его чуть дрожали от волнения.

– Господи!.. – сказала Валя. – Для чего так-то?

– Ну, происходит... тесное знакомство. Уже тут... сознаются друг другу. Некоторый союз. Мм?

– Да что-то мне... как-то... Давайте уж прямо выпьем.

– Да нет, зачем же прямо-то? – Владимир Семеныч хотел улыбнуться, но губы его свело от волнения, он только pokrивился. И глотнул. – Мм? Зачем прямо-то? Дело же в том, что тут образуется некоторый союз... И скрепляется поцелуем. Я же не в Карачарове это узнал. – Владимир Семеныч опять глотнул. – Мм?

– Да ведь неспособно так пить-то!

– Да почему же неспособно?! – Владимир Семеныч придвинулся ближе, но у него это вышло неловко, он расплескал кофе из чашечки. – Вовсе даже способно. Почему неспособно-то? Поехали. Музыка такая играет... даже жалко. Неужели у тебя не волнуется сердце? Не волнуется?

– Да бог ее знает... – Вале было ужасно стыдно, но она хотела преодолеть этот стыд – чтобы наладился этот современный уровень, она хотела, чтобы уж он наладился, черт с ним совсем, ничего не поделаешь – везде его требуют. – Волнуется, вообще-то. А зачем говорить-то про это?

– Да об этом целые тома пишут! – воскликнул ободренный Владимир Семеныч. – Поэмы целые пишут! В чем дело? Ну? Ну?.. А то шампанское выдыхается.

– Да давай прямо выпьем! – сказала Валя сердито. Никак она не могла развязаться. – Какого дьявола будем кособочиться?

– Но образуется же два кольца... – Владимир Семеныч растерялся от ее сердитого голоса. – Зачем же ломать традицию? Музыка такая играет... Мы ее потом еще разок заведем. Мм?

– Да не мычи ты, ну тя к черту! – вконец чего-то обозлилась Валя. – Со своей музыкой... Не буду я так пить. Отодвинься. Трясется сидит, как... – Валя сама отодвинулась. И поставила фужер на стол.

– Выйди отсюда, – негромко, зло сказал Владимир Семеныч. – Корова. Дура.

Валя не удивилась такой чудовищной перемене. Встала и пошла надевать плащ. Когда одевалась, посмотрела на Владимира Семеныча.

– Корова, – еще сказал Владимир Семеныч.

– Ну-ка!.. – строго сказала Валя. – А то я те пообзываюсь тут! Сам-то... слюнтяй.

Владимир Семеныч резко встал... Валя поспешно вышагнула из квартиры. Да так крепко саданула дверью, что от стены над косяком отвалился кусок штукатурки и неслышно упал на красный коврик.

– Корова, – еще раз сказал Владимир Семеныч. И стал убирать со стола.

После этого Владимир Семеныч долго ни с кем не знакомился. Потом познакомился с одной... С Изольдой Викторовной. Изольда Викторовна покупала дешевенький гарнитур, и Владимир Семеныч познакомился с ней. Она тоже разошлась с мужем, и тоже из-за водки – пил мужик. Владимир Семеныч проявил к ней большое сочувствие, помог отвезти гарнитур на квартиру. И там они долго беседовали о том, что это ужасно, как теперь много пьют. Как взбесились! Семьи рушатся, судьбы ломаются... И ведь что удивительно: не с горя пьют, какое горе! Так – разболтались.

Изольда Викторовна, приятная женщина лет тридцати трех – тридцати пяти, слушала умные слова Владимира Семеныча, кивала опрятной головкой... У нее чуть шевелился кончик аккуратного носика. Она понимала Владимира Семеныча, но самой ей редко удавалось вставить слово – говорил Владимир Семеныч. А когда ей удавалось немного поговорить, кончик носа ее заметно шевелился, на щеках образовывались и исчезали, образовывались и исчезали ямочки, и зубки поблескивали белые, ровные. Владимир Семеныч под конец очень растрогался и сказал:

– У меня один родственничек диссертацию защитил – собирает банкет: пойдете со мной? А то я тоже... один, как столб, извините за такое сравнение.

И Владимир Семеныч поведал свою горькую историю: как он злоупотреблял тоже, как от него ушла жена... И так у него это хорошо – грустно – вышло, так он откровенно все рассказал, что Изольда Викторовна посмеялась и согласилась пойти с ним на банкет. Владимир Семеныч шел домой чуть не вприпрыжку – очень ему понравилась женщина. Он все видел, как у нее шевелится носик, губки шевелятся, щечки шевелятся – все шевелится, и зубки белые поблескивают.

«Да такая умненькая! – радостно думал Владимир Семеныч. – Вот к ней-то «Роджерс» подойдет. Мы бы с ней организовали славное жилье».

Было воскресенье. Владимир Семеныч шел с Изольдой Викторовной в ресторан. Хотел было взять ее под ручку, но она освободилась и просто сказала:

– Не нужно.

Владимир Семеныч хотел обидеться, но раздумал.

– Я вот этого знаю, – сказал он. – Только не оглядывайтесь. Потом оглянетесь.

Прошли несколько.

– Теперь оглянитесь.

Изольда Викторовна оглянулась.

– В шляпе, – сказал Владимир Семеныч. – С портфелем.

– Так... И что?

– Он раньше в заготконторе работал. Мы как-то были с ним в доме отдыха вместе, ну, наклюкались... Ну, надо же что-то делать! Он говорит: «Хочешь, сейчас со второго этажа в трусах прыгну?» Струков его фамилия, вспомнил.

– Ну?

– Прыгнул. Разделся до трусов и прыгнул. На клумбу цветочную. Ну, конечно, сообщили на работу. Приходил потом ко мне: «Напиши как свидетель, что я случайно сорвался».

– И что вы?

– Что я, дурак, что ли? Он случайно разделся, случайно залез на подоконник,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru случайно закричал: «Полундра!» Я говорю: «Зачем «полундру»-то было кричать? Кто же нам после этого поверит, что «случайно»?» По-моему, перевели куда-то. Но ничего, с портфелем ходит... Мы, когда встречаемся, делаем вид, что не знаем друг друга. А в одной комнате жили.

– Дурак какой, – сказала Изольда Викторовна. – Со второго этажа... Мог же голову свернуть.

– Не дурак, какой он дурак. Это так называемые духари: геройство свое показать. Я, если напивался, сразу под стол лез...

– Под стол?

– Не специально, конечно, но... так получалось. Я очень спокойный по натуре. – Владимир Семеныч, сам того не замечая, потихоньку хвалил себя, а про «Роджерс» и «Россарио» молчал – чуял, что не надо. Изольда Викторовна работала библиотекарем, Владимир Семеныч работу ее уважал, хоть понимал, что там платят гроши.

В ресторане для банкета был отведен длинный стол у стены.

Приглашенные, некоторые, уже сидели. Сидели чинно, прямо. Строго и неодобрительно поглядывали на малые столики в зале, за которыми выпивали, кушали, беседовали... Играла музыка, маленький толстый человек пел на возвышении песню не по-русски.

– Вон та, в голубом платье... – успел сообщить Владимир Семеныч, пока шли к столу через зал, – с ней опасайтесь насчет детского воспитания спорить: загрызет.

– Что такое? – испугалась Изольда Викторовна.

– Не бойтесь, но лучше не связывайтесь: она в детском садике работает, начальница там какая-то... Дура вообще-то.

Владимир Семеныч широко заулыбался, с достоинством поклонился всем и пошел здороваться и знакомить Изольду Викторовну.

На Изольду Викторовну смотрели вопросительно и строго. Некоторые даже подозрительно. Она смутилась, растерялась... Но когда сели, Владимир Семеныч горячо зашептал ей:

– Умоляю: выше голову! Это мещане, каких свет не видел. Тут одна показуха, один вид, внутри – полное убожество. Нули круглые сидят.

– Может, нам уйти лучше?

– Зачем? Посидим... Любопытно.

Получилось вообще-то, что они сидят напротив начальницы из детсадика, а по бокам от них – пожилые и тоже очень строгие, больше того – презирающие всех, кто в тот вечер оказался в ресторане. Они смотрели в зал, переговаривались. Делали замечания. Не одобряли они все это, весь этот шум, гам, бестолковые выкрики...

– А накурено-то! Неужели не проветривается?

– Дело не в этом. Здесь же специально сидят, одурманивают себя – зачем же проветривать?

– А вон, во-он – молоденькая!.. Во-он, хохочет-то. Заливается!

– С офицером-то?

– Да. Как хохочет, как хохочет!.. Будущая мать.

– Почему будущая? У них теперь это рано...

– Это вы меня спросите! – воскликнула полная женщина в голубом. – Я как раз наблюдаю... результаты этого смеха.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А где же наш диссертант-то? – спросил Владимир Семеныч.

– За руководителем поехал.

– За генералом, так сказать?

Не поняли:

– За каким генералом?

– Ну, за руководителем-то... Я имею в виду Чехова. – Владимир Семеныч повернулся к Изольде Викторовне: – У него руководитель – известный профессор в городе, я ему «Россарио» доставал. Я его называю – генерал, в переносном смысле, разумеется. Вам не хочется поговорить с кем-нибудь? Может, пошутили бы... А то как-то неудобно молчать.

– Я не знаю, о чем тут говорить, – сказала Изольда Викторовна. – Мне все же хочется уйти.

– Да ничего! Надо побыть... Можно алкоголиков покритиковать – они это любят. Медом не корми, дай...

– Нет, не сумею. Надо уйти.

– Да почему?! – с сердцем воскликнул Владимир Семеныч. – Ну, что уж так тоже: уйти, уйти! Уйти мы всегда успеем. – Владимир Семеныч спохватился, что отчитывает милую женщину, помолчал и добавил мягко, с усмешкой: – Не торопитесь, я же с вами. В случае чего я им тут фитиля вставлю.

Изольда Викторовна молчала.

А вокруг говорили. Подходили еще родственники и знакомые нового кандидата, здоровались, усаживались и включались в разговор.

– Кузьма Егорыч! – потянулся через стол Владимир Семеныч к пожилому, крепкому еще человеку. – А, Кузьма Егорыч!.. Не находите, что он слишком близко к микрофону поет?

– Кто? – откликнулся Кузьма Егорыч. – А, этот... Нахожу. По-моему, он его сейчас скушает.

– Кого? – не поняли со стороны.

– Микрофон.

Ближайшие, кто расслышал, засмеялись.

– Сейчас вообще мода пошла: в самый микрофон петь. Черт знает что за мода!

– Ходят с микрофоном! Ходит и поет. Так-то можно петь.

– Шаляпин без микрофона пел!

– Ну, взялись, – негромко, с ехидной радостью сказал Владимир Семеныч своей новой подруге. – Сейчас этого... с микрофоном вместе съедят.

– То – Шаляпин! Шаляпин свечи гасил своим басом, – сказал пожилой. Так сказал, как если бы он лично знал Шаляпина и видел, как тот «гасил свечи».

– А вот и диссертант наш! – заволновались, задвигались за столом.

По залу сквозь танцующих пробирались мужчина лет сорока, гладко бритый, в черном костюме и в пышном галстуке, и с ним – старый, несколько усталый, наверно, профессор.

Встали навстречу им, захлопали в ладоши. Женщина в голубом окинула презрительным взглядом танцующих бездельников.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Прошу садиться! – сказал кандидат.

– А фасонит-то! – тихо воскликнул Владимир Семеныч. – Фасонит-то!.. А сам небось на тройки с грехом пополам вытянул. Фраер.

– Боже мой! – изумилась Изольда Викторовна. – Откуда такие слова!.. Зачем это?

– Тю! – в свою очередь, искренне изумился Владимир Семеныч. – Да выпивать-то с кем попало приходилось – набрался. Нахвтался, так сказать.

– Но зачем же их тут произносить?

Владимир Семеныч промолчал. Но, как видно, затаил досаду.

Тут захлопали бутылки шампанского.

– Салют! – весело закричал один курносый, в очках. – За новоиспеченного кандидата!

– Товарищ профессор, ну, как он там вообще-то? Здорово плавал?

Профессор неопределенно, но, в общем, вежливо пожал плечами.

– За профессора! За профессора! – зашумели.

– За обоих! И – за науку!

Кандидат стоял и нахально улыбался.

– За здоровье всех наших дам! – сказал он.

Это всем понравилось.

Выпили. Придвинулись к закуске. Разговор не прекращался.

– Грибки соленые или в маринаде?

– Саша, подай, пожалуйста, грибочки! Они соленые или в маринаде?

– В маринаде.

– А-а, тогда не надо, у меня сразу изжога будет.

– А селедку?.. Селедку дать?

– Селедочку? Селедочку можно, пожалуй.

– Вам подать в маринаде? – спросил Владимир Семеныч Изольду Викторовну.

– Можно.

– Сань, подай, пожалуйста, в маринаде! Вон – в маринаде!

– А танцуют ничего. А?

– Слышите! Сергей уже оценил: «Танцуют ничего»!

Засмеялись.

– Подожди, он сам скоро пойдет. Да, Сергей?

– А что? И пойду!

– Неисправимый человек, этот Сергей!

– Дурак неисправимый, – уточнил Владимир Семеныч Изольде Викторовне. – Дочка в девятый класс ходит, а он все на танцах шустрит. Вон он, в клетчатом пиджаке.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Изольда Викторовна интеллигентно потыкала вилочкой маринованные грибочки, которые она перед тем мелко порезала ножиком... Но Владимир Семеныч не давал ей как следует поест – все склонялся и говорил ей что-нибудь. Она слушала и кивала головой.

Поднялся во весь рост курносый Сергей.

– Позвольте!

– Тише, товарищи!..

– Дайте тост сказать! Товарищи!..

– Товарищи! За дам мы уже выпили... Это правильно. Но все же, товарищи, мы собрались здесь сегодня не из-за дам; при всем моем уважении к ним.

– Да, не из-за их прекрасных глаз!

– Да. Мы собрались... поздравить нового кандидата, нашего Вячеслава Александровича. Просто – нашего Славу. И позвольте мне тут сегодня скаламбурить: слава нашему Славе!

Засмеялись и захлопали.

Курносый сел было, но тут же вскочил опять:

– И позвольте, товарищи!.. Товарищи! И позвольте также приветствовать и поздравить руководителя, который направлял, так сказать, и всячески помогал... и является организатором и вдохновителем руководящей идеи, которая заложена в основе. За вас, товарищ профессор!

Дружно опять захлопали.

– Трепачи, – сказал Владимир Семеныч Изольде Викторовне.

Изольда Викторовна тоскливо опять покивала головой.

Со всех сторон налегали на закуски и продолжали активно разговаривать.

Пожилый человек и человек с золотыми зубами наладили через стол дружеские пререкания. А так как было шумно и гремела музыка, то и они тоже говорили очень громко.

– Что не звонишь?! – кричал пожилой.

– А?

– Не звонишь, мол, почему?!

– А ты?

– Я звонил! Тебя же на месте никогда нету!

– А-а, тут я не виноват! «Не виновата я!»

– Так взял бы да позвонил! Я-то всегда на месте!

– А я звонил вам, Кузьма Егорыч! – хотел влезть в этот разговор Владимир Семеныч, обращаясь к пожилому, к Кузьме Егорычу. – Вас тоже не было на месте.

– А? – не расслышал Кузьма Егорыч.

– Я говорю, я вам звонил!

– Ну и что? А чего звонил-то?

– Хотел... это... Нам «Роджерсы» хотят забросить...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Кузьма! А, Кузьма!.. – кричал золотозубый. Кузьма Егорыч повернулся к нему. – Ты Протопопова встречаешь?

– Кого?

– Протопопова!

– Каждый день!

– Ну как? – спросил Владимир Семеныч Изольду Викторовну. – Скучно?

– Ничего, – сказала она.

– Видите, какой разгул мещанства! Взят бы всех и облил шампанским. Здесь живут более или менее только вот эти два, которые кричат друг другу... Остальные больше показуху разводят.

– А я уж думал, тебя перевели куда-нибудь! – кричал Кузьма Егорыч золотозубому. – Куда он, думаю, пропал-то?!

– Куда перевели?

– Может, думаю, повысили его там!

– Дождись – повысят! Скорей – повесят!

– Ха-ха-ха!.. – густо, гулко засмеялся Кузьма Егорыч.

– Ну что, Софья Ивановна? – обратился Владимир Семеныч к женщине в голубом. Его злило, что ни его, ни его подругу как-то не замечают, не хотят замечать. – Все воюете там, с малышами-то.

Софья Ивановна мельком глянула на него и постучала вилкой по графину.

– Товарищи!.. Товарищи, давайте предложим им нормальный вальс! Ну что они... честное слово, неприятно же смотреть!

– В чужой монастырь, Софья Ивановна, со своим уставом...

– Да почему?! Мы же в своей стране, верно же! Давайте попросим сыграть вальс. Молодежь!..

– Не надо, – остановил Кузьма Егорыч. – Не наше дело: пусть с ума сходят.

– А вот это в корне неправильное решение! – восстала Софья Ивановна.

– Да хорошо танцуют, чего вы! – сказал человек с золотыми зубами. – Был бы помоложе, сам пошел бы... подрыгался.

– Именно – подрыгался! Разве в этом смысл танца?

– Ну, еще тут смысла искать! А в чем же?

– В кра-соте! – объяснила Софья Ивановна.

– А смысл красоты в чем? – все хотел тоже поговорить Владимир Семеныч. – А, Софья Ивановна? Если вы, допустим, находите, что вот этот виноград...

– Одну минуточку, Алексей Павлыч, вы что, не согласны со мной? – требовательно спрашивала Софья Ивановна золотозубого.

– Согласен, согласен, Софья Ивановна, – сказал Алексей Павлыч недовольно. – Конечно, в красоте. В чем же еще!

– Да, но в чем смысл красоты?! – вылетел опять Владимир Семеныч.

– Так в чем же дело? – Софья Ивановна упорно не хотела замечать Владимира

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Семеныча. – Алексей Павлыч!

– Ау?

– В чем же дело?!

Владимир Семеныч помрачнел.

– Пойдемте домой, – предложила Изольда Викторовна.

– Подождите. А то поймут как позу... Ну, кретины! Крохоборы.

– Саша, Саш! – громко говорили за столом. – У тебя Хламов бывает?

– Вчера был.

– Как он?

– В порядке.

– Да? Устроился?

– Да.

– Довольный?

– Ничего, говорит. А чего ты о нем?

– Пойдемте домой, – опять сказала Изольда Викторовна.

Владимир Семеныч вместо ответа постучал вилкой по графину.

– Друзья! – обратился он ко всем. – Минуточку, друзья!.. Давайте организуем летку-енку! В пику этим..

– Да что они вам?! – рассердился Алексей Павлыч, золотозубый. – Танцуют люди, нет, надо помешать.

Владимир Семеныч сел.

Помолчал и сказал негромко:

– Ох, какие мы нервные! Ах ты, батюшки!.. – Взял фужер с вином и выпил один.

– Что это вы? – удивленно спросила Изольда Викторовна.

– Какие ведь мы все... культурные, но слегка нервные! – не мог успокоиться Владимир Семеныч. – Да? Зубы даже из-за этого потеряли.

Никто не слышал Владимира Семеныча, только Изольда Викторовна слышала. Она со страхом смотрела на него. Владимир Семеныч еще набухал в фужер и выпил.

– Какие мы все нервные! Да, Софья Ивановна?! – повысил голос Владимир Семеныч, обращаясь к Софье Ивановне. – Культурные, но слегка нервные. Да?

Софья Ивановна внимательно посмотрела на Владимира Семеныча.

– Нервные, говорю, все! – зло сказал Владимир Семеныч, глядя в глаза строгой женщины. – Все прямо изнервничались на общественной работе! – Владимир Семеныч искусственно – недобро – посмеялся.

– Что, опять? – спросила Софья Ивановна значительно и строго.

– Да вы только это... не смотрите на меня, не смотрите таким... крокодилом-то, – сказал Владимир Семеныч. – Не смотрите – мы же не в детсадике. Верно? Имел я вас всех в виду!

К Владимиру Семенычу повернулись, кто был ближе и слышал, как он заговорил.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Повернулись и смотрели.

– Имел, говорю, я вас всех в виду! – повторил для всех Владимир Семеныч. – Очень уж вы умные все, как я погляжу! Крохоборы...

– Володька! – предостерегающе сказал курносый Сергей.

– Что – «Володька»? Я тридцать четыре года Володька. Я вас всех имел в виду. – Владимир Семеныч еще налил в фужер и выпил. – Вот так. – Он оглянулся – Изольды Викторовны рядом не было. Сбежала. Владимира Семеныча пуще того злость взяла. – Я вам популярно объясняю: вы все крохоборы. Во главе с Софьей Ивановной. А она просто дура набитая. Мне жалко ребятшек, которыми она там командует... Вы все дураки!

Теперь все за столом молчали.

– Ду-ра-ки! – повторил Владимир Семеныч. И встал. – Мещане! Если вас всех... все ваши данные заложить в кибернетическую машину и прокрутить, то выйдет огромный нуль! Нет, вы сидите и изображаете из себя поток информации. Боже мой!.. – Владимир Семеныч скорбно всех оглядел. – Нет, – сказал он, – я под такой работой не подписываюсь. Адью! Мне грустно.

Он вышел на улицу и стал звать:

– Изольда Викторовна! Изольдушка!.. – Он думал, она где-нибудь близко – ждет его. Но никто не отзывался. – Изольдушка!.. – еще покричал Владимир Семеныч. И заплакал. Выпитое вино как-то очень ослабило его. В голове было ясно, но так вдруг стало грустно, так одиноко! Он хотел даже двинуть к подруге жены, чтобы поговорить с женой... Но одумался.

– Нет, – говорил он сам с собой, – нет, только не это. Этого вы от меня не дождетесь, крохоборы. Нули. Этой радости я вам не сделаю.

Он шел по неосвещенной улице, как по темной реке плыл, – вольно загребал руками, и его куда-то несло. От горя и одиночества хотелось орать, но он знал и помнил, что это нельзя, это, как выражаются кандидаты, чревато последствиями.

Принесло его как раз к дому. Он вошел в опостылевшую квартиру и, не раздеваясь, стал ломать «Россарио». Открывал дверцы и заламывал их ногой в обратную сторону: дверцы с хрустом и треском безжизненно повисали или отваливались вовсе. И этот хруст успокаивал растревоженную душу, это как раз было то, что усладило вдруг его злое, мстительное чувство.

– Вот так вот... крохоборы несчастные, – приговаривал Владимир Семеныч. – Пр-рошу!. – Хр-р-ресть, – еще одна дверца отвалилась и со стуком упала на пол. – Пр-рошу!.. Мещане! – И еще одна гладкая, умело сработанная доска валяется на полу. – Нулики! Пр-рошу!..

Но что удивительно: Владимир Семеныч ломал «Россарио» и видел, как это можно восстановить. В мебельном магазине, где работал Владимир Семеныч, работал же золотой краснодеревщик, дядя Гриша, он делал чудеса с изуродованной мебелью. И опытный глаз Владимира Семеныча отмечал, где надо будет поставить латку и пустить под морилку, где, видно, придется привернуть металлические полоски, чтобы было куда крепить шарнирные устройства. Но все же дверцы Владимир Семеныч выломил все. И после этого лег спать.

Кляуза

(Опыт документального рассказа)

Хочу попробовать написать рассказ, ничего не выдумывая. Последнее время мне нравятся такие рассказы – невыдуманные. Но вот только начал я писать, как сразу запнулся: забыл лицо женщины, про которую собрался рассказать. Забыл! Не ставь я такой задачи – написать только так, как было на самом деле, – я, не задумываясь, подробно описал бы ее внешность... Но я-то собрался иначе. И вот не знаю: как теперь? Вообще, удивительно, что я забыл ее лицо, – я думал: буду помнить его долго-долго, всю жизнь. И вот – забыл. Забыл даже: есть на этом лице бородавка или нету. Кажется, есть, но, может быть, и нету, может быть, это мне со зла кажется, что есть. Стало быть, лицо – пропускаем, не помню. Помню только: не хотелось смотреть в это лицо, неловко как-то было смотреть, стыдно, потому,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru видно, и не запомнилось-то. Помню еще, что немного страшно было смотреть в него, хотя были мгновения, когда я, например, кричал: «Слушайте!..» Значит, смотрел же я в это лицо, а вот – не помню. Значит, не надо кричать и злиться, если хочешь что-нибудь запомнить. Но это так – на будущее. И потом: вовсе я не хотел тогда запомнить лицо этой женщины, мы в те минуты совершенно серьезно НЕНАВИДЕЛИ друг друга... Что же с ненависти спрашивать! Да и теперь, если уж говорить всю правду, не хочу я вспоминать ее лицо, не хочу. Это я за-ради документальности решил было начать с того: как выглядит женщина. Никак! Единственное, что я хотел бы сейчас вспомнить: есть на ее лице бородавка или нет, но и этого не могу вспомнить. А прошло-то всего три недели! Множество лиц помню с детского возраста, прекрасно помню, мог бы подробно описать, если бы надо было, а тут... так, отшибло память, и все.

Но – к делу.

Раз уж рассказ документальный, то и начну я с документа, который сам и написал. Написал я его по просьбе врачей той больницы, где все случилось. А случилось все вечером, а утром я позвонил врачам и извинился за самовольный уход из больницы и объяснил, что случилось. А когда позвонил, они сказали, что ТА женщина уже написала на меня ДОКУМЕНТ, и посоветовали мне тоже написать что-то вроде объяснительной записки, что ли. Я сказал дрожащим голосом: «Конечно, напишу. Я напишу-у!..» Меня возмутило, что ОНА уже успела написать! Ночью писала! Я, приняв димедрол, спал, а она не спала – писала. Может, за это уважать надо, но никакого чувства, похожего на уважение (уважают же, говорят, достойных врагов!), не шевельнулось во мне. Я ходил по комнате и только мычал: «Мх ты...» Не то возмутило, что ОНА опередила меня, а то – что ОНА там написала. Я догадывался, что ОНА там наворочала. Кстати, почерк ЕЕ, не видя его ни разу, я, мне кажется, знаю. Лица не помню, не знаю, а почерк покажи – сразу сказал бы, что это ЕЕ почерк. Вот дела-то!

Я походил, помычал и сел писать.

Вот что я написал:

«Директору клиники пропедевтики 1-го мединститута им. Сеченова».

Я не знал, как надо: «главврачу» или «директору», но подумал и решил: лучше – «директору». Если там «главврач», то он или она, прочитав: «директору», подумает: «Ну уж!..» Потому что, как ни говорите, но директор – это директор.

Я писал дальше:

«Объяснительная записка.

Хочу объяснить свой инцидент...»

Тут я опять остановился и с удовлетворением подумал, что в ЕЕ ДОКУМЕНТЕ наверняка нет слова «инцидент», а у меня – вот оно, извольте: резкое, цинковое словцо, которое – и само за себя говорит, и за меня говорит: что я его знаю.

«...с работником вашей больницы...»

Тут опять вот – «вашей». Другой бы подмахнул – «Вашей», но я же понимаю, что больница-то не лично его, директора, а государственная, то есть общее достояние, поэтому, слукавь я, польсти с этим «Вашей», я бы уронил себя в глазах того же директора, он еще возьмет и подумает: «Э-э, братец, да ты сам безграмотный». Или – еще хуже – подумает: «Подхалим».

Итак:

«Хочу объяснить свой инцидент с работником вашей больницы (женщина, которая стояла на вахте 2 декабря 1973 года, фамилию она отказалась назвать, а узнавать теперь, задним числом, я как-то по-человечески не могу, ибо не считаю это свое объяснение неким «заявлением» и не жду, и не требую никаких оргвыводов по отношению к ней), который произошел у нас 2 декабря. В 11 часов утра...»

В этом абзаце мне понравилось, во-первых, что «задним числом, я как-то по-человечески не могу...». Вот это «по-человечески» мне очень понравилось. Еще

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru понравилось, что я не требую никаких «оргвыводов». Я даже подумал: «Может, вообще не писать?» Ведь получается, что я, благородный человек, все же пишу на кого-то что-то такое... В чем-то таком кого-то хочу обвинить... Но как подумал, что ОНА-то уже написала, так снова взялся за ручку. ОНА небось не раздумывала! И потом, что значит – обвинить? Я не обвиняю, я объясняю, и «оргвыводов» не жду, больше того, не требую никаких «оргвыводов», я же и пишу об этом.

«В 11 часов утра (в воскресенье) жена пришла ко мне с детьми (шести и семи лет), я спустился по лестнице встретить их, но женщина-вахтер не пускает их. Причем я, спускаясь по лестнице, видел посетителей с детьми, поэтому, естественно, выразил недоумение – почему она не пускает? В ответ услышал какое-то зlostное – не объяснение даже – ворчание: «Ходят тут!» Мне со стороны умудренные посетители тихонько подсказали: «Да дай ты ей пятьдесят копеек, и все будет в порядке». Пятидесяти копеек у меня не случилось, кроме того (я это совершенно серьезно говорю), я не умею «давать»: мне неловко. Я взял и выразил сожаление по этому поводу вслух: что у меня нет с собой пятидесяти копеек».

Я помню, что в это время там, в больнице, я стал нервничать. «Да до каких пор!..» – подумал я.

«Женщина-вахтер тогда вообще хлопнула дверью перед носом жены. Тогда стоявшие рядом люди хором стали просить ее: «Да пустите вы жену-то, пусть она к дежурному врачу сходит, может, их пропустят!»

Честное слово, так и просили все... У меня там, в больнице, слезы на глаза навернулись от любви и благодарности к людям. «Ну!..» – подумал я про вахтершу, но от всяческих оскорблений и громких возмущений я удерживался, можете поверить. Я же актер, я понимаю... Наоборот, я сделал «фигуру полной беспомощности» и выразил на лице большое огорчение.

«После этого женщина-вахтер пропустила жену, так как у нее же был пропуск, а я, воспользовавшись открытой дверью, вышел в вестибюль к детям, чтобы они не оставались одни. Женщина-вахтер стала громко требовать, чтобы я вернулся в палату...»

Тут я не смогу, пожалуй, передать, как ОНА требовала. ОНА как-то механически, не так уж громко, но на весь вестибюль повторяла, как в репродуктор: «Больной, вернитесь в палату! Больной, вернитесь в палату! Больной, я кому сказала: вернитесь сейчас же в палату!» Народу было полно; все смотрели на нас.

«При этом женщина-вахтер как-то упорно, зло, гадко не хочет понять, что я этого не могу сделать – уйти от детей, пока жена ищет дежурного врача. Наконец она нашла дежурного врача, и он разрешил нам войти. Женщине-вахтеру это очень не понравилось».

О, Ей это не понравилось; да: все смотрели на нас и ждали, чем это кончится, а кончилось, что ЕЕ как бы отодвинули в сторону. Но и я, по правде сказать, радости не испытал – я чувствовал, что это еще не победа, я понимал тогда сердцем и понимаю теперь разумом: ЕЕ победить невозможно.

«Когда я проходил мимо женщины-вахтера, я услышал ее недоброе обещание: «Я тебе это запомню». И сказано это было с такой проникновенной злобой, с такой глубокой, с такой истинной злобой!.. Тут со мной что-то случилось: меня стало мелко всего трести...»

Это правда. Не знаю, что такое там со мной случилось, но я вдруг почувствовал: что – все, конец. Какой «конец», чему «конец» – не пойму, не знаю и теперь, но предчувствие какого-то очень простого, тупого конца было отчетливое. Не смерть же, в самом деле, я почувствовал – не ее приближение, но какой-то КОНЕЦ... Я тогда повернулся к НЕЙ и сказал: «Ты же не человек». Вот – смотрел же я на НЕЕ! – а лица не помню. Мне тогда показалось, что я сказал – гулко, мощно, показалось, что я чуть не опрокинул ЕЕ этими словами. Мне на миг самому сделалось страшно, я поскорей отвернулся и побежал догонять своих на лестнице. «О-о!.. – думал я про себя. – А вот – пусть!.. А то только и знают, что грозят!» Но тревога в душе осталась, смутная какая-то жуть... И правая рука дергалась – не вся, а большой палец, у меня это бывает.

«Я никак не мог потом успокоиться в течение всего дня. Я просил жену, пока она

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru находилась со мной, чтобы она взяла такси – и я уехал бы отсюда прямо сейчас. Страшно и противно стало жить, не могу собрать воедино мысли, не могу доказать себе, что это – мелочь. Рука трясется, душа трясется, думаю: «Да отчего же такая сознательная, такая в нас осмысленная злость-то?» При этом – не хочет видеть, что со мной маленькие дети, у них глаза распахнулись от ужаса, что «на их папу кричат», а я ничего не могу сделать. Это ужасно, я и хочу сейчас, чтобы вот эта-то мысль стала бы понятной: жить же противно, жить неохота, когда мы такие.

Вечером того же дня (в шесть часов вечера) ко мне приехали из Вологды писатель В. Белов и секретарь Вологодского отделения Союза писателей поэт В. Коротаев. Я знал об их приезде (встреча эта деловая), поэтому заранее попросил моего лечащего врача оставить пропуск на них. В шесть часов они приехали – она не пускает. Я опять вышел... Она там зло орет на них. Я тоже зло стал говорить, что – есть же пропуск!.. Вот тут-то мы все трое получили...»

В вестибюле в то время было еще двое служителей – она, видно, давала им урок «обращения», они с интересом смотрели. Это было, наверно, зрелище. Я хотел рвать на себе больничную пижаму, но почему-то не рвал, а только истерично и как-то неубедительно выкрикивал, показывая куда-то рукой: «Да есть же пропуск!.. Пропуск же!..» ОНА, подбоченившись, с удовольствием, гордо, презрительно – и все же лица не помню, а помню, что презрительно и гордо – тоже кричала: «Пропуск здесь – я!» Вот уж мы бесились-то!.. И ведь мы, все трое, – немолодые люди, повидали всякое, но как же мы суетились, господи! А она кричала: «А то – побежа-али!.. К дежурному врачу-у!.. – Это ОНА мне. – Я побегаю! Побегаю тут!.. Марш на место! – Это опять мне. – А то завтра же вылетишь отсудова!» Эх, тут мы снова, все трое, – возмущаться, показывать, что мы тоже законы знаем! «Как это – «вылетишь»?! Как это! Он больной!..» – «А вы – марш на улицу! Вон отсудова!..»

Так мы там упражнялись в пустом гулком вестибюле.

«Словом, женщина-вахтер не впустила моих товарищей ко мне, не дала и там поговорить и стала их выгонять. Я попросил, чтобы они нашли такси...»

Тут наступает особый момент в наших с НЕЙ отношениях. Когда товарищи мои ушли ловить такси, мы замолчали... И стали смотреть друг на друга: кто кого пересмотрит. И еще раз хочу сказать – боюсь, надоел уж с этим – не помню ЕЕ лица, хоть убей. Но отлично помню – до сих пор это чувствую, – с какой враждебностью, как презрительно ОНА не верила, что я вот так вот возьму и уеду. Может, у НЕЙ драма какая была в жизни, может, ЕЙ много раз заявляли вот так же: возьму и сделаю!.. А не делали, она обиделась на веки вечные, не знаю, только ОНА прямо смеялась и особо как-то ненавидела меня за это трепаческое заявление – что я уеду. Мы еще некоторое время смотрели друг на друга... И я пошел к выходу. Тут было отделился от стенки какой-то мужчина и сказал: «Э-э, куда это?» Но я нес в груди огромную силу и удовлетворенность. «Прочь с дороги!» – сказал я, как Тарас Бульба, и вышел на улицу.

Был морозец, я в тапочках, без шапки... Хорошо, что больничный костюм был темный, а без шапок многие ходят... Я боялся, что таксист, обнаружив на мне больничное, не повезет. Но было уже и темно. Я беспечно, не торопясь, стараясь не скользить в тапочках, чтобы тот же таксист не подумал, что я пьяный, пошагал вдоль тротуара, оглядываясь назад, как это делают люди, которые хотят взять такси. Я шел и думал: «У меня же ведь еще хроническая пневмония... Я же прямо горстями нагибаю в грудь воспаление». Но и тут же с необъяснимым упорством и злым удовлетворением думал: «И пусть».

А друзья мои в другом месте тоже ловили такси. На мое счастье, я скоро увидел зеленый огонек...

Все это я и рассказал в «Объяснительной записке». И когда кончил писать, подумал: «Кляуза, вообще-то...» Но тут же сам себе с дрожью в голосе сказал:

– Ну, не-ет!

И послал свой ДОКУМЕНТ в больницу.

Мне этого показалось мало: я попросил моих вологодских друзей тоже написать ДОКУМЕНТ и направить туда же. Они написали, прислали мне, так как точного адреса больницы не знали. Я этот их ДОКУМЕНТ в больницу не послал – я и про свою-то

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru «Объяснительную записку» сожалею теперь, – а подумал: «А напишу-ка я документальный рассказ! Попробую, по крайней мере. И приложу оба ДОКУМЕНТА».

Вот – прикладываю и их ДОКУМЕНТ.

г. Москва, ул. Погодинская, клиника пропедевтики, Главному врачу.

Настоящим письмом обращаем Ваше внимание на следующий возмутительный случай, происшедший в клинике 2 декабря в период с 18 до 19 часов. Приехав из другого города по делам, связанным с писательской организацией, мы обратились к дежурной с просьбой разрешить свидание с находившимся в клинике Шукшиным В. М. Вначале дежурная разрешила свидание и порекомендовала позвонить на этаж. Но, узнав фамилию больного, вдруг переменяла решение и заявила: «К нему я вас не пушу». На вопрос «почему?» – она не ответила и вновь надменно и грубо заявила, что «может сделать, но не сделает», что «другим сделает, а нам не сделает». Такие действия для нас были совершенно непонятны, тем более что во время наших объяснений входили и выходили посетители, которым дежурная демонстративно разрешала свидания. Один из них благодарил дежурную весьма своеобразно, он сказал, уходя: «Завтра с меня шоколадка». (Мы не предполагали, что в столичной клинике может существовать такая форма благодарности, и шоколадом не запаслись.)

В. М. Шукшин, которому сообщили о нашем приходе другие больные, спустился с этажа и спросил дежурную, почему она не разрешает свидание, хотя у нас выписан пропуск. Она ответила грубым криком и оскорблением. Она не разрешила нам даже поговорить с В. М. Шукшиным и выгнала из вестибюля. На вопрос, каковы ее имя и фамилия, она не ответила и демагогически заявила, что мы пьяны. Разумеется, это была заведомая ложь и ничем не прикрытое оскорбление.

Считаем, что подобные люди из числа младшего медицинского персонала позорят советскую медицину, и требуем принять административные и общественные меры в отношении медработника, находившегося на дежурстве во второй половине дня 2 декабря с.г.

Ответственный секретарь Вологодской писательской организации В. Коротаев.
Писатель В. Белов.
И – число и подписи.

...Прочитал сейчас все это... И думаю: «Что с нами происходит?»

Чужие

Попалась мне на глаза книжка, в ней рассказывается о царе Николае Втором и его родственниках.

Книжка довольно сердитая, но, по-моему, справедливая. Вот что я сделаю: я сделаю из нее довольно большую выписку, а потом объясню, зачем мне это нужно. Речь идет о дяде царя, великом князе Алексее.

«Алексей с детства был назначен отцом своим, императором Александром Вторым, к службе по флоту и записан в морское училище. Но в классы он не ходил, а путался по разным театрикам и трактирчикам, в веселой компании французских актрис и танцовщиц. Одна из них, по фамилии Мокур, совсем его замотала.

– Не посоветуешь ли ты, – спрашивал Александр Второй военного министра Милютина, – как заставить Алексея, чтобы посещал уроки в училище?

Милютин отвечал:

– Единственное средство, Ваше Величество: назначьте учителем госпожу Мокур. Тогда великого князя из училища и не вызывать.

Такого-то ученого моряка император Александр Третий, родной брат его, не побоялся назначить генерал-адмиралом – главою и хозяином русского флота.

Постройка броненосцев и портов – золотое дно для всякого нечестного человека, охочего погреть руки около народного имущества. Генерал-адмирал Алексей, вечно нуждаясь в деньгах на игру и женщин, двадцать лет преобразовывал русский флот. Бессовестно грабил казну сам. Не меньше грабили его любовницы и сводники,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru поставляющие ему любовниц.

Сам Алексей ничего не смыслил в морском деле и совершенно не занимался своим ведомством. Пример его как начальника шел по флоту сверху вниз. Воровство и невежество офицеров росли с каждым годом, оставаясь совершенно безнаказанными. Жизнь матросов сделалась невыносимой. Начальство обкрадывало их во всем: в пайке, в чарке, обмундировке. А чтобы матросы не вздумали против поголовного грабежа бунтовать, офицерство запугивало их жестокими наказаниями и грубым обращением. И продолжалось это безобразие ни много ни мало – двадцать лет с лишком.

Ни один подряд по морскому ведомству не проходил без того, чтобы Алексей с бабами своими не отщипнул (я бы тут сказал – не хапнул. – В. Ш.) половину, а то и больше. Когда вспыхнула японская война, русское правительство думало прикупить несколько броненосцев у республики Чили. Чилийские броненосцы пришли в Европу и стали у итальянского города Генуи. Здесь их осмотрели русские моряки. Такие броненосцы нашему флоту и не снились. Запросили за них чилийцы дешево: почти свою цену. И что же? Из-за дешевизны и разошлось дело. Русский уполномоченный Солдатенков откровенно объяснил:

– Вы должны просить, по крайней мере, втрое дороже. Потому что иначе нам не из-за чего хлопотать. Шестьсот тысяч с продажной цены каждого броненосца получит великий князь. Четыреста тысяч надо отдать госпоже Балетта. А что же останется на нашу-то долю – чинам морского министерства?

Чилийцы, возмущенные наглостью русских взяточников, заявили, что их правительство отказывается вести переговоры с посредниками, заведомо недобросовестными. Японцы же, как только русская сделка расстроилась, немедленно купили чилийские броненосцы. Потом эти самые броненосцы топили наши корабли при Цусиме.

Госпожа Балетта, для которой Солдатенков требовал с чилийцев четыреста тысяч рублей, – последняя любовница Алексея, французская актриса. Не дав крупной взятки госпоже Балетта, ни один предприниматель или подрядчик не мог надеяться, что великий князь даже хоть примет его и выслушает.

Один француз изобрел необыкновенную морскую торпеду. Она поднимает могучий водяной смерч и топит им суда. Француз предложил свое изобретение русскому правительству. Его вызвали в Петербург. Но здесь – только за то, чтобы произвести опыт в присутствии Алексея, – с него спросили для госпожи Балетта двадцать пять тысяч рублей. Француз не имел таких денег и поехал восвояси, несолоно хлебав. В Париж явился к нему японский чиновник и купил его изобретение за большие деньги.

– Видите ли, – сказал японец, – несколькими месяцами раньше мы заплатили бы вам гораздо дороже, но теперь у нас изобретена своя торпеда, сильнее вашей.

– Тогда зачем же вы покупаете мою?

– Просто затем, чтобы ее не было у русских.

Как знать, не подобная ли торпеда опрокинула «Петропавловск» и утопила экипаж его вместе с Макаровым – единственным русским адмиралом, который походил на моряка и знал толк в своем деле?

В последние десять лет жизни Алексеем вертела, как пешкою, Балетта. Раньше генерал-адмиральшею была Зинаида Дмитриевна, герцогиня Лейхтенбергская, урожденная Скобелева (сестра знаменитого «белого генерала»). К этой чины морского ведомства ходили с прямыми докладами, помимо Алексея. А он беспечно подписывал все, чего его красавица хотела.

Красным дням генерал-адмирала Алексея положила конец японская война. У японцев на Тихом океане оказались быстроходные крейсера и броненосцы, а у нас – старые калоши. Как хорошо генерал-адмирал обучал свой флот, вот свидетельство:

«Цесаревич» впервые стрелял из орудий своих в том самом бою, в котором японцы издырявили его в решето. Офицеры не умели командовать. Суда не имели морских карт. Пушки не стреляли. То и дело топили своих либо нарывались на собственные мины. Тихоокеанская эскадра засела в Порт-Артуре, как рак на мели. Послали на

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
выручку балтийскую эскадру адмирала Рождественского. Тот, когда дело дошло до собственной шкуры, доложил царю, что идти не с чем: брони на броненосцах – металлические лишь чуть сверху, а снизу деревянные. Уверяют, будто царь сказал тогда Алексею:

– Лучше бы ты, дядя, воровал вдвое, да хоть брони-то строил бы настоящие!

После гибели «Петропавловска» Алексей имел глупость показаться в одном петербургском театре вместе со своей любовницей Балетта, обвешанной бриллиантами. Публика чуть не убила их обоих. Швыряли в них апельсинными корками, афишами, чем попало. Кричали:

– Эти бриллианты куплены на наши деньги! Отдайте! Это – наши крейсера и броненосцы! Подайте сюда! Это – наш флот!

Алексей перестал выезжать из своего дворца, потому что на улицах ему свистели, швыряли в карету грязью. Балетта поспешила убраться за границу. Она увезла с собой несколько миллионов рублей чистыми деньгами, чуть не гору драгоценных камней и редкостное собрание русских старинных вещей. Это уж, должно быть, на память о русском народе, который они вместе с Алексеем ограбили.

Цусима докончила Алексея. Никогда с тех пор, как свет стоит, ни один флот не испытывал более глупого и жалкого поражения. Тысячи русских людей пошли на дно вместе с калошами-судами и пушками, которые не достреливали до неприятеля. Нескольких часов японской пальбы достаточно было, чтобы от двадцатилетней воровской работы Алексея с компанией остались только щепки на волнах. Все сразу сказало: и грабительство подлецов-строителей, и невежество бездарных офицеров, и ненависть к ним измученных матросов. Накормил царев дядя рыб Желтого моря русскими мужицкими телами в матросских рубахах и солдатских шинелях!

После отставки своей Алексей перекочевал за границу со всеми накраденными богатствами своими, под бочок к своей Балетте. Накупил дворцов в Париже и других приятных городах и сорил золото, украденное у русского народа, на девок, пьянство и азартные игры, покуда не помер от «случайной простуды».

Прочитал я это, и вспомнился мне наш пастух, дядя Емельян. Утром, еще до солнышка, издалека слышался его добрый, чуть насмешливый сильный голос:

– Бабы, коров! Бабы, коров!

Как начинал слышаться этот голос весной, в мае, так радостно билось сердце: скоро лето!

Потом, позже, он не пастушил уже, стар стал, а любил ходить удить на Катунь. Я тоже любил удить, и мы, бывало, стояли рядом в затоне, молчали, наблюдая каждый за своими лесками. У нас не принято удить с поплавками, а надо следить за леской: как зачиркает она по воде, задрожит – подсекай, есть. А лески вили из конского волоса: надо было изловчиться надергать белых волос из конского хвоста; кони не давались, иной меринок норовит задом накинуть – лягнуть, нужна сноровка. Я добывал дяде Емельяну волос, а он учил меня сучить лесу на колене.

Я любил удить с дядей Емельяном: он не баловался в это дело, а серьезно, умно рыбачил. Хуже нет, когда взрослые начинают баловаться, гоготать, шуметь... Придут с неводом целой оравой, наорут, нашумят, в три-четыре тони огребнут ведро рыбы, и – довольные – в деревню: там будут жарить и выпивать.

Мы уходили подальше куда-нибудь и там стояли босиком в воде. До того достоинь, что ноги заломит. Тогда дядя Емельян говорил:

– Перекур, Васька.

Я набирал сушняка, разводили огонек на берегу, грели ноги. Дядя Емельян курил и что-нибудь рассказывал. Тогда-то я и узнал, что он был моряком и воевал с японцами. И был даже в плену у японцев. Что он воевал, меня это не удивляло – у нас все почти старики где-нибудь когда-нибудь воевали, но что он – моряк, что был в плену у японцев – это интересно. Но как раз об этом он не любил почему-то рассказывать. Я даже не знаю, на каком корабле он служил: может, он говорил, да

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru я забыл, а может, и не говорил. С расспросами я стеснялся лезть, это у меня всю жизнь так, слушал, что он сказывал, и все. Он не охотник был много говорить: так, вспомнит что-нибудь, расскажет, и опять молчим. Я его как сейчас вижу: рослый, худой, широкий в кости, скулы широкие, борода пегая, спутанная... Стар он был, а все казался могучим. Один раз он смотрел-смотрел на свою руку, которой держал удилице, усмехнулся, показал мне на нее, на свою руку, глазами:

– Трясется. Дохлая... Думал, мне износу не будет. Ох, и здоровый же был! Парнем гонял плоты... От Манжурска подряжались и гнали до Верх-Кайтана, а там городские на подводах увозили к себе. А в Нуйме у меня была знакомая краля... умная женщина, вдовуха, но лучше другой девки. А нуйминские – поперек горла, што я к ей... ну, проведу ее. Мужики в основном дулись. Но я на их плевал с колокольни, на дураков, ходил, и все. Как плыву мимо, плот причаливаю, привязываю его канатами – и, значит, к ей. Она меня привечала. Я бы и женился на ей, но вскорости на службу забрали. А мужики чего злятся? Што вот чужой какой-то повадился... Она всем глянулась, но все – женатые, а вот все одно – не ходи. Но не на того попали. Раз как-то причаились, напарник мой к бабке одной проворной, та самогонку добрую варганила, а я – к зазнобе своей. Подхожу к дому-то, а там меня поджидают: человек восемь стоят. Ну, думаю, столько-то я раскидаю. Иду прямо на их... Двое мне навстречу: «Куда?» Я их сгреб обоих за грудки, как двинул в тех, которые сбоку-то поджидали, штук пять свалил. Они на меня кучей, у меня сердце разыгралось, я пошел их шшолкать: как достану какого, так через дорогу летит, аж глядеть радостно. Тут к им ишо подбежали, а сделать ничо не могут... Схватились за кольца. Я тоже успел, жердину из прясла выдернул и воюю. Сражение целое было. У меня жердь-то длинная – они не могут меня достать. Камнями начали... Бессовестные. Они, нуйминские, сроду бессовестные. Старики, правда, унимать их стали – с камнями-то: кто же так делат! И так уж человек двенадцать на одного, да ишо с камнями. Сражались мы так до-олго, я спотел... Тут какая-то бабенка со стороны крикнула: плот-то!.. Они, собаки, канаты перерубили – плот унесло. А внизу – пороги, его там растрепет по бревнышку, весь труд даром. Я бросил жердь – и догонять плот. От Нуймы до Быстрого Исхода без передыху гнал – верст пятнадцать. Где по дороге, а где по камням прямо – боюсь пропустить-то плот-то. Обгонишь и знать не будешь, так я уж берегом старался. От бежал!.. Никогда в жизни больше так не бегал. Как жеребец. Догнал. Подплыл, забрался на плот – слава те господи! А тут вскорости и пороги; там двоим-то – еле-еле управиться, а я один: от одного весла к другому, как тигра бегаю, рубаху скинул... Управился. Но бежал я тада!.. – Дядя Емельян усмехнулся и качнул головой: – Никто не верил, што я его у Быстрого Исхода догнал: не сумеешь, мол. Захочешь – сумеешь.

– А потом чего не женился?

– Когда?

– Ну, со службы-то пришел...

– Да где! Тада служили-то по сколь!.. Я раньше время пришел, с пленом-то с этим, и то... лет уж тридцать пять было – ждатель, что ли, она будет? Эх, и умная была! Вырастешь – бери умную. Красота бабская, она мужику на первое время только – похваляется, а потом... – Дядя Емельян помолчал, задумчиво глядя на огонек, поспипел «козьей ножкой». – Потом требуется другое. У меня и эта баба с умом была, чего зря грешить.

Бабку Емельяниху я помнил: добрая была старуха. Мы с ними соседи были, нашу ограду и их огород разделял плетень. Один раз она зовет меня из-за плетня:

– Иди-ка суда-то!

Я подошел.

– Ваша курица нанесла – вишь, сколь! – Показывает в подоле с десяток яиц. – Вишь, подрыла лазок под плетнем и несется тут. На-ка. С пяток матри (матери) отдай, а пяток... – бабка оглянулась кругом и тихо досказала: – Этим отнеси, на сашу (шоссе).

На шоссе (на тракте) работали тогда заключенные, и нас, ребяташек, к ним подпускали. Мы носили им яйца, молоко в бутылках... Какой-нибудь, в куртке в этой, тут же выпьет молоко из горлышка, оботрет горлышко рукавом, накажет:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Отдай матери, скажи: «Дяденька велел спасибо сказать».

– Я помню бабу, – сказал я.

– Ниче... хорошая была баба. Заговоры знала.

И дядя Емельян рассказал такую историю:

– Сосватали мы ее – с братом старшим ездили, с Егором, она – вон талицкая (это через речку), – привезли... Ну, свальба (свадьба)... Гуляем. А мне только пинжак новый сшили, хороший пинжак, бобриковый... Как раз к свальбе и сшили-то, Егорка же и дал деньжонок, я-то как сокол пришел. И у меня прямо со свальбы этот пинжак-то сперли.

Меня аж горе взяло. А моя говорит: «Погоди-ка, не кручинься пока: не вернут ли». Где, думаю, вернут! Народу столько перебыло... Но знаю, што – не из нашенских кто-то, а из талицких, наверно: наш-то куда с им денется? А шили-то тада на дому прямо: приходил портняжка с машинкой, кроил тут же и шил. Два дня, помню, шил: тут же и питался, и спал. Моя чё делат: взяла лоскут от шитья – лоскутов-то много осталось, – обернула его берестой и вмазала глиной в устье печки, как раз, где дым в чувал загибает, самый густой идет. Я не понял сперва: «Чего, мол, ты?» – «А вот, – говорит, – его теперь каждое утро корезить будет, вора-то. Как затопим печку, так его начнет корезить, как ту бересту». И чо ты думаешь? Через три дня приходит из Талицы мужичонка, какая-то родня ее, бабе-то моей... С мешком. Пришел, положил мешок в угол, а сам – бух, на коленки передо мной. «Прости, – говорит, – грех попутал: я пинжак-то унес. Поглянулся». Вытаскивает из мешка мой пинжак и гусиху с вином, теперь – четверть, а раньше звали – гусиха. Вот, вишь... «Не могу, – говорит, жить, – измаялся».

– Побил его? – спросил я.

– Да ну!.. Сам пришел... Зачем же? Выпили эту его гусиху, да я ишо одну достал, и ту выпили. Не одни, знамо дело: я Егора позвал с бабой, ишо мужики подошли – чуть не новая свальба!.. Я рад без ума – пинжак-то добрый. Годов десять его носил. Вот какая у меня старуха была. Она тада-то не старуха была, а вот... знала. Царство небесное.

Было у них пятеро сыновей и одна дочь. Трех на этой войне убило, а эти в город уехали. Доживал дядя Емельян один. Соседи по очереди приходили, топили печку, есть давали... Он лежал на печке, не стонал, только говорил:

– Спаси вас Бог... Зачтется.

Как-то утром пришли – он мертвый.

Для чего же я сделал такую большую выписку про великого князя Алексея? Я и сам не знаю. Хочу растопырить разум, как руки, – обнять две эти фигуры, сблизить их, что ли, чтобы поразмыслить, – поразмыслить-то сперва и хотелось, – а не могу. Один упрямо торчит где-то в Париже, другой – на Катунь, с удочкой. Твержу себе, что ведь – дети одного народа, может, хоть злость возьмет, но и злость не берет. Оба они давно в земле – и бездарный генерал-адмирал, и дядя Емельян, бывший матрос... А что, если бы они где-нибудь ТАМ – встретились бы? Ведь ТАМ небось ни эполетов, ни драгоценностей нету. И дворцов тоже, и любовниц, ничего... встретились две русских души. Ведь и ТАМ им не о чем было бы поговорить, вот штука-то. Вот уж чужие так чужие – на веки вечные. Велика матушка-Русь!

Выбираю деревню на жительство

Некто Кузовников Николай Григорьевич вполне нормально и хорошо прожил. Когда-то, в начале тридцатых годов, великая сила, которая тогда передвигала народы, взяла и увела его из деревни. Он сперва тосковал в городе, потом присмотрелся и понял: если немного смекалки, хитрости и если особенно не залупаться, то и не обязательно эти котлованы рыть, можно прожить легче. И он пошел по складскому делу – стал кладовщиком и всю жизнь был кладовщиком, даже в войну. И теперь он жил в большом городе в хорошей квартире (отдельно от детей, которые тоже вышли в люди), старел, собирался на пенсию. Воровал ли он со складов? Как вам сказать... С точки зрения какого-нибудь соплика с высшим юридическим образованием – да, воровал, с точки зрения человека рассудительного, трезвого – это не воровство: брал ровно столько, сколько требовалось, чтобы не испытывать ни в чем

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru недостатка, причем, если учесть – окинуть взором – сколько добра прошло через его руки, то сама мысль о воровстве станет смешной. Разве так воруют! Он брал, но никогда не забывался, никогда не показывал, что живет лучше других. Потому-то ни один из этих, с университетскими значками, ни разу не поймал его за руку. С совестью Николай Григорьевич был в ладах: она его не тревожила. И не потому, что он был бессовестный человек, нет, просто это так изначально повелось: при чем тут совесть! Сумей только аккуратно сделать, не психуй и не жадничай и не будь идиотом, а совесть – это... знаете... Когда есть в загашнике, можно и про совесть поговорить, но все же спится тогда спокойней, когда ты все досконально продумал, все взвесил, проверил, свел концы с концами – тогда пусть у кого-нибудь другого совесть болит. А это – сверкать голым задом да про совесть трещать, – это, знаете, неумно. Словом, все было хорошо и нормально. Николай Григорьевич прошел свою тропку жизни почти всю. В минуту добрую, задумчивую говорил себе: «Молодец: и в тюрьме не сидел, и в войну не укокошили».

Но была одна странность у Николая Григорьевича, которую он сам себе не сумел бы объяснить, наверно, если б даже захотел. Но он и не хотел объяснять и особенно не вдумывался, а подчинялся этой прихоти (надо еще понять, прихоть это или что другое), как многому в жизни подчинялся.

Вот что он делал последние лет пять-шесть.

В субботу, когда работа кончалась, когда дома, в тепле, ждала жена, когда все в порядке и на душе хорошо и мирно, он выпивал стаканчик водки и ехал в трамвае на вокзал. Вокзал в городе огромный, вечно набит людьми. И есть там место, где курят, возле туалета. Там всегда – днем и ночью – полно, дым коромыслом и галдеж стоит непрерывный. Туда-то и шел напрямик Николай Григорьевич. И там вступал в разговоры.

– Мужики, – прямо обращался он, – кто из деревни?

Таких всегда было много. Они-то в основном и толклись там – деревенские.

– Ну?.. – спрашивали его. – А что тебе?

– Хочу деревню подобрать на жительство. Нигде, может, кто в курсе, не требуются опытные складские работники? Я тридцать четыре года проработал в этой системе... – И Николай Григорьевич доверчиво, просто, с удовольствием и подробно рассказывал, что он сам – деревенский, давно оттуда уехал, работал всю жизнь на складах, а теперь, под старость, потянуло опять в деревню... И тут-то начиналось.

Его как-то сразу прекрасно понимали с его тоской, соглашались, что да, сколько по городам ни околачивайся, а если ты деревенский, то рано или поздно в деревню снова потянет. Начинали предлагать деревни на выбор. Николай Григорьевич только успевал записывать адреса. Начинали шуметь. Спорили.

– Да уж ты со своей Вязовкой!..

– А ты знаешь ее? Чего ты сразу руками-то замахал?! Ты хоть раз бывал там?

– Вязовку-то? Да я ее как облупленную знаю, вашу Вязовку! Господи, Вязовка!.. У человека – к старости, желательно, чтоб природа...

– А при чем тут природа-то? – вступали другие. – Надо не от природы отталкиваться, а от работы. Я не знаю вашей Вязовки, но склад-то там есть? Человек же прежде всего насчет работы спрашивает.

– Нет, – говорил Николай Григорьевич, – желательно, чтоб и природа, конечно...

– Да в том-то и дело! Что он тебе, склад?! Склад, он и есть склад, теперь они везде есть. И если, например...

– Ну, вы тоже рассудили, – говорил какой-нибудь степенный, – только поорать. Ну – склад, они действительно везде теперь, а как, например, с жильем? У нас вон – и склад, и река, и озеро, а постройки страшно дорогие.

– Ну, сколь так? – вникал в подробности Николай Григорьевич.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Это смотря что требуется.

– Ну, например, пятистенок... Добрый еще.

– С постройками?

– Ну да, баня, сарай для дров... Ну, навес какой-нибудь, завозня там – я построгать люблю в свободное время.

– Если, допустим, хороший пятистенок, – начинал соображать мужик, – банешка...

– Не развалюха, конечно, хорошая баня.

– Хорошая баня, сарай из горбыля, у нас в основном все сараи из горбыля идут, из отлета...

– Пилорама в деревне?

– Не в самой деревне, а на отделении.

– Ну, ну?

– Если все честь по чести, огород нормальный...

– Огород нам со старухой большой не надо.

– Ну, нормальный, их теперь больших-то и нету – нормальный, если все честь по чести, то будет так – три, три с половиной.

– Тыщи?! – изумлялся кто-нибудь.

– Нет, рубля, – огрызнулся степенный.

– Ну, это уж ты загнул. Таких и цен-то нету, – сомневались.

Сепенный вмиг утрачивал свою степенность.

– А чего ради погибать-то перед вами? Что я, свой дом, что ли, навяливаю? Я говорю как есть. Человек же спрашивает...

– А чего так? Несусветные какие-то цены. Что у вас там такое?

– Ничего, совхоз.

– Да а чего дорого-то? С ума, что ли, сошли там?

– Мы не сошли, сошли там, где постройки, я слышал, на дрова пускают. Вот там-то сошли. Это уж я тоже не понимаю...

– Это я слышал тоже. Рублей за триста, говорят, можно хороший дом взять.

– Ну, за триста не за триста...

– А как твоя деревня называется? – записывал Николай Григорьевич.

– Завалиха. Не деревня, село.

– Это где?

– А вот, если сейчас ехать... – И мужик подробно объяснял, где его село, как ехать туда.

– Райцентр, что ли?

– Был раньше райцентр, а потом, когда укрупняли районы, мы отошли к Красногорскому району, а у нас стала центральная усадьба.

– Ну, есть, наверно, перевалочная база? – допрашивал Николай Григорьевич.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Мужик послушно, очень подробно рассказывал. И был как будто рад, что его село заинтересовало человека больше, чем другие села и деревни. Со стороны наблюдали и испытывали нечто вроде ревности. И находили возможность подпортить важную минуту.

– Это ж что ж это за цены такие! Леса, наверно, нет близко?

– А у вас какие? – нервничал мужик из дорогого села. – Ну скажи, сколько у вас добрый пятистенок станет? Только не ври.

– Чего мне врать-то? Добрый пятистенок у нас... с постройками, со всем, с огородом – тыщи полторы-две.

– Где это? – поворачивался в ту сторону Николай Григорьевич.

И тогда тот, что перехватил интерес, начинал тоже подробно, долго объяснять, где его село, как называется река, почему у них мясо осенью...

– У меня вот свояк приезжал... как раз осенью тоже... Посмотрел. «Ну-у, – говорит, – у вас-то жить можно! Это, – говорит, – ты у нас иди сунься».

– А откуда он?

– За Уралом... Город Златоуст.

– Что ж ты город-то суешь? Мы про сельскую жизнь говорим.

– Он не из самого города, а близко к этому городу.

– Да зачем же там где-то брать, человек про наши места интересуется! Это я тебе могу наскзать: у меня свояк в Магадане вон...

– Ну, едрена мать! Ты еще скажи – в Америке.

– А при чем тут Америка-то?

– А при чем Магадан?

– Да при том, что – речь идет про сельскую местность, а ты куда-то в Златоуст полез! Чего ты в Златоуст-то полез?!

– Тихо, тихо, – успокаивал Николай Григорьевич горячих селян. Странно, он становился здесь неким хозяином – на манер какого-нибудь вербовщика-работодателя в толпе ищущих. – Спокойно, мужики, – говорил Николай Григорьевич, – мы же не на базаре. Меня теперь интересует: сколько над уровнем моря твое село? – Это вопрос к тому, в чьем селе дом-пятистенок стоит дешевле.

Тот не знал. И никто не знал, сколько над уровнем моря их деревни и села.

– А зачем это?

– Это очень важно, – пояснил Николай Григорьевич. – Для сердечно-сосудистой системы необходимо. Если место немного возвышенное – тоже нельзя: сразу скажется нехватка кислорода.

– Не замечали, – признавались мужики.

Но это – так, это Николай Григорьевич подпускал для пущей важности. Больше говорили про цены на постройки, на продукты, есть ли река в деревне или, может, озеро, далеко или близко лес... Потом переходили на людей – какие люди хорошие в деревне: приветливые, спокойные, не воруют, не кляузничают. И тут – незаметно для себя – начинали слегка врать друг другу. Это как-то само собой случалось, никто не преследовал никакой посторонней цели: один кто-нибудь начинал про своих людей, и уж тут другие не могли тоже умолчать, тоже рассказывали, но так, чтобы получалось, что у них – лучше.

– А у нас... обрати внимание: у нас, если баба пошла по воду, она никогда дом не

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru запирает – зачем? Приткнет дверь палочкой, и все: сроду никто не зайдет. Уж на что цыганы – у нас их полно – и то не зайдут: мы их так приучили.

– Да кого!.. Вы вот возьмите: у нас один вор есть...

– Вор?!

– Вор! Мы все про него знаем, что он вор, он уже раз пять сидел за это дело. А у нас одна заслуженная учительница живет, орден имеет... И этот вор натурально пришел к ней и говорит: «Пусти пожить недели две». А он у нее учился когда-то... в первом классе, что ли. Он вообще-то детдомовский, а она, видно, работала там. Да. «Пусти, – говорит, – пару недель пожить, пока не определюсь куда-нибудь».

– Пустила?

– Пустила! Ну, думаем, и обчистит же он ее!.. Жалели даже старушку.

– Дело в том, что у них такой закон есть: где живешь, там не воруй.

– Да, да.

– Не обчистил?

– Не! Ни-ни, ни волоска не взял. Сдержался.

– Нет, это уж такой закон. Вот если бы взял... если бы он ее все же обокрал, ему бы там свои за это дело...

– Ничего не взял!

– Это странно все же... Плевали они на эти законы! Закон. У меня прошлый год стожок сена увезли, змеи ползучие...

– Ну-у, это такие, что ли! Это уж... наш брат кто-нибудь, свои. На кой ему черт сено, урке?

Смеялись. Вспоминали еще случаи... Курили и курили без конца – накурено бывало так, что глаза слезились. А время, слава богу, шло: глядишь, и подойдет час ехать. Ждать на вокзале – это не самое милое из того, что нам приходится делать.

– А я как-то еду из района, – встревал в минуту затишья какой-нибудь расторопный, – гляжу, стоит бабка... ну, лет так восемьдесят – восемьдесят пять. Поднял руку, я остановился. «До Красного, сынок». До Красного шестьдесят пять километров. «Платить-то, – говорю, – есть чем?» – «Есть, милай, есть». Ну, везу... – И рассказчик заранее поблескивает глазом. – Доехали до Красного.

«Все, – говорю, – бабка, приехали. Плати». Она мне достает откуда-то из сумки... пять штук яиц!

Смех. Рассказчик доволен.

– «А раньше, – говорит, – брали. Мы, – говорит, – всегда яйцами расплачивались».
– «Ладно, – говорю, – иди, бабка».

Рассказчик непременно еще повторял не один раз, как он ей сказал, старухе: «Иди, – говорю, – бабка, иди. Иди, чего с тебя взять». Это надо понимать, что – вот и он тоже добрый человек. Вообще добрых, простодушных, бесхитростных, бескорыстных, как выяснялось на этих беседах, по деревням и селам – навалом, прохода нет от бесхитростных и бескорыстных. Да все такие, чего там! А если встречаются иногда склочные, злые, жадные, то это так – придурки.

Николай Григорьевич уже не записывал адреса, а слушал, поворачивался в разные стороны, смеялся тоже... И оттого, что он так охотно и радостно слушал, рассказывали – с радостью тоже – новые истории, где раскрывалось удивительное человеческое бескорыстие. Правда, нечаянно проскакивали случаи, где высывалась вдруг морда какого-нибудь завистника или обманщика, но это – пропускали, это не суть дела, это чепуха. Все молча соглашались, что это – чепуха, а миром движет разум и добро.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Я седня гляжу: пиво продают. Отстоял в очереди – она мне наливает... А наливает – вот так вот не долила. Сунула под кран – и дальше. Я отошел и думаю: «У нас бы ей за такие дела спасибо не сказали».

Тут же соглашались, что – да, конечно... Люди торопятся, людей много, она этим пользуется, бесстыдница. Но, если так-то подумать – ну сколько уж она там не долила! Конечно, ей копейка так и набегаёт, но ведь, правда, и не умер же ты, что не допил там глоток-другой. А у ней тоже небось – семья...

Но вот уж чего не понимали деревенские в городе – это хамства. Это уж черт знает что, этому и объяснения-то как-то нету. Кричат друг на друга, злятся. Продавщицу не спроси ни о чем, в конторах тоже, если чего не понял, лучше не переспрашивай: так глянут, так тебе ответят, что дай бог ноги. Тут, как наезжали на эту тему, мужики дружно галдели – не понимали, изумлялись... И Николай Григорьевич тоже со всеми вместе не понимал и изумлялся. Прижимал кого-нибудь к стене туалета и громко втолковывал и объяснял:

– Ведь почему и уехать-то хочу!.. Вот потому и хочу-то – терпенья больше нет никакого. Ты думаешь, я плохо живу?! Я живу, дай бог каждому! У меня двухкомнатная секция, мы только двое со старухой... Но – немоготу больше! Душу всю выворачивает такая жизнь!.. – Николай Григорьевич в эту минуту, когда кричал в лицо мужику, страдал вполне искренне, бил себя кулаком в грудь, только что не плакал... Но – и это поразительно – он вполне искренне забывал, что сам много кричит на складе, сам тоже ругается всюю на шоферов, на грузчиков, к самому тоже не подступись с вопросом каким. Это все как-то вдруг забывалось, а жила в душе обида, что хамят много, ругаются, кричат и оскорбляют. И отчетливо ясно было, что это не жизнь, пропади она пропадом, такая жизнь и двухкомнатная секция, лучше купить избу в деревне и дожить спокойно свои дни, дожить их достойно, по-человечески. Не хочется же оскотинить здесь со всеми вместе, нельзя просто, мы ж люди! И дорого это было Николаю Григорьевичу, вот эти слова про достоинство человеческого и про покой, и больно, и сладко было кричать их... Иногда даже замолкали вокруг, а он один – в дыму этом, в запахах – говорил и кричал. Ему искренне сочувствовали, хотели помочь.

Так, выговорившись, с адресами в кармане Николай Григорьевич шел домой. Шел с вокзала всегда пешком – это четыре остановки. Отходил после большого волнения. Тихонько еще ныла душа, чувствовалась усталость. К концу пути Николай Григорьевич всегда сильно хотел есть.

Никуда он не собирался ехать, ни в какую деревню, ничего подобного в голове не держал, но не ходить на вокзал он уже не мог теперь – это стало потребностью. Пристыди его кто-нибудь, ну, старший сын, например, запрети ходить туда, запрети записывать эти адреса, говорить с мужиками... Да нет, как запретишь? Он бы крадучись стал ходить. Он теперь не мог без этого.

Штрихи к портрету

(Некоторые конкретные мысли И.И. Князева, человека и гражданина)

1. «О государстве»

В райгородок Н. приехали эти, которые по вертикальной стене на мотоциклах ездят. На бывшей базарной площади соорудили большой балаган из щитов и брезента, и пошла там трескотня с паузами; над площадью целыми днями висела синяя дымка и остро пахло бензином. Трескотня начиналась в 11 часов и заканчивалась в 19. По стене гоняли супруги Кайгородовы – так гласила афиша.

Кайгородовы остановились в здешней гостинице.

Как-то вечером к ним в дверь постучали.

Кайгородов, лежа на кровати, читал газету, жена его, рослая, круглолицая спортсменка, гладила платье.

– Да, – сказал Кайгородов. Отложил газету, сел, подобрал дальше под кровать босые ноги. – Войдите!

Вошел невысокий человек лет сорока пяти, голубоглазый, в галстук, усмешливый, чуть нахальный.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Здравствуйте! – сказал человек весело. – Разрешите познакомиться: Князев. Николай Николаич. Вас я знаю: наблюдал вашу работу.

Кайгородов, крепкий красивый мужик, пожал руку гостя. Тот слегка тоже пожал руку хозяина и поклонился Кайгородовой.

– Садитесь, – пригласил Кайгородов.

– Спасибо. – Князев сел и оглядел жилище спортсменов. – А номерок-то... не очень. А?

Кайгородов пожал плечами:

– Ничего. Временно же...

– Я, собственно, вот чего: хотел пригласить вас к себе домой, – сказал Князев. И вопросительно посмотрел сперва на Кайгородову, потом на Кайгородова.

– Зачем? – спросил прямодушный Кайгородов.

– Да так – в гости. Попьем чайку... – Князев смотрел на хозяев весело и бесцеремонно. – Я здесь близко живу. Иконами интересуетесь?

– Иконами?.. Нет. А что?

– У моей тетки есть редкие иконы. Она, конечно, трясется над ними, но когда приезжают знающие люди – показывает. Кроме того, если ей поднести стаканчик водки – тоже покажет.

– Нет, не интересуемся.

– Ну, просто так пойдете.

– Да зачем? – все не понимал хозяин.

– В гости, боже мой! – воскликнул Князев. – Что тут такого?

Жена Кайгородова посмотрела на мужа... Тот тоже глянул на нее. Они ничего не понимали.

– Ну? – продолжал Князев. – Чего переглядываться-то? Я же не приглашаю вас на троих сообразить.

– Слушайте, – перебил Кайгородов, человек прямой и несдержанный, – я не понимаю, чего вам надо?

– Тю-тю-тю, – с улыбкой, мирно сказал Князев. – Сразу – обида. Зачем же обижаться-то? Я просто приглашаю вас в гости. Что тут обидного?

– Да я не обижаюсь... – Спортсмен несколько смутился. – Но с другой стороны... я не пойму...

– А я объясняю: пойдете ко мне в гости, – опять мирно, терпеливо пояснил Князев. – И будет как раз с той стороны, с какой...

– Не пойду, – отчетливо, тоже изо всех сил спокойно сказал Кайгородов. Он опять обозлился. Обозлило вконец это нахальное спокойствие гостя, его какая-то противная веселость. – Вам ясно? Не пойду. Не хочу пить чай.

Князев от души засмеялся:

– Да почему?!

Кайгородов почувствовал себя в дураках. Ноздри его крупного красивого носа запрыгали.

– Гриша, – сказала жена предостерегающе.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Кайгородов встал... Пристально глядя на гостя, нашел под кроватью – ногой – тапочки, надел их и пошел к выходу.

– Пойдемте, – велел он Князеву тихо, но решительно.

– Гриша! – опять сказала жена.

– Все в порядке, – обернулся с порога Кайгородов. – Чего? – И требовательно посмотрел на сидящего Князева. И еще раз сказал: – Пойдемте.

– Куда? – спросил Князев.

– В коридор. Там объясните мне: чего вам надо.

– Да я здесь объясню, зачем в коридор-то? – Похоже, гость струсил, потому что оставил веселость. И говорил теперь, обращаясь больше к хозяйке: – Вы не подумайте, ради бога, что я чего-нибудь тут... преследую, просто захотелось поговорить с приезжими людьми. К нам ведь не часто жалуют. Почему вы обиделись-то? – И Князев просто, кротко посмотрел на хозяина. – Я вовсе не хотел вас обидеть. Извините, если уж вам так не по нутру мое приглашение... – Князев встал со стула. – Как умел, так и пригласил.

Кайгородову опять неловко стало за свою несдержанность. Он вернулся от двери, сел на кровать. Хмурился и не глядел на гостя.

– Гриша, – заговорила жена, – ты ведь свободен... Я-то не могу, – сказала она гостю, – мы завтра уезжаем, надо подготовиться...

– Я знаю, что вы завтра уезжаете, поэтому и пришел, – сказал Князев. – Вы уж извините, что так нескладно вышло... Хотел, как лучше. Вас, наверно, покорило, что я хихикать стал? – повернулся он к Кайгородову. – Это я от смущения. Все же вы люди... заметные.

– Да ну, чего тут!.. – сказал Кайгородов. И посмотрел на жену. – Можно сходить, вообще-то...

– Сходи. А я буду собираться пока.

– Пойдемте! – подхватил Князев. – Посмотрите, как живут провинциалы... Все равно ведь так лежите.

Кайгородов, совсем уже было собравшийся с духом, опять заколебался. Вопросительно посмотрел на Князева. Князев поглядел на него опять весело и с каким-то необъяснимым нахальством. Это изумляло Кайгородова.

– Пойдемте, – решительно сказал он. И встал.

– Ну вот, – с облегчением, как бы сам себе молвил Князев. – А то – в коридор...

Кайгородову теперь уже даже хотелось поскорей выйти отсюда с Князевым – понять, наконец, что это за человек и чего он хочет. Что тут что-то неспроста, он не сомневался, но ему стало любопытно, и он был достаточно сильный и смелый человек, чтобы надеяться на себя. Зато теперь жена явно обеспокоилась.

– А может быть, лучше... – начала было она, но муж не дал ей договорить:

– Я скоро, Галя.

– Мы быстро, – сказал и Князев.

Всякое смущение у Кайгородова прошло. Он скоренько оделся, и они вышли с Князевым из номера. На прощание Князев слегка опять поклонился Кайгородовой и сказал:

– Спокойной ночи.

На дворе уже стемнело. На улицах городка совсем почти не было освещения, только возле гостиницы, у подъезда, лежал на земле светлый круг, а дальше было темно и

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru тревожно.

– Вон там вон мой дом, – сказал Князев. – Метров триста.

Когда вышли из светлого круга и ступили в темень, Кайгородов остановился прикурить.

– Ну, так в чем дело? – спросил он, когда прикурил.

Он не видел лица Князева, но чувствовал его веселый, нахальный взгляд, поэтому говорил прямо и жестко.

– Вас как по батюшке-то? – спросил Князев.

– Что надо, я спрашиваю?

Они стояли друг против друга.

– Господи! – насмешливо сказал Князев. – Да вы что, испугались, что ли?

– Что надо?! – в третий раз спросил Кайгородов строго. – Я, знаешь, всяких этих штук не люблю...

– Тьфу! – горько и по правде изумился Князев. – Да вы что?! Ну, спортсмены... На чай приглашаю, в гости! Вот мой дом – рукой подать. У меня жена дома, дети, двое... Тетка в боковой комнате. Ну, дают спортсмены. Вы что?

– А что это за манера такая... странная? – сказал Кайгородов. – Хаханьки какие-то...

– Манера-то? – Князев хмыкнул. – Заметил!.. – И он двинулся в темноту. Кайгородов пошел следом. – Манера, которая вырабатывается от постоянного общения с человеческой глупостью и тупостью. Вот побьешься-побьешься об нее лбом – и начнешь хихикать. – Князев говорил серьезно, негромко, с грустью. – Сперва, знаете, кричать хочется, ругаться, а потом уж – смешно.

Кайгородов не знал, что говорить. Да и говорить сейчас было бы крайне неудобно: он продвигался наугад, несколько раз наткнулся на Князева. Тот протягивал назад руку и говорил:

– Осторожно.

– Темно, как...

– Про Спинозу что-нибудь слышали? – спросил Князев.

– Слышал... Мыслитель такой был?

– Мыслитель, совершенно верно. Философ. Приехал он однажды в один городок, остановился у каких-то людей... Целыми днями сидит, что-то пишет. А ведь простые люди, они как? – сразу на смех: глядите, мол, ничего человек не делает, только пишет. Что остается делать Спинозе?

– Вы спрашиваете, что ли?

– Спрашиваю. Что делать мыслителю?

– Что делать?.. Что он и делал – писать.

Князев помолчал... Потом сказал грустно:

– Это – легко сказать... спустя триста лет. А он был живой человек, его всякие эти... штуки, как вы говорите, тоже из себя выводили. Вот и мой дом, – сказал Князев. – Я хочу только предупредить... – Князев остановился перед воротцами. – Жена у меня... как бы это поточнее – не сильно приветливая. Вы все поймете. Главное, не обращайтесь внимания, если она будет чего-нибудь... недовольство проявлять, например.

Кайгородов очень жалел, что пошел черт знает куда и с кем.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Может, не ходить, если она недовольство проявляет?

Князев – слышно было – тихо заругался матом.

– А что делал Спиноза? Вы же сами сказали! Смелей, спортсмен! Пусть нас осудят потом – если исторически окажутся умней нас. – Князев – чувствовалось – намеренно вызывал в себе некую непреклонность, которую он ослабил на время общения с незнакомыми людьми. – Не бойтесь.

– Да ничего я не боюсь! – раздраженно сказал Кайгородов. – Но поперся с вами зря, это уж точно.

– Как сказать, как сказать, – молвил Князев, открывая сеничную дверь. – Тут осторожней – головой можно удариться.

В большой светлой комнате, куда вошли, бросалось в глаза много телевизоров. Они стояли везде: на столе, на стульях... Потом Кайгородов увидел сухощавую женщину в кути у печки, она чистила картошку. Кайгородова поразили ее глаза: враждебно-вопросительные, умные, но сердитые.

– Здравствуйте, – сказал Кайгородов, наткнувшись на сердитый взгляд женщины.

– Это товарищ из госцирка, – пояснил Князев. – Приготовь нам чайку. А мы пока побеседуем... Проходите сюда, товарищ Кайгородов.

Они прошли в горницу – тоже большая комната, очень много книг, большой письменный стол и тоже полно телевизоров.

– Почему столько телевизоров-то? – спросил Кайгородов.

– Ремонтирую, – сказал Князев, сразу подсаживаясь к столу и извлекая из ящика какие-то бумаги. – Спиноза стекла шлифовал, а я вот... паяю, тем самым зарабатываю на хлеб насущный. А мастерская у нас маленькая, поэтому приходится домой брать. – Он достал бумаги – несколько общих тетрадей, – посмотрел на них. Он не улыбался, он был озабочен, как-то привычно озабочен, покорно. – Садитесь, пожалуйста. Чаю, возможно, не будет... Может, и будет, если совесть проснется. Но дело не в этом. Садитесь, я не люблю, когда стоят. – Князев говорил так, как если бы говорил и делал это же самое много раз уже – торопился, не интересовался, как воспримут его слова. Весь он был поглощен тетрадями, которые держал в руках. – Здесь, – продолжал он и качнул тетради, – труд многих лет. Я вас очень прошу... – Князев посмотрел на Кайгородова, и глаза его... в глазах его стояла серьезная мольба и тревога. – Это размышления о государстве.

– О государстве? – невольно переспросил Кайгородов.

Князев пропустил мимо ушей его удивление.

– Мне нужно полтора часа вашего времени... – Тут Князев уловил чутким слухом нечто такое, что встревожило и рассердило его. Он вскочил с места и скорым шагом, почти бегом, устремился к двери. Открыл ее одной рукой и сказал громко: – Я прошу! Я очень пр-рошу!.. Не надо нам твоего чая, только не грохай, пожалуйста, и не психуй!

Из той комнаты ему что-то негромко ответили, на что Князев еще раз четко, отдельно, с некоторым отчаянием, но и зло сказал:

– Я очень тебя прошу! О-чень! – И захлопнул дверь. Вернулся к столу, взял опять тетради в обе руки и, недовольный, сказал: – Психуем.

Кайгородов во все глаза смотрел на необычного человека.

Князев положил тетради на стол, а одну взял, раскрыл на коленях... Погладил рукой исписанные страницы. Рука его чуть дрожала.

– Государство, – начал он, но еще не читать начал, а так пока говорил, готовясь читать, – очень сложный организм, чтобы извлечь из него пользу, надо... он требует осмысления в целом. Не в такой, конечно, обстановке... – Он показал глазами на

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru дверь. – Но... тут уж ничего не сделаешь. Тут моя ошибка: не надо было жениться. Пожалел дуру... А себя не пожалел. Но это все – так, прелюдия. Вот тут и есть, собственно, осмысление государства. – Князев погладил опять страницы, кашлянул и стал читать: – «Глава первая: схема построения целесообразного государства. Государство – это многоэтажное здание, все этажи которого прозваниваются и сообщаются лестницей. Причем этажи постепенно сужаются, пока не останется наверху одна комната, где и помещается пульт управления. Смысл такого государства состоит в следующем...» Мобилизуйте вашу фантазию, и пойдём нанизывать явления, которые нельзя пощупать руками. – Князев поднял глаза от тетради, посмотрел на Кайгородова, счел нужным добавить еще: – Русский человек любит все потрогать руками – тогда он поймет, что к чему. Мыслить категориями он еще не привык. Вам смысл ясен, о чем я читаю?

Кайгородов засмотрелся в глаза Князева, не сразу ответил.

– Вам ясно?

– Ясно, – сказал Кайгородов.

«Представим себе, – продолжал читать Князев, – это огромное здание – в разрезе. А население этажей – в виде фигур, поддерживающих этажи. Таким образом, все здание держится на фигурах. Для нарушения общей картины представим себе, что некоторые фигуры на каком-то этаже – «х» – уклонились от своих обязанностей, перестали поддерживать перекрытие: перекрытие прогнулось. Или же остальные фигуры, которые честно держат свой этаж, получают дополнительную нагрузку; закон справедливости нарушен. Нарушен также закон равновесия – на пульт управления летит сигнал тревоги. С пульта управления запрос: где провисло? Немедленно прозваниваются все этажи... Люди доброй воли плюс современная техника – установлено: провисло на этаже «у». С пульта управления...»

– Вы это серьезно все? – спросил Кайгородов.

– То есть? – не понял Князев.

– Вы серьезно этим занимаетесь?

Князев захлопнул тетрадь, положил ее на стопку других... Чуть подумал и спрятал все тетради в ящик стола. Встал и бесцветным, тусклым голосом сказал:

– До свиданья.

Кайгородову стало вдруг жалко Князева, он почувствовал всю его беззащитность, беспомощность в этом железном мире.

– Слушай, – сказал он добро и участливо, – ну что ты дурака-то валяешь? Неужели тебе никто не говорил...

– Я понимаю, понимаю, – негромко перебил его Князев, – двигатель мотоцикла – это конкретно, предметно... Я понимаю. Центробежную силу тоже, в конце концов, можно... представить. Так ведь? Здесь – другое. – Князев, не оборачиваясь, тронул ящик стола. Смотрел на Кайгородова грустно и насмешливо. – До свиданья.

Кайгородов качнул головой, встал.

– Ну и ну, – сказал он. И пошел к выходу.

– Там не ударьтесь в сенях, – напомнил Князев.

И голос его был такой обиженный, такая в нем чувствовалась боль и грусть, что Кайгородов невольно остановился.

– Пойдем ко мне? – предложил он. – У нас там буфет до двенадцати работает... Выпьем по маленькой.

Князев удивился, но грусть его не покинула, и из нее-то, из грусти, он еще хотел улыбнуться.

– Спасибо.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А что? Пойдем! Что одному-то сидеть? Развеемся маленько. – Кайгородов сам не знал, что способен на такую жалость, он прямо растрогался. Шагнул к князеву... – Брось ты обижаться – пойдем! А?

Князев внимательно посмотрел на него. Видно, он не часто встречал такое к себе участие. У него даже недоверие мелькнуло в глазах. И Кайгородов уловил это недоверие.

– Как тебя зовут-то? Ты не сказал...

– Николай Николаевич.

– Николай... Меня – Григорий. Микола, пойдем ко мне. Брось ты свое государство! Там без нас разберутся...

– Вот так мы и рассуждаем все. Но вы же даже не дослушали, в чем там дело у меня. Как же так можно? – У князева родилась слабая надежда, что его хоть раз в жизни дослушают до конца, поймут. – Вы дослушайте... хотя бы главы две. А?

Кайгородов помолчал, глядя на князева... Почувствовал, что жалость его к этому человеку стала слабеть.

– Да нет, чего же?.. Зря ты все это, честное слово. Послушай доброго совета: не смей людей. У тебя образование-то какое?

– Какое есть, все мое.

– Ну, до свиданья.

– До свиданья.

«Подосвиданькались» довольно жестко. Кайгородов ушел. А князев сел к столу и задумался, глядя в стену. Долго сидел так, барабанил пальцами по столу... Развернулся на стуле к столу, достал из ящика тетради, раскрыл одну, недописанную, склонился и стал писать.

В дверь заглянула жена. Увидела, что муж опять пишет, сказала с тихой застарелой злостью:

– Ужинать.

– Я работаю, – тоже со злостью, привычной, постоянной, негромко ответил Николай Николаевич, не отрываясь от писания. – Закрой дверь.

2. «О смысле жизни»

Летом, в июле, князев получил отпуск и поехал с семьей отдыхать в деревню. В деревне жили его теща и тесть, молчаливые жадные люди; князев не любил их, но больше деваться некуда, поэтому он ездил к ним. Но всякий раз предупреждал жену, что в деревне он тоже будет работать – будет писать. Жене его, Алевтине, очень хотелось летом в деревню, она не ругалась и не ехидничала.

– Пиши... Хоть запишись вообще.

– Вот так. Чтобы потом не было: «Опять за свое!» Чтобы этого не было.

– Пиши, пиши, – говорила Алевтина грустно. Она больно переживала эту неистребимую, несгораемую страсть мужа – писать, писать и писать, чтобы навести порядок в государстве, ненавидела его за это, стыдилась, умоляла – брось! Ничего не помогало. Николай Николаевич сох над тетрадями, всюду с ними совался, ему говорили, что это глупость, бред, пытались отговорить... Много раз хотели отговорить, но все без толку.

У князева в деревне были знакомые люди, и он, как приехали, пошел их навестить. И в первом же семействе встретил человека, какого и хотела постоянно встретить его неумная душа. Приехал в то семейство – тоже отдохнуть – некто Сильченко, тоже зять, тоже горожанин и тоже несколько ушибленный общими вопросами. И они сразу сцепились.

Это произошло так.

Князев в хорошем, мирном расположении духа прошелся по деревне, понаблюдал, как возвращаются с работы домой «колхозники-совхозники» (он так называл сельских людей), поздоровался с двумя-тремя.. Все спешили, поэтому никто с ним не остановился, только один попросил прийти глянуть телевизор.

– Включишь – снег какой-то идет..

– Ладно, потом как-нибудь, – пообещал Князев.

И вот пришел он в то семейство, где был Сильченко. Он там знал старика, с которым они говорили. То есть говорил обычно Князев, а старик слушал, он умел слушать, даже любил слушать. Слушал, кивал головой, иногда только удивлялся.

– Ишь ты!.. – негромко говорил он. – Это сурьезно.

Старик как раз был в ограде, и тот самый Сильченко тоже был в ограде, налаживали удочки.

– А-а! – весело сказал старик. – Поудить нету желания? А то мы вот налаживаемся с Юрьем Викторовичем.

– Не люблю, – сказал Князев. – Но посижу с вами на берегу.

– Рыбалку не любите? – спросил Сильченко, худощавый мужчина таких же примерно лет, что и Князев, – около сорока. – Чего так?

– Трата времени.

Сильченко посмотрел на Князева, отметил его нездешний облик – галстук, запонки с желтыми кружочками.. Сказал снисходительно:

– Отдых есть отдых, не все ли равно, как тратить время.

– Существует активный отдых, – отбил Князев эту нелепую попытку учить его, – и пассивный. Активный предполагает вместе с отдыхом какое-нибудь целесообразное мероприятие.

– От этих мероприятий и так голова кругом идет, – посмеялся Сильченко.

– Я говорю не об «этих мероприятиях», а о целесообразных, – подчеркнул Князев. И посмотрел на Сильченко твердо и спокойно. – Улавливаете разницу?

Сильченко тоже не понравилось, что с ним поучительно разговаривают.. Он тоже был человек с мыслями.

– Нет, не улавливаю, объяснитесь, сделайте милость.

– Вы кто по профессии?

– Какое это имеет значение?

– Ну все же..

– Художник-гример.

Тут Князев вовсе осмелел; синие глаза его загорелись веселым насмешливым огнем; он стал нахально-снисходителен.

– Вы в курсе дела, как насыпаются могильные курганы? – спросил он. Чувствовалось удовольствие, с каким он подступает к изложению своих мыслей.

Сильченко никак не ждал этих курганов, он недоумевал.

– При чем здесь курганы?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Вы видели когда-нибудь, как их насыпают?

– А вы видели?

– Ну, в кино-то видели же!

– Ну... допустим.

– Представление имеете. Я хочу, чтобы вы вызвали умственным взглядом эту картину: как насыпают курган. Идут люди, один за одним, каждый берет горсть земли и бросает. Сперва засыпается яма, потом начинает расти холм... Представили?

– Допустим.

Князев все больше воодушевлялся – это были дорогие минуты в его жизни: есть перед глазами слушатель, который хоть ерепенится, но внимает.

– Обратите тогда внимание вот на что: на несоответствие величины холма и горстки земли. Что же случилось? Ведь вот – горсть земли, – князев показал ладонь, сложенную горстью, – а с другой стороны – холм. Что же случилось? Чудо? Никаких чудес: накопление количества. Так создавались государства – от Урарту до современных супер-ов. Понятно? Что может сделать слабая человеческая рука?.. – князев огляделся, ему на глаза попала удочка, он взял ее из рук старика и показал обоим. – Удочка. Вот тоже произведение рук человеческих – удочка. Верно? – Он вернул удочку старику. – Это – когда один человек. Но когда они непрерывно идут друг за другом и бросают по горстке земли – образуется холм. Удочка – и холм. – князев победно смотрел на Сильченко и на старика тоже, но больше на Сильченко. – Улавливаете?

– Не улавливаю, – сказал Сильченко вызывающе. Его эта победность князева раздражала. – При чем здесь одно и при чем другое? Мы заговорили, как провести свободное время... Я высказал мысль, что чем бы ты ни занимался, но если тебе это нравится, значит, ты отдохнул хорошо.

– Бред, галиматья, – сурово и весело сказал князев. – Рассуждение на уровне каменного века. Как только вы начинаете так рассуждать, вы тем самым автоматически выходите из той непрерывной цепи человечества, которая идет и накапливает количество. Я же вам дал очень наглядный пример: как насыпается холм! – князев хоть был возбужден, но был и терпелив. – Вот представьте себе: все прошли и бросили по горстке земли... А вы – не бросили! Тогда я вас спрашиваю: в чем смысл вашей жизни?

– Чепуха какая-то. Вот уж действительно галиматья-то. Какой холм? Я вам говорю: вот я приехал отдохнуть... На природу. Мне нравится рыбачить... вот я и буду рыбачить. В чем дело?

– И я тоже приехал отдохнуть.

– Ну?..

– Что?

– Ну и что, холм, что ли, будете насыпать здесь?

Князев посмеялся снисходительно, но уже и не очень терпеливо, зло.

– То нам непонятно, когда мыслят категориями, то не устраивает... Такой уж наглядный пример! – Самому князеву этот пример с холмом, как видно, очень нравился, он наскочил на него случайно и радовался ему, его простоте и разительной наглядности. – В чем смысл нашей жизни вообще? – спросил он прямо.

– Это – кому как, – уклонился Сильченко.

– Нет, нет, вы ответьте: в чем всеобщий смысл жизни? – князев дождался ответа, но нетерпение уже целиком овладело им. – Во всеобщей же государственности. Процветает государство – процветаем и мы. Так? Так или не так?

Сильченко пожал плечами... Но согласился – пока, в ожидании, куда затем стрельнет

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
мысль Князева.

– Ну, так...

– Так. Образно говоря опять же, мы все несем на своих плечах известный груз... Вот представьте себе, – еще больше заволновался Князев от нового наглядного примера, – мы втроем – я, вы, дедушка – несем бревно. Несем – нам его нужно пронести сто метров. Мы пронесли пятьдесят метров, вдруг вы бросаете нести и отходите в сторону. И говорите: «У меня отпуск, я отдыхаю».

– Так что же, отпусков не нужно, что ли? – заволновался Сильченко. – Это же тоже бред сивой кобылы.

– В данном конкретном случае отпуск возможен, когда мы это бревешко пронесем положенных сто метров и сбросим – тогда отдыхайте.

– Не понимаю, чего вы хотите сказать, – сердито заговорил Сильченко. – То холм, то бревно какое-то... Вы приехали отдыхать?

– Приехал отдыхать.

– Что же, значит, бросил бревно по дороге? Или как... по-вашему-то?

Князев некоторое время смотрел на Сильченко проникновенно и строго.

– Вы что, нарочно, что ли, не понимаете?

– Да я серьезно не понимаю! Глупость какая-то, бред!.. Бестолочь какая-то! – Сильченко чего-то нервничал и потому говорил много лишнего. – Ну полная же бестолочь!.. Ну, честное слово, ничего же понять нельзя. Ты понимаешь что-нибудь, дед?

Старик с интересом слушал эту умную перепалку. С вопросом его застали врасплох.

– А? – встрепенулся он.

– Ты понимаешь хоть что-нибудь, что этот... товарищ молотит здесь?

– Я слушаю, – сказал дед неопределенно.

– А я ничего не понимаю. Ничего не понимаю!

– Да вы спокойней, спокойней, – снисходительно и недобро посоветовал Князев. – Успокойтесь. Зачем же нервничать-то?

– А зачем тут чепуху-то пороть?!

– Да ведь вы даже не вошли в суть дела, а уже – чепуха. Да почему же... Когда же мы научимся рассуждать-то логически!

– Да вы сами-то...

– Раз не понял – значит, чепуха, бред. Ве-ли-ко-леп-ная логика! Сколько же мы так отмахиваться-то будем!

– Хорошо, – взял себя в руки Сильченко. И даже присел на дедов верстак. – Ну-ка, ясно, просто, точно – что вы хотите сказать? Нормальным русским языком. Так?

– Вы где живете? – спросил Князев.

– В Томске.

– Нет, шире... В целом. – Князев широко показал руками.

– Не понимаю. Ну, не понимаю! – стал опять нервничать Сильченко. – В каком «в целом»? В чем это? Где?

– В государстве живете, – продолжал Князев. – В чем лежат ваши главные интересы?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
С чем они совпадают?

– Не знаю.

– С государственными интересами. Ваши интересы совпадают с государственными интересами. Сейчас я понятно говорю?

– Ну, ну, ну?

– В чем же тогда ваш смысл жизни?

– Ну, ну, ну?

– Да не «ну», а уже нужна черта: в чем смысл жизни каждого гражданина?

– Ну, в чем?.. Чтобы работать, быть честным, – стал перечислять Сильченко, – защищать Родину, когда потребуется...

Князев согласно кивал головой. Но ждал чего-то еще, а чего, Сильченко никак не мог опять уловить.

– Это все правильно, – сказал Князев. – Но это все – ответвления. В чем главный смысл? Где главный, так сказать, ствол?

– В чем?

– Я вас спрашиваю.

– А я не знаю. Ну, не знаю, что хошь делай! Ты просто дурак! Долбо... – И Сильченко матерно выругался. И вскочил с верстака. – Чего тебе от меня надо?! – закричал он. – Чего?! Ты можешь прямо сказать? Или я тебя попру отсюда поленом!.. Дурак ты! Дубина!..

Князеву уже приходилось попадать на таких вот нервных. Он не испугался самого этого психопата, но испугался, что сейчас сбегутся люди, будут таращить глаза, будут... Тьфу!

– Тихо, тихо, тихо, – сказал он, отступая назад. И грустно, и безнадежно смотрел на неврастеника гримера. – Зачем же так? Зачем кричать-то?

– Чего вам от меня надо?! – все кричал Сильченко. – Чего?

Из дома на крыльцо вышли люди... Князев повернулся и пошел вон из ограды. Сильченко еще что-то кричал вслед ему. Князев не оглядывался, шел скорым шагом, и в глазах его была грусть и боль.

– Хамло, – сказал он негромко. – Ну и хамло же... Разинул пасть. – Помолчал и еще проговорил горько: – Мы не пойдем – нам не треба. Мы лучше орать будем. Вот же хамло!

На другой день, поутру, к Нехорошевым (тесть князева) пришел здешний председатель сельсовета. Старики Нехорошевы и Князев с женой завтракали.

– Приятного аппетита, – сказал председатель. И посмотрел внимательно на князева. – С приездом вас.

– Спасибо, – ответил Князев. У него сжалось сердце от дурного предчувствия. – С нами... не желаете?

– Нет, я позавтракал. – Председатель присел на лавку. И опять посмотрел на князева.

Князев окончательно понял: это по его душу. Вылез из-за стола и пошел на улицу. Через минуту-две за ним вышел и председатель.

– Слушаю, – сказал Князев. И усмехнулся тоскливо.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Что там у вас случилось-то? – спросил председатель. Один раз (в прошлом году, летом тоже) председатель уже разбирает нечто подобное. Тогда на Князева тоже пожаловались, что он – «пропагандирует». – Опять мне чего-то там рассказывают...

– А что рассказывать-то?! – воскликнул Князев. – Боже мой! Что там рассказывать-то! Хотел внушить товарищу... более ясное представление...

– Товарищ Князев, – сухо, казенным голосом заговорил председатель, – мне это неловко делать, но я должен...

– Да что должен-то? Что я?.. Не понимаю, ей-богу, что я сделал? Хотел просто объяснить ему... а он заорал, как дурной. Я не знаю... Он нормальный, этот Сильченко?

– Товарищ Князев...

– Ну, хорошо, хорошо. Хорошо! – Князев нервно сплюнул. – Больше не буду. Черт с ними, как хотят, так и пусть живут. Но, боже ж мой!.. – опять изумился он. – Что я такого ему сказал?! Наводил на мысль, чтобы он отчетливее понимал свои задачи в жизни!.. Что тут такого?

– Человек отдыхать приехал... Зачем его тревожить? Не надо. Не надо, товарищ Князев, прошу вас.

– Хорошо, хорошо. Пусть, как хотят... Ведь он же гример!

– Ну.

– Я хотел его подвести к мысли, чтобы он выступил в клубе, рассказал про свою работу...

– Зачем?

– Да интересно же! Я бы сам с удовольствием послушал. Он же, наверно, артистов гримирует... Про артистов бы рассказал.

– А при чем тут... жизненные задачи?

– Он бы сделал полезное дело! Я с того и начал вчера: идет вереница людей, каждый берет горсть земли и бросает – образуется холм. Холм тире целесообразное государство. Если допустим, что смысл жизни каждого гражданина в том, чтобы, образно говоря...

– Товарищ Князев, – перебил председатель, – мне сейчас некогда: у меня в девять совещание... Я как-нибудь вас с удовольствием послушаю. Но еще раз хочу попросить...

– Хорошо, хорошо, – торопливо, грустно сказал Князев. – Идите на совещание. До свиданья. Я не нуждаюсь в вашем слушанье.

Председатель удивился, но ничего не сказал, пошел на совещание.

Князев глядел вслед ему... И проговорил негромко, как он имел привычку говорить про себя:

– Он с удовольствием послушает! Обрадовал... Иди заседай! Штаны протрете на ваших заседаниях, заседатели. Одолжение он сделает – послушает...

3. «О проблеме свободного времени»

Как-то Николай Николаевич Князев был в областном центре по делам своей телевизионной мастерской. И случился у него там свободный день – с утра и до позднего вечера, до поезда. Князев подумал-подумал – куда бы пойти? И пошел в зоопарк. Ему давно хотелось посмотреть удава.

Удава в зоопарке не было. Князев походил по звериному городку, постоял около льва... Потом услышал звонкие детские голоса и пошел в ту сторону. На большой площадке, огороженной проволочной сеткой, катались на пони. А около сетки толпилось много людей. Катались в основном детишки. Визг, восторги!.. Князев тоже остановился и стал смотреть. Ничего особенного, а смотреть, правда,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru интересно. Перед Князевым стояла какая-то шляпа и тоже выказывала большой интерес к езде на пони.

– Во, во, что делают! – говорил негромко мужчина в шляпе. – Радости-то, радости-то!

Князева подмывало сказать, что это-то и хорошо, и славно: и радость людям, и государству польза: взрослый билет – 20 копеек, детский – 10 копеек. Это как раз пример того, как можно разумно организовать отдых. Кому, скажите, жалко истратить 30 копеек на себя и на ребенка? А радости, действительно, сколько! Князеву даже жалко стало, что с ним нет его ребяташек.

– Да ведь... это – прощаются! – все говорил мужчина в шляпе. Он ни к кому не обращался, себе говорил. – Как, скажи, в кругосветное путешествие уезжают!

– Психологически – это для них кругосветное путешествие, – сказал Князев.

Мужчина в шляпе оглянулся... И Князева обдало сивушным духом. Мужчина молодой и очень приветливый.

– Да? Радости-то сколько!

– Да, да, – неохотно сказал Князев. И отошел от шляпы. Он физически не переносил пьяных, его тошнило.

Он еще немного посмотрел, как бегают запряженные пони, как радуются дети... Потом посмотрел птиц, потом обезьянок... Один дурак-обезьян (мужского пола) начал ни с того ни с сего делать нечто непотребное. Женщины застыдились и не знали, куда смотреть, а мужчины смеялись и смотрели на обезьяна. Князев похихикал тоже, украдкой поглядел на женщин и пошел из зоопарка – надоело.

Возле зоопарка, на углу, было кафе, и Князев зашел перекусить.

Он взял кофе с молоком, булочку и ел, стоя возле высокого мраморного столика. Думал о людях и обезьянах: в том смысле, что – неужели люди произошли от обезьян?

– Тут свободно? – спросили Князева.

Князев поднял голову – стоит с подносом тот самый молодой человек, который давеча так живо интересовался детской ездой на пони.

– Свободно, – сказал Князев. Ничего больше не оставалось – столик, и правда, свободный.

Молодой человек расставил на столике стаканы с кофе, тарелочки с блинчиками, тарелочку с хлебом, тарелочку с холодцом... Отнес поднос, вернулся и стал значительно и приветливо смотреть на Князева.

– Примешь?... – спросил он. – Полстакашка.

Князев энергично закрутил головой:

– Нет, нет.

– Чего? – удивился молодой человек, доставая из внутреннего кармана нового пиджака бутылку, при этом облокотился на столик, набулькал в стакан, заткнул бутылку и опустил ее опять в карман. – Не пьешь?

– Не пью, – недружелюбно ответил Князев.

Молодой человек осадил стакан, шумно выдохнул и принялся закусывать.

– Вот и решена проблема свободного времени, – не без иронии сказал Князев, имея в виду бутылку.

– М-м? – не понял молодой человек.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Все, оказывается, просто?

– Чего просто?

– Ну, с проблемой свободного времени-то.

Молодой человек жевал, но внимательно слушал Князева.

– Какого свободного времени?

– Ну, шумят, спорят... А тут, – Князев показал глазами на оттопыренную полу пиджака, – полная ясность.

Молодой человек был приветлив и на редкость терпелив. Он не понимал, о чем говорит Князев, но нетерпения или раздражения какого-нибудь не выказал. Он с удовольствием ел и смотрел на Князева. Больше того, ему было приятно, что с ним говорят, и он напрягался, чтобы понять, о чем говорят, – хотелось тоже поддержать разговор.

– Кто спорит? – терпеливо и вежливо спросил он. Князев жалел уже, что заговорил.

– Ну, спорят: как проводить свободное время. А вам вот... все совершенно ясно.

Молодой человек и теперь не понял, но согласно кивнул головой. И сказал:

– Да, да.

– Зверей смотрели? – спросил Князев.

– А шел мимо – зайти, что ли, думаю? Пацаном был, помню... А ведь... это – дорого их держать-то? Это ж сколько он сожрет за сутки!

– Кто?

– Слон, хотя бы.

Князев пожал плечами:

– Черт его знает.

– Но, если б не было выгоды, их не держали бы, – тут же и заметил молодой человек. – Выгода, конечно, есть. Верно же?

Князев обиделся за государство: намекнули, что государство только и делает, что преследует голую выгоду.

– Верно... Но вы пропустили познавательный процесс. Не все же идут – от нечего делать: идут – познать что-либо для себя.

– Ну-у уж!.. – неопределенно сказал молодой человек. Прожевал, проглотил и закончил: – Чего тут познавать-то? Слона, что ли? Дерьма-то. – Он огляделся, опять облокотился на стол и занялся бутылкой.

Князева обозлила спокойная уверенность, налаженность, с какой этот молодой дурак проделывал свою подлую операцию: булькал из бутылки в стакан.

– Сейчас пойду и заявлю, – сказал Князев.

Молодой человек так изумился, что даже рот приоткрыл. Он изумился, но и готов был улыбнуться – так это не походило на правду, это заявление Князева.

– Что? – спросил Князев. – Удивительно? А надо бы.

Молодой человек уловил серьезную злость в голосе Князева и поверил, что, наверно, правда: человек готов на него донести. Он сам тоже обозлился... Но не знал пока, как поступить. Он долго и внимательно смотрел на Князева.

– Что? – опять спросил Князев.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ничего, – значительно сказал молодой человек.

Красивое смуглое лицо его уже не было ни приветливым, ни добродушным.

Князев поскорей доел булочку, пошел из кафе. Молодой человек проводил его взглядом до самого выхода.

– Скоты, – вслух сказал Князев, выйдя из кафе. – В зоопарк, видите ли, поперся! Сиди уж у бочки где-нибудь... нагружайся.

Князев хотел перейти улицу, но машинам загорелся зеленый свет; Князев стоял на краю тротуара и тихо негодовал на пьянчуг. Потом машинам дали передохнуть. Князев вместе со всеми перешел улицу и пошел себе не спеша по той стороне улицы – просто так, от нечего делать: до поезда было еще долго. Он постепенно забыл про пьянчуг, наладился было думать про город в целом, как его кто-то тронул сзади за плечо... Князев остановился и оглянулся: стоит перед ним опять этот, в шляпе... Смотрит.

– Что такое?! – резко сказал Князев. Он испугался.

– Хотел спросить... – мирно заговорил молодой человек. – Я давеча не понял: ты правда, что ли?..

– Что «правда»?

– Заложить-то хотел.

Князев несколько помолчал...

– Ничего я не хотел... Но внушить кое-что надо бы! – вдруг осмелел он. И посмотрел прямо в глаза выпивохе. Тот, кстати, не так уж и пьян-то был, только глаза блестели и – разило.

– Ну-ка? – согласился молодой человек.

Князев оглянулся... Стояли они недалеко от скверика, где были скамейки. Он направился туда, молодой человек – за ним.

Сели на скамейку.

– Видите ли, в чем дело, – заговорил Князев серьезно, – я ничего в принципе не имею против того, что люди выпивают. Но существует разумная организация людей, в целом эта организация называется – государство. И вот представьте себе, что все в государстве начнут выпивать...

– Я же не на работе, – возразил молодой человек тоже серьезно. – Я – в свой выходной.

– Во-от! – поймал его Князев на слове. Он все больше увлекался. – Вот об этом и стоит поговорить. Выходной день... Что это такое? Допустим, мы возводим с вами некоторую... Допустим, что мы монтируем какую-то стальную конструкцию...

– Я электрик.

– Прекрасно! Представьте, мы ведем где-то очень сложную сеть. Выходной день – мы напились. Протрезвились, отработали неделю – опять напились...

– Что я, алкаш, что ли?

– Я хочу сказать: нам государство предоставляет выходной день... даже два теперь – для чего?

Молодой человек молчал. Смотрел на Князева.

– Для того, – продолжал Князев, – чтобы мы, во-первых, отдохнули, во-вторых – не отстали в своем развитии. Вот вы: получили выходной день и не знаете, что с ним делать. Шел мимо зоопарка: «Зайти, что ли?» Ну, а если бы мимо... не знаю, мимо

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru аптеки шел: «Зайти, что ли, касторки взять?» Так, что ли?

Молодой человек стиснул зубы и продолжал смотреть на князева. Князев не заметил, что он стиснул зубы. Ему смешно стало от этой «касторки». Он посмеялся и уже добродушнее продолжал:

– Нельзя же... таким деревом-то плыть по реке: куда прибьет, туда и ладно. Человек получает свободное время, чтобы познать что-нибудь полезное для себя. Нужно. И чем выше его умственный уровень, тем он умнее как работник. Ну, что же: так мы и будем веками дуть эту сивуху? – Князев посмотрел на молодого человека, но опять не обратил внимания, как тот изменился. – Хватит уж, хватит, мил-человек, хватит ее дуть-то, пора и честь знать. Государство ускоряет ритм, это давно уже не телега, это уже – лайнер! А мы – за этим лайнером-то – все пешком, пешком... Все наклоняемся да в стакан булькаем. Тьфу! О каком же движении тут можно говорить! Куда же мы на этот лайнер – с красными-то глазами? Блевать там?..

– Сука, – с дрожью в голосе, негромко сказал молодой человек, – карьеру на мне хочешь соорудить. – И он наклонился к князеву, как давеча наклонялся к столику...

Князев сперва не понял, что он хочет сделать. И когда уже получил первый толчок в бок, то и тогда не понял еще, что его бьют. Понял это, когда получил еще пару тычков в бок и в живот, и довольно болезных. Но не пугали его и эти тычки, а испугали близкие, злые, какие-то даже безумные глаза молодого человека.

– Ты!.. – взволновался князев и хотел вскочить. Но этот, в шляпе, держал его за полу, а другой рукой насаживал в бок, насаживал успевал. И как-то у него это получалось не широко, не шумно, со стороны едва ли заметно.

– А-а!.. – закричал князев. Вырвался, вскочил и тяжелым своим портфелем, где лежали некоторые детали телевизора, навернул сверху по шляпе. – Сюда, люди! Ко мне!.. – кричал он. И второй раз навернул по шляпе.

Молодой человек вскочил тоже и откровенно загвоздил князеву в челюсть. Князев полетел с ног. Но когда летел, слышал, что уже к ним бегут.

...Потом в милиции выясняли их личности. Князев все порывался рассказать, как было дело, но дежурный офицер останавливал: он пока записывал.

– Где работаете? – спрашивал он молодого человека.

– В рембытконторе, – отвечал тот и успевал тоже сказать: – Он на меня начал говорить, что я блюю где попало...

– Подождите вы! – строго говорил дежурный. – Кем?

– Я про тебя, что ли, говорил?! – накинулся князев на своего врага.

– Про кого же? Про Пушкина?

– Дурак! Я развивал общую мысль о проблеме...

– Да тихо! – приказал дежурный. – Можете вы помолчать?! Кем работаешь?

– Электриком.

– Дубина, – сказал князев, потирая челюсть. – Тебе не электриком, а золотарем надо... В две смены. Гад подколодный! Руки еще распускает...

– А вы? – перешел к нему дежурный.

...Князева отпустили, но он заплатил штраф пятнадцать рублей. Он не стал возмущаться, потому что этого, в шляпе, при нем прямо повели куда-то по коридору – сажать, как понял князев. Он даже сказал дежурному «до свиданья». И пошел на вокзал.

И тихо прождал на вокзале все долгое время до поезда. Ни с кем не заговаривал, а только сидел на скамейке в зале ожидания и смотрел, и смотрел на людей, как они

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru слоняются туда-сюда по залу. Челюсть болела, Князев время от времени трогал ее и качал головой. И шептал:

– Сволота... Руки, видите ли, начал распускать! Гад какой.

4. Конец мыслям

Ну, может, не конец еще, но какой-то срыв целеустремленной души – тут налицо.

Вот что случилось.

Князев закончил свой труд: мысли о государстве. Он давно понял, что здесь, в райгородке своем, он не найдет никого, кто оценил бы его большую сложную работу. Опять будут недоумевать, говорить, что «вы знаете, товарищ Князев...». О, недоумки! Всю жизнь стоят, упершись лбами в стенку, а полагают, что идут проспектом. Что тут сделаешь?!

Князев собрал тетради (восемь общих тетрадей) и пошел на почту – отсылать в Центр. Получалось что-то вроде посылочки, что ли: Князев не знал, как это делается, склонился к окошечку узнать, что надо сделать – посылочку, что ли?

За окошечком сидела знакомая женщина, подруга его жены. Князев часто видел ее у себя дома, он поэтому вежливо поздоровался и стал объяснять, что – вот, восемь общих тетрадей, их надо послать... Пока он так объяснял, он невольно обратил внимание: женщина смотрит на него, но соображает что-то свое, далекое от тетрадей, – от того, как их послать. И еще он уловил в ее глазах то противное жалостливое участие, вполне искреннее, но какое особенно бесило Князева – опять он на него наткнулся. И именно теперь, когда труд закончен, когда позади бессонные ночи, волнения... Даже и теперь эта курица сидит и смотрит жалостливо. Но и еще стерпел бы Князев, еще раз проглотил бы обиду, не заговори она, эта... Нет, она открыла рот и заговорила!

– Николай Николаевич, дорогой... давайте подождем с посылкой? Конечно, не мое это дело, но тем не менее послушайте доброго совета: подождите. Ведь всегда успеете, а может быть, раздумаете... А?

Князев помнил потом, что было такое ощущение, точно его стали вдруг поднимать куда-то вверх. Но не просто поднимают, а хотят вроде перевернуть вниз головой и подержать за ноги. Все взорвалось в Князеве злым протестом, все вскипело волной гнева. Он закричал неприлично:

– Дура! Дура ты пучеглазая!.. Что ты сидишь квакаешь?! Что? Ты хоть слово «государство» напишешь правильно? Ведь ты же напишешь «гасударство»!

– Не смейте так орать! – тоже закричала женщина. – Сергей Николаич! А, Сергей Николаич!..

– Сергей Николаич! – подхватил и Князев ее зов. – Идите-ка суда – вместе глаза выпучим: тут чявой-то про гасударство! Идите, Сергей Николаич!..

Сергей Николаич и вправду появился из двери в глубине... И стремительно пошел к Князеву.

– Что? Что это тут?!

– Тут чявой-то про гасударство, – мстительным злорадным чувством говорил Князев. – Разберись, Сергей Николаич: может, в твоей тыкке хоть полторы извилины есть...

Все, кто был на почте, с удивлением смотрели на Князева. А Сергей Николаич вышел из-за перегородки и приблизился к Князеву. Вид у Сергея Николаича – в пору вязать кого-нибудь.

– В чем дело?

– В шляпе. – Князев хотел собрать свои тетради, но Сергей Николаич крепко положил на них ладонь.

– Прочь! – крикнул Князев. И хотел отбросить наглую руку. Но не смог отбросить.

– Пр-рочь! – закричал тогда Князев громче прежнего и толкнул Сергея Николаича в

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
грудь. – Пр-рочь, хамло!..

Сергей Николаич сгреб его спереди за руки и сильно сдавил.

– Ну-ка, кто-нибудь помогите! – позвал он. – Он же пьян!

Охотники тут же нашлись. Подбежали, завели Князеву руки за спину и держали. И странно, в этом именно положении Князев заговорил более осмысленно, более подробно.

– Ура!.. – воскликнул он. – Наша взяла! Ну, вяжите. Вяжите... Эх, лягушатинка! Нет, я не пьян, этот номер у вас не пройдет... Я позволил себе записать некоторые мысли – и нечаянно уронил камень в ваше болото. Какое кваканье поднялось, боже мой! Я вас не задел по голове, Сергей Николаич? Вы тут – главная лягушка. Жаба! Все знает – знает, как связать человека. Курица тыдохлая, остолоп!

– Поговори, поговори, – спокойно молвил Сергей Николаич, связывая ремнем руки Князева. – Покричи. Вконец свихнулся?

– Кретины, – говорил Князев. – Полудурки. И ведь нравится – вот ситуация-то, – нравится быть полудурками! Хотя ты лоб тут разбей – нравится им быть полудурками, и все.

Князева подтолкнули вперед... Вывели на улицу и пошли с ним в отделение милиции. Сзади несли его тетради. Прохожие останавливались и глазели. А Князев... Князев вышагнул из круга – орал громко и вольно. И испытывал некое сладостное чувство, что кричит людям всю горькую правду про них. Редкое чувство, сладкое чувство, дорогое чувство.

– Пугачева ведут! – кричал он. – Не видели Пугачева? Вот он – в шляпе, в галстукел... – Князев смеялся. – А сзади несут чявой-то про гасударство. Удивительно, да? Вот же еще: мы всю жизнь лаптем шти хлебаем, а он там чявой-то про гасударство! Какой еще! Ишь чяво захотел!.. Мы-то не пишем же! Да?! Мы те попишем! Мы те подумаем!.. Да здравствуют полудурки!

Хорошо еще, что отделение милиции было рядом, а то бы Князев накричал много всякого.

В отделении он как-то стих, устал, что ли, на вопросы отвечал односложно, нисколько не пугался, а только морщился и хотел скорей уйти домой.

– Ну, шумел, шумел... Я же не пьяный. Я непьющий. Оскорбил я кого-нибудь?

Когда ему стали перечислять, как он оскорбил всех, он опять сморщился и сказал тихо:

– У меня голова болит. Ну, отвезите в больницу, отвезите. Что полудурками-то назвал? А кто же они?

С Князевым не знали, что делать. Посадили пока в камеру и вызвали из больницы врача.

Врач пришел, побыл с Князевым минут десять, вышел и сказал:

– Совершенно нормальный человек. А что?

– Да кинулся оскорблять всех, – стали объяснять врачу. – Всех подряд обзывать начал...

– Ну, это уж... что-то другое. Он в здравом уме, вполне нормальный.

Начальник лично знал Князева. Вызвал его опять в кабинет, закрыл дверь.

– Что случилось-то, Князев?

– Да ну их к черту! – устало сказал Князев. – Взорвался просто... Глупость человеческую не мог больше вынести. Я ей одно, она мне: «Давайте пока не посылать – давайте подумаем». Она подумает!.. Курица.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ну, а оскорблять–то зачем было?

– Да она меня хуже оскорбила! Она же меня за идиота считает! Ведь она же ни строчки тут не прочитала, – тетради лежали у начальника на столе, – а судит! И я знаю, откуда: жена ей наговорила.. Она к жене моей ходит, та ей и.. охарактеризовала всю работу – что глупость, мол, бред, пустая трата.. и прочее.

– А что тут вообще–то?

– Мысли о государстве. Семь лет писал.

Начальник поглядел на стопку тетрадей.. Потом на Князева. И опять это проклятое удивление, изумление..

Князев поморщился.

– Только ничего не надо сейчас.. Не надо.

– Оставь мне, я посмотрю.

– Посмотрите. – Князев встал. – Можно идти, что ли?

– Можно–то можно.. Надо потом извиниться перед почтовскими. Надо, Князев. – Начальник строго глядел на Князева. – Надо, как думаешь?

– Ладно, – сказал Князев. – Извинюсь. – Ему очень хотелось домой. Пустота была в голове оглушительная. Пусто и плохо было. Хотелось покоя. – Я извинюсь.

– Хорошо. Иди. Это я потом отдам. – Начальник положил руку на тетради.

Князев пошел к двери, но на пороге остановился, оглянулся и сказал:

– Там – восемь тетрадей.

Начальник пробежал глазами стопку.

– Так.. И что?

– Чтобы не случилось чего. Там восемь?

– Восемь.

– Чтобы не затерялись где–нибудь.

– Все будут в сохранности.

– Ведь тут.. – Князев отшагнул от двери и показал пальцем на стопку тетрадей, – тут, может быть.. – Но опять сморщился в каком–то бессильном отчаянии, махнул рукой и ушел.

Начальник взял одну тетрадь, раскрыл..

Раскрыл как раз первую тетрадь. Она так и поименована:

«Тетрадь № 1»

Дальше было вступление, которое имело заглавие:

«КОРОТКО ОБ АВТОРЕ».

И следовала краткая «Опись жизни» Н.Н. Князева, сделанная им самим.

«Я родился в бедной крестьянской семье девятым по счету. Само собой, ни о каком образовании не могло быть речи. Воспитания тоже никакого. Нас воспитывал труд, а также улица и природа. И если я все–таки пробил эти пласты жизни над моей головой, то я это сделал сам. Проблески философского сознания наблюдались у меня с самого детства. Бывало, если бригадир наорет на меня, то я, спустя некоторое

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru время, вдруг задумаюсь: «А почему он на меня орет?» Мой разум еще не смог ответить на подобные вопросы, но он упорно толкался в закрытые двери. Когда я научился читать, я много читал, хотя наживал через это массу неприятностей себе. Отец, не одобряя мою страсть, заставлял больше работать. Но я все же урывал время и читал. Я читал все подряд, и чем больше читал, тем больше открывались двери, сильнее меня охватывало беспокойство. Я оглядывался вокруг себя и думал: «Сколько всего наворочено! А порядка нет». Так постепенно я весь проникся мыслями о государстве. Я с грустью и удивлением стал понимать, что мы живем каждый всяк по себе – никому нет дела до интересов государства, а если кто кричит об интересах, тот притворяется. Все равно ему свое дороже, но он хочет выглядеть передовым и, тем самым, побольше урвать. Я видел, как разбазаривают государство: каждый старается на своем месте. «И тем не менее, – думал я, – государство еще все же живет. Чем же оно живет? – продолжал я размышлять. И пришел к такому выводу: – Структурой». Структура государства такова, что даже при нашем минимуме, который мы ему отдаем, оно еще в состоянии всячески себя укреплять. А что было бы, если бы мы, как муравьи, несли максимум государству! Вы только вдумайтесь: никто не ворует, не пьет, не лодырничает – каждый на своем месте кладет свой кирпичик в это грандиозное здание... Когда я вдумался во все это, окинул мысленно наши просторы, у меня захватило дух. «Боже мой, – подумал я, – что же мы делаем! Ведь мы могли бы, например, асфальтировать весь земной шар! Прорыть метро до Владивостока! Построить лестницу до Луны!» Я здесь утрирую, но я это делаю нарочно, чтобы подчеркнуть масштабность своей мысли. Я понял, что одна глобальная мысль о государстве должна подчинять себе все конкретные мысли, касающиеся нашего быта и поведения.

И я, разумеется, стал писать. Я не могу иначе. Иначе у меня лопнет голова от напряжения, если я не дам выход мыслям».

Начальник прочитал вступление и задумался. Потом отложил все тетради в сторону – решил взять их домой и почитать.

Внезапные рассказы

Мечты

Как-то зашел я в гостиничный ресторан – подкрепиться. Сел. Жду.

Подходит официант... Опрятный, курносый, с лицом, которые забываются тут же. Впрочем, у этого в глазах было некое презрение, когда он слушал. Он слушал и чуть кивал головой. И в глазах его, круглых, терпеливых, я обнаружил презрение. Это и остановило мое внимание на его скучном лице... И я без труда узнал человека.

Лет двадцать пять назад мы с ним работали на одной стройке, жили в общежитии в одной комнате. Было нам по шестнадцать лет, мы приехали из деревни, а так как город нас обоих крепко припугнул, придавил, то и стали мы вроде друзья.

Работали... А потом нас тянуло куда-нибудь, где потише. На кладбище. Это странно, что мы туда наладились, но так. Мы там мечтали. Не помню, о чем я тогда мечтал, а выдумывать теперь тогдашние мечты – лень. Тогда бы, в то время, если бы кто спросил, наверно, соврал бы – что-нибудь про летчиков бы, моряков: я был скрытный, к тому же умел врать. А теперь забыл... Всерьез захотел вспомнить – о чем же все-таки мечталось? – и не могу. Забыл. Помню, смотрел тогда фильм «Молодая гвардия», и мне очень понравился Олег Кошевой, и хотелось тоже с кем-нибудь тайно бороться. До того доходило, что иду, бывало, по улице и так с головой влезу в эту «тайную борьбу», что мне правда казалось, что за мной следят, и я оглядывался на перекрестках. И даже делал это мастерски – никто не замечал. Но едва ли я рассказывал про такую мечту. Да и не мечта это была, а игра, что ли, какая-то. Как про это расскажешь.

А он рассказывал. Он мечтал быть официантом.

Я хорошо помню, как он азартно напирал и шлепал губами про то, как официанты хорошо живут, богато. Он был тогда губошлеп, а потом, как стал, видно, официантом, то губы подобрал, сдержанный стал, вежливый. Только что это за презрение у него в круглых глазах? Никакого презрения тогда не намечалось, наоборот, дурак дураком был, простодушный и до смешного доверчивый. Даже я учил его, чтоб он не был таким доверчивым.

Меня не удивляло, что он хочет быть официантом. Я, наверно, думал: «Ну и будь!» Не отговаривал. Даже, наверно, гордился потихоньку, что сам я не хочу быть

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru официантом, даже когда голодали. Но это теперь легко сказать, что – гордился, а гордился ли – не помню. Однако хорошо помню, что он хотел быть официантом. Я только то и помню: кладбище калужское и что он очень хотел быть официантом.

Кладбище было старое, купеческое. На нем, наверно, уже не хоронили. Во всяком случае, ни разу мы не наткнулись на похороны. Каких-то старушек видели – сидели на скамеечках старушки. Тишина... Сказать, чтоб мысли какие-нибудь грустные в голову лезли, – нет. Или думалось: вот, жили люди... Нет. Самому жить хотелось, действовать, может, бог даст, в офицеры выйти. Скулила душа, тосковала: работу свою на стройке я ненавидел. Мы были с ним разнорабочими, гоняли нас туда-сюда, обижали часто. Особенно почему-то нехорошо возбуждало всех, что мы – только что из деревни, хоть, как я теперь понимаю, сами они, многие, – в недалеком прошлом – тоже пришли из деревни. Но они никак этого не показывали, и все время шпыняли нас: «Что, мать-перемать, неохота в колхозе работать?»

Помню еще надгробия каменные, тесаные, тяжелые. Я думал тогда: как же было тащить сюда такую тяжесть? На подводах, что ли? Надписи на камнях – все больше купцы лежат. Сколько же купцов было на Руси! Или – это кладбище только купеческое? Тишина была на кладбище. Отторговали купцы, отшумели... Лежат. Долго-долго будут лежать, пока не раскурочат кладбище под какой-нибудь завод. У нас в деревне забросили старое кладбище, стали хоронить на новом месте, на горе.

Да, так вот – официант. Странно, что я никак не встревожился, не заволновался, что встретил его, не захотел поговорить. Не знаю – почему-то не захотел. Может, потому, что был я крепко с похмелья, а он возьмет да подумает, что у меня совсем уж плохие дела. Еще пожалеет. А разубеждать – совестно. Словом, не стал я объявляться. А возьму да и пожалею... Зачем?.. Я стал наблюдать за ним. И получил какое-то жестокое удовольствие. Он совсем изменился, этот человек. Не будь у меня такая редкая память на лица, никогда бы мне не узнать его. Я сказал, что обнаружил у него в глазах презрение. Никакого презрения! Тут же подошел к соседнему столу и таким изящным полупоклоном изогнулся, да так весело, беззаботно, добро улыбнулся, что куда тебе! Помурлыкал что-то насчет закуски, посоветовал, покивал причесанным на пробор шарабанчиком, взмахнул салфеткой и отбыл в сторону кухни. Э-э, он таки научился. Презрение – это ко мне только, потому что я с похмелья. И один. И одет – так себе. И лицо солдатское. А так бы он и мне с достоинством поклонился. Ах, славно он кланяется! Именно – с достоинством, не угодливо, нет, – красиво, спокойно, четко, ни на сантиметр ниже, ни на сантиметр выше, а как раз, чтоб подумали: «Надо потом прикинуть к счету рубль-другой». Поклонись он мне так, я бы так и подумал. А вот бережет же свой поклон, не всем подряд кланяется. Опыт. Конечно, иногда, наверно, ошибается, но, в общем, метит точно. Там, например, где он только что поклонился, сидели совсем молодые ребята с девушками, ребятки изображали бывалых людей, выдавали дома прыщи, курили заграничные сигареты. Тут-то он им – и поклончик, поводит умытым пальцем по меню – совет, что лучше заказать, покивал головкой – коньяк, шампанское... Легкое движение – переброс салфетки с руки на руку – заключительный поклон, исчезновение. Славно. И ведь, хитрец: все с понимающим видом, с видом, что – вот: молодые, беспечные – «бродят». Как там у Хемингуэя (у Хема)? Зашли в одно место – выпили, зашли в другое место – выпили... Шельма, он же знает, что для того, чтоб сюда войти с улицы, надо отстоять в очереди, где вся беспечность улетучится. Но так как молодые играли в беспечность, он умело подхватил игру. Он знает, что деньги у них – папины, или кто-то из них в дедовой библиотеке приделал ноги четырехтомнику Даля... Но он все принимает за чистую монету: вошли джентльмены, все будет о'кей. Прежде всего он понимает, что ребятки форсят перед девушками, при расчете не станут пересчитывать, а еще и подкинут трояк.

Но вот уж он иноходит от кухни... Ширк-ширк, ширк-ширк – обогнул столик, другой, поднос на левой руке как щит, а на щите – всякие вкусные штуки. Сказать ему, что ли, про калужское кладбище? Помнишь, мол, как там тихо-тихо было?.. Нет, пожалеет он меня, наверняка, пожалеет в душе.

– У вас что было?

– Котлета.

– Котлета... Пожалуйста.

– По-калужски?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- что?
- Котлета-то по-калужски?
- Почему по-калужски? Нормальная котлета.
- Я думал, по-калужски.
- Где вы видите – по-калужски?
- Да нигде не вижу... Я вот смотрю на нее, думал, она – по-калужски.
- Нет у нас никаких по-калужски!
- Ну, нет – и не надо. Я же не прошу. Я говорю: я думал, она по-калужски.
- Будете кушать?
- А как же!
- Водка... А что собой представляет по-калужски?
- Такие... на гробики похожи... Купеческие котлеты.

Он быстро, подозрительно глянул на меня, на графинчик с водкой, что мне поставил, – испугался: не развезет ли меня, если я это оглошу, в графинчике-то? Их за это ругают, я слышал. Я интеллигентно кашлянул в ладонь, сказал как можно приветливее:

- Спасибо.
- Пожалуйста.

Официант отбыл к соседнему столику.

Нет, не буду я ему ничего говорить про Калугу. А три рубля лишних дам потом. Как можно небрежней дам, и никакого презрения – дам, и все. Как будто я каждый раз вот так по трояку отваливаю – такой я странный, щедрый человек, хоть и с солдатским лицом и неважно одет. Меня прямо нетерпение охватило – скорей дать ему три рубля. Посмотреть: какое у него сделается лицо!

...Я поел, выпил. Он мне кратким движением – сверху вниз – счет. Я заплатил по счету, встал и пошел. Трояк не дал. Ни копейки не дал. Не знаю, что-то вдруг разозлился и не дал. А чтоб самому про себя не думать, что я жадный, я отдал эти три рубля гардеробщику. Я не раздевался, так как вошел в ресторан из гостиницы, а подошел и просто дал. Он меня спросил:

- Побрызгать?
- Не надо, – сказал я. – Брызгать еще...

«Вот так вот, – думал я сердито про официанта, – гроша ломаного не дам. И так проживешь. Вон какой ловкий!.. Научился».

На кладбище

Ах, славная, славная пора!.. Теплень. Ясно. Июль месяц... Макушка лета. Где-то робко ударили в колокол... И звук его – медленный, чистый – поплыл в ясной глубине и высоко умер. Но не грустно, нет.

...Есть за людьми, я заметил, одна странность: любят в такую вот милую сердцу пору зайти на кладбище и посидеть час-другой. Не в дождь, не в хмарь, а когда на земле вот так – тепло и покойно. Как-то, наверно, объясняется эта странность. Да и странность ли это? Лично меня влечет на кладбище вполне определенное желание: я люблю там думать. Вольно и как-то неожиданно думается среди этих холмиков. И еще: как бы там ни думал, а все – как по краю обрыва идешь: под ноги жутко глянуть. Мысль шарахается то вбок, то вверх, то вниз, на два метра. Но кресты, как руки деревянные, растопырились и стерегут свою тайну. Странно как раз

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
другое: странно, что сюда доносятся гудки автомобилей, голоса людей... Странно, что в каких-нибудь двухстах метрах улица, и там продают газеты, вино, какой-нибудь амидопирин... Я один раз слышал, как по улице проскакал конный наряд милиции – вот уж странно-то!

..Сидел я вот так на кладбище в большом городе, задумался. Задумался и не услышал, как сзади подошли. Услышал голос:

– Ты чего тут, сынок? Это моя могилка-то.

Оглянулся, стоит старушка, смотрит мирно.

– Моя могилка-то, – сказала она еще.

Я вскочил со скамеечки... Смутился чего-то.

– Извините...

– Да что же?.. Садись. – Она села на скамеечку и показала рядом с собой. – Садись, садись. Я думаю, может, ты перепутал могилки.

Я сел.

– Сынок у меня тут, – сказала она, глядя на ухоженную могилку. – Сынок... Спит. – Она молча поплакала, молча же вытерла концом платка слезы, вздохнула. Все это она проделала привычно, деловито... Видно, горе ее – давнее, стало постоянным, и она привыкла с ним жить.

– А ты чего? – спросила старушка, повернувшись ко мне. – Тоже есть тут кто-нибудь?

– Нет... я так. Зашел просто... Зашел отдохнуть.

Старушка с любопытством и более внимательно посмотрела на меня.

– Тут рази отдыхают...

– А что? – я все боялся как-нибудь не так сказать, как-нибудь неосторожно сказать. – Тут-то и отдохнуть. Подумать.

– Оно так, – согласилась старушка. – Только дума-то тут... вишь какая? Мне надо там лежать-то, мне, а не ему. – Она повернулась опять к могилке. – Мне надо лежать там, а он бы приходил да сидел тут – мне бы и спокойней было. Куда лучше! Только... не нам это решать дадено, вот беда.

– Давно схоронили?

– Давно. Семь лет уж.

– Болел?

Старушка не ответила на это. Долго молчала, слегка покачивала головой – вверх-вниз. Когда я пригляделся потом, понял, что у нее это почти все время – покачивает головой.

– Двадцать четыре годочка всего и пожил, – сказала старушка покорно. Еще помолчала. – Только жить начинать, а он вот... завалился туда... А тут как хошь, так и живи. – Она опять поплакала, опять вытерла слезы и вздохнула. И повернулась ко мне. – Неладно живете, молодые, ох неладно, – сказала она вдруг, глядя на меня ясными умытыми глазами. – Вот расскажу тебе одну историю, а ты уж как знаешь: хошь верь, хошь не верь. А все – послушай да подумай, раз уж ты думать любишь. Никуда не торопись?

– Нет.

– Вот тут у нас, на Мочишшах... Ты здешный ли?

– Нет.

– А-а. У нас тут, на окраинке, место зовут – Мочишши, там военный городок, военные стоят. А там тоже есть кладбище, но оно старое, там теперь не хоронят. Раньше хоронили. И вот стоял один солдат на посту... А дело ночное, темное. Ну, стоит и стоит, его дело такое. Только вдруг слышит, кто-то на кладбище плачет. По голосу – женщина плачет. Да так горько плачет, так жалко. Ну, он мог там, видно, позвонить куда-то, однако звонить он не стал, а подождал другого, кто его сменяет-то, другого солдата. Ну-ка, говорит, послушай: может, мне кажется? Тот послушал – плачет. Ну, тогда пошел тот, который сменился-то, разбудил командира. Так и так, мол, плачет какая-то женщина на кладбище. Командир сам пришел на пост, сам послушал: плачет. То затихнет, а то опять примется плакать. Тогда командир пошел в казарму, разбудил солдат и говорит: так, мол, и так, на кладбище плачет какая-то женщина, надо узнать, в чем дело – чего она там плачет. На кладбище давно никого не хоронят, подозрительно, мол... Кто хочет? Один выискался: пойду, говорит. Дали ему оружие, на случай чего, и он пошел. Приходит он на кладбище, плач затих... А темень, глаз коли. Он спрашивает: есть тут кто-нибудь живой? Ему откликнулись из темноты: есть, мол. Подходит женщина... Он ее, солдат-то, фонариком было осветил – хотел разглядеть получше. А она говорит: убери фонарик-то, убери. И оружие, говорит, зря с собой взял. Солдатик оробел... «Ты плакала-то?» – «Я плакала». – «А чего ты плачешь?» – «А об вас, – говорит, – плачу, об молодом поколении. Я есть земная божья мать и плачу об вашей непутевой жизни. Мне жалко вас. Вот иди и скажи так, как я тебе сказала». – «Да я же комсомолец! – Это солдатик-то ей. – Кто же мне поверит, что я тебя видел? Да и я-то, – говорит, – не верю тебе». А она вот так вот прикоснулась к нему, – и старушка легонько коснулась ладошкой моей спины, – и говорит: «Пове-ерите». И – пропала, нету ее. Солдатик вернулся к своим и рассказывает, как было дело – кого он видал. Там его, знамо дело, обсмеяли. Как же!.. – Старушка сказала последние слова с горечью. И помолчала обиженно. И еще сказала тихо и горестно: – Как же не обсмеют! Обсмею-ут. Вот. А когда солдатик зашел в казарму-то – на свет-то, – на гимнастерке-то образ божьей матери. Вот такой вот. – Старушка показала свою ладонь, ладошку. – Да такой ясный, такой ясный!..

Так это было неожиданно – с образом-то, – и так она сильно, зримо завершала свою историю, что встань она сейчас и уйди, я бы снял пиджак и посмотрел – нет ли и там чего. Но старушка сидела рядом и тихонько кивала головой. Я ничего не спросил, никак не показал, поверил я в ее историю, не поверил, охота было, чтоб она еще что-нибудь рассказала. И она точно угадала это мое желание: повернулась ко мне и заговорила. И тон ее был уже другой – наш, сегодняшний:

– А другой у меня сын, Минька, тот с женами закружился, кобель такой: меняет их без конца. Я говорю: да чего ты их меняешь-то, Минька? Чего ты все выгадываешь-то? Все они нонче одинаковые, меняй ты их, не меняй. Шило на мыло менять? Сошелся тут с одной, ребеночка нажили... Ну, думаю, будет жить. Нет, опять не пожилось. Опять, говорит, не в те ворота заехал. Ах ты, господи-то! Беда прямо. Ну, пожил один сколько-то, подвернулась образованная, лаборанка, увезла его к черту на рога, в фергану какую-то. Пишут мне оттудова: «Приезжай, дорогая мамочка, погостить к нам». Старушка так умело и смешно передразнивала этих молодых в Фергане, что я невольно засмеялся и, спохватившись, что мы на кладбище, прихлопнул смех ладошкой. Но старушку, кажется, даже воодушевил мой смех. Она с большей охотой продолжала рассказывать. – Ну, я и разлисила лоб-то – поехала. Приехала, погостила... Дура старая, так мне и надо – поперлась!

– Плохо приняли, что ли?

– Да сперва вроде ничего... Ведь я же не так поехала-то, я же деньжонок с собой повезла. Вот дура-то старая, ну не дура ли?! Ну и пока деньжонки-то были, она ласковая была, потом деньжонки-то кончились, она: «Мамаша, кто же так оладьи пекет!» – «Как кто? – говорю. – Все так пекут. А чего не так-то?» Дак она набралась совести и давай меня учить, как оладушки пекчи. Ты, говорит, масла побольше в сковородку-то, масла. Да сколько же тебе, матушка, тада масла-то надо? Полкило на день? И потом, они же черные будут, когда масла-то много, не пышные, какие же это оладьи. Ну, и взялись друг дружку учить. Я ей слово, она мне – пять. Иди их переговори, молодых-то: черта с рогами замучают своими убеждениями, прости, господи, не к месту помянула рогатого. Где же мне набраться таких убеждений? А мужа не кормит! Придет, бедный, нахватается чего попади, и все. А то и вовсе: я, говорит, в столовку забежал. Ах ты, думаю, образованная! Верхивостки вы, а не образованные. – Старушка помолчала и еще добавила с сердцем: – Прокломации! Только подолом трясти умеют. Как же это так-то? –

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
повернулась она ко мне. – Вот и знают много, и вроде и понимают все на свете, а жить не умеют. А?

– Да где они там знают много! – сказал я тоже со злостью. – Там насчет знаний-то... конь не валялся.

– Да вон по сколь годов учатся!

– Ну и что? Как учатся, так и знают. Для знаний, что ли, учатся-то?

– Ну, да, в колхозе-то неохота работать, – согласилась старушка. – Господи, господи... Вот жизнь пошла! Лишь ба день урвать, а там хоть трава не расти.

Мы долго молчали. Старушка ушла в свои думы, они пригнули ее ниже к земле, спина сделалась совсем покатою; она не шевелилась, только голова все покачивалась и покачивалась.

Опять где-то звякнул колокол. Старушка подняла голову, посмотрела в дальний конец кладбища, где стояла в деревьях маленькая заброшенная церковка, сказала негромко:

– Сорванцы.

– Ребятишки, что ли?

– Да ну, лазют там... Пойду палкой попру. – Старушка поднялась, посмотрела на меня. – Ты один-то не сиди тут больше, а то мне как-то... все думать буду: сидит кто-то возле моей могилки. Не надо.

– Нет, я тоже пойду. Хватит.

– Ага. А то все как-то думается... – вроде извиняясь, еще сказала старушка. И пошла по дорожке, совсем маленькая, опираясь на свою палочку. А шла все же податливо, скоро. Я посмотрел ей вслед и пошел своей дорогой.

Как мужик переплавлял через реку волка, козу и капусту
Собрались три бледно-зеленые больничные пижамы решать вопрос: как мужику в одной лодке переплавить через реку волка, козу и капусту? Решать стали громко; скоро перешли на личности. Один, носатый, с губами, похожими на два прокуренных крестьянских пальца, сложенных вместе, попер на лобастого, терпеливого:

– А ты думай! Думай! Он поплавит капусту, а волк здесь козу съест! Думай!.. У тя ж голова на плечах, а не холодильник.

Лобастый медленно смеется.

Этот лобастый – он какой-то загадочный. Иногда этот человек мне кажется умным, глубоко, тихо умным, самостоятельным. Я учусь у него спокойствию. Сидим, например, в курилке, курим. Молчим. Глухая ночь... Город тяжело спит. В такой час, кажется, можно понять, кому и зачем надо было, чтоб завертелась, закружилась, закричала от боли и радости эта огромная машина – Жизнь. Но только – кажется. На самом деле сидишь, тупо смотришь в паркетный пол и думаешь черт знает о чем. О том, что вот – ладили этот паркет рабочие, а о чем они тогда говорили? И вдруг в эту минуту, в эту очень точную минуту из каких-то тайных своих глубин лобастый произносит... Спокойно, верно, обдуманно:

– А денечки идут.

Пронзительная, грустная правда. Завидую ему. Я только могу запоздало вздохнуть и поддакнуть:

– Да. Не идут, а бегут, мать их!..

Но не я первый додумался, что они так вот – неповторимо, безоглядно, спокойно – идут. Ведь надо прежде много наблюдать, думать, чтобы тремя словами – верно и вовремя сказанными – поймать за руку Время. Вот же черт!

Лобастый медленно (он как-то умеет – медленно, то есть не кому-нибудь, себе)

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru смеется.

– Эх, да не зря бы они бежали! А?

– Да.

Только и всего.

Лобастый отломал две войны – финскую и Отечественную. И, к примеру, вся финская кампания, когда я попросил его рассказать, уложилась у него в такой... компактный, так, что ли, рассказ:

– Морозы стояли!.. Мы палатку натянули, чтоб для маскировки, а там у нас была печурка самодельная. И мы от пушек бегали туда погреться – каждому пять минут. Я пришел, пристроился сбочку, задремал. А у меня шинелька – только выдали, новенькая. Уголек отскочил, и у меня от это вот место все выгорело. Она же – сукно – шает, я не учуял. Новенькая шинель.

– Убивали же там!

– Убивали. На то война. Тебе уколы делают?

– Делают.

– Какие-то слабенкие теперь уколы. Бывало, укол сделают – так три дня до тебя не дотронься: все болит. А счас сделают – в башке не гудит и по телу ничего не слышно.

...И вот Носатый прет на Лобастого:

– Да их же нельзя вместе-то! Их же... Во дает! Во тункель-то!

– Не ори, – советует Лобастый. – Криком ничего не возьмешь.

Носатый – это не загадка, но тоже... ничего себе человек. Все знает. Решительно все. Везде и всем дает пояснения; и когда он кричит, что волк съест козу, я как-то по-особенному отчетливо знаю, что волк это сделает – съест. Аккуратно съест, не будет рычать, но съест. И косточками похрустит.

– Трихопол?! – кричит Носатый в столовой. – Это – для американского нежного желудка, но не для нашего. При чем тут трихопол, если я воробья с перьями могу переварить! – И таков дар у этого человека – я опять вижу и слышу, как трепещется живой еще воробей и исчезает в железном его желудке.

Третья бледно-зеленая пижама – это Курносый. Тот все вспоминает сражения и обожает телевизор. Смотрит, приоткрыв рот. Смотрит с таким азартом, с такой упорной непосредственностью, что все невольно его слушаются, когда он, например, велит переключить на «Спокойной ночи, малыши». Смеется от души, потому что все там понимает. С ним говорить, что колена брить – зачем?..

Вот эти-то трое схватились решать весьма сложную проблему. Шуму, как я сказал, сразу получилось много.

Да, еще про Носатого... Его фамилия – Суворов. Он крупно написал ее на полоске плотной бумаги и прикнутил к своей клеточке в умывальнике. Мне это показалось неуместным, и я подписал с краешку карандашом: «Не Александр Васильевич». Возможно, я сострил не бог весть как, но неожиданно здорово разозлил Суворова. Он шумел в умывальнике:

– Кто это такой умный нашелся?!

– А зачем вообще надо объявлять, что эта клеточка – Суворова? Ни у кого же нет. Вы что, полагаете... – пустился было в длинные рассуждения один вежливый очкарик, но Суворов скружил на него ястребом.

– Тогда чего же мы жалуемся, что у нас в почтовом ящике газеты поджигают?! Сегодня – карандаш, завтра – нож в руки!..

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну, знаете, кто взял в руки карандаш, тот...

– Пожалуйста, можно и без ножа по очкам дать. По-моему, я догадываюсь, кто это тут такой грамотный...

Очкарик побледнел.

– кто?

– Сказать? Может, носом ткнуть?

Мне стало больно за очкарика, и я, как частенько я, выступил блестящим недомерком.

– А чего вы озверели-то? Ну, пошутил кто-то, и из-за этого надо шум поднимать.

– За такие шутки надо... не шум поднимать! Не шум надо поднимать, а тянуть куда следует.

Дурак он. Дурак и злой.

– ...Как же ты туда повезешь волка, когда там коза?! – кричит Суворов. – Он же ее съест!

– Связать, – предлагает Курносый.

– Кого связать?

– Волка.

– Нельзя, тункель!

– А чего ты обзываешься-то? Мы предлагаем, как выйти из положения, а ты...

– Как же тут не кричать, скажи на милость?! Если вы не понимаете элементарных вещей...

Лобастый упорно думает.

– Как все покричать любят! – изумляется Курносый. – Знаешь – объясни. Чего кричать-то?

– Полные тункели! – удивляется в свою очередь Суворов. – Какой же тогда смысл в этой задаче? Ну – объяснил я, и все? А самим-то можно подумать?

– Вот мы и думаем. И предлагаем разные варианты. А ты наберись терпения.

– Привыкли люди, чтоб за них думали! Сами – в сторонку, а за них думай!

– Волк капусту не ест, – размышляет вслух Лобастый. – Значит, его можно здесь оставить...

– Ну! ну! ну! – подталкивает Суворов.

– Не понужай, не запрег.

– Давай дальше! Волк капусту не ест... Правильно начал!

Серые, глубокие глаза Лобастого тихо сияют.

– Начать – это начать, – бормочет он. По-моему, он уже сообразил, как надо делать. – Говорят: помоги, господи, подняться, а ляжем сами. Значит, козу отвезли. Так?

– Ну!

– Плыдем назад, берем капусту...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ее же там коза сожрет! – волнуется Курносый.

– Сожрет? – спрашивает Лобастый, и в голосе его чувствуется мощь и ирония. – Тада мы ее назад оттуда, раз она такая прожорливая.

– А тут волк!

– А мы волка – туда. Пусть он у нас капустки опробует...

Суворов радостно хлопает Лобастого по спине; и так как мне все время что-нибудь кажется, когда Суворов что-нибудь делает, то на этот раз почему-то кажется, что он хлопнул по лафету тяжелой пушки, и пушка на это никак не вздрогнула.

– А-а! – догадывается Курносый. Ему тоже весело, и он смеется. – А потом уж мы туда – козу, в последнюю очередь!

– Дошло! – орет Суворов. Он просто не может не орать. Все мы тут – крепко устали, нервные. – Это тебе не высоту брать.

– Сравнил телятину с... – обиделся Курносый.

Лобастый долго, терпеливо, осторожно мнет в толстых пальцах каменную «памирину», смотрит на нее... И я вдруг ужасаюсь его нечеловеческому терпению, выносливости. И понимаю, что это – не им одним нажито, такими были его отец, дед... Это – вековое.

Лобастый по привычке едва заметным движением тронул куртку, убедился, что спички в кармане, встал, пошел в курилку. Я – за ним. Посидеть с ним, помолчать.

Боря

В палату привели новенького. Здоровенный парень, полный, даже с брюшком, красивый, лет двадцати семи, но с разумом двухлетнего ребенка. Он сразу с порога заулыбался и всем громко сказал:

– Пивет, пивет!

Многие, кто лежал тут уже не первый раз, знали этого парня. Боря. Живет у базара с отцом и матерью, в воскресные дни, когда народу на базаре много, открывает окно и лает на людей, не зло лает – весело. Он вообще добрый.

– Пивет, Боря, пивет! Ты зачем сюда? Чего опять натворил?

Няня, устраивая Боре постель, рассказывает:

– Матерю с отцом разогнал наш Боря.

– Ты што же это, Боря?! Мать с отцом побил?

Боря зажмуривает глаза и энергично трясет головой:

– Босе не бу, не бу, не бу!.. – Больше не будет.

– За што он их?

– Розу не купили! Стал просить матерю – купи ему розу, и все.

– Босе не бу, не бу!

– Ложись теперь и лежи. «Не бу!»

– А мама пидет? – пугается Боря, когда няня уходит.

– Мама пидет, пидет, – успокаивают его больные. – Сам разогнал, а теперь – мама.

В палате стало несколько оживленнее. С дурачками, я заметил, много легче, интереснее, чем с каким-нибудь умницей, у которого из головы не идет, что он – умница. И еще: дурачки, сколько я их видел, всегда почти люди добрые, и их жалко, и неизбежно тянет пофилософствовать. Чтоб не философствовать в конце – это всегда плохо, – скажу теперь, какими примерно мыслями я закончил свои

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru наблюдения за Борей. (Сказать все-таки охота.) Я думал: «Что же жизнь – комедия или трагедия?» Несколько красиво написано, но мысль по-серьезному уперлась сюда: комедия или тихая, жуткая трагедия, в которой все мы – от Наполеона до Бори – неуклюжие, тупые актеры, особенно Наполеон со скрещенными руками и треуголкой. Зря все-таки воскликнули: «Не жалеть надо человека!..» Это тоже – от неловкой, весьма горделивой позы. Уважать – да. Только ведь уважение – это дело наживное, приходит с культурой. Жалость – это выше нас, мудрее наших библиотек... Мать – самое уважаемое, что ни есть в жизни, самое родное – вся состоит из жалости. Она любит свое дитя, уважает, ревнует, хочет ему добра – много всякого, но неизменно, всю жизнь – жалеет. Тут Природа распорядилась за нас. Отними-ка у нее жалость, оставь ей высшее образование, умение воспитывать, уважение... Оставь ей все, а отними жалость, и жизнь в три недели превратится во всесветный бардак. Отчего народ поднимается весь в гневе, когда на пороге враг? Оттого, что всем жалко всех матерей, детей, родную землю. Жалко! Можете не соглашаться, только и я знаю – и про святой долг, и про честь, и достоинство, и т. п. Но еще – в огромной мере – жалко.

Ну, самая пора вернуться к Боре. Я не специально наблюдал за ним, но думал о нем много. Целыми днями в палате, в коридоре только и слышалось:

– Пиве-ет! А мама?.. Пидет?

– Придет, Боря, придет, куда она денется. Пусть хоть маленько отдохнет от тебя.

Боря смеется, счастливый, что мама придет.

– Атобус, атобус?.. Да?

– На автобусе, да.

Даже когда мы отходим ко сну, Боря все спрашивает:

– Мама пидет?

Он никому не надоедает. Уколы переносит стойко, только сильно жмурится и изумленно говорит:

– Больно!

И потом с восторгом всем говорит, что было больно.

Над ним не смеются, охотно отвечают, что мама «придет, придет» – больше, сложнее Боря спрашивать не умеет.

Один раз я провел, как я теперь понимаю, тоже довольно неуклюжий эксперимент. Боря сидел на скамеечке во дворе... Я подсел рядом, позвал:

– Боря.

Боря повернулся ко мне, а я стал внимательно глядеть ему в глаза. Долго глядел... Я хотел понять: есть ли там хоть искра разума или он угас давно, совсем? Боря тоже глядел на меня. И я не наткнулся – как это бывает с людьми здоровыми – ни на какую мысль, которую бы я прочел в его глазах, ни на какой молчаливый вопрос, ни на какое недоумение, на что мы, смотрящие здоровым в глаза, немедленно тоже молча отвечаем – недоумением, презрением, вызывающим: «Ну?» В глазах Бори всеобъемлющая, спокойная доброжелательность, какая бывает у мудрых стариков. Мне стало не по себе.

– Мама пидет, – сказал я, и стало совсем стыдно. А встать и уйти сразу – тоже стыдно.

– Мама пидет? Да? – Боря засмеялся, счастливый.

– Пидет мама, пидет. – Я оглянулся – не наблюдает ли кто за мной? Это было бы ужасно. У всех как-то это легко, походя получается. «Мама пидет, Боря! Пидет». И все. И идут по своим делам – курить, умываться, пить лекарство. Я сидел на скамеечке, точно прирос к ней, не отваживался еще раз сказать: «Мама пидет». И уйти тоже не мог – мне казалось, что услышу – самое оскорбительное, самое

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru уничтожающее, что есть в запасе у человека, – смех в спину себе.

– Автобус? Да?

– Да, да – на автобусе приедет, – говорил я и отводил глаза в сторону.

– Пивет! – воскликнул Боря и пожал мне руку. Хоть умри, мне казалось, что он издевается надо мной. Я встал и ушел в палату. И потом незаметно следил за Борей – не смеется ли он, глядя на меня со своей кровати. Надо осторожней с этим народом.

Боря умеет подолгу неподвижно сидеть на скамеечке... Сидит, задумчиво смотрит перед собой. Я в такие минуты гляжу на него со стороны и упорно думаю: неужели он злиться умеет? Устроил же скандалевич дома из-за того, что ему не купили розу. Расплакался, начал стулья кидать, мать подвернулась – мать толкнул, отца... Тогда почему же он – недоумок? Это вполне разумное решение вопроса: вымещать на близких досаду, мы все так делаем. Или он не понимает, что сделал? Досаду чувствует, а обиду как следует причинить не умеет...

В соседней палате объявился некий псих с длинными руками, узкокобый. Я боюсь чиновников, продавцов и вот таких, как этот горилла. А они каким-то чутьем угадывают, кто их боится. Однажды один чиновник снисходительно, чуть грустно улыбаясь, часа два рассказывал мне, как ему сюда вот, в шею, угодила кулацкая пуля... «Хорошо, что рикошетом, а то бы... Так что если думают, что мы только за столами сидеть умеем, то...» И я напрягался изо всех сил, всячески показывал, что верю ему, что мне очень интересно все это.

Горилла сразу же, как пришел, заарканил меня в коридоре и долго, бурно рассказывал, как он врезал теще, соседу, жене... Что у него паспорт в милиции. «Я пацан с веселой душой, я не люблю, когда они начинают мне...»

Как-то горилла зашел в нашу палату, хохочет.

– Этот, дурак ваш... дал ему сигарету: ешь, говорю, сладкая. Всю съел!

Мы молчали. Когда вот так вот является хам, крупный хам, и говорит со смехом, что он только что сделал гадость, то всем становится горько. И молчат. Молчат потому, что разговаривать бесполезно. Тут надо сразу бить табуреткой по голове – единственный способ сказать хаму, что он сделал нехорошо. Но возню тут, в палате, с ним никто не собирается затевать. Он бы с удовольствием затеял. Один преждевременный старичок, осведомитель по склонности души, пошел к сестре и рассказал, что «пацан с веселой душой» заставил Борю съесть сигарету. Сестра нашла «пацана» и стала отчитывать. «Пацан» обругал ее матом. Сестра – к врачу. Распоряжение врача: выписать за нарушение режима.

«Пацан» уходил из больницы, когда все были во дворе.

– До свиданья, урки с мыльного завода! – громко попрощался он. И засмеялся. Не знаю, не стану утверждать, но, по-моему, наши самые далекие предки очень много смеялись.

Больница наша – за городом, до автобуса идти километра два леском. Четверо, кто полегче на ногу и понадежней в плечах, поднялись и пошли наперерез «пацану с веселой душой».

Через минут двадцать они вернулись, слегка драные, но довольные. У одного надолго, наверно, зажмурился левый глаз.

Четверо негромко делились впечатлениями.

– Здоровый!..

– Орал?

– Матерился. Права качать начал, рубашку на себе порвал, доказывал, что он блатной.

На крыльце появляется Боря и к кому-то опять бросается с протянутой рукой.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Пиве-ет!

– Пивет, Боря, пивет.

– А мама пидет?

– Пидет, пидет.

Жарко. Хоть бы маленький ветерок, хоть бы как-нибудь расколыхать этот душный покой... Скорей бы отсюда – куда-нибудь!

Петька Краснов рассказывает

Родные Петьки Краснова собрались послушать, как он ездил на юг лечить радикулит.

Петька вернулся как раз в субботу, пропарился в родной бане, выпил «законную» и стал рассказывать. Он, вообще, рассказывать не умеет – торопится всегда, перескакивает с пятого на десятое и вдобавок шепелявит (букву «ш» толкает куда-то в передние зубы, получается не то «с», не то «з» – что-то среднее). А тут еще он волнуется, ему охота рассказать поярче, побольше – не так уж часто его слушают, да еще сразу столько людей. И всем, он понимает, интересно.

– Народу-у, мля!.. – У него какая-то дурацкая привычка: чуть ли не после каждого слова приговаривать «мля». К этому привыкли, не обращают внимания. – Идёс, мля, по пляжу – тут баба голая, там голая – валяются. Идёс, переступаес через них... – Петька выговаривает: «переступас».

– Совсем, что ли, голые?

– Зачем? Есть эти, как их?.. купальники. Но это ж так – фиксия.

– А ты как? Одетый?

– Зачем? Я сперва в трусах ходил, потом мне там один посоветовал купить плавки. Ну, я стал как все. Так они что делают, мля: по улице и то ходят вот в таких вот станисках – сортики. Ну, идёс, ну – смотрис же. Неловко, вообще-то...

– Ну да: другая по харе даст.

– Мне там один посоветовал: ты, говорит, купи темные очки – ни черта, говорит, не разберёс, куда смотрис.

– Как это?

– А вот они! На, надень! Ну, надень!

– Ну... Надел.

– Смотри вон на Зойку – баску не поворачивай! Ниже! Смотрис?

– Ну.

– Заметно, куда он смотрит?

– Нет, правда. Во!..

– Заходиc вечером в ресторан, берес саслык, а тут наяривают, мля, тут наяривают!.. Он поет, а тут танцуют. Ну, танцуют, я те скажу!.. Сердце заходится, сто только выделяють! Так поглядис – вроде совестно, а потом подумаес: нет, красиво! Если уж им не совестно, чего мне-то совестно? Атомный век, мля, – должна быть скорость. Нет, красиво. Там один стоял: бесстыдники, говорит. Ну, его тут же побрили: не нравится – не смотри! Иди спать! А один раз как дали «Очи черные», у меня на глазах слезы навернулись. Такое оссюение: полезь на меня пять человек – не страсно. Чуть не заплакал, мля. А полезли куда-то на гору, я чуть не на карачках дополз, мля, ну – красота! Море!.. Пароходы... И, главное, на каждом пароходе своя музыка. Такое оссюение: все море поет, мля. Спускаемcя – опять в ресторан...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Так это ж сколько денег просадить можно?! Если тут ресторан, там – ресторан...

– Там рестораны на каждом сагу. Дорого, конесно. Мне там один говорит: первый и последний раз. Нет, можно без ресторанов, там пельменные на каждом сагу.

– Пельмени?!

– Пельмени. Пожалуйста. Три порции – вот так хватает.

– То-то ты полторы сотни уханькал – по ресторанам-то.

– Десевле нельзя. Но сто я вам скажу: нигде ни одного грубого слова! Стобы матерное слово – боже упаси! Только суточки, суточки... Все смеются, суют. Смеются, прямо сердце радуется. И пьяных нету. Так, идёс – видис: врезамсы, паразит! По глазам видно. Но – не сатается. Но вот хохма была! Посли домик Чехова смотреть, ну, надели какие-то тряпосные стуковины на ноги – стоб пол не портить. Ну, сагаем потихоньку, слушаем... А там под стеклом кожаное пальто висит. Ну, эта женщина, солидная такая, стояла рядом... как заорет: «Это он такой больсой был!» Да как брякнется! – Петька долго один смеется, вспомнив, как брякнулась солидная тетя. – Она на каблучках, а хотела подойти поближе – поглядеть пальто, а запуталась в этих стуках-то... Ну, мля, все за животики взялись...

– А што за пальто-то? Какое пальто?

– Пальто Чехова, писателя. Он в нем на Сахалин ездил.

– Ссылали, что ль?

– Да зачем! Сам ездил – посмотреть. От он тогда и простыл. Додуматься – в таком пальтисечке в Сибирь! Я ее спрашиваю: «А от чего у него чахотка была?» – «Да, мол, от трудной жизни, от невзгод», – начала вилять. От трудной жизни... Ну-ка, протрясись в таком кожанчике через всю Сибирь...

– Ну, она и была – трудная жизнь, раз ему тулуп взять не на што было.

– Может, не знал человек, какие тут холода.

Петька молчит, потому что забыл спросить тогда у женщины-экскурсовода: зимой ездил Чехов или летом?

– Знаес, какой у него рост был?

– У кого?

– У Чехова. Метр восемьдесят семь!

Это родных не удивило – знавали и повыше. Это тогда экскурсантов почему-то очень всех удивило, и Петька удивился со всеми вместе. И сейчас хотел удивить.

– Ну а радикулит-то как? Полегчало?

– Совсем почти не чую! Во, гляди: встал, нагнулся, выпрямился... – Петька встал, нагнулся, выпрямился. – А раньше если нагнулся, то не разогнесся.

– А говоришь, на гору чуть не на карачках заполз.

– То – на гору! На гору мне пока тяжело.

– Ну, пора и на боковую, – сказал тесть Петькин, сам тоже с трудом поднимаясь, – засиделся. – Завтра ставать рано. Пойдешь покосить со мной? Или отдохнуть охота с дороги?

– Пойду! – с удовольствием откликнулся Петька. – Я наотдыхался.

– Ему теперь – двойную норму ломать надо, – сказал сосед Петькин, дядя Родион, который тоже приходил послушать про теплые края. – Полторы тыщи по-старому за месяц – это...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А дорога! – воскликнула теща.

– Да, кусаются они, курортики-то.

Петьке неловко стало, что из-за его проклятого радикулита пришлось истратить больше двухсот рублей.

– Виноват я теперь, если он ко мне извязался?

– Кто тебя винит! – искренне сказал тесть. – Никто не винит. Хворь – она всегда дорого стоит.

На том все и порешили.

Только теща добавила:

– Теперь уж берегись! А то ведь не берегетесь нисколько. Потные, не потные – лезете под машину, на сырую землю спиной. Рази так можно! Возьми да постели куфайку хоть, руки-то не отсохнут. Зато здоровый будешь.

Мужики закурили еще по одной. Дядя Родион ушел домой.

Петька докурил папиросу, сидя за столом, аккуратно загасил окурочек об край тарелки, бросил в угол и пошел в горницу – к жене Зое.

Зоя уже постелила и лежала, отвернувшись к стене. Петька, одетый еще, хотел сперва поцеловать ее... Зоя накрылась одеялом с головой. Петька опешил:

– Ты чего?

– Ничего... Не лезь. Их же там много на пляже валялось – чего ты ко мне лезешь?

– Да ты сто, Зой?!

– Ни «сто»! Не лезь, и все. Мало тебе их там было?

Петька даже осердился, хоть редко сердился.

– Дура ты, дура!.. Кому я там нужен? Там без меня хватает – специально этим делом занимаются. Их со мной, сто ли, сравнис?..

Зоя рывком скинула одеяло, села. Она была злая.

– Так какого ж ты черта весь вечер сидел только про их и говорил?! Ничего другого не нашлось рассказывать, только – бабы, бабы... Тут бабы, там голые бабы...

– Но если их там много, чего я сделаю?

– Ты лечиться поехал, а не глаза пялить на баб! Очки ему даже посоветовали купить... Страмец. Весь вечер со стыда сидела сгорала.

– Дак взяла бы и подсказала! Я ж думал, как повеселей. Не суми зря-то. Зря сумис-то.

– Сумис, сумис... Сюсюкалка чертова!

– Ну, отойди, отойди маленько, – миролюбиво сказал Петька. – Я пока на крыльце посижу, покурю. – В душе он согласился с женой: в самом деле, распустил язык, не нашел, о чем поговорить. Да еще и приврал – с ресторанами-то: за весь месяц в ресторане-то был всего два раза. И один раз там пели «Очи черные». И танцевали. – Я покурю пойду.

– Иди куда хочешь.

Петька вышел на крыльцо, сел на приступку. Нечаянная ссора с женой не расстроила – она такая, Зоя: вспыхнет как порох и тут же отойдет. Да и не за что зло-то копить, что она, не понимает, что ли.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Ночь... Чуть лопочут лиственной березки в ограде, чуть поскрипывает ставня... И наплывает от сараев, где коровы, куры, телок, живым теплым духом. И мерно каплет из рукомойника в таз... Вспомнились те ночи – далекие, где тихо шумит огромное море и очень тепло. И Петька усмехнулся, подумал: сколь велика земля! Пальмы растут на свете; люди пляшут, смеются; большие белые дома – чего только нет!

Ночь. Поскрипывает и поскрипывает ставенка – все время она так поскрипывает. Шелестят лиственной березки. То замолчат – тихо, а то вдруг залопочут-залопочут, неразборчиво, торопливо... Опять замолчат. Знакомо все, и почему-то волнуется.

Петьке хорошо.

Сны матери

Вот материны сны, несколько. Почему-то они мне запомнились, не знаю. Может, потому, что рассказывала она их не один раз; она сама помнит их всю жизнь.

Первый

– Я была ишо маленькая, годов семь так, восемь было. Может, маленько больше. Вижу сон. Вышла я вроде из дома – в тятином дому-то, – а в ограде у нас на ослике сидит святой с бородкой. Маленький такой старичок, весь белый: бородка белая, волосы белые. «Поводи, – говорит, – меня, девочка, по оградке-то, поводи». Я – вроде так и надо – начала его водить. Взяла ослика-то за уздечку да вожу. Ослик-то сроду не видела, а вот приснилось же. Вожу, а сама возьми да подумай: «Дай-ка я у него спрощу, што мне на тем свете будет?» Да взяла да спросила. Старичок засмеялся, достал откуда-то из-под полы бумажку и подает мне. «Вот, – говорит, – чего тебе будет». Я взяла бумажку-то, смотрю: она вся-вся исписана. А читать-то я уж умела. Вижу, буквы все наши, а разобрать сразу как-то не могу. Ладно, думаю, я его ишо маленько покатаю, а потом пойду в избу да прочитаю ладом. А сердце так вот волнуется!.. Шибко уж я рада, што узнаю про себя. Вожу вроде ослика-то, а сама – нет-нет да загляну в бумажку. Не читаю, а так. Радуюсь. Даже и про старичка забыла. Радовалась я, радовалась – и проснулась. Так обидно, так обидно было, даже заплакала. Маме утром рассказываю, она мне говорит: «Глупенькая ты, глупенькая, кто же тебе здесь скажет, чо на том свете будет? Никто не скажет». А я вот все думаю: не проснись я раньше времени, может, и успела бы прочитать хоть словечка два. Главню, ведь торопилась же я в избу-то!.. И вот – на тебе! – проснулась. Видно, и правда: не дано нам здесь знать про это, не дано.

Второй

– А это уж когда у меня вы были... Когда уж Макара забрали.

– В тридцать третьем?

– Но. Только-только его забрали. Весной. Я боялась ночами-то, ох боялась. Залезу с вами на печку и лежу, глазею. А вы – спи-ите себе, только губенки оттопыриваются. Так я, грешным делом, нарочно будила вас да разговаривала – все не так страшно. А кого вам было-то!.. Таля, та вовсе грудная была. Ну. А тут – заснула. И слышу, вроде с улицы кто-то постучался. И вижу сама себя: вроде я на печке, с вами лежу – все как есть. Но уж будто я и не боюсь ничегошеньки, слазию, открыла избную дверь, спрашиваю: «кто?» А там ишо сеничная дверь, в нее постучались-то. Мне оттуда: «Это мы, отроки. С того света мы». – «А чего вы ко мне-то? – Это я-то им. – Идите вон к Николаю Погодину, он мужик, ему не так страшно». – «Нет, нам к тебе надо. Ты нас не бойся». Я открыла... Зашли два мальчика в сутаночках. Меня всюё так и опануло духом каким-то. Приятным. Даже вот не могу назвать, што за дух такой, на што похожий. Сяли они на лавочку и говорят: «У тебя есть сестра, у нее померли две девочки от скарлатины...» – «Ну, есть, – говорю. – И девочки померли – Валя и Нюра». – «Она плачет об их, горюет». – «Плачет, – говорю. – Жалко, как же». – «Вот скажи ей, штоб не плакала, а то девочкам от этого хуже. Не надо плакать». – «Ладно, мол, скажу. А почему же хуже-то от этого?» Они мне ничего не сказали, ушли. Я Авдотье-то на другой день рассказала, она заплакала: «Милые мои-то, крошечки мои родные, как же мне не плакать об вас?..» Да и наревелись обои с ей досыта. Как же не плакать – маленькие такие, говорить только начали, таких-то ишо жалче.

Третий

– А тут вижу: хвораю лежу. А правда хворала-то. Си-ильно хворала. Но это в то же время, как Макара взяли. А вижу, вроде я в тятином дому-то лежу, на кровати. Я часто себя в тятином дому вижу. И вот лежу хвораю. А вот так вот вскинула

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru глаза-то позадь себя, а они стоят две – Авдотьины девочки-ти, которые померли-то. Стоят две. В чем их положили в гробики, в том и стоят – в платицах в таких, я их хорошо помню, эти платица. «Ой, – говорю, – Валенька, Нюронька!.. Да милые вы мои-то, вы откуда же?» – «А оттуда», – говорят. «Ну и как вам там?» – «Хорошо. Ой няня Маруся, нам там хорошо!» Ну, знамо, безгрешные душеньки... А потом Валя, постарше которая, вот так вот пальчиком погрозила и говорит: «А куклы-то нам посулила, а сама не сделала». А правда: когда они хворали лежали, я им посулила куклы сделать. Тада ведь купить-то негде было, сами делали да из тряпочек разных платица шили да играли. И так мне горько сделалось, что я заплакала. Заплакала и проснулась – лежу зареванная... «Ладно, – думаю, – выздоровею, сделаю вам куклы». Выздоровела, выстрогала две куколки, одела их понарядней да соседским девочкам, какие победней, отдала. Вот, играйте на здоровье.

Четвертый

– А это уж, как война началась, – тоже сон видела. Как забрали наших мужиков, то их сперва здесь держали, а потом в Бийск вон всех отвезли – в шалоны сажать. Согнали их туда – видимо-невидимо! Ну, пока их отправляли партиями, мы там с имя жили – прямо на площади, перед вокзалом-то, больша-ая была площадь. Дня три мы там жили. Лето было, чего же. И вот раз – днем! – прикорнула я, сижмя прямо, на мешок на какой-то голову склонила да и задремала. А он рядом сидел, отчим твой, Павел-то. И только я задремала, вижу сон. Будто бы мы с им на покосе. А покос вроде не колхозный, а свой, единоличный. Балаган такой стоит, таганок возле балагана... Сварила я похлебку да даю ему попробовать: «На-ко, мол, спробуй, а то тебе все недосол кажется». Он взял ложку-то, хлебнул да как бросит ложку-то и даже заматерился, сердешный. Он редко матерился, покойничек, а тут даже заматерился – обжегся. И я сразу и проснулась. Проснулась, рассказываю ему, какой сон видела. Он послушал-послушал да загрустил... Аж с лица изменился, помутнел (побледнел). Говорит печально: «Все, Маня... Неспроста этот сон: обожгусь я там». И – обжегся: полгода всего и пожил-то после этого – убило.

Пятый

– А вот сон тоже. Лежала я в больнице, а со мной вместе девушка одна лежала, сиротка. Я приголубила ее, она меня и полюбила. Да так привыкла! Ночевать потом ко мне ходила, когда мы из больницы-то выписались. А работала она на складе весовщицей. Каждый вечер, бывало, идет: «Мария Сергеевна, я опять к вам». Давай, милая, все веселей двоим-то.

– Ей что, жить, что ли, негде было?

– Да пошто же! Вот – привыкла. И я уж тоже к ей привыкла. Так мы дружно с ей жили! А потом она померла: плеврит, а от плеврита печень занялась. Померла, бедная. Я и схоронила ее. А потом вижу сон. Вышла я будто бы на речку, а на той стороне, где Гилёв остров, – город будто бы. Большой-большой город! Да красивый, дома высокие... И дома высокие, и весь вроде бы он в садах, весь-то он в зелени. Цветы – я даже с этой стороны вижу – так и колышутся, так и колышутся. Ах ты, господи! Сяла я в речку-то да поплыла туда – сижмя как-то, сижю и плыву, только руками маленько подгребаюсь. И так меня к тому городу и вынесло. Вышла я на берег – никого нету. Я стою, не знаю, куда идти. А смотрю, выходит моя Ниночка, девушка-то, сиротка-то. Матушка ты моя-то!.. Увидела меня да так обрадовалась, обняла, да та-ак крепко прилюбила, я ишо подумала: «Сильная какая – не выхворалась». А она, правда, мало похворала-то, скоро убралась. «Куда же мне идти-то? – спрашиваю ее. – Пошто тут никого нет-то?» – «Есть, – говорит, – как нету. А тебе во-он туда, – показывает мне. – Во-он, видишь?» Я смотрю туда, а там место-то похужее, победней, и дома пониже. «А ты где же? – спрашиваю Ниночку-то. А не спрашиваю же: «Ты где живешь?» – знаю, што она мертвая, а вишь, спрашиваю просто: «А ты где?» – «А я, – говорит, – вот – в центре». Конечно, сколько она и пожила-то. Она и нагрешить-то не успела, безгрешная душенька. А мне-то, вишь, на окраинке только место... Да хоть бы и на окраинке, а только там. Господи, как же там красиво! Все время у меня в глазах тот город стоит.

– Тогда телевизоры-то были уже?

– Какие телевизоры! Это когда было-то! – когда ты на действительной ишо служил. А Наташа в институте училась. Вон когда было-то. А што, думаешь, насмотрелась в телевизоре и поэтому такой город приснился?

– Но.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Нет. Я сроду таких городов ни в телевизоре потом, ни в кино не видела. Што ты!..

Психопат

Живет на свете человек, его зовут Психопат. У него есть, конечно, имя – Сергей Иванович Кудряшов, но в большом селе Крутилине, бывшем райцентре, его зовут Психопат – короче и точнее. Он и правда какой-то ненормальный. Не то что вовсе с вывихом, а так – сдвинутый.

Один случай, например.

Заболел Психопат, простудился (он работает библиотекарем, работает хорошо, не было, чтоб у него в рабочее время на двери висел замок), но, помимо работы, он еще ходит по деревням – покупает по дешевке старинные книги, журналы, переписывается с какими-то учреждениями в городе, время от времени к нему из города приезжают... В один из таких походов по деревням он в дороге попал под дождь, промок и простудился. Ему назначили ходить на уколы в больницу, три раза в день.

Уколы делала сестричка, молодая, рослая, стеснительная, очень приятная на лицо, то и дело что-то все краснела. Стала она искать иголкой вену у Психопата, тыкала, тыкала в руку, покраснела... Психопат стиснул зубы и молчал, ему хотелось как-нибудь приободрить сестричку, потому что он видел, что она сама мучается.

– Да вы не волнуйтесь, – сказал он. – Вы спокойней – как вас учили-то...

– Она ускользает, – пояснила сестричка.

Психопат пошевелил свободным плечом вторую руку, левую, он напряг и изо всех сил работал кулаком, как велела сестричка. Кое-как всадили укол.

– Неужели все так будут? – спросил Психопат. Он даже вспотел.

Сестричка ничего на это не сказала, только опять смутилась, пинцетиком свихнула иголку со шприца и положила ее в металлическую блестящую вазочку, в которой кипела вода. Психопат подумал: «Как суп варится из железок, надо же».

Пришел он в другой раз делать укол. Заранее стал волноваться. Дождался своей очереди, вошел в кабинетик, оголил правую руку до локтя и стал работать кулаком. Защемили резиновой кишкой руку выше локтя, и он продолжал пока работать кулаком, а сестричка налаживала шприц. Психопат между делом отметил, какая она статная, пора вообще-то замуж – хорошая, наверно, мать будет.

Стали опять искать вену. Рука у Психопата онемела.

– Отпускайте, – велела сестричка.

Психопат стал постепенно отпускать резиновую удавку, а сестричка все искала и все попадала мимо.

– Ускользает... – сказала она.

– Да куда она, к черту, ускользает! – вышел из терпения Психопат. Руку прямо ломило от боли. – Что вам тут, игра в прятки, что ли? – ускользает... Уметь же, наверно, надо!

Потом, идя из больницы, Психопат сожалел, что накричал, но не мог без раздражения думать про сестричку. Он думал: «Только детей и рожать – здоровые хоть будут. Мужа хоть аккуратно кормить будет... Нет, поперлась в медсестры – в люди вышла, называется».

Пошел он в третий раз делать укол. Шел и с ужасом думал, что надо ходить так целую неделю. «Как же она училась? – думал он с удивлением. – Ведь учил же ее кто-то – отметки ставили. Решил кто-то, что все, готовая медсестра». Что у него ускользает вена, он как-то не мог этого понять. Куда ускользает? Как это?.. Бред же. Не умеет человек, и все.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Оголил он в кабинетике левую руку, стянул ее резинкой, положил на красную холодную подушечку и пошел умело работать кулаком. На медсестру не смотрел – как она готовила шприц. У него болела душа – больно же, нестерпимо больно, еще от старого укола боль не утихла, а теперь она снова начнет вену искать. Он работал кулаком и думал: «Ну на кой черт надо было в медучилище-то? Ну, бухгалтер там, счетовод, секретарь в сельсовете, если дояркой не хочется, – нет, непременно надо в медсестры!»

Сестричка подошла к нему, вытолкнула из шприца вверх тонюсенькую струйку лекарства, свободной ладонью с силой несколько раз погладила руку Психопата от локтя книзу. На Психопата не смотрела – сама, как видно, всерьез страдала, что у нее плохо получается.

«Буду терпеть, – решил Психопат. – Неделю как-нибудь вытерплю».

Вена опять ускользала. И сестричка, и Психопат вспотели. Боль из руки стреляла куда-то под сердце. Психопат подумал, что так, наверно, можно потерять сознание.

– Да неужели вы всем так? – спросил он сквозь зубы. – Что же это такое-то?.. Мучительно же!

– Но если она у вас ускользает! – тоже осердилась сестричка.

«Она же еще и сердится!»

– Прекратите! – Психопат отвел свободной рукой руку сестры со шприцем. – Это попытка какая-то, а не лечение.

Сестричка растерялась. Покраснела.

– Ну а как же? – спросила.

– Да как, как!.. – Психопату тут же и жаль ее стало. – Не знаю как, но так же тоже нельзя, милая. Ведь я же не железный, ну!

– Я понимаю... – Сестричка стояла перед ним и при своей мощной молодой стати выглядела жалкой.

– Вы повнимательней как-нибудь, вспомните, как вас учили...

– Я все правильно делаю. – Сестричка смотрела на него сверху просто, с искренним недоумением. – Всем так делаю – ничего...

– Ну, всем, всем... – сказал Психопат. И опять невольно с раздражением подумал: «В люди вышла». – Ну, давайте, что теперь...

Сестричка нацелилась опять в вену, вроде нащупала, вонзила иглу и успела надавить поршень шприца... Психопат вскрикнул от боли; боль полоснула по руке, даже в затылке стало тяжело и больно.

– Идиотство, – сказал он, чуть не плача. – Ну идиотство же полное!.. Позовите врача.

– Зачем? – спросила сестричка.

– Позовите врача! – требовал Психопат. И встал, и начал нервно ходить по кабинетике, согнув левую руку и прижав ее к боку и раздражаясь все больше и больше. – Это идиотизм! Будем мы когда-нибудь что-нибудь уметь делать или нет?! – Он кричал на сестру; и она поэтому и пошла к врачу, что он кричал: жаловаться пошла, потому что он выражается – «идиотизм».

Пришел врач: молодой, с бородкой, тоскует в деревне, невнимательный, остроумный сверх всякой меры, заметил Психопат еще в тот раз, когда врач принимал его.

– Что тут у вас? – Да с такой снисходительной усмешечкой в глазах – прямо Миклухо-Маклай, а не лекарь заштатный. Эта-то усмешечка и взбесила вконец Психопата.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Да у вас тут, знаете, коней куют, а я укол пришел делать...

– Ну-ну, – прервал его врач и видом своим показал, что ему некогда, – поближе к делу, пожалуйста.

– Да дела-то нету! – закричал ему в бородку Психопат. – Будем мы когда-нибудь хоть уколы-то делать или шпаги будем глотать?! – Психопат, когда выходил из себя, говорил непонятно, нелепо, отчего сам потом страдал и казнился. – Ну что же, милые вы мои, как же так работать-то? Укол вот – час бьемся – сделать не можем. А мы бородки отпускаем, пенсне еще только осталось... Работать не умеем! Бородку-то легче всего отпустить, а она вон у вас уколы не умеет делать! – Психопат показал на сестричку. – Дядя доктор с бородкой... научили бы! Или сами тоже не умеем?

«Дядя доктор» сперва слушал с удивлением, потом рассердился.

– Ну-ка, прекратите кричать здесь! – сказал он строго. – Что вам здесь, базар, что ли?

– Да хуже! – не унимался Психопат. – Хуже! Базар по своим законам живет – там умеют, а у вас тут... черт знает что, конюшня.

Сестричка на это молча очень изумилась и возмутилась.

– Здание им построили!.. – все кричал Психопат. – А что толку? Все равно самодеятельность. Да что за проклятие такое, что же, вечно так и будем?! Ну уколы-то, уколы-то – ведь уж.. ну чего же проще-то! Нет, и тут через пень колоду! Да чтобы вас черт побрал с вашими бородками, с вашими гитарами!..

– Что, милицию, что ли, вызвать? – спросил доктор спокойно и презрительно.

– Давай! Давай, братец, дело простое. Проще, чем укол сделать. Эх-х.. – Психопат надел пиджак и направился к выходу. Но не утерпел и еще сказал с порога: – Ду ю спик инглишь, сэр? А как насчет картошки дров поджарить? Лескова надо читать, Лескова! Еще Лескова не прочитали, а уж.. слюни насчет неореализма пустили. Лескова, Чехова, Короленку... Потом Толстого, Льва Николаевича. А то – гитара-то гитара, а квакаем пока. А уж думаем – соловьи. – Помолчал, воспользовался, что доктор тоже молчит, еще сказал, миролюбиво, поучительно: – Работать надо учиться, сынок, работать. Потом уж – снисходительность, гитара – черт с ней, если так охота, но сперва-то работать же надо.

И Психопат ушел. Сестричка посмотрела на доктора – так посмотрела, словно хотела проверить и убедиться, что она не зря побеспокоила доктора, вызвав его.

– Работайте, – недовольно сказал доктор. И вышел из кабинетика.

Его в коридоре подждал Психопат. Он все еще держал руку согнутой и морщился. Врач, натолкнувшись на него, даже как будто растерялся – он думал, что нервный пациент ушел уже, а он тут.

– Простите, – сказал Психопат искренне, – я накричал там... Но я не виноват – больно же.

– Пойдемте, я вам в таблетках выпишу, – сказал молодой доктор на ходу. – Температура какая сейчас?

– Я не мерил, – ответил Психопат, входя следом за доктором в его кабинет.

– Ну вот... – Доктор с бородкой не горестно, а с досадой, привычно усмехнулся и присел к столу писать рецепт. – А возмущаемся... Толстой. При чем здесь Толстой-то? – спросил он и посмотрел на Психопата насмешливо. Насмешка эта задела Психопата, но он решил быть спокойным.

– При том, что он умные слова писал: не мешало бы их помнить.

– А почему вы решили, что я... что их не помнят?

– Это вы-то помните? – удивился Психопат.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ну а почему бы нет? – Доктор не только насмешливо, а и с презрением опять, и снисходительно, как показалось Психопату, смотрел от стола – молодой, довольный, уверенный. Психопат в свои 54 года полагал, что это он должен снисходительно смотреть на такого, как этот доктор, а не наоборот.

– Да неужели?

Доктор счел, наверно, что в его положении – врача – несерьезно, даже глупо спорить с больным, да еще так... странно: читал ли он Толстого, Льва Николаевича? Кстати, он его не читал, кроме как в обязательном порядке: в школе и в институте. Но при чем здесь Толстой, господи! И он склонился и стал писать рецепт.

– Может быть, вы тогда скажете: почему мы ничего делать не умеем? – спросил Психопат, продолжая стоять у двери.

– Что мы не умеем делать? – Доктор не поднял головы, продолжал писать.

– Уколы, например.

– Она не читала Льва Толстого, поэтому не умеет.

– Хорошо, вы читали, тогда скажите: почему вы ничего не умеете делать?

– О, дядя!.. – Доктор перестал писать и с удивлением смотрел на Психопата. – Это уже интересно. Ничего не умею?

– Нет. – Психопат поглядывался, не нашел близко табуретки, присел на жесткий диван, застеленный белой простышкой, на краешек. – Не умеете, молодой человек.

– В чем же это выражается? – спросил ироничный доктор.

– Да во всем. – Психопат прямо и просто смотрел на доктора. – Вы – врач, – продолжал он рассуждать спокойно, – ваша медсестра не умеет делать уколы, а вы... вас это ни капли не встревожило. Вы, как крючок конторский, сели выписывать мне таблетки... Да ведь мне уколы нужны-то! – Психопат протянул руку к доктору и членораздельно еще раз сказал: – У-ко-лы! Ведь вы же сами назначили уколы.

– Видите ли, – тоже терпеливо заговорил доктор, – есть такие особенные вены, которые...

– Бараны есть особенные, это я понимаю: разной породы, а вены у всех людей одинаковые. Ты не доктор. – Психопат встал. – Из тебя такой же доктор, как из меня – акушерка. Но меня удивляет вот это вот... – Психопат показал на доктора, как если бы он кому-то показывал на выставке заковыристую претенциозную картину – всей рукой, растопылив пальцы ладшкой вверх, и еще тряхнул рукой, – это вот... тупое самодовольство. Сидит душа мертвая, ни заботы, ни горяшка – пишет рецепт. Умеет писать рецепты – тоже в люди вышел.

Доктор, изумленный до чрезвычайности, смотрел на больного. Молчал.

– Как же вы так живете-то? А? Как же так можно?.. Вы простите, я на «ты» перешел – это не надо. Я не ругаюсь с вами, я правда хочу понять: неужели так можно жить? Ведь не знает человек ни дела своего, ни... Даже знать-то не хочет, не любит, а сидит – хмурится важно... Та хоть краснеет, а этот... важный. Господи, боже мой-то, да неужели только за кусок хлеба? Да что вы, люди! Куда же мы так пришлепаем-то? Ну? Голубчик ты мой, борода, ведь я так-то... не знаю – архиереем сяду вон и буду сидеть: мне что черт, что дьявол, что Никола Угодник – неинтересно. Что же уж так... обнаглели, что ли? Институт кончил... Да в двадцать-то пять лет я бы по домам ходил – старух с печек стаскивал: лечись, карга, а не жди конца, как... А тут все есть, а живой труп: сидит таблетки выписывает. Тогда уж касторку лучше, что же.

– Все? – спросил доктор жестко. И встал. – Выйдите отсюда. – Он еле сдерживал себя. – Выйдите, я прошу. Я требую!

– «Я требую!..» – передразнил его Психопат. – Эх-х... А жить еще небось лет

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru пятьдесят, а уж сосулька сосулькой. Он требует. Ты потребуй, чтоб тебе прожить человеком. Ничего не хотят люди! Бородки хотят носить... Да ведь когда и поработать-то смолоду, ведь чего уж лучше – людей лечить – нет, к тридцати годам душа уж дохлая. Только на гитаре и остается играть.

И Психопат вышел из кабинета. А доктор сел и некоторое время ошалело смотрел на дверь. Потом посмотрел в окно...

По больничному двору шел Психопат – высокий, прямой, с лицом сильного, целеустремленного человека. Шел широким ровным шагом, видно, привык ходить много и далеко; на нем какой-то длинный нелепый плащ и кожаная шляпа.

Вечером доктор нарочно пошел к своему товарищу, школьному учителю, который жил в этом селе года два уже. Спросил про Кудряшова Сергея Ивановича – знает ли он его.

– Знаю, – сказал учитель, улыбаясь. – А что?

– А кто он такой?

– Библиотекарь.

– Но он что... Он здешний?

– Здешний. Это человек любопытный, такой, знаешь... с неистребимой энергией: кроме работы, ходит еще по деревням, книги старые скупает, к нему из областной библиотеки приезжают, с архивами переписывается...

– А какое у него образование?

– Да никакого. Я не знаю точно, может, классов восемь... Сам ходит, по собственной инициативе. А что он? Наскандалил? Он скандалист большой...

– Да нет, просто интересно.

– Его в селе Психопатом зовут.

– Но ты его хорошо знаешь-то? Что он, читает много?

– Не думаю. Иногда такой дребедени нанесет... А иногда попадает на дельное: тут раскольников было много, книги на чердаках есть. Иногда интересные приносит. Вообще любопытный мужик. Кляузник только: завалил все редакции предложениями и советами. Мешанины в человеке много. Но вот... никто же не просит ходить, по деревням – ходит, свои деньги тратит...

– Но у него же покупают... Библиотеки-то.

– Не все же покупают-то, купят одну-две, а он по полмешка привозит. Такой вот... подвижник. Раздает много книг... В школу нам дарит. С ним одна история была. Набрал как-то мешок книг и стоит голосует на дороге... А платить шоферу нечем: весь истратился. Один подвез и требует плату. Этот ему книгу какую-то: на, мол, дорожке всяких денег. Тот, видно, послал его... а книжку – в грязь. Этот, Психопат-то, запомнил номер машины, нашел того шофера, в соседней деревне где-то живет, поехал к нему с братом, у него брат здесь, охотник, и побили шофера.

– Ничего себе! Ну и как? Судили?

– Шофер не подал – охотник откупился. У этого-то нет ничего, а охотник наскреб деньжат: откупились.

– А семья-то есть у него?

– У Кудряшова? Есть, двое детишек... Один в десятом классе – нормальные дети. А что он? Написал небось что-нибудь на больницу?

– Нет, так – был у меня сегодня, поговорили...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Он поговорить любит! Пофилософствовать. Я, правда, писанину его не читал, но говорить часто приходится – любопытно.

– А печатают его? В газетах-то.

– Да ну, кто его будет печатать. Так – душу отводит. Его не трогают, привыкли... А он убежден, что делает великое дело – книги собирает. У него целая теория на этот счет.

Доктор помолчал... И спросил:

– Слушай, а как думаешь: Льва Толстого он читал?

– Ну, вряд ли, – удивился учитель. – Не думаю. Может быть, «Жилина и Костылина», и то вряд ли. Да нет, такой просто энтузиаст, как говорят. Убежден, что надо доставать книги с чердаков, – достает. Убеждение там колоссальное... Может, потому и кричит на всех. Но он безвредный. Не пьет, кстати. А может, и читал, надо спросить. Но думаю, что нет.

– А как же он библиотекарем без образования-то?

– Он тут с незапамятных времен библиотекарь, тогда не до этого было. Между прочим, хорошо работает. Не пьет, кстати... А, говорил уже. – Учитель засмеялся, поискал в карманах сигареты, нашел, закурил... И опять с интересом посмотрел на товарища. И спросил: – Ведь наверняка же что-то выкинул этот Кудряшов, а? Чего ты с таким пристрастием расспрашиваешь-то?

– Да нет, говорю же тебе... Побеседовали просто в больнице. – Врач тоже закурил, посмотрел, как горит спичка, послынявил пальцы, перехватил спичку за обгоревший конец и сжег всю спичку до края. И внимательно смотрел на огонек.

Мужик Дерябин

Мужику Дерябину Афанасию – за шестьдесят, но он еще сам покрыл оцинкованной жестью дом, и дом его теперь блестел под солнцем, как белый самовар на шестке. Ловкий, жилистый мужичок, проворный и себе на уме. Раньше других в селе смекнул, что детей надо учить, всех (у него их трое – два сына и дочь) довел до десятилетки, все потом окончили институты и теперь на хороших местах в городе. Сам он больше по хозяйству у себя орудует, иногда, в страдную пору, поможет, правда, по ремонту в РТС.

Раз как-то сидели они со стариком Ваниным в ограде у Дерябина и разговорились: почему их переулок называется Николашкин. А переулок тот небольшой, от оврага, где село кончается, боком выходит на главную улицу, на Колхозную. И крайний дом у оврага как раз дерябинский. И вот разговорились... Да особо много-то и не говорили.

– А ты рази не знаешь? – удивился старик Ванин. – Да поп-то жил, отец Николай-то. Ведь его дом-то вон он стоял, за твоим огородом. Его... когда отца Николая-то сослали, дом-то разобрали да в МТС перевезли. Контора-то в МТС – это ж...

– А-а, ну, ну... верно же! – вспомнил и Дерябин. – Дом-то, правда, без меня ломали – я на курсах был...

– Ну, вот и – Николашкин.

– А я думаю: пошто Николашкин?

– Николашка... Его так-то – отец Николай, а народишко, он ить какой – все пересобачит: Николашка и Николашка. Так и переулок пошел Николашкин.

Дерябин задумался. Подумал и сказал непонятно и значительно:

– Люди из городов на конвертах пишут: «Переулок Николашкин», а Николашка – всего-навсего поп. – И посмотрел на старика Ванина.

– Какая разница, – сказал тот.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Большая разница. – Дерябин опять задумался и прищурил глаза. Все он знал – и почему переулочник Николашкин, и что Николашка – поп, знал. Только хитрил: он что-то задумал.

Задумал же он вот что.

Вечером, поздно, сел в горнице к столу, надел очки, взял ручку и стал писать:

«Красно-Холмскому райисполкому.

Довожу до вашего сведения факт, который мы все проморгали. Был у нас поп Николай (по-старому отец Николай), в народе его звали Николашка, как никакого авторитета не имел, но дом его стоял в этом переулке. Когда попу изъяли как элемента, переулочник забыли переименовать, и наш переулочник в настоящее время называется в честь попа. Я имею в виду – Николашкин, как раньше. Наш сельсовет на это дело смотрит сквозь пальцы, но жителям нам – стыдно, а особенно у кого дети с высшим образованием и вынуждены писать на конвертах «переулочник Николашкин». Этот Николашка давно уж, наверно, сгнил где-нибудь, а переулочник, видите ли, – Николашкин. С какой стати! Нас в этом переулке 8 дворов, и всем нам очень стыдно. Диву даешься, что мы 50 лет восхваляем попу. Неужели же у нас нет заслуженных людей, в честь которых можно назвать переулочник? Да из тех же восьми дворов, я уверен, найдутся такие, в честь которых не стыдно будет назвать переулочник. Он, переулочник-то, маленький! А есть ветераны труда, которые вносили пожизненно вклад в колхозное дело, начиная с коллективизации.

Активист».

Дерябин переписал написанное, остался доволен, даже подивился, как у него все складно и убедительно вышло. Он отложил это. И принялся писать другое:

«В Красно-Холмский райисполком.

Мы, пионеры, которые проживаем в переулке Николашкином, с возмущением узнали, что Николашкин был поп. Вот тебе раз! – сказали мы между собой. Мы, с одной стороны, изучаем, что попы приносили вред трудящимся, а с другой стороны – мы вынуждены жить в переулке Николашкином. Нам всем очень стыдно – мы же носим красные галстуки! Неужели в этом же переулке нет никаких заслуженных людей? Взять того же дядю Афанасия Дерябина: он ветеран труда, занимался коллективизацией и много лет был бригадиром тракторной бригады. Его дом крайний, с него начинается весь переулочник. Мы, пионеры, предлагаем переименовать наш переулочник, назвать – Дерябинский. Мы хотим брать пример с дяди Дерябина, как он трудился, нам полезно жить в Дерябинском переулке, так как это нас настраивает на будущее, а не назад. Прислушайтесь к нашему мнению, дяди!»

Дерябин перечитал и этот документ – все правильно. Он представил себе, как дети его узнают однажды, что отцу теперь надо писать на конверте не «переулочник Николашкин», а так: «переулочник Дерябинский, Дерябину Афанасию Ильичу». Это им будет приятно.

На другой день Дерябин зазвал к себе трех соседских парнишек, рассказал, кто такой был Николашка.

– Выходит, что вы живете в поповском переулке, – сказал он напоследок. – Я вам советую вот чего... Кто по чистописанию хорошо идет?

Один выискался.

– Перепиши вот это своей рукой, а в конце все распишитесь. А я вам за это три скворешни сострою с крылечками.

Ребятишки так и сделали: один переписал своей рукой документ, все трое подписались под ним.

Дерябин заклеил письма в два конверта, один подписал сам, другой – конопатый мастер чистописания. Оба письма Дерябин отнес на почту и опустил в ящик.

Прошло с неделю, наверно...

В полдень как-то к дому Дерябина подъехал на мотоцикле председатель сельсовета

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Семенов Григорий, молодой парень.

– Хотел всех созвать, да никого дома нету. Нам тут из района предлагают переименовать ваш переулок... Он, оказывается, в честь попа. Хотел вот с вами посоветоваться: как нам его назвать-то?

– А чего они там советуют? – спросил Дерябин в плохом предчувствии. – Как предлагают?

– Да никак – подумайте, мол, сами. Как нам его лучше?.. Может, Овражный?

– Еще чего! – возмутился Дерябин. Он погрузился и обозлился: – Лучше уж Кривой...

– Кривой? А что?.. Он правда что кривой. Так и назовем.

Дерябин не успел еще сказать, что он пошутил с «Кривым»-то, что надо – в честь кого-нибудь... А председатель, который, разговаривая, так и не слез с мотоцикла, толкнул ногой вниз, мотоцикл затрещал... И председатель уехал.

– Сменили... шило на мыло, – зло и насмешливо сказал Дерябин. Плюнул и пошел в сарай работать. – Вот дураки-то!.. Назло буду писать – «Николашкин».

И так и не написал детям, что его переулок теперь – Кривой, и они по-прежнему шлют письма, «переулок Николашкин, дом 1, Дерябину Афанасию Ильичу».

Рыжий

Давно-давно это было! Так давно, что и вспоминать неохота, когда это было. Это было давно и прекрасно. Весна была – вот что стоит в памяти, как будто это было вчера.

Ехал я по Чуйскому тракту из Онгудая домой, в Сростки. В Онгудее я жил с месяц у дяди Павла, крестного моего, бухгалтера... Была такая у нас с мамой весьма нелепая попытка: не выучиться ли мне на бухгалтера? Стало быть, мне лет 12–13, потому что когда мне стало 14, нас обуяла другая мысль: выучиться мне на автомеханика. Нас с мамой постоянно тревожила мысль: на кого бы мне выучиться?

Насчет бухгалтера ничего не вышло: крестный отказался учить. Я этому очень обрадовался, потому что хотел сам сбежать домой... Почему-то я очень любил свою деревню. Пожил с месяц на стороне и прямо измучился: деревня снится, дом родной, мать... Тревожно на душе, нехорошо.

И вот ехал домой. Сердце петухом поет – славно! Я знал: ругать меня не за что (бухгалтерия совершенно искренне не полезла в голову, о чем крестный и писал маме, и я это письмо вез), а скоро будет – из-за горы откроется – моя деревня.

Из Онгудая к Сросткам – это ехать с гор, вниз, в предгорье, километров триста. Крестный в Онгудее посадил меня на «ЗИС-5» к рыжему шоферу, заранее отдал деньги – и я ехал себе. Путь-то вон какой!.. От одной езды сердце замирало от радости. А тут мы еще где-то останавливались на ночевку, в какой-то избе, я спал на просторных полатах, где пахло овчиной, мукой и луком, слушал всякие разговоры внизу... Люблю слушать чужие разговоры, всегда любил. Слушал-слушал и уснул. А утром, чуть свет, меня разбудил мой рыжий шофер, и мы поехали по свежачку. Я зевал, рыжий тоже позевывал... Было ему лет тридцать, крепкий, весь рыжий-рыжий, а глаза голубые. В дороге он все время молчал. Только зевнет, смешно заматерится – протяжно как-то, нараспев – и опять молчит. А я себе смотрел во все глаза, как яснее, летит навстречу нам огромный, распахнутый, горный день... Ах, и прекрасно же ехать! И прекрасна моя родина – Алтай: как бываю там, так вроде поднимаюсь несколько к небесам. Горы, горы, а простор такой, что душу ломит. Какая-то редкая, первозданная красота. Описывать ее бесполезно, ею и надыхаться-то нельзя: все мало, все смотрел бы и дышал бы этим простором. И не пугали меня никогда эти горы, хоть наверху на них – голо, снег... Мне милее пашня, но не ровная долина, а с увалами, с гривами, с откосами. Но и горы и снег этот на вершинах, когда внизу зелено, – никогда чуждыми не были, а только еще милей и теплей здесь, внизу.

Едем...

Навстречу нам такой же грузовичок «ЗИС-5» (их потом, когда они уже уходили из

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru жизни, ласково звали «Захар» или «Захарыч», они славно поработали). Рыжий чуть отклонился на тракте правее, а тот, встречный, дует посередке почти... Рыжий несколько встревожился, еще поджался правее, к самой бровке, а встречный – нахально посередке. Рыжий удивленно уставился вперед... Я от его взгляда и встревожился – то: я сперва не понял, что нам грозит опасность. А опасность летела навстречу нам... Рыжий сбавил скорость и неотступным, немигающим, оцепенелым каким-то взглядом следил, как приближается этот встречный дурак. Тот – перед самым носом у нас – свильнул, но все равно нас крепко толкнуло, и раздался омерзительный, жуткий треск...

Я больше испугался этого треска, чем толчка, до сих пор помню этот треск: резкий, сухой, мгновенный... Как-то от него, от этого треска, толкнулось в сознании, что беда, может, смерть... Но тут же все пронеслось – ни смерти, ни беды большой. Рыжий остановился, вылез из кабины... И я тоже вылез. У нас – со стороны руля – отворотило угол кузова, причем угол, который у кабины. Тот, видно, задком шваркнул нас, и ему меньше досталось, потому что для него это получилось – на прощание, с потягом, а для нас удар – встречный: угла как не бывало, верхнего. Тот, видно, крюками саданул, какими борт захлестывается. Мы посмотрели вслед этому полудурку – тот себе катит как ни в чем не бывало. Рыжий быстро вскочил в кабину... Крикнул мне: «Садись!» Я мигом очутился в кабине... Рыжий развернулся и помчался вдогон тому, который ни с того ни с сего угостил нас. Вот мы летели – то!.. Рыжий опять неотступно, не мигая – вообще-то страшновато – смотрел вперед, чуть склонился к рулю. И страшновато, и красиво – я смотрел то на рыжего, то на машину впереди. Расстояние между машинами сокращалось. Рыжий не сказал ни слова... Он только раз или два пошевелился от нетерпения. Я понял, что он хочет сделать, тоже припечатать этому, кузовом же, я слышал, так делают шоферы: за нахальство и наглость. Но когда мы догоняли, я вдруг вспомнил, что там же их в кабине двое сидело, два мужика. Я сказал рыжему:

– Их там двое...

Рыжий чуть шевельнул головой на мой голос, но как смотрел вперед, так и смотрел, скорости не сбавил... Он, конечно, услышал мои слова, но я не увидел, чтобы он о чем-нибудь таком подумал, кроме как: во что бы то ни стало догнать. Это и было в его взгляде, во всей его склоненной фигуре – догнать. Его нетерпение и мне передалось, я тоже вцепился в ручку дверцы и тоже весь напряжился – тоже вдруг всего целиком охватило одно единое желание: скорей догнать и шваркнуть.

Тот по-прежнему чухал серединой тракта... Мы повисли у него на задке, рыжий стал гудеть, прося дороги. Он еще раз пошевелился, последний раз, глотнул... И гудел, и гудел беспрерывно. Синие глаза его прямо полыхали нетерпением, кричали прямо... Горели ясным синим огнем. Он слился с рулем, правым локтем придавил этот большой черный пупок сигнала – и гудел, и гудел.

Долго тот не давал нам дороги... Наконец, видим, пошел уклоняться вправо. Рыжий прямо лег на руль... И мы стали медленно их обходить. Рядом со мной – близко, рукой можно достать – прыгал враждебный нам кузов... И он, качаясь и подпрыгивая, тихонько отставал и отставал... Я уже стал видеть лицо того нахала: молодой тоже, моложе рыжего, скуластый, в серой фуражке... Покосился на нас, несколько назад... Потом мы с ним сравнялись, я-то вовсе рядом оказался. Сердце мое как будто кто в кулаке сжал... Тот, в фуражке, посмотрел на нас, скорей так: через меня на рыжего... И я понял, что он не узнал, что именно нам он сделал такую бяку. Я поразительно близко видел его лицо: широкое, в скулах, никакое не злое, несколько даже курносое... Он, по-моему, досадовал и несколько был удивлен, что его обгоняют, – и только. Никак уж, наверно, не ждал он, что его догнала расплата за его хулиганство.

Мы стали уже обходить «ЗИС», этот, в кепке, уже остался чуть сзади. Их, правда, двое было в кабине, но второго я совершенно не помню – я его, наверно, не видел: до того интересно было смотреть на скуластого.

Мы почти обогнали, ехали серединой... И тут рыжий сделал так: дал вправо, потом резко влево и тормознул. Нас кинуло вперед... Опять этот ужасный треск... Опять мимо пронеслось нечто темное, жуткое, обдав грохотом беды и смерти... И мы стали вовсе: рыжий подрулил вправо к обочине, как и положено, взял длинную заводную ручку и вылез из кабины. Но тот, с висячим уже бортом, не остановился. Рыжий подождал-подождал, залез опять в кабину, развернулся, и мы поехали своей дорогой. Рыжий был спокоен, ничего не сказал по поводу того, что... Он ехал и

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru ехал. Пару раз выглядывал из кабины и смотрел коротко на искореженный угол борта.

Я же почему-то принялся думать так: нет, жить надо серьезно, надо глубоко и по-настоящему жить – серьезно. Я очень уважал рыжего.

С тех пор я нет-нет ловлю себя на том, что присматриваюсь к рыжим: какой-то это особенный народ, со своей какой-то затаенной, серьезной глубиной в душе... Очень они мне нравятся. Не все, конечно, но вот такие вот – молчаливые, спокойные, настырные... Такого не враз сшибешь. И зубы ему не заговоришь – он свое сделает.

Вечно недовольный Яковлев

Приехал в отпуск в село Борис Яковлев... Ему – под сорок, но семьи в городе нету, была семья, но чего-то разладилось, теперь – никого. Вообще-то догадывались, почему у него – ни семьи, никого: у Яковлева скверный характер. Еще по тем временам, когда он жил в селе и работал в колхозе, помнили: вечно он с каким-то насмешливым огоньком в глазах, вечно подоспеет с ехидным словом... Все присматривается к людям, но не идет с вопросом или просто с открытым словом, а все как-то – со стороны норовит, сбоку: сощурит глаза и смотрит, как будто ждет, когда человек неосторожно или глупо скажет, тогда он подлетит, как ястреб, и клюнет. Он и походил на ястреба: легкий, поджарый, всегда настроженный и недобрый.

У него тут родня большая: мать с отцом еще живые... Собрались, гульнули. Гуляли Яковлевы всегда шумно, всегда с драками: то братаны сцепятся, то зять с тестем, то кумовья – по старинке – засопят друг на друга. Это все знали; что-то было и на этот раз, но не так звонко – поустили, видно, и Яковлевы.

Сам Борис Яковлев крепок на вино: может выпить много, а не качнется, не раздерет сдуру рубаху на себе. Не всегда и поймешь, что он пьян: только когда приглядишься, видно – глаза потемнели, сузились, и в них точно вызов какой, точно он хочет сказать: «Ну?»

Был он и на этот раз такой.

В доме у него еще шумели, а он, нарядный, пошел к новому клубу: там собралась молодежь, даже и постарше тоже пришли – ждали: дело воскресное, из района должна приехать бригада художественной самодеятельности, а вместе с районными хотели выступить и местные – ну, ждали, может, интересно будет.

Яковлев подошел к клубу, поглядывался... Закурил, сунул руки в карманы брюк и продолжал с усмешечкой разглядывать народ. Может, он ждал, что к нему радостно подойдут погодки его или кто постарше – догадаются с приездом поздравить; у Яковлева деньги на этот случай были в кармане: пошли бы выпили. Но что-то никто не подходил; Яковлев тискал в кулаке в кармане деньги и, похоже, злился и презирал всех. Наверно, он чувствовал, что торчит он тут весьма нелепо: один, чужой всем, стоит, перекидывает из угла в угол рта папиросину и ждет чего-то, непонятно чего. Самодеятельность эту он глубоко имел в виду, он хотел показать всем, какой он – нарядный, даже шикарный, сколько (немало!) заколачивает в городе, может запросто угостить водкой... Еще он хотел бы рассказать, что имеет в городе – один! – однокомнатную квартиру в новом доме, что бригадира своего на стройке он тоже имеет в виду, сам себе хозяин (он сварщик), что тишина эта сельская ему как-то... не того, не очень – по ушам бьет, он привык к шуму и к высоте. Наверно, он хотел вскользь как-нибудь, между прочим, между стопками в чайной, хотел бы все это рассказать, это вообще-то понятно... Но никто не подходил. Погодков что-то не видно, постарше которые... Черт их знает, может, ждали, что он сам подойдет; некоторых Яковлев узнавал, но тоже не шел к ним. А чего бы не подойти-то? Нет, он лучше будет стоять презирать всех, но не подойдет – это уж... такого мама родила. В его сторону взглядывали, может, даже говорили о нем... Яковлев все это болезненно чувствовал, но не двигался с места. Сплюнул одну «казбечину», полез за другой. Он смотрел и смотрел на людишек, особенно на молодых ребят и девушек... Сколько их расплодилось! Конечно, все образованные, начитанные, остроумные... а хоть бы у кого трояк лишней в кармане! Нет же ни шиша, а стоя-ат, разговоры ведут разные, баяют, сопляки, похохатывают... Яковлев жалел, что пришел сюда, лучше бы опять к своим горлопанам домой, но не мог уж теперь двинуться: слишком долго мозолил глаза тут всем. И он упорно стоял, ненавидел всех... и видом своим показывал, как ему смешно и дико видеть, что они собрались тут, как бараны, и ждут, когда приедет самодеятельность. Вся радость –

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru самодеятельность! Одни дураки ногами дрыгают, другие – радуются. «Ну и житуха! – вполне отчетливо, ясно, с брезгливостью думал Яковлев. – Всякой дешевизне рады.. Как была деревня, так и осталась, чуть одеваться только стали получше. Да клуб отгрохали!.. Ну и клуб! – Яковлев и клуб новый оглядел с презрением. – Сарай длинный, в душу мать-то.. Они тут тоже строят! Как же!.. Они тоже от жизни не отстают: клуб замастырили!»

Так стоял и точил злость Яковлев. И тут увидел, идут: его дружок детства Серега Коноплев с супругой. Идут под ручку, честь по чести..

«Ой, ой, – стал смотреть на них Яковлев, – пара гнедых. Как добрые!»

Сергей тоже увидел Яковлева и пошел к нему, улыбаясь издали. И супругу вел с собой; супругу Яковлев не знал, из другой деревни, наверно.

– Борис?.. – воскликнул Сергей; он был простодушный, мягкий человек, смолоду даже робкий, Яковлев частенько его бывало колачивал.

– Борис, Борис.. – снисходительно сказал Яковлев, подавая руку давнему другу и его жене, толстой женщине с серыми, несколько выпученными глазами.

– Это Галя, жена, – все улыбался Сергей. – А это друг детства.. А я слышал, что приехал, а зайти.. как-то все время..

– Зря церкву-то сломали, – сказал вдруг Яковлев ни с того ни с сего.

– Как это? – не понял Сергей.

– Некуда народишку приткнуться, смотрю.. То бы хоть молились.

– Почему? – удивился Сергей. И Галя тоже с изумлением и интересом посмотрела на шикарного электросварщика. – Вот.. самодеятельность сегодня.. – продолжал Сергей. – Поглядим.

– Чего глядеть-то?

– Как же? Спляшут, споют. Ну, как жизнь?

Яковлева вконец обозлило, что этот унылый меринок стоит лыбиться.. И его же еще и спрашивает: «Как жизнь?»

– А ваша как? – спросил он ехидно. – Под ручку, смотрю, ходите.. Любовь, да?

Это уж вовсе было нетактично. Галя даже смутилась, огляделась кругом и отошла.

– Пойдем выпьем, чем эту муть-то смотреть, – предложил Яковлев, не сомневаясь нисколько, что Серега сразу и двинется за ним.

Но Серега не двинулся.

– Я же не один, – сказал он.

– Ну, зови ее тоже..

– Куда?

– Ну, в чайную..

– Как в чайную? Пошли в клуб, а пришли в чайную? – Сергей все улыбался.

– Не пойдешь, что ли? – Яковлев все больше и больше злился на этого чухонца.

– Да нет уж.. другой раз как-нибудь.

– Другого раза не будет.

– Нет, счас не пойду. Был бы один – другое дело, а так.. нет.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну пусть она смотрит, а мы... Да мы успеем, пока ваша самодеятельность приедет. Пойдем! – Яковлеву очень не хотелось сейчас отваливать отсюда одному, немоготу. Но и стоять здесь тоже тяжело. – Пошли! По стакашку дернем... и пойдешь смотреть свою самодеятельность. А мне на нее... и на всю вашу житуху глядеть тошно.

Сергей уловил недоброе в голосе бывшего друга.

– Чего так? – спросил он.

– А тебе нравится эта жизнь? – Яковлев кивнул на клуб и на людей возле клуба.

– Жизнь... как жизнь, – сказал он. – А тебе что, кажется, скучно?

– Да не скучно, а... глаза не глядят, в душу мать-то, – накалялся Яковлев. – Стоя-ат... бараны и бараны, курва. И вся радость вот так вот стоять? – Яковлев прямо, ехидно и насмешливо посмотрел на Серегу: то есть он и его, Сергея, спрашивал – вся радость, что ли, в этом?

Сергей выправился с годами в хорошего мужика: крепкий, спокойный, добрый... Он не понимал, что происходит с Яковлевым, но помнил он этого ястреба: или здесь кто-нибудь поперек шерсти погладил – сказал что-нибудь не так, или дома подрались. Он и спросил прямо:

– Чего ты такой?.. Дома что-нибудь?

– Приехал отдохнуть!.. – Яковлев уж по своему адресу съехидничал. И сплюнул «казбечину». – Звали же на поезд «Дружбу» – нет, домой, видите ли, надо! А тут... как на кладбище: только еще за упокой не гнутят. Неужели так и живут?

Сергей перестал улыбаться; эта ехидная остервенелость бывшего его дружка тоже стала ему поперек горла. Но он пока молчал.

– У тебя дети-то есть? – спросил Яковлев.

– Есть.

– От этой? – Яковлев кивнул в сторону толстой, сероглазой жены Сергея.

– От этой...

– Вся радость, наверно, – допрашивал дальше Яковлев, – попыхтишь с ней на коровьем реву, и все?

– Ну а там как?.. – Сергей, видно было, глубоко и горько обиделся, но еще терпел, еще не хотел показать это. – Лучше?

– Там-то?.. – Яковлев не сразу ответил. Зло и задумчиво сощурился, закурил новую, протянул коробку «Казбека» Сергею, но тот отказался. – Там своя вонь... но уж хоть – в нос ширяет. Хоть этой вот мертвечины нет. Пошли выпьем!

– Нет. – Сергей, в свою очередь, с усмешкой смотрел на Яковлева.

Тот уловил эту усмешку, удивился.

– Чего ты? – спросил он.

– Ты все такой же, – сказал Сергей, откровенно и нехорошо улыбаясь. Он терял терпение. – Сам воняешь едешь по свету, а на других сваливаешь. Нигде не нравится, да?

– А тебе нравится?

– Мне нравится.

– Ну и радуйся... со своей пучеглазой. Сколько уже настрогали?

– Сколько настрогали – все наши. Но если ты еще раз, падали кусок, так скажешь, я... могу измять твой дорогой костюм. – Глаза Сергея смотрели зло и серьезно.

Яковлев не то что встревожился, а как-то встрепенулся; ему враз интересно сделалось.

– О-о, – сказал он с облегчением. – По-человечески хоть заговорил. А то – под ру-учку идут... Дурак, смотреть же стыдно. Кто счас под ручку ходит!

– Ходил и буду ходить. Ты мне, что ли, указчик?

– Вам укажешь!.. – Яковлев весело, снисходительно, но с любопытством смотрел на Сергея. – На тракторе работаешь?

– Не твое поганое дело.

– Дурачок... я же с тобой беседую. Чего ты осердился-то? Бабу обидел? Их надо живьем закапывать, этих подруг жизни. Гляди!.. обиделся. Любишь, что ли?

С Яковлевым трудно говорить: как ты с ним ни заговори, он все равно будет сверху – вскрылит вверх и оттуда разговаривает... расспрашивает с каким-то особым гадким интересом именно то, что задело за большое собеседника.

– Люблю, – сказал Сергей. – А ты свою... что, закопал, что ли?

Яковлев искренне рассмеялся; он прямо ожил на глазах. Хлопнул Сергея по плечу и сказал радостно:

– Молоток! Не совсем тут отсырел!.. – Странная душа у Яковлева – витая какая-то: он правда возрадовался, что заговорили так... нервно, как по краешку пошли, он все бы и ходил вот так – по краешку. – Нет, не удалось закопать: их закон охраняет. А у тебя ничего объект. Где ты ее нашел-то? Глаза только... Что у ней с глазами-то? У ней не эта?.. болезнь такая с глазами есть... Чего она такая пучеглазая-то?

Сергей по-деревенски широко размахнулся – хотел в лоб угодить Яковлеву, но тот увернулся, успел, Сергей ударил его куда-то в плечо, не больно. Яковлев этого только и ждал: ногой сильно дал Сереге в живот, тот скорчился... Яковлев кулаком в голову сшиб его вовсе с ног. И спокойно пошел было прочь от клуба... Его догнали. Он слышал, что догоняют, но не поворачивался до последнего мгновения, шел себе беспечно, даже «казбечину» во рту пожевывал... И вдруг побежал, но тут же чуть отклонился и дал первому, кто догонял, кулаком наотмашь. Первому он попал, но догоняло несколько, молодые... Хотя и умел Яковлев драться, его скоро сшибли тоже с ног и несколько попинали, пока не подбежали пожилые мужики и не разняли.

Яковлев встал, сплюнул, оглядел всего себя – ничего существенного, никаких особых повреждений. Отряхнулся. Он был доволен.

– Ну, вот... – сказал он, доставая «Казбек», – хоть делом занялись... – Яковлев насмешливо оглядел окруживших его мужиков и молодых парней. – А то стоя-ат ждут свою самодеятельность дурацкую.

– Иди отсюда, – посоветовали ему.

– Пойду, конечно... Что же мне, тоже самодеятельность, что ли, с вами стоять ждать? Кто выпить хочет? Парни...

Никто не изъявил желания пить с Яковлевым.

– Скучно живете, граждане, – сказал Яковлев, помолчав. Сказал всем, сказал довольно проникновенно, серьезно. – Тошно глядеть на вас...

– Еще, что ли, дать?

– Надо было, – сказал кто-то из пожилых мужиков. – Зря разняли.

– Не в этом дело, – сказал Яковлев. – Скучно, – еще раз сказал он, сказал четко, внятно, остервенело. Сунув руки в карманы шикарных брюк, пожевал «казбечину»... И пошел.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Еще немного постояли, глядя вслед Яковлеву... Повспоминали, какой он тогда был – всегда был такой. Они все, Яковлевы, такие: вечно недовольные, вечно кулаки на кого-нибудь сучат...

Тут как раз приехала самодеятельность. И все пошли смотреть самодеятельность.

Други игрищ и забав

В нервной, шумливой семье Худяковых – происшествие: народился младенец по имени Антон. То-то было волнений, крика, когда их – роженицу и младенца – привезли домой... Радовались, конечно, но и шумели, и нервничали тут же – стыдились радоваться: у Антона нет отца. То есть он, конечно, есть, но пожелал остаться неизвестным. Семья Худяковых такая: отец Николай Иванович, сухой, пятидесятилетний, подвижный, как юноша, резкий... Шофер. Как разволнуется, начинает заикаться. Мать Лариса Сергеевна, обычно крикливая, но не злая. Сын их Костя, двадцатитрехлетний, слесарь, тоже нервный, часто волнуется, но тогда не кричит и не говорит – мало говорит – старается найти слова сильные, точные, не сразу их находит и выразительно смотрит темно-серыми глазами на того, кому он хотел бы найти эти слова. И наконец, дочь Алевтина, двадцатилетняя, с припухлыми, чуть вывернутыми губами, хоть тоже шумливая, но добрая и доверчивая, как овца. Она-то и родила Антона. Из-за нее-то и нервничали. Казалось бы, чего уж теперь-то нервничать: знали же, ждали же... Нет, как привезли человечка, тут они все разнервничались – на то они и Худяковы, крикуны, особенно отец.

– Ну, х-хорошо, ну, л-л-л... это... ладно, – кричал отец, – если он не хочет прийти, то х-хоть скажи: кто он?!

Алевтина плакала, но не говорила, упорно не говорила... Николай Иванович из себя выходил, метался по комнате. Лариса Сергеевна – это странно, но никто как-то на это не обращал внимания, что это странно, – не кричала, а спокойно налаживала кроватку, распоряжалась насчет пеленок, распашонок... Она, как видно, свое открывала раньше. Костя... У Кости, брата, было сложное чувство. Младенец взволновал его, обрадовал, но досада, стыд и злость на сестру губили радость. Он тоже хотел бы знать, кто же это такой ловкий, что и ребенка смастерил, и глаз казать не хочет?

– Подожди ты, не кричи, – сказал он отцу, – чего криком достигнешь?

– Достигалы! – закричал и на него отец. – Вы всего достигаете!.. Вон вы чего достигаете – в подолах приносить. Радуйтесь теперь!..

– Ну и... все. Чего кричать-то? Чего изменишь-то криком?

– Я хочу знать: кто?! – Отец резко крутнулся на месте, махнул рукой и выбежал из комнаты. На кухню. Он не мог совладать с отчаянием. – Как добрым, отдельную квартиру дали!.. – вовсе уже бессмысленно кричал он оттуда. – Нет, они начинают тут... Тьфу!

– Алька, – приступил к допросу Костя, приступил, как ему казалось, спокойно и умно. – Скажи мне, я один буду знать: кто?

– Иди ты к черту! – закричала на него заплаканная Алька. – Не скажу! Не ваше дело.

– Не наше?! – закричал и Костя. И уставился на сестру, и смолк, в поисках сильного справедливого слова. – А чье же? Не наше?.. Зануды вы!.. Дуры!

Он тоже резко повернулся и ушел на кухню.

– Ну, что за дуры такие!.. – повторил он уже на кухне, при отце. И стал закуривать. – Убивать таких...

Отец, засунув руки в карманы брюк, стоял у окна, обиженно смотрел на улицу.

– Вырастили дочь, – сказал он. – Хоть беги теперь от позора... С кем она дружила-то? – опять повысил он голос. И повернулся к сыну. – Не знаешь?

– Откуда я знаю?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– «Откуда я знаю!» Черти... Засмеют теперь, людям только дай повод. Эх-х!..

Они долго молчали, курили, невольно прислушиваясь к возне там, в комнате. Маленький Антон молчал.

– Парень-то крепкий уродился, – сказал отец страдальческим голосом.

– Ну и пусть растет, – невольно поддался было Костя мирному, хоть и горькому настроению. – Что теперь сделаешь?

– Ну, нет! – взвился опять отец. И вскочил, и заходил по тесной кухне. – Это они... сильно легко жить собрались! Черта с два! Так не бывает. – Он помолчал, еще походил немного, остановился перед сыном. – Ты вот что: когда успокоимся, ты как-нибудь подъезжай к ней... Хитростью как-нибудь. Не может быть, чтобы нельзя узнать... Что, в чужой стране, что он? Поумней как-нибудь... Не кричи, а поспокойней. То, се, мол, может, привет передать... Да не может быть, чтобы нельзя было узнать! Я его приведу, подлеца, и – носом в пеленки, как кота: вот теперь твое место здесь, здесь... Гады золотушные. Ишь, научились как!.. Прямо не жизнь, а малина. Ну, нет!..

– Да что нет-то? Что нет-то? – рассердился вдруг Костя на отца. – Что сделаешь-то?

– Что сделаю? Приведу и поселю здесь жить: вот тебе, друг ситный, твоя семья: жена и сын.

– А он пошлет тебя... И все. И ничего ты не сделаешь.

Отец строго уставился на сына... Но, видно, и сам тоже подумал: а что действительно тут сделаешь?

– Сде-еаем, – сказал он обещающе, но развивать эту мысль дальше не стал, – нечего развивать, вот и не стал. Сел, закурил опять. Курил и смотрел в пол безнадежно. Пальцы рук его чуть тряслись.

Косте стало жалко отца. Ничего он не сделает, подумал он. Что он может сделать? Покричит-покричит, а будет все как есть. Но если пожилой отец ничего не может сделать, тут же подумал Костя, то мне-то грех оставлять беззащитными сестру и племянника. Это уж... извините.

И решил Костя: не надо кричать, не надо суетиться, надо спокойно, железной рукой восстановить справедливость. Эти волосатики, правда что, собрались легко жить! (Почему-то он был уверен, что отец Антона – какой-нибудь из этих, каких он часто видел во дворе с гитарой.) Самого Костю как-то миновало это поветрие – трясти космами и до одури брэнчать на гитаре, он спокойно презирал обтянутых парней, сторонился и следил только, чтобы у него с ними не случилось драки: волосатики ходили стадом и не стыдились бить кучей одного.

Костя решил, что он все равно узнает, кто отец Антона. А там уж видно будет, что делать.

И Костя узнал.

Дня через три, когда все малость успокоились, он потихоньку перерыл сумочки сестры, карманы ее пальто и курточек – и нашел, что искал: записную книжку. В книжке – номера телефонов. Костя стал внимательно изучать эти номера. Тут были телефоны подружек, рабочие телефоны (Алевтина работала на почте), телефоны каких-то тетей... Но того, что было нужно, не было. Тогда Костя набрал телефон первой попавшейся подружки Алевтины. Светы какой-то...

– Света? – спросил он вежливо.

– Да-а, – пропел ему в ухо голосок. – Кто это?

– Света, это брат Алкин... Слушай сюда, у нас же это... прибавление...

Света молчала.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Знаешь, да? – продолжал Костя игриво.

– Да, – сказал в ухо голосок. – Знаю.

– А чего же он не звонит? А?

– Кто, Игорь?

– Да, Игорь-то. Чего он?

– Но они же... – Света, видно, как спохватилась, помолчала и сказала: – Я не знаю.

– Что «не знаю»? Чего ты хотела сказать?

– Не знаю...

– А кто он, этот Игорь?

– Не знаю.

Все, теперь она не слезет со своего «не знаю». Ну, хватит и того, что успела сказать.

– Что же вы такие, Света? – спросил Костя как можно спокойнее. И сжал трубку, аж пальцы побелели.

– Какие? – удивилась Света.

– Да лахудры-то такие... Что, совсем, что ли, дуры полные?

Света положила трубку.

Игорек... Ну, держись, Игорек... Собака!

Костя походил возле телефона-автомата... Как умней повести дело? Надо же этого Игорька еще добыть!

«Э, – догадался Костя, – да эти же и знают, с гитарами-то. Чего я?...»

И он подошел к одному, к тоскливому... Этот тоскливый был, видно, с похмелья по воскресному делу, сидел один на скамеечке под березой, устало и одинаково смотрел перед собой – ждал, что ли, кого.

– Что такой задумчивый? – спросил Костя, присаживаясь на скамейку.

Тоскливый повернулся к нему... Глаза круглые, неглупые, несколько усталые, но тотчас засветились любопытством и неким немим ожиданием.

– А чего? – спросил он.

«Да нормальные люди! – успел подумать Костя. – Напускают только на себя...»

У этого, тоскливого, даже и волосы-то не такие уж длинные, правда, – усы...

– Ты этого... Игорька знаешь? – прямо спросил Костя. – С сеструхой-то который...

Тоскливый некоторое время с интересом смотрел на Костю – не то изучал, но и не скрывал интереса. Усмехнулся.

– А тебе что?

Костя заволновался, но прищемил свое волнение зубами... Тоже смотрел на усатого, старался усмехнуться, но не знал: усмехается или нет? Очень уж он как-то сразу взволновался.

– Пошли выпьем? – сказал Костя. И суетливо сунулся в карман, чтобы этим жестом успокоить усатого – что не трепется, что деньги есть. Но деньги не стал

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru показывать, ибо заметил, что усатый утратил интерес к нему: видно, как поторопился он с этой выпивкой.

«Ну, а как, как? – в отчаянии соображал Костя. – Как же?»

– Прикупить, что ли, хочешь? – спросил усатый. И отвернулся. Но снова повернулся. – Зачем тебе Игорька-то? – спросил.

Тут Костя взмолился:

– Слушай... прости с этой выпивкой – сам не знаю, чего я... Прости. – Он даже тронул трясущейся рукой усатого по колену. – Я хочу спросить Игорька: будут они... сходиться-то?

Усатый опять смотрел на Костю, и опять глаза его круглые слабо осветились жизнью: опять ему стало интересно. Он усмехнулся.

– Не будут, – сказал он.

– Почему? – спросил Костя. Он хотел бы тоже усмехнуться, но не знал: получается у него усмешка или нет. – А зачем же тогда ребенка-то?..

– Это ты у сестры спроси, – молвил резонно усатый. И отвернулся. Интерес потух в его круглых глазах.

Мгновение Косте казалось, что он кинется на усатого, вцепится ему в горло... но он помолчал и спросил:

– Неужели ребенка-то?.. Хоть бы посмотрел. Что уж тут, съедят, что ли, вашего Игорька? Чего боитесь-то?

– Кто боится? – спросил усатый удивленно.

– Да вы боитесь. – Костя понял, что нечаянно угодил в слабое место усталой души усатого. – Чего же прячетесь, если не боитесь?

Усатый долго молча смотрел на Костю... И Костя смотрел на него, и ему удалось презрительно усмехнуться, он это почувствовал.

– Ну и поганцы же!.. – сказал он презрительно. – Чуть чего, так в кусты. Джельтмены, мать вашу... Твари.

Усатый задумался... Скосил глаза куда-то мимо Кости и даже губу покусал в раздумье.

– Мгм, – сказал он. – Я могу дать адрес Игорька... Но вечером ты выйдешь и расскажешь, как вы там поговорили. Так есть?

– Есть, – поспешно согласился Костя. – Расскажу.

– Мичурина, двадцать семь, квартира восемнадцать. Но не забудь, вечером расскажешь.

...Костя летел на Мичурина и твердил в уме: «Двадцать семь, восемнадцать, двадцать семь, восемнадцать...» Почему-то взял страх, что забудет, а записать – ручки с собой нет. Ни о чем другом не думал, твердил и твердил эти цифры. Только когда пришел к дому двадцать семь и стоял уже перед дверью, на которой табличка – 18, тогда только перевел дух... И тут обнаружил, что очень волнуется, так волнуется, как никогда не волновался: даже сердце заболело. Нет, надо успокоиться, решил Костя, а то... что же я такой сделаю там? Он походил перед дверью... Не успокоился, а, сам того не желая, не сознавая даже, нажал кнопку звонка.

Дверь открыла моложавая еще женщина, очень приятная на вид... Открыла и смотрела на Костю.

– Игорь дома? – спросил Костя спокойно. Он поразился в душе своему вдруг спокойствию. Только что его чуть не трясло от волнения.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Нету... – Что-то такое было, наверно, в глазах Кости, что женщина не закрыла дверь, а смотрела на него вопросительно, даже встревоженно. – А вы... вам зачем он?

Костя пошел прямо на женщину... Она невольно посторонилась, и Костя прошел в квартиру. По коридору навстречу ему шел мужчина в спортивном костюме, лет так пятидесяти пяти, с брюшком, но с таким... аккуратным брюшком, упитанный, добродушный. Но хоть лицо его добродушное, в эту минуту оно тоже было несколько встревоженное. Он тоже вопросительно смотрел на Костю.

– Я к вашему Игорю, – сказал Костя.

– Но нет же его, – чуть раздраженно сказала сзади женщина.

– А где он? – Костя стал в коридоре между мужчиной и женщиной – отцом и матерью Игорька, как он понял. – Мне его срочно надо.

– А что такое? – спросил мужчина.

– Он скоро придет? – в свою очередь спросил Костя. Спросил почему-то у женщины.

– А что такое? – опять спросил мужчина.

Костя повернулся к мужчине и долго, внимательно смотрел ему в глаза. Тот не выдержал, шевельнул плечом, коротко – поверх Кости – глянул на жену, потом опять на Костю.

– В чем дело-то, вы можете объяснить? – потребовал он строго.

Костя стиснул зубы и смотрел на мужчину.

– У Игоря... у вашего, – заговорил он дрожащим от обиды, от горькой обиды и ярости голосом, – родился сын. Но Игорь ваш... не хочет даже... Игорь ваш прячется, как... – Костя не досказал, как кто, но он знал – чувствовал – он здесь сейчас скажет все: как на грех, стоял перед ним – сытый благополучный человек, квартира большая, шуба дорогая висит на вешалке, шляпа на вешалке, сверху...

– То-о есть? – как-то даже пропел мужчина. – Как это?

– Что, что, что?... – несколько заплотшно зачастила сзади женщина. – Что?

– У Игоря вашего родился сын. Но Игорь ваш... не на тех нарвался! – У Кости прыгали губы; все здесь – эти изумленные, сытые люди, квартира богатая – все предстало в его сознании как мир недобрый, враждебный, он весь стиснулся, скрутился в злой, крепкий комок. Он мог бы – готов был – дать ногой в аккуратный живот мужчине.

– Не на тех нарвался ваш Игорь! – повторил Костя. В этот миг ему бросилась в глаза медная ступка с пестиком, что стояла на тумбочке в коридоре, он отметил, что она стоит тут, это придало Косте уверенности. Он даже несколько успокоился.

– Ну-ка, пойдите сюда, – сказал мужчина. И повернулся и ушел в дверь направо из коридора. – Идите сюда! – сказал он уже из комнаты громко.

Костя повернулся к женщине и сказал:

– Идите, чтобы вы тоже знали... – И показал рукой на дверь, куда ушел мужчина.

Женщина (она была так растеряна, что покорно повиновалась) пошла в комнату.

Когда она зашагнула за порог двери, Костя прошел мимо тумбочки, неслышно вынул пестик из ступки и сунул во внутренний карман пиджака; пестик был небольшой, аккуратный, тяжеленький. Он оттянул полу пиджака, но надо специально приглядываться, чтобы это заметить.

– Ну-ка, по порядку, – велел мужчина, когда Костя вошел в большую красивую комнату с рыбками на подоконнике. – Не волнуйтесь, не... Толком расскажите, в чем дело? Кто вы такой?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Человек, – сказал Костя, опускаясь в мягкое кресло. С пестиком он себя чувствовал уверенно, как с наганом. – Ваш Игорек... Я еще раз вам говорю: ваш Игорек стал отцом, но хочет, как гад, ускользнуть в кусты. Я повторяю: у него этот номер не пройдет.

– Да кто вы такой-то?! – чуть не со слезами вскричала женщина; она поняла, что это правда: ее Игорек стал отцом, и она готова была зареветь от ужаса.

– погоди, – остановил ее муж. – Ну-ка, – терпеливо, но уже и недобро стал он расспрашивать, – наш Игорь стал отцом... То есть у него родился ребенок? Так?

– Так. Антон.

– А кто мать... Антона?

– Моя сестра.

– Боже мой! – воскликнула опять миловидная женщина. И уставилась на Костю с мольбой и отчаянием. Косте показалось даже, что она увидела оттянутую полу его пиджака и вот-вот взмолится, чтобы их не убивали. – Да какой же он отец?!

– А кто твоя сестра? – продолжал допрашивать мужчина; он заметно сердился. И чем больше он сердился, тем опять спокойнее становился Костя, спокойнее и ожесточенней.

– Тоже человек, – сказал он, глядя в глаза мужчине.

– Я тебя дело спрашиваю, сопляк! – взорвался мужчина. – Чего ты!.. Пришел здесь, понимаешь!.. Чего ты ломаешься сидишь? Пришел – говори дело. Кто твоя сестра?

– Че-ло-век, – сказал Костя. Руки его ходуном ходили – охота было уже выхватить пестик, но он еще сдерживал себя.

– Молодой человек, – взмолилась мать, – да вы расскажите все, зачем же мы злимся-то? Расскажите спокойно.

– Я не знаю, почему ваш муж обзываться начал, – повернулся Костя к женщине. – За сопляка я еще... мы еще про это тоже поговорим. Моя сестра... ей двадцать лет, она работала... пока не забеременела... Теперь она туда, конечно, не пойдет. От позора. Работала на почте. Мы люди простые... Мы люди простые, – повторил с глубокой внутренней силой Костя, глядя на мужчину, – но Игорек ваш от нас не уйдет. Лично от меня не уйдет. Ясно?

– Ясно, – сказал мужчина. И встал. – Вот оттого, что ты, сопляк... я повторяю: сопляк, пришел и взял сразу такой тон, я с тобой говорить отказываюсь. Тоже ясно? Я буду говорить с твоей сестрой, с отцом, с матерью, а тебе приказываю – вон отсюда! – И показал рукой на дверь. Он был властный человек.

Костя встал... И вынул из кармана пестик. И сразу без слов пошел на мужчину. Вмиг лицо мужчины сделалось серым... Он попятился назад, к рыбкам... Нахмурился и смотрел, как зачарованный, на медный пестик в руке Кости. Женщина не сразу поняла, зачем Костя встал и пошел... Зачем вынул из кармана пестик, она это тоже как-то не поняла. Она поняла все, когда увидела лицо мужа... И закричала пронзительно, жутко. Костя оглянулся на нее... И тотчас полетел на пол от крепкого удара в челюсть. Мужчина прыгнул на него, заломил назад его правую руку и легко вырвал пестик.

– Вон ты какой!.. – сказал он, поднимаясь. – Вставай! Садись сюда.

Костя поднялся, сплюнул сукровицей на ковер... Посмотрел на мужчину. Глаза Кости горели безумием и отвагой.

– Все равно убью, – сказал он.

Мужчина толкнул его в кресло. Костя упал в кресло, ударился затылком об стенку. Но продолжал смотреть на мужчину.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Убью... из ружья. Подкараулю и убью, – повторил он.

Мужчина с пестиком в руке сел напротив, заговорил разумно и спокойно:

– Хорошо, убьешь. За что?

– За то, что породили такого бессовестного... такую тварь бессовестную. Кто так делает? – Косте хотелось заплакать и кинуться на разумного мужчину. – Кто так делает?! – закричал он.

– Что делает? Как делает?

– Как ваш сын...

– А сестра твоя как делает? – жестко и справедливо спросил мужчина. – Она же совершеннолетняя.

– Она дура!

– Что значит «дура»? Дуру не возьмут работать на почту.

– Она жизни не знает... Много надо, чтобы их обмануть! Нет, – постучал Костя худым кулаком по своей острой коленке, – пока они не распишутся и не будут жить нормально... до тех пор я вам жизни не дам. Сам погибну, но вам тоже не жить. Сам все сделаю, сам! Сам буду судить!.. За подлость.

Мужчина внимательно и тяжело смотрел на него. Долго молчал.

– Не пугай ты меня, не пугай, – сказал Костя на это тяжелое молчание. – Не испугаешь. Убить – можешь... Дай вон пестиком по голове и в багажнике вывези куда-нибудь...

– Господи, да что же это такое-то! – тихо, с ужасом воскликнула опять женщина. – Да о чем вы говорите?!

– Мне жизнь не такая дорогая, как вашему красавцу... Но ему не жить, если он не сделает по-человечески! – Костя опять с силой ударил кулаком по колену – Не жить! Я жить не буду, отец убьет вас: он знает, куда я пошел...

– Кто твой отец? – спросил мужчина.

– Человек. Чего тебе все надо: кто? Кто? Человек, кто! Пуза у него, правда, нет вот такого... – Костя посмотрел на аккуратный арбуз мужчины, обтянутый синим спортивным свитером.

– Сейчас ты оставишь свой адрес и уйдешь, – сказал мужчина. Встал и подошел к столу – записать адрес. – Говори.

– Я не уйду отсюда, пока не дождусь вашего Игорька... Потом мы пойдем вместе, я его суну носом в пеленки – он будет знать, где теперь его дом и семья.

– Да какой он семьянин! – не то с изумлением, не то невольно со смехом, с горьким, правда, смехом сказала мать. – Он только первый курс закончил... Ему еще четыре года учиться.

– Будет работать и учиться, – заметил на это Костя. – Ничего страшного.

– Давай адрес! – опять стал злиться отец. – Я приду говорить с твоим отцом. А ты человеческих слов, я вижу, не понимаешь.

– Ваш подонок зато понимает человеческие слова... Красивые, наверно, слова! Я не двинусь отсюда, пока его не дождусь.

– Да нету его, нету! – тоже громко и сердито воскликнула мать, оскорбленная за «подонка». – Что же, милицию, что ли, вызвать?

– Вызывайте.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Но нет его! Нету в городе – в деревне он.

– Врете.

– Говори адрес!.. – заорал мужчина, багровея.

– Не ори, – посоветовал Костя. – А то живот лопнет...

Мужчина бросил ручку, бросил пестик, который еще держал в руке, быстро подошел к Косте, сгреб его за шиворот и повлек по коридору к входной двери. Но как ни крепок он был, мужчина, все же Костя был молодой и жилистый... Он сперва покорно пошел, повинувшись руке, а когда мужчина расслабился и уже без усилия вел Костю за шкурку, тот вдруг вывернулся, развернулся и со всей матушки-силы дал ногой мужчине в живот. Тот так и сел к стене на корточки... Женщина закричала, вылетела из коридора в какую-то еще комнату к телефону, как понял Костя, потому что услышал, как схватили трубку и крутнулся диск. Костя вернулся в красивую комнату с рыбками, взял пестик и вышел опять в коридор.

– Не надо! – хоть с трудом, но громко сказал мужчина. Костя думал, что он ему говорит, но мужчина смотрел мимо него и еще раз крикнул: – Ольга, не надо!

Женщина появилась в коридоре. Тоже закричала:

– Но это же бандитизм. Почему не надо?! Это же бандитизм!..

– Не надо, – решительно сказал мужчина. Он поднялся, держась за стенку, постоял, переживая боль в животе... Вдохнул и качнул головой. И скрипнул зубами. На Костю с пестиком не смотрел. – Пойдем к отцу вместе, – сказал он после долгой паузы. – Дай одеться, Оля.

Костя жалел, что пнул мужчину – он сам не ждал, что так случится, – зато теперь хоть дело стало походить на дело: с отцом-то им легче захомутать этих жеребцов – Игорька с его папашей. Впрочем, чувство враждебности к отцу Игорька у Кости поослабло – оставалось одно нетерпеливое желание: довести справедливое дело до конца.

Когда мужчина надел костюм и появился в коридоре, у него каким-то образом куда-то упряталось брюшко; стоял солидный мужчина, решительный, крупный, крепкий.

– Пошли, – сказал он Косте. – Пестик-то оставь.

Костя положил пестик на стул перед самым выходом из квартиры.

– Где ваш дом? – спросил мужчина, когда стояли у лифта, ждали кабину.

– На Советской.

– Как туда ехать?

– Да тут три квартала...

Лифт подъехал... Вошли в кабину, закрылись, мужчина нажал кнопку – мягко поехали вниз. Стояли близко друг к другу, так близко, что Косте было неловко смотреть в глаза мужчине. А тот смотрел на него. Но Костя тоже старался не утратить самостоятельности и решительного настроения. Единственное, о чем он пожалел в эту минуту, – что он не такой же крупный и солидный, как этот, который смотрит на него несколько сверху. Костя часто жалел, что он не крупный, не солидный.

– Сколько тебе лет? – спросил мужчина.

– Не в этом дело, – сказал Костя.

Тут лифт мягко остановился – точно сел на подушку – очень хороший лифт... Вышли, спустились несколько вниз по ступенькам и очутились на улице.

– А чего ты так ерепенишься-то? – спросил мужчина.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– А чего же мне на вас, молиться?

– Да не молиться, кто тебя заставляет молиться. Но так же тоже... умные-то люди не ведут себя.

– Ваш Игорек зато ведет себя... Комсомолец небось!

– Из всякого безвыходного положения всегда можно найти выход, запомни это.

– Что, деньги небось будете совать?

– Дурак, – сказал мужчина горько. – Психопат. И сестра твоя такая же?

– Что же вы умные... – Костя даже остановился от возмущения и от обиды. – Ишь, умные! – Костя сам теперь в упор смотрел на мужчину. – Умники... – Он стиснул зубы и клятвенно сказал: – Я вам раз и навсегда говорю: не сделаете по-человечески, я...

– Пошли, – коротко и тоже решительно сказал мужчина, повернулся и пошагал дальше. – От горшка два вершка, а сплошные угрозы. Сопляк.

Некоторое время шли молча.

– Что же это за семья будет, если мы их силой сведем? Вы об этом-то подумали? – спросил мужчина.

– А он думал?..

– Да что ты, как дятел, – «он, он»! А она?

– Она девка! А он – парень!

– Не ори... – Мужчина посмотрел по сторонам. – Чего ты орешь? Я вообще могу не ходить с тобой...

– Выломлю штакетину и погоню вперед... Если не пойдешь. – Вид у Кости был такой свирепый, что можно было не сомневаться – так и сделает: выломит штакетину и учинит на улице драку.

– Тьфу!.. Полудурок. Да неужели ты не можешь спокойно-то?

– Не могу. Не могу-у! Я как только погляжу на твою спокойную... на твое лицо, так у меня в голове все мутится: как ты-то можешь спокойно? Человечек же на свет родился... маленький... а вы, как... Да вы что!

– Все, не ори больше. Иди молча.

Дальше до самого дома шли молча.

Дверь открыл отец... Костя легонько подтолкнул сзади мужчину, вошел сам в квартиру, закрыл дверь и сказал:

– Дедушку привел нашего Антона.

– Здравствуйте, – серьезно, с достоинством сказал мужчина, дедушка Антона. – Я – Свиридов, Павел Владимирович.

– Так, – сказал отец Кости. – А мы Худяковы. – И смотрел на Свиридова пристально, прямо, не мигая.

– Ну, приглашайте, – сказал Свиридов. – Показывайте внука.

Из кухни вышла мать Кости и смотрела на Свиридова изумленно и с интересом.

Вышла из комнатки, где теперь жил маленький Антон, мама его, Алевтина... И смотрела на крупного дядю с недоумением. Она не слышала слов брата, что тот привел «дедушку», поэтому не могла понять, почему так странно все стоят и молчат.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Где же внук-то? – еще раз довольно бодро спросил Свиридов.
 - Какой внук? – тихо спросила Алевтина.
 - Мой внук...
 - Это отец Игоря, – пояснил Костя.
 - Какого Игоря?
 - Твоего Игоря... Отца Антона.
 - Во, псих-то, – сказала Алевтина. И ушла в комнатку. – Чего ты самостоятельность-то развиваешь? – сказала она из комнаты. И опять появилась на пороге. – Какой Игорь?
 - Ты не темни!.. – громко сказал Костя. Он растерялся, это было видно.
 - Чего «не темни»?
 - Он – отец Игоря, – уже не так уверенно сказал Костя, – а Игорь – отец Антона. Что ты?
 - Да откуда ты взял? – спросила Алевтина. – Чего ты людей зря беспокоишь, дурак ты такой! Ну надо же!.. При чем тут Игорь-то?
 - Погодите, погодите, – сказал Свиридов. – Давайте разберемся: вы были знакомы с моим сыном? С Игорем Свиридовым.
 - Была знакома... Я знала его. Но дружил он не со мной, а с моей подружкой, тоже на почте работала.
 - Значит, это не его сын?
 - Откуда?!
 - А чей же он тогда сын?! – заорал Костя.
 - Костя, – сказал отец. – Не ори. Ну, выяснили? Все, значит, в порядке... Извините, что зря побеспокоили.
 - Да ну что!.. – сказал Свиридов по-доброму. – Дело разве...
 - Да врет она! – опять закричал Костя. – Не хочет говорить: договорились с этим Игорем!
 - Не ори, Костя! – тоже повысил голос отец. – Чего орать-то? Извините, – еще раз сказал он Свиридову. – Мы, конечно, переживаем тут, поэтому и...
 - Нет, – обратился Свиридов к Алевтине, – может быть, правда вы что-то скрываете? Может быть, Игорь...
 - Да ни с какого боку! – сказала Алевтина. И даже засмеялась. И пошла в комнату.
 - Господи!.. – сказала она там сама себе. Она, как стала матерью, сразу как-то поумнела, осмелела, часто баловалась со своим Антоном и смеялась.
 - Ну, что же... – Свиридов повернулся к Косте. – Я могу быть свободен?
- Костя, миновав его, молча прошел на кухню. И заорал оттуда что было силы:
- Все равно дознаюсь! Доз-на-а-ю-усь!
 - До свидания, – вежливо сказал Свиридов.
- Отец молча кивнул.
- Свиридов ушел.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не я буду, дознаюсь! – еще раз крикнул Костя срывающимся голосом. Он плакал. Он устал за этот день... Очень устал и изнервничался. – Други игриц и забав нашлись мне... Паразиты.

– Ладно, Костя, – мирно сказала мать. – Не переживай. На кой он черт нужен, такой отец... если и найдется! Что, сами, что ли, не прокормим? Прокормим.

– Никто так не делает, – возразил Костя, вытирая слезы. – Кто так делает!

– Ну, не делают!.. Сплошь и рядом. Садись поешь вон... а то бегаешь, как сыщик, с лица опал даже. Что ты-то переживаешь?

Костя присел к столу, склонился на руку и задумчиво смотрел в окно, во двор. Еще надо выходить вечером объясняться с этим... с усатым, думал он. Возьму нож и пойду – пусть сунутся.

– Не переживай, Костя, – сказала мать, ставя ему миску со щами. – Сами вырастим.

«Не нож, а гирьку какую-нибудь на ремешке, – решил Костя. – За нож самому попадет, а с гирькой... на гирьку они тоже не очень кинутся».

– Други игриц и забав, – еще сказал он. Он где-то услышал эти слова, они ему понравились: в его сознании все косматые выстраивались под этой фразой, как под транспарантом, – в колонну, не в колонну даже, а в кучу, довольно нахальную и бессовестную.

«Нет, не гирьку, а – нож, – вернулся он к первому варианту. – Все страшней будет. На нож не полезут». Был у него такой складной охотничий нож, довольно внушительный и ловкий в руке – не сунутся. На том он и порешил и придвинул к себе тарелку со щами.

Как Андрей Иванович Куринков, ювелир, получил 15 суток Андрей Иванович – это такой попрыгунчик, резиновый человек, хороший ювелир, изобретатель... Правда хороший ювелир и изобретатель, но он думает, что он единственный в своем роде ювелир и изобретатель, неповторимый, везде об этом трещит, но вечно ему чего-нибудь не хватает, чтобы сделать такое, чтобы все ахнули. То материала нет подходящего, то инструмент не тот. Чаще всего – материал не тот.

– Ты дай мне настоящий янтарь! – говорит он с вызовом и значительно. – Дай мне кусок настоящего янтаря – я тебе сделаю.

Может, он и сделает, если получит в руки «кусок настоящего янтаря», но он ужасно много говорит об этом, раздражает всех, и тогда кто-нибудь языкастый заявляет:

– Тебе, как тому танцору, – что-нибудь да мешает.

– Нет, ты дай мне кусок настоящего янтаря! – волнуется Андрей Иванович. И начинает всех разить знаниями; говорит он складно, и если бы не много, то, наверно, было бы даже интересно послушать его. Вся беда – много говорит. – Сидела мушка на веточке много-много миллионов лет назад, на нее капнула капля смолы, ее сшибло с веточки, дальше, на эту капельку упала другая... Ну, и так далее.

Ты дай мне этот кусок, я уберу лишнее, сделаю тебе такую иголку к галстуку – все будут не на тебя смотреть, а на эту иголку с мушкой.

У нас один карат бриллианта – это горошина со всеми накладными, со всеми налогами – тысяча рублей. Так? Но у нас – тридцать шесть характеристик бриллиантов, грубо говоря, тридцать шесть сортов. И вот ты дай мне...

Это он в пивной разглагольствует, и на это «ты дай мне» ему часто говорят: «На!»

Андрей Иванович очень не любил своего соседа по жилью, Трухалева Илью Георгиевича, закройщика ателье номер какого-то. Этот Илья Георгиевич откровенно называл Андрея Ивановича трепачом. Андрей Иванович на это выпячивал нижнюю челюсть, зло смотрел на закройщика, некоторое время молчал, потом начинал

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
говорить:

– Чем отличается граненый бриллиант от бриллианта, который не побывал в руках мастера? Граненый играет. А тебя, когда делали, чуть-чуть только тронули – чтобы вес не потерять: ты дурак. Тяжелый, но дурак.

Опять, на беду свою, много, долго и одинаково – про бриллианты, гранения, игру... И дождался, что Трухалев ему на все это кратко говорил:

– Трепач. Барахло. – И уходил.

И получалось, что это он говорил последние слова, слова тяжкие, обидные, а Андрей Иванович оставался со множеством точных, образных слов – не высказанных; он злился и на малейшие шумы, звуки в квартире Трухалева, сладострастно, с ожесточением садил черенком половой щетки в потолок (Трухалев жил над ним). Трухалев на это стукнет пару раз, точно скажет: «трепач», «барахло» – и жизнь в его квартире идет так же, как и шла: ходят, постукивают, передвигают стулья.

За время, пока они жили так – друг над другом, – ювелир Куринков накопил на закройщика много зла и обиды. Тот отвечал тем же, кроме того, кажется, куда-то писал на ювелира, что он не дает соседям покоя: всем стучит в стены щеткой. Если им случалось вместе ехать в лифте или зимой выколачивать рядом ковры на снегу, они оскорбляли друг друга.

– Опять вас продернули, – начинал ювелир. – Сшили пиджак, а рукава – вот по этих пор. Не видал по телевизору?

– Мы такие специально для ювелиров шьем, чтобы бриллианты было видно. А нормальным людям мы шьем нормально.

– Но про ювелиров ни разу не было передачи, а про вас – то и дело.

– Делать-то нечего, вот и показывают. Если ты мне еще будешь стучать в пол, я спущусь и надену тебе мусорное ведро на голову. И буду тоже стучать по нему. Молотком.

– Попробуй. Я те алмазным резцом вырежу на лбу: «Дурак».

– От дурака слышу. Трепач. Барахло.

И закройщик уходил.

И вот как-то в воскресенье к ювелиру Куринкову заехал брат, военный. Брат ехал в отпуск на юг, по пути завернул на сутки к брату. Домашних Куринкова – жены и дочери-студентки – дома не было, братья взяли винца, посидели, повспоминали немного, потом брат сказал, что очень устал, и пошел соснуть. А ювелир остался один. Он задумался чего-то... Жизнь идет себе, неопределенно, с тоской думал он. Идет себе и идет. И в душе ювелира назревал какой-то тоже не вполне определенный протест, что жизнь – идет и идет. Тут, как на грех, над ним опять задвигали стульями, стали ходить... Ювелир вполне определенно обозлился опять на закройщика, вспомнил все его обидные слова... Взгляд его упал на военный мундир брата, мысль в голове вспыхнула и ясно высветила картину: вот он, военный, входит к закройщику... Дальше он даже додумывать не стал – дальше как-то все было понятно. Почему-то он враз сообразил, что делать дальше.

Закройщик с женой собрались как раз ужинать, когда в дверь к ним резко, требовательно позвонили.

– Кто это? – удивился закройщик.

Жена пожала плечами:

– Телеграмма?..

– Ну, иди, – велел закройщик.

Хозяйка открыла дверь... В квартиру стремительно вошел ювелир Куринков в форме капитана.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Именем Уголовного кодекса, – сказал он. – Собирайтесь.

У закройщика и у его жены вытянулись лица... Они ошалели.

– А чего такое? – нерешительно спросил закройщик. – Как это?

– Ста-ать! – заорал ювелир.

Закройщик встал...

– А чего такое-то? – опять спросил он, во все глаза глядя на... на кого? Кто это? Что это?

Ювелир меж тем прошелся по комнате, бегло оглядел ее всю... Четко развернулся, подошел к закройщику, пронзительно и трезво глядя ему прямо в глаза.

– Мне надоели ваши шорохи, – сказал ювелир. – Что у вас за возня каждую ночь?

– Ты же ювелир, чего ты... – начал было закройщик.

– Молчать! – приказал ювелир. Закройщик потом рассказывал, что он потому так ошалел и растерялся, что ювелир очень все делал «натурально». – Для ВАС я был ювелир... поэтому терпел все ваши шорохи. И оскорбления – так надо было. Кстати, сколько вы на меня заявлений написали?

– Да я... это...

– Сколько?

– Два.

Ювелир посмеялся:

– Обои эти бумажки попали ко мне же – я сходил с ними в одно место. За каждое ваше заявление я получал благодарность – что хорошо притворяюсь. Ясно? Вы думали, с вами тут в бирюльки играют?

Ювелир стал опять раздражаться. Опять прошелся по комнате... Заглянул мимоходом в книжный шкаф.

– А чего я такое сделал? – вдруг осмелел закройщик. – Куда это собираться-то?

Ювелир остановился перед закройщиком, заложив руки за спину, качнулся несколько раз с носков на каблуки, с каблуков на носки, все это время в упор глядя на него, заговорил тихо, четко, значительно:

– Нам известно про всю вашу деятельность.

– Какую дея...

– Молчать! Сядьте! Сесть!

Закройщик сел.

– Нам все известно, даже чего вам неизвестно.

Ювелир тоже сел. Но тотчас встал и стал снова ходить по комнате – ему, как видно, особенно нравилось ходить в форме.

Он ходил долго. Он думал.

– С арестом я, кажется, подожду, – сказал он. – Вы знаете армянина, на углу тут сидит... чистильщик. Здоровый такой.

– Знаю, – сказал закройщик.

– Каждое утро будете подходить к нему и спрашивать: «У вас продается славянский»

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru шкаф из карельской березы?» Он будет ругаться и кричать – не обращайтесь внимания. Даже если полезет драться – терпите. Нам его надо расколоть.

– Я с такими делами не связываюсь, – решительно заявил закройщик. – Я не умею.

– Что значит «не умею»? Научим! Никто сперва не умеет – научим. Я терпел все ваши выходки – это, думаете, легко? – Расчет у ювелира, надо признать, был жестокий: вспыльчивый армянин показал бы такой «славянский шкаф», что закройщик всю жизнь потом помнил бы эту таинственную игру в разведчиков. – Спрашивать надо каждый день, но об этом ни-ко-му. Ясно?

Пока ювелир инструктировал закройщика, тому вдруг бросилось в глаза вот что: китель на ювелире явно не с его плеча. Профессиональный глаз портного не подвел.

– А попрошу документы! – сказал он. И встал.

– Молчать! – заорал ювелир и стукнул ладонью об стол.

– Нина, закрой дверь на ключ! – крикнул закройщик.

Ювелир хотел уйти со словами:

– Хорошо, мы потолкуем в другом месте.

И пошел было, но большой закройщик прыгнул на него, легко подмял под себя и заорал жене:

– Звони в милицию!

Маленький ювелир отчаянно боролся с закройщиком, но все напрасно.

..Ночь Андрей Иванович провел в вытрезвителе. Утром еще кое-как крепился, а когда их, человек двенадцать, повезли в закрытой машине в суд, сильно затосковал. Другие – хоть бы что, а он молчал. Особенно он боялся, что нарисуют его на доске «Не проходите мимо», напишут фамилию, имя.. А у него дочь студентка. Хорошо ей будет смотреть на такого папашу?

Судили три женщины..

Кто был тут не первый раз, выходили из комнаты, где вершился суд, изумленные.

На вопрос: «Сколько вломили?» – только махали рукой:

– Под завязку.

– Что-то они сегодня.. не в настроении, что ли, – сидели, толковали.

– Они в понедельник всегда так, – сказал один мрачный.

– Куринков! – вызвали.

– Эгей? – подскочил ювелир. – Иду.

Он вошел в большую комнату и, слегка поклонившись, вежливо сказал:

– Здравствуйте.

– Садитесь, – велели ему.

Куринков скромненько присел на краешек скамьи с высокой спинкой, устремил взор на судей – весь внимание.

– Вчера, восемнадцатого июня, вы, будучи в нетрезвом состоянии, надели не принадлежащую вам военную форму..

– Пошутил! – воскликнул ювелир. И хотел даже посмеяться, но у него вышло коротко и ненатурально. – Я вообще шутник большой. Бывает, соберемся у нас в мастерской – чего я только ни выделяю! Я в ювелирной мастерской работаю. Я вот вижу у вас

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
колечко... – Ювелир хотел встать и поближе посмотреть кольцо на руке одной из женщин.

– Сидеть, – сказал ему старшина.

– Господи, чего тут такого? – негромко сказал ювелир. – Просто смотрю: неважно сделано...

– Вы признаете факт шантажа и запугивания с вашей стороны?

– Только не шантаж! – вскочил ювелир и даже протянул руку к судье. – Только не... это... не надо разных слов. Шутка – да, юмореска...

– Вы угрожали Трухалеву Илье Георгиевичу арестом?

– Ну, шутка, шутка!.. – Ювелир прижал руку к сердцу: – Ну, Трухалев шуток не понимает, но вы-то!..

– Сядьте, – опять сказал ему старшина...

Ювелир сел... И вдруг ему стало противно, что он трусит, юлит и суется. Он как-то сразу устал и успокоился.

– Угрожал, – сказал он спокойно.

– Вы сознаете, что это... неумно по крайней мере? Что за мысль вам пришла – пойти арестовывать? Почему?

– Не знаю, – сказал ювелир. – Мне не нравится этот Трухалев. Вообще, чего тут много говорить? Давайте мне пятнадцать суток... и разойдемся, как в море корабли. – Ювелир смело посмотрел на старшину и даже подмигнул ему. Что на него такое нашло, непонятно. – Чего тут долго-то?

Женщина-судья серьезно смотрела на него.

– Только не надо, – сказал ювелир.

– Что «не надо»?

– Не надо меня пугать строгим взглядом. Прошу дать мне пятнадцать суток. Я все понимаю, всю карикюляцию.

– Почему вы решили, что именно пятнадцать?

– Вы же всем сегодня по пятнадцать даете.

Женщины тут же, не сходя с места, негромко посоветовались, и судья объявила:

– Пятнадцать суток.

– О'кей! – сказал ювелир. И вышел в коридор к другим.

– Сколько вломили? – спросили.

– Пятнадцать, – сказал ювелир.

В эту минуту ему было все равно, даже хорошо, что пятнадцать, а то перед другими было бы неудобно. Он сел в пестрый рядок тех, кто уже получил свои «сутки».

– В понедельник к ним лучше не попадать, – опять сказал мрачный человек. Он тоже получил пятнадцать суток.

Ночью в бойлерной

Сам Иван Максимович несколько нескромно называет себя – сантехник, а вообще он дежурит в бойлерной. Через двое суток на третьи выпадает дежурить в ночь. И как раз ночные-то смены он очень любит.

Домина, под которым бойлерная, огромный, сколько там людей разных!.. И вот –

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
ночь: магазины закрыты, а кто-то, допустим, поругался с женой, кто-то затосковал так, что хоть криком кричи... Да мало ли! Куда человеку деваться с растревоженной душой? Ведь она же болит, душа-то. Зубы заболят ночью, и то мы сломя голову бежим в эти, в круглосуточные-то, где их рвут. А с душой куда? Где тебя послушают, посочувствуют? К дяде Ване, в бойлерную. Там у него уютно, тепло... Трубы, много труб, в трубах тихонько поет и потрескивает, как в печке. Огонек тусклый под потолком... Возле стены, в нише, удобный лежак, старенький тулуп раскинут, подушка.

В эту ночь Максимыч и не пробовал ложиться. Он сидел у самодельного крашеного столика и задумчиво постукивал пальцами в столешницу. Лицо у него тоже задумчивое... Лицо у него – доброе, смышенное, немного усталое, но бесконечно доброе, в глазах, в морщинках вокруг глаз – столько терпения, покоя, столько мудрости житейской, что – куда же и спускаться с больной-то душой? К нему и спускались.

Первым пришел крупный мужчина Пилипенко. Он был седовлас, сыт, колыхал запахом одеколona и дорогих сигарет. Но был он мрачен, встревожен... Ему было тяжело, грустно.

– Здорово, Максимыч, – сказал Пилипенко и сел на свободный хилый стул.

– Здорово, Николай Семеныч, – откликнулся Максимыч.

Некоторое время молчали.

– Душа? – спросил Максимыч.

Пилипенко очнулся от тяжких дум, вздохнул.

– Тут, брат... и душа, и тело, все вместе, – сказал он. – Есть что-нибудь?

– А как же. – Максимыч встал и пошел в угол куда-то. – Коньячку? – спросил оттуда. – Или водки?

– Давай коньячку, – сказал Пилипенко. И огляделся кругом. – Хорошо тут у тебя... В напарники возьмешь?

Максимыч тихо посмеялся.

– Чего смеешься?

– Да насчет напарника-то... Тут, Семеныч, оклад не тот.

– Нет больше окладов, – жестко сказал Пилипенко. – Конец окладам.

Максимыч от изумления даже остановился с коньяком в руках.

– Неужели разжаловали?

– Поперли, а не разжаловали.

– Как же это?

– Наливай, – махнул Пилипенко; ему было худо, так худо, что и говорить не хотелось.

Максимыч стал молча разливать коньяк по рюмкам; он не лез с расспросами, когда человеку худо. Захочет – сам скажет.

– Уволили, – сказал Пилипенко. – Дадут, конечно, какую-нибудь должностишку, но... Нет, ей-богу, мне у тебя нравится. Сколько ты получаешь? Хотя... чушь все это. Давай.

Они выпили по целой рюмке и заели лимончиком, который тоже случился у «сантехника» Максимыча.

– Одного не понимаю! – горестно воскликнул Пилипенко. – Не справляюсь – так и

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru скажи! Скажи! Зачем же... предлог какой-то искать: скажи прямо, я пойму. Нет!.. – Пилипенко крепко стукнул большим кулаком себя по колену. – Надо обязательно предлог найти. – Он встал было, но тут же сел. Велел: – Налевай еще по одной. – Когда он сел с маху, хиленький стул опасно треснул под ним; нет, этому человеку можно, конечно, прямо в глаза сказать: «Ты не справился» – в обморок не упадет. Странно, что такой огромный мужик – «не справился».

– Какой же они предлог нашли? – спросил Максимыч.

– Самый что ни на есть дурацкий: злоупотребляете служебной машиной.

– Жена куда-нибудь ездила? По базарам небось?

– Да нет, сам: вызвал в воскресенье и просто так проехал километров полтора по северной дороге – вздохнуть пару раз свежим воздухом. Вздохнул!..

– А шофер наябедничал, – догадался умный Максимыч.

– Ну да... расписал. Писака. А если мне сосредоточиться надо? Если мне в движении лучше думается?..

– Да сел бы вон на любую электричку, – простодушно сказал Максимыч, – и сосредотачивайся сколько влезет. Вы вот, начальство... тоже какие-то дурные бываете: нет чтобы скромностью своей в нос людям тыкать: вот вам, глядите: большой человек, а со всеми маленькими здороваюсь. А где так и остановись, спроси: «Как дела?» Тебе эти его дела... сто лет снились, а ты все равно спроси. – Максимычу хотелось как-нибудь помочь большому Пилипенко, но он и досадовал на него, что тот не смог удержаться на добром месте – слетел. – Мало того, ты еще головой вот так вот покивай: так, так, мол. Но вы ведь... До вас ведь не допрыгнешь! – вовсе с досадой закончил Максимыч. И налил еще по полной рюмке. – Давай. Не горюй особо-то...

Выпили.

– Да некогда же! – тоже с досадой сказал Пилипенко. – Головой-то кивать – некогда.

– Зато теперь будет время: попрут вот на пенсию...

– Ну, это еще бабка надвое сказала! – Пилипенко твердо посмотрел прямо перед собой. – Это еще... уравнение с двумя неизвестными.

– Все равно не умеете! – решительно сказал Максимыч. Коньячок зашумел в голове, и ему тоже захотелось быть твердым и крепким. – Не умеете начальствовать! Вот сделай меня самой маленькой какой-нибудь шишкой – и ты бы поглядел, какой бы я стал вежливый... «Ну, как, товарищи? – спросил он кого-то иным голосом, вежливым. – Как настроение? Смотрите мне – не вешать нос!» Я бы такие шуточки отпускал!.. Чего же не пошутить с людьми, если тебе лучше ихнева живется. А зазевался какой-нибудь там Пилипенко Николай Семеныч – плохо работает, сукин сын, курит больше, я его вот так вот пальцем – к себе: «Пилипе-е-нко, на минуточку. Пилипенко, как ты думаешь: подойдем мы с такими работниками к коммунизму или нет? М-м? Ты, наверное, думаешь, что – подойдем. А вот я, Пилипенко, думаю, что мы с такими работниками застрянем где-нибудь по дороге. Ну-ка, давай, голубчик, давай, давай!.. Бросай-ка курить – да за дело». Вот как надо. Спокойно, с улыбочкой... Вишь, я и голоса не повысил, и работу направил. А захотел я подышать свежим воздухом, я набрал в чемодан коньячку, икорки, балычков, сел на электричку, отъехал те же полтора верст, слез, углубился подальше в лесок – и дыши на здоровье.

– Скучно это, Максимыч. Вообще, не то ты говоришь.

– С коньячком не будет скучно. Зато ни одна собака пальцем не покажет.

– Не то, Максимыч, не то. Еще-то есть там? Не могу никак душу унять – болит!

– Заболит... – Максимыч налил еще по рюмке. – Как же ей не болеть.

– Не то, Максимыч, дорогой, не то. Ты рассуждаешь логично, но... в масштабах

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru прораба, не больше.

– А ты в каких масштабах? Держи.

– Я? Я малость пошире.

– Пошире... А сидим вот тут вместе – в одинаковых масштабах. Поехали.

Когда выпили, Пилипенко вдруг встал и широко заходил по бойлерной.

– Ну не-ет, – сказал он ожесточенно, громко. – Так легко вам Николая Пилипенко не свалить. Это вы зря... Пилипенко еще постоит!

Максимыч в это время закурил дорогую сигарету из пачки Пилипенки, откинулся на стуле, заложил ногу на ногу и стал следить за взволнованным гостем. Ему хотелось как-нибудь успокоить его, но, вообще-то, ему стало очень хорошо.

– Украинцы – народ крепкий, – сказал он, желая сделать приятное Пилипенке. – Но ездить за сто пятьдесят километров воздухом дышать – это глупость несусветная. Ты больше бензину наглотался за триста-то верст, чем подышал там...

– Ничего-о! – все ходил и все больше возбуждался Пилипенко. – Вы еще вспомните Пилипенку, не раз вспомните. Вы еще придете к Пилипенко!.. Но Пилипенко больше к вам не пойдет.

– Нет, если позовут – чего не пойти. Только не надо больше за сто пятьдесят километров дышать ездить, а так... чего? Ты мужик с головой.

– Не пойду! – уперся Пилипенко. – Все. Хватит. У меня тоже всякого этого достаточно – и самолюбия, и...

– Да нет, Семеныч, зря ты...

– Не пой-ду! Вы плохо знаете Пилипенку. Вы думаете, это все – так, шуточки...

– Какие шуточки! При чем тут шуточки – надо идти.

– Не пойду!

– Что значит «не пойду»? – рассердился вдруг Максимыч. – Что тебя, в детсадик, что ли, уговаривают идти? Не пойдет он... Заставим!

Пилипенко остановился перед «сантехником» Максимычем, который сидел и спокойно покуривал «Кент».

– Гляди-ка, – засмеялся Пилипенко, – мы прямо отрепетировали с тобой сцену!.. Жалко, что ты не министр.

– Жалко, – согласился Максимыч. – Ты бы у меня первым делом заплатил за бензин, который спалил в воскресенье, во-вторых, я бы тебе такого нагоняя дал, что ты бы у меня за троих работал. Увольнять я бы тебя не стал. Тебя правда уволили-то?

Пилипенко не успел ответить, как в бойлерную влетел некто в шляпе, в легоньком пальтишке, с чемоданом. Бледный.

– Максимыч! Ты сегодня? Слава богу, – говорил этот бледный с веселой злой дрожью в голосе. Увидев Пилипенку, он и ему тоже кивнул. – Здравствуйте, Максимыч!..

– Давай, давай, – сказал Максимыч. И налил бледному человеку в большой фужер. И налил также в две рюмки – себе и Пилипенке.

– Подождите, – сказал бледный, – у меня, кажется, шоколад есть. – Он нырнул в чемодан и извлек плитку шоколада. – Есть! Слава богу.

Пилипенко с некоторой иронией наблюдал за суетливым человеком.

– Катастрофа катастрофой, а шоколад не забыл? – сказал он.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Бледный посмотрел на него... Ничего не сказал. Подошел к столу, положил шоколад и взял свой фужер.

– Давайте, – сказал Максимыч.

Выпили... Помолчали. К шоколаду никто не притронулся.

– Ты что, обиделся, что ли? – спросил Пилипенко.

– Максимыч, – обратился бледный к «сантехнику», – пускай это постоит у тебя. – Он имел в виду чемодан. – А я пока пройдусь по набережной... Потом приду.

– Валяй, пройдишь, – сказал Максимыч.

Бледный ушел, ни разу больше не поглядев на Пилипенку.

– Что он, обиделся, что ли? – опять спросил Пилипенко.

– Обиделся. Нехорошо ты с насмешкой-то... Он вообще обиженный человек.

– А что такое?

– Так...

– Что «так»?

– Ну так... Хороших людей часто обижают.

– Что за ерунда! Кто их обижает?

– Люди. Ты вот – взял обидел.

– Да ну уж!.. Пошутить нельзя, что ли? А какие люди-то?

– Есть.

– Мне чего-то его жалко стало. Я, может, зря с этим шоколадом, конечно... Но я же не хотел обидеть: тоже, смотрю, переживает человек... Чего он такой? Какие люди-то?

– Всякие... Бессовестные в основном. Приходят и обижают. Не знаешь, как можно мужика обидеть?

– Рога, что ли, баба ставит?

– Рога... или как там, а только флиртует, зараза, с кем попало.

– Ах, это его жена! – такая... патлатая. Да?

– Да.

– Так что же он не уйдет от нее?

– Да вот, вишь, не может уйти. Не все же такие... Пилипенки. Ты не пропадешь, Семеныч, не горюй.

– Кто тебе сказал, что я пропаду?

– Не пропадешь, нет. А этот – все: окочурился.

– А чего не уходит-то?

– Не может. Уходит – раз в неделю вот так вот: счас улочки две даст, придет и здесь заночует. А утром – опять к ней. Любит.

– Тьфу! – зло сказал Пилипенко. – Кого там любить-то? Патлы крашенные?

– Это я не знаю. Мне его жалко. Так жалко бывает... – Максимыч затушил «Кент» в

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
блюдечке, помолчал, покачал головой грустно. – А что сделаешь?

– Да послать ее надо подальше!.. – стоял на своем Пилипенко.

– Да иди ты! – рассердился Максимыч. – Тебе бы все – посылать!.. Тебя вот послали – тебе как? Послать легче всего. Да и то вон... не может. Ну – послал он, ну и что? Легко ему станет?

– Ну, это уж тоже не жизнь.

– Жизнь. Это и есть жизнь. Думаешь... – Вдруг Максимыч прислушался... И встал. И сказал: – Вот еще один такой же шлепает.

– Кто?

– Погоди. – Максимыч еще для верности послушал. – Да. С тросточкой.

– Кто такой?

– Пан профессор, это я его так прозвал. Тоже... с душой идет. Счас, если выпьет, с одной рюмки окосеет.

– Правда, что ли, профессор? – не поверил Пилипенко.

– Натуральный профессор, из седьмого подъезда. Мы с ним частенько беседуем. Он... этот, как там у них, ну, по русскому языку профессор...

– Филолог?

– Труды пишет. А сам как ребенок... Ты только не надо, Семеныч... не ломи сдуру: тут уж вовсе... горе одно. А человек золотой.

Вошел «пан профессор» с тросточкой. Он – седенький, старенький, не столько даже седенький, сколько старенький.

– Не могу больше, Максимыч!.. – сразу заговорил профессор жалобно. Увидев Пилипенку, ничуть не смутился, поздоровался и продолжал: – Не могу больше, дорогой мой. Пришел к тебе опять – больше некуда. – Он сел на лежак, склонил голову. – Вот штука – некуда.

Максимыч пошел в угол, достал еще бутылку коньяка, раскупорил на ходу, налил в три рюмки. Одну поднес профессору.

– На-ка, все маленько отмякнет.

Профессор машинально принял рюмку, посмотрел на нее.

– Выпей, выпей, – убежденно сказал Максимыч. – Легче станет. Вот шоколадом закусишь... Допекла?

– Допекла, – сказал профессор, принимая из рук Максимыча кусочек шоколада. – Да ведь сколько энергии! Сколько энергии!..

– Ну, давайте.

Профессор поперхнулся, но выпил всю рюмку и заел шоколадом. И вытер платочком глаза и рот.

– Днем ей позвонили из универмага: есть норковая шуба – три с половиной тысячи, – стал рассказывать профессор обоим, Максимычу и Пилипенке, – она звонит мне в университет...

– Ешь шоколад-то... и рассказывай.

– Спасибо.

– Ну, звонит?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Звонит в университет... У-у, меня что-то в жар кинуло. Или здесь вообще жарко?

Максимыч без ехидства подмигнул Пилипенке и показал глазами на профессора: уже запынял.

– Здесь жарковато, конечно. Ты не волнуйся, Аркадий Михалыч, спокойней. Ну, звонит эта телка в универмаг?..

– В университет. «Достань полторы тысячи». Две тысячи у нее есть...

– Так, это уже легче, – с легким накалом сказал Максимыч. – Хм!

– Но где я достану полторы тысячи? – удивленно и беспомощно спросил профессор. – «У кого-нибудь из профессоров». У ко-го?

– Елкина мать-то! – взорвался терпеливый Максимыч. – «Достань полторы тыщи!» Это я могу сказать: «Достань мне... не знаю... жеребца племенного!»

– Зачем? – не понял профессор.

Пилипенко засмеялся.

– Да я так, к слову, – неохотно пояснил Максимыч. – Ну, ну?

– Ни у кого же из профессоров нет при себе таких денег, не может быть... И потом: идет ученый совет – что мне, со шляпой по кругу?..

Максимыч недобро посмеялся.

– Кричит в телефон: «Вообще она стоит четыре с половиной тысячи, это мне по знакомству, потому что шубу привезли из Дома моделей. Достань полторы тысячи!» Ну что делать? Что делать? Боялся домой ехать... Конечно – истерика. О господи! – Профессор обреченно уронил голову на грудь. – Что делать?..

– Ты, Михалыч, ты прости меня, но это тебе наказание, – сказал Максимыч. – На кой тебе, пожилому человеку, надо было жениться на ней? На тридцать лет моложе!.. Ну, умная ты голова, – это нормально?

– Не знаю... Нет, ненормально. Наказание, да, наказание. Я боялся одиночества...

– Мало тебе старух? – все не унимался в своем разговоре Максимыч.

Но тут уж вмешался Пилипенко:

– Ну, это ты тоже – со старухами-то... Для чего она ему?

– Обед сготовит, подметет...

– «Подметет». Ерунду говоришь какую-то.

– А эта для чего ему? – не сдавался Максимыч.

– Но что теперь делать? Что делать? – в отчаянии повторял профессор. Вытер платком слезы. – Вся жизнь... труд всей жизни – самому смешны и нелепы: куда важней – норковая шубка. По крохам, по зернышкам собирал знания, радовался, что открываю людям чистые целебные родники родной речи... И все, все поглотила норковая шубка. Любую рукопись отдаю за норковую шубку! Но ведь никто же так скоро не заплатит. А завтра ее купит какой-нибудь спекулянт. Слушайте, вы, – обратился профессор к Пилипенке, – вы какой-то, кажется, начальник, за вами приезжает черная машина...

– Приезжала, – поправил Максимыч.

– Погоди, – строго остановил его Пилипенко. – Ну, так? Что вы хотели сказать?

– Я спрашиваю вас: почему у нас существует спекуляция?

– А почему у нас, – сразу без подготовки заговорил Пилипенко, – существуют

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru университеты? Почему у нас существуют метро, театры, детсады, бесплатное обучение, бесплатное медицинское обслуживание?..

– Он про спекулянтов спрашивает! – удивился Максимыч. – Ты что?

– А я спрашиваю про университеты. Почему – одно мы видим, так сказать, крупным планом, а все другое... всего другого – как бы даже и нету.

– Да кто же говорит, что нету! Есть.. Все есть. Но мне нужна норковая шубка. Дайте мне в долг полторы тысячи, я через месяц верну – у меня книга выходит.

– Если бы у меня даже были такие деньги, я бы их вам не дал, – жестоко сказал Пилипенко.

– Почему? – удивился профессор.

– Ваша жена прекрасно одета, я видел. Какого ей черта еще нужно?

– Она хочет норковую шубку...

– А больше она ничего не хочет? – взорвался Максимыч. – Дрын хороший она не хочет? По этой... по...

– погоди, – остановил Пилипенко «сантехника». Пилипенко успокоился и даже отрезвел. – Профессор, что вы сказали: «Любую рукопись отдам за норковую шубу»?

– Любую! – вскричал пьяненький профессор в величайшем горе. – Самую древнюю рукопись!.. «Слово о полку Игореве», если бы имел, отдал бы, только бы не эта истерика, не этот визг. Все бы отдал! Только – наличными: завтра, до одиннадцати часов. Полбиблиотеки отдам – у меня уникальная библиотека. Хотите?

– Профессор, – с укоризной сказал Пилипенко.

– Душу запродам черту!.. – У профессора у самого, кажется, начиналась истерика. – Только бы не этот визг. О господи!..

– Стоп! – сказал Максимыч. – Вы тут, конечно, все умные, а я – дурак, я не учился двадцать семь лет в...

– Кто тебе говорит, что ты..

– Ти-ха! – рявкнул добрый Максимыч. – Я лапоть...

– Я сам лапоть! – воскликнул профессор.

– Что вы, сдурели, что ли? – спросил Пилипенко. – В каком смысле – лапоть? В смысле происхождения, что ли? Тогда я тоже лапоть.

– Ти-ха! – вовсю разошелся Максимыч. – Вы – хромовые сапоги, а я – лапоть. Но я умею останавливать истерики. Я специалист по истерикам...

– Иди останови ее! – взмолился профессор. – Как ты это сделаешь? Она слышать ничего...

– Остановлю за две минуты.

– Как? – спросил и Пилипенко.

– Если бы ее кто-нибудь бы вразумил, – простонал профессор. – О-о, если бы кто-нибудь...

– Напиши мне некоторые культурные слова, – сказал Максимыч профессору, – я с их начну, чтобы она сразу дверь не закрыла. Как ее зовут? Надежда... как-то...

– Надежда Сергеевна.

– Семеныч, пиши на листе крупными буквами, – велел Максимыч Пилипенке. – А ты говори.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Надежда Сергеевна, – стал диктовать профессор, а Пилипенко вырвал из блокнота лист и начал писать. – Надежда Сергеевна, – опять взмолился профессор, – заклинаю тебя небом...

– Ну, ерунда какая-то, – перестал писать Пилипенко. – При чем тут небо?

– Пиши, пиши, – сказал Максимыч. – Чем глупей, тем лучше.

– Хорошо, я буду проще, – согласился профессор. – А то действительно... демонизм какой-то. Надежда Сергеевна, ну неужели какая-то норковая шуба...

– Вшивая норковая шуба, – подсказал Максимыч.

Пилипенко только рукой на него махнул – чтоб помолчал.

– Неужели какая-то... норковая шуба, – продолжал профессор, – способна заменить человеку...

– Я предлагаю так, – перебил Пилипенко. – Надежда Сергеевна! Мы пока не можем всех одеть в норковые шубы, но неужели вы не видите других достижений? Неужели вы...

– Плевать она хотела на всех! – раздраженно сказал профессор. – Ей, ей нужна норковая шуба. Что ей все? Всем она не нужна... Мне она не нужна.

– И мне не нужна – у меня вон тулуп есть, – сказал Максимыч.

Пилипенко посмотрел на них.

– Вы что, намекаете, что мне, что ли, она нужна? Мне она тоже не нужна.

С грехом пополам составили они «бумагу», и Максимыч пошел с ней к Надежде Сергеевне. Пошел... и не вернулся.

...В суде Максимыч досказал эту историю так:

– Мы составили бумагу... Там были хорошие слова. И я пошел... Я честно прочитал ей через дверь, что там было написано...

– Она не открыла вам?

– Нет, я через дверь читал.

– Ну, так?

– Она вызвала милиционера... Я продолжаю говорить – думаю, она слушает, – а милиционер уже сзади стоит.

– Почему же она вызвала милиционера? Вы же говорите, там были хорошие слова.

– Я от себя стал добавлять, – с неохотой пояснил «сантехник» Максимыч. – Мне жалко этого старичка: она его загодя в гроб загонит со своими шубками. Ну, добавил малость от себя...

– Оскорблять стали?

– Ну... как? Ну, говорил, что... Наверно, оскорблял.

– Вот гражданка Сахарова пишет в своем заявлении, что вы пригрозили ей, что если вы увидите ее в норковой шубе, то снимете с нее эту шубу, а ей взамен отдадите свой тулуп. Вы говорили так?

– Да куда мне ее? – попытался было уйти от ответа Максимыч. – Зачем?

– Но вы говорили так или нет?

– Говорил.

полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Это же угроза.

– Ну... как?.. Угроза.

Максимыч получил десять суток.

Привет Сивому

Эта история о том, как Михаил Александрович Егоров, кандидат наук, длинный, сосредоточенный очкарик, чуть не женился.

Была девушка... женщина, которая медленно, ласково называла его – Мишель. Очкарика слегка коробило, что он Мишель, он был русский умный человек, поэтому вся эта... весь этот звякающий чужой набор – «Мишель», «Базиль», «Андж» – все это его смущало, стыдно было, но он решил, что он потом, позже, подправит свою подругу, она станет проще. Пока он терпел и «Мишеля», и многое другое. Ему было хорошо с подругой, легко. Ее звали Катя, но тоже, черт возьми, – Кэт. Мишель познакомился с Кэт у одних малознакомых людей. Что-то такое там отмечалось, день рождения, что ли, была Кэт. Мишель чуть хватил лишнего, осмелел, как-то само собой получилось, что он проводил Кэт домой, вошел с ней вместе, и они весело хихикали и болтали до утра в ее маленькой милой квартирке. Мишеля приятно удивило, что она умная женщина, остроумная, смелая... Хотя опять же – эта нарочно замедленная речь, вялость, чрезмерная томность... Не то что это очень уж глупо, но зачем? Кандидат, грешным делом, подумал, что Кэт хочет ему понравиться, и даже в душе погордился собой. Хочет казаться очень современной, интересной... Дурочка, думал Мишель, шагая утром домой, в этом ли современность! Кандидат нес в груди крепкое чувство уверенности и свободы, редкое и дорогое чувство. Жизнь его обрела вдруг важный новый смысл. «Я постепенно открою ей простую и вечную истину: интересно то, что естественно. Чего бы это ни стоило – открою!» – думал кандидат.

Дальше – больше: Мишель все ходил и ходил к Кэт, изредка начинал говорить, что не вся же литература – «Аэропорт»! Кэт тихо, медленно смеялась, они ласкались... Мишель погружался в некий зыбкий, медленный, беззаботный мир, и его уже меньше тревожило, что все время – музыка и музыка, непрерывно, одинаково; что свет – где-то под ногами, что по-прежнему вялые жесты Кэт, медленные слова... Он их не слушал. Он решил, что, пожалуй, стоит маленько расслабиться. Все потом войдет в свои берега. Есть в природе весна, есть разливы... Мы потом славно все наладим: она неглупа, она поймет, что не вся литература – «Аэропорт», да даже дело не в том: пусть «Аэропорт», но пусть рядом будут реальные измерения вещей: например, прожит день, оглянулся – что-то сделано, такой сокровенный праздник души, не зная хоть иногда праздника – величайшая бедность. Конечно, конечно, думал Мишель, переливая в руках мягкие струи душистых волос Кэт, конечно, она знает в совершенстве искусство нежности, ласки, но мы прибавим к этому нечто трезвое, деловое. Мы обретем!

– Катя, – говорит Мишель, – что, если мы... у меня скоро отпуск, махнем-ка мы в Сибирь. На Алтай. Возьмем рюкзаки – и пешком. Там очень развита народная медицина, я бы хотел подсобрать материал...

– Найн, – нарочно сердила его Кэт чужими словами и смеялась. – Но-о, Мишель.

А смеялась она обворожительно, медленно, тихо, обещающе, зазывно... ну, черт знает как двусмысленно. Мишель бросался ее целовать, а Кэт слабо отбивалась и говорила:

– Ну, хватит, Мишель, хватит...

«А здоровый я мужчина!» – думал про себя Мишель. Ему было хорошо.

Так продолжалось с месяц.

И как-то Мишель пришел к ней опять вечером. Пришел... и оторопел: на диване, где он вчера еще вольно полулежал, весьма тоже вольно полулежал здоровый бугай в немислимой рубашке, сытый, даже какой-то светлый от сытости.

– Здравствуйте, – сказал Мишель. Он постарался сказать спокойно, но сердце у него заболело. А дальше он и вовсе ошалел: Кэт была в халатике, он сразу этого

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru не заметил. Но ведь это при нем она ходила в халатике, почему же еще при ком-то? Что это?

Бугай в цветастой рубашке сел на диване и несколько насмешливо, несколько снисходительно смотрел на длинного опрятного кандидата.

– Знакомьтесь, – спокойно, медленно сказала Кэт, – Серж, я тебе говорила...

Серж кивнул.

Мишель продолжал нелепо стоять: он не знал, как ему быть. Потом он сел.

В комнате было накурено, но не душно, а как-то сладко-приторно: звучала тихая музыка. Кандидат чувствовал себя очень скверно... Он встал и подошел к Сержу.

– Михаил Александрович, – представился он. И протянул руку. «Может, это ее родственник?» – подумал он.

Серж снисходительно подал свою руку. И кивнул снисходительно... Кандидату вовсе стало нехорошо: какой родственник! Родственники не смотрят так насмешливо, так снисходительно, это сидел наглый соперник. Кандидат опять сел.

– Кофе? – как ни в чем не бывало спросила Кэт; она была мила и спокойна. – Коньяк?

– Что вы предпочитаете? – тоже спокойно, медленно спросил бугай в тропической рубашке; как-то умели они так говорить – вяло, медленно у них получалось.

«Как в лучших домах Лондона», – пришло на ум кандидату, он то и дело где-нибудь слышал эту до омерзения глупую фразу, а теперь сам почему-то вспомнил. Он обозлился на себя за это. И за то еще обозлился, что растерялся. И за то еще, что не может никак обрести верный тон в этой ситуации. В таком идиотском положении он еще не бывал.

– Коньяк, пожалуй, – неожиданно тоже медленно сказал кандидат, но в его медленности явно зазвучала ирония; кандидат воспрянул духом: кажется, найден верный тон, единственно возможный. – А вы?

– Да, пожалуй, – медленно сказал бугай, не услышав чужой иронии. Кэт услышала иронию и внимательно посмотрела на Мишеля... непонятно усмехнулась.

– Серж, в холодильнике, – сказала она.

Серж встал и медленно пошел на кухню.

– В чем дело? – спросил кандидат, когда Серж вышел.

Сердце его так забило, так горько и обидно стало, что голос его дрогнул, ирония исчезла.

– Что? – Кэт стряхнула пепел с сигареты «Кент» в пепельницу. – О чем ты?

– Кто это?

– Знакомый...

– Как знакомый?

– Близко.

– Но... Не понимаю! – загорячился кандидат. – Что значит «близко»?

Кэт медленно засмеялась... В эту минуту кандидату захотелось подойти и влить ей пощечину. Вошел Серж с коньяком и еще с какой-то бутылкой.

– Я нашел там виски, – сказал он. – Я, пожалуй, займусь виски. У тебя есть содовая?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Там же, внизу.

Серж поставил бутылки и опять медленно отбыл на кухню.

– В чем дело? – совсем зло спросил кандидат. – Кто это?

– Мой старый знакомый, я же сказала. Друг, если угодно. А что?

– Не понимаю... – Кандидат опять потерялся, и было очень больно. – У нас, кажется, были не те отношения...

– Тебе было плохо со мной?

– Но я считал, что... Не понимаю! Ничего не понимаю!

– Ты считал, что ты единственный и неповторимый?

– Значит, между нами все? – очень глупо спросил кандидат. И сам опять обозлился на свою глупость.

– Почему? – спросила Кэт. – Ты можешь приходить...

– По графику, что ли?

– Не надо хамить, – устало и медленно сказала Кэт.

«Не уйду! – решил кандидат. – Что будет, то и будь. Я вам покажу... Сан-Франциско!»

Вошел Серж с содовой. У него были покатые мощные плечи и обширная грудь.

– Вам коньяк или виски? – спросил он вежливо и снисходительно; он чувствовал себя в этой квартирке вполне хозяином.

«Чего же он-то не обижается, что еще вчера хозяином тут был я? – изумлялся кандидат. – Это ж надо так войти в роль... сверхсовременных людей. Или это уж скотство какое-то».

– Мне бы водки, – сказал кандидат; он с отчаяния пошел на рискованный шаг: решил выпить хорошенько и, может быть, сказать этим «джентльменам» всю правду о них. Но он мало пил, совсем почти не пил, и скоро пьянел. Однако нарочно потребовал водки – в этом был некий вызов, и это его устраивало. – Есть в этом доме водка?

– Есть? – спросил Серж хозяйку. При этом не скрыл снисходительной усмешки.

– Нет, – кратко сказала Кэт.

– Ну тогда виски, – сказал кандидат. – С содовой. – Он тоже пристроился играть «джентльмена», и Кэт, он видел, поняла это, а Серж не понимал пока, думал, что кандидат пыжится за ними и делает это плохо, поэтому он становился все более вежливым с Мишелем, все более ироничным и снисходительным.

– Как съездили? – спросила Кэт Сержа. Развернула цветную бумажку, взяла что-то в рот и стала жевать. И дальше она все время жевала, даже когда говорила. Жевала тоже медленно. – Интересно было?

– Было недурно.

– Кто был?

– Были Алка с Владиком, Радик... Еще двое, ты их не знаешь.

– Радик один был?

– Один. Было недурно. Погода несколько портила пейзаж...

– Почему Радик был один?

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ты же знаешь Радика! Настроение – побыть одному. Вообще недурно было. – Говоря это, Серж налил в три хрустальные рюмки; себе и Кэт умело брызнул из сифона содовой, кандидату пододвинул сифон, чтобы тот сам разбавил себе, как найдет нужным. Кандидат принципиально не стал разбавлять.

Кэт чуть отпила и опять закурила. Серж выпил половину, закурил тоже и откинулся на спинку стула, и даже стул наклонил назад. Кандидат шарахнул всю рюмку и крякнул.

Кэт и Серж продолжали беседовать.

– Что делали? – спросила Кэт.

– Ну, сама знаешь... В пасмурную погоду дулись в преферанс. Кстати, – оживился Серж, – потом знаешь кто приехал? Сивый!

– Да?

– Подкатывает мотор, смотрим – вылезает Сивый. В пылице!.. Выволакивает из багажника ящик шампанского... «Закуска – ваша!» – орет.

– Сивый один был? – спросил кандидат.

На него удивленно посмотрели.

– Сивый был один, – сказал Серж, несколько озадаченный.

– Что это он? – удивился кандидат Мишель. – Сдурел, что ли, один ездит.

– Вы знаете Сивого? – заинтересовался Серж.

– Ну, мерин такой... сероватый, срыжá.

– Не надо хамить, Мишель, – медленно, без всякой, впрочем, тревоги сказала Кэт.

Серж пристально посмотрел на Мишеля.

– Еще, что ли, врежем? – спросил Мишель. И взял бутылку с виски, взял другую рюмку, побольше, набухал полную. – Ну, со знакомством? – подержал рюмку, ожидая, не присоединятся ли к нему... К нему не присоединились, Мишель выпил один. – Кхух!.. – выдохнул он. – Обожаю виски. У вас «Кент»? Позвольте?..

Серж пододвинул ему пачку.

– Не фонтан сигареты, да? – сказал Мишель, неумело закуривая, – он не курил.

– У вас есть что-нибудь лучше? – спросил Серж.

– «Марлборо», дома оставил, – изо всех сил медленно и лениво сказал кандидат. Он тоже откинулся назад со стулом и стал рискованно покачиваться. – На электрооргане. Вышел уже и хватился: где же у меня «Марлборо»-то? Потом вспомнил: играл на электрооргане и там, наверно, оставил. Ну, думаю, у Кэт кто-нибудь будет, я стрельну. У вас есть электроорган? – спросил он Сержа.

– Нет, у меня есть балалайка.

– Фи-и... и вы на ней играете?

– Да, я на ней играю.

– И как на это смотрит Сивый?

– Сивый... Слушает и плачет.

– И Радик плачет? Что же вы такое играете, что они плачут?

– «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан».

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Прекрасная мелодия... Чего же тут плакать? Хотя... понятно: кадры. Вообще, как сейчас обстоят дела с кадрами? По-моему, неплохо? Как Сивый на этот счет думает?

Кэт перестала жевать и с интересом смотрела на Мишеля.

Серж в упор разглядывал сухопарого кандидата... Не знал, как все это понимать.

Кандидат катастрофически пьянел. Злое мстительное чувство ослабло, ему стало весело, просто смешно.

– Ну-с, как Сивый думает о проблеме кадров? – опять спросил он Сержа.

– Сивый? – переспросил Серж. И в голосе его зазвучала угрожающая нотка. – Сивый думает, что за...

– Серж! – сказала Кэт.

– А призы Сивый берет? – продолжал расспрашивать кандидат.

– Берет. Хотите, я вам покажу парочку его призов?

– А когда же он думает? – не унимался кандидат. – Во время рысистых испытаний?

Серж требовательно посмотрел на Кэт: он больше не мог терпеть.

– Мишель, не надо хамить, – нормально, не лениво, сказала Кэт.

– А кто хамит? – удивился Мишель. – Мы просто беседуем. Скажите, пожалуйста, много было народу?

Серж молчал.

– Вы не заметили, Вороной был там или нет? Кстати, как Сивый чувствует себя в самолете? Не ржет от удовольствия? А то я с Вороным летал однажды, он как заржет!..

– Ну, хватит, – решительно сказал Серж. И встал. – Сейчас ты у меня заржешь... – И схватил кандидата короткой сильной рукой и поволок к выходу.

– Серж, не очень там, – сказала Кэт.

Очки у кандидата слетели, хрустнули под ногами... Он хотел оглянуться на Кэт, но не успел – вылетел в коридор. За ним вышел Серж и ударил его в челюсть. Кандидат стукнулся головой об стенку, но – странно – не ощутил боли. Серж еще раз ударил его, на этот раз по зубам... И теперь больно не стало, только стало солоно во рту и тесно.

«Как же ты жесток!.. – с омерзением подумал беспомощный человек, смутно видя перед собой того, кто бил. – Как ты гадок».

– Еще? – спросил Серж.

– Давай, – сказал кандидат.

Еще некоторое время смутно маячила перед ним квадратная туша Сержа; потом она исчезла... Послышались удаляющиеся шаги.

– Привет Сивому! – сказал кандидат.

Шаги остановились... С полминуты, наверно, лестница молчала в пустоте, потом открылась дверь и закрылась; щелкнул замок.

Кандидат достал платок, вытер окровавленный рот и стал ощупью спускаться вниз по лестнице. Странное у него было чувство: и горько было, и гадко, и в то же время он с облегчением думал, что теперь не надо сюда приходить. То, что оставалось там, за спиной, – ласки Кэт, сегодняшнее унижение – это как больница, было опасно, был бред, а теперь – скорей отсюда и не оглядываться.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
«О-о! – подумал о себе кандидат Михаил Александрович. – Ну как, Мишель?»

Жил человек...

Вот как бывает... Вчера видел человека, обедал с ним по соседству, потом курили в курилке... У него большое сердце, ему тоже не надо бы курить, но русский человек как-то странно воспринимает эти советы врачей насчет курева: слушает, соглашается, что – да, не надо бы... И спокойно курит. Мы про это курево много толкуем в курилке – иронизируем.

– Не пей, не кури, – насмешливо говорит какой-нибудь закоренелый язвенник, – а чего же тогда остается?

Тут чуть не хором все:

– По одной доске ходи – на цыпочках!

– Смоли да к стенке станови.

– А если я вот с таких вот лет втянулся в эту гадость?! Куда я теперь без этого?

Наговоримся так, накуримся всласть, и пойдут разговоры в сторону от курева, в жизнь вообще: разные случаи вспоминаются, разные смешные истории... А иногда и не смешные. Один был – сухонький, голубоглазый, все покашливал... А покашливал очень нехорошо: мелко, часто – вроде прокашляется, а в горле все посвистывает, все что-то там мешает ему, и никак он не может вздохнуть глубоко и вольно. Когда он так покашливал, на него с сочувствием поглядывали, но старались, чтобы он не заметил этого сочувствия – он не нуждался в нем. Один раз он отmaterил какого-то в полосатой шелковой пижаме. Тот вылетел с сострадательным поучением:

– Вам бы не надо курить-то...

– А чего мне надо? – спросил тот, глядя серьезно на полосатого.

– Ну, как?... Не знаю, чего надо, но курить...

– Не знаешь, тогда не вякай, – просто сказал больной человек с синими глазами. – А то много вас – с советами... – И он еще сказал полосатому несколько разных слов – выругался, но ругался беззлобно, не грязно – получилось больше, что он всю жизнь свою целиком отmaterил – за все, и за то, что под конец пришлось еще сидеть и вот так «кафыркать» и терпеливо ждать. Но он же и понимал, что жизнь его, судьба, что ли, – это нечто отдельное от него, чем он управлять не может, поэтому злиться тут бессмысленно, и он не злился.

Он рассказал, например:

– Пришел с войны, из госпиталя, тут – никого: мать померла в войну, так, брата убило, отец еще до войны помер. А домишко, какой был, сломали: какую-то площадку надо было оборудовать для обороны... под Москвой здесь... Так? А я на костылях – одна нога по земле волокется. Нанялся лед на реке рубить. Костыли так вот зажму под мышки, ногу эту неподвижную – назад, чтоб по ей топором не тяпнуть, упру костыли в ямки, наклонюсь – и долбаю, пока в глазах не потемнеет. А потом – сижка: костыли под зад, чтоб ко льду не примерзнуть, – и тоже... А жил у сторожихи одной, у старушки. У ей у самой-то... с тамбур жилья, но уж... куда тут деваться. На полу спал, из двери – по полу – холод тянет. Маленько сосну с вечера, а часа в три просыпаюсь от холода, иду забор потихоньку тревожить: доски три оторву – и в камелек. А она, сторожиха-та – так: глянет выйдет и снова к себе. Один раз проснулся – ее нету. Я оделся и покостылял к забору... Только оторвал одну доску, слышу – бах! Аж щепки полетели от забора у меня над головой – дробью саданула...

Рассказывая это, синеглазый все покашливал, и это делало рассказ его жутким. А тут он, как дошел до этого места, когда бабка шарахнула в него сослепу, тут он засмеялся – хотел, чтоб это выглядело забавно, и мы бы тоже посмеялись. Но – засмеялся и закашлялся и так, покашливая и посмеиваясь, досказал:

– Я кричу: Глебовна, ить я это! Ну, услышала голос, узнала... Чуток бы пониже взяла, аккурат бы в голову угодила. Я, говорит, думала: лезет кто. А чего там брать! Эти... заводы демонтировали и свозили, и валили пока в кучу – железо...

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну да, у ней же инструкция!

– Конечно. Стрелять еще умела!..

– Она боевая была старуха, – продолжал синеглазый весело, довольный, что заинтересовал своим рассказом; он вовсе не жаловался. – Много мне порассказывала ночами, пока, бывало, у камелька-то сидим. А уж к весне мне общежитие дали – легче стало.

– Ну, и нога, наверно, стала подживать.

– Ногу я еще года полтора после этого... Главню, болеть не болит, а двигать ей не могу.

– Это многие тогда так, года по три с костылями ходили.

– Да...

Накануне он мне рассказал анекдот. Он любил слушать анекдоты, смеялся потихоньку, когда в курилке рассказывали, но сам, я не слышал, чтоб рассказывал всем. А тут мы ждали очередь к телефону, он меня притиснул в уголок и торопливо, неумело рассказал:

– Ворона достала сыр, так, села на ветку – и хочет уже его... это... клевать. Тут лиса: спой. А ворона ей: а ху-ху не хо-хо? Зажала сыр под крыло и говорит: теперь давай потолкуем. Тогда лиса...

Тут подошла его очередь звонить.

– Вам, – сказали ему.

Он скоренько сунул монетку в узкий ротик телефона-автомата и стал набирать номер. Он еще машинально улыбался, думая, наверно, о вороне, которая натянула нос хитрой лисе.

А потом я звонил... Я говорил, а краем глаза видел синеглазого: он ждал меня, чтобы досказать анекдот. Смотрел на меня и заранее опять улыбался своими невыразимо прекрасными, печальными глазами. Но тут его куда-то позвала сестра. Он ушел.

Этой же ночью он умер.

Я проснулся от торопливых шагов в коридоре, от тихих голосов многих людей... И почему-то сразу кольнуло в сердце: наверно, он. Выглянул из палаты в коридор – точно: стоит в коридоре такой телевизор, возле него люди в белых халатах, смотрят в телевизор, некоторые входят в палату, выходят, опять смотрят в телевизор. А там, в синем, как кусочек неба, квадрате прыгает светлая точка... Прыгает и оставляет за собой тусклый следок, который тут же и гаснет. А точка-светлячок все прыгает, прыгает... То высоко прыгнет, а то чуть вздрагивает, а то опять подскочит и следок за собой вытянет. Прыгала-прыгала эта точка и остановилась. Люди вошли в палату, где лежал... теперь уж труп; телевизор выключили. Человека не стало. Всю ночь я лежал потом с пустой душой, хотел сосредоточиться на одной какой-то главной мысли, хотел – не понять, нет, понять я и раньше пытался, не мог – почувствовать хоть на миг, хоть кратко, хоть как тот следок тусклый, – чуть-чуть бы хоть высветлилась в разуме ли, в душе ли: что же это такое было – жил человек... Этот и вовсе трудно жил. Значит, нужно, что ли, чтобы мы жили? Или как? Допустим, нужно, чтобы мы жили, то тогда зачем не отняли у нас этот проклятый дар – вечно мучительно и бесплодно пытаться понять: «А зачем все?» Вон уж научились видеть, как сердце останавливается... А зачем все, зачем! И никуда с этим не докричишься, никто не услышит. Жить уж, не оглядываться, уходить и уходить вперед, сколько отмерено. Похоже, умирать-то – не страшно.

Выдуманные рассказы

Это не рассказы, это были заготовки к рассказам. Я знал по опыту, что заготовки надо записывать подробнее, а то я сам забывал, о чем хотел написать рассказ. И я стал записывать для каждого будущего рассказа – больше. И когда этих заготовок скопилось много и я их перечитал, я увидел, что больше мне рассказывать нечего,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
все, что хотелось рассказать, я рассказал.

Сказитель

Объявился некий сказитель. Да так врет складно, так складно. Кинулись его записывать, а у него ставка: четыре рубля одна поэтическая штука.

А я погляжу...

Долго человек мыкался по жизни, мучился, гоняло его... И возымел он большое желание устроиться работать куда-нибудь – так, чтоб смотреть на суетню – из окошечка. Устроился... (Где?)

Немка

Как меня выгнали из техникума (петухом пел на уроках, а рта не открывал – долго не могли понять, кто это. Узнали – особенно оскорбились и обозлились). А еще – туфли на высоком каблуке (немкины). Не в чем было ходить, она дала свои туфли.

Как сложили анекдот

Про луну... Один человек добывал какую-то бумажку (справку), измучился, устал, обозлился и «склал» анекдот: «Подлетают к Луне, а там спрашивают: «А у вас справка с места жительства есть?» Рассказал – пожали плечами – слышали много интересней.

Страшный рассказ

Человек 50 лет делал одно и то же: работал на одной фабрике, ел в одной столовой, дома спал на одной и той же кровати (с шишечками), ходил в один сортир... И под конец сошел с ума. Всё.

Диалог с земляком

– Ну: заслуженный?

– Заслуженный.

– РСФСР?

– Ага.

– На народного-то не тянешь? Не хвата? Ну, ничего, ничего – не расстраивайся. А что же говорят? Мол, слабоват?

– Ну, а ты как?

– Да ничего. Мы что!.. Мы люди маленькие. Так не тянешь на народного-то, говорят? Вот собаки! Что им, жалко!

– А ты... на полного-то не тянешь?

– На какого полного?

– Ну, на полного... Чтобы совсем уж. Нет? Ну, ничего, ничего – все будет в порядке.

Волчьим следом

Воспоминания из детства. Как шли из Б. зимой (Щуя, Жарёнок, я) домой. Заблудились на степи, вышли к жилью волчьим следом.

Куплеты

Как я ходил к бабке Шукшихе (года 4 было) и пел матерные частушки – чтоб покормили.

Характер

Человек – полный идиот. Утром встает – ворчит, ложится спать – ворчит. Вечно всем недоволен, хрюкает, ненавидит всех. Говорят – характер.

Ищу женщину

Раз в неделю приезжает человек и рассказывает, как он «завоевывает» Москву. «И тут я говорю себе: «Слушай, Иван...» Маленький, лобастый, начал лысеть... Научился слегка выпячивать нижнюю челюсть. Любил читать стихи.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Капрыза

Молодого человека отлично куда-то устроили. Но так бессовестно потеснили других, так при этом верещали, говорили, что «вот, теперь он – устроен», что молодой человек... взял и ушел с теплого места. Гордился собой. Но кто-то злой и умный заметил: «Было бы все тихо, никуда бы он не ушел. Они же кричали-то!»

Последние километры

Освободился, едет домой. В купе. Суетлив, угодлив. И вдруг говорит нечто ужасное – доверчиво:

– Я его, гада, все одно пришью. Ночью где-нибудь встречу и пырну под бок. И никто не узнает.

Как хоронят живых

Разговорились, много случаев, когда хоронят живых. А начали вспоминать со случая: мужик, требуя денег опохмелиться, разыграл сцену самоубийства. Да так грубо, смешно. Но, оказывается, много и живых хоронят.

Не судите!

Парень, молодой, обозлился на теток и старух, кинулся их обвинять, да так убедительно – по заповеди Христовой. Напугал. Но на короткое время, потом они его принялись чихвостить.

День рождения

Сука оценила 8 щенят. Они расползлись, пошел дождь. А она – на цепи, не может их собрать. Хозяйские мальчик и девочка собрали их, полузамерзших, оттаяли на печке, они ожили. Кутерьма. А сука заходится во дворе – скулит. А куда их потом, никто не знает. Что-то грустно. Утопят ведь. Зачем же они появлялись.

Ямщик, не гони лошадей

Толстая, некрасивая тетя рассказывает, как она красиво, бурно жила в молодости. Нэпманка, что ли. Не поймешь. На вахте сидит ночью. Любит принять стакан водки и тогда-то рассказывает. Врет, наверно.

Разговоры

Случайно был убит молодой паренек Юра Неверов. Отец затосковал, разговаривал с ним в бане (с несуществующим):

– Вот, сынок, помоемся с тобой. Ты ее не жалея, воду-то, не жалея. Ее много.

А потом пришел домой, в избу, сел на кровать, заревел по-бабьи. Сыну-то, в лоб 18 дробинок.

– Я просила его: Слава, сынок, расскажи, как было-то? Не сказал. Весь затрясся, побелел.

– Испужался...

– Но.

– А как было-то?

– На десять шагов... Самый злой заряд летит.

– А может, рядом был.

– Нет, тогда спалил ба...

И тут разговор о смерти.

Потом – о жизни.

– Вот ведь три сестры, а жить... Чего бы не жить-то?

Опять о смерти.

– А сама виновата, сама... Аборты делала. Бог наказывает. (Это женщина про себя.) И в качестве божьего наказания: 1. Сына нечаянно подстрелили. 2. Второй сын,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru старший, с женой разошелся.

– Будет ему что за это?

А конец разговора про уток:

– Вот ведь полевские-то, они где угодно парят. А эту посадила – еще не так посадила, близко к печке посадила... Барыня.

– Утки теперь четыре месяца парят. Гуси тоже четыре месяца.

Болтыши (яйца-болтыши).

– Почем же мясо?

– Принимают по 2, а продают – по 2.20.

– Ну, к нам ходите.

Камни

Появился на робкой окраинке плотный, щербатый парнишка. Окраинку вечно били другие края, более сильные. Этот, щербатый, с выдвинутой челюстью придумал план, как избить других, что били постоянно эту слабую окраинку. Продумал, осуществил. (При помощи камней.) Камни только свистели на всем пути отступающего неприятеля. Парнишка только покрикивал: «Камни!» (Сюжет приснился.)

Парнишка жестокий и талантливый. Куда потом двинет в жизни? Кто будет?

(Вошел мотивом в рассказ «Наказ». – Ред.)

Плохая весна

Стояла весна. То – тепло, то – сорвется ветер, упругий, сырой, плотный – дует и дует, без устали. Ставни грохочут. Дождь хоть мелкий летит и вдавливается ветром в малые щели в окнах, на подоконниках мокро. Ворота раскрыты, чтоб не свалило. Ох, и плохая же весна. Плохая.

В загранку

Мужик (шофер) собирается в загранку. Важен. Спесив. 30 р. советских денег. Водки не пить. С бабами чужими – ни-ни...

Очень важный (дорогу едут в Монголию строить). На вопросы отвечает с паузами. Все думает, думает...

Оптимист

Калека – парень в больнице. В больнице. Студент-заочник. Оптимист, сил нет. Тошно.

Держи!

Некий таксист, злой и крикун, когда ему мало дают на чай, возвращает эти 20 коп. и начинает стыдить за то, что человек вообще дает на чай.

– Знаете... мы не такие дешевки, как вы думаете!

Мало дали. Дали бы 50 коп. – молчал бы.

Поумнел

Мужик бросил пить на время, пошел по блату устраиваться на работу. Выпили в кабинете у того, кто принял... И этот, что устраивался, начал вдруг лепить правду-матку в глаза. Все испортил. (Назв. «Выпрягся».)

Чекин, привет!

Одного разыграли – Чекина. Подсунули документ, а там весь набор: 10 шагов на восток, 5 на юг, 3 на запад... клад! Копал. Нашел записку: «Чекин, привет!» Обиделся. А эти дни, пока тайно ходил копать, жил славно, волновался. Еще раз утвердился: люди – сволочи.

Достоевский – это не пророк

Человек купил, наконец, дубленку, долгожданную, желаннейшую дубленку... И к вечеру

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru стал вдруг (в дублинке), стал таким умным, сведущим, начитанным, информированным, свободомыслящим, резким... И сказал, сплунув: «Достоевский – это не пророк».

Ключи

Взял человек ключ у коридорной – сам открыл номер и вошел. Потом вошла коридорная. И началось состязание:

– Как вы могли взять ключи?

– А что?

– Нет, как?

– А что тут такого?

– Как что такого? Это же – ключи!

– Пошли к черту!

– Как?!

– Во-первых, не ключи, а ключи! Во-вторых, идите к черту!

Выселили.

Великие

Историческая драма в 3-х действиях.

Пугачев.

Екатерина.

Радищев.

Допрос Пугачева.

Руки кровавые

Любит наш мужичок ударить в грудь себя – устал, болит все!.. Изработался. (Сергей Бедарев, «Руки кровавые».) Может даже всплакнуть – устал! Семь шурупов в день. И – за трешку – счетчик бабке.

Пиши!

Случилась с человеком некая любопытнейшая история. Он ее умело стал рассказывать. И посыпалось на него со всех сторон – «Пиши!». И уверовал человек, что мог бы, если б захотел, написать преинтереснейшую повесть, например. И стал человек чванлив и гадок.

Слезы

Жил такой странный человек – плакал от благодарности за всякую мелочь, какую ему сделают. «Шизья» – называли его. Он долго сидел в тюрьме.

Ночка

Вот ночка была! Проводил девку, пошел, чтоб сократить путь, – сторож саданул из берданки. Испугал насмерть. Дальше. У низенькой избы собака из-под ворот в ноги кинулась. Только собака-то – потом, а хуже, что я заглянул в оконце – а там баба мертвая лежит – от аборта самодельного умерла. Потом уж, когда пошел, – собака кинулась. Едва дошел до дому.

Мох (бальки)

Как перед войной, когда мы жили в городе, маму пригласили соседи в лес на болотину – за мхом. Оказывается, городские сушили его и стежили на нем одеяла. И продавали те одеяла на базаре деревенским дуракам. Сверху ваты положат, а внутрь – этого мха. То же делали и с бальками камышовыми – подушки делали. Она сперва-то мягкая, а потом свалается – на ней хоть голову руби.

Завидки

Завидки берут русского человека – меры не знает ни в чем, потому завидует немцу,

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
французу, американцу.

Все было бы хорошо, говорит русский человек, если б я меру знал. Меру не знаю. И зависть та тайная, в мыслях. На словах, вслух, он ругает всех и материт. И анекдоты рассказывает.

Зачем?

У нас в окраинке событие: записная проститутка, явная, недвусмысленная – окрестилась. Всех это взволновало. Но никто не думает так: поверила в бога. А все думают: зачем она? Все гадают. Один мрачноватый мужик стал рассуждать так:

– Когда гасют огонь, то рядом взрыв делают! Так и эта.. Взрыв. Шок.

А у вас?

Встретились два человека и давай друг перед другом исподволь выкладывать, какой он теперь стал уважаемый человек.

– Я говорю своим помощникам..

– Я тоже своим говорю: «Вы у меня смотрите!»

– А мои..

– А я вызвал своих..

Самое интересное, что всё – правда: так и работают!

Баня

Как малой мальчик (сибирячок) водил слепого деда в баню. И тот рассказывал ему про свою жизнь, учил париться.

Воскресенье

По домам ходит здоровенный, положительный, хитрый – ругает алкоголиков последними словами. Ему подают понемногу. Хвалят его, что он такой рассудительный. Он выпивает и идет дальше. И к вечеру хорошо набирается. И уже в последних домах говорит так:

– Хорошо. Ладно. Мы – пьем. Вы нас ругаете. Но почему вы дураков не ругаете? Они больше вреда приносят.

Поверили (икона)

Некой одинокой старушке явилась икона. Мыла старушка пол в прихожей избе, оглянулась в горницу – на столе лежит икона. Эту икону она давала через мою тетку смотреть моей матери. Мать видела.. Целовали ее все.

Кот

Как мы проспали ночью кота Ваську. Положили его в углу, у порога. Очень жалели. А утром проснулись, мама глянула, а он сидит, чертяка, на долбчике. Ах, как мы обрадовались. Ругали его:

«Вот дурак-то! Ты смотри что – посиживает!»

Квартиранты

Как мы с мамой делали скворечник. Волновались, спорили.. А ночью все думаю, как им там будет? Хорошо ли? Потом мама в письме написала: поселились. Писку, гаму!..

Телевизор

Человек повез в район телевизор ремонтировать – ближе никак нельзя было отремонтировать. С большими сложностями и трудностями отремонтировали – устал, изнервничался, изозлился.. Вечером включил – идет какая-то чепуха. Человек обиделся на все на свете и дал по телевизору сапогом. Выключил.

Сон

Навязчивый сон у человека: видит, как его убили на войне. Его и друга. Просыпается и плачет: друга правда убили – жалко.

Дети болеют

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Как понравились некие – мужик и баба – и дело дошло до свидания. Но... у той заболели дети, у этого заболели. Встретились – а уж не до любви. И незаметно и невольно перешли на то, как лечить детей. И волнение прошло. И только вспомнил мужик потом, зачем он шел на свидание: для любви. Какая любовь, господи!

Как берегли дурака (комедия)

Живет себе некто – Дурак. Графоман. Все понимают, что он дурак, графоман, но берегут его и лелеют. Дурак пухнет от глупости, произносит слова, судит обо всем, дает оценки... Всех пугает: скоро умру!

Посмотри, я к тебе пришла... Какая красивая!
Приснилась любимая, которой нет на свете...

Маша сказала, когда ей было года 3. Пришла, я спал, она разбудила и говорит:

– Пап, посмотри, я к тебе пришла, какая красивая.

Девочка (дочь Маша) читает стихотворение:

Поздняя осень,
Грачи улетели,
Лес облажился,
Поля опустели...

Рассказ таксиста

Рассказывал, как однажды вез мужика и избил его монтировкой. За «свинью». Избил и отнял 20 р. Пообедать «свинье» надо.

Спектакль у загса

– Слушай, у тебя есть красивая-красивая девка?

– Ну, есть. А зачем?

– Понимаешь, надо устроить: я выйду из загса после развода с женой, а она (подставная девушка) бросится мне на шею с цветами. А тут подлетят две машины, я договорюсь с ребятами, и мы сядем на глазах у жены и уедем. (Рассказывал милиционер.)

Пустельга

И пристало же глупое словечко – пустельга. Встретил некто молодую, потасканную грузинами девушку, говорил с ней вечер – ни о чем, она умничала, намекала – «возьми меня, если сможешь», а ему – лень, не хочется. И чувство омерзения в груди, и удивление ранней пустотой девушки... И привязалось слово – пустельга.

Все или ничего

Рассказ с таким названием – суть русского национального характера.

А?

Один мужик зазвал другого к себе и, как бы между прочим, похвастался: «Смотри, какую шубу жене купил». Тому (гостю) это не понравилось... Не то что позавидовал, но обозлился.

Поругались.

Жизнь моего крестного, рассказанная им самим в один присест
Короткая и, в сущности, грустная повесть веселого человека.

В гостях хорошо...

Как один собирался в гости... Пыль поднялась в доме. Жена, теща – с ног сбились: делают, чтоб муж, зять – выглядел ПРИЛИЧНО. Зять терпел, терпел – снял шляпу, кинул ее в мусоропровод, скинул галстук, ботинки, костюм и лег на диван. «Пошли вы...» – сказал жене и теще. Они потом тихонько говорили на кухне – дочь жаловалась на мужа: сама видела, какой он. «Да», – горестно вздыхала теща из Одессы. (Теща из Одессы.)

Высокий день

Один высокий мой день:

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

1. Вышел из больницы.

2. Ездил в Союз писателей РСФСР – там мне вручили почетную грамоту. Говорили о России – мне не удалось сказать ни слова.

3. Ездил в Комитет кинематографии отстаивать куски фильма «Печки-лавочки».

4. Договаривался о ремонте новой квартиры.

5. Пришел Иван Васильев, с которым не видался 25 лет (24). Иван был очень рад. Рассказывал, как он ночевал.

Вот он-то и составил Высокий день.

Теперь – судите
(Повесть)

Объяснение следователю причины убийства (от первого лица). Вообще же, рассказ отца дочери – почему он убил, как это случилось.

«Теперь – судите» – последняя фраза повести.

Молодец

Молодец – это я в глазах земляков. Смотрели они картину «У озера» (на второй день Троицы), половина зала спали, даже с храпом. Причем их осторожно будили и неловко оглядывались на меня. После фильма никто ничего не говорил. Потом узнали, что мне за роль в этой картине дали Государственную премию. И стали говорить: «Вот молодец! Смотри-ка... Вот это – не зря поехал в Москву!»

Кукуруза

Рассказ из хрущевских времен. Рожь уж налилась молочком... Добрая. А в колхоз пришла директива: засеять еще столько-то кукурузой (на силосную массу, не до зрелости). А свободной земли нет. Правление принимает решение: скосить рожь. Мужики не идут косить... Руки не поднимаются. Тогда им выдали по двести граммов водки. Пошли косить.

А ехал полковник какой-то (недалеко проходили учения).

– Что вы делаете?! – Полковник был сам из крестьян. – Прекратите.

– Ехай, командуй своими!.. Нам велено, мы и косим.

Полковник пригнал солдат, не дал косить.

Дома

Ехал домой, намечтал и надумал прекрасное о деревне, о людях родных... Приехал, и все стало раздражать. Один такой вечер.

История человека Ивана Четкина

1. Как родился.

2. Как женился.

3. Как умер.

Далекие вечера

Этакий спокойный врун приходил вечерами и подолгу рассказывал, как он прятался от колчаковцев в колодце.

Мужики (учились на трактористов, жили у нас на постое) внимательно слушали. Целый роман, помню, был рассказан. (Мазаев-отец.) Сын тоже был врунишка, мой товарищ.

Донос

Человек пишет донос. Техника доноса: социальная демагогия, зависть, злоба. Бездуховность.

Сыр

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
История – как в детстве ловил сыр в реке с разбитого плота. Ловил, да не поймал – не донырнул. А другие донырнули и потом ели. Но попробовать кусочек не дали – такова жизнь, и обижаться на нее не надо. НЕ ДОНЫРНУЛ.

Приятная беседа

Двое поговорили. Очень много любезничали, говорили комплименты друг другу... Разошлись, и – каждый подумал о другом: «Дурак».

Вы Платона читали?

Полуграмотный восторг перед Платоном. Прочитал... и всех пытается: «Вы Платона читали?»

Бабья тоска

Муж в войну в трудармии. Жена и свекор жили на пасеке. И потихоньку к бабе стал ходить ее муж. Ночью. И заявил ей, что сбежал из трудармии. На ночь приходит, спит с ней, а на день куда-то уходит. А раз ночью взошла луна, а она склонилась над мужем-то, а у него – туда-сюда, туда-сюда – крутится. Вертится вот так вот. Она:

– Николай, да это ты?

– Я.

– А чего у тебя лицо крутится?

Кэ-эк он отбросит одеяло-то – а у него конские... Она как заорет!.. Его как ветром сдуло.

Письмо. Это тоже – «бабья тоска»

Стал тоже ночами ходить муж... И тоже говорит – сбежал с фронта. И вот ночами тоже милуются с ним. А свекор со свекровкой слышат, что она там чего-то ночами разговаривает сама с собой... И догадались. И насыпали перед горницей льняного семени. И вот пришел ее Василий, а пройти к ней не может. Говорит:

– Эти старые хрычи семя льняного насыпали. На, – говорит, – тебе письмо.

Она письмо-то взяла да под подушку. Утром сунулась туда, а там – лопух.

В райцентре построили ресторан

И пришли к великолепному старику Ермолаеву – просить его быть гардеробщиком. Очень представительный старик. И ему дали форму. И старик был кончен – стал несусветно важничать, стал гордый, вежливый и нехороший. Погиб человек.

Би-би-си

Сельский мастер радиоузла врубил на село на 5 минут станцию Би-би-си. Пока, говорит, я ее свихнул в сторону, время прошло. Лишили 13-й зарплаты, дали выговор... фронтовик, 4 класса образования, носит сталинский френч.

Состязание

Двое инстинктивно принялись состязаться в благородстве. Но когда один становился подчеркнута вежлив, другой начинал хамить, тогда и другой повышал тон. А тогда тот, кто только что хамил, переходил в угодливость и т. д. – после разошлись.

Ехали двое

Ехали двое (трое?), и один другого избил. За что же? Вот и штука – за что? За бессовестность, за фарисейство, мелкость, пакостность... Но это все – неуловимо, недоказуемо, получилось – ни за что. Тюрьма.

Как один мужик хотел перехитрить плотников

Договорились срубить дом. Пошли в сельсовет – заключать договор и там с обоюдного согласия (чтобы меньше платить процент от сделки) занизили сумму. А мужик потом заплатил плотникам только оговоренную в сельсовете сумму. Плотники сказали: «Ну, смотри!» Мужик догнал их и отдал все.

Утечка ядохимикатов

Некто подпил и, чтоб показаться сильно умным и начитанным, навалился на тему о том, как однажды на Белом озере погубили рыбу.

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Побег
Особо опасный сбежал из мест заключения. Вооружен: отнял у конвойного. Его догнали, он отстреливался, пока были патроны... Потом его ведет по тайге конвоир. Один. И – об этом повесть (сценарий, рассказ). Что будет.

Разговоры за стеной

В больнице. Мать сидит (и ночует) с больным сыном. Сын плох, помрет. Они тихо говорят.

Корсак поет

Витька Александров... пел в детстве и юности, раздражал тем деревню. А певцом не стал – спился, кажется... Но вот эти песни вечерами!.. На заре – прекрасно. А ребятня деревенская стояла и решала: «Пойти всыпать, что ли? Чего он разорался».

Разговор с интеллигентом

Разговор слесаря с интеллигентом в его квартире (во время работы слесаря).

Разговор в высшей степени поганый, так как слесарь явно хамит.

– В сантехнике – надо делать все сразу хорошо, потому что потом не исправишь, – говорит интеллигент.

– Вы лучше детей своих делайте сразу хорошо, – отвечает слесарь.

И т. п.

Письмо матери

Некто, сорокалетний, написал откровенное письмо матери в деревню – как живется ему всю жизнь – тяжело, больно, страшно.

Опять жил человек...

Жил человек в городе, помер, и схоронить некому. Рядом живет (в коммунальной квартире) моложе и здоровей, но задумался: а кто меня схоронит? Затревожился.

«Формула удачи»

$$2 = 8/4$$

$$8 = 16/2$$

Где:

8 – желаемое нами. Желаем мы всегда много – больше того, что получаем в результате.

4 – количество энергии, которую мы тратим для получения желаемого, и ровно в два раза меньше, чем нужно для получения полного объема желаемого, и в два раза больше, чем результат.

2 – результат, то что мы получаем, желая и действуя. Очень незначительный.

Отсюда:

Чем больше мы желаем, тем лучше, тем больше результат.

Чем меньше тратим энергии для получения желаемого, тем больше результат.

Примечания

1 В прошлом году.

2 Скатать шлык – отодрать за волосы, взбить их на голове шапкой. (Авт.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

Полное собрание рассказов в одном томе. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!